ОРГАНИЗАТОРЫ:

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

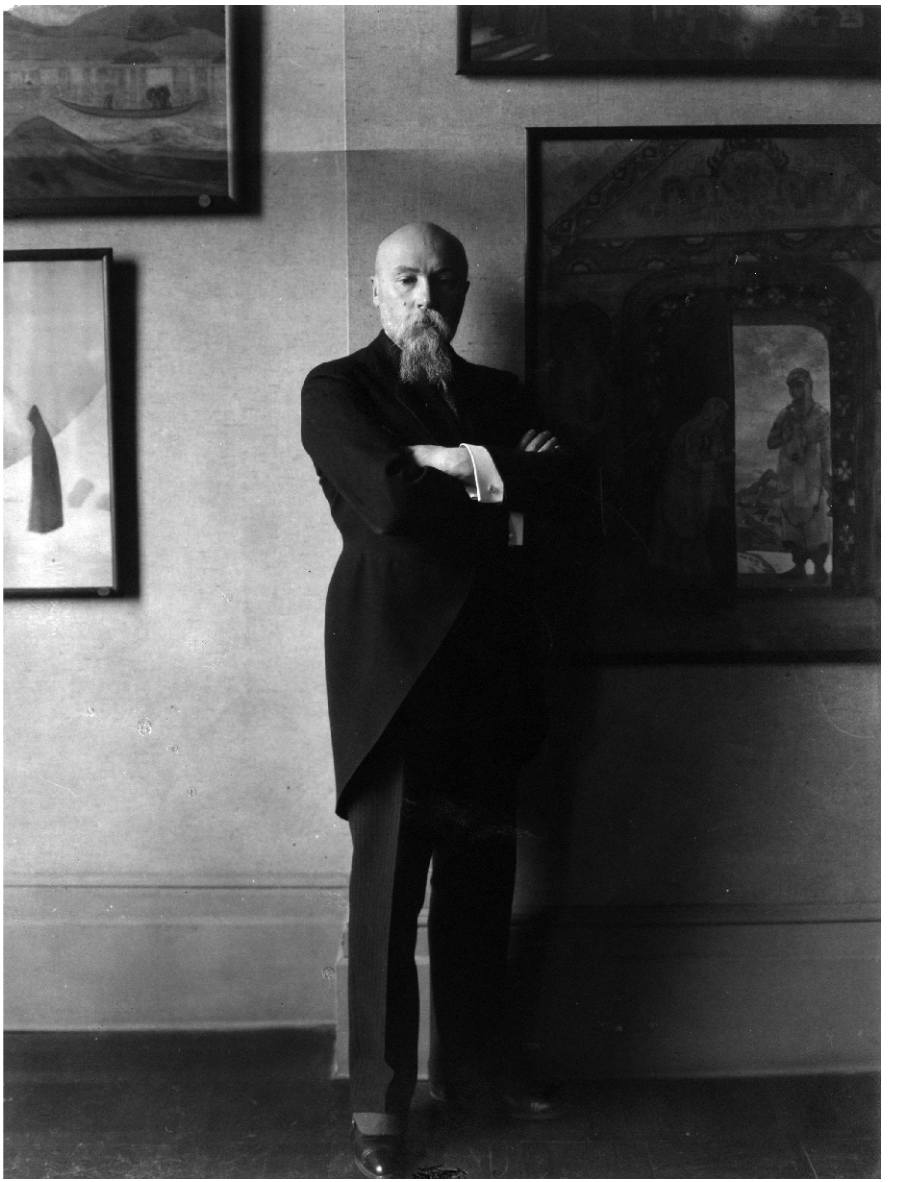
ПОДДЕРЖКА И УЧАСТИЕ:

ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

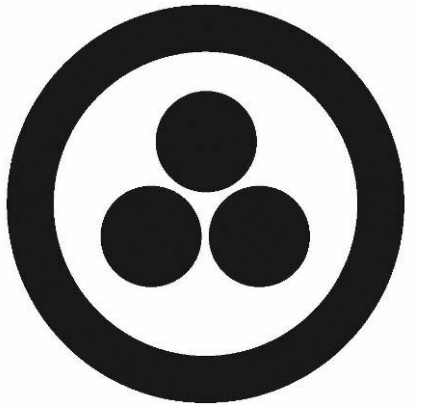
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ Н. К. РЕРИХА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ФОНД «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»



Николай Константинович Рерих у картины «Вестник» (1924),
посвящённой Елене Петровне Блаватской
Нью-Йорк. Музей Рериха. Октябрь-декабрь 1924
© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

ОДИННАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»



РЕРИХИ,
ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ,
СОТРУДНИКИ,
ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Санкт-Петербург
2013

ББК 70

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения культуры
«Музей-институт семьи Рерихов»

Редакционная коллегия:
А. А. Бондаренко, Ю. Ю. Будникова,
Д. В. Делюкин, А. К. Мазаева-Каненга, В. Л. Мельников

Ответственные редакторы
А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников

Редакционная коллегия благодарит Даниила Энтина и Гвидо Трепшу (Нью-Йорк)
за помощь в подготовке издания и неизменную поддержку

ББК 70 **Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том XI: Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи.** – СПб.: Издание СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2013. – 634 с.

ISBN 978-5-905585-06-7

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1
Тел./факс: +78123230885; http://www.roerich.spb.ru/;
http://www.roerich-heritage.org/;
e-mail: ab@roerich.spb.ru; vm@roerich.spb.ru.

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2013
© Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

XI Международная научно-практическая конференции «Рериховское наследие» была приурочена к 137-й годовщине со дня рождения Николая Константиновича Рериха. Главная тема – **«Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи».** Конференция проходила **8–10 октября 2011 г.** в Санкт-Петербургском государственном университете (далее – *СПбГУ*), Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов (далее – *СПбГМИСР*) и Государственном Эрмитаже (далее – *ГЭ*). Конференция была посвящена 180–летию со дня рождения Елены Петровны Блаватской, 100–летию со дня рождения Павла Фёдоровича Беликова и 100–летию со дня рождения Натальи Дмитриевны Спириной. Она проходила в год юбилея Музея-института семьи Рерихов – 11 мая 2011 г. музей отметил своё десятилетие.

Конференция «Рериховское наследие» проводится каждый год в начале октября. По традиции на неё собираются исследователи жизни и творчества семьи Рерихов, представители музеев, архивов, библиотек, научных и общественных организаций не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья.

На конференции были затронуты следующие темы: «Биографический метод в изучении деятельности семьи Рерихов, их предшественников, сотрудников, последователей»; «Жизнь и творческий путь Елены Петровны Блаватской»; «Прозрения Блаватской и Рерихов в свете современной науки»; «Наследие крупнейшего рериховеда XX в. Павла Фёдоровича Беликова»; «Основательница Сибирского Рериховского общества Наталия Дмитриевна Спирина»; «Проблемы и перспективы сохранения и актуализации рериховского наследия».

Данное издание структурировано по разделам в соответствии с этими направлениями работы конференции.

Организаторами конференции выступили Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный Эрмитаж и Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов. Конференция проводилась при поддержке и участии Комитета по культуре Санкт-Петербурга, Всемирного клуба петербуржцев, Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие» (далее – *МБФРН*), Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха (далее – *СПбХУР*), Санкт-Петербургского культурологического общества. На конференции выступили 82 человека, представивших более 100 докладов, сообщений и приветствий – представители 10 стран. В конференции приняли участие учёные и общественные деятели Беларуси, Болгарии, Израиля, Казахстана, Монголии, России, США, Украины, Финляндии, Эстонии. Выступили докладчики из Абакана, Алматы, Барнаула, Бостона, Всеволожска, Димитровграда, Днепропетровска, Изборска, Кобрино, Львова, Могилёва, Москвы, Николаева, Новосибирска, Нью-Йорка, Перми, Санкт-Петербурга, Софии, Таллинна, Тюмени, Усть-Ордынского, Чернигова, Читы, Эспоо и других мест.

* * *

Восьмого октября 2011 г. конференция открылась Пленарным заседанием, прошедшим в Петровском зале Главного здания СПбГУ (Двенадцать Петровских коллегий). С приветственными словами выступили организаторы и участники конференции, видные научные и общественные деятели.

Девятого октября 2011 г. в Музее-институте семьи Рерихов состоялось Торжественное собрание, посвящённое 137-й годовщине со дня рождения Н. К. Рериха. После перерыва конференция возобновила свою работу научным семинаром «О Мире Невидимом. Прозрения Блаватской и Рерихов в свете современной науки».

День продолжился культурной программой, в ходе которой для участников и гостей была организована экскурсия по музею-институту и выставке, приуроченной к работе конференции: «Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи. Фотопортреты из собрания Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге и частных собраний». В заключение состоялась автобусная экскурсия по Рериховским местам Санкт-Петербурга с посещением памятника Н. К. Рериху на Васильевском острове.

Завершилась работа конференции 10 октября 2011 г. Пленарным заседанием в Государственном Эрмитаже. Там же, в рамках работы конференции, прошла Торжественная церемония награждения лауреатов Международной премии имени Николая Рериха за 2011-й год.

* * *

Открывая конференцию, с приветственным словом к участникам обратился кандидат физико-математических наук, директор СПбГМИСР, президент МБФРН **Алексей Анатольевич Бондаренко**, который, в частности, сказал: «Уже одиннадцатый раз мы собираемся в гостеприимных стенах Санкт-Петербургского государственного университета с тем, чтоб говорить о наследии Николая Константиновича Рериха и его семьи. О том великом наследии, которое является предметом исследования не только большого количества учёных, предметом изучения и хранения большого количества музеев, но также является важной составляющей мировой культуры, без которой уже очень сложно представить интеллектуальную среду и России, и мира в целом». А. А. Бондаренко передал присутствующим поздравления по случаю открытия конференции и наилучшие пожелания от сопредседателей оргкомитета конференции: проректора по научной работе СПбГУ, профессора Николая Генриховича Скворцова, председателя комитета по культуре Санкт-Петербурга Антона Николаевича Губанкова и директора Государственного Эрмитажа, профессора Михаила Борисовича Пиотровского.

Затем А. А. Бондаренко передал слово для приветствия заведующему петербургским Музеем истории школы К. И. Мая **Никите Владимировичу Благово**:

«Дорогие друзья, дорогие почитатели творчества и таланта великого Николая Константиновича, я всех вас поздравляю с этим праздником, с этим замечательным днём, которого, наверное, мы ждём каждый год. Мы знаем, что будет

этот праздник девятого числа в день рождения Рериха. Мы соберёмся, чтоб стать свидетелями новых докладов, новых открытий, новых взглядов. Мы встретимся с новыми исследователями, у нас возникнут новые знакомства, и изучение творчества Николая Константиновича сделает следующий шаг и вглубь, и вширь, если можно так сказать.

И в этот день я всегда думаю, что всем нам очень повезло, в особенности повезло нашему городу, потому что произошло, если хотите, чудо. Два молодых человека, не знавших друг друга в относительно недавнее время, решили получить высшее образование в нашем замечательном Университете, в стенах которого мы сейчас находимся. И когда они стали студентами и поселились в одной квартире, им повезло тоже – они встретились с чудесным человеком, светлейшая память о котором в сердцах каждого из нас – Людмилой Степановной Митусовой. И вот представьте себе, они могли бы просто жить: обедать, ужинать, утром бежать на лекции – и так бы прошли эти пять лет. И потом бы они обзавелись семьями и поселились в другой квартире. Но нет, душа Людмилы Степановны была настолько богата, и настолько восприимчивы были души Алексея Анатольевича Бондаренко и Владимира Леонидовича Мельникова, что все эти благородные зёрна, которые были посеяны в этих душах, дали замечательные плоды.

Они поняли, убедились, что в таком городе, в Санкт-Петербурге, где развивалась, начиная со Школы Мая через Университет и Академию художеств, всё то богатство, которым стал обладать Николай Константинович, а потом его дети, не может не быть музея, посвящённого его творчеству! И кто-то из вас хорошо знает, кто-то меньше, кто-то больше, сколько энергии, сколько труда, сколько волнения, сколько тревог, сколько душевных и физических сил было отдано на то, чтобы появился этот музей – этот очаг Культуры, который всё ярче и ярче сверкает на музейном небосклоне, на культурном фоне нашего города, который вокруг себя объединил коллектив молодых талантливых исследователей, которые всё глубже и глубже постигают творчество Рерихов, вовлекая в это процесс огромное число людей. Чего стоит одна выставка «Рериховский век», которая достойно была отмечена и стала мировым явлением в культуре!

Вот это чудо, происшедшее в нашем городе, благодаря вот этим двум людям, которые меня немного одёргивают и говорят: "не надо этого". Но почему "не надо"? Надо! Всем нам повезло, и благодаря этому мы каждый год собираемся на этот праздничный день, когда проходит эта замечательная конференция.

И я желаю всем нам прекрасных докладов на нынешней конференции. И пусть в душе каждого появляются замыслы о следующих докладах, о следующих конференциях, и пусть этот светлый путь науки и искусства будет бесконечен! И вечна слава, вечен этот путь исследований, и всего вам Светлого, и прекрасных трёх дней на этой конференции!».

Кандидат культурологии, заместитель директора СПбГМИСР по научной работе, председатель правления МБФРН **Владимир Леонидович Мельников** зачитал приветственное слово профессора Монгольского национального университета **Маналжав Лувсанванданы**:

«Глубокоуважаемые сопредседатели оргкомитета конференции!

Дорогие коллеги, участники XI Международной научно-практической конференции "Рериховское наследие"!

Позвольте мне сердечно приветствовать и поздравить вас, всех участников конференции с большим событием в жизни наших двух дружественных народов. В Монголии с большим уважением и дружественной симпатией относятся к семье Рерихов. Монгольские искусствоведы и культурологи, историки и филологи знают и высоко ценят творчество и научные труды отца, матери и сыновей Рерихов, внёсших большой вклад в международное монголоведение. Творческое наследие семьи Рерихов является тем духовным мостом, который неразрывно связывает культуры российского и монгольского народов.

Настоящая конференция замечательна тем, что она проводится в самом Петербурге, где бережно хранят монгольское культурное наследие. Санкт-Петербург всегда был центром российского монголоведения. Многие монгольские учёные и исследователи имели возможность работать в библиотеках и книгохранилищах петербургских научных учреждений и музеев.

XI Международная научно-практическая конференция "Рериховское наследие" поражает широтой диапазона рассматриваемых тем – от искусствоведения и теософии до квантовой физики. Это неудивительно, потому что рериховские исследования и труды носили комплексный характер, их проблематика находилась на пересечении многих научных дисциплин. Рерихи искали общую формулу для выражения красоты и духовности народов.

Изучение наследия Юрия Николаевича Рериха – великого учёного-монголиста в последние годы приковывает к себе всё больше внимания и интереса у монголоведов разных стран. Наследие Рерихов выдержало испытания временем. Их научная и гуманистическая ценность всё больше возрастает, и я уверена в том, что жизнедеятельность Николая Константиновича и Юрия Николаевича Рерихов всегда будет занимать видное место в истории мирового монголоведения.

Желаю организаторам и участникам XI Международной конференции "Рериховское наследие" успешной работы!

Член Монгольской Рериховской ассоциации, профессор ***Маналжав Лувсанванданы****.*

Улан-Батор, Монголия. 8 октября 2011».

После этого прозвучало приветственное слово вице-президента МБФРН **Владислава Валерьевича Монастырского**, которое он подготовил совместно с директором Института Мысли имени Юрия Рериха **Еленой Алексеевной Тарасенко**:

«Nam sine doctrinā vita est quasi mortis imāgo[*]*.*

Уважаемые коллеги, друзья!

Мы собрались сегодня, чтобы вспомнить о великих деятелях русской и мировой духовной культуры – Елене Ивановне и Николае Константиновиче Рерихах, об их

[*] Без науки жизнь есть как бы подобие смерти (*лат.*).

предшественниках, учениках и последователях, и выразить свою благодарность всем тем, кто потрудился во благо эволюции. Свое слово мы хотим посвятить вестнику Новой Эпохи – Елене Петровне Блаватской, 180-летие со дня рождения которой мы отмечаем в этом году.

Как известно, одной из целей основанного в 1875 г. Е. П. Блаватской Теософского общества было исследование необъяснённых законов природы и психических сил, скрытых в человеке. Можно с уверенностью утверждать, что именно многочисленные труды самой Е. П. Блаватской, в особенности "Разоблаченная Изида" и "Тайная Доктрина", дали мощный импульс новой науке и полностью изменили представление человека и о себе, и об окружающем мире. Елена Петровна разрушила предрассудки, которые связывали мышление учёных, и в итоге возникло множество новых наук, преобразивших нашу жизнь.

Так, на рабочем столе Альберта Эйнштейна, основоположника релятивистской теории и квантовой физики, постоянно лежала "Тайная Доктрина". Его современники сообщали, что учёный не преступал к работе, прежде чем в течение часа или полутора не погрузится в чтение «Тайной Доктрины», и также не заканчивал рабочий день, не почитав её перед уходом с рабочего места. Мы полагаем также, что великий физик, состоявший почётным советником Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, черпал свои идеи и из Учения Живой Этики. Об этом свидетельствует его двадцатилетняя работа по созданию теории единого поля, частичным проявлением которого являются электромагнитное и гравитационное поля. О том, что гравитации как отдельного явления в действительности не существует, сказано именно в книгах Живой Этики.

К сожалению, люди верят не в Истину, а в то, во что им хочется верить, потому так тернист путь правды. Из современников Елены Петровны мало кто смог осознать её великую миссию – передать человечеству высочайшие знания, которые она получила в одном из Ашрамов великого Гималайского Братства. Против неё ополчились и материалисты, и приверженцы ортодоксальных религий, и поклонники новомодного в то время спиритизма. Путь её воистину был сияющим путём героя и мученика. В самое тяжкое время Чёрного века Елена Петровна нанесла мощный удар по врагам эволюции. Она принесла народам мира свет Истины.

В предисловии к русскому переводу "Тайной Доктрины", выполненному Еленой Ивановной Рерих, сказано, что каждый принёсший частицу Знания, является благодетелем человечества. Мы должны помнить и почитать тех, кто жизнью своей запечатлел Знание. Елена Ивановна была убеждена, что в будущем Россия достойно почтит память своей великой дочери, и на Родине, в России, обязательно будет Институт имени Елены Петровны Блаватской. Мы можем начать этот процесс и инициировать установку памятника Елене Петровне Блаватской в Петербурге, столице Империи, чьей гордостью она была, есть и будет на вечные времена!

В заключении мы хотим напомнить высказывание Николая Константиновича Рериха, записанное 18 августа 1937 г. в письме Елене Фёдоровне Писаревой: "Чем больше справедливых и добрых слов будет сказано о великой русской женщине, тем более это сейчас необходимо. Вы знаете, как все мы почитаем Елену Петровну Бла-

ватскую". Поэтому мы надеемся, что наша идея будет поддержана, во-первых, Институтом Мысли имени Юрия Рериха во Львове, и, во-вторых, нашим Музеем-институтом семьи Рерихов».

На эту же тему в адрес конференции поступило обращение от президента Международной организации «Звёзды Гор» **Марии Дмитриевны Скачковой**, в котором она, в частности, сообщала:

«В апреле 2011 г. мы провели Круглый стол "Нет религии выше Истины", посвящённый 180-летию со дня рождения Е. П. Блаватской, и приняли решение обратиться к государственным и общественным организациям, а также к руководителям России и Украины с предложением увековечить подвиг нашей великой соотечественницы, установить ей памятник, а в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровск), где она родилась, создать полноценный, действующий мемориальный музей. Нашу инициативу поддержал международный форум "Е. П. Блаватская и современность" (Днепропетровск, 23–26 июня 2011 г.), организованный несколькими теософскими обществами. Участники форума (в их числе были наши представители) приняли Обращение к президентам России и Украины».

Далее М. Д. Скачкова предложила участникам конференции «Рериховское наследие» также поддержать эти инициативы:

«Объединёнными силами можно многого достичь, и как было бы прекрасно, если бы к 200-летию Елены Петровны в России и в других странах появились улицы и учреждения её имени, а также были установлены ей памятники и работали музеи-институты по изучению её наследия!».

Заседания 8 октября 2011 г. вели кандидат физико-математических наук А. А. Бондаренко, доктор экономических наук К. И. Новосельский, доктор культурологии Л. С. Марсадолов, кандидат культурологии В. Л. Мельников, заместитель директора СПбГМИСР по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе Ю. Ю. Будникова и член Союза журналистов России А. Н. Анненко.

* * *

Девятого октября 2011 г., на Торжественном собрании, посвящённом 137-й годовщине со дня рождения Н. К. Рериха, с приветственными речами выступали учёные и общественные деятели из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России.

Доктор искусствоведения, заместитель генерального директора Государственного музея Востока по научной работе **Тигран Константинович Мкртычев** в своём приветственном слове говорил:

«Уважаемые участники конференции, дорогие друзья! Для меня это большая честь – выступать перед вами! Я должен сказать несколько слов о той фигуре, которая нас всех собрала. Николай Константинович Рерих – человек масштаба значительно большего, чем Двадцатый век. Человек, сделавший для русской и мировой культуры очень много.

Мне хотелось бы сказать несколько слов и о Музее-институте семьи Рерихов. Люди, которые нас здесь собрали, продолжают культуртрегерскую традицию, которую всегда поддерживал Николай Константинович. Культура без поддержки энтузиастов, людей, действующих действительно искренне и с пониманием того, что они делают, будет умирать. Она будет находиться в руках тех, кто не представляет себе, насколько это хрупкий и очень нужный организм.

В этой аудитории, я думаю, нет необходимости подробно рассказывать о биографии Николая Константиновича. Тем не менее, напомню, что он был человеком, который в начале Двадцатого века обратился к древнерусской архитектуре и одним из первых показал, что она значит для понимания истории России. Затем наступила первая мировая война, и он понял, что человечество подошло к саморазрушению. В это время он заговорил о законодательных мерах, которые в конечном итоге оформились в инициативу всемирно известного Пакта Рериха. Сейчас этот международный договор учитывается Гаагской Конвенцией 1954 г., посвящённой защите культурных ценностей во время военных действий.

Не хочется говорить громких слов, но в наше время культура часто находится на задворках. Я помню очень хорошо, когда много лет назад меня спрашивали журналисты: "Скажите, а какое ваше самое большое желание, если бы у вас была золотая рыбка?" – Вы знаете, что я ответил? – "Есть бюджетная статья расходов на культуру, я хочу, чтобы она была защищена". Люди на телевидении спросили: "Как?! Не попросили бы ни дом, ни дачу, ничего?" – "Да, только знать, что те деньги, которые государство выделяет на культуру, достались бы культуре. Чтобы они дошли до тех, кто хочет, чтобы люди брали книги в библиотеках, ходили по музеям, слушали хорошую музыку в концертных залах, посещали театральные постановки".

И это то, чем занимался Николай Константинович, тот импульс, который дала его деятельность, и то, чем в конечном итоге занимается Музей-институт семьи Рерихов. Он возрождает память о тех людях, которые действительно радели за отечественную культуру и занимались культурой мировой, – и это здорово!

Я хочу выразить благодарность организаторам за их упорство и целеустремленность. Я хочу поздравить нас всех с тем, что Отечество у нас действительно богато выдающимися людьми. И один из тех, кем мы можем по праву гордиться, это Николай Константинович Рерих. Сегодняшняя конференция посвящена ему и тем людям, которые его окружали, вместе с ним работали, продолжали его Традицию. И среди продолжателей этой Традиции – наши сегодняшние организаторы. Большое им спасибо!».

Доктор филологических наук, член Российского Философского общества и член Петровской Академии наук и искусств **Лидия Николаевна Засорина** в своей приветственной речи затронула ряд наблюдений на тему «Век Рериха в биокалендаре Третьего тысячелетия»:

«Дорогие друзья, лично я отмечаю сегодняшний день Девятого октября как особую дату в моей биографии. Новый "век Рериха" начался в истории мировой культуры именно в 2011-м году. И у вас Одиннадцатая международная конференция!

2011-й год знаменует начало второго десятилетия XXI века. В биокалендарь этого переходного периода вписан юбилей 50-летия космонавтики. Начало Космической эры отмечено историческим событием – 12 апреля 1961 г. Юрий Гагарин совершил первый полёт человека в космос. ООН провозгласила празднование этой даты как Международный день полёта человека в космос.

В рериховедении возникает проблема уточнения хронологических границ "Века Рериха". Какой метод исследования принять – биографический, социально-исторический, культурологический? В публикациях нашего "Университета Развития" принята методология ***космоведения*** *– Рериховское наследие представлено в разделе "Светоносцы космического видения".*

Информационное пространство современной эпохи с его глобализацией затопляет, уничтожает целостность культуры, расчленяя единое, дарованное Высшим Разумом начало жизнеустроения земного человечества. Чело вече сворачивается в чело век, и далее по спирали вниз – "недочеловек", "не-человек".

В условиях глобального кризиса цивилизации Живая Этика обретает функцию охранения жизни в её полноте и красоте. Её правомерно признать "защищающей технологией" образованиеведения на рубеже веков.

Всемирно признанный символ Новой Эпохи – Знамя Мира Николая Рериха – выдающееся творение художественно-графического гения. В нём запечатлено Учение о высоких принципах жизни. "Эволюция Новой Эры покоится на краеугольных камнях знания и красоты", – говорил Николай Рерих. Голос в защиту культуры прозвучал в тридцатые годы XX в., он звучит и в период научно-технической революции – революции технотроники, и перед угрозой третьей мировой войны. Также и в канун 2012-го года Николая Рериха вспоминают и называют ***голосом Эпохи****.*

Знамя Мира – символ единства "трёх колонн Космоса" – Небо, Человек, Земля, – Прошлое, Настоящее, Будущее, – Мир плотный, Мир тонкий, Мир огненный. Триединство мира в круге Вечности символизирует целостность единого, небесного Храма вечной, универсальной всеначальной энергии. Это символика гармонизации человека с космосом, величия его предназначения, возвышения его реальности, устремления к Горнему миру, к вершинам духовности.

Петровская Академия наук и искусств отметила 20-летие своего существования на своём съезде 28–29 сентября 2011 г. Я в последние годы работаю там и могу профессионально заявить, что прошедшее 20-летие, и следующее за ним десятилетие – это очень важные, плодотворные этапы.

Отчётливо сознаю, что на мне лежит ответственность представить некоторые итоги работы "Университета Развития", который создан был в рамках Петровской Академии, и который так же, как и Музей-институт семьи Рерихов, отметил 10-летие своей работы. Нашей площадкой, на которой мы обычно проводим Рериховские Чтения, является Российская национальная библиотека в новом здании у Парка Победы на Московском проспекте. В день рождения Николая Рериха мы обычно организуем дискуссию по рериховедению.

Сегодняшнее собрание здесь идёт в несколько ином формате. Я очень рада, что ваше мероприятие значительно шире. Конференция "Рериховское наследие" – это по-

настоящему петербургская платформа! Это культурное достояние нашего города! На заседании 12 октября 2011 г. в рамках Рериховских Чтений в Российской национальной библиотеке я обязательно представлю пресс-релиз и другие материалы сегодняшней конференции. В заключении я хотела бы преподнести в дар Музею-институту семьи Рерихов от "Университета развития" сборник, который мы издали к 50-летию начала Комической эры».

На послеобеденном заседании слово для приветствия взяла директор Культурно-выставочного центра «Радуга» в городе Димитровграде Ульяновской области **Нелли Владимировна Сучкова**:

«Я представляю город Димитровград – "малый" город в Поволжье, о котором вы, может быть, недавно слышали из новостей, когда у нас побывал Президент России Д. А. Медведев. У нас образован ядерный кластер. Мы – наукоград. Поэтому нас ещё называют "умный" город. Ещё мы боремся за звание "культурной столицы" малых городов России.

Мы работаем в нашем культурно-выставочном центре одиннадцать лет. Особенность нашей работы в том, что мы выросли на творчестве Николая Константиновича Рериха, так как первые выставки у нас все были рериховские. А теперь мы хотим, чтоб у нас, как у вас в Санкт-Петербурге, было всё! Конечно, в копиях, но в самых лучших, самых качественных.

Мы приехали сюда подышать и напитаться культурой. И сидим, и радуемся тому, что здесь видим и слышим. Мы всё это понесём к нам в наш небольшой город, чтобы поделиться с людьми.

Мы тоже стараемся. У нас есть такие интересные залы, как зал Эпохи Возрождения с копиями Микеланджело и Венеры Милосской, недавно из Италии привезли малую пластику – все основные шедевры. В зале "Святая Русь" – и иконы, и традиционное декоративно-прикладное искусство. Имеется Восточный зал. Но основная экспозиция у нас посвящена Рерихам. И она часто меняется, ведь в нашем распоряжении тысячи рериховских картин, разбросанных по всему миру. И мы стараемся их показать нашему городу.

Вам – большая признательность за то, что вы такие есть! И есть большое счастье – общаться со всеми вами!».

Заседания 9 октября 2011 г. вели кандидат физико-математических наук А. А. Бондаренко, кандидат культурологии В. Л. Мельников, доктор физико-математических наук А. В. Левичев и заместитель директора СПбГМИСР Ю. Ю. Будникова.

* * *

В Государственном Эрмитаже **10 октября** состоялось заключительное Пленарное заседание. Его вели А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. В начале заседания к участникам конференции обратился академик Монгольской Академии наук, генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, президент

Монгольского Рериховского общества, основатель Дома-музея Рерихов в Улан-Баторе, профессор **Шагдарын Бира**:

«Прежде всего, я хочу вас поприветствовать! И поздравить с успешным проведением такого крупного мероприятия. Я с большим удовольствием вновь присутствую на конференции, в Зале Совета Государственного Эрмитажа, где четыре года назад имел честь принять Международную премию имени Николая Рериха. Большое спасибо за ваше внимание и сотрудничество! У нас очень хорошие отношения с петербургским Музеем-институтом семьи Рерихов!

Этот год был очень интересным, потому что у нас летом проходил всемирный конгресс Международной ассоциации монголоведения. Больше 20 лет я служил этой организации как генеральный секретарь. На этом конгрессе мы подняли тему семьи Рерихов, особенно Юрия Николаевича и Николая Константиновича. После симпозиума "Рерихи и Монголия", проведённом в Улан-Баторе в 2008 г. совместно с вашим музеем-институтом и фондом "Рериховское наследие", тема Рерихов была впервые поднята в Монголии на таком должном уровне. В день открытия нашего конгресса была открыта рериховская выставка, организованная нашей ассоциацией совместно с московским Международным Центром Рерихов, впервые представившим в Монголии "монгольские" картины Н. К. Рериха. Выставка проходила под патронажем Президента нашей страны Цахиагийна Элбэгдоржа, который очень помог организовать выставку. На открытии выступали представители из Москвы, гости из Петербурга, Алексей Бондаренко и Владимир Мельников, тоже присутствовали. Так что оба крупнейших рериховедческих центров России были представлены на нашем конгрессе.

Рериховская выставка прошла очень успешно, она длилась месяц. Многие в Монголии забыли, что Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий Николаевич Рерихи находились в Монголии в 1926–1927 годы. Здесь они восемь месяцев готовились к экспедиции в Тибет. На память об их работе в Улан-Баторе осталась знаменитая картина "Великий Красный Богатырь" ("Владыка Шамбалы"), подаренная Великому народному хуралу Монголии. Во время конгресса эта картина тоже была представлена на рериховской выставке.

Мы много лет занимались реставрацией и созданием Дома-музея Рерихов в Улан-Баторе, в доме, где Рерихи останавливались во время подготовки экспедиции в Тибет. И вот реставрация дома закончена. В этом году мы вновь получили очень большую поддержку из России, в частности, из петербургского Музея-института семьи Рерихов. Господа А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников и их друзья продолжают помогать нам.

Радостно, что коллеги из России оказывают всяческую помощь в создании такого, в общем-то, скромного центра рериховедения. У нас уже работает Рериховское общество, и каждый год предлагаются Рериховские Чтения. Мы хотим создать не только мемориальный музей, посвящённый монгольскому аспекту деятельности Рерихов, но и культурный центр, изучающий философию Рерихов, их мировоззрение и, конечно, искусство Н. К. Рериха. Среди нашей молодёжи многие увлекаются его творчеством.

Рерихи действительно много занимались Монголией. У нас они впервые опубликовали две важные книги – "Общину" и "Основы буддизма". Об этом я узнал, когда побывал в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Там тоже хранится много работ, посвящённых Монголии, а также интересная переписка Николая Константиновича и его американских сотрудников.

Очень много можно говорить на эту тему. В наше время происходит «второе пришествие» Рерихов в Монголию. Проходящие в Монголии и России симпозиумы, конгрессы, конференции, выставки имеют очень большой резонанс. Рерихи снова шествуют по всему миру, включая и Россию, и Монголию. И дальше это шествие пойдёт только по восходящей линии. И надо продолжить это шествие по всем странам Азии. Например, многие ученики Юрия Николаевича Рериха жили в Японии. В перспективе работа по исследованию и популяризации творчества Рерихов. В Азии это очень перспективно.

И я снова поздравляю вас с этой очень успешной ежегодной конференцией! Большое спасибо за внимание и помощь, особенно Музею-институту семьи Рерихов в Петербурге. Позвольте подарить вам некоторые монгольские книги, посвящённые семье Рерихов!».

* * *

Октябрь – традиционно знаменательный месяц для памяти семьи Рерихов. 9 октября 1874 г. родился Николай Константинович, 23 октября 1904 г. родился второй сын Н. К. и Е. И. Рерихов Святослав Николаевич, 5 октября 1955 г. ушла из жизни Елена Ивановна. Стало доброй традицией проводить в октябре Торжественную церемонию награждения лауреатов **Международной премии имени Николая Рериха**, учреждённой в канун юбилея нашего города Государственным Эрмитажем, Санкт-Петербургским государственным университетом, Всемирным клубом петербуржцев, Музеем-институтом семьи Рерихов, Санкт-Петербургским художественным училищем имени Н. К. Рериха, Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие». Среди лауреатов премии – художники, музыканты, педагоги, деятели культуры и науки.

Премия имени Николая Рериха присуждается по номинациям: «художественное творчество», «педагогика и просветительство», «сохранение культурных ценностей и миротворчество», «сохранение рериховского наследия», «формирование культурного образа России в мире». Среди лауреатов прошлых лет Валентина Матвиенко, Валерий Гергиев, Людмила Вербицкая, Михаил Пиотровский, Владимир Троян, Мстислав Ростропович, Людмила Митусова, Никита Благово, Энна Романовская, Шагдарын Бира, Х. К. Шри Кеджривал, Татьяна Елизаренкова, Владимир Топоров, Тамара Чижова, Борис Соколов, Даниил Энтин, Роллан Сергиенко, Валентина Анопова, Наталия Тоотс, Елена Петренко, Ольга Румянцева, Борис Мессерер, Шалва Амонашвили и другие.

Согласно Положению о Международной премии имени Николая Рериха, она присуждается видным представителям отечественной и мировой культуры и творчески ярким, не обязательно знакомым широкой публике художникам, педа-

гогам, научным и творческим работникам, общественным деятелям, вносящим особый вклад в сохранение и развитие творческих традиций, культурных и нравственных основ. Премия присуждается решением Оргкомитета на основании представлений от организаций вне зависимости от национальной, религиозной или социальной принадлежности кандидатов. Стать лауреатом премии можно не более одного раза. Лауреаты премии награждаются памятным дипломом, медалью «Лауреат премии имени Николая Рериха», памятным знаком и денежным призом, сформированным Международным благотворительным фондом «Рериховское наследие» в рамках специальной благотворительной программы на основе пожертвований меценатов и спонсоров.

В 2011 г. Торжественная церемония награждения лауреатов проходила 10 октября в Санкт-Петербурге, в Зале Совета Государственного Эрмитажа. По результатам совещания Оргкомитета премии из десятков кандидатов были отобраны четыре номинанта. Награды вручали доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа, президент Всемирного клуба петербуржцев, председатель Оргкомитета премии **Михаил Борисович Пиотровский**, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой геофизики Санкт-Петербургского государственного университета **Владимир Николаевич Троян** и кандидат физико-математических наук, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие», директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов **Алексей Анатольевич Бондаренко** в присутствии многочисленных гостей и представителей СМИ. Председатель правления Всемирного клуба петербуржцев **Валентина Трофимовна Орлова** вела церемонию.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2011 г. в номинации «Педагогика и просветительство» стал **Алексей Анатольевич Шевченко** (Санкт-Петербург, Россия). Детский писатель, поэт, прозаик, актёр, педагог дополнительного образования Санкт-Петербургского дворца творчества юных, член Союза писателей России, автор 28 книг для детей. Родился в Ленинграде в 1950 г., в семье, связанной корнями с Петербургом с середины XIX в. Первые публикации датированы серединой 1970-х гг. Среди его воспитанников – лауреаты многих конкурсов и премий. Книги и журнальные публикации А. А. Шевченко хорошо известны юным читателям: его скороговорки, шутки, скорочиталки, добрые и весёлые стихи-загадки публиковались в журналах «Мурзилка», «Хрюша и компания», «Костёр», «Чиж и Ёж» и принесли ребятам много пользы в освоении родного языка. В кино и на телевидении им сыграно более тридцати главных и эпизодических ролей – у режиссёров А. Н. Сокурова, И. Ф. Масленникова, В. И. Хотиненко и других. На телеканале «Культура» сыграл роль Н. К. Рериха в культуроведческой программе «Слово и дело».

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2011 г. в номинации «Сохранение культурных ценностей и миротворчество» стала **Этти Кагаров** (деревня Ярве, Эстония). Старейшина волости Кохтла. В круг её обязанностей входит руководство местным самоуправлением, на ней лежит огромный груз ответственно-

сти за успешную работу во всех направлениях деятельности. Руководит волостью, на территории которой расположены важнейшие достопримечательности Эстонии (водопад Валасте, старинные усадьбы и урочища). Внесла огромный вклад в реновацию мызы (усадьбы) Кукрузе и создание там учреждения культуры «Полярная мыза Кукрузе». В мызе работает музей, экспозиция посвящена бывшим владельцам, баронам фон Толлям, в том числе полярному исследователю с мировым именем барону Эдуарду фон Толлю. Он прославил свой род и связал своими исследованиями Россию и Эстонию. Полярная мыза Кукрузе расширяет возможности для туристов и гостей региона, в том числе из России и Финляндии, показывает, как важно сохранение культурных ценностей и их доступность.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2011 г. в номинации «Сохранение рериховского наследия» стал **Евгений Палладиевич Маточкин** (Новосибирск, Россия). Доктор искусствоведения, почётный член Российской Академии художеств, профессор Международной Славянской академии, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина, автор многих монографий и статей, рериховед, много лет изучавший творческое наследие семьи Рерихов и написавший ряд книг по искусству России и Европы. Жил в Новосибирске. Родился 4 февраля 1942 г. в городе Краснокамске Пермской области в семье врачей. В 1964 г. закончил естественный факультет Новосибирска государственного университета. 27 лет работал научным сотрудником Института ядерной физики Сибирского Отделения РАН; является автором 89 научных работ по естествознанию. Увлекался живописью, участвовал в экспедициях по сбору икон, в том числе с Государственной Третьяковской галерей. Работал директором Новосибирской картинной галереи. По искусствоведению им опубликовано более 200 работ. Творческое наследие Н. К. Рериха изучал более 40 лет. С этой целью Е. П. Маточкин совершил многочисленные экспедиции по России по местам путешествий и творчества Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов. В экспедициях были собраны материалы и впоследствии были изданы альбомы и книги: «Н. К. Рерих: Поэзия старины» (2004), «Архитектурные шедевры Святой Руси» (2005), «Николай Рерих: мозаики, иконы, росписи, проекты церквей» (2005), «Образ Преподобного Сергия Радонежского в русском искусстве» (2006), «Святые Русской земли» (2007), «Образ Иисуса Христа» (2007) и другие. Исследователь наскальных рисунков, образцов народного творчества жителей Алтая. Многолетний участник и первовосходитель альпинистских экспедиций на вершины Горного Алтая. Например, 18 августа 1981 г. в честь 80-летия выдающегося востоковеда Ю. Н. Рериха совершил восхождение совместно с другими альпинистами из Новосибирского Академгородка на безымянную вершину, которой после этого было присвоено имя Ю. Н. Рериха. В 2010 г. защитил диссертацию на учёную степень доктора искусствоведения «Художественное наследие и проблемы преемственности в изобразительном искусстве Горного Алтая». Скончался 14 января 2013 г. в Новосибирске.

Лауреатом Международной премии имени Николая Рериха в 2011 г. в номинации «Формирование культурного образа России в мире» стал **Леонид Михайлович**

Рошаль (Москва, Россия). Детский хирург, доктор медицинских наук, профессор, президент Национальной Медицинской палаты, директор Московского научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии Департамента здравоохранения города Москвы, член Общественной палаты России, эксперт Всемирной организации здравоохранения, «Детский доктор мира» (1996). Родился в 1933 г. в городе Ливны Орловской области. Закончил в 1957 г. Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова по специальности «педиатрия». В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1970 г. – докторскую. В 1988 г. участвовал в спасении детей, пострадавших во время землетрясения в Армении. В 1990 г. Л. М. Рошаль стал председателем Международного комитета помощи детям при катастрофах и войнах. В этот комитет вошли известные специалисты-медики со всего мира. Тогда же он возглавил Международный благотворительный фонд помощи детям при катастрофах и войнах, созданный для того, чтобы обеспечивать транспортировку, покупку оборудования и питание врачей, входящих в международную бригаду неотложной помощи. Кроме этого, помогал детям, пострадавшим во время революций в Румынии, войн в Ираке, Югославии, Палестинской автономии, Чечне, а также во время землетрясений в Японии, Египте, Афганистане, Турции и Индии. В 2002 г. вёл переговоры с террористами во время террористического акта в Театральном центре на Дубровке: благодаря его участию из здания были выведены восемь детей, а заложникам были переданы вода и медикаменты. Также вёл переговоры с террористами во время террористического акта в Беслане в 2004 г. В апреле 2011 г. Леонид Михайлович выступил на Первом Всероссийском форуме медицинских работников с предложениями по реформированию системы здравоохранения, получившими положительный отклик в обществе.

* * *

На заключительном заседании Оргкомитета конференции были утверждены темы следующей, XII конференции «Рериховское наследие», приуроченной к 138-й годовщине со дня рождения Н. К. Рериха, 110-й годовщине со дня рождения Ю. Н. Рериха и к 1150–летию Русской государственности: «**Начало Руси. Славяне и варяги»** и **«Прошлое и будущее высокого Русского стиля**».

В настоящем издании воспроизведены избранные доклады и выступления, прозвучавшие на XI конференции «Рериховское наследие». Отдельные тексты публикуются в сокращении и в редакции 2013 г.

Участники XI Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие»
Музей-институт семьи Рерихов. 9 октября 2011 г.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Сопредседатели:

А. Н. Губанков, председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга;

М. Б. Пиотровский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, директор Государственного Эрмитажа;

Н. Г. Скворцов, доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета.

Члены Оргкомитета:

Н. В. Благово, заведующий Музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге;

А. А. Бондаренко (заместитель председателя Оргкомитета), кандидат физико-математических наук, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Ю. Ю. Будникова, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе;

С. Д. Иванов, директор Санкт-Петербургского художественного училища имени Н. К. Рериха;

С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств;

А. А. Ковалёв, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга;

В. Л. Мельников (заместитель председателя Оргкомитета), кандидат культурологии, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

В. Т. Орлова, председатель правления Всемирного клуба петербуржцев;

Я. В. Седельникова, начальник отдела культурно-исторического наследия Комитета по культуре Санкт-Петербурга;

Б. С. Соколов, академик, советник Президиума РАН;

И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, директор Музея истории СПбГУ;

Е. П. Яковлева, доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета (далее – *РГПУ*) им. А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

В. Н. Троян, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой геофизики СПбГУ.

Члены Программного комитета:

Н. В. Благово, заведующий Музеем истории школы К. И. Мая в Санкт-Петербурге;

А. А. Бондаренко, кандидат физико-математических наук, директор Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, президент Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

Ю. Ю. Будникова, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по экспозиционно-выставочной и экскурсионно-методической работе;

П. И. Крылов, кандидат биологических наук, заведующий библиотекой Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;

И. В. Кульганек, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора тюркологии и монголистики Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург);

Е. П. Маточкин, доктор искусствоведения, почётный член Российской Академии художеств, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай имени А. В. Анохина (Новосибирск);

Е. П. Медведева, пресс-секретарь Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов;

В. Л. Мельников, кандидат культурологии, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, председатель правления Международного благотворительного фонда «Рериховское наследие»;

К. И. Новосельский, доктор экономических наук, кандидат географических наук, профессор, действительный член Русского Географического общества;

Е. А. Трофимова, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Е. П. Яковлева, доктор искусствоведения, профессор РГПУ им. А. И. Герцена, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея.

Елена Ивановна Рерих. Наггар, Индия. 1930-е
© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

I. РЕРИХИ И ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Е. М. ЩЕПАНОВСКАЯ
(Союз писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга; Санкт-Петербург)

ОБРАЗ ОГНЯ В УЧЕНИИ ЖИВОЙ ЭТИКИ И МИРОВОЙ МИФОЛОГИИ

Духовные учения, такие, как Учение Живой Этики, равно как и мировые религии, основываются на древнейших мифологических архетипах. Образ огня – один из таких архетипов. Сегодня он символизирует духовную энергию, физическая природа которой пока не изучена. Но за каждой духовной энергией стоит определённый смысл, и наиболее универсальные смыслы архетипических образов позволяет выявить древняя мифология.

Факт подобия мифологических образов в исторически не связанных между собой культурах был признан уже этнологами XIX в. К нему обращался Ф. Шеллинг, на него опиралась эволюционистская школа, Э. Тайлор и Дж. Фрейзер, используя сравнительный анализ аналогичных мифов и обрядов разных народов для интерпретации их смысла. Этот факт, утверждающий единство человеческого разума и души, использовал К. Г. Юнг, введя понятие архетипов коллективного бессознательного, воспроизводящих себя в современной культуре. Для него это единство имеет глубокую укоренённость в человеческой природе, в том числе и телесной.

Философы рассматривали мифологию как историческую основу всех современных культурных форм (религия, искусство, наука, этика, право возникают из мифологии, как указывал Э. Кассирер [**2**]), а богов как энергии, формирующие мир, сознание и психику человека (последний тезис выдвигался Ф. Шеллингом [**7**, 210] и К. Г. Юнгом [**9**, 90]).

Древнейшая мифология чётко структурирует мир, как и древние языки. Если современное сознание фрагментарно, то в древнейшем сознании присутствует чёткая классификация, оно целостно и космично. И древнейшая мифология показывает, что мир был структурирован одинаково у разных народов. Структуру мифологии формируют космогонические мифы, логика которых воссоздаёт типичную последовательность фаз творения. Об этом писал мифолог Е. М. Мелетинский [**3**, 97], и, как утверждал М. Элиаде, мифология – это всегда рассказ о каком-то сотворении [**8**, 63]. Эти и другие мифологи выделяли три космогонические фазы, соответствующие трём типам богов (Море – Небо – Земля). В нашей книге [**5**] эти фазы взяты за основу генетической модели, которая дополнена до двенадцати фаз, где этапы формирования образов и идей мифологического сознания соотнесены с этапами антропогенеза и социально-исторического развития.

Образ огня – один из общечеловеческих культурных архетипов. По своей семантике он входит в единую мифологему с образами **воителя** и **пастыря**. Это последний складывающийся архетип мифологии, завершающий её развитие и подводящий к новым религиям, – образ воина и пастуха как непобедимого вождя, защитника и спасителя, воплощающего нравственные качества человека. Распространение железно-

го оружия в I тыс. до н. э. знаменует эпоху непрерывных войн, поэтому именно образ воина, бесстрашного и честного, воплощает человеческий идеал. Пастух, как и воин, много времени проводит в дикой местности, вне цивилизации, он вынужден защищать своё стадо, он может выступать проводником в незнакомой местности – отсюда образ пастыря как предводителя. В этом образе, завершающем развитие мифологии, подчёркивается необходимость впустить в цивилизацию природную стихию и обуздать её мудростью разума (таков неистовый, но мудрый Один, смещающий на троне могучего, но простодушного громовержца Тора). Самый распространённый мифологический сюжет (который и ныне остаётся самым популярным сюжетом кинематографа) противопоставляет образы двух воинов: сильного, но неразумного, и более утончённо-цивилизованного и мудрого, где победа всегда достаётся второму, более справедливому и нравственно-праведному. Связанный с этой мифологемой выход за рамки существующей цивилизации и пребывание в дикой природе, где долгое время живёт пастух и где находится войско (так, в древнем Риме войско не должно было вступать в пределы города, и посвящённые Марсу мальчики выселялись за ограду Рима), символизирует ***обретение природной мудрости*** и возможность привнести её в социум (многие легендарные цари, например, царь Давид, изображаются до восшествия на престол пастухами). Так мифология изображает переход к более прогрессивному социальному устройству – и в целом ***выход на новый путь***. В современной философии этот архетипический сюжет отражает концепция ухода-и-возврата А. Тойнби [**6**, 293]: чтобы дать адекватный ответ на вызовы жизни, творческое меньшинство перестаёт играть активную роль в существующем консерватизме социума, но, найдя принципиально новые пути решения проблем, возвращается в общество, неся новую струю жизни.

Перейдём теперь непосредственно к образу **огня**. В индийской мифологии Агни-огонь рождает юного воина Сканду, военного предводителя богов, и мыслится пастухом-проводником людей, знающим все пути и всю мудрость мира:

> Я видел пастуха, без отдыха
> Бродящего по дорогам туда и сюда.
> Скрываясь [в водах], текущих вместе и в разные стороны,
> Он шевелится во всех существах.
>
> «Гимн-загадка» [**4**, 1.164.31].

С пастухом ассоциируется священное животное Агни – баран. Как огонь, возносящий жертву к небесам (в роли которой часто выступал баран), Агни – жрец богов и важнейший образ в Ригведе. По числу посвящённых ему гимнов (около 200) он занимает второе место.

Для древних индоевропейцев существовало два вида огня: полученный от природы и сохранённый человеком. Первый мыслился как прикосновение к стихии, которой страшится человек, и обозначается «мужским» корнем: и. е. *hngni* («огонь»), происходящее от ностратического *henka* – «*гореть*». От него ведут начало наши слова «*огонь*» и «*уголь*», и имя индийского *Агни*. (Оно не связано со словами «агнец» или «ягнёнок», связанными со значением «пасти» и родственным *ago* – «гоню» и *agros* – «пастбище», отсюда *agriculture* – «сельское хозяйство»). Второй – это искусственно

поддерживаемый огонь очага, соотносимый с женскими функциями: ностратическое *qotti* – «*зажигать*». От него происходит индоевропейское *het* («огонь, очаг»), имя иранского *Атара*, украинское обозначение огня «*ватра*» и русское слово «*ватрушка*», связанное с круглой формой очага. С *het* смыкается индоевропейское *hes / as* («очаг») от ностратического *'asa*, к которому восходит имя античной хранительницы *Гестии / Весты*. «Женский» огонь воспринимался лишённым связи с изначальной стихией, и у многих народов существовал обычай высекания огня под Новый год ради обновления огня очага, который мыслился потерявшим свою стихийную силу. Таков образ прусского «нового» или «живого» огня *Паникса* («*огонь*») – имя которого родственно возрождающему себя из пепла *Фениксу* – самому известному символу начала новой жизни.

В дошедшем до нас образе Агни уже смыкается семантика этих двух видов огня: разрушительного и доброго. Как персонификация домашнего очага и жертвенного костра в виде юноши с золотыми волосами Агни – «весёлый бог, рождённый на радость людям» [**5**]. Агни дружествен к людям, приносит богатство, поощряет певцов, поражает врагов и тьму. Как стихия пламени Агни может и навредить, но он же восстанавливает разрушенное. Агни даёт глаза (то есть душу) и копьё богине *Кали*, сражающейся с демонами и символизирующей губительный аспект энергии Шивы.

Агни многоглав – это атрибут многих военных богов, символизирующих войско. Многоглавые и многорукие боги войны – славянский семиликий *Руевит* с семью мечами у пояса, трёхголовый *Марс* (наделённый тремя жизнями – как ныне герои в компьютерных играх). У индийского *Картикейи* и *Муругана* тамилов шесть лиц и двенадцать рук. Китайский бог планеты Марс *Се-Тяньцзюань* имеет три головы и три пары рук; можно вспомнить восьми-десятирукую защитницу богов *Дургу* и других военных богов. В духовном смысле такая символика подчёркивает всеприсутствие Агни, который отождествляется со всеми значимыми богами (Брахмой, Индрой, Варуной, Рудрой). Для гимнов Агни характерны ряды сопоставлений: «Ты, Агни, – Индра...», «Ты – царь Варуна…», «Ты, Агни, – Тваштар...», «Ты, Агни, – Рудра...» [**4**, 2.1, 5.3 и др.].

Как и Агни, воителем предстаёт близкий ему иранский *Атар* – огонь, чья природа символизирует единство всего живого. Сжигает врагов богов египетская богиня пламени *Упес*. Ещё один пример – семитский *Рашап / Решеф* («*пламя*») – бог огня и войны, атрибутами которого служат копьё, щит и боевой топор, он также предстаёт губителем, насылающим мор.

Огонь ассоциируется с пожаром и разрушением войны. Огонь требуется зажечь; он разгорается от трения и сталкивания противоположных сил мира, поэтому стихия огня непосредственно связана с образом войны: по-русски мы говорим «*разжигать вражду*». Слово «*пылать*» порождает слово «*вспылить*», и во многих языках «*гореть*» имеет также значение «*гневаться, злиться*». Но разрушение акцентировано позитивно, поскольку архетип воителя связан с идеями ***возрождения***, доминирующего над разрушением. Нередко это возрождение весны. Боги-воители – также и боги весеннего возрождения. Неслучайно март, названный именем *Марса* – первый весенний месяц (и вести войну зимой не полагалось: считалось, что Марс в это время

спит). Индийский воин *Рудра* («ревущий»), ипостасью которого становится Шива – бог весенних гроз и сексуальной активности зверей. Русский бог весеннего плодородия и Солнца *Ярила* некогда имел военную функцию (он утратил её, но неслучайна его поздняя ассоциация с Георгием Победоносцем). *Уицилопотчли* ацтеков – бог войны и молодого Солнца.

Образ огня часто сопутствует Солнцу, раскрывая мощь его природной силы: так китайский бог огня *Чжу-жун* выступает помощником бога Солнца *Янь-ди*. Символом солнца мыслится свастика – изначально инструмент для добывания огня (не только в Индии, но и в Древней Греции). Свастика воплощает также идею четырёх времён года, фиксируя поворот каждой солнечной фазы (так у ацтеков свастика в круге обозначала год, а крест в круге – день). Свастику находят в Малой Азии в VII–VI тыс. до н. э. Её значение возрастает в эпоху бронзы, когда она распространяется на Кавказ, Западную Сибирь и Среднюю Азию.

Через ассоциацию с Солнцем в образе огня воплощается природная энергия как таковая. Поэтому в Ригведе Агни даёт силы роста растениям и жизнь животным. Как изначальная энергия жизни, он более всего проявлен «в детях и внутри зачавших» [**4**, 1.67]. Агни соединяет супругов и воплощает универсальную связь между богами. Огненная природа Агни, как и близкого ему иранского *Атара* – огня, объединяет всех богов и людей, и в этом смысле мыслится эталоном ***духовной энергии***.

Тесная ассоциация огня с духовной функцией возникает из обрядов жертвоприношения. Основная функция Агни в Ригведе – роль божественного жреца, посредника между людьми и богами. Сжигая жертву, огонь посылает дар людей богам, делая видимой связь Земли и Неба. Аналогично айны поклоняются богу огня *Абе Ками* как ходатаю пред богами. Про иранского *Атара* («пылающего») говорится, что он несёт в себе духовные силы Космоса и выступает как внешнее проявление Высшего божества, как его тело. В иудаизме, христианстве и мусульманстве Бог часто сопоставляется с огнём (и подобную идею можно найти у алхимиков, согласно представлениям которых духовный «живой» огонь исходит от Перводвигателя и разгорается благодаря движению небесных тел [**10**, 150]). Образ огня как духовной энергии отражает и язык: мы говорим «горение духа», «пламя сердца», «пылкость речи» и т. д.

Как символ единого духовного огня, распределённого между всеми существами, Агни это «*тот, к чьему пламени трудно привыкнуть, и всё же близкий, как сила духа человека*» [**4**, 1.66]. «Мужи, одарённые силой видения» находят его в духовном сосредоточении [**4**, 1.67]. Как носитель духовной функции Агни воплощает Вселенский (нравственный) Закон и получает эпитет Вайшванара (от «*вишва*» – «все» и «*нара*» – «человек»), что сопоставляет огонь с образом всеобщего, истинного человека, который скрыт во всех людях («Агни внутри человека это Вайшванара»). Это отсылает к образу идеального человека, связанного с мифологемой воина и пастыря.

Агни един и множествен; говорится о тройственной природе Агни: у него три жилища, у него троякий свет, три жизни, три головы, три силы, три языка [**4**, 10.45]. Агни изначален: он рождён «от самого себя» и возникает в трёх мирах (на земле – добыча огня трением, на небе – Солнце и в первозданных водах, символизирующих исток жизни). В Ригведе жизнь возникает из брожения вод, в которых рождается

«золотой зародыш». Таким образом, огонь связан с ***рождением изначальной жизни*** и ассоциируется с первочеловеком.

Соотнесение огня с первозданными водами иллюстрирует и оправдывает такая легенда. Когда Агни появился на свет, боги решили установить обряд жертвоприношений и сделали Агни жрецом, возносителем жертв в небесный мир. Но Агни, испугавшись, что со сгоранием жертвы иссякнет и огонь – его жизнь, спрятался от богов в глубоких водах. Найти Агни богам помогла рыба, которая устрашилась жара, исходящего от спрятавшегося в воде Агни (рыба, как и воды, – символ истока жизни). Боги уговорили Агни вернуться, сказав, что человек не может жить без жертвоприношений богам.

Древнейшая функция огня – функция ***очищения***. В латыни слово «очищение» (*pyrificatio*) происходит от греческого *pyr* – «*огонь*», это значение огненной чистоты вошло и в другие языки. Японский огонь *Абе Ками*, шумерский *Гибил*, аккадский *Гирра* – очистители, исцеляющие больных (разрушающие колдовство). Эта функция до сих пор осталась в обрядах (например, в индийской пудже, посвящённой Матери-Ганге). В бытовых обрядах индусы не только ставят свечи за здоровье своих родных, но и проводят рукой над огнём, прежде чем украсить лоб тикой.

Про Агни говорится, что он сжигает всё нечистое, сам оставаясь чистым. (Про это есть такая легенда: как-то мудрец Бхригу похитил супругу одного асура; тот обратился к Агни, которому было ведомо всё. Агни не умеет лгать, и он рассказал о местоположении женщины, за что Бхригу проклял его, обрекая есть нечистую пищу; но затем, признав, что поступок Агни был правилен, добавил, что сам он при этом останется чистым). Очищение ассоциируется с преображением, и эта функция огня соотносит его с разрушением старого мира. С самого момента основания Рима его граждане верили, что его ждёт гибель в пожаре. Так трактовалось мистическое видение Ромула, которому предстали двенадцать орлов (число, часто связанное с эсхатологией: так как оно описывает круг времени: двенадцать месяцев года). В представлениях индейцев, когда на очаге Солнца закипает котёл с водой, чаша терпения небес переполняется, и они обрушивают на землю потоп. А в скандинавской мифологии в последней битве богов сжигает мир огненный великан *Сурт*.

Но в этой мифологеме разрушению прежнего сопутствует творение нового, которое тоже вершит огонь. Как писал о Н. А. Бердяев [**1**, 65], эсхатологические мифы, ассоциацию которых с огнём ярко демонстрирует мировая мифология, имеют смысл, прежде всего, осознания временной координаты с позиции вечного и внутреннего преображения, связанного с духовной функцией огня. В этом заключена ***эволюционная роль*** огня, изначально связанная с овладением огнём как эволюционным шагом (его отражает миф о Прометее – образ огня, возвышающего людей до участи богов). Исторически следы овладения огнём находят уже 700 тыс. лет до н. э. Поскольку поддерживать костёр могла только достаточно организованная община, огонь костра и очага издревле ассоциируется с единством и объединением людей (эту задачу исполняют и военный бог, и пастух как идеальный вождь).

В мифологии это единение отразил славянский образ *Сварожича*, отождествлявшегося с *Радегастом*, имя которого можно перевести как «*гостеприимный*»: в

образе огненного петуха он охранял чужестранцев, поручая их покровительству домашнего очага. Поддержание огня очага выступает как первый долг человека, что запечатлел образ *Гестии / Весты* (можно вспомнить обряды весталок). Образ огня очага мыслился центром Вселенной, и в античные времена Веста отождествлялась с неподвижно висящим в небе и заключавшим в себе огонь земным шаром – с самой Землёй, которая поддерживает устойчивый миропорядок, храня в себе пламя жизни.

Всё это делает понятным, что́ подразумевает семантика огня в рериховском Учении Живой Этики. Упомянутые гимны Ригведы и многие другие древние первоисточники – это та мифологическая база, с которой коррелирует Агни-Йога, и подробное изучение мифов поможет лучше её понять. Значение огня в Агни-Йоге (как и в нашем подсознании, и в коллективном сознании) шире даже духовного значения Агни в Ригведе. Оно вбирает всю семантику мифологемы воина и пастыря, в частности, образ выхода на новый путь и обновления мира.

В целом центральный образ Учения Живой Этики не отрывается от архетипов мировой мифологии, и это показывает её адекватность общечеловеческому психическому и ментальному восприятию феноменов. Это также демонстрирует, что такой образ может служить мостом к культурному багажу мировой мифологии, всплывающей в современной жизни в виде архетипов искусства, религии и культуры.

Мифологию надо обязательно изучать как для понимания Учения и жизни Рерихов в Индии, так и для более адекватного понимания духовной жизни этой страны. Обращение к архетипам мировой мифологии может выступать и как средство одухотворения современных рациональных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.

2. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. – Т. 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

3. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. – М.: Наука, 2000.

4. Ригведа: В 3 т. / Пер. Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989–1999. – (Серия «Литературные памятники»). – Мандалы I–IV. – 1-е изд. – 1989. – 2-е изд., испр. – 1999. – Мандалы V–VIII. – 1-е изд. – 1995. – 2-е изд., испр. – 1999. – Мандалы IX–X. – 1999.

5. *Семира и В. Веташ.* Астрология и мифология. – 1-е изд. – Воронеж: Модэк, 1994. – 2-е изд. – СПб.: Атон, 1998. – Актуальная Интернет-версия: *Семира и В. Веташ.* Мифологические архетипы Зодиака. Режим доступа: http://www.astrolingua.spb.ru/MYTH/mif1.htm.

6. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-Пресс.

7. *Шеллинг Ф.* Введение в философию мифологии // *Шеллинг Ф.* Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1987.

8. *Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

9. *Юнг К. Г.* Архетип в символизме сна // Человек и его символы. – СПб.: БСК, 1996.

10. *Юнг К. Г.* AION. Исследование феноменологии самости. – М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997.

И. В. КУЛЬГАНЕК
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

АФОРИЗМЫ О БУДДИЗМЕ В СОБРАНИЯХ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

На жизненные катаклизмы
Смотри сквозь призму афоризма.
Философический подход –
Защита от любых невзгод.

Илья Шевелёв[1]

Для Юрия Николаевича Рериха, занимавшегося многотомным тибетско-русско-английским словарём с санскритскими параллелями[2], народная мудрость была той базой, на которой он в значительной степени основывал свои обобщения. Большое внимание он уделял монголо-тибетской народной поэзии и афоризмам о буддизме.

Сокровищница монгольских народных метких выражений – *зүйр цэцэн үг* (дословно: *мудрые сравнивающие слова*) – щедра и богата. В самом их названии отражены основные их качества: в афоризмах, как правило, присутствует сравнение природных явлений с деятельностью человека, все они являются результатом долгих наблюдений и мудрого созерцания человека общих земных процессов.

Ряд монгольских рукописей, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН), содержат пословицы, поговорки, загадки. А. Г. Сазыкин включил их в своём Каталоге в раздел «Народная словесность»[3]. В шестнадцати сборниках находится более полутысячи образцов афоризмов. Они поступили от А. М. Позднеева, Ц. Ж. Жамцарано, Ц. Самданова, Г. Лыткина, К. Ф. Голстунского, Б. И. Панкратова, из Казанской духовной академии. Среди них есть собственно монгольские, бурятские и калмыцкие. По содержанию они весьма различны. Классификация обычно отсутствует.

В Архиве востоковедов ИВР РАН также есть образцы афористической поэзии. В Каталоге фольклорных материалов Архива востоковедов, составленном И. В. Кульганек, они представлены 36 номерами по описи[4]. Кроме названных выше учёных, в роли собирателей выступили Б. Барадийн, Ц. Номинханов, Н. Очиров, Б. Бамбаев. Среди образцов есть чахарские, суннитские, халхаские, абага, ордосские, удзумчинские, горлосские, хешигтенские, баргутские, хори-бурятские, хонгодор-бурятские, эхиритские, булагатские, дербетские, агинских бурят и донских калмыков. Записаны они, как правило, в транскрипции, некоторая часть – на старомонгольской и ойратской письменности. Больше всего записей принадлежит Ц. Жамцарано и Б. Барадийну. Более тысячи достаточно разнообразных по содержанию пословиц, поговорок и загадок касаются всех сфер жизни и деятельности человека: его связям с природой, животным миром, социальным отношениям.

Наибольшее количество их посвящено деятельности человека (его мудрости, доброте, глупости, жадности, умении), родственным отношениям (невесте, жениху,

отношениям с родителями), природным явлениям (грому, молнии). Есть пословицы и загадки об учёбе, знании, образованности, предметах быта, юрте и её частях. К высказываниям о буддизме, религии, вере (о Будде, бурхане, религиозных атрибутах, жертвоприношении, свече, колокольчике, ритуальном сосуде, благовонии, кувшине с сосудом бессмертия, скипетре, барабане, ламском колокольчике, флажке с изображениями благопожелательных молитв, молитвенном барабане, чтении молитв, чётках) относится самая незначительная по объёму группа афоризмов[5].

Примерами монгольских буддийских пословиц, поговорок и загадок могу быть следующие:

Шар хүний төлөө хар хун.	За монаха простой человек [отвечает].
Бурхангүй газар бумба галзуурхан. Бухгүй газар шар галзуурхан.	Где нет бурхана, вольничает шаман. Где нет быка, вольничает мул.
Дархан хун бурхан ухаантай.	У умельца ум как у бурхана.
Жор үзээгүй ламаас Зовлон үзсэн чавганц дээр.	Старуха, познавшая страдание, Лучше ламы, не познавшего жизнь.
Зовлоготой газар нохой цуглана. Зовлонтой газар лам цуглана.	Место, где падаль, – собирает собак. Место, где страдание, – собирает лам.
Ертөнц үзэмжээр, Бурхан чимгээр.	По усмотрению Вселенной, По сообщению бурхана[6].
Бахын сана далайд Бандийн санаа ширээнд.	Мысли лягушки в море, Мысли банди на столе[7].
Шавийн эрдэм багшаасаа Зулын гэрэл тосноосоо.	Знания ученика – от учителя, Свет лампады – от масла.
Шаварт унасан Шарын эзэн хүчтэй.	[Даже] упавший в грязь Духовный владыка силён.
Гэрээс гардаггүй, Гэдэс алддаггүй, Айлд ордоггүй, Аягатай цайгаа бардаггүй.	Из юрты не выходит, Вес не теряет, В айл не заходит, Чашкой своей для чая не хвалится[8].
Өвөр нь алт, Ар нь шавар.	Грудь – золотая, Спина – глиняная[9].
Унтаж хэвдэггүй цоохондой, Ууж иддэггүй цоохондой.	Мало спит-лежит, Мало ест-пьёт[10].
Уургүй ноен, Утаагүй гол.	Нойон, который не сердится, Река, у которой нет дымки[11].
Аяган дотор Алтан цэцэг.	Внутри пиалы Золотой цветок[12].

Хутаг дотор
Хув улан чавганц.

Внутри колодца
Очень красная старуха[13].

Аврах бурхан гэсэн чинь
Аллах чөтгөр болох.

Говорят, что бурхан спасёт,
На самом деле чёрт убьёт.

Айлын ховыг чавганц чирдэг,
Аймгийн ховыг барарчин зөөдөг.

Старуха-монахиня аймачные сплетни распространяет,
Бадарчин[14] аймачные[15] сплетни таскает за собой.

Багахан эрдэмт магтаалд баясах,
Багш лам мөргөлд баясах.

Малограмотные радуются похвалам,
Ламы радуются молитвам.

Бадарчин явсан газар балагтай,
Батгана суусан газар өттэй.

Земля, по которой ходит бадарчин, – вредная,
Земля, где сидела муха, – с опарышами.

Бардам ламд Банзрагч,
Бардам хүүхэнд панс.

«Банзрагч»[16] – для высокомерных лам,
Фанза[17] – для высокомерных девушек.

Багшийн эзгүйд шавь нь галзуурах,
Ламын эзгүйд бумба нь галзуурах.

Когда нет учителя и ученик – бог,
Когда нет ламы и монахиня – богиня[18].

Биширч явбал номтой таарахгүй.
Бялдууч явбал олонтой таарахгүй.

Тому, кто живёт, уважая других, не нужно религиозное учение.
Тому, кто подхалимничает, не нужны люди.

Богдорхож бурхан болохгүй,
Хаанчирхаж хаан болохгүй.

Бурхану не следует бурханствовать,
Хану не следует ханствовать.

Богд хүн тэнгэр газарт итгэмжилнэ,
Өчүүхэн хүн эд ашигт итгэмжилнэ.

Святой верит в небеса и землю,
Маленький человек верит в полезность вещей.

Бурхан байтлаа буруугаа мэдэхгүй,
Мэргэн байтлаа Мэхээ мэдэхгүй.

Бурхан не ошибается,
Мудрец не хитрит.

Бурхандаа бичиг амлахаар
Хүүхэндээ бичиг сурга.

[Раз] дал слово своему бурхану,
То обучай девушку грамоте[19].

Бузгай загнасан
Буур ч нэг үхнэ,
Ном айлддаг
Лам ч нэг үхнэ.

От крика
И верблюд подохнет,
Учение не спасёт
И ламу от смерти.

Будлиу хүн
Бурхнаа эвдэх.

Неловкий человек
Своего бурхана разрушает.

Бөө шиг бөөлдөг,
Лам шиг лагнаганадаг.

Шаманит как шаман,
Ламствует как лама.

Бороны өмно салхи,
Боохойн өмно хэрээ,
Богдын өмно элч.

Предвестник дождя – ветер,
Предвестник волка – сорока,
Предвестник Богдо – луч.

Богдоос боол нь,
Ханаас халгаач нь,
Хатнаас аягач нь.

Святые порождают рабов,
Ханы порождают привратников,
Ханши порождают прислугу.

Бурхан болох санаанаас,
Баян болох заяанаас.

Бурханом становятся намеренно,
Богатым становятся по воле судьбы.

Бурхан бурхан гэснээс
Бухаа тахьсан нь дээр.

Чем говорить *бурхан-бурхан*,
Лучше своего быка почитай.

Бурхан гэгч эс сүжиглэвэл гэмшилгүй,
Бурангүй гэгч эс хэрэглэвэл ялгүй.
Буруушал гэгч эс агуулбал зэмлэлгүй,
Бусад гэгч хочилбол элэглэгүй.

Если не веришь в бурхана, то и раскаяния нет,
Если не используешь наглость, то и наказания нет.
Если не совершаешь дурные дела, нет порицания.
Если других не обзываешь, то над тобой
не насмехаются.

Бурхны нь зурхаас өмнө
Бойвгий нь урьдаар зурах.

Перед тем, как изображать [лик] бурхана,
Изобрази сначала ступни.

Бурхандаа итгэсээр
Өвчинд автагдах.

Вера в бурхана –
Что болезнь.

Бурханд мөргөхөөр
Бяруугаа сурга.

[Чем] молиться бурхану,
Своего годовалого телёнка обучай.

Бурхан чөтгөр мухар сүсгээс,
Буру сана муу сэтгэлээс.

Бурхан и чёрт – от суеверия,
Ложные намерения – от дурных мыслей.

Бурхн уннд дурта.

Бог правду любит.

Эгл хар улст
Эк эцк бурхн.

Для простых людей
Родители – бог и царь.

Күмн үгд хана,
Бурхн күдҗ ханна.

Человек благодарен слову,
Бурхан – курительной свече.

Сәкгсн бурхн үннч.

Бог-хранитель справедлив.

Хар идштәд нөкд хол.
Харңһу ухатад бурхни гэгән хол.

У кого тёмные делишки – друзья далеки.
Невежественный человек далёк от света учения
Будды.

Буру хәләсн эргднарни
гэрл түсдг уга,
Буру саната күүнд бурхни
гэрл түсдг уга.

На обрыв, обращенный к северу, не падает
солнечный свет,
На неправоверного человека не падает
божественный свет.

Сүзг угад бурхн уга,
Сеҗг угад өвчн уга.

Нет веры – нет бурхана,
Нет сомнений – нет болезни.

Сүҗг бәәхлә бурхн хол биш
Сүк бәәхлә түлән хол биш.

Если есть вера, то бурхан недалёк,
Если есть топор, то топливо не далеко.

Килнц уга күн тамаас чигн әәдг уга.	Безгрешному и ад не страшен.
Сүрин һалд сормсан түләд, Сүзгин түдд арсан муках.	В огне костра брови свои опалить, В приступе набожности кожу свою содрать.
Ма гидг маань уга, Мах иддг шүдн уга.	Ни молитвы, чтобы произнести *мани*, Ни зубов, чтобы есть мясо.
Эврә бурхн үн уга. Эврә бурхн тоомср уга.	Своего бурхана не так высоко чтим. Своего бурхана оставляем без почтения[20].
Ном уга лам бурхни буг, Өглһ уга байн нутгин буг.	Лама без знаний – обуза бурхану, Жадный богач – обуза кочевью.
Буя идсн темән чигн үкдг, Буй кесн гелң чигн үкдг.	Гибнет и верблюд, питавшийся солодкой, Умирает и гелюнг[21], устраивающий панихиду по покойнику.
Эн гэлңгин үмшлһар Мана ээҗин сүмсн альд одна.	Куда попадёт душа нашей бабушки, Если этот гелюнг так плохо читает молитву.
Төвд моңһл гисн Зуүһин орн гидг, Тэңгр бурхн гисн Дедин орн гидг.	Тибет и Монголия – это священные страны, Тенгрии и бурханы – это представители небесной страны.
Бурхнд нәәл Зуг мәрән батар үй.	На бога надейся, Но коня привязывай крепко.
Көөркү гидг седкл уга, Хәәрхн гидг бурхн уга.	Нет чувства жалости, чтобы сказать «бедняжка», Нет бурхана, чтобы произнести «боже милостивый».
Иткснбурхндан Инәҗ бәәһәд мөргн.	Бурхану, в которого веруешь, [Следует] молиться с усердием.
Номта манҗ үүлтә күүкн хойрт Үрлт уга.	Просвещённый послушник И девушка-рукодельница не пропадут.

Монгольские афоризмы о буддизме дают представление о бытовании этого общественного явления в обществе, его роли и влиянии на мировоззрение монгольского народа. Многие из имеющихся в фондах ИВР РАН афоризмы не изданы. В тематическом плане они коррелируются с афоризмами, изданными в Монголии, Бурятии и Калмыкии.

Исследование афоризмов в историко-филологическом плане даёт основание утверждать, что расцвет афоризмов о буддизме, ставшем национальной идеей на гребне национально-освободительной борьбы монгольского народа за свою независимость против Маньчжурского двора, заявил о себе в Монголии в XVI в. В XIX в., по мере появления коррупции в буддийской среде, созревания в народе негативного отношения к недобросовестным ламам, зрело недовольство буддийским рели-

гиозным институтом и его иерархами. Антибуддийские настроения не могли не затронуть народное творчество.

Монгольские афоризмы о религии позволяют представить картину изменения отношения народа к этому культурному феномену в процессе исторического развития общества. Изменение это шло от положительного признания учения, религии к критическому осмыслению служителей буддийского культа.

В настоящее время намечается возвращение интереса к буддийским духовным ценностям, что связано с религиозным обновлением и этнокультурным возрождением монгольских народов, с повышением социальной функции буддизма, который выступает в настоящее время не только как этнический культурный феномен, но, прежде всего, – как показатель этнокультурной национальной общности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шевелёв И. Н.* Афоризмы, мысли, эмоции. Книга жизни. – М.: Владос, 1997. – С. 29.
[2] *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. М. Парфионовича и В. С. Дылыковой. – Вып. 1–11 . – М.: Наука, 1983–1993.
[3] *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. – Т. 1. – М., 1988. – С. 47–49.
[4] *Кульганек И. В.* Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН. – СПб., 2000. – С. 235–262.
[5] Афоризмы взяты из собрания ИВР РАН и из работ: *Гаадамба Ш., Цэрэнсодном Д.* Монгол ардын аман зохиолын дээж бичиг. – Улаанбаатор, 1978; Монгол ардын цэцэн үг / Эмхт. Х. Өльзийхутаг. – Улаанбаатор, 1989; Монгол ардын оньсого, таавар / Эмхт. Г. Ловор, Ц. Өльзийхутаг. – Улаанбаатар, 1990; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост. и перевод Б. Х. Тодаевой. – Элиста, 2007; Феодал, шашныг эсэргүүцсэн зүйр цэцэн үг / Эмхт. Ю. Санжаагончик. – Улаанбаатар, 1985.
[6] То есть: *как решит небо, как скажет бурхан.*
[7] То есть: *лягушка думает о воде, банди думает о еде.*
[8] Ответ: *бурхан*.
[9] Ответ: *бурхан*.
[10] Ответ: *бурхан*.
[11] Ответ: *бурхан, свеча*.
[12] Ответ: *свеча*.
[13] Ответ: *свеча*.
[14] *Бадарчин* – бродячий монах.
[15] *Аймаг* – административная единица в Монголии.
[16] *«Банзрагч»* – название одного из основных буддийских сочинений.
[17] *Фанза* – сорт шёлковой материи.
[18] То есть: *на безрыбье и рак рыба*.
[19] То есть: *назвался груздем, полезай в кузов*; *не давши слово – беги, взявши слово – держи*.
[20] То есть: *нет пророка в своём отечестве.*
[21] *Гелюнг* – монах низшего чина.

И. Ю. АЛЕКСАНДРОВ
(Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; Санкт-Петербург)

ОРИГЕН И АВГУСТИН В УЧЕНИИ ЖИВОЙ ЭТИКИ

В Учении Живой Этики неявно противопоставляются два выдающихся богослова – **Ориген** (185—254) и **Августин Аврелий** (354—430). Богословская мысль Августина может быть рассмотрена в контексте постепенного искажения Учения Христа и отхода христианской ортодоксии от положений Единого Учения, о котором идёт речь в «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской и философско-литературном наследии семьи Рерихов. «После Августина церковь начала погружаться во тьму средневековья», – говорится в § 125 книги «Озарение» (1925). Можно предположить, что оценка эта в первую очередь связана с глубоко ошибочным учением Августина о предвечном предопределении – одной из наиболее влиятельных доктрин западной церкви, согласно которой всемогущий Творец этого мира ещё до рождения человека предопределяет его либо к счастливой жизни через распространение на него божественной благодати и последующему спасению, либо к оставленности и последующей гибели. Согласно Августину, ещё до творения мира изначально Бог разделил всех людей на vasa misericordiae («сосуды милосердия»), т. е. избранных (electi), предопределённых (praedestinati), и vasa irae («сосуды гнева»), т. е. отвергнутых, негодных (reprobati). Тех, кого Бог отделил от «массы погибели» и предопределил к вечной жизни, Он прощает по Своей милости, а тех, кого Он оставил во грехах их, Он наказывает по справедливости, ибо все люди (в чём был убеждён Августин) в Адаме соучаствуют в грехе, и как следствие, заслуживают осуждения.

В полемике Августина с **Пела́гием** (ок. 360 — после 431) и его сторонниками, настаивавшими на том, что первородный грех не привился в человеческом роде, что божественная благодать нисходит на людей в результате их собственных усилий, вне и без которых невозможно духовное совершенствование, церковь заняла умеренно августинианскую позицию. Воззрения Пелагия были неоднократно осуждены папами и церковными соборами, а августинианская фаталистическо-провиденциалистская доктрина стала преобладающей доктриной католического богословия.

Августинианство не было полностью преодолено и признанным официальным идеологом католицизма **Фомой Аквинским** (1225—1274), разработавшим учение о вторичных (инструментальных) причинах, находящихся в косвенной зависимости от Бога и, тем самым, допускавшим бóльшую долю относительной самостоятельности человеческой деятельности.

Августинов взгляд на недостойность, изначальную испорченность человека во многом определил сервильность средневекового сознания европейцев. Августинов акцент на дарованности благодати косвенным образом повлиял на утверждение практики индульгенций – подобно Богу, по неизвестным, выходящим за рамки че-

ловеческого разумения и духовной интуиции причинам дарующему спасение тому или иному человеку, церковь позволяла себе продавать якобы накопленные её перед Богом заслуги, списывая грехи за деньги. Реформаторы церкви XVI в. Лютер и Кальвин идейно опирались на Августина, сохранив фаталистические положения его доктрины. У Лютера сохраняется акцент на дарованности благодати, с той только разницей, что, согласно его учению, человек достигает спасения души или оправдания лишь при помощи веры, даруемой ему Богом непосредственно, без какой-либо посреднической роли церкви и духовенства.

В трудах последователя Лютера Кальвина идеи протестантизма оказались связанными с капиталистической, предпринимательской деятельностью. Сохраняя основные положения учения Августина, Кальвин придерживался двух ключевых для становления капитализма доктрин: идеи абсолютного предопределения и идеи Божественного невмешательства в закономерность мира. Согласно учению об «абсолютном предопределении», Бог ещё до сотворения мира предопределил одних людей к «спасению», других к погибели; одних к раю, других к аду. Однако учение об «абсолютном предопределении» не предрасполагало человека к фаталистической покорности судьбе. Согласно Кальвину, человеку не дано знать: предопределён ли он Богом к спасению или осуждению. Верующий должен быть уверен в том, что он является «Божьим избранником» и доказать это своей жизнью и энергичной деятельностью. А так как Бог непосредственно не нарушает закономерности созданного им мира, то показателем предызбранности человека является успех в его деятельности. Преуспеяние в делах этого материального мира получило религиозную санкцию, подменив внутреннюю духовную работу. Августинианство, таким образом, повлияло на становление современной западной культуры в целом. Учение Христа было чудовищно искажено.

В Учении Живой Этики неоднократно упоминается Ориген как именно тот Учитель, который сохранил чистоту Учения Христа, своим жизненным подвигом донёс Его последний завет. «Учитель просит прочесть труд Оригена, начнёте понимать ошибки церкви. Уставы его школы полезны для современности»[1]. «После учеников Оригена начала ложная вера духовенства расти»[2].

Ориген знаменит своим учением об *апокатастасисе* – возвращении всех тварей к Богу после искупления своих грехов. Шанс на прощение удивительно добросердечный и верящий в победу всего светлого и духовного в человеке Ориген дал даже падшему ангелу и всем отпавшим от Бога силам зла. Однозначная реконструкция взглядов Оригена затруднительна ввиду состояния источников и специфики экзегетических приёмов толкования им богословских проблем. Вместе с тем, дошедшее до наших дней позволяет видеть в Оригене подлинного Учителя Иерархии Света.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Листы Сада Мории. – Кн. I. Зов. – 1924. – § 167. – 26 января 1922.
[2] *Там же.* – § 268. – 29 мая 1922.

М. Н. ЧЕСНОКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ПРЕДКИ Е. И. РЕРИХ ГОЛЕНИЩЕВЫ-КУТУЗОВЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫСТАВОЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

К двухсотлетию победы в Отечественной войне 1812-го года

Среди выдающихся представителей древнего рода Голенищевых-Кутузовых – полководец Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, поэт Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов, творивший совместно с композитором Модестом Петровичем Мусоргским, также происходившим из этого рода.

Е. И. Рерих писала о своих предках, подробно рассматривая историю рода Шапошниковых и потомков М. И. Голенищева-Кутузова. Родословной Елены Ивановны Рерих посвящён ряд исследований. Работы И. С. Аникиной [**1–4**], Ю. Ю. Будниковой [**5–7**], М. А. Иванова [**11, 12**], С. Н. Кайдаш [**13**], В. Л. Мельникова [**6, 7, 14–16**], Н. С. Новикова [**17**], И. В. Сахарова [**22**], А. А. Шумкова [**23**] можно выделить как наиболее авторитетные.

В экспозиционной и экскурсионной работе Музея-института семьи Рерихов неизменно уделяется внимание Голенищевым-Кутузовым – предкам Елены Ивановны Рерих. В число экспонатов выставок, посвящённых семье Рерихов («Лада: спутница, другиня, вдохновительница», «Люби меня, как теперь, всегда», «От сердца Петербурга к сердцу Азии») всегда входит фамильная чашка с портретом Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова [*ил. 1*].

Ил. 1. Чашка с изображением фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова
Начало XIX в. Фарфор, позолота, роспись. 9,0 × 6,7 © СПбГМИСР

На конференции, посвящённой сотрудникам и последователям Рерихов, хотелось бы упомянуть и об их предках, о корнях, питавших эту выдающуюся семью, и о том, как они отображаются в экспозиции Музея-института семьи Рерихов.

2012-й год ознаменован двухсотлетием победы в Отечественной войне 1812-го года. Победа над войсками Наполеона была бы невозможна, если бы не талант полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Род Голенищевых Кутузовых – один из древнейших родов России. Он ведёт своё происхождение от выехавшего из Пруссии в Россию в 1263 г. Гавши, принявшего при крещении имя Гавриил. Имя сына Гавриила, Андрея, значится среди патронов церкви Спаса Нередицы. Правнук родоначальника, Александр Прокшич, по прозванию Кутуз, стал родоначальником Кутузовых. Представитель младшей ветви Кутузовых, новгородский боярин Василий Ананьевич, по прозванию Голенище стал родоначальником фамилии Голенищевых-Кутузовых.

Мать Елены Ивановны Рерих Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова приходилась двоюродной внучкой Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову. Отец великого полководца – Илларион Матвеевич и прадед Екатерины Васильевны и Евдокии Васильевны (матери Степана Степановича Митусова) – Василий Матвеевич – были родными братьями. Таким образом, Елена Ивановна Рерих и Степан Степанович Митусов приходились великому полководцу двоюродными правнуками.

Среди основных источников, использованных исследователями, главное место занимают очерки Е. И. Рерих «Род Шапошниковых» и «Герб рода Голенищевых-Кутузовых». И. В. Сахаров справедливо отмечает в своей статье, посвящённой генеалогии Шапошниковых, что очерк «Род Шапошниковых» правильнее было бы называть «приписываемый Е. И. Рерих» [**22**, 500] по причине многочисленных неточностей. Тем не менее, в этом документе содержатся факты, достоверность которых доказана архивными исследованиями. Одним из таких фактов является близкое родство Е. И. Рерих и М. И. Голенищева-Кутузова. В этом очерке сказано, что младший, четвёртый сын Ивана Афанасьевича и Екатерины Кузьминичны Шапошниковых, «самый младший член семьи, хотел быть художником, либо военным, но мать настояла, чтобы он стал архитектором – академиком. Сын этот Иван был моим отцом. Женат был на Екатерине Васильевне Голенищевой-Кутузовой, внучке [двоюродного брата] фельдмаршала Голенищева-Кутузова, Светлейшего князя Смоленского» [**19**].

У отца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова – Иллариона Матвеевича – был брат Василий Матвеевич. Сын Василия Матвеевича – Иван Васильевич, таким образом, был двоюродным братом полководца. 29 января 1814 г.* жена Ивана Васильевича – Евдокия Александровна, урождённая Чирикова, родила сына – наследника воинской славы своих предков, который был в тот же день крещён с именем Василий. Приведём фрагмент из очерка Е. И. Рерих «Герб рода Голенищевых-Кутузовых»:

---

* Здесь и далее в тексте статьи даты даны по старому стилю. – *Примеч. ред.*

«Прадед Иван Голенищев-Кутузов был женат на Чириковой, по сохранившимся легендам, страшно гордой своим родом и богатством помещице. Имел двоих сыновей и одну дочь в браке с помещиком Челищевым. Старший сын, состоявший на военной службе, застрелился при трагических обстоятельствах. Его невеста, получив ошибочное сведение, что жених её пропал без вести на войне, приняла Великий Постриг за несколько дней до возвращения жениха. Жених не вынес удара. Посетил её в монастыре, простился и, вернувшись к себе, застрелился.

Второй сын Василий, тоже военный, женился на Анне Васильевне Азарьевой и имел от неё восемь детей» [**19**].

Этих сыновей звали Иван (1853—1897) и Василий (1861—1927). Дочерей же звали Евдокия (1855—1925), Анастасия (1856—1917), Екатерина (1857—1913) и Людмила (1859—1917).

Ил. 2

Николай Константинович Рерих писал в листе дневника «Мусоргский» (1939):

«“Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский” – по именам четырёх сестёр Голенищевых-Кутузовых – так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны, та, которую Мусоргский называл Катонский, от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских – у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом кн[ягиня] Путятина, а Людонский – Людмила Рыжова» [**20**, 148–149].

Старшая из дочерей Василия Ивановича Голенищева-Кутузова, Евдокия, была оперной певицей. Она окончила курс Санкт-Петербургской Консерватории по классам пения и композиции. 28 апреля 1877 г. восторженные поклонники преподнесли ей алую ленту с надписью золотыми буквами: «Русской Патти» [**9**, 38]. Первым браком она была замужем за Степаном Николаевичем Митусовым [**16**]. В этом браке родился сын Степан. Этот брак быстро распался. Вторым мужем Евдокии Васильевны стал князь Павел Арсеньевич Путятин [**14**], археолог и антрополог, в имении которого спустя годы состоялось знакомство Николая Константиновича Рериха и Елены Ивановны Шапошниковой [**15**]. В этом браке родились две дочери – София и Марианна [**10**].

Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова вышла замуж за архитектора Ивана Ивановича Шапошникова. 31 января 1879 г. у них родилась дочь Елена. Всего в семье было трое детей. Сын Илларион, родившийся годом ранее Елены, 3 марта 1978 г., умер в возрасте пяти лет, дочь Анна, родившаяся 20 февраля 1885 г., также умерла в детстве [**22**, 550].

На фотографии, хранящейся в Музее-институте семьи Рерихов, запечатлены Степан Митусов, Елена Шапошникова и Борис Рыжов – сын Людмилы Васильевны Рыжовой, урождённой Голенищевой-Кутузовой, – в раннем детстве [*ил. 2*].

Дружба и тонкое взаимопонимание связывали сестёр Голенищевых-Кутузовых, подлинная дружба связывала и двоюродных сестру и брата – Елену Ивановну Рерих, урождённую Шапошникову, и Степана Степановича Митусова. Е. И. Рерих писала, вспоминая о своём детстве: «Окружавшая девочку так называемая “золотая молодёжь”, за редкими исключениями, ничего не могла дать ей. Единственным огоньком тогда явился двоюродный брат Степа Митусов, спутник её детства» [цит. по: **5**, 131]. Степан Степанович стал впоследствии другом и сотрудником Н. К. Рериха, был одним из основателей школы камерного пения в нашей стране. В листе дневника Н. К. Рериха «Друзья» (1937) сказано: «Стёпа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром» [**21**, 110].

Связь с миром музыки была неразрывна. Композитор Модест Петрович Мусоргский (1839—1881) также происходил из рода Голенищевых-Кутузовых, он приходился четвероюродным братом матери Елены Ивановны Рерих. Н. К. Рерих писал в листе дневника «Мусоргский»:

«Вот вспоминается, как в мастерских Общества Поощрения Художеств под руководством Стёпы Митусова гремят хоры Мусоргского. Вот у А. А. Голенищева-Кутузова исполняется “Полководец”. Вот Стравинский наигрывает из Мусоргского. Вот звучно гремит “Ночь на Лысой Горе”» [**20**, 149].

В сотрудничестве с М. П. Мусоргским творил свои произведения поэт Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848—1913). Н. К. Рерих назвал его «возвышенным поэтом» и неоднократно упоминал в своих «Листах дневника». «В душе близок был нам А. А. Голенищев-Кутузов, – писал Н. К. Рерих – Он также безотчётно увлекался собирательством, особенно любил примитивы и считал радость искусству высшею радостью. Творящий поэт знал, что есть радость. Он же понял и Мусоргского. Уходя от земли, он завещал распродать своё картинное собрание: “Пусть опять разбегутся и доставят радость новым искателям”» [**21**, 377–378].

Не только любовь к искусству и собирательство, но и многие стихотворения А. А. Голенищева-Кутузова [**8**] созвучны идеям Н. К. Рериха.

Смирись душой – и мощь свою постигнешь,
Поверь любви – и горы ты подвигнешь,
И укротишь пучину бурных вод!

Пусть мир во зле лежит, пусть тьма царит кругом –
Я верю, высшему внушению послушен,
Что храм красы стоит и цел, и не разрушен,
Что светлый Бог Добра живёт во храме том.

Одна из главных целей экспозиционной работы Музея-института семьи Рерихов – ***рассказать о семье***, что и следует уже из названия нашего учреждения. В экспозиции музея-института, рассказывающей о семье Рерихов, неизменно важное место занимают портрет Юлии Ивановны Чириковой, матери М. П. Мусоргского,

портрет княгини Евдокии Васильевны Путятиной (урождённой Голенищевой-Кутузовой) работы Ф. И. Братского и портрет Степана Митусова в детстве, также написанный Ф. И. Братским. Всегда в особой витрине вместе с другими семейными реликвиями представлена чашка с портретом М. И. Голенищева-Кутузова и наградная лента, преподнесённая «русской Патти» в Париже. Все эти предметы были представлены и на выставке «Рериховский век» в ЦВЗ «Манеж» в 2010 г., в экспозиционном комплексе, рассказывавшем о родственных связях Рерихов и Голенищевых-Кутузовых.

В 2012 г. Музей-институт семьи Рерихов принял участие в мероприятиях, связанных с двухсотлетием победы в Отечественной войне 1812-го года. В выставочных проектах вновь были использованы подлинные мемориальные вещи, портреты представителей рода Голенищевых-Кутузовых, было рассказано об их родовых гнёздах – фамильных усадьбах в Канищево (усадьба Голенищевых-Кутузовых) [**4**], в Наумово (усадьба М. П. Мусоргского) [**17**], в Бологом и Высоком, принадлежавшим князьям Путятиным [**14**], и другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникина И. С.* Боевой офицер и псковский помещик Василий Иванович Голенищев-Кутузов // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 206–226.
2. *Аникина И. С.* «Муличка», урождённая Голенищева-Кутузова // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. I. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 46–68.
3. *Аникина И. С.* Под сенью Преподобного Сергия… (Историко-краеведческий очерк) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 565–570.
4. *Аникина И. С.* Усадьба Канищево Псковской губернии: её обитатели, соседи и гости // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда; Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятиных, Боткиных. – СПб., 2011. – С. 277–281.
5. *Будникова Ю. Ю.* О поэзии С. С. Митусова (По материалам Мемориального собрания С. С. Митусова в Санкт-Петербурге. К 125-летию со дня рождения) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 134–149.
6. *Будникова Ю. Ю., Мельников В. Л.* Жизнь и творчество Е. И. Рерих по материалам Музея-института семьи Рерихов // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IX: Наследие семьи Рерихов в музеях и собраниях мира. – СПб., 2012. – С. 94–108.
7. *Будникова Ю. Ю., Мельников В. Л.* «Люби меня, как теперь, всегда…» (Н. К. и Е. И. Рерихи): Путеводитель по выставке из собрания Музея-института семьи Рерихов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007.

8. *Голенищев-Кутузов А. А.* Сочинения: В 4 т. – Т. I: Стихотворения. – СПб.: Новое время, 1914.

9. *Золотницкая Л. М.* «Русская Патти» и итальянский театр в Санкт-Петербурге // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 37–46.

10. *Иванов М. А.* Зятья князя П. А. Путятина // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. II: Новая Россия на пути к единству человечества. – СПб.: Рериховский центр Санкт-Петербургского государственного университета; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2005. – С. 351–356.

11. *Иванов М. А.* На родине предков Елены Рерих: озеро Пирос и Рютинская волость // Петербургский Рериховский сборник. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – Вып. I. – С. 119–128.

12. *Иванов М. А.* Родословная Елены Ивановны Рерих // Утренняя Звезда. – М.: МЦР и др., 1994–1997. – № 2/3. – С. 362–375.

13. *Кайдаш С.* Молодые годы Елены Рерих // Утренняя Звезда. – М.: МЦР и др., 1993. – № 1. – С. 138–156.

14. *Мельников В. Л.* Князь Павел Арсеньевич Путятин, его родственное окружение и бологовские усадьбы // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда; Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятиных, Боткиных. – СПб., 2011. – С. 282–328.

15. *Мельников В. Л.* Князь П. А. Путятин и семья Рерихов // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда; Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятиных, Боткиных. – СПб., 2011. – С. 372–386.

16. *Мельников В. Л.* Степан Николаевич Митусов: наброски к биографии // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 226–233.

17. *Новиков Н. С.* Исконно русское звучит // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 32–37.

18. *Рерих Е. И.* Письма (1929–1938). – Т. II. – Новосибирск, 1992.

19. [*Рерих Е. И.*] Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных. – [Сведения о генеалогии и семейной истории, относящиеся к Голенищевым-Кутузовым, Азарьевым, князьям Путятиным, Шапошниковым и другим фамилиям]. – Первая половина 1950-х годов. – Машинопись. – Ксерокопия в рукописно-документальном фонде СПбГМИСР. Оригинал машинописи в архиве П. Ф. Беликова (Эстония), с его пометками.

20. *Рерих Н. К.* Из литературного наследия: К 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха / Под ред. М. Т. Кузьминой. – М.: Изобразительное искусство, 1974.

21. *Рерих Н. К.* Листы дневника. – Т. II: 1936–1941. – 2-е изд. / Сост., примеч. и указатели Н. Г. Михайловой. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2000.

22. *Сахаров И. В.* Предки и родня Елены Ивановны Рерих с отцовской стороны: просопография и генеалогия семейства Шапошниковых и его родственного окружения по архивным документам // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 496–565.

23. *Шумков А. А.* Род Голенищевых-Кутузовых: Буклет-плакат. – М., 1995.

Л. В. БУЗИНА
(Санкт-Петербург)

ПРЕДШЕСТВЕННИК РЕРИХОВ: МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ (1839—1881)

Мы приветствуем и утверждаем необычное также и в области искусства. Всё великое в нём необычно. Дух истинного труженика искусства бесстрашно разрушает стены ограничений, воздвигнутые невежеством. Поистине является новатором он в своей сфере. Проторенными колеями не будет идти тот, кто знает свой путь. Следование трафарету не будет его свойством. Свобода творчества под стать только сильному духу. Искусство должно быть свободным от цепей обыденности и трафарета.

Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)
Т. XIII. – § 63. – Запись 9 марта 1972 г. (Гуру)

В марте 2011 г. исполнилось 130 лет со дня кончины великого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского, создавшего глубоко оригинальный, выразительный музыкальный язык, отличающийся острой реалистической характерностью, тонкостью и многообразием психологических оттенков.

Н. К. Рерих назвал жизненный путь М. П. Мусоргского «Голгофой». Ради служения искусству он сознательно отказался от личного: оставил прекрасно начавшуюся военную карьеру, обеспечивающую будущее благополучие, не обзавёлся семьёй, считая, что истинного художника ничто не должно отвлекать, отказался от своей доли наследства – сильно разорённого имения, доставшегося ему и брату в безраздельное владение – в пользу женившегося Филарета… Несмотря на непонимание окружающих, он упрямо шёл собственным тернистым путём, ни разу не изменив себе, и даже в конце своей короткой жизни (ему едва исполнилось 42 года, когда он умер) не пожалел о своём выборе. «В какой степени я послужил искусству, – не знаю; но чувствую, что сделал что-то праведное и бесповоротное», – говорил он незадолго до смерти.

Однако сделанное М. П. Мусоргским было так ново и необычно, что не все могли оценить глубинную мощь его произведений, настолько они превосходили всё созданное до него. Даже «кучкисты», в лице М. А. Балакирева и Ц. А. Кюи часто не замечали его открытий, принимая его за необыкновенно талантливого недотёпу. Непризнание музыки М. П. Мусоргского (впрочем, как и А. П. Бородина, и даже П. И. Чайковского) отразилось в картине И. Е. Репина «Групповой портрет. Славянские композиторы», написанной в 1871–1872 гг. Сам Репин очень хотел написать их, но заказчик А. А. Пороховщиков, для которого список композиторов составил Н. Г. Рубинштейн, руководствуясь своими личными музыкальными пристрастиями, яростно воспротивился: «Вот ещё! Вы всякий мусор будете сметать в эту картину».

И всё-таки И. Е. Репин написал портрет композитора в Николаевском военном госпитале, куда больного, одинокого и бездомного М. П. Мусоргского поместили

под видом денщика. Но этот глубоко реалистичный портрет, созданный в последние дни жизни Модеста Петровича, сослужил не добрую службу. Плохое качество репродукций, излишне насыщенный цвет, усиливая красноту носа, отмороженного М. П. Мусоргским на крещенских парадах во время службы в Преображенском полку, вызывает у иных двусмысленную ухмылку. Не потому ли Д. Д. Шостакович выступал против тиражирования портрета больного композитора, считая, что это оскорбляет его память. А в то время портрет, созданный И. Е. Репиным всего за четыре сеанса, был высоко оценён современниками. Так, И. Н. Крамской восхищался: «…Посмотрите на эти глаза: они глядят как живые, они задумались, в них нарисовалась вся внутренняя, душевная работа той минуты…». Может быть, в мыслях М. П. Мусоргского уже зарождалась третья народная музыкальная драма о Пугачёвском восстании, о которой он мечтал…

Друзья считали его непрактичным, он действительно был «не от мира сего». Раз, увидев *Мусорянина*, как он сам себя называл, невозможно было его забыть. Это был подлинный самородок, весь словно из золота и кварца, металла и глины, твёрдый и хрупкий одновременно. Беречь нужно было эту хрупкость, но беречь было некому, да никто, кажется, и не понимал, что надо беречь.

Мягкий в жизни и бескомпромиссный в искусстве, Модест Петрович нередко, в самые трудные периоды жизни, повторял в письмах к близким людям, особенно к В. В. Стасову: «Вперёд, к новым берегам!». Этот девиз как нельзя более ярко отражает сущность страстной, активной, постоянно рвущейся вперёд натуры. Та же постоянная устремлённость была свойственна и Елене Ивановне Рерих (1879—1955), урождённой Шапошниковой, двоюродной племяннице М. П. Мусоргского, унаследовавшей не только музыкальные способности, но и некоторые черты характера, что свидетельствует о родовой и духовной близости этих двух ярко одарённых индивидуальностей. Даже внешне, особенно в юные годы, Елена Ивановна походила на своего двоюродного дядю [*ил. 1* и *2*], который чертами лица был в мать Юлию Ивановну Чирикову. Тот же лоб, форма ушей, рисунок губ, разрез глаз, только у М. П. Мусоргского глаза были светлые, как у отца.

Модест Петрович – прямой потомок князей Смоленских из рода Рюрика в 32-м или 33-м поколении (по разным источникам). Фамилия Мусоргских берёт своё начало от Романа Васильевича Монастырёва, носившего прозвище Мусорга (от греческого *мусу́ргос* – певец, музыкант). Со временем фамилия изменялась, забылось, кто положил ей начало, отсюда Мусарские, Мусерские, Мусорские. Но Модест Петрович каким-то образом прозрел первоначальный смысл фамилии, и, когда ему было за двадцать, в 1861 г., ввёл букву «г» в фамилию «Мусорский», которую носил с детства. Узнал ли он о далёком предке или сознанием проник в далёкое прошлое и поразился совпадению смысла греческого «мусургос» с собственным желанием стать композитором, но в 1870-х гг. одно из писем А. А. Голенищеву-Кутузову он так и подписал: *Мусорга*.

Кроме знатной родословной, была и простая, более ощутимая для маленького мальчика. Бабушка Арина – крёстная Моденьки – вышла из крепостных и потому, надо полагать, судьба его отца была не из лёгких.

Ил. 1. М. П. Мусоргский

Ил. 2. Е. И. Шапошникова

Вся биография Мусоргского полна загадок. Его жизнь иногда более походит на предание – всё зыбко, призрачно, необычно, как в легендах, где перемешались правда и вымысел, как и в тех местах, где началась его земная жизнь.

Ещё до рождения чуткая душа Моденьки познала смерть – в младенчестве умерли два младших брата – и через всю жизнь и творчество Мусоргский пронёс стремление постичь иную сторону бытия. Очевидность связи миров рано заставила задуматься, следствием чего стала редкая способность воспринимать Тонкий мир. Ещё в детские годы он был способен уловить дыхание времён, присутствие седой древности, что позже отразилось в его музыке.

Ещё до того, как Юлия Ивановна начала учить сына элементарным правилам игры на фортепиано, он с упоением предавался музыкальным импровизациям, главным импульсом которых было знакомство с духом русской народной жизни. Маленький мальчик был непоседой. Ему скучны были упражнения, хотелось сразу играть музыку. Уже тогда проявлялся характер ершистого Мусорянина, полагавшего, что музыку нужно *не знать*, а *чувствовать*, потому теоретические упражнения ничего хорошего в живую музыку не внесут. И потом непокорный дух Мусоргского, ставивший выразительность выше внешней логики, инстинктивно заставлял его пренебрегать правилами и готовыми формами, искать новое и небывалое. Он был свободен от штампов, от готовых художественных решений, от условной, благообразной красоты. Его ненависть к рутинёрству, школярству, к «немецкой

музыкальной партии» доходила до предела. Одна из постоянных участниц музыкальных сборищ вспоминала: «Мусоргский был враг всякой рутины и обыденности не только в музыке, но и во всех проявлениях жизни, даже до мелочей».

Как признавался сам Мусоргский, «его всегда влекло в мечтательный мир». Трепетная чуткость, склонность к созерцательности привели к тому, что в девятнадцатилетнем возрасте в деревне под Тихвином он впервые испытал странные состояния, им самим названные «мистицизмом». Пришло реальное ощущение какой-то непостижимой связи со всем миром, когда его пронзало чувство мирового начала. Он слышал и видел то, что другим было недоступно. Ум, пугаясь необъяснимого, сопротивлялся, теснил это чувство цинизмом…

Возвратясь в Петербург в августе 1858 г., Мусоргский принялся за перевод писем И. К. Лафатера о «состоянии души после смерти». Его сердце вздрагивало от слов «материальное» и «божественное», «душа усопшего» и «ясновидение», и одновременно тянулось к подобным понятиям. Вспоминая то время спустя два года, Модест Петрович писал М. А. Балакиреву: «…был под гнётом страшной болезни… Болезнь эта развилась ужасно по приезде моём в Петербург; от вас я её удачно скрывал, но проявление её в музыке вы должны были приметить. Я сильно страдал, сделался страшно впечатлителен (даже болезненно)…». В том же письме Мусоргский писал о сильном впечатлении, произведённом чтением байроновского «Манфреда»: «…Я так наэлектризовался страданиями этой высокой человеческой натуры, что тогда же сказал Вам, “как бы я хотел быть Манфредом” (я тогда был совершенный ребёнок)». Далее следовало признание: «…Судьбе, кажется, угодно было выполнить моё желание, – я буквально оманфредился, дух мой убил тело. Теперь надо приниматься за всякого рода противоядия… рецепт мне – всё в пользу материи и по возможности в ущерб нравственной стороны. Теперь мне ясны причины ирритации нервов…». Свои мучительные состояния Мусоргский объяснял тем, что в нём «нравственная сила задушила силу материального развития». Ему казалось, что всему виной «молодость, излишняя восторженность, страшное, непреодолимое желание всезнания, утрированная внутренняя критика и идеализм, дошедший до олицетворения мечты в образах и действиях». «Желание всезнания» толкало Мусоргского к постоянному чтению художественной, философской, естественнонаучной литературы, к посещению многочисленных публичных лекций, большею частью по естественным наукам. Он стремился всё понять и всё вобрать, иногда – наспех, но там, где вдруг начиналось «нервное», – с редким проникновением.

23 июня 1859 г. Мусоргский странным образом ощутил в себе высший дар памяти прошлого. Находясь в Москве, он с благоговением взирал на поразивший его Кремль, и вдруг Красная площадь с Покровским собором ошеломила его: «Василий Блаженный так приятно и вместе с тем так странно на меня подействовал, что мне так и казалось, что сейчас пройдёт боярин в длинном зипуне и высокой шапке…». Взбираясь на колокольню Ивана Великого, озирая окрестности со светящимся изгибом реки, он видел не только строения, архитектуру, то есть мир предметный, но чувствовал и те токи, которые излучало прошлое, в настоящем чуя далёкую древ-

ность. «…Москва заставила меня переселиться в другой мир – мир древности… не знаю почему, приятно на меня действующий…», – вспоминал Мусоргский. И хотя в музыке это «ясновидение» отразилось не скоро, только когда он принялся за «Бориса Годунова» и за «Хованщину», совершившееся преображение уже больше не покидало его.

К началу шестидесятых годов Модест Петрович возмужал и сильно вырос как музыкант. Его манеры стали проще, естественнее, сердечнее, и по-прежнему были безупречны. Игра Мусоргского поражала блеском, осмысленностью, энергией исполнения. У него появился ряд сочинений для голоса, хора, фортепьяно и оркестра, некоторые из которых исполнялись публично. Но ни одним из своих сочинений он не был вполне удовлетворён, потому нередко возвращался по нескольку раз к одной и той же вещи, заново переделывал её, а иногда, не закончив одного произведения, переходил к новому. Причиной этих метаний была не только жажда совершенствования своего мастерства, но и другая, более глубокая. Для него творчество было неотделимо от отношения к важнейшим явлениям жизни. Мусоргский не мог остановиться на чём-то определённом в искусстве, пока до конца не разобрался во всём, что происходило вокруг и что его безмерно волновало. А окружающая жизнь на каждом шагу задавала новые, трудноразрешимые вопросы. Обострённое самолюбие и какая-то целомудренная стыдливость не позволяли ему говорить с товарищами о совершавшейся в нём внутренней работе. Нередко он напускал на себя беззаботный вид и тем самым давал повод к ложным суждениям о себе.

Значительным событием в петербургском музыкальном мире стала постановка в Мариинском театре 16 мая 1863 г. оперы А. Н. Серова «Юдифь». В балакиревском кружке к ней отнеслись резко отрицательно. В. В. Стасов, ревностно относившийся к своему бывшему товарищу по Училищу правоведения, воспринял его триумф как оскорбление и считал, что опера не имеет подлинной глубины, а её внешний эффект попросту портит вкус публики. О Мусоргском он писал Балакиреву: «…Ну да, он как будто одно думает со мною, но я не слыхал у него ни одной мысли, ни одного слова из настоящей глубины понимания, из глубины захваченной, взволнованной души. Всё у него вяло, бесцветно. Мне кажется, он совершенный *идиот*. Я бы вчера его высек. Мне кажется, оставить его без опеки, вынуть его вдруг из сферы, куда вы насильно его затянули, и пустить его на волю, на свою охоту и свои вкусы, он скоро зарос бы травой и дёрном, как все. У него ничего нет внутри». Но именно в это время в Мусоргском вызревало нечто очень серьёзное. Он не спешил с критикой, а отправился ещё раз послушать «Юдифь». Лишь 10 июня 1863 г., когда всё улеглось, он в письме из Торопца поделился своими впечатлениями. Суждения так называемого «идиота» были самостоятельны, без оглядки на «старших». Невзирая на промахи, нелепости, неувязки, Мусоргский почувствовал в опере затаённую, мрачноватую энергию, и считал, что это «первая после “Русалки” серьёзно трактованная опера на русской сцене». Он услышал в ней что-то насущно важное, увидел и её достоинства: «Самый кончик первого акта прекрасен. Народ проклинающий, народ свирепеющий в fugato теряет последнюю надежду, последнее сознание своих сил – бессильный он отдаётся одному чувству, – какой-нибудь

сверхъестественной помощи; резкий переход к pianissimo (квинты в басах при этом как-то особенно, *мистично* звучат); это какая-то *торжественная затишь*, так и *не заканчивающаяся*, и это прекрасно; впечатление верное, хорошее – это лучшее место в опере…».

Многому научился Модест Петрович в те два спектакля. Опера А. Н. Серова подтолкнула его к музыкальному постижению Востока, особенно библейского. Отсюда путь к его «еврейским» хорам, особенному вниманию к народным сценам в «Годунове» и «Хованщине». Взволнованный оперой о мужественной иудейке, Мусоргский вновь обратился к поискам сюжета об участи целого народа, затрагивающей область высоких помыслов и героических деяний. Перед его внутренним взором давно маячила идея показать народ в минуту тяжких испытаний и предельного душевного напряжения.

Желание жить «на новый лад» привело Мусоргского в коммуну. Он поселился с пятью молодыми людьми, как и он разделявшими взгляды Н. Г. Чернышевского на искусство и жизнь в целом. Все члены коммуны служили в государственных учреждениях. 24-летний Мусоргский тоже поступил на службу в Инженерное управление. Его давно тяготило положение помещика, живущего за счёт крестьян. Тогда же он всерьёз занялся переводами знаменитых уголовных процессов, немецких и французских. Познание человека, странные повороты его сознания, смутные влечения, неясные помыслы занимали его всегда.

По воспоминаниям В. В. Стасова, именно за эти неполные три года жизни в коммуне (с начала осени 1863-го до зимы 1865–1866 гг.) Мусоргский накопил столько материала, что его хватило на все последующие годы. Тогда «укрепился навсегда тот светлый взгляд на “справедливое” и “несправедливое”, на “хорошее” и “дурное”, которому он уже никогда впоследствии не изменял». Он и потом любил селиться вместе с людьми, которых, как и его, волновали вопросы искусства, науки, активное отношение к жизни.

Как-то один из коммунаров принёс на общую квартиру роман Г. Флобера «Саламбо», и молодые люди горячо обсуждали его вечерами в общей гостиной. Мусоргский был поражён дикой красотой открывшегося перед ним мира античности, не идеализированной, скучной и приглаженной, а той, в которой кипели страсти, сверкали краски, в один трагический клубок сплетались судьбы отдельных людей и народов. С большим вдохновением он принялся за сочинение либретто, но опера «Саламбо» не была закончена, скорее, она стала пробой пера.

Всё больше Мусоргского влекла отечественная история. Особенно актуальным он считал тему народа и власти: «Ушли вперёд – врёшь, там же!.. Пока народ не может проверить воочию, что из него стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним состряпалось – там же!.. Прошедшее в настоящем – вот моя задача», – писал композитор. Достойным выполнением этой задачи стала опера «Борис Годунов». Но вряд ли Мусоргскому это удалось, если бы не его самобытность. Он твёрдо знал: если нет самостоятельности, нет и художника-творца, но прежде надо стать самим собой, раскрыть свою индивидуальность. Он писал Н. А. Римскому-Корсакову: «…надо сделаться самим собой. Это всего труднее, т. е. реже всего удаётся, но мож-

но. А так как можно, то нечего *разводить*…». Озадаченный слишком уж традиционным подходом друга к сочинению «Антара», Модест Петрович не может удержаться: «Вам как будто страшно, что Вы по-корсаковски пишете, а не по-шумански… Окрошка для немца беда, а мы её с удовольствием вкушаем».

Ещё в юности закапывающийся в немецкую философию Мусоргский теперь видел, что мыслить можно иначе: узреть сразу, в единый миг (как недавно угадывались звуковые воплощения речи), а потом уж «разводить», радоваться найденному, уточнять, дополнять, додумывать. Стоит ли слепо, «согласно традиции», следовать заданным формам? Или много лучше – вслушаться в ещё не родившееся произведение и понять, что оно *само* хочет?

В небольшом содружестве друзей-музыкантов у каждого было прозвище, иногда не одно. Письма и дневники пестрят этими определительными именами, меткими, всегда доброжелательными, порой даже нежными, характеризующими данного человека. Вот только Мусоргскому, самому непроницаемому, самому непонятному, ускользающему ото всех, никто не смог дать точной характеристики. Каждый смотрел на него совершенно особым образом, и мнения о нём были порой совершенно противоположные. Стасов ценил за талант, чуткость к слову, был уверен, что нужный текст Мусорянин, при надобности, «состряпает». В письме Римскому-Корсакову («Римлянину») от 19 апреля 1870 г. Владимир Васильевич писал о Мусоргском: «…Мусорянин – просто выходит из всех пазов вон, по свойству своего таланта, но головою довольно ограничен, критики никакой и ни о чём не надумывается и не размышляет ровно ни по случаю чего бы то ни было…».

Н. Н. Пургольд, вскоре ставшая женой Н. А. Римского-Корсакова, как и её сестра, считала, что М. П. Мусоргский, несомненно, умён, но ум его какой-то диковинный, «подвывихнутый». Она писала в своём дневнике: «У него ум своеобразный, оригинальный и очень пикантный… В нём слишком много перцу, если можно так выразиться… юмор действительно составляет главное свойство его ума». Порой ей казалось, что чуть ли не главной чертой Мусоргского является самолюбие: «Он хочет, чтобы с ним говорил только тот, кто считает за особое удовольствие разговор с ним и кто сам начинает. То же и в других действиях: от излишнего самолюбия он никогда первый не вызовется принести своих романсов. Хотя знает, какое это удовольствие доставит, но он ждёт, чтобы его попросили. Опять по той же причине он никогда не просит Сашу петь, хотя я уверена и знаю положительно, как высоко он ставит её пение…». И тут же: «…он приходит обыкновенно с целью исполнить какую-нибудь свою вещь, показать что-нибудь новое и потому желает, чтобы уже всё внимание было обращено исключительно на него, хочет наполнить собой весь вечер». Испытывая трепетное чувство к Н. А. Римскому-Корсакову («Корсиньке»), Надежда Николаевна боялась намёков, шуток, и потому: «С ним ведь надо у-у… как ухо держать востро… Его дружба с Едкостью [Кюи. – *Л. В.*]… и в нём самом не уверена, чтобы он не был в состоянии дурно про меня сказать, даже с “ухищрением злобы” [выражение М. И. Глинки], а то для красного словца…». Позже она приписала: «Это неверно, чтобы он был способен дурно сказать». Со свойственной её тонкой натуре проницательностью Надежда Николаевна замечала, что Модест лучше,

нежели кажется в ту или иную минуту. Почти всегда попытка запечатлеть что-либо в дневнике о Мусоргском, заканчивалась вопросами или опровержениями. В другой раз «Оркестр» замечает: «Я не могу положительно утверждать, что он не способен никогда и ни при каком случае сказать об нас за глаза что-нибудь дурное, отпустить какую-нибудь неприятную шуточку, подать повод к сплетне». И скоро приписала: «Теперь я убедилась, что на это он не способен».

Уж слишком Мусоргский был не похож на других, и это настораживало. Корсинька пытался развеять все сомнения относительно Модеста, уверяя сестёр, что он – хороший, честный человек. «Милый оркестр», разумеется, соглашалась, но с трудом переносила его юмор: «Он с придурью, и эта придурь подчас бывает очень неприятной». Зато дети всегда доверяли и любили странного, смешного *Мусорянина*, радостным визгом встречая его приход. С ним можно было говорить совсем как со своим сверстником. Дочери Д. В. Стасова Варя и Зина, которых Модест Петрович называл боярышнями, были убеждены, что причудливое *Мусорянин* есть его настоящее имя. А их крошечный брат Андрюша, ещё не выговаривающий букву «р», произносил смешно *Мусолянин*, и добрый их друг, появляясь в доме, с порога кричал: «Вот и Мусолянин пришёл!».

Сколько всего интересного знал их Мусорянин. То рассказывал об именах звёзд и созвездий, учил различать среди светлых россыпей вечернего неба Большую и Малую Медведицу, Кассиопею, Орион, Большого Пса с ярким Сириусом. То объяснял, почему Новый год начинается в январе и почему празднуют его зимой, хотя для детей он всегда начинается с осени, когда нужно возвращаться в Петербург с дачи. Мальчишки знали, что Мусорянину можно рассказать про всяческие происшествия из своей жизни, и он будет слушать с большим вниманием и что-нибудь придумает, а уж доверенную тайну будет хранить вечно. Его обожали и дети Филарета Гога и Танюшка, которые, видимо, напомнили ему собственное детство.

С осени 1870 г. вдруг одна за другой стали появляться новые пьесы вокального цикла «Детская», которые Мусоргский посвятил своим маленьким друзьям: Ванюшке Гартману, любимым племянникам, Саше Кюи, своему крестнику. Эти изумительно точные «музыкальные картинки» – одно из целомудреннейших сочинений во всей мировой музыке, целый мир, который Мусоргский первым сумел сделать живым и осязательным. Музыка, тонко и точно запечатлевшая чистую и трепетную страну детства, «до такой степени расшевелила» Ференца Листа, что он написал ему письмо. По какой-то нелепой случайности композитор, так нуждавшийся в моральной поддержке, его не получил. Не узнал он и о другом письме, написанном ученицей Ференца Листа Аделаидой фон Шорн, в котором она подробно описывала восторг мэтра. А ведь авторитет Листа мог бы существенно изменить отношение к творчеству Мусоргского, который продолжал настойчиво стремиться вперёд, искать, пробовать, учиться, пристальнее всматриваться в окружающее.

«Только не лги, говори правду», – твердил он себе. Правду без прикрас и сусальности. Как часто товарищи по коммуне повторяли слова В. Г. Белинского о высшей задаче художника: «Извлекать поэзию из прозы жизни и потрясать души правдивым изображением действительности». Значит главный источник поэзии –

сама жизнь. Надо только уметь видеть за серой, будничной, а подчас даже смешной или отталкивающей внешностью подлинную красоту, человечность, целую жизненную драму.

Не всем по вкусу была правда Мусоргского. Влиятельный критик Г. А. Ларош писал: «…Если драматическая правда называется "Борисом Годуновым" Мусоргского, то пропадай она совсем». А вице-президент Русского музыкального общества великий князь Константин Николаевич заявил, что это «позор на всю Россию, а не опера». Зато обычная публика, состоящая из немузыкантов, оказалась гораздо прозорливее. «Да, вот это опера – настоящая страница истории!» – восхищался историк Н. И. Костомаров.

Перед премьерой «Бориса» Мусоргский волновался, но ничто не могло поколебать его решимости: «…Если *прозябающие* люди, – писал он Стасову, – кинут в нас хорошим комом грязи; если музыкальные фарисеи распнут нас – наше дело начнёт делаться и будет делаться тем шибче, чем жирнее будут комья грязи, чем яростнее будут хрипеть о проклятии. *Да, скоро на суд!* Весело мечтается о том, как станем мы на лобное место… бодро, до дерзости, смотрим мы в дальнюю музыкальную даль, что нас манит к себе, и не страшен суд… Дерзости хватит на раздачу всем судьям». Мусоргский понимал, что художественные цели «без борьбы никогда не достигаются» и был готов к резким выпадам, печатной ругани со стороны завзятых недоброжелателей и профессиональных критиков, закоренелых противников балакиревского кружка. Но удар в спину от ближайшего товарища, от того, кого в кружке привыкли считать верным борцом за общие идеалы, – от Кюи – потряс его. Рецензия на «Бориса», опубликованная Кюи, оказалась самым тяжёлым и несправедливым ударом: «За этим безумным нападением, за этой заведомой ложью я ничего не вижу, словно мыльная вода разлилась в воздухе и предметы застилает. Самодовольство!!! Спешное сочинительство! Незрелость!.. чья?.. чья?.. хотелось бы знать». Негодование Модеста Петровича разделял и Стасов, увидевший в статье Кюи акт прямой измены принципам кружка. Даже в противоположном лагере его рецензию расценили как измену.

Но ничто не могло сломить творческий дух Мусоргского. В годы борьбы за оперу «Борис Годунов», глубинный смысл которой мало кто мог постичь – так ново, необычно и значительно по мысли было это сочинение, он писал Стасову: «Крест на себя наложил я, и с поднятою головою, бодро и весело пойду против *всяких* к светлой, сильной, правдивой цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой». Мусоргский признавался Стасову, что его неотступно преследует одна дума: «Сказать людям новое слово дружбы и любви, прямое и во всю ширь русских полян, правдой звучащее слово скромного музыканта, но борца за правое дело в искусстве». Он горел желанием воспеть духовную красоту народа, противопоставив её испорченности и корыстолюбию верхов: «Народ хочется сделать: сплю и вижу, ем и помышляю о нём, пью – мерещится он, он один, целый, не подкрашенный и без сусального».

В новой народной музыкальной драме «Хованщина», как и в «Борисе», Мусоргскому хотелось изобразить одну из бурных эпох русской истории, когда внутрен-

ние противоречия обострены, а страсти накалены до предела. В такие эпохи проверяются человеческие характеры и отношения между различными силами внутри государства. Он остановился на переломной для истории России эпохе конца XVII в., непосредственно предшествовавшей Петровским реформам, которые круто изменили всю её внутреннюю жизнь: времени стрелецких бунтов и церковного раскола. Его поразила сила духа простых русских людей, восхитила стойкость раскольников, оказавших отпор грубой силе и отстаивавших своё человеческое достоинство. Это было самое светлое, что видел теперь Мусоргский в жизни, и через историческую тему вновь хотел выразить свои мысли о современном обществе.

В «Хованщине» Модест Петрович создал волевой, непреклонный образ Марфы, душевная красота которой нашла своё выражение в красоте музыкальной. Её добровольная смерть на костре, когда петровские войска окружили последнее убежище раскольников, практически повторяет смерть Е. И. Рерих в одном из прошлых воплощений во времена Ивана Грозного, сгоревшей вместе с другими женщинами в храме, не желая попасть в руки разнузданной своры царских опричников.

Конец 1870-х гг. оказался для Мусоргского очень трудным периодом. «Бориса» ставили всё реже и всё более урезали, пока совсем не сняли. Говорили, что опера не понравилась царской фамилии. Приходилось мириться с положением композитора, не признанного официальными кругами. Для них он – художник-неудачник, выскочка, которому надо указать его место: он просто чиновник, коллежский асессор Мусоргский.

«С некоторых, довольно давних пор, Мусорянин стал предметом каких-то сомнений, подозрений, предположений… уездного досуга. Мусорянин работает – ему только для работы покой нужен», – писал о себе Модест Петрович. Но покоя в последние годы у него не было. Служба в Лесном департаменте, в молодые годы казавшаяся не такой обременительной, теперь не оставляла досуга, иссушала душу. Тяжким грузом на сердце ложилось пережитое. Наступило охлаждение отношений с «кучкистами», друзья обзавелись семьями и отдалились от него, много лет не было общения с братом. Чувство одиночества, тяжёлые переживания и горькие мысли сделали Мусоргского частым посетителем трактира «Малоярославец», куда заходили пообщаться за рюмкой горячительного актёры, музыканты, литераторы, художники. В большинстве своём они оказывались интересными, талантливыми собеседниками, превосходными знатоками народного творчества, к которому Модест Петрович всегда питал живейший интерес. Сближался он и с представителями простой, необразованной части общества, с которыми в те времена не принято было водить знакомство человеку из интеллигентной среды. Но Мусоргский всегда уважал *подлинно человеческое*, под какой бы внешностью оно не скрывалось, и не находил нужным считаться с нормами поведения, выработанными так называемым «приличным» обществом, в лживости и лицемерии которого он давно убедился. Похоже, у посетителей «Малоярославца» композитор находил куда больше понимания, чем у недавних друзей. Римский-Корсаков вспоминал: «Даже буфетчик трактира знал чуть не наизусть его “Бориса” и “Хованщину” и почитал его талант, в театре же ему изменили, не переставая быть любезными для виду, а Русское музы-

кальное общество не признавало его. Вот при таком-то положении вещей страсть к коньяку и заполуночным сидениям в трактире развивалась у него всё более и более. Для новых его приятелей "проконьячиться" было нипочём, его же нервной до болезненности натуре это было сущим ядом».

Бывшие друзья-музыканты, для которых Мусоргский единственный из всех так и остался «младшим», продолжали его поучать. Дирижёр М. Берман вспоминал, как 4 ноября 1880 г. на вечере у Т. И. Филиппова Модест Петрович играл свою «Хованщину» перед ареопагом «Могучей кучки» (Корсакова тогда не было): «Жалко было смотреть, как присутствующие (особенно Кюи) беспрестанно приставали к нему с предложением различных урезок, изменений, сокращений и т. п. Так трепать и крошить новое, только зародившееся произведение, и крошить не с глазу на глаз, а публично, при всём обществе, не только верх бестактности, а прямо-таки акт жестокосердия». Нападки «кучкистов» отбивали всякую охоту к сочинительству, сеяли сомнения в правильности задуманного, что вело к замедлению темпа сочинения. Потому и остались незавершёнными «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка».

И всё-таки несмотря ни на что композитор в последние годы переживал подлинный творческий взлёт. Мусоргского буквально одолевали новые идеи, от которых невозможно было избавиться, и он торопливо набрасывал их, забывая там, где временно жил, – стоило ли возвращаться к уже записанному, когда новые мысли не дают покоя. Н. К. Рерих записал в своих «Листах дневника», что в Боброве, в имении Шаховских, после отъезда композитора, который уже был в болезненном состоянии, нашлись целые кипы музыкальных черновых набросков: «По небрежению всё это сгорело. Кто знает, что там было. Может быть, там были какие-то новые музыкальные мысли, а может быть, уже и готовые вещи...».

«Мусоргский оставил лишь черновики», – часто повторяли после его смерти особенно те, кто ему мешал. Но глубинная мощь «черновиков», как и «рваных», «незакруглённых» произведений Модеста Петровича, настолько превосходит всё то, что было до них, ломает привычную эстетику музыкального восприятия, заражает своей творческой энергией даже тех, кто изначально был предубеждён. Так, А. Н. Серов, услышав «Светика Савишну», невольно воскликнул: «Шекспир в музыке!».

Создавая сверхновую музыку, Мусоргский воздвигал свои ошеломляющие звуковые «вертикали», собирая русское пространство, как собирает его звук гигантского колокола. Он явил не только отдельные произведения, но и особое, *соборное* понимание истории, где никакое деяние не пропадает, но врастает в общую трагедию. Творчество Модеста Петровича оказало влияние на многих композиторов. В России самых ярких своих последователей Мусоргский обрёл в Сергее Прокофьеве и Дмитрии Шостаковиче, во Франции – в Морисе Равеле и Клоде Дебюсси. Последний писал, восхищаясь Мусоргским: «Никто не обращался к лучшему, что есть в нас, на языке более нежном, более глубоком… Никогда более тонкая чуткость не передавалась более простыми средствами». О «Борисе Годунове», ставшем его настольной оперой, он писал: «В нём весь Пеллеас» (имея в виду свою оперу «Пеллеас и Мелизанда»).

Почти полтора века назад Мусоргский предсказывал засилье массовой культуры в ущерб серьёзному искусству: «…буф вступит в легальную связь с канканом… Способ лёгкой наживы и, конечно, столь же лёгкого разорения (биржа) очень родственно уживается со способом лёгкого сочинительства (буф) и лёгкого разврата (канкан)… Но, боже мой, как всем скучно! Как бесчеловечно переполнены все каким-то мертвящим удушающим газом!.. Ах, какие лица, какие ужасные человеческие оболочки!».

Но будем оптимистами и вспомним слова Н. К. Рериха: «…Каждый жизненный опыт кому-то нужен… Каждый посев нужен. Не будем предрешать, но будем сеять. Трогательны бывают нежданные отклики».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Наша история. 100 великих имён. – Вып. 76: Модест Мусоргский. – М.: Де Агостини, 2010.

2. *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995–1996.

3. *Федякин С. Р.* Мусоргский. – М.: Молодая гвардия, 2009. – (Серия «Жизнь замечательных людей», вып. 1196).

4. *Фосдик З. Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934). – М.: Сфера, 1998. – С. 324. – Запись 2 сентября 1928.

5. *Фрид Э. Л.* М. П. Мусоргский. – Л.: Музыка, 1979.

6. *Хубов Г. Н.* Мусоргский. – М.: Музыка, 1969.

Д. А. МИРОНОВ
(СПбГУ; Санкт-Петербург)

ПАРАДОКСЫ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ ВЕЛИКИХ РУССКИХ ВРАЧЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

На нашем веку Академия наук преследовала Менделеева. Не от сладкой жизни ушёл Мечников. Послушайте «вопль в пустыне» Пирогова. Может быть, теперь наука освободилась?

Н. К. Рерих. *Свобода познания. 28 апреля 1943 г.*

Русский секуляризм, возникнув в XVIII в. под западным влиянием, пустил глубокие корни в русском сознании, однако и на Западе, и в России, будучи носителем борьбы против церкви, он постоянно переходил в некую «новую религию»[1]. Даже последовательный материализм, органично переплетаясь с религиозной психологией, приобретает в работах русских учёных своеобразное преломление. Преодолевая секулярную установку на почве натурализма и позитивизма, русское мировоззрение возвращается к христианским идеям, но уже в новом ракурсе. Очень интересно этот процесс происходил в кругах врачей, учёных, физиологов.

Знаменитый врач-хирург, проницательный и гуманный педагог, либеральный общественный деятель Н. И. Пирогов в своей книге-дневнике «Вопросы жизни», которую он писал последние два года жизни, поделился своими духовными иска-

ниями, раскрывшись как философ и религиозный мыслитель. Воспитанный в традициях мысли тогдашнего естествознания, он постепенно отходит от господствующего мировоззрения естествоиспытателей: эмпирического позитивизма и материализма. В первом его не устраивает «чистый опыт»: «без участия мысли и фантазии не состоялся бы ни один опыт, и всякий факт был бы бессмысленным»[2].

Критикуя материализм, Н. И. Пирогов противопоставляет случаю и слепой внешней причинности телеологизм органической жизни. «То, что направляет механические и химические процессы организма к цели, то остаётся и останется для нас сущим и первобытным, хотя и сокровенным для чувственного представления»[3]. Предваряя идеи американского психолога Уильяма Джеймса, «Пирогов убедительно показывает, что единство сознания есть нечто, не имеющее коррелята в мозговой системе, и что поэтому единственное, не противоречащее реальным фактам обобщение должно приводить нас к допущению, что не мысль есть продукт мозга, а напротив – мозг есть “инструмент”, на котором и через который первозданная “немозговая мысль” осуществляет себя в материальном мире»[4]. Таким образом, он формулирует для себя надмировое бытие, высшее начало, которое обозначает как «мировое мышление» и «вселенский разум». Неохотно делится Н. И. Пирогов своими религиозными убеждениями, однако можно заметить, что он чётко различает философское мировоззрение и «живую веру». Вера для него есть основное свойство человека, связанное с его нечувственным самосознанием, как бы отчёт о целостном опыте духовной жизни. В этом опыте душе открывается «сближение с другим, непременно высшим, как будто ей сочувствующим существом». Размышляя над необъяснимым тождеством и цельностью человеческого «Я», он пишет, что «в самых тайниках человеческой души, рано или поздно, но неминуемо должен был развиться осуществлённый идеал Богочеловека»[5].

Н. И. Пирогов предвосхищает идеи космологии и софиологии, развитые впоследствии В. С. Соловьёвым и позднейшими софиологами. Постепенно механический стиль мышления сменяется синтетическим, преодолевается традиционный «водораздел» между физиологией и психологией. И если ещё И. М. Сеченов включает психические процессы в систему рефлексов и отрицает самостоятельность духовных процессов, то его последователь А. А. Ухтомский делает поистине новаторский скачок в рассмотрении природы человека: он органически примиряет вещи, долгое время казавшиеся непримиримыми – знание и веру, науку и религию. Концепция А. А. Ухтомского впервые раскрывает роль идей и идеалов как естественных законов бытия человека, как высших социальных и духовных ориентиров человеческого общежития, обеспечивающих его духовное здоровье. В учении А. А. Ухтомского прослеживается яркая этическая направленность. Построение идеалов связано с верой человека в возможность их существования и осуществления, а сама вера должна быть построена на творческом идеале и служить духовному прогрессу. А. А. Ухтомский мыслил природу человека в непрерывном становлении, и, прежде всего, в становлении его духовной основы, подчёркивая необходимость «творческой идеализации». На принципе «творческой идеализации» построены два закона общения: закон двойника и закон заслуженного собеседника. Закон

двойника – это психофизиологически оправданное состояние человека, при котором мир видится сквозь призму индивидуальных потребностей и мотивов поведения. Состояние двойника ежеминутно и ситуативно. И для того, чтобы не стать статичным, оно должно корректироваться идеалом, который в самом себе несёт идею развития. Таким идеалом становится заслуженный собеседник – недостижимый, но искомый. «Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику. Собеседник же, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас»[6].

Духовный поиск русских учёных был нацелен на сглаживание противоречий между душой и телом, объединение знания и веры. Установка на понимание человека как существа биосоциального по своей природе привела к формированию мощного пласта культуры, который актуален и в наши дни, не только в качестве этического знания, но и в прикладном отношении, как предпосылки для формирования медицинской этики в России[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Зеньковский В. В.* История русской философии. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – С. 366–375.
[2] *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть когда-нибудь прочтёт кто другой. – СПб., 1900. – 2-е изд. – С. 44.
[3] *Там же.* – С. 23.
[4] *Франк С. Л.* Пирогов как религиозный мыслитель // *Франк С. Л.* Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А. А. Ермичев. – СПб.: Наука, 1996. – С. 345–346.
[5] *Там же.* – С. 347.
[6] *Ухтомский А. А.* От двойника к собеседнику // *Ухтомский А. А.* Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – С. 358.
[7] Более подробно см.: *Миронов Д. А.* Этико-антропологические воззрения русских физиологов второй половины XIX века: Дисс. ... канд. философских наук. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008.

В. И. АЛЕКСЕЕВА
(Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского; Калуга)

РУССКИЙ КОСМИЗМ. ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА Н. Ф. ФЁДОРОВА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

> *Не проклятие ли лежит на этом бесцельно соединённом обществе? Оно судит и наказывает, а преступления не прекращаются; оно устанавливает порядок, а порядок вечно нарушается!.. И война, и торговый обмен возможны и неизбежны только в обществах, не имеющих общего дела.*
>
> ***Н. Ф. Фёдоров.*** *Философия общего дела* [7, 153].

Складывается тенденция анализировать в качестве утопических модели социального развития, предложенные русским космизмом. Эта оценка относится и к

мировоззренческим идеям **Николая Фёдоровича Фёдорова** (1828 или 1829—1903) [**1**, 56–60; **3**, 97; **4**, 91; **6**, 95; **10**, 61–66].

С. Г. Семёнова справедливо отмечала: «Н. Ф. Федоров в цеховой классификации философов занимает место утописта. <…> Философское умозрение утопистов выделяет характерное качество: и в генезисе, и в дальнейшем развертывании их идей движущей силой выступает мечта» [**5**, 174]. Жаль, что при этом другие авторы не определяют объёма термина «утопия», хотя из контекста работ понятно, что имеются в виду обычные слабости утопической формы сознания. Чаще всего к ним относится выдвижение нереализуемых социальных проектов, отсутствие механизма перехода от сущего к должному, стремление абсолютизировать человеческое планирование и отсутствие учёта объективных надындивидуальных процессов, тенденция к панлогизму. Заметим в скобках, что Фёдоров подвергался и более резким оценкам [**9**, 326–330; **11**, 72].

Действительно, устоявшийся взгляд на вещи предполагает рассмотрение реальных типов общества (олигархия, аристократия, демократия, самодержавие) в качестве исторически сложившихся социальных организмов, их анализ в рамках истории, культурологии, социальной философии. Анализ может привести к учёту состоявшихся потерь или сохранению социальных обретений, однако рефлексия всегда происходит post factum. Напротив, теоретически сконструированные модели (теократия Августина Блаженного, космократия или пантократия В. Н. Муравьёва, меритократия К. Э. Циолковского, психократия Н. Ф. Фёдорова и множество других проектов) заслуживают названия научной фантастики, утопии, идеального образца. Независимо от позитивных или негативных оценок они, как правило, остаются достоянием теоретической мысли. Возникает значительный зазор между исторической (социально-философской) рефлексией над реальным и критическим анализом мыслимого. Так снова и снова не преодолевается разрыв между живой тканью реального общественного бытия и предлагаемыми теоретическими образцами. Между тем, сам Н. Ф. Фёдоров мыслил практически. Он усматривал непосредственную связь любой философской системы и устроения общества: деизм, по его мнению, приводил к отделению Бога от общества, пантеизм сливал Бога с обществом. Он полагал, что если общество несовершенно, то философская система неверна, ибо она должна служить руководством к действию, равно как и нравственное чувство человека, и религиозное верование.

В настоящей статье предполагается рассмотреть основные социальные идеи Н. Ф. Фёдорова с точки зрения их использования в качестве инструмента анализа современной действительности. На наш взгляд, совокупность этих идей крупнейшего русского космиста может служить методологическим инструментом для выработки нестандартного взгляда на общественное бытие. Выдвинутые мыслителем принципы общественного строительства: целокупность, универсальность человека и социальных институтов, братственность, неслиянность и нераздельность личностей по типу Святой Троицы, единство знания и действия в практике каждого человека – могут представить не только контуры нового общества, но и способствовать переосмыслению старого. Сквозным принципом, пронизывающим важ-

нейшие подходы к соотношениям человека и общества, становится классический античный принцип «всё в одном, одно во всём».

Понятие целокупности предполагает рассмотрение феномена с точки зрения его целостности, тесной взаимосвязи всех частей в составе единого. Целокупность означает не только равноценную значимость людей в обществе, но и особое качество самого общества. Общество без хотя бы одного человека, когда-либо рождённого на свет, уже не является полноценным, оно ущербно. Отсюда вытекает знаменитый постулат Н. Ф. Фёдорова о всеобщей любви людей к предкам, как к родному отцу, о всеобщем братском состоянии людей; здесь берёт начало его странное учение о патрофикации. Оно противоречит Православию, к которому был так привержен Н. Ф. Фёдоров; оно представляется практически нереализуемым, что автоматически относит его в разряд утопий. Тем не менее, космистский принцип целокупности, положенный в основание подобного социального проекта, может быть воспринят как живое, действенное нравственное учение для всех вне зависимости от самого проекта. Тем и отличается содержание глубинных космистских принципов от проектов их реализации, предложенных самими авторами.

Принятие принципа целокупности, реализующееся во всеобщей любви, автоматически означает снятие качества нравственного суда человека человеком. Эта позиция исключает разделение людей на полноценных и ущербных, нужных и ненужных, умных и глупых, полезных и вредных, но предполагает духовную трансформацию неполноценных («злодеев») после их воскрешения. Важнейшее религиозное понятие равенства людей в духе Н. Ф. Фёдоров переносит в социальную плоскость. Согласимся, что этот принцип глубинного духовного равенства, стёртый из памяти и внимания многих поколений, завуалирован и множеством условностей общественного развития. Прежде всего, это сословное разделение, или социальная стратификация. Сюда накладывается ворох условностей социального существования и индивидуального сознания («Я человек маленький», «Начальству виднее», «Они наверху распорядятся»). В обществе царит иерархия расслоений – от престижной работы и уровня доходов до стиля одежды и марки автомобиля, подкреплённая властной вертикалью. Слияние с собственной социальной ролью (представитель службы Президента, начальник отдела, рабочий, колхозница) приводит к одномерности человека. Чаще всего иерархия социальных условностей сращивается с личным комплексом неполноценности. Н. Ф. Фёдоров заставляет вспомнить о том, что человек рождается сыном Божьим, а становится ремесленником, принцем или нищим.

Цельность общества неразрывно связана с цельностью внутреннего, духовного человека, по существу, это две стороны одной медали. «*Выделяя себя от всех других, мы в самих себе производим разрыв – наше “Я”, как сын или брат, восстаёт против своего же “Я”, против самого себя, как отрёкшегося от братства и отечества; а такая внутренняя усобица, эта болезнь нашего учёного века, лишает человека способности к делу; это люди без воли, заеденные рефлексиею, словом, блудные сыны. Внутренний, душевный мир зависит от внешнего, мир с самим собою – от мира со всеми другими, т. е. с братьями*» [**7**, 159]. Все другие – это буквально весь род

человеческий, совокупность цивилизаций планеты, и не только одномоментно живущая, но и ушедшая в прошлое тотальность людей. Тезис об отделении себя от других является абсолютным, он не имеет пространственных или нравственных условий-ограничений, он распространяется на человечество в целом. Критика патриотизма в его эмпирически существующих формах, артикулированная философом, оказывается логически оправданной.

Государственный, национальный, этнический, религиозный патриотизм выглядит слишком узким, приводит к устойчивым, кажущимся идеологически оправданными типам разделения людей, будь то игровая форма спортивного состязания или политическая форма военного конфликта. Оппозиция «свои – чужие» имеет абсолютный нравственный критерий, и вместе с ним абсолютный нравственный запрет. Космисты признают лишь одну форму патриотизма – патриотизма общечеловеческого. Но в таком случае понятие патриотизма расширяется не только до размеров планеты, но и Вселенной, всех населённых миров – то есть растворяется. Если патриотизм частично объединяет, то он автоматически разъединяет людей, тем самым разрушает целокупность общественного бытия и подлежит искоренению; если патриотизм только объединяет, он уже не является патриотизмом.

Обратившись к конкретной ситуации нашей страны, мы увидим, что, используя методологию Н. Ф. Фёдорова, невозможно выйти из современного кризиса, не приняв его же идею всеобщей родственности людей. Советский тип патриотизма, прекратив своё существование, выявил собственную иллюзорность – то, что не стабильно, не устойчиво, не может быть и предельно истинным. Постсоветский тип патриотизма не складывается; общенациональные идеалы, цели и задачи не проявляются и не формулируются; сегодняшний плюрализм мнений, идеологических позиций, экономических и политических интересов выявляет разрушение иллюзии общенационального единомыслия и согласия. Ушёл в прошлое идеологический тип патриотизма, однако никакой иной тип не придёт ему на смену, пока существуют всевозможные формы и проявления неродственности среди людей (от враждебных чувств до экономического и политического угнетения). Поскольку любое неродственное отношение человека к человеку, даже эмоциональное, разрушает целокупность рода, то частичный патриотизм (семьи, клана, партии, республики) также оказывается отрицательным фактором. Сам Николай Фёдорович Фёдоров был патриотом России, он полагал, что возрождение страны наступит на базе самодержавия и обновленного Православия, однако для него это были расширительные понятия. Он полагал, что благодаря освоению принципа всеобщей родственности Россия со временем окажется во главе всемирного движения объединения цивилизаций планеты. Таким образом, частичный, «поместный» патриотизм предстаёт отрицательным фактором, а тотальный, всемирный ведёт к процветанию отдельных стран.

Принцип универсализма предполагает признание полноты человеческой личности и полноты участия человека в общественной жизни. Традиционная точка зрения о том, что разделение труда есть несомненное достижение прогресса, давно подвергается сомнению. Узкий профессионализм, особенно в традиции антитех-

ницизма, воспринимается как социальное зло. Тем не менее, мы не оспариваем постулаты О. Конта и Г. Спенсера об усложнении и дифференциации общественного целого в ходе его исторического прогресса. Вообще регламентация жизни кажется благом; за её пределами нам видится хаос.

Однако ничто не мешает рассмотреть ситуацию с противоположной позиции: врач уже никогда не станет учителем, священнослужитель – шахтёром, а слесарь – философом. Хорошо это или плохо? С точки зрения Н. Ф. Фёдорова жёстко закреплённые социальные роли не просто ограничивают человека; они являются факторами противоборства, следовательно, безнравственности. Речь идёт не о том, что социальная специализация сложна и, по видимости, необходима, а о том, что цельный духовный человек имеет потенциал развития способностей, завуалированных современными принципами общественного строительства. Ничто не мешает проиграть гипотетическую ситуацию развития человека, который способен быстро осваивать всю сумму знаний, выработанных человечеством, легко ориентироваться в ней, менять служебные роли в течение жизни по своему желанию. Это излюбленная тема советских писателей-фантастов, в частности, И. А. Ефремова. По мнению писателя, многократная смена специальностей за одну трудовую жизнь обеспечивает человеку свободу, многогранность творчества, широту взглядов, смену впечатлений, игровое отношение к действительности.

Возможно, осваивая принцип Н. Ф. Фёдорова, продумать и другой вариант, представить себе реальность ноосферы как единого информационного поля планеты, созданного совокупными интеллектуальными силами мира, подключаясь к которому человек сможет черпать знания из любой области в зависимости от потребности в них. Выход за пределы одномерной профессиональной роли предполагает не только расширение сферы деятельности, но прежде всего преодоление того потолка философских, научных или мистических знаний, на которые опирается человек. Этот тезис направлен не против глубины дифференцированного знания, а против одномерности узкой специализации и признания своих специальных познаний в качестве конечных, предельно достоверных, пригодных для всех случаев жизни. Идеи школы-храма, школы-музея, сельскохозяйственной общины, занимающейся одновременно и мануфактурным трудом, раскрывают именно этот аспект человеческой жизни. При современном разделении социальных ролей врача, учителя, священника, правоохранителя, руководителя и исполнителя трудно представить себе подобную слитность. Однако возможно представить ситуацию цельного, универсального человека, который является сам себе врачом, учителем, священником, правоохранителем, постановщиком и исполнителем социальной задачи. Мысль Н. Ф. Фёдорова: в нашей школе нет иного закона, кроме закона Божьего, а между тем ни одна наука не отрицается – раскрывает единственно возможный принцип сосуществования религии и науки, когда представление о священном питает и направляет научное исследование, растворяется в нём, не будучи вынесено в отдельное производство.

В реальном обществе происходит воспроизводство государства как института власти части людей над общественным целым с целью организации его эффектив-

ного функционирования, воспроизводство властной вертикали (в данном случае неважен прогрессивный или регрессивный характер власти). При этом социально-философская рефлексия не вырабатывает и не рассматривает альтернатив. Н. Ф. Фёдоров, по существу, предлагает невиданную альтернативу. Властная вертикаль заменяется системой самоуправления общества, базирующейся на социальном принципе «всё в одном, одно во всём», на универсализме человека и основных социальных структур. Универсуму человека соответствуют универсальные социальные институты: храм-музей; школа-храм; храм – астрономическая обсерватория; трудовая община, совмещающая функции сельскохозяйственного и мануфактурного производства, армии и трудовой коммуны.

Космизм размывает, релятивизирует понятия, традиционно считающиеся незыблемыми. Что есть социальная справедливость? Расплывчатое условное понятие, не имеющее дефиниции и критериев. В обыденном сознании оно предстаёт в виде пакета социальных благ, дифференцированного в соответствии с сословием или социальной категорией населения. Чаще всего оно осложнено модальностью долженствования («государство нам должно»). Политические лидеры, кандидаты в депутаты, правительства предлагают целый спектр позиций, ассоциирующихся в их представлении со справедливостью для общества. Возьмем такой мифический критерий социальной справедливости, выдвинутый В. И. Лениным в книге «Государство и революция», как равная оплата труда высших администраторов страны и трудящихся.

Реальная ситуация показывает, что объём материального вознаграждения напрямую зависит от объёма власти (экономической, политической, идеологической, административной) и не зависит от политического строя. Мифологема Ленина исчерпана как невоплощённый идеал, не могущий воплотиться в экономическом и политическом обществе. Возможно ли выработать альтернативу (уравнительный принцип, объём труда, ценность человека)? Вряд ли. Однако современная российская ситуация, с точки зрения Н. Ф. Фёдорова, несёт серьёзную ущербность. Это отсутствие всеобщей христианской любви, отсутствие мотива «не для себя, не для других, но со всеми и для всех», отсутствие чувства всеобщей родственности и наличие сословного, корпоративного, семейного, индивидуального эгоизма. Отсутствие у абсолютного большинства членов общества этих качеств, этих векторов духовного развития и приводит, по мысли Н. Ф. Фёдорова, к подобным ситуациям. Проработать их возможно не с позиции смены политической власти, перераспределения материальных благ и социальных ролей, но с позиции всеобщего духовного развития, в результате которого должен измениться принцип распределения материальных благ в обществе, но как именно он изменится – это невозможно предсказать.

Из системы социального устройства, базирующейся на принципах Н. Ф. Фёдорова, исчезают понятия, на которых зиждется цивилизованное общество: властная вертикаль, право, неформальная иерархия сословий, совокупность специализированных социальных институтов, узкий профессионализм как закреплённая за человеком социальная роль. Реально мы наблюдаем, что часть общества управляет

целым, стремясь регламентировать максимальное количество ситуаций, захлёбывается в ограничительных и принудительных мерах, но не достигает результата. Развивается формализм, прямым следствием которого становится личная несвобода и невозможность проявления спонтанного творчества. («Вписывайтесь в утверждённую смету, – говорит вам бухгалтер, – не выходите за рамки бюджета», – и это при условии, что он вообще имеется). Общество, стремясь спланировать, профинансировать, регламентировать, урегулировать всё, не способно совладать с этим всем, с тотальностью сверхсложного социального бытия. Вот почему проблемы российского общества, которые описывал Н. Ф. Фёдоров, усугубились за прошедшие сто лет. Многовековые традиции государственного управления зацементировали и наше сознание, укрепили приверженность к общепринятым мыслительным парадигмам, сделали почти невозможным принятие «странных» нестандартных решений глобальных проблем.

«…Троица может служить критерием для нравственной оценки договоров, на которых основываются общества разного рода. Несомненно, что основы учения о Троице лежат в глубине человеческой совести, которые и руководят человека в его социальных отношениях, а между тем некоторые и до сих пор ещё ставят социальные отношения вне этики, т. е. науки о нравственности. Мысль об осуществлении на земле подобия Триединому (подобно мысли о воскрешении, которое и есть её, Бессмертной Троицы, полное выражение) никогда не была чужда человечеству, но никогда человечество не ставило себе целью постепенного осуществления такого подобия, даже никогда не делало, сознательно по крайней мере, оценки различных договоров, союзов, ассоциаций с этой высшей точки зрения; оно, по-видимому, даже опасалось затрагивать мысль об оценке, потому что не считало возможным отказаться от таких договоров, которые явно противоречили образцу» [**7**, 83].

Вся философия Н. Ф. Фёдорова – о том, как воплотить высшие мыслительные идеалы-образцы в жизнь, сделать нашей практикой. Если говорить в предельно обобщённом смысле, он предложил систему мироздания, в которой человек и общество подобны Богу в качествах совершенства, бессмертия, цельности и полноты бытия. Вся задача нынешнего момента и состоит в том, чтобы приступить к реализации этого подобия, которое на первый взгляд кажется столь же недоступным, как любой другой высший мыслительный образец. Всеединство при полном развитии личностей, общее дело при различных индивидуальных склонностях, братство при наличии самых негативных качеств у людей – как такое возможно? Однако существует высший образец, к которому можно стремиться. Нераздельность Святой Троицы воплощается в братском состоянии общества, а неслиянность в свободном развитии личностей. Бог активно участвует в социальном строительстве, если человек способен услышать его. Поощряет, направляет, помогает, и всё это проявляется в результатах практической жизни. Н. Ф. Фёдоров иллюстрирует эту мысль примером: погода, климат могут помогать человеку, а могут убивать его. Если люди действуют совместно с Богом, погода помогает. Если нет, она вызывает засуху и наводнения. Такой вывод он сделал из наблюдений за российскими и европейскими событиями конца позапрошлого века. А теперь попробуем применить

эту гипотезу к анализу нарастающей природной, а не техногенной катастрофичности в настоящий момент, к последствиям цунами в Индийском океане и найти тот аморальный фактор, последствием которого стало уничтожение 300000 человек.

Как должен проявляться принцип «всё в одном, одно во всём» в социальной жизни? Возьмём обычную ситуацию, в которой пребывает большинство людей. Зимний снег, заносы, гололёд – непогода, из-за которой возникают опасные для жизни ситуации на транспорте, повышенный травматизм, отсутствие бытового комфорта. Это хроническая, обыденная проблема. Её можно решить двумя известными в обществе путями. В России она решается варварским способом: существующие службы не справляются со снегом и гололёдом (причины оставляем в стороне, чаще всего людям кажется, что это нехватка того и сего). Можно сказать, что она не решается, это ситуация социального хаоса. В Европе в силу другого национального сознания она решается административным способом. В ряде стран существует закон, согласно которому в экстренных ситуациях население обязано чистить участки, прилегающие к жилью. Этой зимой пришло сообщение из Италии об административном взыскании с пожилой женщины, которая не выполнила это распоряжение.

Рассматривая эти два пути решения проблемы с космистской позиции «всё в одном, одно во всём», мы увидим, что ни один из них не выдерживает критики, ни варварский российский (ситуация бесконтрольна), ни цивилизованный европейский (ситуация под контролем). Первая, российская, ситуация свидетельствует об отчуждении человека от окружающего природно-социального пространства. Минимальные удобства создаются для себя в минимальном пространстве жилища, дачи, рабочего кабинета. За порогом начинается «не моё», и огромным массам людей безразлично качество этого пространства. Вторая, европейская, ситуация социально организована. Есть социальный институт, регулирующий вопрос, в данном случае это закон об уборке городского пространства в чрезвычайных ситуациях. Где есть закон, то есть применение власти, там есть регламентация обязанностей человека и некоторая степень принуждения, закон по определению неразрывно связан с принуждением. В нашем случае не выполнившие распоряжение граждане административно наказываются. Можно по-разному оценить эти две ситуации, но с точки зрения философии Н. Ф. Фёдорова они в равной степени нехороши. Он предлагает третий путь, путь общественного самоуправления. В примере с уборкой снега ситуация должна развиваться третьим, особым способом. У всех или у большинства людей должно появиться желание, потребность в чистоте и порядке. Предположим, что всего лишь у одного человека возникло желание убраться у входа в подъезд, расчистить часть двора, тротуара, улицы. Этот человек не размышляет, не перекладывает труд на кого-то, он просто делает – *не для себя, не для других,* по Н. Ф. Фёдорову, а потому что есть такая потребность. Этот душевный порыв совпадает с общественной потребностью, с тем, что полезно в данный момент, и он передаётся многим другим людям. И тогда лопаты возьмут в руки не те, кто должен, а те, кто может, и без всякой внешней организации, а по желанию. Младенцы, старики и инвалиды не будут это делать, а будут делать сотни тысяч

людей, ощутивших потребность убраться и получивших от этого удовольствие. Примерно так должен воплощаться в социальной жизни лозунг Н. Ф. Фёдорова «*не для себя, не для других, а со всеми и для всех*».

Резко критикуя ту форму прогресса, которую он наблюдал в России и Европе, Н. Ф. Фёдоров указывал, что принцип нераздельности и неслиянности не реализуется в обществе промышленного прогресса и скудных потребностей людей. Напротив, возникают уродливые формы единения, противоречащие свободе:

«Социологически прогресс выражается в достижении наибольшей меры свободы, доступной человеку (а не в наибольшем участии каждого в общем отеческом деле), ибо само общество, как небратство, конечно, требует ограничения свободы каждого; таким образом, требование социологии будет требованием наибольшей свободы и наименьшего единства общения, т. е. социология есть наука не общения, а разобщения, или порабощения, если допускается поглощение личности обществом; так что наука разобщения у одних и наука порабощения у других, социология грешит против нераздельности и неслиянности, против Бога Триединого. Прогресс есть именно та форма жизни, при которой человеческий род может вкусить наибольшую сумму страданий, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслаждений» [**7**, 29].

Итак, по Н. Ф. Фёдорову, преобладание человека над человеком считается в обществе необходимой формой объединения, а разъединение считается свободой. Содержание понятий свободы и объединения деформированы, искажены. В той же мере деформированы и представления о Боге, даже в русле христианской парадигмы, к которой был привержен сам Н. Ф. Фёдоров. Мало того, между двумя формами искажения существует прямая связь.

Он полагал, что наше понимание Бога, даже если оно истинно, ещё не проведено в жизнь. Бог пребывает в церкви, в святых местах, в молитве, к которой прибегают далеко не все и не всегда. Бог в социальном бытии поместный, пребывающий, но не действующий, да и то не везде, а в отведённых для этого местах. Не построил ли человек некий театр абсурда, вынув Бога из индивидуальной души и коллективного социального тела и поместив его в храмах и монастырях? Не дробим ли мы неоправданно свою цельную душу на части, посещая отдельно храм, отдельно профессиональную службу, отдельно консерваторию или магазин, тем самым умственно и нравственно разделяя высокое и низкое, духовное и материальное, тем самым участвуя в сумме социальных ролей, слабо связанных между собой? Отсюда рождается мысль Н. Ф. Фёдорова о храме-общине, храме-школе и литургии, объединённой с обычными человеческими повседневными делами. Мысль обратить богослужение в активное социальное дело, пронизать принципами богослужения обычные дела человеческие не так плоха. При этом одномерные формы существования любого социального феномена должны трансформироваться, превращаясь в универсально приемлемые. Школа-храм не есть школа с богословием в качестве ведущего предмета, но общеобразовательная школа с нравственным воспитанием, светская по форме, но религиозная по духу.

Проиграем мысленный эксперимент: образ бытия Православия, буддизма, баптизма, евангелизма переносим на всё общество в целом. Получим мало хорошего и

радостного, и прежде всего высокую степень одномерности нашего нового теократического общества. Тем не менее, ни одна религия и духовная практика не просуществовала бы долго, если бы не имела некой духовной сердцевины, отражающей некие универсалии человеческого бытия. В христианстве это любовь к ближнему и идея всепрощения («любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас…»), в буддизме этика самосовершенствования и качества милосердия, щедрости и сострадания, в индуизме религиозная толерантность, в практике дзэн антидогматизм и т. д. Правда, Н. Ф. Фёдоров полагал, что совершенное общество будет построено на базе Православия, однако он делал упор на универсальные, космические стороны христианства.

Жизненные реалии показывают, что все виды властных вертикальных структур не являются, да и не могут по определению стать универсальными. Власть духовная (церковная, идеологическая), культурная (культурные стандарты и клише, вырабатываемые СМИ; административное управление культурой), политическая, административная пронизывает общество. Все эти вертикали не только слабо пересекаются, но и дробятся, множатся – ни одна из них не является универсальной, пригодной для блага всех. Каждая являет собой спектр зачастую соперничающих течений и направлений. То, что мы принимаем за духовный, культурный, политический, административный плюрализм и считаем благом, рассматривается в космизме с противоположной точки зрения, с позиции отсутствия универсальности блага, необходимого всем в равной мере. Достаточно привести пример деятельности различных церквей, религиозных общин и духовных практик. При наличии универсальных духовных истин ни одна из известных, по крайней мере, в России, структур не стремится стать универсалией духовного бытия всех россиян без разделения на конфессии, группы, течения со всеми их условностями и ограничениями. Автоматически ни одна из них не может выйти на космический уровень.

Важной посылкой социального строительства, на которой настаивал Н. Ф. Фёдоров, было признание правильного знания и одновременности социального действия. Острая критика разделения общества на городское сословие и сельскую общину, на учёных и неучёных, священнослужителей и паству имела под собой следующие основания:

«*Знание без дела не разрешает вопроса о братстве, не ведёт к спасению; только дело, основанное на знании, только знание, неразрывно связанное с делом и в нём выражающееся, спасительно*» [**7**, 8].

Нет ли доли истины в этих суровых словах мыслителя? Все мы совершаем некоторую духовную работу, желая друг другу счастья, мира, благополучия в связи с праздниками, официальное число которых неуклонно растёт. Этот благой духовный порыв как-то повисает в воздухе без опоры на действительность. Откуда придёт счастье в Новом году, если не работать над его созиданием? Откуда придут деньги, если не изменить собственной пассивной натуры? Где пребывает благополучие и как добиться его благосклонности, если глобальная катастрофичность нарастает? Одно из полушутливых определений гласит: «Общество – это люди и

разговоры между ними». Разговоры и эмоциональные всплески не изменяют коренного положения в индивидуальной жизни и в бытии страны.

Ситуацию, когда добрые пожелания и социальные действия не совпадают или даже просто не пересекаются, Н. Ф. Фёдоров считал совершенно ненормальной. Его принцип: пожелал – сделал, подумал – воплотил, спроектировал – построил, каждый на своём месте и все в совокупности. Этот принцип предполагает, что каждый человек, имея социальное пожелание, спонтанно начинает действовать, не опираясь на авторитет, разрешительную санкцию, правило, обычай. Возможность подобной творческой игры без правил обычно вызывает опасения в построении волюнтаризма или падения в хаос. Однако не следует забывать главного правила, заложенного Н. Ф. Фёдоровым в эту социальную игру – чувства всеобщей родственности.

Космистские принципы Н. Ф. Фёдорова иные: целое управляет целым через всех и каждого, т. е. осуществляется тип духовно-практического самоуправления. Самоуправление ситуативно, оно реагирует на изменившуюся ситуацию практически мгновенно. Власть и право в их современных, жёстко закреплённых сословно-бюрократических формах растворяются и исчезают. Социальная иерархия трансформируется в содружество равнозначных и равноценных взаимопроникающих социальных институтов. Институты общества, в свою очередь, универсализуются, сливаются или расширяются. Высшим критерием их существования становится практика: ненужные исчезают или конвертируются (армия сливается с народом, передав обществу свои лучшие качества). Отрицание, как горизонтальной дифференциации социальных функций, так и властных вертикалей всех видов, от церковной иерархии до аппаратов принуждения, базируется на ситуативном исполнении необходимых функций всеми желающими и способными. Социальный универсум функционирует как живое многокрасочное целое, в котором человек постоянно наращивает свои способности, цельность и свободу. Не кухарки управляют государством вместо министров, но каждый на своём месте становится по необходимости и желанию кухаркой, дворником или министром – ситуативно. Универсализация общества происходит параллельно с универсализацией человека, который попеременно играет такое количество социальных ролей, на какое он способен.

«Итак, в учении о Триедином Боге дан нам не только образец совершеннейшего общества, но в нём же начертан и самый путь к осуществлению этого общества», – так считал космист Н. Ф. Фёдоров [**7**, 93].

Н. А. Бердяев писал о Н. Ф. Фёдорове: «Это был русский искатель всеобщего спасения. В нём достигло предельной остроты чувство ответственности всех за всех, – каждый ответствен за весь мир и за всех людей, и каждый должен стремиться к спасению всех и всего» [**2**, 205]. Если применить эту мысль к проблемам всеобщего социального действия, увидим, что правильное человеческое общество не может базироваться ни на законе, ни на власти, ни на социальном регулировании и регламентировании. Оно может быть основано только на духовной связи всех со всеми через высший духовный центр – Бога. Контуры такого общества мы себе сейчас не представим, но, начав его строить, непременно получим благие резуль-

таты. А начать можно только с выработки внутри себя самого духовно чистых потребностей – они же окажутся и общественно полезными. В этом и заключается тайна девиза «не для себя, не для других…». Космизм русской философии и, в частности, учения Н. Ф. Фёдорова заключается не в обосновании научно-технической экспансии и власти человека над физическим миром космоса, не в космических масштабах деятельности, а в признании космичности цельного человека в цельном обществе здесь, на Земле. Этот тип космизма, развиваемый ещё античными мудрецами, устанавливает прямую причинно-следственную связь между человеком, обществом и высшим законом мироздания, который в античные времена назывался Логосом, а позже Богом.

В заключение не могу не привести примера цельности мышления Н. Ф. Фёдорова. В одной лишь фразе выражены принцип всеединства человечества; вскрыты важнейшие деформации реального общества; показан социальный идеал, а также разрыв между социальным идеалом и действительностью; практика обоснована как путь осуществления идеала и высший критерий истинного знания; обоснован тезис о прямой зависимости правильного объединения человечества и прямым контактом Бога с человеком.

«Осуществлённое в действительности человеческое многоединство или всеединство (мы говорим все-, а не всёединство, желая тем выразить единство личностей, а не отвлеченное всёединство) есть необходимое условие понимания Божественного Триединства. Пока в жизни, в действительности, самостоятельность лиц будет выражаться в розни, а единство – в порабощении, до тех пор многоединство, как подобие Триединства, будет лишь мысленным, идеальным. Если же мы не допускаем отделения действия от мысли, то Триединство будет для нас не идеалом лишь, а проектом, т. е. не надеждою только, а заповедью. Только делая, осуществляя на деле, можно понимать. Потому и осталась Троица нераздельная пустою формулою, что заключавшие мир вовсе не думали об условиях прочного, вечного мира, содержащегося в учении о Троице нераздельной. Божество тем более открывается, чем более мы входим в объединение, и наоборот» [**7**, 86].

Речь идёт о завершении военного конфликта в Русско-турецкой войне 1878 г. Сколько малых и больших войн случилось с той поры, сколько агрессии носит в себе человек, будучи не в силах выйти на уровень всеединства… Правильно понимать и правильно действовать – это всё, чему учил московский Сократ Николай Фёдорович Фёдоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов М. В.* Социально-утопический космизм Н. Ф. Фёдорова // Россия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 16–19 декабря 1996 г. – СПб.: Издательство БГТУ, 1996. – С. 56–60.

2. *Бердяев Н. А.* Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000.

3. *Гаврюшин Н. К.* Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новые тысячелетия», 1996. – С. 96–107.

4. *Пазилова В.П.* Критический анализ религиозно-философского учения Н. Ф. Федорова. – М.: Изд-во Московского университета, 1985.

5. *Семёнова С. Г.* Николай Фёдоров: Творчество жизни. – М.: Советский писатель, 1990.

6. *Семёнова С. Г.* Философия бессмертия // Общее дело: Сб. докладов, представленных на I Всесоюзные Фёдоровские Чтения. – М., 1990. – С. 44–65.

7. *Фёдоров Н. Ф.* Философия общего дела: В 2 т. – Т. 1. – М.: Издательство АСТ, 2003.

8. *Фёдоров Н. Ф.* Философия общего дела: В 2 т. – Т. 2. – М.: Издательство АСТ, 2003.

9. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. – Вильнюс, 1999. – С. 322–330.

10. *Яблонский Э. Г.* Смерть и бессмертие в учении Н. Ф. Фёдорова // Россия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 16–19 декабря 1996 г. – СПб.: Издательство БГТУ, 1996. – С. 61–66.

11. *Яблонский Э. Г.* Философско-мировоззренческие основания русского космизма: Дисс. ... канд. философских наук. – СПб., 1999.

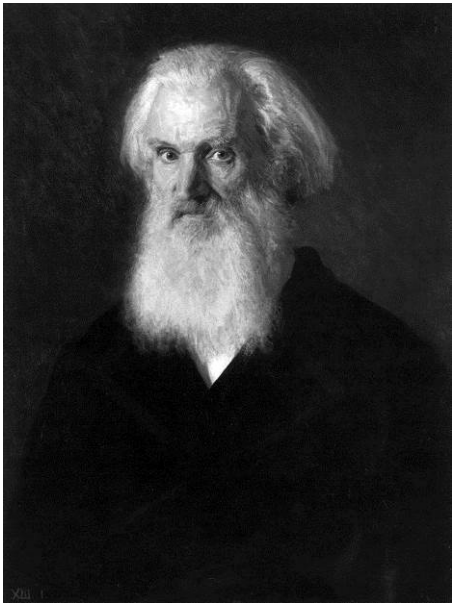
Е. А. БОРОВСКАЯ

(Санкт-Петербургский государственный институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Санкт-Петербургское художественное училище им. Н. К. Рериха)

Н. К. РЕРИХ КАК РУКОВОДИТЕЛЬ РИСОВАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НА ЭТОМ ПОСТУ

Трудно переоценить тот вклад, который внёс Н. К. Рерих в упрочение и развитие Санкт-Петербургской Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств (далее – *ИОПХ*), будучи её директором на протяжении более чем десяти лет – с 1906-го по 1917-й год. Н. К. Рерих вступил в должность, имея довольно чёткую программу действий, у него имелось, как минимум, пять лет до этого для изучения положения дел в Школе и планирования возможных реформ. Ещё в период работы Н. К. Рериха секретарём ИОПХ в педагогическом составе Школы произошли заметные изменения: в качестве преподавателей были приглашены многие духовно и творчески близкие Н. К. Рериху лица. Уже первые годы директорства Н. К. Рериха принесли много организационных новаций. Изменения коснулись и методики преподавания: Н. К. Рерих стремился по возможности обогатить содержание педагогического процесса и связать его с реальными потребностями художественной жизни. Основными идеями, последовательно проводимыми Н. К. Рерихом на протяжении всех лет его директорства, были поощрение творчества, увеличение разнообразия его форм, уход от подражательства, снижение роли образцов и канонов. Так, Н. К. Рерих поставил целью постепенный, но совершенно определённый отказ от пресловутого «копирования оригиналов». Согласно его предложению, была организована «Мастерская графического искусства», что было одним из первых опытов такого рода в отечественном художественном образовании. Н. К. Рериха также не могла не привлекать сценография как синтетическое искус-

Ил. 1. А. С. Семёнов. Портрет основателя Рисовальной школы К. Х. Рейссига. 1853
Бумага, акварель. © ГРМ

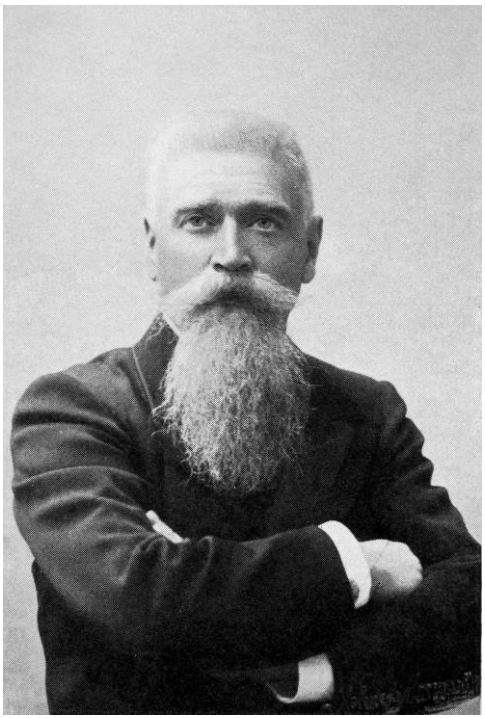


Ил. 2. И. Н. Крамской. Портрет художника М. В. Дьяконова. 1875
Холст, масло. © ГРМ

ство, а сама по себе идея синтеза искусств в определённой мере была контрапунктом его творческих исканий, в том числе и в области художественной педагогики, в связи с этим в Школе стали готовить декораторов. Важнейшим начинанием стало возобновление издания альбомов художественно-промышленных рисунков, выполненных учащимися Школы. Заметную роль в педагогическом процессе сыграл созданный в первом же году директорства Н. К. Рериха класс обсуждения эскизов, и этот аспект его педагогического опыта, как кажется, может быть успешно применён в современной художественной школе – как средней, так и высшей.

Н. К. Рерих подготовил проект преобразования Рисовальной школы в «ещё небывалый, неиспользованный для Империи тип “Школы Искусства”, где, вступая в искусство с самых низких ступеней, даровитый человек может в постепенном совершенствовании выйти законченным художником любой отрасли искусства»[1]. Проект этот долгое время занимал Н. К. Рериха, который особенно энергично пытался его реализовать после Февральской революции и даже после Октябрьского переворота 1917 г., полагая, что обновлённой России «Свободная Школа Искусств» окажется необходимой.

В большинстве работ, посвящённых исследованию жизненного и творческого пути Н. К. Рериха, его деятельность на посту директора Рисовальной школы ИОПХ рассматривается почти исключительно с точки зрения педагогического и организационного новаторства. Однако педагогический поиск Н. К. Рериха имел под собой



Ил. 3. Директор Рисовальной школы ИОПХ Е. А. Сабанеев. Фотография 1890-х гг.

Ил. 4. Директор Рисовальной школы ИОПХ Н. К. Рерих в своём кабинете. Фотография 1914 г.

глубокие основания как в его творческом мировоззрении, сформированном под воздействием русской национальной школы изобразительного искусства и глубоких познаний в области мировой художественной культуры, так и знанием лучших достижений и достоинств отечественного художественного образования, в том числе и опыта Рисовальной школы.

В связи с этим представляется важным обратиться к истории данного учебного заведения и к деятельности предшественников Н. К. Рериха, возглавлявших Рисовальную школу с момента её основания. Собственно, история Рисовальной школы может быть представлена хронологически, с выделением четырёх этапов, следующим образом:

1. Рисовальная школа для вольноприходящих на Бирже. 1839–1857, попечитель К. Х. Рейссиг [*ил. 1*];

2. Школа под патронатом Общества поощрения художников. 1857–1879, попечитель Ф. Ф. Львов (до 1864), директор М. В. Дьяконов [*ил. 2*];

3. Развитие школы ИОПХ и распространение её педагогических принципов. 1879–1906, директор Е. А. Сабанеев (с 1881) [*ил. 3*];

4. Рисовальная школа ИОПХ под руководством Н. К. Рериха [*ил. 4*]. 1906–1917.

Выделенные периоды в работе Школы характеризуются определённым единством, как организационной стороны жизни учебного заведения, так и спецификой художественных и педагогических задач. Кроме того, подобная периодизация подчёркивает связь Школы с художественной жизнью своего времени, поскольку они в значительной мере совпадают с определёнными этапами развития русского искусства, что не могло не отразиться как на содержании учебного процесса, так и на понимании собственно художественных, эстетических и практических задач Школы.

Санкт-Петербургская Рисовальная школа для вольноприходящих учеников была основана в 1839 г. выдающимся деятелем русской культуры К. Х. Рейссигом. Открытие Рисовальной школы явилось продолжением стремления К. Х. Рейссига упрочить позиции прикладного искусства (в том числе и тех его аспектов, которые в современном понимании связаны с дизайном) в системе «знатнейших художеств». Рисовальная школа с первых дней своего существования заявила о себе как о новаторском учебном заведении. При Школе, ещё с 1842 г., начали функционировать женские классы – первое в России и одно из первых в Европе женских художественных учебных заведений. Выпускники Рисовальной школы занимали видное положение в области художественных ремёсел, многие из учеников продолжали обучение в Императорской Академии художеств и в дальнейшем стали крупными мастерами. Вместе с тем, в конце 1850-х гг. К. Х. Рейссиг был отстранён от руководства Школой, а само учебное заведение перешло с 1858 г. под попечительство Общества поощрения художников (далее – *ОПХ*) и на некоторое время приняло на себя функции «элементарного» – подготовительного академического класса.

Новое положение о Школе официально предусматривало создание двух отделений: художественного и художественно-промышленного. Назначенный вместо К. Х. Рейссига попечителем Школы Ф. Ф. Львов на заседании комитета ОПХ 9 января 1858 г. представил свою записку «О Рисовальной школе для вольноприходящих», где отмечал: «…польза, которую Школа принести может в двояком назначении, т. е. школы для ремесленников и школы элементарной для образования художников, одинаково важна, поэтому предположено делить учеников и учениц во всех классах на два разряда: 1) ремесленный, или мануфактурный, и 2) художественный, или академический»[2].

В начале 1859 г. секретарь ОПХ и попечитель Школы Ф. Ф. Львов направился в трёхмесячную командировку в Европу для ознакомления с тамошними художественно-промышленными учебными заведениями и приобретения для Школы оригиналов и пособий. Ф. Ф. Львов посетил Германию, Францию и Англию и мог убедиться в том, что художественно-промышленному образованию в этих странах придаётся большое значение.

Зарубежное турне Ф. Ф. Львова имело для Школы на Бирже весьма серьёзное практическое следствие – двукратное снижение платы за обучение. ОПХ по этому вопросу обратилось, заслушав отчёт Ф. Ф. Львова (в отчёте отмечалось, что на Западе вообще не взимается плата за обучение в художественно-промышленных школах), с ходатайством «на Высочайшее имя» о выделении средств на содержание Школы в размере 4000 рублей в год. Ходатайство ОПХ было поддержано, а затем

последовало и соответствующее распоряжение Александра II. Эта мера, безусловно, способствовала притоку желающих учиться: в 1859 г., после снижения платы за обучение, контингент учащихся вырос почти в два раза[3], причём основной прирост касался художественно-промышленного направления.

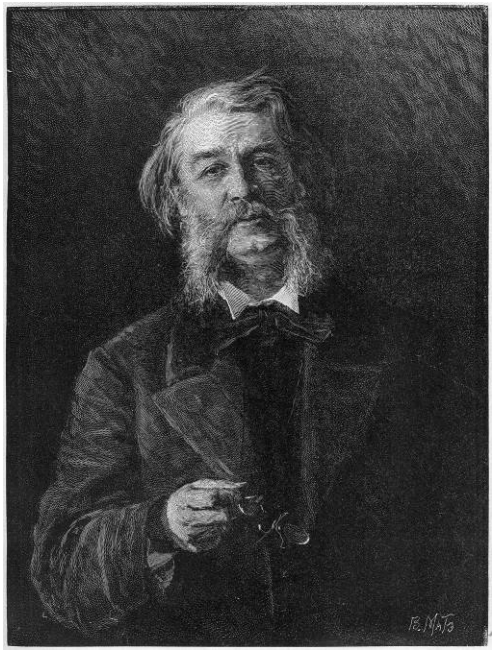
Ф. Ф. Львов был не только попечителем Школы, но и конференц-секретарём Императорской Академии художеств (далее – *ИАХ*). В период перехода Школы под патронат ОПХ и в течение нескольких последующих лет характер деятельности Ф. Ф. Львова видится вполне определённо – как адепта Академии, приверженца традиционного для тех лет её курса, стремящегося любыми средствами сохранить монопольное положение Академии в художественной жизни. Однако он был человеком просвещённым и сведущим в искусстве, в том числе европейском – иными словами, Ф. Ф. Львов был, безусловно, в состоянии понять необходимость изменений и в художественной жизни России в целом, и в самой Академии. Напомним, что именно Ф. Ф. Львов предложил И. Н. Крамскому преподавать в Школе на Бирже, а после «бунта 14-ти» не изменил своего отношения к художнику, хотя для Ф. Ф. Львова как конференц-секретаря Академии было возможным применить к «главному бунтарю» некие репрессии. Ф. Ф. Львов в дальнейшем стал директором Строгановского училища в Москве, деятельность его на этом посту была весьма успешной и отличалась чутким вниманием к новым веяниям в искусстве, в том числе и в декоративно-прикладном[4].

В качестве руководителя Рисовальной школы Ф. Ф. Львов приложил немало усилий к тому, чтобы художественно-промышленное направление работы этого учебного заведения было сохранено. Однако в 1864 г. Ф. Ф. Львов был отстранён от должности попечителя Школы (эта должность была упразднена).

С 1865 г. Школу возглавил в должности директора М. В. Дьяконов. М. В. Дьяконов был, прежде всего, прекрасным администратором; в своё время он пользовался известностью как миниатюрист и акварелист, – иными словами, он прекрасно соответствовал должности директора художественного учебного заведения. Имеющиеся биографические сведения о М. В. Дьяконове не слишком обширны. Сын муромского мещанина Михаил Васильевич Дьяконов родился в городке Оса Пермской губернии в 1807 г. В конце 1820-х гг. с родителями переехал в Петербург. В 1829 г. поступил посторонним учеником в ИАХ, жил частными уроками по русскому языку, каллиграфии и рисованию; в 1839 г. получил звание свободного художника по миниатюрной портретной живописи. С ноября 1861 г. начал работать в Рисовальной школе в качестве надзирателя. Деятельность М. В. Дьяконова высоко оценивалась ОПХ, в 1877 г. к 70-летию директора Школы в ней был выставлен его портрет, написанный И. Н. Крамским в 1875 г. [*ил. 2*], – пожалуй, наиболее видный след, оставленный М. В. Дьяконовым в русском искусстве[5]. В отчёте ОПХ за 1870 г. подчёркивается роль М. В. Дьяконова в организации Художественно-промышленного музея и библиотеки ОПХ, указывается, что М. В. Дьяконов, наряду с Д. В. Григоровичем и князем Г. Г. Гагариным, может считаться одним из «настоящих основателей» музея[6].

Насколько самостоятельной фигурой был М. В. Дьяконов как директор Школы, как её руководитель, как идеолог её педагогики? Едва ли в полной мере. М. В. Дьяко-

нов начал работу в Школе, когда попечителем, т. е. фактическим главой Школы, был Ф. Ф. Львов. Естественно, что, занимая видные посты в ОПХ и ИАХ, Ф. Ф. Львов мог уделять Школе лишь ограниченное время, поэтому роль надзирателя в решении текущих административных и хозяйственных вопросов была довольно заметной. М. В. Дьяконов, можно полагать, выполнял свои функции добросовестно и успешно, поэтому, когда Ф. Ф. Львов оставил свой пост попечителя Школы, именно М. В. Дьяконову была предложена должность директора. Впрочем, проводимые в эти годы реформы Школы потребовали от её директора самого деятельного участия. В этом отношении заслуги М. В. Дьяконова следует отметить, – педагогическая же (и непосредственно преподавательская) деятельность М. В. Дьяконова видится весьма скромной – во всяком случае, не отмеченной сколько-нибудь выдающимися личными его достижениями. Но именно в период пребывания М. В. Дьяконова на посту директора произошла переориентация Школы в сторону художественно-промышленного направления обучения, Школа значительно расширилась, начал формироваться музей, существенно пополнилась библиотека, Школа переехала в собственное помещение, открылись новые классы и мастерские. Разумеется, директор Школы не мог быть в стороне от новаций в их практическом, повседневном преломлении. Само пребывание М. В. Дьяконова на посту директора Школы в течение почти 20 лет говорит о том, что он вполне успешно справлялся со своими обязанностями – в объёме тех полномочий, которые ему предоставляло Общество поощрения художников и в рамках тех задач, которые ОПХ ставило перед Школой.



Ил. 5. В. В. Матэ. Портрет Д. В. Григоровича
Офорт с картины И. Н. Крамского 1876 г.
© СПбХУР

Существенным событием, повлиявшим на судьбу Школы, стало избрание в 1864 г. на должность секретаря ОПХ Д. В. Григоровича – известного писателя, видного общественного деятеля, художественного критика, выступившего, в частности, в 1863 г. с привлекшей большое внимание художественных кругов статьёй «Несколько слов о поощрении художеств в России». Новый секретарь ОПХ в меньшей степени, чем Ф. Ф. Львов, был связан с ИАХ. Григорович как искусствовед и художественный критик уделял значительное внимание декоративно-прикладному искусству, отстаивая его самостоятельность и эстетическую самоценность. Он вполне определённо, целенаправленно оказывал поддержку художественно-про-

мышленному направлению работы Школы, что к тому времени соответствовало и интересам ОПХ, в деятельности которого стало уделяться значительное внимание декоративно-прикладному искусству, художественной промышленности. Именно с позицией Д. В. Григоровича можно связывать поворот ОПХ в отношении к прикладному искусству, что отразилось и на Рисовальной школе. Однако процесс гармонизации структуры и содержания обучения оказался довольно длительным.

В 1870 г. Д. В. Григорович опубликовал брошюру «Рисовальная Школа и Художественно-промышленный музей в Петербурге», в которой была представлена широкая программа, касающаяся не только Рисовальной школы и музея, но и развития декоративно-прикладного искусства и художественной промышленности России[7]. Д. В. Григорович отмечал: «Нет такой отрасли знания, которая бы тесно не связывалась с художеством, по своей живучести и в бесконечном своём разнообразии, спешило всегда принимать все формы существовавшего и существующего в природе и в истории человечества»[8]. В работе также указывалось, что Россия значительно отстаёт от Западной Европы в сфере художественно-промышленного образования. В этом отношении, по мнению Д. В. Григоровича, значение Рисовальной школы трудно переоценить, однако Школа нуждается в поддержке для расширения своей деятельности. Как когда-то К. Х. Рейссиг, Д. В. Григорович видел Школу на Бирже центральным звеном в системе художественно-промышленного образования и считал совершенно необходимым создание при Школе музея, библиотеки и организацию постоянной выставки.

1870-й год можно считать годом начала практической работы по организации Художественно-промышленного музея. Будущая музейная коллекция стремительно пополнялась, начала формироваться и библиотека. Основными источниками пополнения музейного и библиотечного собрания Школы были пожертвования и приобретения.

Вторая половина 1870-х гг. в жизни ОПХ и Школы на Бирже ознаменована рядом существенных событий. Так, в 1876 г. был принят новый устав ОПХ, которое сменило наименование на «Общество поощрения художеств». Такое изменение было связано с фактически изменившейся ролью Общества: основанное как меценатское учреждение для поддержки отдельных мастеров искусств, ОПХ превратилось во влиятельную, относительно независимую организацию, играющую важную роль в художественной жизни в целом.

Отметим, что все преподаватели, пришедшие в Школу, имели солидную академическую подготовку и как художники вполне заслуженно пользовались высокой профессиональной репутацией. Так, уже в 1860 г. в Школе начинают преподавать А. Е. Бейдеман, П. П. Чистяков, с 1861 г. – Л. О. Премацци, Р. К. Жуковский, с 1863 г. – И. Н. Крамской, с 1864 г. – А. И. Корзухин, с 1865 г. – М. П. Клодт. Это наиболее известные имена, но и другие педагоги Школы были по преимуществу довольно заметными фигурами художественной жизни своего времени.

Таким образом, на годы директорства М. В. Дьяконова пришёлся богатый позитивными изменениями период жизни Рисовальной школы. Неудивительно, что успехи и слава Школы ассоциировались и с именем её директора[9], а спустя два-три

десятилетия в деятельности М. В. Дьяконова стали находить заслуги не то чтобы никак не принадлежащие ему, но, вероятнее всего, преувеличенные. Связано это также и с тем, что сменивший М. В. Дьяконова на посту директора Школы Е. А. Сабанеев был, безусловно, более самостоятельной фигурой, отличался не слишком комфортным для окружающих характером и сумел настроить против себя значительную часть петербургского художественного сообщества. Поэтому фигура Е. А. Сабанеева представляется весьма характерной и в личностном отношении, и в отношении той роли, которую ему довелось исполнять в ОПХ и в Школе, которую он возглавил в 1881 г.

Евгений Александрович Сабанеев родился в 1847 г. в Петербурге, окончил как архитектор ИАХ, в период учёбы был отмечен наградами за выполненные проекты. Е. А. Сабанеев отказался от участия в конкурсе на первую золотую медаль и предпринял, за собственный счёт, двухлетнюю поездку по Европе, где изучал историю искусства (слушал лекции в Дюссельдорфе, Гейдельберге и Париже). По возвращении начал преподавать историю искусств в ИАХ, в 1879 г. получил звание академика, подготовил литографированные издания по своему предмету с собственными рисунками. Педагогическая работа стала главным делом его жизни, потеснив архитектурное творчество. Е. А. Сабанеев принимал участие в организации московской Политехнической выставки 1872 г., в 1887 г. получил пост инспектора работ по Исаакиевскому собору. Последнее назначение было, безусловно, весьма престижным, однако Е. А. Сабанеев им обязан не столько своим довольно скромным достижениям архитектора-практика, сколько репутации серьёзного знатока искусства, а также видному положению, которое он к тому времени занял в ИАХ, и поддержкой влиятельных лиц, связанных с ОПХ. Вне этой поддержки карьера Е. А. Сабанеева выглядела бы куда скромнее, несмотря даже на объективные его достоинства – глубокие знания, широкую искусствоведческую эрудицию, целеустремлённость и работоспособность, в которых Е. А. Сабанееву никак нельзя отказать.

В отличие от лет директорства М. В. Дьяконова, период руководства Школой Е. А. Сабанеевым был, безусловно, менее успешным. В том, что Школа, в особенности в 1890-х гг. и в первые годы XX в., начала переживать стагнацию, стала отставать от потребностей художественного процесса, в том, что методические и в целом педагогические принципы не обновлялись в должной мере, безусловно, можно упрекнуть Е. А. Сабанеева. Однако его роль в педагогическом руководстве Школой была более значительной, нежели в своё время роль М. В. Дьяконова.

Именно Е. А. Сабанеев продолжил и развил традицию серьёзного преподавания в Школе историко-художественных дисциплин. Помимо общей истории искусства, в Школе преподавалась история орнаментов, проводились занятия на стилизацию – это было немаловажно в практическом отношении, но также позволило Школе в известной мере сохранить её общеобразовательную миссию. Следует также заметить, что литографированные пособия по истории искусства, которые готовил Е. А. Сабанеев для студентов Академии и учащихся Школы, были заметным явлением в отечественном искусствознании своего времени. Нехватка серьёзной искусствоведческой литературы на русском языке оставалась существенной до конца XIX в., и рабо-

ты Е. А. Сабанеева во многом заполняли существующие лакуны. Е. А. Сабанеевым впервые на русском языке были опубликованы материалы, например, об искусстве доколумбовой Америки, о традиционном африканском искусстве и т. д.[10] Следует отметить и достоинства выполненных Е. А. Сабанеевым иллюстраций, которые свидетельствуют как о его высоком мастерстве рисовальщика, так и продуманной дидактико-педагогической концепции: избираемые им ракурсы в архитектурных зарисовках наиболее полно и выразительно демонстрируют особенности изображаемых сооружений, существенным образом дополняя тексты.

Е. А. Сабанеев, вступив в должность ещё довольно молодым и энергичным человеком, возможно, планировал и некоторые реформы (первые годы работы на посту директора позволяют утверждать это довольно определённо), но положение складывалось по-иному, и не только по его собственной воле: Рисовальная школа находилась на гребне успеха, выполняла престижные заказы, пользовалась благосклонностью Императорского Двора – в этой ситуации какие-либо серьёзные новации едва ли могли быть желательными и вряд ли показались бы обоснованными. А далее, с годами, возникали разного рода неотложные повседневные заботы, росло число учащихся, что требовало постоянного пересмотра расписания и графика занятий. Последовал юбилей Школы, затем юбилей ИОПХ, проводились перестройки помещений, – накапливалась инерция, преодолеть которую Е. А. Сабанеев в одиночку не смог бы при всём его желании, а Общество поощрения с преобразованиями Школы никак не торопилось.

Отметим также, что, сложив с себя обязанности по Школе, Е. А. Сабанеев продолжал активную деятельность в разных сферах: был уполномоченным Императорской Археологической комиссии по реставрации живописи старинных соборов в Романово-Борисоглебске, продолжил работу по Исаакиевскому собору, с 1911 г. состоял в Ярославской губернской учёной архивной комиссии, был членом жюри конкурса на проект памятника Ф. Г. Волкову в Ярославле. С 1908 г. Е. А. Сабанеев читал курс истории искусства эпохи Возрождения в ИАХ, его преподавательская работа продолжалась, как минимум, до 1917 г.

Представляется, что негативная оценка деятельности и личности Е. А. Сабанеева, которую можно встретить в литературе, не вполне справедлива. Работы Е. А. Сабанеева по истории искусства – значительное явление в педагогике искусствоведения своего времени. Успехи учеников Е. А. Сабанеева по композиционному классу несомненны. В заслугу Е. А. Сабанееву, безусловно, можно поставить то, что все годы его директорства в Школе был весьма сильный педагогический коллектив, а многие пришедшие при Е. А. Сабанееве преподаватели продолжили работу и после того, как он оставил свой пост, причём это были известные художники и педагоги, которые обеспечили дальнейший успех Школы уже под руководством Н. К. Рериха, сменившего Е. А. Сабанеева в должности директора.

Отношения Н. К. Рериха и Е. А. Сабанеева складывались непросто. Е. А. Сабанеев, разумеется, понимал, что Н. К. Рерих – носитель нового художественного мировоззрения и педагогических взглядов, понимал, что именно Н. К. Рерих должен сменить его на посту директора Школы. Поэтому Е. А. Сабанеев не возражал против обновле-

ния педагогического коллектива, которое в начале 1900-х гг. произошло в Школе, безусловно, не без влияния Н. К. Рериха как секретаря ИОПХ. Приход Н. К. Рериха в 1906 г. на должность директора Школы, при всей знаменательности, был в решающей мере подготовлен и обусловлен предыдущим периодом работы учебного заведения.

1906-й год, когда Н. К. Рерих возглавил Школу, был, наверное, годом, наиболее очевидно связанным с началом нового этапа в её деятельности. Даже переход Школы с 1858 г. под патронат ОПХ не знаменовал столь значительных перемен в её работе и столь широких перспектив, которые раскрывались перед учебным заведением. Иное дело, что перспективы эти в значительной мере остались в планах, рубеж которым положил 1917-й год. Последняя дата, впрочем, подводит черту под многими, не только художественными, начинаниями. Заметим, однако, что Школа продолжала свою работу, непродолжительный период даже под прежним названием, и в первые послеоктябрьские месяцы (до весны 1918 г., хотя существование Школы было уже сугубо номинальным), а Н. К. Рерих формально оставался её руководителем.

В литературе о Н. К. Рерихе имплицитно присутствует утверждение о едва ли не провиденциальном явлении нового директора Рисовальной школе, что характерно для относящегося к фигуре Н. К. Рериха тренда в историко-культурном и философском самоосознании России, но никак не соответствует реальной картине событий. Прежде всего, следует напомнить, что Н. К. Рерих был связан с ИОПХ (и косвенно с Рисовальной школой), как минимум, с 1898 г., когда был приглашён к сотрудничеству в Художественно-промышленном музее в качестве помощника директора Д. В. Григоровича.

Кажущаяся полнота сравнительно легкодоступных сведений о работе Рисовальной школы в период директорства Н. К. Рериха представляет собою определённую опасность для исследования. Довольно сложно сохранить объективность в том случае, когда сложилась уже определённая традиция представления исторического материала и его оценки. Так, педагогическая деятельность Н. К. Рериха, в том числе и на посту директора Рисовальной школы, трактуется в однозначно превосходных тонах. К деятельности Рисовальной школы на протяжении всей её истории были причастны многие выдающиеся представители русской культуры. В их ряду Н. К. Рериху принадлежит, безусловно, почётное место. Роль Н. К. Рериха и как художника, и как педагога, и как организатора художественного образования нет необходимости завышать. Представляется, что апологетические по отношению к Н. К. Рериху работы в известной мере дискредитируют его даже как личность. На это ещё в 1939 г. указывал А. Н. Бенуа: «…Это один сплошной гимн какому-то божеству, вызывающий как раз обратный эффект… Моментами получается нечто даже карикатурное и смахивающее на пародию, а этого Н. К. Рерих во всяком случае не заслуживает»[11]. А. Н. Бенуа специально подчёркивает последние слова, поскольку, по его мнению, Н. К. Рерих – один из самых замечательных русских художников XX в.

В литературе о деятельности Н. К. Рериха-директора новым его начинаниям и обширным планам уделяется наиболее значительное место, что, разумеется, за-

кономерно. Однако вопросы преемственности в работе Школы, как нам представляется, также заслуживают серьёзного внимания. Н. К. Рерих приступил к преобразованиям и реформам практически сразу по вступлении в должность директора, и это значит, что он был очень глубоко и детально осведомлён о деятельности учебного заведения и что планы по отношению к Школе вырабатывались им, по-видимому, на протяжении довольно значительного срока[12]. Для знакомства с положением дел в Рисовальной школе у Н. К. Рериха и в самом деле было немало времени, был и некоторый педагогический опыт.

В силу того, что деятельность Н. К. Рериха-директора весьма подробно представлена в литературе, обозначим лишь наиболее значительные её моменты и достижения. Можно совершенно определённо предполагать, что Н. К. Рерих, с широтой его кругозора, прекрасно понимал происходящие в жизни и в искусстве перемены. Вместе с тем, преобразования, которые Н. К. Рерих начал сразу после вступления в должность директора Рисовальной школы, показывают их направленность на установление связей с живым художественным процессом, понимаемым в его «новоявленных» сложности и богатстве. Важно также, что Н. К. Рерих постарался не утратить ничего из того, что составляло достижения Школы в предшествующий период, максимально сохранить педагогический коллектив, обеспечить непрерывность учебного процесса, даже, возможно, отказавшись на первое время от некоторых из запланированных изменений.

Как бы то ни было, но под руководством Н. К. Рериха Школа претерпела существенные перемены, которые были весьма одобрительно встречены в художественном кругу и в целом в общественном мнении. Ход преобразований в Школе характеризовался строгой последовательностью и целенаправленностью. Основным направлением развития Школы при Н. К. Рерихе стало расширение спектра профессиональной подготовки, сориентированное, с одной стороны, на углубление специализации, а с другой – на расширение, так сказать, общей художественной эрудиции учащихся, понимание ими единства культурного процесса, закономерностей и логики его развития.

Нельзя не согласиться с утвердившимся мнением, что работа Н. К. Рериха на посту директора Рисовальной школы была весьма и весьма успешной. Однако феномен этого успеха состоит не только в индивидуальных заслугах Н. К. Рериха, но складывается, как позволяет нам довольно определённо утверждать глубокое изучение истории Рисовальной школы, также и из опыта, накопленного учебным заведением, и из ряда иных факторов, в том числе факторов самого художественного процесса.

Период директорства Н. К. Рериха в истории Рисовальной школы – наиболее краткий, чуть более десяти лет, однако это были чрезвычайно насыщенные годы. Выше уже отмечалось, что в руководстве Школы, с момента её возникновения, всегда пребывали недюжинные личности. Но даже в таком ряду деятельность Н. К. Рериха не может не удивить богатством новых начинаний. Вместе с тем, сколь ни велики индивидуальные заслуги директора Школы, сама его активность – своего рода проекция художественного процесса, стремительно трансформирующегося,

Ил. 6. Педагогический совет Рисовальной школы ИОПХ состава 1911 г. © СПбХУР

вбирающего в себя не только многообразие стилистических исканий, но и поиск новых содержательных аспектов искусства, новое отношение искусства к действительности.

Как представляется, опыт Школы периода директорства Н. К. Рериха может быть очень важен сегодня, спустя почти век, когда и искусство, и художественное образование также сталкиваются с новыми запросами новой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Макаренко Н. Е.* Школа Императорского Общества поощрения художеств, 1839–1914. – Пг., 1914. – С. 74.

[2] ОР РНБ. Ф. 708 (Николай Петрович Собко). Д. 25. С. 57–58.

[3] В 1863 г. И. Е. Репин, по его воспоминаниям, внёс 3 рубля в оплату за обучение в Школе на Бирже. Сумма для него была довольно значительной, но все же посильной, в отличие от билета на посещение классов Имп. Академии художеств, который стоил 25 рублей. См.: *Репин И. Е.* Далёкое близкое. – Л., 1982. – С. 124.

[4] См.: *Шульгина Е. Н., Пронина И. А.* История Строгановского училища. 1825–1918. – М., 2002.

[5] Есть несколько строк в воспоминаниях И. Е. Репина: «Главное лицо в рисовальной школе был директор Дьяконов. Высокий старик с белыми курчавыми волосами, он был похож на Саваофа. Я

не слыхал ни одного слова, им произнесённого. Он только величественно, упорно ступая, проходил иногда из своей директорской комнаты куда-то через все классы, не останавливаясь» (*Репин И. Е.* Указ. соч. – С. 125).

[6] Отчёт о действиях Комитета Общества поощрения художников за 1870 год. – СПб., 1871. – С. 9.

[7] Интересным представляется тот факт, что брошюра вышла двумя тиражами, отмеченными 1870 г.: в типографии А. Краевского и типографии А. Траншеля.

[8] *Григорович Д. В.* Рисовальная школа и Художественно-промышленный музей в Петербурге. – СПб., 1870. – С. 11.

[9] Напомним, что в годы директорства М. В. Дьяконова в Рисовальной школе учились (пусть некоторые и краткосрочно) И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. М. Васнецов, Ф. А. Васильев, Н. А. Ярошенко, М. А. Врубель, В. В. Матэ…

[10] *Сабанеев Е. А.* Индийское искусство: [Лекции]. – СПб., [1880]; *Его же.* Искусство Египта: [Лекции]. – СПб., [1880]; *Его же.* Искусство Центральной Америки: [Лекции]. – СПб., [1880]; *Его же.* Очерки истории изящных искусств: Лекции. – СПб.: Лит. братьев Пантелеевых, 1880.

[11] *Бенуа А. Н.* Книга о Рерихе: [Рец. на изд.: Рерих: [Альбом] / Ст.: Вс. Н. Иванова и Э. Голлербаха; Худож. ред. А. М. Прандэ. Ч. 1. – Рига: Izdtvis Rericha muzeis, 1939. – 192 с.: ил.] // Александр Бенуа размышляет... / Под ред. И. С. Зильберштейна, А. Н. Савинова. – М., 1968. – С. 237.

[12] «В 1906 году Рерих получил *назначение, о котором давно мечтал*: он стал директором Школы Общества поощрения художеств [выделено нами. – *Е. Б.*]. На этом посту он мог сделать многое для эстетического и художественного образования молодёжи. Планы были большие» (*Короткина Л. В.* Творческий путь Николая Рериха. – СПб., 2001. – С. 51).

А. А. САВКИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

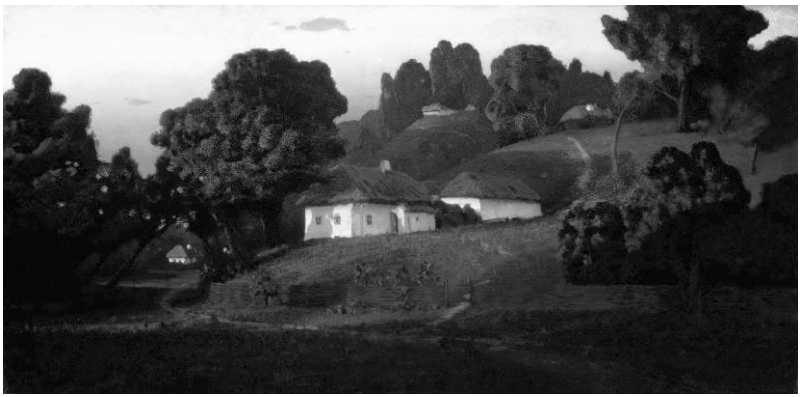
КУИНДЖИ И РЕРИХ. ПОЭЗИЯ ПЕЙЗАЖА. ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ «РЕРИХИ И УКРАИНА»

Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был и великим Учителем жизни.

Н. К. Рерих. *Учитель жизни. 1936 г.*[1]

В 1895 г. Н. К. Рерих написал в дневнике: «Большое событие! Я в мастерской Куинджи», а позже вспоминал: «Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции»[2]. Для молодого художника занятия в мастерской А. И. Куинджи, продолжавшего линию романтического пейзажа, стали не только школой изучения изобразительной грамоты, но и раскрыли его творческую свободу.

Русское искусство этого времени развивалось по пути реализма, но у этого художественного метода богатая стилистическая и тематическая палитра. Живопись передвижников, к которым принадлежал А. И. Куинджи, обозначала в первую очередь социальные проблемы, в их произведениях содержание преобладало над формой, художественная выразительность отступала на второй план. Акценты на «литературность» ставились и в пейзаже, пожалуй, самом свободном из жанров. Лирически



Ил. 1. А. И. Куинджи. Вечер на Украине. 1878 (доработана в 1901). Холст, масло. 81 × 163. © ГРМ

Ил. 2. Н. К. Рерих. Украинский пейзаж. 1890-е. Холст, масло. 62,5 × 77,0. © ГРМ

окрашены картины А. К. Саврасова, Ф. А. Васильева и И. И. Левитана, но следование натуре доминировало над свободой творчества.

В творчестве А. И. Куинджи достоверность природного мотива и правда непосредственного эмоционального переживания составили гармоничное единство. Его художественная система, обращающаяся к поэтичному в природе, обрела черты романтизма. Традиция романтического пейзажа, зародившаяся в европейском искус-

стве в конце XVIII – начале XIX в., стремилась передать необычное в природе, её грандиозность и величие, изображая пограничные состояния: грозу, закаты, рассветы, – бушующую стихию и слабость человека перед ней. В XIX в. эта тенденция нашла наиболее яркое развитие в живописи Англии и Германии, в полотнах У. Тёрнера, Дж. Констебла и К.-Д. Фридриха. В русском пейзаже XIX в. романтическая тенденция играла ведущую роль в творчестве М. Н. Воробьёва и И. К. Айвазовского.

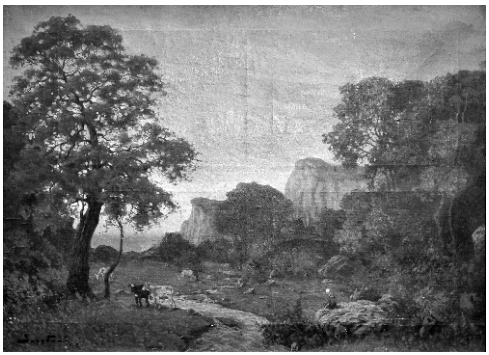
Именно А. И. Куинджи с его страстной кистью возрождает романтическое мировосприятие в русском искусстве второй половины XIX в., обращается к романтическому пейзажу. Он усиливает контрасты цветовой палитры изображаемого ландшафта, ставит акценты, обобщает природный мотив. Живописец не деформирует форму, усиливая художественный образ, заостряя его, как поступят художники следующего поколения, но его произведения создают особый мир, более яркий, солнечный и поэтичный, чем у его современников, и что, пожалуй, важнее всего, они формируют эмоциональное состояние зрителя.

Художника привлекают драматические эффекты освещения, борьба света и тени, цветовые контрасты, он впитывает традиции различных школ. Получив в 1872 г. звание классного художника за картину «Осенняя распутица» после обучения вольнослушателем в Императорской Академии художеств, он много путешествовал, в 1870–1873 гг. часто посещал остров Валаам, полюбив его суровую красоту. Театральность освещения, свойственная работам академистов, соединяется у него с эмоциональной взволнованностью, создавая драматический образ. В. С. Манин указывает на преемственность традиции барбизонцев и в ещё большей степени – скандинавов, особенно финской художницы Ф. Хурберг[3]. Контрастная драматичность светотени в произведениях А. И. Куинджи сближает мастера с дюссельдорфской школой (А. Ахенбах, В. Ширмер и другие), при этом А. И. Куинджи воспринимает это влияние опосредованно, через работы своих современников. В 1873 г. живописец впервые выехал за границу, посетив Германию, Францию, Англию, Швейцарию и Австрию. В его зрелом творчестве соединились реалистическая, мощная материальность живописи и поэтический взгляд на мир.

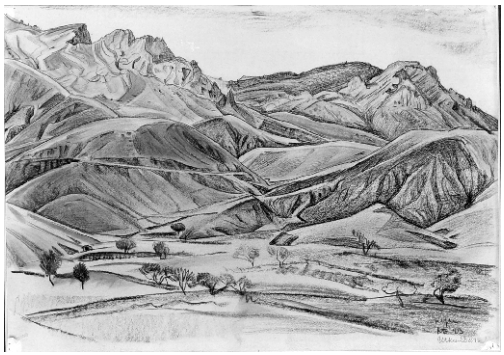
С 1894 по 1897 гг. Архип Иванович Куинджи был профессором пейзажной мастерской Высшего художественного училища Императорской Академии художеств. А. И. Куинджи-преподаватель развивал у студентов воображение, раскрывал индивидуальность. Его мастерская воспитала художников с оригинальным взглядом на мир: Н. К. Рериха, К. Ф. Богаевского, А. А. Рылова, А. А. Борисова, В. И. Зарубина, Е. И. Столицу, Г. О. Калмыкова и других. И в своём живописном творчестве, и в работах своих учеников мастер стремился показать романтическое, величественное в природе, её эмоциональное начало, вдохновляющее художника. Школа А. И. Куинджи, как отмечает В. С. Манин[4], переросла из работы в мастерской Академии в художественное направление, к которому примкнули не только непосредственные ученики мастера, но живописцы, развивавшие принципы школы, например, Н. П. Крымов.

С. П. Яремич в статье 1916 г. «У истоков творчества» отметил, что влияние А. И. Куинджи имело огромное значение в жизни Н. К. Рериха. «Оно коснулось молодого художника совершенно особенным образом. Куинджи не любил навязывать

Ил. 3. Н. К. Рерих. Ландшафт первозданный. Конец 1890-х – начало 1900-х
Холст на картоне, масло. 20,5 × 57,8. © Частное собрание



Ил. 4. В. И. Зарубин. [Пейзаж]. 1922
Холст, масло. 75 × 105
© Собрание Г. З. Герцовского



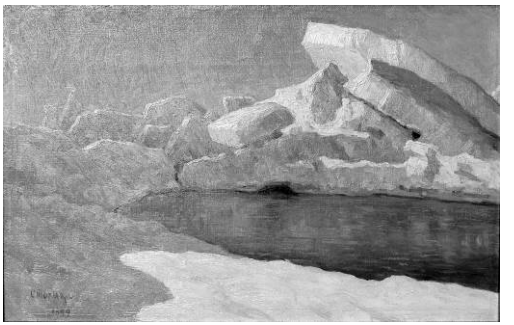
Ил. 5. К. Ф. Богаевский. Крымский пейзаж
1923. Бумага, пастель. 46 × 59
© Собрание Г. З. Герцовского

свои художественные приёмы окружающим его ученикам, – он предоставлял им полную свободу, стараясь быть беспристрастным во всех отношениях. <…> Направлению таланта и развитию способностей он даёт полную свободу, зато неумолим, когда замечает, что ученик поддаётся расслабляющему действию самоанализа или же проявляет полную беспомощность в борьбе с обстоятельствами»[5].

Выставка «Рерихи и Украина», прошедшая в 2011 г. в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов[6], вновь обратила внимание на школу А. И. Куинджи, целостность художественной системы при сохранении своеобразия поэтического чувства каждого мастера.

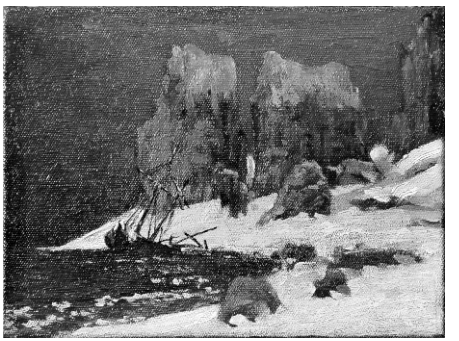
Черты романтической живописи – изображение наиболее взволнованных, пограничных состояний природы (заката, рассвета, грозы, пылающего жаром солнечного дня), внимание к необычному в природе, колорит, построенный на тональных и цветовых контрастах, наконец, обострённое поэтическое чувство – можно отметить в работах всех его учеников. Но по страстному накалу красок, преобладанию инди-

Ил. 6. Г. О. Калмыков. Берег Чёрного моря
Конец 1890-х – начало 1900-х. Холст, масло
31,2 × 40,2. © Собрание В. П. Березовского



Ил. 7. Е. И. Столица. Белое безмолвие
1899. Холст, масло. 32,5 × 50,1
© СПбГМИСР

Ил. 8. Е. И. Столица. [Сумерки]
Конец XIX – начало XX в. Холст, масло. 35,9 × 50,0
© Частное собрание



Ил. 9. А. А. Борисов. Кораблекрушение
(Красные скалы). Конец XIX – начало XX в.
Холст, масло. 16,5 × 22,0. © Частное собрание

видуального творческого начала в изображении натуры и стремлению обобщить природный мотив, по эпическому размаху ландшафтов, их песенному строю произведения Н. К. Рериха занимают особое место в пейзажной живописи.

Сравним работы А. И. Куинджи и его учеников. *«Украинский пейзаж»* Н. К. Рериха 1890-х гг. [*ил. 2*] близок картине мастера 1878 г. *«Вечер на Украине»* [*ил. 1*] тематически, но светотеневая моделировка последнего более подробна, произведение А. И. Куинджи более декоративно. В раннем пейзаже Н. К. Рериха рубежа XIX–XX вв. *«Ландшафт первозданный»*[7] [*ил. 3*] горная гряда лепится мощными мазками, художник анализирует цветовые нюансы, но обобщает их до двух основных тонов: холодных, голубовато-розовых неба и воды и тёплых, умбристых гор. Небольшой по формату этюд за счёт широко открытого пространства и строгого обобщения монументален. Это качество свойственно и работам А. И. Куинджи. В раннем пейзаже Н. К. Рериха ещё нет цветоностности «Певца гор», но проявляется обобщённый образ мира при широком горизонте, характерный для его зрелого творчества и в полной мере звучит восхищение красотой природы.

Талант учителя, развивавшего индивидуальность и самобытность учеников, воспитал неоклассическую документальность В. И. Зарубина, его идиллический пейзаж 1922 г.[8] [*ил. 4*] наполнен вневременным покоем, и мощное искусство К. Ф. Богаевского, словно высекающего земную твердь в *«Крымском пейзаже»* 1923 г.[9] [*ил. 5*].

Ученики А. И. Куинджи, так же, как и их мастер, полюбили эффекты лунного света, играющего на воде, слепящего белого снега, горящего заката. Эти особенности можно увидеть в пейзажах Г. О. Калмыкова *«Берег Чёрного моря»*[10] [*ил. 6*], Е. И. Столицы *«Белое безмолвие»*[11] [*ил. 7*]и *«Сумерки»*[12] [*ил. 8*], А. А. Борисова *«Кораблекрушение (Красные скалы)»*[13] [*ил. 9*], представленных на выставке в Музее-институте семьи Рерихов.

А. И. Куинджи передал своим ученикам не только пластическую систему и романтический взгляд на мир, но и свои этические идеалы, воспитал в них понимание ценности дружбы и сотрудничества, гражданскую позицию. Н. К. Рерих писал в «Листах дневника» в 1936 г.:

«Сорок лет прошло с тех пор, как ученики Куинджи разлетелись из мастерской его в Академии Художеств, но у каждого из нас живёт всё та же горячая любовь к Учителю жизни.

…Когда же в 1896 году Президент Академии обвинил Куинджи в чрезмерном влиянии на учащихся и потребовал его ухода, то и все ученики Куинджи решили уйти вместе с Учителем. И до самой кончины Архипа Ивановича все мы оставались с ним в крепкой любви, в сердечном взаимопонимании и содружестве.

И между собою ученики Куинджи остались в особых неразрывных отношениях. Учитель сумел не только вооружить к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству»[14].

А. И. Куинджи был не только талантливым живописцем и преподавателем, но и общественным деятелем, и сыграл значительную роль в художественной жизни России. По инициативе А. И. Куинджи и на его средства в 1909 г. ученики основали Общество его имени. Общество стремилось сохранить и развить традиции реалистического искусства, устраивало выставки, ежегодно присуждало крупные денежные премии имени А. И. Куинджи, приобретало произведения художников. Живописец подарил обществу своё поместье в Алупке, где много писал сам и привозил на пленэр своих учеников.

Спустя тридцать лет в «Листах дневника» Н. К. Рерих вспоминал своих соучеников-куинджистов:

«Аркадий Рылов укрепил себя на одной из лучших страниц русского искусства… Работали мы с Рыловым и после Академии семнадцать лет в Обществе Поощрения Художеств. Как прекрасно вёл он свои классы, и как любили его ученики! Русскую природу он любит и знает, и умеет передать эту несломимую любовь своим ученикам.

…Константин Богаевский, певец Крыма, дал свой не повторённый стиль. Помнится статья Волошина о Богаевском. Незабываемы характерные скалы и старые башни Тавриды, и совершенно особая схема колорита.

…Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далями – полными его настроения. Странники по лицу земли уходят

за холмы, блестят степные речки, залегли курганы и шепчутся тёмные сосновые боры.

…Борисов – поэт Севера, баян льдов и полуночного солнца»[15].

Школа А. И. Куинджи внесла в русский реалистический пейзаж оригинальность и своеобразие, поэзию и яркую эмоциональность, влияние Мастера воспитало не только замечательных пейзажистов, но и яркие творческие индивидуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. II. – С. 44.
[2] Цит. по: *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2009. – С. 46.
[3] *Манин В. С.* Архип Иванович Куинджи и его школа. – Л.: Художник РСФСР, 1987. – С. 8.
[4] *Там же.* – С. 79.
[5] Цит. по: Степан Петрович Яремич. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках: Сб. / Сост. И. И. Выдрин, В. П. Третьяков. – СПб.: Сад искусств, 2005. – С. 215.
[6] Рерихи и Украина: Каталог / Сост.: В. А. Шуршина, М. Н. Чеснокова, А. А. Савкина. – СПб.: Изд. СПбГМИСР, 2011. – 64 с.: ил.
[7] *Там же.* – Кат. 110. – С. 21, 32 (воспроизведение в цвете).
[8] *Там же.* – Кат. 56. – С. 17, 26 (воспроизведение в цвете).
[9] *Там же.* – Кат. 55. – С. 17, 38 (воспроизведение в цвете).
[10] *Там же.* – Кат. 48. – С. 17, 28 (воспроизведение в цвете).
[11] *Там же.* – Кат. 34. – С. 15, 36 (воспроизведение в цвете).
[12] *Там же.* – Кат. 115. – С. 21, 36 (воспроизведение в цвете).
[13] *Там же.* – Кат. 117. – С. 21, 23 (воспроизведение в цвете).
[14] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 44–45.
[15] *Там же.* – С. 45–46.

Е. А. ТУРБИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ТИБЕТ: МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ФОТОДНЕВНИКИ ЭКСПЕДИЦИЙ АЛЕКСАНДРЫ ДАВИД-НЕЭЛЬ И НИКОЛАЯ РЕРИХА

Сколько раз в юности я буквально рыдала от глубочайшего ощущения того, что мои дни проходят в пустоте, без всякого смысла и радости, что я растрачиваю время, которое нельзя вернуть, и жизнь, каждый час которой мог быть интересным.

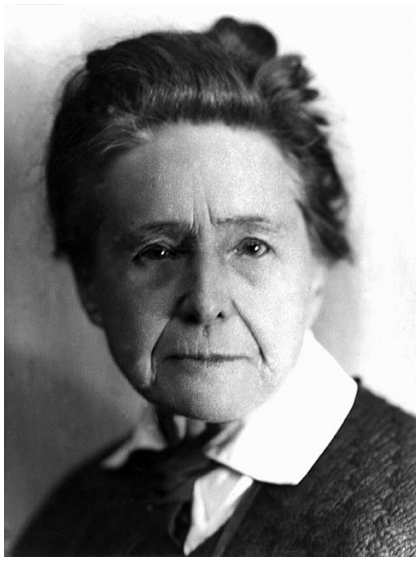
Ах! Сколько мне ещё оставалось познать и какое нравственное перерождение предстояло пройти, прежде чем превратиться в то, чем я с радостью стала через несколько лет – бродягой на дорогах Тибета.

Александра Давид-Неэль

Александра Давид-Неэль (фр. *Alexandra David-Néel*, имя, данное при рождении: *Луиз Эжени Александрин Мари Давид*, фр. Louise Eugénie Alexandrine Marie David) (24 октября 1868, Сент-Манд — 8 сентября 1969, Динь-ле-Бен) – отважная путеше-

ственница, писательница и исследовательница Тибета, первая европейская женщина, в 1924 г. достигшая столицы Тибета – Лхасы. Александра Давид-Неэль с детства испытывала страсть к путешествию. В юности она серьёзно увлеклась восточной философией. В двадцать один год Александра окончательно покинула родительский дом и обосновалась в Париже. Здесь она занималась в Теософском обществе и посещала классы восточных языков в Сорбонне. Она также училась музыке и пению, блистала на оперной сцене, включая известный французский музыкальный Театр комической оперы («Théâtre de l'Opéra-Comique»)[1].

Благодаря наследству, оставленному ей крёстной, в 1891 г. Александра смогла провести незабываемые полтора года в Индии. После возвращения из Индии она путешествовала по Северной Африке. В Тунисе Александра изучала Коран, и здесь же она встретила железнодорожного инженера Филиппа Неэля. В 1904 г. он стал её мужем. Однако тихая семейная жизнь была не для Александры. В 1911 г. она снова отправляется в Индию, в Адьяр, затем едет в Калькутту, а оттуда – в предгорья Восточных Гималаев, город Калимпонг, где встречается с Далай-ламой XIII. С территории Сиккима Александра совершает две первые попытки проникнуть в закрытый для иностранцев Тибет.



Александра Давид-Неэль

В 1916 г. Александра со своим спутником и приёмным сыном ламой Афуром Йонгденом пересекли границу, добрались до крупного города Шигадзе, в монастыре Ташилунпо познакомились с Панчен-ламой и его матерью, посетили знаменитую тибетскую типографию в Нартанге. Однако это путешествие, совершённое безо всякого разрешения властей, вызвало гнев британского резидента в Сиккиме Чарльза Белла, потребовавшего, чтобы Давид-Неэль покинула страну.

В 1917 г. Александра Давид-Неэль с Йонгденом отправились в Бирму, Индокитай, Японию, оттуда в Корею и в октябре прибыли в Пекин. Встретив ламу из монастыря Гумбум, она примкнула к его каравану и через Ланьчжоу добралась до этого монастыря.

Летом 1919 г. она отправилась в путешествие вокруг озера Кукунор к северо-западу от Гумбума.

В 1921–1923 гг. Александра Давид-Неэль с Йонгденом совершили большое путешествие через весь Китай, пустыню Гоби, Монголию до Амдо и монастыря Кум-Бум, построенного, по преданию, на месте, где был рожден Цзонхава, – давней мечты Александры. Но около Дзогчен-гомпы в Кхаме их задержали тибетские чиновники. Около года путешественники провели в городе Джекундо, оттуда они направились назад на север в сторону Гоби, в сторону китайской провинции Синьцзян.

Ноябрь и декабрь 1922 г. они провели в Каньчжоу, на границе Малой Гоби, а затем через Аньси в апреле 1923 г. возвратились в Ланьчжоу. Практически без отдыха путешественники отправились на юг, в мае пересекли провинцию Ганьсу, в конце июня прибыли в Чэнду (столицу провинции Сычуань) и к концу сентября добрались до Линцзяна, последнего города на северо-западе провинции Юньнань.

Осенью 1923 г., вдвоём, хитростью избавившись от проводников, Александра и Йонгден отправились на запад, в сторону Тибета. Одетые как простые тибетцы-паломники они постоянно опасались разоблачения. В феврале 1924 г. измученные путешественники добрались до столицы Тибета города Лхасы, где тайно провели два месяца. На тибетско-индийской границе Давид-Неэль с Йонгденом «сдались» представителю правительства Британской Индии и через Сикким вернулись в эту страну. В мае 1925 г. они сошли с парохода в Гавре во Франции.

Вернувшись на родину, Александра уже не могла жить, как прежде. Разойдясь с Филиппом, она путешествовала по Провансу, где в 1928 г. в городе Динь купила небольшое имение, названное ею «Самтен-Дзонг» – «Обитель размышления». Живя там, она писала книги и ездила с Йонгденом по Европе, читая лекции.

В 1937 г. Александра добилась содействия различных министерств и получила деньги для новой поездки. Её бывший муж Филипп Неэль по-прежнему помогал ей, и Александра с приёмным сыном вновь отправились в путешествие – на поезде из Парижа в Пекин через Берлин, Варшаву и Москву. Весть о смерти мужа настигла Александру в 1941 г., когда она находилась в Китае.

В Китае, атакованном Японией, путешественникам пришлось столкнуться со всеми ужасами и трудностями войны, но это их не остановило. Спустя десять лет, к 1946 г., Александра и Йонгден достигли границ Индии, после чего вернулись во Францию и снова поселились в Дине, где Александра Давид-Неэль занялась описанием своих путешествий. В 1955 г. умирает Йонгден.

До самой смерти в сто один год Александра активно работала, писала книги и мечтала вернуться в Тибет. 28 февраля 1978 г. прах Александры и её приёмного сына ламы Йонгдена был развеян над водами Ганга.

«Остались в горах навсегда» и Рерихи. Давние мечты об Индии привели их в эту страну в конце 1923 г. С этого времени начались их азиатские странствия. Индия, Сикким, Кашмир, Ладакх, Китайский Туркестан, Алтай, Монголия, Тибет. Позже гималайская долина Кулу стала их домом, а Николай Рерих превратился в призванного «Мастера гор» и «Певца Гималаев».

Александра Давид-Неэль и Николай Рерих встретились только один раз, в Калькутте 24 сентября 1924 г. Николай Рерих и его сын Святослав направлялись через Европу в США по делам, связанным с организацией Центральноазиатской экспедиции. В дороге они регулярно писали письма в Дарджилинг оставшимся там Елене Ивановне и сыну Юрию. Третье письмо начинается с цитаты записки Александры Давид-Неэль:

«24 сентября. Уважаемый сэр, я была не здорова вчера, когда вы приходили, и поэтому я не смогла увидеться с вами. Не смогли бы вы прийти сегодня от 2 до 4 часов дня. В 4 часа у меня назначена встреча. Если это время не устроит вас, я

могу увидеться с вами сегодня утром в 11. Буду благодарна за ответ. Искренне Ваша, ***Александра Дэвид-Ниль****»*[2].

Далее Н. К. Рерих пишет:

«Письмо пришедшей из Тибета. Тип интересный. Обещала писать статьи и послать Юше[3]*. Называет царя Шамбалы "King Guesar of Link" (Гесер, царь Линкский). Все в Тибете знают. Ждут из Сибири. По пророчествам все Его сотрудники уже перевоплотились. Она везёт собрания музею Гимэ и будет там хранителем»*[4].

В четвёртом письме от 25 сентября 1924 г. Н. К. Рерих пишет:

«Если поездка будет так же удачна, как начало, то это истинно – дар на пользу будущего. Неэль ещё говорила, что, по предсказанию, перед приходом Таши-лама уедет из своего монастыря, чтобы вернуться с Гесером»[5].

Наконец, в восьмом письме от 30 сентября 1924 г.:

«Я просил Боше Сена сохранить связь с пришедшей из Тибета. Она везёт 400 тибетских книг. Все малоизвестные. Танджуром и Канджуром она не интересуется, ибо, говорит, они всем известны. У неё есть ещё не прочитанная рукопись о Шамбале. Сперва она нас приняла за чиновников, но потом пошло лучше»[6].

Давид-Неэль возвращалась из Тибета, Рерихи туда только собирались. Теперь, по прошествии многих лет, эта встреча выглядит символичной: Александра словно передала Рерихам тибетскую «эстафету». Их встреча была тем более символична, что в юности Александра была знакома с основательницей Теософского общества Еленой Петровной Блаватской, ранее также побывавшей в Тибете, заинтересовавшей Александру своими рассказами об этой горной стране. Как известно, Рерихи относились к жизни и творчеству Е. П. Блаватской с большим уважением и интересом.

Хотя больше личных встреч у них не было, Рерихи внимательно следили за статьями и книгами путешественницы, выходившими из печати.

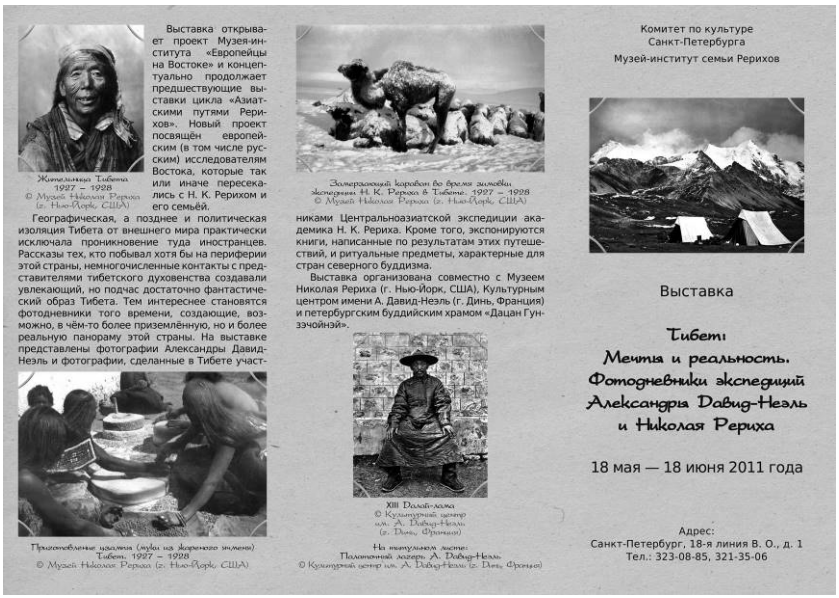
Так, в своей книге о Центральноазиатской экспедиции «Алтай – Гималаи», говоря о пробуждении и подъёме Азии, Н. К. Рерих писал:

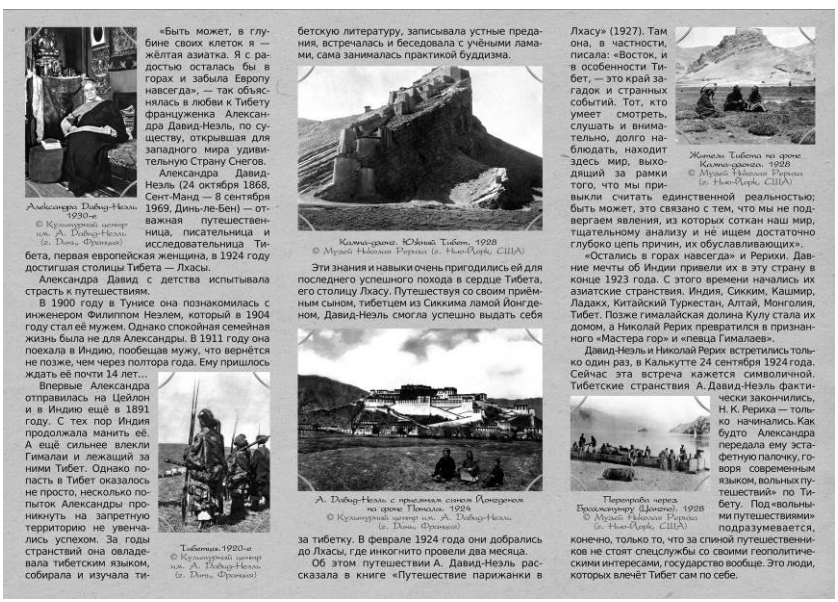
«Александра Давид-Ниль в своей статье "Будущий герой Севера" ("La Vie de Peuple", Париж, 1925) говорит: "Мы можем улыбаться этим безумным мечтам, но в тех огромных областях, где они принимаются с непоколебимой верой и с величайшим почитанием, влияние их может стать мощным и дать призыв к совершенно неожиданным событиям, которые наискуснейший из политиков не в состоянии предвидеть".

Прочтите рассказ Давид-Ниль о старом ламе, принёсшем цветы на ледниках. Прочтите сказание ламы о наступлении времени Шамбалы. Из местного сказателя лама обращается в деятеля международных событий. Давид-Ниль привезла из Тибета несколько новых вариантов рукописей о Шамбале»[7].

Очень высоко ценила творчество Александры Давид-Неэль и Е. И. Рерих:

«Читали ли Вы труды мадам Александры Давид-Нил по буддизму? Они превосходны, и её статья "Буддистское Учение" в журнале "Маха Бодхи" (1945) раскрывает это Учение настолько ко времени, что я чувствую сильнейшее желание послать





Развороты буклета выставки в Музее-институте семьи Рерихов в 2011 г.

Вам экземпляр. Также хочу посоветовать Вам прочитать её книгу "Буддизм (его доктрины и методы)". Мадам Александра Давид-Нил – одна из лучших современных толкователей буддистских доктрин»[8].

Выставка «Тибет: мечты и реальность. Фотодневники экспедиций Александры Давид-Неэль и Николая Рериха» открыла проект Музея-института семьи Рерихов «Европейцы на Востоке» и концептуально продолжила предшествующие выставки цикла «Азиатскими путями Рерихов». Новый проект посвящён европейским (в том числе русским) исследователям Востока, которые, так или иначе, пересекались с Н. К. Рерихом и его семьёй[9].

Географическая, а позднее и политическая изоляция Тибета от внешнего мира практически исключала проникновение туда иностранцев. Рассказы тех, кто побывал хотя бы на периферии этой страны, немногочисленные контакты с представителями тибетского духовенства создавали увлекающий, но подчас достаточно фантастический образ Тибета. Тем интереснее становятся фотодневники того времени, создающие, возможно, в чём-то более приземлённую, но и более реальную панораму этой страны. На выставке были представлены фотографии Александры Давид-Неэль и фотографии, сделанные в Тибете участниками Центральноазиатской экспедиции академика Н. К. Рериха. Кроме того, экспонировались книги, написанные по результатам этих путешествий, и ритуальные предметы, характерные для стран северного буддизма.

Выставка была организована совместно с Музеем Николая Рериха (Нью-Йорк, США), Культурным центром имени Александры Давид-Неэль (Динь, Франция) и петербургским Буддийским храмом «Дацан Гунзэчойнэй».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Символичное совпадение, но именно в этом театре была предпринята первая за пределами России постановка в декорациях Н. К. Рериха – здесь была представлена опера Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» (премьера состоялась 28 апреля 1908 г.).
[2] Письма Николая Рериха в Далай Пхобранг (1924) // Вестник Ариаварты. – Москва – Нью-Йорк, 2001. – № 1. – С. 27. Перевод с англ. О. В. Альбедиля.
[3] Т. е. Юрию Рериху.
[4] Письма Николая Рериха в Далай Пхобранг (1924) // Вестник Ариаварты. – Москва – Нью-Йорк, 2001. – № 1. – С. 27.
[5] *Там же.*
[6] *Там же.* – С. 30.
[7] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. – М.: Сфера, 1999. – С. 202–203.
[8] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. VII (1940–1947) – М.: МЦР, 2007. – С. 472.
[9] См. подробнее: Тибет: мечты и реальность. Фотодневники экспедиций Александры Давид-Неэль и Николая Рериха: Буклет выставки в СПбГМИСР 18 мая – 18 июня 2011 г. – СПб.: Изд. СПбГМИСР, 2011.

Елена Петровна Блаватская. Последняя фотография
Воспроизведено в издании: *Hall M. P.* The Phoenix: An Illustrated Review of Occultism and Philosophy. – Los Angeles, 1931–1932. – P. 94
© Библиотека им. Уильяма Куан Джаджа (Алсион, Калифорния, США)

II. К 180-ЛЕТИЮ ЕЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ БЛАВАТСКОЙ (12.08.1831—08.05.1891)

Д. Н. ПОПОВ
(Государственный музей Востока; Москва)

ТЕОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Наверное, с момента своего появления на Земле человек, как самосознающее развивающееся существо, задаётся вопросами об устройстве и сути бытия: что есть мир, что есть человек, что есть жизнь, как всё это устроено во Вселенной и в чём смысл всего этого. На этом пути познания основные направления человек нашёл в науке, философии, религии и искусстве, раскрывающих ему различные грани бытия. Внутри этих основных методологических подходов мы видим огромное множество самых различных течений. Их разнообразие и многоцветие поражает воображение. Но всё же есть нечто общее, объединяющее всё это многообразие в единую мозаику культуры человечества. Это нечто являет собой самое главное – устремление к познанию истины – направляющее ростки и ветви Древа Познания человечества по силовым линиям великого магнита, исходный полюс которого – человек, его пытливый разум, стремящаяся к красоте и гармонии душа и жаждущий высшей правды дух, а полюс стремления – беспредельность высшей истины мира, высшей истины бытия. И потому стержневым течением в мировой культуре нам представляется то, главной идеей которого является широчайший синтез Древа Познания во всём его многообразии и сущностном единстве. В истории европейской культуры это течение именуется *теософией* или божественным знанием-мудростью (от неоплатонизма Александрии и оккультно-мистических направлений средневековья до целого ряда научно-философских и духовно-просветительских обществ нового и новейшего времени).

Найти какой-то конкретный исток теософии в истории нашей планеты не представляется возможным, ибо она, несомненно, имеет тот же возраст, что и человек как мыслящее существо. Проследить путь теософии в истории человечества – важная задача для крупного исследования. Цель настоящего сообщения – в самых общих положениях очертить судьбу теософской идеи в России.

Прежде чем мы перейдём к нашему обзору, хотелось бы обратить внимание на некоторые характерные признаки и особенности теософии. Это причастность к оккультным наукам как пути познания скрытых качеств природы и человека; идеи общечеловеческого братства и внутреннего единства религий; мистицизм как стремление к непосредственному восприятию и переживанию высшей правды и высшей реальности; этическое истолкование смысла жизни; пантеистическое восприятие божества как абсолюта и одухотворение всего сущего; вера в существование на Земле оплота высшей истины в виде общины Мудрецов, представляемых или патриархами человечества, далеко опередившими нас в своём развитии, или посланцами свыше.

Как и любое крупное течение в культуре, теософия имеет в пределах своего русла несколько, если так можно выразиться, «рукавов» или «проток». Осущест-

вление универсального синтеза всё ещё принадлежит будущему. Теософы прошлого, как правило, опирались в своих построениях на какие-либо конкретные научные, оккультные или религиозные основы, которые служили для них фундаментом. По этому признаку теософию в России можно разделить условно по трём основным течениям, опирающимся на народную духовную культуру, христианство (как религию России двух последних тысячелетий) и оккультно-мистические теории. Первое развивалось в народной среде, второе – в церковной и философско-богословской, третье – в среде аристократии и интеллигенции.

Русской, как и любой иной народной культуре, в принципе свойственна теософичность в силу синтетического объединения в её лоне всех познаний, искусств и обычаев народа, стихийного мистического пантеизма, естественного развития оккультных знаний и отсутствия каких-либо жёстко догматизированных институтов власти в гуманитарной сфере. И если вследствие вполне определённых обстоятельств Е. П. Блаватская во второй половине позапрошлого века нашла свидетельства оккультных феноменов и овладения ими в древнейшей традиции Индии, то при иных условиях она могла бы найти это и в России. Ибо живая преемственность древних традиций не умерла в нашем народе и по сей день. Хотя, как каждая подлинно оккультная традиция (в том числе и в Индии), она не лежит на поверхности, и для соприкосновения с ней необходим определённый уровень посвящённости. Как элементы сферы проникновения русской традиции в оккультный мир могут быть названы умение сказителей былин воздействовать на природные стихии, способность народных заговоров излечивать самые различные заболевания, возможности оперативного повышения жизнеспособности организма в самых критических случаях, с заживлением ран и восстановлением тканей вплоть до регенерации потерянных конечностей. В основе русского оккультизма лежит тайна слова и звука, овладение которой даёт её адепту такие столь фантастические возможности, как свободное управление индивидуальным временем и структурой окружающего пространства. Существенной чертой традиции является требование полного отречения от личного эгоизма ради служения высшей «правде-совести» и благу ближнего. Народному самопознанию в России неотъемлемо присущи столь принципиально важные теософские идеи, как общечеловеческое братство и братство религий. Наиболее ярко они наши выражение в поэзии «посвящённого от народа» Николая Клюева и ушедшего в стихию народной духовности поэта-символиста Александра Добролюбова. Оба поэта-теософа выразили также и неистребимую народную веру в Беловодье, общину святых старцев, объединяющих высшую мудрость Востока и Запада. Именно в поисках мудрости Беловодья веками стремились на Восток, к горам Тибета, русские крестьяне. Осью жизни народа русского называет Николай Клюев эту тропу «с Соловков на Тибет», проторенную «алчущими правды лапоточками». Неслучайно и то, что в далёких горах на Востоке помещают народные сказания обитель пращура русских богатырей Святогора.

Характерной чертой народной стихии удалённых от центральной власти южных и восточных областей России является неортодоксальная религиозность.

Трудно перечислить десятки направлений, сект и толков, главным устремлением которых были поиски некоего «истинного» христианства и живой связи с Богом.

Обращаясь к христианской линии, мы находим, прежде всего, сказание, восходящее к самому появлению новой веры на Руси. Это «Сокровенное сказание о Беловодии», повествующее о дополнительном тайном посольстве, направленном великим князем Владимиром в поисках лучшей веры. Возглавил посольство русский монах из Византии Сергий. Он единственный, кто достиг в завершении многотрудного пути обители святых Мудрецов в горах Тибета. Его рассказ и лёг в основу «Сокровенного сказания», сохранявшегося до начала нашего столетия в Вышенском монастыре Тамбовской губернии. Из Беловодья Сергий приносит свидетельство о божественной науке стяжания и овладения благодатью огненной силы Святого Духа и теософскую идею внутреннего единства всех религий, даваемых свыше разным народам. Русскому народу, по мнению святых Мудрецов, уготована христианская вера. Подробности пути и пребывания в чудесной обители придают повествованию высокую степень достоверности. По Сказанию, Сергий принёс на Русь легенду о Беловодье с горы Афон. Трудно судить о более раннем её бытовании, но с XI в. она прочно укореняется в древнерусской литературе. Это и «Слово о рахманах», и «Сказание об Индийском царстве», и «Послание Василия Новгородского Фёдору Тверскому о рае», и «Хождение Зосимы к рахманам». С этого же времени к нам начинают проникать элементы западной теософии, опирающейся на герметические традиции Египта и Греции и александрийскую школу. Центральным сочинением здесь является «Тайная Тайных» – древнерусский вариант книги, популярной в средневековой Европе под названием «Secretum Secretorum». Говоря об источнике своей мудрости, автор книги утверждает, что не оставил ни одного храма философского, не побеседовав с ним о неведомых ему самому вещах; и обрёл завершение трудов своих в Храме Солнца, построенном великим Гермесом, и мудрости герметических книг, излагающих учение теософии. Содержание книги касается основ морали и нравственности, проводящих человека через врата духовного восхождения, и начал некоторых из оккультных наук, таких как астрология, теория букв и чисел, физиогномика.

Огромную вдохновляющую и направляющую роль в духовной жизни Руси сыграла фигура поистине самого выдающегося русского святого Сергия Радонежского. Будучи верным чадом Православной Церкви, Преподобный Сергий утвердил мистическое осмысление и почитание таинства Божественной Троицы и явил в целом ряде пламенных видений образ высших миров и образ истинного подвижника, снискавшего благодать Духа Святого и благословение высших Иерархий в общении и сослужении. Подвиг святого Сергия дал мощный толчок и духовному подвижничеству, и литературно-философским исканиям, и высоким поискам в различных искусствах, и утвердил представление об истинной церкви как о духовной общности, чуждой честолюбивых и властных качеств. Одно из апокрифических преданий говорит о том, что иногда святой Сергий говорил о Белой Горе (один из образов Беловодья) и рассказывал о её чудесах.

Церковные реформы патриарха Никона, направленные на жёсткую рафинизацию византийской церковной ортодоксии, вызвали мощную волну протеста в виде

движения староверов, сохранивших глубинную связь с эзотерическими началами народной культуры и устранившихся от грубой догматизации в духовной сфере. Несмотря на внешнюю строгость в общении с окружающим миром, именно в старообрядчестве мы и сегодня видим внутреннюю духовную раскрепощённость и внедогматичную религиозную терпимость. И, конечно же, не случайно знаменем и духовным оплотом староверчества стало устремление к «истинному» Православию сокрытого от глаз нечестивых Града Китежа и далёкого земного рая – Беловодья. «От Соловков до потайных храмов индийских» пролегла «золотая цепочка», о коей вдохновенно пишет Николай Клюев, прямой потомок великого вождя русского раскола протопопа Аввакума. По сей день староверы Горного Алтая, ближайшей к Тибету руссконаселённой области, свято хранят знание о Беловодье. Мне не раз довелось беседовать с ними об этом сокровенном для них понятии, где они объединяют эзотерическую мудрость Индии с тайнами высшего христианства.

Второй из ярчайших фигур русского Православия, несомненно, стал святой Серафим Саровский. Вопиющая неортодоксальность обретённого им свыше учения об истинном смысле христианской жизни как стяжании Духа Святого, не могла быть воспринята традиционным церковным сознанием. Для передачи его миру святой избрал своего мирского почитателя. После своего обнародования это огненное благовестье вызвало резкие нападки. Однако сегодня оно занимает подобающее место на знамени русского Православия.

Подлинного расцвета христианская теософия в России достигла в творчестве крупнейших русских теософов и богословов Нового времени Владимира Соловьёва и Павла Флоренского. Введя целый ряд теософских положений в осмысление духовной истории человечества, в философское богословие и, по существу, даже в догматику, они открыли широкий путь теософизации христианского сознания. Высшим достижением на этом пути стало творчество яркого философа, поэта и духовидца середины нашего века, последователя Владимира Соловьёва и духовного ученика святого Серафима Саровского Даниила Андреева. Именно он довёл до логического завершения в христианском мировоззрении идеи одухотворённости вселенной, божественных иерархий, множественности миров и их взаимодействия, внутреннего единства религиозной истории человечества, доктрин кармы и перевоплощения, теории пророков, божественных посланцев и вестников... Он провозгласил пророчество о Розе Мира – грядущей церкви всечеловеческой религии как синтеза всех великих религий мира и высшей Божественной Мудрости.

Истоки эзотерического течения в русской теософии мы видим в памятниках древнерусской литературы (таких, как упомянутая «Тайная Тайных»), получивших распространение в России, начиная с XV–XVI вв. Но по-настоящему европейский теософский эзотеризм появляется в России во второй половине XVIII столетия. Увлечения теософией в среде русской аристократии возникают на почве неудовлетворённости масонскими исканиями и начинаются со знакомства с розенкрейцерством и трудами Якоба Бёме и Сен-Мартена. Первыми теософскими организациями в России стали эзотерическая ложа «Гармония» и «Дружеское учёное общество», где вокруг Н. И. Новикова сплотились такие люди, как И. Г. Шварц, И. В. Лопу-

хин, И. П. Тургенев, М. М. Херасков. Делом русских теософов этого времени стали внутренние эзотерические искания, аскетическое духовное подвижничество, перевод на русский язык основных трудов по теософии в Европе и широчайшая просветительская деятельность. В качестве крупного и талантливого писателя этого круга выдвинулся И. В. Лопухин. Его произведения были настольными книгами русских теософов того времени. Они переводились на иностранные языки и имели большой успех среди западноевропейских эзотериков. Наибольшей известностью пользовалась пьеса «Духовный рыцарь», создающая картину герметического духовного пути, и книги «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» и «Некоторые черты о внутренней церкви...». В числе нравоучительных и духовных назиданий «Катехизиса» И. В. Лопухин обращается к образу общины «мудрых отцов истинных Ф. М.», искусство которых состоит «в науке ведать тайны Царствия Божия, кои другим сообщают они в притчах, по колику то нужно к созиданию Царствия сего». Место их пребывания он помещает «в обновлённом Эдеме», то есть в том же Беловодье.

Теософия И. В. Лопухина традиционно для России базируется на эзотерическом христианстве. И потому особое место он отводит «внутренней церкви» как неформальной невидимой братской общности всех истинно просветлённых и духовно преображённых божественным огнём душ, как воплощённых, так и пребывающих в мирах тонких, и творящих совместно великое служение на благо мира. В ортодоксальной церкви И. В. Лопухин видит человеческий институт, отторгнувшийся от своего высшего источника и лишившийся «правления света». Но в обрядах церковных он видит заимствование «от образа сокровенных действий божиих в человеческой душе, в духовном теле церкви христовой и в самой природе». Внешние обряды нельзя принимать за самоцель, в его глазах они есть лишь средство «ко внутреннему истинному христианству». Оккультизм, дающий ключ к таинствам природы, по И. В. Лопухину, является обоюдоострым оружием, ибо упражнение в тайных науках теософии не по любви к истине, а себялюбия ради может стать лучшим рассадником для действия тёмных сил и прямым путём к духовной гибели. Главная же цель искателя высшей Правды – в обретении таинства духовного преображения, хранимого «мудрыми отцами», за которым открывается человеку высшая реальность бытия.

Теософия Н. И. Новикова и И. В. Лопухина оказала существенное влияние на культурную жизнь России. Среди непосредственных учеников И. В. Лопухина можно назвать таких выдающихся людей, как поэта В. А. Жуковского и политика М. М. Сперанского. В разной степени влияние эзотеризма испытали Е. А. Баратынский, А. Н. Майков, В. И. Баженов, М. Ф. Казаков, А. А. Иванов, К. П. Брюллов и другие.

По свидетельству Е. П. Блаватской, розенкрейцерские рукописи Императорской публичной библиотеки Санкт-Петербурга (ныне – РНБ) хранят целый ряд сведений о том, что в конце XVIII – начале XIX в. не один русский мистик проходил в Тибет через Уральские горы в поисках знания и посвящения в неизвестных святилищах Центральной Азии. И не один возвращался позднее с таким запасом сведений, подобного которому он нигде в Европе не мог получить.

По преданию, Россию посетил в своих странствиях легендарный посланец Белого Братства – граф Сен-Жермен. Считается, что загадочный граф не умер, а тайно вернулся в тибетскую обитель старших Братьев человечества. С собой в Индию он взял графа Воронцова, оказавшего ему в своё время спасительную услугу. Преградой на пути Воронцова в таинственную обитель стало чрезмерное увлечение ритуальной магией. В Россию Воронцов привёз новую весть о Братстве Мудрецов в Тибете, предупреждение будущим декабристам о неверно выбранном пути к общественному благу и редчайшие сведения по восточному оккультизму. Существует мнение, что именно через Сен-Жермена и Воронцова получила первые сведения по теософии и побуждение к новой жизни Е. П. Блаватская. Известно только, что эту роль выполнил некий русский дворянин, слывший за теософа-оккультиста. Известная в теософской литературе сегодня тесная связь жизни и судьбы Е. П. Блаватской с Сен-Жерменом подтверждает это предположение.

Елена Петровна Блаватская, несомненно, является ярчайшим русским теософом, исполнившим всемирную духовно-просветительскую миссию. Ей выпала судьба открыть новую эру в теософии и сыграть заметную роль в переходе на новую ступень сознания человечества. Писатель, путешественник, религиовед, знаток эзотеризма, одарённый духовидец и практический оккультист, музыкант, публицист, общественный деятель – вот неполный список её амплуа. В числе главных заслуг этой широко одарённой и неутомимо деятельной женщины могут быть названы: обобщающая энциклопедия эзотерических учений человечества; опыт научно-религиозно-философского синтеза с глубокими прозрениями в будущее естественных наук; введение в герметическую и христианскую теософию Европы мощного пласта эзотеризма Востока, хранящего основы Тайной Доктрины древнейших цивилизаций; основание вместе с американским полковником Г. С. Олькоттом Теософского общества как научной и духовно-просветительской организации, насчитывающей сегодня около 300 отделений во всём мире, не считая множества иных объединений, возникших и возникающих на базе её идей. Именно Е. П. Блаватская была в числе немногих инициаторов введения в массовое сознание человечества принципов всеобщего братства, отвергающего любые различия, а также духовной и религиозной свободы при осознании сущностного единства. Она же явила всему миру весть о старших Братьях человечества в горах Тибета и исполнила перед всем миром свою миссию от их имени. Именно этот мотив положил Н. К. Рерих в основу картины, посвящённой Е. П. Блаватской.

Интересно отметить тот факт, что Е. П. Блаватская в числе многочисленных прозрений предсказала и основные деяния двух своих наиболее выдающихся последователей-соотечественников Н. К. и Е. И. Рерихов. В «Изиде без покрывала» она предполагает Трансгималайскую экспедицию Н. К. Рериха, собравшего ценнейшие сведения о Братстве Махатм Шамбалы и «чудесах» Индии и Тибета. А в «Тайной Доктрине» она предрекает в XX в. миссию будущего посланца Учителей Мудрости «дать конечные и неопровержимые доказательства, что существует наука, называемая Гупта Видья». Елена Ивановна Рерих собрала и систематизировала науку практического оккультизма тибетских Махатм, названную Живой Этикой или Аг-

ни-Йогой. И именно она, пройдя по лестнице восхождения этой Йоги, дала доказательство реальности психо-духовной науки, явленной из того же Источника, что и «Тайная Доктрина» Е. П. Блаватской. Кроме того, Е. И. Рерих перевела на русский язык и опубликовала в Европе «Тайную Доктрину» и краткий вариант «Писем Махатм Синнету» – «Чаша Востока». Близкими сотрудниками Е. И. Рерих, по её поручению, были подготовлены полный перевод «Писем Махатм» и «Изиды без покрывала», но они при её жизни так и не были изданы.

Возвращаясь к истории теософии в России, следует отметить, что следующий (после XVIII в.) мощный импульс она получила через Е. П. Блаватскую, но до некоторой степени опосредованно. Российское Теософическое общество начало активную работу, включая издательскую деятельность, с началом своего официального существования в 1908 г., вскоре после прихода на пост президента в Адьяре выдающейся последовательницы Е. П. Блаватской – Анни Безант. Издание книг и журналов стало главной просветительской работой общества. За годы до революции 1917 г. было выпущено в свет более полусотни изданий, и наиболее заметное место среди них заняли книги Анни Безант. По-видимому, тому было две главные причины: это высокий уровень подачи основных теософских доктрин в сочетании с доступностью изложения, а также немаловажная для России выраженная пронизанность идеями эзотерического христианства. Из наследия Е. П. Блаватской были изданы лишь «Голос Безмолвия» с её предисловием и комментариями, брошюра «Тайная Доктрина из отдела символизма» и несколько статей. К 1918 г. к изданию был подготовлен полный перевод «Тайной Доктрины», погибший с конфискацией имущества общества. Главным переводчиком и издателем теософской литературы стала Е. Ф. Писарева. Кроме того, общество вело серьёзную внутреннюю работу. Из собственных научных и философских авторов общества можно назвать Е.Ф. Писареву, А. А. Каменскую, П. Д. Успенского, А. В. Унковскую, Д. В. Страндена, П. И. Тимофеевского. Мы не будем подробно останавливаться здесь на истории общества, ибо это большая отдельная тема.

Начало XX в. в культурной жизни России может быть охарактеризовано широким внедрением теософских идей. Под серьёзным влиянием теософии оказались самые различные выдающиеся деятели науки, литературы, искусства, такие как К. Э. Циолковский, А. Н. Скрябин, М. А. Волошин, Ю. К. Балтрушайтис, Андрей Белый и многие другие. Крупнейшим теософом-герметистом стал В. А. Шмаков, давший в своих сочинениях блестящий синтез герметических знаний. Его наследие ждёт сегодня своих исследователей и продолжателей. В области беллетристической литературы наиболее заметным явлением было творчество В. И. Крыжановской, публиковавшейся под псевдонимом Рочестер. Её увлекательные романы пользовались популярностью и, безусловно, будут широко переиздаваться в дальнейшем.

Несмотря на официальное закрытие Теософского общества в 1918 г., в период до репрессий 1929 г. русские теософы продолжали активную деятельность. Возможно, именно рыцарское направление внутренней работы общества породило интереснейшую молодёжную орденскую организацию «Братство Светлого Града». В основу Братства были положены теософское мировоззрение, искания Монсаль-

вата и невидимого Града Китежа, стремление к духовному преображению и рыцарское служение Высшей Правде. Н. К. Рерих посвятил ему несколько страниц в своей книге «Твердыня Пламенная» (1932). Братство Светлого Града включало в себя четыре самостоятельных Братства, в которых «странники Светлого Града» видели четыре основных пути восхождения. Это – восточное Иоанново Братство «религиозно-мистериального творчества и действа и проповеди Духа», северное Бояново Братство «магического действия искусства», западное Пифагорейское Братство «науки и философии» и южное Микулино Братство «труда, как любви и жертвы». В организации, идеях и литературе «странников» ярко проявился синтез оккультно-герметической, эзотерическо-христианской и традиционной народной ветвей русской теософии. С началом активных репрессий по отношению к духовным движениям Братство заявило о самороспуске на неопределённый срок. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Особого упоминания заслуживает появление в середине 1920-х гг. рукописи Фалеса Аргивянина «Мистерия Христа», ставшей для русских теософов истинно эзотерическим Евангелием. Текст состоит из глав, созданных в виде духовных посланий высокого Посвящённого, поднявшегося далеко за пределы земной эволюции, своему младшему брату и ученику. Они говорят от имени высшего Посвящённого Фиванского Святилища, бывшего свидетелем явления и земного подвига Иисуса Христа. Уровень эзотерической компетентности, литературное мастерство и психологическая мощь этого небольшого по объёму текста находятся вне досягаемости какой-либо критики. Книга достойна самого серьёзного изучения и осмысления.

С началом 1930-х гг. теософы в России оказываются отрезанными от окружающего мира, живущими под жёстким психологическим гнетом, в сознании возможности в любой момент подвергнуться самым жестоким испытаниям. Может быть, поэтому именно в это время в их среде загораются очаги Высшего Общения. Самый яркий из них – Конкордия Евгеньевна Антарова. Ученица К. С. Станиславского, оперная певица, выступавшая на сцене московского Большого театра, она имела счастье общения с одним из Учителей Мудрости и вела подробные записи. На их основе она написала неоконченный роман «Две жизни». Это уникальное произведение, создающее в художественной форме широкую панораму духовных путей и судеб самых разных искателей Высшей Истины под руководством Старших Братьев человечества. Художники, писатели, учёные, священники... Их характеры и подходы к жизни столь различны. Они поступают благородно и ошибаются, падают и поднимаются, проходя через всевозможные испытания. Но сама жизнь и их высокие руководители мудро направляют их сознания, направляя по лестнице, ведущей вверх. Для многих эта удивительная книга стала любимым чтением, дающим прозрение, глубину понимания и опору в жизни.

Ныне мы видим новый всплеск интенсивного проникновения теософских идей в творчество писателей, поэтов, учёных, музыкантов, художников, что красноречиво свидетельствует о творческой плодотворности этого круга мировоззренческих образов и мышления. Однако эта тема, несомненно, требует более детального рассмотрения и подробной разработки.

И. И. САВОСИНА
(Белорусский союз журналистов, газета «Толока»; Могилёв)

В ПОИСКАХ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ

Философский камень есть нечто реальное. При этом можно понимать его духовно и физически. Духовное состояние, называемое «камнем», соответствует созвучию всех отложений психической энергии.

Учение Живой Этики (Агни-Йога). *Сердце. – 1932. – § 27.*

На протяжении веков и даже тысячелетий многие просвещённые умы были заняты поиском «философского камня». Среди них – египетские посвящённые, греческие жрецы, пифагорейцы, Розенкрейц, Парацельс и некоторые алхимики средних веков, Якоб Бёме и многие масоны конца XVIII – начала XIX в. **Елена Петровна Блаватская** (1831—1891) [*ил. 1*] отправилась на поиски «единения Души и Духа» ещё на пороге своего двадцатилетия. О тех своих мучительных переживаниях, близких к отчаянию, она позже рассказала в письме князю А. М. Дондукову-Корсакову. Она побывала во многих странах, посещала бедуинов и друзов, наблюдала вертящихся дервишей, изучала древние книги, смотрела в кристалл, но, увы, нигде – ни следа этого камня![1] Только позже ей открылись тайные знания. Под руководством Великих Махатм она поняла сущность своих исканий, поняла, что «философский камень» символизирует преображение низшей животной природы человека в высшую, тесно связанную с понятием психической энергии.

«Не может жизнь человека оторваться от законов психической энергии», – утверждает Агни-Йога[2]. Несомненно, наличность этой психической энергии давно была отмечена среди различных народов, которые являли не малую наблюдательность:

«Каждый век подмечал новые её качества и по-своему символизировал. Некоторые соединяли психическую энергию со светом, присоединяя к ней понятия озарения и свечения, другие подмечали магнитность или динамичность, явление молниеносности тоже было замечено»[3].

«Во всей истории человечества можно видеть осознание Высшего Духа, Святого Духа Утешителя и множество наименований, ведущих к Миру Высшему. Такое свидетельство всех веков и народов должно заставить даже невежд призадуматься. Не может ошибаться всё человечество! Под различными условиями люди ощущали то же самое высшее и прекрасное Начало. Люди считали явление духа, как философский камень»[4].

Но, писала Блаватская в «Тайной Доктрине», существовали такие части Тайного Знания, которые на протяжении неисчислимых веков должны были оставаться скрытыми от глаз невежд. Ведь передача неподготовленным массам «тайн такого громадного значения была бы равносильна вручению ребёнку зажжённой свечи в пороховом погребе»[5]. И всё же каждый народ получал в свою очередь несколько истин под обликом местного или особого символизма, которые развивались потом в более или менее философские культы[6].

Из-за скрытого символизма родилась «бесконечная путаница имён», выражавших по сути одно и то же. Хаос древних, зороастрийский священный огонь, огонь Гермеса и Св. Эльма древних германцев, огненные языки дня Св. Троицы, Неопалимая Купина Моисея, звёздный свет розенкрейцеров, «психическая сила» сержанта Кокса и мистера Крукса, атмосферный магнетизм, гальванизм, электричество – всё это лишь различные наименования для многих различных проявлений или воздействий таинственной, всё проникающей Причины – греческого Археос. Это слово можно было бы перевести как «электричество», но оно соединяет в себе разные понятия о различных видах энергии: магнетизме, гальванизме и других. Поиск свойств этой основной единой энергии может привести к открытию «философского камня», который давно уже составляет предмет исканий многих учёных. Так поясняла Блаватская в «Разоблачённой Изиде»[7]. А вот что пишется в Учении Живой Этики об этой энергии:

Ил. 1. Е. П. Блаватская. 1875

«Но легко доказать беспрерывность того, что люди называют религией. В этой непрерывности ощущается один поток той же энергии. Называя её психической энергией, говорим о той же Софии мира эллинов или Сарасвати индусов. Святой Дух христиан являет признаки психической энергии так же, как созидающий Адонай Израиля и Митра, полный солнечной мощи. Конечно, никто не сомневается, что Огонь Зороастра есть Огонь Пространства, который вы изучаете»[8].

«В древности знали об одном беспредельном элементе. Учения Греции и Египта имели как камень основания эту Истину. Привитие этого сознания происходит от понимания принципа утверждённого огня. Когда элементы природы переходят из одного состояния в другое, то можно утверждать, что источник жизни лежит в сфере наивысшей»[9].

Поиск «философского камня» для понимающих, что это есть устремление именно к Миру Высшему, Горнему, всегда сопровождался напряжённой внутренней работой, изживанием дурных качеств, искренней молитвой. «Есть многие ищущие тайн и скрытого знания только ради того, чтобы быть уважаемыми…, – писал Яков Бёме, – но они не доберутся до той основы, в которой Дух видит все вещи… Это должна быть воля полного отречения, в которой сам Бог ищет и трудится… Тогда человек сможет достигнуть; начинать же следует с подлинного раскаяния и исправления, с молитвы, и тогда Понимание сможет открыться изнутри; а

внутреннее сможет проявиться снаружи»[10]. «Поэтому человек… должен правильно воспринимать себя и не метаться слепо в поисках своей Родной Страны вдали от самого себя, в то время как она находится внутри него… Внешний видимый человек сейчас не является образом Божиим, это не более чем образ archaeus, то есть обитель (или оболочка) духовного человека, в которой духовный человек растёт, подобно золоту в грубом камне»[11]. А рост или накопление этого духовного «золота» вполне возможен. Да и может ли существовать что-либо сверхъестественное в природе, в естественном мире, спрашивала Елена Блаватская, подразумевая именно наличие невидимой, всепроникающей и мощной энергии, способной накапливаться и делать свои отложения в организме человека[12].

Известно, что Парацельс довольно близко подошёл к открытию препарата, который можно назвать «философским камнем»[13]. И Парацельс, и многие алхимики считали Великой Работой именно преобразование самих себя. Как золото содержится в каждой крупице песка, так и семена красоты и знания пребывают внутри земного организма человека. Эти добродетели растут при духовном устремлении и в урочный час претворяются в золото души[14].

«Зажгите огни беспредельного познания»[15]. «Чистое устремление даст вспышки огня»[16]. «Множество малых подробностей и увлекательных опытов принесёт зажигание огней. Учение может предусматривать направление, но не должно связывать мёртвыми обрядами. Заметьте, самые значительные мистерии начинали падение, когда обряды делались сложными и мёртвыми. Учение может жить так же свободно, как Пламя Пространства»[17].

При этом надо помнить, что молитва – не просьба, а таинство, оккультный процесс, которым конечные и обусловленные мысли и желания, негодные для восприятия абсолютным духом, который не обусловлен, переводятся в духовные повеления и волю. И называется этот процесс «духовной трансмутацией», в результате которой «наша “волевая молитва” становится активной или творящей силой, по нашей воле производящей следствия». В книге «Ключ к теософии» Блаватская поясняла: сила наших пламенных устремлений превращает молитву в «философский камень» или *в то, что претворяет свинец в золото*[18]. А это и есть процесс преображения низшей животной природы человека в высшую и Божественную[19].

«Пифагор, и Платон, и Бёмэ, и Парацельс, и Томас Воган были людьми, несшими свои светильники среди собратьев, среди жизни под градом непонимания и поношения. Каждый мог приблизиться к ним, но лишь немногие умели под ликом земным усмотреть надземное сияние»[20].

Но и Парацельс, и алхимики средних веков, и основатель Ордена Христиан Розенкрейц должны были скрывать великие знания под разными символами, чтобы не подвергнуть уничтожению свой самоотверженный труд во благо человечества[21]. Восточные доктрины, записанные и зашифрованные учениками Розенкрейца, сохранились в Европе к XIX в. всего лишь в трёх экземплярах. Блаватская утверждала, что у Сен-Жермена [*ил. 2*] находился один экземпляр «шифрованного манускрипта розенкрейцеров», взгляды и идеи Сен-Жермена носили определённо

восточный характер. В его учении «О числах» прослеживалась связь с Пифагорейской школой[22]. Действительно, Сен-Жермен «записал благое учение в числах»[23] и сам принадлежал к Ордену розенкрейцеров. «В масонской и мистической литературе… есть много свидетельств его близких отношений с выдающимися розенкрейцерами Венгрии и Австрии. Эта мистическая организация появилась впервые в Центральной Европе, в разные времена и под разными именами розенкрейцеры занимались распространением тайной науки и знаний, которыми владели некоторые из их руководителей. Это знания той самой единой Великой Ложи, которая управляет эволюцией человечества»[24]. Розенкрейцеры, работавшие в поисках «философского камня» на общее благо, напоминали людям о Мире Высшем или Огненном, о психической энергии. В Учении Живой Этики сказано:

Ил. 2. Граф де Сен-Жермен

«…Установим наше отношение к розенкрейцерам, масонам и прочим организациям, где затронуто Общее Благо. Многие Махатмы принимали участие в них. Когда же мы вспомним о бескорыстных первоосновах этих организаций, мы не должны отрицать их. Когда дело касается искренних побуждений, тогда все работники Общего Блага должны быть вместе. Особенно когда дух развит и сознание не дремлет.

Отчего будем слушать одни осуждения?»[25].

Розенкрейцерский значок 18-й степени имела также и Е. П. Блаватская, когда-то он принадлежал Калиостро[26]. «Относительно же мишуры и вольностей в представлении некоторых фактов, – поясняла Е. И. Рерих, – приходится утешаться, что Истину никто не может воспринять без лёгкого покрытия и часто, чтобы протолкнуть хотя бы часть Истины, приходится покрывать её пёстрым покровом»[27].

Так, однажды в беседе за ужином, куда был приглашён Сен-Жермен, кто-то всуе помянул «философский камень». Граф заметил, что большинство людей, пытавшихся найти этот «камень», «действовали на удивление нелогично, что из всех разнообразных элементов они использовали один лишь огонь, забывая, что огонь обладает разрушительным, разлагающим действием, и посему вообще странно, что они надеялись с его помощью что-либо создать. Граф подробно остановился на этой мысли, а потом переменил тему»[28].

«Граф Сен-Жермен безусловно был величайшим Восточным Адептом, какого Европа видела за последние столетия»[29]. *«Первоположники масонства на Западе и Востоке были людьми огромного ума и высокой нравственности и, прежде всего, были великими патриотами»*[30].

Но в те времена, как пишет Изабель Купер-Оукли[31], в Австрии, Испании и Франции большой властью обладали иезуиты, они стремились уничтожить любую группу, так или иначе связанную с оккультным знанием, и совершенно ясно, что

Сен-Жермен навещал все эти организации, управлял их работой, давал необходимые знания. Есть немало доказательств его постоянной связи с масонскими кругами. Сен-Жермен сообщал в одном из немногих известных писем: «В настоящий момент я уже обещал заехать в Ханау, чтобы повидаться с ландграфом Карлом в доме его брата – с целью разработать систему “строгого обряда”, духовно возродить Орден свободных масонов среди аристократии»[32]. Сен-Жермен работал в области тайных наук и свободного масонства, в частности, с ландграфом Гессен-Кассельским [*ил. 3*]. Граф записал древнее «благое учение в числах, и эта зашифрованная рукопись осталась у его верного друга и покровителя, доброжелательного германского принца»[33]. Речь идёт о **Карле Гессен-Кассельском** (дат. *Carl af Hessen-Kassel*; нем. *Karl von Hessen-Kassel*; 19 декабря 1744 — 17 августа 1836), который серьёзно интересовался тайными знаниями, а тайное общество, душою которого он был, время от времени в его поместье проводило свои собрания. Сен-Жермен несколько раз посещал эти собрания в немецком городе Касселе, а принцу Карлу он доверял более других[34]. «Ландграф – близкий и дорогой мне друг и защитник, и, если он и не царствующий принц, его положение в Шлезвиге очень близко к тому», – писал Сен-Жермен[35]. Карл Гессен-Кассельский принадлежал к «Обществу Филалета», или «Обществу искателей истины», основанному внутри масонской ложи «Присоединившиеся друзья» в 1773 г.[36] Многие исследователи масонства считали, что в этом обществе процветало розенкрейцерство, члены ложи изучали условия жизни на высших планах[37]. Много различных групп розенкрейцеров действовало в Венгрии и Богемии. «Во всех этих организациях ясно прослеживается ведущая роль “посланца” или его близких друзей и последователей. И в той или иной степени в работе всех этих групп проступают фундаментальные принципы, которые неизбежно преподносят все посланцы Великой Ложи, как, например, эволюция духовной природы человека, реинкарнация, скрытые силы природы, чистота жизни, благородство идеала, Божественная сила, лежащая в основе всего сущего и управляющая всем. Вот ключи, которые с точностью укажут искателю истины Ложу, из которой происходил граф де Сен-Жермен»[38].

Ил. 3. Карл Гессен-Кассельский

С принцем Гессен-Кассельским, дружившим с Сен-Жерменом, имели переписку некоторые масоны из России, в частности, И. Г. Шварц [*ил. 4*][39]. Переписка герцога Гессен-Кассельского с Русским Братством упомянута и в описи бумаг Н. И. Новикова [*ил. 5*], найденных в кабинете императора Павла I после его смерти[40]. «Письмо герцога Гессен-Кассельского, в оригинале писанное к Шварцу в 1782 году, доказывает их братскую переписку…»[41].

Иоганн Георг (Иван Григорьевич) Шварц (1751—1784) родился в Трансильвании, жил в Курляндии. Князь Иван Сергеевич Гагарин, путешествуя за границей,

познакомился со Шварцем в 1776 г. и пригласил его в Могилёв воспитателем к детям своего друга, Александра Михайловича Рахманова. Шварц, поступив в дом Рахманова, «выучился Российскому языку по правилам весьма основательно, так что мог писать и говорить весьма правильно и сильно»[42]. Из Могилёва Шварц съездил в Москву, где через стихотворца А. А. Майкова познакомился с князем Н. Н. Трубецким, который принял И. Г. Шварца в масонскую ложу. Кстати, среди 19 провинциальных городов, где было развито масонство, Г. В. Вернадский в своей книге «Русское масонство в царствование Екатерины II» указывает и Могилёв[43]. Ещё в начале 1770-х гг. к Рейхелевой масонской организации примыкало не менее 6 лож, среди них какая-то ложа в Могилёве-на-Днепре, то есть ложа действовала до появления И. Г. Шварца в белорусском городе[44]. Вернувшись из Москвы в Могилёв, И. Г. Шварц учредил в городе ложу. Тем временем, Могилёвская ложа, узнав, что в Курляндии есть старое масонство, причём в великом почтении у тамошнего дворянства, отправила туда И. Г. Шварца, получившего там пятую степень «строгого наблюдения» шведской системы. Также Иван Григорьевич там узнал о дружбе курляндских братьев с германскими. По возвращении из Митавы в Могилёв И. Г. Шварц отыскал старых масонов и «возбудил в них охоту составить ложу». Ложа была преобразована, а И. Г. Шварц выбран мастером стула[45].

Ил. 4. И. Г. Шварц

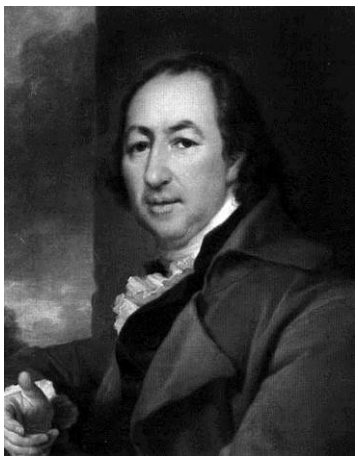
Кто эти старые масоны, точно не известно. Надо подчеркнуть, что в то время должность Белорусского генерал-губернатора занимал граф Захар Григорьевич Чернышёв, посвящённый в масонство ещё в начале 1740-х гг. в одном из городов Европы. Канцелярия Чернышёва располагалась в Могилёве[46]. В поместье Низки Могилёвской губернии жил друг графа З. Г. Чернышёва Адольф Францевич де Бандре дю Плесси, прапрадед Елены Блаватской. На его портрете, находившемся сто лет спустя в доме Фадеевых в Тифлисе, были изображены высокие масонские знаки[47]. Чернышёв и де Бандре и принадлежали к так называемым «старым масонам».

При З. Г. Чернышёве правителем канцелярии Белорусской губернии служил **Семён Иванович Гамалея** (1743—1822) [*ил. 6*], тоже член масонской ложи[48]. О нём говорили, что это Божий человек: Гамалея отказался от 300 душ крепостных в Беларуси, «поскольку он не знает, как со своей душой-то управиться»[49]. В Могилёве Гамалея заботился об образовании молодых людей, приискании им работы. Так, он определил на службу в канцелярию графа З. Г. Чернышёва выпускника университета **Фёдора Петровича Ключарёва** (1751—1822) [*ил. 7*], также принявшего масонство, а впоследствии ставшего московским почт-директором[50]. Гамалея и Ключарёв – представители молодого поколения масонов.

Масоном был могилёвский помещик **Андрей Иванович Верёвкин**, позже выбранный мастером стула. А вообще в ложе насчитывалось чуть более десятка чело-

век[51]. Розенкрейцеров высших степеней в России было немногим более 20 человек, среди них – Шварц, Гамалея, Новиков, Лопухин, Херасков. Также известно, что в 1784 г. были взяты прошения о принятии в Орден розенкрейцеров от шести лиц, в частности, от дворянина А. И. Верёвкина – мастера стула могилёвской ложи, вошедшей в состав Провинциальной ложи И. В. Лопухина[52]. Лица недворянского сословия среди русских братьев попадались редко. В числе немногих можно назвать крепостного А. И. Верёвкина – Ивана Стражева, получившего вольную после посвящения в могилёвскую ложу «Геркулес в Колыбели» (или «Геркулес в Пелёнках»), сведения о которой относятся к 1784 г.[53]

«В протоколах ложи Урании под 24 июня 1783 года записано, что “бр[ат] Гирш, из могилёвской ложи, хочет наладить дружественную корреспонденцию между этой л[ожей] и Уранией, на что ему отвечено, что на это должно быть согласие комитета”. Получено ли было это согласие – неизвестно»[54]. В «Опыте описания Могилёвской губернии», изданном в 1882 г., упоминалось о здании, где собирались масоны: «Над Костернёю, на углу Дворянской и Малой Садовой улиц, видны остатки сгоревшего дома, в котором находилась в последнее время почтовая станция. В этом доме, как рассказывают старожилы, помещалась мужская гимназия в начале нынешнего столетия, а до неё, во второй половине прошлого столетия, здесь было помещение Масонской ложи»[55]. Возможно, именно в том здании вели философские беседы могилёвские масоны, некоторые из которых в 1776–1779 гг. стали розенкрейцерами под руководством И. Г. Шварца. Ныне на этом месте в историческом центре города [*ил. 8*] нет никаких строений и расположена только остановка общественного транспорта «Училище культуры».



Ил. 5. Н. И. Новиков

В 1779 г. Шварцу удалось при поддержке Хераскова получить место профессора немецкого языка в Московском университете, и в сентябре он переехал в столицу[56]. А ложу в Могилёве возглавил Верёвкин[57]. В 1780 г. И. Г. Шварц сошёлся в Москве с **Николем Ивановичем Новико́вым** (1744—1818). «Однажды, – рассказывал Новиков, – пришёл ко мне Немчик, с которым я, поговоря, сделался на всю жизнь до самой его смерти неразлучным». «Немчиком» этим оказался Иван Григорьевич Шварц, смолоду посвятивший себя учёной части. А молва об издании в России «Вивлиофики» Новиковым дошла до любознательного Шварца ещё в бытность его в Курляндии[58].

Именно в Москве началась более активная деятельность Шварца, которого называли первым учителем теоретических братьев, хотя Г. В. Вернадский, автор книги о русском масонстве, пишет, что розенкрейцерство не было открыто Шварцем для России. Ещё князь П. И. Репнин рассказывал Н. И. Новикову в 1776 г., что искал истинных масонов, каковые находятся в Ордене Златорозового Креста. «Но

найти их весьма трудно, именно у них скрываются великие таинства, а учение их просто и клонится к познанию Бога, натуры и себя»[59].

Новиков, так же, как и Шварц, переехавший в Москву в 1779 г., успел сделаться, по выражению Д. П. Рунича, «истинным министром народного просвещения»: он создал свою «Комиссию о народных училищах» и приобрёл своего «министра Янковича». Этим последним стал для Новикова Шварц, прибывший в Москву с рекомендацией не от Иосифа II, а от курляндских и прусских масонов. Шварц сразу расширил рамки просветительской деятельности. К практическим опытам низшей школы он добавил идеи планомерной подготовки круга лиц, способных руководить всем просвещением страны. Задуманные Шварцем начинания тесно должны были примыкать ко всей предшествовавшей деятельности Новикова. Шварц решился устроить добровольное общество, которое, по возможности, распространяло бы в публике правила воспитания, поддерживало типографское предприятие Новикова переводом и изданием полезных книг, старалось бы привлекать в Россию иностранцев, которые были бы способны давать воспитание, или, что ещё лучше, воспитывать учителей из русских.

Ил. 6. С. И. Гамалея

В скором времени Шварцу удалось приступить к осуществлению своих намерений.

13 ноября 1779 г. его усилиями была основана «Педагогическая Семинария» при Московском университете. Задачей её было готовить студентов к учительскому и профессорскому званию. Действительно, многие из участников общества сделались литературными работниками и учениками розенкрейцерского кружка. В числе их были П. С. Лихонин, Л. Я. Давыдовский, А. А. Петров, А. Ф. Малиновский, А. А. Прокопович-Антонский, П. П. Тургенев, М. И. Багрянский, Ф. П. Ключарёв, А. Ф. Лабзин. На это учебное заведение пожертвовал 20.000 рублей П. А. Демидов, а И. Г. Шварц, сам ничего не имевший, внёс 5.000 рублей. Также была создана «Переводческая Семинария» для переложения на русский язык нравоучительных произведений лучших авторов.

Розенкрейцерский кружок Шварца после открытия «Общества Университетских Питомцев» и двух «Семинарий» приступил к легализации главной своей филантропической и просветительной ячейки – «Дружеского Учёного Общества», которое открылось в присутствии московского главнокомандующего Захара Григорьевича Чернышёва в октябре 1782 г., а московский архиепископ Платон дал на это своё благословение. Присутствовали на том торжественном открытии и Гамалея, и Ключарёв, прочитавший оду[60]. Таким образом, четверо масонов – Шварц, Чернышёв, Гамалея и Ключарёв, знакомые ещё по Могилёву, – продолжили в Москве совместную деятельность.

Книга Фомы Кемпийского «Подражание Христу» являлась настольной у Шварца, а в его бумагах имелся его собственный перевод под названием «Кое-что из

Фомы Кемпийского», потому что основным кредо розенкрейцеров была именно внутренняя живая вера и следование Христу[61].

Опираясь на труды другого великого философа, **Якова Бёме** (нем. *Jakob Böhme*; 8 марта 1575 — 18 ноября 1624), И. Г. Шварц призывал обратиться к познанию самого себя, к нравственному совершенствованию, ведь именно такой путь приведёт к развитию высших сил и проявлению высшей благодати Святого Духа. Те люди, у которых развиты высшие силы, являются духоносцами, таковым был и Яков Бёме[62]. Духовный мир Якоба Бёме был близок С. И. Гамалее, осуществившему перевод 22 томов всех творений «тевтонского философа»[63].

«Первым учителем теоретических братьев» называют именно И. Г. Шварца, перенёсшего розенкрейцерство на российскую почву. Е. И. Рерих, не являясь апологетом масонства, подчёркивала высоконравственность кодекса масонов. И напоминала о великих деятелях русской культуры: Суворове, светлейшем князе Смоленском Голенищеве-Кутузове, Новикове, Лопухине, Карамзине, Репнине, Хераскове, Пушкине, Грибоедове и других, присоединившихся в своё время к высокопросветительному масонскому движению[64]. И двоюродный прадед Е. И. Рерих **Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов** (1745—1813) [*ил. 9*], был масоном, и ему было Указано, что он спасёт Россию. История свидетельствует, насколько жизнь его была верным служением Родине. Надо отметить, что среди героев Отечественной войны 1812-го года – целый ряд известных русских «вольных каменщиков». Но особым почётом масоны окружали имя Голенищева-Кутузова, первое посвящение которого совершилось в Регенсбурге, где он пришёл искать борьбы со своими страстями и ключа от тайн бытия. При посвящении в 7-ю степень Голенищев-Кутузов получил орденское имя «Зеленеющий лавр» и девиз «Победами себя прославить», которые, поистине, оказались пророческими[65]. «“Зеленеющий лавр”… умел соединять водительство с чуткостью к Советам Братства. Наставление Сен-Жермена он принял с полным доверием, и в этом заключалась удача его»[66].

Ил. 7. Ф. П. Ключарёв

В творческое живое развитие розенкрейцерства на русской почве больше всего вложили душевных сил такие мечтатели и моралисты, как И. Г. Шварц, С. И. Гамалея, А. М. Кутузов, А. А. Петров. Но масонство держалось на русской почве не только этими искателями[67]. Когда масонство процветало беспрепятственно в России, в Императорской библиотеке в Санкт-Петербурге имелись документы о том, что многие русские мистики проходили в Тибет «в поисках знания и посвящения в неизвестных святилищах Центральной Азии. И не один возвращался позднее с таким обширным запасом сведений, подобный которому он нигде в Европе не мог получить»[68]. Шёл поиск и на Востоке, и на Западе, у лучших представителей общества было яркое и сильное стремление преобразить себя духовно. Эта внутренняя работа, как известно, отражается, не только на самом человеке, но и на окружающих.

Московские масоны, некоторое время организационно подчинявшиеся Шведскому масонству, искали независимости от них, поскольку наблюдали в данной системе отсутствие внутренней работы и активное поклонение форме, атрибутам. Это их не устраивало. К тому же, связь с Западом, со шведами грозила неприятными последствиями. И вопрос о независимости русских масонов от Шведской системы был поставлен благодаря Шварцу, в то время преподавателю Московского университета. Ещё в октябре 1781 г. он встретился с герцогом Брауншвейгским и ходатайствовал о том, чтобы Русское масонство было признано независимым и вошло в общую организацию, как одна из провинций, что и было впоследствии сделано[69]. Во время своей заграничной поездки 1781–1782 гг. Шварц завязал отношения с берлинскими розенкрейцерами[70], а также он был представлен брату Карла Гессен-Кассельского принцу Фридриху[71], у которого бывал Сен-Жермен.

После возвращения Шварца в Москву российские масоны активно принялись за подготовку к Конвенту, а на запрос герцога Брауншвейгского о состоянии своей организации ответили: «Внешний образ, различные внешние степени, учреждения и подчинённость лож кажутся нам совершенно условными… Если бы масонам русским доступны были раньше архивы монастырей и книгохранилищ в Российском государстве, то, несомненно, они нашли бы уже сочинения о разрушенном и рассеянном камне». Именно в монастырях имелись сведения и познание о **камне**, на коем зиждилось истинное масонство[72].

16 июля 1782 г. в Вильгельмсбаде открылся Конвент, на котором интересы Русских масонов представляли герцог Фердинанд Брауншвейгский и датский стат-

Ил. 8. Могилёв. В конце Дворянской улицы в XVIII в. стоял Масонский дом. Открытка рубежа XIX–XX вв.

ский советник Фридрих Шварц, московским масонам, по многим причинам, и в частности, по финансовым, там присутствовать не удалось. Главное то, что Российское розенкрейцерство было признано Восьмой самостоятельной провинцией.

«Имея полную доверенность к честности и верности бр[ата] Шварца, силою данной мне братской власти, сим назначается он верховным предстоятелем сей степени во всем Императорско-Российском государстве и его землях с тем, чтобы он ежегодно присылал ко мне именной список принятых, по удостоверению его, братьев, дабы они могли быть вносимы в орденскую цепь теоретических братьев»[73].

«Верховный предстоятель» Шварц уполномочен был назначить от себя «главного предстоятеля» для ближайшего управления братьями, и им стал Новиков[74]. «Первый учитель теоретических братьев» Шварц считал, что не умствование человеческое, а именно истинное упование на Бога и предание Ему себя совершенно может привести к истинным познаниям. «Простое слово Шварца, – вспоминал впоследствии один из его слушателей А. Ф. Лабзин, – исторгло из рук многих соблазнительные и безбожные книги и поместило на место их святую Библию»[75]. Шварц считал, что розенкрейцеры идут по стопам Христианского учения, требуют от своих членов, чтобы они были лучшими христианами, лучшими гражданами, нежели до вступления в Орден[76]. Какое бы твоё светское звание ни было у тебя, уступи в ложах добродетельнейшему и просвещённейшему.

В «Письмах Махатм» подчёркивалось, что в масонских ложах неофит подвергался серьёзным испытаниям постоянства, отваги и присутствия духа. В одном из писем А. М. Кутузову мастер стула могилёвской ложи А. И. Верёвкин делился своими душевными переживаниями: «Со всех сторон тесно мне, многоразличные воли терзают меня, и я мучаюсь в аде! О Боже, ниспошли мне, бедному, помощь свою! Чистосердечно признаюсь тебе, дражайший друг, что плоть и кровь моя ужасается ещё узких врат и тесного пути и доселе наносимое мне от мира презрение очень оскорбляет, причиняемые мне им обиды с великим страданием ношу, ещё гонений его, предстоящих бедствий и напастей весьма страшусь, ибо не имею толико в себе силы, чтоб мог отвергнуться самого себя, всей своей злой воли, проклятой самости (эгоизма)!»[77].

«Почему сомнения и грязные подозрения, как кажется, осаждают каждого, стремящегося к ученичеству? Мой друг, – пояснялось в «Письмах Махатм», – в масонских ложах старого времени неофит подвергался серии устрашающих испытаний постоянства, отваги и присутствия духа… Стремящийся осаждается теперь исключительно с психологической стороны его природы… И как вода развивает жар в негашёной извести, так учение вызывает к ярому действию каждую неподозреваемую потенциальность в ученике. Не многие европейцы выдержали это испытание»[78].

В комментариях к «Пресвятой Триософии» М. П. Холл подчёркивал, что после успешного прохождения через все ступени испытаний адепт и сам становится универсальным лекарством или веществом, предназначенным для исцеления народа[79]. Алхимики, а вслед за ними розенкрейцеры так символично писали об этом духовном процессе: «Золото есть совершенный металл, в коем все стихии в равенстве находятся. Но дабы сделать из него совершенное лекарство, должно оно

Ил. 9. М. И. Голенищев-Кутузов

ввергнуто быть в землю своей натуры, распущено и путём возрождения под первое своё состояние приведено. Ибо мёртвое золото ни к чему не полезно, и возрождённое золото есть духовным учинённое Солнце… Круглость золота знаменует его совершенство»[80].

Агни-Йога утверждает: «Каждая мысль производит отложения на стенках каналов нервной системы. Чем совершеннее устремление, тем отложения фосфоричнее»[81]. «Сравнивая огненные симптомы опытов Упасики и Урусвати [Елены Блаватской и Елены Рерих. – *И. С.*], можно уже составить понятие о воздействии Пространственного Огня на открытые центры»[82].

Учение Живой Этики говорит:

«Конечно, есть кристалл мировой мощи – философский камень. Опять алхимики не далеки от истины. Но философский камень есть камень основания – как физическое отложение.

Для развития энергии – именно психофизический ряд действий над собою, как терпение, вмещение, осознание огня и напряжения пространства»[83].

Среди земных теснин XX в. достичь степени Архата удалось Елене Ивановне Рерих, названной Матерью Агни-Йоги. «Достижение внутреннего огня – степени, достигнутой Матерью Агни Йоги, – редчайшее достижение. Степень огня называется степенью уявленного идущего Архата. В древности знали об этом живом огне, алхимики знали об этом живом огне. Достижение высшей степени мощного пламени может быть явлено только духом, живущим психожизнью всего сердца»[84].

Наверное, именно в этот момент ученик приходит к овладению искомым «философским камнем», становясь адептом – архатом. Но, таких овладевших, увы, немного. Хотя всякий труд не проходит даром, и светлые приобретения одной жизни передаются в другую, нанизываясь жемчужинами в духовном облике ищущего человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Блаватская Е. П.* Письма друзьям и сотрудникам / Пер. с англ. Р. Ш. Ахунова. – М.: Сфера, 2002. – С. 232–233.
[2] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 407.
[3] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Аум. – 1936. – § 455.
[4] *Там же.* – § 86.
[5] *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 2 т., 4 кн. – Т. I. – Кн. 1. Космогенезис. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 30.
[6] *Там же.* – С. 32.

[7] *Блаватская Е. П.* Разоблачённая Изида. В 2 т. – Т. 1. – М.: Эксмо, 2006. – С. 216–217.
[8] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 416.
[9] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Беспредельность. – Ч. I. – 1930. – § 399.
[10] *Бёме, Якоб.* Ключ // Герметическая космогония / Пер. с англ. Г. А. Бутузова. – СПб.: Азбука; Петербургское востоковедение, 2001. – С. 174.
[11] *Там же.* – С. 235.
[12] *Блаватская Е. П.* Письма друзьям и сотрудникам. – М.: Сфера, 2002. – С. 231.
[13] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Сердце. – 1932. – § 27.
[14] *Сен-Жермен.* Пресвятая Триософия / Исследование и комментарии Мэнли П. Холла. – М.: Сфера, 1998. – С. 202.
[15] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 411.
[16] *Там же.* – § 413.
[17] *Там же.* – § 414.
[18] *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии. – М.: Сфера, 1993. – С. 67.
[19] *Там же.* – С. 310.
[20] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Братство. – 1937. – § 175.
[21] *Рерих Е. И.* Письма. 1929–1939: В 2 т. – Т. I. – Минск: Лотаць, 1999. – С. 491.
[22] *Купер-Оукли И.* Граф де Сен-Жермен. Тайна королей // *Сен-Жермен.* Пресвятая Триософия / Исследование и комментарии Мэнли П. Холла. – М.: Сфера, 1998. – С. 352.
[23] Письма Махатм. – 3-е изд. – М.: Амрита-Русь, 2003. – С. 85.
[24] *Купер-Оукли И.* Указ. соч. – С. 352.
[25] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 473.
[26] Письма Мастеров Мудрости. 1870–1888: Сб. – М.: Сфера, 1997. – С. 146.
[27] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. VII (1940–1947 гг.) – М.: МЦР, 2007. – С. 400.
[28] *Купер-Оукли И.* Указ. соч. – С. 276.
[29] *Там же*. – С. 244.
[30] *Рерих Е. И.* Письма. 1929–1939: В 2 т. – Т. II. – Минск: Лотаць, 1999. – С. 283.
[31] *Купер-Оукли И.* Указ. соч. – С. 353.
[32] *Там же.* – С. 358–359.
[33] Письма Махатм. – 3-е изд. – М.: Амрита-Русь, 2003. – С. 85.
[34] *Сен-Жермен.* Указ. соч. – С. 33–34.
[35] *Купер-Оукли И.* Указ. соч. – С. 359.
[36] *Там же.* – С. 340.
[37] *Там же*. – С. 342.
[38] *Там же.* – С. 361–362.
[39] *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. – СПб.: Издательство «Лань»; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – (Серия «Мир культуры, истории и философии»). – С. 359, 364.
[40] *Там же.* – С. 555–556.
[41] *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. – СПб.: Изд-во им. Новикова, 1999. – Изд. 2-е, исправленное и расширенное. – С. 302.
[42] *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 484.
[43] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 126–127.
[44] *Там же.* – С. 66–67, 354.
[45] *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 145, 484.
[46] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 342.

[47] *Савосина И.* Елена Павловна Долгорукова и поместье Низки Могилёвской губернии // Н. К. Рерих. Коллекции и коллекционеры: Материалы научно-практической конференции, 2009. – Вып. 8. – Одесса: Астропринт, 2010. – С. 524–525.
[48] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 131.
[49] *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 182.
[50] *Там же.* – С. 183, 198.
[51] *Там же.* – С. 510.
[52] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 112.
[53] *Там же.* – С. 344.
[54] *Там же.* – С. 366.
[55] Опыт описания Могилёвской губернии: В 3 кн. / Под ред. А. С. Дембовецкого: Репринт. изд. – Могилёв: Амелия Принт, 2008. – Кн. 2. – С. 9.
[56] *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 146.
[57] *Там же.* – С. 510.
[58] *Там же.* – С. 145.
[59] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 102–103.
[60] *Там же.* – С. 274–278.
[61] История масонства. Великие идеи. Мистические искания. Таинство обрядов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – (Серия «Великие посвящённые»). – С. 310.
[62] *Там же.* – С. 296.
[63] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 177, 447.
[64] *Рерих Е. И.* Указ. соч.
[65] История масонства. Великие идеи. Мистические искания. Таинство обрядов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – (Серия «Великие посвящённые»). – С. 627.
[66] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Надземное. – Т. I. – 1938. – § 25.
[67] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 291.
[68] *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 2 т., 4 кн. – Т. I. – Кн. 1. Космогенезис. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 31.
[69] *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 176.
[70] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 103.
[71] *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 178.
[72] История масонства. Великие идеи. Мистические искания. Таинство обрядов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – (Серия «Великие посвящённые»). – С. 287–288.
[73] См.: *Лонгинов М. Н.* Указ. соч. – С. 192, 194.
[74] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 106–107.
[75] *Там же.* – С. 188.
[76] История масонства. Великие идеи. Мистические искания. Таинство обрядов. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – (Серия «Великие посвящённые»). – С. 289.
[77] *Там же.* – С. 351.
[78] Письма Махатм. Указ. соч. – С. 525–526.
[79] *Сен-Жермен.* Указ. соч. – С. 239.
[80] *Вернадский Г. В.* Указ. соч. – С. 206–207.
[81] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 34.
[82] *Там же.* – § 636.
[83] *Там же.* – § 476.
[84] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Беспредельность. – 1930. – Ч. I. – § 79.

А. В. ВЛАДИМИРОВ
(http://www.vav.ru/vav; Москва)

РУССКАЯ БЛАВАТСКАЯ[1]

Мы не верим ни в какую магию, которая превзошла бы кругозор и способности человеческого ума, ни в «чудо», божественное или дьявольское, если оно подразумевает нарушение законов природы, вечно существующих. Тем не менее, мы принимаем… что человеческое сердце ещё не выразило себя полностью и что мы никогда ещё не постигали и даже не понимали степени его сил.

Е. П. Блаватская. *Разоблачённая Изида* [**5**, 9]

Сфинкс XIX века

О нашей соотечественнице, Елене Петровне Блаватской, существует больше невероятных слухов и домыслов, нежели понимания её подлинных заслуг перед человечеством. Ещё менее известна Е. П. Блаватская как патриот России. Именно об этой стороне деятельности Е. П. Блаватской хотелось бы рассказать.

Елена Петровна Блаватская
«Сфинкс девятнадцатого века»
Лондон. 8 января 1889. Фото Э. Реста
© Архив Теософского общества (Лондон)

Как личность, Блаватская была уникальным человеком, о котором можно писать энциклопедические исследования и даже романы. Масштаб её деятельности, свободомыслие, страстность в отстаивании идеалов, абсолютная свобода от стяжания и материальных интересов, самоотверженная любовь к людям без различий веры и расы – поистине выразили суть всеохватного русского сердца.

В третьем томе «Критико-биографического словаря русских писателей и учёных», вышедшем в 1892 г., в очерке о Блаватской говорилось: «Регистрировать всё, что писалось о Блаватской, нет и приблизительной возможности. Чрезвычайно заинтересовавши своею теософией Западную Европу, Северную Америку и Индию, Блаватская вызвала огромнейшую панегирическую и полемическую литературу: многие десятки книг, сотни журнальных и тысячи газетных статей. Известность её так велика, что в солидном лондонском словаре “Men of the time”, где знаменитейшим людям нашего времени посвящено по одному столбцу, Блаватской отведено целых три. Нет также ни одного другого новейшего европейского или американского энциклопедического словаря, где бы ей не было отведено значительное место» [**12**; цит. по: **17,** 14]. Нередко Елену Петровну за неутомимую энергию, силу мысли, грандиозность проделанного совершенно оправданно называли «*Сфинксом девят-*

надцатого века» [**17,** 15]. Во многом этот эпитет связан с недоступными до сих пор знаниями, которые она явила в мир. Американский литератор П. Цвайг писал, что «всего за несколько лет Теософское общество произвело самый настоящий переворот в оккультном мышлении Европы и Америки» [**25**; цит. по: **17,** 12].

Но в дореволюционной России о творчестве Елены Петровны знали немногие. Её труды, написанные на английском, практически не переводились. Лишь в начале 1990-х гг., с «перестройкой», на русском языке стали широко доступны типографски напечатанные «Тайная Доктрина» и «Разоблачённая Изида», и лишь к 2000 г. завершилось издание почти полного собрания её работ на русском языке.

Елена Петровна Блаватская
«Сфинкс девятнадцатого века»
Лондон. 8 января 1889. Фото Э. Реста
© Архив Теософского общества (Лондон)

С учётом значительной сложности её теософии, в стране очень мало специалистов, хорошо понимающих теософскую систему мировоззрения. Языковый барьер в дореволюционное время, а впоследствии – годы советской цензуры, оказался решающим препятствием для знакомства россиян с творчеством нашей великой соотечественницы.

В. П. Желиховская, сестра Е. П. Блаватской, об особенностях восприятия творчества сестры в дореволюционной России, в отличие от восприятия её на Западе, отмечала: «Елена Петровна Блаватская… была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. В России её деятельности и учёных трудов… почти не знают. Для нас, русских людей, они представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбуждённое во всем мире русской женщиной без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли. Того нравственного значения, за которое её прославляют на Западе, провозглашая борцом за жизнь загробную, за главенство в человеческом бытии духа, за ничтожество плоти и земной жизни, данных нам лишь как средство усовершенствования бессмертной души нашей, как противницу материализма и поборницу духовных начал в человеке и природе, – в России она иметь не может. Она могла приобрести такое значение и влияние на умы человеческие лишь там, где потрясены устои христианства, либо где они совсем неведомы. Мы же, её соотечественники, не погрязшие, благодарение Богу, в нелепице западного материализма, можем только воздать должное её уму и знаниям вообще, а затем её литературному таланту, хотя бы в той мере, насколько он проявился в нашей русской прессе. Елена Петровна была дочерью известной русской писательницы, Елены Андреевны Ган,

урождённой Фадеевой, когда-то названной Белинским “русской Жорж Санд”. Отец Елены Петровны, командуя батареей конной артиллерии, вёл военную, кочевую жизнь, отразившуюся на раннем воспитании девочки. Когда, по смерти матери, её родные, Фадеевы и Витте, взяли сирот к себе на воспитание, Елена Петровна никогда не могла привыкнуть к обычному распределению занятий с учителями и гувернантками, которых постоянно приводила в отчаяние непокорностью рутине и в восторг остротой ума и способностей, в особенности филологических и музыкальных. Все свойства её характера отличались решительностью и более подходили бы мужчине, чем женщине. Энергия никогда не покидала её в трудностях и опасностях необычайной жизни её. С детства у неё была страсть к путешествиям, к смелым предприятиям, к сильным ощущениям. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла самостоятельно, сама себе прокладывая пути, задаваясь независимыми целями, презирая условия света, решительно устраняя стеснительные для её свободы преграды, встречавшиеся на пути... В семнадцать лет она вышла самовольно замуж за человека, годившегося ей в отцы, и через несколько месяцев, не задумываясь, его бросила, уехала неведомо куда и почти десять лет исчезала так, что даже родные годами не знали о её местопребывании...» [**15**]. Близким своим она сознавалась, что затем только и обвенчалась с Н. В. Блаватским, чтобы «быть свободной» от контроля родных.

Вера Петровна Желиховская (1835—1896) – русская писательница, сестра Е. П. Блаватской, дочь Е. А. Ган, двоюродная сестра С. Ю. Витте

Родовая наследственность Елены Петровны интересна в том отношении, что среди её ближайших предков были представители исторических родов Франции, Германии и России. С материнской стороны родословная Елены Петровны Блаватской восходит через князя Михаила Черниговского к основателю государственности на Руси – Рюрику [**11**]. Прадед Елены Блаватской, князь Павел Васильевич Долгорукий (Долгоруков; 1755—1837), генерал-майор времён Екатерины Великой, был награждён высшей военной наградой – Орденом Святого Георгия и являлся товарищем и сослуживцем М. И. Голенищева-Кутузова. Прабабушка Елены Петровны была урождённая Бандре-дю-Плесси – внучка эмигранта-гугенота, вынужденного покинуть Францию вследствие религиозных гонений. Прабабушка была дочерью Адольфа Францевича, который командовал армейским корпусом в Крымской кампании и, как сообщает дед Елены Петровны Андрей Михайлович Фадеев (1789—1867), был любимцем А. В. Суворова; она вышла в 1787 г. замуж за князя П. В. Долгорукого, и дочь их, княжна Елена Пав-

ловна Долгорукая, была родной бабушкой Елены Петровны, и сама воспитывала рано осиротевших внучек. Она оставила по себе память замечательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учёности. Она занималась археологией, нумизматикой, ботаникой и другими науками. Гербарии Е. П. Фадеевой и её рисунки различных растений, которые в настоящее время хранятся в архиве Академии наук, были известны многим учёным и вызывали их восхищение [**15**]. Между прочим, Елена Павловна состояла в научной переписке с немецким учёным Александром Гумбольдтом, английским геологом, основателем Географического общества Родриком Мэрчисоном, с известными ботаниками и минералогами. Она владела пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всех отношениях выдающейся женщиной. Дочь свою Елену Андреевну, в замужестве Ган, рано умершую мать Е. П. Блаватской, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру; Елена Андреевна писала повести и романы под псевдонимом *Зенеида Р.* и была очень популярна в начале сороковых годов XIX в. По отцу Е. П. Блаватская происходила от владетельных Макленбургских князей фон Роттенштейн-Ган, ветви князей фон Ган, переселившейся в Россию в середине XVIII в. Её отец – капитан Пётр Алексеевич Ган (Peter von Hahn; 1798—1873), человек военный, был почти вдвое старше её матери.

О влиянии родовых корней на Блаватскую её современник писал: «Мне посоветовали познакомиться с историей её рода – Долгоруких, и тогда я пойму, что это значит. Я ознакомился с этой историей, начиная с Рюрика (девятое столетие), и увидел, что этот воинственный род всегда отличался сверхъестественным мужеством, проявлением бесстрашия в самые критические моменты, страстной любовью и личной независимостью. Стремясь достигнуть желаемого, они никогда не боялись возможных последствий. В этом отношении типичным был князь Яков Долгорукий, сенатор Петра I. Однажды, будучи в сенате при полном собрании его членов, он разорвал на мелкие клочки какой-то царский указ, который ему не понравился. На последующую угрозу царя он ответил: “Вы можете подражать Александру (Македонскому), но во мне вы найдёте человека, подобного Клиту”» [**23**, 257–259].

Сама Блаватская скептически относилась к родовитым признакам, считая дух превыше тела.

Она никогда не воспринимала своё замужество всерьёз, этот брак так и остался фиктивным. По одному из её высказываний, она вышла замуж, так как её уговорила сделать это супруга графа Михаила Воронцова. В другой раз она пояснила, что этот брак, заведомо фиктивный, её привлёк возможностью приблизиться к кругу оккультистов, но, как оказалось, это была иллюзия. Муж, вице-губернатор Еревана, происходил из аристократического украинского рода – гетманов Блаватко, став впоследствии Блаватским в России и графом Блаватским в Польше. Через несколько месяцев она бежит из дома и путешествует по Турции, Египту и Греции, живя на деньги, которые ей присылает отец.

В 1851 г., когда ей исполняется двадцать лет, в Лондоне она встречает в физическом теле того, кого знает по своим детским видениям – посвящённого с Востока, Учителя Мория, или М. – под этим именем он стал впоследствии известен теосо-

фам. Он поведал Елене о том, что ей предстоит совершить, и с этого момента она безоговорочно следует его руководству – и на пути внутреннего оккультного совершенствования, и во внешней деятельности.

Знакомство с буддистами и буддизмом произошло у Блаватской достаточно рано. Она пишет, что «когда мне исполнилось одиннадцать лет, бабушка взяла меня к себе. Жила в Саратове, где дедушка был губернатором, а прежде он занимал эту должность в Астрахани, и под его началом было несколько тысяч (80 тыс. или 100 тыс.) калмыцких буддистов» [**22**, 150]. В другом месте она сообщает: «В детстве я познакомилась с ламаизмом тибетских буддистов. Я провела месяцы и годы среди ламаистских калмыков Астрахани и с их первосвященником... Я была в Семипалатинске и на Урале вместе со своим дядей, владельцем обширных земель в Сибири у самой границы с Монголией, где находилась резиденция Терахан Ламы. Совершала также путешествия за границу, и к пятнадцати годам я узнала многое о ламах и тибетцах» [цит. по: **18**, 6].

В 1853 г. она пыталась через Непал проникнуть в Тибет, в заветную Шамбалу, но это ей не удалось. Русскую подданную задержал английский военный патруль, когда она хотела переправиться через реку Рангит. Это произошло накануне Крымской войны, к которой тогда готовились англичане. В 1856 г. она вновь пытается попасть в Тибет, теперь уже через Кашмир и Ладакх, но вновь неудачно. Наконец, в 1863 г. она пересекла Центральную Азию и совершила в 1864 или 1865 г. третью попытку попасть в Тибет, которая привела к желаемому результату.

Судя по всему, проведя несколько лет в ашраме Учителя Мории, Е. П. Блаватская возвращается в Европу, кипящую революциями и перекроем карты старого мира. Она посещает множество стран, и её многочисленные встречи носят неизвестный нам характер. В 1867 г. Е. П. Блаватская несколько месяцев путешествует по Балканам. Переодетая в мужскую одежду, 3 ноября 1867 г. она с товарищами приняла участие в битве при Ментане на стороне гарибальдийцев, желая вместе с Гарибальди освободить от власти Папы Рим. Неизвестны подлинные мотивы участия Блаватской в битве, но хорошо известно, что именно паписты на протяжении тысячелетия плели интриги и подстрекали западные страны на войны против России. В своих последующих книгах, говоря о мракобесии, ханжестве и обмане в религиозной среде, Блаватская главный удар сосредоточила против католической церкви. В битве при Ментане левая рука Блаватской была дважды перебита ударами сабли, кроме того, она получила два тяжёлых пулевых ранения в правое плечо и в ногу, а также удар стилетом под самое сердце, оставивший заметный рубец. Она истекала кровью, сражённая этими пятью ранами, когда её извлекли из канавы, посчитав уже умершей [**23**, 9, 263, 264]. Е. П. Блаватская рассказывала полковнику Г. С. Олькотту, что была в Ментане добровольцем наряду с другими европейцами. Действительно, в рядах Гарибальди сражалось до сорока её соотечественников.

В начале 1868 г., оправившись от ранений, Е. П. Блаватская прибыла во Флоренцию. Затем отправилась через Северную Италию на Балканы, а оттуда в Константинополь и далее в Индию и Тибет. Она рассказывала, что в том году впервые встретила Махатму Кут Хуми, второго великого Учителя, друга и спутника Махат-

мы Мория. Можно предположить, что Кут Хуми отсутствовал, когда она впервые в 1864 г. останавливалась в тибетском Ашраме своего Учителя Мории.

О своём пребывании в Тибете Е. П. Блаватская писала: «В разное время я жила и в Малом, и в Большом Тибете, всего провела там более семи лет. Я никогда ни на словах, ни письменно не утверждала, что провела семь лет в каком-то монастыре. Я только говорила и сейчас повторяю, что бывала в Шигадзе и на территории Таши-Лунпо, где ещё ни один европеец никогда не бывал...» [цит. по: **18**, 128].

Ашрам Махатмы Кут Хуми в Тибете

Последний период своего пребывания в Тибете Е. П. Блаватская, как отмечают биографы, провела в доме одного из своих Учителей, Махатмы Кут Хуми, который, как она писала, был родом из Пенджаба, а его семья много лет назад обосновалась в Кашмире. Именно в сотрудничестве с ним и с Махатмой Мория, значительной частью под их диктовку, была ею написана фундаментальная «Тайная Доктрина». С помощью Кут Хуми Е. П. Блаватская, как считается, получила доступ в несколько ламаистских монастырей, которые ранее никогда не посещал европеец.

О жизни Блаватской в это время в Ашраме у нас имеется очень мало сведений. Одно из самых подробных находим в её письме, которое она написала А. П. Синнет-

ту 6 января 1886 г., объясняя особенности своего английского языка: «…Я опять была… в доме Махатмы К. Х. Я сидела в углу на циновке, а он шагал по комнате в своём костюме для верховой езды; и Учитель [М.] разговаривал с кем-то за дверью… Он улыбнулся и сказал: “Забавным английским языком вы говорите”… (Поясню – с Учителем [М.] я тоже говорила по-английски, хорошо или плохо – для Него это было одно и то же, так как он не говорит на нём, но понимает каждое слово, возникающее в моей голове; и я понимаю его, каким образом – этого я не смогла бы объяснить, хоть убей, но я понимаю...)… Я стояла перед Махатмой К. Х. у старого разрушенного здания, на которое он смотрел, и так как Учителя [М.] не было дома, я принесла к нему несколько фраз, которые я изучила на языке сензара в комнате его сестры, и просила его сказать мне, правильно ли я их перевела, и дала ему лоскут бумаги, где эти фразы были написаны на английском языке. Он взял и прочитал их, поправляя перевод, ещё раз перечитал и сказал: “Теперь ваш английский язык становится лучше – постарайтесь выбрать из моей головы хотя бы ту малость знания английского языка, которой обладаю я”. И он положил свою руку мне на лоб в области памяти и сжал на ней свои пальцы (и я даже почувствовала чуть-чуть ту же самую боль, как тогда, и холодный трепет, который я уже раньше испытывала) и, начиная с этого дня, он поступал так со мною ежедневно, приблизительно в течение двух месяцев. Опять сцена меняется, и я ухожу с Учителем, который отсылает меня обратно в Европу. Я прощаюсь с его сестрой и её ребенком и всеми учениками. Я слушаю, что мне говорят Учителя. Затем раздаются прощальные слова Махатмы К. Х., как всегда, смеющегося надо мною. Он говорит: “Итак, вы немногому научились из Сокровенной Науки и практического оккультизма – кто же может ожидать этого от женщины, но, во всяком случае, вы немножко научились английскому языку. Вы теперь говорите на этом языке только немножко хуже, чем я”, – и он засмеялся. Опять сцена меняется, я нахожусь на 47-й улице Нью-Йорка, пишу “Изиду”, и Его голос диктует мне» [цит. по: **18**, 139–140].

Позже, отвечая на вопрос, зачем она поехала в Тибет, Е. П. Блаватская отмечала: «…Приобретение высшего знания и силы требует не только многих лет напряжённейшего изучения под руководством более высокого разума, вместе с решимостью, которую не может поколебать никакая опасность, но и стольких же лет относительного уединения, в общении лишь с учениками, преследующими ту же цель, и в таком месте, где сама природа, как и неофит, сохраняет совершенный и ненарушаемый покой, если не молчание! Где воздух, на сотни миль вокруг, не отравлен миазмами, где атмосфера и человеческий магнетизм совершенно чисты и – где никогда не проливают кровь животных» [цит. по: **17**, 106].

После нескольких лет обучения в Гималаях в Америке, Индии и Европе её ждали громадные дела: основание Теософского общества с многочисленными отделениями по всему миру, создание теософских журналов и написание главных фундаментальных трудов, таких как «Разоблачённая Изида» и «Тайная Доктрина».

В области философии картина мироздания, представленная Блаватской, её ответы на вопросы о соотношении сознания и материи, об эволюции органической жизни, об истории народов и религий по глубине проработки и масштабности осу-

ществлённого синтеза поистине поражают. Сообщённые ею знания и форма их изложения сегодня, к сожалению, ещё не включены в категорию *научных*. Тем не менее, у Блаватской было немало друзей в научном мире. В Теософском обществе состояли американский изобретатель Томас Эдисон, ведущий химик и физик XIX в. Уильям Крукс, знаменитый французский астроном Камиль Фламмарион, американский философ Уильям Джеймс. В литературе приводится длинный перечень идей Блаватской, которые спустя годы и десятилетия были приняты в науке как фундаментальные основы бытия (см. главу «Наука и "Тайная Доктрина"» в кн.: **17**, 514–550).

Социолог Теодор Роззак в главе «Тайная Доктрина госпожи Блаватской» справедливо отметил естественную реакцию общества на творчество одной из «величайших не закрепощённых женщин своего времени» (речь идёт о XIX в.): «Понятно, что каждое её действие или слово встречалось в штыки, особенно когда она имела смелость бросить вызов наиболее укоренившимся интеллектуальным ортодоксиям своего времени… Но даже теперь люди, не прочитавшие ни единой её строчки, твёрдо убеждены, что она была обманщица и чудачка» [**24**, 117–125, цит. по: **17**, 12].

Названная характеристика Блаватской, помешавшая занять её имени должное место в науке, стала следствием действий иезуитов и английских колониальных властей, организовавших во время отсутствия Блаватской в Индии (она находилась тогда в Европе) провокацию, направленную на подрыв её влияния в этой стране. И действительно, как показала история, опасения англичан оказались небезосновательными, ибо благодаря этой «русской шпионке», как называли Блаватскую английские чиновники в Индии, и непосредственной инициативе председателя Теософского общества полковника Г. С. Олькотта «по образу и подобию» Теософского общества возник патриотический Индийский Национальный Конгресс (далее – *ИНК*), одним из сопредседателей которого стал сначала один из первых корреспондентов писем Махатм – Аллан Хьюм, а затем Анни Безант, член, а затем председатель Теософского общества [**1**, 291–292]. Деятельность ИНК и его лидера Махатмы Ганди, как известно, привела, в конечном счёте, к освобождению Индии от господства Британии.

По инициативе шотландского иезуита Паттерсона в Индии с момента отъезда Блаватской в Европу разыгрался целый заговор. Судя по отчётам об этом деле, неоднократно бывшим в печати, Паттерсон не скрывал, что «ради христианских целей», не задумываясь, подкупал слуг Блаватской «для доставления нужных ему сведений». Подкупленная им бывшая экономка Блаватской и её муж столяр, которым ею были поручены её вещи в Адьяре и некоторые переделки в её комнатах, смастерили невообразимую канитель подложных писем и столярных сооружений, которые послужили основой вековой клеветы.

Ближайшей причиной этих нападок стала разрушительная критика русской Блаватской католицизма. В ответ в печать был выплеснут целый поток злостной лжи миссионерского печатного органа «Христианская Коллегия» в Мадрасе. Немалую роль сыграл и отчёт лондонского Общества психических исследований (далее – *ОПИ*; англ. The Society for Psychical Research: *SPR*), представленный неким Ходжсоном. Последний оказался молодым карьеристом и вынес заказанный ему в Лондоне вер-

дикт: «госпожа Блаватская заслуживает того, чтобы навсегда войти в историю в качестве одной из самых искусных, изобретательных и интересных мошенниц»[2].

Этот вердикт и развернувшаяся в прессе кампания совершенно подорвали здоровье Блаватской. Она писала родным: «Я понимаю, что Психическому обществу на руку такая передряга. Оно бьёт на то, чтобы не расходиться с европейской наукой. Ну как оно могло честно и безбоязненно заявить, что все наши феномены – результаты не обманов, а сил, европейским учёным совершенно неизвестных и непонятных. Это было бы для них опасно: вооружило бы против психистов главные общественные силы Англии, научные корпорации и духовенство. Лучше уж постараться затоптать нас, теософов, которые ничего не боятся и идут вразрез с рутиной своей прямой дорогой!.. Ну, вот я и обманщица, и шпионка! Я у них как бельмо на глазу, потому что не своя, а русская; вот и произвели в оплачиваемого агитатора [России]. Господи! Узнаю свою вечную долю: пользоваться дурной славой, не имея от этого никакой выгоды. Уж хоть бы, в самом деле, родной России какую пользу принесла, а то всего только и было, что отрицательная польза: почти все редакторы лучших газет в Индии – мои друзья-приятели – прекрасно знали, что каждое их слово против России режет меня по сердцу, ну и воздерживались! Вот и вся моя услуга родине, навсегда потерянной...» [**15**].

Целый век клеветнический вердикт ОПИ кочевал по книгам, энциклопедиям и средствам массовой информации – повсюду, где только заходила речь о её жизни и деятельности. Лишь через сто лет после опубликования отчёта Ходжсона справедливость восторжествовала: само ОПИ выпустило пресс-коммюнике, предназначенное для газет и ведущих журналов Великобритании, Канады и Соединённых Штатов Америки, содержащее иное мнение о Блаватской: «**Согласно новейшим исследованиям, госпожа Блаватская, соосновательница Теософского общества, была осуждена несправедливо»** [цит. по: **17**, 7]. Сторонник этого мнения – доктор Вернон Харрисон, эксперт ОПИ по подлогам и фальшивкам, заново проверив все обстоятельства этого дела и цитируя в этом коммюнике возражения Блаватской, что несправедливые обвинения «будут в своё время разоблачены другими авторами», пишет: «Я прошу у неё прощения за то, что нам потребовалось сто лет для подтверждения правоты этих слов». Харрисон утверждает, что «отчёт [Ходжсона] пестрит тенденциозными утверждениями, предположениями, преподносимыми как факт или возможный факт, неподтверждёнными показаниями безымянных свидетелей, предвзятым отбором свидетельств и откровенной ложью» [**17,** 8].

Патриот России

Можно со всею определённостью сказать, что благодаря исключительной мощи и неудержимости русского характера теософия Блаватской состоялась как общемировое явление, как явление Нового мира. Россия, среди прочих стран мира, родилась как непохожее ни на что дитя – дитя будущего. Новый мир, будь это новая философия Блаватской, русская революция или Учение Живой Этики, вошёл в Старый свет и изменил мир русскою волной.

Проведя основную часть жизни за рубежом, среди иностранцев, Блаватская оставалась неизменно русской. Свою русскость она никогда не пыталась завуали-

ровать, какими бы сложными с политической точки зрения ни складывались обстоятельства, более того, неизменно гордилась принадлежностью к России. Учреждая Теософское общество в Лондоне, ведущую роль в котором играла английская аристократия, а та отличалась известным неприятием к России, Блаватская тем не менее постоянно подчёркивала: «Да, я русская». Она развернула широкую деятельность в английской колонии – Индии, в которой тогда безраздельно господствовали англичане. И это при остром геополитическом соперничестве Британии и России в Азии и на Востоке. Тем не менее, Блаватская и здесь вызывающе заявляла: «Да, я русская». Своему английскому другу, А. П. Синнетту, она, например, когда ей было уже 55 лет, молодецки писала:

Е. П. Блаватская в доме Мэйбл Коллинз
Первая половина 1887
Мейкотт, Кроунхилл, Норвуд

«Принесите ему мои искренние извинения и сошлитесь на моё незнание ваших дурацких английских условностей. Скажите ему, что я совершенно лишена изысканности манер английского общества и рада быть неприкрашенным русским дикарём во всех отношениях… Как русская, которая называет свинью свиньёй, а не как англичанин, который будет говорить, сияя растянутой на три ярда улыбкой: "О, здравствуйте! Так рад видеть Вас!" – думая всё это время: "Чёрт бы тебя побрал!"» [**3**, 437].

В другом письме она с нарочито мужицкой грубостью продолжала об извечном споре Запада и России за Балканы:

«Мой дорогой м-р Синнетт, говорю с Вами серьёзно, так как Вы не принадлежите к числу тех психопатов, которые вечно принимают меня за русскую шпионку. Вы так же слепы в своей преданности и восхищении вашей [английской] консервативной политикой, как муж к любимой жене, которая вызывает в нём любовь. Вы не видите её недостатков, а Учителя видят… И если вы продолжите в том же духе, что и он (я имею в виду вашего старого идиота Солсбери), и заткнёте Болгарию перед носом у России, то, уверяю Вас, она [Россия] подложит вам свинью в Индии и через Афганистан. Я знаю от Учителей то, что неизвестно Вам…

Ах милый господин моего сердца! Если бы не [Теософское] Общество и Учителя, которым я каждодневно приношу в жертву свою кровь и честь, если бы те немногие, похожие на Вас англичане, которых я научилась любить как свою собственную плоть и кровь (метафорически, ибо свою плоть и кровь я ненавижу), – если бы не всё это, с какой бы колоссальной силой ненавидела я вас, англичан! В самом деле, поведение и политика вашего нынешнего кабинета министров бесчестны, презренны, достойны Иуды и в то же самое время восхитительно глупы! Один Черчилль ведёт

себя как разумный человек и удивляет меня. Я вижу, что он вовсе не глуп и у него неплохое чутьё. То, что он бросил вашего Солсбери на произвол судьбы, возможно, спасло Англию от внезапного налёта России на вас, да ещё и с союзниками, дорогой мой, – такими союзниками, о которых ваши дипломаты никогда и не помышляли, – и даже не с вашей поганой Турцией. Будьте осторожны, если Вы в состоянии быть осторожным, когда пишете, то делайте это ради своей собственной страны, если не можете поступать так ради Т[еософского] О[бщества]» [**3**, 457–458].

Когда Россия вступила в войну с Турцией, то какие разгромные статьи писала Блаватская в американские газеты в конце 1876-го и в течение всего 1877 г.! Она делает великолепный перевод на английский язык тургеневского стихотворения «Виндзорский крокет», и его публикуют сразу в нескольких газетах. Ей не дают покоя нью-йоркские поляки своими антироссийскими выходками.

Появление же в печати пресловутой антирусской папской речи, в которой говорится о том, что «чем скорее будет подавлена схизма, тем лучше», и что «рука Божия может руководить и мечом башибузука», – повергло её в жар и недомогание. Оправившись, она разразилась рядом таких язвительных статей, обличающих Папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский нунций счёл благоразумным вступить с ней в переговоры и прислал парламентёра. Но тот, разумеется, не был принят, а следующая статья Елены Петровны ещё расцветилась описанием этого визита «доморощенного» иезуита.

Даже на страницах своих монументальных трудов Блаватская продолжает защищать Россию. В «Разоблачённой Изиде» она пишет:

«Верная своей политике быть чем угодно и для кого угодно, лишь бы в пользу своих интересов, Римская церковь, пока мы пишем эти строчки (1876 г.), благожелательно взирает на зверства в Болгарии и Сербии и, вероятно, маневрирует с Турцией против России. [Римской церкви] лучше ислам и ненавистный до сих пор полумесяц над гробницей христианского бога, чем Греческая церковь, признанная в Константинополе и Иерусалиме государственною религией. Подобно дряхлому и беззубому бывшему тирану в изгнании, Ватикан рад ухватиться за любой союз, который обещает если и не восстановления его власти, то хоть ослабления своего противника [России]. Топором, которым когда-то размахивали его [Ватикана] инквизиторы, он теперь потихоньку играет, ощупывая его лезвие, ожидая и надеясь, хотя и надеяться не на что…» [**6**, 83].

Она пребывала в постоянном беспокойстве за исход войны, за своих близких: за дядю своего Ростислава Андреевича Фадеева, двоюродного брата Александра Юльевича Витте и племянника Ростислава Николаевича Яхонтова. Несказанно радовали Елену Петровну победы русского оружия, за которыми она пристально следила.

8 июля 1878 г. Блаватская стала первой русской женщиной, принявшей американское гражданство. Это волей-неволей случилось вскоре после заключения мира с Турцией. Американское гражданство открывало ей свободное проникновение во многие страны, закрытые теперь для русской, упрощало посещение колониальной Индии. Один американец, умирая, завещал ей своё имение. Для получения его нужно было выполнить эту простую формальность, но она сильно переживала за те

дежурные слова, которые пришлось повторить за судьёй: «Только что вернулась из верховного суда, где принимала присягу в верности Американской республике, – писала она. – Теперь я равноправная с самим президентом Соединённых Штатов гражданка... Это всё прекрасно: такова моя оригинальная судьба. Но до чего же противно было повторять за судьёй тираду, которой я никак не ожидала, – что-де, я, отрекаясь от подданства и повиновения императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединённых Штатов Америки... Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Нечего сказать!.. Только как же это я перестану любить Россию и уважать государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить».

И точно, – какой она была всю жизнь горячей патриоткой, такой и осталась. Она ещё долго продолжала, как и во всё время войны, присылать деньги на русских раненых, и даже первые выручки, полученные за «Изиду», пошли на ту же цель. Всё, что получала она в то время за статьи в русских газетах, всё шло целиком на Красный Крест и на бараки кавказских раненых.

По приезду в феврале 1879 г. в Индию, в Бомбей, закипела неустанная деятельность. Елена Петровна по одиннадцать часов в сутки, не разгибаясь, работала. Она писала в местные газеты, посылала корреспонденции во все страны света и готовила материалы для задуманного ею журнала «Теософист».

Британские власти заподозрили было сотрудников её журнала в зловредных намерениях: в шпионаже, в пропаганде русского влияния. За ними установили полицейский надзор; их письма вскрывались, на них косо смотрели. Блаватская выходила из себя! Писала негодующие письма друзьям своим в Лондон. Многие влиятельные лица обрушились в их защиту газетными статьями и письмами на местные бомбейские власти. Решающую роль во всём этом деле сыграло письмо от лорда Линдсея, члена Королевской Академии наук, президента лондонского Астрономического общества. «Ваша полиция осрамилась! – писал он. – Я сам член их Общества, так вы, пожалуй, и меня за агитатора сочтёте, если я приеду в Бомбей?..».

Заступничество подействовало. Полицейский надзор был снят, но остался этот жупел «русской шпионки», который по сей день враги Теософского общества и Е. П. Блаватской то и дело вытаскивают на свет. Позицию англичан можно было понять. Это было время военных действий русских войск в Афганистане и во всём Закаспийском крае. Враждебные чувства англичан против России тогда сильно обострились.

Несмотря на предубеждение англо-индийских властей против основательницы Теософского общества, зиждущееся на её русском происхождении и неприкрытом патриотизме, она всё же сумела завоевать надлежащее ей положение и приобрела многих друзей в среде литераторов и других лидеров, формирующих общественное мнение.

Когда ранней весной 1881 г. случилось убийство императора Александра II, Е. П. Блаватская сильно заболела, поражённая и до глубины души потрясённая ужасным происшествием. Она писала: «Господи! Что ж это за ужас? Светопрестав-

ление, что ли у вас?.. Или Сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Горько! Жаль царя-мученика, семью царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклинаю этих подлых извергов – социалистов!». «Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной мученической смерти царя-самодержца такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать» [**4**].

Её журнал «Теософист» вышел в траурной обложке. Это было внимание Олькотта к её чувствам. Сама она лежала больная. Придя в себя, она написала в синнеттовский журнал «Пионер» превосходную статью обо всём, что свершил царь Александр II, и очень была довольна тем, что большинство газет её перепечатали. Она писала своей сестре:

«Я отдала туда всё, что могла вспомнить, и представь себе, они не выбросили ни одного слова и некоторые другие газеты перепечатали это. Но всё равно, первое время, когда я пребывала в скорби, многие спрашивали меня: "Что это значит? Разве вы не американка?". Я так разозлилась, что послала что-то вроде отповеди в "Бомбей газетт":

"Не как русская подданная надела я траур, – написала я им, – а как русская родом! Как единица многомиллионного народа, облагодетельствованная тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур. Этим я хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти Царя моих отца и матери, сестёр и братьев моих в России!".

Эта моя отповедь заставила их замолчать… Теперь они знают причину и могут отправляться к дьяволу» [**15**].

Ей прислали портрет царя в гробу. «Как посмотрела я на него, – пишет она тётке своей Н. А. Фадеевой, – верь не верь, должно быть помутилась рассудком. Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и подтолкнуло руку мою и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже остолбенела... Это я-то, – старину вспомнила, – рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала» [**15**].

С глубокой болью в сердце отозвалась Блаватская на смерть русского публициста и патриота М. Н. Каткова. 5 августа 1887 г. она писала Н. А. Фадеевой:

«В большом я, милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну, "что мне Гекуба и что я Гекубе"?.. Ну, поди же! Словно с ним хороню всю Россию...

Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мною матушки-России сбила меня с колеи. Обидно!.. Страшно обидно, что вот только проявится из ряду вон русский человек – Скобелев ли, Аксаков, кто другой – так и прихлопывает смерть в самую нужную минуту. Ведь не подыхает же Бисмарк, Баттенберг, болгарские регенты или Солсбери и прочие, нет? А всё наши.

Чем был для России Катков теперь только можно видеть и сообразить: вой радостный раздаётся из всех [западных] журнальных редакций. Только две – "Pall-Mall" и "St. James Gazette" благородно отозвались…

Писала сейчас письмо в редакцию его, надо было! Семь лет ведь работала для [катковских] "Московских ведомостей" и для "Русского вестника"... Хоть, вероятно, и не поверят искренности моей печали, а я писала, что чувствую... Для меня, потерявшей всякую надежду увидеть родную Русь, вся моя любовь к ней, всё горячее желание видеть её торжествующей над врагами, сосредоточивалось и как бы отсвечивалось в передовых статьях Каткова. Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков, и все, все ушли. Кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как они разгадывали и указывали России на козни против неё?.. Пропала Россия!.. Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, "закрылось навеки бдительное око патриота", как дракон оберегавшего интересы нации, и лишь теперь поймут, чем Катков был для Царя и отечества. Стало быть, был он опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и пресса дрожали при его имени, – как теперь дрожат от радости, что избавились. Лафа-де нам теперь будет дурачить Россию...

Счастливые христиане православные, могущие искренно пожелать покойному: "царствие, тебе, небесное, великий патриот!" Я же могу только из глубины души пожелать ему "вечную память" в сердцах всех любящих родину русских…

Ставит эта родина, Россия-матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятники тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее чем Минин и Пожарский сделали мечами. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лиги республиканской Франции, доказала бы Россия, что не зарастёт в сердцах верных сынов её тропа к его могиле. Пусть запомнят наши дипломаты его указания, да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы, благодаря свинопасам – регентам, да Миланам, австрийским холопам. А зарастёт тропа в их памяти, то да будет им стыдно!..

Вот, что я им написала... Может дурой назовут?.. Ну, пущай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась…

Пока жива – ваша всегда... А коли позволят там – так и после Нирваны всё ж ваша. ***Е. Б.****»* [**15**].

Русская пресса того времени мало сообщала о Блаватской, о её книгах и статьях, выходивших на английском языке. Патриотическое и, собственно, правое консервативное издание Каткова, не побоявшегося выступать оппонентом даже самого царя, оказалось редким исключением. Вероятно, слишком вольнолюбивыми и религиозно опасными выглядели для цензоров речи соотечественницы, да ещё и женщины. Не публиковались даже материалы Блаватской в защиту России. Так в 1879 г. она с горечью сообщает: «Я написала статью в "Новое Время" под названием "Правда о племяннике Нана Сахиба". Я собрала самую подробную информацию об этом негодяе. [Газета] "Голос" постоянно передаёт письма, написанные этим лгу-

ном, как будто специально для того, чтобы спровоцировать Англию на войну с Россией. И [российское] "Новое Время" пренебрегло моей заметкой. По какой причине? Она правдива и написана независимым корреспондентом. Кто бы мог подумать, что они не поверят в добрые намерения их соотечественницы, русской, стоящей у самого истока информации об этой фальшивке... И всё-таки наши газеты не захотели напечатать мои статьи!» [**18**].

Современница Е. П. Блаватской – Е. Ф. Писарева также отмечала факт блокады информации о ней на её родине: «Из всех её литературных трудов, открывших Западной Европе оккультные учения древнего Востока, только одна книга "Голос Безмолвия" была до последнего года переведена на русский язык; а её литературное имя Радда-Бай известно только по индийским очеркам, опубликованным в "Русском Вестнике" в начале 80-х годов под названием "Из Пещер и Дебрей Индостана"» [**19**].

Миссис Джонстон сообщает: «Несмотря на отсутствие учтивости со стороны русских газет по отношению к Е. П. Б., она всегда подписывалась на многие русские журналы и газеты; и, не имея возможности прочесть их за день, она отрывала время от пяти-шестичасового ночного отдыха, желая знать, что происходило в её родной стране» [цит. по: **18**, 288].

Блаватская хорошо ориентировалась в международном положении России. Сколько могла, она со страниц теософских журналов, имеющих влияние на западную интеллигенцию, защищала Россию от клеветы и наветов. Хорошо видно, что, живя многие годы за границей, постоянно переписываясь с родными, читая русскую прессу и внимательно следя за мировой политикой по иностранной прессе, душой и сердцем она неизменно оставалась на родине. Русский дух, русская правда, русская справедливость, по большому счёту, – Православие, – столь ярко отображённые великой русской культурой, воплощали и воплощают идею мирового Универсума. На алтарь служению этому Идеалу отдала свою жизнь наша соотечественница Елена Петровна Блаватская. И кто может сказать, где бóльшая служба вершится для России: в её пределах и в битвах с внутренними врагами, или же за её пределами, с врагами внешними?

Было бы неправильно утверждать, что при значительной и определяющей роли Учителей (Махатм) в деятельности и творчестве Е. П. Блаватской, её непримиримое отношение к врагам России оставалось исключительно её личным делом, что её резкие и часто явно неспособствующие выполнению её миссии на Западе выступления в пользу России, её нескрываемый русский патриотизм, диссонирующий с господствующим представлением на Западе о России, не имели никакого отклика и поддержки у Махатм. Но участие или роль Махатм в большой мировой политике и в судьбе России – тема, раскрытие которой ещё ждёт своего часа.

В целом сокрытие в то время от Запада мирового, провиденциального значения России понятно – растерзали бы. Запад во все времена воспринимал Россию как некое недоразумение на политической карте, как страну и народ низшего сорта. Когда Блаватская совершала сокрушительный поход на реакционные институты западной религии, западной политики и западной материалистической науки, объявление на этом фоне из уст русской о провиденциальной роли России подорвало бы всяческий

авторитет главного теософа. Запад никогда не встанет под знамёна тех, кто будет предвещать его закат. Особенно на фоне возвышения России.

Эмоциональная и литературно неудержимая Блаватская не была искушённым политиком-прагматиком, ювелирно взвешивающим каждое сказанное слово, прогнозирующим, как отдельно взятая частная ситуация и сопроводительный комментарий могут породить далеко идущие последствия. Данное свойство открытости и чистосердечной прямолинейности, способствующее интересу к книгам Блаватской, привлекающее к ней друзей и сотрудников, в свою очередь дало обильную пищу для её врагов и недругов. Используя выдранные из контекста цитаты, перефразируя, переиначивая и «дополняя» её высказывания, враги Блаватской превращали её в некоего монстра. Разумеется, апологеты церкви не преминули нацепить Блаватской традиционное обвинение в сатанизме, тогда как сама Блаватская жизнь положила на борьбу с этим врагом человечества.

В этой связи интересна публикация перевода Е. П. Блаватской с русского языка на английский фрагмента из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, известного ныне как *Поэма о Великом Инквизиторе*. Данная публикация на английском языке (возможно, и сам перевод) была сделана Еленой Петровной по прямому указанию Махатмы Кут Хуми. В письме, полученном А. П. Синнеттом в августе-сентябре 1881 г., Махатма Кут Хуми писал: «Предложение перевести “Великого Инквизитора” является моим, ибо его автор (Достоевский), на котором уже лежала рука смерти, когда он писал это, дал наиболее убедительное и правдивое описание Общества Иисуса (иезуиты), чем все те, которые появились до него. В нём содержится очень сильный урок для многих людей, и даже вы можете извлечь пользу из него» [письмо № 19 в кн.: **20**, 119].

По свидетельству современников, Ф. М. Достоевский говорил, что «тему этой легенды... выносил в своей душе почти в течение всей жизни», и тема эта необычайно значима для него; что «“Великий инквизитор” – кульминационный пункт всего его творчества», что поэма для него более важна, чем сам роман «Братья Карамазовы».

Напомним, что первым Великим Инквизитором испанских областей был Торквемада. Будучи наделённым властью Римским Папой (1481 г.), он совершил наиболее массовые уничтожения так называемых «еретиков». Достоевский, ряд идей которого отмечены пророческой печатью, в образе Великого Инквизитора усмотрел другого. В пятой главе пятой книги романа, так сказать, на перевёрнутой пентаграмме Люцифера, Достоевский художественно изобразил закономерную вершину католицизма, обладателем которой стал ни много ни мало главный враг Христа – Сатана. Интересно отметить, что в Православии часто вспоминали, что олицетворение Римской церкви – апостол Пётр, согласно Евангелию, трижды отрёкся от Христа (Ин. 13:38), что только в адрес одного человека – Петра, Иисус воскликнул «отойди от меня, Сатана!» (Мф. 16:23), равно как и Евсевий, будто бы со слов Оригена, утверждал, что Пётр ушёл из жизни способом, обратным от Христа: «был распят головой вниз» [**13**]. На языке мистиков это означает перевёрнутую

пентаграмму Люцифера. Именно так, перевернув наоборот, от слова «Христос» в богословии образовали наименование «Антихрист».

Своей публикации на английском языке из Достоевского Блаватская предпослала следующее примечание: «Это – фрагмент из прославленного романа Достоевского "Братья Карамазовы", последней книги, вышедшей из-под пера этого великого русского романиста, который скончался несколько месяцев назад, сразу же после того, как были опубликованы последние её главы… Переведённый отрывок представляет собой прекрасную сатиру на современную теологию в целом и римско-католическую религию – в частности. Его идея состоит в том, что Христос вновь посетил землю, появившись в Испании во времена инквизиции, и его сразу же арестовывает как еретика Великий Инквизитор…».

«Зачем же Ты пришёл нам мешать? – спрашивает заточённого в тюрьму Христа Великий Инквизитор. – Ибо Ты пришёл нам мешать и сам это знаешь…Ты ли это или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь»... «Не Ты ли так часто тогда говорил: "Хочу сделать вас свободными". Но вот Ты теперь увидел этих "свободных" людей... Да это дело нам дорого стоило... но мы докончили наконец это дело во имя Твоё. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено и кончено крепко... Теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили её к ногам нашим».

В своих работах, прежде всего в «Разоблачённой Изиде», Блаватская доказывала, что христианство от начала пошло двумя непримиримыми линиями, восточной и западной. Разделение это пошло от противостояния, с одной стороны, апостола Павла, ратующего за идею Христа о вселенском братстве и царстве духа, и, с другой стороны, апостолов Петра, Иакова и Иоанна, радевших по-прежнему за строгое соблюдение национальных ограничительных требований чистоты крови и прочего, а также противящихся распространению заповедей Христа за пределами избранного народа. Наследником Павла и его понимания христианства, ярко выразившегося в большей части посланий Павла, стала Восточная Церковь, собственно первая и единственная Церковь. Наследниками Петра и доминанты Ветхого Завета, стала Церковь Рима, объявившая себя впоследствии главным наместником Бога на земле. Она же постаралась отобразить в хранящихся у неё версиях Писания и письмах апостолов идею о своём якобы бесспорном первоапостольстве. Восточная церковь в целом, и Русская Православная церковь в частности, всегда выражали сомнения в первоапостольстве наследников Петра, а уж тем более категорически не соглашались с её притязаниями на роль главного наместника Бога на земле, отрицая в принципе возможность такового. Главным стремлением Западной, то есть Римской Церкви, стала жажда неограниченной мирской власти, вплоть до попыток подмены власти королей и императоров, тайным или явным манипулированием ими.

Монашеский орден иезуитов (с XVI в. по сегодняшний день), кощунственно назвавшийся «Обществом Иисуса», стал инструментом завладения Римской Церковью этой земной власти. Несмотря на оформление разделения Восточной и Римской Церкви только в 1054 г., духовно эта разделённость христианства существовала с самого начала, и до формального разделения это был не более чем политико-религиозный союз двух вполне самостоятельных конгрегаций христиан. Мирского могущества на земле, как известно, в отличие от стремления к Божественному, всегда искал враг рода человеческого. Такова вкратце идея Блаватской, изложенная во втором томе «Разоблачённой Изиды» [**6**]. Подобная идея о сути разделения Восточной (Православной) и Западной (Римской) Церквей пронизывает труды многих православных отцов и старцев. Собственно, «Великий Инквизитор» Достоевского о том же.

Со времён протестантской Реформации, иезуитов называли «пехотинцами Римского Папы». Власть или влияние Римской Церкви со Средних веков и до сих пор распространяется на громадное число стран. В ряде справочников католицизм показан самой многочисленной мировой религией. В том, что касается России, то папы благословляли и направляли сюда крестовые походы, а их тайные агенты-иезуиты плели интриги в сопредельных с Россией странах, натравливая их на Россию (Польша, Прибалтика) или стремясь рассорить с Россией (Украина и др.), повсеместно подрывали Православие и русское влияние.

Неудивительно, что с опубликованием главных трудов Блаватской, вскрывающих лицемерие, обман и двуличность Римской Церкви, иезуиты предприняли всё возможное, чтобы дискредитировать автора, работы которого стали столь популярными. Эти попытки опорочить Блаватскую и её идеи не оставляются на Западе до сих пор, но уже новыми действующими лицами.

Блаватская и Православие

Второй том «Разоблачённой Изиды», написанной Е. П. Блаватской, начинается словами: «**Если бы было возможно, мы не давали бы этот труд в руки многих христиан, которым чтение его не принесёт пользы и не для которых он был написан.** Мы имеем в виду тех, кто искренне и чистосердечно верят в свои церкви, и тех, чья безгрешная жизнь отражает блестящий пример Пророка из Назарета, чьими устами дух истины громко говорил человечеству… Являясь анализом религиозных верований вообще, этот том в особенности направлен против богословского христианства, главного противника свободной мысли. Он **не содержит ни одного слова против чистых учений Иисуса**, но нещадно разоблачает их вырождение в пагубно вредные церковные системы, которые разрушают веру человека в своё бессмертие, в своего Бога и подрывают всякую нравственную свободу» [**6**, 5.].

В преддверии будущих бурь было бы непростительной ошибкой лишить людей веры в их идеал, не построив на месте тысячелетних упований достойную замену. Особая роль в грядущем мировом переустройстве отводилась России и её, как говорил Достоевский, *народу-богоносцу*. Именно поэтому, зная трепетное отношение на Руси к вере отцов и к образу Христа, Блаватская воздерживалась от высказываний о Православии и о Русской церкви, а её религиоведческие работы

были написаны исключительно на английском языке, что до 1990 г., как при царской, а затем при коммунистической цензуре, фактически стало препятствием преждевременного проникновения в Россию её произведений, разрушительных для неподготовленного веросознания. Резкость и прямота её обвинений по адресу Западной Церкви, так непохожая на искусительную тонкость иезуитских речей, скорее отталкивали нетвёрдые души. Это явно не способствовало её успеху на Родине, но зато позволяло по-детски наивным православным душам оставаться при их образе Бога, как здесь его привыкли видеть, нежели без обретения истинной веры оказаться опустошёнными и озлобленными.

«Двадцатый век, – писала Блаватская за 12 лет до окончания XIX столетия, – припас для человечества очень странные события, и он может даже оказаться последним» [**7**, 52]. В связи с разразившейся впоследствии мировой революцией, но в ещё большей степени – второй мировой войной, в конце которой у Германии едва не появилось ядерное оружие, пророческое заявление Блаватской о возможной катастрофе вряд ли покажется преувеличением.

В отношении церковной религии, которой предстояло в XX в. столкнуться с грядущими социальной и научной революциями, Блаватская провидчески писала не менее точно, нежели о научных и социальных потрясениях: «*Буквальная* вера в Библию и вера в *воплощённого* Христа (в человека-Бога) не продлится ещё и четверти века. Церкви должны будут расстаться со своими излюбленными догмами, или двадцатый век станет свидетелем падения и разрушения христианства, и вместе с ним даже самой веры в Христа как в чистого Духа» [**7**, 54].

Хорошо известно, что в России, да, впрочем, и во многих других странах, это пророчество исполнилось с абсолютной точностью. «...Теологическое христианство должно отмереть, и *никогда более не воскреснет* в своём прежнем виде, – писала Блаватская далее. – Это было бы само по себе наиболее счастливым решением всех проблем, если бы не опасность естественной реакции, которая безусловно последует: результатом и следствием столетий слепой веры будет грубый материализм, до тех пор, пока утрата старых идеалов не будет восполнена новыми идеалами, – неопровержимыми, потому что *универсальными* и воздвигнутыми на скале вечных истин, а не на зыбучих песках человеческих фантазий. Чистая нематериальность должна в конце концов заместить ужасный антропоморфизм такого рода идеалов в концепциях наших современных догматиков» [**7**, 54–55]. И это предвидение, как мы знаем, исполнилось и продолжает исполняться.

Она предвидела серьёзнейшую опасность грядущего двадцатого века: грубый материализм и полное забвение духовных ценностей могли привести к подлинной планетарной катастрофе. И здесь она оказалась полностью права, потому что фашизм, появившийся на завершении Кали-Юги, продемонстрировал самое жуткое и зловещее лицо бездуховной цивилизации, обрисовал то чудовищное будущее, которое может ожидать планету. В 1889 г., за два года до своей смерти, Блаватская провидчески написала о двух альтернативах, ожидающих двадцатый век, у истоков выбора которых стояли и священнослужители:

«Однако время мёртвой буквы (Писания) и теократии (господства священников) уже прошло; и мир должен двигаться дальше под страхом стагнации и гибели. Ментальная эволюция движется вровень с эволюцией физической, поскольку их общей целью является ***Единая Истина***[3]*. Эту* ***Единую Истину*** *можно назвать сердцем человечества, тогда как эволюция – это его кровь. Остановите на миг кровообращение, и сердце перестанет биться. То же самое можно сказать и об организме человечества! Именно слуги Христовы стремятся убить или хотя бы парализовать Истину, лягая её копытом* ***"мёртвой (или мертвящей) буквы"****! То, что Коулридж говорил о политическом деспотизме, вполне справедливо и в отношении деспотизма религиозного. И ритуалистическая церковь, чей здравый смысл парализован ныне в тисках предрассудков, – если только она не уберёт свою тяжёлую руку, гнетущую ныне миллионы верующих волей-неволей, – обречена* ***уступить своё место религии*** *и – умереть. Очень скоро ей придётся сделать выбор. Ибо, когда люди узнают об истине, которую она так заботливо скрывает от них, для неё останутся только два возможных варианта развития событий: церковь исчезнет* ***по воле*** *людей или, если массы всё же предпочтут остаться невежественными рабами мёртвой буквы, она исчезнет* ***вместе*** *с людьми. Хватит ли служителям вечной Истины, превратившим оную в белку, обречённую скакать на одном месте в экклезиастическом колесе, [хватит ли]* ***человеколюбия****, чтобы избрать первую из двух альтернативных необходимостей? Кто знает?»* [**1**, 212].

Говоря о трёх церквях: Римско-католической, Протестантской и Православной, Блаватская в «Разоблачённой Изиде» показывает совершенно особое место Православной Церкви:

«…Прошёл очень короткий период с тех пор, как две первые из трёх названных христианских организаций жгли, вешали или умерщвляли иным способом… Во главе этих церквей особо стоит Римская церковь. Её руки алы от безвинной крови бесчисленных жертв, которую она проливала во имя молохоподобного божества, возглавляющего её веру. Она готова с жаром снова взяться за это. Но она связана по рукам и ногам духом прогресса и религиозной свободы девятнадцатого века, который она ругает и поносит каждый день. Греко-русская церковь, наиболее добродушная и христоподобная в своей примитивной и простой, хотя и в слепой вере. Несмотря на тот факт, что никакого практического объединения между Православной и Латинской церквями не было и они разделились много веков тому назад – римские папы, кажется, совершенно игнорируют этот факт. Они самым наглым образом высокомерно претендуют на юрисдикцию не только над верующими общинами Православных стран, но и над всеми протестантами… Их [пап] упорство можно сравнить только с их наглостью. И кульминация абсурдности была достигнута в 1864 году, когда папа римский Пий IX отлучил от церкви и предал публичной анафеме российского императора [Александра II] как "схизматика, выброшенного из лона святой Матери-церкви"[4]*. Ни он, ни его предки, ни Россия с тех пор, как она стала христианской тысячу лет тому назад, не соглашались присоединиться к католической церкви. Почему же тогда не претендовать на церковную юрисдикцию над буддистами Тибета или над тенями древних гиксосов?»* [**5**, 72–73].

К сожалению, в России, на родине Блаватской, распространялась и распространяется клевета о её антиправославии. Но ещё раз скажем, во всех её работах, большинство из которых написано на английском языке, в «критике церкви» подразумевалась именно Западная Церковь, господство и иезуитство папистов. Блаватская никогда не критиковала искреннюю веру в Христа, а **по духу и сути её личная вера была глубоко русской и православной**, ибо что такое Православие, как не духовная связь с Истоком.

Неверные сведения, печатавшиеся о ней тогда в России, сильно огорчали Блаватскую. Эти известия бывали до того нелепыми, что она неоднократно даже обвинялась в убийствах и т. п. уголовных преступлениях. Отвечать на такие басни она никогда не хотела. Но её сторонники не раз пытались возражать на эту «отечественную клевету». Однако безуспешно: их протесты в России к сведению не принимались. Раз даже сама Елена Петровна написала возражение, но и его отвергла наклепавшая на неё газета... Она была очень омрачена и по этому поводу писала:

«Ну что это они всё врут?.. Откуда они взяли, что я собираюсь упразднять христианство и проповедовать буддизм? Если б читали в России, что мы пишем, так и знали бы, что мы проповедуем чистую христоподобную теософию – познание Бога и жизненной морали, как её понимал сам Христос. В третьем ноябрьском номере за 1887 год моя статья ("Эзотерический характер Евангелий"), где я так возвеличиваю проповедь Христа, как дай Бог всякому истинному христианину, не заражённому папизмом или протестантскими бреднями. Много они знают, что проповедует Блаватская!.. Объявляют: "построила капище в Лондоне и посадила в него идола Будды!.." Выдумали вздор! Сами они идолы, вот что! Уж если репортёры их городят пустяки, так имели бы мужество печатать возражения» [**15**].

Блаватскую иногда обвиняли в масонстве. Но ни в какое масонство она не вступала, если только не причислить к таковым гималайских Махатм. Кроме того, современные обвинители не понимают, что масонство уже при жизни Блаватской превратилось в бутафорию, а членство в нём – в не более чем принадлежность к модному клубу. Так Блаватская писала, что масонство «...практически стало уделом аристократии, богачей и личного честолюбия... оно унизилось до пропаганды антропоморфического богословия... масонское братство превращается в подхалима в каждой монархической стране для любого королевского потомка... ради того, чтобы использовать его в качестве политического орудия... Орден деградирует в средство карьеры для эгоистов, и в средство разложения – для плохих людей» [**6**, 448]. Однако, по сравнению с тем состоянием мрака и невежества, в которое был ввергнут Запад отцами католической церкви, Блаватская признавала, что эти масонские организации некогда несли благо, что «несмотря на свои многочисленные недостатки... – нет другого такого учреждения, которое сделало бы так много и ещё теперь способно на великие дела в будущем для человеческого, религиозного и политического усовершенствования... Вашингтон, Лафайет, Франклин, Джеферсон, Гамильтон (отцы Америки) были масонами... Гарибальди (объединитель Италии)... и многие другие» [**6**, 467]. Она приводила слова знаменитого масона Рагона о том, что современные масоны «оматериализовали и обесчестили масонство, которое было однажды основано на Древ-

них Мистериях...» [**9**, 1005]. Блаватская писала о том, что сделали иезуиты с масонскими орденами, которые «ныне называют франкмасонством» и «розенкрейцерством». «Чтобы превратить это Братство лишь в безвредное ничто, иезуиты послали в этот Орден несколько самых талантливых своих эмиссаров, которые сперва уверили простых братьев в том, что истинная тайна была утеряна с Хирамом Абифом... затем они изобрели благовидные, но ложные высшие степени, претендующие на дальнейшее пролитие света на эту утерянную тайну и на проведение кандидата дальше, занимая его *формами*, заимствованными с подлинных, но не содержащих в себе никакой *сущности* вещей. И всё же люди здравого рассудка... встречаются... и с торжественными лицами, устремлённо, со всею серьёзностью проходят эту пародию раскрытия перед ними "подменных секретов" вместо действительных» [**10**, 260–261]. Об отношении Блаватской к этим выродившимся организациям можно судить по её письму в связи с присуждением ей масонской степени:

«Слушайте, братцы! Довожу до вас курьёз: английские масоны, главой коих является сам принц Уэльский, прислали мне диплом за мою «[Разоблачённую] Изиду»... Я, значит, нынче – «таинственный масон»!.. Того и жду, что за добродетели мои меня в папы римские посадят... Посылаю вырезку из масонского журнала. А орден очень хорош – рубиновый крест и роза» [**15**].

Блаватская обладала особыми, как их называют сегодня, «паранормальными» способностями, за которые одних в прочие века сжигали, а других возводили в ранг пророков и святых. В. П. Желиховская, сестра Е. П. Блаватской, описывает православное благословение, данное молодой Елене Петровне одним из будущих иерархов Православной Церкви, узнавшим об этих её способностях:

«По дороге, именно в Задонске, у обедни, её узнал преосвященный Исидор, бывший экзарх Грузии, который впоследствии стал митрополитом Киевским, а затем Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским, и который находился тогда проездом из Киева. Он знал её ещё в Тифлисе и прислал служку звать её к себе. Преосвященный расспрашивал её ласково, где и как она странствовала, куда едет и пр. Заметив вскоре окружавшие её феномены, владыка обратил на них внимание. С большим интересом расспрашивал, задавал вопросы мысленно и, получив на них толковые ответы, был ещё более изумлён...

На прощание он благословил её и напутствовал словами, которые навеки остались ей памятны и дороги как мнение об исключительном даре её просвещённого иерея Православной Церкви. Он сказал:

"Нет силы не от Бога! Смущаться ею вам нечем, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам... Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолеет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества... Бог да благословит вас на всё хорошее и доброе"»[5].

Дурная слава, собственно, клевета о Е. П. Блаватской пошла гулять по России благодаря известному в восьмидесятые годы XIX в. романисту Всеволоду Соловьёву, опубликовавшему в 1892–1893 гг., то есть уже после ухода Е. П. Блаватской, в

журнале «Русский вестник» серию очерков о встречах с ней, под общим названием «Современная жрица Изиды». Впоследствии эти очерки стали издаваться одноимённой книгой. Трудно сказать, что подвигло автора столь сильно испачкать своё перо: может то, что к этому времени популярность его романов сошла на нет, или личные несбывшиеся притязания на роль ученика таинственных Махатм, или неудовлетворённое честолюбие? Ведь он знал Блаватскую в общей сложности не более трёх месяцев, а её работ он практически вообще не читал, ибо не читал по-английски [**14**]. Этот Соловьёв, кстати, назначенный в 1897 г. цензором при Главном управлении по делам печати, собрал целый ворох сплетен и собственных измышлений, обвинив Блаватскую шпионкой в пользу России, а её известные феномены мошенничеством и трюкачеством с целью зарабатывания денег и популярности. При этом о личной жизни Блаватской этот «джентльмен» поведал столь грязные истории, многие из которых были опровергнуты ещё при жизни Блаватской, что просто удивительно, до сколь низкого состояния может пасть образованный, принадлежащей известной культурной семье человек.

Русский публицист и литературный критик В. П. Буренин, который не был в числе сторонников Е. П. Блаватской, так отозвался о Всеволоде Соловьёве и этой его книге: «В современной русской литературе есть два Соловьёва: г. Владимир Соловьёв, иначе называемый “философом”, и г. Всеволод Соловьёв, иначе называемый “братом философа”... Он [Всеволод Соловьёв], не разбирая, валит на покойницу с каким-то даже ожесточением бездну всяких обвинений, чернит её всеми способами, причём часто пускает в ход способы недозволенные… Грязи, и притом самой бесцеремонной, наш изобличитель валит на “современную жрицу Изиды”… столько, что её достало бы, вероятно, для целого огромного кургана над свежей могилой этой русской женщины, которая, даже взяв в расчёт все её увлечения и заблуждения, вольные и невольные, всё же была женщина очень талантливая и замечательная… В своём усердии к изобильному излиянию грязи г. Вс. Соловьёв как будто даже забывает, что покойная была женщина, быть может, и очень слабая, очень грешная, но… достойная уважения и симпатии уже по тому одному, что таких женщин у нас немного, такие женщины у нас из ряда вон… Читая разоблачения г. Соловьёва, я часто невольно приходил к такому заключению: или г. Вс. Соловьёв… говоря выражением из одной комедии, “охотно привирает”; или же во время своего знакомства с жрицей Изиды он… находился не совсем в здоровом состоянии»[6].

Кто только не обвинял Блаватскую за низвержение всевозможных устоев! Церковные недоброжелатели обвиняли в низвержении религиозных и духовных основ. На другом полюсе идейного противостояния материалисты видели в Блаватской пропагандистку спиритуализма и магии, разрушительницу научного материализма. Находились даже такие, кто считал Блаватскую создателем некой квазирелигии, стремившейся отбить чужую паству. Наконец, и спиритуалисты вместе с шаманистами также обвинили Блаватскую в подрыве их влияния. Поистине, великое никогда не входило розами и осанной. Учение, которое принесла Блаватская, говорило о душе и духе человека, и в этом смысле оно противостояло однобокому материализму, пробуждало в человеке устремление к Высшему. Но ничего такого

нового, претендующего на новую «религию», Блаватская не выдумывала и не изобретала. Озвученные в её книгах основы были известны уже многие тысячелетия, а словом *теософия*, в широком смысле – мистическим богопознанием, называлась система знаний и практик уже более двух тысячелетий, начиная с эпохи греко-египетской династии Птолемеев. Девизом Блаватской был объявлен завет бенаресского махараджи: «Нет религии выше истины». Это воззвание обращало к процветавшему в древних цивилизациях синтезу духовности и пытливости человеческого ума, объединяло силы религии и познания. Блаватская не сокрушала ни религий, ни научных методов познания. Она лишь снимала вековые напластования, указывая на человеческие слабости и пороки, сдерживающие человечество на пути к Истине. Если она свою революционную работу свершила излишне темпераментно или не вполне «гибко», то можно вспомнить, в какое время она сражалась, и как мало у неё, при всей громадности ею содеянного, было достойных помощников! Что касается её борьбы с всевозможными некромантами и «магами», то здесь она оказалась поистине очистительным потоком, избавившим, или, по крайней мере, сделавшей всё, чтобы человечество было избавлено от засилья чёрных культов и квазирелигий, спекулянтов от оккультизма. Именно в этой части современное отношение служителей Русской Церкви к деятельности и личности Блаватской, поистине, обращает нас к словам Евангелия: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём». Русская до мозга костей, патриотка, последние перед смертью строки которой были адресованы России, львом бросавшаяся всякий раз на защиту чести Родины, православная по духу и убеждениям, громившая католиков и иезуитов как главных извратителей Христовых заветов, на десятилетия обогнавшая неизменно приближающуюся Новую эпоху и Новое мироощущение, Елена Петровна у отечественных церковных чинов не только не сыскала хотя бы молчаливого одобрения, но подверглась остракизму, основанному на старых сплетнях и искажениях сути её текстов. Будем верить, что справедливость восторжествует, и новое, очищенное Православие реабилитирует и воздаст должное нашей соотечественнице – Елене Петровне Блаватской.

Махатмы Блаватской

Кто же был тот Идеал, которому Блаватская посвятила жизнь и, без сомнения, отдала бы все свои жизни? Кто такие Махатмы? В одном из обращений к теософам, за четыре года до своего ухода, она писала:

«Теперь несколько слов перед тем, как я закончу. Меня спросят: "И кто же Вы, чтобы находить у нас ошибки? Тот ли вы человек, кто имеет связь с Учителями и ежедневно получает Их одобрение? Являетесь ли Вы столь святой, никогда не ошибающейся и столь достойной?" На это я отвечаю: нет, не являюсь. Моя природа весьма несовершенна; у меня много бросающихся в глаза недостатков – и потому моя карма тяжелее, чем у какого-либо другого теософа. ***Это является*** *– и так и должно быть – мишенью для моих врагов, а также некоторых друзей, поскольку столько лет я чувствую себя прикованной к позорному столбу, и вряд ли в этом что-то можно изменить. И всё же я* ***бодро*** *встречаю испытание. Почему? Потому что я знаю, что*

несмотря на все мои недостатки, я нахожусь под защитой Учителей. И если это так, то причина этого весьма проста: за тридцать пять лет и даже более, с 1851 года, когда я впервые увидела Учителя ***во плоти*** *и лично,* ***я никогда не отрекалась от Него*** *и даже никогда не усомнилась в Нём, хотя бы и мысленно. Никогда никакая жалоба или ропот, направленный против Него, не срывались с моих уст, и ни на мгновение не возникали они в моём сознании даже при самых тяжёлых испытаниях. С самого начала я понимала, чего следует ожидать, и о чём я уже говорила выше и что я не устаю повторять другим: как только кто-либо вступает на Путь, ведущий к* ***ашраму*** *благословенных Учителей, последних и единственных хранителей первичной Мудрости и Истины, – с тех пор его карма обрушивается на него целиком и сокрушает его всем своим весом, вместо того чтобы быть равномерно распределённой в течение всей его жизни. Тот, кто верит в то, что он исповедует, и в своего Учителя, тот преодолеет это и выйдет победителем из всех испытаний; а тот,* ***кто сомневается****, кто проявляет малодушие и боится получить то, что ему причитается по заслугам, пытаясь избежать правосудия, тот терпит неудачу. Он всё равно не сможет избегнуть кармы, но он утратит и то, ради чего он шёл на риск преждевременной встречи с ней. Именно поэтому, хотя карма столь постоянно и беспощадно избивала меня, используя моих врагов как своё бессознательное оружие, я и смогла всё это выдержать. Я чувствовала уверенность в том, что Учитель не позволил бы мне погибнуть, что Он всегда появился бы в* ***одиннадцатый*** *час, –* ***и так оно и было на самом деле****. Три раза я была спасена Им от смерти; последний раз почти против моей воли; тогда я опять вернулась в этот холодный, греховный мир от любви к Тому, кто научил меня всему, что я знаю, и сделал меня тем, чем я являюсь. Поэтому я совершаю Его работу и выполняю Его указания, и это дало мне львиную силу для того, чтобы выдержать сокрушительные удары – физические и нравственные – одного из которых было бы достаточно, чтобы погубить любого теософа, если бы он усомнился в могущественной защите. Преданность Тому, кто служит для меня олицетворением долга, и вера в коллективную Мудрость этого великого, мистического и всё же реального Братства святых людей, – это моё единственное достоинство и причина моего успеха в оккультной философии»*[7].

* * *

8 мая 1891 г. в Лондоне в возрасте шестидесяти лет в своём рабочем кресле тихо отошла Елена Петровна Блаватская. Последними строками, написанными её рукой, были строки статьи о России.

В тот день в Индии очень буйно расцвели белые лотосы, отчего день ухода Блаватской называется теперь «Днём Белого Лотоса». И сразу между континентами понеслись телеграммы в таком количестве, как будто почил какой-нибудь император. Так описывали этот день современники. Незадолго до этого, соратники Е. П. Блаватской заставили её написать завещание – всё имущество, которое состояло из небольшой библиотеки, личных вещей и предполагаемых поступлений за публикацию книг, переходило Теософскому обществу. А остальным она завещала ежегодно в день её ухода собираться вместе и читать главу из «Света Азии» и главу из «Бхагават-гиты».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватская Е. П.* Новый цикл. – М.: Сфера, 2001. – 384 с.
2. *Блаватская Е. П.* Письма / Пер. и авт. предисловия Ч. Джинараджадаса. – М.: Золотой век, 1995. – 456 с.
3. *Блаватская Е. П.* Письма А. П. Синнету. – М.: Сфера, 1997. – 528 с.
4. *Блаватская Е. П.* Письма друзьям и сотрудникам / Пер. с англ. Р. Ш. Ахунова. – М.: Сфера, 2002. – 784 с.
5. *Блаватская Е. П.* Разоблачённая Изида: В 2 т. / Пер. с англ. – Т. 1. Наука. – М.: Сфера; Минск: Лотаць, 2000. – 688 с.
6. *Блаватская Е. П.* Разоблачённая Изида: В 2 т. / Пер. с англ. – Т. 2. Теология. – М.: Сфера; Минск: Лотаць, 2000. – 656 с.
7. *Блаватская Е. П.* Скрижали кармы: «Нет религии выше Истины» / Пер. с англ., вступит. ст. А. А. Каменской. – М.: АО «МЦФ», 1995. – 510 с.
8. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 1. Космогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1992. – XXIV, 847 с. – Репринт. изд.: Rigā: Uguns, 1937.
9. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 2. Антропогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1992. – 1008 с. – Репринт. изд.: Rigā: Uguns, 1937.
10. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 3 / Пер. с англ. А. П. Хейдока. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1993. – 510 с.
11. *Валькова О. А.* Первая дама естественной истории [О Елене Павловне Фадеевой и её семье] // Природа. – М., 2008. – № 3. – С. 91–96.
12. *Венгерова З. С.* Блаватская Елена Петровна // *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. От начала русской образованности до наших дней. – Т. 3. – СПб., 1892. – С. 301, сноска.
13. *Евсевий Памфил.* Церковная история. – М.: Амфора, 2007. – 491 с. – (Серия: «Александрийская библиотека»).
14. *Желиховская В. П.* Е. П. Блаватская и современный жрец истины. Ответ г-жи Игрек [В. П. Желиховской] г-ну Всеволоду Соловьеву. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1893. – [4], 177 с.
15. *Желиховская В. П.* Радда-Бай: Правда о Блаватской. – М.: Интербук, 1992. – 80 с.
16. *Кайдаш С. Н.* Елена Блаватская в России // Утренняя Звезда. – М.: МЦР и др., 1994–1997. – № 2/3. – С. 376–394.
17. *Крэнстон С.,* при участии *Уильямс К.* Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. – 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с англ. – Рига: Лигатма; Угунс, 1999. – 736 с.
18. *Нэф М. К.* Личные мемуары Е. П. Блаватской / Пер. с англ. Л. и А. Крутиковых. – М.: Сфера, 1993. – 315 с.
19. *Писарева Е. Ф.* Миссия Елены Петровны Блаватской. – СПб.: городская типография, 1912. – 14 с.
20. Письма Махатм / Рериховский центр духовной культуры (Самара). – Самара: Дом печати, 1993. – 720 с.

21. Свет на Пути; Голос безмолвия; Семь врат; Два пути: Из «Книги Золотых Правил» / Обнародовано Е. П. Блаватской; пер. с англ. Е. Ф. Писаревой. – Киев: Укрполиграфсервис, 1991 – 62 с.

22. Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett / Ed. by A. T. Barker. – N. Y. – L., 1925.

23. *Olcott H. S.* Old Diary Leaves. – Vol. 1. – N. Y., L.: G. P. Putnam's Sons; Madras: The Proprietors of «The Theosophist», 1895.

24. *Roszak Th.* The Unfinished Animal: The Aquarian Frontier and the Evolution of Consciousness. – N. Y.: Harper & Row, 1975.

25. *Zweig P.* Talking to the Dead and Other Amusements // The New York Times Book Review. – 1980. – 5 October. – P. 11

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья опубликована впервые к 180-летию со дня рождения Е. П. Блаватской в журнале «Дельфис» (полностью, № 66/2, 2011; 67/3, 2011; 68/4, 2011), а также в сокращённом варианте в газете «День Литературы», № 4 (176) от 11 апреля 2011 г. и в журнале «Наука и религия» («Елена Блаватская – патриот своей Родины», 2011, № 6).
[2] Psychical Research, Appointed to Investigate the Evidence for Marvelous Phenomena Offered by Certain Members of the Theosophical Society (Private and Confidential). – [L., 1884]. – P. 207. Цит. по: **16,** 7.
[3] Единая Истина – Абсолют, или в теологии – Бог. – *Примеч. А. В. Владимирова.*
[4] См.: *Gazette du Midi* и *Le Monde*, 1864, 3 May. – *Примеч. Е. П. Блаватской.*
[5] Данный случай был описан в журнале «Ребус» в очерке «Правда о Е. П. Блаватской», 1883 г., номера 40–48. Цит. по: **15**.
[6] Отклик В. П. Буренина в газете «Новое время» от 30 декабря 1892 г. на статьи Вс. Соловьёва в «Русском вестнике». Цит. по: **17**, 357.
[7] *Блаватская Е. П.* Теософские Махатмы. Первая публикация в журнале «Path», 1886, декабрь.

Е. В. АЛИВАНЦЕВА
(Музейный центр Е. П. Блаватской и её семьи Днепропетровского исторического музея им. Д. И. Яворницкого; Днепропетровск, Украина)

УСАДЬБА ФАДЕЕВЫХ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ И МУЗЕЕЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В начале XIX столетия в Екатеринославе, на улице Петербургской (ныне Ленинградская, д. 11), была создана усадьба, которой судьбой будет предопределено прославиться, стать памятником истории, благодаря династии, три поколения членов которой – государственные и общественные деятели, учёные и писатели – уникальное явление в отечественной культуре, а одна из её представителей – личность планетарного масштаба. Усадьба эта, пережившая в течение первого своего века нескольких хозяев, а в течение второго – целый ряд учреждений, вошла в историю и останется в ней как усадьба Фадеевых. Она типична для провинциального Екатеринослава, дома в котором двести лет назад ставились вольно: с окнами на четыре стороны, с большими садами вокруг. По принципу городского усадебного домовладения в те годы были построены и контора Опекунства иностранных по-

селенцев, и соседнее с ней здание почтовой конторы, и целый ряд других домов, как казённых, так и частных. Так строились усадьбы и на улице Петербургской, которая, вместе с продолжающей её улицей Дворянской (ныне Плеханова), была в тот период аристократическим районом столицы Приднепровья.

Сегодня, к сожалению, ещё не известны ни точная дата постройки этой усадьбы, ни имя архитектора и первого владельца. С определённостью можно говорить лишь о том, что изначально это была дворянская усадьба, которая по обычаю того времени представляла собой *«комплексный архитектурно-парковый ансамбль, который включал обычно барский дом с флигелем (или флигелями), обслуживающие постройки – конюшни, оранжереи; сараи, парк…»* [**21**, 13]. Уточнённые данные свидетельствуют о том, что она располагалась на площади около гектара. По территории усадьбы протекала маленькая речушка. Её главным украшением был великолепный сад цветов и плодовых деревьев. Таким образом, этот удивительный усадебный комплекс вмещал в себя как историко-культурный, так и природный компонент, имел сложную и самодостаточную структуру, был органично вписан в жизнь провинциального Екатеринослава.

Андрей Михайлович Фадеев, дедушка Е. П. Блаватской

С конца XVIII в., почти целое столетие со времени создания, губернский центр Екатеринослав жил тихой и рутинной жизнью, оставаясь городишком скучным и бездеятельным. Исследователь той эпохи свидетельствует: *«...Да и влюбиться в Екатеринославе было нельзя. Нельзя же было увлечься каким-нибудь Молчалиным, Скалозубом или изредка заглядывавшим в город Маниловыми, Ноздрёвыми? Пусто было кругом по части интеллигентной молодёжи… Провинция продолжала в большинстве жить интересами своего угла, жизнью своей семьи. Ей не было дела ни до столичной сдавленности, ни до европейских переворотов, ни до политических, экономических идей, ими порождённых»* [**20**]. Впрочем, эта характеристика не вполне справедлива, хотя бы уже потому, что в городе в ту пору жили и работали государственные деятели С. Х. Кантениус, И. Н. Инзов, врач К. И. Роде, педагог Д. Т. Мизко.

В этот период с 1815-го по 1834 г. в Екатеринославе на улице Петербургской жила и семья Фадеевых, ставшая историческим феноменом, однако всё ещё малоизученным и неоценённым по достоинству.

Фадеевы приехали в Екатеринослав из местечка Ржищево Киевской губернии. Глава семьи дворянин **Андрей Михайлович Фадеев** (1790—1867) в 1815 г. был назначен на службу в Новороссийскую контору Опекунства иностранных поселенцев младшим товарищем главного судьи. Прослужив в Опекунстве три года, в 1818–м, после его преобразования в Попечительный Комитет колонистов Южного

края России, Фадеев стал начальником Екатеринославской канцелярии. Как член Екатеринославского помологического общества Фадеев внёс значительный вклад в развитие садоводства в крае. Позже занимал высокие должности главного попечителя кочующих народов в Астрахани, был в Саратове управляющим Палатою государственных имуществ, а затем и губернатором. С 1846-го и до конца жизни – руководитель Экспедиции государственного имущества Закавказского края в Тифлисе (Тбилиси). Подводя итог жизни этого государственного и общественного деятеля, современник напишет*: «…имя Андрея Михайловича Фадеева не произносилось иначе, как с глубокою благодарностью и любовью за его высокую справедливость, за строгую внимательность… и за безукоризненную честность и бескорыстие, довольно редкие в то время»* [**31**]. Действительный член Императорского Русского Географического общества, Фадеев оставил свой след и в литературе, написав в последние годы жизни обширные мемуары. Его «Воспоминания» [**28**] стали ныне важным историческим и бесценным краеведческим источником. Они позволили в значительной степени восстановить и историю усадьбы, купленной Фадеевым в 1816 г. у неизвестного нам екатеринославца. В «Воспоминаниях» Андрей Фадеев рассказывает, как, приехав к месту назначения, купил на улице Петербургской *«дом с садом»* и вскоре перевёз сюда семью, а также *«всё имущество, пожитки и дворовых людей, которых было не мало, душ до сорока»* [**28**, 41].

Елена Павловна Фадеева, бабушка Е. П. Блаватской

Хозяйка усадьбы на Петербургской – **Елена Павловна Фадеева** (1788—1860) – была одной из самых образованных женщин Европы начала XIX в. Представительница знатного рода Долгоруких, княжна, она владела пятью иностранными языками, была музыкально одарена, хорошо рисовала. В 1813 г. вопреки воле родителей вышла замуж за А. М. Фадеева. Глубокое чувство взаимной любви супруги пронесли через всю жизнь. В центре научных интересов Е. П. Фадеевой стояли естественные науки: палеонтология, минералогия, археология, орнитология, ботаника (и это в начале века, который лишь к середине 1860-х всерьёз увлёкся естественными науками!). Кроме того, эта удивительная женщина была известным нумизматом, фалеристом, коллекция монет и наградных знаков которой насчитывала многие сотни единиц. Но главное, она была прекрасной матерью и бабушкой – педагогом, воспитавшим целую плеяду выдающихся людей [**33**].

Старшая дочь четы Фадеевых – **Елена Андреевна**, в замужестве **Ган** (1814—1842) выросла в доме на Петербургской, отсюда ушла под венец, здесь родила своего первенца (Е. П. Блаватскую). Природа одарила её литературным и музыкальным талантом, изысканной красотой, и тонкой, чувствительной душой. В шестна-

дцать лет она стала женой тридцатидвухлетнего капитана артиллерии, барона, выходца из знатного немецкого рода **Петра Алексеевича Гана** (1799—1875). В 1831 г. в семье Е. А. и П. А. Ганов появился первый ребенок – дочь, которую назвали как мать, бабушку и прабабушку – Еленой. Но уже вскоре молодая женщина, считавшая любовь и супружество неразделимыми, пережила крушение *«светлой идеи».* Со смертью сына Саши её переживания стали перерастать в трагедию. В 1835 г. в семье родилась вторая дочь, Вера (**В. П. Желиховская** (1835—1896) тоже станет известной писательницей [**15**]). Несмотря на жизненные коллизии, творческая натура Е. А. Ган требовала реализации, и в 1836 г. она попробовала себя в качестве переводчика, а затем написала свою первую романтическую повесть – «Идеал», опубликовав её под псевдонимом *Зенеида Р-ва*. В основе сюжета повести лежит рассказ о неудачном браке и осмеянной женской любви. В течение последующих пяти лет в Петербурге были изданы 11 её повестей. Среди них «Утбалла», «Медальон», «Теофания Аббиаджио» и другие [**11**; **14**; **34**]. Все произведения Елены Ган автобиографичны. Ещё при жизни её стали называть «русской Жорж Санд», «Лермонтовым среди писательниц». Весной 1842 г. состояние здоровья Е. А. Ган резко ухудшилось, а 24 июня на руках у матери она умерла, оставив на попечении Фадеевых двух дочерей и сына Леонида. В. Г. Белинский посвящал ей статьи, а И. С. Тургенев писал: *«В этой женщине было и горячее русское сердце, и опыт жизни женской, и страстность убеждений, и те "простые и сладкие" звуки, в которых счастливо выражается внутренняя жизнь...»* [**27**, 77].

Елена Андреевна Фадеева,
в замужестве Ган,
мать Е. П. Блаватской

В доме на Петербургской родился единственный сын четы Фадеевых. **Ростислав Андреевич Фадеев** (1824—1883) избрал военную карьеру. Служил на Кавказе [**29**]. О героизме генерала Фадеева ходили легенды. Эпизоды из его жизни стали сюжетами в «Очарованном страннике» Н. С. Лескова и «Современной идиллии» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Генерал Фадеев был и военным историком, публицистом, автором книг «Шестьдесят лет Кавказской войны», «Вооружённые силы России» и ряда других. В предисловии к вышедшему уже после его смерти трёхтомному собранию сочинений сказано: *«У него было прекрасное сердце и блестящий ум, которые он всецело посвятил на служение родине. На литературном поприще, как и на боевом, во благе отечества он видел цель. Она же была силой, создавшей в нём замечательный талант и тот превосходный точный и богатый русский язык, которым говорят и пишут только люди глубоко убеждённые»* [**30**, 7].

В екатеринославской усадьбе Фадеевых родились и две их младшие дочери – Надежда и Екатерина. **Надежда Андреевна Фадеева** (1829—1919) была общественным деятелем, коллекционером. Она унаследовала собрание матери и всю

жизнь пополняла его. Её коллекции поражали современников: *«Это был один из самых замечательных частных музеев. Там были собраны гербы и оружие со всех стран света, старинная посуда, китайские и японские статуи богов, византийская мозаика, персидские и турецкие ковры, картины, портреты и очень редкая и большая библиотека»* [**8**, 57]. Судя по всему, Н. А. Фадеева могла стать писателем, но предпочла быть хранителем наследия семьи. Она подготовила к публикации мемуары отца и сочинения брата, написала ряд статей, посвящённых старшей сестре, передала в Академию наук коллекции матери, многие годы была голосом родины для старшей племянницы. Значительную часть своей жизни она прожила рядом с сестрой **Екатериной Андреевной**, в замужестве **Витте** (1819—1898), помогая ей воспитывать пятерых детей. Имя одного из них можно найти в любой энциклопедии. Речь идёт о знаменитом государственном деятеле, министре-реформаторе рубежа веков **Сергее Юльевиче Витте** (1849—1915) [**10**]. *«Если бы у меня был хотя бы один такой министр, я бы сделал в Германии чудеса»,* – любил повторять Вильгельм II.

В усадьбе Фадеевых родилась и была крещена старшая дочь П. А. и Е. А. Ганов – **Елена Петровна Ган** (в замужестве **Блаватская**) (1831—1891). Она вошла в мировую историю как выдающийся знаток древних религиозных, философских и эзотерических учений, исследователь, как человек, одарённый уникальными парапсихологическими способностями. Блаватская известна и как талантливая писательница, публицистка, художница, музыкант. Свои исследования она вела на стыке науки, религии и философии. В них мудрость древних знаний соединена с современными ей научными исследованиями и смелыми научными прогнозами перспектив развития человечества. Блаватская основала движение, воплотившееся в целом ряде обществ и духовных общин во всём мире. Созданное ею Международное Теософское общество насчитывает сегодня около трёхсот отделений во всём мире, не считая множества иных объединений, возникших и возникающих на базе её идей. Её наследие имело огромное влияние на А. Эйнштейна и Т. Эдисона, К. Циолковского и В. Вернадского, А. Скрябина и М. Чюрлёниса, Рерихов и М. Волошина, М. Ганди и Д. Неру, П. Гогена, В. Кандинского, Г. Гессе, Дж. Лондона, Г. Уэллса и И. Ефремова [**19**].

Детство Е. П. Блаватской прошло на Приднепровье. С 11 лет, осиротев, воспитывалась вместе с сестрой и братом в семье Фадеевых. В 1848 г., в 17 лет, в Тифлисе (Тбилиси) вышла замуж за вице-губернатора Эривани (Еревана) генерала Н. В. Блаватского. Через несколько месяцев, оставив мужа, тайно, на английском торговом судне, покинула страну. В течение последующих двадцати лет странствовала по Европе, Северной Африке, Азии, Северной и Южной Америке, Индии, Китаю, изучая историю, культуру, философию, религию народов мира. Биографы рассказывают, что в этот период она зарабатывала себе на жизнь тем, что давала фортепианные концерты, выставляла свои картины, пыталась организовать продажу чернил и искусственных цветов. Воевала в отрядах Гарибальди и была ранена. Обучалась в Тибете и получила там Посвящение. Приезжала на родину, чтоб повидаться с родными. В 1875 г. в США основала Теософское общество, провозгласившее своей целью восстановить утраченное современностью знание скрытых сил природы, понимание еди-

ного источника происхождения вселенной и человечества, древних религиозных и философских доктрин и таким путём достичь братства всех народов. В 1878 г. Блаватская с несколькими единомышленниками уехала в Индию, где с 1881 г. в предместье Мадраса Адьяр обосновалось Теософское общество. Все эти годы она напряжённо работала. Написала и опубликовала в России под псевдонимом *Радда-Бай* несколько книг путешествий по Индии, создала серию повестей и рассказов, объединённых в сборник «Ночные видения». Главными её работами были уникальные труды по научно-философскому осмыслению и сравнительному анализу мифологических, естественнонаучных и религиозных систем и оккультных теорий Запада и Востока – «Разоблачённая Изида» [**4**] и «Тайная Доктрина» [**5; 6; 7**]. К ним примыкают и другие её книги, а также сотни статей и эссе. Последние годы жизни Е. П. Блаватская провела в Европе. Умерла в 1891 г. в Лондоне. *«Если не обманывает знамение – приближается тот день, когда мир убедится в том, что древние религии находятся в гармонии с Природой и что Наука древних охватывает все знания, которые может воспринять и вместить человеческий ум,* – говорила Блаватская. – *Мы входим в следующий временной цикл».*

Елена Петровна Блаватская. 1878

Биографы Е. П. Блаватской, повествуя о её судьбе, обязательно вспоминают Екатеринослав и дом деда, где она родилась, часто бывала в раннем детстве. Бывала она на Приднепровье и в последующие годы, но усадьба Фадеевых уже принадлежала иным хозяевам.

А. М. Фадеев вынужден был продать её в 1834 г. Он рассказывает: *«Конторы иностранных поселенцев упразднялись, а оставлялся только один "попечительный комитет" под председательством Инзова, с крайне ограниченным штатом… Я был определён членом этого комитета, с тем же самым содержанием, какое я получал. Приходилось переезжать на жительство в Одессу, продавать за бесценок дом с прекрасным, огромным садом, со всеми почти двадцатилетними обзаведениями и приспособлениями для наших удобств, с огромной дворней, и перебираться на житьё в город, где всё было несравненно дороже, нежели в Екатеринославе, что, конечно, расстраивало нашу жизнь, составляло крупную неприятность»* [**28**, 109–110]. Так завершился период жизни семьи Фадеевых, принёсший им много счастливых и драматических событий. В усадьбе на Петербургской они пережили счастье рождения четырёх детей и внучки, наводнение в 1820-м, смерть крошечной дочери Анастасии и бабушки Е. П. Фадеевой – Е. И. Бранде-дю-Плесси. Здесь, как пишет А. М. Фадеев: *«…я имел несчастье потерять отца моего, переселившегося в Екатеринослав, чтобы быть поближе ко мне и к моему семейству… Мать моя осталась навсегда на жительстве в Екатеринославе»* [**28**, 97].

А. М. Фадеев продал свою усадьбу директору Екатеринославской казённой суконной фабрики В. И. Драгневичу, о котором Д. И. Яворницкий пишет: *«Последним директором фабрики был Василий Иванович Драгневич, родом серб, моряк времён Чесменского боя, в котором он участвовал в чине гардемарина. Драгневич первый из директоров подал проект о закрытии казённой суконной фабрики в Екатеринославе, указав на громадные расходы по ней, на хищения и на злоупотребления, с которым директорам приходилось постоянно бороться. Драгневич доказывал, что для казны несравненно выгоднее и удобнее делать изготовление для гвардии сукон по заказу частных фабрик. Проект Драгневича был принят, а казённая суконная фабрика в Екатеринославе покончила своё существование в 1837 году»* [**36**, 31–32].

После смерти Драгневича в 1860-е гг. усадьба перешла во владение его зятя – М. С. Клевцова. В этот период Петербургская улица стала менять своих обитателей. Местная элита постепенно перебиралась на гору, а её владения переходили в собственность простых мещан. Краеведы свидетельствуют: *«Ближайшая к Днепру улица – Петербургская (Ленинградская) – проходила параллельно берегу реки… Реконструкция улицы началась после открытия в 1856 г. пароходства и продолжения железнодорожной ветки от вокзала до здания электростанции. С конца XIX и начала XX в. здесь появляется много небольших заводиков и мастерских: мыловаренный А. Н. Манзона, лопаточная фабрика «ШЛА», мельница Ш. Гурария. Крупорушки и лесопилки – Левензона, Фаста, Михайличенко. Многие из этих предприятий задворками выходили на берег реки, куда и сбрасывали отходы»* [**26**, 262].

Важным источником знаний о судьбе усадьбы Фадеевых являются воспоминания Порфирия Яненко, опубликованные в 1887 г. в «Екатеринославском юбилейном листке» (события, описанные в воспоминаниях, сам автор относит к 1841 г.): *«…От моста пришлось ехать по Петербургской улице, которая не представляла ничего интересного для меня, кроме песчаных сугробов и выбоин, да самых ничтожных домиков, засыпанных по окна песком, а также лабазов разных форм и шинков с надписью: “Казённый питейный дом”. Ничего не было такого, на чём можно бы остановиться: лучшие там дома были только учителя гимназии, по математике, Порфирия Семёновича Семёновского (ныне Кранца), затем дом Фадеевых (ныне Станиславской) и Неймана».*

В 2008 г. исследователю В. С. Старостину удалось обнаружить в Государственном архиве Харьковской области документы, проливающие свет на историю усадьбы во второй половине XIX в. Согласно этим документам в 1868 г. усадьба принадлежала жене коллежского асессора Лидии Степановне Франк. В 1872 г. её владельцем стал мещанин Моисей Соломонович Шнейвис. Затем, согласно купчей крепости от 13 марта 1872 г. [**12**, 8], усадьба становится собственностью Рашель Абрамовны Станиславской. Семья Станиславской, согласно этому документу, покупает *«дворовое место 62 × 42 сажени со всеми без исключения находящимися на оном постройками и садом».* В 1890-е гг. дом был сдан владельцами в аренду, и здесь разместилось Седьмое городское женское училище. Дважды, в 1894 г. и 1906 г., усадьба попадала под залог имущества. На 1906 г. она имеет следующий адрес: ул. Петербургская, д. 17 (участок № 69 по 2-ой Полицейской части г. Екатеринослава), а с 1914 г.

и поныне у неё номер одиннадцатый в уличной нумерации. После смерти в 1912 г. Р. А. Станиславской её родственники судятся за наследство. В 1916 г. они продают часть усадьбы, о чём свидетельствует документ: «*Раздельный акт. 23 ноября 1916 г. от купленного в 1872 г. места была отчуждена часть и ныне она состоит по улице 29, 56 саженей, по меже двора наследников Овсянниковых (бывшей Секретной) 44 сажени, по меже Златина (бывшая Сергеева, ныне Ревзона) 19,40 саженей* [в документе явная описка, речь идёт о 1,94 саженей. – *Е. А.*], *по меже наследников Алексеева 20,58 саженей, по меже двора Копылова 5,60 саженей, по меже двора шабат и Коган (прежде Станиславской) 38,30 саженей*» [**12**, 90].

После революции усадьба была национализирована и превращена в коммунальное жильё для более двадцати (!) семей. Вероятно, именно в это время главный дом претерпел серьёзные внутренние перестройки, постепенно был уничтожен и сад, на месте которого появились вначале мастерские, а затем завод. С конца 1940-х гг. в особняке разместилось заводоуправление «Днепростроймаша» и заводская столовая. Затем большая часть здания (кроме столовой) была передана для размещения школы рабочей молодёжи при заводе (вечерняя школа № 4 располагалась в доме до 1970-х гг.). В 1980–1990-е здесь разместились курсы машинописи и стенографии, затем – ПТУ № 51, а чуть позже – ПТУ № 63.

В 1987 г. по инициативе Исторического музея дом получил статус памятника истории XIX в. (решение Днепропетровского облисполкома № 180 от 16 июля 1987 г., охранный номер 6156). В 1990 г. Исторический музей выступил с ходатайством о создании в доме-памятнике Музейного центра Е. П. Блаватской и её семьи. Был создан общественный совет, начавший работу по реализации проекта. Вокруг идеи Музейного центра объединились учёные, краеведы, музееведы, представители различных организаций. В 1991 г. на доме-памятнике была установлена мемориальная доска, посвящённая Е. П. Блаватской. В последующие годы сотни обращений и статей, открытых писем, публичных выступлений и официальных обоснований были шагами на пути к утверждению проекта. Ситуация осложнялась тем, что к дому год от года всё активнее стали проявлять интерес разного рода организации и частные лица. Они заявляли о своём намерении создать в доме-памятнике: кто оздоровительный центр, кто педагогический музей. Исторический музей, представлявший интересы общественности, был втянут в многолетнюю тяжбу в административных и судебных инстанциях вплоть до Кабинета Министров и Верховного хозяйственного суда Украины. Ситуация разрешилась только в 2004 г., когда Распоряжением Кабинета Министров Украины № 84-р от 18 февраля 2004 г. и Решением Днепропетровского облсовета № 521–24/IV от 24 декабря 2004 г. часть дома (к сожалению, не весь дом) была передана 31 декабря 2004 г. на баланс Днепропетровского исторического музея им. Д. И. Яворницкого с целью создания в нём Музейного центра Е. П. Блаватской и её семьи (часть одноэтажного крыла здания площадью 74,3 кв. м и сегодня всё ещё не передана музею).

В 2005 г. специалистами «Студии архитектурного дизайна» (научный руководитель – Е. Ф. Вандюк) были проведены комплексные историко-архитектурные исследования, позволившие выявить первоначальный облик дома-памятника. Для

экспертных заключений привлекались специалисты научно-исследовательского и проектного института «Укрпроектреставрация». На базе исследований создан архитектурный эскизный проект. Исследования специалистов определили границы усадьбы и констатировали, что единственно уцелевший главный, барский дом на её территории относительно неплохо сохранился. Двухэтажный особняк на высоком цоколе с одноэтажным крылом-пристройкой потерял балкон, возможно, башенку над входом, значительно изменена его внутренняя планировка, но необратимых изменений, к счастью, дом не претерпел и может быть восстановлен в первоначальном облике. Однако ныне с боковых сторон и с дворовой стороны он зажат пристройками, хозяйственными постройками и проходной завода «Днепростроймаш», располагающегося на исторической территории усадьбы. Ряд цехов завода, судя по всему, стоит на фундаментах флигелей и построек усадьбы (один из цехов и до последнего времени рабочие завода всё ещё называли «конюшней»).

Специалистами ведутся работы по созданию архитектурно-реставрационного и уточнению научно-музеелогического проектов. В основу реставрации и музеефикации дома Фадеевых положены результаты проведённых натурных исследований, археологических раскопок, архивных изысканий, а также мемуарные и эпистолярные источники, изобразительные материалы и аналоги.

Все эти годы в создающемся Музейном центре Е. П. Блаватской и её семьи идут работы по подготовке экспозиции, сбор коллекции (сегодня она насчитывает свыше девяти тысяч экспонатов), формированию научной библиотеки. Одновременно с этим, создавая выставки, проводя конференции и семинары, круглые столы и клубные встречи, специалисты реализуют программу «Открытый Дом» («Дом, где зажигаются сердца»). В соответствии с ней все работы по созданию музея ведутся непосредственно на глазах общественности. Создающийся музей открыт для посещений, и экскурсанты имеют возможность увидеть, как сквозь толщу времени проступает первоначальный облик дома. Созданные временные экспозиции и выставки рассказываю о Е. П. Блаватской и её удивительной семье, отражают ход исследовательских работ специалистов.

Одна из сложных проблем, встающих перед создателями Музейного центра, – наполнение дома-памятника новым содержанием. Главным при проектировании музея в доме-реликвии является правило – «не навреди». Историческая, мемориальная, научная ценность его должна при этом возрастать, духовный потенциал – раскрываться. Тактичный, уважительный подход к нему должен проявиться в том, что планируемые экспозиции и иные формы наполнения усадьбы новой жизнью будут создаваться в гармоническом единстве с их историко-художественным образом. Созданная специалистами научная концепция Музейного центра Е. П. Блаватской и её семьи последние годы была одобрена рядом международных конференций и рецензиями специалистов.

Перед Музейным центром сегодня три задачи:

– создание **на Приднепровье** мемориального, научного и культурного центра нового типа для увековечения памяти, глубокого ретроспективного и перспективного осмысления феномена Е. П. Блаватской и её уникальной семьи;

– принятие лидирующей роли **на Украине** в возвращении имени Е. П. Блаватской в контекст национальной науки и культуры;

– активное участие в **международной** работе с целью научного осмысления трудов, общественного осознания значения наследия Е. П. Блаватской, его созидательного, духовно-объединительного потенциала.

Научная концепция Музейного центра предполагает создание международного научного и культурологического центра нового типа, в основе которого принцип **комплексности.** Он будет включать в себя:

– музейные экспозиции и выставки;

– научную библиотеку;

– исследовательский и издательский центр;

– клубные и общественные объединения;

– места креативного использования;

– садово-парковую зону, воссозданную в границах городской усадьбы;

– научно-туристический центр.

Дом в Днепропетровске,
где родилась Е. П. Блаватская

В основе концепции Музейного центра Е. П. Блаватской и её семьи лежит **принцип триединства**: история трёх поколений уникальной семьи, три Елены как её высшее воплощение, три огня Е. П. Блаватской, три вектора развития научно-культурологического центра нового типа (музей – научный центр – объединение единомышленников). Внутри каждого направления вновь троичность. Так, **основная экспозиция** будет иметь три структурных подразделения, и состоять из трёх экспозиционных разделов, в том числе:

– экспозиция, представляющая собой фрагментарную реконструкцию интерьеров дворянской усадьбы;

– экспозиции-портреты, посвящённые членам семьи-феномена;

– экспозиции, посвящённые Елене Петровне Блаватской: «Судьба и наследие Е. П. Блаватской» и «Е. П. Блаватская и современность».

Музейный центр с его экспозициями и разделами, создаваясь как универсальный, объединительный вид искусства, как целостное художественно-научное произведение, будет основан на развитой системе образов, знаков и символов, как *«многозначного, многоосмысленного»* универсума (Вячеслав Иванов). Символы станут в экспозиции, по выражению Андрея Белого, *«окнами в Вечность… К тому, что было прежде времён, к тому, что будет, обращён символ. Из символа брызжет музыка»*.

Стремясь восстановить нарушенную связь времён, в полной мере осознавая мемориальную значимость усадьбы, внутри первого экспозиционного раздела авторы предполагают восстановить часть интерьера исторической усадьбы, воссоздать атмосферу, в которой проходила жизнь семьи во всей её духовной наполненности.

Предполагается провести интерьерную реконструкцию трёх комнат барского дома: гостиную, кабинет А. М. Фадеева и кабинет Е. П. Фадеевой-Долгорукой. При этом, учитывая, что утрачена не только сама обстановка этих комнат, но, в значительной степени, и знания о них, предполагается использовать как основной принцип моделирования типологического интерьера, воспроизведения по аналогии.

Второй раздел экспозиции будет представлять собой серию экспозиционных сюжетов, своего рода портретную галерею, посвящённую представителям трёх поколений уникальной династии, а также их предкам и потомкам.

И, наконец, третий раздел экспозиции будет посвящён Е. П. Блаватской**.** Уже сама её личность – масштабная, разносторонняя, подвижническая, поражающая контрастами и внутренним драматизмом, требует поиска особых решений, ярких форм отражения в экспозиции. Ещё более сложным и важным является поиск экспозиционного решения для рассказа в Музейном центре о наследии Е. П. Блаватской и её влиянии на девятнадцатый, двадцатый и начавшийся двадцать первый век. Прежде всего и более всего именно здесь в основе экспозиции будет лежать концептуальный принцип символизма, знаковости. Экспонаты-знаки, экспозиционные сюжеты-знаки будут передавать идеи, представления и суждения Вестника Света, позволят создать атмосферу сотворчества, диалога с посетителями музея (образец для решения задачи построения экспозиции-диалога – «Ключ к теософии» Е. П. Блаватской [**3**]).

Возвращаясь к трёхвекторной структуре научно-культурологического центра, отметим, что вторым (после экспозиционного) направлением деятельности Музейного центра должны стать научная библиотека, исследовательский и издательский центр. Не менее важным направлением работы станет объединение единомышленников, создание и реализация программ культурно-образовательной деятельности, а также научного туризма, точнее, научного и духовного приобщения. Это третье направление, третий вектор.

При создании музейно-культурологического действа, где память будет зафиксирована в знаках, экспонаты будут служить средствами для выражения содержания. Это позволит музейными средствами воссоздать образы выдающихся людей, передать их сложный духовный мир, рассказать о наследии.

Авторы стремятся к тому, чтобы динамичное произведение – экспозиция характеризовалась многогранностью и сложностью концептуальных решений, остротой и яркостью выражения. Во всех экспозиционных разделах особое значение приобретает пластическое воплощение темы, построение образа, создание экспозиционной драматургии, поиск художественно-пространственной композиции, аранжировка цветосветовой среды, иными словами, осмысление экспозиции в качестве одного из важнейших аспектов проекта Музейного центра. Цель авторов – помочь посетителю постичь логическую связь вещей и явлений, повести его к познанию темы через сотворчество и сопереживание, через синтез научных знаний и эстетического, творческого восприятия. Предполагается создать своеобразный «текст», который нужно и созерцать, и осмысливать. Музейная экспозиция, как предметно-пространственная и эмоционально-образная среда в единстве сюжетно-концептуального и визуального

ряда, воплотит *«эстетически обобщённую авторскую мысль, отражающую концепцию мира и человека»*, станет объектом художественного творчества, тем творческим процессом, в результате которого будет создано новое полифункциональное произведение: *Музейный центр Е. П. Блаватской и её семьи*.

Вся территория усадьбы Фадеевых – их дома и сада – воспринимается нами как единый мемориальный комплекс, как историко-культурное и природное наследие в их единстве. Важной нерешённой задачей является целостное воссоздание исторической усадьбы, возрождение уникального сада Фадеевых. Это позволит создать концептуально обусловленную среду, органически включающую в себя определённое соотношение ряда компонентов. Важным здесь является принцип средового подхода – выделение культурно-исторического городского ландшафта как объекта исторической памяти, несущего важную культурологическую и экологическую функцию, позволяющего объединить три главных компонента системы: природу, семью, историю. В основе принципа – музеефикация архитектурно-ландшафтного комплекса, в лоне, в контексте которого формировался и развивался историко-культурный феномен семьи Фадеевых. При этом обязательным условием является адекватное отражение всех сторон многогранного мира усадьбы Фадеевых, где архитектура, пейзаж, интерьер должны восприниматься как единое художественно-образное и философски-символическое целое. При реконструкции сада особо важным аспектом станет проникновение в мировоззренческие, семантические, эстетические представления, заложенные в него Фадеевыми. Сад должен погружать в состояние философской медитации, в мир воспоминаний и ассоциаций. В данном случае сад – важнейшая составная часть музея-усадьбы. Это своего рода сад-музей. Сад-музей важен для нас, кроме того, и в связи с особой ролью четы Фадеевых в истории природоведения и садоводства в крае.

Особая историко-культурная ценность усадьбы Фадеевых открывает возможности для создания в Днепропетровске Музейного центра международного значения, объединённого общим концептуально-художественным замыслом в единую, целостную предметно-пространственную систему, которая будет нести значительный духовный, воспитательный и информационный потенциал.

Музейный центр Е. П. Блаватской и её семьи создаётся как живой организм, а не застывший мемориал. Он задуман как своего рода «симбиоз», который может вызывать ассоциации с «идеальными» проектами музеев Н. Ф. Фёдорова, мечтавшего о соединении с музеем библиотеки, школы, храма и научной обсерватории, стремившегося таким образом решить задачу воспитания через непосредственное и постоянное общение с духовным наследием.

Рассказывая о прошлом, воссоздавая историю, Музейный центр будет устремлён в будущее, в творческую наполненность каждого своего нового дня. По замыслу, он должен стать *«Обителью всех родов Прекрасного и вовсе не в смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их»* (Николай Рерих).

Темп работы ускоряется, разворачиваются её новые направления и особенно важным сегодня представляется придание проекту **международного статуса**,

объединения вокруг него широкой общественности в разных странах. Только при условии активного соучастия, сопереживания, сотворчества отечественной и мировой общественности возможна реализация проекта. Объединение вокруг идеи Музейного центра Е. П. Блаватской и её семьи единомышленников – важнейшая задача на все последующие годы. Пришло время, когда усадьбе Фадеевых возвращаются изначальные функции. Она была и вновь должна стать центром, символом духовности и объединения. Как писал Николай Рерих: *«…музей, он по-гречески – Дом муз. Обиталище всех муз, прежде всего, является символом объединения»* [**25**].

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Белинский В. Г.* Сочинения Зенеиды Р-вой // *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1979. – Т. 5. – С. 243–272.
2. *Белый А.* Критицизм и символизм // Литературные манифесты от символизма до наших дней. – М., 2000. – С. 61–66.
3. *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии / Пер. с англ. К. А. Зайцева. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 352 с.
4. *Блаватская Е. П.* Разоблачённая Изида: В 2 т. / Пер. с англ. – Т. 1. Наука. – 688 с. – Т. 2. Теология. – 656 с. – М.: Сфера; Минск: Лотаць, 2000.
5. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 1. Космогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1992. – XXIV, 847 с. – Репринт. изд.: Rigā: Uguns, 1937.
6. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 2. Антропогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1992. – 1008 с. – Репринт. изд.: Rigā: Uguns, 1937.
7. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 3 / Пер. с англ. А. П. Хейдока. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1993. – 510 с.
8. *Богданович О. В.* Блаватская и Одесса: Одесские годы Елены Петровны Блаватской и членов её семьи. – Одесса: Путь познания, 1999. – 222 с.
9. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. – Минск: Харвест, 2002. – 432 с.
10. *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. / Под ред. А. Л. Сидорова. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 1. (1849–1894). Царствования Александра II и Александра III. – LXXXI, 555 с. – Т. 2. (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. – 639 с. – Т. 3. (17 октября 1905 – 1911). Царствование Николая II. – 723 с.
11. *Ган Е. А. [Зенеида Р-ва]* Полное собрание сочинений. – СПб.: Н. Ф. Мертц, 1905. – XVIII, [2], 840 с.
12. Государственный архив Харьковской области. Ф. 71. Оп. 5. Д. 3413.
13. Елена Павловна Фадеева (Биографический очерк) // Кавказ. – 1860. – 15 сентября. – С. 426.
14. *Желиховская В. П.* Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835—1842 гг. // Русская старина. – СПб., 1887. – Март. – Т. 53. – № 3. – С. 733–766.
15. *Желиховская В. П.* Моё отрочество. – 6-е изд. – Пг.: А. Ф. Девриен, 1915. – [8], 324 с.
16. *Желиховская В. П.* Необъяснимое или необъяснённое. Из личных и семейных воспоминаний. – СПб.: Ребус, 1885. – [2], 90 с.

17. *Желиховская В. П.* Радда-Бай: Правда о Блаватской. – М.: Интербук, 1992. – 80 с.

18. *Иванов Вяч. И.* Родное и Вселенское / Сост., вступит. ст. и примеч. В. М. Толмачёва. – М.: Республика, 1994. – 428 с. – («Мыслители XX века»).

19. *Крэнстон С.,* при участии *Уильямс К.* Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. – 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с англ. – Рига: Лигатма; Угунс, 1999. – 736 с.

20. *Некрасова Е. С.* Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва) // Русская старина. – 1886. – Т. VIII. – С. 343.

21. *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 348 с.

22. *Поляков Т. П.* «Как делать музей?» (о методах проектирования музейной экспозиции): Учебное пособие для студентов и аспирантов, обучающихся по специальности «Музееведение». – М.: Российский институт культурологии МК РФ, 1997. – 253 с.

23. Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876. – Т. 1. Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. / Сост.: О. В. Коновалова, О. М. Набока, Э. Г. Плесская; ред. О. В. Коновалова. – Одесса: ГАОО, 1998. – 364 с.

24. *Рерих Е. И.* Письма: В 2 т. / Предисл. Л. В. Шапошниковой. – Минск: Белорусский фонд Рерихов; ПРАМЕБ, 1992. – Т. 1. – 442, [2] с. – Т. 2. – 527 с.

25. *Рерих Н. К.* Врата в будущее. – Рига: Угунс, 1936. – 326 с.

26. *Стародубов А. Ф., Самодрыга В. В., Иванов С. С.* Память истории: г. Екатеринослав (г. Днепропетровск) по литературе и воспоминаниям. – Днепропетровск: РВА «Дніпро-VAL», 2001. – 374 с.

27. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений: В 28 т. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 5. Письма. 1862–1865 / Подг. текста и примеч.: А. И. Батюто и др. – 775 с.

28. *Фадеев А. М.* Воспоминания. 1790–1867: В 2 ч. – Одесса: Тип. Южнорусского Общества печатного дела, 1897. – 479 с.

29. *Фадеев Р. А.* Кавказская война. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. – 640 с.

30. *Фадеев Р. А.* Собрание сочинений: В 3 т. – Т. 1. – СПб.: В. В. Комаров, 1889. – 642 с.

31. [*Фадеева Н. А.*] Несколько вступительных слов // *Фадеев А. М.* Воспоминания. 1790–1867: В 2 ч. – Одесса: Тип. Южнорусского Общества печатного дела, 1897. – С. 6.

32. *Фадеева Н. А.* Перечень значительных работ Елены Павловны Фадеевой, оставшихся после неё // Одесская государственная научная библиотека. Пушкинский фонд. Рукопись 17/6. Л. 129.

33. *Фадеева Н. А.* Фадеева Елена Павловна / Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. – СПб., 1901. – Т. 21.

34. *Фатов Н. Н.* Библиографические материалы для изучения жизни и творчества Е. А. Ган (Хронологическая канва и указатель литературы) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Пг., 1914. – Т. XIX. – Кн. 2. – С. 211–263.

35. Фонд «Контора Опекунства новороссийских иностранных поселенцев». 1781–1857 / Составители: Н. Л. Юзбашева, Д. Ю. Мешков. – Днепропетровск – Киев, 1997. – Т. 1: Аннотированная опись дел 1781–1818 гг. – 268 с.

36. *Яворницкий Д. И.* История города Екатеринослава. – 2-е изд., доп. – Днепропетровск: Січ, 1996. – 277 с.

Т. В. БЕРНЮКЕВИЧ
(Читинский государственный университет; Чита)

УЧЕНИЕ Е. П. БЛАВАТСКОЙ И БУДДИЗМ: В ПОИСКАХ ГНОСТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

Одним из самых интересных философских явлений конца XIX – начала XX в. была теософия, оказавшая влияние на целую плеяду философов, писателей, музыкантов и художников. Значительную роль в теософском движении, безусловно, сыграла наша соотечественница Елена Петровна Блаватская.

В числе популярных вопросов, связанных с исследованиями теософии, был вопрос о близости учения Блаватской с буддизмом. Попытаемся представить несколько точек зрения на место и роль буддизма в работах Блаватской. Это мнения русских религиозных философов, некоторых западных востоковедов, современных исследователей эзотерической философии и, наконец, точка зрения самой Блаватской, прямо или косвенно выраженная в её работах.

Современники Блаватской нередко называли теософию необуддизмом, отмечая её роль в популяризации буддийской философии на европейской почве, причём одни это делали с одобрением (например, французский ориенталист Э. Бёрнуф), для других (русские религиозные философы В. Соловьёв, В. Кожевников и др.) это являлось причиной критики. Так, например, В. С. Соловьёв, отмечая в предисловии к «Трём разговорам», что он далёк от безусловной вражды к буддизму и исламу, с некоторым раздражением пишет в примечаниях к этой работе: «Кстати. Мне продолжают приписывать враждебно-обличительные сочинения против основательницы необуддизма Е. П. Блавацкой [sic! – *В. Б.*]. Ввиду этого считаю нужным заявить, что с нею никогда не встречался, никакими исследованиями и обличениями её личности и производившихся ею явлений не занимался и ничего об этом никогда не печатал (что касается до “теософского” и его учения, см. мою заметку в Словаре Венгерова и рецензию на книгу Блавацкой “Key to the sekret doktrin” [“Ключ к теософии”. – *В. Б.*] в “Русском обозрении”»[1]. Как видим, учение Блаватской Соловьёв называет необуддизмом, а саму её – его основательницей.

Известно, что Блаватская написала статью в ответ на критику Владимира Соловьёва и пыталась поместить её в русской прессе. Статья не была опубликована в России, но не так давно этот ответ основательницы Теософского общества был помещён на одном из известных теософских сайтов[2].

Одним из возражений Блаватской в ответ на критику Соловьёва является как раз возражение против определения тесофии как необуддизма: «Для чего, например, г-ну Соловьёву понадобилось определять “Ключ к Теософии” как “катехизис необуддизма”, если такой термин не встречается ни в разбираемой им книге, ни вообще в Теософической литературе?»[3]. Блаватская считает, что необуддизма в теософии нет, зато есть «гнозис», и, кроме того, теософы, почитая всемирную мудрость, на самом деле почитают ту же мудрость, о которой говорилось в Послании Св. Иакова. По мнению теософов, санскритское слово «Бодхи» и греческое «София» – синонимы, а учитывая их древность, префикс нео- в отношении теософии вообще неуместен.

Из работ русских религиозных философов следует, что понятия «теософия» и «необуддизм» в их трудах часто употреблялись как синонимы, а теософия подвергалась резкой критике, в том числе за опасность распространения буддизма в форме, приспособленной к современному европейскому мировоззрению.

В настоящее время среди исследователей эзотерической философии и, в частности, теософии Блаватской, получила распространение точка зрения о том, что теософы стремились к синтезу оккультизма и религий Индии и созданию на основе христианского мистицизма и идей буддийской философии новой универсальной религии[4]. Несколько отличается от этого подхода мнение Л. В. Фесенковой о том, что теософы полагали, будто все религиозные учения мира имеют единый эзотерический корень, некий общий для всех слой наиболее глубинных представлений, и во всех религиях мира искали «единое ядро основополагающих представлений»[5].

Для того чтобы сделать вывод об основополагающей функции буддийских заимствований или философской самостоятельности теософского учения Блаватской, вероятно, необходим предметный анализ того, как центральные принципы и понятия теософии Блаватской связаны с принципами и понятиями буддийской философии.

Вопрос о целях теософии и направленности деятельности её адептов достаточно подробно изложен Блаватской в книге «Ключ к теософии. Ясное изложение в форме вопросов и ответов этики, науки и философии, для изучения которых было основано Теософическое Общество»[6]. Эта книга была написана для знакомства с «азами» теософии и построена на диалоге Спрашивающего и Теософа, выражающего точку зрения самой Блаватской. Так, например, раскрывается сущность самого термина «теософия»:

*«**Спрашивающий.** Теософию и её учение часто называют новомодной религией. Религия ли это?*

***Теософ.** Нет. Теософия – это Божественное Знание, или Наука.*

***Спрашивающий.** Каков истинный смысл этого термина?*

***Теософ.** Это "Божественная Мудрость", Θεοσοφία (Теософия) или мудрость богов. Как θεογονία (теогония) – родословие богов. Слово θεός по-гречески означает "бог", одно из божественных существ, но, конечно же не "Бог" в том смысле, какой ему придают в наши дни. Следовательно, это не "мудрость Бога", как переводят некоторые, а **божественная мудрость** – такая, какой обладают боги. Этому термину много тысяч лет»*[7].

На вопрос Спрашивающего, где можно найти подлинных теософов, Теософ отвечает, что «среди посвящённых каждой страны, но такие знания всегда ценились и развивались больше всего: в Индии, Центральной Азии и Персии»[8]. В этом случае Христос был одним из многих «посвящённых», таких как Будда, Кришна, Моисей, Пифагор, Орфей.

Особенностью такого – теософского – знания, с точки зрения его носителей, был его эзотерический характер. По мнению Блаватской, каждый древний религиозный или философский культ состоял из эзотерического, или тайного, учения и экзотерического богослужения (предназначенного для широкой публики). При этом «настоящие философские тайны никогда не сообщались жрецами массам, ко-

торым предназначалась лишь внешняя оболочка». Что касается буддизма, то «…у северного буддизма были свои “великая” и “малая” колесницы, известные как махаяна, эзотерическая, и хинаяна, экзотерическая, школы»[9].

Такая скрытность, считает основательница, правомерна, и иронически добавляет: «Ведь вы не стали бы кормить своё стадо овец диссертациями по ботанике вместо травы?..»[10]. Эта сокровенная «тайная мудрость» не может быть достигнута только путём изучения («бесконечное не может быть познано конечным»), но «божественная суть может быть передана высшему Духовному Я в экстатическом состоянии»[11]. Она представляет собой освобождение ума от своего конечного сознания и его единение и отождествление с бесконечным. Об этом, по мнению автора, говорил Плотин, и это состояние тождественно состоянию, известному в Индии как самадхи, практикуемому йогами. Отсюда следует вывод, что теософия «стара как мир» и, кроме того, утверждается, что она «является самой широкой и всеобъемлющей системой из всех»[12].

Бесспорно, в своих работах Блаватская указывает на органическую связь теософии и буддизма, но акцент делается именно на специфике теософии как эзотерического учения, во многом близкого «эзотерическому» буддизму, и лишь отчасти «экзотерическому». Данному вопросу в «Ключе к теософии» посвящён целый раздел «Теософия – не буддизм».

Значительные же расхождения между теософией и тем, что обычно понимают под буддизмом (имеется в виду, «экзотерический» буддизм), состоят в том, пишет Блаватская, что «экзотерический» буддизм, который представлен его южной школой (которая, кстати, многими буддологами того времени считалась наиболее сохранившей учение Будды в его первозданном виде), полностью отрицает существование каких-либо божеств и какую-либо сознательную жизнь после смерти или даже какую-либо «самосознающую индивидуальность, сохраняющуюся в человеке». За эзотерическим учением, по мнению Теософа, следует обратиться к «северным буддийским школам», поскольку именно туда ушли «посвящённые архаты» после смерти своего Учителя[13].

Хотя в целом Блаватская высоко оценивает буддизм и северный, и южный, она категорично заявляет: «И всё же теософия – не буддизм»[14].

При этом и сама теософия, «подобно всем другим древним системам», подразделяется на экзотерическую и эзотерическую. Каждый член Теософского общества (не теософ) должен быть «либо филантропом, либо исследователем арийской и иной древней литературы, или изучать психические явления»[15]. Именно таким, отмечает Теософ, является большинство членов экзотерического Общества.

Кто же является настоящими теософами? Это те, которые вступили во внутреннюю группу и дали «обет выполнять правила оккультной группы так строго, как только могут», при этом самым важным правилом является «полное отречение от своей личности»[16].

Одной из причин отнесения теософии к необуддизму, а впоследствии выводов о стремлении теософов к религиозному синтезу на основе буддизма являлось обилие буддийской терминологии. Современниками Блаватской это воспринималось

как один из признаков активного «экспорта» буддизма в Европу. В данной работе Блаватская приводит значения употребляемых в теософии понятий – «душа», «личность», «индивидуальность», «карма», «нирвана» – в их соотношении с буддийскими. В то же время Блаватская замечает, что эти понятия изначально имели разный смысл в эзотерическом и экзотерическом буддизме.

В теософии мы наблюдаем попытку создания собственной философской системы при использовании метафизических понятий буддийской философии, причём в более поздних работах актуализируется задача поиска европейских понятий, столь же адекватно отражающих сущность «вечной мудрости», как и буддийские термины.

Казалось бы, достаточно традиционно, в духе буддизма, рассматривается в теософии понятие кармы (этому посвящён раздел «Что такое карма»). Карма определяется как «первичный закон, источник, начало и причина всех остальных законов, существующих в природе». Карма – это «безошибочный» закон, поскольку следствия его обнаруживаются во всех планах бытия: «физическом, ментальном и духовном». Сам этот закон непознаваем, но люди могут постигать его действие, наблюдая реализацию данного закона в мире.

В то же время, по мнению Теософа, существует не только индивидуальная, но и совокупная карма, карма нации и карма всего (социального) мира. Касаясь «практических проблем человечества», особенно обращая внимание на «ужасные страдания и глубокую нужду, которые царят среди так называемых «низших классов», Теософ делает вывод, что «все эти великие социальные бедствия – классовые различия в обществе, дискриминация женщин в повседневной жизни, несправедливое распределение труда и капитала – всё это происходит в силу того, что мы кратко, но точно именуем кармой»[17]. Эта особая «совокупная», или «распределённая» карма, – своеобразное выражение примата общего над частным. В то же время карма – это ещё и всеобщий закон исправления, поскольку она, благодаря этой широкой и общей линии действия, восстанавливает равновесие сил в мировой жизни и мировом прогрессе. По мнению Блаватской, как раз взаимозависимость человечества и послужила причиной возникновения так называемой распределённой кармы, и именно этот закон и позволяет разрешить важнейшую проблему коллективного страдания и его облегчения[18].

Как известно, в традиционном буддизме этих понятий не существует. Но об общественной карме, карме нации и т. п. писали впоследствии основательница Агни-Йоги **Е. И. Рерих** («карма разных стран, народов и национальностей»[19]) и философ-необуддист **Б. Д. Дандарон** («общественная карма»). Дандарон, в частности, писал о том, что общественная карма – это явление трансцендентное, а потому неописуемое и непостижимое для ума человеческого. Это «причинно-следственный закон, созданный действиями массы сознательных существ», следствия этих совокупных действий могут видоизменяться, бесконечно трансформироваться, но при этом они сохраняют основное русло – добро и зло[20].

Вопрос об отношении теософии и буддизма подробно рассматривался Блаватской в работе «Теософское общество: его миссия и его будущее»[21]. Эта работа инте-

ресна для нас также тем, что в ней излагается точка зрения известного индолога на теософию как на одну из форм развития буддизма.

В начале статьи Блаватская отмечает, что не так уж часто случается Теософскому обществу встречаться с таким вежливым и даже симпатизирующим ему обращением, как то, которое проявил всем известный санскритолог, мосье Эмиль Бёрнуф, в своей статье «Le Bouddhisme en Occident», в *Revue des Deux Mondes* от 15 июля 1888 г. По её мнению, эта статья была ярким доказательством того, что Общество заняло своё место в интеллектуальной жизни XIX в.[22]

Но, несмотря на уважение к известному востоковеду и признательность за проявленное к Теософскому обществу внимание, Блаватская в своей статье старается опровергнуть некоторые ошибочные, на её взгляд, мнения Бёрнуфа.

С чем же не соглашается основательница теософского движения?

Она считает, что представление Бёрнуфа о целях и задачах Теософского общества изначально «берёт фальшивую ноту и идёт дальше в этом направлении» в своих размышлениях о теософии, поскольку на самом деле Теософское общество «не было создано для распространения какой-либо догмы любой экзотерической, ритуализированной церкви, будь то буддийская, брахманская или христианская церковь»[23]. Это общество было основано не для того, чтобы пропагандировать буддизм, а для того, чтобы «стать Братством Человечества – философским и религиозным центром для всех…»[24]. Блаватская пишет, что, представляя Теософское общество «буддийским», мосье Бёрнуф совершенно прав лишь с одной точки зрения. Оно, Общество, имеет «буддийскую окраску», потому что «эта религия, или скорее философия, в большей степени приближается к **истине** (тайной мудрости), чем какая-либо иная экзотерическая форма верования»[25].

Ещё более чётко данный тезис сформулирован ею в «Предисловии к первому изданию» (Лондон, 1888) к самому объёмному «программному» своему труду – «Тайной Доктрине»: «…Может быть полезно подтвердить со всею ясностью, что учения, заключённые в этих томах, хотя бы и отрывочные и неполные, не принадлежат какой-либо одной религии, как-то индусов, Зороастра, халдеев и египтян, ни к Буддизму, Исламу, Иудаизму или Христианству, исключительно. Тайная Доктрина является сущностью всех их. Рождённые от неё в своих началах, различные религиозные системы возвращаются теперь к своему первоначальному элементу, из которого произошла, развилась и материализовалась каждая тайна и догма»[26].

Анализ работ Блаватской позволяет подвергнуть сомнению точку зрения ряда русских религиозных философов о теософии как учении, прежде всего, приближённом или пропагандирующем буддизм, а также правильность распространённого сегодня среди исследователей тезиса о претензии теософов на синтез оккультизма и религий Индии. Не совсем корректным выглядит и утверждение о том, что для этого теософия «порывала связи с христианством и обращалась к индуизму и буддизму»[27]. Как следует из содержания трудов самой основательницы теософии, более верным будет определение цели обращения теософов к буддизму как поиска и подтверждения изначального присутствия в мире некоего «божественного знания», с разной степенью полноты отражённого в различных религиозных и философских учениях[28].

С точки зрения понимания гнозиса как особого способа знания, где знание есть результат творческой активности человека по освоению мира, в том числе и в рациональных формах, и в некоей нисходящей к нему мистической силы, находящей проявление в особом интуитивном восприятии «божественного», «сверхфеноменального» мира идей, идеи Блаватской, в том числе и близкие буддийским, могут быть органично связаны с системой гностицизма. С гностическим содержанием в теософии, прежде всего, соотносятся: поиск «единого ядра основополагающих представлений», необходимость определения высшего смысла жизни и убеждённость в том, что все религиозные учения мира имеют единый эзотерический корень, некий общий для всех слой наиболее глубинных представлений.

Подводя итог краткому рассмотрению вопросов влияния буддийской философии на теософию, учитывая мнения учёных и философов по поводу «адаптации» теософами буддизма и утверждения самой Блаватской об истинных целях теософии как формы «эзотерического буддхизма», имеет смысл обратиться и к работе **И. И. Лапшина** «Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии». Так, рассматривая вопрос о заимствованиях и влияниях в истории философии, Лапшин выделяет три вида заимствования: плагиат, сознательное и открытое подражание и неосознанную реминисценцию[29]. Причём по поводу двух первых видов философ отмечает, что тот, «кто не понимает того, что всякое творчество есть искусство неподражаемо подражать, и в то же время рассматривает его как чисто интеллектуальный процесс, не оценивая его стихийности, тот всегда будет усматривать в смутно сознательных отголосках чужой мысли умышленное заимствование». Лапшин считает, что в определении сходства между философскими системами и особенностей их взаимных влияний типичной является ошибка, основанная на применении силлогизма: «Философ сказал: “a есть b”, “c есть a”, значит, философ сказал: “c есть b”. На этом основаны указанные Лапшиным такие поверхностные сближения: Мэн-де-Биран = французский Кант или: Гераклит = Шопенгауэр древности и т. п. На самом же деле, считает автор этой интересной работы, весьма распространён такой случай: «…Философ сказал в одном контексте мыслей: a есть b, а в другом, в другое время, в другом сочинении: c есть a, но он не догадался сопоставить эти мысли. Тогда не он, а другой сопоставляет их и, сказавши: c есть b, окажется изобретателем, хотя он и обязан первому подготовлением изобретения»[30].

В данном контексте теософия Блаватской представляет собой своеобразную попытку сказать своё «c есть b», опираясь на многие философские и религиозные «посылки» (специфически воспринятые автором с точки зрения их эзотерического содержания), среди которых значительное место занимали и учения неоплатоников, и христианский мистицизм, и символика каббалистических учений и, конечно, идеи буддийской этики и метафизики. Всё это и послужило фундаментом одной из оригинальных форм «философского изобретения» – теософского учения Блаватской. Хотя понятно, что с этим вряд ли согласились бы сторонники теософии, и сама Блаватская, определяющая своё учение как «религию мудрости, сокровенную во все века»[31], полученную посвящёнными от Учителей-Махатм. Впрочем, иначе теософию и не относили бы к эзотерической философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Соловьёв В. С.* Три разговора // Соловьёв В. С. Избранное / Примеч. С. Л. Кравца. – М.: Советская Россия, 1999. – С. 242.
[2] *Блаватская Е. П.* Необуддизм: [Ответ Е. П. Блаватской на критику В. С. Соловьёвым книги «Ключ к теософии»] // Режим доступа: http://www.theosophy.ru/lib/hpbsolov.htm. Авторы сайта отмечают, что оригинальный русский вариант этого сочинения найден не был, и поэтому на сайте размещён его перевод с английского Жанны Россовой с небольшими сокращениями. Статья Блаватской была написана в Лондоне в сентябре 1890 г.
[3] *Там же.*
[4] *Фаликов Б. З.* Европейский оккультизм и религии Индии // Дискурсы эзотерики (философский анализ) / Отв. ред. Л. В. Фесенкова. – М.: УРСС, 2001. – С. 180.
[5] *Фесенкова Л. В.* Теософия сегодня // Дискурсы эзотерики (философский анализ) / Отв. ред. Л. В. Фесенкова. – М.: УРСС, 2001. – С. 11–35.
[6] *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии / Пер. с англ. К. А. Зайцева. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 352 с.
[7] *Блаватская Е. П.* Указ. соч. – С. 7.
[8] *Там же.*
[9] *Там же*. – С. 13–14.
[10] *Там же.*
[11] *Там же.* – С. 14.
[12] *Там же*.
[13] *Там же.* – С. 18.
[14] *Там же*.
[15] *Там же.* – С. 23.
[16] *Там же*.
[17] *Там же.*
[18] *Там же.* – С. 184.
[19] *Рерих Е. И.* Сокровенное знание. Теория и практика Агни-Йоги. / Сост. М. Мусина, Н. Ковалёва. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.,: Рипол классик, 2006. – С. 293.
[20] *Дандарон Б. Д.* Чёрная тетрадь. О четырёх благородных истинах Будды (общественная карма и роль личности) // *Дандарон Б. Д.* Избранные статьи. Чёрная тетрадь. Материалы к биографии. Сумпа Кенпо / Авт.-сост. В. М. Монтлевич. – СПб.: Евразия, 2006. – С. 148.
[21] *Блаватская Е. П.* Теософское общество: его миссия и его будущее [в изложении мосье Эмиля Бёрнуфа, французского ориенталиста] // *Блаватская Е. П.* Фрагменты оккультной истины. – М.: Эксмо, 2007. – С. 5–23.
[22] *Блаватская Е. П.* Указ. соч. – С. 5.
[23] *Там же*. – С. 6.
[24] *Там же*. – С. 7.
[25] *Там же*. – С. 11.
[26] *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина. Синтез науки, религии и философии: В 2 т. – Т. I. Космогенезис. – М.: Эксмо-Пресс, 2007. – С. 3.
[27] *Фаликов Б. З.* Указ. соч. – С. 180.
[28] Эта точка зрения нашла отражение в работе Л. В. Фесенковой «Теософия сегодня» (см. сноску 5).
[29] *Лапшин И. И.* Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. – М.: Республика, 1999. – С. 173–176.
[30] *Там же*. – С. 176.
[31] *Блаватская Е. П.* Ключ к теософии / Пер. с англ. К. А. Зайцева. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С. 12.

С. Т. ЦЕЛУХ
(Санкт-Петербург)

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ И УИЛЬЯМ ДЖАДЖ*

Мы хотим рассказать об одной странице из жизни удивительного человека – **Елены Петровны Блаватской** (1831—1891) и её отношении к своему соратнику и верному другу **Уильяму Квану Джаджу** (англ. *William Quan Judge*; 13 апреля 1851, Дублин, Ирландия — 21 марта 1896, Нью-Йорк, США). Надеемся, наши изыскания помогут читателям ближе познакомиться с Блаватской, понять её душу, благородство и преданность теософскому делу, которому она отдала свою жизнь; понять её как наставника, друга, отзывчивого товарища, требовательного руководителя международной теософской организации, послужившей распространению восточной мудрости среди народов мира, и человека-мыслителя. Высказывания Елены Петровны о своём друге уникальны. Они дышат любовью, борьбой и тревогой за судьбу Теософского общества, которое ей дорого и стало смыслом её жизни. Мы представим читателям и официальные документы, и документы личного характера. В них перед нами раскроются две великих личности – Учительницы и ученика, Наставницы и друга.

Выдержки из писем Е. П. Блаватской передают атмосферу её жизни и деятельности, а главное – рассказывают о судьбе детища всех теософов – Международного Теософского общества (далее – *МТО*). После открытия на Елену Петровну «дела за мошенничество» и предательства некоторых друзей она обращается за помощью к своему верному другу и соратнику Джаджу. Он юрист, кристально чистой души человек, преданный друг и сотрудник. Он, как никто другой, оказал такую помощь своей Учительнице, что МТО, несмотря на большие потери и бурю среди её членов, выдержало всё и не развалилось. Он настоял на том, чтобы Елена Петровна не судилась с Обществом психических исследований, с его представителем Ходжсоном, имевшим мощную поддержку среди английского колониального чиновничества. Блаватская прислушалась к голосу разума, отказалась от позорного судилища, чем нанесла мощный моральный удар английскому судопроизводству и чиновникам-спиритуалистам. Из её писем мы узнаём о предательской позиции прежде верного друга и сотрудника **Генри Стила Олькотта** (часто *Олкотт*; *англ. Henry Steel Olcott*; 2 августа 1832, Ориндж, Нью-Джерси, США — 17 февраля 1907, Адьяр, Британская Индия). Здесь мы слышим суровый голос Блаватской, её критику, направленную в адрес этого человека, президента МТО, который своей однобокой политикой завёл Общество в тупик. Его отъезд на год в Японию нанёс серьёзнейший удар по штаб-квартире МТО в Адьяре, по всему Обществу в Америке и Европе. Только благодаря настойчивости Блаватской, её мудрому руководству, верным рекомендациям и поддержке Джаджа, МТО было спасено. Письма к Джаджу ещё раз засвидетельствовали о прозорливости Блаватской, верно выбранной позиции и своевременно принятым мерам, благодаря чему Общество, выдержало «бурю и натиск».

---

* Статья публикуется в сокращении и с редакторской правкой. – *Примеч. ред.*

Е. П. Блаватская в молодости. Фотография в паспарту с вышивкой и в рамке XIX–XX вв.
© W. Q. Judge Library, Halcyon, California, USA

Переписка основателя МТО с Джаджем раскрывает все оттенки её внутренней жизни. Написанные ярким, образным языком, письма отражают её жизненный путь, борьбу за справедливое дело, которому она отдала жизнь. В письмах вырисовывается человеческое и философское кредо Елены Петровны, её отношение к главным вопросам Бытия, прослеживается эволюция взглядов относительно её главных работ – «Разоблаченной Изиды», «Тайной Доктрины», «Голоса безмолвия», «Большого теософского словаря» и других.

Джадж узнал о Блаватской, когда ему было 23 года. Он прочитал книгу Олькотта «Люди с того света» и она его заинтересовала. Уильям попросил автора познакомить его с заслуживающим доверия медиумом. Олькотт, как ответственный человек, как полковник Американской Армии, выполнил его просьбу.

«Наша первая в этой жизни встреча с Е. П. Б., – вспоминал Джадж, – произошла в 1875 году в Нью-Йорке. Полковник Г. С. Олькотт позвонил мне по её просьбе из квартиры на Ирвинг Плэйс… Меня поразили её глаза, глаза человека, которого я знал в давно прожитых жизнях. Во время первой встречи она взглянула на меня, как бы узнавая, и с тех пор этот взгляд никогда не менялся… Это было так, как будто накануне вечером мы разошлись по домам, отложив на завтра задачи, требующие обоюдного участия. Мы были учителем и учеником, старшим и младшим братьями, стремящимися к одной цели» [**12**].

У. К. Джадж родился в Ирландии. Его отец, Фредерик Х. Джадж, был мистиком и масоном. Мать его, Алиса Мария Куан, умерла при родах после седьмой беременности. Уильям рос хилым ребёнком и в шесть лет серьёзно заболел. Врачи пророчили ему короткую жизнь.

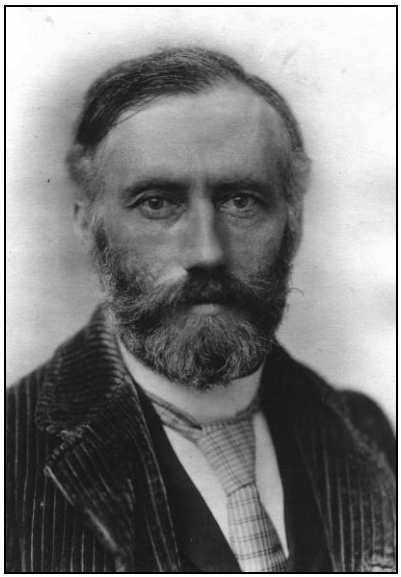
После выздоровления у Джаджа появились способности и знания, которые раньше не проявлялись. Внешне он казался тем же самым и, в то же время внутренне изменился коренным образом. В семье не узнали его. Никто не мог поверить, что он умеет читать, понимать прочитанное и даже комментировать. Удивительным было то, что на восьмом году жизни он стал внимательно изучать неизвестные всем книги по месмеризму, френологии, религии, магии и философии.

До тринадцати лет Уильям воспитывался в Дублине. После переезда семьи в Америку жил в Бруклине. Сначала Уильям работал в Нью-Йорке клерком, затем начал изучать право в юридической конторе Джорджа П. Андрюса. В двадцать один год Джадж принял американское гражданство. В том же году, после сдачи экзаменов, получил право на юридическую практику по коммерческому праву. Как юрист отличался аккуратностью, справедливостью и знаниями законов страны. В 1874 г. Джадж женился на Элле М. Смит из Бруклина, американской гражданке.

В сентябре 1875 г. Олькотт и Блаватская предложили Джаджу создать общество для изучения оккультизма, каббалы, магии и спиритизма. Уильям Джадж, энергичный, метафизически настроенный молодой человек, с радостью согласился. После внесения Блаватской поправок, Международное Теософское общество было утверждено и заработало. Когда в 1878 г. Блаватская и Олькотт отбыли в Индию, Джадж продолжил теософскую работу в Америке, не прекращая своей юридической практики. Олькотт рассказывает, что, несмотря на переезд руководителей

Теософского общества в Индию, энтузиазм Джаджа продолжал творить чудеса, о чём свидетельствуют его письма к разным лицам, и письма его друзей.

В конце 1883 г. Нью-Йоркское общество было преобразовано в «Арийскую Теософскую Ложу», и Джадж был избран её Генеральным секретарём. В 1884 г. он добровольно отправился в Индию для временного исполнения обязанностей Президента ТО, ввиду отъезда Блаватской и Олькотта в Европу. Во время поднявшегося скандала вокруг Блаватской и ТО, когда многие его члены, проявив малодушие, порывали с ним, Джадж, по заданию Блаватской, твёрдо стоял на его защите и всё делал для того, чтобы Общество сохранилось. Благодаря его деликатности, дипломатичности и требовательности, ТО устояло. Он был горд за выполненное поручение, о чём часто писал Блаватской.



У. К. Джадж

В 1886 г. «Арийская Теософская Ложа» была преобразована в Американское отделение Теософского общества, и Джадж стал его Генеральным секретарём. В этом же году Джадж, по поручению Блаватской и Олькотта, начал издавать ежемесячный теософский журнал «Путь», имевший много читателей и мудрых авторов, который существует и доныне. В 1888 г. Джадж помогал Елене Петровне в организации Эзотерической школы, а после её смерти – возглавил эту школу.

Джадж никогда не предавал Елену Петровну. Наоборот, в трудные минуты её жизни твёрдо стоял на защите чести и достоинства этой великой женщины, делая всё для того, чтобы отстоять авторитет мировой личности.

1 июня 1891 г., после смерти Блаватской, ежедневная газета «Нью-Йорк Сан» опубликовала редакционную статью о теософии. Материал для публикации был предоставлен бывшим членом ТО профессором Э. Коузом. В статье сообщалось, что теософия – это ложная религия, морочащая людям головы. Подчёркивалось, что профессор Коуз «разоблачил ложь и мошенничество Блаватской, после того как она несколько лет морочила ему голову». А через месяц, в воскресном приложении к «Нью-Йорк Сан», появилось обширное интервью с самим Коузом, под заголовком «Блаватская разоблачена», в котором Коуз продолжал лить грязь на Блаватскую, Олькотта и Джаджа, как «обманутых» ловкой мошенницей. Адвокатами Блаватской было возбуждено два дела: одно против Коуза, второе против газеты. Им был предъявлен иск за нанесение морального ущерба и клевету на ТО в сумме более ста тысяч долларов. Лишь через год, 26 сентября 1892 г., «Нью-Йорк Сан» поместила статью Джаджа [**2**; **11**], предварив её следующим собственным заявлением:

«На следующей странице мы помещаем статью, в которой м-р Уильям К. Джадж рассказывает о романтической и необычной жизни покойной г-жи Елены П. Блават-

ской. Мы пользуемся этим случаем, чтобы сказать, что статья д-ра Э. Ф. Коуза из Вашингтона, в которой содержались голословные обвинения личного характера в адрес г-жи Блаватской, а также её последователей, появилась 20 июля 1890 года на страницах "Сан" в результате того, что редакция была введена в заблуждение. Эти обвинения, как выяснилось, не имели под собой веских оснований. Статья м-ра Джаджа снимает все вопросы относительно г-жи Блаватской, возникшие в связи с публикацией д-ра Коуза. Со своей стороны, мы хотим заявить, что выпады д-ра Коуза в адрес Теософского общества и лично м-ра Джаджа не подкреплены доказательствами, а посему их не следовало публиковать» [**6**].

В ответной статье Джадж написал, что целью и задачей жизни Блаватской было разбить кандалы, выкованные духовенством для человеческого разума. Она хотела, чтобы все люди поняли, что должны сами нести бремя своих грехов, что никто другой не может сделать этого за них. Поэтому она принесла на Запад древние восточные учения о карме и перевоплощении. А завершает он свою статью такими словами:

«С 1875 года жизнь её состояла в одном неустанном стремлении привлечь в Теософское общество тех, кто способен бескорыстно трудиться, распространяя ту этику и философию, которые призваны осуществить идею братства человечества, доказывая подлинное единство и изначальную не обособленность каждого существа. В своих книгах она преследовала ясно сформулированную цель – дать материал для интеллектуального и научного продвижения в этом направлении. Предложенная ею теория происхождения человека, его возможностей и предназначения, основанная на древних индийских источниках, отводит нам место гораздо более значительное, чем в подходе любой западной религии или науки. Согласно этой теории, каждому даны возможности развить в себе богоподобные силы и, в конечном итоге, стать сотрудником природы…» [**2**; **11**].

В 1893 г. в Теософском обществе произошёл разрыв. Олькотт и Безант не поверили Джаджу, что письмо, полученное им от Махатм, подлинное. Это привело к тому, что в июне 1895 г. Американская секция Теософского общества объявила о своей «полной и абсолютной автономии» и выделилась в независимое Теософское Общество в Америке, президентом которого стал У. К. Джадж. Организация, происходящая из фракции Олькотта, в настоящее время находится в Индии и известна как *Теософское общество (Адьяр)*. А Общество Джаджа известно как *Теософское общество (Пасадена)*.

Выполняя работу адвоката, Джадж побывал в Южной Америке, где заразился тяжёлой формой малярии, от которой умирали, как правило, на двенадцатом году после заражения. Зная это, Джадж, несмотря на болезнь, продолжал трудиться над главным делом своей жизни. Он планировал ещё написать новую книгу – «Оккультизм». Но, к большому сожалению, 1896-й год стал для него последним годом его жизни.

Письма и послания Блаватской написаны в тревожные дни, когда судьба Теософского общества была на волоске: выживет ли оно в такое драматическое время, сохранится ли в своём прежнем составе, или рухнет. Травля Блаватской, начатая

четой Куломб и продолженная Ходжсоном, представителем Лондонского Психологического общества, ярым врагом Блаватской, другими спиритуалистами, нанесла большой удар по авторитету Елены Петровны и её детищу – МТО. Недоброжелатели открыто называли её «шарлатанкой», «фокусницей», «не чистой на руку русской шпионкой». Читая письма Елены Петровны, адресованные к Джаджу, мы слышим её боль, горькою обиду за необоснованные обвинения и клевету. Даже в такой непростой ситуации эта мужественная женщина, гений человеческой мысли, борется изо всех сил, чтобы доказать ложность обвинений, подлость клеветников и справедливость того святого дела, которому посвятила жизнь. Во все трудные минуты жизни, Елена Петровна всегда чувствовала твердую руку верного, заботливого друга и преданного ученика, каким в действительности был У. К. Джадж.

Письма эти, даже отрывки из них, читать больно, но интересно. Мы понимаем, что читать их нужно, во имя великой личности и исторической правды, которая всё-таки восторжествовала. Гнусная клевета недоброжелателей на Блаватскую была смыта с неё. Мир снова увидел свою любимицу, гордого и авторитетного теософа, философа, выдающуюся личность, автора эпохальных книг по эзотеризму, оккультизму, мистике и Талмуду, творца мирового Теософского общества. И когда действительно разобрался с кем имеет дело – ахнул!

Нам очень больно и жаль, но Джадж прожил короткую жизнь, всего 45 лет. Это был расцвет его физических и творческих сил. Он умер ровно через 12 лет после укуса ядовитого комара. Такова была его карма, такова судьба. Джадж был замечательный человек, талантливый писатель, одарённый мыслитель, эрудированный юрист, умелый руководитель. Но его дело, которому он отдал жизнь, не пропало даром. Теософское общество, им спасённое в трудные времена, продолжало свою деятельность, и количество его членов постоянно увеличивалось.

Скульптор А. Линдстрем, делавший посмертную маску с головы умершего Джаджа, оставил нам воспоминание о нём:

«Делая посмертную маску, я был потрясён формой головы мистера Джаджа, которая разительно отличалась от всего, что я когда-либо видел. Головы большинства выдающихся людей показывают развитие какой-нибудь одной, возможно нескольких способностей в ущерб другим. Я сразу же заметил, что голова мистера Джаджа свидетельствует о высоком, равномерном и хорошо сбалансированном развитии всех способностей. Это удивительное сочетание огромной силы воли с развитой в равной степени мягкостью, высшая практичность и приспособляемость с высоко идеалистичным характером, гигантский интеллект рука об руку с бескорыстием и скромностью…

Я считаю, что из всех черт нос наиболее точно определяет характер. Его нос был самой выдающейся чертой его внешности. Он показывал огромную силу и одновременно полный контроль над каждой мыслью и каждым действием, свидетельствовал о деликатности и чувствительности его натуры. Его рот отражал нежность и твёрдость в равной мере. Скулы свидетельствовали о силе воли. Мягкие волосы показывали утончённость и доброту. Взятое вместе всё это свидетельствовало о гармоничном развитии, отсутствии пороков. Внимательное изу-

чение его головы в каждом аспекте доказывает, что он был великий и благородный человек. Если такой человек посвятил свою жизнь Теософскому Обществу, я думаю, что у такого Общества великая миссия…» [**9**].

Не трудно заметить, что нарисованный портрет Джаджа хотя и благородный, но он не совсем полный, не окончательный, потому что это была уникальная личность, не вкладывающаяся ни в одни рамки.

Свой рассказ об Уильяме Джадже продолжим посланием Е. П. Блаватской съезду Американской секции МТО, состоявшегося в апреле 1888 г. в Брайтоне. Тогда Елена Петровна из-за болезни не смогла в нём участвовать, и послала на съезд свою ученицу – Анни Безант, зачитавшую послание своей Учительницы. Вот оно:

«Уильяму К. Джаджу, Генеральному секретарю
Американской секции Теософского общества.

МОЕМУ САМОМУ ДОРОГОМУ БРАТУ И СООСНОВАТЕЛЮ ТЕОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА.

Адресуя тебе это письмо, которое я прошу прочитать на съезде, созываемом 22 апреля, я должна, во-первых, передать мои сердечные поздравления и самые искренние пожелания собравшимся делегатам и участникам нашего Общества, а также тебе, его сердцу и душе в Америке. Нас было только несколько, когда мы дали ему жизнь в 1875-м году. С тех пор ты остался один, чтобы сохранять его добрую и недобрую славу. Это тебе, в основном, если не целиком, Теософское общество обязано своим существованием в 1888 году. Позволь мне поблагодарить тебя за это первый и, возможно, последний раз, публично и от самой глубины моего сердца, которое бьётся только ради одной цели, которую ты представляешь так хорошо и которой служишь так верно. По случаю этого важного события я также хочу вам напомнить, что мой голос – это лишь слабое эхо других, более святых голосов. Он передаёт одобрение тех, кто, насколько я знаю, живы в ваших сердцах и ваших жизнях» [**3**].

Как известно, в Остенде Елена Петровна работала над своей новой книгой – «Тайная Доктрина», помогали ей в этом некоторые коллеги и друзья. Вместе с ними трудилась и графиня К. Вахмейстер, преданная подруга и эрудированный сотрудник. По настойчивой просьбе теософов Лондонского Теософского общества, оставшихся без руководителя, и особенно братьев Бертрама и Арчибальда Кейтли, Блаватская переезжает в Лондон. Там она заканчивает своё творение, основывает «Лондонскую Ложу» и создаёт оккультно-теософский журнал «Люцифер», сыгравший в судьбе МТО историческую роль. Позже Б. Кейтли скажет о «Тайной Доктрине» такие слова:

«О ценности этой работы окончательное суждение предстоит вынести будущим поколениям. Я лишь могу выразить своё глубокое убеждение в том, что если кропотливо изучать "Тайную Доктрину", не относясь к ней как к откровению, если понять и усвоить то, о чём там говорится, не превращая текст в догму, то этот труд Е. П. Б. принесёт неоценимую пользу и послужит толчком для рождения гипотез, предположений и логических построений в плане изучения природы и человека, равного которому не сможет дать другая книга» [**7**].

Е. П. Блаватская писала У. К. Джаджу 12 августа 1887 г.:

«Вы готовы помогать мне и дальше приносить эту жертву – принять и постоянно нести это пожизненное, воистину тяжкое бремя? Мой выбор сделан, и я от него не откажусь. ***Я остаюсь в Англии****, посреди воющих волков. Здесь я нужна и нахожусь поближе к Америке;* ***там же****, в Адьяре, зреют тёмные заговоры против меня и бедного Олькотта (что Вам будет легче понять, прочитав письмо Берта и приложенное к нему одно из писем Олькотта), и я могу лишь* ***сама*** *защищаться, но не в состоянии приносить пользу Обществу и Делу. Силы защитников настолько скудны, что их необходимо очень разумно распределить по всему земному шару, везде, где теософия сражается с силами тьмы. Пусть Олькотт остаётся в Адьяре – я же останусь здесь. Если Вы с Коузом осуществите план, то у нас будут четыре больших и мощных центра: Америка, Париж, Индия, Англия.*

Объединяйтесь, объединяйтесь*, говорю я Вам, и Вы достигнете* ***высшей цели****, ради которой Вас* ***так долго вели к примирению*** *и по пути к которой Вы, образно выражаясь, успели расквасить друг другу носы. Займите моё место в Америке, а после того как я окончательно уйду, – в Адьяре. Если у Вас не больше личных амбиций, чем у меня (а я знаю, что* ***не больше*** *– только боевитость), то для Вас это будет не большей жертвой, чем для меня – держать Олькотта при себе президентом, проклиная его с утра до вечера и в то же время зная, что нет для этой работы человека лучше него. Dixi. Мне больше нечего Вам сказать, пока я не получу Вашего ответа. В работе я навсегда "искренне Ваша". Располагайте мною, я буду* ***тем, что Вам нужно****, и стану помогать Вам изо всех сил;* ***если Вы согласитесь****, то пришлите мне инструкции относительно моей части работы, и тогда поживём – увидим.*

Насчёт "заговора в Адьяре". Он начался вскоре после празднования очередной годовщины. Я получила обращение за подписями 107 человек, которых возглавили Субба Роу, Купер-Оукли и Нилд Кук; меня просили вернуться в Адьяр на следующую годовщину. Затем на сцену вышел Субба Роу со своими нападками на меня и на семь принципов (см. письмо Берта). Сегодня госпожа Кук, умирающая от рака, в отчаянии пишет Берту, пытаясь узнать у него, что же нашло на её брата в Адьяре. Купер-Оукли, Субба Роу и иже с ними плетут интриги, пытаясь помешать моему возвращению в Адьяр, и размахивают жупелом "русской шпионки", запугивают всех святыми отцами и т. д. Вся эта братия (кроме самого Субба Роу) непрестанно пишет письма о том, что Учитель якобы ***настроен против меня*** *и* ***подсказывает*** *Субба Роу (!), каким образом хотя бы частично уменьшить причинённое мною зло!! Они говорят, что Лондонская Ложа здесь уже практически потеряна, что она, по сути, погибла под моим* ***злостным*** *влиянием, подвергнувшись психологической обработке с моей стороны. Олькотт, как видите, пишет, что Совет единогласно принял резолюцию о том, чтобы просить меня отложить моё возвращение. Всё это я знала; мне был известен смысл слов Нилда Кука: Субба Роу – единственный, кто в силах спасти Общество (основанное мною!), и он готовит какую-то великую* ***реформу****. Бедные глупцы!*

Что ж, я пробудила к жизни Франкенштейна, и он теперь норовит сожрать меня. Вы один в состоянии спасти этого демона и сделать его человеком. Вдохните в него если не Дух, то хотя бы Душу. Станьте его спасителем в США, и да снизойдёт на Вас благословение моих Старших» [**3**: письмо 4].

1887-й год, характерный для Блаватской ещё тем, что в Англии она познакомилась со многими своими будущими друзьями: Чарльзом Джонстоном, Алисой Клифер, Реджинальдом Мачеллом, Уильямом Стедом, Уолдером Олдом и многими другими, оставившими о своей Учительнице ценные воспоминания. Из-за недостаточности места, мы приведём лишь запись, сделанную Чарльзом Джонстоном о Блаватской весной 1887 г.:

«Что-то было особенное в её личности, её поведении, в свете и силе её взгляда, что говорило о более широкой и глубокой жизни... Что было в ней наиболее примечательно и никогда не покидало – это предчувствие существования большей Вселенной, более глубокой силы, невидимой мощи; для тех, кто находился в гармонии с её неисчерпаемым гением, это становилось откровением и побудительной силой к движению по тому пути, который указывала она. Для тех, кто не мог смотреть на всё её глазами, кто не мог в какой-то степени приблизиться к высоте её видения, это качество превращалось в вызов, в непереносимую, яростную и необузданную силу, что, в конце концов, рождало в них злобную враждебность и стремление бороться с этим. И когда уже произнесены все слова, она всё же предстаёт гораздо более великой, чем любой из её трудов, более наполненной живой силой, чем даже её чудесные книги» [**9**].

В письме от 15 сентября 1887 г. Блаватская продолжала делиться с Джаджем:

«...Я готова как угодно приврать, когда речь идёт о мирских принципах, но не могу лгать, когда дело касается Учителя. Я ещё меньше, чем вы, хотела бы видеть этого человека [имеется в виду Э. Ф. Коуз. – ***С. Ц.***] *и вообще кого угодно (кроме Вас) избранным пожизненно. Но коль скоро это входит в программу будущей деятельности и общей политики, то я вынуждена подчиниться, как бы неприятно ни было это для меня лично. Однако если мне не нравится подобная идея, то лишь потому, что я больше никому не верю, за исключением Вас и, возможно, Олькотта. Я утратила остатки своей веры в человечество и вижу и ощущаю (и не без оснований, если угодно) повсюду одних лишь Иуд. Но с Вами всё совсем по-другому. Вы не желаете, чтобы этого человека избрали пожизненно, ибо Вы преувеличиваете его дурные наклонности, его "уловки" и мстительность. Что ж, Вы правы лишь относительно последнего порока. Коуз и вправду мстителен, потому что он горд, и если Вы сейчас сделаете его своим врагом, то Вы своими собственными руками задушите теософию в США. Что он мстителен, это верно, но он отнюдь не лжив и не склонен "ловчить". Вы его просто не знаете. Он необыкновенно восприимчив, просто ужасно. Он больше, чем медиум, ибо он вводит в заблуждение не только своих "клиентов", свою публику, но и самого себя, что другим медиумам не свойственно. Он самовнушаем в высшей степени. Это заходит так далеко, что Вы можете раскусить те или иные его "трюки" и считать их именно таковыми, тогда как сам он будет верить в них как в истину и непреложный факт. Коуз – то же самое, чем был Магомет, хотя Магомет и основал религию, которая в тысячу раз лучше любой другой, кроме буддизма. Какое Вам дело до кармы Коуза, если этот человек добивается благих результатов для теософии? Коуз – наш последний козырь. Если Вы его потеряете, то и для Вас, и для нашего дела битву можно считать проигранной, вот что я Вам скажу. Это наше Ватерлоо. Олькотт слишком слаб, хотя и выглядит крепким. <...>*

Мой самый дорогой друг, вы не можете сделать человека теософом, руководствуясь своими чувствами к нему. Но Вы в состоянии создать превосходное оружие, волшебный "молот Тора", с которым Вы сами можете стать Тором, непобедимым в схватках со злобными "и не истыми великанами" этого грешного, погрязшего в материализме мира. Мы должны делать всё, что в наших силах, пользуясь подручным материалом – или же немедленно прикрыть нашу "лавочку". Аминь» [**3**: письмо 6].

Зная о своей скорой смерти, Джадж активизирует свою творческую деятельность. Он пишет статьи, книги, посылает письма разным корреспондентам, друзьям и товарищам. Джадж так просто сдаваться не собирается, до самой смерти он будет творить нравственный и литературный подвиг. Он хочет рассказать о себе, своём внутреннем мире, о теософии, оккультизме, о мистике своей судьбы. Это ему удаётся сделать. Помимо названных вопросов, он сосредоточивает свое внимание на главном из них – на Карме. Джадж написал статью «Карма» за несколько дней до своей смерти.

Эпиграфом к ней Джадж приводит слова из восточной мудрости: «…Жизнь человека, есть лишь результат его предшествующих жизней; горе и напасти проистекают от содеянного в прошлом зла, тогда как праведность родит блаженство» [**1**].

Джадж хочет разобраться, каким образом содеянное в прошлом зло или добро, воздействует на настоящую жизнь? Действительно ли суровая Немесида постоянно следует за человеком своей неумолимой поступью, чтобы забрать его? Правда ли, что нет спасения от её карающей руки? Почему человек, согласно вечному закону причин и следствий, безразличному к нашему горю, получит «награду» за своё содеянное, или содеянное предками, в полной мере? Обязательно ли тень вчерашнего греха должна омрачить жизнь нынешнюю? Является ли карма синонимом неумолимого рока? Как видим, вопросов у Джаджа очень много.

Джадж понимает, что по мере вращения колеса жизни старая карма исчерпывает себя и начинает накапливаться новая. Карма может быть скрытой и проявленной. Для Джаджа карма – это сам человек. Она – это его действия. А каждое действие есть причина, согласно которой все бесчисленные всходы последствий, разрастаются в пространстве и во времени. Что посеял – то и пожнёшь, говорит Джадж. Урожай обязательно будет собран. Действующий человек должен сознавать эту истину. Так же важно разобраться в проявлениях этого закона в сфере действия кармы. В широком смысле Джадж называет карму временным расширением природы действия как такового, поскольку каждое действие содержит в себе и прошлое, и будущее.

Для понимания природы кармы и её связи с отдельной личностью, Джадж рассматривает действия во всех её аспектах. Любой поступок проистекает от ума, говорит он. Вне ума нет действия, а значит и кармы. В основе всякого поступка лежит желание. План желания, или эгоизма, сам по себе есть действие и матрица каждого конкретного поступка. Этот план можно рассматривать как непроявленный и всё же проявляющийся двойственным образом в том, что мы называем причиной и следствием, то есть поступком и его последствиями. В действительности же, и поступок, и его последствия суть следствие. А причина находится на плане желания. Желание,

как основа действия при его проявлении на физическом плане, определяет временное протяжение действия на основе его кармической связи с отдельной личностью. Чтобы быть свободным от следствий кармы любого действия, человек должен достичь состояния, не содержащего той основы, где могло бы затеплиться действие.

На конкретных примерах семени горчицы Джадж стремиться доказать, что из него вырастет только горчица и ничего больше. Для того чтобы оно проросло, нужно посадить семя в землю, умело возделывать. Ведь землю можно сколько угодно обрабатывать, поливать, но растение не взойдёт без семени. Точно так же семя не взойдёт при отсутствии первых двух условий. Физическое воплощение, для Джаджа, есть результат кармического действия. Сущность, состоящая из желаний и склонностей и стремящаяся к рождению, прокладывает себе путь к воплощению. «Выбором условий среды, в которой она воплощается, руководит закон экономии, – пишет он. – Какая из тенденций будет преобладать, то есть, которая группа склонностей окажется сильней, та и приведёт её к той точке воплощения, где будет наименьшее сопротивление. Она воплощается в ту среду, которая наилучшим образом соответствует её кармическим тенденциям, и человек получает все следствия действий, содержащихся в проявляющейся таким образом карме. Этим определяется место рождения; пол; условия, в которых протекает детство, не обременённое пока ещё ответственностью; физические особенности, зачатки различных болезней, – по сути дела все те факторы физического существования, которые обычно определяются терминами “наследственность” и “национальные особенности”» [цит. по: **2**]

В сущности, тут на поверхность выплывает закон экономии, который лежит в основе всех этих терминов и объясняет их. На примере одной человеческой нации, имеющей свои специфические особенности, Джадж доказывает, что она представляет собой поле для развития тех индивидуумов, у которых большинство характерных черт гармонирует с этими национальными особенностями. Следуя закону наименьшего сопротивления, воплощающаяся сущность рождается в этой нации, воспринимая все кармические следствия, сопутствующие данным особенностям. Этим и объясняется смысл понятия «карма наций», к тому же, что верно в отношении народа, приложимо и к семье, и разным группам. В своих рассуждениях о карме, Уильям Джадж не противоречит ни Елене Блаватской, ни Елене Рерих, отразивших эту волнующую проблему в своих трудах. Его мысли о карме вошли в золотой фонд эзотерической науки.

В истории теософского движения Уильям Куан Джадж сыграл выдающуюся роль. Не считаясь с различными проблемами личностного характера, со своим здоровьем и другими причинами, он выполнял свою миссию честно, благородно и шёл до конца, не отступаясь и не останавливаясь. Зная свою карму, свой скорый уход в другой мир, Джадж продолжал писать свои работы и заниматься большой общественной деятельностью – руководить Теософским обществом Нью-Йорка. Заканчивая свою аналитическую статью о карме, он спрашивал: «Может ли человек воздействовать на свою карму, и если да, то до какой степени и каким образом? Может ли он изменить следствия Кармы?». Ответ его гласил: «Может, да ещё как!».

Человеку, говорит он, невозможно приобщиться к тому, о чём он не думает, поэтому первым делом необходимо утвердить мысль на высшем идеале. В этой связи уместно вспомнить такое слово, как раскаяние. «Раскаяние, – говорит Джадж, – это такая форма мысли, когда ум постоянно возвращается к содеянному. Если же вы хотите очистить ум от греха и его кармических последствий, раскаяние ни к чему. Всякий грех зарождается в уме. Чем больше сосредоточивается ум на том или ином поступке, испытывая при этом удовольствие или боль, тем меньше для него вероятность отрешиться от такого действия. Манас (ум) – это душевный узел; и как только он снят с какого-либо предмета, иными словами, как только ум теряет к нему всякий интерес, то пропадает и связь между человеком и кармой, сопутствующей этому предмету» [**4**].

Именно в отношении ума Джадж видит причины наших заблуждений. Они как тот паук, который затягивает вокруг души кармические путы. Он сковывает высокие устремления человека, ставя перед ними непреодолимые преграды. Именно желание толкает карму прошлого на проявление и построение бренного вместилища нашей души. Лишь отрешившись от любых привязанностей, душа прорвётся сквозь пелену боли; лишь преобразовав ум, можно снять кармическое бремя, говорит он. «Таким образом, – заключает он, – хотя и верно, что всякое действие имеет своё следствие, в то же время “сами действия, хорошие или плохие, не могут быть устранимы. Они возвращаются к человеку в его последовательных перевоплощениях, созревая каждое соответственным образом”. Однако это созревание есть деяние самого человека. Когда утверждается его свободная воля, он становится собственным спасителем. Карма мирского человека оборачивается суровой Немесидой, и она же раскрывается в гармонии с высшими устремлениями человека духовного. Он с одинаковым спокойствием взирает на прошедшее и на будущее и не раскаивается вновь и вновь в грехе, содеянном когда-то, равно как и не ждёт награды за добрый поступок в настоящем» [**4**].

Смерть Джаджа потрясла всех его друзей. Это произошло 21 марта 1896 г. в Нью-Йорке. Сохранилась выступление его друга И. Т. Харгрова на похоронах 23 марта. Здесь оно приводится с небольшими сокращениями:

«…Сейчас мы помним этого человека и можем утешаться только знанием того, какую жизнь он прожил. Я уверен, что Уильям К. Джадж имел больше преданных друзей, чем любой другой живущий человек, друзей, которые буквально умерли бы за него по первому слову, поехали бы в любой конец света по одному его намёку. Но он ни разу не воспользовался этой силой и влиянием для своих личных целей. Своё огромное влияние в Америке, Европе и Австралии он использовал для единственной цели – блага Теософского движения... У него было сердце маленького ребёнка, и его нежность можно было сравнить только с его силой… Его никогда не заботило, что люди думают о нём или его работе, только бы они работали для Братства… Его жена говорила, что не было ни одного случая, чтобы он обманул. А те, кто были наиболее близки к нему в теософском плане, согласны, что он был самым правдивым человеком, какого они когда-либо знали» [**9**].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд Э.* Свет Азии: The light of Asia / Перевод А. Анненской под ред. В. Лесевича, с его предисловием и введением. – СПб.: В. А. Тиханов, 1890. – [4], CIII, 238, [1] с.
2. *Блаватская Е. П.* Карма судьбы. – М.: МЦФ. 1999. – 496 с.
3. *Блаватская Е. П.* Письма друзьям и сотрудникам / Пер. с англ. Р. Ш. Ахунова. – М.: Сфера, 2002. – 784 с.
4. *Джадж У. К.* Океан теософии: Сб. / Пер. с англ. Л. Лещинер. – М.: Дельфис, 2007. – 496 с.
5. Джадж, Уильям Кван. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E6%E0%E4%E6,_%D3%E8%EB%FC%FF%EC_%CA%E2%E0%ED.
6. *Крэнстон С.,* при участии *Уильямс К.* Е. П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. – 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с англ. – Рига: Лигатма; Угунс, 1999. – 736 с.
7. Оккультный мир Е. П. Блаватской: Воспоминания и впечатления тех, кто её знал. / Составитель Дэниэл Х. Колдуэлл; перевод О. Матвеева. – М.: Сфера, 1996. – 512 с.
8. *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – (1919–1955). – М.: МЦР, 1999–2009.
9. У. К. Джадж и его «Путь»: Сб. / Пер. с англ. Л. Лещинер. – М.: Сфера, 2007.
10. «Учение Живой Этики» (Агни-Йога). Режим доступа по тексту, размещённому на сайте Общества Агни-Йоги (Нью-Йорк) в сети Интернет: http://agniyoga.org/ay_ru/ay_ru_downloads.html.
11. *Judge W. Q.* The Esoteric She, the Late Mme. Blavatsky – A Sketch of Her Career // New York Sun. – 1892. – Sept. 26.
12. *Judge W. Q.* Yours Till Death and After, H. P. B. // Lucifer. – Vol. VIII. – 1891. – June. – P. 290–292. Режим доступа: http://www.theosophy.org/Judge/Articles/yours-till-death-and-after.htm.

Ю. Ю. БУДНИКОВА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

РЕРИХИ И ТЕОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Вопросов, действительно, задают немало, в том числе – не были ли Рерихи и Е. П. Блаватская родственниками, в каком отношении теософия находится к Агни-Йоге и т. п. Такие вопросы не раз приходилось слышать от посетителей нашего музея-института. Это лишний раз доказывает, что ответы на них не очевидны, сама проблематика не очень разработана, и попытка как-то обобщить разрозненные сведения об этом представляется полезной в теоретическом и практическом плане. Данный текст, разумеется, не будет первым исследованием на эту тему. Известный рериховед и председатель возобновлённого Российского Теософского общества (далее – *РТО*) **Дмитрий Николаевич Попов** (род. в 1961 г.) написал в 1994 г. статью под названием «Теософия в жизни и творчестве Н. К. Рериха»[1], подготовил и ряд других материалов на близкие темы[2]. Но настоящее исследование ставит вопрос под несколько иным углом, сосредотачиваясь не на близости тем рериховского творчества к теософским идеям, чему посвящено немало страниц упомянутой статьи Попова, а на взаимодействии представителей семьи Рерихов с представителями теософского

движения. В любом случае, текст статьи «Теософия в жизни и творчестве Н. К. Рериха» мало доступен, так что имеет смысл снова повторить некоторые изложенные в ней факты и добавить новые.

В извещении возобновлённого Теософского общества, опубликованном в сентябрьском номере журнала «Наука и религия» за 1991 г. всё тем же Д. Н. Поповым, указывается:

«В Москве возобновило свою деятельность Российское Теософское общество. Цели его работы те же, что были сформулированы в прошлом веке основателями Всемирного Теософского общества – Е. П. Блаватской и Г. С. Олькоттом: содействие утверждению всемирного братства человечества, вне каких-либо различий; синтез различных религий и философских течений через исследование их сокровенной стороны; изучение скрытых сил в природе и человеке.

Российское Теософское общество было создано в 1908 году, спустя 33 года после Всемирного. Теософию в России питали два источника – мощная эзотерическая стихия народной культуры (среди её ярких представителей в нашем столетии могут быть названы поэты Александр Добролюбов и Николай Клюев) и традиция тайноведения в дворянской и интеллигентской среде, берущая начало в XVIII веке и тесно связанная с оккультно-мистическими течениями Европы (мартинистские и розенкрейцерские организации, просветительское общество Новикова, Лопухина и Тургенева).

В недолгий период своего существования – до административного запрещения его в 1918 году – общество вело широкую научную, культурную и просветительскую работу: многочисленные лекции, концерты, встречи, занятия и курсы, исследовательские семинары, секции милосердия, активное книгоиздание, ряд периодических изданий (в том числе для детей и юношества), разработка педагогических систем, создание братских обществ и сельскохозяйственных общин.

После разгона Общества неформальная группа единомышленников продолжала действовать, несмотря на жестокие преследования»[3].

Такая пространная цитата использована нами для того, чтобы отметить тот факт, что Рерихи вольно или невольно соприкасались, живя на Родине, с результатами теософского движения в России, и первым подобным контактом, вероятно, следует назвать известное обстоятельство: среди бумаг Николая Рериха гимназического периода, которые хранятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, обнаруживаются выписки из книги Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана»[4]. Книга эта, кстати, выдержала много изданий в России ещё до революции[5].

Большой обобщённый обзор истории теософского движения в России сделала в своём докладе на конференции, посвящённой 90-летию Российского Теософского общества, ответственный секретарь РТО Е. С. Лебедева[6]. Ниже, говоря о теософских группах в России, мы воспользуемся сведениями из данной публикации.

Основным источником теософских идей в России явился научно-популярный журнал русских спиритуалистов «Ребус», издаваемый в Санкт-Петербурге с 1883-го по 1903-й год под редакцией В. Н. Прибыткова, а с 1904-го по 1917-й в Москве под редакцией П. А. Чистякова. В нём часто публиковались переводы из европейских ок-

культных журналов, в частности и из «Theosophist»'а Е. П. Блаватской, а в 1883 г. была опубликована статья В. П. Желиховской «Правда о Блаватской». Затем в 1884 г. появилась подробная информация о Теософском обществе и его основателях в «Одесском Вестнике», «Новороссийском Телеграфе» и «Ребусе».

Первые теософские кружки в России появились в 1901 г. Они носили характер частных домашних встреч. В эти годы одним из лидеров теософского движения была **Анна Алексеевна Каменская** (1867—1952) После личных встреч с Анни Безант А. А. Каменская решила создать Теософское общество в России. Постепенно в различных городах Российской империи стали возникать неофициальные теософские кружки: в Калуге, Москве, Киеве.

Под псевдонимом *Alba* Каменская сделала множество переводов теософской классики. До 1913 г. она являлась издателем и редактором журнала Общества «Вестник Теософии». Именно на его страницах Н. К. Рерих знакомится со многими материалами, оказавшими существенное влияние на становление его мировоззрения, в частности, с духовными стихами Рабиндраната Тагора. Собрание номеров «Вестника» он хранил в своей библиотеке всю жизнь, несмотря на все переезды, путешествия и экспедиции. Кстати, и столь взволновавшие Рерихов книги Свами Вивекананды о Рамакришне («Провозвестие Рамакришны» и «Бхакти-Йога») – тоже издавались при поддержке теософов.

РТО имело ещё одно печатное издание – сборник «Вопросы Теософии». Сборник вышел в двух томах, первый выпуск был осуществлён в 1907 г. и составил переводы трудов Е. П. Блаватской, А. Безант, Р. Штейнера, выдержки из Бхагават-Гиты. Второй том увидел свет в 1910 г., в 1913-м был переиздан. Этот выпуск был посвящён Е. П. Блаватской и её произведениям.

Несмотря на фактическое существование Теософского общества в России в течение нескольких лет официальная его регистрация не была возможной. Церковь не поддерживала деятельности Общества, и в регистрации было отказано. После 1905 г. ситуация постепенно начала меняться, и в январе 1908 г. в Москве состоялась встреча представителей теософских кружков. Затем была достигнута договорённость о создании единой организации с центром в Санкт-Петербурге. Однако часть теософских кружков решила остаться независимой, как от вновь образованного РТО, так и от Европейского общества.

Среди независимых групп теософов были смоляне. Среди членов РТО был целый ряд церковных иерархов. Это Общество носило ярко выраженный православный патриотический характер. Но 25 апреля 1908 г. своим декретом Святейший Синод запретил православным иерархам участвовать в деятельности или поддерживать подобные общества, считая их враждебными по отношению к православному христианству, хотя и не найдя в деятельности Теософского общества чего-либо аморального, антихристианского или греховного.

Также пожелал быть независимой теософской организацией кружок Клеопатры Петровны Христофоровой в Москве. Членами его были Андрей Белый, его мать Александра Дмитриевна Бугаева, Павел Николаевич Батюшков, друг А. Белого, Борис Григоров, будущий глава Русского Антропософского общества, Софья Урусова, Анна

Рудольфовна Минцлова. Кружок К. П. Христофоровой собирался у неё дома на Девичьем поле в Москве. Кружок просуществовал до 1910 г., до отъезда А. Р. Минцловой, после чего он распался. Некоторые из его членов позже организовали Штейнеровский кружок.

30 сентября 1908 г. Российское Теософское общество всё же было зарегистрировано в реестре обществ Санкт-Петербурга за № 304. В 1913 г. РТО имело отделения в Москве, Калуге, Ростове-на-Дону, Киеве, Ялте. По имеющимся в годовых отчётах данным на 1 сентября 1915 г. всего в Обществе состояло 388 членов. Из них: в Петербурге – более 170 человек; в Киеве – 60; в Москве – 45; в Ростове-на-Дону – 30; в Калуге – 20; в Ялте – 12. Остальные распределялись по разным провинциальным городам.

Калужское отделение, председателем которого была **Елена Фёдоровна Писарева** (1853—1944), несмотря на свою немногочисленность, было вторым по значимости после Петербургского. Встречи для интересующихся теософией в Калуге стали проводиться уже в 1906 г. Имение Писаревых «Подборки», расположенное в нескольких километрах от Оптиной Пустыни, стало центром теософской жизни. Елена Фёдоровна была членом Германской секции Международного Теософского общества с 1905 г., с 1908 г. возглавляла кружок Р. Штейнера, с которым была знакома лично, так же, как и с А. Безант. По просьбе Писаревой Штейнер читал специальный цикл лекций для русских во время Всемирного Теософского конгресса в Париже в 1906 г. Его слушателями были К. Бальмонт, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, М. Волошин, М. Сабашникова.

Вспоминаются лекции по русской литературе профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора филологических наук **Бориса Валентиновича Аверина** (род. в 1942 г.), на которых он говорил, что творцы Серебряного века, в первую очередь писатели и поэты-символисты, разделились на два лагеря: приверженцы теософии («линия Блаватской») и антропософии («линия Штейнера»). Интерес к тому или другому направлению стал своего рода демаркационной линией. Трудно предположить, что в такой обстановке Н. К. Рерих не общался на эти темы с коллегами. Вероятнее всего, именно осведомлённость художника в подобных вопросах и его глубокое понимание сути дела привели к тому, что действительные члены Теософского общества именно ему заказали оформление своей штаб-квартиры.

Большинство членов Общества были людьми яркими и незаурядными, и это отразилось на его деятельности. Работа велась в разных областях: просветительская, издательская, благотворительная, педагогическая, научная. К 1913 г. в РТО были следующие секции:

– секция Е. П. Блаватской, где изучались труды Е. П. Блаватской, Ч. Ледбитера, и другие теософские труды;

– христианская секция, изучала эзотерическое христианство;

– педагогическая;

– этическая, предметом изучения были идеи братства и их осуществление;

– восточная секция, занималась сравнительным изучением религий;

– секция искусства;

– оккультная секция.

В 1917 г. РТО инициировало движение «Союз воспитания свободного человека», задачей которого было объединение «всех признающих, что свобода и счастье народа зависит от внутренней культуры составляющих его людей», и выработка методов создания этой культуры. Районные комитеты находились в Петрограде, Москве и Калуге.

Большое внимание в РТО уделялось благотворительной деятельности. «Каждый Теософ должен жить для всех и все для каждого. Истинный Теософ должен сознавать своё единство со всем человечеством и неустанно работать для других» – этот постулат Елены Петровны Блаватской был одним из основополагающих принципов, на котором строилась деятельность РТО. Благотворительной деятельностью в Обществе ведал «кружок Служения». Позднее в него влились кружки «Этическая лига», Эстетический, Педагогический, «Трест воспитания» и «Братство искусств и ремёсел». Были открыты бесплатные курсы иностранных языков для всех желающих, не только для членов Общества. На Рождество и Пасху посещались больницы, где больным дарили цветы и подарки, музыкальный кружок при Эстетической лиге устраивал музыкальные представления. Много внимания уделялось детям и, в частности, «детям улицы», как называет их в своём дневнике А. А. Каменская, а также такой социальной прослойке, как прислуга, дворники, швейцары. Открывались вегетарианские столовые, устраивались Рождественские ёлки для детей. В годы первой мировой войны «кружком Служения» были организованы курсы оказания первой помощи раненым и шитья белья, организована бесплатная раздача обедов, производились осмотры районов по поиску пострадавших, велась работа в лазаретах, собирались среди членов Общества пожертвования на так называемые койки имени Общества. Такие койки содержались в разных лазаретах. Своё помещение Теософское общество предоставило под сборный пункт, несколько членов Общества ушли на фронт в качестве врачей, сестёр милосердия, санитаров.

К концу 1918-го – началу 1919 г. теософские, антропософские и другие оккультные и религиозные группы были насильственно закрыты, начались аресты. Между июнем 1922-го и июлем 1923 г. были выпущены декреты Правительства, которые окончательно официально ликвидировали все мистические, религиозные и оккультные группы. Теософская пресса была закрыта, имущество РТО конфисковано, все собрания запрещены. Большинство теософов в годы сталинских репрессий разделило судьбу русской интеллигенции.

А. А. Каменская по приглашению А. Безант эмигрировала из России и стала прикладывать силы для восстановления РТО за границей. Ею был организован ряд теософских обществ для наших соотечественников, оказавшихся за рубежом. После её отъезда во главе Общества в России встала **Софья Владимировна Герье** (1878—1956). В 1940–1990 гг. в течение пятидесяти лет РТО находилось в фазе нелегального существования. Известны некоторые теософские группы в Москве, Ленинграде, Калинине, Калуге, Смоленске и других городах, которые не прекращали все эти годы своей работы. Внешняя сторона деятельности, направленная в социум, по понятным

причинам была приостановлена, и все силы таких групп сконцентрировались исключительно на внутренней жизни.

О контактах Н. К. Рериха с Обществом в дооктябрьский период исследователи на данный момент почти ничего не знают. Известно лишь, что в 1916 г. художник выполняет эскизы стенописи и пишет два больших панно – «*Мудрость Ману*» и «*Лаухми-победительница*» для теософского центра в Петербурге, располагавшегося на Ивановской улице (ныне улица Марата). Судя по всему, именно на эту штаб-квартиру приходила Е. И. Рерих с целью взять почитать какую-нибудь теософскую литературу – о чём она вспоминала в разговорах со своими американскими сотрудниками. Панно «Мудрость Ману» вызвало большой интерес в среде петербургской интеллигенции. Например, Сергей Эрнст в книге «Н. К. Рерих» (1918) писал: «*О новом восхождении духа мастера говорит большой эскиз декоративного панно "Мудрость Ману" 1916 г. – оно как бы указывает путь к великим тайнам и силам Индии...*»[7]. Особый интерес для исследователей представляет второй эскиз панно для Общества, «Лаухми-победительница» («Лакшми-победительница»), так как ни его воспроизведения, ни описания, ни указания на местонахождение пока найти не удалось.

Подтверждением интереса к темам, получившим известность благодаря теософам, служат и литературные произведения Рериха. Можно, во-первых, вспомнить «Миф Атлантиды» (1912). Накануне революционных событий в России Рерих пишет поэму-притчу «Заповедь Гаятри», центральный персонаж которой – индийский махатма Сурендра Гайятри, хранитель мудрости и духовных знаний, которые автор называет «Мудростью Нильгири», то есть «Мудростью Голубых гор». Попов видит в этом осмысление книги Блаватской «Загадочные племена на Голубых Горах»[8].

Кроме того, в воспоминаниях участника Первой Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха доктора К. Н. Рябинина мы находим упоминания о его обсуждении с Рерихами ещё в дореволюционное время знаний, полученных из теософских книг: «Живя в России, в Петербурге… мы много беседовали о великих духовных достижениях Индии, об Учителях Востока, глубина мыслей и учения которых свидетельствовали о величайших познаниях духа, собранных и хранящихся в тайниках отдельных Центров посвящения, главным образом, в Гималайском Братстве, существующем, по преданию, с давних времён. Последний центр был для нас всегда источником непреложного знания и истины. Пути туда мы полагали тогда проложить через Индию»[9].

В 1918 г. Рерихи покидают Родину, и начинается период их странствий по всему свету. Первой на их пути лежала Европа, которую семья проехала от Скандинавии до Британии. Стали завязываться знакомства с зарубежными теософами. В 1918 г. в Стокгольме Н. К. Рерих познакомился с членами местного Теософского общества, о чём мы узнаём из письма художника к члену теософского движения Б. М. Циркову: «Встреча с семьёю Викандер, с Освальдом Сирэном и другими оставила во мне навсегда самое ценное воспоминание»[10].

В Англии Рерихи знакомятся с теософом из Риги В. А. Шибаевым, который позднее становится их секретарём. 6 июля 1920 г. Николай Константинович и Елена Ивановна вступают в члены Лондонского отделения Теософского общества. В связи с этим они получают обращение президента Теософского общества Анни Безант и

приветственное письмо председателя отделения Общества в Англии Г. Бейли Уивера. Главным результатом этого периода общения с теософами можно, наверное, считать тот факт, что, по свидетельству самой Е. И. Рерих, она целиком прочла «Тайную Доктрину», с которой до того была знакома лишь урывками. В дальнейшем, как мы знаем, Елена Ивановна выступит переводчиком этого труда на русский язык. Книга выйдет в Риге.

Интересно, что знакомство с Индией, Гималаями, Тибетом и для Рерихов, как и для другой знаменитой путешественницы, Александры Давид-Неэль, было тесно связано с Теософским обществом.

Давид-Неэль была членом Лондонского Теософского общества. И первая (в 1891 г.), и вторая (в 1911 г.) её поездки в Индию начинались с посещения ею Адьяра (пригород Мадраса, современный Ченнаи), где находилась штаб-квартира МТО.

Николай и Елена Рерихи также контактировали со штаб-квартирой в Индии. Ещё в Лондоне они получили приглашение приехать в Индию от теософа Б. П. Вадьи. Живя в Америке, Рерихи переписывались с А. Безант[11], с выдающимся теософом Джинараджадасой и Джидду Кришнамурти – известным индийским религиозным философом, в те годы тесно связанным с Адьяром. В одном из писем, написанных в 1922 г., Николай Рерих сообщал: «...Получил от Кришнамурти приглашение в Адьяр, там очень ждут. Сейчас начал новую сюиту “Вестники”. Думаю, она ляжет в основу фресок в Адьяре». Позднее отношение Рерихов к руководителю Общества Анни Безант несколько охладело («Как Вы разочаровались в Каменской, так и я разочаровался в Безант», – писал Н. К. Рерих своему секретарю В. А. Шибаеву), проект росписи фресок в Адьяре также остался неосуществлённым. Однако это не помешало художнику в январе 1925 г. посетить Теософское общество и подарить ему свою картину «*Вестник*», посвящённую основательнице МТО Е. П. Блаватской. Эта картина легла в основу небольшого Мемориального музея Е. П. Блаватской, существующего до сих пор.

Были у Рерихов контакты и с парижскими теософами. В статье В. А. Росова «Молодые годы Юрия Рериха» читаем:

«Оказавшись в Париже, Юрий Рерих сблизился с семьей Манциарли. Ирма Владимировна Манциарли, выйдя замуж за француза, в начале прошлого века покинула Петербург и обосновалась в Париже. Она работала в Теософском обществе (ТО) и являлась сподвижницей Анни Безант. Их сближало покровительство восходящей теософской звезде, юному Кришнамурти. Ирма Владимировна часто посещала Индию, Адьяр, где размещался главный центр теософского движения, занималась переводом с санскрита классических индийских текстов. Сначала в России, а затем и во Франции публикуются на русском языке в её переводе некоторые упанишады и отдельным изданием – “Бхагавадгита”. Однако личность Манциарли значительно богаче, чем может показаться на первый взгляд. Она стала активным деятелем Французской секции ТО, вела кружок по изучению “Тайной Доктрины” и “Кружок речи”, читала лекции в ряде французских городов. Более того, была ближайшей помощницей лидера “Ордена Рыцарей круглого стола” Раймонда ван Марле.

А затем вместе с тремя дочерями и сыном вошла в орден “Звезда Востока”, возглавляемый Джидду Кришнамурти.

По совету родителей Юрий Рерих в октябре 1922 года нанёс визит семье Манциарли (Рерихи познакомились с Ирмой Владимировной ещё в Лондоне), и с тех пор он частый гость на улице Лафонтен. С увлечением помогает хозяйке дома переводить "Бхагавадгиту" и даже принимает участие в спиритических сеансах, так называемых "проводах". Позднее записи этих сеансов составили Парижский дневник Юрия Рериха. В письме к родителям в Нью-Йорк юноша сообщал: "Я бываю на рю Лафонтен каждый день. Много работаем над 'Гитой'. Начали также очень успешно писать автоматически. Были даны замечательные указания Ирме Владимировне и Маре Степановне... Через автоматическое письмо Учитель постоянно проводит свою идею"»[12].

Одна из дочерей Ирмы Владимировны – Марсель – становится близким другом Юрия Рериха, между ними вспыхивает сильное чувство. Марсель, или Мара, как её называли в семье, в свои молодые годы была уже известным композитором. Как известно, брак между Марой Манциарли и Юрием Рерихом не состоялся, позднее Мара Манциарли стала помощницей Джидду Кришнамурти.

Добрые отношения сохранялись у Рерихов с одним из лидеров РТО за границей – Е. Ф. Писаревой, которая с 1922 г. жила в Италии. Николай Константинович вёл с ней переписку вплоть до её ухода из жизни в 1944 г. Именно благодаря деятельности Писаревой складывался круг последователей Учения Живой Этики в Италии.

Были у художника и контакты с американскими теософами (центр в Пойнт Лома), зародившиеся ещё в Стокгольме и поддерживавшиеся в 1930-е гг. через внучатого племянника Е. П. Блаватской, хранителя её архива, издателя и комментатора её трудов **Бориса Михайловича Циркова** (1902—1981). В письме к нему от 7 июля 1939 г. художник пишет: «Радуюсь… что Вы близки Е. П. Б., которую мы так глубоко почитаем. Будет время, когда её имя достойно и почитаемо прозвучит по всей Руси»[13]. Очевидно, что цели работы теософов были близки Рерихам. В письме к Писаревой от 15 июля 1936 г. художник замечает: «Конечно, ни мы, никто из наших друзей не может быть против Теософии. Основоположники Великие и наша славная соотечественница Е. П. Б. уже являются залогом того, что всё около происходящее не может вызывать недоброжелательства»[14]. Однако поверхностной представляется попытка некоторых исследователей, не стремящихся до тонкостей разобраться в вопросе, заключить деятельность Рерихов в русло теософского движения XX в., а тем более представить их духовный и творческий путь как производную от их увлечения теософией[15]. Это, разумеется, слишком упрощённая схема. Художественная, научная, философская, общественная деятельность Рерихов представляет собой совершенно самостоятельное явление. Некорректно называть книги Учения Живой Этики «теософской литературой», хотя несомненен тот факт, что они, как и «Тайная Доктрина», – знания, переданные Махатмами Востока. Рассуждая на эти темы, необходимо представлять себе более градуированную и адекватную картину соотношения базовых книг Учения Махатм (особенно учитывая тот факт, что поздняя «теософская литература» к Учению Махатм имеет весьма отдалённое отношение, это уже самостоятельное творчество и собственные взгляды людей, называвших себя теософами).

Впервые в современную эпоху (так называемое «Новое время») Великие Учителя Востока публично возвестили Западу Основы Учения Белого Братства, направляю-

щего духовную эволюцию человечества, через труды Е. П. Блаватской – энциклопедическое изложение эзотерической Доктрины. В трудах Учения Живой Этики были значительно развиты не только космологические вопросы, но и знания о психической энергии, о духовной эволюции человека и её венце – Архатах. Те, кто передавал это Учение, объясняют необходимость этих этапов следующим образом:

«Могут спросить, в каком отношении находится Наше Учение к Нашему же, данному через Блаватскую? Скажите: каждое столетие даётся, после явления подробного изложения, кульминация заключительная, которая фактически движет миром по линии человечности. Так Учение Наше заключает Тайную Доктрину Блаватской. То же было, когда христианство кульминировало мировую мудрость классического мира, и Заповеди Моисея кульминировали древний Египет и Вавилон. Только нужно понимать значение узловых Учений»[16].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Попов Д. Н.* Теософия в жизни и творчестве Н. К. Рериха // Сборник материалов научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Н. К. Рериха. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный художественный музей, 1994. – С. 103–119.
[2] *Попов Д. Н.* Краткое слово о Е. П. Блаватской: [От Ассоциации «Мир через Культуру»] // Весть Е. П. Блаватской. – Л.: Экополис и культура; Андреев и сыновья, 1991. – С. 9–10; *Его же.* Литературное наследие Е. П. Блаватской // *Там же*. – С. 62–71; *Его же.* Предисловие // *Блаватская Е. П.* Теософский словарь. – М.: Сфера, 1994. – С. 8–13; *Его же.* Союз Земли и Неба // *Блаватская Е., Джадж У., Коллинз М.* Кармические видения: Рассказы и повесть / Составитель Д. Н. Попов. – М.: Сфера, 1995. – С. 455–477. – (Очерки о духовном пути и художественно-литературном творчестве Елены Блаватской, Уильяма Джаджа и Мейбл Коллинз); *Его же.* Старцы российского богомудрия // Аватара: Альманах Общества культурных связей с Индией. – М., 1996. – С. 59–71. – (Воспоминания о встречах с С. И. Тюляевым, Ю. Ю. Лурье и Б. А. Смирновым-Русецким); *Его же.* Взыскуя Правды // *Блаватская Е. П.* В поисках Оккультизма: Сборник / Пер. с англ. – М.: Сфера, 1996. – С. 6–10.
[3] Режим доступа: http://www.theosophy.ru/ts1990s.htm.
[4] ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.
[5] [*Блаватская Е. П.*] Из пещер и дебрей Индостана. – Письма 1–9. – [М.]: Университетская типография, 1879. – 47 с. – Письма 10–18. – [М.]: Университетская типография, 1880. – 52 с.; *Радда-Бай* [*Блаватская Е. П.*] Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину. – М.: Университетская типография, 1883. – Ч. 1. –508 с. – Ч. 2. – 411 с. – (Приложение к «Русскому вестнику» 1883 г.); *Радда-Бай* [*Блаватская Е. П.*] Из пещер и дебрей Индии. Загадочные племена на «Голубых горах». Дурбар в Лагоре / С биографией автора, написанной В. П. Желиховской. – СПб.: В. И. Голубинский, 1893. – [4], 56, 310 с.: портрет; *Блаватская Е. П.* Из пещер и дебрей Индостана. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1912. – 438 с.: ил., портрет.
[6] История Российского Теософского общества (по докладу Ответственного секретаря РТО Е. С. Лебедевой на конференции, посвящённой 90-летию Российского Теософского общества) – Режим доступа: http://www.theosophy.ru/history.htm.
[7] *Эрнст С.* Н. К. Рерих. – Пг.: Издание Общины Св. Евгении, 1918. – С. 127. Об этой картине см. интересное исследование П. И. Крылова «Мудрость Ману: размышления у храма в Манали» (режим доступа – http://gallery.facets.ru/show.php?id=1025).
[8] *Попов Д. Н.* Указ. соч. – С. 109.

[9] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. – С. 33–34.
[10] Цит. по: *Попов Д. Н.* Указ. соч. – С. 111.
[11] Например, Д. Н. Попов в своей статье приводит следующий отрывок из обращения к президенту МТО в Адьяре госпоже Анни Безант: «Мы члены ТО и основатели Школы Объединённых Искусств, учреждённой от имени Учителя М., по прочтении Вашего официального письма от 2-го марта 1922, единодушно выражаем наше глубочайшее уважение, доверие и энтузиазм к Вашей высоко возвышенной и вдохновляющей деятельности» (*Попов Д. Н.* Указ. соч. – С. 114).
[12] *Росов В. А.* Молодые годы Юрия Рериха // Вестник Ариаварты. – М. – Нью-Йорк: Фонд «Ариаварта», Музей Николая Рериха, Государственный музей Востока, 2002. – №. 2 – С. 20.
[13] Цит. по: *Попов Д. Н.* Указ. соч. – С. 118.
[14] Цит. по: *Попов Д. Н.* Указ. соч. – С. 117.
[15] См., например, статьи сборника «Рерихи: мифы и факты» под редакцией А. И. Андреева, в частности, статью А. Сташулане «Рериховское движение в Латвии».
[16] *Учение Живой Этики (Агни Йога).* Мир Огненный. – Ч. I. – 1933. – § 79.

Н. З. СКАЧКОВА
(Львов)

ДОБЛЕСТНЫЙ И НАДЁЖНЫЙ ПОМОЩНИК УЧИТЕЛЕЙ

Уважаемые организаторы, участники и гости конференции! Позвольте приветствовать вас от имени Международной организации «Звёзды Гор» и пожелать успеха в работе Одиннадцатой Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие».

Сегодня, в памятные дни Николая Константиновича Рериха, мы вспоминаем великих деятелей духовной культуры, которые были предшественниками Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, а также их сотрудников и последователей, которые приняли из их рук чашу служения человечеству, охранили и понесли дальше весть знания и красоты, принесённую семьей Рерихов.

«Чрезвычайно приятно видеть, что… имя Елены Петровны Блаватской, нашей великой соотечественницы, почитается так высоко, как истинной основоположницы провозвестия… Будет время, когда её имя достойно и почитаемо прозвучит по всей Руси», – писал Николай Константинович Рерих[1]. Планетарный масштаб мероприятий, посвящённых 180-летию со дня рождения Е. П. Блаватской, свидетельствует о том, что это время уже наступило. Учёные и педагоги, общественные деятели и творческие работники, представители разных стран и континентов, в формате конференций, форумов, круглых столов, научных публикаций, художественных выставок и музейных экспозиций отдают дань уважения самоотверженному труду Е. П. Блаватской на благо человечества, во имя его эволюционного развития. Вместе с тем, мы находимся лишь в начале пути по осмыслению великой миссии Е. П. Блаватской.

Творческое наследие Е. П. Блаватской никогда не утратит актуальности. Как сокровищница принципиально нового знания, которое постепенно, пласт за пла-

стом, открывается человечеству, оно всегда будет служить источником продуктивных идей, смелых научных гипотез, оригинальных концептуальных подходов и методов разрешения сложнейших проблем. В частности, анализируя динамику социального развития современного общества, можно утверждать, что теоретический и прикладной потенциал работ Е. П. Блаватской, посвящённых социальным вопросам, – развитию образования и науки, созданию достойных условий жизни и др., ещё не до конца изучен и использован. Огромный пласт эмпирического материала, содержащегося в её трудах, должен обогатить содержание современного образования, а воспитательный процесс немыслим без учёта главных факторов, формирующих личность, анализу которых посвящено множество работ Елены Петровны. Современная наука, которая уже засвидетельствовала истинность значительного числа содержащихся в работах Е. П. Блаватской предвидений, должна полнее использовать их теоретический ресурс. В практику социального управления должны быть интегрированы идеи Е. П. Блаватской о братстве народов, о содружестве религий и способах преодоления межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Также далеко не полностью реализованы исследователями возможности биографического метода изучения жизни и творчества Е. П. Блаватской, её влияния на творческие поиски выдающихся деятелей науки, культуры и искусства XX и XXI столетий.

Человечество, по образному выражению древних, подобно реке, текущей из одной вечности в другую и озаряемой лучами сияющего Духовного Солнца. Воды материи, согретые духом, – это несчётные миллионы человеческих душ, находящихся в вечном процессе становления и духовного совершенствования. Так человеческая монада – искра становится камнем, камень – растением, растение – животным, животное – человеком, человек – духом, и дух – богом. И на всём пути эволюции, от бессознательной на этом плане существования искры – современного атома, до обладающего высоким сознанием бессмертного существа, о людях заботится, поддерживает и даёт силы для продвижения великая Иерархия Света – Единый Источник высшего знания.

На последнем поворотном пункте истории, накануне полного мирового переустройства, Великие Учителя дали человечеству Новое Провозвестие – Тайную Доктрину, Учение Храма и Учение Живой Этики. Так первым вестником Новой Эпохи стала наша великая соотечественница Е. П. Блаватская, и Единый источник высшего знания стал доступным человечеству благодаря её жертвенному труду, её подвигу. В Письмах Учителей Мудрости Елена Петровна Блаватская названа неустрашимым перед лицом великих опасностей, доблестным и надежным помощником, заслуживающим глубокого уважения и высокого почитания.

День основания Еленой Петровной Международного Теософского общества – 17 ноября 1875 г. – можно считать действительной датой начала Новой Эры Света. Мир до «Тайной Доктрины» и после неё – словно два разных полюса. Открыть людям тайны духа и материи и законы небесной справедливости – перевоплощения и кармы, принести весть о существовании здесь, на земле, Великого Гималайского Братства Покровителей человечества, заложить основы нового образования,

науки, настоящей социальной справедливости – всё это удалось сделать нашей великой соотечественнице практически в одиночку, среди враждебного окружения. Если в Индии правоверные индусы считали её воплощённой богиней Лакшми, а образованные буддисты – Тарой, которая согласилась родиться на Западе ради продвижения эволюции, то ни в Европе, ни на своей родине труды Е. П. Блаватской до сих пор не оценены по достоинству.

В письме ко Второму ежегодному съезду американских теософов (22–23 апреля 1888 г.) Елена Петровна упомянула о том, человечество будет получать новое Теософское учение по мере своей готовности воспринять его.

Продолжение Теософского учения – Учение Храма – было дано через **Франчиа А. Ла Дью** (англ.: *Francia A. La Due*, урождённая *Бич*; 19 января 1849, Чикаго, штат Иллинойс, США — 20 июля 1922, Аслион, штат Калифорния, США). В 1898 г. в Сиракузах, штат Нью-Йорк, она основала общество «Храм Человечества» (ныне общество находится в Алсионе) и журнал «Темпл Артизан», в котором печатались Послания Учителей. Через Франчиа Ла Дью было также дано продолжение Станц Дзиан – Теогенезис.

Вершиной Нового Провозвестия является Агни-Йога – Учение Живой Этики, которое заключает «Тайную Доктрину» Елены Петровны Блаватской.

Учение Огня передала миру **Елена Ивановна Рерих** – Матерь Агни-Йоги, президент-основатель Музея Рериха и Гималайского исследовательского института «Урусвати».

Агни-Йога являет собою огненный синтез всех Учений, Новое Провозвестие Владыки Майтрейи, данное на многие века для спасения человечества.

Первые строки Учения были даны Е. И. Рерих 24 марта 1920 г. За полгода до этого важнейшего для судеб мира события она имела знамение: на фоне грозного неба появилась гигантская, блистающая огненно-красная фигура Архангела на столбах света, со сворачивающимся свитком в руке и большим золотым ключом у пояса. Свиток символизировал карму человечества, а ключ на поясе Архангела – Новое Космическое Откровение, явленное в грозе и буре.

В «Криптограммах Востока» есть пророчество, что последние войны будут за истинное Учение, и оно уже сбылось. Великая Отечественная война на самом деле была священной, это и была предуказанная битва за Новое Провозвестие.

В 1924 г. была напечатана первая книга Нового Провозвестия – «Листы Сада Мории». В целом же Учение Живой Этики, или Агни-Йоги, насчитывает 14 книг, которые были опубликованы в двадцатых-тридцатых годах двадцатого столетия. Приняв Новое Провозвестие, человечество осуществит мечту о Золотом веке – о Братстве на Земле.

Великая семья Рерихов передала нам высшее знание и заложила основы науки будущего. Елена Ивановна совершила великий подвиг, ибо Учение Огня было дано на основании её Огненного опыта. Она указала путь человечеству к дальним мирам, к вечной жизни. Её миссию сопровождали величайшие знаки: Чаша и Камень Грааля, которыми владели избранные преобразователи мира[2].

Учение Новой Эры красоты и знания было дано на русском языке, ибо именно русская душа пламенно ожидала её, мечтала о построении Святого Града. Тютчев, Лермонтов, Достоевский, Бердяев, Блок предчувствовали скорый приход Эры Света, пытались приблизить её всеми силами, а Владимир Соловьёв, в 1898 г., когда Тара Урусвати – Елена Рерих – уже жила на земле, написал свои известные пророческие стихи, посвящённые Вечной Женственности:

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идёт.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод[3].

У Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов были преданные сотрудники, их можно назвать истинными учениками, и мы уверены, что в будущем их имена будут достойно почтены. Это Зинаида Григорьевна Фосдик, Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, Ингеборг Фричи, Феликс Денисович и Гаральд Феликсович Лукины, Рихард Яковлевич Рудзитис, Юлия Доминиковна Монтвидене. Они помогали в работе Елене Ивановне и Николаю Константиновичу, переводили и издавали их труды, продвигали идеи Пакта Рериха и Знамени Мира и, главное, сохранили верность до конца. А из последователей Учения, которых мы должны помнить и почитать, хочется упомянуть Людмилу Степановну Митусову и Наталию Дмитриевну Спирину. Людмила Степановна в труднейшие годы сумела сберечь великое наследие Елены Ивановны и Николая Константиновича, собрать круг молодых единомышленников и вместе с ними основать в Петербурге Музей-институт семьи Рерихов. Наталия Дмитриевна стала таким же магнитным центром для Сибири. Во многом благодаря её усилиям было создано Сибирское Рериховское общество, благодаря жертвенному труду которого в Сибири построены два Музея Рериха – в Новосибирске и Уймонской долине.

Наше издательство «Звёзды Гор» давно печатает теософскую литературу, труды Елены Петровны Блаватской. В 1997 г. вышла «Тайная Доктрина», в 2010 г. – сборник статей «Нет религии выше истины», посвящённый 180-летию со дня рождения Е. П. Блаватской, в 2011 г. – «Голос Безмолвия», эту книгу называют Библией теософов. Также в нашем издательстве вышли все три тома «Учения Храма» (английские оригиналы и разрешение на перевод мы получили непосредственно из «Храма Человечества», Алсион).

15 апреля 2011 г. во Львове, по инициативе организации «Звёзды Гор», состоялся Круглый стол «Нет религии выше истины», посвящённый памяти Е. П. Блаватской. Мы также обратились к Рериховским организациям Москвы, Новосибирска, Петербурга, Донецка с просьбой провести мероприятия, посвящённые юбилею основательницы Международного Теософского общества. В июне 2011 г. члены нашей организации приняли участие в Международном Теософском форуме «Е. П. Блаватская и современность», который прошёл на её малой родине в Днепропетровске. По нашей инициативе участники форума приняли Обращение к руководству Украины с просьбой увековечить память Е. П. Блаватской.

Дорогие друзья! В одной из своих статей Елена Петровна заметила: «У каждой страны были свои Спасители. Ибо тот, кто рассеивает тьму невежества горящим факелом науки, озаряя его светом истину, заслуживает это имя как знак нашей благодарности... Такой человек пробуждает в наших оцепеневших душах способность отличать истинное от ложного, возжигая в них божественное пламя, до сих пор едва тлевшее»[4]. Воистину, таким Спасителем была и сама Елена Блаватская, и мы обязаны объединить усилия и сделать всё от нас зависящее, чтобы достойно увековечить её подвиг на её любимой родине – в России. Считаем необходимым обратиться к государственным и общественным организациям с предложением установить памятник нашей великой соотечественнице, назвать её именем улицы в наших городах, открыть исследовательские центры-музеи по изучению и изданию её богатейшего литературного наследия, а в городе Днепропетровске создать полноценно действующий мемориальный музей. Елена Петровна Блаватская – огненная посланница Белого Братства, принёсшая миру весть о Махатмах, – должна получить достойное признание в своём Отечестве. Помочь этому – наш первейший, священный долг!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Крэнстон С.* Е. П. Блаватская. – М.: Лигатма; Сиринъ, 1996. – С. 7.
[2] Учение Христа и Новое Провозвестие / Составитель Е. А. Тарасенко. – Минск: Звёзды Гор, 2010. – С. 436–437.
[3] Цит. по: *Закржевский А.* В царстве женственной неги (Поэзия Александра Блока) // В мире искусств. – Киев, 1907. – № 9/10. – С. 16.
[4] *Блаватская Е. П.* Последний век манвантары. – М.: Сфера, 2005. – С. 159.

А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ
(Центр «Семья» Приморского района; Санкт-Петербург)

ТЕОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ

Всякое знание, имеющее культурно-познавательную ценность, передаётся определённым образом – через личное общение, в школах, академиях, а в современном мире и через Интернет посредством мультимедийных технологий. В контексте передачи знания мы можем разделять три формы коммуникативной культуры.

1. Устно-эзотерическая: передача личного (психологического или иного, невыразимого вербально) опыта, передача мастерства от ученика ученику.

2. Письменно-научная: распространение философского, религиозного, научного знания, закреплённого в письменных текстах, через академии, университеты.

3. Глобально-мультимедийная: распространение информации через глобальные информационные сети.

В каждой последующей (более рациональной) форме культурной коммуникации «знание» трансформируется из малодоступного и маловербализируемого

(психологический опыт) в более осязаемое и легко передаваемое (чистая информация). Рационализация и общедоступность снижает ценность информации, но, будучи опубликованным, религиозное, философское или научное учение вовлекается во властные отношения, становится достоянием масс и может привести к культурному прогрессу. В современном мире информационные потоки являются не только «пассивным знанием», но имеют вес во властных политических отношениях. Пример: события в северной (арабской) Африке в 2011 г., где одним из признаков «революционной ситуации» стала возможность информирования и организации событий через социальные сети.

Теософия Е. П. Блаватской создавалась как «синтез науки, религии и философии». Проект «Тайной Доктрины» предполагал взаимодействие с аудиторией не только на уровне устно-эзотерическом, но, скорее, на уровне письменно-научной коммуникативной культуры. «Тайная Доктрина» была написана скорее как конспект, но не как Откровение. Однако на уровне глобально-мультимедийном ныне теософия Е. П. Блаватской «теряется» среди огромного количества псевдо-эзотерических текстов.

Текст Учения Живой Этики Рерихов похож на текст «блога» – популярный жанр «Интернет-дневника», характерный для XXI в. – дневниковые записи, предназначенные для широкой аудитории. Также для Учения Живой Этики характерна цикличность подачи информации (таким образом пишутся обычно учебники для школ), что даёт возможность сохранить живую новизну повествования, характерную для устно-эзотерической коммуникативной культуры.

Д. Н. ПОПОВ
(Государственный музей Востока; Москва)

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОГО ТЕОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

Возрождая сегодня официальную деятельность Российского Теософского общества, внутренняя работа которого по существу не прекращалась даже в самые тяжёлые для духовной культуры годы, мы вновь торжественно провозглашаем свою верность трём основным устоям Теософии, пронесённым через тысячелетия многими поколениями духовных подвижников в самых разных частях света и данных современному человечеству нашей великой соотечественницей Еленой Петровной Блаватской:

«1. Принцип Братства Человечества есть одна из вечных истин, управляющих мировым прогрессом по линиям, которые отличают человеческую природу от животной.

2. Нет более плодовитого источника ненависти и борьбы, как религиозные несогласия. Если одна или другая сторона мнит себя единственным обладателем абсолютной истины, то она естественно начинает считать, что её сосед находится в когтях заблуждения или "диавола". Но ни одна из сторон не владеет полной истиной, все они взаимно дополняют друг друга, так что полная истина может быть

найдена лишь в синтезе всех религий, тогда истинное братство религий будет прочно установлено.

3. Исследовать сокровенные тайны природы под всевозможными видами и, главным образом, физические и духовные силы, скрытые в человеке.

Это и составляет, в широких чертах, три главные цели Теософского общества».

Эти принципы, как вечный огонь на алтаре Высшей Истины, сохранены в веках со времён, теряющихся в тумане древности, Кришной в «Бхагавадгите», Аммонием Сакасом и его учениками, императором Акбаром, Шри Рамакришной, а в России – блестящей плеядой русских теософов от Новикова, Лопухина и Тургенева до Блаватской, Толстого, Клюева, Рерихов и других выдающихся сынов нашего Отечества.

В наши дни глобальных перемен, дающих нам надежду на лучшее будущее, как и связанных с целым рядом негативных явлений, отбрасывающих нас назад, мы считаем своим долгом вновь поднять знамёна братства человечества и единства его духовной культуры. В дни, когда национальное возрождение то и дело принимает извращённые националистические формы, когда религиозный ренессанс сопровождается нетерпимостью и фанатизмом, а устремления к познанию и творческому освоению тайн природы и человеческого духа зачастую приводят к вульгарной мистике, чёрной магии и суеверию, мы считаем необходимым всемерное проведение в жизнь основ Теософии.

Обращаясь к основным положениям Российского Теософского общества 1908–1918 гг., мы вновь говорим:

«Теософскому Обществу в России предстоит ответственная и радостная миссия объединить в одном глубоком русле многие разрозненные духовные движения, чтобы совместно с ними, всюду пробуждая духовное сознание, повести строительство обновлённой жизни по светлым линиям теософского и научно-религиозного синтеза.

Среди тяжёлых переживаний настоящей исторической минуты, угнетающего всех пессимизма и неверия, среди страшных психических эпидемий и всевозможных нервных заболеваний, теософское движение должно влить свою целительную, чистую силу в исстрадавшийся, расшатанный организм современного общества, вернуть человеку веру в себя и в будущее, осветить смысл настоящих скорбных переживаний и вдохнуть в него силу всё преодолеть, чтобы воскреснуть к новой жизни и идти к зачинающейся заре благословенного Нового Дня».

Говоря о духовном возрождении Отечества, мы ставим своей задачей достижение всеобъемлющего синтеза отечественной духовной культуры, корни которой уходят в глубины языческой и пантеистической древности; ствол зиждется на прочной основе христианского Православия со множеством направлений и толков, олицетворенного в образах русских святых и в первую очередь Преподобного Сергия Радонежского и всей плеяды его учеников и последователей, а также мощном пласте преемственности народной культуры; крона же расцветает творчеством Соловьёва и Флоренского, Клюева и Волошина, Блаватской и Рерихов, Циолковского и Скрябина, и всего пантеона отечественной литературы, искусства, науки и философии. Особое внимание должно быть уделено традиционной народной культу-

ре, сохранившей до наших дней, живую преемственность в передаче самых сокровенных знаний о природе и человеке.

Припадая к живому ключу тысячелетней мудрости нашего народа, мы вновь должны вспомнить об одном из краеугольных её камней – Беловодье. Святая вера в оплот Красоты, Правды и Святости на Земле в далёких горах на Востоке, объединяющая в разных именах и названиях все народы Евразия, веками манила паломников и искателей высшей истины к Гималаям и Тибету, скрывающим обитель святых старцев. Сегодня мы должны внять крику души «посвящённого от народа» поэта Николая Клюева:

«Загноили мы землю родительскую, кровями искупленную, от Соловков до потайных храмов индийских праведными, алчущими правды лапоточками измеренную!

Где ты, золотая тропиночка, – ось жизни народа русского, крепкая адамантовая верея, застава Святогорова?»

По этой тропе «с Соловков на Тибет», тайну которой хранили поколения дворян-теософов и кержаков-крестьян, прошли сотни искателей. Её чаял Владимир Соловьёв, когда писал:

«Иль, ослабев, умру с тоски и горя я,
Судьбам в укор,
Иль путь найду в Тибета плоскогорие
Чрез Куку-Нор».

Обозримая история русских хождений за мудростью беловодских старцев начинается для нас с паломничества монаха Сергия в X в. с посольством от князя Владимира. Но все, имевшие счастье приобщиться к обители Мудрости, свято хранили тайну до срока. Первым посланием Братства человечеству стала Елена Петровна Блаватская, открывшая миру окно к великим знаниям и высокой духовности святогорной обители, и отомкнувшая дверь следующим вестникам, в числе которых среди наших соотечественников мы видим светлые образы Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов.

Залогом справедливости наших устремлений мы видим вечные устои духа нашего народа, являющиеся органической частью духовной культуры всего мира. Ибо устои эти провозглашают братское единство человечества, звучащее везде и во всём и наиболее ярко выраженное в словах Достоевского о всемирной отзывчивости русской души. Религиозно-духовный синтез столь же неотъемлем от русского народного самосознания. Наиболее ярко этот синтез звучит в творчестве, наверное, самого народного из русских поэтов – Николая Клюева, пишущего о «русской светёлке, где все разноверья и толки»:

«Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
Как жилы, стучатся в тележный покой.
Впусти их раздумьем – и въявь обретёшь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож –
Нарушай ломтей, и Мирская душа

Из мякиша выйдет, крылами шурша.
Таинственный ужин разделите вы...».

К познанию же законов духа нас устремляет сияющий в веках опыт русской святости в образах подвижников нашей земли от мудрецов Арконы до монастырей Сергия Радонежского и носителей теософских традиций нашего времени, а также уходящие корнями в седую старину богатейшие оккультные знания народной культуры.

Организационно восстанавливая наше Общество, мы видим своей первой задачей возрождение его добрых традиций просвещения, милосердия и братской общинности. Необходимо возродить к новой жизни широкую издательскую деятельность Общества, лекционные и семинарские циклы, группы духовного общения, библиотеки, традиции научных исследований и т. д. Мы считаем своим долгом приложить усилия к восстановлению мистериальной роли искусства, как знаменосца Красоты. Той Красоты, осознание которой спасёт мир. Столь же необходимой мы видим и работу, направленную к осознанию человечеством психической энергии, того великого Агни, познание и правильное овладение которым необходимо для устроения жизни на подлинно духовных началах. Мы надеемся, что это именно те идеи, которые могут сегодня сплотить все силы нашего Общества, устремлённые на деле к Общему Благу и поиску Истины.

Обращаясь к наследию Российского Теософского общества, мы повторяем:

«Совет Российского Теософского Общества питает глубокую уверенность, что Теософии действительно предстоит сказать в России новое слово и помочь стране выйти из переживаемой эпохи с более ясным, сознательным отношением как к личной, так и общественной деятельности на благо всех. Тогда, и только тогда разум и сердце сольются в познании Вечного, Прекрасного и Святого...».

Москва, 8 января 1991 г.

Первая публикация: Вестник Теософии. – № 1. – М., 1992. – С. 3–5.

III. О МИРЕ НЕВИДИМОМ ПРОЗРЕНИЯ БЛАВАТСКОЙ И РЕРИХОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Ю. Ю. БУДНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Несколько предварительных замечаний по поводу семинара «О мире невидимом»

1

Второе общее название нашего научного семинара – «**Прозрения Блаватской и Рерихов в свете современной науки**» – предполагает, что основными его темами будут открытия в математике и физике, позволяющие нам говорить о том, что многие положения «Тайной Доктрины» Елены Петровны Блаватской и Учения Живой Этики Рерихов, которые казались современникам спорными и фантазийными, имеют право на существование в наше время и, более того, они дают более адекватную картину мира, чем те модели, которые предлагались позитивистской наукой в XIX–XX вв. Прежде чем мы заслушаем специально-научные доклады, я позволю себе ещё несколько слов на популярном языке для того, чтобы очертить тот круг вопросов, который сегодня будет обсуждаться. Делом в том, что и «Тайная Доктрина», и Учение Живой Этики утверждали, что помимо видимых структур существуют невидимые энергетические структуры, которые и определяют функционирование Вселенной. Мы все их знаем, называя чувствами и мыслями, но при этом официальная наука XIX–XX вв. часто их из рассмотрения убирала, оставляя значительные сферы человеческого бытия совершенно без изучения. Соответственно, и их влияние на нашу жизнь не признавалось. На наш взгляд, в современной науке является продуктивным направление, вводящее в научный оборот понятие о «Трёх Мирах». Именно в контексте физико-математического смысла этого понятия наш семинар и будет проходить.

2

Действительно, основным постулатом «Тайной Доктрины», Учения Живой Этики и вообще всего корпуса «герметических» текстов является понимание существования *трёх планов* или *трёх сфер* бытия, которые взаимопроникают друг в друга, оказывают друг на друга влияние, хотя и имеют разные параметры и характеристики, отчего на физическом плане существование двух из трёх планов часто игнорируется и отрицается. Такова парадигма современной науки, которая выбрала определённый метод регистрации и анализа данных, опирающийся, в том числе, на «лабораторную» физико-математическую модель мира, всё ещё не допускающую в настоящий момент существования определённых вещей, о которых пишется

в трудах Рерихов и Блаватской. Однако современная наука, в частности теоретическая физика, неоднородна, и постепенно подходит к выводу о существовании памяти у атомов, что вполне допускает дальнейший разговор, скажем, о перевоплощении, точнее, о бессмертном сущностном ядре человеческой индивидуальности (монады, высшего «Я»), которое несёт на себе опыт всех прошлых воплощений и обеспечивает эволюцию человека и человечества.

Однако я не буду углубляться не в свою тему, скажу о другом. На признании существования Миров Тонкого и Огненного строится работа так называемой **«эзотерической психологии»,** которая на сегодняшний день является третьим развивающимся направлением наряду с бихевиоризмом и психоанализом. В этом смысле интересный опыт накоплен у Общества Живой Этики в городе Пьеве (Италия), которые в своей групповой работе по преобразованию личностных качеств и личностному росту опираются именно на понимание существования у человека не только физического тела с набором инстинктов и рефлексов, но и тела эмоционального, ментального и прочих, что предполагает совершенно иную методику в зависимости от уровня коррекции проблем личности. Самое новаторское в этом подходе – раз эти тела реально существуют, то мы можем получить реальные результаты, изменение именно реальности, а не идеологии. В согласии с теми знаниями, которые даёт Учение Живой Этики, с одной стороны, опираясь на методику психосинтеза, разработанную выдающимся итальянским психологом Р. Ассаджиоли, с другой стороны, участники занятий от априорного признания высшего «Я», которое существуют у каждого из них, идут к практическому объединённому устремлению к Учителю, что требует от отдельных членов преобразования, а порой и полного отказа от каких-то «неколлективистских» свойств и качеств своей «ветхой личности». Через индивидуалистический и мировоззренческий кризис они приходят к усвоению новых, общинных свойств личности. Результатом такой групповой работы при успешном ходе дел становится рождение нового группового организма с собственной душой, сознанием, с общей энергетикой. Эффект работы такого слаженного минисообщества во много раз превосходит результаты деятельности обычного «трудового коллектива».

Конечно, примеры такого рода немногочисленны, но любой поворот в сознании, изменение угла зрения требуют длительного времени. Новые (а часто хорошо забытые старые) представления входят в наше общество, изнутри меняя взаимоотношения между его членами. Как человек, проработавший много лет в школе, могу сказать, что большой содержательный кризис назрел в среднем образовании: прежние знания, система их подачи не работает, не формирует новый тип личности, особенно есть учесть, что имеется запрос нового поколения на получение совершенно иных представлений о смысле и цели жизни. Вместо целостной картины мира современное образование даёт не знания, а ряд навыков в отдельных узких областях, никак не связанных друг с другом. Отсюда нежелание детей учиться, протест и внутреннее сопротивление многих школьников против заучивания того, что по их внутреннему ощущению «им не пригодится». Раньше или позже синтетическое мировоззрение станет необходимым базисом нового образования, и луч-

ше, если педагоги будут разрабатывать и формировать содержание этого образования планово и заранее. На конференциях «Рериховское наследие» и «Наследие семьи Рерихов и Культура. Восток-Запад. Диалог культур» (СПбГУКИ) не раз приходилось слышать выступления именно таких педагогов новой формации.

3

Безусловно, аналогии Трём мирам (компонентам, сферам) можно обнаружить во многих системах древности, во всех мировых религиях. Задача нашего семинара – рассмотреть динамику некоторых моделей, подводящих к пониманию триединого устройства мироздания и подвергнуть их первичной философской рефлексии.

То, что мы сейчас называем простейшей моделью Тонкого Мира, было открыто в начале 1980-х гг. независимо несколькими специалистами из разных стран. Профессор А. В. Левичев именно в те годы сумел «правильно» сформулировать вопрос: «Какие именно миры – из бесчисленного множества рассматриваемых хроногеометрией – наиболее важны?». Результатом явился список *M, D, L, F*. Соответствующие им миры обозначаются **M** (= мир Минковского), **D** (Dense), **L** (Light), **F** (Fiery). *M* – «Майя» – это предельная математическая абстракция, простейшая аппроксимация каждого из трёх миров (компонент). Развитие этих исследований получило в дальнейшем авторское название *DLF*-теории.

4

Для *DLF*-теории очевидна возможность разных длительностей существования компонент *L* и *F* человеческой личности. Это согласуется с утверждением большинства мировых учений о том, что тонкое тело («душа») переживает плотное, а огненное («дух») вообще бессмертно. Пока можно только утверждать, что Огонь имеют все (чисто теоретически), однако большинство не умеет им пользоваться

«Если можно различать слои мысли, то также можно ощущать разные виды деятельности. Сперва вся деятельность кажется происходящей на земном плане. После, среди так называемых сновидений, отделяется чувствознание как бы отдельной деятельности, происходящей не только на земном плане. Так образуется первое осознание привхождения и других миров в наше существование. Затем уже в состоянии полного бодрствования начинают замечаться мгновенные отсутствия, не связанные ни с каким заболеванием. Так ещё глубже намечается связь миров и наше участие в них. Нелегко сознанию охватить представление о мирах незримых; по причине нашей плотной оболочки мы очень трудно сознаём все возможности вне нашего зрения. Нужно привыкать мыслить о целых мирах, реально существующих. Тонкий Мир не есть только наше состояние, он именно представляет из себя целый мир со всеми возможностями и препятствиями»[1].

Исходя из свойств и строения тонкой материи, мы вправе говорить о том, что сознание в одно и то же время имманентно и трансцендентно человеку. Именно поэтому возможен философский разговор об особенностях индивидуального сознания и одновременно о том, что человек может «попадать» в новые для него структуры сознания, т. е. не личные, а объективно существующие, которые он может *освоить*

(А. М. Пятигорский, М. К. Мамардашвили). В соответствии со свойствами Огненного мира структуры сознания сами бывают создаваемы мыслью разной мощности и поляризованности, образуя *слои мысли.*

Ключевым понятием для Тонкого и Огненного миров является **психическая энергия** (Ака́ша, *санскр.* **आकाश**, ākāśa IAST, букв. «видимость») – всепроникающая причина, первоэлемент Вселенной. Психическая энергия обладает свойствами магнита. В Учении Живой Этики не раз повторяется утверждение ещё древнейших времён: «как наверху, так и внизу». Вспомним, что одномерные эквиваленты *D*-, *L*-, *F*-миров – это возможности движения в центральном поле тяготения. Для ситуации тяготения (притяжения) в Плотном мире должен быть аналог в мире Огненном.

«Психическая энергия является настоящим магнитом. Многие будут удивлены узнать, что магнит металла и психическая энергия движимы одной энергией. Эта основная энергия сознания распространяется стихией огня во всём. Иногда она неуловима, но часто или космически устремлена, или собрана развитым сознанием, и тогда даже неглубокое наблюдение может установить явные следствия»[2].

Самым мощным производителем и накопителем огненной энергии в человеке является сердце.

«Как мало задумываются над теми основаниями, которые являются устоями созидания, между тем, это явление есть самое насущное. В основание созидания закладывается самое прочное и самое устойчивое утверждение. Из всех устоев самый огненный есть магнит сердца. Изъять его значит оставить построение без души, ибо магнит сердца вмещает все космические насыщения. Магнит сердца является синтезом всех тонких энергий. Магнит сердца состоит из накоплений тысячелетий, в нём выражается карма и притяжение. Так же, как нельзя заменить солнце, так и сердце остаётся мощным создателем. Так на пути к Миру Огненному нужно особенно помнить, что огненный магнит сердца есть основа созидания»[3].

Космология раньше или позже неизбежно подводит к вопросам нравственной ответственности (то есть «живой» этики»).

5

Знание высших электромагнитных законов мироздания Махатмами Востока и их учениками Е. П. Блаватской и Рерихами обуславливает «естественнонаучную» терминологию при обсуждении духовных вопросов. *Фокус притяжения* при объяснении значения Учителя и Иерархии Света, *напряжение* при описании последствий приближения к высшим сферам бытия («Пространственному Огню») и т. п. Здесь и далее в цитатах жирный курсив мой:

«Как магнитная волна, огонь притягивает огни внутренние. ***Ток пространственный*** *проходит по всем чутким центрам и нервам»*[4].

«Самый мощный Источник огненных энергий – сердце – ещё не исследован как явление ***двигателя*** *и творчества. Нужно проникнуть в сущность творчества, чтобы понять насколько сердце непобедимо, когда все огни зажжены. Нужно знать, что лишь истинный* ***источник мощных энергий*** *может создавать. <…> Каждое, истин-*

*но высокое, проявление сердца зависит от **напряжения** высших энергий. Огненное сердце насыщает тела тонкие тонкими энергиями. Те **вибрации**, которые устанавливают священную связь между Тонким Миром и Миром Огня, являются огненными вибрациями сердца. Именно на пути к Миру Огненному нужно устремляться к созданию этих сокровенных **вибраций** сердца. Так Солнце Солнц есть Сердце»*[5].

Множество явлений нашей жизни не укладывается в рамки позитивистских и материалистических теорий, порождённых западной наукой XVIII–XX вв. Разрабатываемый DLF-подход позволяет в различных научных отраслях непротиворечиво объяснять и описывать гораздо более широкий спектр явлений, включая феномены сознания. Продолжающаяся работа заставляет всё глубже осознавать необходимость смены мировоззрения и недостаточность тех критериев, которыми до сих пор в основной своей массе оперирует официальная наука[6].

6

Лучше всего к трудам Елены Петровны Блаватской и Елены Ивановны Рерих подходит определение: **философия Космического творчества**.

На фоне огромного свода знаний о структуре и развитии Космоса как одухотворённого начала, которые дают нам сочинения Е. П. Блаватской и письма Е. И. Рерих, их основным выводом является осмысление личной ответственности человека за качество жизни, за формы и цели существования. Забота о судьбе каждой индивидуальности и человечества как вида – пафос большинства текстов, созданных Е. П. Блаватской и Е. И. Рерих. Главная тревога этих просветительниц – тревога за человека, который не спешит понять и принять космические законы, ведёт разрушительный для планеты и собственной психики образ жизни и готовит себе этим жалкое будущее.

«Пора вспомнить о гигиене духа. Не так важна гигиена тела, как именно гигиена духа. Никакие витамины, никакие впрыскивания и прививки… не спасут того, у кого иссякла или окостенела психическая энергия. Как нужно было бы разъяснить всё глубокое значение слова служения, великого служения человечеству и подвига. Слово подвиг так прекрасно! В нём соединены самоусовершенствование, самопожертвование, результатом чего является и сдвиг сознания, не только личного, но и сознания народа и страны»[7].

Работы русских космистов, прежде всего, В. И. Вернадского, но в ещё большей степени труды Е. П. Блаватской и Е. И. и Н. К. Рерихов позволили ввести в научный и философский оборот такое важное и актуальное понятие, как **экология духа**. Человек ответственен за среду обитания, её чистота и богатство влияют на самого человека и качество его жизни, но под средой обитания мы должны понимать не только геосферу и биосферу, но и ноосферу.

7

Е. И. Рерих утверждаются сложность достижения человеком непрерывности сознания, его относительность и неизбежность вариативности в состояниях. Указывается на особенности проявления такой непрерывности в жизни на примере чередо-

вания состояний сна и бодрствования. Ею говорится о важности чередования этих периодов – ведь очевидна и доказана важность сна для человека – с этим сравниваются переходы из одного состояния проявления человеческого сознания в другое.

Переход из Тонкого Мира в физический (плотный) и наоборот является крайне важным моментом в развитии сознания. В случае отрицания человеком всякой духовности и возможности существования в мирах высших, человек обрекает себя на бессознательное состояние при переходе в эти миры и пребывании там: «Пребывание в Тонком мире имеет великое значение для питания и усиления претворения накопленных энергий в духовные силы. Поэтому можно представить себе, какое происходит разложение духовной сущности при длительном отсутствии такого питания. <…> Нужно твёрдо понять, что то, что не было осознанно при жизни на Земле, не будет осознанно в Тонком Мире. <…> Здесь, в земной жизни нужно закладывать зёрна устремлений, которые в Тонком Мире претворятся в знания. Иначе нам незачем было бы возвращаться на Землю»[8].

Способ выполнения задач, которые выявляются в космологии и антропологии Учения Живой Этики, – утончение духа через творчество, восприятие Красоты.

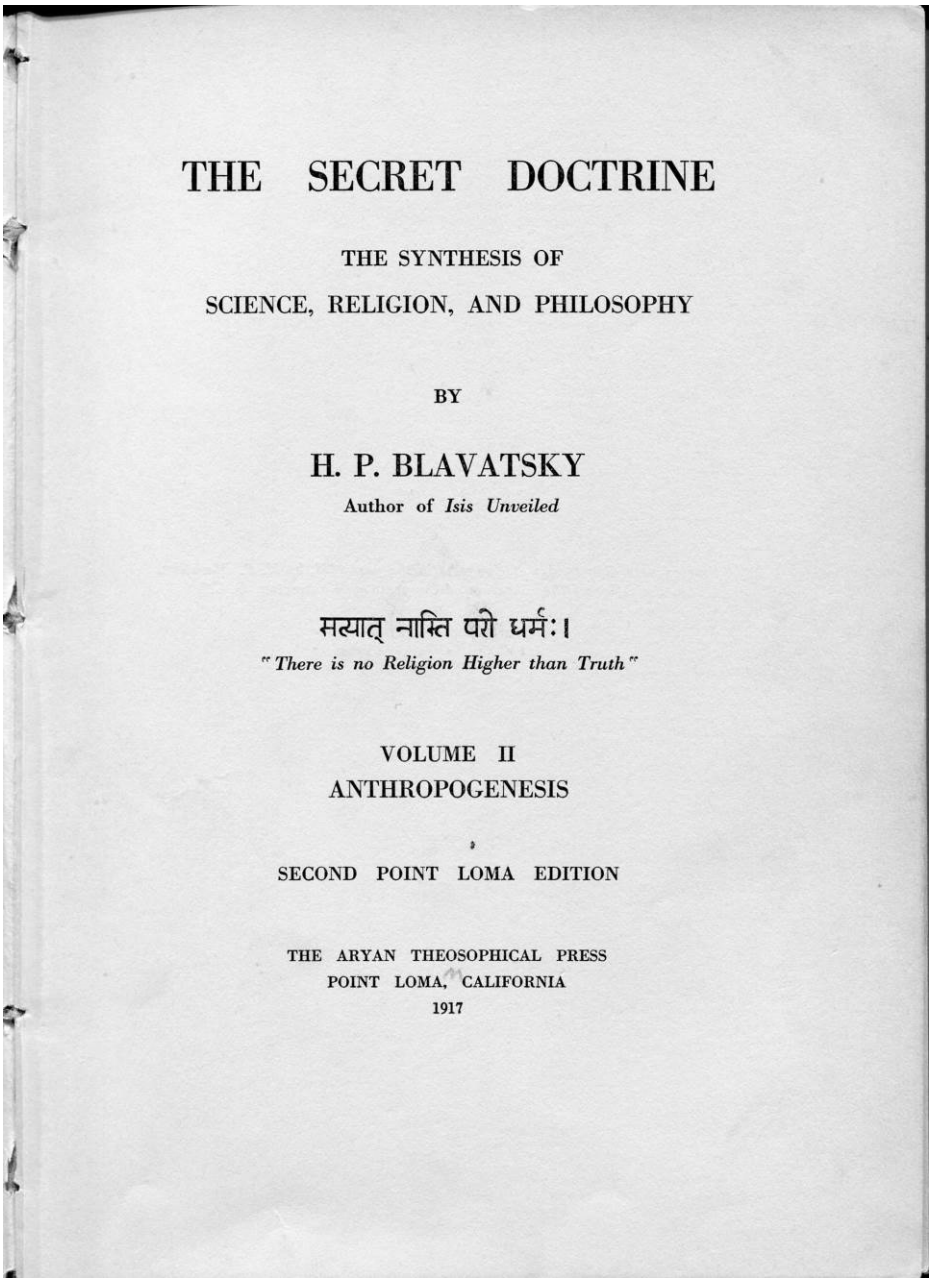
«Высокая Духовность есть ярая Любовь ко всему Прекрасному.

Распознавание и вмещение противоположностей, и Любовь к Знанию и Красоте – основы вечного существования. Нельзя забывать, что Бессмертие настоящее зарабатывается приобретением ***сознания во всех*** *оболочках уже на земном плане»*[9].

История показывает нам, что самые прогрессивные этапы в истории человечества в качестве внутреннего двигателя имели, прежде всего, именно эти принципы. Человек может развиваться и совершенствоваться, только действуя в согласии с законами мироустройства, а главными из них являются принципы гармонии, синергии, кооперации, жертвы. Отсюда должны вытекать и формы практической деятельности человека[10].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Мир Огненный. – Ч. I. – 1933. – § 105.
[2] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Агни-Йога. – 1929. – § 255.
[3] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Мир Огненный. – Ч. III. – 1935. – § 372.
[4] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Иерархия. – 1931. – § 269.
[5] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Мир Огненный. – Ч. III. – 1935. – § 206.
[6] См. подробнее: *Левичев А. В., Будникова Ю. Ю.* Три мира: модели в онтологии и математике // Берестень: Философско-культурологический альманах. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – № 1 (3). – С. 52–58.
[7] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. II. (1934). – М.: МЦР, 2000. – (Письмо от 11.07.34). – С. 220.
[8] *Рерих Е. И.* Письма: В 2 т. – (1929–1938). – Т. I. – Минск, 1992. – (Письмо от 11.01.35). – С. 329.
[9] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. IX. (1951–1955). – М.: МЦР, 2009. – (Письмо от 15.10.53). – С. 323.
[10] См. подробнее: *Будникова Ю. Ю.* Е. И. Рерих и философия русского космизма. К постановке вопроса // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IX: Наследие семьи Рерихов в музеях и собраниях мира. – СПб., 2012. – С. 86–94.



THE SECRET DOCTRINE

THE SYNTHESIS OF
SCIENCE, RELIGION, AND PHILOSOPHY

BY

H. P. BLAVATSKY
Author of *Isis Unveiled*

सत्यात् नास्ति परो धर्मः।
"There is no Religion Higher than Truth"

VOLUME II
ANTHROPOGENESIS

SECOND POINT LOMA EDITION

THE ARYAN THEOSOPHICAL PRESS
POINT LOMA, CALIFORNIA
1917

Титульный лист одного из изданий второго тома «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской, вышедшего в США незадолго до приезда Рерихов

Ю. И. ДОЛГИН
(Москва)

НАУЧНЫЕ ПРЕДВИДЕНИЯ Е. П. БЛАВАТСКОЙ*

«Ни одна великая истина никогда не была принята a priori, и обычно проходило столетие или два, прежде чем проблески её начинали вспыхивать в человеческом сознании, как возможная правда... И настоящий труд будет оправдан частично или целиком в XX-м столетии» [**4**].

Так писала Елена Петровна Блаватская более ста лет тому назад, пророчески предвидя сроки признания тех истин, которые она принесла миру в главном труде своей жизни – «Тайной Доктрине».

Во второй половине XIX в. наука, в полном сознании своего превосходства над ниспровергнутой религией, приближалась, по мнению её корифеев, в общих чертах к абсолютному завершению. Оставалось согласовать некоторые мелкие неувязки и заштопать кое-какие прорехи. (Совсем как во второй половине XX в., накануне предполагаемого построения единой физической теории, по сей день не открытой...).

На этом фоне учёной самоуспокоенности и самодовольства резким диссонансом прозвучало возмутительное откровение Блаватской, подрывающее, казалось бы, несокрушимый бастион аксиом и догм науки Нового времени.

Теософия Блаватской воевала не с наукой, а с монополией того научного направления, которое в наше время привело человечество на грань глобальной катастрофы.

Теософия Блаватской призывала не к возврату седой старины, а к пересмотру полузабытого-полуокарикатуренного старого, в котором содержится, как в драгоценном ларце за семью замками, очень многое, если не всё лучшее новое.

Блаватская, не отрицая необходимости проектирования, так сказать, аэродинамического крыла науки, предостерегала, что на одном крыле наука далеко не

---

* Публикуя в данном разделе материалы, подготовленные талантливым поэтом, пифагорейцем, исследователем в области духовной культуры, последователем Учения Живой Этики **Юлианом Иосифовичем Долгиным** (3 апреля 1918 — 25 мая 2002), мы преследуем естественную цель сохранения творческой преемственности между первыми поколениями российских теософов и нашим временем. Творческое наследие Ю. И. Долгина очень велико. Он оставил после себя обширный архив, работа над которым только начинается. Как сообщает сайт *Pifagoria.ru*, посвящённый его творчеству, отличительной чертой героев Ю. И. Долгина является самостоятельность мышления, независимость от всяческих догм, даже общепринятых. Московскому мыслителю Ю. И. Долгину был свойствен новаторский подход, оригинальность тем, идей, разработок. К сожалению, в советское время он почти не печатался ввиду своеобразия его творчества. И только с началом перестройки его произведения стали востребованы, появились публикации в различных журналах, а в 1997 г. вышла единственная изданная при его жизни книга «Пифагория». Однако до сих пор творчество Ю. И. Долгина известно мало. Его уникальные и по форме, и по содержанию произведения, во многих из которых использован подход, основанный на синтезе аналитически-научных методов, сакральной символике чисел и поэзии, весьма близки теме семинара «Прозрения Блаватской и Рерихов в свете современной науки». – *Примеч. научного редактора.*

улетит; надлежит срочно позаботиться и о другом крыле – раскрытии беспредельной энергии духа – вечном двигателе, известном всем посвящённым мыслителям древности, отчасти памятном в эпоху средневековья, и безнадёжно забытом прагматично-утилитарной наукой Нового времени.

С неукротимым темпераментом и полемическим задором Блаватская обрушилась в «Тайной Доктрине» на теорию Дарвина, усомнилась в законе тяготения Ньютона. «Когда-нибудь будет найдено, что эта научная гипотеза неудовлетворительна... Мы называем силы, действующие под этим названием, следствиями, и даже весьма второстепенными... Тяготения не существуют, во всяком случае, не в том виде, как учит наука...» [**3**: ч. III, отд. 3 – «Есть ли тяготение – закон?»].

Крупнейшие киты физики и биологии попали под её обстрел...

Блаватская реабилитировала Древнюю Мудрость, величайшими выразителями которой были Гермес Трисмегист, Пифагор и Платон. Но её критика авторитетов науки XIX в. не опровержение теории естественного отбора и закона тяготения, а прозорливое предвидение недостаточности их.

Как показало дальнейшее, ньютонианское представление о мироздании справедливо в рамках частного случая концепции Эйнштейна. Закон всемирного тяготения интерпретируется теорией относительности через искривление пространства.

В недавние годы выяснилось: объяснить происхождение жизни и разума случайным сочетанием элементов запрещает теория вероятностей: не хватает ни периода существования Земли, ни степени перебора вариантов.

Эволюционная же теория Дарвина односторонне прямолинейна: наряду с эволюцией действует, как предвосхитила Блаватская в «Доктрине», инволюция...

Вообще, методологически, все дилеммы в науке и в философии дефектны, ибо существо дилеммы – «или – или» – порождение плоской логики Аристотеля, нежизнеспособно.

Нет дилеммы – или сверхъестественный акт творения, или естественный отбор, как нет дилеммы – свет или волновой процесс, или дискретный.

Последняя дилемма – предмет спора между Ньютоном и Лейбницем, завершившегося когда-то в пользу Ньютона (временное торжество волновой теории), а в 1920-е гг., в учёном поединке Гейзенберга с де Бройлем – вничью; было доказано – свет имеет и волновую, и дискретную природу.

Однако за полвека до этого кардинального открытия, означавшего переворот в физике, Блаватская знала, что дилеммы нет:

«Теория волн или корпускулярная теория – ВСЁ ОДНО, ибо это есть суждения на основании аспекта феномена, но не на основании знания сущности природы причины» [**3**: ч. III, отд. 3].

Увеличивающие скорость движения (вплоть до субсветовой) галактики на горизонте расширяющейся Вселенной? Сие в принципе Блаватской было известно:

«Всё во Вселенной, так же, как и сама Вселенная, образуется в течение её периодических проявлений в пределах феноменального мира – ускоренным движением» [**4**: отд. 9].

Новейшая гипотеза тождества микро- и макромиров, относительного понятия масштабов, уравнивающего элементарную частицу с астрономическим миром? Гениальная провидица 80-х гг. XIX в. писала так:

«...Каждый атом Вселенной... является Вселенной в себе самом и для себя» [**3**: станца V, 1].

«Термин монада может быть одинаково применён как к обширнейшей Солнечной системе, так и к малейшему атому» [**3**: Пролог].

Ключ к загадке пришельцев-гуманоидов, таинственных появлений их и мгновенных исчезновений предлагает нам Блаватская в следующей удивительной многомерной картине взаимопроникновения миров:

«Существуют миллионы и миллионы миров... невидимых нами; и ещё большее их число за пределами видимых телескопом, и многие из последнего вида не принадлежат к нашей объективной сфере существования... они с нами, вблизи нас, внутри нашего собственного мира, такого же материального для их обитателей, как наш мир для нас... Обитатели их... могут... проходить через нас и вокруг нас, как вы сквозь пустое пространство, их жилища и страны переплетаются с нашими, тем не менее, не мешают нашему зрению...» [**3**: ч. III, «Наука»].

Человечество последовательно систематизировало представление о мире и форме геоцентризма, гелиоцентризма, галактизма, метагалактизма.

По мнению Л. Шепли, «пятое приспособление мыслимо в области психологии или в мире “антиматерии”». Идея Л. Шепли удивительно перекликается – и по букве, и по смыслу – с предсказаниями Блаватской: «Наша 5-я раса спешно приближается к Пятому Элементу – назовите его, если хотите, междупланетным эфиром... Элемент этот имеет больше отношение к психологии, чем к физике» [**4**: станца VI, 22].

Речь идёт о психической энергии, овладение которой даст грядущему человечеству силу, превосходящую все чаяния, связанные с термоядерной энергией...

Натуральный ряд чисел движется не от нуля к бесконечности, а от нуля к нулю, ибо Космогонический Цикл конечен, и бесконечности вообще нет в природе.

Здесь необходимо отметить: 1) Блаватская вместо прямолинейного евклидового ряда чисел, уходящего в дурную бесконечность, т. е. в бессодержательную бесконечность, предполагает цикличный натуральный ряд, аналог которого окружность, а точнее – виток спирали; 2) Космогония принципиально отождествляется с натуральным рядом чисел, замкнутым в цикл от единицы до нуля. (Единица – действенное начало, а Нуль – пассивное. Можно предположить формулу «от Нуля до Нуля» и формулу «от Единицы до Нуля»). Прообраз современной космологической модели пульсирующей Вселенной впервые выдвинут Блаватской в комментариях к манускрипту глубочайшей древности – «Книге Дзиан» [**3**].

Задолго до работ астрофизика-космолога А. Л. Зельманова об относительности конечного и бесконечного, их совместной истинности в протяжённости и в длительности Вселенной, Блаватская с поразительной научной интуицией предвещала: «Несмотря на то, что материальный мир для нас беспределен, он всё же конечен» [**1**: ч. 1, гл. 1].

Говоря о монадах (в лейбницевском и оккультном аспекте), Блаватская диалектически утверждает предельное в беспредельном: «Число их предельно, как и всё в этой Вселенной дифференциации и предельности» [**3**: станца VI, 4].

Блаватская нарушила традиционное представление о пустоте, категорически заявив, что пустоты в природе нет. Только в середине XX в. парадоксальное утверждение Блаватской получило научное признание: вакуум – виртуальное средоточие колоссальных энергий.

Вот ещё пример подтвердившегося совсем недавно откровения:

«Солнце при каждом своём обороте сокращается так же ритмично, как человеческое сердце. Только... солнечная кровь требует 11 лет, чтобы пройти через полость сердца, прежде нежели она омоет лёгкие, чтобы вернуться затем в большие артерии и вены системы» [**3**: ч. III].

Физика Солнца за последние десятилетия сделала большие успехи и значительно приблизилась к пониманию нашего Светила как ритмично пульсирующего живого органа. Мы узнали: Солнце дышит! Но и это знала великая провидица!..

Ультразвук вошёл в науку в XX в., а Блаватская в 1888 г. вдохновенно предвещала:

«Мы... утверждаем, что звук есть... страшная сила. Звук может быть произведён такого свойства, что пирамида Хеопса поднялась бы на воздух... Это есть вибрационная сила... Атомы в Оккультизме называют Вибрациями: так же Звуком – коллективно» [**3**: ч. III].

А предупреждение об экологическом неблагополучии на Земле?..

И в заключение нашего краткого обзора мы можем с удовлетворением отметить то, что, по свидетельству обобщающих разработок в теоретической физике последних лет, наука, хочет она того или не хочет, волей или неволей, ползком или прыжком – движется в направлении теософии, точно так же, как движется к синтезу отдельных разрозненных дисциплин, в конечном счёте – к синтезу с этикой и с религией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватская Е. П.* Разоблачённая Изида: Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии Е. П. Блаватской: В 2 т. / Пер. с англ. – Т. 1. Наука. – М.: МТО, 1992. – 521, [1] с.

2. *Блаватская Е. П.* Разоблачённая Изида: Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии Е. П. Блаватской: В 2 т. / Пер. с англ. – Т. 2. Теософия. – М.: МТО, 1992. – IX, 533, [2] с.

3. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 1. Космогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1992. – XXIV, 847 с. – Репринт. изд.: Rigā: Uguns, 1937.

4. *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: Синтез науки, религии и философии: В 3 т. – Т. 2. Антропогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. – Новосибирск: ИЧП «Лазарев В. В. и “О”», 1992. – 1008 с. – Репринт. изд.: Rigā: Uguns, 1937.

Первая публикация: Вестник Теософии. – № 1. – М., 1992. – С. 41–44.

Учитель Мория. Фотокопия портрета. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

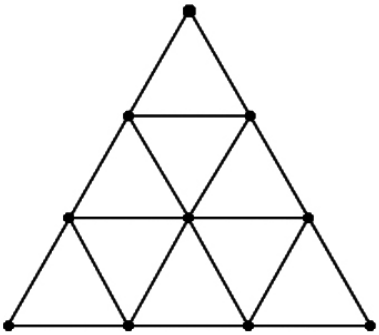
Ю. И. ДОЛГИН
(Москва)

СИМВОЛ ТАЙНЫ[1]

«Три» – матрица Вселенной?
Куда ни посмотри,
Но корень суммы энной
(Эзотеричной) – «Три»!

Исследователи Тайны разделяются на три категории: 1) «срыватели покровов»; 2) «отводящие глаза в сторону»; 3) «приближающиеся к Тайне без посягательства на безоговорочное овладение».

А. В. Добрякова, судя по статье «Единая матрица рунических знаков»[2], ближе к третьей категории. Она понимает неисчерпаемую значимость темы. Наглядна и убедительна геометрическая графика статьи. Автор приводит таблицу 24-х начертаний рун Футарка и поясняет: «Предлагаемая фигура в несколько упрощённом виде была знакома пифагорейцам и считалась у них священным мистическим символом».



Приводим эту фигуру с указанием точек, принадлежащих ей: в основании фигуры 4 точки. Всего их 10. Это геометрическая эмблема клятвы пифагорейцев: «Сущность Тетрады (4) выявляет Декада (10)».

Арифметический аналог: 1+2+3+4=10.

Согласно теории чисел пифагорейцев, каждое число (n) выражает свою сущность в «треугольном» значении данного числа ($n(n+1)/2$), а свой потенциал – в «квадратном» значении (n^2). Замечательность Тетрады не только в том, что сущность её (10) – эталон десятичной системы. Тетрада и Декада сокровенно содержатся в Священных числах «3» и «7» как разность и сумма этих чисел. Кроме того, Тетрада даёт Священное число «24» (количество Престолов вокруг Трона Бога в Откровении Иоанна) как факториал четырёх (1×2×3×4=24).

Тайна Тетрады – в неограниченной вариантности репродуцирования и истолкования её.

Пифагор предложил посетителю упражнение в счёте. Тот начал: «Один, два, три, четыре...». Пифагор остановил его: «Четыре – это всё!».

Троичность – законченный цикл: Начало – Середина – Конец, или Рождение – Жизнь – Смерть. Но Тайна смерти – бессмертие. «4» начинает новый цикл (4, 5, 6), который через новое начало (7) ведёт в Беспредельность.

Устремлённая в Беспредельность через многообразную мозаику сходящихся и расходящихся узоров, проблемно щедрая статья Н. Н. Якимовой «Тропою орнамента»[3] в немаловажных частностях перекликается со статьёй А. В. Добряковой. И там,

и здесь анализ ради максимально возможного синтеза; и там, и здесь – целомудренное приближение к Тайне.

«Света познание – суть почитание
(Не обладание и не насилие!)
Вечносокрытого в Мудрости-Тайне,
Вечнооткрытого в Мудрости-Символе».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Публикуется по тексту на сайте *Pifagoria.ru* с редакторской правкой, коснувшейся уточнения примечаний.
[2] *Добрякова А. В.* Единая матрица рунических знаков // Дельфис. – М., 1996. – № 3 (8). – С. 73–77.
[3] *Якимова Н. Н.* Тропою орнамента // Дельфис. – М., 1996. – № 3 (8). – С. 64–68.

Р. Г. БАРАНЦЕВ
(Санкт-Петербургский государственный университет)

СИСТЕМНАЯ ТРИАДА МАТЕРИИ

Наследие Рерихов содержит и научные достижения, и художественные шедевры, и духовное учение, объединяемые в культурную целостность [**4**]. Здесь проявляется тринитарный архетип, о котором символизирует и характерный знак на Знамени Мира. Тернарная методология позволяет восстанавливать целостность фундаментальных сущностей, утраченную бинарной парадигмой [**3**]. Следуя Аристотелю, будем понимать под материей всё то, из чего состоит мир. Тогда идейное содержание будет не антитезой материи, а её составной частью.

Современная физика различает в материи два самостоятельных вида: **вещество**, обладающее массой, и **поле**, обладающее энергией. А синергетика, изучая процессы саморазвития, допускает внутреннюю способность материи к развитию, проявляющуюся через её активность. Значит, в составе материи должна быть такая компонента, которая активизирует взаимодействие вещества и поля. При этом представление о материи преодолевает бинарную альтернативность и обретает системную целостность [**2**]. Испытаем на эту роль понятие силы, весьма расхожее в физике, но отсутствующее в списке философских категорий.

Рассматривая силу как онтологическую сущность и атрибут материи, А. Бэттлер приводит в своей книге [**5**] высказывания целого ряда философов. *Николай Кузанский*: сила изначально присуща самой материи; предположение о Единой силе Вселенной, которая, возможно, является причиной её возникновения – тема XXI века! *Бенедикт Спиноза*: человек или общество (государство) воспроизводит своё бытие благодаря мощи (силе), которой он или оно изначально обладают. *Джон Локк*: сила обнаруживается «в отношениях» и фиксируется в сознании как одна из фундаментальных идей, способных объяснить другие сложные идеи, как, например, свободу. *Готфрид Вильгельм Лейбниц*: всякое тело всегда обладает дви-

жущей силой, более того – действительным внутренним движением, изначально присущим вещам; это первичная активная сила, которую можно назвать жизнью. *Жюльен Офре де Ламетри*: материя содержит в себе оживляющую её движущую силу. *Дени Дидро*: сила, будучи атрибутом материи, проявляет себя в законах поразному, в различных обличиях в зависимости от форм её движения. *Иммануил Кант*: материя наполняет пространство не просто благодаря своему существованию, а благодаря особой движущей силе. *Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг*: феномен каждой силы есть материя. *Георг Вильгельм Фридрих Гегель*: движущаяся материя и есть сила; понятие силы сохраняется как сущность в самой её действительности. *Георг Бюхнер*: без силы нет материи – без материи нет силы. *Иосиф Дицген*: в онтологии сила есть материя, а в гносеологии – материя есть сила.

Подводя итог, А. Бэттлер признаёт, что, хотя «все упомянутые философы так или иначе увязывали силу с материей и движением» [**5**, 67] и «приходили к выводу о существовании силы "внутри" самой материи как её движущей основы» [**5**, 289], но всё же «сила не стала философским инструментом познания» [**5**, 68]. В заключении автор пишет: «Из моего определения онтологической силы – онтобии как атрибута бытия, который определяет его существование, вытекает, что всё материальное пространство обладает силой» [**5**, 289–290].

Самостоятельный статус признавал за силой ещё *Исаак Ньютон*. И на Востоке сила понималась как воплощение гармонии движения, свойственной самим вещам [**5**]. В Китае «внимание было обращено не на взаимодействующие тела, а на силовое пространство между ними», – напоминает Ю. С. Владимиров [**6**, 31]. «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность… Мысль – самая мощная сила», – предрекал В. И. Вернадский [**1**, 281 и 353]. Любопытно, что о творческой способности сознания писал и В. И. Ленин, указав, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [**11**, 204]. Не удивительно, что это место послужило предметом изощрённой и мучительной спекуляции со стороны философов, заинтересованных в материалистической трактовке такой фразы (см., например, [**7**]). Переход метафизики из предметного пространства в пространство отношений заостряет интерес к понятию активной силы. «Очевидно, какая-то сила действует в мире, большая, чем мы сами… та сила, которая, собственно, и творит историю», – пишет М. К. Мамардашвили [**12**, 35 и 27].

Все эти догадки настойчиво вели к радикальному решению, для принятия которого требовалась, однако, метафизическая смелость. Но, когда оно принято, складывается целостная триада материи

Поле
Вещество Сила,

в которой активная сила являет ипостась, названную в семантической формуле системной триады словом *эмоцио*. Здесь формируются управляющие параметры нового порядка, в процессе саморазвития рождаются новации. При всём внимании к экономике и политике надежды на улучшение социума вернее связывать всё же с культурой. «Главные проблемы человечества будут решаться не в экономической

или политической сферах, а в сфере культуры», – утверждает К. К. Колин [**10**]. «В человеческой сфере устойчивость полностью согласуется с культурной целостностью», – заявляет Ф. Капра [**9**, 249]. Более того, даже «борьба за власть в информационную эпоху происходит на культурном поле» [**9**, 184]. В триаде культуры «наука – искусство – религия» искусство (*эмоцио*), свободное от шор научной логики и религиозных догматов, играет ведущую роль в становлении культурной целостности. Не случайно Н. К. Рерих, развивая идею Ф. М. Достоевского, предрекал, что спасение мира придёт через осознание красоты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксёнов Г. П.* Вернадский. – М., 1994. – 544 с.

2. *Баранцев Р. Г.* Синергетика в современном естествознании. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 160 с.

3. *Баранцев Р. Г.* Становление тринитарного мышления. – М. – Ижевск: НИЦ «РХД», 2005. – 124 с.

4. *Баранцев Р. Г.* Целостность рериховского наследия // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 685–689.

5. *Бэттлер А.* Диалектика силы: онтобия. – М.: УРСС, 2005. – 120 с.

6. *Владимиров Ю. С.* Метафизика. – М.: БИНОМ, 2002. – 550 с.

7. *И Цзэсюнь.* Является ли мыслью Ленина положение, что сознание творит мир? // Вопросы философии. – М., 2007. – № 5. – С. 85–98.

8. *Капра Ф.* Дао физики. – СПб: ОРИС, 1994. – 304 с.

9. *Капра Ф.* Скрытые связи. – М.: София, 2004. – 336 с.

10. *Колин К. К.* Информационная глобализация общества и гуманитарная революция // Глобализация: синергетический подход. – М.: РАГС, 2002. – С. 323–334.

11. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики» // *Ленин В. И.* Собрание сочинений. – 4–е изд. – Т. 38. – М.: ГИПЛ, 1958. – С. 73–231.

12. *Мамардашвили М. К.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. – М.: Логос, 2004. – 272 с.

А. В. ЛЕВИЧЕВ

(Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН; Новосибирск)

АЛГЕБРО-ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД ОТ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ К DLF-ПАРАДИГМЕ

Предлагается модификация Стандартной Модели теоретической физики исходя из *DLF*-парадигмы. На основе Ли-групповых и Ли-алгебраических методов найдены «наиболее симметричные» миры Общей Теории Относительности (ОТО). Помимо мира Минковского *M*, таковыми являются ещё три пространства-времени: *D*, *L* и *F*. Хронометрия Сигала основана на мире *D*. Миры *D*, *L* и *F* обладают 7-мерными группами изометрий и задаются двусторонне-инвариантными метриками на некоммутативных четырёхмерных группах Ли. В рамках *DLF*-теории, миры *D, L, F* «сосуществуют» как нечто единое. Пространство-время Минковского является слишком

идеализированным (его изометрии образуют 10-мерную группу Пуанкаре) и его роль сводится к касательному (к любому из вышеназванных трёх миров, в любой их точке-событии).

1.1. Специальная Теория Относительности (СТО) математически базируется на мире Минковского *M.* При стандартном выборе координат в *M*, каждая его точка (=событие) – это набор *(t,x,y,z).* Если представить, что событие *O=(0,0,0,0)* – это рождение фотона, который за время *t* попал в пространственную точку *(x,y,z),* то

$$x^2+y^2+z^2=C^2t^2. \qquad (1)$$

Левая часть равенства (**1**) – это квадрат евклидова расстояния между точками *(0,0,0)* и *(x,y,z).* Постоянная *C* интерпретируется как скорость света. Само же уравнение (**1**) задаёт поверхность в *M,* называемую световым конусом (с вершиной в *O,* начале системы координат). Понятно, что в качестве начала может быть выбрано любое событие, т. е. имеется не один световой конус, а целое их семейство. При этом каждый конус может быть получен из первоначально выбранного конуса (**1**) параллельным переносом на 4-мерный вектор. Известно, что СТО «возникает» из этой системы световых конусов (теорема А. Д. Александрова): *преобразования, сохраняющие систему световых конусов в мире Минковского, линейны* (это 11-мерная группа Пуанкаре).

1.2. Вот краткая формулировка вопроса, приводящего в итоге к DLF-парадигме: *какие ещё четырёхмерные группы Ли (кроме очевидной совокупности всех параллельных переносов), действуя локально просто транзитивно, сохраняют такую систему конусов?*

Напомним, что неизоморфных (вещественных) четырёхмерных алгебр Ли бесконечно много. Подразумевается, что искомая группа действует на некотором четырёхмерном многообразии (и тогда речь идёт о конусах в касательных пространствах, нежели о простейшей системе параллельных конусов). В такой (буквально) формулировке ответом было бы: *любая четырёхмерная группа Ли*. Ведь на ней можно ввести односторонне-инвариантную метрику, задав форму лоренцевой сигнатуры в единице группы. Поэтому необходимы дополнительные условия. Налагается условие двусторонней инвариантности данной системы конусов относительно искомой (некоммутативной!) группы, что представляется довольно естественным (ведь оно выполняется очевидным образом для группы параллельных переносов).

2.1. Ответ: таких групп три (с точностью до локального изоморфизма). Они обозначаются *D, L, F* – отсюда и термин *DLF-теория.*

Опуская некоторые пояснения, можно считать, что *D* – это *U(2),* а *F* – *U(1,1),* матричные группы Ли. Под *L* можно понимать «минимальную» группу, алгебра Ли которой состоит из всех матриц вида

$$\begin{bmatrix} ix_1 & z & -ix_1 \\ -\bar{z} & ix_4 & \bar{z} \\ ix_1 & z & -ix_1 \end{bmatrix}, \qquad (2)$$

здесь $z=x_2+ix_3$, а на вещественные числа x_1, x_2, x_3, x_4 никаких ограничений не накладывается. С точки зрения пространственно-временного моделирования, *F* и *L* до-

пускают такие вложения в D, что $D\backslash F$ есть тор, а $D\backslash L$ является окружностью на этом торе (т. е. $D>L>F$ вложения). Заметим, что миры D, F и L получаются из соответствующих групп введением специально подобранных метрик лоренцевой сигнатуры. В каждом из трёх случаев метрика двусторонне инвариантна.

Теорема 1 [**Le-11**, Theorem 6]. Существуют такие вложения F в L и L в D, что все три мира имеют общее поле световых конусов (над F).

Первоначальный вариант этой теоремы был заявлен в [**Le-03**]. Формула (**2**) была приведена в [**Le-09**].

2.2. Этот результат важен с точки зрения физики. Ведь система световых конусов данного мира задаёт его причинную структуру. Спрашивается: как ещё (кроме *M)* могут «наблюдатели, живущие в этом мире», моделировать соответствующую совокупность событий (с возможностью обмена световыми сигналами между наблюдателями)? Стандартной в современной физике является Модель *M,* но с тем, что группа движений (изометрий) мира *M* слишком велика (десятимерна), а сам он некомпактен, связаны и значительные теоретические трудности (отсутствие инвариантного вакуума, инфракрасные и ультрафиолетовые расходимости и др.). Хронометрическая теория Сигала (см., например, [**PaSe-82**]) исходит из мира *D* (тем самым, *DLF-теория является LF-развитием хронометрии Сигала).* В рамках *DLF*-теории миры *D, L* и *F* «сосуществуют» как нечто единое. Математика такого сосуществования основана на механизме параллелизации векторных расслоений, используемом в современной квантовой механике. Группы изометрий этих миров семимерны, а миру Минковского *M* отводится, в общем-то, лишь вспомогательная роль – касательного пространства в точке любого из трёх миров. Другими словами, возникает задача соответствующей модификации Стандартной Модели, общепринятой в современной теоретической физике.

2.3. Часть возникающих в рамках этой программы задач уже решена Сигалом с соавторами.

Подразумевая, что $D>L>F$ (вложения многообразий), можно сказать, что миры *D, L, F* являются *D-, L-, F- интерпретациями единого мира событий.* Миры *D, L, F* можно понимать как *элементарные кирпичики,* из которых строятся другие, более сложные пространственно-временные модели. Причём *D, L, F* являются *самыми элементарными:* других таких нет (мы исключаем мир *M*, математика которого *слишком идеализирована).* В связи с этим обсуждением, напомним, что в менее математизированной статье [**ЛеБу-08**] эти кирпичики сравниваются с кубиками конструктора Лего. С точки зрения геометрии, *D* – это эллиптическая ситуация, *F* – гиперболическая, а *L* – параболическая (см. *Теорему 2* ниже). В [**ЛеБу-08**] также приведена аналогия рассматриваемой четвёрки миров с кривыми второго порядка (= траекториями движения материальной точки в центральном поле тяготения). Очевидно, что движение по эллипсу – это менее идеализированный случай, нежели прямолинейное движение (аналог мира Минковского *M*). Другой аналогией является метод Симпсона (здесь речь идёт об оценке одномерного интеграла, когда приближение кривой кусочками парабол является более точным, нежели использование прямолинейных отрезков).

2.4. Представляется, что развитие *DLF*-парадигмы приведёт к построению более адекватной модели реальности, нежели СТО Эйнштейна.

Основанная на конформной группе геометрия этой парадигмы значительно разнообразнее геометрии СТО. Тем не менее, ответы на многие чисто математические вопросы, возникающие при рассмотрении *DLF*-приложений в теоретической физике, можно уже сейчас найти в литературе. Автор надеется на интерес к *DLF*-теории специалистов, приход которых в данную тематику ускорит планомерную работу по созданию новой физической парадигмы, о необходимости которой давно говорится.

Приведём основные свойства миров *D, L* и *F*. Каждый из них удобно задать определённым выбором четвёрки левоинвариантных векторных полей на соответствующих группах Ли: *U(2), L* и *U(1,1)* (см. [**Le-11**] и/или *Секцию 8* в [**Ле-10**]). Каждая из этих четвёрок задаёт алгебру Ли с одномерным центром. Выбор центрального элемента задаёт в каждом из трёх случаев гамильтоново векторное поле. В приводимой ниже теореме эти центральные векторные поля обозначены C_D, C_L, C_F. На каждом из миров группа $G=SU(2,2)$ действует конформными преобразованиями.

2.5. Используется стандартная терминология ОТО. Так, *доминантные энергетические условия* означают неположительность тензора Эйнштейна T на всех времениподобных векторах v (регистрируемое мгновенным наблюдателем v число $T(v,v)$ называется *плотностью энергии)* и непространственноподобность вектора q, называемого *вектором потока энергии.* Здесь q получается из v действием *оператора T,* соответствующего тензору Эйнштейна. Так как другие условия в нашей работе не обсуждаются, то используем упрощённое название: *энергетические условия.* Читателю, недостаточно знакомому с этим подразделом ОТО, используемые ниже термины *(идеальная жидкость, тахионная жидкость, изотропное электромагнитное поле)* рекомендуется воспринимать как *названия* соответствующих математических объектов.

В выражении для метрики мира D присутствует параметр R, а в выражении для метрики мира F – параметр a; это положительные константы. Обе они являются конформными инвариантами. Постоянная R интерпретируется как радиус трёхмерного *физического* пространства.

2.6. Теорема 2 [**Le-11**, Theorem 10]. 1) Мир D является *идеальной жидкостью,* определяемой центральным векторным полем C_D. Скалярная кривизна равна $6/(R^2)$. Плотность энергии равна $1/(R^2)$. Вектор q потока энергии времениподобен. Выполняются энергетические условия. Траектории поля C_D времениподобны.

2) F является *тахионной жидкостью,* определяемой центральным векторным полем C_F. Скалярная кривизна равна $-6/(a^2)$. Плотность энергии равна $-1/(a^2)$. Вектор потока энергии не всегда времениподобен. Энергетические условия нарушаются. Траектории поля C_F пространственноподобны.

3) Мир L является *изотропным электромагнитным полем с ковариантно постоянным световым вектором* C_L (см. [**Le-86**, 123]). Вектор потока энергии светоподобен. В L выполняются энергетические условия. Скалярная кривизна равна нулю. Траектории поля C_L светоподобны.

Следующая таблица была представлена автором в Новосибирске 19 сентября 2009 г. в Институте математики им. С. Л. Соболева СО РАН.

Табл. I

Геометрия	**Группы и алгебры Ли**	**Теоретическая физика**
1. Пространственно-временные структуры, группы симметрий, векторные расслоения. Исследования школы А. Д. Александрова и других научных групп.	**1.** Частицы соответствуют специальным неприводимым представлениям группы симметрии [**Wi-39**].	**1.** Квантовая механика, частицы и взаимодействия [**De-92**]: «Геометрия Стандартной Модели элементарных частиц», *A. Derdzinski*, 1992.
2. Аффинное пространство *M* с фиксированной метрикой лоренцевой сигнатуры.	**2.** Изометрии *dim*=4 мира *M*: *dim*=10 группа Пуанкаре P_0.	**2.** СТО. Стандартная Модель частиц и взаимодействий.
3. Причинная группа 4-мерного мира *M*.	**3.** *Dim*=11, группа *P* (=P_0 и гомотетии).	**3.** Масса частицы не является *scale*-инвариантной.
4. Локальная причинность приводит к конформной группе *G*. Группа *G* глобально действует на компактификации *D* мира *M.*	**4.** Матричная модель: *G*=*SU(2,2)*, *D*=*U(2)*, *G* действует на *D* дробно-линейно. *Dim G*=15, стационарная подгруппа изоморфна группе *P*.	**4.** Уравнения Максвелла в пустом пространстве допускают конформную группу (публикации начала XX в.). Конформная инвариантность в квантовой теории поля.
5. Восстановление глобальной причинной структуры в *D*~.	**5.** Действие группы *G*~ определено всюду на *D*~.	**5.** ОТО: *D*~ – это статическая вселенная Эйнштейна (идеальная жидкость).
6. Соответствие (линейное) между *d=u(2)* и абелевой алгеброй Ли *m* (матрицы Паули). Вложение мира *M* в *D* (отображение Кэли). Коммутативность диаграммы (действие группы *P* в *M* и в *D*).	**6.** Представления группы *G*, индуцированные конечномерными представлениями подгруппы *P*. Неразложимость как характерное свойство *G*-представлений.	**6.** Физическая интерпретация генераторов конформной группы, квантовые числа. Фундаментальные дифференциальные уравнения как условия неприводимости представлений.
7. Векторные расслоения и их тривиализации. Индуцированные расслоения над однородными мирами.	**7.** Параллелизации таких расслоений как тривиализации, задаваемые подалгебрами в *su(2,2).*	**7.** Состояния в квантовой механике как сечения векторного расслоения (нежели просто функции).

8. *Dim*=4 миры с согласованной причинной и групповой структурами. Сравнительные характеристики миров *D*, *L* и *F*. Семимерность их групп изометрий.	**8.** Четырёхмерные группы Ли с двустороннеинвариантной метрикой. Локально таких миров четыре. Их алгебры Ли: *m*, *d*, *l = osc*, *f=u(1,1)*. Реализация *d=u(2)*, *l = osc*, *f=u(1,1)* как подалгебр в *u(2,1)* и *su(2,2)*. Деформации между *d*, *l*, *f* и между алгебрами Ли изометрий.	**8.** ОТО: *L* – это весьма специальное электромагнитное поле; *F* – тахионная жидкость (ср. с идеальной жидкостью *D*). Выбор *D*-, *L*-, *F*-параллелизаций для квантово-механических состояний. Непрерывные переходы между этими параллелизациями.
9. Невозможность *L*-реализации два на два матрицами.	**9.** Группы Ли *U(p,q)* матриц размера *p+q* как единая система, основанная на дробно-линейных преобразованиях [**ЛеСв-09**].	**9.** Многомерные (*dim* > 4) пространственно-временные модели и параллелизации расслоений над ними.

3.1. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) – крупнейший русский учёный Двадцатого века. В круг его интересов входили геология и кристаллография, минералогия и геохимия, организаторская деятельность в науке и общественная деятельность, радиогеология и биология, биогеохимия и философия.

В сочинении *«На границе науки. Пространство науки и пространство философии и математики»* (1920–1927) учёный писал (выделения курсивом наши. – *А. Л.*): «Одно из самых основных различий в нашем мышлении – натуралистов, с одной стороны, и математиков – с другой, – это характер пространства. Для математика, если это не оговорено им, пространство является *бесструктурным.* Оно характеризуется *измерениями,* и только. Для естествоиспытателя – говорит ли он это или нет, даже сознаёт он это или нет – пустое, незаполненное пространство не существует. Он всегда мыслит реальное пространство и только с ним имеет дело. <…> Однако теоретически мыслимо в целой группе явлений, охватываемых наукой, пространство на первый взгляд другого вида; и, может быть, возможно для этих явлений принять как существующее пространство – бесструктурное – пространство геометрии»*.

3.2. Далее в том же сочинении В. И. Вернадского: «Явления, о которых я здесь говорю, начинают охватываться научным исканием; они, во всяком случае, мало изучены, хотя мне представляется легкомысленным и не отвечающем положению дел часто встречаемое резко отрицательное к ним отношение. Это явление телепатии и аналогичные парапсихические явления, имеющие место в пространстве, но ничем не указывающие на значение для них всемирного эфира, как бы вне его находящиеся. Если реальность таких явлений станет для нас (что для части их мне представляется несомненным) общепризнанной, то и эти явления будут происхо-

* Цит. по Интернет-публикации: http://www.vvvasilyev.ru/Kulturol/Vernadski/PVPiS_1.htm.

дить только в реальном пространстве натуралиста. <...> Мы увидим ниже, что есть необходимость принять реальное влияние сознания человека, т. е. свойства живого, на явления, идущие в реальном пространстве натуралиста».

3.3. «Если многовековая работа рационалистической мысли – такой её характер свойствен всякой философии – привела к большому уточнению и углублению представления о чисто геометрическом пространстве, она мало подвинула наши представления о реальном пространстве натуралиста.

По существу, не будет даже ошибочным считать всю вековую философскую работу в этой области далёкой от научных проблем натуралиста и непригодной для построения реальной картины будущего. Ибо не только нет никаких доказательств того, чтобы чрезвычайное упрощение понятия пространства, которое философия допускает по отношению к изучаемому нами Космосу, не приводило к ложным и неправильным о нём заключениям, но, напротив того, то первостепенное значение, которое упущенные в философской обработке черты строения пространства имеют в естествознании и в научной картине мира, заставляет думать, что картина природы, построенная философией на этой исходной основе, ложна и ирреальна. <...> Однако в этой области работа философии была в высшей степени недостаточна. Это мы видим уже из того, что отсутствуют философские изыскания, касающиеся некоторых основных геометрических обобщений, связанных с реальным пространством натуралиста, например, философская обработка учения о симметрии. Философская обработка реального пространства определённого строения – пространства натуралиста – и замена им вошедшего в философскую мысль пространства геометра является основной задачей нашего времени».

3.4. «Это будут, во-первых, представления о *полях,* пересекающих пространство, и о наблюдаемом в них особом строении, в частности, распределение в них *силовых линий.* Это будут, во-вторых, векториальные представления о пространстве, связанные с идеями о *пространстве, пронизанном излучениями,* определённого геометрического характера, системой *волн.* И, наконец, это будут представления о пространстве, все явления в котором подчинены *определённой симметрии,* которая может быть геометрически точно выражена.

Вероятно, в учении о *симметрии реального пространства* мы имеем дело с более общим геометрическим выражением его строения, чем в представлении о силовых полях (или потенциалах) и волнообразных, передвигающихся в нём поверхностях. Анализ этих геометрических представлений, вероятно, сведёт их к некоторым более общим положениям. Мы видим – и в дальнейшем я коснусь ещё этого – указания на существование каких-то более общих геометрических законностей, на которые сейчас мы имеем лишь неясные намёки – отдельные проблески охвата реального пространства одинокими мыслителями, бросившими лишь идеи, без их приложения и их анализа».

Ведь это же о *DLF*-теории – с её очень общими и, в то же время, более реалистичными, нежели в СТО, принципами *согласованности групповой и метрической структур* (ключевые слова диссертации автора на соискание учёной степени доктора физико-математических наук в 1989 г.)!

4.1. На форуме *http://forum.roerich.info* десятки тысяч посещений, тысячи сообщений, сотни участников. 24 сентября 2011 г. в разделе «Наука и “лженаука”» на сообщение от Бородина Amarilis спрашивает: «Как вы думаете, если со временем классическая наука признает независимое существование сознания человека от его биологического тела, что положительного будет в этом открытии, как изменится жизнь людей?». За ответом обратимся к Учению Живой Этики (Мир Огненный. – Ч. I. – 1933. – § 597):

«Итак, главное недоразумение остаётся в том, что люди готовятся к смерти вместо того, чтобы воспитывать себя к жизни. Они достаточно слышали о том, что само понятие смерти поправно. Люди достаточно слышали о необходимости смены семи оболочек. Достаточно дано понять, что смены эти происходят при ближайшей работе Огня. Значит, нужно помочь огненным трансмутациям, если они неизбежны. Зачем тратить века и тысячелетия на то, что может быть совершено несравненно скорее! Нужно подготовить наше сознание к огнеприемлемости наших концентрированных тел. Если что подлежит воздействию огненному, пусть это благо совершается в кратчайший срок. Мысль о подобной трансмутации уже может значительно помочь нашему организму воспринять этот процесс в сознание. Уже знаете, что принятие в сознание является и усвоением телесным. Уже пора привыкать к размерам Огненного Мира от наших понятий вообще. Мы поражаемся различию между идиотом и гением, но обычно не хватает воображения продолжить эту меру в беспредельность. Также не воспитано воображение, чтобы представить близость Мира Огненного, скрытого лишь телом. Не часто видят люди высшие сферы Тонкого Мира, но те, которые удостаиваются видеть сверкание гор и морей Тонкого Мира и великолепие цветов его, могут представить, как очищенно будет Царство Огненное! Также можно представить вездесущие Мира Огненного, если даже среди плотного существования можно выделить тонкое тело в разных местах одновременно.

Так будем привыкать к Миру Огненному как к единственному назначению людей».

4.2. Мне ещё в школе (в старших классах) пришло: вопрос о смерти / бессмертии – главный. Учение даёт на него ответ.

DLF-теория предлагает математическую модель: (почти?) полное отсутствие у объекта его *D*-составляющей (так называемой «смерти») не противоречит наличию сознания (функционирующего посредством *L*- и *F*-компонент) у этого объекта.

Посмотрите вокруг: сколько людей преклонного (и не очень!) возраста пропитано страхом смерти! Думаю, что тема смерти / бессмертия, прозвучав на нашем семинаре в рамках конференции «Рериховское наследие» в Санкт- Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов 9 октября 2011 г., задела многих, интересующихся этим вопросом. Надеюсь на продолжение дискуссии и развитие открывающейся перспективы. Благодарю коллег, поддержавших тему семинара. Надеюсь, «мир невидимый» с каждым годом будет нам приоткрывать всё больше своих тайн – возвышающих и прекрасных.

ЛИТЕРАТУРА

1. [АД-50] *Александров А. Д.* О преобразованиях Лоренца // Успехи математических наук. – М., 1950. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 187.

2. [ГуЛе-84] *Гуц А. К., Левичев А. В.* К основам теории относительности // Доклады Академии наук СССР. – М., 1984. – Т. 277. – С. 253–257.

3. [Кр-80] *Крамер Д., Штефани Х., Херльт Э., Мак-Каллум М.* Точные решения уравнений Эйнштейна / Под ред. Э. Шмутцера; пер. с англ. – М.: Энергоиздат, 1982. – 416 с.

4. [Ле-Hb] *Левичев А. В.* Новые возможности применения *DLF*-подхода в физике микромира // Грани Эпохи: Этико-философский журнал. – № 45. – Дата публикации: 01.03.2011. Режим доступа: http://grani.agni-age.net/articles11/4518.htm.

5. [Ле-10] *Левичев А. В.* Хроногеометрия Сигала: становление теории, её применение к физике частиц и взаимодействий, перспективы развития // Поиск математических закономерностей Мироздания: физические идеи, подходы, концепции / Ред.: М. М. Лаврентьев, В. Н. Самойлов. – Новосибирск, 2010. – С. 69–99.

6. [Ле-86] *Левичев А. В.* Хроногеометрия электромагнитной волны, заданной биинвариантной метрикой на группе осциллятора // Сибирский математический журнал. – Новосибирск, 1986. – Т. 27. – С. 117–126.

7. [ЛеБу-08] *Левичев А. В., Будникова Ю. Ю.* Математическое триединство мироздания и Учение Живой Этики // Грани Эпохи: Этико-философский журнал. – № 34. – Дата публикации: 01.06.2008. Режим доступа: http://grani.agni-age.net/articles8/3420.htm.

8. [ЛеСв-09] *Левичев А. В., Свидерский О. С.* Группы Ли *U(p,q)* матриц размера *p*+*q* как единая система, основанная на дробно-линейных преобразованиях: I. Общее рассмотрение и случаи *p*+*q* = 2, 3 // Тезисы международной конференции «Современные проблемы анализа и геометрии», Новосибирск: Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, 2009. – С. 68–69.

9. [BaSeZh-92] *Baez J. C., Segal I. E., Zhou Z.* Introduction to Algebraic and Constructive Quantum Field Theory. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – 308 p.

10. [De-92] *Derdzinski A.* Geometry of the Standard Model of Elementary Particles: Texts and Monographs in Physics. – Springer-Verlag, 1992.

11. [Ha-96] *Haag R.* Local Quantum Physics. – Springer, 1996. – 390 p.

12. [Le-09] *Levichev A. V.* Oscillator Lie algebra and algebras *u(2)*, *u(1,1)*, as a single matrix system in *u(2,1)* // Lie algebras, algebraic groups, and the theory of invariants / Proceedings of the Summer School-Conference, Samara, Russia, June 8–15, 2009. – Samara, 2009. – P. 32–34.

13. [Le-11] *Levichev A. V.* Pseudo-Hermitian realization of the Minkowski world through the *DLF*-theory // Physica Scripta. – 2011. – Vol. 83. – Issue 1. – P. 1–9.

14. [Le-03] *Levichev A. V.* Three symmetric worlds instead of the Minkowski space-time: Trans. // RANS. – Ser. MMM&C. – 2003. – Vol. 7. – №. 3–4. – P. 87–93.

15. [PaSe-82] *Paneitz S. M., Segal I. E.* Analysis in space-time bundles I: General considerations and the scalar bundle // Journal of Functional Analysis. – 1982. – Vol. 47. – № 1. – P. 78–142.

16. [SaWu-77] *Sachs R. K., Wu H.* General Relativity for Mathematicians. – Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 1977. – 301 p.

17. [St-09] *Stapp H. P.* Mind, Matter and Quantum Mechanics: Third Edition. – Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. – 320 p.

18. [Tu-77] *Tulku T.* Time, Space, and Knowledge: A New Vision of Reality. – Berkeley, CA: Dharma Publishing, 1977. – 306 p.

19. [Wi-39] *Wigner E. P.* On unitary representations of the inhomogeneous Lorentz group // Annals of Mathematics. – Princeton, 1939. – Vol. 40. – P. 149–204.

А. В. ЛЕВИЧЕВ
(Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН; Новосибирск)
ЛУИ ТИЕРИ
(Математический факультет Бостонского университета; Бостон)

ПАРАЛЛЕЛИЗАЦИЯ В ВЕКТОРНЫХ РАССЛОЕНИЯХ КАК МАТЕМАТИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ «ФОКУСИРОВКИ» ТАРТАНГА ТУЛКУ

Авторы считают, что применение *DLF*-теории позволит включить исследование тонких планов Бытия в повседневную практику «академической» науки. *D* составляющая (*D* = 'Dense' – 'плотный', 'не разреженный') этой теории основана на космологической модели, лишь немного отличной от статической вселенной Эйнштейна с её трёхмерным сферическим пространством. Математик **Ирвинг Сигал** (1918—1998) включил радиус этой сферы в список фундаментальных констант (наряду с постоянной Планка и скоростью света). Его хронометрическая теория является важной составной частью *DLF*-теории. Другие две составляющие, *L* – 'Light' ('лёгкий', 'тонкий'), *F* – 'Fiery' ('огненный'), выводят нас за пределы стандартной физики, не противореча ей.

Некоторые математические и физические свойства *DLF*-модели были проанализированы в предыдущих публикациях первого автора. Данная заметка посвящена математическому *DLF*-моделированию ключевого понятия «фокусировка» (*focal setting*), используемого **Тартангом Тулку Ринпоче** (*Tarthang Tulku Rinpoche*, род. в 1934 г.) при описании его опытных (зачастую принадлежащих тонкому плану) мистических переживаний (см. его книгу «Время, Пространство, Знание» [**Tu-77**]).

Данное сообщение может рассматриваться как продолжение публикации [**ЛеБу-08**], начинавшейся следующим эпиграфом: «Когда сама жизнь будет напитывать нас своим нескончаемым разнообразием, у трёх сфер фронт будет несокрушим. Но надо познать понятие трёх сфер, иначе будем двигаться лишь по поверхности» (*Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Иерархия. – 1931 – § 386).

Авторы считают, что эти три сферы соответствуют *D-, L-, F*–компонентам *DLF*–теории, являющейся развитием *Хронометрической теории* выдающегося американского математика Ирвинга Сигала. Итоговый вывод статьи [**ЛеБу-08**]: «Множество явлений нашей жизни (о которых в последнее время пишется всё больше) не укладывается в рамки узкоматериалистических теорий, порождённых западной наукой XIX–XX вв. Пересмотр позиций в сторону существования тонкоматериальных миров, а главное, планомерная работа в этом направлении – это неотложное требование для точных наук». Прошло три года…

1. Математические свойства *D*, *L* и *F*, обеспечивающие возможность их применения в физике микромира

Физическое пространство мира *D* является трёхмерной сферой. Тем самым, её радиус *R* – это огромная величина. Исходная идея данного параграфа состоит в рассмотрении геометрически того же математического объекта *D*, но с очень малень-

ким значением *R*. В работе [**FeLe-13**] введено вложение *F* в *D*. По-видимому, такое отождествление *F* с частью *D* можно интерпретировать как элементарную модель присутствия духа в материи: сам по себе мир *D* является безжизненным.

Вышеупомянутый тор является двумерной времениподобной поверхностью, поэтому его одномерная пространственная составляющая может быть интерпретирована как элементарная «серебряная нить» ('silver cord'). Нельзя забывать и об *L*: слои тонкого мира, каждый слой которого есть копия *L*, обеспечивают постепенность перехода от *F* к *D*. Чисто математически, *L* соединён с *D* посредством светоподобной окружности (см.: [**FeLe-13**]). Она допускает интерпретацию в качестве мировой линии точечного фотона, т. е. *L* является моделью элементарного осциллятора (группа *L* поэтому и называется *осцилляторной*). Тем самым, *DLF*-подход уже удовлетворяет важнейшему физическому предположению о наличии элементарных (т. н. *Планковских*) осцилляторов. Такое предположение необходимо в рамках следующего интересного направления современной физики: в статье [**Vi-95**] («Объяснение сил инерции на основе теории Эйнштейна – де Бройля – Бома – Эйнштейна – де Бройля – Бома стохастической интерпретации квантовой механики») Ж.-П. Вижье отмечает, что «происхождение и природа инерциальных сил… – это одна из неразгаданных тайн современной физики». В этой статье делается вывод, что «инерция есть необходимое следствие движения частицы, описываемое Эйнштейна – де Бройля – Бома формализмом квантовой механики». Вывод статьи [**RuHa-98**] «Вклад в инертную массу реакции вакуума на ускоренное движение»: «Взаимодействие между вакуумом и ускоряющимся объектом приводит к появлению силы сопротивления ускорению, интерпретируемой как инерция».

Представляется, что именно наличие *L* в *DLF*-триаде, ответственно за т. н. *свечение объектов* (*'object's glow'*), наблюдаемое при определённых («экстрасенсорных») переживаниях. Об этом неоднократно пишет Т. Тулку в своей книге. Оставшаяся часть нашей статьи посвящена подбору математических объектов (чаще всего в рамках *DLF*-теории), иллюстрирующих некоторые другие положения этой книги.

2. Из Введения книги Тартанга Тулку

С. XXXI: «По мере моего знакомства с концепциями Запада (научными, в первую очередь), ...появилась возможность изложить эту *картину мира* ['vision'] в виде книги». Вместо словосочетания *картина мира* (по Т. Тулку) далее употребляется термин *Т-ви́дение*. Здесь «Т» соотносится как с именем автора книги, так и с его происхождением (из Тибета). (Здесь и далее выделения в цитатах сделаны нами. – *А. Л, Л. Т.*)

С. XXXII: «При изложении Т-ви́дения обычным языком, пришлось использовать знакомые термины в новых смыслах. Например, 'пространство', 'время', 'знание' описывают определённые переживания ['insights'] и трудноуловимые характеристики того, что нас окружает ['appearances']. Наши обычные пространство и время являются привычными аспектами более фундаментальных 'пространства' и 'времени'; эти термины также используются в смысле конкретных *уровней* [*'levels'*] 'пространства' и 'времени' при их рассмотрении в рамках конкретного 'знания' – 'знания', которое 'охватывает' все аспекты опыта. Хотя обычно мы 'пребываем' ['take up residence'] в рамках определённого уровня, имеется возможность исследовать и другие уровни –

если мы этого пожелаем. Возможность *выхода за пределы* [*'transcending'*] конкретных 'пространств', 'времён' и ограничивающих 'знаний' подытоживается терминами Великое Пространство, Великое Время и Великое Знание. <…> Может быть, стоило бы изложить эту книгу языком поэзии, <…> но для некоторых аспектов моего изложения (тех, с которыми работают современные наука и философия) он плохо пригоден. <…> При правильном подходе <…> даже сам процесс чтения и осмысления этой книги представляет собой путь поиска ['a visionary path']. <…> Т-ви́дение объединяет все аспекты бытия. <…> Пространство и Время – это и есть картина мира. <…> Каждый человек имеет возможность увидеть эту картину <…>, а её (практическое) освоение являет возможность более полноценной жизни...».

3. Книга Тартанга Тулку: Часть I (Пространство), глава 1 (Присутствие пространства – открытость и твёрдые поверхности)

«Наши восприятия различных пространств и 'вещей' ('things') соответствуют разным уровням и методам анализа. При наличии определённого уровня анализа, 'объекты' являются воспринимаемыми лишь постольку, поскольку выдержана очень точная 'фокальная установка' ['focal setting'; *авторы*: короче – 'фокусировка']. Некоторые вещи, например, выглядят непрозрачными только из-за того, что мы или не желаем сменить эту 'фокусировку', или думаем, что её невозможно сменить".

В статьях [**Ле-10**], [**Le-11**], [**ЛеБу-08**] (и в некоторых более ранних работах) обращалось внимание на важность *параллелизации* (это нетривиальное математическое понятие необходимо в современной квантовой механике и в квантовой теории поля). В статье [**ЛеБу-08**] при её упрощённом описании использовался термин «настройка». Параллелизация предлагается в качестве математической модели «фокусировки». Строгое определение параллелизации (как вообще, так и в применении к *DLF*-теории) имеется, например, во второй половине *Секции 7* статьи [**Le-11**].

Далее из книги Т. Тулку [**Tu-77**]: «...Когда, например, открылась возможность проникновения внутрь атома, то там были обнаружены огромные пространства и энергии; были также пересмотрены представления о макромире. Новое время привносит новые возможности, а в наше *теперешнее* время новые пространства могут быть обнаружены там, где раньше никто и не думал искать. Возможно, например, найти нечто вроде пространства в тесной связи с данной мыслью, данным переживанием, данной поверхностью...».

«Идея обнаружения новых пространств может показаться чисто абстрактной, а соответствующая деятельность – чисто интеллектуальной. Но на самом деле эта идея связана с нашим глубинным ощущением необходимости найти выход из тупика ограничений и стеснённостей, ощущаемых каждым из нас в своей повседневной деятельности. Это ощущение недостатка пространства (как на индивидуально-психологическом уровне, так и на межличностном, социологическом) влечёт потерянность, является причиной конфликтов, дисбалансов, и общей негативной атмосферы в современном обществе. Мы настолько вовлечены в устройство всевозможных "территориальных границ", что бóльшая часть нашей энергии уходит на их соблюдение и защиту... Если мы применим новую 'фокусировку' и ощутим её работу, то возникнет *некое всеобъемлющее понимание, которое тоже являет собой простран-*

ство. Более того, это ‘понимание’, являющееся и ‘пространством’, объясняет, выражает и *есть* всё сущее. Это понимание – или *ви́дение* – само оказывается основой для постижения всей реальности, как бы ни шло оно вразрез с нашей стандартной картиной мира. Даже будучи более внимательными в рамках нашего обычного пространства, мы обнаружим проявления ‘пространственного’ ви́дения, обусловленного неким Великим Пространством. <…> Даже то, что кажется заполняющим пространство в качестве присутствующего плотного существующего объекта, само есть пространство…». Далее (на с. 11) Т. Тулку заключает, что «концентрация нашего внимания на пространстве (самом по себе) – более продуктивно. <…> Открываются [‘open up’] качественно новые ‘пространства’, в которых обычная осведомлённость с её неуклюжими концепциями уже не работает. С точки зрения такого вышестоящего пространства, цепочки событий (в нашем обычном пространстве) представляются ничем иным как неким ‘пространством’, обуславливающим проектирование ‘пространства’ в ‘пространство’ <…>. Экспериментирование, приводящее к этим (и другим) выводам о нашей реальности, осуществимо с помощью нашего ментального зрения, орган которого иногда называют “третьим глазом”».

Вышеприведённое (со с. 11) словосочетание Т. Тулку употребляет неоднократно: *‘space’ projecting ‘space’ into ‘space’*. С точки зрения математики (как важной части аппарата теоретической физики), это весьма общее наблюдение, справедливость которого (в целом) не вызывает сомнения. Так, например, общепринятым методом моделирования элементарной частицы является указание некоторого гильбертова пространства, в котором реализовано неприводимое унитарное представление основной группы симметрии. (Более подробно эта тема развита в лекциях 8 и 9 учебного пособия к спецкурсам «Однородные пространства и хронометрия Сигала», см.: [**Ле-05**]). Практически в каждом тексте по квантовой механике приводится понятие эквивалентности представлений. Так как эквивалентные представления соответствуют одной и той же элементарной частице, то наличие отображений (Тулку: *проекций*) между разными пространствами – это типичная ситуация. Для таких отображений в теоретической физике используется термин переплетающие операторы. Что касается наличия *вышестоящих пространств*, вообще, и их иерархии, в частности, то математическим примером такой конструкции является бесконечная цепочка групп *U(p,q)* (см.: [**ЛеСв-09**], [**Ле-09**]. Вот (немного обновлённая для данной статьи) выдержка из [**Ле-09**]: «...в 2008 г. автор не подозревал о существовании математической модели, соотносящейся со следующим прозрением Даниила Андреева в “трансфизические сферы” [**Ан-95**, 88]: “Понятие многослойности Вселенной лежит в основе концепции Розы Мира. Под каждым слоем понимается при этом такой материальный мир, материальность которого отлична от других либо числом пространственных, либо числом временных координат. Рядом с нами сосуществуют, например, смежные слои, Пространство которых измеряется по тем же трём координатам, но Время которых имеет не одно, как у нас, а несколько измерений. Это значит, что в таких слоях Время течёт несколькими параллельными потоками различных темпов...”. Оказывается, что такая модель возможна. Её основные математические составляющие приводятся в [**Ле-09**] в терминах *DLF*-теории. Получается, что Мир Тон-

кий *L* как бы выводит за пределы четырёхмерия, на второй уровень (план) Бытия (именно так можно интерпретировать **Теорему 1** [см. также в предыдущей статье и в [**Le-09**]. – *А. Л., Л. Т.*]. Первый план составляют, сосуществуя совместно, миры *D, L, F* (здесь *F* означает Мир Огненный, *D* – Мир Плотный). На втором уровне аналог Мира Плотного уже девятимерен (группа *U(3)*), размерность пространства равна *8*. Аналог Мира Огненного (на этом плане) – группа *U(2,1)* – тоже девятимерен (но в нём *4* и *5* – это размерности времени и пространства). Девятимерный аналог Мира Тонкого ещё математически не изучен. По-видимому, и здесь сама его структура выводит (в рамках модели) со второго на третий план. И так далее. Возникают группы *U(p,q)* со всевозможными натуральными *p, q* (одно из этих чисел может быть нулём)».

В рамках же данной статьи, напомним, что *D=U(2), F=U(1,1),* а на основе *U(3)* вводятся кварки. Может быть, многолетние неудачные попытки регистрации кварков просто объясняются тем, что *U(3)* соответствует следующему (после «нашего») уровню?

Замечание. Вышеприведённая возможность интерпретации кварков означает определённое изменении позиции первого автора в сторону признания их реальности (см. упоминание о кварках в [**ЛеБу-08**]).

Вернёмся к книге Т. Тулку [**Tu-77,** 12]: «Изменив фокусировку, можно обнаружить и ‘подстилающее пространство’ [‘lower space’], ответственное за видимые проявления в нашем пространстве. <…> Новое понятие ‘пространства’ состоит в том, что оно является активной, структурирующей средой [‘medium’], которая неотделима от пространственных объектов...». С. 13: «При правильно осуществляемом [‘properly-guided’) путешествии в этих пространствах возникает ощущение их осмысленной [‘meaningful’] упорядоченности: вышестоящие и [в то же время] объемлющие пространства в противовес подстилающим и объемлемым пространствам <…>. Наши первоначальные попытки переходов [‘transcendence’; *авторы*: ‘между ними’] могут показаться экстримом, а новое пространство – весьма странным. Тем не менее, по мере привыкания – уже нижнее пространство может показаться странным [при “взгляде сверху”] <…>. Упорядочивающим принципом пространств является степень их ‘аккомодации’, т. е. вмещаемости». С. 16: «Вышестоящие пространства подразумевают бóльшую возможность вмещения и незапрещения – мы можем принять поверхности и стены таким образом, что не происходит столкновений и не возникают ограничения. Они [препятствия] не пропадают, а допускают проникновение. В определённом смысле, это ‘вопрос’ [they ‘reflect’] степени нашей собственной раскрепощённости. Дело не столько в том, что Великое Пространство есть нечто отличное от нашего пространства и от наших условий, сколько в трудности языкового изложения. Ещё одна трудность: [нам] *кажется*, что Великое Пространство функционирует по-другому».

4. Несколько заключительных замечаний

Выше мы уже отметили возможность построения модели вложенных друг в друга пространств, а точнее пространств-времён (‘space-times’), на основе т. н. классических групп *U(p,q)*. Вопрос о том, имеется ли в этой модели математическая

возможность вышеупомянутого *проникновения*, пока не рассматривался. Несомненно, однако, что эта модель математически допускает вышеупомянутую *активность* [**Tu-77,** 12] в некоторых слоях (см., например, в [**Le-11**] вторую часть Теоремы 10, посвящённую свойствам мира *U(1,1)=F*). Авторы не уверены, что общепринятый в современной физике термин *пространство-время* встречается в книге Т. Тулку. Однако в некоторых её местах речь, несомненно, идёт о *переплетении* пространства и времени, т. е. о пространстве-времени (на с. 159, например, где изложение восходит к поэтическому: «Беспредельное воплощение игры Великих Пространства и Времени есть ни что иное, как полная их близость ['intimacy'], *чуждая какому-либо замыслу* ['*uncontrived*' – курсив Тулку]. <…> Эта их связь не является опосредованной никакой 'материей' ['things'] или задающим её полем ['subsuming field'] – просто Великие Пространство и Время. Это игра разрушения-созидания нашего действительного ['real'] *Бытия* [курсив Т. Тулку]».

С. 18: «...Проблемы происходят из-за непонимания природы нашего низлежащего пространства и его соотношения с Великим Пространством. <…> Даже водораздел ['gulf'] между субъектом и объектом может быть преодолён ['transcended']. При достижении вышестоящего и более открытого пространства все трудности могут быть разрешены».

Отметим в связи с этим, что некоторые возможности *DLF*-моделирования свойств, необычных с точки зрения т. н. Стандартной Модели теоретической физики, обсуждались в [**KoLe-05**]. Эта последняя публикация затрагивает несколько смежных с *DLF*-теорией направлений, а также кратко излагает подход Пенроуза – Хамерова (Penrose – Hameroff) при моделировании феномена сознания. Почему именно *сознание*? Вот что пишет Генри Стапп: «Самым важным достижением науки XXI века станет углубление нашего понимания Человека. Основной неразрешённый вопрос – это природа взаимосвязи мозг-мышление» [**St-09**, 203].

Т. Тулку завершает первую главу: «Это, конечно, всё ещё на уровне краткого изложения ['summary'], но даже обсуждение таких образов и возможностей может помочь нам на пути к реальности Великого Пространства. Чтобы открыть эту дверь ещё шире ['to further open the way'], в дальнейших главах излагается подход, более близкий опыту ['experiential']».

ЛИТЕРАТУРА

1. [Ан-95] *Андреев Д. Л.* Собрание сочинений: В 3 т. – Т. II. – Роза Мира. – М.: Московский рабочий; Присцельс, 1995. – 606, [1] с.
2. [Ле-05] *Левичев А. В.* Однородные пространства и хронометрия Сигала: Учебное пособие к спецкурсам. – СПб., 2005. – 33 с. – Режим доступа: http://math.bu.edu/people/levit/sk-04-f.pdf.
3. [Ле-09] *Левичев А. В.* Простейшая матричная реализация группы осциллятора и возможная математическая модель «Многослойной Вселенной» Даниила Андреева // Science, Information, Spirit / Proceedings of the XIIIth International Congress on Bioelectrography, Saint Petersburg, Russia, 2009. – P. 40–42.
4. [Ле-10] *Левичев А. В.* Хроногеометрия Сигала: становление теории, её применение к физике частиц и взаимодействий, перспективы развития // Поиск математических закономерностей

Мироздания: физические идеи, подходы, концепции / Ред.: М. М. Лаврентьев, В. Н. Самойлов. – Новосибирск, 2010. – С. 69–99.

5. [ЛеБу-08] *Левичев А. В., Будникова Ю. Ю.* Математическое триединство мироздания и Учение Живой Этики // Грани Эпохи: Этико-философский журнал. – № 34. – Дата публикации: 01.06.2008. Режим доступа: http://grani.agni-age.net/articles8/3420.htm.
6. [ЛеСа-10] *Левичев А. В., Самохвалов К. Ф.* Теоретические (семантико-синтаксические) перспективы кантовской философии времени // Философия науки. – 2011. – № 2 (49). – С. 41–41.
7. [ЛеСв-09] *Левичев А. В., Свидерский О. С.* Группы Ли *U(p,q)* матриц размера *p+q* как единая система, основанная на дробно-линейных преобразованиях: I. Общее рассмотрение и случаи *p+q* = 2, 3 // Тезисы международной конференции «Современные проблемы анализа и геометрии», Новосибирск: Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, 2009. – С. 68–69.
8. [FeLe-13] *Fend J. Y., Levichev A. V.* More on the Mathematics of the *DLF* Theory: Embedding of the Oscillator World L into Segal's Compact Cosmos *D.* // AJUR – 2012–2013. – Vol. 11. – No. 3 & 4. – P. 29–33.
9. [KoLe-05] *Korotkov K., Levichev A.* The 3-fold Way and Consciousness Studies. – 2005. – 25 p. – See the electronic library of the Institute of Time Nature Exploration, MSU: http://www.chronos.msu.ru.
10. [Le-08] *Levichev A. V.* An example of a singular action of scale transformations within the linear-fractional action of the conformal group on the non-compact group *U(1,1)* // Science, Information, Spirit / Proceedings of the XIIth International Congress on Bioelectrography, Saint Petersburg, Russia, 2008. – P. 141–144.
11. [Le-11] *Levichev A. V.* Pseudo-Hermitian realization of the Minkowski world through the *DLF*-theory // Physica Scripta. – 2011. – Vol. 83. – Issue 1. – P. 1–9.
12. [Le-09] *Levichev A. V.* Oscillator Lie algebra and algebras *u(2)*, *u(1,1)*, as a single matrix system in *u(2,1)* // Lie algebras, algebraic groups, and the theory of invariants / Proceedings of the Summer School-Conference, Samara, Russia, June 8–15, 2009. – Samara, 2009. – P. 32–34.
13. [LeSv-08] *Levichev A. V., Svidersky O. S.* Contractions of certain subalgebras of the conformal Lie algebra *su(2,2)* in the context of the *DLF*-theory // International Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birthday of Sergei L. Sobolev / Proceedings, Novosibirsk, October 12–14, 2008. – P. 392.
14. [RuHa-98] *Rueda A., Haisch B.* Contribution to inertial mass by reaction of the vacuum to accelerated motion // Foundations of Physics. – Vol. 28. – 1998. – P. 1057–1108.
15. [St-09] *Stapp H. P.* Mind, Matter and Quantum Mechanics: Third Edition. – Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. – 320 p.
16. [Tu-77] *Tulku T.* Time, Space, and Knowledge: A New Vision of Reality. – Berkeley, CA: Dharma Publishing, 1977. – 306 p.
17. [Vi-95] *Vigier J.-P.* Derivation of Inertial Forces from the Einstein – de Broglie – Bohm Causal Stochastic Interpretation of Quantum Mechanics // Foundations of Physics. – Vol. 25. – 1995. – P. 1461–1494.

А. В. НЕНАШЕВ

(Институт физики полупроводников СО РАН; Новосибирск)

КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА КАК ПУТЬ ЗА ПРЕДЕЛЫ ФИЗИЧЕСКОГО МИРА

Квантовая механика занимает особое место среди физических теорий. С одной стороны, это многократно подтверждённая на опыте теория, лежащая к тому же в

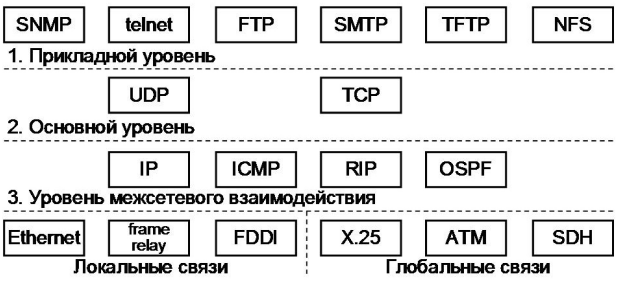
фундаменте почти всей современной физики. А с другой стороны, она не говорит о том, что же происходит «на самом деле», – другими словами, квантовая теория не содержит в себе *онтологии*.

Существует множество различных *интерпретаций* квантовой механики, т. е. попыток ответить на вопрос «как же устроен окружающий нас мир с точки зрения квантовой механики»[1]. Каждая интерпретация по-своему понимает смысл волновой функции, роль наблюдателя, пытается «примирить» случайность с детерминизмом. Для нас важен один из главных вопросов, возникающих в связи с интерпретацией, – как в физическую картину мира «встроен» воспринимающий информацию субъект, т. е. сознание.

Развитие представлений об этом отчасти показывают высказывания ведущих физиков XX в. *Нильс Бор*: квантовая теория должна описывать не сами микрочастицы, а эксперименты с микрочастицами. *Альберт Эйнштейн*: квантовая механика неполна, за ней скрывается более фундаментальная теория классического типа. *Дэвид Бом*: элементарные частицы – это на самом деле составные объекты: волна + частица. *Хью Эверетт*: «квантовых скачков» не существует, все альтернативы реализуются одновременно. *Михаил Борисович Менский*: выбор одной из альтернатив – это действие сознания.

В докладе представлена попытка построения такой интерпретации квантовой механики, которая не противоречила бы наличию свободной воли у человека. Ключевым предположением является существование двух миров: физического (в котором действуют законы квантовой механики) и «мира высшей реальности», подчиняющегося иным законам. Кроме того, в качестве «интерфейса» между двумя мирами возникает «классический мир», в котором сочетаются законы физики (в несколько редуцированном виде) и следствия свободного выбора сознательных существ. Акты свободного выбора проявляются как «квантовые скачки». При этом естественным образом возникает идея о существовании огромного количества существ-элементалов, наполняющих всё пространство и также обладающих (в какой-то мере) свободой выбора, способностью воспринимать информацию об окружающем мире и реагировать на неё. Сознание человека взаимодействует с его телом посредством «квантовых скачков», что указывает на «многослойное» устройство сознания: один «слой» непосредственно взаимодействует с физическим телом, затем идёт следующий «слой» и т. д.

А вот как это происходит в компьютерных сетях – многоуровневая организация:



Такая картина мира является вариантом «расширенной концепции Эверетта», разработанной М. Б. Менским[2], которая в свою очередь опирается на предложенную Хью Эвереттом «многомировую» интерпретацию квантовой механики[3].

Тот орган человека, который отвечает за принятие решений, не принадлежит физическому миру. Сам по себе физический мир («мир Эверетта») – это «карта дорожных развилок», через которые проходит сознательное существо. Каждое событие («квантовый скачок») – это результат свободного выбора.

Основные этапы развития данной темы фиксируются следующими событиями.

1975 г.: Фритьоф Капра публикует книгу «Дао физики (Исследование параллелей между современной физикой и восточным мистицизмом)».

2007 г.: М. Б. Менский публикует статью в журнале «Успехи физических наук», в которой рассматривается понятие «квантового сознания».

Квантовая физика	Квантовое сознание	Психология
Естественные науки		Гуманитарные науки
Материя		Дух

2009 г.: Бернар д'Эспанья получает Темплтоновскую премию, присуждаемую «за успехи в исследовании или открытия в духовной жизни».

В заключении приведём фразу из «Граней Агни-Йоги», которая послужила стимулом для данной работы:

«Квантовая теория и даже антимиры приближают науку вплотную к границам Тонкого Мира, который тоже материален и тоже может быть изучаем и исследован с помощью научных методов»[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Садбери А.* Квантовая механика и физика элементарных частиц. – М.: Мир, 1989. – Гл. 5.
[2] *Менский М. Б.* Квантовые измерения, феномен жизни и стрела времени: связи между «тремя великими проблемами» (по терминологии Гинзбурга) // Успехи физических наук. – 2007. – Т. 177. – № 4. – С. 415.
[3] *Everett H.* «Relative state» formulation of quantum mechanics // Reviews of Modern Physics. – 1957. – Vol. 29. – P. 454.
[4] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – Т. IX. – 1968. – § 234.

М. Р. КОМИССАРОВ
(Центр информационного восприятия; Нью-Йорк)

ПРЯМОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОСПРИЯТИЕ КАК НОВЫЙ УРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

С давних времён у многих народов были известны такие понятия, как ясновидение и яснознание. Но всегда это было уделом лишь уникумов, проявлявших время от времени свои столь необычные способности. В Нью-Йорке (США) мною была

создана школа активизации этой способности. По разработанной и запатентованной в США методике в ней проводятся занятия со всеми желающими. Возраст людей, проходящих обучение в школе, варьируется от 3 до 70 лет. Десять лет работы школы показали на практике способность человеческого мозга к прямому информационному восприятию. Особенно наглядно это проявляется у детей в возрасте до 12 лет. С плотной повязкой на глазах мои юные ученики способны ориентироваться в окружающем пространстве так же свободно, как если бы глаза их были открыты. Они пишут, читают, играют с мячом, катаются на велосипедах и роликовых коньках. То есть, демонстрируют способность мозга к получению визуальной информации извне, минуя органы зрения. Всё это явилось эмпирическим доказательством способности мозга к прямому информационному восприятию. Накопленный опыт позволил мне сделать вывод, что включение прямого информационного восприятия в повседневную жизнь человека поднимает уровень его сознания на качественно новую ступень и является для него жизненно необходимым.

Последние годы начались научные исследования этого явления. Работы проводятся при участии МГУ (Россия), Белорусской Академии наук и некоторых других научных институтов. Данные, полученные уже научными методами, полностью подтверждают сделанные мною ранее выводы.

К. Г. КОРОТКОВ

(Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики)

ЗАГАДКИ ЖИВОГО СВЕЧЕНИЯ

WWW.BIO-WELL.COM WWW.BIO-WELL.EU WWW.KTISPB.RU

Свечение объектов различной природы в электромагнитных полях высокой напряжённости привлекало внимание исследователей и в XIX, и в XX в. Никола Тесла в США, Яков Нардкевич-Йодко в России, Ландел Моруа в Бразилии и многие другие фотографировали свечения различных объектов на фотоплёнку, и по этим фотографиям не без успеха проводили диагностику различных заболеваний. После открытия Рентгена интерес к подобным исследованиям был на многие годы потерян. Лишь в середине XX в. он возродился вновь благодаря советским исследователям Семёну Давидовичу и Валентине Хрисантовне Кирлиан. Супруги Кирлиан экспериментировали с электромагнитным полем и в темноте наблюдали свечение органических и неорганических объектов. Особенно интересным было то, что источником свечения мог быть и человек. Кирлианы научились фотографировать загадочное явление. Сравнивая снимки, они заметили, что в зависимости от психического и физического состояния человека характер свечения может изменяться. Обнаруженный эффект назвали их именем, но практического применения эффект Кирлиан в то время не получил.

В 1978 г. под эгидой Академии наук СССР у нас в стране начались эксперименты по исследованию кирлиановского свечения. Учёным удалось понять физиче-

скую природу необычного эффекта. Долгие годы продолжались работы над созданием специальной аппаратуры, с помощью которой можно было бы фиксировать и исследовать свечение. В результате в середине 1990-х гг. была разработана так называемая камера газоразрядной визуализации (далее – *ГРВ*). С её помощью физики, совместно с врачами, смогли понять главное: создавая электрическое поле, мы стимулируем квантовые процессы – эмиссию фотонов и электронов с поверхности объекта, например, кожи. В эти процессы оказывается вовлечён весь организм как единое целое. Таким образом, мы получаем возможность видеть на экране компьютера реакцию практически всех физиологических систем человека. Методика ГРВ – это, образно говоря, цифровая компьютерная стадия эффекта Кирлиан. В западной литературе этот метод получил название «Электрофотонная эмиссия» (*EPC*).

Принцип работы камеры, созданной петербургским учёным, предельно прост. На палец человека подаётся короткий электрический импульс. Почему палец? Руки – очень тонкий и чувствительный орган и мощнейший информационный фактор человека. С помощью рук мы получаем из внешнего мира массу информации. На пальцах рук расположены зоны, которые связаны практически со всеми системами организма. Кстати, этот фактор уже на протяжении многих тысячелетий используется традиционной китайской медициной, которая взяла за основу понятие об энергетических каналах, пронизывающих тело человека.

Итак, электрический импульс возбуждает поток фотонов и электронов. Прибор их регистрирует и выводит изображение на экран компьютера. Процедура «считывания» энергетического поля человека совершенно безболезненна и безвредна. На обследование десяти пальцев и обработку данных в компьютере требуется всего-навсего 3–5 минут.

Главное начинается потом. Задача специалистов – интерпретировать картинку, объяснить, как характер свечения связан с функциональным состоянием человека. У человека, полного жизненной силы и здоровья, свечение яркое и ровное. Расстройства энергетики, воспалительные процессы вызывают в свечении разрывы, провалы, неоднородности. Грядущая болезнь, ещё не проявившаяся, сигнализирует о себе затухающим, неровным, разорванным свечением. Все потенциальные проблемы проявляются, прежде всего, на картине поля. Это могут быть временные функциональные отклонения, которые быстро проходят и не оставляют следа, либо более глубокие нарушения, которые возникают при наличии постоянно действующих негативных факторов: плохой экологии, неправильного питания, переживаний, стрессов. Поле человека становится разорванным, дефектным – это сигнал о возможности проникновения вредоносных агентов. И в какой-то момент функционально слабая или перегруженная система не выдерживает, и проблема переходит на физический уровень – человек заболевает.

Описанная методика может быть использована в самых разных областях, но основное направление, конечно же, медицина. В Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии с помощью камеры ГРВ были обследованы сотни человек – до хирургической операции и после. Перед хирургическим вмешательством прибор

фиксировал изменение параметров энергетического поля. При благоприятном исходе сразу после операции параметры поля непременно возрастали, а потом постепенно снижались к исходному, дооперационному состоянию. Причём если наблюдался такой подъём, то операция в большинстве случаев проходила успешно. Врачи заметили: энергетическое поле реагирует на стрессовую ситуацию для организма, каковой является операция. Если же реакции не наблюдалось, это было очень тревожным признаком, сигналом к проведению специальных мероприятий. В настоящее время врачи медицинской академии работают над усовершенствованием этой методики. Например, им хотелось бы понять, как по состоянию энергетического поля предсказать, сможет ли пациент перенести ту или иную операцию и как будет протекать послеоперационный период.

В Сочинском филиале Российского университета дружбы народов был приведён сравнительный анализ результатов ГРВ биоэлектрографии в клинической практике на базе анализа данных 542 пациентов. Было показано, что сопоставление данных ГРВ-биоэлектрографии с результатами клинических и функциональных анализов даёт от 79% до 94% совпадений с клиническими методами диагностики. Метод ГРВ оказался высоко информативным в части прогнозирования и ранней диагностики доклинических состояний «предболезни», что открывает возможности применения ГРВ биоэлектрографии в профилактической медицине. Экономичность, легкодоступность, неинвазивность, достоверность и информативность метода ГРВ биоэлектрографии, по мнению медиков, требует активного внедрения в медико-профилактические учреждения и включение данного метода в программы, обеспечивающие сохранение здоровья нации. Подобные же результаты получены врачами Московского медицинского университета.

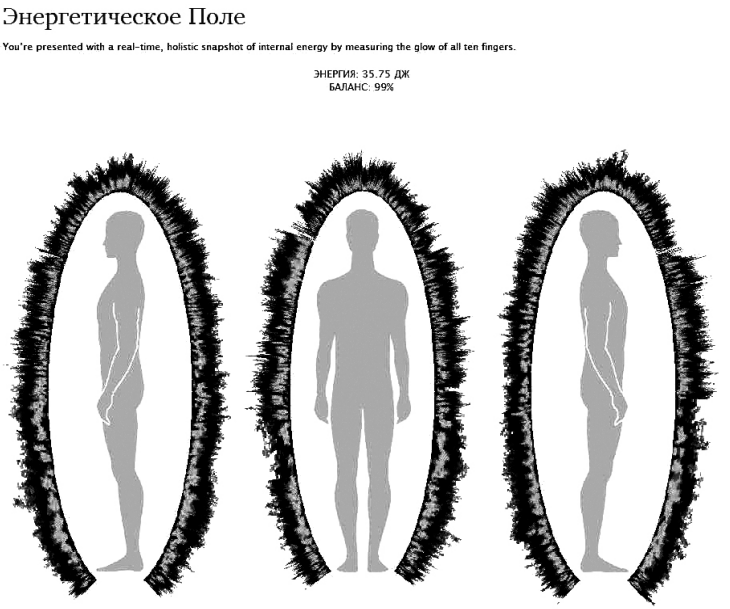
В Тбилисском онкологическом научном центре медики исследовали энергетическое поле нескольких сотен пациентов. Выяснилось, что после успешного лечения энергетика человека непременно меняется. Если же сдвига к лучшему не произошло, то поле не реагирует. То есть можно оценить результат лечения в каждом конкретном случае.

Ещё один пример. Ростовские врачи на основе камеры ГРВ разработали методику оценки состояния беременных. Медики утверждают, что, наблюдая свечение безымянного пальца правой руки женщины, можно узнать, как протекает беременность и нет ли угрозы для матери и плода.

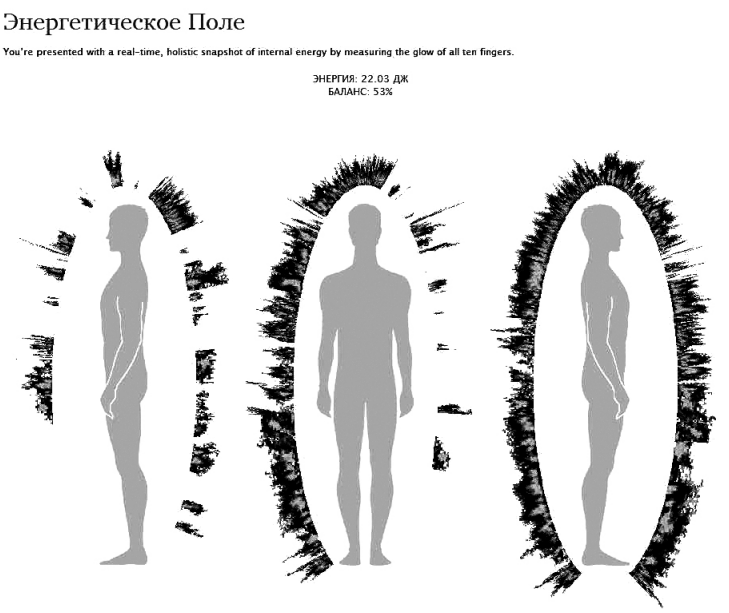
Программно-аппаратные ГРВ биоэлектрографические комплексы нашли практическое применение в следующих основных областях:

– анализ психофизиологического состояния личности;
– мониторинг реакций организма в процессе проводимой терапии;
– оценка вероятности наличия органных системных нарушений;
– наличие измененных состояний сознания;
– оценка опасности аллергенов по параметрам ГРВ свечения образцов крови.

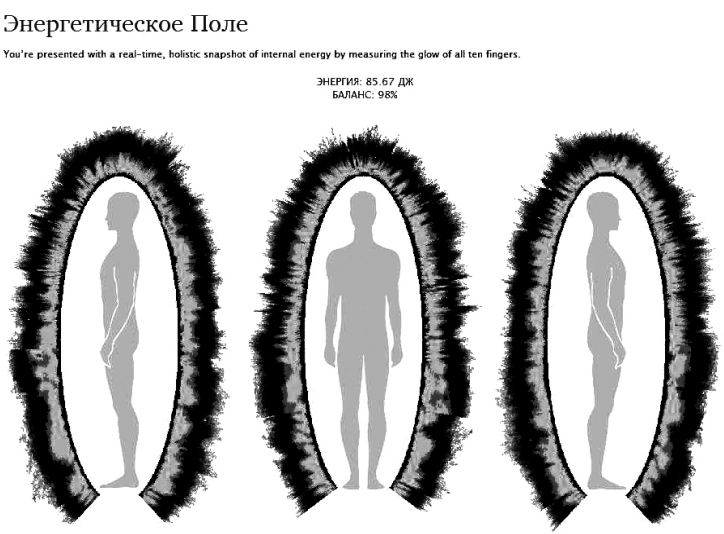
ГРВ комплекс сертифицирован Минздравом РФ в качестве прибора медицинской техники. Более 200 работ по медицинским аспектам ГРВ анализа опубликовано в России, Европе и США, защищено несколько диссертаций.



Поле здорового человека



Поле человека в стрессе



Поле спортсмена

Естественно, это не магическое зеркало. Как и любой аналитический метод, ГРВ биоэлектрография имеет свои ограничения. И, прежде всего, он должен применяться в комплексе с другими методиками, как первая стадия анализа состояния человека. Но в умных руках он позволяет получать ценнейшую информацию.

Примером этого является применение метода ГРВ в спорте. Спортсмен – это человек, включённый в спортивную двигательную деятельность, основная форма которой – соревнование. И с морфологической, и с функциональной точек зрения человеческий организм представляет собой единое целое, состоящее из находящихся в функциональном единстве и в постоянном взаимодействии психики, моторики и вегетатики. В отличие от традиционных методов исследования метод ГРВ даёт информацию не о морфологическом статусе, а о функциональном, что является принципиально важным для спорта. Многолетние исследования в Санкт-Петербургском НИИ физической культуры привели к созданию программ, основанных на методах искусственного интеллекта, которые путём математического анализа картин свечения пальцев рук спортсменов позволяют с высокой степенью достоверности давать прогноз соревновательной успешности и выявлять основные проблемы спортивной подготовки. Это делается на основе сопоставления ГРВ параметров конкретного спортсмена в данном виде спорта с базой данных спортсменов высокого и среднего класса, которая включает несколько тысяч человек. Методика прошла многолетнюю апробацию и по приказу Министерства спорта РФ внедряется в практику подготовки к Олимпийским Играм.

Показателем важности нового научного направления является внимание к нему специалистов, в том числе зарубежных. Вот уже 13 лет в Петербурге проходит Международный научный конгресс «Наука. Информация. Сознание», посвящённый раз-

витию метода биоэлектрографии. Каждый год конгресс собирает более 300 специалистов из России и многих стран мира, включая Англию, Бразилию, Венесуэлу, Германию, Канаду, Францию, Швейцарию и США. Как отметил на открытии конгресса 2009 г. профессор А. И. Крашенюк: «Не так много существует научных направлений, которые 13 лет подряд могут ежегодно собирать международные конгрессы, привлекая всё больше участников. И мы можем с гордостью сказать, что это одна из немногих российских технологий, созданных в Санкт-Петербурге, которая завоевала широкое международное признание».

Можно ещё много рассказать об исследовании воды и крови, драгоценных камней и геоактивных зон, но эти темы можно найти в многочисленных публикациях.

А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ
(Центр «Семья» Приморского района; Санкт-Петербург)

КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ ПРИ ТРАКТОВКЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ В РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ КОММУНИКАЦИИ

Задавая вопрос об истинности того или иного текста, учения, понятия мы вовлекаемся в ситуацию властных отношений. Всякий текст (язык) является «мостом» между нами и миром явлений. На уровне формальной логики или семантики вопрос «истины» – это вопрос метода, операционных средств. На уровне религии или культуры вопрос «истины» – это вопрос отношений субъектов культуры (человек, страна, этнос, социальный слой…). Например, «неистинность» религии, озвученная лицом, наделённым властью, может понизить социальный статус людей, отождествляющих себя с этой религией.

Критерии «истинности» различаются соответственно уровням коммуникации. На мифопсихологическом уровне коммуникации «истинным» становится описание, дающее сиюминутное, мгновенное чувство сопричастности, цельности. Миф – это «объяснение», рассказ о страшном, опасном мире. На уровне архаичной целостности сознание не задаётся вопросом «истинности», а принимает как реальность любое описание, дающее психологический комфорт. На уровне теологическом (религиозном) понятие «истинности» включено в сам текст как источник культурного конфликта. Культурно молодая религия задаёт новое измерение реальности, конфликтует с традицией, прямо называет, где Истина и где ложь. Культурно старая религия обретает черты идеологии и опускается на уровень мифопсихологический. Однако вопрос об «истинности» на теологическом уровне коммуникации также не ставится – Истина даётся как Данность. На философском уровне коммуникации истина является результатом обобщения всех существующих мнений на основании здравого (общего) смысла. Здесь возникает трудность в приведении всех понятий к здравому смыслу, что невозможно, например, для теологического дискурса, где истина может не соответствовать критерию нормальности («ударят по одной щеке, подставь другую»). На уровне юридическо-научном критерий «истинности» – это законодательный акт, приводящий к однозначному следствию

(«незнание закона не освобождает от ответственности»). Исторически религия имеет статус закона (например, иудейская Тора), однако такое положение вещей возможно при социальном неравенстве архаического мира (социальные нормы диктуются сверху). Разделение труда, развитие институтов, дающих реальное социальное равенство, приводит к выделению законов (юридических и научных) в область безличного формулирования и властного давления. Прикладная наука (вне религии и философии) – не поиск истины, но средство овладения силами природы, либо средство ограничения допуска к природным ресурсам иных претендующих (военные цели).

Вопрос об истинности символической либо религиозной системы знания решается в пределах уровней коммуникации:

– либо мы принимаем психологически важные (необходимые, «истинные») для нас описания бессознательного;

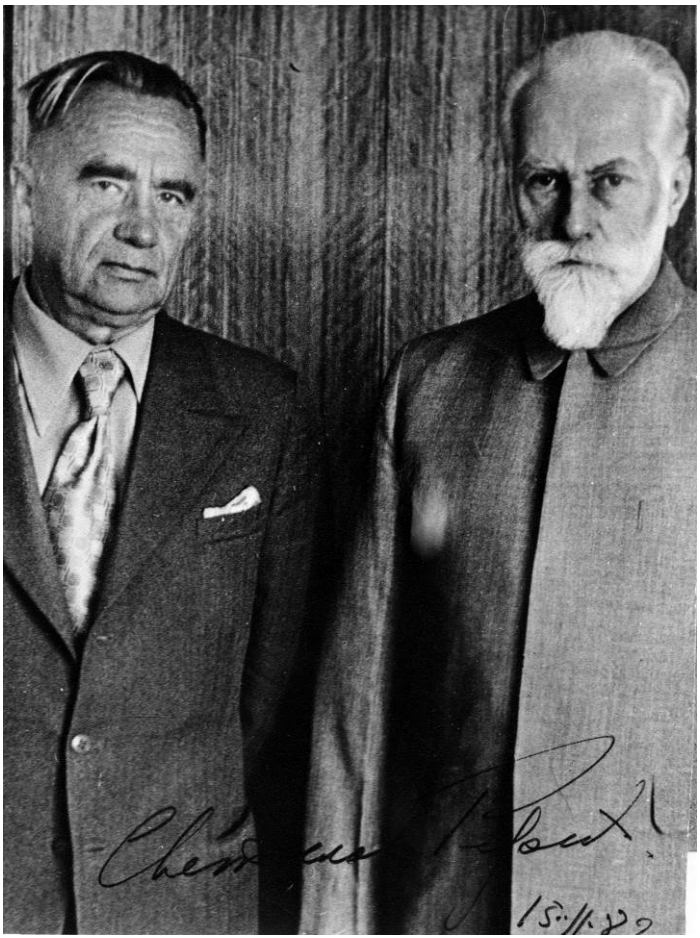
– либо мы доверяем понятиям теологического дискурса, мыслим строго в границах «истинной» веры, отвергаем иные способы описания как ложные;

– либо пытаемся найти «поли-истинное» философское обобщение различным методам описания;

– либо формулируем «истинные» законы, действующие с необходимостью во всех сферах бытия, а также реализуем властные полномочия, используя эти законы (в отношении природы или людей).

В современной европейской культуре юридически-научный дискурс является доминирующим. Законы природы полагаются «истинными», если они «работают», то есть реализуют власть над природой, людьми и т. п. Термин «истинный» взят в кавычки не случайно. Современная культурная ситуация характеризуется отказом от некоторых философских терминов, относящихся к вопросу Истины. Например, термин «Бог». При социальных опросах в России конца XX в. выявлено, что верующих в Бога значительно меньше, чем тех, кто верит в «Высшую справедливость». Это не означает уменьшения религиозного чувства или религиозного сознания, но это означает отказ от «устаревшего» термина «Бог».

В этом отношении Учение Живой Этики является примером текста, где Автор пытается отказаться от традиционных религиозно-философских терминов, как на уровне рекомендаций, так и на уровне самого текста Учения. Эта выражается, во-первых, в формулировке канона «Господом твоим» – то есть «говорить языком собеседника» в вопросах Истины. Учение Живой Этики написано главным образом в психологическом дискурсе, подобно буддийской Дхамме. Этот принцип позволяет сохранять плюрализм в любых формах религиозного мировосприятия. Во-вторых, сам язык Учения Живой Этики свободен от терминологии европейской или восточной философии. Например, миры «плотный, Тонкий, Огненный» соответствуют общепризнанному онтологическому делению в европейской философии на мир тела, души и духа. Благодаря отказу от стандартов в терминах, Автор Учения Живой Этики оставляет читателю свободу мыслетворчества. Это позволяет совмещать в онтологических суждениях и западное, и восточное религиозно-философское мировоззрение.



Павел Фёдорович Беликов и Святослав Николаевич Рерих в Москве. 1981
На снимке автограф: *Святослав Рерих. 15•11•82*
© Собрание семьи Беликовых (Эстония)

IV. К 100-ЛЕТИЮ ПАВЛА ФЁДОРОВИЧА БЕЛИКОВА (29.07.1911—15.05.1982)

А. П. БЕЛИКОВА
(Таллинн)

МОЙ СВЁКОР ПАВЕЛ ФЁДОРОВИЧ БЕЛИКОВ

Павел Фёдорович Беликов – мой свёкор – родился 29 июля 1911 г. в городе Нарва. Его отец – Фёдор Александрович Беликов, русский, православный, тихий, честный человек, занимался торговлей. Про него говорили: «Купец старой закалки». Мать – Мария Матвеевна Беликова (в девичестве Атонен), ингерманландка, православная, умная и энергичная, была очень хороша собой, с необыкновенно длинными ресницами, красивой осанкой и достойной манерой держаться. Любила путешествия, театры, концерты, одевалась экстравагантно. Была хорошей хозяйкой, но и дома не сидела, занималась общественной работой, организовывала женские кружки, лотереи, привлекала круг попечителей к церковной жизни.

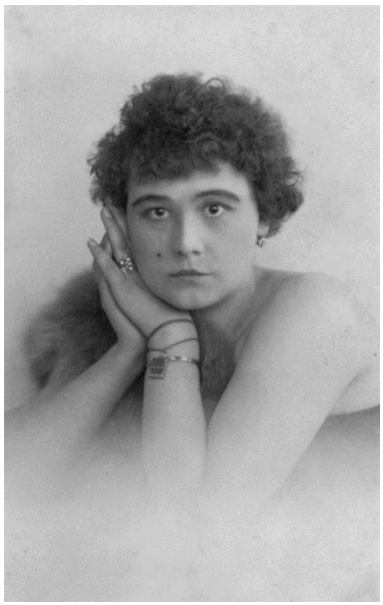
Брак был неравный, но своенравная красавица ставила условия жениху и не соглашалась венчаться без выезда с тройкой белых лошадей. Жили на широкую ногу, ездили на Кавказ, в Крым. Во время первой мировой войны отец отправил семью в Саратов и следом два вагона с вещами, библиотекой, роялем, в пути всё пропало. В Эстонию вернулись через два года, в 1918 г.

Дела в торговле не налаживались, в конце концов, отец разорился. В начале 1920-х гг. осели в Васькнарве (Сыренец), на берегу реки Наровы возле Чудского озера, отец открыл магазин. С 1925 по 1928 г. Павлик жил с матерью в Петрограде, где учился в школе, а когда вернулись, начал помогать отцу в торговле. За что ни брался – во всё вникал, обладал организаторскими способностями.

Мария Матвеевна была ещё очень привлекательной и такой же энергичной женщиной, вскоре семья распалась. Она поселилась в Таллинне, держала небольшой пансионат-столовую. Материально приходилось нелегко, но она старалась придерживаться прежнего уровня жизни. Обучала постояльцев хорошим манерам. Стол неизменно сервировался с изыском и аккуратностью, хотя на нём было больше посуды, чем еды.

В начале 1930-х гг. отец с сыновьями, Павлом и Александром, переехали тоже в Таллинн. Павел учился на Высших коммерческих курсах, но с работой было очень сложно, братья стали работать на ткацкой фабрике, где Павел Фёдорович заболел туберкулёзом. Страшно исхудал, весил всего 53 кг. Подлечившись в санатории, продолжал работать. Очень помогал ему своими лекарствами доктор Г. Ф. Лукин из Риги, и в дальнейшем поддерживал, особенно в 1970-е гг., когда у Павла Фёдоровича обнаружили стенокардию. Гаральд Феликсович был его близким другом.

Свёкор рассказывал, что с юных лет тянулся к увлечённым людям, у которых мог получить новые знания, много читал, увлекался философией. В Таллинне он стал активным участником русского литературного кружка при обществе «Витязь».

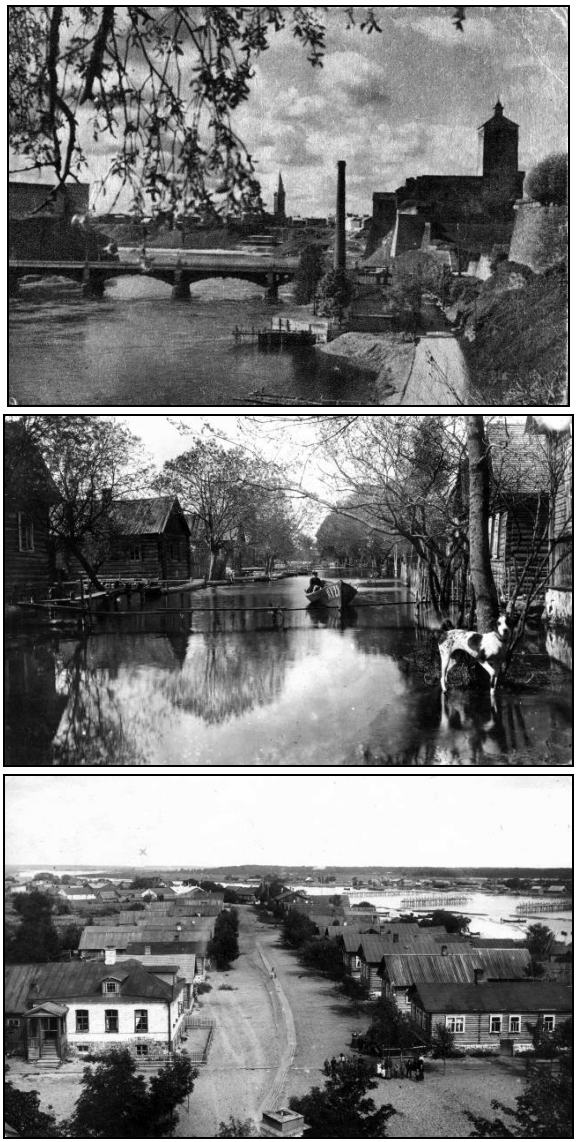


Родители П. Ф. Беликова Ф. А. Беликов и М. М. Беликова (в девичестве Атонен)

Близко сошёлся с писателем В. Гущиком, поэтом Б. Тагго-Новосадовым, евразийцем В. Пейлем (который тоже работал на ткацкой фабрике и посещал литературный кружок), молодой поэтессой Ю. Ивановой, был знаком с поэтом-теософом М. Сидоровым, в воспоминаниях не раз упоминал фамилии Ю. Иваска и Н. Рудниковой. Был знаком с Игорем Северяниным, поселившимся в Эстонии после революции. Павел Фёдорович восхищался природой данными Северянину чувством рифмы и ритма. Выступал с обзорными статьями и докладами, в том числе и о творчестве Н. К. Рериха. В доме появились книги Учения Живой Этики, статьи и очерки Николая Константиновича, открытки и репродукции его картин: первые материалы будущего архива. В 1936 г. началась переписка между П. Ф. Беликовым и Н. К. Рерихом, жившим в Индии. Причём Николай Константинович первым обратился к Павлу Фёдоровичу с письмом, по рекомендации Владимира Гущика.

* * *

В 1937 г. Беликову предложили работу в книготорговой фирме «Тээкооль», где было отделение «Международной книги», вскоре он стал заведующим отделом, увеличив оборот торговли в десять раз. «Международной книгой» назывался кооператив фирм по продаже книг за границу, куда поступала печатная продукция из России. Русским эмигрантам, разбросанным по всем странам мира, было удобнее заказывать книги в Эстонии, со скидкой до 40%, чем непосредственно из Советской России. Заказывал книги для своей библиотеки и Юрий Николаевич Рерих. Работа предоставила Павлу Фёдоровичу возможность знакомства с самыми разнообразными, интересными людьми.



Места детства и юности П. Ф. Беликова. Снимки из семейного альбома. 1920-е
Верхний снимок – Нарва, остальные – Сыренец

Примечание. Средний снимок улицы в Сыренце во время половодья сделан Н. Абрамовым в 1924 г. Нижний – вид на деревню Сыренец с колокольни Сыренецкой православной Ильинской церкви в 1925 г. У Беликовых никогда не было дома в Сыренце, снимали квартиру. Дома были у Маховых и Абрамовых. Самый богатый дом в Сыренце из красного кирпича был у Абрамова, деда Г. В. Беликовой (его место отмечено крестиком на нижнем снимке). Фотография дома воспроизведена в книге «Поселения Причудья» (2008), как и некоторые другие снимки, которые Г. В. Беликова подарила автору этой книги Леониду Михайлову

Работая в «Тээкооль», он получал 300 крон (зарплата начислялась с оборота), по тем временам очень приличная сумма, оклад рабочего тогда составлял 60 крон.

В 1940 г. он возглавил Эстонскую республиканскую контору «Союзпечать».

После войны Павел Фёдорович продолжил работу в конторе «Союзпечать», в дальнейшем работал бухгалтером в различных учреждениях Эстонии.

* * *

…Люди уходят на пенсию, чтобы отдыхать, П. Ф. Беликов – чтобы трудиться. Теперь он полностью мог посвятить себя увлечению, которому он не изменял с юношеских лет, – литература, восточная философия, история искусства стали основной базой его дальнейших трудов и устремлений.

Он планировал свой день и чётко придерживался определённого ритма, хотя для постороннего взгляда вся эта система выглядела естественным ходом жизни. Каждый день вмещал в себя и серьёзную научную работу, и обширную переписку, и дела по хозяйству, и обязательные прогулки по окрестностям, и отдых с книгой.

Определённого распорядка и образа жизни Павел Фёдорович стал придерживаться примерно с 45 лет. В это время он познакомился и сдружился с местным психотерапевтом Вольдемаром Карловичем Пабсоном – человеком серьёзным и увлечённым, пропагандистом метода сознательного самовнушения Э. Куэ и здорового образа жизни. Пабсон скончался в 1959 г. К этому времени у Павла Фёдорови-

Г. В. и П. Ф. Беликовы на пристани в Сыренце в начале свадебного путешествия. 1938

ча созрело окончательное решение переехать в сельскую местность на постоянное жительство, подальше от городской суеты, где бы он смог всё свободное время посвятить любимому делу. Он искал тихое, уединённое место, недалеко от Таллинна, как раз поступило предложение работы в Аравете, а затем в Козе-Ууэмыйза главным бухгалтером Козеского отделения «Эстсельхозтехники». Жена осталась с детьми в Таллинне, а после выхода на пенсию переехала к нему в Козе-Ууэмыйза. Дети вспоминают, как отец переезжал, в машину грузили вещи и самое главное – массивный письменный стол-бюро, который купили по случаю на распродаже мебели с почты. В любом доме у него всегда был свой уголок, с любимыми фотографиями и репродукциями картин Н. К. Рериха. Днём – служба, а большая часть свободного времени дома – у письменного стола. В Аравете он заканчивает объёмный труд «Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм». Поселившись в Козе-Ууэмыйза, начинает собирать материал для биографической книги о Н. К. Рерихе и, как всегда, ведёт обширную переписку.

П. Ф. Беликов в 1939 г.

* * *

Вот как складывался его день в Козе-Ууэмыйза после выхода на пенсию.

Вставал обычно часов в семь, делал небольшой комплекс асан, облегчённый вариант для пожилых людей, который составил для него знакомый врач.

Завтракал и одновременно слушал новости по радио (местные, BBC, «Голос Америки»). Говорил: «Надо иметь разнообразную информацию, но выводы делать самому». До двенадцати работал за письменным столом. После двенадцати – прогулка на почту за корреспонденцией, в магазин за продуктами, по возращении – лёгкий второй завтрак: чай с бутербродом (фирменный – с сыром, украшенный солёным огурцом или помидором). Знал тонкости заварки чая, каждый раз заваривал свежий, иногда смешивал чаи различных сортов. Смаковал чай, привезённый Л. В. Шапошниковой из Индии.

Очень любил томаты (так на эстонский манер называли помидоры). Ещё бурые срывал их в парнике, заворачивал в газету и прятал в тёплое местечко в шкафу – чтобы быстрее доходили. Припрятывать приходилась от профессионального взгляда жены-агронома Галины Васильевны, которая настаивала на созревании плодов естественным путём, под солнцем. Строгость, конечно же, была наигранная, и жена очень радовалась рано и внезапно появившемуся красному помидору.

В почтовое отделение Павел Фёдорович ходил каждый день. Там шутили, что почта будет работать, даже если в Козе-Ууэмыйза останется жить один Беликов. Переписка была обширная – Индия, Америка, Австрия, Германия, Англия, Болгария, не считая корреспондентов на территории бывшего СССР. В праздники получали до 300 поздравлений.

Галина Васильевна Беликова, в девичестве Махова
Фотография сделана в конце 1950-х – начале 1960-х гг.
в 19-й средней школе г. Таллинна, где Г. В. Беликова преподавала географию

После инсульта, когда правая рука стала плохо действовать, письма печатал левой рукой на машинке, а конверты доверял подписывать внучке (с 1968 по 1982 г. мы жили там каждое лето и в выходные дни зимой).

Выписывал журналы «Новый мир», «Москва», «Наш современник», «Иностранная литература», «Вопросы философии», «Книжное обозрение», «Наука и жизнь» и «Литературную газету». В то время подписка была ограничена, но в сельской местности на почтовое отделение выделяли по одному экземпляру каждого журнала; кроме П. Ф. Беликова в эстонском посёлке никто подпиской на русскую периодику не интересовался. Научные книги и журналы читал с карандашом в руках, делал закладки и выписки на карточки в свою картотеку.

Павел Фёдорович следил за новинками художественной литературы, имел вкус к слову, любил и разбирался в поэзии, в беседе часто цитировал любимые строки. Внучке Гале вместо сказки на ночь читал стихи любимых поэтов – Блока, Пастернака, Гумилёва, Ахматовой, раннего Бродского.

Днём часок отдыхал с книгой, лёжа на диване (летом на шезлонге под яблонями), и – опять за письменный стол.

Теперь понимаю (раньше это не осознавалось), что в доме не было пустых разговоров, болтовни. Не принято было обсуждать чужую жизнь, говорить о своих болезнях при людях, о деньгах, о стоимости покупок, хотя жили расчётливо и планировали свой бюджет, где обязательно учитывались летние путешествия. План маршрута составляли заранее, во время поездки не засиживались на одном месте. Из детства Павел Фёдорович часто вспоминал путешествие с родителями по Волге и Кавказу. Когда получил гонорар за книгу «Рерих» в серии ЖЗЛ, сделал своим взрослым детям подарок – вместе с дочерью Еленой и сыном Кириллом они проплыли на теплоходе от Москвы до Волгограда и побывали на Кавказе.

Обедали в пять часов, обычно Павел Фёдорович готовил обед сам, очень быстро и вкусно (когда приезжали дети, то передавал им свои полномочия).

Стол был вегетарианским, он шутил: «сегодня у нас суп-фантазия». Все овощи и фрукты были из своего сада. Гостей угощали клубникой со взбитыми сливками – десерт, который в контексте небольшого эстонского посёлка в советские времена вызывал удивление западных гостей. Галина Васильевна пекла пироги и фирменные лепёшки.

Завтракали на скорую руку на кухне, для обеда всегда накрывали стол в столовой, обедали вместе. Посуду мыла Галина Васильевна, вытирал Павел Фёдорович. Говорил: «если я не буду заниматься домашними хлопотами, то без движения просижу за письменным столом целый день».

* * *

После обеда прогулка с женой по окрестностям. В зависимости от погоды и самочувствия выбирался маршрут – «большой круг», «маленький кружок» или «маленький с хвостиком». Такие вечерние прогулки были традицией ещё со времён жизни в Таллинне. Соседи до сих пор вспоминают немолодую пару, гуляющую по вечерам.

Телевизор смотрели мало, исключение составляли новости и любимые «Очевидное – невероятное», «Кабачок 12 стульев». Вечерами слушали пластинки: классическую музыку, романсы, танго Строка, Вертинского, Окуджаву, Шульженко. Галина Васильевна играла на фортепьяно. В молодости Павел Фёдорович и сам играл на гитаре и пел. Уже без гитары, в наши времена, он часто напевал русские романсы или песни Вертинского.

Спать укладывались часов в десять вечера. Павел Фёдорович читал допоздна. Сначала художественная литература, а перед самым сном обязательно – «Живая Этика» и письма Е. И. Рерих.

* * *

Распорядок почти не менялся, даже по праздникам – обязательные четыре часа за письменным столом.

Павел Фёдорович не употреблял алкоголя и даже на нашей свадьбе пил только лимонад, любил марку «Байкал», с иронией относился к пышным празднествам по случаю дня рождения (к праздникам «по самому себе»).

Галина Васильевна, в девичестве Махова, была воспитана в религиозной семье, поэтому главные церковные праздники – Рождество и Пасха всегда отмечались. К 24 декабря наряжали пушистую ёлку, на Пасху пекли куличи; в специальной разъёмной форме готовили творожную заварную пасху (каждому по вкусу – кому с цукатами, кому с изюмом). Павел Фёдорович всегда внимательно рассматривал художества внуков по покраске пасхальных яиц и выносил своё одобрение удачному подбору цветов или замысловатым сюжетам.

Отца Галины Васильевны не раз выбирали старостой Ильинской церкви в Сыренце. В 1940 г. отец был сослан в Сибирь, где скончался в 1943 г. Последним ста-

ростой Ильинской церкви был дед Киры Алексеевны Молчановой, родной брат отца Галины Васильевны.

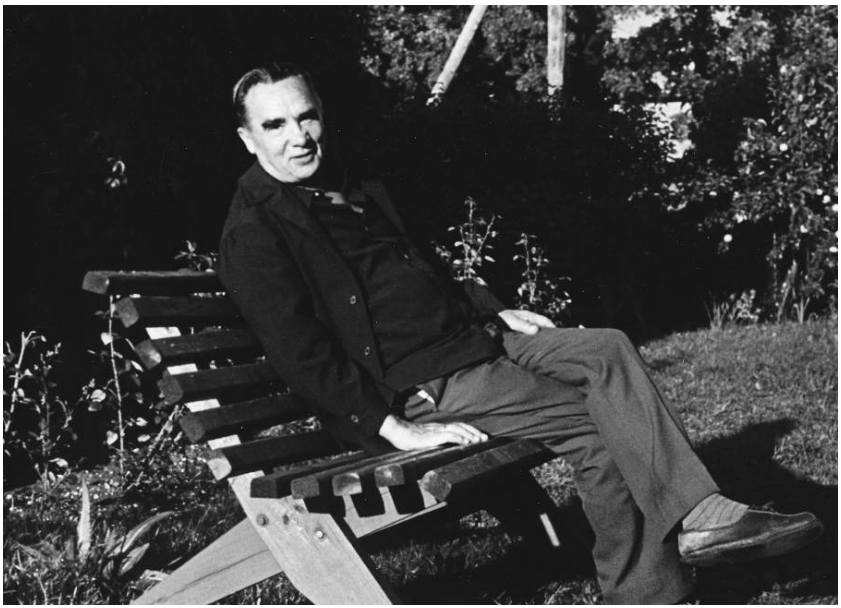
* * *

В Козе-Ууэмыйза очень часто (особенно летом) приезжали гости. После выхода в 1972 г. книги «Рерих» в серии ЖЗЛ потянулись не только почитатели Н. К. Рериха, но и жаждущие новых встреч, интересующиеся восточной философией и просто русская интеллигенция. В скромный дом в эстонском посёлке, в 40 км от столицы, приезжали и совершенно незнакомые люди, получившие адрес П. Ф. Беликова в издательстве или у друзей. Сейчас приходится слышать о «необыкновенном доме», чуть ли не «усадьбе» в Козе-Ууэмыйза. На самом деле, дом был самым обыкновенным, но с удивительной атмосферой гостеприимства. А необыкновенным был сам Павел Фёдорович, который создавал ощущение причастности к чему-то удивительному, возвышенному.

* * *

С приездом гостей, день, естественно, выбивался из чёткого плана, но Павел Фёдорович был рад всем. Принимали, потчевали лепёшками со сметаной или топлёным маслом. Вели неторопливые беседы за столом, гуляли по великолепному парку вокруг мызы барона Икскуля и к полуразрушенной часовне в излучине двух рек. Потом Павел Фёдорович с гостями уединялись в кабинете для личных бесед. Какой бы серьёзной ни была затронутая тема, всегда оставалось место шутке. Свё-

Павел Фёдорович Беликов в своём кабинете. Куусалу. 1960



Павел Фёдорович Беликов у дома в Козе-Ууэмыйза. 1970-е

кор был человеком весёлым, доброжелательным, с тёплым чувством юмора, ровный в отношениях с людьми разных социальных слоёв. Разговор строил на том, что интересует собеседника, своего мнения не навязывал, но дипломатично отстоять его умел всегда, если же чувствовал устремление, живой, глубокий интерес – протягивал руку, бескорыстно делясь всем, что имел. Не каждый мог предположить, как широк мир этого скромного и по-хорошему делового человека.

Из России гости привозили для прочтения редкие книги, перепечатки – их невозможно было послать почтой, в следующий приезд или с оказией книги передавались дальше. Так же широко пользовались библиотекой Павла Фёдоровича, активная молодёжь использовала редкие книги для самиздата, для этого книги расшивали, снимали обложки, иногда «терялись» не только оригинальные обложки, но и книги. Беликов шутил по этому поводу: «Видимо, эта книга им нужней, чем мне». В общении он был лёгким человеком, не заострял внимания на мелких житейских проблемах, все шероховатости старался свести к шутке.

Павел Фёдорович приветствовал то немногое, что в 1960–1970-е гг. появлялось в печати о Николае Константиновиче, активно содействовал этому, а если чувствовал неподдельную заинтересованность, снабжал авторов бесценными материалами и идеями.

* * *

Павел Фёдорович часто ездил по делам в Москву и Ленинград, возвращаться любил в воскресенье, чтобы вся семья была в сборе. Из поездок всегда звонил и

Павел Фёдорович Беликов в парке. Козе-Ууэмыйза. 1970-е

присылал открытки, хотя отсутствовал не более недели. Обязательно привозил маленькие подарки всем членам семьи. Павел Фёдорович никогда не забывал выполнять просьбы и пожелания родных, и когда трёхлетняя внучка Галя заказала «курятник» (девочке очень нравились соседские цыплята), дедушка легко вышел из непростой ситуации, привезя десяток механических заводных кур и петушка. Разом завёл их, и все эти птицы клевали и кудахтали на радость внучке. А как он сам принимал подарки! Даже самоделки от внуков так, как будто это самая необходимая для него вещь.

* * *

Святослав Николаевич о своём приезде в Союз всегда извещал Павла Фёдоровича предварительной телеграммой, и он неотлучно находился при нём во время каждого визита. Обычно, ездил один (после инсульта – с сыном Кириллом).

Е. П. МАТОЧКИН
(Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина; Новосибирск)

«ЗАЖИГАЮЩИЙ МИРЫ-ЗВЁЗДЫ…»

Моя память о **Павле Фёдоровиче Беликове** окрашена каким-то ореолом чудесного. Мне иногда кажется, что вот, наверное, таких людей в народе называют волшебниками. И вовсе не потому, что они совершают какие-то чудеса или осыпают себя и других златом-серебром. Напротив, всегда скромные, в бесконечных трудах, умеющие наставить человека на правильный путь и всегда появиться там, где он более всего нужен. Нет, у него не было никакой волшебной палочки и не было былинной богатырской силы, хотя чем-то он и походил на Вольгу и Микулу. Просто по духу он был таким же богатырём и так же смело шёл в бой и вёл за собой других. У него было такое ясное понимание жизни, что всякий раз его слова и мысли попадали в самую «точку» и производили самое необходимое действие. Недаром Николай Константинович Рерих говорил, что нет большей сказки, чем сама жизнь. Здесь мне и хотелось поделиться своими, если можно так сказать, «сказочными» воспоминаниями, которые поверх обыденного и внешнего более всего характеризовали необычность и внутреннее богатство этого Человека. Начну с того, как я себе его представляю.

В 1975 г. у нас, в Новосибирском Академгородке состоялась юбилейная выставка картин Н. К. Рериха. Все работы уже были развешаны, и днём предстояло открытие. Рано-рано утром я поехал встречать Павла Фёдоровича. Он прибывал самолётом. Мы ехали с аэродрома в машине. Дорога шла по ровным полям и что было удивительно – там, на востоке, где ещё только занималась заря..., стояли… Гималаи. Да, они были точно такими, как их рисовал Рерих – какими-то сияющими светло-зелёными на розовом фоне восхода. Какой-то рациональный голос шептал мне, что это вовсе не горы, а обычные облака, но я старался не слушать его и не терять чудесного ощущения, тем более что наша встреча была столь радостна и возвышенна, что «опускаться на землю» не было никакого смысла. Пожалуй, не менее удивительным было то, что и эти сказочные Гималаи, и мой собеседник казались мне представителями одного мира – светлого и прекрасного. И поныне образ Павла Фёдоровича неразрывен у меня с этим гималайским обрамлением, – может быть, ещё и потому, что, часто бывая с ним среди картин Н. К. Рериха, я замечал, что его облик очень естественно вписывался и сливался с горным миром, созданным великим художником.

В то время меня очень занимала рериховская космология. Я, как физик, был воспитан на теории «большого взрыва» и мне с трудом давалось его понятие Беспредельности. С этим-то «больным» вопросом я и обратился тогда же к Павлу Фёдоровичу. Точного ответа я не помню, да в той атмосфере главное было вовсе не в словах. Остриё же проблемы было снято. Он посоветовал мне познакомиться также с трудами В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, а затем прислал по почте небольшую книжицу К. Э. Циолковского «Монизм вселенной», изданную автором в Калуге в

1925 г. Заинтересовавшись, я выписал из Ленинки и другие брошюры основоположника космонавтики. Все они, прежде всего, поражают своей необычностью – тем, что они написаны не холодным умом, а каким-то «шестым» интуитивным чувством. Циолковский всегда считал, что сначала идёт мечта, фантазия, сказка, а за ними неизбежно шествует научный расчёт, и потому не смущался писать о самом влекущем, пусть на данный момент и недостаточно обоснованном. В этом прелесть его по-детски наивных и в то же время провидческих работ. После долгих лет забвения эти его неординарные труды сейчас оживлённо дискутируются на «Циолковских Чтениях» в Калуге.

Циолковский отстаивал, что свойства материи не априорны, они зависят от того, где находятся атомы – в живом или косном веществе. Современная же космология полностью игнорирует роль живого вещества в эволюции Вселенной. Между тем, В. И. Вернадский на космопланетарном уровне доказал взаимосвязанность живого и косного вещества, что жизнь в основе своей есть не только земное, но и космическое явление. Всё это по своей сути созвучно и рериховским идеям.

Осознавая глубину такого восприятия реальности, как-то по-новому смотришь на всё окружающее, на ценности природы и близость космоса. Становлению такого взгляда особенно помогает живопись Рериха, ведь не случайно художник стремился воплотить на своих полотнах «ощущение космической правды». Увидеть мир во всём многообразии, космичности и богатстве – больше счастье. Эти дни «просветления» незабываемы. И здесь я во многом обязан Павлу Фёдоровичу. В своё время и он испытал радость обретения нового качества, а его любимым заветом, которому он следовал всю свою жизнь, стали слова Рериха о космосе рабочем и простом, входящем во всю нашу жизнь, зажигающем миры-звёзды на всех не исчисленных планах.

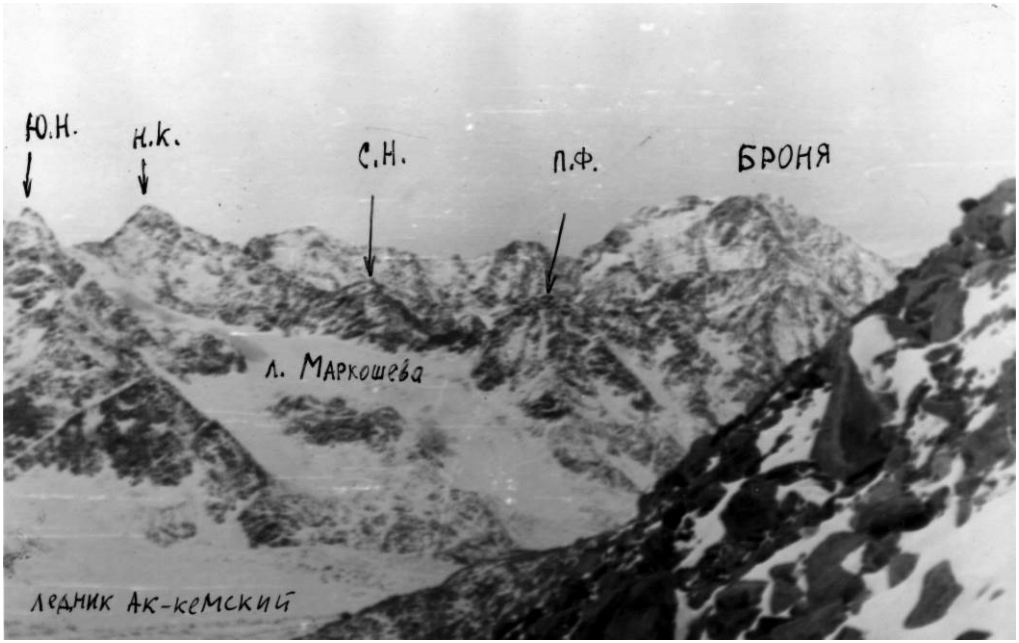
Второй приезд Павла Федоровича к нам в Сибирь состоялся через год. Тогда в президиуме Первых «Рериховских Чтений» он сидел рядом с академиком А. П. Окладниковым – председателем Оргкомитета Всесоюзной конференции. Познакомил я их заочно. Дело в том, что к 100-летнему юбилею художника я задумал написать статью «Рерих – исследователь Азии». Я видел свою задачу в том, чтобы соединить обширные рериховедческие познания Павла Фёдоровича и научное осмысление трудов Рериха Окладниковым. Следует отметить, что их встреча имела большое значение и для Алексея Павловича. Достаточно сказать, что последняя зарубежная поездка Окладникова была в Индию, в Гималайский научно-исследовательский институт «Урусвати».

После Вторых «Рериховских Чтений» в 1979 г. в нашей прессе появилась тенденциозная статья, направленная против конференции. Она отражала не столько объективную ситуацию, сколько незрелость самого автора, критиковавшего, по сути дела, некоторую часть молодёжи, которая увлеклась мистической стороной древних учений Востока. Я немедленно послал эту публикацию Павлу Фёдоровичу. Он же, совершенно забыв о себе, за два дня написал большую ответную статью...

Третьи «Рериховские Чтения» проходили в Улан-Удэ в 1982 г. Все присутствующие минутой молчания почтили светлую память А. П. Окладникова и П. Ф. Беликова.

Павел Фёдорович Беликов (1911—1982) и академик Алексей Павлович Окладников (1908—1981) на I «Рериховских Чтениях». Новосибирск. 1976. Фото В. П. Мыльникова

Закончить мне хочется ещё одним чудесным воспоминанием. Оно связано с первовосхождением на Пик Беликова. Он расположен на Алтае у Ак-кемского ледника, по которому проходят маршруты туристов и альпинистов к Белухе. Именно с этой вершины начинается скальная подкова, в которой находятся пики, названные по именам членов семьи Рерихов. Посвятить эту вершину памяти П. Ф. Беликова было очень естественно и вполне уместно. Ведь именно через статьи, письма и книги Павла Фёдоровича многие открывают для себя искусство выдающегося мастера современности.



Вершины в окрестностях Белухи, посвящённые памяти Ю. Н. Рериха (*Ю. Н.*), Н. К. Рериха (*Н. К.*), С. Н. Рериха (*С. Н.*), П. Ф. Беликова (*П. Ф.*), и пик *Броня*. На снимке также обозначены ледники *Маркошева* и *Ак-кемский*. © Собрание семьи Беликова (Эстония)

Восхождение состоялось в августе 1983 г. С утра погода была неважной, но к обеду туман развеялся, и мы вышли двойкой-связкой. К счастью, нам удалось найти удобный, винтообразный путь к вершине, выглядевшей неприступной. С высшей точки мы наблюдали, как наша другая группа совершала подъём на Пик Сердце в честь Зинаиды Григорьевны Фосдик. На обратном пути мой напарник – альпинист-разрядник, секретарь райкома партии Андрей Морозов с чувством произнёс: «Теперь, даже если мы и погибнем, вершина будет иметь имя Беликова». Перед крутым участком спуска Андрей вдруг в изумлении прислонился к скале, широко раскрыл неизвестно куда смотрящие глаза и в крайнем удивлении спросил: «Женя, ты чувствуешь запах? Какой запах! У тебя нет духов?». Но вокруг были лишь снега да камни и чудом укоренившаяся в расщелине скал крохотная былинка. Мы были «на взводе», нервы наши были напряжены, внимание заострено, чувства утончены. Души наши ликовали радостью, в них шли волны тонкого аромата.

Спустившись к небольшому озерку, мы прилегли на мягкую зелень травы. Вокруг полыхали цветы, точно вобравшие в себя все краски космического огня. Прямо перед нами вздымалась гигантская, километровая стена Белухи. Мы долго молчали, созерцая гармонию космического величия гор, красоту и неисчерпаемость живого цветка.

А. Н. АННЕНКО
(Союз журналистов России; Абакан)

П. Ф. БЕЛИКОВ. УТРО РЕРИХОВЕДЕНИЯ

100-летие со дня рождения **Павла Фёдоровича Беликова** – юбилей человека, представлявшего собой ярчайший пример служения высшим идеалам, соединившего повседневность и Надземное. С точки зрения самосовершенствования, достижения результата, а не достижения внешнего успеха, Павел Фёдорович остаётся непревзойдённым образцом подлинного, а не «трибунного» деятеля, строившего свою жизнь, ориентируясь на самые высокие нравственные и творческие планки.

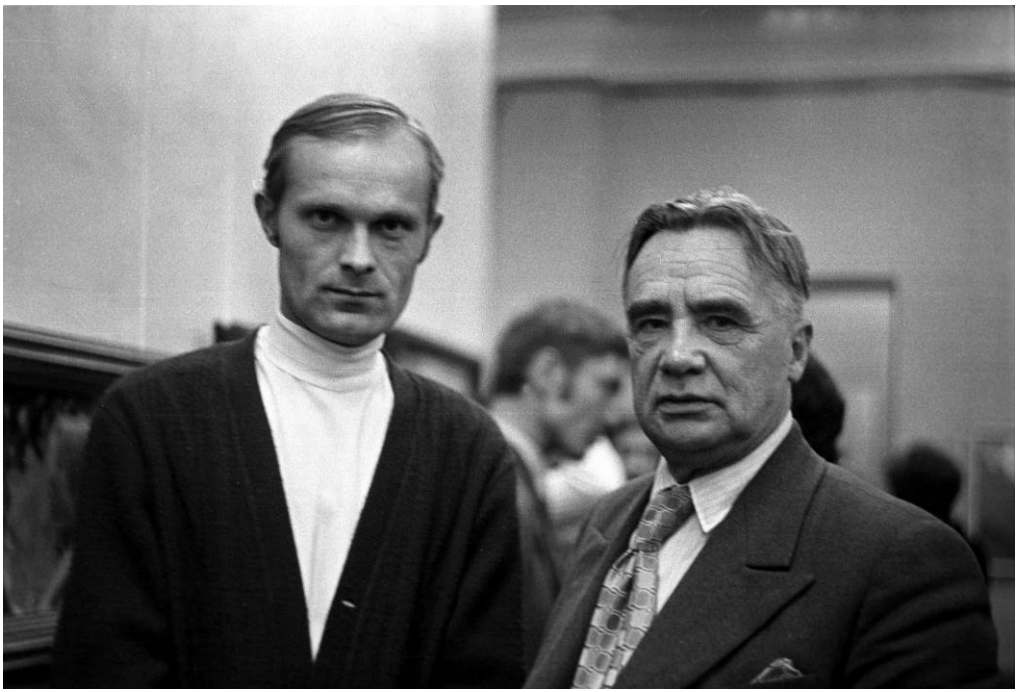
Павел Фёдорович как мыслящий человек и строитель своей жизни, состоялся бы, если он, например, стал исследователем творчества Иммануила Канта. Это видно по сохранившемуся тексту доклада о немецком философе, по письмам к будущей жене. «Филео» плюс «софия» – любовь к мудрости – была яркой отличительной чертой Павла Беликова с молодых лет. В отличие от литературного героя, носившего ту же фамилию, и ставшего олицетворением «человека в футляре» повседневности, Павел Беликов открыл для себя космическое мировосприятие жизни. Трагедия героя Чехова – в отсутствии Большой Идеи жизни. У реального Беликова, почти в таких же жизненных обстоятельствах, Большая Идея жизни была. Он встретился с Державой Рериха уже в юности, когда формировалось его мировоззрение. Воодушевление фигурой Н. К. Рериха стало определяющим для разнообразной творческой работы П. Ф. Беликова – философа, учёного и общественного деятеля. Кармические накопления его были велики, и характеристика дарований и связанных с этим достижений выходит далеко за рамки определения – «классик рериховедения».

По мнению Л. В. Шапошниковой, генерального директора Музея имени Н. К. Рериха в Москве, П. Ф. Беликов «стоял у истоков серьёзного научного рериховедения… Не имея никакого специального образования, он был первым, сумевшим открыть нам подлинного Рериха во многих аспектах его деятельности…»[1].

Сам П. Ф. Беликов писал в 1968 г.: «Первым опытом научного обобщения творчества и деятельности Рериха следует считать монографию о художнике кандидата искусствоведения В. П. Князевой[2]. В. П. Князева проделала большую работу по сбору и научной обработке материалов о Рерихе, логически объединила русский и зарубежный периоды жизни и творчества художника и указала направление для дальнейших исследований»[3].

Есть ли противоречие между двумя этими мнениями? Отдавая должное научной этике П. Ф. Беликова, нужно всё-таки обратить внимание на частный – искусствоведческий – ракурс работ В. П. Князевой.

П. Ф. Беликов, начав с изучения христианской теологии, трудов Канта, Гегеля, Маркса, русских философов, приходит к сокровищам восточной философии. В возрасте двадцати трёх лет он начинает постижение книг Учения Живой Этики, которые имели решающее значение для формирования его мировосприятия. «Эти кни-



Алексей Николаевич Анненко и Павел Фёдорович Беликов на I «Рериховских Чтениях» Новосибирск. 1976. © Собрание А. Н. Анненко (Абакан)

ги, – по его собственному выражению, – меня буквально духовно перевернули»[4]. Его сохранившийся «Доклад после прочтения книги "Л. С. М."»[5] – яркое свидетельство глубокого понимания оригинальности Учения Живой Этики и жизненная программа.

Его мысли были замечены на далёких горных вершинах. Он получил письмо из Индии от глубоко почитаемого им художника и мыслителя – Николая Рериха. Переписка с ним вдохновила молодого человека на всю последующую жизнь. Позднее он написал фундаментальные работы – «Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм (Опыт сравнительного изучения)», «Рерих – мыслитель»…

Он был «любомудром», любителем мудрости, философом в древнем значении этого слова. Это помогло ему стать первым исследователем Рериховского наследия, который ввёл его в сферу комплексного – не только искусствоведческого – научного изучения. Его статья «Рерих и Горький», составленная им «Библиография произведений Н. К. Рериха», опубликованные в «Учёных записках Тартуского университета», статья «Николай Рерих и Индия» в сборнике «Страны и народы Востока» Академии наук СССР открыли путь к грамотному научному познанию Державы Рериха.

Вышедшая в 1972 г. в серии «Жизнь замечательных людей» книга «Рерих», написанная в соавторстве с В. П. Князевой, несмотря на популярный характер,

написана в строгом соответствии с научными критериями и биографическими сведениями, известными в то время. Она открыла читательской аудитории многогранный мир исканий и достижений великого мыслителя и гуманиста. Её появление стало поистине светлым лучом, прорывом к признанию великого подвижника на его Родине.

«Конечно, я считаю эту книгу, – писал Павел Фёдорович С. Н. Рериху, – лишь слабым отзвуком тех чувств и мыслей, которые не облечь в обычные человеческие словосочетания. Остаётся только надеяться, что это первая более-менее подробная и систематизированная биография Н[иколая] К[онстантиновича], в которой как-то раскрыт и его внутренний творческий мир, послужит фундаментом для дальнейших работ и исследований…»[6].

Его доклады на конференциях и статьи в научных сборниках, кроме того, что были безукоризненны с фактической стороны, известной в то время, открывали новые горизонты исследовательского поиска.

Книга, которую писал Беликов-учёный в последние годы жизни – «Рерих: опыт духовной биографии» – положила начало уникальному направлению в рериховедении. Несмотря на то, что она осталась недописанной, книга представляет собой законченный образец, завершённый опыт исследовательской работы. Рериховедение в исполнении П. Ф. Беликова становится чем-то бóльшим, чем научный метод, – это метод духовного самосовершенствования человека на примере жизненного подвига Н. К. Рериха и его семьи.

Если хотя и трудно, но возможно (хотя бы с помощью библиографического изучения) оценить значение научной и литературной деятельности П. Ф. Беликова, то вряд ли даже со временем мы сможем оценить масштаб его общественной деятельности.

В советское время, особенно в последнее десятилетие его жизни, не было в СССР другого человека, который был так связан видимыми и невидимыми нитями с рериховским сообществом своего времени. Не ошибусь, если скажу, что само возникновение такого сообщества началось и ярко проявилось в деятельности Павла Фёдоровича Беликова. Он в контакте со С. Н. Рерихом осуществлял координацию общих усилий по продвижению рериховских идей в самых различных сферах жизни общества. В Козе-Ууэмыйза существовал и действовал неформальный «Всесоюзный Рериховский центр». «Первыми нашими публикациями о Рерихах все мы были обязаны ему. Его большой, тщательно подобранный и прекрасно систематизированный архив был для меня надежным источником тех знаний о Рерихах, в которых я в то время нуждалась…», – писала Л. В. Шапошникова[7].

Принципиальное отличие центра в Козе-Ууэмыйза от ныне действующих рериховских центров – в следовании канону «Господом Твоим», в ориентации на удовлетворение потребностей обращающихся, а не в сосредоточении на решении собственных планов и задач. Этот неформальный центр не нуждался в каких-то письменных признаниях его полномочий. Мощная незримая сеть духовного влияния мудреца из Козе-Ууэмыйза, покрывшая всю страну, непрерывно совершенствовалась и увеличивалась благодаря добровольному и взаимному притяжению отдель-

ных «ячеек». Все самые заметные общественные мероприятия, связанные с именем Рерихов, не только проходили с участием П. Ф. Беликова, но во многом были обязаны ему своим успешным проведением. Его переписка свидетельствует о нём, как о человеке, который не только был прекрасным знатоком трудов Рерихов и Учения Живой Этики, но и применял их принципиальные положения в реальной жизни.

Его общественное влияние основывалось на мудрости, знании, доброжелательном участии в духовных поисках многих людей, от академиков и знаменитых писателей до студентов вузов, и проходило поверх административных барьеров или должностей. Принципы П. Ф. Беликова – добротворчество, соизмеримость, приоритет культуры и этики, разумная терпимость к иному мнению – крайне важны для духовного пространства современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шапошникова Л. В.* Хранитель // Непрерывное восхождение: Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Фёдоровича Беликова (1911—1982). – Т. I. Воспоминания современников. Письма Н. К. Рериха, Ю. Н. Рериха, С. Н. Рериха. Труды / Сост. К. А. Молчанова. – М.: МЦР, 2001. – С. 49.
[2] *Князева В. П.* Николай Константинович Рерих. – Л. – М.: Искусство, 1963. – 113 с. со схем.; 44 л. ил.
[3] *Беликов П. Ф.* Рерих и Горький // Горьковский сборник. – Учёные записки Тартуского государственного университета. – Труды по русской и славянской филологии. – Т. XIII. – Тарту, 1968. – С. 251.
[4] Запись беседы с П. Ф. Беликовым. – Новосибирск. – 12 июня 1975 г. – Архив автора.
[5] См.: *Беликов П.* Доклад после прочтения книги «Л. С. М.» // Странник Державы Рериха: Сборник, посвящённый 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова – писателя, учёного, архивиста, библиографа, общественного деятеля / Сост. А. Н. Анненко. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – С. 10–13.
[6] Непрерывное восхождение: Сб. к 90-летию со дня рождения Павла Фёдоровича Беликова (1911—1982). – Т. II. – Ч. 1. – М.: МЦР, 2003. – С. 238.
[7] *Шапошникова Л. В.* Указ. соч.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

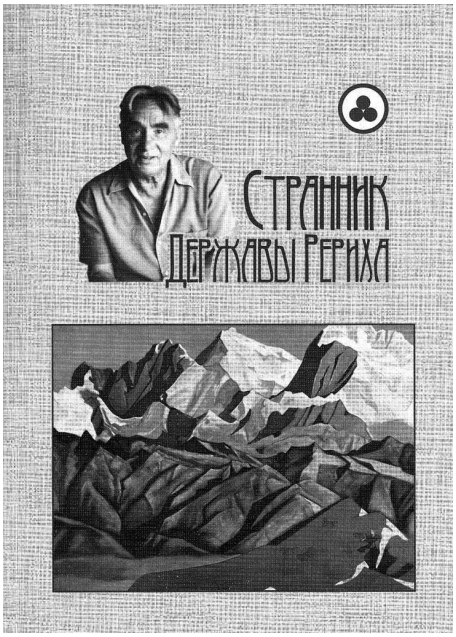
О КНИГАХ ПАМЯТИ П. Ф. БЕЛИКОВА

Пользуясь возможностью, я хотел бы сделать одно представление. Мы приурочили нашу конференцию к трём разным юбилеям. Отрадно, что к 100-летнему юбилею светоча мирового *рерихознания* и *рериховедения* **Павла Фёдоровича Беликова** в России Азиатской, в Хакасии, вышла замечательная книга – **«Странник Державы Рериха»** [*ил. 1*]. Эта книга – собрание не только неопубликованных и малоизвестных работ известного сотрудника семьи Рерихов, но и сборник воспоминаний о нём, о его сыне – продолжателе его славных дел – Кирилле Павловиче Беликове, о его семье – большой и очень радушной. И мне было очень приятно приветствовать на конференции внучку Павла Фёдоровича – Галину Кирилловну Беликову, которая в своей жизни во всём идёт по стопам деда.

Книгу «Странник Державы Рериха» подготовил большой друг нашего музея-института, который так же, как и семья Беликовых, сохраняет культурное наследие и постоянно пополняет музейные фонды. Это – Алексей Николаевич Анненко, ученик Павла Фёдоровича из Абакана. Спасибо ему за это издание!

В этой книге несколько разделов: «Корифей рериховедения» (тексты самого П. Ф. Беликова), «Искатель» (тексты о нём и его близких), «П. Ф. Беликов-100» (совсем недавние отклики на опрос, посвящённый 100-летию со дня рождения Павла Фёдоровича), «В честь 100-летия со дня рождения П. Ф. Беликова» (о юбилейных мероприятиях 2011 г.), «П. Ф. Беликов. Краткая хронология жизни и деятельности», «Библиография» и «Литература о П. Ф. Беликове». В книге 278 страниц.

Из первого раздела, составленного так, чтобы представить основные вехи творчества мыслителя, на мой взгляд, наиболее актуален в наши дни во многом провидческий текст, посвящённый феномену так называемого контактёрства. Приведём здесь его фрагмент:



Ил. 1

«Моё мнение таково: на нас направлен могучий поток мыслей. Идей. И к этому потоку устремлены тысячи людей. Каждый из них берёт из этого потока то, что он может взять, что позволяет его интеллектуальное и духовное развитие. Ведь, кроме лиц, утверждающих, что они получают сведения от Е[лены] И[вановны] или Н[иколая] К[онстантиновича], есть много лиц никогда не слышавших о Них и о Ж[ивой] Э[тике]. Все они также ведут записи и выдают их за Истину. И в этом нет ничего плохого. Какая-то доля Истины ими улавливается и происходит массовое изменение сознаний. Этот поток настолько могуч, что его хватает на всех. Учёный черпает из него идеи для своей науки, простые люди черпают правильные эволюционные мысли. Главное – чтобы сознание развивалось. Особенно в сторону Космосоведения. Но при этом не надо своих ошибок приписывать Н[иколаю] К[онстантиновичу] или Е[лене] И[вановне]. Мы всегда можем грубо ошибиться при приёме и, ссылаясь на Н[иколая] К[онстантиновича] или Е[лену] И[вановну], этим самым делать их соучастниками собственных ошибок.

Каждый должен нести полную ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за всё написанное им, каков бы ни был источник информации. Поэтому я предпочитаю не анонимные записи с ссылками на Е[лену] И[вановну] и Н[иколая] К[онстантиновича], а подписанные автором. Е[лена] И[вановна] могла не подписывать А[гни-]Й[огу], потому, что она была гарантирована от ошибок при передаче Знаний, другие же на это права не имеют»[1].

Уже по одному этому высказыванию понимаешь, почему Павел Фёдорович Беликов – Маяк. Он был способен поднимать ввысь людское сознание парадоксами и апориями. До сих пор его наследие остаётся для всех нас островом одновременно здравого и смелого мышления.

Замечательно, что в книге впервые помещены тексты представителей его семьи – сына Кирилла Павловича Беликова и невестки Аллы Павловны Беликовой. Также А. Н. Анненко как опытный журналист при подготовке книги использовал очень интересный жанр опроса. С его помощью составитель собрал интересную и порой совершенно неожиданную информацию, обозначил многие возможные биографические и рериховедческие линии, впервые представил читателю замечательные грани личности и жизненного пути П. Ф. Беликова.

Эту книгу можно было увидеть на выставке «Рерихи, их предшественники, сотрудники, последователи» (фотопортреты из собраний Нью-Йоркского Музея Николая Рериха, Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов и др.)[2], приуроченной к нашей конференции. Вклад А. Н. Анненко, подготовившего накануне выставки и конференции замечательную книгу и подборку фотоматериалов П. Ф. Беликова, его друзей и учеников, пришёлся ко времени.

Знаменательно, что в сборнике «Странник Державы Рериха» имеются «выходы» и на другие, изданные ранее, книги, посвящённые П. Ф. Беликову. Я имею в виду издание **«Непрерывное восхождение»** (Москва, 2001–2003, в двух томах и трёх книгах)[3], приуроченное к его 90-летию [*ил. 2*], и сборник «**Письма Павла Федоровича Беликова (1975–1982)**» (Одесса, 2008)[4] [*ил. 3*].

Издание «Непрерывное восхождение» с картинами С. Н. Рериха на обложках затронуло меня лично тем, что оно, по сути, явилось альтернативой тому проекту, которым я руководил в 1997–2000 гг., будучи сотрудником самарского Издательского дома «Агни». В 1997–1998 гг. мной было составлено оглавление семитомного

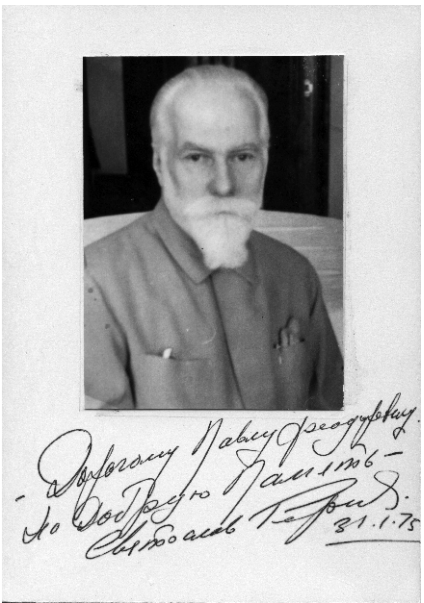
Ил. 2

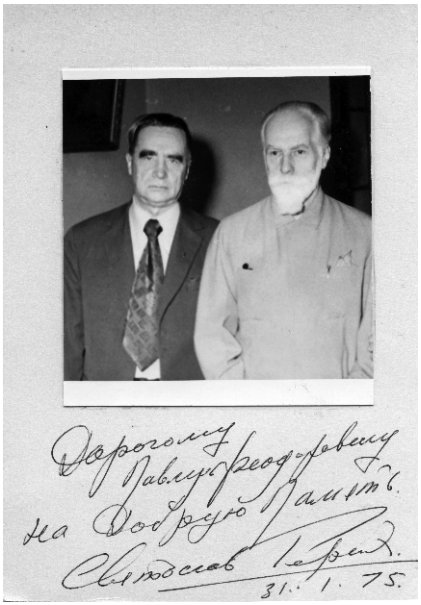
«Собрания сочинений» П. Ф. Беликова. Для его реализации состоялась наша с Людмилой Степановной Митусовой поездка к Беликовым в начале февраля 1998 г. Беликовы отнеслись ко всем нашим предложениям с большим энтузиазмом. Нам с Людмилой Степановной за отведённую командировочными документами неделю было невозможно выполнить весь объём предредакторской работы, поэтому К. П. Беликов предложил вывезти большую часть архива своего отца в Санкт-Петербург и Самару, чтобы уже там мы могли в течение длительного времени работать с творческим наследием Павла Фёдоровича. При помощи детей П. Ф. Беликова Кирилла Павловича Беликова и Елены Павловны Гейман, его жены Галины Васильевны Беликовой, его невестки Аллы Павловны и внучки Галины Кирилловны Беликовых работа началась уже в Эстонии – в Козе-Ууэмыйза и Таллинне. Мы отобрали уникальные документальные свидетельства, включая подборки фотографий [см., например, *ил. 3–5*], привезли некоторые ценные мемориальные предметы.

Это было похоже на «спецоперацию» и авантюру, но у нас всё получилось. Нужно отметить, что провезти через границу четыре деревянных беликовских чемодана вместе с несколькими сумками с плотно уложенными в них папками и отдельными рукописями без Л. С. Митусовой у меня не получилось бы никогда. А с ней – легко. Нас практически не досматривали. В дальнейшем в течение нескольких лет мы возвращали всё вывезенное обратно в Эстонию, по мере копирования и подготовки «Собрания сочинений» П. Ф. Беликова. Всё это стало возможным благодаря большой сердечной дружбе Л. С. Митусовой с семьёй Беликовых[5].

Однако эта работа не могла быть нами завершена за короткое время по ряду организационных и материальных причин. Коллеги из Международного Центра Рерихов узнали о наших планах и с удвоенной энергией взялись за реализацию своего издания «Непрерывное восхождение», которое в значительной части оказалось для нашего проекта дублирующим. В этих условиях Издательский дом «Агни» принял решение не соперничать с Международным Центром Рерихов и отложить издание, хотя семья Беликовых была готова и дальше продолжать работу над «Собранием сочинений». Готовы Беликовы работать над ним и сейчас.

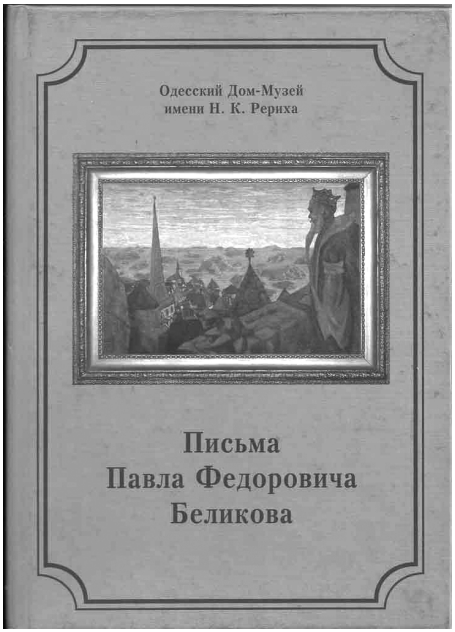
С тех пор многое изменилось. В 2001 г. возник Санкт-Петербургский музей-институт семьи Рерихов, основательницей которого явилась Людмила Степановна Митусова, кузина Ю. Н. и С. Н. Рерихов. Весь её архив, включая сделанные в 1998–2000 гг. копии из собрания П. Ф. Беликова, а также некоторые оригиналы, подаренные членами семьи Беликовых, стал базовым для Рукописно-документального фонда нашего учреждения культуры. Ушли из жизни Л. С. Митусова и К. П. Беликов, отнёсшийся с большой симпатией к нашему музею-институту и его сотрудникам. Но работа по изучению наследия Беликовых не прошла даром – она вошла в каждодневную жизнь выставок, экспозиций, конференций, лекций, семинаров, изданий, реализуемых в рамках обширной рериховедческой работы в Санкт-Петербурге. По просьбе Беликовых мы регулярно выдаём копии из беликовской части нашего архива различным исследователям из России и других стран. Так собрание П. Ф. Беликова «работает» и за пределами его родной Эстонии.





Ил. 3–5. Святослав Николаевич Рерих, Девика Рани Рерих и Павел Фёдорович Беликов в Москве. Снимки, наклеенные на паспарту. Дарственные надписи С. Н. Рериха и Д. Р. Рерих П. Ф. Беликову от 31 января 1975 г. © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Возвращаясь к изданию «Непрерывное восхождение», отмечу, что наши коллеги подготовили его на высоком научном и текстологическом уровне. При помощи К. П. Беликова огромную работу проделали составители и авторы примечаний К. А. Молчанова (Таллинн), Т. О. Книжник (Москва), И. В. Сяэск (Тарту) и О. Е. Цветкова (Москва)[6]. Мне посчастливилось очно или заочно познакомиться с каждой из них – это замечательные знатоки творчества Рерихов, любящие то, чем Павел Фёдорович занимался всю жизнь. Продолжаю мечтать о полном «Собрании сочинений» П. Ф. Беликова с обязательным привлечением опыта издания «Непрерывное восхождение», с включением всего того, что в него по разным причинам не вошло. Прежде всего, я имею в виду те материалы, которые обработали Алексей Николаевич Анненко и Елена Григорьевна Петренко, а также огромные массивы переписки Павла Фёдоровича с Л. С. Митусовой, генеалогом И. В. Сахаровым, писателем Вс. Н. Ивановым, академиком Б. С. Соколовым и другими.



Ил. 6

29 июля 2011 г., в день 100-летия Павла Фёдоровича Беликова, во многих городах России и мира прошли вечера и симпозиумы его памяти. В этот день директор Одесского Дома-Музея им. Н. К. Рериха Е. Г. Петренко вновь представила книгу **«Письма Павла Фёдоровича Беликова (1975–1982)»** [*ил. 6*], в которой собраны письма киевскому врачу-реабилитологу В. И. Ничипоруку. Эти документы, ныне хранящиеся в Отделе рукописей Одесского Дома-Музея им. Н. К. Рериха, в 2007 г. были переданы самим адресатом из его личного архива вместе с письмами Галины Васильевны и Кирилла Павловича Беликовых, редкими фотографиями, книгами, газетными и журнальными публикациями со статьями П. Ф. Беликова. Письма Павла Фёдоровича в книге были опубликованы впервые.

В заключении отмечу, что необходимы новые издания и исследования о Павле Фёдоровиче Беликове. Он являет нам пример учёного-рериховеда во всех отношениях образцового. Если существует некий «эталон» учёного-рериховеда, то это – Павел Фёдорович. И к нему нужно тянуться ещё много лет, чтобы приучиться работать над Рериховским наследием научно и культурно.

П. Ф. Беликов был воин. И он погиб в борьбе – защищая Учение. Л. С. Митусова и Р. А. Григорьева рассказывали, в *какой* бой он вступил с людьми, профанирующими Учителей, *какой* ценой смог остановить нежелательное для рериховедения развитие событий, при этом с того момента энергетически его здоровье было подорвано. Он показал всем нам, *как* может преданный ученик Учителя преодолевать пороки, *как*

растёт дух восходящего человека вопреки господствующей идеологии, *на каких* основах объединять всё Рериховское движение. Увы, после его ухода началось расслоение и разделение рериховских обществ, чего он никогда бы не допустил, ибо умел сочетать не сочетаемых.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Беликов П. Ф.* «Калачакра». Отзыв. – 1980 г. // Странник Державы Рериха: Сборник, посвящённый 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова – писателя, учёного, архивиста, библиографа, общественного деятеля / Сост. А. Н. Анненко. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – С. 90–91.

[2] Сотрудники и последователи Рерихов: Альбом по материалам выставки «Сотрудники и последователи Рерихов» в Музее-институте семьи Рерихов / Сост. А. А. Савкина. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2011. – 32 с.: ил.

[3] Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. I. – М.: МЦР, 2001. – 504 с.: ил. – Т. II. Ч. 1 (1934–1975). – М.: МЦР, 2003. – 448 с.: ил. – Т. II. Ч. 2 (1976–1981). – М.: МЦР, 2003. – 560 с.: ил.

[4] Письма Павла Фёдоровича Беликова (1975–1982) / Сост., авт. предисл. и вступит. ст. Е. Г. Петренко. – Одесса: Астропринт, 2008. – 159 с: 20 л. ил. – (Одесский Дом-музей Н. К. Рериха. Серия «Архивы. Исследования». Вып. IV).

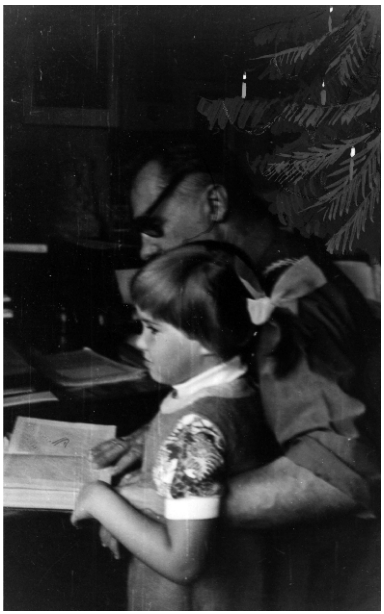
[5] См. об этом: *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб. – Вышний Волочёк, 2004. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I). – С. 69, 141, 144, 149, 150, 158, 165, 170, 172, 174, 200, 203, 207, 229; *Она же.* Из воспоминаний о П. Ф. Беликове // Странник Державы Рериха: Сборник, посвящённый 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова – писателя, учёного, архивиста, библиографа, общественного деятеля / Сост. А. Н. Анненко. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. – С. 182–186; *Мельников В. Л.* «Всё хранится и делается, как при отце»: Светлой Памяти Кирилла Беликова посвящается / Приложение: *Беликов К. П.* Черновые записи о приездах С. Н. Рериха в СССР / Публикация А. П. Беликовой и Г. К. Беликовой // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 177–190.

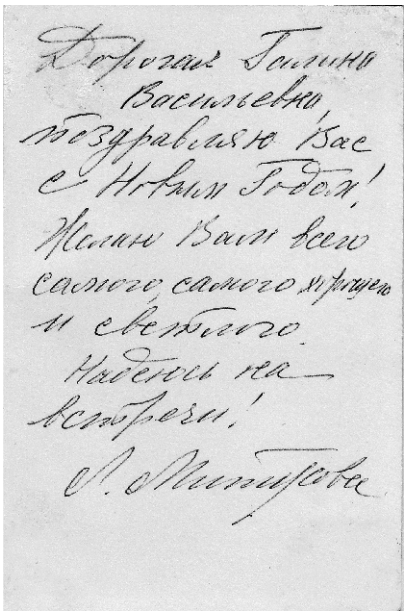
[6] К заслугам Ольги Евгеньевны Цветковой и её коллег нужно также отнести подготовку к изданию рукописи «Рерих: опыт духовной биографии», вышедшей как раз к его 100-летию: *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. – М.: МЦР; Мастер-банк, 2011. – 432 с. ил., портр., цв. ил.

Г. К. БЕЛИКОВА
(Таллин – Санкт-Петербург)

СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ О ДЕДУШКЕ

Обычно память об ушедших постепенно угасает и остаётся в сердцах только родных и близких. Но память о тех личностях, о которых говорится на конференции «Рериховское наследие», наоборот, крепнет и приобретает масштаб. Это свидетельство не только силы начинателей, которые дали заряд энергии на многие годы вперёд, но и свидетельство актуальности и живого интереса к Рериховскому движению.





П. Ф. Беликов с внучкой Галей. Козе-Ууэмыйза. 1973. Снимок Л. С. Митусовой с её же акварельной прорисовкой Новогодней ёлки. На обороте – дарственная надпись Л. С. Митусовой Г. В. Беликовой. © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

С. Н. Рерих и Девика Рани Рерих в Москве. *Слева от них* – Т. Д. Мокульская и Г. К. Беликова. По нижнему полю снимка – автограф С. Н. Рериха с датой 15 мая 1987 г.

Мне очень приятно, что ту заботу о культурном наследии, которую заронили Рерихи и их последователи, в том числе мой дедушка Павел Фёдорович Беликов, ныне подхватили другие, чтобы пронести сквозь наше непростое время. Приятно видеть на конференции так много молодых людей. Это значит, что Рериховское движение живёт, развивается, молодеет и у него светлое будущее!

Всё, что я слышу на конференциях «Рериховское наследие», дополняет картину моей жизни Прекрасным. Спасибо вам!

И. В. САХАРОВ

(Институт генеалогических исследований РНБ; Санкт-Петербург)

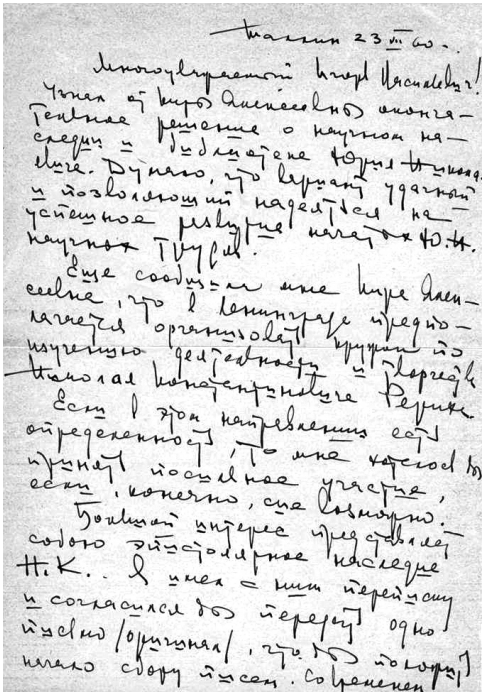
ВОКРУГ Ю. Н. РЕРИХА. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О П. Ф. БЕЛИКОВЕ И ДРУГИХ

Первым делом я хотел бы поблагодарить организаторов конференции за предоставленную мне честь выступить сегодня. Так получилось, что сведения о том, что эта конференция состоится, дошли до меня только пару дней назад. И я с трудом мог собраться с мыслями и даже думал не выступать вообще, но на меня нахлынула память о тех былых временах, когда всё это происходило. И я решил, что это мой долг – вспомнить тех людей, которые в своё время были связаны с семьёй Рерихов и с которыми мне посчастливилось встретиться.

Отсчёт следует начать с момента моего знакомства с **Юрием Николаевичем Рерихом** (1902—1960), но об этом я рассказывал 10 лет назад, и это уже опубликовано[1]. Он скоро ушёл из жизни, но «в наследство» от него мне достались его брат, удивительный художник **Святослав Николаевич Рерих** (1904—1993) и его супруга, в прошлом известная киноактриса **Девика Рани** (1908—1993), а также целая группа людей, оказавших немалое влияние на мою жизнь потом.

Дело в том, что в конце 1950-х гг. я играл некоторую роль в Восточной комиссии Географического общества СССР, и нам пришла в голову мысль пригласить Ю. Н. Рериха[2]. И вот в первый раз он приехал в Ленинград. Тогда уже на платформе вокзала мне посчастливилось познакомиться с его родственницами **Митусовыми** – **Людмилой Степановной** (1910—2004) и **Татьяной Степановной** (1913—1994), которые, конечно, заслуживают отдельного разговора. И по той роли, которую они играли в семье Рерихов, и сами по себе они были замечательными людьми с необычной судьбой. Но, как говорится, дождёмся круглой даты, которая коснётся и их. Их дом стал для меня и моей жены родным.

В их доме мы, в частности, познакомились с **Виктором Тихоновичем Черноволенко** (1900—1972), самобытным художником и музыкантом, который не имел образования ни художественного, ни музыкального, но, конечно, был замечательным и художником, и музыкантом, визионером в своём роде – его картины всегда узнаваемы – пейзажи неведомых миров. Его музыку можно было сравнить с потоком сознания – это был поток казавшихся неорганизованными звуков без привычных мелодий, и всегда это был экспромт. Но слушать их было всегда увлекательно, и порой они настолько захватывали слушателя, что становилось трудно дышать.



Таллин 23 III 60.

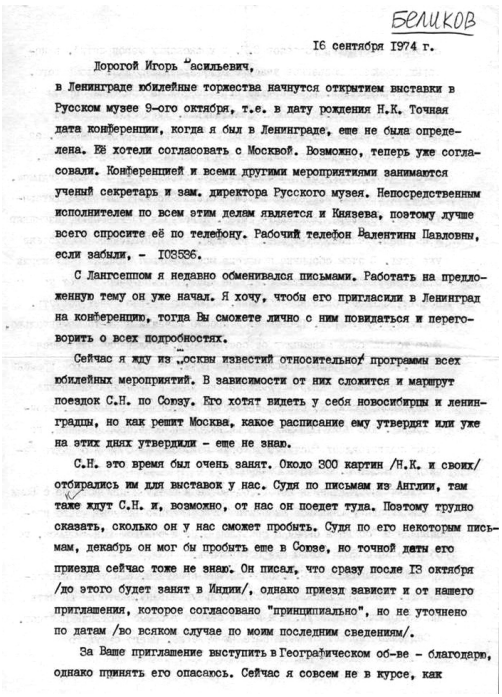
Многоуважаемый Игорь Васильевич!

Узнал от Киры Алексеевны окончательное решение о научном наследии и библиотеке Юрия Николаевича. Думаю, что вариант удачный и позволяющий надеяться на успешное развитие начатых Ю.Н. научных трудов.

Еще сообщила мне Кира Алексеевна, что в Ленинграде предполагается организовать кружок по изучению деятельности и творчества Николая Константиновича Рериха.

Если в этом направлении есть определенность, то мне хотелось бы принять посильное участие, если, конечно, сие возможно.

Большой интерес представляет собою эпистолярное наследие Н.К. Я имел с ним переписку и согласился бы передать одно письмо /оригинал/, что бы положить начало сбору писем. Современен



БЕЛИКОВ

16 сентября 1974 г.

Дорогой Игорь Васильевич,

в Ленинграде юбилейные торжества начнутся открытием выставки в Русском музее 9-ого октября, т.е. в дату рождения Н.К. Точная дата конференции, когда я был в Ленинграде, еще не была определена. Её хотели согласовать с Москвой. Возможно, теперь уже согласовали. Конференцией и всеми другими мероприятиями занимаются ученый секретарь и зам. директора Русского музея. Непосредственным исполнителем по всем этим делам является и Князева, поэтому лучше всего спросите её по телефону. Рабочий телефон Валентины Павловны, если забыли, - 103536.

С Лангсеппом я недавно обменивался письмами. Работать на предложенную тему он уже начал. Я хочу, чтобы его пригласили в Ленинград на конференцию, тогда Вы сможете лично с ним повидаться и переговорить о всех подробностях.

Сейчас я жду из Москвы известий относительно программы всех юбилейных мероприятий. В зависимости от них сложится и маршрут поездок С.Н. по Союзу. Его хотят видеть у себя новосибирцы и ленинградцы, но как решит Москва, какое расписание ему утвердят или уже на этих днях утвердили - еще не знаю.

С.Н. это время был очень занят. Около 300 картин /Н.К. и своих/ отбирались им для выставок у нас. Судя по письмам из Англии, там таже ждут С.Н. и, возможно, от нас он поедет туда. Поэтому трудно сказать, сколько он у нас сможет пробыть. Судя по его некоторым письмам, декабрь он мог бы пробыть еще в Союзе, но точной даты его приезда сейчас тоже не знаю. Он писал, что сразу после 13 октября /до этого будет занят в Индии/, однако приезд зависит и от нашего приглашения, которое согласовано "принципиально", но не уточнено по датам /во всяком случае по моим последним сведениям/.

За Ваше приглашение выступить в Географическом об-ве - благодарю, однако принять его опасаюсь. Сейчас я совсем не в курсе, как

Ил. 1. Первые страницы писем П. Ф. Беликова И. В. Сахарову

Играл он на рояле или пианино, что называется, сердцем. С ним всегда было приятно и поговорить, потому что его жизнь была связана с Обществом Н. К. Рериха, и он был другом Ю. Н. Рериха.

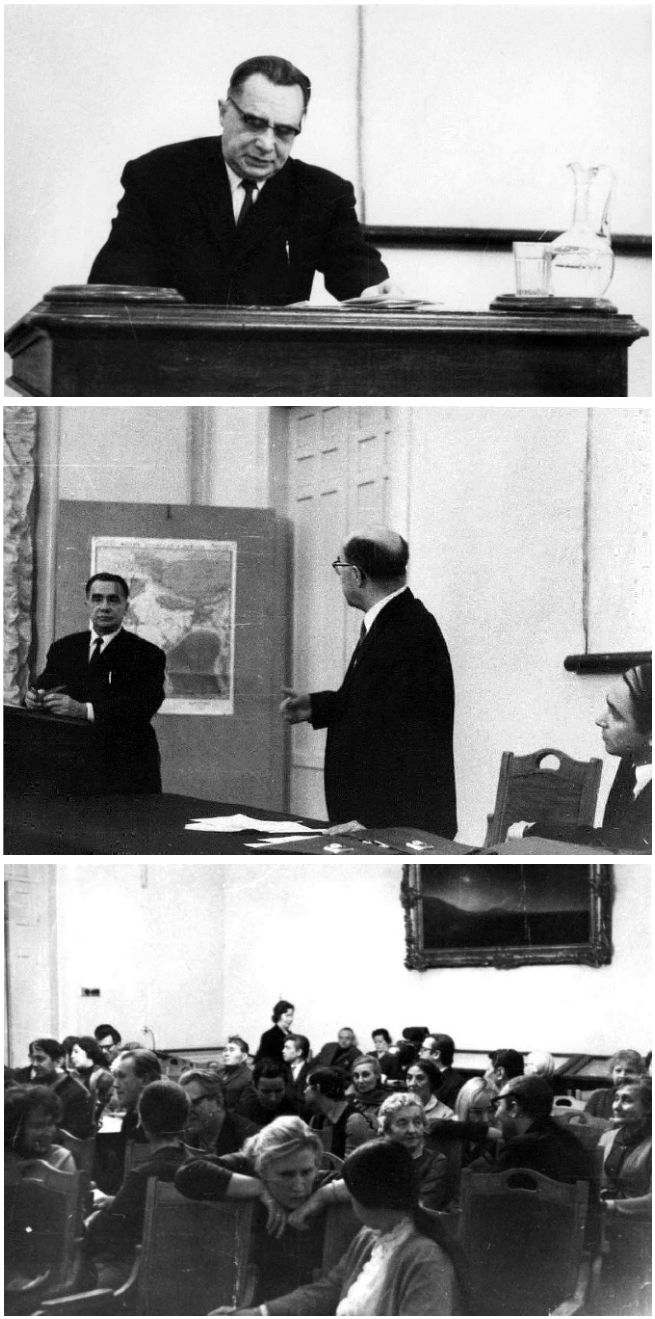
Кончина Юрия Николаевича объединила нас ещё с одним человеком, последователем Рерихов, который стал нашим другом. Это – замечательный историк и культуролог **Андрей Николаевич Зелинский**, который ныне благополучно здравствует в Москве, директор Центра ноосферной защиты им. академика Н. Д. Зелинского, расположенном в бывшей квартире Николая Дмитриевича. Желательно когда-нибудь пригласить его на нашу конференцию.

После кончины Юрия Николаевича появились люди, главным образом из Прибалтики, которые до того мало кому были известны. Между тем, они оказались в орбите Рерихов ещё в 1920–1930-е гг., когда в мире интерес к Рерихам был очень велик, и возникали всевозможные рериховские организации, в том числе в Латвии и Эстонии. Особенно мне запомнились два человека, которые интересовались творчеством Николая Константиновича и Елены Ивановны.

Первый – это **Гаральд Феликсович Лукин** (1906—1991), сын основателя и первого председателя Латвийского общества Рериха Ф. Д. Лукина, выдающийся врач. Павел Фёдорович Беликов, в частности, рассказывал мне такую историю. Когда он заболел туберкулёзом лёгких, врачи полагали, что жить ему осталось недол-

Ил. 2. П. Ф. Беликов выступает в Географическом обществе СССР
Ленинград. 10 декабря 1969 г. © Собрание И. В. Сахарова (Санкт-Петербург)

го, поскольку болезнь перешла в такую стадию, что обычное лечение не помогало. Он обратился к Гаральду Феликсовичу, который был среди прочего выдающимся знатоком лечебных трав, и когда через некоторое короткое время он снова пришёл к тем врачам, которые предрекали ему скорую смерть, они вообще не могли поверить, что он когда-то болел туберкулёзом, настолько лечение сняло все симптомы болезни. Он был человек необычный, верил в переселение душ. В частности, он был убеждён в том, что в далёком прошлом он был британским офицером, который в своё время поджёг тот костёр, на котором предали огню Жанну Д'Арк. Мы с женой тоже обращались к нему за лечением, бывали у него в Риге. Этот человек заслуживает отдельного рассмотрения на одной из следующих конференций «Рериховское наследие».



Ил. 3–5. То же

Второй человек, это, конечно, сам **Павел Фёдорович Беликов** (1911—1982). У меня сохранились его письма за 1960–1970-е гг. Здесь представлены первые страницы двух его писем ко мне от 23 июля 1960 г. и 16 сентября 1974 г. [*ил. 1*]. Он, конечно, остаётся в нашей памяти как замечательный исследователь творчества Николая Константиновича – и как художника, и как мыслителя. Он был знатоком Учения Живой Этики, работ Елены Ивановны, Юрия Николаевича и Святослава Николаевича, а также всех тех, кто, так или иначе, интересовался семьёй Рерихов в различных странах мира. Его письма – это фактически деловая биография, потому что он делился в них своими планами, тем, что его интересовало, проектами, которые он предлагал осуществлять. Он писал мне о собственных трудах и о трудах Елены Ивановны и Николая Константиновича, которые он собирался издавать. Несмотря на то, что к тому времени в обществе интерес к наследию Рерихов уже сформировался, трудностей в «пробивании» публикаций было немало. Я тогда работал в Восточной комиссии Географического общества СССР, и он рассчитывал, что смогу ему в этом помочь. Павел Фёдорович хотел, чтобы его идеи доходили до более широкого круга людей.

Здесь я также представил несколько фотографий заседания 10 декабря 1969 г. в Большом зале Географического общества СССР (здание в переулке Гривцова, д. 10), на котором Павел Фёдорович выступил с докладом «Рерих и Индия» [*ил. 2–5*]. На снимке [*ил. 4*] Павел Фёдорович отвечает на вопросы председателя Восточной комиссии общества, члена-корреспондента АН СССР **Дмитрия Алексеевича Ольдерогге** (1903—1987), справа – ваш покорный слуга. На другом снимке [*ил. 5*] видно, что зал практически полон. На переднем плане, наклонившись между креслами – видный этнограф-индолог **Софья Александровна Маретина.** В задних рядах сидят сёстры **Митусовы**, на заднем плане проходит искусствовед **Валентина Павловна Князева** (1926—2004), которая в тот день была вторым докладчиком[3]. В зале собрались ленинградские востоковеды и простые слушатели, которые, может быть, впервые узнали о семье Рерихов в тот день.

За десять лет до этого, 3 октября 1958 г., именно здесь выступал Ю. Н. Рерих со своим рассказом о знаменитом путешествии в Азию[4].

Вскоре мне удалось издать статью П. Ф. Беликова «Николай Рерих в Индии»[5], которая вызвала большой интерес, потому что сообщала о том, о чём люди ещё не знали. Вместе с ней Павел Фёдорович впервые опубликовал и четыре очерка Николая Константиновича из третьей подборки его «Листов дневника»[6]. Сборник с этой статьёй и дарственной надписью автора у меня сохранился.

* * *

В настоящий момент я сохраняю свою причастность к наследию семьи Рерихов в генеалогических исследованиях, посвящённых Голенищевым-Кутузовым, Шапошниковым, собственно Рерихам и всей «обойме» окружавших их родов. После статьи, опубликованной в 2001 г., которую я посвятил светлой памяти Юрия Николаевича Рериха[7], были найдены новые материалы, и эту работу необходимо продолжить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сахаров И. В.* Слово о Рерихах // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – С. 476–479.
[2] См. об этом: Документы из архива Восточной комиссии Всесоюзного Географического общества. Ленинград, 1958–1960 / Публ. В. Л. Мельникова // Петербургский Рериховский сборник. – Вып I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 371–381.
[3] Доклад «О датировке картин Н. К. Рерих индийского периода». См.: Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР по изучению Индии (1967–1971) // Страны и народы Востока: [Сб. Восточной комиссии Географического общества СССР] / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. – М., 1972. – Вып. XII. – (Серия «Индия – страна и народ». Кн. 2) / Сост. и отв. ред. И. В. Сахаров. – С. 299.
[4] *Там же.* – С. 373–374.
[5] *Беликов П. Ф.* Николай Рерих в Индии // Страны и народы Востока: [Сб. Восточной комиссии ВГО] / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. – М., 1972. – Вып. XIV. – (Серия «Индия – страна и народ». Кн. 3) / Сост. и отв. ред. И. В. Сахаров. – С. 211–236.
[6] «Наггар», «Выставки», «Гималаи», «Индия» из своего архива.
[7] *Сахаров И. В.* Предки и родня Елены Ивановны Рерих с отцовской стороны: просопография и генеалогия семейства Шапошниковых и его родственного окружения по архивным документам // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – С. 496–565.

А. Н. АНДРЕЕВ
(Санкт-Петербург)

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ

Чтобы Павел Фёдорович Беликовым не показался присутствующим «небожителем», расскажу, как я с ним впервые встретился, и мои впечатления от общения с ним. Адрес Павла Фёдоровича я получил в Русском музее. Написал ему письмо. Павел Фёдорович ответил, и мы с ним переписывались какое-то время. Затем он написал, что по делам приезжает в Ленинград, и, если я хочу (а я, естественно, хотел), то мы можем встретиться. Мы договорились встретиться у нас. И он пришёл, позвонил в дверь. Слышу звонок в дверь, открываю и вижу перед собой человека среднего роста с такой коренастой плотной фигурой. Грубые, резкие черты лица, светлый взгляд и открытая, широкая, очень располагающая улыбка. Мы прошли, сели и часов пять проговорили.

Павел Фёдорович тогда ещё меня почти не знал, только по письмам, и он так построил беседу, что говорил, в основном, один я. Павел Фёдорович тактично не перебивал меня, и в то же время короткими фразами меня «прощупывал». Кто я, что я из себя представляю. При этом он ответил и на мои вопросы: «Какова наша космическая задача?», «Что есть человек?» и другие. Павел Фёдорович первыми фразами многое мне разъяснил, дал программу моего развития на будущее. Он сра-

зу переходил к делу, без черновиков, и давал «по сознанию», вот он мне и дал по моему тогдашнему сознанию, понимая, что я ещё только подходящий, ещё только готовящийся обратиться к внутренней работе неофит.

Мы его ждали, и был накрыт стол, такой, знаете, обыденный, в том числе и мясные блюда. А Павел Фёдорович ведь не ел мяса. Но он так как-то сделал, что, с одной стороны, и хозяйка не обиделась, и мы поняли, что не надо ему мяса предлагать. После того, как мы поговорили, и надо было прощаться, он взял меня за руку и, в прямом смысле, *повёл меня*. И привёл меня к Митусовым. Понимаете, если такой человек берёт под своё крыло, то он уже тебя не оставляет и ведёт по жизни.

После он меня пригласил к себе в Козе-Уэмыйза. Я приехал к нему, и он провёл для меня краеведческую экскурсию по городку и находившемуся рядом парку, продолжая в то же время обсуждать те вопросы, которые меня интересовали. Он уделил мне время, несмотря на то, что это была рабочая неделя, будние дни, взял несколько дней отпуска специально для меня, хотя был очень занят. Я был тогда молод, тем не менее, вот такое было уважение к человеку, вновь подходящему к нему. И так он относился к каждому. Павел Фёдорович видел в любом человеке то богатство, которое в нём есть. Он считал, что самая большая ценность в мире, которая только есть, – это сам человек.

П. Ф. Беликов. 1978 © СПбГМИСР

Та обстановка, которая окружала Павла Фёдоровича в Козе-Уэмыйза, – это, в первую очередь, большая библиотека, но эти книги не производили впечатления книг для интерьера или вкладывания денег. Когда мы с ним беседовали, Павел Фёдорович постоянно ссылался на какие-то фразы, выдержки, на авторов, тут же доставал книгу с полки и зачитывал какие-то выдержки, даже если это был не подготовленный вопрос. Мы шли дальше, касались ещё какого-то момента, и он снимал с полки том В. И. Ленина и отвечал на мой вопрос. Всё было под рукой, на своём месте, и, отвечая на вопрос, он ссылался на конкретного автора, а не только говорил от себя. Ему были присущи широчайший диапазон эрудиции и активная мысль. Он конкретно знал, что говорит, сразу видно было, что человек очень начитан, эрудирован. И было видно, что он не просто читает, а любит поэзию и философскую литературу.

Внешне у него были грубоватые черты лица, но когда он говорил, его облик как-то преображался, утончался. Всегда в его речи было много шуток, он обладал хорошим чувством юмора, был достаточно мягким. Он старался вовлекать человека в разговор, чтобы барьер, который мог иногда возникнуть, исчезал. И вновь пришедший человек вскоре чувствовал себя «своим» в его компании. Павел Фёдорович умел располагать к себе. Он не поучал людей, а старался подтянуть их до своего уровня, и те, кто с ним общался, росли вместе с ним. Он повторял: *ищите рядом*, а тогда, в 1980-е гг., были очень сильно развиты поиски где-то там за гора-

ми – Шамбалы или каких-то ашрамов. А Павел Фёдорович говорил: *«Не надо никуда ехать, главное, обратить внимание на то, на что вы пока ещё внимания не обратили»*. И словно в подтверждение его слов – мы узнали, что в Казанском соборе, тогда Музее истории религии и атеизма, нашли статую Будды Грядущего, которая оказалась внутри полая, снизу доверху набитая буддийскими манускриптами. Статую туда давно затащили, а после забыли, и совершенно случайно среди других вещей нашли. И Павел Фёдорович сказал: *«Ну что вы поедете в Индию, что вы там будете делать? Вот, пожалуйста, всё у вас. Изучайте санскрит и другие наречия, берите эти манускрипты, переводите, и не надо никуда ехать. Зачем ехать, если всё рядом с вами, надо только уметь это найти».* Вот такой он был человек.

Когда я бывал у Павла Фёдоровича дома, то поражался порядку на его столе. Он говорил, что выработал такой ритм, что мог многое успеть сделать. Продуманное построение дня способствовало плодотворной работе. Как пример вспоминается рассказ о книге Н. К. Рериха, которую он выпустил к его столетию. По своим делам он часто бывал в Москве, и когда в очередной раз там был, зашёл на всякий случай в издательство «Изобразительное искусство». Он спросил у дежурного редактора: «Не нужна ли Вам книга Н. К. Рериха?». А ему говорят: «Если у Вас уже что-то готово – присылайте материалы». А у него как раз книга вчерне была готова. Он выслал материалы, и вскоре получил ответ: «Ваша работа интересна, просим прислать готовую рукопись». Если бы Павел Фёдорович не думал постоянно о книге, откладывал бы на потом, то ничего бы не получилось! Он всегда был в напряжении, в целеустремлении, ибо помнил мудрое речение: «Не ведаем ни дня, ни часа». Мы действительно не знаем своих истинных сроков. Всё может быть внезапно, и мы, сами того не ожидая, но постоянно готовясь, выполним то, что предначертано Свыше.

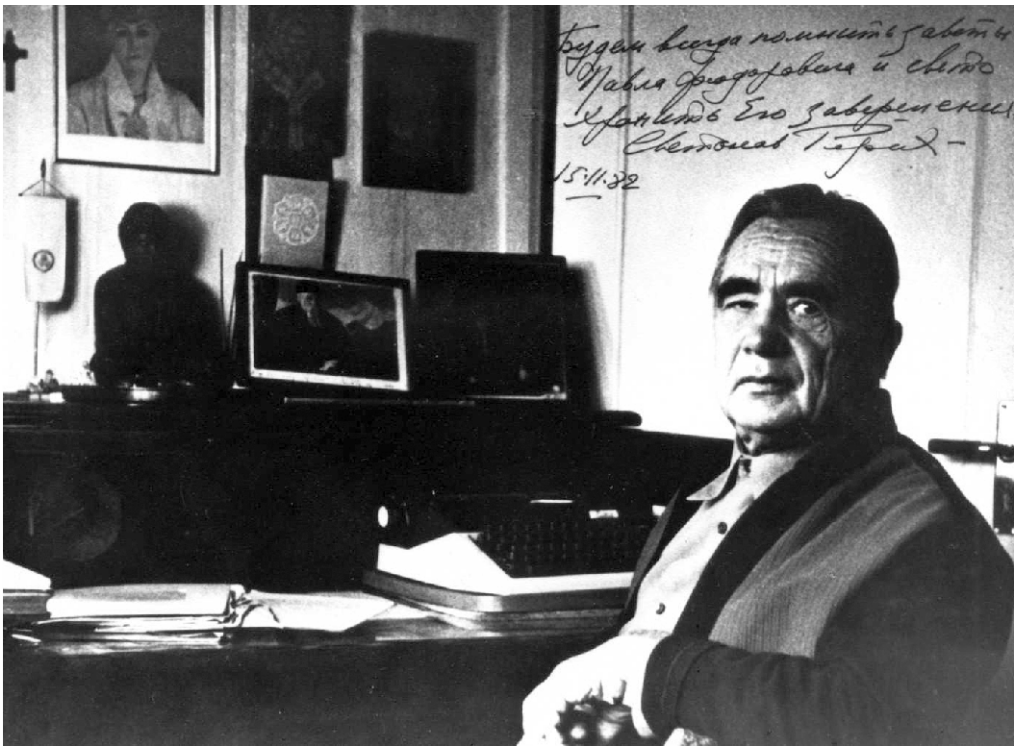
Ю. А. ГОРБАЧЁВ
(Санкт-Петербург)

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ПАВЛА ФЁДОРОВИЧА БЕЛИКОВА, НАБРОСАННЫЙ ШТРИХАМИ

Несколько предваряющих слов

Уважаемые читатели, я, автор публикуемых ниже слов о Павле Фёдоровиче Беликове, чувствую необходимость предупредить вас о том, что созданный мной набросок духовного облика Павла Фёдоровича нельзя назвать воспоминаниями в полном смысле этого слова. Это, конечно, не воспоминания хотя бы потому, что ни одного конкретного эпизода из жизни Павла Фёдоровича в моём тексте не затронуто.

Скажу более – этот текст возник как записки, вообще не предназначенные для чужих глаз, и тем более для публикации. Ну, а уж если такая публикация в силу ряда причин имеет место быть, то я не могу не предварить её некоторыми пояснениями относительно того, как и почему возникли публикуемые наброски о Павле Фёдоровиче Беликове.



П. Ф. Беликов в своём кабинете. Козе-Ууэмыйза. 1981. На снимке автограф: *Будем всегда помнить заветы Павла Фёдоровича и свято хранить Его завершения. Святослав Рерих. 15•11•82*
© Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Судьба подарила мне восемь лет общения и близкого сотрудничества с Павлом Фёдоровичем. Начиная с 1974 г. и до последних дней его жизни, наши встречи проходили регулярно с перерывами в полтора-два месяца. И сейчас, обозревая панораму своей жизни, которая приближается к седьмому десятку, я могу с уверенностью сказать: годы общения с Павлом Фёдоровичем были годами особого, какого-то всеобъемлющего счастья. Мы были едины во всём – и как люди всем сердцем принявшие тогда ещё скрытую от мира высокую спасительную истину Учения Живой Этики, и как личности с юных лет почувствовавшие тягу к тем духовным просторам, которые открывают русская и мировая философия, и, наконец, нас объединяло то глубокое, братское чувство, которое возникает между путниками, совместно идущими долгим и трудным путём и несущими тяжёлую, но очень нужную людям ношу. Сколько незабываемых часов провели мы в тиши эстонского поселка Козе-Ууэмыйза, делясь радостями и горестями нашего общего дела! Но только сейчас я в полной мере понимаю, насколько ноша Павла Фёдоровича была тяжелее того груза, который пришлось нести мне.

Павла Федоровича не стало в нашем мире 15 мая 1982 г.

И вот лишь через два года, собравшись с духом, я, наконец-то, решил навестить тот дом, к порогу которого я так спешил при жизни Павла Фёдоровича. Признаюсь, не только радость встречи с сердечно близкими мне женой и сыном Павла Фёдоровича, и не только возможность поработать в знаменитом архиве Павла Фёдоровича направляли меня. Что-то более важное, более насущное двигало мной. Это была тяга вновь войти в то ***пространство общения*** с Павлом Фёдоровичем, которое так щедро озаряло меня светом и радостью в ушедшие годы. Я надеялся, что множество замечательных книг и памятных моему сердцу реликвий, находившихся при жизни Павла Фёдоровича в его кабинете, вместе с целым миром его добрых и мудрых писем, помогут мне вернуть ощущение присутствия самого Павла Фёдоровича – теплоту его улыбки, мягкий тенор его голоса, его широкое, светлое понимание жизни – и всё это каким-то образом благодатно наполнит меня. Мне хотелось напитаться чудной атмосферой кабинета Павла Фёдоровича и так вобрать в себя ***пространство светлого содружества***, возникавшее при общении с Павлом Фёдоровичем, чтобы оно уже не покинуло меня, не растаяло, не развеялось во времени, но стало моей внутренней путеводной силой, высоко звучащим камертоном, задающим лейтмотив моей жизни.

И вот, ясным апрельским утром 1985 г. я вновь переступаю порог беликовской квартиры, и меня так же радушно встречают моя любимая школьная учительница географии – Галина Васильевна Беликова, увы, теперь вдова Павла Фёдоровича, и мой старший товарищ по таллиннской школе № 19, сын Павла Фёдоровича Кирилл, достойно продолжающий дело своего отца, ставший для меня эталоном душевного благородства и поистине непреклонной доброжелательности.

Я, конечно, не стал посвящать Галину Васильевну и Кирилла в главную цель моего приезда, ограничившись просьбой поработать с письмами Павла Фёдоровича и сообщив, что утром следующего дня должен буду вернуться в Таллинн, где жили мои мать и сестра.

Весь день мы с Кириллом перебирали письма Павла Фёдоровича, обсуждали перспективы и принципы их публикации. И перебирая письма, вчитываясь в их строки, я остро ощущал проступающее сквозь страницы писем повседневное подвижничество Павла Фёдоровича. В тот вечер его письма долго не отпускали меня, и я засиделся за письменным столом Павла Фёдоровича до глубокой ночи.

А наутро, примерно за час до отправления автобуса на Таллинн, со мой произошло что-то странное. По какому-то наитию я взял ручку и принялся быстро, без остановки писать. Нет, я не просто напряжённо писал – я лихорадочно творил какую-то огненную возгонку цепи ушедших в прошлое эпизодов, напряжённо выявлял из потока проносившихся в моём воображении событий обобщённый образ, зримо и убедительно являющий существо Павла Фёдоровича. Я писал о самом главном. Этим главным, бесконечно дорогим моему сердцу, был ***дух живой*** Павла Фёдоровича.

Это он, дух Павла Фёдоровича, определил светлую атмосферу Рериховского движения семидесятых годов XX в. В те годы магнетизм Беликова сформировал ту славную когорту подвижников, усилиями которых было совершено деяние, завершившее, по сути, миссию семьи Рерихов: Россия в лице Советского Союза приняла

К. П. Беликов. 2003. © А. Н. Анненко

наследие семьи Рерихов, вобравшее в себя высшие достижения культуры Востока. Исполнилась мечта Николая Константиновича Рериха, писавшего: «Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности»[1].

Примерно через час, когда я, обессиленный, кончил, наконец, писать, возникли вопросы: «Что это было?» и «Что у меня получилось?». Ответить на последний вопрос могли только Галина Васильевна и Кирилл. И я, едва закончив писать, стал торопливо читать им написанное мной. И как же радостно мне было услышать одобрительные слова Кирилла и Галины Васильевны! Кирилл даже попросил оставить им копию написанного. Однако времени на переписывание уже не оставалось – автобус не собирался ждать – и я просто оставил Беликовым написанное мной.

Прошли годы, и я, увы, забыл о нескольких торопливо исписанных листках, оставленных мной в Козе-Ууэмыйза. Но Кирилл Павлович не забыл об оставленном мной наброске. Он сделал всё от него зависящее, чтобы мой краткий очерк появился среди воспоминаний о Павле Фёдоровиче, вошедших в трехтомник «Непрерывное восхождение»[2]. Когда же «Непрерывное восхождение» вышло в свет всё-таки без моего текста (но это отдельная история), я, честно говоря, был даже рад этому – ведь слишком много заветного и сокровенного выплеснулось из моей души тем апрельским утром 1985 г. Вот только остался вопрос: «Только ли из ***моей*** души всё это выплеснулось?». Ведь в тот памятный мне апрельский день долго не оставляло меня особое ощущение – ощущение обретения вести о самом дорогом и заветном, – ощущался приказ: «Помни!».

Ну, а теперь, уважаемые читатели, после этого несколько затянувшегося предисловия я представляю Вам набросанный мной тогда духовный портрет Павла Фёдоровича Беликова.

Пытаясь почувствовать, понять другого человека, мы силимся уловить особое внутреннее единство, пронизывающее многообразие его жестов, слов и поступков, – то, что составляет неповторимый стиль его жизни.

Когда моя память обращается к образу Павла Фёдоровича Беликова, то перед моим внутренним взором неизменно возникает человек, находящийся в состоянии спокойной самоуглублённости. Душа Павла Фёдоровича постоянно как бы всматривалась, вслушивалась в какую-то скрытую основу жизни.

Вижу, как, задумавшись над поставленным мной вопросом, он чуть опускает голову; его веки прикрываются, как бы следуя за уходящим в глубины бытия внутренним взором. Чувствую, как неспешно, взвешивая каждое слово, складывает Павел Фёдорович свой ответ.

Я и сейчас недоумеваю – как же, *как* успевал Павел Фёдорович справляться со своей непомерной, необъятной работой при таком неспешно-углублённом стиле жизни? Сам Павел Фёдорович лишь говорил о важности постоянного, каждодневного ритмичного труда.

И всё-таки, думается, был он одним из тех, кто, по словам Р. М. Рильке, позволил победить себя высшему началу[3]. Действительно, во всём его облике, в спокойно-выверенном строе его мысли и слова, в его добром, всепонимающем, чуть приглушённом взгляде, чувствовалась сопричастность той бездонно глубокой и безмерно широкой волне Духа, что вошла в наш мир через Рерихов и воплотилась в драгоценной россыпи Учения Живой Этики.

И духовная мощь этой волны, заполнив всё существо Павла Фёдоровича, дав ему удивительное внутреннее равновесие, глубину и ясность ви́дения, понимание величия су́жденного, спокойно и властно направила жизнь его по пути безмерной самоотдачи. И эта постоянная самоотдача открывала перед ним новые и новые возможности, позволяла совершать так просто и так буднично, тот, казалось бы, непомерный труд, который выпал на долю Павла Фёдоровича Беликова.

* * *

Широкая и спокойная устремлённость к Общему Благу почти физически ощущалась в нём. Чувствовалась у Павла Фёдоровича готовность к бескорыстной отдаче себя и всего, что Павел Фёдорович имел, всякому, кто мог принести самую малую лепту в дело достойного внесения наследия Н. К. Рериха в культуру Советского Союза.

Павел Фёдорович охотно поощрял «присвоения». Он говорил: «Нужно уметь помочь другому принять твою мысль, как свою».

Была у Павла Фёдоровича углублённость в мысль, как пространственное деяние. Вспоминаются слова Святослава Николаевича из его письма к Павлу Фёдоровичу: «Чувствую Ваши мысли...».

* * *

Приезжавшего к Беликову в его эстонскую глубинку озаряла радость Павла Фёдоровича от особой индивидуальности гостя. Умел Павел Фёдорович почувствовать неповторимый внутренний мир собеседника и послать ему привет сердца.

Пожалуй, наибольшей радостью были для него встречи с искренне стремящимися обрести Путь жизни. Сколько ободряющих, мудрых писем написал Павел Фёдорович таким людям – всё делалось для поддержки ищущих. И как же эти заветные письма укрепляли искателей Пути!

Была у Павла Фёдоровича готовность к полной отдаче себя даже весьма маловероятным в будущем сотрудникам. Поистине, он был сеятелем, не думающим о том, придётся ли ему быть жнецом.

* * *

За словами Павла Фёдоровича чувствовалось особое «измерение», ощущалась его сопричастность к глубинности Бытия, то есть к Духу живому. Отсюда шло особое, укоренённое в основах его души, нерушимое спокойствие. Чувствовалось, что это спокойствие не от флегматичности или апатии.

* * *

Было у Павла Фёдоровича особое искусство находить внутреннюю силу и равновесие через сопряжение «полярностей»; с юности был у него интерес к парадоксам, к синтезирующему преодолению противоречий жизни.

* * *

От космической углублённости духа брала начало широта отношения Павла Фёдоровича к любым, самым прозаическим житейским «оказиям». Отсюда рождался замечательный беликовский юмор, мягкая ирония по отношению к несовершенству и ограниченности людей. От космической широты ви́дения самых конкретных вещей шла терпимость Павла Фёдоровича, основанная на понимании непреложности, непреодолимости эволюции, использующей даже зло и несовершенство во благо мира.

* * *

Были у Павла Фёдоровича многоплановость и широта сознания, как по горизонтали (то есть была у него способность видеть многие пути к достижению цели), так и по вертикали (то есть умел он соотнести возможности, даваемые высшими силами, с возможностями людей, действующих на разных общественных уровнях). Многоплановость сознания у Павла Фёдоровича, по существу, переходила в чувствознание, схватывающее в эволюционной соизмеримости все стороны единого процесса жизнетворчества. Как прекрасно эта способность проявилась в его глубоком, мудром труде «Рерих: опыт духовной биографии»!

* * *

Павлу Фёдоровичу было присуще органичное сочетание широты, глубины и сердечности мысли с особой простотой и убедительностью слова. Убедительность слова шла у него от скрытой, но ощущаемой собеседником большой, многолетней работы его души, прошедшей через чреду испытаний потрясениями и противоречиями нелёгкого XX века.

* * *

Простота Павла Фёдоровича была простотой человека, победившего всяческие поползновения самости. Ни малейшей «позы» не было в поведении Павла Фёдоровича, ни как хозяина архива, от воли которого зависит облагодетельствовать просящего или нет, ни как человека, близко стоящего к «самому» Святославу Николаевичу, человека, которому Святослав Николаевич доверял самое сокровенное. Поистине, был Павел Фёдорович «совершенным в даянии», может быть, в этом состоял

секрет быстрого роста его архива, объём которого к концу жизни Павла Фёдоровича превысил 4000 единиц хранения.

* * *

Самые простые слова оставлял Павел Фёдорович для Шамбалы. Никогда, насколько помнится, не говорил он о ней нарочито, декларативно. Твердыня Света упоминалась им всегда «по делу» – при освещении конкретных фактов биографии Рерихов.

* * *

Была у Павла Фёдоровича истинно русская «всечеловечность», прямо противоположная «сверхчеловечности» некоторых доморощенных оккультистов. Он както очень естественно, одним только своим присутствием помогал другим людям почувствовать, открыть в себе подлинного человека. Многим неосознанно хотелось в присутствии Павла Фёдоровича быть порядочнее и лучше.

Кстати, вспомню об отношении к нему тех, кого называют «простыми» людьми. Видно было, как им, жителям маленького эстонского посёлка Козе-Ууэмыйза, хотелось в обычном уличном приветствии, обращённом к Павлу Фёдоровичу, выразить свою признательность ему. Мне казалось, эта была благодарность за естественную силу добра в Павле Фёдоровиче.

* * *

Во всём Павел Фёдорович был именно естественен. Простота, какая-то уютная теплота души исходили от него. А ведь неприятностей и тяжелейших испытаний хватало на его жизненном пути, особенно в том деле, которое постепенно стало главным делом его жизни. Добрый юмор, доброжелательная снисходительность к человеческим слабостям – от всего этого становилось легко и ясно на душе, особенно на душе, изболевшейся от столкновения с людской чёрствостью и грубостью. Кстати, в атмосфере Павла Фёдоровича становилась какой-то нелепой всякая оккультно-мистическая экзальтированность. Не раз приходилось ему мягко, с юмором, «приводить в себя» людей, ошалевших от ожидания скорого «конца света». «Ну, вот, – говорил Павел Фёдорович таким людям, – встретимся после и обменяемся впечатлениями». Помнится, после встречи с одним из подобных «энтузиастов конца света» он добродушно заметил: «Понятно, что тому, кто не присутствовал при сотворении мира, хочется присутствовать хотя бы при его конце».

* * *

В Павле Фёдоровиче ощущался не просто душевный, но именно духовный человек – человек, сопричастный особым «тонким» напряжениям, особым планам Бытия. Такое «надземное» сосредоточение как-то веяло среди самого повседневного разговора, среди всяческих земных дел. Уникальность духовной конституции Павла Фёдоровича состояла именно в полнейшей посюсторонности его духа. Духовные высоты были для него источниками силы и гармонии именно для земного действия. Его дух обильно приносил земные плоды. Это свойство Павла Фёдорови-

П. Ф. Беликов. 1976 © А. Н. Анненко

ча особенно привлекало, удивляло, очаровывало. Сколько в Павле Фёдоровиче порой чувствовалось той сокровенной духовной глубины, что питала его сердце, помогала выстоять под напором безумия «мира сего»! Лишь однажды эта сокровенность проступила в его словах – это были полные эпической силы слова, посвящённые памяти Юрия Николаевича Рериха[4].

* * *

Особая масштабность, широта души Павла Фёдоровича проявилась во всё возраставшей внутренней, сердечной ответственности за действия великого множества участников постоянно разраставшегося рериховского Дела. Поразительна была его готовность принимать к сердцу всю ношу несовершенств некоторых участников Рериховского движения. Удивительно, как неустанно он старался помогать им изживать эти несовершенства в своих письмах, полных деликатнейших, удивительно умных, практичных советов. Во многих своих письмах он вновь и вновь пытался «достучаться» до здравого смысла и разума иных деятелей Рериховского

движения. Без жалоб и обличений нёс Павел Фёдорович это жертвенное служение, во многом ускорившее его уход.

И всё-таки, при всех тяготах непонимания, смог Павел Фёдорович, принимая в своё сердце успехи и трудности почти каждого участника рериховского Дела, создать особое, удивительное единство участников Рериховского движения семидесятых годов. Его дух творил единство, в котором каждый из сотрудников, именно через Павла Фёдоровича, через его сердце, ощущал свою связь с расширяющейся волной общего движения, и эта волна, истинная волна Нового Мира, укрепляла силы каждого, давала стойкость, помогала находить новые решения. Историкам Рериховского движения ещё предстоит выяснить, сколько новых начинаний, инициатив, направлений научной и культурной работы сложилось тогда благодаря импульсам, шедшим к сотрудникам через сердце Павла Фёдоровича.

* * *

А ещё никогда не покидал Павла Фёдоровича его добротный, от родителя-торговца полученный и сознательно развитый здравый смысл, особенно нужный как «жаропонижающее средство» при многочисленных «детских болезнях» Рериховского движения.

* * *

Так, соединяя земное и Надземное, идя верхним путём, опираясь на соизмеримость и здравый смысл, творил Павел Фёдорович Беликов Великое Су́жденное. Творил, истинно, *руками и ногами человеческими*.

Уже тридцать лет прошло со времени ухода Павла Федоровича Беликова... И когда в наши дни Знамя Мира поднимается на всё новых рубежах, мы вновь и вновь повторяем: «Это и Твоя победа, Светоносный Подвижник!».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Из литературного наследия. – М.: Изобразительное искусство, 1974. – С. 244.

[2] Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. I. – М.: МЦР, 2001. – 504 с.: ил. – Т. II. Ч. 1 (1934–1975). – М.: МЦР, 2003. – 448 с.: ил. – Т. II. Ч. 2 (1976–1981). – М.: МЦР, 2003. – 560 с.: ил.

[3] Имеются в виду строки из стихотворения Р. М. Рильке «Созерцание» в переводе Бориса Пастернака:

«Не станет он искать побед.
Он ждёт, чтоб высшее начало
Его всё чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ».

См.: *Рильке, Райнер Мария.* Лирика. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 62.

[4] *Беликов П. Ф.* Светлой памяти Юрия Николаевича Рериха // Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. I. – М.: МЦР, 2001. – С. 243.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ РЕШЕНИЕ»

Сёстры Митусовы и семья Беликовых

От **Людмилы Степановны Митусовой** (1910—2004), для самых близких друзей – *Зюмы*, нам в наследство досталось бесконечно уважительное, трепетное отношение к **Павлу Фёдоровичу Беликову** (1911—1982) и его большой семье. Людмила Степановна пережила Павла Фёдоровича почти на двадцать два года. Всё это время она не уставала приводить его в пример подошедшей к ней молодёжи. В своих воспоминаниях она писала: «Павел Фёдорович Беликов. Он и его большая семья: Галина Васильевна, Кирилл, Елена, Алла, Галочка и другие… Столько счастливых дней в Таллинне и Козе-Ууэмыйза! Павел Фёдорович посылал мне все свои новые работы, советовался, просил сходить по рериховским делам в Эрмитаж, в Академию художеств и т. д. Встречи с Павлом Фёдоровичем у нас были особенно сердечны»[1]. От этих встреч и общения у Людмилы Степановны осталось более 2600 предметов: книги и оттиски статей с дарственными надписями и без, фотографии, архивные материалы, передаваемые сёстрам Митусовым самим Павлом Фёдоровичем многие годы, а после его смерти его сыном Кириллом Павловичем, дочерью Еленой Павловной, невесткой Аллой Павловной и внучкой Галиной Кирилловной. Ныне все эти предметы хранятся в различных подразделениях Музея-института семьи Рерихов – в его фондах, библиотеке и научном архиве. Они служат давней мечте Павла Фёдоровича об Утверждении Рериховского музейного Дела на берегах Невы. В одном из его писем Л. С. Митусовой это Утверждение он назвал **«Ленинградским решением»**[2].

На книге П. Ф. Беликова и В. П. Князевой «Рерих» (М.: Молодая гвардия, 1973) имеется его дарственная надпись: «Дорогим Людмиле Степановне и Татьяне Степановне сердечно кланяюсь вторым изданием. Автор *П. Беликов.* 27 II 1974 г.»[3]. На книге «Н. К. Рерих. Из литературного наследия» (М.: Изобразительное искусство, 1974): «Дорогим Людмиле Степановне и Татьяне Степановне от инициатора и составителя этой книги с душевным приветом. *П. Беликов.* Ноябрь 1974 г.»[4]. На переплетённой копии первого тома «Писем Елены Рерих» (Рига, 1940): «Людмиле Степановне на добрую память. *Кирилл*»[5]. И таких свидетельств сердечной близости Митусовых и Беликовых сохранилось немало.

Из писем Митусовым примерно пятая часть адресована не только Л. С. Митусовой, но и **Татьяне Степановне Митусовой** (1913—1994), её младшей сестре. Всего сохранилось 113 писем и 48 открыток Беликовых Митусовым[6].

* * *

Каковы же отличительные черты этого интенсивного общения, столь обогатившего и продолжающего обогащать деятельную рериховедческую работу в родном для Рерихов городе – Санкт-Петербурге?

Тело Ю. Н. Рериха в гробу. Москва. 23 мая 1960. © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Обратимся вновь к воспоминаниям Л. С. Митусовой. В них она пишет, что с Павлом Фёдоровичем Беликовым она «познакомилась в трагические дни ухода Юрия Николаевича Рериха»[7]. Так оказалось, что П. Ф. Беликов был одним из первых, кто пришёл в московскую квартиру Ю. Н. Рериха вскоре после его кончины, которая последовала 21 мая 1960 г. в 17.20 по московскому времени[8]. Покойный за несколько дней до этого сам назначил ему встречу. На следующий день из Ленинграда приехала и Людмила Степановна. Сразу же между ними возникло **безграничное доверие**. Павел Фёдорович поделился тем, что он увидел, когда вошёл к Ю. Н. Рериху в роковой для него час. Он «рассказывал мне, – вспоминала Людмила Степановна, – что в момент ухода Ю. Н. Рерих был чем-то напуган, у него было испуганное лицо». Далее Л. С. Митусова записала уже то, что увидела сама: «…В гробу у Юрика было удивительно спокойное, просветлённое лицо. Не лицо, а Лик»[9]. Сокровенный аспект произошедшего они приняли одинаково серьёзно. Ошеломившее всех горе их породнило.

В дальнейшем Людмила Степановна с признательностью вспоминала помощь П. Ф. Беликова в те трагические дни. Святослав Николаевич Рерих и его жена Девика Рани тоже высоко оценили его участие в общих делах, особенно, касающихся разбора личных вещей Юрия Николаевича. В один из дней, составляя опись спальни Ю. Н. Рериха, Людмила Степановна обнаружила ленту с боевыми патронами и револьвер. Как она вспоминала, узнав о находке оружия, Святослав Николаевич

«посоветовался с Павлом Фёдоровичем, и вечером они вынесли его из квартиры и утопили в Москве-реке»[10].

Так без лишних представлений и долгих разговоров, в ответственную и печальную пору стали Л. С. Митусова и П. Ф. Беликов друзьями на всю оставшуюся жизнь. Вместе строили, творили будущее, каждый по-своему, на своём Посту, определённому судьбой.

* * *

Какое же будущее наступило для наследия П. Ф. Беликова?

В день его 100-летия, 29 июля 2011 г., в Таллинне состоялся IX Международный общественно-научный форум «Будущее человечества – расцвет Культуры», посвящённый его светлой памяти.

Основанный Л. С. Митусовой, отметивший 11 мая 2011 г. своё первое десятилетие Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов принял участие в этом многолюдном мероприятии, состоявшемся в рамках международной программы «Как охраним живую ткань Культуры». Форум был организован Международным Советом Рериховских организаций им. С. Н. Рериха, Эстонским обществом Рериха, Ассоциацией гуманно-личностной педагогики в Эстонии при поддержке Международного Центра Рерихов и Международной Лиги Защиты Культуры (Москва).

Нам посчастливилось принять участие в первой сессии форума, проходившей в Старом городе, в историческом Доме Братства Черноголовых – одном из немногих строений в стиле эпохи Возрождения, сохранившихся в Таллинне (ул. Пикк, д. 24–26). В интерьерах XVI в. прозвучали приветствия, доклады и выступления **К. А. Молчановой** (председателя Эстонского общества Рериха; Таллинн), **Паулы Люмальты** (члена Финляндского общества Рериха; Финляндия), **О. А. Лавреновой** (Международный Центр Рерихов; Москва) – «Методология создания духовной биографии Рерихов в трудах П. Ф. Беликова и Л. В. Шапошниковой», **М. Н. Чирятьева** (члена-корреспондента Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, вице-президента Международной Лиги Защиты Культуры, попечителя Международного Мемориального Треста Рерихов в Индии; Санкт-Петербург) – «Современные научные открытия и Живая Этика», **Э. А. Томши** (председателя Санкт-Петербургского отделения Международного Центра Рерихов; Санкт-Петербург) – «П. Ф. Беликов: "На выставках Святослава Рериха"», **Юрия Куускемаа** (историка-искусствоведа, советника мэра Таллинна) – «Жизнь эстов в Ревеле и эстонцев в Таллинне», **А. М. Миллера** (члена правления Эстонского общества Рериха; Таллинн) – «Духовность и наука», **В. Л. Мельникова** (заместителя директора Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов по научной работе, кандидата культурологии) – «Л. С. Митусова и П. Ф. Беликов», **Иви Лепик** и **Тыну Микивер** (Заслуженных артистов Эстонии; Таллинн) – «Поэзия Юхана Лийва и Анны Хаава», **О. Е. Цветковой** (редактора Публикаторского отдела Международного Центра Рерихов; Москва) – «Литературное творчество П. Ф. Беликова», **Н. П. Германовой** (члена-учредителя Международного Совета Рериховских организаций им. С. Н. Рериха, историка; Минск) – «Павел Беликов и Рерихи», **Виктора Месилане** (члена Эстонского общества Рериха; Йыхви) – «Эстонский народный эпос Калеви-

поэг», **Л. И. Монасыповой** (заместителя председателя Ташкентского общества Рерихов, врача-психиатра) – «П. Ф. Беликов: Часовой – поручение жизни», **Л. В. Хоменок** (председателя Пензенского Рериховского общества, кандидата педагогических наук; Пенза) – «П. Ф. Беликов: Честь исследователя», и некоторые другие.

Во второй половине дня 29 июля 2011 г. состоялась поездка в Козе-Ууэмыйза, где жил П. Ф. Беликов и где поныне сохраняется его мемориальная квартира. Здесь прошёл Круглый стол с воспоминаниями. Выступали врач-психиатр, профессор, доктор медицинских наук **Андрей Владимирович Гнездилов** (Санкт-Петербург), вице-президент Культурно-экологической организации «Свет Ладоги», философ **Юрий Александрович Горбачёв** (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, старший научный сотрудник Сектора литературы Института языка, литературы и истории РАН **Елена Григорьевна Сойни** (Петрозаводск), родственники П. Ф. Беликова **Кира Алексеевна Молчанова** и **Алла Павловна Беликова** (Таллинн) и некоторые другие лица. Все участники форума посетили фотовыставку из жизни Павла Фёдоровича «Козе-Ууэмыйза – Обитель светлых дум» и представление нового, безукоризненного издания его книги «Рерих: опыт духовной биографии» (М.: Международный Центр Рерихов, 2011).

Беликовский форум в Таллинне продолжался четыре дня. В Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Одессе и в других городах России и мира в это же время состоялись творческие встречи, посвящённые наследию Павла Фёдоровича.

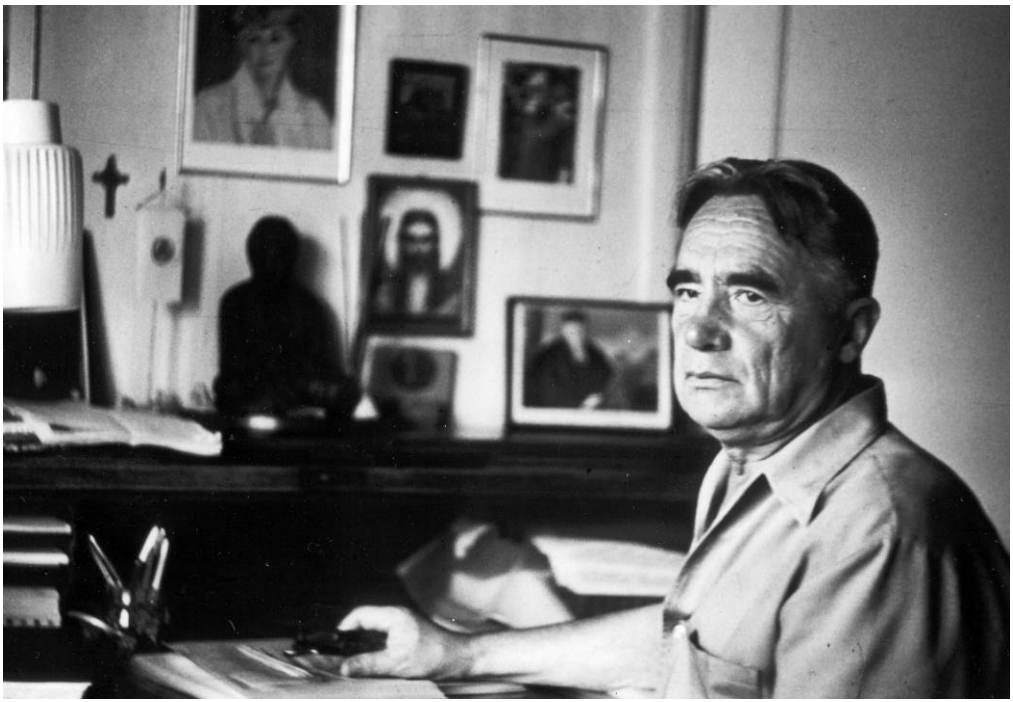
К 100-летию П. Ф. Беликова все основные его труды изданы. Они востребованы самыми разными учёными, цитируются по всему миру просветителями. У наследия П. Ф. Беликова прекрасное будущее!

* * *

За двадцать последних лет у нас сложилось твёрдое убеждение, что наследие Павла Фёдоровича Беликова обладает необыкновенно притягательной **новизной**. Сколько бы раз мы ни погружались в анналы Беликовского архива, делая это всегда с особым рвением, ибо не имели счастья личного общения с Павлом Фёдоровичем, – всегда находится что-то новое, необычное, актуальное, как будто нужное именно сейчас и сегодня. Таким же свойством обладает и Митусовское собрание и, конечно же, Рериховское наследие, ставшее Путеводной Звездой для всех нас. Во всём этом запечатлена *тайна нового*, которое было, есть и будет. Это то *новое*, которое *вечно*. В его сферу направили своих друзей Павел Фёдорович Беликов и Людмила Степановна Митусова.

В рериховедении Павла Фёдоровича впервые нашли воплощение практически все идеи Учения Живой Этики, творчества Николая Константиновича, Елены Ивановны, Юрия Николаевича и Святослава Николаевича Рерихов. В комплексном, синтетическом *опыте духовной биографии* он был первопроходцем.

Мы верим, что настанет время, когда на доме в Козе-Ууэмыйза, где он жил и работал, будет размещена мемориальная доска. Верим, что когда-нибудь в Эстонии будет открыт и Рериховедческий центр имени П. Ф. Беликова с обязательной мемориальной экспозицией в его честь. Верим, что атмосфера столь любимого Павлом Фёдоровичем *кабинета* будет воссоздана в этом центре.



П. Ф. Беликов в своём кабинете. Козе-Уэмыйза. Июль 1975. © А. Н. Анненко

На одной из последних фотографий Павла Фёдоровича в этом кабинете Святослав Николаевич Рерих, его самый близкий друг и руководитель, начертал: *«Пусть светлая память о Павле Феодоровиче вдохновляет и озаряет путь всем ищущим истинный Путь жизни. Святослав Рерих. 15•10•82»*[11]. Об этом кабинете как месте творческом, озарённом, гостеприимном вспоминают многие, кто его посещал при жизни Павла Фёдоровича и после его ухода. До последнего времени кабинет П. Ф. Беликова сохранялся его родными в том виде, каким он был оставлен его владельцем.

Пишущему эти строки посчастливилось впервые войти в него вместе с Л. С. Митусовой в феврале 1998 г., когда она в последний раз посетила Беликовых в Козе-Уэмыйза. Галина Васильевна и Кирилл Павлович предложили нам здесь остановиться. Дни и ночи, проведённые в кабинете П. Ф. Беликова, стали своеобразным Рубиконом, за которым «Держава Рериха» стала почти зримым и осязаемым континентом, со своими вершинами и оврагами, ручейками, реками и морями…

* * *

Павел Фёдорович год за годом, в кропотливом *умном делании* созидал свой внутренний мир, зримым воплощением которого и явился его кабинет. Здесь он делился с друзьями радостью об очередном пополнении его любимой библиотеки. С нетерпением ждал и с радостью встречал гостей. Работал без устали – собирал,

склеивал, находил смыслы – всё ради того, чтобы открыть каждому человеку то Прекрасное, что только ему насущно и необходимо.

В одном из немногих сохранившихся писем Л. С. Митусовой к П. Ф. Беликову упомянут письменный стол. Из контекста их переписки ясно, что Людмила Степановна очень любила здесь бывать. Здесь она зачитывалась «Добротолюбием», книгой Фомы Кемпийского «Подражание Христу» и трудами Оригена[12]. Павел Фёдорович посылал ей фотографии обновлённого письменного стола, чтобы она была в курсе всех последних изменений. Приведём это письмо.

1. Л. С. Митусова – П. Ф. Беликову. 12 марта 1976 г.[13]

Дорогой Павел Фёдорович, рады были получить от Вас весточку. Огорчена, что Вы так и не приехали с Галиной Васильевной, но чувствовала, что тому причиной либо болезнь, либо занятость. Так оно и оказалось.

Я сама пару раз приболела. Один раз после поездки в Киев, а позже не отстала от моды и прихватила грипп.

Татьяна Степановна[14] в октябре и в феврале ездила в Москву и каждый раз задерживалась там до месяца. Ухаживала за больным[15].

Никого из киногруппы[16] она там не застала. Они всё время работали в Киеве. Должны были вернуться к 4ому – 8ому марту.

От Зинаиды Григорьевны[17] получили письмо.

От Святослава Николаевича и Девики небольшое очень тёплое поздравление с Новым годом. Но пришло оно сравнительно недавно. Из Вашего же письма поняла, что их долго не было дома.

Девика пишет, что они надеются на скорую встречу и что все сведения об их выставках и приезде мы можем узнать у Вас, т. к. Вы в курсе всех их дел.

Относительно Марии Филипповны[18] мы и сами ничего не можем понять. Ведь поначалу, когда при Юрии Николаевиче[19] она делала попытку заниматься с Раей[20] английским языком, отношение у неё к Рае было тоже совершенно иное. Она говорила о Раиной ограниченности, отсутствии памяти и неспособности. В прошлом году Мария Филипповна возмущалась Раиным поведением.

Рае, очевидно, сильные и волевые люди внушили, что она может видеть и слышать многое, чего другим не дано. Вероятно, под это же влияние попала и Мария Филипповна. Может, она была в Каунасе (или Вильнюсе). Во всяком случае, даже Цесюлевичи[21] попадают явно под это влияние.

Я же ничего не знаю, но мне думается, что высоко духовная, глубоко научная и философская деятельность Николая Константиновича там сводится к сектантству, которое может повредить пониманию и распространению книг с истинным описанием жизни и деятельности семьи Рерихов.

Да, конечно, если Рая с Васильчиком[22] клевещут на Святослава Николаевича, поносят Зинаиду Григорьевну и Вас, как Вы пишете, то поистине они совсем потеряли стыд и совесть. И, главное, они могут объяснить нежелание Святослава Николаевича, Девики и Зинаиды Григорьевны общаться с ними совершенно ложно и выгодно для них в смысле признания их среди некоторых кругов. Так я чувствую, хотя ничего об

Святослав Николаевич Рерих и Девика Рани Рерих на съёмках документального фильма «Николай Рерих» в квартире сестёр Митусовых. Ленинград. 1974
Слева направо: С. А. Ковалевская (Подузова), неизвестная, А. В. Гнездилов, П. Ф. Беликов, Т. С. Митусова, Л. С. Митусова, Р. П. Сергиенко, В. М. Сидоров, Д. Р. Рерих, С. Н. Рерих, Р. А. Григорьева, О. Ф. Мартынов. © СПбГМИСР. КП-1486

этом не слышала. Хорошо, Павел Фёдорович, если это «не чревато последствиями» для Вас. Хотелось бы, чтобы так было и для Святослава Николаевича, и для Зинаиды Григорьевны.

Да, давненько я не была у Вас.

Фотография Вашего письменного стола скорее показывает мне изменение экспозиции, если так можно сказать. Значит, я не забыла старую.

Очень сочувствую Галине Васильевне. Я знаю, что рецидив любой болезни вызывает волнение и досаду – значит, не долечили до конца. А токсикоз – следствие болезни щитовидной железы – обычно возникает после каких-либо внутренних переживаний. Во всяком случае, так было у меня. И чтобы избежать этих рецидивов, нужно главное избегать всяких неприятностей.

А вот попробуй, когда они совершенно неожиданно возникают. Для них и характерна именно неожиданность.

Но, может, у Галины Васильевны и не было никаких неприятностей. Значит – нарушение режима, работы, питания, сна, отдыха…..

Всё же надеюсь на встречу, тогда обо всём поговорим, а то я расписалась и даже на другой лист перешла.

Сейчас я работаю в библиотеке[23], и бросила своё любимое пенье в церкви.

После болезни разленилась. Запустила хозяйственные дела. Ещё не ответила на многие письма. Всё больше читаю, а свою писанину забросила[24].

С Андрюшей[25] почти не видимся. Он был у нас всего один раз. У него очень много больных. Тянутся к нему люди. Вот когда Вы приедете – он прилетит!

Когда же будет фильм[26]? Интересно, что осталось из того, что я видела в Киеве?

Так хочется опять пообщаться с близкими и дорогими людьми. Ренита Андреевна[27] и её друзья говорили, что приедут после Нового года. А вот уже половина марта, и никто не заглянет. Мария Филипповна – близкий наш друг в прошлом – даже на письма не отвечает. А в этом отношении она очень обязательный человек[28].

Ну всего-всего Вам самого хорошего!

Целую Галину Васильевну и Вас как будто при встрече.

Сердечно с Вами *Л. Митусова.*

P. S.

Татьяна Степановна шлёт сердечный привет. Ждёт всех вас к нам. Передайте привет Кириллу, Алле, Леночке и «малышам». Их тоже ждём.

Вчера получили Ваше поздравление с 8ым Марта. Спасибо Вам за память.

* * *

Как пытливого исследователя, Павла Фёдоровича Митусовы привлекали и своими родственными связями с Рерихами. Генеалогическая тема нашла отражение в целом ряде его публикаций и писем. Например, 1 декабря 1966 г. он писал Людмиле Степановне: «Был бы рад иметь от Вас копию свидетельства об окончании консерватории Вашей бабушкой[29], а также, если найдутся, то и другие упоминания биографического характера для будущей книги»[30]. В письме 12 декабря 1972 г.: «Чуть было не забыл спросить Вас, Людмила Степановна, о некоторых **очень важных** для меня вещах. Я составляю подробную картотеку о всех лицах, с которыми были близки или имели деловые отношения Николай Константинович и Елена Ивановна. Открыл уже больше 1000 карточек, но данные далеко не полные, нужно ещё многое дополнить. Много нужно для примечаний в том Юбилейном издании, которое готовится[31]. Будьте так добры, помогите, в чём можете»[32]. И такую помощь Л. С. Митусова оказывала постоянно. Что-то подобрала на основе семейных материалов, а для каких-то справок отправлялась в различные другие хранилища – в Публичную библиотеку, в фотоархив Академии художеств и т. д. Получив от неё очередную порцию сведений, 30 апреля 1973 г. Павел Фёдорович писал: «Дорогая Людмила Степановна, большое спасибо за письмо. О Стравинском все сведения включу в свою картотеку. Могут пригодиться. Не могу точно установить дату смерти Бориса Константиновича. Кажется, 1946? Вообще, многое ещё нужно уточнить. У Константина Фёдоровича был ещё брат, по этой линии обнаружил родственников в Москве…»[33]. И этот творческий обмен не прекращался до конца его

П. Ф. Беликов в гостях у Митусовых. Ленинград. Квартира на ул. Моисеенко, д. 6. 1975
Слева направо: Л. С. Митусова (*играет на рояле отца*), П. Ф. Беликов, Т. С. Митусова, С. А. Подузова (Ковалевская). © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

дней. Он стал ещё более интенсивным в связи с началом работы над книгами, вышедшими лишь после его кончины: «Святослав Рерих: жизнь и творчество»[34] и «Рерих: опыт духовной биографии»[35].

2. П. Ф. Беликов – Л. С. и Т. С. Митусовым. 22 сентября 1975 г.[36]

Дорогие Людмила Степановна и Татьяна Степановна, забыл написать в прошлом письме об одном важном для меня деле. Я начал новую работу, в которой смогу более подробно осветить жизнь Юрия Николаевича и Святослава Николаевича. В неё должно войти больше «семейной хроники». В связи с этим, если будет на то Ваше согласие, мне хотелось бы частично включить в новую работу и то интересное стихотворение Билибина, в котором описываются «сборы на войну» Степана Степановича. Был бы бесконечно Вам благодарен, если бы Вы переписали для меня это стихотворение[37]. Очевидно потребуются и некоторые другие материалы, в том числе фотографии детских рисунков Святослава Николаевича. Об этом как-нибудь лично поговорим и обсудим. Работа предстоит большая, т. к. в ней хочу больше написать и об Елене Ивановне. В этом году хочу закончить первую главу – период детства Юрия Николаевича и Святослава Николаевича – до отъезда в 1916 году в Финляндию. Ознакомлю с первым вариантом Святослава Николаевича и Вас, в надежде на дополнение, а будет работа того стоить, то и на одобрение. Собираю понемногу материалы и начинаю набрасывать, но это не так-то быстро идёт – не всегда нужные сведения находятся под руками.

Сердечный привет от Галины Васильевны. Как Ваши дела? Нам никак не выбраться из дому. Жду сейчас известий из Киева относительно работы о начале

монтажа фильма[38]. Не знаю точно даже и всех трудностей, которые теперь, в связи с окончанием фильма, встали на пути.

Всего самого светлого.

Душевно Ваш *П. Беликов.*

В итоге Митусовы и их ближайшие родственники несколько раз упомянуты в каноническом издании «Опыта духовной биографии»[39]. В переплетённом машинописном экземпляре книги, датируемом 1980 г.[40], Павел Фёдорович написал так:

«Сын Евдокии Васильевны от первого брака – Степан Степанович Митусов (1878—1942) – музыковед – был очень близок Елене Ивановне и Николаю Константиновичу не только по родственным связям, но и по своему Восточному философскому мировоззрению. Поэтому к нему мы в дальнейшем ещё вернемся. Две дочери Митусова – Людмила Степановна и Татьяна Степановна – проживают до нашего времени в Ленинграде. У них сохранились некоторые фамильные фотографии, картины, книги, переписка и другие предметы, имеющие прямое отношение к Елене Ивановне и Николаю Константиновичу. Людмила Степановна и Татьяна Степановна помнят о детских годах Юрия Николаевича и Святослава Николаевича. Юрий Николаевич по-родственному тепло принимал сестёр Митусовых у себя в Москве и посещал их, наезжая в Ленинград, так же как и Святослав Николаевич много встречался с ними, когда в 1960 году был у нас с выставкой своих картин»[41].

* * *

Много раз и Людмила Степановна спрашивала Павла Фёдоровича о том, что хотела проверить в своих знаниях о Рерихах. Неоднократно беседовала об этом лично, живя у Беликовых в Козе-Ууэмыйза или принимая их в Ленинграде. Бывали по этому поводу между ними и длинные междугородние телефонные разговоры. Двадцатого января 1974 г., после того, как состоялся один такой разговор, во время которого слышимость была не очень устойчивой, Павел Фёдорович продублировал свои ответы в письме.

3. П. Ф. Беликов – Л. С. Митусовой. 20 января 1974 г.[42]

Дорогая Людмила Степановна, вчера очень плохо было слышно по телефону, не знаю, поняли ли Вы мои ответы, поэтому сразу же повторяю.

Фотография Николая Константиновича со Стасовым[43] была воспроизведена в первой монографии В. П. Князевой[44]. Возможно, что у неё сохранились копии, с которых печатала типография или, в крайнем случае, она может указать, где находится тот оригинал, откуда она копию для своей книги брала.

Специального очерка об учениках у Николая Константиновича не было. По существу, он и не обучал кого-либо по типу педагогов, имевших свои мастерские или студии, предназначенные для этих целей. Будучи директором Школы Общества поощрения художеств, он вёл в этой школе только класс композиции. Многие ученики тепло вспоминают о нём как о прекрасном и интересном преподавателе, но именно по одному этому классу. Таких учеников, как у Репина или Куинджи, у Николая Константиновича не было.

П. Ф. Беликов с внучкой Галей в своём кабинете. Козе-Ууэмыйза. 1977
© Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Щекотихина[45] и Земляницына[46] помогали Николаю Константиновичу при писании театральных декораций, поскольку Николай Константинович писал эскизы, а на полотна перекладывали другие художники по указанию и под присмотром Николая Константиновича.

Святослав Николаевич в одном из своих писем сообщил мне: «Щекотихину Николай Константинович ценил за её своеобразный, яркий талант и декоративность». Много помогала при переносе декораций «в натуру» также Елена Захаровна Земляницына. О ней Святослав Николаевич сообщал: «Елену Захаровну Николай Константинович любил за её талант и трудолюбие, ровный, мягкий характер, делавший её прекрасной сотрудницей. Елена Ивановна её тоже очень любила».

Жаль, что по телефону так плохо было слышно. Рядом стояла маленькая Галя[47], хотела тоже поговорить, но пришлось ограничиться передачей через меня поклона. Все ещё раз кланяются Вам и Татьяне Степановне. Не соберётесь ли к нам? Были бы очень рады.

Всего самого светлого. Душевно Ваш *П. Беликов.*

P. S. Телефон Валентины Павловны 103-536 (Русский музей, отдел Живописи).

* * *

Жизненные темы Митусовых и Беликовых были не просто близки – они очень часто совпадали. Совершенно обосновано вспоминать Л. С. Митусову и П. Ф. Беликова вместе, ибо оба они были **Хранителями**. Всю свою жизнь и та, и другой *хранили наследие* и ждали сроков. Они верили, что придёт время для предъявления,

увековечивания и укрепления того, что им доверено. И та, и другой стремились запечатлеть доверенное, не творя из этого кумирню.

Людмила Степановна свои бесценные записи, в которых она оставила нам и воспоминания, и размышления, и то, что обычно соотносится с понятием *духовного опыта*, называла без всякого самообольщения *писаниной.* При этом она ежегодно, начиная с 1926 г. и до конца своих дней, вкладывала в копилку запечатлённой на бумаге сокровищницы подлинные жемчужины смыслов и наблюдений. Павел Фёдорович однажды дал замечательную развёрнутую характеристику своему творческому методу. Десятого апреля 1979 г. Л. В. Шапошниковой он писал:

«Как мне кажется, существует два основных метода подачи материала – центробежный и центростремительный. Я сторонник первого. Центробежный – расширяет тему, внедряет её в жизнь, даёт простор творческой мысли. Центростремительный, как это ни парадоксально, но зачастую уводит от самой темы к её интерпретатору, т. к. подходы к темам всегда индивидуальны. Это не значит, что я против индивидуальности. Наоборот. Это и закономерно и в высшей степени хорошо. Однако в самой индивидуальности центростремительность и центробеж-

В гостях у Беликовых. Козе-Ууэмыйза. 1978.
Слева направо сидят: Ю. В. Дроздова, Г. В. Беликова, П. Ф. Беликов, Л. В. Шапошникова, Л. С. Митусова. *Слева направо стоят:* Е. П. Гейман, М. Ф. Орлова, А. П. Беликова
© Собрание семьи Беликовых (Эстония)

ность имеют разное функциональное значение, и в творческих процессах, по моему мнению, должна именно превалировать центробежность. Писатель должен описывать мироздание чернилами из своей чернильницы, художник изображать его красками своей палитры, но беда, если писатель попытается уместить мироздание в своей чернильнице, а художник на своей палитре»[48].

Именно центробежное движение от собственной личности и соединение с Центростремительной тягой к Высшему сблизили Людмилу Степановну и Павла Фёдоровича в деле музейного строительства. Свидетельством тому остаётся их переписка, продолженная после его ухода другими членами семьи.

* * *

Задачу создания на родине Рерихов их музея Павел Фёдорович никогда не забывал. Эту задачу – как один из *заветов* – он получил от Юрия Николаевича Рериха незадолго до его кончины. Эту же задачу в январе 1975 г. ему подтвердил и Святослав Николаевич[49]. Так же относилась к этому завету и Людмила Степановна. И в личных беседах, и в письмах Ю. Н. Рерих многократно повторил ей: *планы музея в Ленинграде не оставлены, будет по-нашему*[50]. Всю оставшуюся жизнь, а это более сорока лет, Людмила Степановна претворяла в жизнь это Утверждение, став фактическим основателем в Санкт-Петербурге Музея-института семьи Рерихов.

Этот первостепенный вопрос с разных сторон застрагивался в письмах Павла Фёдоровича к сёстрам Митусовым. Например, в письме к Людмиле Степановне 3 октября 1968 г.: «О квартире Николая Константиновича я ничего не слышал, и Князева ничего не знает. Если узнали что-либо новое – сообщите, пожалуйста»[51].

Иногда Павлу Фёдоровичу об этом вопросе писали другие лица. Например, 29 сентября 1961 г., сразу после встречи с Л. С. Митусовой, член Латвийского общества Рериха **Арвид Юльевич Калнс** (1911—1966) сообщал:

«Людмила Степановна приняла нас очень сердечно, показала очень много интересного и сокровенного. Расстались хорошими друзьями. При встрече расскажу об этом подробнее. Кстати, Людмила Степановна для Вас имеет несколько экземпляров цветных репродукций Святослава Николаевича, но никак не соберётся Вам их отослать. Говорила, между прочим, о том, что Юрий Николаевич ей звонил незадолго до ухода, и говорил о Мойке, 83 как о Мемориальном музее Николая Константиновича и как уже о решённом факте, причём был в очень приподнятом настроении»[52].

Комментируя последнее высказывание в книге своих воспоминаний, Людмила Степановна отмечала, что оно очень важно «для нас теперь, когда наступило время выполнения заветов Рерихов в отношении Санкт-Петербурга». И далее: «Возвращение рериховской работы в России, как тогда, так и теперь, должно идти через Музей, Образование, Просвещение. Необходимо выполнить волю отца и матери Юрия Николаевича и Святослава Николаевича»[53].

* * *

В письме 13 января 1980 г. Павел Фёдорович запрашивал: «Юра[54] сообщил мне, что Вы собираетесь продать в Москву мебель Николая Константиновича. Кому она

пойдёт? Ведь хочется, чтобы один раз и Ленинград достойным образом почтил память Николая Константиновича, он ведь родился и жил в Ленинграде, а не в Москве. Может быть, есть расчёт подождать Ленинградского решения?»[55].

В последнем фрагменте – очевидная аберрация передачи сведений на фоне развивающегося конфликта между сёстрами Митусовыми. К сожалению, в доме Митусовых к тому времени появился свой «васильчик» – молодой человек по фамилии *Соколов*[56]. Он поставил своей задачей разделить сестёр Митусовых, а значит, нивелировать результаты десятилетий их общей борьбы за сохранение культурного наследия. Его появление ознаменовало решающий этап в утверждении рериховского Дела в родном городе Рерихов. Разумеется, Людмила Степановна и не думала ничего «продавать» куда бы то ни было, тем более «в Москву». Разве могла она «продать» то, ради чего положили свои жизни в Ленинградскую блокаду её родители, муж, старшая сестра, муж старшей сестры и их дочь?![57] Она всю жизнь не просто ждала, а активно действовала в направлении именно **«Ленинградского решения»**!

Увы, в 1981 г. Татьяна Степановна действительно продала без ведома старшей сестры небольшую часть семейного собрания под влиянием этого ленинградского «васильчика». Отдельные предметы рериховской мебели уже после кончины Павла Фёдоровича пополнили фонды первого в России рериховского музейного центра – Музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре. Но всё же большую часть мебели, включая кабинетный шкаф-бюро Н. К. Рериха, Людмила Степановна сохранила у себя, чтобы передать основанному ею в 2001 г. Музею-институту семьи Рерихов. Мемориальное собрание её отца, Степана Степановича Митусова, значительно ею расширенное и дополненное, явилось базовым фондом созданного учреждения культуры. До сих пор то, что она предназначила для передачи, полностью не подсчитано и не описано. К 2013 г. в фонды поступило более 14.000 предметов, источник происхождения которых – Л. С. Митусова. В будущем планируется оформить в фонды Музея-института семьи Рерихов не менее этого числа. Работа продолжается!

* * *

Нужно отметить, что Беликовы, конечно, были в курсе возникшей проблемы сестёр Митусовых. Павел Фёдорович и его близкие всячески оберегали Людмилу Степановну, старались наполнить её радостью, особенно, когда она приезжала к ним в Козе-Ууэмыйза. Все годы знакомства и Беликовы посещали сестёр Митусовых на их ленинградских квартирах (ул. Моисеенко, д. 6, – до 1975 г. и 4–я Советская ул., д. 18, – после 1975 г.), чем немало способствовали сохранению единства.

Приглашая в гости, в своих письмах Беликовы много раз описывали красоту и одухотворённость окружающего пространства. Приведём несколько примеров:

«Вы сообщили, что намереваетесь в отпуск посетить наши края. Если это осуществится, то очень надеюсь, что Вы найдёте возможность навестить и меня. Мы с женой проживаем в часе езды от Таллина. Лучше всего к нам попадать на автобусе № 61, который выходит из Таллина (автобусная станция) в 11.15 и 15.15. Билет надо взять до остановки Косе-Ууэмыйза. В Косе-Ууэмыйза автобус останав-

Людмила Степановна Митусова в гостях у Беликовых. Козе-Ууэмыйза. 1975
Слева направо: Е. П. Гейман, А. П. Беликова, Г. В. Беликова, К. П. Беликов, Л. С. Митусова, П. Ф. Беликов. © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

ливается в двух минутах ходьбы до дома, где я живу. Там почти все меня знают и укажут квартиру, а если Вы предварительно сообщите дату приезда, то я Вас встречу. Буду очень и очень рад Вас видеть» (29 июля 1966)[58].

«Как только будет возможность, приезжайте к нам. Смена обстановки – лучший отдых. Приезжайте все вместе, разместиться сумеем. Считайте это приглашение действительным на любое время» (6 февраля 1968)[59].

«Лето лишь набирает силу. Солнце жжёт. Мы здесь в деревне изнемогаем, как вы в городе переносите. Начинается грибной сезон. Сегодня ходили по шампиньоны – принесли на жаренку. Но в этих походах нет поэзии – растут на полях. Была за брусникой, со страхом прислушивалась – не появятся ли из-за куста кабаны, и в то

же время наслаждалась тишиной и одиночеством. А какая дорога вдоль реки, какие виды! Вы их не видели. А какое наслаждение, выйдя из лесу, искупаться в нашей холодной речке и уже бодрой и свежей возвращаться домой.

Какие грозы у нас сейчас. Илья пророк колесницей грохочет, а молнии лиловые слепят, всё небо полыхает огнём в ночи! Нет, у вас этого нет. Это только у нас! А в саду астры – страусовое перо – распустились, гвоздики благоухают, и розы распускаются и роняют свои лепестки. Распускаются и роняют, распускаются и роняют... Но ведь все разные, не одна и та же!» (1 сентября 1968)[60].

Как здесь не вспомнить сердечные слова давно уже выросшей *маленькой Гали*, внучки Галины Васильевны и Павла Фёдоровича, дочери Кирилла Павловича и Аллы Павловны Беликовых, прекрасно дополняющей этот фрагмент из письма бабушки:

«Всей этой красотой, содержащейся в идеальном порядке, мало кто из гостей любовался вдоволь. Бесконечная вереница приезжавших к Павлу Фёдоровичу Беликову быстро пробегала мимо розовых кустов, ахнув и вдохнув аромат. Другое дело – Людмила Степановна Митусова. Приезда Зюмы с радостью ждали все члены семьи. Помимо высоких бесед в кабинете Павла Фёдоровича Людмиле Степановне удавалось подарить частичку себя и времени каждому из Беликовых. Она готова была без устали гулять в парке при мызе барона Uexküll (Икскуль), охотно ходила по грибы, удивлялась улову карасей в деревенском пруду, каждый раз беспокоилась, зачем её усаживают в почётное большое кресло, где, таких, как она, могло поместиться трое. И, конечно же, любовалась розами. Обход цветущей красоты был ежедневным ритуалом. Думаю, бабушка только в Людмиле Степановне чувствовала и ей самой свойственное преклонение перед красотой»[61].

В другом письме Галины Васильевны читаем:

«В мае [Павел Фёдорович] написал ещё довольно большую статью по предложению [И. В.] Сахарова о Николае Константиновиче в Индии[62]*. Сегодня отослал. Всё это делается на работе и вечером после рабочего дня. Вот это и даёт головные боли. Стали делать по вечерам велосипедные прогулки. Но лучше, наверно, просто своими ногами подольше гулять. Сейчас красивое время настало. "Всё зелено – и воздух и вода"*[63]*. Берёзы в полной красе, а трава как изумрудная. Даже сердце щемит от этой красоты, полной жизни. А потому в комнате не усидеть. Копаюсь в садике – полю, поливаю, жду, когда ещё что распустится. Кожа на руках, как наждачная бумага. И не читается, и не играется. Да и пальцы после садовой работы, как деревянные. Хорошо весной в деревне, да не только весной. И жаль, простите, всех живущих в городе. Но везде свои радости»* (29 мая 1969)[64].

А это фрагменты из писем Павла Фёдоровича:

«Галина Васильевна шлёт Вам сердечный привет. Всегда с радостью вспоминаем пребывание у Вас и наши общения. Надеюсь, что в скором времени опять как-нибудь повстречаемся. Будут погоды получше, может быть, к нам соберётесь? Были бы рады видеть» (10 ноября 1971)[65].

«Сердечный привет от нас Татьяне Степановне. Галина Васильевна часто Вас вспоминает. Надеемся, что этой весной Вы сможете у нас побывать. Теперь у нас

будет больше времени, сможем с Вами и Татьяной Степановной подробнее ознакомиться с Таллином и его окрестностями» (февраль 1974)[66].

«Весна нынче была затяжная, настоящего тепла ещё не видели, только в отдельные дни тепло было. Тем не менее, всё уже начинает распускаться – цветут нарциссы, тюльпаны, вишни, сливы, скоро зацветёт сирень и яблони. По лесу уже приятно гулять, лес в зелёном наряде» (3 июня 1974)[67].

«Галина Васильевна шлёт сердечный привет и просит Вас: во-первых – не задерживаться и обязательно в конце первой недели июля быть у нас.

Во-вторых – не брать с собой постельного белья. Очень настаивает на последнем и грозится всё равно постелить своё, если Вы с бельём явитесь. Учтите это обстоятельство» (25 июня 1974)[68].

«Как живёте Вы? Может быть, есть возможность и желание побывать у нас? Мы были бы очень рады видеть Вас. Ведь и зимний Таллин имеет свою прелесть, да и здесь в деревне приятно погулять по снежному лесу» (10 декабря 1974)[69].

После ухода из жизни Павла Фёдоровича 15 мая 1982 г. к переписке с Митусовыми подключились другие члены семьи. Людмила Степановна продолжала приезжать к Беликовым в Козе-Ууэмыйза и в Таллинн, и они тоже посещали её.

Особые отношения сложились у неё с сыном Павла Фёдоровича и Галины Васильевны **Кириллом Павловичем Беликовым** (1942—2003). Он очень дорожил общением и дружбой с ней. Его письма к Людмиле Степановны полны доброго уча-

С. Н. Рерих и Д. Р. Рерих беседуют с Л. С. Митусовой. Москва. 1982
Слева стоит К. П. Беликов. © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

стия и заботы. «Все очень хорошо к Вам относятся, уважают, любят и желают только добра», – писал он 30 ноября 1983 г.[70] Подобные слова не раз были сказаны Кириллом Людмиле Степановне[71].

«Надо стараться думать о чём-то Вечном (помнить об Учении, о Елене Ивановне). Это как бы провести более длинную линию, которая "умалит" (сделает меньше, проще) наши преходящие неурядицы. Конечно, "говорить легко", в жизни всё сложнее. Но от всей души желаем Вам спокойствия Духа, оно помогает во всех наших затруднениях» (8 мая 1984)[72].

* * *

В дневнике исполнительного директора Музея Николая Рериха в Нью-Йорке З. Г. Фосдик читаем: «…В зале Рериха [Государственного Русского музея] я встретила Павла Фёдоровича Беликова, который приехал со мной повидаться. Очень славный, сердечный человек». И далее: «За мной зашёл Павел Фёдорович и повёл меня в гостиницу. Ещё беседовали о наследстве Светика, возникшем положении с библиотекой, печатанием книг Юрия, болезни Людмилы[73]. Хороший, серьёзный человек» (записи 20 мая 1961 г.)[74]. На следующий день: «Угостила обедом Павла Фёдоровича и пригласила на "Князя Игоря" вечером [в Кировский театр]. Много говорили о делах Святослава, о библиотеке [Ю. Н. Рериха] и т. д. Он – Павел Фёдорович – хороший человек». И далее: «Говорили с Павлом Фёдоровичем – он мыслит хорошо, всех оценивает правильно. <…> Умный и идущий по пути роста и славы родины – очень ценю это в нём. Он истинный патриот»[75]. Именно таким – *сердечным, серьёзным*, *хорошим* человеком, *истинным* патриотом – воспринимали Павла Фёдоровича все, кто с ним общался.

Роль П. Ф. Беликова в формировании современного Рериховского движения уникальна. В момент отъезда из СССР в 1960 г. именно ему передали все нити движения Святослав Николаевич и Девика Рани. П. Ф. Беликов был единственным человеком, которому доверяли все. И Павел Фёдорович ради Общего Блага в полной мере воспользовался этим Доверием. Именно он убедил С. Н. Рериха продолжить сотрудничество со многими «старыми» рериховцами из круга общения Ю. Н. Рериха, выделив из них настоящих, преданных сотрудников.

Какое-то время после внезапной смерти брата некоторые из частых посетителей рериховской квартиры на Ленинском проспекте не вызывали у С. Н. Рериха доверия, что можно понять, ведь многие из них действительно отягощали и утомляли Юрия Николаевича. Совсем рядом были и те, кто выполняли при Юрии Николаевиче роль наблюдателей КГБ. По халатности некоторых лиц, вхожих в дом Юрия Николаевича, он не получал адекватной и своевременной медицинской помощи, что и привело в конечном итоге к его преждевременной смерти.

Всё это создало серьёзный негативный фон и вакуум доверия к некоторым «старым» рериховцам. Этот момент также зафиксировала в своём дневнике Зинаида Григорьевна, с которой Рерихи встретились в Индии накануне её поездки в СССР в 1961 г. С ней Святослав Николаевич и Девика Рани откровенно обсуждали ситуацию вокруг Ю. Н. Рериха накануне его ухода из жизни[76].

Постепенно Павел Фёдорович нашёл возможность привлечь к Делу всех искренне преданных и верных сотрудников Рерихов – как «старых», так и «новых». Об этом он регулярно, порой мимоходом, но постоянно информировал Святослава Николаевича и Девику Рани. Благодаря этому потоку позитивной информации постепенно пошатнувшееся доверие Рерихов ко многим «старым» рериховцам было восстановлено, более того – работа с некоторыми приобрела совершенно особый, весьма интенсивный и всё расширяющийся характер. И здесь сёстры Митусовы исключением не были.

Двенадцатого августа 1973 г. Павел Фёдорович писал Святославу Николаевичу: «Некоторые новые фотографии жду из Ленинграда. В летнюю поездку мы с женой как раз проезжали через Ленинград. Были у Митусовых. Живут они по-прежнему. Часто вспоминают Вас. Между прочим, в Ленинграде на кладбище нашли могилу Вашего деда – Константина Фёдоровича. Могила в хорошем состоянии. Конкретно поднят вопрос о реставрации "Извары". Удалось обнаружить фото и зарисовки самого Николая Константиновича того дома, где жили [Рерихи]. После продажи он был перестроен, потом второй, надстроенный этаж сгорел. Благодаря находкам, дом намериваются восстановить именно в таком виде, как он был при Константине Фёдоровиче. На тему "Рерих в Изваре" был защищён диплом одного искусствоведа, кончавшего институт в Ленинграде. Его исследования к диплому помогли восстановить очень многое, казалось бы, уже совсем потерянное. Теперь этого искусствоведа как раз и привлекают к восстановительным работам в Изваре[77]. В будущем предполагается учредить в Изваре Краеведческий музей с мемориальными комнатами Николая Константиновича. Извара уже взята под охрану как место историческое, связанное с пребыванием там Николая Константиновича»[78].

Или в другом письме в том же году: «Сейчас гостит у нас Людмила Степановна Митусова. Она шлёт Вам и Девике большой сердечный привет. У них все благополучно, и Людмила Степановна приехала к нам немножко отдохнуть на природе. У нас красивая местность, речка, лес, луга, ходим на прогулки, часто вспоминаем Вас и Юрия Николаевича»[79].

Наконец, в письме к Рерихам от 26 июля 1976 г. Павел Фёдорович поделился: «Мы совершили с женой небольшую летнюю поездку, включив в неё и Ленинград. Людмила Степановна и Татьяна Степановна здоровы и очень довольны своей новой квартирой. Просили послать Вам большой привет»[80].

Именно вмешательство С. Н. Рериха в январе 1975 г. помогло сёстрам Митусовым получить новую квартиру в историческом центре Санкт-Петербурга.

* * *

Здесь мы подошли к ещё одной отличительной черте интенсивного общения Митусовых и Беликовых: постоянная, ничем не ограниченная **помощь молодёжи.** Слово Людмиле Степановне:

«Я очень благодарна Павлу Фёдоровичу Беликову за его помощь некоторым моим друзьям в преодолении их советского воспитания. Павел Фёдорович с ними беседовал, и они пробуждались, тянулись. В 1960–1970-е годы они останавливались у

Павла Фёдоровича и Галины Васильевны в Козе-Ууэмыйзе под Таллинном. Иногда все вместе ходили на прогулки по усадебному парку. Бывало, Павел Фёдорович и ещё кто-то идут впереди, увлечённые высокими разговорами, а мы с Галиной Васильевной сзади смеёмся: "Смотрите, как увлечены, даже нас забыли". Один раз решили подшутить – отстали на дорожке, свернули в лесок, спрятались. А они, увлечённые беседой, прошли дальше. Вдруг на другом берегу озера хватились нас, ищут, а мы наблюдаем…»[81].

Г. В. Беликова и Л. С. Митусова
Таллинн. Вышгород. Середина 1970-х
© Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Между Митусовыми и Беликовыми образовалось интенсивное поле духовного роста. Кто попадал в их духовную орбиту – очень быстро становился на ноги, находил своё призвание, обретал смысл жизни. Они часто «дарили» друг другу людей – и все уходили от них окрылёнными, зажжёнными красотой сердца, уносящими радость и знания. Мы знаем А. Н. Андреева, Л. А. Андросову, А. В. Гнездилова, Ю. А. Горбачёва, Г. А. Гороховского, В. С. Кваса, С. А. Подузову (Ковалевскую), А. С. Конанчука, О. Ф. Мартынова, С. И. Мартынова, Е. П. Маточкина, Л. В. Мищенко, С. В. Московскую, В. А. Росова, Е. Г. Сойни (Бондаренко) и многих других, имевших счастье расти в этом интенсивном поле Света. Силовые линии от их сердец сливались в едином устремлении к Рерихам и самим Учителям.

В их творческих материалах имена Митусовых и Беликовых запечатлены с самых разных сторон. Нередко у кого-то из них Беликовы как бы невзначай запрашивали: «От Митусовых давно нет известий. Как с Людмилой Степановной? Ведь у Татьяны Степановны тоже со здоровьем скверно было. Очень хотелось их навестить, но не получилось. При случае передайте от нас большой поклон»[82]. И несли молодые друзья «поклоны» и «приветы» в обе стороны, и тем укреплялась их дружба…

Из митусовско-беликовской «молодёжи» в юбилейную осень 100-летия Н. К. Рериха, на волне огромного общественного интереса к Рериховскому наследию, сформировалась целая «бригада» помощников, оказавшая большое содействие при переезде Митусовых на новую квартиру. Кто составлял официальные обращения к властям, кто печатал их на машинке, кто хлопотал с бумагами в руках в кабинетах чиновников, кто упаковывал мебель и другие мемориальные предметы, кто их таскал, кто помогал расставлять на новом месте… Как отмечала Л. С. Митусова, роль Павла Фёдоровича в организации всей этой «эпопеи» была одной из ключевых[83].

Канун переезда совпал со съёмками прямо на квартире Митусовых документального фильма «Николай Рерих» (он уже дважды упомянут в приведённых здесь

письмах). В съёмках участвовали Святослав Николаевич Рерих, его супруга Девика Рани, Павел Фёдорович и некоторые другие лица. Все они запечатлены на известной фотографии из собрания Музея-института семьи Рерихов[84]. Примечательно, что на ней сёстры Митусовы расположились ближе всех к Павлу Фёдоровичу, а взгляд Святослава Николаевича направлен в их сторону. Тогда же Святослав Николаевич обратился к руководству Ленинграда с просьбой посодействовать в решении «квартирного вопроса» Митусовых. В обращении на имя председателя Исполкома Ленгорсовета **Василия Ивановича Казакова** (1927—2008), переданном ему при личной встрече 22 января 1975 г., Святослав Николаевич писал:

«Настоящим подтверждаю, что в квартире моих троюродных сестёр Митусовых Людмилы Степановны и Татьяны Степановны находятся мебель и вещи моего отца, академика Николая Константиновича Рериха. Все эти вещи имеют историческую ценность и в их сохранности я очень заинтересован. Ввиду предстоящего переезда Митусовых на другую квартиру в связи с капитальным ремонтом дома № 6 по улице Моисеенко, я был бы благодарен, если бы им была предоставлена такая квартира, которая обеспечила бы дальнейшую сохранность фамильных вещей моего отца»[85].

Вскоре переезд успешно состоялся. Он был организован вполне в русле «Памятных записок», подготовленных тогда же по инициативе П. Ф. Беликова. Напомним, что в них С. Н. Рерих вновь и вновь обращал всеобщее внимание на перспективу именно **«Ленинградского решения»:**

«В беседе с председателем Ленинградского горисполкома Казаковым мной был поднят вопрос о мемориальной квартире моего отца по месту его прежнего жительства с подчинением этой квартиры Государственному Русскому музею. Как Казаков, так и директор Государственного Русского музея В. А. Пушкарёв отнеслись к этому предложению позитивно. Мемориальную квартиру можно было бы использовать под постоянную экспозицию произведений моего отца и обставить принадлежавшей ему мебелью, которая до сих пор частично сохранилась.

Всё это было бы прекрасным актом увековечения памяти моего отца в его родном городе, и я был бы признателен Министерству культуры СССР за поддержку в осуществлении этой идеи»[86].

* * *

Многие вспоминали и вспоминают время, проведённое с Беликовыми и Митусовыми, с **благодарностью**. Однажды, получив такую письменную, совершенно искреннюю благодарность от друга Людмилы Степановны **Эдуарда Яковлевича Бложиса** (1907—1970), Павел Фёдорович послал ему в ответ следующее письмо.

4. П. Ф. Беликов – Э. Я. Бложису. 1 сентября 1968 г.[87]

Дорогой Эдуард Яковлевич, сердечно благодарю за Ваше тёплое письмо. Мы с Галиной Васильевной очень рады, что пребывание в наших Палестинах, кроме пасмурного неба, оставило и более приятные впечатления. После Вашего отъезда погода наладилась, а последние три недели была по-настоящему летняя. Гостили у нас сын с

невесткой и маленькой внучкой, остались довольны – почти всё время можно было проводить на свежем воздухе.

Л. С. Митусова, Г. В. и П. Ф. Беликовы
Таллинн. Вышгород. Середина 1970-х
© Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Приятно слышать по своему адресу хорошие слова, если даже и не заслуживаешь их. Все мы, как говорится, люди, все человеки, у всех есть свои достоинства и недостатки, и всем нам необходимо стать ещё человечнее. Без этого не построить ни благополучной семьи, ни благополучного государства. И каждому дана возможность внести свою лепту в дело очеловечивания человечества. Особенно широко эти возможности открываются перед людьми, близкими к той или иной области искусства. Будем стараться не проходить мимо этих возможностей, и наша жизнь не рискует тогда оказаться прожитой напрасно. А это главное – хоть сколько-нибудь суметь рассчитаться за великий дар жизни.

Всего Вам самого светлого. С большим удовольствием всегда беседовал с Вами и надеюсь, что беседы наши ещё состоятся в будущем.

П. Беликов.

Именно, по слову Великих Учителей: «Благодарность есть великий двигатель. Никто не напрашивается на благодарность, но велико качество этой мощи. Благодарность действует, как очиститель, но всё очищенное уже легче движимо. Таким образом, благодарность есть средство ускорения пути»[88].

Как не хватает сейчас таких благородных, благодарных подвижников, положивших свою жизнь на алтарь Служения! Дело «очеловечивания человечества», начатое ими, необходимо продолжать. Только так можно ускорить приближение Светлого века.

* * *

Лейтмотив многих писем П. Ф. Беликова к Л. С. Митусовой – **скорая встреча в Ленинграде**. «Хотелось бы… Вас в Ленинграде навестить и поговорить по душам»[89]. «В Ленинграде очень хочется с Вами повидаться и посоветоваться»[90]. Или в письме к сёстрам Митусовым: «Вообще в Ленинград давно тянет. Хочется с Вами обо многом поговорить»[91].

Ленинград, он же Петроград – в его жизни совершенно не случайная страница. В своей «Краткой автобиографии» Павел Фёдорович упомянул о приездах в город на Неве ещё в раннем детстве вместе с родителями. И далее важный момент:

«В 1925 году я с матерью поехал в Ленинград, где жили её братья. Отец тоже собирался переехать, так как имел коммерческие дела с Поволжьем и, по-видимому,

рассчитывал на НЭП (новую экономическую политику, разрешившую частное предпринимательство), предполагая возобновить деятельность в России.

В Ленинграде я учился и закончил 51 Советскую Единую трудовую школу II ступени (курс гимназии). В 1928 году мать всё-таки решила вернуться в Эстонию»[92].

Спустя год и Людмила Степановна окончила 102-ю Советскую Единую трудовую школу на Греческом проспекте[93]. В 1927 г. её окончила старшая сестра Злата, погибшая в Ленинградскую блокаду, пятью годами позже – младшая сестра Татьяна, в Ленинградскую блокаду уцелевшая…

Они формировались как личности «в одно время и в одном месте» – учились в одном городе, ходили по одним и тем же улицам и площадям…

Среди учителей Л. С. Митусовой был известный учёный-филолог, профессор Ленинградского государственного университета **Владимир Яковлевич Пропп** (1895—1970). С детства в круг её общения входили универсанты, эта традиция шла ещё от её отца, С. С. Митусова, выпускника Санкт-Петербургского университета, и его друга Н. К. Рериха, тоже универсанта. В её архиве сохранились материалы деятелей университета за прошедшие два столетия, о чём мы уже писали в предыдущих публикациях[94]. То же можно сказать и о Павле Фёдоровиче. Он общался и переписывался с такими известными выпускниками нашего университета, как писатель **Всеволод Никанорович Иванов** (1888—1971), поэт, профессор филфака ЛГУ, доктор филологических наук **Виктор Андроникович Мануйлов** (1903—1987), профессор Тартуского университета **Юрий Михайлович Лотман** (1922—1993). Они поддерживали его деятельность по многим направлениям, давали положительные отзывы, предлагали развитие издательских и научных программ.

Именно Санкт-Петербургский государственный университет, в лице его руководителей, профессоров Л. А. Вербицкой, В. Н. Трояна и И. В. Мурина, в 2001 г. поддержал Людмилу Степановну Митусову и её помощников в деле создания Музея-института семьи Рерихов. Долгожданное решение состоялось. Круг замкнулся.

* * *

В заключении приведём фрагмент из ранних воспоминаний П. Ф. Беликова о городе, где он превратился в человека синтетических взглядов, раз и навсегда вступившего на «поприще Культуры и Духовного Озарения»[95].

«Петроград. Люблю его вспоминать, его “оград узор чугунный, Неву, одетую в гранит, дворцы. Адмиралтейскую иглу” и т. д. Нельзя Петроград не любить, прожив в нём, как я, около трёх лет. Коренные жители Петрограда не могут себе представить, как можно жить где-либо вне его. Ведь петербуржцы, волею судеб очутившиеся в иммиграции, не столько тоскуют о довоенной жизни, о своих погибших капиталах, о судьбах России, наконец, как о самом Петрограде. Знаете стих Агнивцева? –

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось,
Весь день без слов, всю ночь без сна, –
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина.

Ах, сердце – раб былых привычек,
И перед ним виденьем вдруг
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий, Пётр, Нева, Крестовский.
Стозвонно-плещуший Пассаж,
И плавный Каменноостровский
И баснословный Эрмитаж.

И первой радости зарница,
И горя первого слеза,
И чьи-то длинные ресницы,
И чьи-то серые глаза…

Поймёте ль вы, чужие страны,
Меня в безумии моём,
Ведь это юность из тумана
Мне машет белым рукавом!

Последним отблеском привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне всего вот эта
Коробка спичек Лапшина!

Каждый город имеет своё лицо. И, может быть, ярче всего это своё лицо выражено у Петрограда. Если петербуржец живёт в других маленьких городах, он вспоминает грандиозность своего Петрограда, если он живёт в гигантских городах Западной Европы или Америки, то вспоминает своего "гранитного барина", с которым не в состоянии спорить в величии многочисленные небоскребы. Величие выражается не только величиной, но и спокойными, плавными линиями архитектуры, улицами, проведёнными как по линейке и правильными пропорциями отдельных частей. И Петроград выдержан, донельзя выдержан, в своём особом Петроградском стиле, который накладывает на всё свой отпечаток. Ни революция, ни красные флаги и платочки, ни демонстрации стотысячной рабочей толпы не могут сгладить черт "гранитного барина". Мне хотелось бы ещё побывать в Петрограде. Очень многим я ему обязан. Его дворцы, его музеи, театры, опера открыли мне красоту искусства»[96].

Разве можно после этих строк сомневаться в **«Ленинградском решении»** Павла Фёдоровича? Этот текст датирован 3 марта 1936 г. Спустя всего несколько месяцев состоялось событие, повлиявшее на всю его жизнь. Пятого октября 1936 г. Н. К. Рерих первый написал П. Ф. Беликову, словно приглашая в бескрайний Путь по своей Державе. Были в его письме слова и *о сердечном решении*, и *об искусстве*:

«По всему миру несутся стенания о нерешённых проблемах. Но сердце человеческое давно решило всё о земной жизни. В сердце человек знает всё, но не может претворить в плотном слове. В искусстве иногда вспыхивают искры прозрений.

П. Ф. Беликов в Эрмитаже на юбилейной выставке С. Н. Рериха
За его спиной – картина С. Н. Рериха «Карма Дордже» (1974)
Ленинград. 1975. © Собрание семьи Беликовых (Эстония)

Недаром именно творчество от древнейших времён, от Вед незапамятных, считалось связью с Высшим»[97].

Зов Учителя был услышан и принят с величайшим почтением и трепетом. На всю жизнь. Навсегда.

Около 1940 г. подпись в концовке этого письма была Павлом Фёдоровичем вырезана и помещена в рамку под стеклом вместе с репродукцией портрета Н. К. Рериха кисти С. Н. Рериха. Портрет Учителя с его автографом всегда находился на рабочем столе Павла Фёдоровича перед глазами…

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб. – Вышний Волочёк, 2004. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I). – С. 199.
[2] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 13 января 1980 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2898. 1 л.
[3] Автограф. Библиотека СПбГМИСР. Инв. № 447.
[4] Автограф. Библиотека СПбГМИСР. Инв. № 39/1.
[5] Автограф. ФРК СПбГМИСР. КП-1092. Инв. № РК-100.
[6] Благодарю за это сведение хранителя РДФ СПбГМИСР Татьяну Сергеевну Матехину.
[7] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 140.
[8] Время зафиксировала Т. С. Митусова в своей записной книжке (РДФ СПбГМИСР. КП-233).
[9] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 141.
[10] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 144–145.
[11] Цит. по изд.: Письма Павла Фёдоровича Беликова (1975–1982) / Сост., авт. предисл. и вступит. ст. Е. Г. Петренко. – Одесса: Астропринт, 2008. – (Одесский Дом-музей Н. К. Рериха. Серия «Архивы. Исследования». Вып. IV). – Ил. 20 между с. 48 и 49.
[12] Об этом она писала в своих воспоминаниях: *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 157–159.
[13] Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-4971. 2 л. Дар А. П. и Г. К. Беликовых 27 апреля 2006 г. Здесь и далее в цитатах при подготовке к публикации все сокращения раскрыты.
[14] Имеется в виду **Т. С. Митусова**.
[15] Имеется в виду композитор **Николай Андреевич Тимофеев** (1906—1978), друг Митусовых.
[16] Имеется в виду киногруппа док. фильма «Николай Рерих» (1976), режиссёром которого был Р. П. Сергиенко, авторами сценария Р. А. Григорьева и Л. В. Шапошникова. П. Ф. Беликов был привлечён в качестве консультанта. Снимался фильм на студии «Киевнаучфильм».
[17] Имеется в виду **Зинаида Григорьевна Фосдик** (урождённая *Шафран*, по первому браку *Лихтман*; 1889—1983), пианистка, искусствовед и педагог; ближайший сподвижник Рерихов в Америке, исполнительный директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке после его воссоздания в 1949 г.
[18] Имеется в виду **Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко** (1913—2009), филолог, переводчик с англ. яз., теософ; вдова художника В. Т. Черноволенко.
[19] **Юрий Николаевич Рерих** (1902—1960), троюродный брат сестёр Митусовых.
[20] Имеется в виду **Ираида Михайловна Богданова** (1914—2004), участница Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха в 1926–1928 гг. В дальнейшем помощница сестры **Людмилы Михайловны Богдановой** (1903—1961) по хозяйственному и бытовому обеспечению в индийском имении Рерихов в Наггаре в 1928–1947 гг. и в доме Рерихов в Калимпонге в 1948–1957 гг. Какое-то время привлекалась Е. И. Рерих к перепечатке её писем и других текстов на пишущей машинке. В 1957 г. вместе с Ю. Н. Рерихом и сестрой Л. М. Богдановой переехала в СССР. В 1960–1961 гг., после их скоропостижных кончин, по решению советских органов оставалась жить в квартире Ю. Н. Рериха с картинами, архивом и личными вещами Рерихов. Пыталась при помощи различных лиц руководить не имеющей официального статуса Мемориальной квартирой-музеем Ю. Н. Рериха, параллельно проживая в ней. Участвовала в подготовке публикации статей Н. К. Рериха, в том числе сборника «Зажигайте сердца» (М.: Молодая гвардия, 1975), при этом требовала от издателей указывать в выходных данных имя составителя: *И. Богданова-Рерих*, что стало причиной прекращения всякого сотрудничества со Святославом Николаевичем Рерихом, его женой и большинством их преданных друзей, включая Митусовых и Беликовых. См. также: *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 152–154.
[21] Имеется в виду супружеская пара художников: **Леопольд Романович Цесюлевич** (род. в 1937 г.) и **Илзе Рихардовна Рудзите** (род. в 1937 г.).

[22] Именно с появлением в 1970 г. **Виктора Юлиановича Васильчика** (1942—2012) в бывшей квартире Ю. Н. Рериха И. М. Богданова стала регулярно нарушать договорённости, достигнутые с прямым наследником Рерихов – Святославом Николаевичем. В письме С. Н. и Д. Р. Рерихам от 28 июня 1973 г. П. Ф. Беликов писал: «Это – студент, исключенный за неуспехи из Университета. Никакого официального положения он не имеет, действует исключительно от лица “дочери Николая Константиновича”, проникает иногда под этим видом в различные инстанции, но, когда дело доходит до конкретных решений, его решительно отстраняют, считая, не без оснований, за не вполне психически полноценного и уравновешенного человека. Тем не менее, Рая слепо в него верит и не поддаётся никаким увещеваниям. В этом есть что-то патологически-трагичное. Достаточно сказать, что на почве сближения с этим человеком, у Раи порвались контакты с Зелинскими, Ефремовым, Шапошниковой, Митусовыми, Алёхиным, Поляковой, Сидоровым, Митрохиным, научными сотрудниками Третьяковской галереи, Академии художеств и т. д. Все эти лица и учреждения отказываются принимать у себя и иметь дела с её поверенным, а без него она ничего не делает. Он, конечно, очень активен, но и совершенно безответственен» (Цит. по копии в РДФ СПбГМИСР. НВ-4024).

[23] После выхода на пенсию в 1965 г. и до 1997 г. Л. С. Митусова работала (с перерывами) на должности помощника библиотекаря Отдела эстампов Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека).

[24] Л. С. Митусова многие годы работала над книгой воспоминаний об отце, семье Рерихов и близких ей людях. Книга вышла сразу после её смерти в 2004 г. (второе издание – в 2013 г.).

[25] Имеется в виду **Андрей Владимирович Гнездилов** (литературный псевдоним *Доктор Балу* или *Старинный приятель Балу*; род. в 1940 г.) – петербургский врач-психиатр, теософ.

[26] Имеется в виду фильм **«Николай Рерих»** студии «Киевнаучфильм», в котором П. Ф. Беликов был привлечён в качестве консультанта.

[27] **Ренита Андреевна Григорьева** (род. в 1931 г.) – режиссёр, сценарист, кинодокументалист, актриса, писатель, общественный деятель. Лауреат Государственной премии СССР (1983). Сыграла заметную роль в освоении творческого наследия Н. К. Рериха.

[28] Нужно отметить, что постепенно отношения с М. Ф. Дроздовой-Черноволенко у Л. С. Митусовой восстановились. С. Н. Рерих тоже к концу жизни стал общаться с ней, преимущественно, по телефону.

[29] Опубликовано в статье, посвящённой бабушке Л. С. Митусовой **княгине Евдокии Васильевне Путятиной**: *Золотницкая Л. М.* «Русская Патти» и Итальянский театр в Санкт-Петербурге // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 41.

[30] Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2807. 1 л.

[31] Имеется в виду издание: *Рерих Н. К.* Из литературного наследия: К 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха / Под ред. М. Т. Кузьминой; Биографический очерк П. Ф. Беликова; Редколлегия: В. М. Володарский, В. П. Князева, Л. В. Шапошникова и др. – М.: Изобразительное искусство, 1974. – 533 с., [18] л. ил.: портр. Ряд очерков Н. К. Рериха был опубликован с сокращениями.

[32] Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2835. 1 л.

[33] Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2838. 1 л.

[34] *Беликов П. Ф.* Святослав Рерих: жизнь и творчество / Вступительная статья от ред. О. Е. Цветковой. – М.: МЦР, Мастер-Банк, 2004. – 328 с.: ил. – Приложение: Хронология жизни и творчества С. Н. Рериха / Сост. К. А. Молчанова.

[35] *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. – М.: МЦР; Мастер-банк, 2011. – 432 с. ил., портр., цв. ил. – Приложение: *Цветкова О. Е.* Классик рериховедения: К 100-летию Павла Фёдоровича Беликова. Тот экземпляр рукописи этой книги, который был послан автором

Л. С. Митусовой, имеет другое название: **Семейство Рерихов (опыт духовной биографии).** Датировка: **1980–1982 гг.** РДФ СПбГМИСР. КП-5529. 214 л.
[36] Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2864. 1 л.
[37] *Билибин И. Я.* О том, как Стёпа воевал (быль в стихах). – 20 октября 1916 г. // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 272–274.
[38] См. примеч. 26 выше.
[39] **Голенищевы-Кутузовы:** *Беликов П. Ф.* Указ. соч. – С. 34–36, 40, 41, 332. **Митусовы:** С. 36, 41, 237, 275. **Муромцевы:** С. 335, 336. **Потоцкие:** С. 332. **Князья Путятины:** С. 35, 36, 40, 41, 332, 333. **Рыжовы:** С. 40–42, 335. **Шапошниковы:** С. 34, 40, 41, 332, 335. **Князья Шаховские:** С. 39, 42, 336.
[40] *Цветкова О. Е.* Классик рериховедения: К 100-летию Павла Фёдоровича Беликова // *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии. – М.: МЦР; Мастер-банк, 2011. – С. 399.
[41] *Беликов П. Ф.* Указ. соч. – С. 41. В экземпляре из РДФ СПбГМИСР, КП-5529, это с. 20 и 21.
[42] Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2847. 1 л.
[43] Имеется в виду русский музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель **Владимир Васильевич Стасов** (1824—1906), бывший для Н. К. Рериха в начальный период его творческой биографии наставником. Снимок с ним был сделан в Отделе редких книг Публичной библиотеке в 1897 г. См.: *Беликов П. Ф.* Указ. соч. – С. 31.
[44] Искусствовед, научный сотрудник Государственного Русского музея **Валентина Павловна Князева** (1926—2004) – будущий соавтор П. Ф. Беликова по книге о Н. К. Рерихе в серии «Жизнь замечательных людей» (1972). Имеется в виду издание: *Князева В. П.* Николай Константинович Рерих (1874—1947). - Л.; М.: Искусство, 1963. – 112 с.: ил.
[45] **Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая** (до конца 1930-х гг. чаще писалась *Щекотихина*; 1892—1967) – живописец, художник театра, скульптор, фарфорист. См. о ней в связи с Рерихами: *Мельников В. Л., Мельникова М. А.* Н. К. Рерих и художники Императорского Общества поощрения художеств. Живопись, графика и скульптура из собраний Б. Н. Васильева и Т. Л. Васильевой: Каталог. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. – 44 с. – (Из цикла «Н. К. Рерих и художники Императорского Общества поощрения художеств». 1-ая выставка). – С. 20, 25–27.
[46] **Елена Захаровна Земляницына** (1889 — после 1933) – художник. См. о ней в связи с Рерихами: *Мельников В. Л., Мельникова М. А.* Указ. соч. – С. 19–20.
[47] Имеется в виду **Галина Кирилловна Беликова**, внучка П. Ф. и Г. В. Беликовых.
[48] Копия письма из личного архива П. Ф. Беликова. РДФ СПбГМИСР. НВ-4525. 1 л.
[49] См.: *Рерих С. Н.* Памятные записки // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 382–384. Ср.: Копии «Памятных записок» С. Н. Рериха, оставленных в январе 1975 года Министру культуры СССР и Президенту Академии наук СССР // *Соколов Б. С.* Записки с берегов Имоложья / Отв. редактор и составитель серии «Щедрый дар» В. Л. Мельников. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2007. – (Серия «Щедрый дар», вып. IV). – С. 167–169.
[50] См.: *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 138.
[51] Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2818. 1 л.
[52] *Калнс А. Ю.* Письмо П. Ф. Беликову. – 29 сентября 1961 г. – Копия письма из личного архива П. Ф. Беликова. РДФ СПбГМИСР. НВ-2233. 1 л.
[53] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 150.
[54] Имеется в виду философ **Юрий Александрович Горбачёв**.
[55] Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2898. 1 л.

[56] Трагические последствия его появления в доме сестёр Митусовых в 1978 г. описаны Людмилой Степановной: *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 168–169.
[57] См. об этом: *Мельников В. Л.* Герои Культуры // Пакт Рериха. 70 лет: Материалы конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр, 2005. – С. 97–98.
[58] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 29 июля 1966 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2806. 1 л.
[59] *Беликова Г. В.* Письмо Л. С. Митусовой. – 6 февраля 1968 г. – Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2812. 1 л.
[60] *Беликова Г. В.* Письмо Л. С. Митусовой и Э. Я. Бложису. – 1 сентября 1968 г. – Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2817. 1 л.
[61] *Беликова Г. К.* Воспоминания из детства // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 403.
[62] Имеется в виду: *Беликов П. Ф.* Николай Рерих в Индии // Страны и народы Востока: [Сб. Восточной комиссии ВГО] / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. – М., 1972. – Вып. XIV. – (Серия «Индия – страна и народ». Кн. 3) / Сост. и отв. ред. И. В. Сахаров. – С. 211–236.
[63] Фрагмент из стихотворения Н. А. Некрасова «Зелёный шум» (1863).
[64] *Беликова Г. В.* Письмо Л. С. Митусовой. – 29 мая 1969 г. – Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2823. 1 л.
[65] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 10 ноября 1971 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2831. 1 л.
[66] *Беликов П. Ф.* Открытка Л. С. и Т. С. Митусовым. – Февраль 1974 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2851. 1 л.
[67] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 3 июня 1974 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2853. 1 л.
[68] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 25 июня 1974 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2854. 1 л.
[69] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. и Т. С. Митусовым. – 10 декабря 1974 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2860. 1 л.
[70] *Беликов К. П.* Письмо Л. С. Митусовой. – 30 ноября 1983 г. – Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2920. 1 л.
[71] См. также: *Мельников В. Л.* «Всё хранится и делается, как при отце»: Светлой Памяти Кирилла Беликова посвящается / Приложение: *Беликов К. П.* Черновые записи о приездах С. Н. Рериха в СССР / Публикация А. П. Беликовой и Г. К. Беликовой // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 177–190.
[72] *Беликов К. П.* Письмо Л. С. Митусовой. – 8 мая 1984 г. – Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2927. 1 л.
[73] Имеется в виду **Людмила Михайловна Богданова** (1903—1961).
[74] *Фосдик З. Г.* Дневник. – Записи 20 мая 1961 г. // Travel diaries of Sina Fosdik. 1961. Part 2. P. 94. Автограф в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк)
[75] *Там же.* – P. 97.
[76] *Фосдик З. Г.* Дневник. – Записи 22 января и 12 февраля 1961 г. // Travel diaries of Sina Fosdik. 1961. Part 1. P. 18, 75. Автограф в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк).
[77] Имеется в виду **Людмила Васильевна Мищенко** (род. в 1954 г.), педагог, художник, историк, реставратор, искусствовед. Защита упомянутого диплома состоялась в ЛГПИ им. А. И. Герцена.
[78] Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).

[79] *Беликов П. Ф.* Письмо С. Н. и Д. Р. Рерихам. – Козе-Ууэмыйза. – 29 августа 1973 г. – Копия. Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).
[80] *Беликов П. Ф.* Письмо С. Н. и Д. Р. Рерихам. – Козе-Ууэмыйза. – 26 июля 1976 г. – Копия. Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).
[81] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 157.
[82] *Беликов П. Ф.* Письмо А. Н. Андрееву. – 4 декабря 1978 г. – Копия. Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).
[83] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 164.
[84] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 364.
[85] Цит. по: *Мельников В. Л.* Святослав Николаевич Рерих и Санкт-Петербург // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 283.
[86] Цит. по: *Соколов Б. С.* Указ. соч. – С. 168–169.
[87] Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2816. 1 л.
[88] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Аум. – 1936. – § 454
[89] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 30 апреля 1973 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2838. 2 л.
[90] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. Митусовой. – 12 мая 1974 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2852. 1 л.
[91] *Беликов П. Ф.* Письмо Л. С. и Т. С. Митусовым. – 28 мая 1976 г. – Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-2875. 1 л.
[92] *Беликов П. Ф.* Краткая автобиография. – Козе-Ууэмыйза, 17 мая 1978 г. // Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. I. – М.: МЦР, 2001. – С. 11.
[93] *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Памяти Людмилы Степановны Митусовой (Л. С. Митусова и петербургские универсанты) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 234.
[94] *Мельников В. Л.* Универсанты-филологи в архивах Российского зарубежья // Материалы XXXII Международной филологической конференции. – Вып. 5: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2003. – С. 44–52; *Он же.* Филологи Петербургского университета в материалах Музея-института семьи Рерихов // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. – Вып. 3: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2004.– С. 8–17; *Он же.* Универсанты-филологи в Мемориальном собрании Митусовых // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. – Вып. 3: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2005. – С. 49–55.
[95] *Рерих С. Н.* Письмо П. Ф. Беликову. – 14 августа 1981 г. // Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. I. – М.: МЦР, 2001. – С. 194.
[96] Цит. по копии фрагмента дневника П. Ф. Беликова, оригинал которого хранится в семье Беликовых (Эстония). – Запись 3 марта 1936 г. – РДФ СПбГМИСР. НВ-2027. 3 л.
[97] *Рерих Н. К.* Письмо П. Ф. Беликову. – 5 октября 1936 г. – Ксерокопия. РДФ СПбГМИСР. НВ-3332. 1 л.

Наталия Дмитриевна Спирина. 1990–1991
© Музей Н. К. Рериха СибРО (Новосибирск)

V. К 100-ЛЕТИЮ НАТАЛИИ ДМИТРИЕВНЫ СПИРИНОЙ (04.05.1911—10.12.2004)

Ю. В. ЦЫГАНКОВА
(Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества; Новосибирск)

ЛЮБОВЬ – САМЫЙ МОЩНЫЙ МАГНИТ

Великая Иерархия Света стоит на несменном дозоре во имя спасения планеты. В разные эпохи и к разным народам посылались подвижники духа, чтобы направить человечество по эволюционному пути. XIX и XX век не были исключением. Гиганты духа и мысли приходили на нашу Землю – Елена Петровна Блаватская, великая семья России – четверо Рерихов – осветили нашу планету своим присутствием и своими делами на Общее Благо. Опережая своё время на столетия, они заложили основы построения Новой Эпохи, которую так ждут все народы Земли.

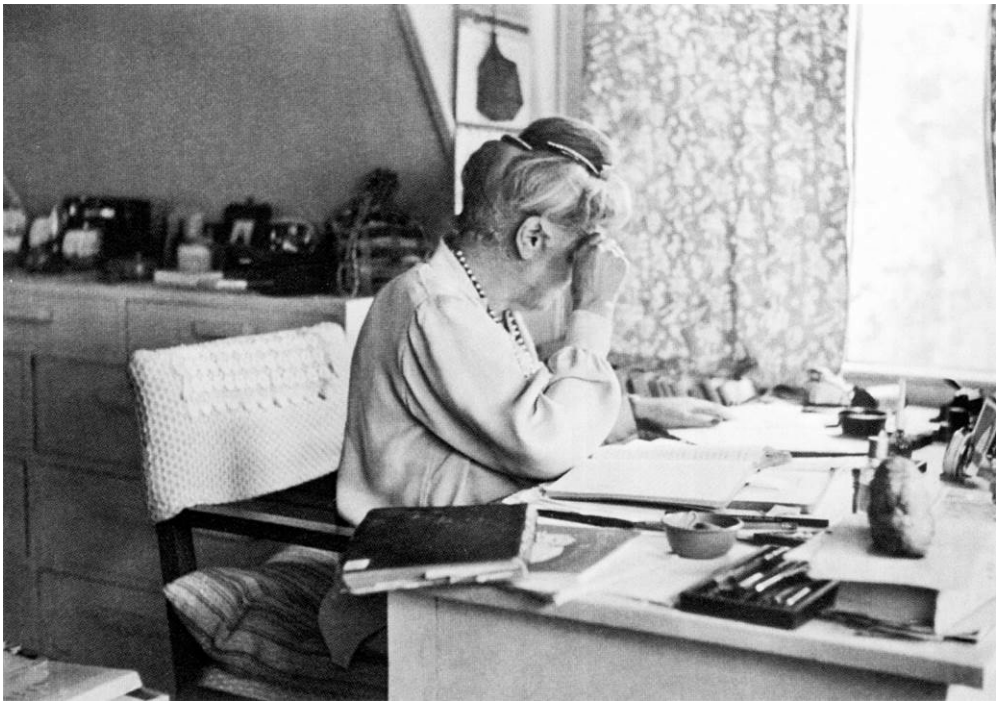
Павел Фёдорович Беликов и Наталия Дмитриевна Спирина – те, кого мы с благодарностью и признательностью вспоминаем сегодня, на следующий день после празднования дня рождения Н. К. Рериха, – были его верными последователями, отдавшими много сил для сохранения в чистоте и подлинности великих заветов Водителя Культуры. Они ждут от нас следования за ними; уподобляясь им хотя бы в малой мере, мы тем самым продвигаемся по пути эволюции. Истинное почитание есть подражание в действии нашим Старшим.

Памятные дни играют особую роль в приближении к великим людям. В беседах Наталии Дмитриевны с Борисом Николаевичем Абрамовым, её духовным учителем, есть запись:

«В памятные дни мы выходим из потока жизни… Эти дни – вехи, когда вопреки всему мы поднимаемся из бесконечного колеса причин и следствий. Тот, о ком мы вспоминаем в этот день, как бы берёт нас под своё покровительство. <…> Следствия связи с Высшим в эти дни имеют реальный результат. Движение вперёд – это те моменты подъёма, когда мы приближаемся к Высшим Руководителям. Они всем помогают, всех ведут. Стоит духу обратиться со всей силой своего устремления к Ним – ответ будет неминуем. Это закон. Стучащемуся отворяют. <…> В памятные дни связь усиливается. В эти особые дни каждый получает весть, даже если это не доходит до его сознания»[1].

Наше сообщение мы посвящаем Наталии Дмитриевне Спириной – поэту и прозаику, рериховеду, основателю и руководителю Сибирского Рериховского общества. Её жизнь – это путь Великого Служения, путь сотрудничества с Высшими сферами, путь огненного творчества и самоотверженного подвига, путь труда на Общее Благо.

Совсем недавно широкая общественность смогла познакомиться с перепиской Е. И. Рерих и Б. Н. Абрамова. В этой переписке раскрывается та роль, которая предназначалась Наталии Дмитриевне нашими Старшими. Приведём несколько фрагментов из этих писем.



Е. И. Рерих в своём кабинете в Крукети. Калимпонг. 1950–1955
© Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества (Новосибирск)

«…Ей [Наталии Дмитриевне. – *Ю. Ц.*] нужно сосредоточиться на писательстве. Она может прекрасно писать под диктовку В[еликого] Вл[адыки] и напишет прекрасные статьи и полезные книжечки. <…> Так приветствую от всего сердца новую сотрудницу и радуюсь возможности для неё уявиться на такой прекрасной и столь нужной сейчас работе», – писала Е. И. Рерих в январе 1951 г.[2]

И уже через 4 месяца Елена Ивановна передаёт слова Великого Учителя: «Сказано: “Она... стала Мне полезной и прекрасной сотрудницей. Яро помогу ей в её работе в Моей лучшей стране”»[3]. 19 ноября этого же года Е. И. Рерих пишет: «…Милая Ната… будет прекрасно писать нужные страницы для молодого поколения и для детского сознания, ибо необходимо закладывать основы космического пути с самого раннего детства»[4].

В письмах за 1954 г. появляются отзывы Елены Ивановны на стихи «Капли»: «О “Каплях”… могу сказать, что яро они мне близки и я принимаю их всем сердцем. Пусть пишет со всем пылом сердца своего, не сомневаясь ни в чём. Очень хотела бы иметь ещё несколько “Капель”, ибо чую Источник их»[5]. «Жду новых “Капель” от Наты. Очень они меня трогают… Также радовалась и за присланные “Капли”»[6]. «Сердце горит, и дух начинает творить свою сказку жизни… Любите – и вся радость придёт»[7].

Н. Д. Спирина перед отъездом из Китая в СССР. Харбин. 1959
© Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества (Новосибирск)

У Наталии Дмитриевны в сборнике «Капли» есть стихотворение, которое она начала писать в мае 1954 г.:

Любовь есть дыхание сердца;
Уйдёт она – сердце умрёт…
Что мёртвому камню Восход?
Ему и в Лучах не согреться…
Люби – и вся радость придёт!
Любовь есть Бессмертие сердца[8].

Творческое наследие Н. Д. Спириной многообразно, оно включает стихи и очерки, «Собеседования» и записи Бесед с Б. Н. Абрамовым, произведения для детей. Различные по темам и жанру, эти произведения схожи в одном – они явились плодом многолетнего труда по изучению обширного наследия семьи Рерихов. Огненный Источник Учения Живой Этики, Записей Б. Н. Абрамова и творчества Н. Д. Спириной – един.

Её светоносное творчество пробуждает к добру, помогает осознать назначение человека и устремляет на путь, завещанный всеми святыми и подвижниками, – путь самосовершенствования и служения миру и Общему Благу. Её труды приближают к пониманию великого и прекрасного Будущего.

Для того чтобы передавать слова из Высокого Источника, нужно соответствовать Ему, быть постоянно настроенным в гармонии с Ним. Лишь тогда передача будет чистой и неискажённой. Об этом строки Наталии Дмитриевны:

Да будет словом каждого стиха
Руководить незримая Рука;
Да будет в каждом маленьком твореньи
Крупица Твоего Благословенья;
Да будет трепетать Твоим Огнём
Всё то, что мы для Жизни создаём[9].

Педагогическая деятельность Н. Д. Спириной началась задолго до знакомства с Учением Живой Этики. По окончании гимназии она поступает в Высшую музыкальную школу и становится преподавателем фортепиано. Учение Живой Этики только углубляет тот подход к детям, какой применяла Наталия Дмитриевна с самого начала своей педагогической деятельности.

Она не создавала новых методик обучения, у неё нет фундаментальных трудов по педагогике, но, работая в рамках обычной программы музыкальной школы, она являла совершенно новый и для многих необычный подход к детям – свою полную заинтересованность в каждом ребёнке и любовь к нему, а ведь часто ей отдавали учеников, с которыми уже никто не мог справиться.

Н. Д. Спирина со своими учениками. Новосибирск. 1960-е
© Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества (Новосибирск)

«Дети очень чувствительны к справедливости, – говорила Наталия Дмитриевна. – Когда живёшь по Живой Этике, то ко всему отношение совсем иное; это не были просто казённые ученики, которых я обязана учить, – это были дети, близкие мне. Потому что Живая Этика – это близость всех во всём, всё едино: “Я – вы, вы – Я – частицы Божественного Я”. Это были мои детишки, я их жалела, понимала, что им очень трудно».

Ныне доктор экономических наук, а в прошлом её ученик Борис Владимирович Робинсон вспоминает: «Она отличалась невероятным достоинством духа – это главная её черта. Наталия Дмитриевна всегда говорила ровным, даже тихим голосом. Она была человеком, который прошёл по жизни, не запятнав себя плохим отношением ни к людям, ни к братьям нашим меньшим. Она оказывала влияние на людей своими поступками. Это был принцип “делай, как я”. Она сама была совершенно безупречна в том плане, что обладала глубочайшей культурой, исключительной тактичностью»[10].

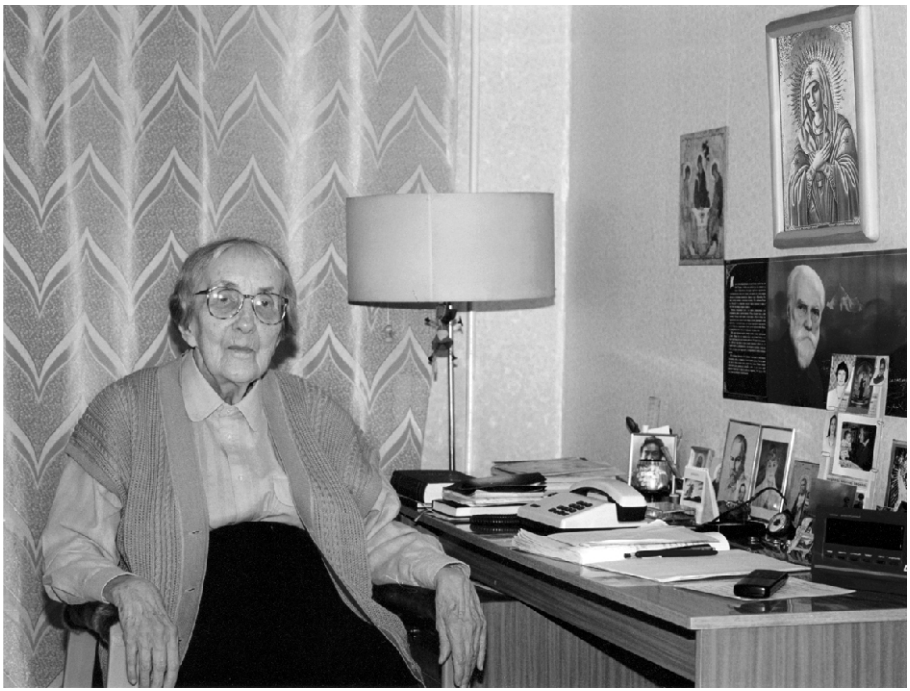
На всесоюзных школах-семинарах, проходивших в Новосибирске в 1990-е гг., Наталия Дмитриевна обращала внимание педагогов, что «…нам приходится начинать с самого начала, ничего готового для нас нет». И далее: «Мы должны быть новаторами, потому что мы проповедники Нового Мира». «И Помощь Высшая справедливому делу уготована»[11]. «Мы закладываем зёрна света в души и сознания наших учащихся, каждый по своему разумению. Не нам судить, какое зерно даст какой всход. Но под Лучом Владыки и в ходе эволюции все зёрна процветут. Каждое по-своему, но все ко благу. Зёрна Света – это те зёрна, которые мы почерпаем из книг Живой Этики, и даже если мы сами ещё несовершенны, то всходы всё равно будут»[12].

В своём выступлении «Шаги Нового Века» Наталия Дмитриевна подчеркнула два качества, «самые необходимые для продвижения по путям познавания и претворения основ Живой Этики»[13], которые сама она проявляла всю свою жизнь, – это Любовь и Радость.

О человеческих качествах Наталии Дмитриевны Спириной можно говорить бесконечно. Строгая и справедливая, требовательная и заботливая, пламенно устремлённая в Будущее и зовущая за собою, она помогала всем, с кем, так или иначе, сводила её судьба. Можно приводить поразительные примеры результатов этой помощи: у людей менялись жизненные обстоятельства, отступали болезни, притекали силы для дальнейшей жизни и борьбы. Наталия Дмитриевна спасала, согревала, дарила радость, вселяла надежду и веру, открывая врата в мир духа. И не только при встречах происходило это даяние – за многие сотни километров летела её помощь.

У Наталии Дмитриевны была открытка с изображением Бодхисаттвы. На её оборотной стороне сделана надпись: «Три радости Бодхисаттв – счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познавания». Наталия Дмитриевна говорила, что выписала эти слова, чтобы постоянно напоминать их себе для применения в жизни каждого дня.

Те, кто имел счастье встречаться с Наталией Дмитриевной, навсегда сохранили в сердце светлые воспоминания об этом.



Н. Д. Спирина у своего письменного стола. Новосибирск. 1998
© Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества (Новосибирск)

Анатолий Мих из Екатеринбурга пишет: «После встречи с Наталией Дмитриевной у меня впервые появилось ощущение, а точнее – убеждение, что рядом с нами находится Иерархия. И это перевернуло мою жизнь. Для меня Учение не было бы таким убедительным, и я не был бы так уверен в том, что Новый Мир наступит, если бы не встретил представителя этого Нового Мира».

Светлана Александровна Пономаренко, журналист из Москвы, вспоминает: «Она синтезировала все аспекты деятельности Николая Константиновича Рериха, и не только его, но и всей семьи Рерихов. Это было всеобъемлюще, и неудивительно, потому что здесь всем правила любовь. Любовь – к подвижникам духа. Это было Великое Служение. Этим надо гореть. Наталия Дмитриевна дала просветительский синтез – очень важен такой космический, глобальный подход и к творчеству, и к биографии семьи Рерихов».

О том же говорит и Владимир Савин из Екатеринбурга: «Её образ для меня – как мощный факел любви, преданности и устремления. Такого человека, как Наталия Дмитриевна, я больше не встречал. В её облике меня восхищало многое: то, что она жила Учением, её постоянное предстояние перед Иерархией Света, её мощная мысленная работа и, конечно, любовь. Наталия Дмитриевна излучала любовь – это была её самая отличительная черта. Эту любовь люди чувствовали и потому тянулись к ней».

В книге «Сердце» Сказано:

«Сердце, по существу своему, есть свыше действующий и дающий орган; потому в природе сердца всякое даяние. Каждое положительное Учение заповедует даяние. Такое утверждение именно практично, ибо без даяния сердце и не живёт. Конечно, нужно понять даяние во всей справедливости. Нельзя понимать лишь денежное даяние или ненужными предметами. Истинное даяние в духе. Пусть каждое сердце источает потоки даров духа»[14].

«В час утомления от людей первая увиденная нужда заставила немедленно оказать помощь. Это и есть путь Бодхисаттвы, когда мы забываем и утомление, и себя, чтобы помочь. Поистине, велика энергия, так порождённая; о ней везде сказано как о любви ближнего. Не рассчитывает такая любовь, но действует без промедления»[15].

Любовь – самый мощный магнит,
Она приближенье творит,
Она сокращает пути,
Она помогает дойти,
Она зажигает огни.
Любовь – самый мощный магнит!

Н. Д. Спирина. Капли[16].

«В каждом, кто приходил к Наталии Дмитриевне, раскрывалось всё лучшее, – утверждает Людмила Полтавская из Екатеринбурга. – Она всегда видела положительное в человеке и к этому обращалась. Она видела наши недостатки, мы были у неё как на ладони, но мы раскрывались с лучшей стороны».

Наталия Дмитриевна говорила: «Я вижу всё плохое, просеиваю и оставляю хорошее, а иначе мы работаем на тёмных».

В 2010 г. вышла в свет книга «Грани Агни-Йоги» с Записями Б. Н. Абрамова за 1955 г., где мы прочитали: «...Совет: преувеличивать всё хорошее и положительное и тем уменьшать плохое. <...> Перевес надо дать светлому полюсу, чтобы поступательное движение состоялось. Учитель Делает это сознательно. Так и вы, соприкасаясь с людьми, не теневые, не тёмные, не злые силы в них пробуждайте, которые в них и без того есть, но добрые и светлые, их вызывая к жизни. <...> Это путь Бодхисаттвы»[17].

Леокадия Михайловна Мельникова из Новосибирска подчёркивает: «Больше всего она ценила человечность в отношениях друг к другу. <…> Человечность, любовь – они где-то рядом находятся. Наталия Дмитриевна обладала этими качествами. Очень ярко проявлялось в ней сострадание, и все, кто находился рядом, ощущали это её качество. Кому-то плохо, кому-то трудно – она всё это видела и всем всегда помогала – и материально, и духовно, и физически. Всю себя она отдавала служению людям».

В одном из своих писем, написанном в возрасте 78 лет, Наталия Дмитриевна пишет: «Я никогда раньше не была так занята, как сейчас – на “заслуженном отдыхе”. Народ идёт, едет, звонит, пишет. Новая эпоха началась так стремительно, что

надо бежать бегом, чтобы за нею поспеть. Надо готовить смену, передавать эстафету. Дать пищу голодным и ищущим. Обо всём этом давно писалось и предсказывалось, но я не представляла практически, как всё это будет происходить. И счастлива, что дожила до такого времени».

Последние 15 лет жизни Наталия Дмитриевна была «уявлена» для мира, по выражению Учения Живой Этики. Это были годы раздачи накопленных духовных сокровищ тысячам жаждущих и голодных душ – годы учительства, духовного наставничества. Мы знаем, что огонь Высшего Знания для его передачи людям надо трансформировать, то есть, не искажая, преобразовать его в продуманные и прочувствованные мыслеобразы, которые могут напитать и пространство, и созвучные сознания. Е. И. Рерих писала: «Вы, родные, не одни. Луч Любви бодрствует над каждым сердцем, пылающим чудесным пламенем преданности и любви»[18]. Вся деятельность Наталии Дмитриевны в нашей стране проходила под этим Щитом, дававшим силы и возможности, невзирая ни на возраст, ни на состояние здоровья, ни на сложные обстоятельства жизни, стоять на страже Основ Учения и противостоять натиску тьмы.

У Наталии Дмитриевны есть такая «Капля»:

За каждый шаг вперёд ты заплатил сполна,
За каждую твою крупицу созиданья;
Но тайною для всех останется цена –
Потоки слёз, лишенья и страданья.
Но что до слёз? Ведь каждая из них
Прольётся в звук, и в цвет,
И в мысль твою, и в стих –
В целебный дождь на добрых и на злых![19]

Задачей Наталии Дмитриевны Спириной было открыть Учение Живой Этики на Родине, и не только помочь уяснить её Основы, но и нести Учение в определённом ключе – нравственно-этическом. Наталия Дмитриевна твёрдо знала: никакое интеллектуальное знание о космогонии, о нервных центрах человека или о каких-

Два музея Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества:
в селе Верхний Уймон Республики Горный Алтай (*слева*) и в Новосибирске (*справа*)

Н. Д. Спирина в Музее Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества
с сотрудниками. Новосибирск. 4 мая 2002

либо эзотерических аспектах Учения не поможет людям выжить в этот роковой для планеты момент. Только улучшение своей внутренней, духовной природы путём суровой самодисциплины поможет подняться на новую ступень жизни. Широко и щедро, с поразительным самоотвержением раздавая знания, необходимые людям, как воздух, Наталия Дмитриевна стремилась спасти как можно больше душ.

И в 1990-х гг., когда разразился всеобщий кризис и приостановились многие культурные начинания в стране, именно в эти годы в Сибири начинается строительство двух музеев Н. К. Рериха – в Новосибирске и на Алтае. Это строительство стало кульминацией всей деятельности Н. Д. Спириной. «Музей – задача этого воплощения», – сказала Наталия Дмитриевна сотрудникам СибРО в 2000 г.

В Записях Б. Н. Абрамова говорится, что «Служитель Света уподобляется светильнику, всегда горящему. Спит ли он или бодрствует, говорит или молчалив, работает или в глубоком размышлении, сердце постоянно излучает свои дары в пространство. Эти излучения являются благословением для всех и всего, кто и что с ними соприкасается»[20].

Велико понятие учительства – оно охватывает все области жизни. Говоря о Наталии Дмитриевне, мы вспомним лишь самое высокое – Учитель жизни, духовный наставник.

У Наталии Дмитриевны есть стихотворение под названием «Светочи Мира»[21], его можно отнести и к Тем, Кого мы сегодня вспоминаем. Закончим им наше сообщение:

Они пламя несли,
зажигали огни на планете;
Приносили дары,
не считая, не помня числа.
Они знали – их ждут,
и за судьбы людские в ответе
Они станут, когда
новой Юги наступит пора.

Их познав, полюбить –
эту радость у нас не отнимут,
Ибо только любовь к Непреложному –
вечно жива;
Ибо лишь полюбивший
вовеки не будет отринут
И воспримет от звёздных миров
золотые Слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Искры Света. Из Бесед Б. Н. Абрамова с Н. Д. Спириной. – Вып. 2–3. 8 октября 1952 г. – Новосибирск: СибРО, 2008. – С. 13–14.
[2] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. IX (1951–1955). – М.: МЦР, 2009. – (Письмо от 23.01.1951). – С. 13.
[3] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 21.05.1951). – С. 46.
[4] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 19.11.1951). – С. 116.
[5] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 24.01.1954). – С. 366.
[6] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 10.02.1954). – С. 380.
[7] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 13.04.1954). – С. 401.
[8] *Спирина Н. Д.* Капли: Сборник стихов. – 5-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 2001. – С. 114.
[9] *Спирина Н. Д.* Указ. соч. – С. 242.
[10] См. также: *Робинсон Б. В.* Человек высочайшей культуры: [Интервью о Н. Д. Спириной] / Публ. Т. Бугаевой и Ю. Цыганковой // Восход. – Новосибирск: СибРО, 2010. – Май. – № 5 (193). – С. 19–20.
[11] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. I. Отблески (1944–1993). – Новосибирск: СибРО, 2007. – С. 478.
[12] *Спирина Н. Д.* Указ. соч. – Т. II. Отблески (1994–2003). – Новосибирск: СибРО, 2008. – С. 126.
[13] *Там же.* – С. 50.
[14] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Сердце. – 1932. – § 386.
[15] *Там же.* – § 568.
[16] *Спирина Н. Д.* Капли: Сборник стихов. – 5-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 2001. – С. 43.
[17] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – 1955 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 2010. – § 326. – Запись 20 июня 1955 г. – С. 376.
[18] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 06.11.1952). – С. 226.
[19] *Спирина Н. Д.* Капли: Сборник стихов. – 5-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 2001. – С. 54.
[20] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – Указ. соч. – § 58. – Запись 31 января 1955 г. – С. 77.
[21] *Спирина Н. Д.* Перед Восходом: Стихи разных лет. – 3-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 1997. – С. 174–175.

О. Н. БАЧУРИН, И. А. БАЧУРИНА
(Культурно-просветительный центр Н. Д. Спириной,
филиал Муниципального бюджетного учреждения культуры
«Музей города Новосибирска»)

ЖИВОЙ ОГОНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА

Новая жизнь во благо слагается в сотрудничестве.

Учение Живой Этики (Агни-Йога).
Мир Огненный. – Ч. II. – 1934. – § 433.

С наступлением Эпохи Огня, когда человечеству даётся Агни-Йога с целью подготовки сознаний к встрече Огненных энергий очищения во всеоружии духа, надо сердцем понять слова, написанные Еленой Ивановной Рерих: «Ступень, которую Планета переживает, сравнима с Горнилом Космического Огня… Сроки так кратки… Последний Космический Срок пробьёт через несколько десятков лет, но столетие наше не успеет закончиться»[1]. Позже, в письме от 5 апреля 1950 г., она сообщает о следующих изменениях: «События почти назрели, но уявились на определённой им задержке Владык Кармы из-за возникновения лучшей комбинации обстоятельств, которая может явить спасение большему числу людей»[2].

Итак, человечеству Свыше даётся возможность «спасения большего числа людей». Это одновременно и возможность, и Указ – Указ путём совершенствования и применения Учения пробудить сознание людей, направить их мысли и дела к Свету, Красоте, Созиданию и Общему Благу. Слова Елены Ивановны «может явить» являются также ключевыми, так как они выражают один из космических законов – Закон свободной воли. Поистине – «судьба планеты в руках человека»[3].

«Человек есть часть целого, часть Космоса, часть мира, в котором живёт, часть коллектива, в котором находится. Сам по себе он ничто. Без коллектива человеческого невозможна эволюция человека»[4].

Мы знаем, что благодаря семье Рерихов, их ученикам, последователям, единомышленникам на земле образовалось новое сообщество, содружество людей – целый Рериховский мир, охвативший все континенты. Вот что по этому поводу пишет Наталия Дмитриевна Спирина в своём «Приветствии» съезду Рериховских обществ в Москве в 1995 г.: «Нам выпало счастье в этой нашей жизни получить Откровение Новой Эпохи, которое дало нам чёткое мировоззрение, помогающее понять смысл и цель нашего существования и сформировать образ действий. Нам открыто будущее, которое ожидает и нашу Родину, и всю планету, если будет явлено превосходство Сил Света над силами тьмы, людей доброй воли над людьми злой воли. Тогда наступит та Эпоха расцвета добра и духовного прогресса, которая, в той или иной форме, издавна ожидается всеми религиями мира. “Столько великого впереди! Такая великая ступень ожидает своего огненного утверждения”, – говорится в Учении[5]. Но эту ступень надо сложить *нам*, людям планеты Земля; и в *наших* руках та великая сила, которая называется *единением*»[6]. «Именно, создаётся эпоха общего сотрудничества»[7].

Слова Учителя о работе Н. Д. Спириной «в Моей лучшей стране» оказались пророческими, так как письмо Е. И. Рерих, в котором они были посланы, было написано в 1951 г.[8], когда Наталия Дмитриевна ещё жила в Харбине, в Китае, и, по словам самой Наталии Дмитриевны, «доступ в Россию для нас, проживающих за рубежом, был закрыт»[9].

И только в 1959 г., в ответ на Высокий Призыв Иерархии Света: «Ехать, ехать, ехать на Родину. Вы там нужны», Наталия Дмитриевна вместе с Борисом Николаевичем Абрамовым, ближайшим учеником Н. К. Рериха и её духовным учителем, смогла приехать в Россию. Поезд направлялся в Новосибирск, и никто из пассажиров не знал, что происходит важнейшее событие, что в стареньком сундуке лежит сокровище Нового Мира – книги Учения Живой Этики. Эти книги были доставлены в Сибирь, в центр России Азиатской с Высшей Помощью. Так самое сокровенное сотрудничество с Силами Света происходит незаметно. В Учении Сказано: «Условие Наше для сотрудников – полное желание приложить к жизни Наши основы, не теория, но практика»[10]. Их приезд в Новосибирск означал новую жизнь в Сибири – в «стране великого будущего», как её называл Николай Константинович Рерих. Без этого невозможно сейчас представить Россию Азиатскую. Они – носители идей великой семьи Рерихов, созидатели духовной сибирской культуры.

Н. Д. Спирина и Живая Этика неотделимы. Её мысли о Живой Этике, её слова и поэзия – Живая Этика, её образ жизни – Живая Этика. Все, кто с ней были вместе, это испытывали в каждодневном, радостном труде. Такие подвижники духа, помощники человечества – редкость на планете, но именно на них держится мир.

В 1993 г. в своём слове «Памяти Святослава Николаевича Рериха» Наталия Дмитриевна говорит: «…близость Его излучений вызывала ощущение счастья»[11]. То же мы можем сказать и о самой Наталии Дмитриевне. Вот почему многие люди чувствовали себя после встречи с ней окрылёнными.

К 100-летнему юбилею со дня рождения Н. Д. Спириной вышли в свет четыре тома полного собрания её трудов, изданных в Новосибирске Сибирским Рериховским обществом, основателем которого она является.

Накануне юбилейного 2011-го года, 19 декабря 2010 г., произошло ещё одно знаменательное событие – открылся государственный Культурно-просветительный Центр Н. Д. Спириной как филиал Музея города Новосибирска. Это важный этап в освоении Рериховского наследия, когда появляется ещё одно учреждение культуры, несущее Свет Новой Эпохи. Это ещё один шаг сотрудничества и свободного культурного строительства во *«спасение большего числа людей».*

Скольким сердцам помог и помогает Живой Огонь огненного сердца Наталии Дмитриевны, скольких людей она спасает своим духовным творчеством, закладывая, – по словам Е. И. Рерих, – «основы космического пути с самого раннего детства»[12]. Являясь сотрудницей Сил Света, Наталия Дмитриевна как магнит притягивает людей. Бесконечное дружелюбие ощущал каждый приходящий к ней или разговаривающий с ней по телефону. Это было для неё естественным состоянием. Её накопления духа поражали окружающих, но сама она к этому относилась очень спокойно и часто ответом в разговоре с ней была лучистая улыбка сотрудничества.

Н. Д. Спирина на выставке картин Н. К. Рериха и С. Н. Рериха
в спорткомплексе Новосибирского государственного университета. Новосибирск. 1975

Как хорошо, что расстояний нет,
Что мы всегда во всех мирах едины,
Что светит нам неугасимый Свет,
И в нём крепка межзвёздная Община,
И лёд разлуки тает без следа…
Союз любви, гармония труда
Соединяют в духе – навсегда[13].

В этом стихотворении Наталии Дмитриевны Спириной в прекрасной поэтической форме выражена высокая мысль духовного единения на основе Учения Новой Эпохи – Живой Этики. Всю свою жизнь и особенно последний период подвижничества Наталия Дмитриевна утверждала единение, являясь для многих из нас высоким, духовным примером.

В своём слове к 18 июля 1990 г. «Время подражать» она писала: «Они [Высшие Силы. – *О. Б.* и *И. Б*] хотели, чтобы мы были Их сотрудниками, но нам проще было оставаться безответственными рабами Божьими. Это не требовало напряжения всех наших сил, духовных и физических, которые необходимы для подражания… Если мы не начнём подражать Высшему, Сатия Юга не состоится»[14]. И уже в одном из своих последних слов на Круглом столе Сибирского Рериховского общества в июле 2003 г. она говорила: «Нам дана Живая Этика для практического применения, а не только для философских рассуждений»[15]. Воистину:

«Мы указываем прямой путь совершенной правды, лишённой личного начала. Эту возможность можно осознать чувствознанием. Опыт, накопленный в центре "чаши", будет как бы основанием чувствознания. Каждое разумное наблюдение, сохранённое в "чаше", даёт непоколебимое знание. Центр "чаши" помещается близко от резервуара крови, ибо кровь есть хождение по земле.

Так правда не есть отвлечённая условность; она есть осознание космических законов, основанное на непосредственном опыте»[16].

Что же мешает в жизни практике доброжелательного сотрудничества, которое является вестником духовного единения, как отдельных людей, так и целых коллективов, вплоть до объединения человечества в единую «межзвёздную Общину»?

Этот вопрос особенно важен сейчас, когда, по словам Алексея Бондаренко и Владимира Мельникова, «Рериховское наследие нуждается в непредвзятом изучении, освоении и применении, другими словами, актуализации»[17].

Люди чаще делают упор на развитие собственного интеллекта, тогда как Сказано: «Надо отличать способности к ремёслам, искусствам и науке от качеств духа. Учёный может быть и добрым, и злым, художник – слабовольным, музыкант – бесстрашным или трусом»[18]. Поэтому вопрос самосовершенствования – один из главных вопросов во всех религиях прошлого, настоящего и будущего. О нём же говорится в первой книге Учения «Зов»: *«Бери свой сосуд и трудись»*[19].

Наталия Дмитриевна всегда неустанно трудилась, создавая атмосферу дружелюбия и сотрудничества. Она и в личных беседах, и путём литературного, поэтического творчества рассказывала по житиям святых о Светочах Мира, которые шли путём становления и утверждения духовных основ на земном плане в каждоднев-

ной жизни. Многие раскрыли для себя и по-новому узнали о преподобном Сергии Радонежском; о святителе и чудотворце Николае, архиепископе Мирликийском; о преподобном Серафиме Саровском; о святом Франциске Ассизском; о Жанне Д'Арк; о Терезе Авильской; о Кришне; о Зороастре; о Будде; о Лао-Цзы; о Конфуции; о Магомете, об Акбаре, о Рамакришне, о Платоне и других. Особо Наталия Дмитриевна почитала святого Николая – Покровителя города Новосибирска, и посвятила Ему стихотворение-молитву:

Мы молимся Пречудному Николе,
Заступнику на суше и на море,
Великому вселенскому Святому
Любимому и самому родному,
Который нас в беде не оставляет
И в горе неизменно утешает,
Чтоб мы не забывали никогда –
Кто любит нас и с **кем** легка беда!»[20].

В своём Слове, посвящённом святому Сергию Радонежскому, Наталия Дмитриевна говорит: «Что из Жития Преподобного можем мы взять для подражания?.. Мы можем начать понемногу перенимать у Него искренность и чистоту души, сочувствие к людям и всему живому, любовь к труду, смирение в служении ближним и забвение себя, простоту в обращении, непоколебимую веру в Высшие Силы и Их Помощь… Если мы этих усилий не проявим, наши восхваления Им не к чему. Эта установка нова и непривычна; но на пороге Нового Мира приходится пересматривать укоренившиеся понятия, иначе мы останемся прежними. Также нам надо понять, что подражание отнюдь не исключает почитания. Подражание есть почитание в действии. Только свет Учения Живой Этики даёт нам это духовное переосмысление. Возблагодарим Того, Кто дал это Учение нам»[21].

Мощный Свет Светочей Мира и самой Наталии Дмитриевны сливался воедино в такие минуты, и все присутствующие реально ощущали Живой Огонь сотрудничества Иерархии Света.

Жизнь Наталии Дмитриевны не была лёгкой. Все достижения и завоевания духа имели колоссальные препятствия, непонимание, нападки и клевету людей и облечённых определённым статусом, и изучающих Учение Живой Этики. Всё она выносила с величайшим достоинством воина духа, терпеливо и с полной уверенностью в Высшую Помощь и окончательную победу Сил Света. Она уявила ценой своей жизни истинное сотрудничество и подвиг самопожертвования во имя будущего, во имя Учения Живой Этики.

Непонимание между отдельными людьми или коллективами принявших Учение и стремящихся строить свои взаимоотношения на его основах в итоге происходит от несовершенства качеств духа, от недостаточной работы над собой, когда «…люди отошли от сознания о совершенствовании»[22]. Эта битва с самим собой, с «ветхим» человеком в себе должна быть победной. Только преданное сердце, соединённое серебряной нитью с Высшим Миром, даст силы внутреннего огненного преображения самого себя, а значит и преображения всей жизни.

Н. Д. Спирина. Новосибирск. 1997

«Улучшайтесь, друзья, неустанно»[23], – вот реальный путь практики доброжелательного сотрудничества.

«Трудитесь над своим усовершенствованием, последнее – самое главное»[24], – писала Е. И. Рерих. Об этом и стихотворение Н. Д. Спириной, которое мы можем рассматривать как один из её сердечных заветов нам:

Всегда борьба. Всегда победа.
Иначе плен. Иначе смерть.
И должно трудности и беды
Своим огнём преодолеть.
Идти вперёд и не сдаваться.
И зная, что за нами Братство,
Мир новый строить и беречь[25].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Е. И.* Письма (1932–1955). – Новосибирск: Вико, 1993. – (Письмо от 23.06.1934). – С. 36–37.
[2] *Рерих Е. И.* Указ соч. – (Письмо от 05.04.1950). – С. 510.
[3] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – (Письмо от 23.06.1934). – С. 36.
[4] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – Т. II. – 1961 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 1994. – § 198. – (Запись 26.08.1961). – С. 142.
[5] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. – Мир Огненный. – Ч. III. – 1935. – § 201.
[6] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. II. Отблески (1994–2003). – Новосибирск: СибРО, 2008. – (24.03.1995). – С. 107.
[7] *Рерих Е. И.* Письма: В 2 т. – Т. II (1929–1939). – СПб.: Институт культурных программ, 2009. – (Письмо от 10.09.1938). – С. 574.
[8] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. IX (1951–1955). – М.: МЦР, 2009. – (Письмо от 21.05.1951). – С. 46.
[9] «Возвышенная миссия твоя…». – Новосибирск: СибРО, 2006. – С. 26.
[10] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. – Община. – 1926. – § 65.
[11] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. I. Отблески (1944–1993). – Новосибирск: СибРО, 2007. – (28.02.1993). – С. 459.
[12] *Там же*. – С. 92.
[13] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. III. Стихи. – Новосибирск: СибРО, 2009. – (03.06–25.07.1958). – С. 63.
[14] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. I. Отблески (1944–1993). – Новосибирск: СибРО, 2007. – (К 18.07.1990). – С. 186.
[15] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. II. Отблески (1994–2003). – Новосибирск: СибРО, 2008. – (27.07.2003). – С. 621.
[16] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Агни-Йога. – 1929. – § 156.
[17] Рериховский век: Каталог выставки. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2009. – С. 12.
[18] Цит. по: *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. III. Стихи. – Новосибирск: СибРО, 2009. – (03.06–25.07.1958). – С. 63.
[19] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Листы Сада Мории. – Кн. I. Зов. – 1924. – § 338. – (Запись 31.07.1922).
[20] *Спирина Н. Д.* Указ. соч. – (19.12.2001). – С. 296.
[21] *Спирина Н. Д.* Полное собрание трудов: В 4 т. – Т. I. Отблески (1944–1993). – Новосибирск: СибРО, 2007. – (К 18.07.1990). – С. 188.
[22] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Агни-Йога. – 1929. – § 245.
[23] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Листы Сада Мории. – Кн. I. Зов. – 1924. – § 338. – (Запись 29.05.1921).
[24] *Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. IX (1951–1955). – М.: МЦР, 2009. – С. 532.
[25] *Спирина Н. Д.* Капли: Сборник стихов. – 5-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 2001. – С. 342.

Н. В. ЖУКОВА
(Новосибирск)

«ЧТО МОЖЕТ МЫСЛИ ПУТИ ПРЕГРАДИТЬ?..»

Мысль – сокровенный могучий творец
Форм беспредельных и явленных судеб.
Мощный рычаг для горящих сердец,
Корень всего, что есть, было и будет.

Н. Д. Спирина[1].

Одно из самых ярких впечатлений за время общения и сотрудничества с Наталией Дмитриевной – это её искусство мыслить.

Эта мысленная работа, на первый взгляд, была очень простой, не требовала длительного времени и могла проходить в любых условиях… Но была она только во Благо и не во имя своё…

«Сердце», § 300

«Пусть будет миру хорошо!»
И в нём найдём мы каплю счастья.
Ко всей Вселенной мы причастны.
И чтобы светлый век пришёл,
Мы повторяем в дни ненастья:
«Пусть будет миру хорошо!»[2].

Наталия Дмитриевна неустанно подавала пример такой работы мыслью. Её благие мысленные посылки ощущались очень ярко всеми сотрудниками: помощь во всех делах Общества, в трудных жизненных ситуациях, во время болезней…

Конечно, её мысли были не от головы, в них было вложено сердце, в них были постоянная Связь с Иерархией, любовь и искреннее стремление помочь…

* * *

Всех сотрудников Наталия Дмитриевна приучала к мысленной работе. Например, после групповых занятий по Учению, Наталия Дмитриевна предлагала вместе подумать о делах Общества и представить ярко и кратко положительный конечный результат.

Например, журнал «Перед Восходом» выходит, Музей Н. К. Рериха построен, люди идут в него толпами и получают духовную пищу и т. д.

После общих дел мысленно помогали друзьям. Если кто-то болел – его представляли здоровым и бодрым, если у кого-то были трудности – представляли, что всё успешно разрешилось…

Бывали случаи критических замечаний или вражеских нападок на дела Общества. К критике Наталия Дмитриевна всем советовала очень внимательно прислушиваться: «Со стороны виднее… Мы ведь должны постоянно совершенствоваться». А к явно несправедливым враждебным выпадам относилась спокойно: «Их можно только пожалеть».

* * *

В конце 1990-х гг., когда в Новосибирске строился Музей Н. К. Рериха и было очень много сложностей, Наталия Дмитриевна, напутствуя наш семинар по Учению, предупредила: «Не забывать о нашей ментальной энергии, мыслить во Благо, не поддаваясь очевидности. Всё равно строить, работать на ментальном плане – всё воплотится в земные формы. Человек всё продумывает, а потом воплощает. Всё, что мы хотим, – представить чётко, ясно и передать этот план Учителю»[3].

– Журнал становится всё лучше, прекраснее, успешнее! Мы сами удивляемся каждому номеру, возможности притекают…

– Приходит Вождь, наводит полный порядок. Такой начинается расцвет![4]

– Ждём Вождя, представляем, как он пришёл.

– Представлять – Помощь [приходит] к нашим действиям.

– Главное – контакт… Настроить сердце на это[5].

* * *

На занятиях с Наталией Дмитриевной обсуждались параграфы из Учения.

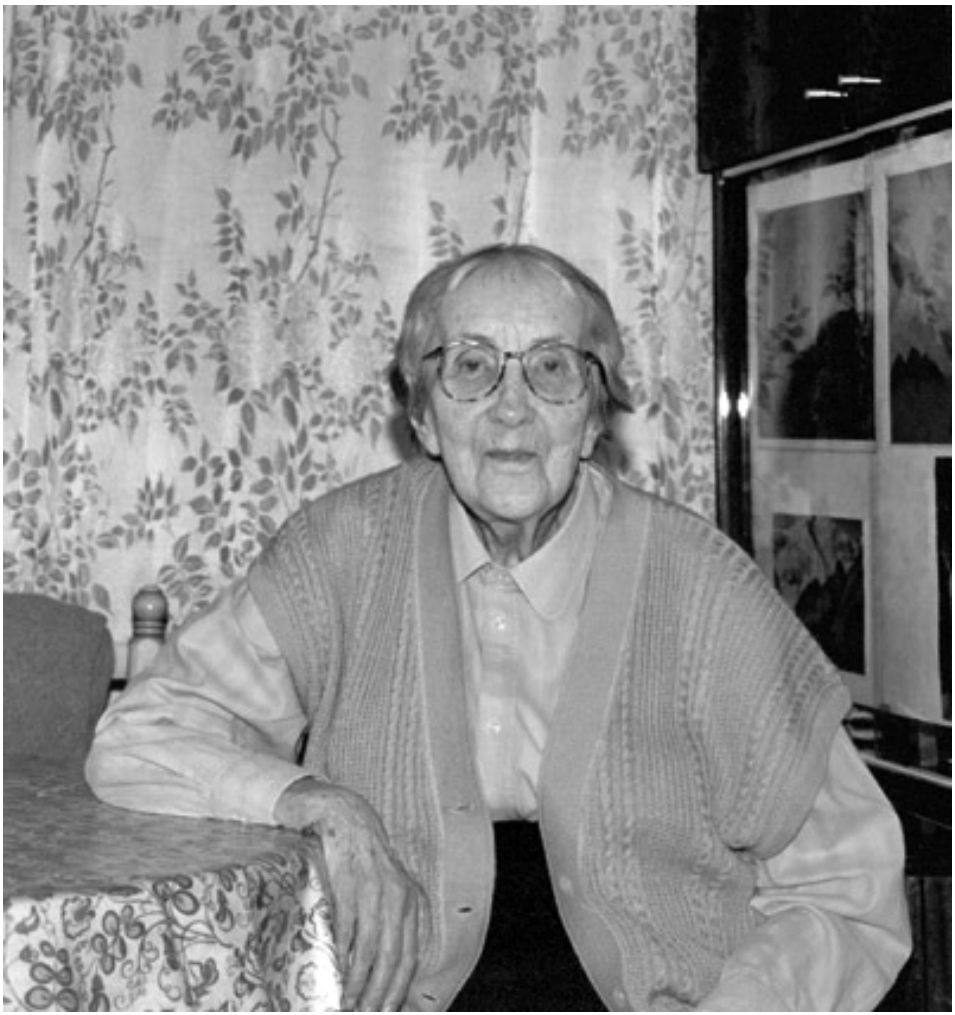
«Мысль не умирает в пространстве. Горизонтально и вертикально мысль проходит пространство. Нет предела распространения её. Но ничто не может пребывать в одинаковом состоянии. Знаем о нерушимости мысли, но, значит, с нею происходит трансмутация и нужно знать, во что претворится мысль? Она вольётся в чистый огонь. Получается прекрасный круг. Из огня возникает энергия, – созидательная мысль и через горнило земное опять приобщается к огню. Круг замыкается, и энергия обновлённая восходит зарождением к новому труду. Круги завершённые можно наблюдать и во всём мироздании. Но эволюция мысли будет особенно величественна. Разве такое осознание ценности мысли не понуждает человека напрячь свою мысленную энергию? Пусть каждый поймёт, какая мысль будет особенно творческой. Пусть в сердце человек взвесит, которая мысль ему пристойна. Так происходит отбор ценностей»[6].

Наталия Дмитриевна так объяснила этот параграф из книги «Братство»: «Человек получает мысль свыше, из горнила Огня, потом претворяет её в своих действиях, и мысль вновь, от Земли уходит вверх. Человек – частица Космического разума, частица психической энергии, он может порождать мысли, поэтические образы. Мы можем и получать из пространства, и сами порождать мысли (поэты). Мысль не исчезает, но трансмутируется. Приобщение к огню помогает и выявлению в себе своих накоплений (из Чаши). Дурную мысль можно обезвредить. Учение безгранично и можно рассматривать с самых разных сторон»[7].

* * *

В первой части книги «Мир Огненный» говорится:

«Гигиена мысли должна быть и духовная, и земная. Нужно производить опыты мышления, укреплённые огненными лекарствами. Нужно обратить внимание, как действует на мышление фосфор или испарения эвкалипта. Нужно проверить,



Н. Д. Спирина. Новосибирск. Конец 1990-х

насколько подымает мышление мускус. Нужно собрать все данные о прочих смолистых маслах. Словом, нужно припомнить все сочетания, ближайшие работе Огня. Нужно произвести эти опыты над лицами сильного огненного мышления. Такие опыты напомнят не только о витаминах, но и об Агни. Усилия врачей сосредоточиться не только на внутренних лекарствах, но на воздействии обоняния, явят нужные следствия. Люди очень больны. Тёмные силы стараются подкинуть разного рода наркотики, но тесные рамки жизни не расширяются усыплением интеллекта. Сейчас нужно духовное бодрствование. Нужно полюбить это бодрствование как состояние, пристойное человеку»[8].

Отвечая на вопрос, что такое «духовное бодрствование», Наталия Дмитриевна говорила: «Духовное бодрствование – это, прежде всего, самоконтроль над чувствами, мыслями или эмоциями. Они могут быть вредны для здоровья. Нужно наблюдать, чтобы не давать им воли (из-за неизжитых черт характера). Представить себя в наилучшем виде. Если распуститься, то это принесёт большой вред. Когда мы не слишком сильно контроль над мыслью держим, то всё влияет. Мысли очень влияют на наше внутреннее состояние»[9].

* * *

Никогда не забуду, как в начале 1990-х гг., во времена всеобщего развала, будучи в больнице и претерпевая физические страдания, Наталия Дмитриевна неустанно каждый день мысленно работала. Она создавала Будущее…

Мы ходили с нею по длинному больничному коридору, и она утверждала мыслеобразы – краткие формулы:

– Планета спасена.
– Россия спасена.
– Вождь пришёл.
– Журнал выходит.
– Наше Общество дружно работает…

Так и будет!

* * *

Пошлём наши мысли признательности, любви и восхищения родной Наталии Дмитриевне – за её неустанные труды во Благо – и зримые, и незримые, и на земле, и во всех мирах…

Помним её слова:

– Я буду с вами всегда.

Ибо выдумка смерть, и её Светлый дух пребывает вовеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Спирина Н. Д.* Мысли Истины // *Спирина Н. Д.* Перед Восходом: Стихи разных лет. – 3-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 1997. – С. 24.
[2] *Спирина Н. Д.* Капли: Сборник стихов. – 6-е изд., доп. – Новосибирск: СибРО, 2010. – С. 190.
[3] *Спирина Н. Д.* Беседа 6 июня 1998 г. Архив автора.
[4] *Спирина Н. Д.* Беседа 23 мая 1998 г. Архив автора.
[5] *Спирина Н. Д.* Беседа 6 июня 1998 г. Архив автора.
[6] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Братство. – 1937. – § 378.
[7] *Спирина Н. Д.* Беседа 12 мая 1998 г. Архив автора.
[8] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Мир Огненный. – Ч. I. – 1933. – § 350.
[9] *Спирина Н. Д.* Беседа 12 мая 1998 г. Архив автора.

Л. И. ОСИНЦЕВА
(Новосибирск)

ВСПОМИНАЯ О НАТАЛИИ ДМИТРИЕВНЕ…

Считайте случай предначертанием.
Явление случая предусмотрено Нами.
Кажущийся случай для вас – страница будущего.
Можете спокойно и бодро трудиться.

Учение Живой Этики (Агни-Йога).
Листы Сада Мории. – Кн. I. Зов. – 1924. – § 103.

В 1980 г. меня приняли на Новосибирскую студию телевидения помощником режиссёра в молодёжную редакцию «Современник». Работа мне понравилась – скучать некогда. Ведь героями наших передач становились самые интересные люди, знаменательные события. А в 1989 г., когда младшему сыну Коле было два года, а мама лежала пятый год после инсульта, я выходила только на дежурства. Чаще всего работала с Еленой Алексеевной Батуриной.

Однажды она принесла маленькую синюю книжку с блестящими буквами – *ЗОВ*. Я случайно открыла её и сразу же сказала:

– О, это то, что я искала всю свою жизнь. Можно перепечатать?

– Бери, – ответила Елена Алексеевна.

Н. Д. Спирина на Круглом столе Сибирского Рериховского общества. Новосибирск. Начало 1990-х

Н. Д. Спирина на конференции, посвящённой Е. П. Блаватской. Новосибирск. 1991

И рассказала об этом своей подруге Ольге Воскобойниковой, актрисе Новосибирского областного драматического театра «Старый Дом», которая и подарила ей эту книгу. На что Ольга сказала, мол, что она будет мучиться, перепечатывать, пусть придёт к нам в Сибирское Рериховское общество, там купит, и дала адрес.

И вот я впервые попала на Круглый стол, услышала Наталию Дмитриевну Спирину. Сердце улыбалось от ощущения счастья, так мне всё понравилось.

И сразу появилось желание – поделиться со зрителями, сделать передачу об этой необыкновенной женщине.

Но как? Я не журналист, а молодёжная редакция «Современник» работает с молодёжью. Тогда я стала ходить по редакциям, рассказывать всем журналистам о таком Обществе в нашем городе, его основателе, но почему-то ни у кого не нашла отклика.

* * *

Наступил 1991-й год. Редакция «Наука» стала экспериментировать в области ранее запретных тем. И вот Галина Артемьевна Иванова заинтересовалась научной конференцией, посвящённой 150-летию со дня рождения и 100-летию со дня ухода Елены Петровны Блаватской, но, правда, мне сказала:

– Тебе интересно, вот и сделай передачу. Сейчас об этом можно говорить, а я не в теме. Пиши план-сценарий, заказывай съёмки, встречайся с людьми. Даю добро, вперёд! Я помогу. Запишем несколько интервью на конференции, в Картинной галерее, в студии актрису с чтением из произведений Блаватской. Должно получиться, думай.

Вот я и призадумалась, аж тяжко стало, особенно когда начала изучать жизнь и творчество Елены Петровны, ещё не очень понимая, на что же я замахнулась. Вот тут впервые и пришлось встретиться близко с Наталией Дмитриевной. Она тогда показалась мне даже суровой. Внимательно выслушивала, задавала вопросы:

– А почему так?

Я чистосердечно призналась, что это мои первые шаги и мне тяжело выбрать самое главное для освещения жизни Елены Петровны.

– Посоветуйте, как лучше, кого можно пригласить на интервью?

– Можете поговорить с гостями из других городов. В перерыве на конференции. Из наших хорошо говорят – Евгений Палладиевич Маточкин, Вера Антоновна Корсакова, Любовь Ивановна Борина, Наталия Евгеньевна Гребенникова, Наташа Жукова.

– А с Вами?

– У меня будет доклад о Елене Петровне Блаватской, можете из него взять, что считаете нужным.

Теперь я понимаю, что за такое взяться можно было только по неопытности. Чтобы быть в теме – надо не одну жизнь этому посвятить. А так как пословица гласит, что «дурачкам и новичкам всегда везёт», то передачу сделали.

Правда, я вошла в конфликт сначала с операторами, за то, что заглянула в камеру… Мол, к ним даже режиссёры никогда не заглядывают, кто ты такая, чтобы заглядывать в камеру? И каждый оператор мне сделал замечание. Потом – с режиссёром Галиной Яковлевной Клинцовой, сказавшей мне:

– Без сценария, с кондачка, я монтировать не буду.

Сценарий я положила на стол вовремя: расшифровала всё снятое, отпечатала на машинке, разложила, как мозаику, в последовательности и сделала монтажный лист.

И главный редактор, Галина Артемьевна Иванова, тоже мне сделала замечание – как я посмела позвонить ей домой и напомнить, что монтаж начался.

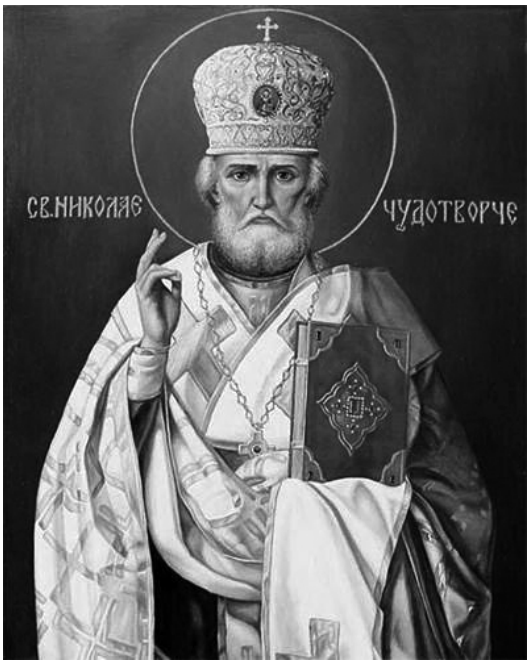
В общем, я всё проглотила молча, моя гордыня была «почищена», можно было приступать к монтажу. Но, по большому счёту, все работали. Помощь шла Свыше, и передача о Елене Петровне Блаватской получилась – «Встречи в Сибирском Рериховском обществе. У истоков Живой Этики», 45 минут. Она вышла в эфир два раза по редакции «Наука».

* * *

Просто распускаются цветы, –
Так же прост
Рост духа.
Там и здесь – явленье красоты.
Тайно и без звука,
В тишине, весеннею зарёй
Расцветает лотос огневой.

Н. Д. Спирина. *Капли.*

Вторую передачу сделали о Наталии Дмитриевне, она называлась «Просто распускаются цветы». Наталия Дмитриевна отбивалась от этой передачи, как могла, и



Святитель Николай Мирликийский Чудотворец. Икона XIX в.

что свет телевизионный ей мешал, бил в глаза, и что подготовка требует много времени и, мол, кому это нужно?

Я приехала к ней уговаривать. В общем, прилипла, как оса к цветку, и сказала с юмором:

– Общество требует!

Она засмеялась, говорит:

– Общество? Гм, ну если общество требует, то ладно.

Она немного рассказала о себе, как бы нанося контуры будущей передачи. Что меня удивило: когда они жили в Харбине, её родители постановили, что по Закону Божьему должна быть только пятёрка. По другим предметам можно и четвёрки получить.

– А Вы как учились? – спросила она меня на Вы.

– Закона Божьего у нас не было, но, похоже, что моя бабушка, Марина Петровна, была такого же мнения, как Ваши родители. Она молилась на коленях и меня ставила рядом, и поклоны – в пол. Если я не доставала, она тюкала меня головёшкой в пол, и попробуй ослушайся или что-нибудь вякни, ущипнёт так, что не захочешь перечить. Я её боялась, поэтому мне казалось, что и Иисус Христос грозит мне пальчиком. Ну а в школе училась, в общем, хорошо… Какой у Вас красивый Николай Чудотворец, я такого ещё не видела.

– Да, мой любимый святой. Я всегда Его очень почитаю. И мне лично Он много помогал в жизни. В некоторых очень сложных ситуациях или когда для дела надо я

так и обращаюсь, как к Старшему брату: «Никола, Помоги, для дела надо!». И Помогает. Есть прекрасная книга А. М. Ремизова «Николины притчи», читали?

– Нет.

– Там простые русские крестьяне, мужики, беседуют. Один с тревогой спрашивает: «Що будет, коли Бог помре?». – «А Микола на що?», – отвечает другой. Моряки всех христианских народов его почитают. Он какой-то Вселенский. У нас, в Харбине, храм был построен в честь Святого Николая, без единого гвоздя, на высоком холме – отовсюду виден. Много народу приходило поклониться этому Святому, но, к сожалению, хунвейбины сожгли этот храм. А на том месте поставили памятник Мао Цзэдуну.

В низком голосе Наталии Дмитриевны прозвучало не столько сожаление, сколько суровая, металлическая нота, как набат, которая могла бы остановить хунвейбинов любых мастей.

– А на Харбинском вокзале стояла икона Святому Николаю Угоднику. Все, кто отъезжали, приезжали, ставили свечи перед ней. Икона была большая, во всю стену, монахини ухаживали за ней. И где бы ты ни находился, казалось, Николай Угодник смотрит на тебя. Так вот в те годы, когда она ещё была там…

Русская православная церковь Святого Николая в Харбине. 1925

Железнодорожный вокзал Харбина. 1930-е

– А сейчас уже нету?

– Опять, к сожалению, с приходом наших «товарищей», икону убрали. Во время японской оккупации икону не тронули, а вот братва постаралась.

– Чем это объяснить?

– Наверное, тем, что в Японии много буддистов, они почтительно относятся к святым всех народов. Так вот, в те годы произошла такая история. Молодое поколение может быть её и не знает, но люди моего поколения знали все и, возможно, она была описана в журнале «Хлеб Насущный», затрудняюсь теперь сказать точно, но устно её передавали.

Один китаец пришёл на вокзал, поставил свечи перед этой иконой и стал бить поклоны. Русские, конечно, удивились, спросили, почему такое почитание, ведь у них свой

Бог, или, может быть, он христианин? И мужчина рассказал, якобы, он знал, что у русских есть такой Святой, который помогает утопающим на воде. Однажды ему довелось плыть по реке Сунгари – это приток Амура. Река широкая, как Обь, бурная и страшно коварная. Там утонуло много народу. Илистые берега буквально затягивали жертву, и вот его лодка перевернулась. Сколько мог бороться за жизнь, он боролся, но когда почувствовал, что и силы покидают, и дна нет, он с такой душой и сердцем обратился к Образу этой иконы и закричал:

– Старика вокзала, помогай! – и вдруг почувствовал под ногами дно. Он понял, что это ему была Помощь, и, хотя имел своего Бога, пришёл поблагодарить того Святого, который ему помог. Замечательный Святой – Мирликийский Чудотворец.

На моё счастье, никто не звонил, не отвлекал Наталию Дмитриевну. В её маленькой хрущёвке было тепло, хотя за окном минус 17 и колкий ветер. Она ещё рассказала о себе, потом мы попили индийского чаю – мне предстояла долгая дорога домой, как говорят в Академгородке – «в Новониколаевск». Кстати, город наш был назван так в честь Николая Чудотворца. От какой чести мы отказались и ради чего? «Не хлебом единым жив человек».

Наталия Дмитриевна дала мне материал, который печатали о ней раньше:

– Выбирайте, что Вас интересует.

Когда я прочитала всё, опять тяжко стало. Вопросы приготовила, но на записи решила в кадр не лезть и предложила Наталии Дмитриевне рассказывать всё в хронологическом порядке, что она считает нужным. Тут хочется отметить работу оператора Валеры Краснова. Кстати, это была его первая запись. Но он постарался свет поставить высоко, чтобы он не бил в глаза, как было в первой передаче.

Конечно, Наталия Дмитриевна подготовилась так, что рассказывала от начала и до конца без остановок, 45 минут. Так что в передачу вошло всё. Когда включили всю аппаратуру – счётчик вырубился. Пришлось отключать холодильники, и всё заработало.

Когда смонтировали, я спросила у Наталии Дмитриевны, какую музыку подложить на стихи?

– Я люблю Шопена.

Звукорежиссёр был хороший, Боря Сабанцев, но почему-то взял одно произведение, на что Наталия Дмитриевна сказала:

– Ну что же Вы взяли одну мелодию, у Шопена много хороших произведений.

– Простите, мы звукорежиссёрам только даём задание, полагаясь на их профессионализм.

По моему голосу Наталия Дмитриевна поняла, что я расстроилась, и бодро сказала, что передача ей в целом понравилась, и она позвонила, чтобы поблагодарить всю группу за работу.

Передача «Просто распускаются цветы» тоже прошла в эфире два раза. Это уже было в начале 1992 г.

* * *

Пока редакция «Наука» милостиво предоставляла эфир, мы взялись за третью передачу. Запланировали назвать её «Учение Жизни и Сибирь», но в результате

неудачной записи, которую нельзя было переписать (не было времени), оставили как «Встречи в Сибирском Рериховском обществе. Духовный подвиг Елены Ивановны Рерих».

Дело в том, что ведущий – Евгений Палладиевич Маточкин – начинал передачу возле картины Н. К. Рериха «Победа». Он говорил о 50-летнем юбилее картины, об отношении Николая Константиновича к Учению Жизни и Сибири, подводя к идее – Живая Этика и общечеловеческие ценности. Наталия Дмитриевна Спирина продолжила о Беспредельности, о смысле жизни, о познании Истины. И эти выступления были записаны без звука тем оператором, который делал мне замечания…

Интуитивно я попросила Наталию Дмитриевну рассказать о Елене Ивановне Рерих почти в конце записи, с чего и начали потом эту передачу. А вот материал, который должен был прозвучать, я взяла у Наталии Дмитриевны для расшифровки. Поэтому он и сохранился.

Н. Д. Спирина

Если цель жизни есть – жизнь, то смысл жизни – есть совершенствование или вечное движение вперёд.

Учение говорит: «Нужно понять, что в основании эволюции лежит усовершенствование…»[1]. Эту цель и этот смысл жизни указал людям Христос: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (От Матфея 5:48). «Совершенствование продолжается, направляясь к Беспредельности»[2]. «Скажем: "Бесповоротно идите от низшей сферы к дальним мирам. Бесповоротно устремитесь к восхождению в Беспредельность". И добавим: "Стремитесь беспредельно"»[3].

Вечная жизнь управляется вечными и неизменными законами, которым подчинено всё, находящееся во Вселенной. В вечной жизни смерти нет. «…Каждая уходящая форма несёт в себе следующую»[4], более совершенную.

Существующее в жизни неравенство в развитии и во всех проявлениях жизни вызывает ропот на Бога, жалобы на судьбу и порождает недоумение и возмущение, на которые ни наука, ни философия, ни религия не дают удовлетворительных ответов. Это не есть случайность, но результат достигнутого большего или меньшего совершенствования в своём развитии.

«Не было того времени, когда бы Я или ты не существовали бы, и в будущем не будет того времени, когда бы мы перестали существовать» (Бхагавадгита, или Песня Господня).

Человек ограничил свой мир своею планетой и свою жизнь однократным существованием. И теперь задыхается в созданной самим же тесноте, не находя выхода из этой тесноты и смысла в своём существовании. Пора ему выйти на простор Космической Беспредельности.

Беспредельность есть, и она ужасна, если она не осмыслена, и она прекрасна, если осознана и понята. «Посмотрим с дальних миров на нашу планету: "Тесно!" – вопиет дух человеческий на коре. Взглянем с нашей планеты на дальние миры: "Простор Беспредельности!" – ликует дух»[5].

То же самое сказал Христос: «У Отца Моего обителей много» (От Иоанна 14:2).

Беспредельность – есть Истина, Вечность – есть Истина, ибо истинно лишь то, что вечно. Стремление к Вечности и к Беспредельности есть стремление к Истине. Осознание вечности и Беспредельности есть познание Истины. О Вечности и Беспредельности говорил Христос, когда сказал: «Познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» (От Иоанна 8:32).

Признавая стремление к совершенствованию целью и смыслом жизни, необходимо сказать, что совершенствование может идти лишь в одном направлении – в развитии своих духовных сил. Никаких других путей к совершенствованию быть не может.

* * *

И когда на монтаже мы поняли, что это выступление записано без звука, но дальше звук был, я позвонила Наталии Дмитриевне. Упавшим голосом сообщила о ЧП и предложила от эфира не отказываться, а сделать передачу о Елене Ивановне Рерих, но чтобы сегодня кто-нибудь приехал на студию и сделал вступительную звукозапись о ней и её духовном подвиге минуты на три.

Я ждала грозы, но услышала спокойный добрый голос. Наталия Дмитриевна поняла моё состояние и сказала, чтобы я перезвонила через несколько минут. Когда перезвонила, она сказала, кого встречать для записи. Наталия Евгеньевна Гребенникова через час была на студии и спасла ситуацию. Эфир был на следующий день – 45 минут. Вошло всё, что записали.

Я отвезла Наталии Дмитриевне все репродукции, которые брала у неё. Передачу она посмотрела, осталась довольна, поблагодарила, но сказала, что у них сейчас много работы и, наверное, сделаем перерыв.

Я заметила:

– Да, Галина Артемьевна тоже сказала, что её «друзья-старообрядцы» убьют её за такие передачи, поэтому тоже объявила перерыв.

– У неё друзья – старообрядцы? В наше время такая старина? Ну, это её дело.

– Наверное, родственники.

Мне эта передача, как говорится, «дала стране угля, мелкого, но много». Во-первых, за репродукциями пришлось вернуться в Дом учёных, это час туда, час обратно. Во-вторых, оператор записал их в операторской и вышел, а кассету на столе оставил. Пришли ребята из «Новостей», схватили кассету и отправились на съёмки, выцарапала у них уже в «рафике».

– А мы думали, это нам приготовили, – с улыбкой ответили мне.

А потом мы обнаружили стёртый звук…

И дома сюрпризы. Детей, правда, бросила на сестру, а за мамой думала, что муж присмотрит. Вхожу в десятом часу, а он за мной, в нетрезвом состоянии. Я говорю:

– Ну, ты положил душу «за други своя».

Наталия Дмитриевна засмеялась:

– И его вдохновили.

И как апофеоз – кошка, идеальная моя Муся, выложила пирамидку на мою подушку…

Наталия Спирина. Харбин. 1930-е

Вот тут я впервые услышала, как Наталия Дмитриевна хохочет. То ли я так рассказывала, то ли ситуация анекдотическая, но она потом сказала:

– И через кошку провели тёмные свой план. Действительно – мелкого, но много. Пока передохнём от съёмок. Но это говорит о том, что нужную работу мы проделали, потому так тьма и разбушевалась, но мы победили.

От Наталии Дмитриевны я уезжала в хорошем настроении.

Действительно, победили, я ведь уже подходила к телефону, чтобы снять с эфира передачу, и в этот момент пришла мысль – переделать название, и я позвонила Наталии Дмитриевне…

Передача вышла, благодаря её молитвам и, возможно, Помощи Николая Чудотворца.

Для Дела надо было, и Помощь пришла.

Через некоторое время передачу повторили. Но эта была последняя наша запись. Потом «православные» друзья-журналисты восстали не хуже «старообрядцев», и возможности на государственном телевидении уже не было.

* * *

Через некоторое время мы близко встретились с Наталией Дмитриевной в Картинной галерее, на открытии Мемориального кабинета Н. К. Рериха. Я сидела рядом и радостно сказала:

– Иногда так хочется Вам позвонить, но, думаю, у Вас и так гостей много…

– Да, работы много, надо готовиться к выступлениям, да и «инопланетяне» одолевают, я так зову иногородцев. Им ведь надо много внимания.

Она посмотрела на меня:

– Я хочу видеть Вас улыбающейся.

– Да я и так часто улыбаюсь.

– Ну и хорошо.

– А как Ваше здоровье?

– Да когда как…Годы берут своё.

– Ой, только Вы нас не оставляйте…

– Если хотите, чтобы у меня было ещё… здоровье, представляйте меня молодой, цветущей, здоровой…

– Такой, как на фотографии в шляпе, – сказала я утвердительно.

– А… Да. Душа у меня такая и есть. А внешняя оболочка, к сожалению, тлену подлежит, ветшает, и тут мы ничего поделать не можем.

Я сидела так, что правой рукой гладила её левую руку в белой шали от предплечья до запястья. Вообще-то желание было поцеловать её. У меня по отношению к ней часто возникали такие желания. Когда она читала за столом, я обратила внимание на руки – такие худенькие, захотелось ещё погладить их, придать силы… Буду представлять её только молодой.

* * *

Через 11 лет, весной 2003 г., на Пасху, мы с Наташей Жуковой были у Наталии Дмитриевны в гостях и спросили разрешения записать её «Сказы» на телевидении в исполнении заслуженного артиста России Евгения Важенина. Я тогда работала редактором на киностудии «Золотой век». Наталия Дмитриевна улыбалась, видно было, что она была нам рада, и сказала:

– Почему бы нет? Галина Семёновна[6], есть у нас там денежки на телевидение?

– Можно посмотреть…

Наташа продолжила:

– Да не надо смотреть, деньги мы найдём, разрешила бы директриса киностудии.

– Да? – сказала Наталия Дмитриевна. – Будем представлять, что она разрешила.

Перед уходом мы встали перед ней на колени:

– Простите нас за всё.

– За что?

– За то, что мы такие.

– Ну, вы же не ангелы…

Мы поцеловали Наталии Дмитриевне руки и счастливые, что всё-таки встретились с ней, поехали в «Новониколаевск». Это была моя последняя близкая встреча с нашим Учителем. Через месяц или два мою директрису унесло в Индию к Сатья Саи Бабе. И мы спокойно записали восемь «Сказов» Наталии Дмитриевны, которые прошли по Новосибирскому телевидению, по 4-му каналу, на весь город и область… Правда, когда директриса вернулась, она меня уволила, но этого и следовало ожидать. Как говорила Наталия Дмитриевна, значит, нужную работу мы проделали.

* * *

В 2004 г. по материалам радиопередачи «Живая Этика о Законах Бытия» мы сделали фильм на 20 минут, с голосом Наталии Дмитриевны, с её разрешения, только название изменили – «Агни-Йога о Законах Бытия». Сделали сами, на собственные средства. Только жаль, что пока эти работы не востребованы. Всему своё время.

* * *

Звукорежиссёр кинохроники, когда переписал мне с видеокассеты на диск фильм «Агни-Йога о Законах Бытия», скромно так спросил:

– Можно я себе оставлю этот фильм?

– Конечно можно! – радостно ответила я, потому что он впервые слышал обо всём. Живая речь Наталии Дмитриевны что-то в нём пробудила.

Поток времён сотрёт значенье
И ценность всех земных вещей…
Но как бесценно ощущенье
Священной близости Твоей!

Н. Д. Спирина. *Капли.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Иерархия. – 1931. – § 297.
[2] *Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Беспредельность. – 1930. – Ч. I. – § 152.
[3] *Там же*. – § 57.
[4] *Там же*. – § 140.
[5] *Там же*. – § 62.
[6] Имеется в виду Г. С. Николаиди, многолетняя помощница Н. Д. Спириной. – *Примеч. ред.*

Е. П. МАТОЧКИН
(Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина; Новосибирск)

ОКЛАДНИКОВ, БЕЛИКОВ, СПИРИНА – ОСНОВАТЕЛИ СИБИРСКОГО РЕРИХОВЕДЕНИЯ (К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Академик **Алексей Павлович Окладников** (1908—1981) в год его 100-летнего юбилея был назван основателем академического рериховедения. Действительно, А. П. Окладников в послесловии к книге Н. К. Рериха «Алтай – Гималаи» (1974) дал научно-обоснованный анализ экспедиционных исследований великого художника, его историко-культурных идей. К 100-летнему юбилею Н. К. Рериха вышла статья А. П. Окладникова, П. Ф. Беликова, Е. П. Маточкина «Рерих – исследователь Азии». Алексей Павлович был председателем Оргкомитета первых в стране научных конференций «Рериховские Чтения» (1976, 1979), проводимых в Новосибирске. Он был инициатором идеи возобновления деятельности законсервированного Гималайского исследовательского института «Урусвати» на базе совместного советско-индийского сотрудничества, направлял письма в Президиум Академии наук СССР. В Индии он обсуждал эту проблему со С. Н. Рерихом.

Академик А. П. Окладников выступает на I «Рериховских Чтениях»
Новосибирск. 1976. Фотограф А. Н. Анненко © Собрание А. Н. Анненко (Абакан)

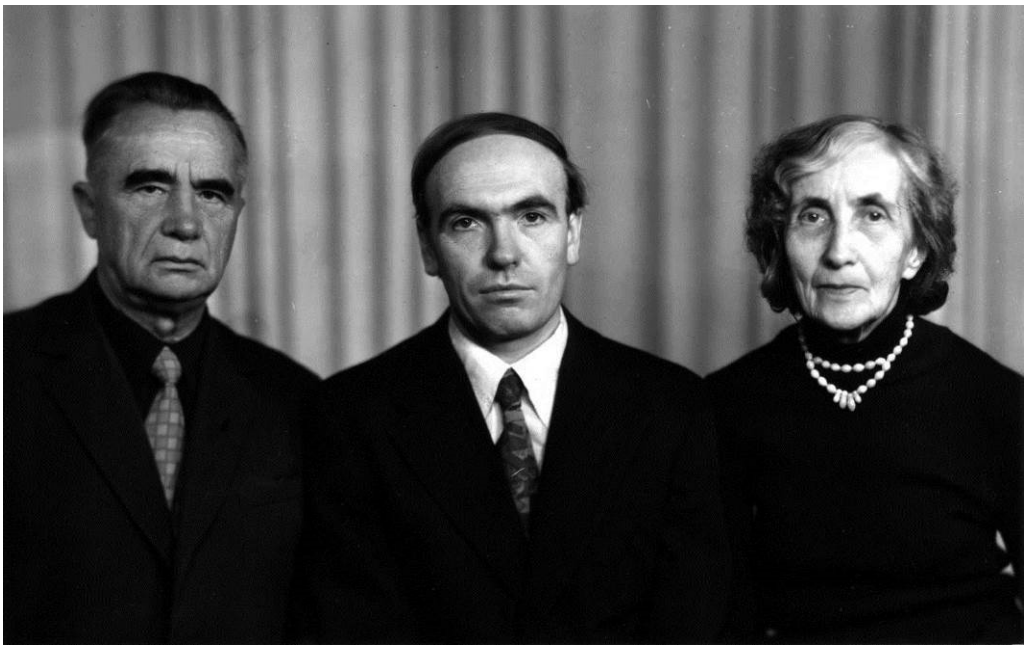
Павел Фёдорович Беликов (1911—1982) – крупнейший рериховед, биограф семьи Рерихов, совместно с В. П. Князевой автор книги «Рерих» из серии «ЖЗЛ» (1972, 1973 и др.), исследователь творчества Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов, соавтор статьи «Рерих – исследователь Азии» (1974). П. Ф. Беликов дважды участвовал с докладами на «Рериховских Чтениях» в Новосибирске, был большим другом Сибири и находился в курсе всех наших дел. В обширной переписке он постоянно консультировал нас по всем возникающим вопросам, делился материалами из личного архива, рекомендовал докладчиков на наши конференции, помимо того выступал в Сибири с лекциями, отстаивал чистоту взглядов и идей Н. К. Рериха. В память о нём новосибирские альпинисты взошли на вершину в подкове пиков семьи Рерихов возле Белухи на Алтае и назвали её «Пик Беликова».

Наталия Дмитриевна Спирина (1911—2004) была вдохновительницей многих наших начинаний. Привезённые ею из Харбина труды Н. К. Рериха, не имевшиеся в сибирских библиотеках, сыграли огромную роль в подготовке докладов учёных на «Рериховских Чтениях». Музыкант по профессии, она подготовила к конференциям доклады о музыке в творчестве Н. К. и С. Н. Рерихов. Широко известна её просветительская деятельность, лекции о творчестве Н. К. Рериха. Наталия Дмит-

П. Ф. Беликов выступает на I «Рериховских Чтениях». Новосибирск. 1976
Фотограф А. Н. Анненко © Собрание А. Н. Анненко (Абакан)

Н. Д. Спирина (*в центре*) на представлении документального фильма «Николай Рерих» в Доме кино Новосибирск. 1976. Фотограф А. Н. Анненко © Собрание А. Н. Анненко (Абакан)

риевна основала Сибирское Рериховское общество, ныне крупнейший центр рериховедения за Уралом. Её выступления на ежемесячных «Круглых столах» в Новосибирске собирали широкую аудиторию из самых разных регионов России. Она являлась главным редактором художественно-иллюстрированного журнала «Восход». Кульминацией деятельности Н. Д. Спириной стало создание двух общественных музеев Н. К. Рериха в Новосибирске и на Алтае, в селе Верхний Уймон, где останавливалась Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха.



П. Ф. Беликов, Е. П. Маточкин и Н. Д. Спирина. Новосибирск. 1975
© Собрание семьи Маточкиных (Новосибирск)

В целом большая научная и просветительская деятельность А. П. Окладникова, П. Ф. Беликова и Н. Д. Спириной явилась основой рериховедения в Сибири и дала ему мощный импульс к развитию.

А. Н. АННЕНКО
(Союз журналистов России; Абакан)

ХАРБИНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЯВЛЕНИЯ)

Мне посчастливилось не только встречаться, но и сотрудничать с людьми, которые называли себя «содружницами». Вначале я познакомился с **Наталией Дмитриевной Спириной** (1911—2004) и затем с **Зинаидой Николаевной Чунихиной** (1900—1986). О Наталии Дмитриевне, с которой я имел счастье общения в 1975–1978 гг. в Академгородке, существует обширная литература. Она приезжала в Черногорск в 1979 г., ночевала у меня в Абакане, мы переписывались, обменивались материалами, обсуждали проблемы. О З. Н. Чунихиной практически ничего не издано, кроме нескольких упоминаний в книге о Борисе Николаевиче Абрамове «Устремлённое сердце»[1] и в некоторых моих статьях[2].

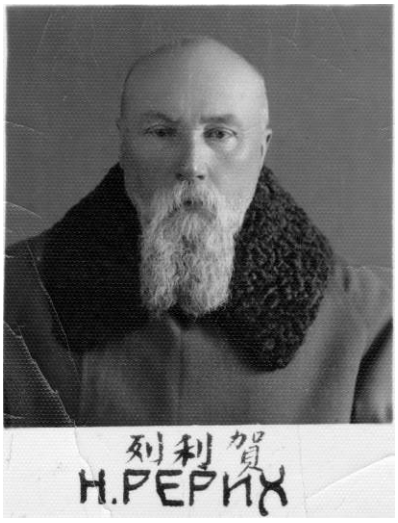
Она родилась 12 марта 1900 г., жила в Чите. В годы гражданской войны, вместе со своим женихом, офицером частей Белой армии, отступивших в Китай, оказалась

на чужбине. Он умер в госпитале от ран, а Зинаида Николаевна вместе с матерью, Марией Антоновной Чунихиной, обосновались в Харбине. Зинаида Николаевна имела гимназическое образование и впоследствии стала работать бухгалтером на Мулинских горных копях.

Харбин – «Атлантида» Русской культуры – в первой половине XX в. представлял собой оазис Русской цивилизации на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Его отличительной чертой были терпимость и вмещение: рядом стояли и функционировали кирхи и церкви, синагоги и мечети; русские дети изучали кроме родного языка китайский и английский. Например, здесь печатался настольный календарь «Три богатыря» – с отдельными страницами для православных, магометан, лютеран, евреев, армян. В то же время это был город международной, в том числе, ярко представленной русской культуры. «Появление Н. К. Рериха в Харбине в 1934 году, – пишет свидетель тех лет, – можно сравнить с метеором, прочертившим огненную черту на мрачном ночном небе… Его приезд производит впечатление разорвавшейся бомбы. Вся общественность взбудоражена. Квартира на Садовой сразу превращается в место непрерывного паломничества…»[3]. Именно здесь – в Харбине – был в 1934 г. образован Русский комитет Пакта Рериха. Не было в тот момент другого места, где бы мог спокойно функционировать Комитет Знамени Мира, ориентированный на Россию!

З. Н. Чунихина (*слева во втором ряду*) среди бывших харбинок. Черногорск. 1970-е

Именно в Харбине 18 июля 1934 г. в церковный праздник Обретения мощей Радонежского Чудотворца было образовано Свято-Сергиево Содружество. Через несколько дней Николай Константинович взял шефство над этим Содружеством. Среди его участников – Пётр Алексеевич Чистяков, Владимир Константинович Рерих, Альфред Петрович Хейдок и его жена Евгения Сергеевна, Абрамовы – Борис Николаевич и Нина Ивановна, Василий Николаевич Грамматчиков, Екатерина Петровна Инге, Зинаида Николаевна Чунихина, Юрий Николаевич и Наталья Яковлевна Гавриловы, Михаил Михайлович Бутин, Евгения Николаевна Туркина, Варфоломеева… И другие. Из быстро растущего Содружества вскоре выделилась группа, построенная на изучении Учения Живой Этики (Агни-Йоги)[4]. Понятно, что группа возникла не на пустом месте. В неё вошли некоторые теософы, розенкрейцеры, принявшие Учение Живой Этики, а также люди, подошедшие к Учению за время пребывания Н. К. Рериха в Харбине.



Н. К. Рерих. Китай. 1934–1935
© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Зинаида Николаевна была одним из самых активных членов Содружества. Она рассказывала мне о собраниях так же, как, например, Альфред Петрович Хейдок в своих статьях: «Николай Константинович нам лекций не читал. В спокойной, неторопливой беседе просто и доходчиво говорил о наступающей новой эре планеты, о новом человечестве, которое должно прийти на смену нынешнему, задыхающемуся в ярости хищнических захватов и, как слепому, идущему к взаимоистреблению. Но это новое человечество не могло спуститься с неба на розовых крыльях – оно могло возникнуть только из ныне существующего. И Новый Мир сотрудничества и братства должен быть построен человеческими руками и ногами. А где строители? Стать этими строителями он призывал нас. Строительство должно было начинаться с преобразования самого себя, со вступления в постоянную борьбу со своими собственными недостатками, с трансмутации своих низших качеств в высшие – с самоусовершенствования, которое приводит к расширению сознания, открывающего космические просторы...»[5]. Н. К. Рерих подарил ей свою фотографию, которую она хранила всю жизнь.

Уже тогда – в 1930-е гг. – Зинаида Николаевна славилась как мастерица-швея. На одном из заседаний Н. К. Рериху были преподнесены два Знамени Мира, которые она сшила. Одно из них – побывавшее в экспедиции Н. К. Рериха на первом этапе в 1934 г. и оставленное им затем Содружеству – было привезено Зинаидой Николаевной из Китая в СССР. Второе, большего размера, – было тем Знаменем, которое развевалось 15 апреля 1935 г. (день подписания Пакта Рериха в Вашингтоне в присутствии Президента США Ф. Д. Рузвельта) над лагерем экспедиции в

Цаган Куре (Внутренняя Монголия), о чём писал Н. К. Рерих в очерке «Знамя»[6]. Это Знамя было привезено из Индии в СССР сыном Н. К. Рериха Юрием Николаевичем Рерихом в 1957 г. и находилось в его квартире в Москве.

Я не раз бывал у Зинаиды Николаевны в Черногорске (Красноярский край), где она жила после возвращения на Родину. По мере знакомства передо мной открывался замечательный образ женщины высокой духовности, пронёсшей через всю свою жизнь преданность идеалам высокой культуры. Самое ценное она хранила в небольшом деревянном сундуке: Знамя Мира, изготовленное в 1934 г. в дни пребывания там Н. К. Рериха, подлинники «Листов дневника» Н. К. Рериха, посылавшиеся в Харбин, книги Живой Этики. По её признанию, это было самое дорогое из всего, чем она владела. Жила она последние годы одиноко, но не оставалась без поддержки друзей. Её земной путь завершился 14 февраля 1986 г.

Н. Д. Спирина ещё в девяностые годы поддержала мою идею рассказать о Зинаиде Николаевне Чунихиной. По мере возможностей я это делаю. О моих контактах с З. Н. Чунихиной, близким другом семьи Абрамовых, часто и подолгу гостившей у них в Венёве, свидетельствует её письмо. Приведу его здесь полностью.

З. Н. Чунихина – А. Н. Анненко. 22 декабря 1977 г.[7]

Уважаемый Алексей Николаевич!

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего хорошего! Доброго здоровья и успеха в жизни!

Получила Ваше письмо, но, к сожалению, затянула с ответом. Причина уважительная. Сломала правую руку в плече и месяц пробыла в больнице. Руку разрабатываю и могу писать. Затем был бронхит и сильное кровотечение из носа. Но теперь иду на поправку. Видимо, должна ещё пожить!

Очень хорошо, что Вы полны энергии и хорошо работаете! Да, очень трудно давать людям по сознанию! От души желаю Вам успеха! Писала я Нат[алии] Дм[итриевне][8] о затруднении с наследством. Она ответила, что приедет за ним сама, не ожидая, чтобы присылали. И тут прийдётся Вас огорчить. Я должна всё-таки отдать предпочтение Нат[алии] Дм[итриевне] во имя многолетней дружбы! Но статьи будут Ваши. Это – подлинники, посылаемые со второй экспедиции. А у Н[аталии] Д[митриевны] имеются копии. Войдите в моё положение и не обижайтесь на меня!

Хорошо, что Вы переписываетесь с Грам[матчиковым][9]! Очень хотелось бы прочесть Ваш труд, когда Вы его окончите![10]

Что касается валерьяна, то, конечно, он мне очень нужен. И если Вы решите послать его мне, буду очень благодарна, но расходы будут мои.

Ещё раз прошу не обижаться на меня! Так хотелось бы продолжить наше знакомство и переписку!

Желаю Вам всего доброго!

Уважающая Вас *Зин[аида] Никол[аевна].*

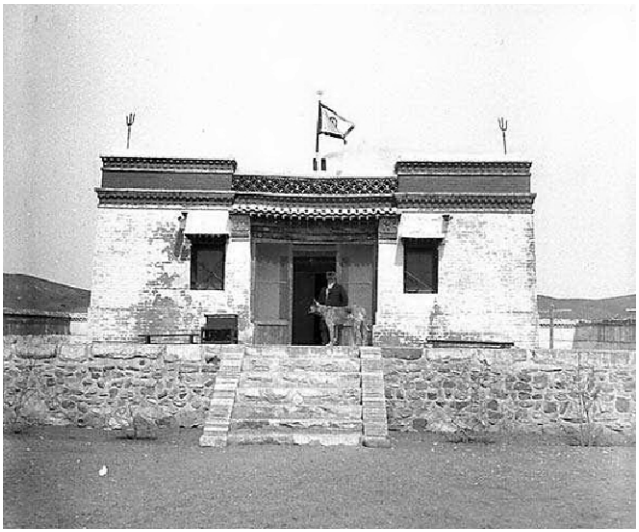
Часть своего архива Зинаида Николаевна передала мне: Знамя Мира, подлинники «Листов дневника», копии писем Е. И. Рерих, некоторые книги Н. К. Рериха.

Особо примечательна одна из них – «Цветы Мории», вышедшая в Берлине в 1921 г. Здесь, на последней странице, автограф: *«Дорогому другу Зиночке от её Харбинских содружниц – М. Н., В. Г., В. В. и Е. П. – с самыми светлыми и сердечными мыслями. 24 окт. 1939 г. Харбин»*. Внизу страницы: *«Страж, помни о доверенном сокровище. Считай – зовы Наши дают знание выше уставов старины. "Листы"»*[11]. А на одной из первых страниц Зинаида Николаевна написала: *«На добрую память Алексею Николаевичу от Зинаиды Николаевны Чунихиной. 17 августа 1977 г.»*. Эти надписи для меня являются, по известному определению, «живой связью времён».

А. П. Хейдок вспоминал: «Наше объединение было школой сотрудничества, но не формального, а сердечного…»[12].

Известны также три кружка харбинцев (так называемые «Младшие Содружества»), руководители – А. П. Хейдок, Б. Н. Абрамов, Е. П. Инге. Ученики Б. Н. Абрамова – Ольга Александровна Копецкая, Наталья Дмитриевна Спирина, Дмитрий Семёнович Шипов, Николай Александрович и Лилия Ивановна Зубчинские (Урановы), Борис Андреевич Данилов («передан» при отъезде Екатерины Петровны Инге), Геннадий Петрович Кучма, Антонина Николаевна Кочеунова, Людмила Феликсовна Страва, Георгий Александрович Иванов…

Отмечу, что Знамя Мира, которое мне передала З. Н. Чунихина, побывало со мной на вершине Боруса в Саянах, в Верхнем Уймоне на Алтае, а также в Международном Центре Рерихов, когда я там работал. Интересно, что тогда оно было использовано в качестве образца при изготовлении экземпляра для Международного общественного культурного космического проекта «Знамя Мира», побывавшего затем на борту орбитальной космической станции «Мир» в 1997–1998 гг.



Знамя Мира в Цаган Куре во время Второй Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха. 1935

Знамя Мира харбинского «Содружества» демонстрировалось в Музее Н. К. Рериха в Новосибирске, а ныне обрело своё постоянное место в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов. В 2010 г. оно было представлено в экспозиции Международной выставки «Рериховский век», проходившей в Центральном выставочном зале «Манеж» Санкт-Петербурга[13].

Завершить мне хотелось бы словами Зинаиды Николаевны о Борисе Николаевиче Абрамове, напечатанные в книге «Устремлённое сердце». Читая их, я вижу перед

собой Зинаиду Николаевну Чунихину и членов харбинского Содружества:

«Несломимая вера, подкреплённая знанием. Она зажигала окружающих, давала силы. Он не только верил, он знал, и это действовало убедительно. Он делился своими знаниями. Каждая его фраза была откровением.

Большая устремлённость и сильная творческая мысль, направленная на Благо! Это чувствовалось окружающими и носило характер непреложности. Сила мысли его была велика! Во всём сквозила убеждённость. Его мысль была действенна, она не раз несла помощь людям, которые часто и не знали, откуда она исходит. Он щедро делился своим огоньком.

С благодарностью вспоминаю его духовную поддержку, его слова утешения в тяжёлые минуты жизни! Много мудрых слов было сказано, которые вошли в мою память»[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Б. Н. Абрамов. Устремлённое сердце: Сборник / Под ред. Н. Д. Спириной. – Новосибирск: СибРО, 1997. – С. 183–183.
[2] См., например: *Анненко А. Н.* Сотрудникам сайта «Адамант». – 16 апреля 2007 г. // Режим доступа: http://www.lomonosov.org/article/cooperators_site_adamant.htm; *Он же.* Содружница из Черногорска // Краевед Хакасии: Сборник статей. – Вып. 1 / Министерство культуры Республики Хакасия, ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив». – Абакан: Бригантина, 2013. – С. 147–148; *Он же.* Хакасия: идеи Рериха – в жизнь! // Дельфис. – М., 2013. – № 3 (75). – С. 22.
[3] *Хейдок А. П.* Память сердца // Держава Рериха. – М., 1994. – С. 355.
[4] *Росов В. А.* Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. – Кн. II: Новая Страна. – М.: Ариаварта-Пресс, 2004. – С. 60–62.
[5] *Хейдок А. П.* Учитель жизни // Утренняя Звезда: Альманах МЦР. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 82.
[6] *Рерих Н. К.* Знамя. – Цаган Куре. – 15 апреля 1935 г. // *Рерих Н. К.* Нерушимое. – Рига: Виеда, 1991. – С. 101.
[7] Автограф. Архив автора.
[8] Имеется в виду **Н. Д. Спирина.**
[9] Имеется в виду **Николай Васильевич Грамматчиков** (1908—1988)**,** один из участников Второй Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха в 1934–1935 гг.
[10] См.: *Анненко А. Н.* Последняя экспедиция Н. К. Рериха (1934–1935) По воспоминаниям Н. В. Грамматчикова // Рериховские Чтения. 1997: Материалы конференции СО РАН и СибРО 3–6 ноября 1997 г. – Новосибирск: СибРО, 2000. – С. 342–354; *Он же.* Черногорский спутник Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура; Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 406–411.
[11] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Листы Сада Мории. – Кн. I. Зов. – 1924. – § 247.
[12] *Хейдок А. П.* Радуга чудес. – Рига: Виеда, 1994. – С. 336.
[13] См. воспроизведение: *Чеснокова М. Н.* Обзор некоторых разделов выставки «Рериховский век» и участие частных коллекционеров в её создании // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 44.
[14] *Чунихина З. Н.* Мощь Мысли // Б. Н. Абрамов. Устремлённое сердце: Сборник / Под ред. Н. Д. Спириной. – Новосибирск: СибРО, 1997. – С. 183.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

Б. Н. АБРАМОВ И Н. Д. СПИРИНА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Л. С. МИТУСОВОЙ

Людмила Степановна Митусова (1910—2004), для самых близких друзей – *Зюма*, 100-летие которой мы отметили в прошлом году, оставила нам в наследство *Вечную память* о многих выдающихся людях, с которыми на протяжении долгой и насыщенной встречами жизни её сводила судьба. Есть в её *Вечной памяти* две Души, о которых мы знаем не только по документам из личного архива, но и по живым свидетельствам от неё самой. Это последователь Рерихов **Борис Николаевич Абрамов** (1897—1972) и его ученица **Наталия Дмитриевна Спирина** (1911—2004).

В книге «О прожитом и судьбах близких» (2004) Б. Н. Абрамову Людмила Степановна посвятила несколько страниц, привела целиком два его, по её словам, «удивительных» письма[1]. В личных беседах с разными людьми все последние годы не раз его вспоминала. Рассказывала, что познакомилась с ним в Москве в 1960 г. на квартире Ю. Н. Рериха, в дальнейшем получала от него «много поддерживающих мыслей»[2]. Когда Б. Н. Абрамов с супругой Ниной Ивановной перебрался в город Венёв Тульской области, посещала его там. «Борис Николаевич Абрамов, Павел Фёдорович Беликов, Виктор Тихонович Черноволенко, Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий, Эдуард Яковлевич Бложис, Гаральд Феликсович Лукин, Арвид Юльевич Калнс и его жена Лидия Петровна – вот моё окружение, мои друзья вскоре после ухода Юрия Николаевича», – её слова[3]. Ещё она заметила о Борисе Николаевиче важнейшую деталь: «Никогда не бравировал своими знаниями, держался очень скромно, а мог многим сокровенным поделиться»[4]. С большим удивлением и радостью восприняла она выход в свет его Записей под обложкой «Грани Агни-Йоги».

Взглянем на дневник Б. Н. Абрамова и его письма Л. С. Митусовой с точки зрения хронологии. Сравнение писем с Записями позволяет полнее представить то *сокровенное,* чем он делился с Людмилой Степановной.

1. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. [Москва]. 5 июня 1960 г.[5]

Дорогая Людмила Степановна!

Очень признателен Вам за Ваше такое тёплое и сердечное письмо и за приглашение посетить Вас и даже иметь крышу и прочее. Возможно, что обстоятельства сложатся так, что придётся воспользоваться Вашей любезностью. Кто знает?! Всё, о чём Вы пишите, Святослав Николаевич прекрасно учитывает и всё, что он считает нужным, будет осуществлено. Елена Ивановна[6] была и есть мне очень близкой, и, странно, что в моём тяготении к Вам я чувствую Её присутствие и какую-то связь с Нею. Не могу объяснить, но чую. Будете мне писать, пишите через Раису[7], а там будет видно. Желаю Вам всего светлого, мой новый друг.

Ваш *Б. Н.*

Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-1152. 1 л.

Б. Н. Абрамов. 1950-е. © Музей Н. К. Рериха Сибирского Рериховского общества (Новосибирск)

В этом письме затронута ситуация на квартире Ю. Н. Рериха после его ухода из жизни 21 мая 1960 г. С. Н. Рерих попросил Л. С. Митусову разобрать и описать личные вещи покойного брата. К работам в осиротевшей квартире он также привлёк востоковеда Маргариту Иосифовну Воробьёву-Десятовскую и Киру Алексеевну Молчанову. В июне – августе 1960 г. Людмила Степановна жила на квартире Юрия Николаевича, помогая сёстрам Богдановым привыкнуть к новым реалиям жизни[8]. Судя по упоминанию в письме Богдановых к Митусовым, Борис Николаевич также проявлял участие в их судьбе; Богдановы очень ждали от него известий[9]. В следующем своём письме Борис Николаевич затронул те же вопросы.

2. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. [Новосибирск]. 12 июля 1960 г.

Дорогая Людмила Степановна.

Вы с сестрой[10] решили совершенно правильно. Да и как могло бы быть иначе и что получилось бы, если бы Вы ошиблись в Вашем решении и выводах. Если посмотрите глубже, то увидите, что причины, Вас огорчившие, проще, чем это казалось, и не очень серьёзны в самих себе. Думаю, что они не будут длинными, и всё будет хорошо. Часто Вас вспоминаю и почему-то всегда с таким тёплым чувством, как будто знаю Вас сто лет, словно близкого человека и члена родной семьи. Елена Ивановна, которая была очень близка моему сердцу и которую я очень люблю, объяснила бы это чувство и его причины.

Желаю Вам всего светлого и радостного. Ваш *Б. Абрамов.*

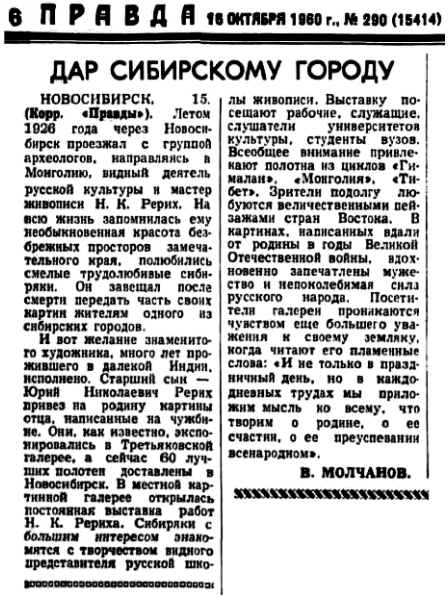
Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-1153. 1 л.

Тринадцатого октября 1960 г. друг сестёр Митусовых и Богдановых, художник Виктор Тихонович Черноволенко сообщил об открытии в Новосибирской областной картинной галерее экспозиции картин Н. К. Рериха: «Все учёные филиала Академии наук посетили эту выставку. Передавали в “Последних известиях” по радио в 7 часов вечера. Гога[11] услышала и мне сейчас же позвонила». И далее: «Теперь надо ждать письма от Бориса Николаевича, он, наверное, напишет подробно»[12].

3. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 17 октября 1960 г.

Дорогая Людмила Степановна! Спасибо за письмо, за внимание и заботу о нас. Вопрос о даче мы с Ниной Ивановной обсудили и очень рады, что нам пред[о]ставляется возможность перебраться и быть ближе к тем, кто близок сердцу. И мы благодарны за это очень, очень… Считаю и уверен в том, что отпуск Ваш прошёл с большой пользой, так как Вы были моральной поддержкой Людмиле и Раисе, хотя и сидели, как Вы пишите, без дела. Недаром обстоятельства в эти трудные для них дни сложились так, что Вы были около них. Ваше доброе отношение им было очень нужно. Вы вносили элемент успокоения, а это очень важно. Вот видите сами, как многое сгладилось и не было оснований слишком уж беспокоиться о том, о чём было проявлено столько треволнений. Я ведь об этом им говорил. Я так рад за них, что они обеспечены теперь пенсией и квартирой. Правительство наше отнеслось к ним с такой заботой и вниманием. Это очень радостно. А всё прочее и личные пе-

реживания и отношения с Кирой – ведь это уже прошлое. Захотите написать мне, пишите по адресу: г. Новосибирск, п/о 64, Кировский район, проспект Карла Маркса, дом № 13, кв. 4, Абрамову. У нас с 27 сент[ября] открылась постоянная выставка картин Николая Константиновича, которые переданы были Юрием Николаевичем нашему городу. Поставлены три витрины под стеклом с цветными репродукциями его картин, с журналами и книгами, где помещены статьи или его портреты. Были статья и заметки в местных газетах и в «Правде» от 16го октября[13]. Все картины взяты под стекло, за исключением больших, которые будут окантованы позднее. Я вполне понимаю Ваше сожаление о том, что Вы мало побыли с Юрием Николаевичем. След от этих встреч со временем не только не изгладится, но будет становиться всё глубже и ярче, по мере углубления Вашего понимания и роста сознания. Это я очень хорошо испытал на себе и особенно ярко по отношению к его отцу, который живёт в моём сердце так явно, словно мы никогда не расставались. Живёт и Юрий Николаевич, и поэтому я не чувствую себя слишком осиротелым. Конечно, мы встретимся с Вами и, конечно, побеседуем вдосталь. Я почему-то, когда с Вами, чувствую особенную близость Елены Ивановны, и потому отношение у меня к Вам совершенно особое. Нина Ивановна шлёт Вам свой сердечный привет и благодарность. Мы живём по-прежнему. Жилплощадь обещают, но не дают. Без своего угла утомительно для неё. Ведь мы до сих пор ещё не имеем возможности распаковать вещи. А, может, это и к лучшему – легче будет ехать дальше. Пенсии моей на жизнь нам вполне хватает: живём мы скромно, одеты, обуты и сыты. Была бы жилплощадь, было бы совсем хорошо. Только холодно очень у нас, и зима длинная, длинная. А Нине Ивановне нужен свежий воздух. Она весь год просидела, не выходя на улицу. Хотел снять ей дачу, но подходящего вблизи ничего не нашёл. Я хожу за продуктами и покупками, а она готовит мне на плитке (электрической) обед. Ваше письмо нас очень обрадовало и дало новые надежды. Желаю Вам всего светлого. Привет Вашей сестре. Вспоминаю Вас ежедневно, каждое утро. Будете писать свой адрес, напишите отчётливо и ясно, чтобы я не перепутал и не ошибся.



6 ПРАВДА 16 ОКТЯБРЯ 1960 г., № 290 (15414)

ДАР СИБИРСКОМУ ГОРОДУ

НОВОСИБИРСК, 15. (Корр. «Правды»). Летом 1926 года через Новосибирск проезжал с группой археологов, направлялись в Монголию, видный деятель русской культуры и мастер живописи Н. К. Рерих. На всю жизнь запомнилась ему необыкновенная красота безбрежных просторов замечательного края, полюбились смелые трудолюбивые сибиряки. Он завещал после смерти передать часть своих картин жителям одного из сибирских городов.

И вот желание знаменитого художника, много лет прожившего в далекой Индии, исполнено. Старший сын — Юрий Николаевич Рерих привез на родину картины отца, написанные на чужбине. Они, как известно, экспонировались в Третьяковской галерее, а сейчас 60 лучших полотен доставлены в Новосибирск. В местной картинной галерее открылась постоянная выставка работ Н. К. Рериха. Сибиряки с большим интересом знакомятся с творчеством видного представителя русской школы живописи. Выставку посещают рабочие, служащие, слушатели университетов культуры, студенты вузов. Всеобщее внимание привлекают полотна из циклов «Гималаи», «Монголия», «Тибет». Зрители подолгу любуются величественными пейзажами стран Востока. В картинах, написанных вдали от родины в годы Великой Отечественной войны, вдохновенно запечатлены мужество и непоколебимая сила русского народа. Посетители галерен проникаются чувством еще большего уважения к своему земляку, когда читают его пламенные слова: «И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о родине, о ее счастии, о ее преуспевании всенародном».

В. МОЛЧАНОВ.

Заметка в газете «Правда», упомянутая Б. Н. Абрамовым в письме Л. С. Митусовой

Ещё раз желаю Вам всего лучшего.

Ваш *Борис Абрамов.*

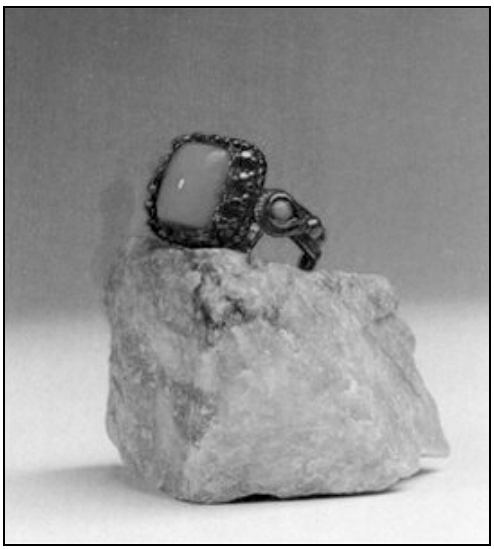
Адрес только для Вас.

Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-1154. 1 л.

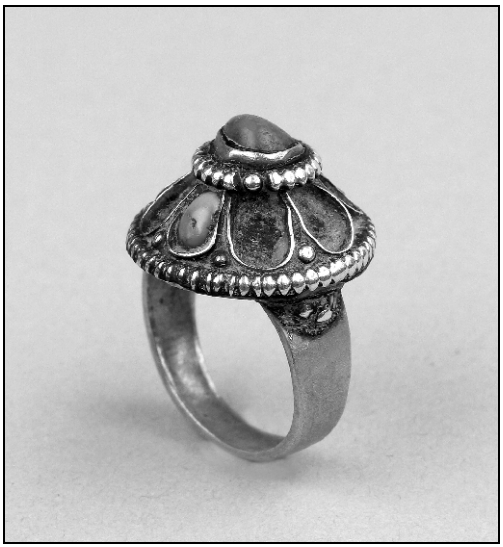
Шестьдесят полотен Н. К. Рериха – дар Ю. Н. Рериха, сделанный им незадолго до преждевременной кончины, – прибыли в Новосибирск почти одновременно с приездом сюда из Харбина Б. Н. Абрамова и его преданной ученицы Н. Д. Спириной. Известно, что Борис Николаевич принимал участие в развешивании картин и подготовке выставки к открытию. Одно время он работал в Областной научной библиотеке, расположенной рядом с картинной галереей, что позволяло ему довольно часто бывать в зале Н. К. Рериха; публиковал статьи в местных газетах. Б. Н. и Н. И. Абрамовы прожили в Новосибирске чуть больше года и затем отправились к своим новым московским друзьям, оказавшимся вовлечёнными в орбиту бывшей квартиры Ю. Н. Рериха, в надежде оказать посильную помощь в работе над Рериховским наследием[14]. В Новосибирске осталась Н. Д. Спирина.

Совершенно осознанно в третьем письме Людмиле Степановне Б. Н. Абрамов записал о том, что *Николай Константинович Рерих живёт в его сердце так явно, словно они никогда не расставались*. В этот же день в своём дневнике он записал слова Гуру – Н. К. Рериха:

«Пусть всё, что передано было мною при личном контакте, в сердце дозорном живёт. Во многих погасло оно и пеплом покрылось. Кольцо пусть послужит постоянным напоминанием о жизненности наших начинаний. Не умерло всё, но живёт. Не в тех, ожидаемых незрелым сознанием формах, но в сущности скрытой своей, уявляющейся ныне в делах всепланетных. Не умерло семя и всходы даёт. А мы также живы, только вне тела, и линию ту же ведём утвержденья указов Владыки. Кто с Ним, тот и с Нами, кто с Нами, тот с Ним. Привет и Моё пожеланье дойти до конца»[15].



Кольцо, подаренное
Н. К. Рерихом Б. Н. Абрамову



Перстень Е. И. Рерих, подаренный
Ю. Н. Рерихом Л. С. Митусовой

Этот *Привет* Борис Николаевич передал. Так он помог Людмиле Степановне следовать *Заветам* до конца. Кольца ученичества Б. Н. и Н. И. Абрамовы получили лично от Н. К. Рериха как признание их больших духовных накоплений в прошлом[16].

4. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 19 декабря 1960 г.

Дорогая Людмила Степановна!

Поздравляю Вас с Новым Годом и Праздником и шлю свои лучшие пожелания. Раиса написала мне Ваш адрес, вот я и пользуюсь им, чтобы поделиться с Вами своими мыслями. Я приблизительно догадывался, что беспокоило Вас в те грустные дни ухода от нас нашего любимого Юрия Николаевича. Вы очень чутко ощутили, что Вы потеряли в нём. И когда мы встретимся с Вами, а встретимся мы обязательно, я с радостью поделюсь тем, что знаю сам. Соприкосновение с таким большим сознанием, как у него, никогда не проходит бесследно, но результаты могут сказаться и не сразу. Думаю, что желание музыкального творчества в Виктор[е][17] пробудил он, и благодаря именно ему это творчество приобрело свой своеобразный и исключительный характер. Думается мне, что и в Вас он пробудил много новых мыслей, которые ещё дадут свои всходы и обогатят Ваше сознание новыми нахождениями. Меня почему-то очень тянет к Вам: хочется поговорить, поделиться своим жизненным опытом и тем, что я получил от дорогой Елены Ивановны и её мужа. Жизнь много сложнее, чем это кажется. Люблю думать о сложностях жизни.

Где Кира[18]? Мне очень хотелось бы знать, как разрешились все те трудности, которые сложились в те дни. По-видимому, с передачей книг Институту[19] ей оставаться уже было не для чего. Но всё-таки, как это всё разрешилось фактически? Сёстрам[20] я говорил, что всё уладится и что им не следует принимать слишком близко к сердцу то, что заставило их переживать неприятные минуты. Особенно переживал Виктор, больше всех. Я рад, что всё это уже в прошлом, но подробности знать интересно[21]. Сестёр спрашивать не хочется, чтобы не побеспокоить их воспоминаниями.

Меня очень порадовали музыкальные успехи Виктора. На меня его вещи производят совершенно особенное впечатление, и считаю, что мы с Вами присутствуем при рождении большого композитора.

Как обстоят дела с музеем? Выставлены ли картины? Как всё это устроилось и каковы перспективы?

Виктор мне писал, что к весне, он надеется, дача будет готова. Для нас срок этот очень важен, так как мы по-прежнему живём без своего угла. Коммунальной жилплощади не дали, а снять что-либо подходящее не удалось. Где обещали, обманули, а из-за этого пропустил другие возможности. Скажите, когда Вы были на даче, было ли построено что-нибудь и что именно? Виктор будет мне писать, как идут дела с постройкой. Вещи наши стоят не распакованными вот уже второй год.

Мы получили Новогоднее поздравление от Святослава Николаевича. За четыре дня до этого, засыпая, видел ласточку, прилетевшую на наше окно. Был очень рад такому «совпадению».

Мне кажется, что Виктора следует очень поддерживать в его творчестве. Но боюсь, что вмешательство специалистов-музыкантов в самый процесс его творче-

ства может ему повредить, так как они не в состоянии научить его тому, что он интуитивно знает и без них, и не теоретически, но практически. Я ему об этом пишу.

Заканчивая это письмо, получил письмо от Раисы. Оно написано насчёт выставки, чему я очень порадовался. Передаю Вам привет от моей жены, Нины Ивановны, и поздравление с Новым Годом. Желаю Вам всего светлого и радостного. Будет у Вас желание мне ответить, буду рад получить от Вас письмо.

Уважающий Вас *Борис Абрамов.*

Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-1156. 1 л. Конверт (КП-1155) с автографом Б. Н. Абрамова, воспроизведением рисунка «С Новым годом!» художника В. В. Пименова и марками на лицевой стороне и штемпелем ленинградского почтового отделения от 25 декабря 1960 г. на обороте.

Вопрос о Мемориальном музее Н. К. Рериха в Ленинграде в этом письме был поднят Б. Н. Абрамовым не случайно. В Ленинграде именно Л. С. Митусова беспокоилась о том, чтобы переданные Ю. Н. Рерихом Государственному Русскому музею картины стали основой нового рериховского музея. Большая выставка картин Николая Константиновича, сформированная на основе дара Юрия Николаевича, обещанная Святославу Николаевичу как «постоянная», в течение 1960-х гг. была постепенно свёрнута. С самого начала вместо первоначально обещанных С. Н. Рериху **пяти** залов[22] было устроено **четыре**, затем осталось **три** с 235 картинами. К маю 1961 г. и эта экспозиция была сокращена до **двух** залов, в которых было представлено около 150 картин[23], и далее – до **одного** зала, а временами даже лишь до **нескольких полотен**. В Ленинграде, кроме Л. С. Митусовой, П. Ф. Беликова, А. В. Королёва, И. В. Сахарова и немногих других, близких Рерихам людей, о Мемориальном музее Н. К. Рериха на Мойке, д. 83 (в то время запланированном как филиале Государственного Русского музея), никто и не вспоминал. Чиновники «от искусства» положили под сукно все свои обещания, по крайней мере, до следующего приезда С. Н. Рериха в родной город в 1974 г.

В приведённом письме Борис Николаевич кратко описал своё видение «зимней» ласточки. Оно совпадает со следующим фрагментом его Записей, сделанных днём ранее, отнесённых к Матери Агни-Йоги Е. И. Рерих:

«Родные мои, пусть даже малая птичка знаком послужит заботы о вас, все не просто и не так, как это кажется обычному сознанию. Но ведь Мы за необычность, и малое может быть символом немалых вещей»[24].

Проецируя эти высокие мысли Людмиле Степановне, Борис Николаевич затронул в своём письме и тему «непростоты» или сложности жизни, и упомянул об обязательной будущей встрече, при этом проявил максимум предупредительности и заботы. Далее в его Записях Е. И. Рерих говорит:

«Видите, как Заботимся о близких, неужели не Позаботимся о вас! Больше доверия, больше терпения и больше мыслей о Нас. Мы с вами, но ощущаете это вы только тогда, когда мысль ваша устремлена к Нам и сердце открыто навстречу вибрациям Нашим. Слишком уж сильно позволяете вы окружающему несовершенству захва-

тывать вас, в то время как выход для вас в Наши сферы всегда остаётся открытым. Памятовать об этом следует ежечасно, ибо темны ауры тех, кто всюду вас окружает и яро подавляет сознание, если внутренне им не противостать. Мысли о Нас и связь сердечная с Нами будет охраной от омрачающих и затягивающих в себя внешних условий. Ведь Встретимся с вами, родные, и будем мы вместе. Этой надеждой живите, ибо встрече обещанной быть»[25].

На ещё один важнейший момент в жизни Абрамовых указал его Гуру Н. К. Рерих. По нашему убеждению, этот момент в Записях напрямую относится к выстраиванию отношений с сёстрами Митусовыми, П. Ф. Беликовым и другими людьми, которых Николай Константинович назвал «своими близкими».

«Оказываем особое доверие, приближая к своим близким. Конечно, психическая атмосфера потребует большой осмотрительности в мыслях и настроениях. Близкие психологированы нами. Зависит теперь от вас добиться наилучших следствий. Возможность расширяется: условия улучшатся. Мы станем ближе, ибо близки им. Но уровень вашего сознания выше, потому и ответственность за всех. Будете как бы представлять собою Нас и от Нашего имени в сердце своём пусть будет обращение ваше с теми, кто встретится на пути и, особенно, с близкими Нам. Оказывая такое доверие, Надеемся, что оно будет оправдано и подтверждено делами»[26].

Так и происходило. В 1961 г. в Москву приехала исполнительный директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке З. Г. Фосдик, которой Б. Н. Абрамов оказал посильную помощь в её работе. Это было возможным после того, как на несколько месяцев Абрамовы перебрались на подмосковную дачу Ю. Н. Рериха. Зинаида Григорьевна вспоминала: «С Б. Н. Абрамовым я познакомилась через письма, в начале 50-х годов. Е. И. Рерих мне о нём писала, указывая на его светлый дух и серьёзную работу по изучению философии и учений Востока. Я начала с ним переписываться, и меня всецело очаровал его чудесный язык и тонкость его переживаний, а также поэтическая жилка, проходившая через его письма. Он тогда много общался с молодёжью и укреплял в ней любовь к Родине и служению ей. Сам он всегда стремился на Родину, что ему удалось в 1959 году. Жизнь его была трудной, из-за серьёзно больной жены; кроме того, он боялся, что продолжительное путешествие явится опасным для неё. Я его увидела в 1961 году, когда приехала в Москву по поручению нашего Музея для изучения архивов о Н. К. Рерихе. Борис Николаевич во многом мне способствовал, был полон воодушевления, находил для меня нужные справки, а также знакомил меня с кипучим духом тогдашней жизни и устремлениями молодёжи к новым веяниям и литературе и искусстве. Сам он горел огнём духа, верил в светлое будущее, был полон внутренними исканиями. Красота, в чём бы она ни выражалась, на него глубоко действовала, он весь светился при соприкосновении с нею. Всем он хотел помогать, чем только мог»[27].

Тогда же состоялась поездка Зинаиды Григорьевны в Ленинград. В день своего рождения, 23 мая 1961 г., вместе с сестрой Татьяной, Л. С. Митусова посетила старого друга своей семьи в гостинице Европейской. Во встрече участвовал также

П. Ф. Беликов. После встречи З. Г. Фосдик сделала следующую запись в дневнике: «…Хорошо побеседовали. Таня узнала о новом способе лечения рака – я посоветовала немедленно уговорить Людмилу[28] взять это лечение. Говорили об их отце[29], о Юрии, которого они высоко ценили и любили. Славные они обе»[30].

Так и развивалась работа ради Общего Блага в разных городах, но в едином устремлении.

5. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. Венёв. 26 декабря 1961 г.

Дорогая Людмила Степановна!

Поздравляю Вас и Вашу сестру с Новым Годом. Желаю здоровья и шлю свои лучшие пожелания.

Привет от моей супруги, Нины Ивановны.

Если Виктор Тихонович ещё там, передайте ему моё поздравление и пожелание успехов в его творчестве.

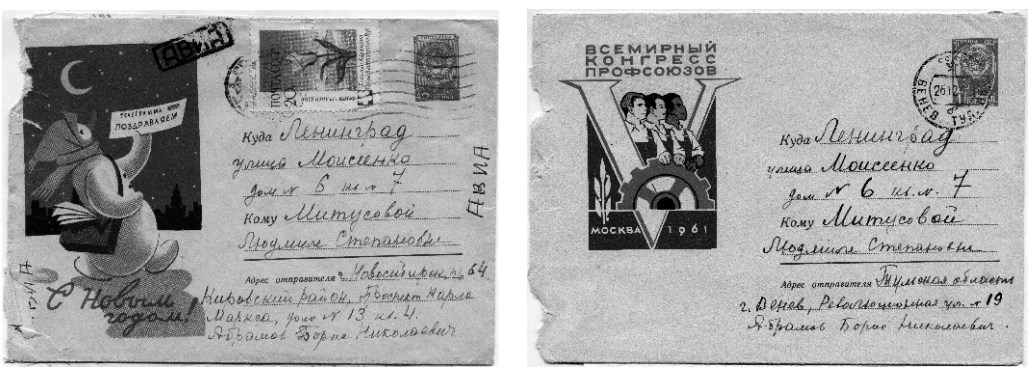
Уважающий Вас *Б. Абрамов.*

Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-1157. 1 л. Конверт (КП-1158) с автографом Б. Н. Абрамова, воспроизведением плаката «V Всемирный конгресс профсоюзов. Москва. 1961» художника Е. Д. Анискина и маркой на лицевой стороне и штемпелем ленинградского почтового отделения от 29 декабря 1961 г. на обороте.

В этот же день Запись от Н. К. Рериха:

«Красоте служить может каждый и так, как ему ближе. И поэт, и художник, и писатель – каждый служит по влечению своему. Но мыслями, чувствами, словами и поступками могут служить все. Никаких талантов не требуется, но требуется осознание цели и понимание, что путь Красоты есть путь Света»[31].

В двух последних сохранившихся письмах Борис Николаевич настойчиво упоминает талантливого художника-космиста и музыканта-самоучки **Виктора Тихоновича Черноволенко** (1900—1972). В последующие годы именно он был связующим



Конверты двух писем Б. Н. Абрамова Л. С. Митусовой. 1960–1961. © СПбГМИСР. КП-1155, КП-1158

звеном между Митусовыми и Абрамовыми. Вместе с ним Людмила Степановна навещала Абрамовых в Венёве[32], где они окончательно осели с 14 июля 1961 г.

Людмила Степановна за годы знакомства с ним (а это знакомство длилось без малого 45 лет, начиная с 1928 г.[33]) стала его близким другом, поддерживая не только в изобразительном искусстве, но и в его музыкальном творчестве пианиста-импровизатора. Все основные творческие акции Виктора Тихоновича в нашем городе происходили именно на квартире сестёр Митусовых на ул. Моисеенко, д. 6. Особенный творческий подъём наступил в его жизни после выхода на пенсию в 1960 г., почти совпавший со смертью Ю. Н. Рериха. Митусовы и их ближайшие друзья не только тепло принимали Виктора Тихоновича, они были и сотворцами его произведений, в чём-то стимулируя, от чего-то ограждая, к чему-то привлекая больше, а от чего-то, наоборот, отводя. Виктор Тихонович хорошо осознавал это, поэтому всё чаще стремился бывать в Ленинграде. Об этом он писал в одном из многочисленных писем к любимым ленинградкам.

6. В. Т. Черноволенко – Л. С. и Т. С. Митусовым и Н. А. Квятковской[34].
Москва. 11 декабря 1960 г.

Дорогие и любимые мои Зюма, Таня и Нина. Только сейчас до меня дошло, что Вы так много сделали для меня в Ленинграде. Самое важное, за что я особо всех вас благодарю – это за то, что вы обеспечили мне творческое состояние – своим вниманием, своей любовью к моей музыке, привлечением к слушанию всё новых и новых лиц, и за вашу дружную помощь вывести мою музыку на широкую дорогу, дать возможность услышать её более расширенному кругу ваших друзей и знакомых. Спасибо милым, дорогим друзьям Игорю и Наташе[35] за их искреннее неудержимое стремление добиться признания моего «гения» в городе Ленинграде.

Вам, милая Ниночка, я особо благодарен за Ваше глубокое понимание моих исканий, моих желаний, моих разочарований и моей неудовлетворённости импровизациями, за Ваш правильный и очень-очень «нужный» подход ко всему, что я делаю в музыке. Я благодарен Вам за Ваш обнажённый «меч» против всех моих «врагов». Я уверен, что Вы готовы всегда оказать мне реальную помощь своими знаниями во всех моих исканиях и охранить меня от грубых ошибок, которых, увы, так много в моей музыке. Единственно, чем я могу гордиться, что это музыка моя – какая бы она не была – но она моя. Спасибо Вам. Любимый способ, если можно – я Вас целую. Привет мой Марии Павловне и Мише[36].

Зюма! Родная моя!

Чувствую твоё одиночество и буду стараться всеми способами помогать тебе – если ты эту помощь не будешь отталкивать сама. Ты простишь меня за многие нападки на тебя… но я хотел и хочу сделать тебе лучше.

Многого я не умею делать. Многому надо учиться. Надо учиться и учиться жить. Не умею. Но хочу. Желание большое жить по-**Человечески.** Посмотрим, что получится. Успею ли?

Мне хочется крепко-крепко тебя поцеловать, чтобы ты почувствовала, и чтобы крепко почувствовала, что я горой за тебя, что я хочу тебе светлой радости и хоть

чуть-чуть счастья – хоть на время бы вернулось оно к тебе. А ведь оно было у тебя, счастье-то, было, и как было тебе с ним хорошо.

Таня, милая! Я всегда вспоминаю тебя такой живой, распоряжающейся, строгой на словах и ласковой на деле. Вижу тебя в комнате у Татьяны Александровны[37] (ей большой привет мой передай) за пасьянсом (как оно, это слово, пишется, не знаю). Ты стараешься казаться спокойной и даже временами какой-то удовлетворённой жизнью. А ведь на деле-то, в душе-то всё не так у тебя. Бедная моя, милая. У тебя тоже уж очень много не ладушек в жизни. Люблю тебя такой, какая ты есть. Ведь я знаю, где у тебя правда. Целую тебя крепко.

Большой и горячий привет всем друзьям – и молодым, и ровесникам. – *«Ляля».*

Автограф. Архив Л. С. Митусовой. 2 л. Конверт с автографом В. Т. Черноволенко, воспроизведением гравюры «Москва. Вид Кремля» художника А. И. Калашникова, маркой и штемпелем московского почтового отделения от 13 декабря 1961 г. на лицевой стороне.

В. Т. Черноволенко в квартире Ю. Н. Рериха. Москва. 1960
Снимок Т. С. Митусовой
© СПбГМИСР. КП-6615

Как видим, дальнейший рассказ об Абрамовых из орбиты Л. С. Митусовой и её близких расширяется в орбиту В. Т. Черноволенко, но это уже тема для отдельного исследования. Из близких друзей Людмилы Степановны он и его супруга, **Мария Филипповна Дроздова-Черноволенко** (1913—2009) – переводчик, теософ, рериховед, а также их общий друг, ученик Н. К. Рериха, художник **Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий** (1905—1993) десять последних лет жизни Бориса Николаевича общались с ним гораздо глубже и чаще. В их материалах имя Бориса Николаевича упоминается неоднократно.

Следует отметить, что Б. Н. Абрамов мог по достоинству оценить творческие достижения В. Т. Черноволенко, ибо сам был хорошим акварелистом и писал вокальные миниатюры. Музыкальные сочинения Бориса Николаевича впервые были исполнены лишь в августе 2008 г. в основанном его ученицей Н. Д. Спириной новосибирском Музее Н. К. Рериха. Они включили в себя черты многих музыкальных жанров: и романсов, и песен, и даже арий. Как заметил заслуженный деятель искусств Республики Алтай, композитор-пианист И. К. Дмитриев, присутствовавший на премьере, музыка сочинений Б. Н. Абрамова универсальная. С одной стороны, она профессиональная, очень сложна для вокалистов, с другой стороны, её может спеть почти каждый, как это ни покажется парадоксальным. Произведения можно петь, как в своё время пели псалмы, то есть распевать и хором[38]. Музыкальное творчество В. Т. Черноволенко и

Б. Н. Абрамова роднит обращение к Единому Источнику вдохновения и состояние торжественности, охватывающее слушателя с первых же звуков.

В 1992 г. Л. С. Митусова познакомила автора этой статьи с М. Ф. Дроздовой-Черноволенко – просто дала её телефон и настоятельно советовала созвониться и посетить в Москве, что и было сделано. В дальнейшем встречи с Марией Филипповной, которая и меня, и всех своих посетителей неизменно величала *солнышком*, стали регулярными – в Москве, в Санкт-Петербурге, в Самаре… Во время одной из таких встреч она подарила мне кассету с записью импровизации В. Т. Черноволенко – музыкальным посвящением Ю. Н. Рериху, а также собственноручно ею сделанную машинописную копию Записи Б. Н. Абрамова от 30 августа 1972 г. Эту Запись она перепечатала в виде стихотворения «Радуйтесь, Дети!». Вернувшись домой, я с радостью передал все эти дары Людмиле Степановне. Конечно, весь вечер того дня был посвящён светлым воспоминаниям о Викторе Тихоновиче, Борисе Николаевиче, Марии Филипповне и других. Тогда и возникла идея объединить все имеющиеся на эту тему материалы в одну статью.

7. Б. Н. Абрамов. [30 августа 1972 г.][39]

Радуйтесь, Дети!

Радуйтесь свершению жизни,
Радуйтесь грядущему Свету.
Радуйтесь возможностям вашим,
Радуйтесь бессмертию Духа.
Радуйтесь препятствиям и терниям
Пути, раздирающим[40] обувь.
Радуйтесь Лучам из Твердыни.
Радуйтесь приподнятию[41] Завесы.
Радуйтесь суждённому счастью,
Радуйтесь эволюции мира,
Радуйтесь явлению Дальних Миров.
Радуйтесь Иерархии Света,
Радуйтесь Знамени Мира,
Радуйтесь беспредельности познавания,
Радуйтесь Великому Заповеданному будущему,
Когда Пастырь будет Один и стадо едино.
Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь, Дети[42],
Ибо Великое Время идёт.

Машинопись М. Ф. Дроздовой-Черноволенко. РДФ СПбГМИСР. КП-1159. 1 л.

При перепечатывании Мария Филипповна выпустила второе предложение Записи: *«Радуйтесь близости часа».* Час действительно был близок: через неделю, 6 сентября 1972 г., Борис Николаевич покинул этот план бытия.

В трудные дни борьбы за Рериховское наследие Записи Б. Н. Абрамова очень помогали Людмиле Степановне. Помнится, в какой критический момент наш друг и соратник Алексей Бондаренко принёс замечательные выписки из «Граней Агни-

Йоги», включая Запись *о прохождении испытаний под знаком*[43]. Эти выписки Л. С. Митусова тоже сохранила в своём архиве[44]. Своевременное осознание и приложение к жизни этих Записей помогло нам преодолеть серьёзные препятствия.

И здесь мы не можем уже не коснуться ещё одной Души, оставившей свой неизгладимый след в духовном мире Л. С. Митусовой. Слово Людмиле Степановне:

*«**Наталия Дмитриевна Спирина.** Мы с ней встречались на выставках Рерихов. Потом приглашали её домой, когда у нас бывал Светик*[45]*, чтобы она имела возможность с ним пообщаться. Многие годы она работает над выполнением заветов Рерихов, касающихся Сибири»*[46]*.*

Кратко, но ёмко. И вновь – общение в ключе радости, длившееся 30 лет. Почти сразу после ухода Бориса Николаевича в жизни сестёр Митусовых появилась его преданная ученица. Один из лейтмотивов сохранившихся посланий Н. Д. Спириной – *признательность*. Воистину, «признательность растёт без насилия, потому явление радости особо утверждает Общину Духа – всем захочется сделать что-то хорошее»[47].

8. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. [Новосибирск.] 27 октября [1974 г.]

Дорогие Людмила Степановна и Татьяна Степановна!

Поздравляю Вас с праздником, от души желаю здоровья и много радости! С большой признательностью вспоминаю Ваше тёплое гостеприимство.

Попробуйте наших новосибирских конфет.

С сердечным приветом *Наталья Дмитриевна.*

Автограф. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. Фотооткрытка, изданная московским издательством «Планета» в 1973 г. На лицевой стороне композиция из гвоздик «С праздником!», фото Е. Савагова, офсетная печать.

Конечно, здесь имелся в виду только один *праздник* – Праздник Звериховского искусства. В 1974 г. в нашей стране было торжественно отмечено 100-летие Н. К. Рериха, не осталось в стороне и 70-летие его сына, Святослава Николаевича. Накануне этого *праздника* Н. Д. Спирина побывала в Ленинграде, где остановилась у Митусовых. В итоге сложилось так, как Сказано в Учении:

«Явление моего праздника будет твоим. Путь мой будет твоим достижением. Щедрость моя будет твоим достоянием. Ты не заметишь её, но изумишься преображению своему. Мне не нужно благодарности, но признательность будет пищей твоей, ибо огонь признательности превышает пламя других возношений»[48]*.*

9. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. [Декабрь] 1974 г.

С Новым годом, дорогие Людмила Степановна и Татьяна Степановна! Пусть он будет счастливым для Вас. Прибыла ли в Ленинград выставка картин? Что нового? Как у Вас с квартирой? Я была так рада повидать Вас в Москве!

С сердечным приветом *Н. Д.*

Автограф. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. Открытка «С Новым годом!» с рисунком художника А. Бойкова на лицевой стороне, изданная Министерством связи СССР 24 апреля 1974 г.

Таким образом, вторая встреча Л. С. Митусовой и Н. Д. Спириной состоялась в московской гостинице «Советская» в ноябре 1974 г., во время посещений Святослава Николаевича и Девики Рани. После юбилейной выставки картин С. Н. Рериха в Москве в Государственной Третьяковской галерее, на которой было представлено не менее 190 полотен, аналогичная выставка готовилась и в Ленинграде. Восьмого января 1975 г. С. Н. и Д. Р. Рерихи выехали из Москвы в Ленинград, где остановились в гостинице «Астория»[49].

10. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. 8 января [1975 г.]

Дорогие Людмила Степановна и Татьяна Степановна!

Ещё раз поздравляю Вас с уже наступившим Новым годом и с великим праздником – приездом в Ленинград Святослава Николаевича и выставкой его картин в Эрмитаже. Какая это радость для Вас!

Вероятно, в Ленинград уже приехал Павел Фёдорович. Очень прошу Вас передать ему моё письмо.

Если будут в ленинградских газетах какие-нибудь публикации о выставке Святослава Николаевича, то, по возможности, присылайте мне[50].

Как прошёл визит к Вам Зинаиды Григорьевны? Пишите обо всех новостях, очень жду.

Будьте здоровы. С сердечным приветом *Нат. Дм.*

Автограф. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. Открытка, изданная издательством «Аврора» в Ленинграде в 1974 г. Воспроизведено: *А. П. Остроумова-Лебедева.* 1871—1955. Ленинград. Острова Кирова ранней весной. 1937. Акварель, бумага. 62 × 47. Гос. Русский музей.

Девятого января 1975 г. состоялись встречи Рерихов с директором Государственного Эрмитажа **Борисом Борисовичем Пиотровским** (1908—1990) и научными сотрудниками, на которых обсуждались различные моменты, связанные с подготовкой выставки картин С. Н. Рериха[51]. Вечером в тот же день корреспондент газеты «Вечерний Ленинград» Т. Лазарева взяла у С. Н. Рериха интервью. На следующий день вместе с Девикой Рани и сёстрами Митусовыми он участвовал в подготовке выставки к открытию. Четырнадцатого января С. Н. и Д. Р. Рерихи вместе с Б. Б. Пиотровским осматривали залы древнерусской культуры в Государственном Эрмитаже. Пятнадцатого января состоялись пресс-конференция и приём у директора Государственного Эрмитажа. Шестнадцатого января утром в Государственном Эрмитаже С. Н. и Д. Р. Рерихи дали интервью Ленинградскому телевидению, а днём там же состоялось открытие персональной выставки картин С. Н. Рериха, которая работала до конца февраля. Каждый день до 22 января 1975 г. С. Н. Рерих беседовал с посетителями на своей персональной выставке в Государственном Эрмитаже[52]. В эти же дни он и Девика Рани участвовали в съёмках документального кинофильма «Николай Рерих» («Киевнаучфильм», 1975), в том числе на квартире сестёр Митусовых.

С. Н. Рерих передал в дар Государственному Эрмитажу картины, которые выбрал директор музея Б. Б. Пиотровский: *«Надежда»* (1943), *«Вечный зов»* (1944), *«Лахул»* (1944), *«Красное дерево»* (1950), *«Весна в Кулу»* (1960), *«Часовые»* (1961), *«Тот другой*

мир» (1963), *«Красные стволы»* (1971), *«Лакшамма»* (1974), а также Новосибирской областной картинной галерее – *«Манду»* (1944), *«Гималаи»* (1954), *«Синиолчу»* (1954), *«Мы всё нашёптываем»* (1961), *«Кочевники из Спити»* (1970).

Двадцатого января С. Н. Рерих выступил в Доме учёных Ленинграда; 21 января – во Всесоюзном Географическом обществе в переулке Гривцова[53]. Наконец, 22 января 1975 г., в последний день его пребывания здесь, состоялась встреча Рерихов с главой города – председателем Исполкома Ленгорсовета В. И. Казаковым, на которой был поднят «квартирный вопрос» Митусовых, имеющий прямое отношение к судьбе ленинградской части Рериховского наследия[54]. О решении этого «вопроса» запрашивала и Н. Д. Спирина в своих посланиях к сёстрам Митусовым в 1974–1975 гг.

Выставка С. Н. Рериха имела огромный успех. Вопрос с размещением Мемориального собрания С. С. Митусова (далее – *МСССМ*) на новой, более удобной, отдельной квартире решился положительно. Огромную помощь в этом деле оказал Павел Фёдорович Беликов и некоторые другие, новые, молодые друзья. Наталия Дмитриевна оказалась права: радость всех, кому дорого наследие семьи Рерихов, росла и захватывала всё больше зажжённых сердец.

«Ваша радость – Наша радость»[55].

Упоминания П. Ф. Беликова и З. Г. Фосдик в последнем письме свидетельствуют о высокой степени доверия, возникшей между сёстрами Митусовыми и Наталией Дмитриевной. О том, как прошёл упомянутый визит Зинаиды Григорьевны, свидетельствует её собственное письмо.

11. З. Г. Фосдик – Л. С. и Т. С. Митусовым. Нью-Йорк. 17 декабря 1974 г.

Родные и дорогие Зюма и Таня.

Прилетела домой, после незабываемого пребывания на родине – три недели пролетели как сон.

Открыла Ваш подарок – чудесная старинная шкатулка – редкий Палех!

Не знаю, как и сказать Вам, как Вы меня тронули этим чудесным подарком – глубоко благодарна. А внутри были страницы того, что писал Ваш отец, Степан Степанович, о Николае Константиновиче. Писал замечательно, оценив его, как никто!

Ведь Ваш отец обладал большим талантом музыканта, был исключительно образован, и определял и чувствовал многое недоступное другим.

Радостно было читать его слова и мысли о Николае Константиновиче, которого он так глубоко понимал и ценил. Спасибо, родные, за этот редкий подарок – красота и жизнь сочетались в нём.

Все ещё в духе и мыслями с Вами – радостно было вновь быть с Вами, даже и короткое время. Верю, что мы с Вами ещё вновь увидимся.

Надеюсь, что Вам уже известно, куда Вы переедете, и что Ваша новая квартира будет хорошей во всех отношениях.

Обнимаю и целую Вас, любящая Вас, *Зина*.

Мила[56] передаёт самый сердечный привет.

З. Г. Фосдик, Н. Д. Спирина, В. С. Кеменов и С. И. Тюляев на первой международной научной конференции в Академии художеств СССР, посвящённой творчеству Рерихов Москва. 25–26 ноября 1974 г. © СПбГМИСР. КП-5251

Постскриптум. Очень благодарна за вложенные Вами конверты и марки, выпущенные для столетия Николая Константиновича.

Всего радостного и светлого желаем Вам к Новому Году!

Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-299. 1 л.

Вскоре новый адрес Митусовых в Ленинграде – 4-я Советская (бывшая 4-я Рождественская) улица, д. 18/9 (на углу Суворовского проспекта), квартира 36 – стал известен всем друзьям Рериховского наследия в России и мире. И сюда Н. Д. Спирина присылала не только открытки и письма, но и своих молодых друзей.

12. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. [Осень 1975 г.]

Дорогие Людмила Степановна, Татьяна Степановна!

Поздравляю Вас с новосельем! Пусть на новом месте Вам живётся тепло, светло и радостно.

Будьте здоровы.

С сердечным приветом *Нат. Дм.*

Академгородок. Сообщите Ваш почтовый адрес и индекс. Есть ли телефон?

Автограф. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. Открытка с цветочной композицией, отпечатанная с фотоформ ордена Ленина типографии «Красный пролетарий» (Алма-Ата).

На встрече со Святославом Николаевичем Рерихом и Девикой Рани Рерих в гостинице «Россия» Москва. 10 июня 1978. *Слева направо по окружности:* Н. Д. Спирина, К. А. Молчанова, В. В. Рубцов, В. Я. Кашкалда, Л. С. Митусова, Г. И. Прилоус. © СПбГМИСР. КП-1664

На многих весточках Наталии Дмитриевны нет следов прохождения почты. Она предпочитала передавать их из рук в руки – через друзей и знакомых. Такими «передатчиками» для сестёр Митусовых явились новые молодые друзья из Сибири: Е. П. Маточкин, Л. А. Андросова, С. А. Подузова и другие. Они, в свою очередь, тоже передавали письма, записки, «приветы» и «поклоны» от Митусовых.

13. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. 3 ноября 1975 г.

Дорогие Людмила Степановна, Татьяна Степановна!

Рада была получить Ваше письмецо через Люду[57]. Также рада узнать, что у Вас хорошая квартира, просторная кухня = третья комната, а, главное, отдельная. Это большое благо.

У нас, как Вы знаете, был двойной праздник – две выставки![58] Теперь картины Святослава Николаевича должны уйти в Москву, куда картины Николая Константиновича уйдут из Томска – пока точно не известно. Посылаю Вам заметку из газеты с

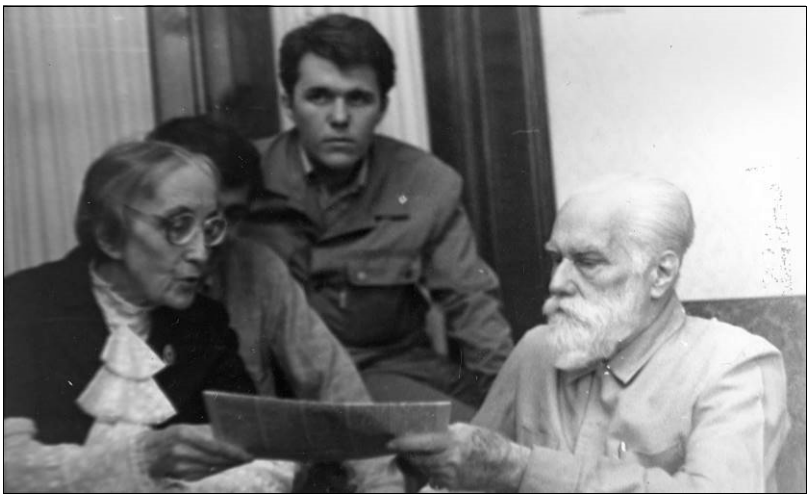
отзывами посетителей[59]. Книга отзывов картинной галереи заполнена восторженными высказываниями зрителей. Так радостно всё это читать! Наши газеты хорошо отразили выставку Святослава Николаевича[60]. В журнале «Байкал», № 5 (Бурятия), помещена прекрасная статья П. [Ф.] Беликова «Свет таланта» о творчестве Святослава Николаевича[61]. Сейчас у нас проходит выставка Б. А. Смирнова[62] и сам он гостил у нас 2 недели, выступал с лекциями. Все мероприятия и картины очень понравились.

С сердечным приветом *Н. Д.*

Автограф. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. Открытка с композицией художника А. Соловьёва.

Таким образом, Наталия Дмитриевна продолжила славную традицию своего наставника Б. Н. Абрамова – щедро делиться газетными и иными материалами об актуальной просветительской деятельности в пространстве Державы Рерихов. Об этой стороне её напряжённой работы «над выполнением заветов Рерихов, касающихся Сибири»[63], сообщал в своём письме Рерихам П. Ф. Беликов: «На всякий случай всю прессу о выставке в Новосибирске, так же, как и фотографии, собирала ещё и Наталья Дмитриевна Спирина – она старинная знакомая Зинаиды Григорьевны. Теперь я попросил Наталью Дмитриевну послать непосредственно Вам также и всё, что по Вашей выставке было ею собрано. Кроме того, как я Вам уже писал, как раз с помощью Натальи Дмитриевны удалось приобрести свыше 100 диапозитивов, сделанных с Ваших картин. Спирина пишет, что они прекрасного качества. В самом скором времени она вышлет их мне, и тогда я договорюсь с Вами – как мне переслать их Вам, чтобы не попортились»[64].

Интересно, что в новосибирских книгах отзывов на рериховских выставках Н. Д. Спирина сама тоже оставляла записи.



Н. Д. Спирина передаёт С. Н. Рериху газету «Наука в Сибири» с фотографией дома В. С. Атаманова, в котором в Верхнем Уймоне останавливалась в 1926 г. Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха Москва. Гостиница «Советская». 9 мая 1987. Рядом с ней – В. В. Гейдт. © СПбГМИСР. КП-1690

14. Н. Д. Спирина. Запись в книге отзывов на выставке «Н. К. Рерих. К 100-летию со дня рождения. С. Н. Рерих». Новосибирск. Академгородок. Выставочный зал Дома учёных. 15 августа 1973 г.

«Красотою объединяемся,
Красотою молимся,
Красотою побеждаем».
Н. К. Рерих.

Каждая картина Н. К. и С. Н. Рерихов есть окно в Прекрасное.

Н. Д. Спирина.

Копия. Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).

Примечательно, что **Зинаида Николаевна Чунихина** (1900—1986), с которой Н. Д. Спирина сотрудничала ещё в Харбине в рериховском «Содружестве», тоже оставила запись в этой книге отзывов.

15. З. Н. Чунихина. Запись в книге отзывов на выставке «Н. К. Рерих. К 100-летию со дня рождения. С. Н. Рерих». Новосибирск. Академгородок. Выставочный зал Дома учёных. 25 июля 1973 г.

Я прилетела из Абакана, чтобы посмотреть выставку картин Н. К. Рериха и С. Н. Рериха. Нет слов выразить своё восхищение картинами! В них есть непреходящая красота, которая запоминается навсегда. Спасибо устроителям за этот светлый праздник Искусства!

Пенсионерка *Чунихина З. Н.*

Копия. Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).

Имена Н. Д. Спириной и сестёр Митусовых встречаются вместе во многих документах из фондов Музея-института семьи Рерихов. Чаще всего это происходит в материалах П. Ф. Беликова и З. Г. Фосдик. Зинаида Григорьевна в своём письме невольно сравнивает сферы приложения своих сотрудниц. Чувствуется, с каким доверием и сердечной лаской она пишет о них.

16. З. Г. Фосдик – Л. С. и Т. С. Митусовым. Нью-Йорк. 16 ноября 1977 г.

Дорогие, любимые друзья, Ваше сердечное письмо от 30-го Октября явилось радостным сюрпризом для меня. Вы пишите о приближении 1979-го года – папиного и Елены Ивановны – очень, очень хочется его отметить[65]. Елена Ивановна очень любила Вас всех и всегда нежно говорила о Вашем отце, его ярком таланте музыканта, о его искрящемся духе. Знаю, как она заботилась о Вас обеих в трудные годы и как ценила Вашу любовь к ней и Николаю Константиновичу.

Да, Вы обе могли бы написать чудесные воспоминания о них, в связи с указаниями о блестящей деятельности Вашего отца. Теперь часто вспоминают у Вас в книгах и статьях деятельность заслуженных работников по всем отраслям искусства – подумайте, [пришла ли] пора и для Вас осветить прошлое.

Только недавно перечитывала за прошлые годы письма Елены Ивановны и Николая Константиновича нам – Ваши имена упоминались с любовью и заботливостью. И мое свидание с Вами в 1974-м году – юбилейном году Николая Константиновича – принесло много радости.

Очень хочется вновь Вас увидеть, мечтаю о возможности приезда на родину в 1979-м году – хочется быть на «Рериховских Чтениях» в Новосибирске, встретить друзей и прикоснуться к тем истокам культуры, которые питали дух в юные годы.

Вы делаете прекрасную нужную работу, составляя список фотографий с картин Николая Константиновича разных периодов и их местонахождений. Вы говорите о раннем периоде искусства Николая Константиновича? Если сможете выслать нам в будущем копию такого списка, будем ценить это. Мы стараемся всё время расширить архивы нашего Музея.

Член нашего Музея, живущий в Австралии, пару лет тому назад был в России и заснял много картин, сделал слайды с них[66]. Он их послал Н. Д. Спириной в Новосибирск по её просьбе. Знаете ли Вы её? Она наш большой друг. Н. Д. Спирина изредка приезжает в Москву к друзьям.

Я с Вами вполне согласна относительно Мемориального Музея Николая Константиновича – было бы гораздо лучше, если бы он был на Мойке – Извара далека от центра культурной работы, от выставок, от посетителей, разве, для летних экскурсий – так мне думается! Хорошо бы сохранить Музей Рериха в Москве, и создать один также в бывшем здании Обществ Поощрения Художеств. Вы бы, конечно, приняли личное участие в нём, как близкие родственницы Рерихов. Святослав мог бы многое сделать в этом направлении. (Увы, он почти никому не пишет за редкими случаями!..).

Мне кратко сообщали о Рае[67], что её влияние упало и, если это так, то можно радоваться. С невежеством и попытками себя произвести в «дочь Рерихов» нужно было бороться.

Валентин Митрофанович[68], будучи у нас летом, хорошо поработал. Он большой талант и может много сделать – хотелось, чтобы он написал новые книги о Николае Константиновиче и Елене Ивановне.

Умиляюсь Вам и Вашему всегдашнему желанию помогать друзьям и делиться с ними, помимо Вашей личной работы. В таких трудах крепнет дух!

Мила[69] поправляется, но всё ещё медленно, но уже работает, часто больше, чем нужно. Она о Вас знает, и полюбила Вас, шлёт Вам сердечный привет.

Обнимаю Вас обеих, и всем сердцем с Вами,

любящая Вас, *З. Фосдик.*

Шлём заранее лучшие пожелания здоровья и бодрости к Новому Году!

Автограф. Машинопись. РДФ СПбГМИСР. КП-307. 1 л. На аэрограмме штемпели Нью-Йорка 16 ноября 1977 г. и Ленинграда 28 ноября 1977 г.

Налицо полная взаимная осведомлённость и сотрудничество «Ленинграда», «Новосибирска», «Нью-Йорка», «Таллинна», «Сиднея», «Москвы» – этих дозорных пунктов расширяющейся «Державы Рерихов».

В июне 1978 г. и мае 1987 г. Людмила Степановна и Наталия Дмитриевна общались во время встреч с Рерихами в Москве. На память об этом остались снимки, на которых они вместе попали в поле зрения объектива.

В письме **Светланы Анатольевны Подузовой** (в замужестве Ковалевской; род. в 1941 г.), адресованном Людмиле Степановне, читаем: «Только что принесли от Веры Яковлевны Кашкалды[70] папку фотографий Рерихов, оставленных Ренитой Андреевной[71]. И снова мысли о том, что Ваше время было удивительным, и сожаление, что я так мало расспрашивала. Даже за книгами их, написанными для нас, стараюсь ощутить, увидеть их молодость, которой, мне кажется, остались верны и Николай Константинович, и Елена Ивановна. Этику Людочка[72] берёт от Натальи Дмитриевны, от неё и Жени Маточкина[73] Вам поклон» (17 декабря 1978 г.)[74].

Так и строится вот уже более полувека мост в пространстве Рериховского наследия между Ленинградом – Санкт-Петербургом и Сибирью. П. Ф. Беликов, Л. С. Митусова, Н. Д. Спирина, Л. А. Андросова, Е. П. Маточкин, А. П. Окладников, Б. С. Соколов, В. Е. Ларичев, А. М. Решетов – важнейшие устои этого моста.

С началом 1990-х гг. в архив Л. С. Митусовой стали интенсивно поступать материалы из других музеев и собраний, включая сибирские источники. Это связано с тем, что к ней подошёл последний «призыв» молодых рериховцев, которому было суждено под её руководством выполнить часть Заветов Рерихов, касающихся Санкт-Петербурга, – прежде всего, по созданию в городе на Неве Рериховского музея.

Аналогичную группу собрала вокруг себя и Н. Д. Спирина – собрала с тем, чтобы поднимать рериховское музейное дело в Сибири и учредить Сибирское Рериховское общество (далее – *СибРО*). Последнее было создано 30 сентября 1990 г. Основой для него послужила Рериховская секция Новосибирского отделения Общества советско-индийской дружбы, к 1989 г. уже полностью сложившаяся. Пятого февраля 1991 г. СибРО было зарегистрировано как отделение Советского Фонда Рерихов[75]. Цель СибРО – распространение Рериховского наследия и дальнейшее воплощение общечеловеческих идей семьи Рерихов[76]. Наталия Дмитриевна была избрана его Почётным Председателем, оставаясь до конца своих дней фактическим Руководителем.

Л. С. Митусова и Н. Д. Спирина. Новосибирск 16 августа 1992. Фотограф Н. П. Лайко
© СПбГМИСР. КП-5958

Все последующие документы по этой теме необходимо воспринимать в контексте позитивного опыта сотрудничества двух рериховских групп – «новосибирской» и «петербургской».

Последняя личная встреча Людмилы Степановны и Наталии Дмитриевны состоялась в Новосибирске в августе 1992 г. на конференции, посвящённой 90-летию Ю. Н. Рериха. На память об этой встрече осталась запечатлевшая их фотография Н. П. Лайко. В изданных материалах той конференции фамилия Митусовых встречается семь раз[77].

После учреждения СибРО к переписке Наталии Дмитриевны с Людмилой Степановной подключились члены Правления этого общества. С появлением у Людмилы Степановны автора этих строк в качестве помощника, многие письма из Новосибирска адресовались нам обоим.

17. Н. Д. Спирина и Правление Сибирского Рериховского общества – Л. С. Митусовой. Новосибирск. Первая половина августа 1995 г.[78]

Уважаемая Людмила Степановна!

В 1995 г. по инициативе Сибирского Рериховского общества начались работы по реставрации и строительству Дома Атаманова в селе Верхний Уймон на Алтае, где в августе 1926 г. во время Центрально-Азиатской экспедиции останавливались Рерихи. Сейчас готовится проект восстановительных работ. Для его подготовки необходима историческая документация и фотографии Дома Атаманова времён пребывания в нём Рерихов. К сожалению, мы такими материалами почти не располагаем. Если у Вас имеются хоть малейшие сведения и, что особенно ценно, фотографии Дома или его фрагментов будем чрезвычайно благодарны, если Вы сможете их предоставить.

Также для поддержания идеи восстановления этого дома и передачи его в государственное пользование с целью дальнейшего преобразования в музей Н. К. Рериха было бы полезно широкое общественное мнение и поддержка. Все члены Великой семьи работали для человечества, и наш священный долг объединёнными усилиями восстановить и реставрировать Дом, в котором проживала семья Рерихов, к 70-летию их пребывания на Алтае в 1996 г. Направляем Вам Обращение в связи с этой гуманистической акцией.

Почетный Председатель Сибирского Рериховского Общества *Н. Д. Спирина.*

Правление Сибирского Рериховского Общества.

Автограф (подпись Н. Д. Спириной). Машинопись. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. На бланке «Советский Фонд Рерихов. Сибирское Рериховское Общество» с эмблемой СибРО. Указан адрес: 630076, Новосибирск, ул. Димитрова, д. 15.

С этим же письмом было прислано выступление Н. Д. Спириной на Круглом столе СибРО 30 июля 1995 г., озаглавленное «Свет в окно». Завершалось оно знаковыми для нас в тот момент словами: «…Хранить **равновесие** подумаем особо. Оно основано на вере и знании, которое даётся нам в изобилии в книгах Живой Этики, Письмах Е. И. Рерих и “Гранях Агни-Йоги”. Соберём эти знания и применим их в яром устремлении выжить, не сдаться и победить». Именно так и мы, помощники Людмилы Степановны, делали. Каждый вносил и, слава Богу, продолжает вносить свою незаменимую лепту в Общее Дело.

Эмблема СибРО

По просьбе Людмилы Степановны я подготовил следующий ответ.

18. В. Л. Мельников – Н. Д. Спириной. Санкт-Петербург. 18 августа 1995 г.

Дорогая Наталия Дмитриевна!

По просьбе Людмилы Степановны я пишу Вам это письмо.

«Она наш большой друг», – писала о Вас З. Г. Фосдик сёстрам Митусовым 16 ноября 1977 года. Ваши весточки, сохранённые Людмилой Степановной, свидетельствуют о той же дружбе, о той же общности. Вы ждали от Митусовых новостей и были рады встречам и поездкам в Ленинград, сами присылали газетные вырезки и делились новостями, и как актуально по сей день Ваше пожелание сёстрам Митусовым, посланное в 1975 году: «Поздравляю Вас с новосельем! Пусть на новом месте Вам живётся тепло, светло и радостно».

Дорогая Наталия Дмитриевна, и сейчас у нас как новоселье. Со смертью Татьяны Степановны обострилось решение многих проблем. Самая главная из них – судьба наследия семьи Рерихов в Мемориальном собрании С. С. Митусова, хранит которое теперь Людмила Степановна одна.

Мы же стараемся её поддержать, чем умеем – помогаем. Я убеждён, что духовный потенциал сохраняемого и сберегаемого не будет утрачен.

Людмила Степановна не могла писать Вам по двум причинам. Первая – она занята ежедневно по 6–8 часов на работе, в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки. Приходит вечером очень уставшая, а, как правило, вечером – друзья, домашние работы и т. д. Вторая – она, как я заметил, любое письмо творит как поэт, как художник – по вдохновению, по сердечному зову-отклику, а для этого тоже должны создастся необходимые условия. Всё это вместе взятое может затянуть ответ Вам, поэтому пишу я. Тем более Виталий Пястолов будет 27-го [августа] в Новосибирске и сможет передать Вам письмо лично.

Людмила Степановна просила передать Вам свою благодарность за всё, что Вы делаете как духовный наставник Сибирского Рериховского общества. Она с радостью восприняла газету «Перед Восходом» и её содержание[79].

Она желает Вам здоровья и той же *суровой радости*, которая, по мысли Елены Ивановны, *есть наша броня.* Я также присоединяюсь к таким пожеланиям. Последнее Ваше выступление «Свет в окно» (30-VII-1995) указало мне ещё на одно удивительное Свидетельство, необходимое для той работы, которой я занят теперь.

Сейчас я работаю над составлением книги «Живая старина из архивов и работ Н. К. Рериха: предания, особенности языка, обряды, названия и обычаи» (название примерное). Уже собрано более 100 преданий и свидетельств Н. К. Рериха – большей частью неопубликованные – из архивов Санкт-Петербурга.

Также музей в Изваре начал работу над составлением «Летописи научной деятельности Н. К. Рериха: история, археология, природоведение, фольклор», и в этой работе происходит поразительное соединение разрозненных и малоизвестных материалов. Начальный год «Летописи» 1894-й, хотя будет ещё вводный том о занятиях Н. К. Рериха в детстве и отрочестве по тематике до 1894 г.

Сейчас уже поднято столько материалов, что можно зримо и просто представить значение деятельности Н. К. Рериха как учёного – какие открытия он совершил, что утверждал, где, когда и с кем.

Уважаемая Наталия Дмитриевна. Мы обсудили с Людмилой Степановной Вашу просьбу об исторических документах и фотографиях дома Атаманова. В Мемориальном собрании С. С. Митусова в Санкт-Петербурге таких материалов нет. Если у нас появится хоть малейшая возможность найти такие материалы, мы её реализуем и обязательно вышлем всё Вам. Также другим я передам о Вашей просьбе.

В Мемориальном собрании С. С. Митусова и в Изваре есть небольшое количество материалов, которые могут дать духовное наполнение будущему музею. Это и оригиналы, и копии с них, и упоминания об Алтае в дневниках Е. И. Рерих. Возможно, они Вам известны. Приведу некоторые из них; некоторые касаются Тарухана – Г. Д. Гребенщикова, певца Алтая, автора недавно вышедшей книги «Хан-Алтай», в своё время – президента «Алатаса» и Сибирской ассоциации Общества друзей Музея Рериха (см.: Roerich Museum Bulletin. – N. Y., 1931. – January. – № 1. –P. 10). Оригинал Notebook Е. И. Рерих находится в Amherst College Library (США). Всего четыре фрагмента, предоставлены В. А. Росовым.

Дорогая Наталия Дмитриевна! Всех Вам благ и Света!

Владимир Мельников.

P. S. Было радостно обнаружить в Мемориальном собрании С. С. Митусова пять замечательных писем Б. Н. Абрамова. Людмилу Степановну интересует вопрос: сохранились ли в архиве Бориса Николаевича её письма и материалы, касающиеся Петербурга (Мойка, 83), Извары, С. С. Митусова, Ю. Н. Рериха, а также их общих друзей и знакомых (например, В. Т. Черноволенко)? Имеется в виду то, что не было включено в опубликованные «Грани Агни-Йоги» и то, что сохранилось из эпистолярного наследия.

Черновая копия письма. Дневник В. Л. Мельникова. Тетрадь № 2: 7 апреля – 31 декабря 1995 г. – С. 109–112. Автограф. Архив Л. С. Митусовой.

Так Л. С. Митусова заочно познакомила меня с Н. Д. Спириной, «присоединив» к своей переписке с ней. Ответ пришёл очень быстро. Единственная личная встреча состоялась лишь спустя два года – в ноябре 1997 г. в Новосибирске.

19. Н. Д. Спирина – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 3 сентября 1995 г.[80]

Дорогая Людмила Степановна!

Была очень рада весточке от Вас, переданной через письмо Владимира Мельникова, которому приношу глубокую благодарность. Также я очень признательна Виталию Пястолову, который не только передал письмо, но и рассказал о встрече с Вами. При этом рассказе присутствовал актив Сибирского Рериховского общества и шлёт Вам самый сердечный привет. Наше общество является центральным и находится в контакте с многочисленными Рериховскими обществами Сибири, Урала, Алтая и нашего Севера, число которых растёт. Мы получаем большое количество писем и приглашений приехать с лекциями, слайдпрограммами и концертами

Л. С. Митусова у себя дома даёт урок камерного пения В. Л. Мельникову
Санкт-Петербург. 1997 © СПбГМИСР. КП-1876

о Живой Этике и творчестве Рерихов. И здесь мы проводим большую работу среди широких кругов населения города и области.

Мы бы очень хотели иметь пять писем Б. Н. Абрамова к Вам. Мне пока не удалось узнать, где находятся Ваши ответы ему, так же, как и остальные материалы, так как Б. А. Данилов сейчас на даче и там телефона нет. Когда удастся выяснить этот вопрос, я Вам сообщу.

Конечно, нам чрезвычайно важны Ваши воспоминания о Рерихах, дневники Елены Ивановны и воспоминания о Степане Степановиче. Если бы Вы могли предоставить их нам, они были бы у нас достойно сохранены и применены. А когда будет реставрирован дом, где останавливалась семья Рерихов в Уймоне, эти материалы будут переданы туда.

По почте, конечно, ничего пересылать не надо. Вы могли бы передать их нашим представителям в октябре на Рериховской конференции в Москве лично, если приедете, или с кем-нибудь от Вас.

Всегда с радостью вспоминаю все мои встречи с Вами. Они были согреты светом и теплом Вашего сердца.

Мысленно обнимаю Вас. С приветом сердца *Н. Спирина.*

Пишу на машинке, так как мой почерк стал уже не очень разборчивым.

Машинопись. Автограф (подпись Н. Д. Спириной). Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

Это письмо долгое время лежало на рабочем столе Людмилы Степановны, что называется, под рукой. И однажды она записала скорописью на его обороте свой сон. Какими-то необъяснимыми для нас нитями он соединился с духовным обликом Наталии Дмитриевны, которая однажды заметила: «Слова не пишутся на заранее заданную тему, они записываются, и часто рука едва поспевает за потоком идущей мысли»[81].

20. Л. С. Митусова. Сон. Санкт-Петербург. Осень 1995 г.

Стою посреди помещения и платье на мне красивое. Очень прямо бархатное.

И пришёл близкий сердцу моему. Ни обиды к нему, ни упрёков. Всё, всё простила.

Простить – какое чувство странное, светлое. Не ему, вероятно, столько радости принесла, а себе, себе, себе.

Проснулась.

Я ещё не знала ни предательства, ни ревности, а вот прощение…

Автограф на обороте письма Н. Д. Спириной Л. С. Митусовой 3 сентября 1995 г. Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

Нужно отметить, что Л. С. Митусова по совету Е. И. Рерих записывала все свои сны и видения. Мы знаем, что ничего случайного, ничего напрасного нет в таком духовном самонаблюдении, и поэтому в этом контексте данный сон, несомненно, обозначает некую символическую и трансперсональную реальность, в поле которой и Людмила Степановна, и Наталия Дмитриевна гораздо ближе друг другу, чем в прошедшей жизни. Эта экзистенциальная близость продолжает привлекать в их орбиту всё большее число родственных душ, способных сотрудничать, понимать друг друга не на профанном уровне очевидности, а на уровне надличностных духовных связей.

Вспоминаются строки Н. Д. Спириной:

Деревья спят и тихо видят сны –
Зелёные и золотистые…
В прозрачном ореоле тишины
Алмазными окутанные искрами.

Мы не нарушим зимний их покой,
В него войдём, омоем наши души…
Беззвучные созвучия вдохнувши,
Ветвей коснёмся братскою рукой[82].

Мотивы *братские* доминируют в поэтическом творчестве Наталии Дмитриевны над всеми остальными. В её стихах чаще встречаются самообозначения в мужском роде, и лишь изредка – в женском.

Невозможно прожить без Неба,
Если сам ты его частица[83].

Как капля, растворившаяся в море,
Уйти к Тебе от самого себя![84]

Шлёт привет
Дух огня:

– Брат огня,
Жди меня![85]

Вернулся я во мрак и сон долин,
Опять один, но людям был я нужен:
Им светлый дар принёс я от Вершин,
Заветный дар – нить голубых жемчужин![86]

Этих примеров очень много, чтобы все их приводить здесь. Каждый, кто имел счастье общаться с Людмилой Степановной, знает, с каким интересом и любовью она относилась к любому творчеству, но особенно она ценила творчество поэтическое. И это, конечно же, роднило её с Наталией Дмитриевной, ставшей 4 мая 2001 г. инициатором ежегодного Дня рериховской поэзии[87].

Начиная с 1996–1997 гг., к нашей переписке присоединились помощницы Натали Дмитриевны Наталия Владимировна Жукова и Наталия Михайловна Кочергина. В дальнейших письмах[88] затрагивались самые разные вопросы: издание статей, подготовленных на основе петербургских материалов (прежде всего – МСССМ), формат нашего участия в V и VI «Рериховских Чтениях» в Новосибирске, распространение изданий СибРО, тяжба с Новосибирской картинной галереей, сотрудничество с Евгением Палладиевичем Маточкиным, обмен материалами для архивов будущих рериховских музеев в Новосибирске и Санкт-Петербурге и многие другие.

Наталия Дмитриевна регулярно передавала в письмах и на словах через своих посланников сердечные приветы и поздравления с Новым годом и Рождеством. Присылала распечатки последних своих выступлений и стихотворений, а также готовые номера «Перед Восходом» (в дальнейшем – «На Восходе» и «Восход») и свои книги.

21. Н. Д. Спирина – В. Л. Мельникову. Новосибирск. 18 апреля 1996 г.

Здравствуйте, Владимир!

Благодарю Вас за Ваше письмо и ценные материалы, которые Вы прислали о деятельности Рериха в Археологическом обществе.

Я хотела бы знать, можно ли на основе этих материалов сделать очерк в нашей газете? Так как эта сторона его деятельности не была освещена[89].

Мы выяснили, что переписка Б. Н. Абрамова с упоминаемыми Вами лицами, к сожалению, не сохранилась.

Прошу передать самый сердечный привет Людмиле Степановне. Всегда с радостью вспоминаю о встречах с ней.

С сердечным приветом *Н. Спирина.*

Письмо написано рукой Н. В. Жуковой. Собственноручная подпись Н. Д. Спириной. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. На конверте – памятник М. К. Чюрлёнису в Друскининкае (Литва).

Естественно, все эти «приветы сердца» с нашей стороны были полностью взаимными. Лейтмотив всех без исключения посланий – взаимная поддержка в деле рериховского музейного строительства в Санкт-Петербурге (включая Извару) и в Сибири (включая Новосибирск и Алтай). В письме к автору этих строк 7 декабря 1996 г. Наталия Дмитриевна писала: «Мы очень просим Людмилу Степановну вы-

слать нам копию письма, посланного директору Новосибирской картинной галереи»[90]. И такая копия была сразу же отправлена в Сибирское Рериховское общество, стоявшего под руководством Н. Д. Спириной «на страже», не допускавшего произвольного сокращения постоянной экспозиции картин Н. К. Рериха в Новосибирске.

22. Л. С. Митусова – С. М. Дубровину. Санкт-Петербург. 14 октября 1996 г.[91]

Глубокоуважаемый Сергей Михайлович!

В 1957 году Юрий Николаевич Рерих, мой троюродный брат, вернулся на Родину и привёз часть наследия своей великой семьи, и в том числе около шестисот картин своего отца Николая Константиновича, художника, учёного и путешественника. По завещанию своего отца, Юрий Николаевич собирался бóльшую часть его произведений передать в дар России. Об этом его намерении я знала от него самого. Знаю также, что он осуществил его достаточно быстро после своего возвращения, но с условием, что переданные им картины станут доступны народу, находясь в постоянной экспозиции тех музеев, в которые они поступят. Юрий Николаевич также хотел, чтобы среди этих музеев был музей в городе близком к Алтаю, и таким городом (с наиболее приспособленными для экспозиции условиями) оказался Новосибирск.

Мне известно, что всего 539 полотен были переданы в дар нашей стране Юрием Николаевичем на указанных выше договорённостях; эти договорённости были зафиксированы в письмах директоров этих музеев, в том числе и В. П. Токаревым, директором Новосибирской картинной галереи. Знаю, что в двадцатых числах октября 1957 года все переданные в дар картины поступили на временное хранение в Государственную Третьяковскую галерею, откуда уже в 1960 году при жизни Юрия Николаевича, после необходимой реставрации и подготовки к экспонированию, перешли в Ленинград (Государственный Русский музей) – 355 произведений, в Новосибирск – 60 произведений и остальные в Третьяковскую галерею. Всё это можно подтвердить соответствующими актами и постановлениями Советского Правительства.

Мне бы хотелось знать, как в настоящий момент экспонируются произведения Н. К. Рериха в Новосибирской картинной галерее, как обеспечивается их сохранность, не перемещаются ли они в разные города, и каковы Ваши планы относительно их.

Надеюсь, моя просьба не очень затруднит Вас ответом.

С уважением, *Людмила Степановна Митусова.*

Электронная копия в Научном архиве СПбГМИСР.

Как известно, отношения СибРО и Новосибирской областной картинной галереи складывались непросто. Многие годы СибРО делило с галереей крышу, находясь с ней в одном здании, но в 1997–1998 гг. её директор С. М. Дубровин предпринял ряд последовательных попыток выселить эту общественную культурно-просветительскую организацию. Пятого января 1998 г. прошёл очередной суд, который отклонил просьбу СибРО об отсрочке выселения до окончания строительства Музея Н. К. Рериха, которое планировалось завершить через полтора-два года. Среди лютой сибир-

Н. Д. Спирина и М. Ф. Дроздова-Черноволенко
Новосибирск. 3–6 ноября 1997. *Фрагмент*
© СПбГМИСР. КП-1871

ской зимы СибРО было предложено собирать культурные ценности (а не просто – «вещи») и… на улицу!

Обо всём этом мы узнали из обращения СибРО от 7 января 1998 г., присланном Л. С. Митусовой[92]. В каком-то смысле в то время мы с Людмилой Степановной находились в аналогичном положении. С помощью суда после смерти в 1994 г. Татьяны Степановны Митусовой мы пытались отстоять право её старшей сестры на фамильное наследие, включая наследие семьи Рерихов. В 2000 г., накануне учреждения Музея-института семьи Рерихов, для обеспечения дальнейшей сохранности всех этих культурных сокровищ мы были вынуждены покинуть квартиру на 4-й Советской улице, и переехали с помощью наших друзей в съёмную квартиру на улице Некрасова, д. 29, о чём проинформировали и Наталию Дмитриевну.

23. Н. Д. Спирина – В. Л. Мельникову. Новосибирск. 23 октября 1996 г.

Здравствуйте, Володя!

Шлю Людмиле Степановне и Вам сердечную признательность за Ваш отклик и желание помочь нам в наших проблемах.

Согласно Вашему пожеланию, присланную Вами статью мы будем по частям помещать в нашей газете без сокращений[93].

Мои сотрудники и я будем очень ждать и других обещанных Вами материалов[94].

Получаете ли Вы регулярно нашу газету «Перед Восходом»? Если нет, мы готовы Вам её присылать, сообщите в скольких экземплярах? Нужна ли наша газета в Изваре?

Все мы шлём Людмиле Степановне и Вам самый сердечный привет и пожелания здоровья и успехов в ваших благих делах.

Н. Спирина.

P. S. Мы готовы публиковать в нашей газете не только статьи, но и фотографии и любые другие архивные материалы, касающиеся семьи Рерихов.

Письмо написано рукой Н. В. Жуковой. Собственноручная подпись Н. Д. Спириной. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. На конверте рисунок певчей птицы – щегла.

В своих даже кратких весточках Наталия Дмитриевна всегда успевала направить сознание на высшие ценности, упоминала о самом главном, самом насущном.

«Верим в наступление Новой Светлой Эпохи»[95]. «Пусть творится всё во благо!»[96].

24. Н. Д. Спирина – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 10 октября 1998 г.

Здравствуйте, дорогая Людмила Степановна!

Простите, что долго не отвечала – в связи с состоянием здоровья и огромным завалом всевозможных дел. Помню о Вас всегда и радостно вспоминаю нашу последнюю встречу, надеюсь, что она ещё повторится. Очень сочувствую Вам в связи с предстоящей операцией, так как сама я уже трижды была оперирована по поводу катаракты и глаукомы. Эта операция, безусловно, поможет Вашему зрению.

Поздравляем Вас и Володю со всеми Октябрьскими праздниками. В эти дни особенно вспоминаем наших самых близких людей.

Наши мысли и силы мы, в основном, направляем на строительство Музея, необходимость в котором крайне назрела. Это строительство мы освещаем в наших журналах, которые Вам посылаем.

Работа над сборником «V Рериховские Чтения» продвигается, и как только он будет издан, мы его Вам вышлем.

Посылаю Вам мои последние книжечки: «Сказы»[97] и «Урусвати – Свет Утренней Звезды»[98].

Самый сердечный привет и пожелания здоровья и сил шлю от себя лично и сотрудников нашего Общества.

Н. Спирина.

Письмо написано рукой Н. М. Кочергиной. Собственноручная подпись Н. Д. Спириной. Архив Л. С. Митусовой. 1 л. В одном конверте с письмом были присланы копии газетные публикаций: *Ротман Р.* Музеи без энтузиастов не появляются // Советская Сибирь. – 1998. – 11 июля; «И будет строить на диво…» // Ведомости. – 1998. – 7 августа. – № 31 (391); *Рерих Н. К.* Лада // Советская Сибирь. – 1998. – 3 октября; *Жукова Н. В.* Сергий не выдаст! // Молодёжь Сибири. – 1998. – Октябрь. – № 41.

Конечно же, такими *нашими самыми близкими людьми* были для Людмилы Степановны и Наталии Дмитриевны их родители и Учителя. Общая память о Рерихах, С. С. Митусове, Б. Н. Абрамове сделала их родными.

25. В. Л. Мельников – Н. Д. Спириной. Санкт-Петербург. 21 октября 1998 г.

Дорогая Наталия Дмитриевна!

Сердечный привет от нас с Людмилой Степановной. Были рады получить Ваши книжки. Деятельность Сибирского Рериховского общества поражает. Конечно, главное сейчас – это создание Музея. И строительство здания это ещё не самое трудное, что предстоит. Добиться воплощения готового проекта можно, если сотрудники явят взаимопонимание и настойчивость. А вот духовное строительство Храма Муз – Музея, наполняющего это здание, – это задача на годы, если не на десятилетия. И выполнение её зависит уже только от духовного роста всех сотрудников и невозможно без Высшей Помощи. Призываем Её Вам – пусть всё сложится гармонично, без личностных противоречий и ограничений!

Мы тоже мечтаем о стройке – но пока это только мечты. Музей в Петербурге заповедан и будет. Стремимся к этому всеми возможными средствами. Подготови-

ли первый выпуск «Петербургского Рериховского сборника»[99]. Теперь работаем над следующими номерами. Не обходится, к сожалению, без ошибок. Но они – это стимул роста, не успокоенности.

Часто ездим с Людмилой Степановной на открытия выставок компьютерных копий. Таких выставок у нас сейчас три: «Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха», «Живопись Н. К. Рериха из собраний США» и «Фрески Эпохи Возрождения». В целом они объездили уже более 25 городов в нашем Северо-Западном регионе. Выставлялись в лучших залах Петербурга, Новгорода, Ярославля, Вологды, Сортавалы, Бологого, Окуловки и других городов. Работа самарцев[100] позволила изменить во многих местах отношение не только к творчеству Н. К. Рериха, но вообще к Прекрасному. Удивительно было наблюдать, как бы «возвращение» Н. К. Рериха в любимые им уголки Родины. Большинство представленных работ ещё даже не опубликованы и поэтому выставки имеют большое образовательное и познавательное значение. К тому же в работе участвуют сотрудники нашего Университета, что придаёт всему обоснованность и научность. (24 марта [1998 г.] мы проводили конференцию «Н. К. Рерих и [Санкт-Петербургский] университет»[101]).

Ещё раз благодарим Вас, Наталия Дмитриевна, и всех Ваших друзей.

Владимир Мельников.

Копирочная копия письма. Автограф. 2 л. Архив Л. С. Митусовой.

Так начиналась новейшая история Музея-института семьи Рерихов. Сначала на квартире Л. С. Митусовой возникла инициативная редакционная группа «Петербургского Рериховского сборника», затем на её основе в Санкт-Петербургском государственном университете в 2000 г. был создан Рериховский центр, который взялся продолжать это издание и стал инициатором большинства семинаров, конференций и выставок по рериховской тематике в Санкт-Петербурге на рубеже XX–XXI вв. Вскоре Л. С. Митусовой и её помощниками был образован Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», который в 2001 г. стал фактическим учредителем Музея-института семьи Рерихов – до того времени, пока в 2007 г. тот не приобрёл статус государственного учреждения культуры. Возглавил все эти организации наш друг и соратник, заместитель директора Академической гимназии СПбГУ Алексей Анатольевич Бондаренко.

Четвёртого ноября 1998 г. позвонил новосибирский поэт и музыкант Андрей Петрович Юшков и передал привет от Наталии Дмитриевны. Он сообщил, что первый выпуск нашего «Петербургского Рериховского сборника» в целом понравился, и многие интересуются, как подписаться на следующие тома. Такие отклики придавали силы и ещё больше воспламеняли наш энтузиазм[102].

Десятого февраля 1999 г. Л. С. Митусовой пришло письмо и от самой Н. Д. Спириной, составленное ею совместно с Н. М. Кочергиной. В нём мы прочли всё те же слова поддержки и благодарности: «Будем всегда рады вестям от Вас. Желаем крепкого здоровья и успехов во всех Ваших делах!»[103]. Эти слова с годами сияют всё ярче и путеводнее!

Примечательно, что в первом же нашем самостоятельном издании был напечатан следующий фрагмент Наталии Дмитриевны:

«Гиганты духа и мысли будут всегда впереди своего времени. Они как бы приходят из будущего в настоящее, чтобы приблизить нас к этому будущему. Они не современны нам и часто бывают в начале их появления не понимаемы и не принимаемы нами. Их идеи и замыслы нам новы и непривычны; направление мысли их неожиданно. Но время идёт, люди возрастают в разуме и постепенно начинают втягиваться в орбиту прогрессивного движения, проложенного вождём возрождения. Его начинают воспринимать и следовать за ним передовые люди своего времени; за ними, с их помощью, подтягиваются и все те, которые в состоянии что-то понимать. И, под конец, наступает та эпоха, создать которую и было этому творцу будущего предназначено. Сейчас наступает эпоха Рериха. Эпоха, неразрывно связанная с возникающей культурой духа»[104].

Именно таким доныне является контекст всей нашей общей работы.

Накануне нового XXI века возглавляемое Наталией Дмитриевной Сибирское Рериховское общество прислало нам с Людмилой Степановной поздравление с Новым годом: «Пусть он приблизит нас к Новой Эпохе Радости и Света!»[105]. Мы все наполнены этим *приближением* благодаря неустанному наставничеству Людмилы Степановны и Наталии Дмитриевны, которые продолжают вести нас к Радости и Свету и после того, как перешли на иной план бытия. Мы все осиротели в один год – в 2004-й. Л. С. Митусова скончалась 23 апреля, а Н. Д. Спирина – 10 декабря…

До самого последнего времени Наталия Дмитриевна надеялась на то, что состоится ещё одна встреча с Людмилой Степановной. Она хотела лично показать ей своё детище – Музей Н. К. Рериха в Новосибирске.

26. Н. Д. Спирина – Л. С. Митусовой. Новосибирск. Апрель 2000 г.

Дорогая Людмила Степановна!

Сердечно благодарю Вас за прелестную открытку и поздравление к 125-летию Н. К. Рериха. Простите, что делаю это с опозданием по причине состояния здоровья и непомерной загруженности. Следующие Рериховские Чтения мы перенесли на 2001 г. из-за того, что в этом году мы особенно загружены в связи с окончанием строительства музея. Надеемся, что к очередным Чтениям он будет готов, и Вы его увидите. Я и все наши друзья шлём Вам нашу любовь и самые светлые пожелания здоровья и радости духа. Привет Владимиру.

Сердцем с Вами *Н. Спирина.*

Письмо написано рукой Н. М. Кочергиной на открытке, изданной СибРО. На лицевой стороне репродукция картины Н. К. Рериха «Матерь из Турфана» (1924). Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

Май 2000 г. был урожайным на посылки из Новосибирска. В дом Л. С. Митусовой пришли новые выпуски «Восхода», книги Н. Д. Спириной и другие издания СибРО, которые ныне украшают библиотеку Музея-института семьи Рерихов, и **два поздравления**. Первое – с 55-летием Великой Победы[106]. Людмила Степановна всю

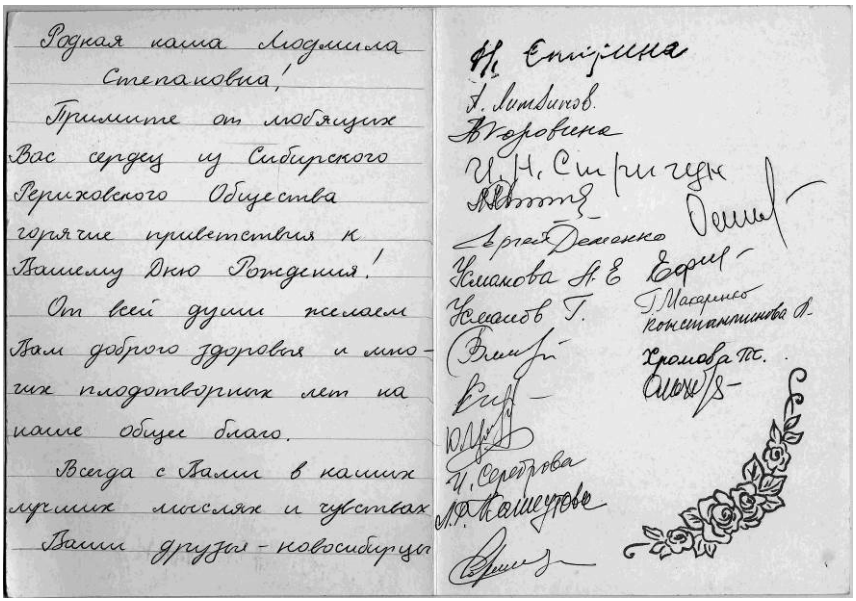
Великую Отечественную войну провела в Ленинграде, служила в частях местной противовоздушной обороны, пережила блокаду и потерю практически всех близких. Семь человек из её семьи заплатили самую высокую цену – отдали жизнь – за то, чтобы сохранить петербургскую часть Рериховского наследия для следующих поколений[107]. Рерихи знали об этих потерях и писали о них своим американским сотрудникам вскоре после войны. Именно это имела в виду З. Г. Фосдик, когда сообщала 16 ноября 1977 г. о том, что имена выживших сестёр Митусовых упоминались с любовью и заботливостью в переписке с Рерихами[108].

«Видно, Зюме трудно живётся. Не было ли ещё каких подробностей о их быте? Как долго шли к ней Ваши письма – ведь посылка была бесконечно в пути!»[109].

«Напишите, пожалуйста, Зюме, что мы надеемся скоро повидать их. Очень стремимся на Родину. И прошу послать им посылку из моего маленького фонда. <…> Очень прошу Зиночку прислать мне адрес Зюмы Митусовой»[110].

Нужно отметить, что ни одно Рериховское общество не поздравило Л. С. Митусову в мае 2000 г. с Днём Великой Победы. Только СибРО и Н. Д. Спирина продолжили традицию добрых посылок, начатую ещё Рерихами. Важно подчеркнуть, что эти посылки именно *духовные*: посылки *Радости* и *Света* в ключе *близости* и *притяжения*, о которых упоминал в своих письмах к Людмиле Степановне Борис Николаевич Абрамов.

Здесь мы подходим к финалу нашей истории. Второе поздравление из СибРО в мае 2000 г. Л. С. Митусова получила к своему 90-летию. Вот его воспроизведение.


Родная наша Людмила Степановна!

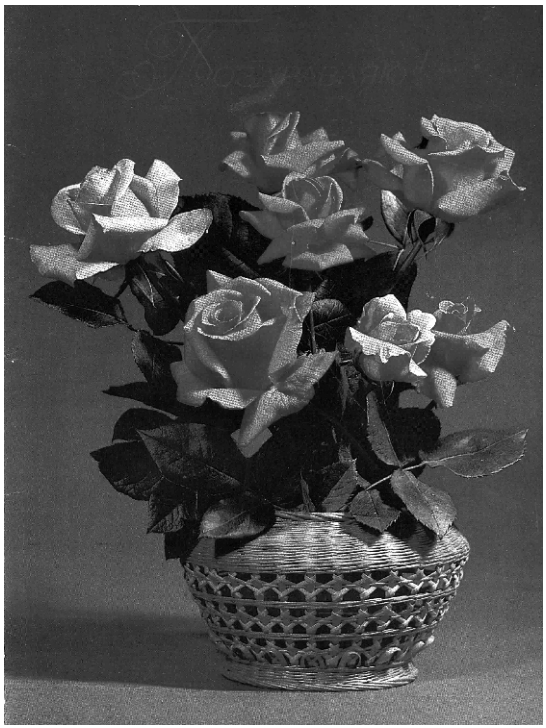
Примите от любящих Вас сердец из Сибирского Рериховского Общества горячие приветствия к Вашему Дню Рождения!

От всей души желаем Вам доброго здоровья и многих плодотворных лет на нашем общем благо.

Всегда с Вами в наших лучших мыслях и чувствах Ваши друзья - новосибирцы

Н. Спирина
Л. Литвинов
Егорова
Н. Н. Спиридонова
Сергей Демонко
Ушакова А. Е.
Ефим
Ушаков Г.
Макарико
Константинова
Хромова Т.С.
Ольга
Ю.
Серегова
Кашеуров

Н. Д. Спирина и Сибирское Рериховское общество
Поздравление Л. С. Митусовой к девяностолетию. Новосибирск. Май 2000 г.



Семь Роз на лицевой стороне поздравления СибРО Л. С. Митусовой к девяностолетию

27. Н. Д. Спирина и другие – Л. С. Митусовой. Новосибирск. Май 2000 г.

Родная наша Людмила Степановна!

Примите от любящих Вас сердец из Сибирского Рериховского общества горячие приветствия к Вашему Дню Рождения!

От всей души желаем Вам доброго здоровья и многих плодотворных лет на наше общее благо.

Всегда с Вами в наших лучших мыслях и чувствах *Ваши друзья-новосибирцы.*

Подписи в открытке. 1 столбец: Наталия Дмитриевна Спирина, Андрей Владимирович Литвинов, Людмила Владимировна Коровина, Ирина Николаевна Стригун, Людмила Степановна Михайлова, Сергей Александрович Деменко, Любовь Евгеньевна Усманова, Григорий Григорьевич Усманов, Валентина Григорьевна Герман, Надежда Ивановна Снегирёва, Юлия Викторовна Цыганкова, Ирина Ивановна Сереброва, Людмила Фёдоровна Кашеутова, Станислав Алексеевич Горянский. 2 столбец: Татьяна Павловна Осипова, Людмила Ивановна Ефимова, Галина Александровна Макаренко, Людмила Андреевна Константинова, Татьяна Петровна Хромова, Ольга Андреевна Ольховая.

Поздравление написано на фотооткрытке, изданной Министерством связи СССР в 1985, отпечатанной на ППФ Гознака. На лицевой стороне цветочная композиция из семи роз. Фото Л. Круцко. Оформление Т. Гарнич. Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

Л. С. Митусова и Н. Д. Спирина в конце 1990-х гг.

Этот с виду достаточно обычный поздравительный адрес имеет огромное символическое и практическое значение. На лицевой стороне адреса в едином братском букете Семь Роз – символ Семи Владык. Подписи на адресе скрепили узы дружбы и сотрудничества под знаком двух выдающихся наставниц в пространстве Рериховской Державы Света – Н. Д. Спириной и Л. С. Митусовой.

По разным причинам, главным образом, организационного характера, поездка Людмилы Степановны в Новосибирск на VI Международные «Рериховские Чтения» «Зов Будущего» 2–5 ноября 2001 г. не состоялась, и она больше не повидалась с Н. Д. Спириной. Но она радовалась тому, что Заветы Рерихов, касающиеся музейного строительства в России, выполнены. То же можно сказать и о Наталии Дмитриевне. Она не могла приехать в Санкт-Петербург на I Международную научно-практическую конференцию «Рериховское наследие»[111], чтобы лично приветствовать Людмилу Степановну и всех её помощников. Но зато она прислала своё приветствие, которое было прослушано в аудиозаписи всеми собравшимися на пленарном заседании в Актовом зале Санкт-Петербургского государственного университета. Вспоминается, как необычно и торжественно прозвучал голос Наталии Дмитриевны в стенах alma-mater Н. К. Рериха.

28. Н. Д. Спирина. Обращение к участникам I Международной конференции «Рериховское наследие». Новосибирск. Октябрь 2001 г.

Дорогие друзья и единомышленники!

Приветствую вас с открытием конференции «Рериховское наследие». От души радуюсь такому необходимому и своевременному событию. Подобные деяния являются знаком наступления новой великой Эпохи Добра и Света, предуказанной во всех древних и современных пророчествах.

Община мира суждена,
Утверждена дорога к звёздам;
Приди, прими – твоя она,
Весна неслыханного роста
Зерна космической мечты,
В которой расцветаешь ты –
Община звёзд, дорога к звёздам.

Мы все, собравшиеся здесь, уже вступили на этот суждённый нам путь, на котором нас ждут небывалые свершения и достижения.

Шлю вам привет сердца.

Опубликовано: Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 31.

Вечную память хранить нам – следующим поколениям тружеников на ниве строительства Нового Мира. *Вечную память* нести другим – о прекрасных, высоких Душах. Их Индивидуальности ныне в *Вечной памяти*, которую они обрели в героических трудах на Общее Благо под руководством своих Учителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб. – Вышний Волочёк, 2004. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I). – С. 147–148.
[2] *Там же.* – С. 147.
[3] *Там же.* – С. 150.
[4] *Там же.* – С. 199.
[5] Здесь и далее в оригинальных текстах при подготовке к публикации все сокращения раскрыты.
[6] Имеется в виду **Елена Ивановна Рерих** (1879—1955)**.**
[7] Имеется в виду **Ираида Михайловна Богданова** (1914—2004).
[8] См. об этом: *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 143–149.
[9] *Богдановы И. М. и Л. М.* Письмо Л. С. и Т. С. Митусовым. – 20 июня 1960 г. – Автограф И. М. Богдановой. РДФ СПбГМИСР. КП-2471. Л. 1 об.
[10] Имеется в виду **Татьяна Степановна Митусова** (1913—1994).
[11] Имеется в виду М. Ф. Дроздова-Черноволенко, супруга В. Т. Черноволенко.
[12] *Черноволенко В. Т.* Письмо Л. С. Митусовой. – 13 октября 1960 г. – Автограф. Архив Л. С. Митусовой. – Л. 3–3 об.
[13] В последнем случае имеется в виду публикация: *Молчанов В.* Дар сибирскому городу // Правда. – М., 1960. – 16 октября. – № 290 (15414). – С. 6.
[14] Как зафиксировала в своём дневнике З. Г. Фосдик, Б. Н. Абрамов с женой приехал в Москву по общей инициативе И. М. Богдановой, В. Т. Черноволенко и А. Н. и Н. Е. Зелинских: *Фосдик З. Г.* Дневник. – Записи 10 и 11 мая 1961 г. // Travel diaries of Sina Fosdik. 1961. Part 2. P. 76, 78. Автограф в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк).
[15] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – [Т. I.] – 1960 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 1993. – Запись 17 октября 1960 г. (Гуру). – С. 180.

[16] *Данилов Б. А.* Весть принёсший. – Новосибирск: Алгим, 1997. – С. 75. (Кольцо ученичества, подаренное Б. Н. Абрамову Н. К. Рерихом).
[17] Имеется в виду художник и музыкант В. Т. Черноволенко.
[18] Имеется в виду **Кира Алексеевна Молчанова** (род. в 1931 г.), которую с подачи П. Ф. Беликова С. Н. Рерих привлёк к работам на квартире Ю. Н. Рериха.
[19] Имеется в виду передача библиотеки Ю. Н. Рериха из его кабинета в квартире на Ленинском проспекте в Институт востоковедения АН СССР в Москве.
[20] Имеются в виду сёстры Л. М. и И. М. Богдановы.
[21] См. современную реконструкцию событий на квартире Ю. Н. Рериха в 1960 г.: *Ревякин Д. Ю.* Законный наследник, отстранённый государством // *Ревякин Д. Ю.* Гибнущее наследие: Московская квартира Ю. Н. Рериха: Каталог. Фотохроника. Архивные документы. – М.: МЦР, 2010. – С. 41–49.
[22] Об этом читаем в дневнике З. Г. Фосдик: «…Все помыслы [С. Н. Рериха] – на расширении [рериховских] Музеев в России. Посылка туда картин из Риги (если таковые там не выставляются – он узнал, что из 26 лишь 3 выставлены), постепенное перенесение картин из квартиры Юрия Николаевича, а их там больше шестидесяти, с рисунками, в Русский музей, в Ленинграде, также устройства там большого архива Николая Константиновича. Там должно быть 5 зал для картин Николая Константиновича. Так было обещано Святославу» (*Фосдик З. Г.* Дневник. – Запись 12 февраля 1961 г. // Travel diaries of Sina Fosdik. 1961. Part 1. P. 72. Автограф в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк)).
[23] *Фосдик З. Г.* Дневник. – Запись 20 мая 1961 г. // Travel diaries of Sina Fosdik. 1961. Part 2. P. 93, 94. Автограф в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк).
[24] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – [Т. I.] – 1960 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 1993. – Запись 18 декабря 1960 г. (М. А. Й.). – С. 267.
[25] *Там же*. – С. 267–268.
[26] *Там же*. – Запись 18 декабря 1960 г. (Гуру). – С. 267.
[27] *Фосдик З. Г.* Светлый дух // Б. Н. Абрамов. Устремлённое сердце: Сборник / Под ред. Н. Д. Спириной. – Новосибирск: СибРО, 1997. – С. 126–127. Данное воспоминание «перекрывает» своей выверенностью всё то, что записывала З. Г. Фосдик в своих дневниках в 1961 г. о Б. Н. Абрамове, что называется, «по горячим следам», для себя, не предназначая этого для печати.
[28] Имеется в виду **Людмила Михайловна Богданова** (1903—1961), страдавшая в тот момент от рака на последней стадии.
[29] Имеется в виду **Степан Степанович Митусов** (1878—1942), близкий друг Н. К. Рериха, «любимый кузен» Е. И. Рерих, музыкант, педагог, сохранивший значительную часть наследия семьи Рерихов «петербургского» периода их жизни.
[30] *Фосдик З. Г.* Дневник. – Запись 23 мая 1961 г. // Travel diaries of Sina Fosdik. 1961. Part 2. P. 103. Автограф в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк).
[31] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – Т. II. – 1961 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 1994. – § 624. – Запись 26 декабря 1961 г. (Гуру). – С. 394.
[32] На конверте пятого письма Б. Н. Абрамова Л. С. Митусовой его адрес: *Тульская область, г. Венев, Революционная ул., № 19. Абрамов Борис Николаевич.*
[33] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 54.
[34] Имеется в виду **Нина Алексеевна Квятковская**, музыкант, певица, в 1920–1930-е гг. ученица С. С. Митусова. Руководила вокальным ансамблем ветеранов труда в клубе Ленэнерго (1968), давала уроки вокала другу Л. С. Митусовой Э. Я. Бложису. Знакомая К. Е. Антаровой.
[35] Имеются в виду **Игорь Васильевич** и **Наталия Юрьевна Сахаровы.**
[36] Видимо, родственники Н. А. Квятковской; точные данные этих лиц не установлены.

[37] Имеется в виду **Татьяна Александровна Селецкая**, соседка сестёр Митусовых по коммунальной квартире в доме на ул. Моисеенко, д. 6. Её мать была родной сестрой жены царского генерала П. П. Киновича. В советское время Т. А. Селецкая служила в садоводстве на месте современного стадиона «Юбилейный». Знакомая пианистки М. В. Юдиной.
[38] Все вокальные миниатюры композитора Бориса Абрамова впервые исполнены в Новосибирском музее Николая Рериха // РИА «Сибирь». – Новосибирск. – Сообщение 5 августа 2008 г. – Режим доступа: http://ria-sibir.ru/viewnews/28867.html.
[39] В копии М. Ф. Дроздовой-Черноволенко проставлена другая дата: *1970–1972 гг.* и отмечено: *Оригинал у И. М. Богдановой.* Известна публикация этого текста в виде Записи: *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – Т. XIII. – 1972 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 1998. – § 507. – Запись 30 августа 1972 г. – С. 221. Здесь текст приводится по варианту М. Ф. Дроздовой-Черноволенко.
[40] В публикации Б. А. Данилова: *разрывающим.*
[41] В публикации Б. А. Данилова: *приоткрытию.*
[42] В публикации Б. А. Данилова этого обращения здесь нет. Оно имеется только в начале Записи.
[43] *Грани Агни-Йоги (Записи Б. Н. Абрамова)*. – Т. II. – 1961 г. / Сост. Б. А. Данилов. – Новосибирск: Алгим, 1994. – § 119. – Запись 16 июля 1961 г. – С. 74–75.
[44] Выписки А. А. Бондаренко из «Граней Агни-Йоги». Санкт-Петербург. 1995. – РДФ СПбГМИСР. КП-6835, КП-6836. 2 л.
[45] Имеется в виду **Святослав Николаевич Рерих** (1904—1993).
[46] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 200.
[47] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Аум. – 1936. – § 168.
[48] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 83.
[49] Хронология жизни и творчества С. Н. Рериха / Сост. К. А. Молчанова // *Беликов П. Ф.* Святослав Рерих: жизнь и творчество / Вступительная статья от ред. О. Е. Цветковой. – М.: МЦР, Мастер-Банк, 2004. – С. 275.
[50] Такие публикации, конечно же, были (в хронологическом порядке): «Я очень рад…» / Беседу со С. Н. Рерихом записала Т. Лазарева // Вечерний Ленинград. – 1975. – 10 января; «Меня интересует человек» // Ленинградская правда. – 1975. – 16 января; И снова Индия // Смена. – Л., 1975. – 17 января; Дружеские встречи // Смена. – Л., 1975. – 23 января; Дар Святослава Рериха // Ленинградская правда. – 1975. – 25 января; *Сахаров И.* На полотнах – Индия // Ленинградская правда. – 1975. – 29 января.
[51] Хронология жизни и творчества С. Н. Рериха / Сост. К. А. Молчанова // *Беликов П. Ф.* Святослав Рерих: жизнь и творчество / Вступительная статья от ред. О. Е. Цветковой. – М.: МЦР, Мастер-Банк, 2004. – С. 275.
[52] *Там же.* – С. 275–276.
[53] *Там же.* – С. 276.
[54] *Мельников В. Л.* Святослав Николаевич Рерих и Санкт-Петербург // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 284–285.
[55] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Листы Сада Мории. – Кн. I. Зов. – 1924. – § 334.
[56] Имеется в виду **Людмила Феликсовна Страва**, в прошлом ученица Н. Д. Спириной, входившая в харбинскую группу Б. Н. Абрамова, на тот момент – сотрудница Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. О ней пишет О. А. Ольховая: «Людмила Феликсовна Страва ушла из жизни в 1980 году. После отъезда из Харбина в Бразилию жизнь Милы складывалась достаточно сложно. Елена Ивановна беспокоилась о ней и приняла участие в её судьбе. Переехав в Америку, Мила стала хорошей помощницей Зинаиды Григорьевны Фосдик. Зинаида Григорьевна была ею очень довольна,

писала об этом Наталии Дмитриевне и благодарила её за Людмилу, которая была хорошо подготовлена к сотрудничеству» (*Ольховая О.* «Нет ничего прекраснее путей сердца...»: О письмах Е. И. Рерих к Б. Н. и Н. И. Абрамовым // Восход. – Новосибирск: СибРО, 2011. – Декабрь. – № 12 (212). – С. 13–14).

[57] Имеется в виду кандидат экономических наук и рериховед **Людмила Александровна Андросова** (род. в 1940 г.), в то время – учёный секретарь Президиума Сибирского Отделения Академии наук СССР. С 1970 г. по её инициативе началось изучение научного наследия семьи Рерихов учёными Сибирского Отделения АН СССР. В 1974 г. она познакомилась со Святославом Рерихом, с которым тесно общалась до его последнего приезда в нашу страну в 1989 г. В 1974, 1975, 1978, 1982 гг. совершила первовосхождения на перевалы и вершины Памира и Алтая: перевал Н. К. Рериха (перевал Победы), вершину «Урусвати», посвящённую Е. И. Рерих, вершину «Сердце», посвящённую З. Г. Фосдик, вершины, посвящённые С. Н. Рериху, Ю. Н. Рериху и П. Ф. Беликову (часть – совместно с Е. П. Маточкиным).

[58] С 3 июня по 13 июля 1975 г. выставка Н. К. Рериха из коллекции С. Н. Рериха была открыта в спортзале («выставочном зале») Новосибирского государственного университета и с 16 июля по 30 сентября того же года была выставка С. Н. Рериха в Новосибирской областной картинной галерее (автор благодарит за эту информацию А. Н. Анненко).

[59] Встреча с прекрасным: Зрители о картинах Святослава Рериха // Вечерний Новосибирск. – 1975. – 8 августа.

[60] См., например (в хронологическом порядке): *Берестов Е. П. [Маточкин Е. П.]* Из Индии в Россию // Молодость Сибири. – Новосибирск, 1975. – 26 июня; Подарок из Бангалора // Вечерний Новосибирск. – 1975. – 1 июля; *Осипов Е. П. [Маточкин Е. П.]* Дар Святослава Рериха // Советская Сибирь. – Новосибирск, 1975. – 2 июля; Выставка Святослава Рериха // Вечерний Новосибирск. – 1975. – 17 июля; *Короткова В.* Мир Святослава Рериха // Советская Сибирь. – Новосибирск, 1975. – 20 июля; *Евгеньев М. [Маточкин Е. П.]* На полотнах Индия // За науку в Сибири. – Новосибирск, 1975. – 24 июля; *Кашкалда В. Я.* От сердца к сердцу // Вечерний Новосибирск. – 1975. – 24 июля; *Берестов Е. П. [Маточкин Е. П.]* Урок красоты // Молодость Сибири. – Новосибирск, 1975. – 2 августа; *Осипов Е. П. [Маточкин Е. П.]* С верой в человека // Советская Сибирь. – Новосибирск, 1975. – 5 августа; *Евгеньев М. [Маточкин Е. П.]* Образ Индии // За науку в Сибири. – Новосибирск, 1975. – 7 августа; *Петров Г.* Сибирякам от художника // Правда. – М., 1975. – 12 августа; *Белогорская В.* Счастье дарить красоту: У полотен С. Рериха // Вечерний Новосибирск. – 1975. – 23 августа; В жизни так много чудесного: Беседа со Святославом Рерихом / Беседу вела Н. Катаева // Вечерний Новосибирск, 1975. – 21 октября.

[61] Имеется в виду публикация: *Беликов П. Ф.* Свет таланта: К выставке картин С. Н. Рериха в Улан-Уде // Байкал. – Улан-Уде, 1975. – Сентябрь – октябрь. – № 5. – С. 151–154.

[62] Имеется в виду художник **Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий** (1905—1993).

[63] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 200.

[64] *Беликов П. Ф.* Письмо С. Н. и Д. Р. Рерихам. – 9 апреля 1976 г. – Копия. Машинопись. Архив семьи П. Ф. Беликова (Эстония).

[65] Имеется в виду 100-летие **Елены Ивановны Рерих** (1879—1955), которое отмечалось в 1979 г. Столетний юбилей отца сестёр Митусовых, музыканта **Степана Степановича Митусова** (1878—1942) отмечался на год раньше.

[66] Имеется в виду рериховед **Майкл Брин.**

[67] Имеется в виду **Ираида Михайловна Богданова.**

[68] Имеется в виду поэт **Валентин Митрофанович Сидоров** (1932—1999) – русский поэт, писатель, учёный, общественный деятель. Член Союза писателей СССР (1966), кандидат филологических наук (1978), профессор Литературного института имени А. М. Горького, основатель Всесо-

южной (с 1991 г. – Международной) Ассоциации «Мир через Культуру». С 1974 г. имел контакты с С. Н. Рерихом. С самого начала входил в состав Комиссии по культурно-художественному наследию Н. К. Рериха при Государственном музее Востока (с октября 1984 г.). В 1987 г. В. М. Сидоров возглавил комиссию по литературному наследию Н. К. Рериха при Союзе писателей СССР.

[69] Имеется в виду **Людмила Феликсовна Страва.**

[70] **Вера Яковлевна Кашкалда** (1930—2009) – искусствовед, получившая образование в Московском государственном университете. После окончания МГУ она приехала в Новосибирск и начала свою трудовую деятельность в только что открывшейся областной картинной галерее, в которой проработала свыше тридцати лет. Полотна Н. К. Рериха стали её любимым детищем, предметом изучения, заботливого хранения и пропаганды. Вера Яковлевна переписывалась со Святославом Николаевичем Рерихом.

[71] **Ренита Андреевна Григорьева** (род. в 1931 г.) – режиссёр, сценарист, кинодокументалист, актриса, писатель, общественный деятель. Лауреат Государственной премии СССР (1983). Сыграла заметную роль в освоении творческого наследия Н. К. Рериха.

[72] Имеется в виду **Людмила Александровна Андросова.**

[73] Имеется в виду **Евгений Палладиевич Маточкин** (1942—2013) – российский учёный, искусствовед, художник, музыкант, альпинист, исследователь жизни и творчества Н. К. Рериха.

[74] *Подузова (Ковалевская) С. А.* Письмо Л. С. Митусовой. – Новосибирск. – 17 декабря 1978 г. – Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-6430. Л. 2 об.

[75] Сообщение Н. В. Жуковой автору.

[76] Сибирское Рериховское общество. Музей Н. К. Рериха. Официальный сайт: http://sibro.ru.

[77] Воспоминания о Ю. Н. Рерихе: Сборник по материалам конференции в Новосибирске, посвящённой 90-летию со дня рождения Ю. Н. Рериха. – Новосибирск: СибРО, 1994. – С. 17, 65, 71, 139 и 149.

[78] Как записано в моём дневнике, это письмо привезли 18 августа 1995 г. Виталий и Ирина из Кургана. В то время они учились в Екатеринбурге.

[79] Н. Д. Спирина являлась главным редактором этой газеты, ставшей с 1995 г. полноцветной. См.: Путь Духа. Наталия Дмитриевна Спирина: Биографический очерк. – Новосибирск: СибРО, 2011. – С. 70–74.

[80] Как записано в моём дневнике, это письмо принёс наш сосед после нашего возвращения из Ельца 13 сентября 1995 г. (*Мельников В. Л.* Дневник. Тетрадь № 2: 7 апреля – 31 декабря 1995 г. – С. 133. – Архив Л. С. Митусовой).

[81] *Спирина Н. Д.* «Ты сказала – любовь». Слово на собрании, посвящённом памятному дню Е. И. Рерих. – 11 февраля 1996 г. – Распечатка, присланная Н. Д. Спириной Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову весной 1996 г. – Архив Л. С. Митусовой. Опубликовано: Перед Восходом. – Новосибирск, 1996. – № 3 (23). – С. 2.

[82] *Спирина Н. Д.* Зима // *Спирина Н. Д.* Перед Восходом: Стихи разных лет. – Изд. 3-е, доп. – Новосибирск: СибРО, 1997. – С. 75.

[83] *Там же.* – С. 27.

[84] *Там же.* – С. 28.

[85] *Там же.* – С. 101.

[86] *Там же.* – С. 123.

[87] Путь Духа. Наталия Дмитриевна Спирина: Биографический очерк. – Новосибирск: Издательский центр РОССАЗИЯ СибРО, 2011. – С. 68–70.

[88] В архиве Л. С. Митусовой сохранились следующие послания из Новосибирска (от Н. Д. Спириной и её сотрудниц) и Санкт-Петербурга (наши с Л. С. Митусовой): *Спирина Н. Д., Жукова Н. В.* Письмо В. Л. Мельникову. 8 января 1996 г.; *Спирина Н. Д.* Письмо

В. Л. Мельникову. 18 апреля 1996 г.; *Мельников В. Л.* Письмо Н. Д. Спириной. 28 апреля 1996 г.; *Жукова Н. В.* Открытка Л. С. Митусовой. 1 октября 1996 г.; *Спирина Н. Д.* Письмо В. Л. Мельникову. 23 октября 1996 г.; *Спирина Н. Д.* Письмо В. Л. Мельникову. 11 ноября 1996 г.; *Спирина Н. Д.* Письмо В. Л. Мельникову. 7 декабря 1996 г.; *Спирина Н. Д.* Письмо В. Л. Мельникову. 12 марта 1997 г.; *Спирина Н. Д.* Открытка Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. Январь 1998 г.; *Спирина Н. Д., Жукова Н. В.* Письмо Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. 30 июня 1998 г.; *Спирина Н. Д.* Письмо Л. С. Митусовой. 10 октября 1998 г.; *Мельников В. Л.* Письмо Н. Д. Спириной. 21 октября 1998 г.; *Мельников В. Л.* Письмо Н. Д. Спириной. 28 декабря 1998 г.; *Спирина Н. Д., Кочергина Н. М.* Письмо Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. 10 февраля 1999 г.; *Спирина Н. Д.* Открытка Л. С. Митусовой. Апрель 2000 г.; *Спирина Н. Д. и другие сотрудники* (всего 19 подписей). Открытка Л. С. Митусовой. Май 2000 г. В архиве Н. Д. Спириной должны были сохраниться и другие послания, например, письмо Л. С. Митусовой 12 ноября 1998 г. и мои письма от 13 января 1997 г., 25 апреля 2000 г. и 6 мая 2000 г.

[89] В результате этого предложения появилась публикация: *Мельников В. Л.* К столетию начала деятельности Н. К. Рериха в Императорском Русском Археологическом обществе // Перед Восходом. – Новосибирск: СибРО, 1996. – Ноябрь. – № 11 (31). – С. 6–7.

[90] *Спирина Н. Д.* Письмо В. Л. Мельникову. – 7 декабря 1996 г. – Архив Л. С. Митусовой.

[91] Копия этого письма была отправлена тогда же председателю комитета по культуре администрации Новосибирской области.

[92] Обращение Совета СибРО за помощью ко всем друзьям. Новосибирск. 7 января 1998 г. Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

[93] См.: *Мельников В. Л.* Союз Муз и Закон Прекрасного // Перед Восходом. – Новосибирск: СибРО, 1997. – Апрель. – № 4 (36). – С. 8–10 [начало]. – Май. – № 5 (37). – С. 6–9 [окончание].

[94] Часть их была представлена мной лично 3–6 ноября 1997 г. на V Международных Рериховских Чтениях в Новосибирске. См.: *Маточкин Е. П., Мельников В. Л.* Идолы в произведениях Н. К. Рериха // Рериховские Чтения. 1997: Материалы конференции СО РАН и СибРО 3–6 ноября 1997 г. – Новосибирск: СибРО, 2000. – С. 165–184; *Маточкин Е. П., Мельников В. Л.* Пермский звериный стиль в творчестве Н. К. Рериха // *Там же*. – С. 249–286; *Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Ф. К. Волков. Из истории Санкт-Петербургской палеоэтнологической школы // *Там же*. – С. 317–341.

[95] *Спирина Н. Д.* Открытка Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. Новосибирск. Январь 1998 г. Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

[96] *Спирина Н. Д., Жукова Н. В.* Письмо Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. – Новосибирск. – 30 июня 1998 г. – Письмо написано рукой Н. В. Жуковой. Собственноручная подпись Н. Д. Спириной. – Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

[97] *Спирина Н. Д.* Сказы: Сборник. – Новосибирск : СибРО, 1998. – 45 с. – («Изучающим Живую Этику»). – 5000 экз.

[98] *Спирина Н. Д.* Урусвати – Свет Утренней Звезды: Сборник. – Новосибирск : СибРО, 1998. – 192 с.; 8 цв. ил. – 5000 экз.

[99] Петербургский Рериховский сборник: К 100-летию окончания Н. К. Рерихом Санкт-Петербургского университета и к 275-летию основания Санкт-Петербургского университета и его Академической гимназии. – Вып. I / Главный редактор А. А. Бондаренко; составитель В. Л. Мельников. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – 484 с. – 500 экз. **Из содержания:** Слово к 100-летию окончания Н. К. Рерихом Санкт-Петербургского университета / *А. А. Бондаренко.* – С.11–27; Красота – понятие международное / *В. П. Князева.* – С. 47–53; Н. К. Рерих и русский космизм / *Е. П. Маточкин.* – С. 54–79; Н. К. Рерих и археология Ижорского плато (ретроспективные заметки) / *Е. А. Рябинин.* – С. 80–101; Н. К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа / *В. Л. Мельников.* – С. 102–118; На родине предков Елены Рерих: озеро Пирос и Рютинская

волость / *М. А. Иванов.* – С. 119–128; Николай Рерих и наука / *М. М. Лихтман.* – С. 182–190; К 100-летию «Гонца» / Е. П. Маточкин. – С. 191–204; Картины из коллекции Н. К. Рериха в Государственном Эрмитаже / *Т. М. Мокина.* – С. 205–207; История одного памятника / *Т. В. Римская-Корсакова*. – С. 208–212; Образ «Древа жизни» в творчестве Н. К. Рериха / *Л. В. Короткина.* – С. 213–222; Индийская философия и поэзия Николая Рериха / *Ю. Ю. Будникова.* – С. 223–257; Н. К. Рерих как мыслитель и романтик / *В. В. Селиванов.* – С. 258–266; Из стихотворных приветствий и посланий / *И. Я. Билибин.* – С. 267–274; Для памяти / *С. С. Митусов.* – С. 275–276; Картина Н. К. Рериха «Сокровище Ангелов» (1904–1905) / *Л. В. Короткина.* – С. 280–292; Н. К. Рерих и издательство «Свободное искусство» (1916–1917) / *В. Л. Мельников.* – С. 293–341; Встреча с моим Учителем. Памяти Н. К. Рериха. Из писем Л. С. Митусовой в Ленинград: К 50-летию со дня ухода Н. К. Рериха / *З. Г. Фосдик.* – С. 341–359; Об увековечении памяти Н. К. Рериха / *В. В. Струве, А. В. Королев.* – С. 375–376; Творческое наследие Н. К. Рериха и перспективы развития художественной жизни в Санкт-Петербургском университете / *И. Л. Тихонов, С. В. Швембергер*. – С. 387–394; Великое наследие / *Н. С. Юшкова*. – С. 395–408.

[100] Упоминаемые здесь выставки так называемых компьютерных копий были изготовлены самарским Международным Центром Духовной Культуры (президент Ю. Е. Родичев) на полиграфической базе самарского издательства «Агни» (руководители Г. А. Гороховский и Е. П. Никитина).

[101] См. об этом: *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Санкт-Петербургский университет // Санкт-Петербургский университет. – 1998. – 6 мая. – № 11–12. – С. 47–51.

[102] Аналогичные отклики и поздравления мы получали и после выхода следующих выпусков «Петербургского Рериховского сборника». См., например: *Сибирское Рериховское общество.* Письмо сотрудникам редакции «Петербургского Рериховского сборника». – Новосибирск. – 12 февраля 2000 г. – Электронное письмо. – Научный архив СПбГМИСР.

[103] *Спирина Н. Д., Кочергина Н. М.* Письмо Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. – Новосибирск. 10 февраля 1999 г. – Письмо написано рукой Н. М. Кочергиной. Собственноручная подпись Н. Д. Спириной. – Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

[104] Цит. по: *Юшкова Н. С.* Великое наследие // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 397.

[105] *Сибирское Рериховское общество.* Открытка Л. С. Митусовой и В. Л. Мельникову. Репродукция картины С. Н. Рериха «Гирнар» (1944). Новосибирск. 1999–2000 гг. Компьютерная печать. Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

[106] *Сибирское Рериховское общество*. Поздравление с 55-летием Великой Победы. Новосибирск. – Май 2000 гг. Компьютерная печать. Здесь же стихотворение Н. Д. Спириной «Россия». Архив Л. С. Митусовой. 1 л.

[107] См. об этом: *Мельников В. Л.* Герои Культуры // Пакт Рериха. 70 лет: Материалы конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр, 2005. – С. 97–98.

[108] См. выше в данной публикации, письмо № 16.

[109] *Рерих Н. К.* Письмо Зинаиде и Дидлею Фосдикам. – Наггар. – 17 ноября 1947 г. – Машинопись. Автограф. Архив Музея Николая Рериха (Нью-Йорк). Опубликовано: *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1996. – Т. III. – С. 585.

[110] *Рерих Е. И.* Письмо американским сотрудникам. – Кхандала. – 10 августа 1948 г. – Машинопись. Автограф. Архив Музея Николая Рериха (Нью-Йорк). Опубликовано: *Рерих Е. И.* Письма в Америку: В 4 т. – М.: Сфера, 1996. – Т. III (1948–1955). – С. 65.

[111] Конференция была посвящена 100-летию семьи Рерихов и её главная тема была сформулирована так: «Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга». Проходила конференция 9 и 10 октября в Санкт-Петербургском государственном университете, в здании Двенадцати Петровских Коллегий.

А. А. БОНДАРЕНКО
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕСНЕ 2002 ГОДА И ВСТРЕЧЕ С Н. Д. СПИРИНОЙ

Моя единственная встреча с Наталией Дмитриевной Спириной состоялась ранней весной 2002 года и произвела на меня сильное впечатление, оставила особый след в моей памяти и оказалась связанной впоследствии с рядом важных событий, смысл которых постепенно раскрывается перед нами. Воспоминание о ней по-прежнему живо и дорого моему сердцу.

Это было удивительное время. Ещё не прошло года, как был учреждён в Санкт-Петербурге Музей-институт семьи Рерихов (апрель-май 2001 года). Его основательница Людмила Степановна Митусова всё ещё была с нами и, как всегда, мягко направляла нашу работу, вдохновляла и участвовала в обсуждении и решении всех тем, вопросов и действий. И мы дышали с нею в унисон. Составлялись большие планы, грезились масштабные проекты, некоторые из них были отражены в программной брошюре «Санкт-Петербург и семья Рерихов: сохраним преемственность»[1]. После первой конференции «Рериховское наследие» в Санкт-Петербургском государственном университете (9–11 октября 2001), посвящённой теме «Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга», когда был, по существу, подведён итог почти десятилетней работы, удалось окончательно прорвать какую-то странную информационную блокаду вокруг рериховского наследия в Петербурге. «Праздником признания науки, просвещения и духовности», «единением поколений» назвала эти дни Людмила Степановна Митусова. Обращаясь к участникам конференции, она говорила о наступившем времени восстановления и роста духовной сущности человека, об обязанности каждого человека бороться со злом, о надежде «на тех, кто образован, просвещён и стремится к добру»[2]. Созвучно этим мыслям прозвучало обращение Наталии Дмитриевны Спириной к участникам нашей конференции. Говоря о явных знаках наступления нового времени, «предуказанных древними и современными пророчествами», о «суждённом пути небывалых свершений и достижений», она обратила к нам такие свои поэтические строки:

Община мира суждена,
Утверждена дорога к звёздам;
Приди, прими – твоя она,
Весна неслыханного роста
Зерна космической мечты,
В которой расцветаешь ты –
Община звёзд, дорога к звёздам[3].

Эти замечательная атмосфера, насыщенные истинным общением встречи в дни конференции усилили энтузиазм и общий подъём нашей работы, и мы с новыми силами приступили к осуществлению теперь уже ставших нашими задумок и планов.

Именно поэтому уже в марте 2002 г. мне пришлось лететь в Новосибирск к нашему другу и старшему товарищу Евгению Палладиевичу Маточкину[4], только что вернувшемуся из экспедиции на Аргут, для обсуждения подготовки следующей для него и первой для Музея-института семьи Рерихов экспедиции на Алтай с целью изучения древнего наскального изобразительного искусства. Были намечены встречи в Сибирском отделении РАН в Академгородке и в Национальном музее Республики Алтай (тогда ещё Горно-Алтайском краеведческом музее) им. А. В. Анохина в Горно-Алтайске. Конечно же, было желание встретиться и с Н. Д. Спириной, с которой тогда знаком я не был, ближе познакомиться с деятельностью Сибирского Рериховского общества, с процессом развернувшегося строительства Музея Н. К. Рериха в Новосибирске, погрузиться в мир высоких и красочных образов живописи Н. К. Рериха в Новосибирском художественном музее.

Эта неполная неделя в Сибири была временем, когда нам открывались все двери. И лично для меня многое было свежим и новым. Как будто сам Дух Сибири благоволил нам и осторожно, но уверенно открывал некоторые свои тайны.

В тот год весна была ранней, и мы с Евгением Палладиевичем не только наслаждались составлением плана летней экспедиции, предвкушая открытие новых петроглифов и изваяний, погружение в прекрасный мир природы и древностей загадочного Алтая, но и гуляли по солнечному Академгородку, знакомились с этим замечательным научным центром и его светлыми, открытыми, глубокими людьми. Были интересные встречи в Институте археологии и Институте математики, а также, конечно, посещение музея, ознакомление с его экспозициями. Именно там тогда находились обе открытые сибирскими археологами в мерзлоте Укока алтайские мумии, теперь уже столь знаменитые!

Была поездка и в Горно-Алтайск, где состоялось знакомство и завязалась многолетняя дружба с тогдашним директором Музея им. А. В. Анохина Риммой Михайловной Еркиновой. Мы обсудили наши экспедиционные планы, маршрут и решили, что ближайшая летняя экспедиция станет совместной для двух музеев. Римма Михайловна организовала встречу с тогдашним министром культуры и кино республики Иваном Итуловичем Белéковым, одобрившим наши начинания. Тогда же мне открылось творчество замечательного алтайского художника и общественного деятеля Г. И. Чорос-Гуркина, первое знакомство с которым произошло, конечно же, в доме у Людмилы Степановны. И тогда же была задумана выставка работ Г. И. Чорос-Гуркина у нас в музее, как только мы будем к этому готовы.

Новосибирск тоже был приветлив. Замечательное собрание картин Н. К. Рериха, находящееся почти целиком в постоянной экспозиции, производило сильное впечатление. Конечно, вспомнилось, что распределение в конце 1950-х гг. Юрием Николаевичем Рерихом картин Николая Константиновича между Москвой, Ленинградом и Новосибирском было несколько иным. И часть работ, предназначенных Новосибирску, в Новосибирск не попала, и, напротив, попали некоторые из работ, предназначенных в Ленинград, в частности, *«Бэда-проповедник»* (1945). И как тут не вспомнить рериховские слова: «Каждый из нас помнит прекрасную поэму “Бэда-проповедник”, когда камни грянули в ответ на его зовущее слово. Если камни мо-

Встреча с И. И. Белековым. Горно-Алтайск. 2002. На снимке (*справа налево*): Римма Еркинова, Иван Белеков, Алексей Бондаренко и Андрей Ярыгин

гут согласиться и стройным хором утверждать что-то, неужели люди ниже камней?»[5].

Нет, не ниже! Сибирские последователи Н. К. Рериха и в науке, и в общественно-просветительской работе, и в новом строительстве демонстрировали и силу научного познания, и примеры единения, и стройность строительной работы. Имею в виду и мощный научный фронт, включающий такие имена, как А. П. Окладников, В. Е. Ларичев, Е. П. Маточкин, В. Д. Кубарев и другие. Воистину, у этих учёных говорили камни! И, конечно, не могла не радовать и приятно удивлять массовая активность и сплочённость сибиряков в деле строительства Музея Н. К. Рериха. Ни в Москве, ни у нас в Петербурге такой массовой поддержки созданию рериховских музеев не было. Поэтому желание посетить Сибирское Рериховское общество и строящийся музей было большим и с самого начала, и очень хотелось, если удастся и обстоятельства счастливо сложатся, встретиться и с Наталией Дмитриевной Спириной, создательницей СибРО и вдохновительницей музейного строительства в Новосибирске и в Горном Алтае. Её присутствие в эти дни неявно ощущалось, а зачастую и проявлялось в наших долгих обсуждениях и разговорах с Евгением Палладиевичем во все эти мартовские дни.

И вот перед самым концом моего пребывания в гостеприимном доме Маточкиных слышу от Евгения Палладиевича вопрос: «Ну, что? Пойдём в гости к Наталии Дмитриевне? Она сегодня ждёт нас с тобой во второй половине дня». Оказывается, накануне Евгений Палладиевич позвонил Наталии Дмитриевне и договорился о встрече. Несмотря на проблемы со здоровьем и не очень хорошее самочувствие Наталия Дмитриевна захотела встретиться с нами, да и для Евгения Палладиевича дверь её дома, как я понял, всегда была открыта.

В ответ на наш звонок нам открыла дверь она из сотрудниц-помощниц Наталии Дмитриевны и, предложив освободиться от верхней одежды, попросила немного подождать. Затем мы были приглашены в кабинет, украшенный большими вазами с

белыми цветами, где нас поджидала Наталия Дмитриевна и двое или трое её внимательных помощниц. Мы тепло поздоровались, и Евгений Палладиевич представил меня Наталии Дмитриевне. Было заметно, что Наталия Дмитриевна была очень рада видеть Евгения Палладиевича и с интересом ожидала нашего разговора и моего рассказа о Людмиле Степановне и наших делах в Петербурге, в том числе музейных.

Беседа была лёгкой и непринуждённой. Мы говорили о недавно учреждённом Музее-институте семьи Рерихов, о Санкт-Петербургском государственном университете, игравшем столь значительную роль в продвижении проекта нашего музея, обсуждали научные планы, в том числе намеченную экспедицию. Наталия Дмитриевна задавала доброжелательные и точные вопросы, была оживлена. Говорила о строительстве силами Рериховского общества Музея Н. К. Рериха, о значении этого музейного строительства и убеждённости в светлом суждённом пути этих дел. Коснулись общего несогласия с некоторыми моментами, имевшими место в московской «рериховской» среде. Успели поговорить о многом. Особенным был, если можно так сказать, обмен приветами с Людмилой Степановной…

Беседа с Наталией Дмитриевной длилась минут тридцать, может быть, несколько больше. Запомнился её спокойный голос, бодрый и местами радостный, и весь её умиротворённо-торжественный облик. Ощущение ровного света. Диалоги Наталии Дмитриевны и Евгения Палладиевича были диалогами давних любящих друзей. Окружавшие сотрудницы были само внимание, и ловили каждое слово своего наставника. Однако, Наталии Дмитриевне уже нужно было отдохнуть. Мы тепло попрощались…

На следующий день были посещение Сибирского Рериховского общества, здания строящегося Музея Н. К. Рериха и дружелюбная встреча с многочисленной группой сотрудников в новых помещениях. Были вопросы и ответы. Помнится, велась видеозапись этой встречи. Да, в то время все двери были открыты и наши сердца горели строительным энтузиазмом. Не утеряем же этого устремления!

ПРИМЕЧАНИЯ

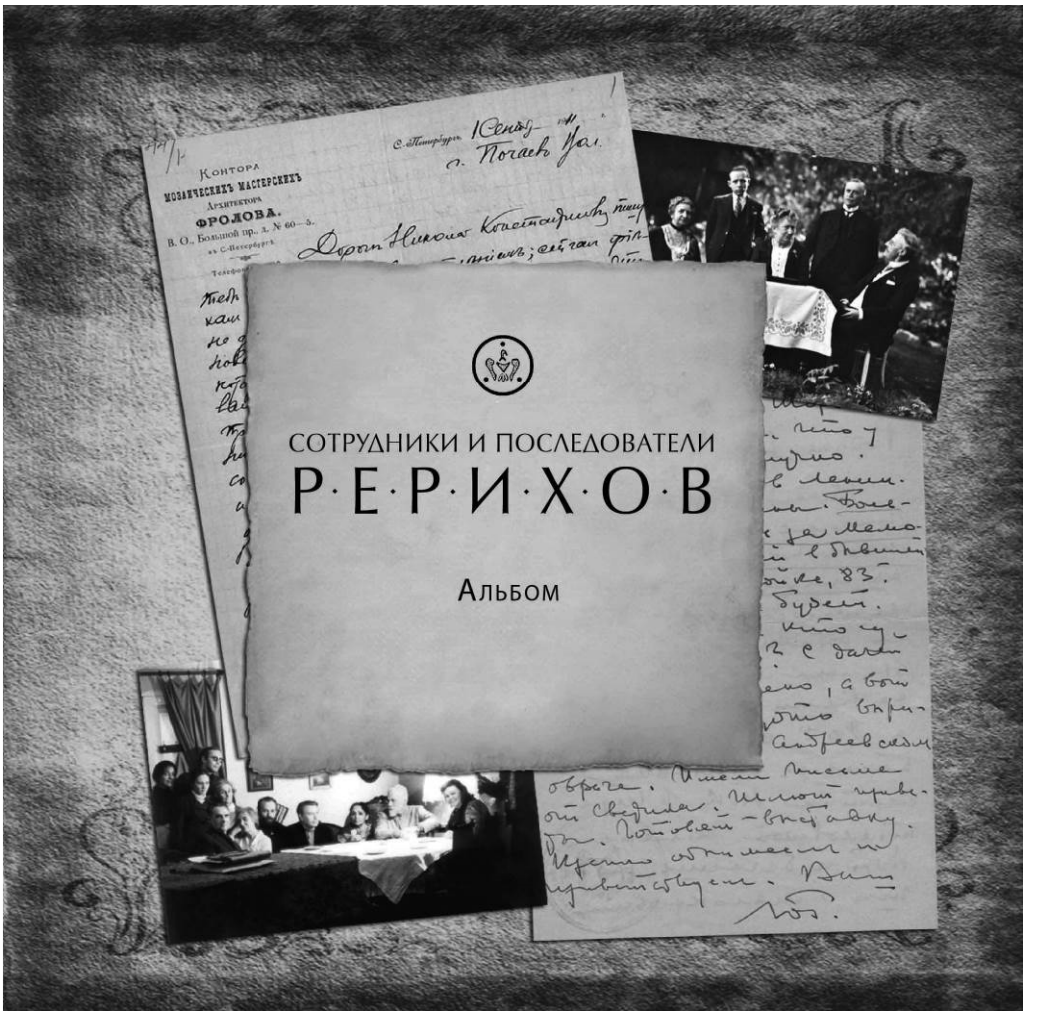
[1] *[Бондаренко А. А., Мельников В. Л., Ушаков Ю. А.]* Санкт-Петербург и семья Рерихов: сохраним преемственность. – СПб., 2001. – 40 с.

[2] *Митусова Л. С.* Праздник признания науки, просвещения и духовности // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 27.

[3] *Спирина Н. Д.* Обращение к участникам Первой международной конференции «Рериховское наследие» // *Там же.* – С. 31.

[4] О Е. П. Маточкине и его дружбе и сотрудничестве с Л. С. Митусовой и её друзьями см.: *Маточкин Е. П.* Гармония души // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 398–401; *Мельников В. Л.* Евгений Палладиевич Маточкин. Человек. Учёный. Продолжатель дела Рерихов // В настоящем издании ниже.

[5] *Рерих Н. К.* Музыка сфер // *Рерих Н. К.* Твердыня Пламенная. – Рига, 1991. – С. 248.



Обложка альбома по материалам выставки
в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов в 2011 г.
(авторы составители – В. Л. Мельников и А. А. Савкина)

VI. РЕРИХИ, ИХ СОВРЕМЕННИКИ, СОТРУДНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В. Л. ОССОВСКАЯ
(Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск»; Старый Изборск)

НИКОЛАЙ РЕРИХ И ГОРОД СВЯТОГО НИКОЛЫ

Духовным покровителем древнейшего Изборска, или, как его издавна зовут изборяне, – *хозяином* древнего града считается Николай Чудотворец, именно поэтому Изборск и называют городом Святого Николы [*ил. 1* и *2*]. Овеянный старинными преданиями и легендами, былинный город-воин Изборск не обошёл своим вниманием и русский художник, философ, учёный, писатель, археолог, поэт, педагог и выдающийся культурный деятель **Николай Константинович Рерих** (1874—1947), который был одним из первых кто поднял вопрос об огромной художественной ценности древнерусской иконописи и архитектуры.

За свою долгую и необыкновенно насыщенную творческую жизнь художник посетил множество уникальных и интереснейших мест. Однако особую роль в творчестве Николая Рериха играет Северо-Западный край России и образы памятников старины Псковской губернии. Мать художника Мария Васильевна Калашникова происходила из псковской купеческой семьи.

«Ты дивуешься на Псков, а мне он очень близок. Были мы с Еленой Ивановной там, а матушка моя Мария Васильевна Коркунова-Калашникова исконная псковичка», – писал Николай Константинович в письме Игорю Эммануиловичу Грабарю из индийской долины Кулу в 1946 г.[1]

Поездки по Пскову и губернии вошли в экспедицию Николая Константиновича по древнейшим городам России в 1903–1904 гг., когда он вместе с супругой, верной спутницей и вдохновительницей Еленой Ивановной Рерих, совершил путешествие, посетив более сорока городов, известных своими древнейшими памятниками старины. Целью этого «паломничества по старине» было изучение корней русской культуры, а результатом путешествия стала большая серия этюдов и картин художника и статьи, посвящённые впечатлениям от поездки.

«То, что нарисовал и написал Рерих после этой поездки, – это всё невелико по объёму в сравнении с тем, что видели глаза художника, и к чему припадала душа его, – писал русский историк и писатель Всеволод Никанорович Иванов. – Все, кто бывал в тех местах, знают, какая сила в этих памятниках, запечатлённых Рерихом на полотне»[2].

«Уже со времён Академии художеств я исследовал памятники, требующие охранения. В 1903-м году мы с Еленой Ивановной объехали, можно сказать, всё сердце России, запечатлевая, я – кистью, а Елена Ивановна в пятистах фотографиях, Пантеон древнего Искусства», – писал Николай Константинович своим американским сотрудникам[3].

Ил. 1 и *2.* Виды Изборской крепости в наше время

В начале 1904 г. более 70 этюдов, привезённых из поездки, были выставлены в одном из залов Императорского Общества поощрения художеств[4]. Название выставки – «Этюды русской старины» – искусствовед Сергей Ростиславович Эрнст посчитал слишком скромным для громадного цикла архитектурных этюдов и предложил «назвать эту сюиту “Пантеоном нашей былой Славы”, “Российскими Елисейскими Полями”»[5].

Вдохновлённый красотой древнерусского зодчества, Николай Константинович призывал: «Спешите, товарищи, зарисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незаметно близится конец её. Запечатлейте чудесные обломки для будущих зданий жизни»[6].

Тема Изборска нашла своё отражение в таких произведениях художника, как «*Изборск. Труворово городище*» (1903) [*ил. 7*], «*Старый Изборск (Городские стены Изборска)*» (1903) [*ил. 9*] и «*Дозор*» (1905) [*ил. 10*]. Николай Константинович восхищался древним городищем и стенами Изборской крепости, в статье «По старине» (1903), написанной как путевые впечатления, он писал: «На Изборских башнях кое-где ещё остаются следы узорчатой плитной кладки и рельефные, красивые кресты, которыми украшена западная стена крепости. Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска?». И далее: «Знал легендарный Трувор, где сесть под Изборском, у Словенского Ручья, и гораздо хуже решили задачу псковичи, перенёсшие городок на гору Жераву»[7].

Искусствовед, специалист по древней архитектуре, доктор исторических наук **Владимир Владимирович Косточкин** (1920—1992) в своей книге «Тропой легендарного Трувора» (1971) писал:

«Словно грудь бравого героя выпятилась... именно западная – лобовая – стена, оснащённая высоченными башнями. Как бы шагнувшие вперёд, в сторону противника, они настойчиво и уверенно тянут её за собой, как на этюде Рериха “Изборск. Башни” (1903)...

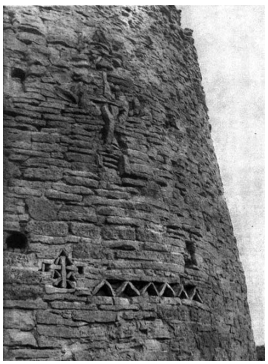
Сразу, с первого взгляда, кажется, что все башни одинаковы, как солдаты в серых шинелях, и подобны друг другу, но это лишь мимолётное впечатление. Их могучие... объёмы с щелевидными бойницами... создают образ дикой, чудовищной силы... Крепостей, подобных Изборской, нет в древнерусском зодчестве...

Богатырями земли русской представились они и Н. К. Рериху. Он запечатлел их на суровом холсте небольшого этюда плотной группой... как бы стоящими плечом к плечу. То же ощущение силы и непоколебимой мощи художник передал и в своих более крупных произведениях "Дозор" и "Тайник", где могучий строй удвоенных по числу... изборских башен предстаёт перед зрителем во всём величии своей непревзойдённой суровой красоты и лаконичности... Глядя на изборские башни, вы особенно остро ощущаете, что за ними Русь и отходить некуда... По общей цельности... и неповторимости художественного облика эти башни являются настоящим эпосом народа, воплощённым в строительном материале и суровых архитектурных формах.. Глядя на эту крепость, невольно думаешь о том, что люди приходят и уходят, что век каждого из них слишком короток по сравнению с вечностью, но творения людей надолго переживают их, служат памятником их славному труду и деятельности на благо отечества... привлекая внимание суровой простотой архитектурных форм...»[8].

Существует версия, что именно в Изборске Николай Константинович познакомился с **Александром Ивановичем Макаровским** (1888—1958), выдающимся педагогом, богословом, историком, коллекционером и собирателем легенд и сказаний Изборского края.

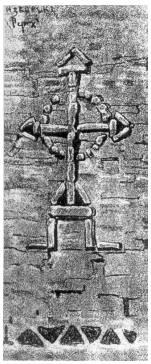
А. И. Макаровский – профессор Ленинградской Духовной академии, магистр богословия, крупный специалист в области истории Русской Церкви. Родился 6 ноября 1888 г. в городе Пскове в Кремле, где в церковном доме жила семья Ивана (Иоанна) Сергеевича Макаровского, диакона Троицкого кафедрального собора. Мать Александра Ивановича Елена Михайловна, урождённая Смирнова, была дочерью протоиерея того же собора. Кроме Александра Ивановича в семье было ещё четверо детей.

В 1909 г. А. И. Макаровский блестяще закончил Псковскую Духовную семинарию, а в 1913 г. Петербургскую Духовную академию в первом разряде, получив степень кандидата богословия. С марта 1914-го до августа 1918 г. Александр Иванович работал преподавателем логики, психологии, философии, педагогики и дидактики в Псковской Духовной семинарии. До весны 1919 г. Александр Иванович ещё преподавал во Пскове, читал историю, а в 1919 г. он переехал в Изборск, где жили его родители (отец его служил тогда священником изборского Никольского

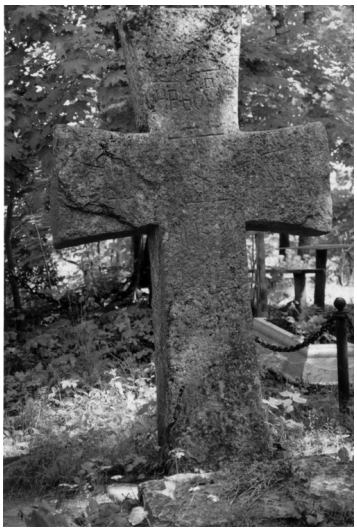


Ил. 3[9]

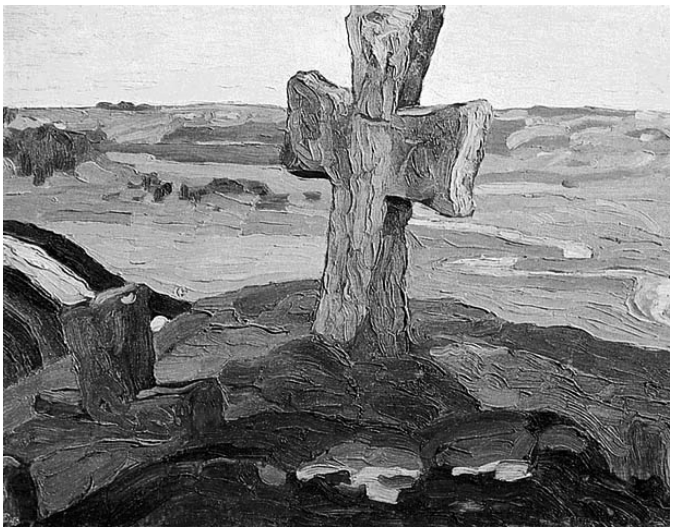
Ил. 4[10]



Ил. 5[11]



Ил. 6[12]

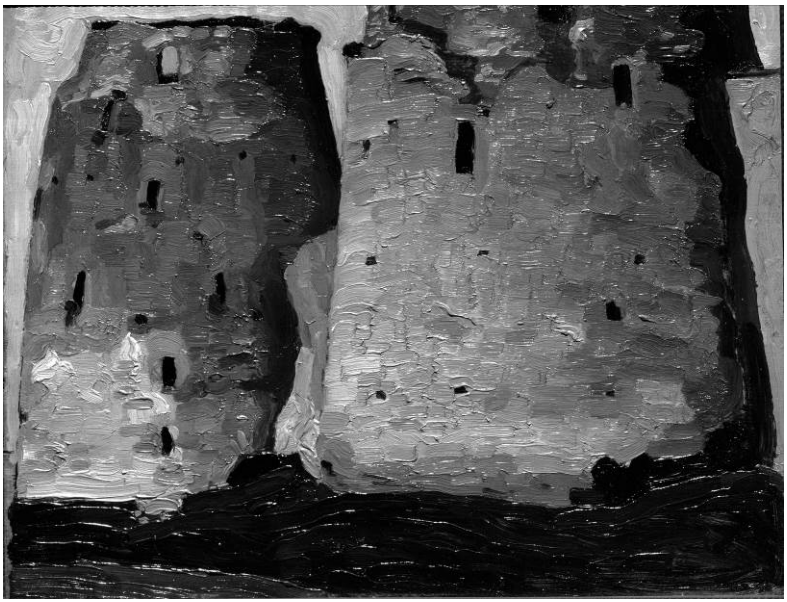


Ил. 7[13]

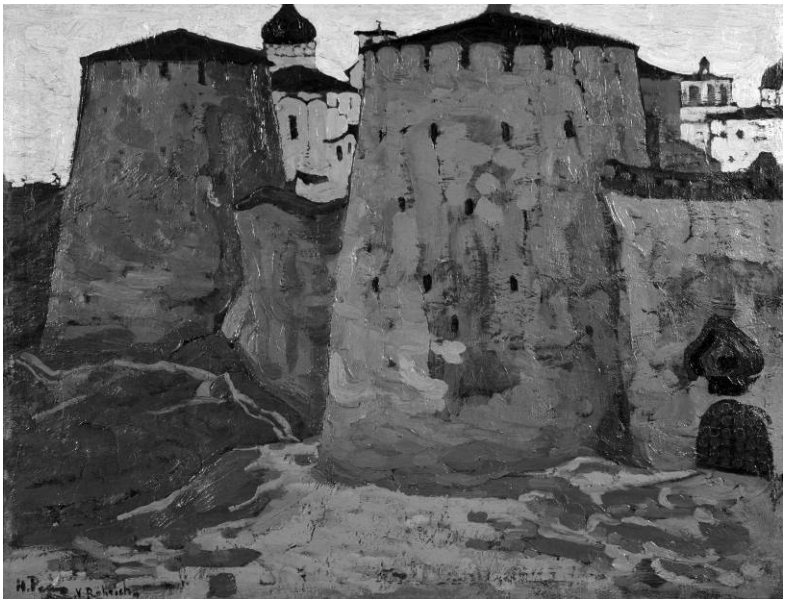
собора). Александр Иванович пошёл работать в первую Изборскую шестиклассную школу и до сентября 1940 г. являлся её бессменным заведующим. За эти годы он не только построил новое двухэтажное здание школы с преподаванием на русском языке (а в те годы Изборск входил в состав Эстонской буржуазной республики), но и сделал всё для того, чтобы вскоре Изборская школа стала настоящей методической базой для учителей Печорского уезда.

Министерство народного просвещения Эстонской республики включило Изборск в план обязательных школьных экскурсий. Руководителем их был назначен Александр Иванович. Он проводил для школьников Изборска и других мест Эстии интереснейшие экскурсии по историческим местам, памятникам архитектуры и археологии Изборского края. Практически весь период работы в Изборской школе полностью отражён в труде Александра Ивановича «Летопись Изборской школы». Эту летопись он вёл все эти годы, и сейчас она хранится в Государственном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Изборск».

Кроме работы в школе, А. И. Макаровский на протяжении многих лет являлся председателем Изборского культурно-просветительного общества. С особым трепетом он относился к истории Изборска и Печор. Он заказывал редкие книги по истории и археологии из букинистических магазинов Эстонии, много писал по истории края. Часть его материалов была опубликована в периодической печати Эстонии и Латвии, другая осталась в рукописях. Также он является автором двух учебников по истории для четвёртых и пятых классов. Александр Иванович выступал перед изборянами с докладами и статьями на темы общей русской педагогики и дидактики, истории и археологии Псковщины. Им опубликованы несколько статей по истории Изборска и Псково-Печерского монастыря.

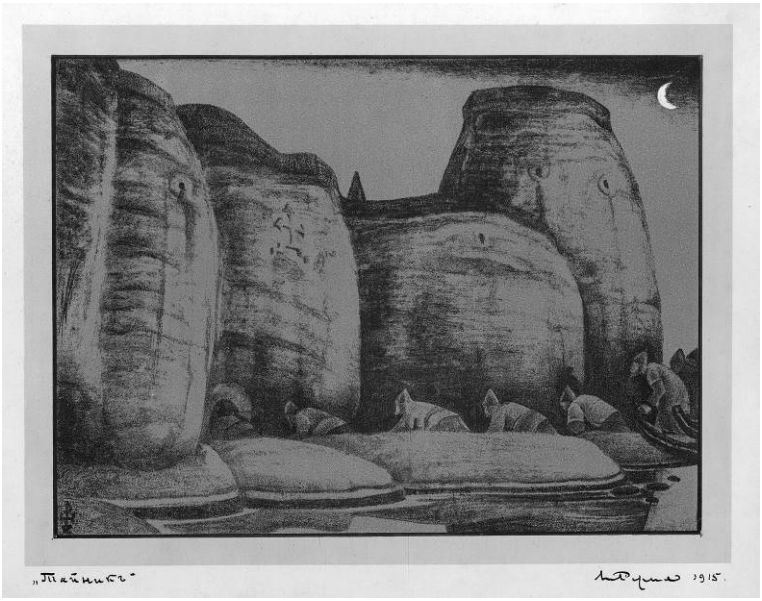


Ил. 8. **Н. К. Рерих.** Изборские башни. (Башни Вышка и Рябиновка). 1903. Фанера, масло. 31,0 × 40,5 © Государственный музей Востока. Инв. № 5557 II.



Ил. 9. **Н. К. Рерих.** Старый Изборск. (Городские стены Изборска). 1903. Холст, масло 51,1 × 63,9. © Частное собрание, Россия[14]

Ил. 10. **Н. К. Рерих.** Дозор. 1905. Холст, масло. 148 × 148
©Государственный Русский Музей. Инв. № Ж-2003



Ил. 10. **Н. К. Рерих.** Тайник. 1915. Бумага, цветная автолитография. Размер изображения: 22,1 × 28,8
© Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Отдел эстампов. Инв. № Э Гр. 3542

Макаровский воспитал целое поколение изборян на уважении к древней истории и любви к своему краю. Именно его ученики были инициаторами создания в Изборской библиотеке исторического кружка, на базе которого был создан Изборский музей на общественных началах.

В 1949 г. Александр Иванович был приглашён на должность доцента кафедры истории Русской Церкви в Ленинградскую Духовную академию. В 1951 г. защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора. За время работы в Ленинградской Духовной академии и семинарии у него учились многие деятели Русской Православной Церкви, среди них патриарх Московский и Всея Руси **Алексий II** (в миру *Алексей Михайлович Ридигер*; 1929—2008) и епископ Русской Православной Церкви на покое, бывший митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский **Владимир** (в миру *Владимир Саввич Котляров*; род. в 1929 г.), который писал кандидатскую работу под руководством Александра Ивановича.

Ил. 12. А. И. Макаровский
© ГИАПЛМЗ «Изборск»

Александр Иванович был знаком со многими деятелями культуры и искусства, жившими за рубежом. Писатель **Леонид Фёдорович Зуров** (1902—1971), который в 1937–1938 гг. по заданию парижского Музея человека проводил археологическое исследование Печорского уезда, не обошёл стороной дом Макаровских. Там он, бесспорно, мог получить исчерпывающую информацию об археологии Изборского края. В доме Александра Ивановича бывали художники **Евгений Евгеньевич Климов** (1901—1990) и **Эрик Дмитриевич Прэн** (1894—1985). До сих пор в семье хранятся их работы, подаренные Александру Ивановичу.

Распространена версия о том, что Н. К. Рерих познакомился с Александром Ивановичем и бывал в его доме во время своей экспедиции по древнерусским городам в 1903 г., но это пока остаётся лишь легендой, передаваемой из уст в уста, так как никакими документами данный факт не подтверждается, а даже наоборот опровергается. Во-первых, в 1903 г. Макаровские не жили в Изборске – отец Александра Ивановича Иван Сергеевич Макаровский получил место второго священника в Никольском соборе в Изборской крепости в 1909 г. и только тогда семья Макаровских переехала в Изборск. Сам же Александр Иванович обосновался здесь постоянно лишь в 1919 г. Во-вторых, даже если в 1903 г. он всё же мог оказаться в Изборске и познакомиться с Николаем Константиновичем, то вряд ли это знакомство было столь серьёзным, ведь в тот год Александру Ивановичу Макаровскому было всего пятнадцать лет. Более того, дом Макаровских, который и сейчас стоит в Изборске и который связывают с визитом Николая Константиновича в Изборск, в свою очередь, с ним никак не может быть связан. Как нам стало известно из беседы с внуком Александра Ивановича Макаровского Александром Сергеевичем, земля, где ныне стоит дом, была приобретена семьёй Макаровских лишь в 1926 г. у Клавдии Петровны Уберской, об этом свидетельствует и купчая. Сам дом

был построен ещё позже, примерно в 1927–1928 гг. Также Александр Сергеевич Макаровский рассказал нам, что в их семье действительно из поколения в поколение упоминается фамилия Рериха и некая его связь с семьёй, но какая именно – семейное предание не сохранило. На данный момент выявлено одно единственное упоминание имени Макаровского в переписке Р. Я. Рудзитиса с Н. К. Рерихом[15]. Опираясь на это упоминание, можно лишь утверждать, что Н. К. Рерих знал о нём, и Александр Иванович интересовался идеями Николая Константиновича. Были ли они лично знакомы – остаётся до сих пор невыясненным.

Сотрудники Изборского музея-заповедника продолжают исследовать вопрос пребывания Н. К. Рериха в Изборске и его связь с изборянами, более того, эта тема широко освещена в новой постоянно действующей экспозиции музея-заповедника, которая открыта с сентября 2012 г. в связи с празднованием 1150-летия первого упоминания Изборска в русской летописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Россия: Сб. / Ред.-сост. Е. Б. Дементьева. – М.: МЦР, 1994. – С. 69.
[2] *Иванов В. Н.* Рерих – художник-мыслитель. – Репр. воспроизведение изд. 1937 г. – Рига: Угунс, 1992. – С. 36
[3] *Рерих Н. К.* Письмо американским сотрудникам – Зинаиде Лихтман, Фрэнсис Грант и Морису Лихтману. – 6 декабря 1935 г. // *Рерих Н. К.* Письма в Америку. – М.: Сфера, 1998. – С. 87–88.
[4] См. об этом: *Мельников В. Л.* Пантеон древнего Искусства. К 100-летию первых персональных выставок Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 78–182.
[5] *Эрнст, Сергей.* Н. К. Рерих. – Сентябрь 1916 г. – Пг., 1918. – С. 55–69.
[6] *Рёрих Н.К.* Записные листки. XV. Спас Нередицкий. – 1906 г. // Золотое Руно. – М., 1906. – № 2. – С. 96.
[7] *Рерих Н. К.* По старине. – 1903 г. // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. II–III: Н. К. Рерих. Археология. Книга первая: Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918. – Самара: Агни, 1999. – С. 446, 448.
[8] Цит. по изд.: *Косточкин В. В.* Тропой легендарного Трувора: Изборск, Малы, Сенно. – М.: Искусство, 1971. – 127 с. с ил. – Серия «Дороги к Прекрасному».
[9] Декоративные кресты и орнамент на башне Вышке Изборской крепости. Современное фото.
[10] Декоративный крест на западной стене Изборской крепости. Современное фото.
[11] **Н. К. Рерих.** Изборск. Рельефный крест на прикладке западной стены. Рисунок. Музей современного искусства, Сан-Франциско (данные 1916 г.). На лицевой стороне рисунка вверху слева автограф: *ИЗБОРСКЪ Рерихъ*.
[12] Труворов крест. Современное фото.
[13] **Н. К. Рерих.** Изборск. Труворово городище. Фанера, масло. 31,0 × 41,4. © Государственный музей Востока. Инв. № 5584 II.
[14] На лицевой стороне холста внизу слева автограф: *Н. Рерихъ N. Röhrich 3.*
[15] Рихард Рудзитис – Николаю Рериху (Таллин, 27.08.1938): «В Печоре какой-то Конев, руководящий обществом местной молодёжи, сильно интересуется Вашими идеями, а в Изборске – Макаровский» (Письма с гор. Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом: В 2 т. – Т. 2. 1938–1940. – Минск: Лотаць, 2000. – С. 155).

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

РЕРИХ И ДЕЯТЕЛИ РУССКОГО ФУТУРИЗМА: БУРЛЮК, ХЛЕБНИКОВ, МАЯКОВСКИЙ[1]

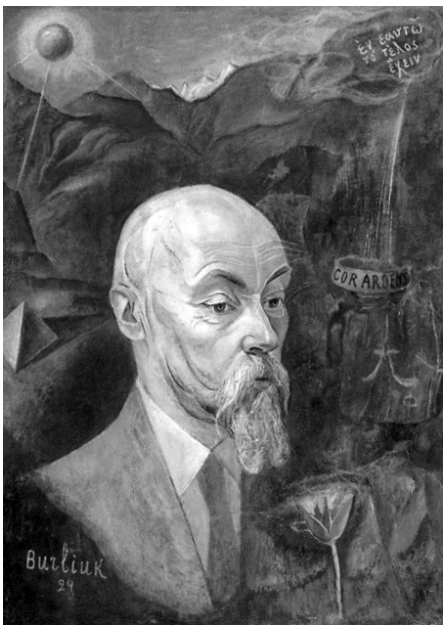
«Американские художники из Российской империи» – так называлась выставка, которая проходила с 19 февраля по 1 июня 2009 г. в Корпусе Бенуа Государственного Русского музея. На этой выставке отечественной публике впервые был представлен портрет **Николая Константиновича Рериха** (1874—1947) кисти известного деятеля русского футуризма **Давида Давидовича Бурлюка** (1882—1967). Впервые этот портрет попал в поле зрения отечественных рериховедов в 2005 г., после обнаружения в петербургском собрании Б. Н. Васильева его чёрно-белой фотографии. И вот теперь – выставка в Русском музее, продолжившая цикл «Искусство русской эмиграции». В состав выставки, проведённой совместно с Фондом международного искусства и образования (Вашингтон), вошли произведения живописцев и скульпторов, уехавших из Российской империи и Советского Союза до конца 1930-х гг. и не вернувшихся на Родину. Увидев тогда этот замечательный портрет кисти Д. Д. Бурлюка, я подумал о том, что существовали естественные связи между рериховским наследием и русским футуризмом, и было бы интересно поразмышлять по этому поводу.

* * *

«Портрет профессора Н. К. Рериха»[2] [*ил. 1*] происходит из собрания Христиана Бринтона, который подарил его Филадельфийскому художественному музею (штат Пенсильвания). Выполнен он на холсте маслом, его размеры 61,3 × 45,7 см. Написан в 1929-м году – в год наибольшего расцвета деятельности Н. К. Рериха в США. Тогда же был создан ещё один, стилистически очень близкий к нему карандашный портрет Н. К. Рериха [*ил. 2*], известный по воспроизведению в монографии «Рерих. Жизнь и творчество. 1917–1930» [*ил. 3*]. Символика произведения насыщена самыми разнообразными реминисценциями рериховского наследия в духе футуризма.

Из сине-серых водных глубин прорастает и тянется к запечатлённому на портрете художнику цветок лилово-розового Лотоса – многозначный символ мировой культуры. В разных культурных традициях он имеет разное значение, но всегда позитивное. Н. К. Рерих использовал его в своём творчестве многократно[3], демонстрируя уважение к ценностям различных культур. В архаичных символических системах Лотос – это Космос, поднимающийся из хаоса, как Солнце, взошедшее из Лотоса в начале мира. Это цветок света, результат взаимодействия созидательных сил Солнца и лунных сил воды. Будучи продуктом взаимодействия огня и воды, он символизирует Дух и Материю. Лотос – это совершенная красота. Он формирует чашу, символизирующую воспринимающий женский принцип. Согласно античному философу

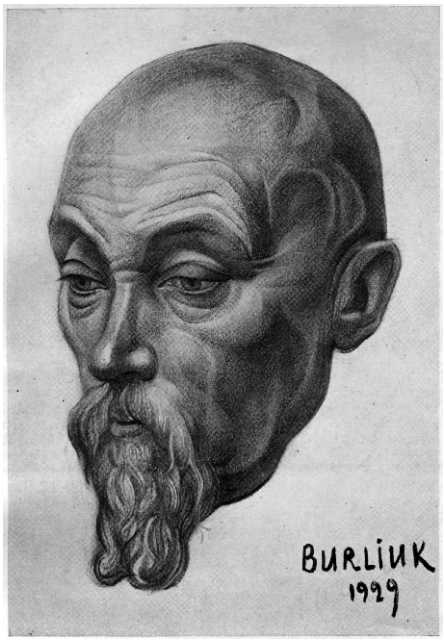
Ямвлиху, Лотос – символ совершенства, поскольку его листья, цветы и плоды образуют круг. Таким образом, Лотос олицетворяет духовное раскрытие, начиная свой рост из тьмы глубин и прорастая вверх через мутные воды, чтобы раскрыться на Солнце и в свете небес. Корень его олицетворяет нерастворимость, стебель – пуповину, привязывающую человека к своим истокам, цветок имеет форму солнечных лучей, коробочка с семенами символизирует плодоносную силу творения. В его бутоне сокрыты все возможности. Его цветение – это расширение, просвещение, сердце, космическое колесо мира явлений. Согласно традиции китайского буддизма, «Лотос Сердца» олицетворяет солярный огонь, а также время, невидимое и всепоглощающее, раскрытие всего сущего, мир, гармонию, союз. В Иране Лотос символизирует Солнце и свет. В символизме майя он олицетворяет Землю, проявленную Вселенную. В шумеро-семитской традиции Лотос олицетворяет Солнце и солнечных богов, а также лунных богов с Великой Матерью. Кроме того, он символизирует, с одной стороны, творческую силу, а с другой – жизнь и смерть, воскресение и бессмертие. Поэтому во многих культурах Лотос олицетворяет прошлое, настоящее и будущее, поскольку каждое растение имеет бутоны, цветы и семена одновременно. Также Лотос – это символ человека благородного, «выросшего из грязи, но ею не запачканного». У египтян Лотос означает «огонь интеллекта», творение, плодородие, возрождение, бессмертие, царскую власть. Как атрибут Изиды он олицетворяет плодородие, девственность, чистоту. В греко-римской культуре Лотос (наряду с Розой) – эмблема Афродиты (Венеры). В индуизме Лотос – высшая форма или аспект земного, движитель бессмертной и духовной природы человека, раскрытия всех способностей. В то же время Лотос олицетворяет солнечный принцип, трон бога Брахмы, рождённого из Лотоса. Бог Агни тоже родился из Лотоса. Лотос является символом мира, поскольку центр цветка иногда изображается как Гора Меру в аспекте мировой оси.



Ил. 1. Д. Д. Бурлюк
Портрет профессора Н. К. Рериха. 1929
© Philadelphia Museum of Art

Именно гипотетическую Гору Меру, блистающую своим снежным куполом, попробовал изобразить на дальнем плане портрета Д. Д. Бурлюк. Символику Лотоса он усилил активными «граффити» надписей и дополнительных изображений – горных хребтов, голубого небесного светила (своими тремя лучами-«антеннами» напоминающего будущий первый искусственный спутник Земли), отдельно стоящей пирамиды (символ духовной Иерархии) и чаши, покоящейся на «краеугольном Камне

мироздания». В правом верхнем углу на облаках, поднимающихся из горной долины со священным озером, художник начертал греческую надпись: *В нём самом конец исхода*. На чаше он написал: *Cor Ardens* – *Пылающее Сердце* – название основанного в Чикаго в 1921 г. Международного центра искусств, у истоков которого стоял Н. К. Рерих[4]. На «краеугольном Камне мироздания» – греческие буквы «альфа» и «омега», напоминающие об эпохальном полотне «раннего» Н. К. Рериха – *«Сокровище Ангелов»* (1904–1905), об общем содержании которого сам автор говорил: «Ангелы стерегут драгоценный краеугольный Камень мироздания, в котором заключено и добро, и зло, – символы чего начертаны на Камне»[5]. Применив своё собственное начертание, Д. Д. Бурлюк попытался проникнуть в глубинный символизм рериховский Живой Этики – замечательного Учения о единстве всего сущего, синтезирующего мудрость Запада и Востока. В символизме Живой Этики сердечная чаша – это вместилище духовных накоплений, множество изречений связано с сердцем. Из огромного набора образов и утверждений приведём лишь одно, прямо соответствующее композиции чаши и Камня на портрете: «Серебряная чаша приличнее Камню»[6]. Д. Д. Бурлюк изобразил чашу и Камень золотыми. На его картине из облака с греческой надписью в чашу изливается непрерывный поток благодати.



Ил. 2. Д. Д. Бурлюк. Портрет профессора Н. К. Рериха. 1929. Бумага, карандаш
Воспроизведено: *Бурлюк Д. Д.* Рерих. Жизнь и творчество. 1917—1930. – Нью-Йорк: Изд. М. Н. Бурлюк, 1930. – С. 3

* * *

Несколько слов о прежнем владельце портрета Н. К. Рериха **Христиане Бринтоне** (*Christian Brinton*, 17.9.1870—14.7.1942), американском художественном критике, писателе, лекторе, коллекционере, сыгравшем, быть может, ключевую роль в судьбах русского футуризма на американской земле. По данным Т. А. Галеевой (2007)[7], В. Н. Бендюрина (2009)[8] и С. Л. Бобровой (2009)[9], он владел огромной коллекцией русского искусства своего времени: несколькими картинами Н. К. и С. Н. Рерихов[10], серией работ Д. Д. Бурлюка, произведениями Б. Д. Григорьева и многих других русских художников.

В рериховедении он известен как автор нескольких статей о творчестве Н. К. Рериха и предисловия к каталогу его первой выставки в Нью-Йорке в 1920 г.[11] Ему принадлежат следующие слова о художнике Н. К. Рерихе: «Он определённо внёс величайший вклад в культуру и общество Соединённых Штатов»[12]. Содействовал турне Николая Константиновича по США в 1920–1922 гг. Не входя в Нью-Йоркские

рериховские учреждения, все годы симпатизировал художнику. Так, в трудный 1937-й год, когда из-за махинаций Луиса Хорша окончательно прекратил существование Музей Рериха в Нью-Йорке, в разгар судебных разбирательств между бывшими и настоящими сторонниками Н. К. Рериха, Христиан Бринтон для Филадельфийского Рериховского центра сделал доклад: «Рерих – художник и друг».

Христиан Бринтон был первым американским критиком, серьёзно интересовавшимся русским искусством и много популяризировавшим его. Посещал Россию в 1899, 1912 и 1925 гг. Решил содействовать проведению русских выставок под впечатлением от живописи «мирискусников» на выставке в Мальмё в 1914 г., на которой целый раздел занимал Н. К. Рерих. Начиная, как минимум, с 1918 г., участвовал в организации почти всех выставок русского и советского искусства или русских отделов международных экспозиций в США, автор многих предисловий к каталогам этих выставок и книгам о русском искусстве, а также статей. Популяризировал в США в основном современное европейское реалистическое искусство и модернизм. Именно в кругу Христиана Бринтона Н. К. Рерих мог наблюдать за развитием модернизма, включая футуризм, и общаться с его носителями. (В дальнейшем мы ещё напомним его строгие высказывания о модернизме).

Ил. 3. Обложка монографии Д. Д. Бурлюка, посвящённой жизни и творчеству Н. К. Рериха (Нью-Йорк, 1930)

Как зримое свидетельство этого общения осталась ещё одна картина, написанная Д. Д. Бурлюком, – **«Звезда Бринтона»** (1924). В центре композиции представлен портрет самого Христиана Бринтона [*ил. 4*], а вокруг, в лучах – портреты его девяти друзей, в основном, русских художников[13]. Изображены Сергей Конёнков, Борис Анисфельд, Николай Рерих, Сергей Судейкин, Борис Григорьев, Иван Народный, Абрахам Маневич, Александр Архипенко и Роберт Чанлер. О картине впервые сообщила Мари Лампард в статье, включённой в сборник, выпущенный в США[14].

* * *

Итак, сразу после приезда в США в 1920 г. Н. К. Рерих возобновляет связи с деятелями русского футуризма, оказавшимися в этой стране самыми разными путями. В 1924 г., после первой, «разведочной» поездки в Индию, он делится своими путевыми впечатлениями и новейшими творческими достижениями с ними. После встречи с Н. К. Рерихом как со старым другом Д. Д. Бурлюк проводит знаковую аналогию: «К каждой картине Н. К. Рериха можно набросать строки цветных поэм. Дух поэзии, настроений вдохновенных истекает из холстов Н. К. Рериха» (1924)[15].

В 1929 г. после успешного окончания своей Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рерих вновь прибывает в Нью-Йорк. Д. Д. Бурлюк с нетерпением ждал старшего товарища. Кроме двух портретов мэтра Давид Давидович создаёт книгу «Рерих. Жизнь и творчество. 1917–1930», в которую включает уникальные материалы трёх своих бесед с ним. В ней также упомянут Христиан Бринтон как основоположник американского рериховедения[16]. Первая беседа состоялась в 1922–м, вторая – в 1924-м, третья – в 1929-м годах. Были использованы материалы его бесед и с ближайшими сотрудниками рериховского музея в Нью-Йорке М. М. и З. Г. Лихтманами. Текст наполнен точными датами и цифрами; автор иногда дословно приводит речь Н. К. Рериха.

Ил. 4. С. Л. Боброва рассказывает о «Звезде Бринтона»
Воспроизведено: Дельфис. – М., 2010. – № 1 (61). – С. 126

Вот как Д. Д. Бурлюк описал, например, цель Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха: «…Проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры безмерного материка, что возможно найти неприкосновенным лишь в Тибете, ревниво оберегающем свои сокровища древних эпох от любопытных европейцев непроходимыми пропастями, горными ревущими потоками и перевалами, где лежат вечные льды, воют снежные бури, которые погребут неосторожного путника под холодными белыми саванами пустыни»[17]. В своей книге он описывает и атмосферу самих бесед, указывая, например, что третья из них, проходившая в августе 1929 г. в четырёхэтажном доме Музея Рериха на берегу Гудзона в Нью-Йорке, начиналась «в полутёмной зале у большого рояля», но потом участники беседы «перешли в более светлую комнату», и здесь имел место разговор, в коем также «приняли уча-

стие» Рабиндранат Тагор, Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Свен Гедин и «присутствовавшие реально: Бурлюк, Николай Константинович Рерих и Зинаида Григорьевна Лихтман»[18].

Приводя высказывания участников этой беседы, Д. Д. Бурлюк помещает в тексте книги и футуристические обобщения. Налицо своеобразное сотворчество «отца русского футуризма», одного «из основателей кубофутуристического движения во Франции и Германии»[19] и виднейшего «пророка Новой Эры», художника-мыслителя, «Мастера гор». Вот слова Д. Д. Бурлюка, сказанные во время беседы Н. К. Рериху: «Путь в грядущее лежит через познание тайн Прошлого. Чтобы постигнуть исчезнувшее, часто необходимо бывает воображение более грандиозное, чем для начертания будущего. Будущее можно проверить, дождавшись его прихода, но воображающий о прошедшем находится в гораздо худшем положении, ибо он часто не может убедиться в своей правоте»[20]. Как тут не вспомнить очень созвучное изречение Н. К. Рериха образца 1910 г.: «Мечтаю о прошлом и живу Будущим». И как тут не отметить, какой большой духовный путь проделал Д. Д. Бурлюк, придя в зрелом возрасте к тому, что с таким жаром отрицал в юности!

Ил. 5. Обложка каталога Международной выставки в Филадельфии в 1926 г.

Вполне футуристически (в позднем наполнении) звучат и наблюдения Д. Д. Бурлюка об особых свойствах гималайских картин мастера: «Истинное художественное произведение можно сравнить с аккумулятором, от которого исходит энергия электрических внушений. В каждом произведении отмечено, как в театральном действии, определённое часов количество для любования, разглядывания его. Многие произведения вмещают в себе запасы эстет-энергии на долгие сроки, как озёра горные, из коих неустанно вытекают великие реки воздействий, а истоки не иссякают. Таково творчество Николая Константиновича Рериха. Таковы его последние картины»[21].

Не правда ли, это наблюдение напоминает «антураж» портрета Н. К. Рериха 1929 г., с которого мы начали эту статью?

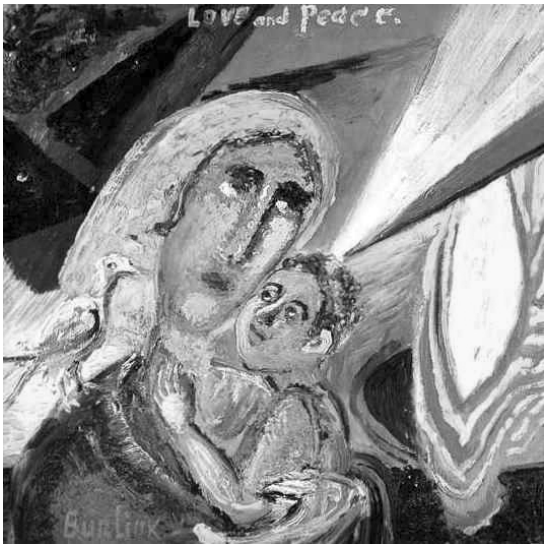
* * *

Ноберт Евдаев (2007) собрал интересные факты творческого сотрудничества Н. К. Рериха и Д. Д. Бурлюка в США.

Во-первых, это Международная выставка в Филадельфии в 1926 г., приуроченная к 150-летию американской Конституции [*ил. 5*]: «Художественный раздел выставки было поручено организовать обществу “Société Anonyme”, работу возглавил

доктор Христиан Бринтон как специальный комиссар по искусству от правительства Соединённых Штатов. <…> Христиан Бринтон уделил особое внимание мастерам русского искусства и отвёл им две галереи. Среди русских художников там были представлены: Н. Рерих, А. Архипенко, Б. Анисфельд, А. Маневич, Л. Фельдман, С. Судейкин, В. Чернов, Б. Григорьев, Ф. Захаров, Н. Фешин, Н. Циковский, Д. Бурлюк, М. Шагал, В. Кандинский, В. Бобрицкий, Удальцова, Н. Васильев, Г. Дерюжинский, С. Конёнков. Всего 112 работ. Предисловие к каталогу написала Кэтрин Дрейер, а текст с представлением художников – Христиан Бринтон. Он же высоко оценил работы Д. Бурлюка: "Живопись Бурлюка – это философская рапсодия в цвете". Выставка имела огромный успех и сильный международный резонанс. Интерес к новому искусству, и в частности к русскому, нарастал с огромной силой»[22].

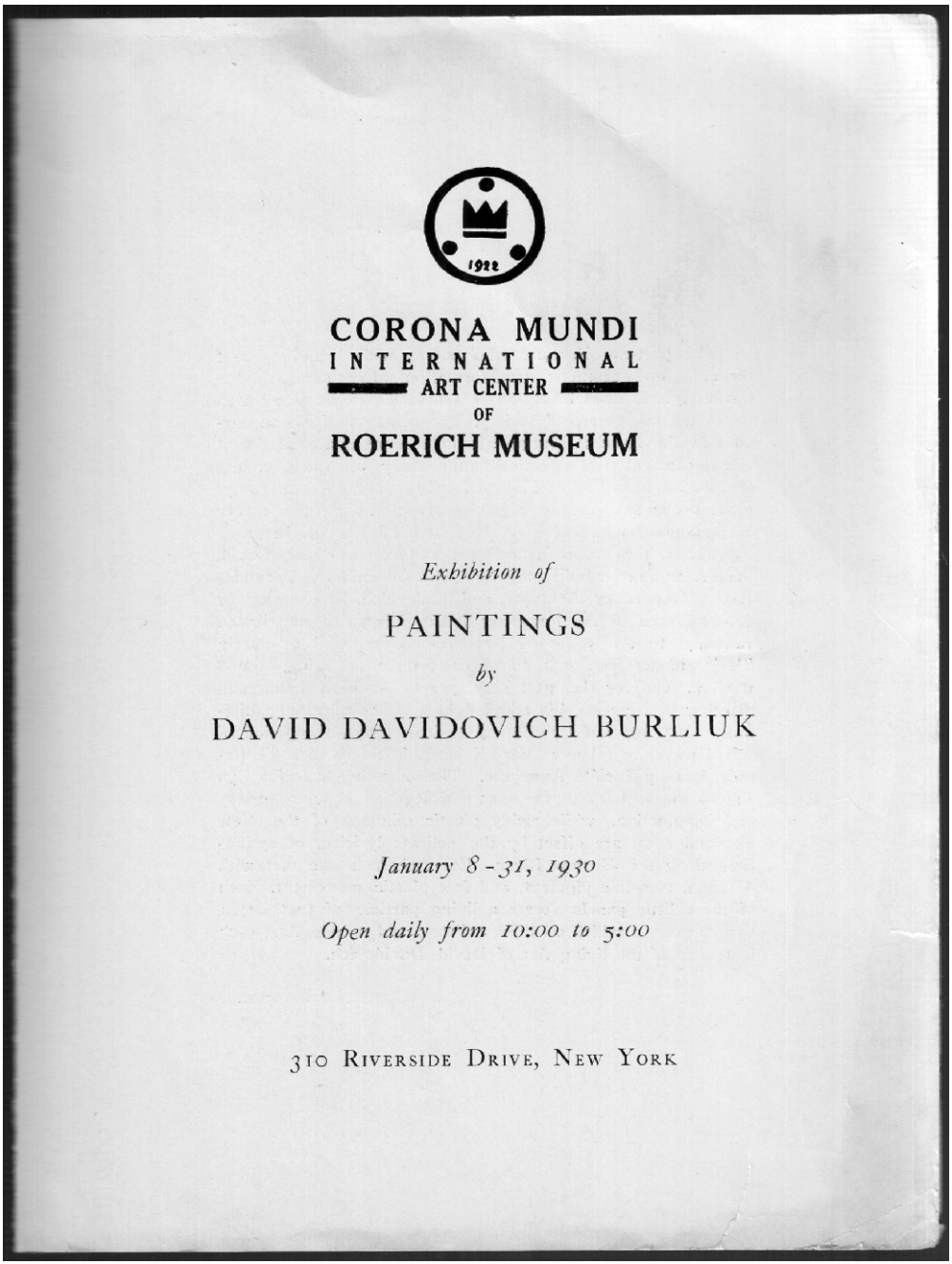
Во-вторых, Ноберт Евдаев отметил с каждым годом растущее сотрудничество Давида Бурлюка и Николая Рериха с известной просоветской газетой «Русский голос», выходившей в Нью-Йорке начиная с 1 февраля 1917 г. Д. Д. Бурлюк впервые перешагнул порог редакции этой газеты 22 марта 1923 г. «В газете стали печататься такие выдающиеся деятели, как Анатолий Луначарский, Карл Радек, Бонч-Бруевич, Максим Горький, Николай Евреинов, Николай Рерих, Илья Эренбург, Лидия Сейфулина и другие, и немалую роль в привлечении выдающихся людей к сотрудничеству с газетой сыграл Давид Бурлюк»[23].



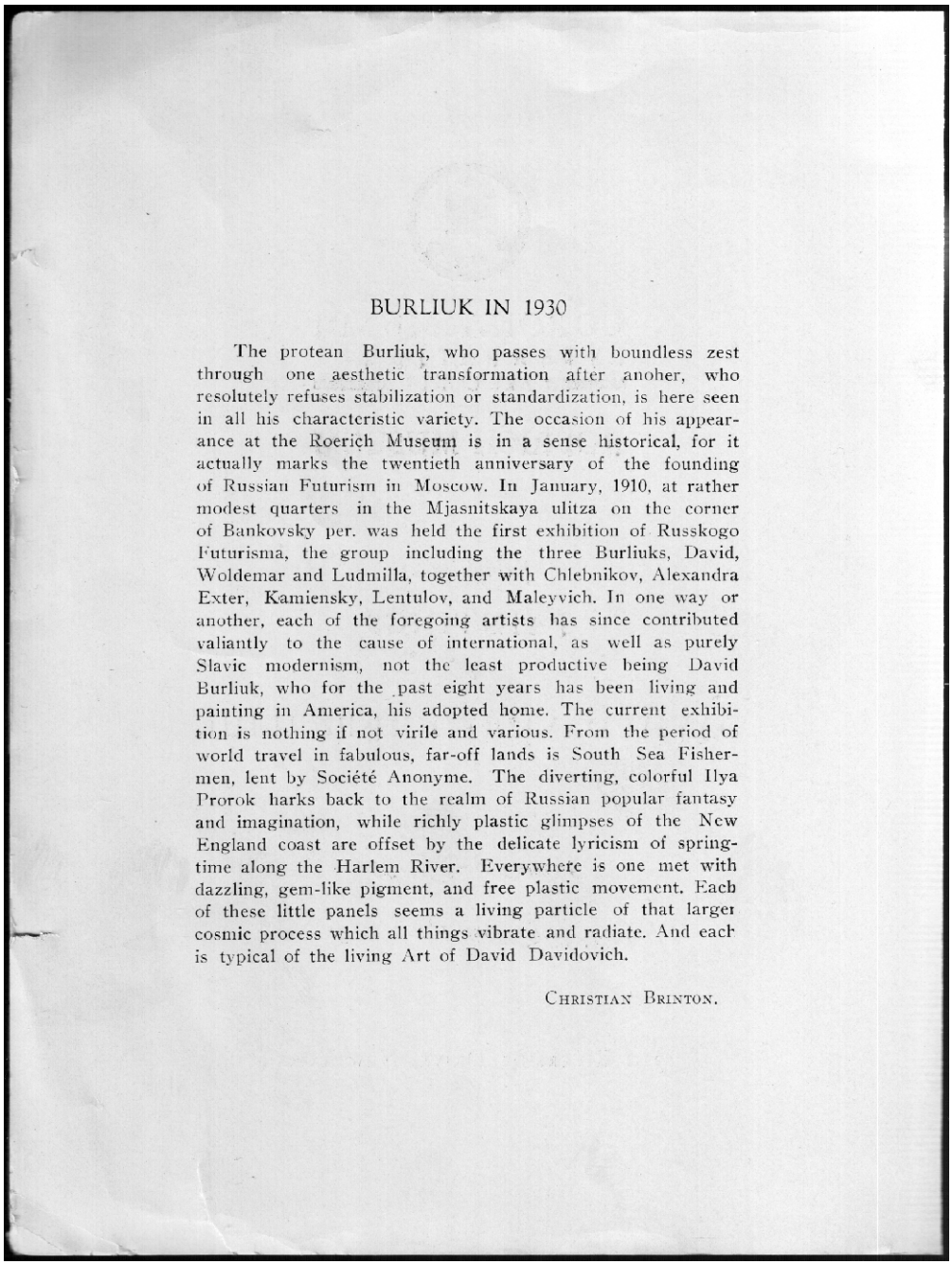
Ил. 6. Давид Бурлюк. Любовь и мир. 1914
Холст, масло. © Собрание А. М. Бэкермана (США)

В-третьих, Ноберт Евдаев указал ещё одно имя, объединившее обоих деятелей, ранее не фигурировавшее в рериховедческих исследованиях: американский художник **Роберт Астор Чанлер.** Двери его студии на Манхеттене по адресу *147 East 19th Street* всегда были открыты для художников и писателей. «Он дружил с художниками Николаем Рерихом, Сергеем Судейкиным, Серафимом Судьбининым, Львом Бакстом, Савелием Сориным»[24]. Также очень ценил как художника Д. Д. Бурлюка. Чтобы материально его поддержать, заказал ему два портрета и купил ещё несколько полотен. Именно в мастерской Р. А. Чанлера, в самом начале непростого эмигрантского существования, состоялась новая встреча Д. Д. Бурлюка с Н. К. Рерихом.

И, наконец, в-четвёртых, более всего объединила два имени выставка Д. Д. Бурлюка в Музее Николая Рериха на Манхеттене по адресу *310 Riverside Drive*. Выставка была открыта с 8 по 31 января 1930 г.



Ил. 7. Каталог выставки Давида Бурлюка в Музее Рериха в Нью-Йорке в 1930 г. Первая страница

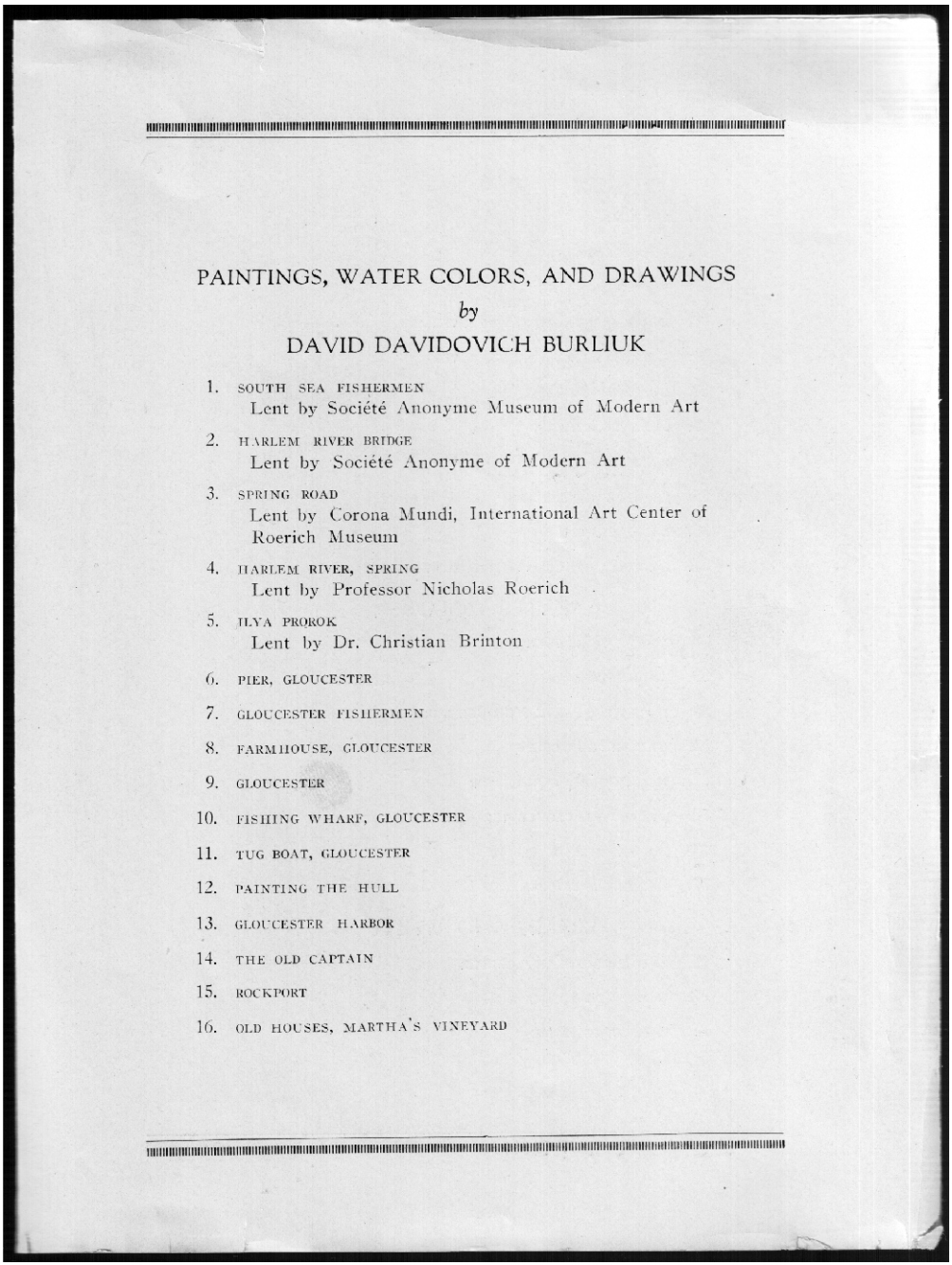


BURLIUK IN 1930

The protean Burliuk, who passes with boundless zest through one aesthetic transformation after anoher, who resolutely refuses stabilization or standardization, is here seen in all his characteristic variety. The occasion of his appearance at the Roerich Museum is in a sense historical, for it actually marks the twentieth anniversary of the founding of Russian Futurism in Moscow. In January, 1910, at rather modest quarters in the Mjasnitskaya ulitza on the corner of Bankovsky per. was held the first exhibition of Russkogo Futurisma, the group including the three Burliuks, David, Woldemar and Ludmilla, together with Chlebnikov, Alexandra Exter, Kamiensky, Lentulov, and Maleyvich. In one way or another, each of the foregoing artists has since contributed valiantly to the cause of international, as well as purely Slavic modernism, not the least productive being David Burliuk, who for the past eight years has been living and painting in America, his adopted home. The current exhibition is nothing if not virile and various. From the period of world travel in fabulous, far-off lands is South Sea Fishermen, lent by Société Anonyme. The diverting, colorful Ilya Prorok harks back to the realm of Russian popular fantasy and imagination, while richly plastic glimpses of the New England coast are offset by the delicate lyricism of springtime along the Harlem River. Everywhere is one met with dazzling, gem-like pigment, and free plastic movement. Each of these little panels seems a living particle of that larger cosmic process which all things vibrate and radiate. And each is typical of the living Art of David Davidovich.

CHRISTIAN BRINTON.

Ил. 8. Каталог выставки Давида Бурлюка в Музее Рериха в Нью-Йорке в 1930 г. Вторая страница



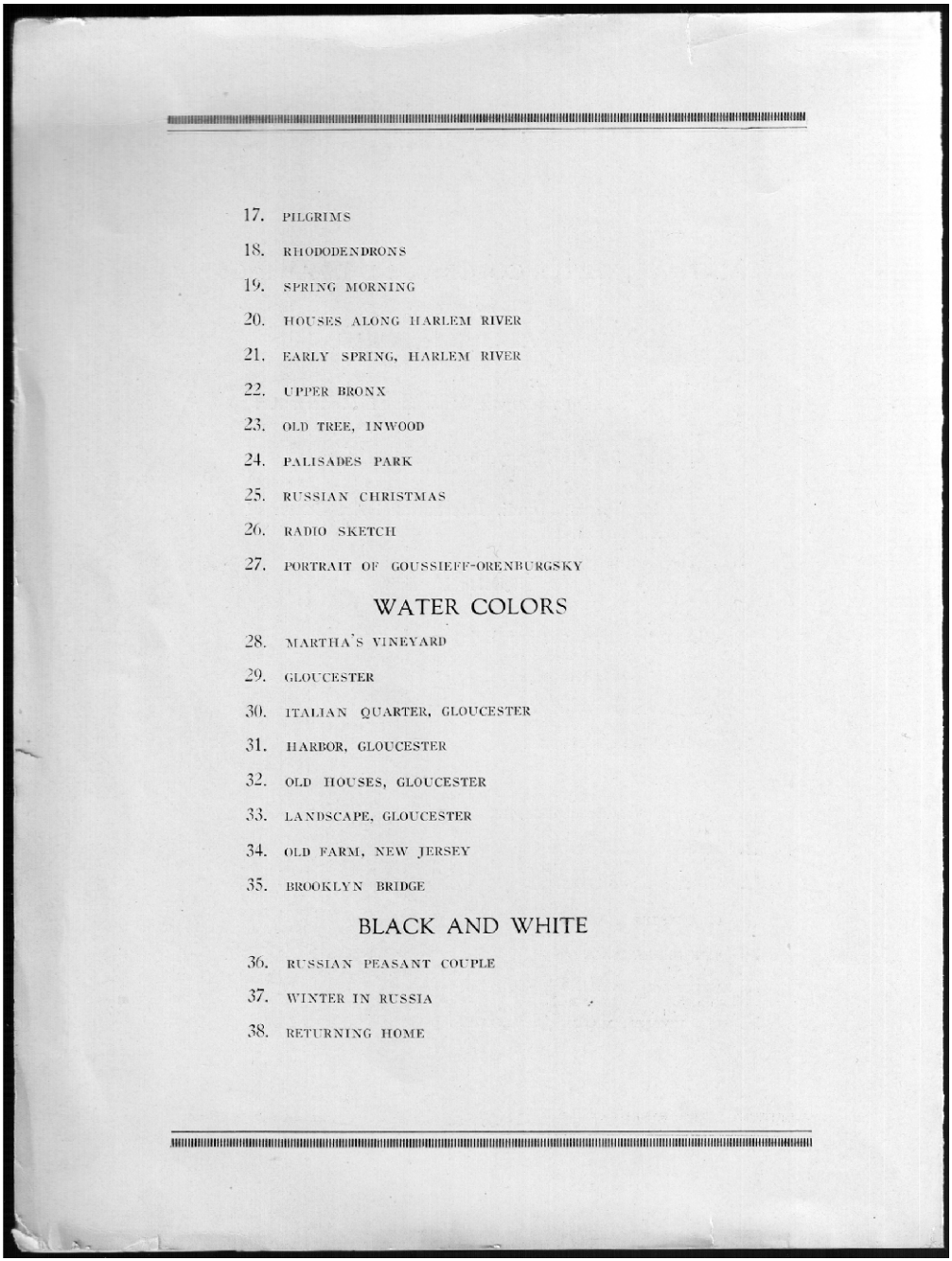
PAINTINGS, WATER COLORS, AND DRAWINGS

by

DAVID DAVIDOVICH BURLIUK

1. SOUTH SEA FISHERMEN
   Lent by Société Anonyme Museum of Modern Art
2. HARLEM RIVER BRIDGE
   Lent by Société Anonyme of Modern Art
3. SPRING ROAD
   Lent by Corona Mundi, International Art Center of Roerich Museum
4. HARLEM RIVER, SPRING
   Lent by Professor Nicholas Roerich
5. ILYA PROROK
   Lent by Dr. Christian Brinton
6. PIER, GLOUCESTER
7. GLOUCESTER FISHERMEN
8. FARMHOUSE, GLOUCESTER
9. GLOUCESTER
10. FISHING WHARF, GLOUCESTER
11. TUG BOAT, GLOUCESTER
12. PAINTING THE HULL
13. GLOUCESTER HARBOR
14. THE OLD CAPTAIN
15. ROCKPORT
16. OLD HOUSES, MARTHA'S VINEYARD

Ил. 9. Каталог выставки Давида Бурлюка в Музее Рериха в Нью-Йорке в 1930 г. Третья страница



17. PILGRIMS
18. RHODODENDRONS
19. SPRING MORNING
20. HOUSES ALONG HARLEM RIVER
21. EARLY SPRING, HARLEM RIVER
22. UPPER BRONX
23. OLD TREE, INWOOD
24. PALISADES PARK
25. RUSSIAN CHRISTMAS
26. RADIO SKETCH
27. PORTRAIT OF GOUSSIEFF-ORENBURGSKY

WATER COLORS

28. MARTHA'S VINEYARD
29. GLOUCESTER
30. ITALIAN QUARTER, GLOUCESTER
31. HARBOR, GLOUCESTER
32. OLD HOUSES, GLOUCESTER
33. LANDSCAPE, GLOUCESTER
34. OLD FARM, NEW JERSEY
35. BROOKLYN BRIDGE

BLACK AND WHITE

36. RUSSIAN PEASANT COUPLE
37. WINTER IN RUSSIA
38. RETURNING HOME

Ил. 10. Каталог выставки Давида Бурлюка в Музее Рериха в Нью-Йорке в 1930 г. Четвёртая страница

Как пишет Ноберт Евдаев, эта выставка была организована по инициативе самого Н. К. Рериха в помещении основанного им в 1922 г. Международного центра искусств «Corona Mundi». На выставке было представлено 27 работ, написанных маслом, 8 акварелей и 3 чёрно-белых рисунка. «Статью к каталогу выставки написал всё тот же Христиан Бринтон, в ней он утверждал, что появление Бурлюка в Музее Рериха имело в некотором смысле характер исторический, так как это событие ознаменовало двадцатую годовщину основания футуризма в Москве»[25] [*ил. 7–10*].

* * *

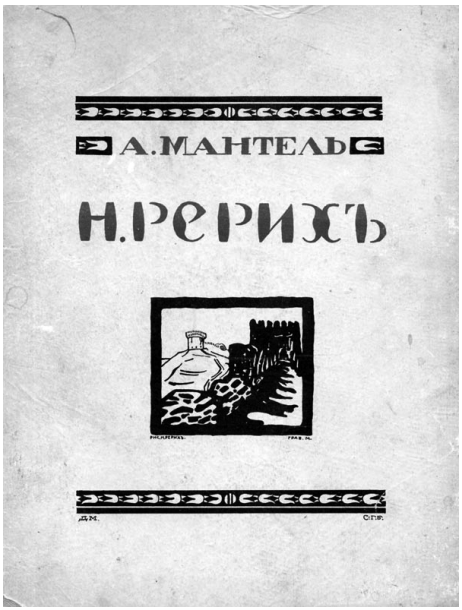
Совершенно очевидно, что такое доверительное общение в относительно поздний период жизни было бы невозможно без предшествующего длительного творческого взаимодействия обоих художников ещё в России. Данные об этом, к сожалению, до сих пор не систематизированы, поэтому в нашем исследовании мы попытались собрать те эпизоды, которые удалось «выудить» из отечественной периодики и биографической литературы.

Вероятнее всего, первая творческая встреча Н. К. Рериха и Д. Д. Бурлюка состоялась на петербургской выставке «Салона» С. К. Маковского в 1909 г.[26] Выставка была устроена в помещении Меншиковских комнат Первого кадетского корпуса. Экспонентами были художники различных направлений, в соответствии с задачей, поставленной перед собой устроителем: всесторонне показать современную русскую живопись: Д. Д. Бурлюк, И. И. Левитан, В. В. Кандинский, В. А. Серов, В. И. Суриков и многие другие. Н. К. Рерих представил 44 работы – среди них картины «*Бой*», «*Илья-пророк*», «*Славяне на Днепре*», «*Песнь о викинге*», пейзажи Финляндии, Италии и Германии, ряд театральных эскизов. Особый интерес общественности вызвала картина, впервые показанная публике, – «*Сокровище Ангелов*», написанная в 1904–1905 гг.[27] Таким образом, уже тогда Д. Д. Бурлюк мог воспринять идею краеугольного Камня мироздания в трактовке Н. К. Рериха.

Критики долго не могли примирить деятельность братьев Бурлюков с «мирискусниками». Так, И. И. Лазаревский в 1908 г. писал: «…Нельзя договариваться до утверждения того, что Серов и Левитан, Врубель и дягилевцы, среди которых Бенуа, Сомов, Рерих, К. Коровин, А. Головин, Е. Лансере, Билибин – ничто перед господами Бурлюками со присными»[28]. Точно так же другие деятели начала XX в. противопоставляли творчество Д. Д. Бурлюка академизму. В марте 1912 г. Н. И. Кульбин уверял, что «академизм – это старая солома, которую декаденты должны покрыть навозом, чтобы дать почву для нового искусства», и как аргумент приводил такое своё наблюдение: «Перед холстами Репина так не толпилась публика, как теперь толпится перед холстами Бурлюка»[29]. Лекцию Н. И. Кульбина, выступившего в Художественно-артистической ассоциации, прослушали А. Н. Бенуа, К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, А. А. Ростиславов, Д. Н. Кардовский, К. К. Врублевский и многие другие[30].

Так или иначе, но жизнь брала своё, и уже в сентябре 1913 г. на выставке «Современное искусство» в Художественном бюро Н. Е. Добычиной (Санкт-Петербург) вместе были представлены произведения Рериха, Бурлюка, Григорьева, Архипова, Бобышева, Богаевского, Браза, Гауша, Добужинского, Дыдышко, Лансере, Милиоти,

Переплётчикова, Остроумовой-Лебедевой, Петрова-Водкина, Бенуа, Шухаева, Юона, Яремича, Феофилактова и других. Правда, «благонамеренный» критик И. И. Ясинский особо оговаривал, что картины Бурлюка, «не имеющие на этот раз ничего общего с кубизмом», «довольно приличные и правдивые»[31]. То же повторилось в том же бюро и в следующем году: «Несколько хороших вещей дали Н. К. Рерих, И. И. Бродский, С. В. Малютин, А. В. Средин, кн[язь] А. К. Шервашидзе… Г[-н] Бурлюк удивил нас. Забыв о кривляньях, он написал прекрасный, сильный, солнечный пейзаж, ничего общего не имеющий с его прежними футуристическими выступлениями»[32]. И в 1915 г. то же самое[33].



Ил. 7. Обложка монографии А. Ф. Мантеля «Н. Рерих» (Казань, 1912)

В своих воспоминаниях Д. Д. Бурлюк записал впечатления от экспозиции «Мира искусства» в 1917 г. в Художественном бюро Н. Е. Добычиной, что располагалось в Петрограде по адресу *Марсово поле, д. 7*: «Я восторгался висевшими на стене работами Анисфельда – огромными декоративными цветами и работой *“Три радости”* Николая Константиновича Рериха, живописца, монументалиста, сценографа, педагога, писателя, учёного»[34].

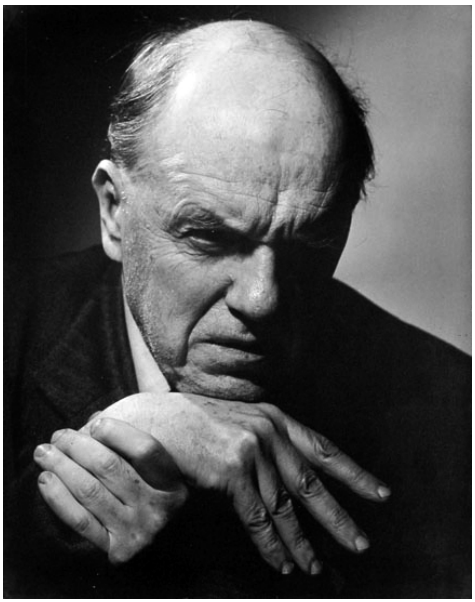
Совместная выставочная деятельность скоро привела к появлению художественных коллекций, в которых имена Н. К. Рериха и Д. Д. Бурлюка объединялись увлечением собирателя. Таково было собрание А. Ф. Гауша, описанное А. Ф. Мантелем в 1913 г.[35]

* * *

В наше время **Давид Давидович Бурлюк** [*ил. 8*] справедливо воспринимается как один из самых ярких деятелей русского и мирового авангарда. Долгие годы многогранная деятельность Д. Д. Бурлюка – художника, поэта, критика, антрепренера – ассоциировалась, по большей части, с гигантской фигурой В. В. Маяковского, что не способствовало оценке истинных размеров его дарования. Д. Д. Бурлюк как поэт вырос из корней русского слова, как художник – из недр русского искусства.

В 1910 г. поэты и художники Давид Бурлюк, его братья Владимир и Николай, Василий Каменский, Елена Гуро и Велимир Хлебников выпустили первый сборник «Садок судей». Возник план издать этот сборник на «обоях». Его выход можно считать первым шагом русского футуризма.

После отъезда Д. Д. Бурлюка в эмиграцию его имя попало в «чёрный список»; о публикации его работ в России не могло идти и речи. Однако, вопреки всем запретам, многие поэты и писатели в своих литературных записях, книгах и стихах гово-

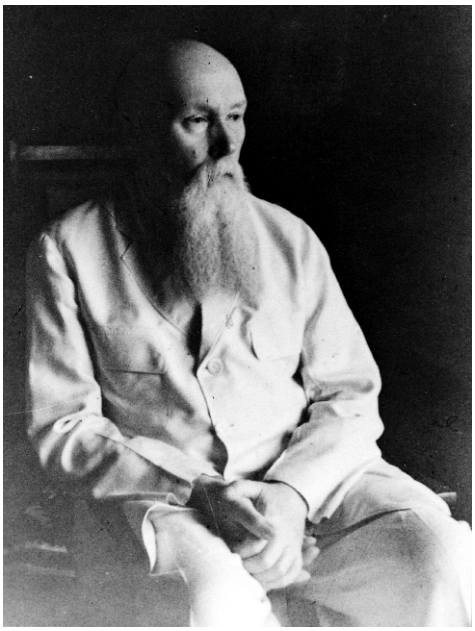


Ил. 8. Д. Д. Бурлюк в последние годы жизни

рили о Д. Д. Бурлюке и его роли в истории русского искусства. Н. К. Рерих тоже следил за его творчеством, высказывался о нём, хотя критически относился к пёстрой «толпе» модернистов, в которой Д. Д. Бурлюк был «как рыба в воде». В причинах негативного отношения Николая Константиновича к модернизму попробовал разобраться в своей работе В. М. Сидоров[36].

Новые направления в искусстве никогда не пробивались без острых противоречий и столкновений. Горячие выпады слышались и со стороны утверждающихся «новичков». Классический пример такого самоутверждения – статья Казимира Малевича «Мир мяса и кости ушёл». «Мне ненавистны авторитеты прошлого, как “шурумбурумы” бродят они в новом мире и ищут старья, зачастую захватывают молодые души в свои казематы», – проповедовал новоявленный «мессия» авангардизма в 1918 г. – «Культ их – кладбище, мастерство их – раскопки и имитация, и сплошная ложь, чем они даже гордятся, находя в них прекрасное, большое»[37]. «Прошёлся» создатель «Чёрного квадрата» и по архитектору А. В. Щусеву, и по его друзьям – художникам Н. К. Рериху и Е. Е. Лансере: «Вот вам наглядный образец у нас в Москве. Постройка Казанского вокзала, где, как не здесь, можно создать памятник нашего века? Но разве понятна была задача, разве архитектор уяснил себе вокзал? Вокзал – дверь, тоннель, первый пульс, дыхание города, отверстие живой вены, трепещущее сердце. Туда, как метеоры, летят железные двенадцатиколёсные экспрессы, одни вбегают в гортань железобетонного горла, другие убегают из пасти города, унося с собою множество людей, которые, как вибрионы, мечутся в организме вокзала и вагонов. Свистки, лязг, стон паровозов, тяжёлое дыхание, как вулкан, бросает вздохи паровоз, пар среди упругих стропил рассекает свою лёгкость. Рельсы, семафоры, звонки, цветные сигналы, горы чемоданов, носильщики, мчатся извозчики... Комок, узел, связанный временем жизни. И вдруг кипучий ключ кричащей скорости секунд покрывается крышей новгородского или ярославского старого монастыря. И паровозам стыдно; они будут краснеть, въезжая в богадельню. Не знаю, кто будет расписывать стены, но думается, что будут выбраны художники, как всегда, неподходящие. Должно быть, Лансере и Рерих не избегнут участи. Один распишет фавнов, наяд, бахусов; другой – доисторические виды земли закончит медведями и пастухами. Это должно связать архитектурное с живописью в гармонию. Паровоз с наядой, бахус и фонарь электрический, фавн – начальник станции, телефонная трубка. Медведь и семафор. Удивительный концерт. И ещё упрекают футуризм в нелогичности.

Мир мяса и кости ушёл в предание старого ареопага. Ему на смену пришёл мир бетона, железа. Железо-машинно-бетонные мышцы уже двигают наш обновляющийся мир. Мы – молодость XX века – среди бетона, железа, машин, в паутине электрических проводов, будем печатью новой в проходящем времени. Закуйте лицо в бетон, железо, чтобы на стенах святых масок мышцы лица были бы очертаниями новой мудрости, среди прошедшего и будущего времени».



Ил. 9. Н. К. Рерих в последние годы жизни

Не менее «программной» была и «Пощёчина общественному вкусу», подписанная Давидом Бурлюком, Александром Крученых, Владимиром Маяковским и Велимиром Хлебниковым, знаменитая своими громкими отрицаниями: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с Парохода современности… Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Чёрным, Кузьминым, Буниным и проч., и проч. нужна лишь дача на реке. Такую награду даёт судьба портным. С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!..» (Москва, декабрь 1912).

* * *

Неудивительно, что ещё в 1909 г. причины проявляющейся во всём мире духовной деградации **Николай Константинович Рерих** [*ил. 9*] видел в утрате связи с Первоисточником и отказе от лучшего в культурном наследии Прошлого: «Не умея разобраться в наслоениях, не зная путей создания нашего искусства, в массах слагается представление о каких-то грубых наследиях, о чём-то недостойном современного “просвещённого” глаза. К довершению всего, хотя и огрубелые, но всё же народные формы часто заменяются самым пошлым видом модернизма, и тогда всякие горизонты закрываются»[38]. «Многое в модернизме до сих пор не объяснимо и не убедительно», – подчёркивал он и в 1930 г.[39]

Н. К. Рерих искал и находил свой особый путь. Его привлекала сложившаяся веками прекрасная основа народной культуры, которую он обрёл в отечественной старине, а не свойственная новым стилям «современность во всей её условной нагромождённости»[40].

Как известно, **модернизм** – это совокупность художественных направлений в искусстве второй половины XIX – середины XX в. Наиболее значительными модернистскими тенденциями были импрессионизм, модерн, экспрессионизм, нео- и постимпрессионизм, фовизм, кубизм, футуризм. А также более поздние течения –

абстрактное искусство, дадаизм, сюрреализм. В узком смысле модернизм рассматривается как ранняя ступень авангардизма, начало пересмотра классических традиций. Высказываясь о модернизме в 1909 г., Н. К. Рерих имел в виду, прежде всего, стиль **модерн**. В 1930 г. он учитывал уже всю совокупность модернистских движений.

Целый ряд и других высказываний Н. К. Рериха свидетельствует о, казалось бы, непроходимой пропасти между «героическим реализмом», к носителям которого он относил себя, и «крикливой мишурой» многих современных течений. «Очевидно, по Европе прогуляются пикассизм и фюмизм», – пророчествовал он в июне 1947 г. – «Лишь бы идти по лучшим вехам, а всякий фюмизм – синкронизм, кубизм, овизм, дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм, футуризм – всякие эфемериды – пусть себе совершают свой однодневный путь. И сердиться на них не следует, они сами впадают в “ридикюль”. И запрещать их нельзя – они отражали состояние общественности»[41].

И всё же нельзя по отдельно взятым высказываниям, не учитывая другие оценки и конкретные действия, делать далеко идущие выводы. Для Николая Константиновича модернисты не были все на одно лицо. Среди них он выделял **«новаторов»**. Мы согласны с Ю. И. Долгиным[42], что «уничтожающие» отзывы Н. К. Рериха о модернистских течениях в искусстве, в том числе о футуризме, характерным деятелем которого был Д. Д. Бурлюк, необходимо скорректировать его же дневниковой записью от 22 февраля 1926 г., вошедшей в книгу «Алтай – Гималаи»: «Пусть купят Бурлюка и вещи новаторов. Ведь максималисты художники борются против той же всепожирающей пошлости и лицемерного мещанства. В будущем американском Музее должен быть большой отдел нового, а также отдел иностранцев, внёсших в Америку своё творчество. И привлекайте больше молодых; надо, чтобы резерв был силён и подготовлен. Нельзя биться в одну линию»[43]. Так произведения Д. Д. Бурлюка и его друзей-футуристов поступали в собрание Музея Рериха в Нью-Йорке[44]. И послужили залогом настоящего «будетлянства».

* * *

О Давиде Давидовиче Бурлюке вспоминали: «…Он вдохновлял людей, внушал веру в себя, как никто другой, такое любование, внимательное отношение у него было к чужому творчеству. В нём было заложено огромное отцовство, везде он выкапывал какие-то таланты. Так же он относился и к Хлебникову…»[45].

О Николае Константиновиче Рерихе и его Рисовальной школе даже «оппоненты» говорили с восхищением: «…На наших глазах самое закоснелое из российских художественных учреждений, некогда цитадель г-на Сабанеева, а ныне обитель М. П. Боткина, оказывается вдруг способным на обновление и жизненность. На старом, прогнившем, дуплистом пне вдруг появились зелёные ростки, и возникает надежда, что пень снова может вырасти в дерево... Это чудо произошло благодаря энергии одного человека, одного художника – Рериха, заслуживающего всё большего и большего уважения за ту последовательность, с которой он борется за живое искусство против мертвечины и казёнщины. Рерих, во имя своего хорошего дела, готов взять на себя подвиг иметь сношения с самыми скучными людьми, и при том он искусно проводит свою линию, не слишком оскорбляя их, не слишком ускоряя своё

наступательное движение, зато производя его с тем большими и верными результатами…. Рерих принял наследство и, как мудрый хозяин, не стал его сразу ликвидировать, ломать и переиначивать, а наметил ряд исправлений, которые он рассчитал совершить в последовательном порядке, не повергая всего дела в риск авантюры. Для этого требовалась большая выдержка и полное самообладание»[46].

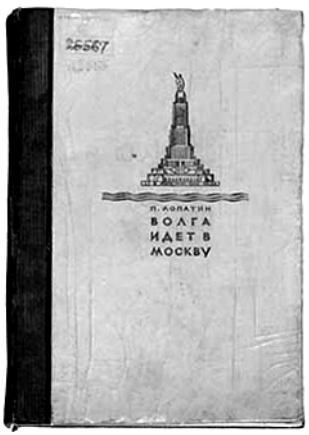
Не правда ли, созвучная близость характеристик? Ученики «Школы Рериха» вспоминали и про «отцовство» своего наставника. Можно найти ещё много общего в отношении к своей профессии и в призвании этих двух людей. И творчество Велимира Хлебникова также не прошло мимо внимания Н. К. Рериха.

* * *

В 1995 г. в Государственном архиве Краснодарского края нам удалось познакомиться с семейным фондом заслуженных профессоров медицины Анфимовых, до сих пор мало востребованным учёными-литературоведами. Сделанные копии поступили в Рериховский центр СПбГУ, а затем в Научный архив Музея-института семьи Рерихов. Наш интерес к данному фонду был обусловлен среди прочего и личностью поэта **Велимира Хлебникова** (в ряде прижизненных изданий – *Велемір*, *Велемир*, *Velimir*; настоящее имя *Виктор Владимирович Хлебников*; 1885—1922), с литературным наследием которого Н. К. Рерих был знаком. Николаю Константиновичу нравилось «стихийное звучание» следующих слов поэта:

Ставят новую правду зодчие наши на новых основах.

Эту неизвестную хлебниковедам строку Н. К. Рерих привёл в записном листе «Стихия» в 1938 г., начинающимся с упоминания о получении новой книги П. И. Лопатина[47] [*ил. 10*]: «Прислали книгу “Волга идёт в Москву”. Грандиозный новый канал останется историческим актом. Какое бы шипение где-то ни происходило, всё-таки дело остаётся делом и притом русским великим делом. По всей истории русской от летописных времён можно находить великие дела, размер которых обозначался лишь в веках. Нам приходилось знакомиться среди раскопок каменного века с системою Петровских каналов. Не забудем, что во время сооружения этих замечательных водных путей вспыхивали целые бунты, и называлось это благодеяние “антихристовым делом”»[48].



Ил. 10. Обложка книги П. И. Лопатина «Волга идёт на Москву» (Москва, 1938)

Как известно, сын Екатерины Николаевны Вербицкой и Владимира Алексеевича Хлебникова, Велимир Хлебников в 1908 г. переехал в Санкт-Петербург, поступил на 3-й курс естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. С осени 1909 г. перешёл на факультет восточных языков по разряду санскритской словесности, вслед за этим перешёл на 1-й курс славяно-русского отделения историко-филологического факультета, но университета так и не кончил. Как писал он сам 5 августа 1914 г. в

ответах на анкету С. А. Венгерова, «в годы студенчества думал о возрождении языка, написал стихи “О, рассмейтесь” и “Игра в Аду”»[49]. В эти же годы Н. К. Рерих имел самые тесные творческие контакты с универсантами-филологами[50].

В бумагах В. Я. Анфимова сохранился машинописный экземпляр большого стихотворения Велимира Хлебникова «Ангелы» 1919 г.[51] В нём имеются строки:

Летит синеглазое войско
Сквозь время великой войны
И бьётся упорно и свойско
С той силой, что пала на ны.

Обладавший обширными знаниями Велимир Хлебников был убеждён, что развитие человечества закономерно и существует периодичность природных процессов – от суточной смены до огромных космических колебаний. Многие годы он отдал математическим вычислениям закономерностей в рождении великих людей, в гибели государств, других событий. В воззвании к славянским студентам, написанном в Петербургском университете в 1908 г., он пропечатал, что в 1915 г. люди пойдут войной друг на друга и будут свидетелями крушения государства. В брошюре «Учитель и ученик», изданной в мае 1912 г., Велимир Хлебников на основе своих вычислений предрёк революцию 1917 г., в результате которой, по его предсказаниям, падёт Российская империя. Как здесь не вспомнить «Предвоенную серию» картин Н. К. Рериха 1912–1914 гг., справедливо названную современниками «Пророческой»[52]. Рериховские образы «*Ангела последнего*» (1912) и ангела, несущего спящим стражникам «*Меч мужества*» (1912), созвучны и именно «стихийно» близки (выражение Н. К. Рериха) «Ангелам» Велимира Хлебникова, бьющимся «упорно и свойско» с враждебной человечеству силой.

Несомненно, что неординарные, полностью оправдавшиеся вычисления, а также самобытное мировоззрение поэта-математика привлекли внимание профессора В. Я. Анфимова. Многие годы после харьковской встречи с Велимиром Хлебниковым он разрабатывал различные вопросы периодичности психических процессов и влияния космических закономерностей на поведение людей, подготовил на эту тему ряд публикаций и оставил интересные записи, сохранившиеся в его краснодарском архиве. Следует отметить, что космологические наблюдения В. Я. Анфимова 1920-х – 1930-х гг. близки положениям А. Л. Чижевского, изложенным в книге «Земное эхо солнечных бурь»[53], а также отдельным параграфам Учения Живой Этики, изданного примерно в то же время Рерихами.

* * *

Как известно, **Владимир Владимирович Маяковский** (1893—1930) считал своим учителем Д. Д. Бурлюка. Ему импонировало, что Д. Д. Бурлюк призывал «разгромить старое буржуазное “жречество”, мистиков, символистов, бульваристов, порнографистов и академиков» (по словам В. В. Каменского). Получив в 1911 г. диплом Одесского художественного училища, Д. Д. Бурлюк поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, учился у Л. О. Пастернака и А. Е. Архипова, но 21 ноября 1914 г. был исключён из училища вместе с В. В. Маяковским за турне по

27 городам России, где они пропагандировали авангардистское искусство. В октябре 1917 г. Д. Д. Бурлюк снова в Москве. Издавал «Газету футуристов», поставил совместно с В. В. Маяковским фильм «Не для денег родившийся», вместе они выступали в Кафе поэтов.

Единственный автор, кто поставил в один ряд имена Н. К. Рериха и В. В. Маяковского, это ныне покойный российско-эстонский историк, поэт и культурный деятель Владимир Александрович Жилкин. В своём исследовании «Николай Рерих и поэты Серебряного века: Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский» (2006) Владимир Александрович писал: «Высокой была миссия Владимира Маяковского: среди насилия и крови… утверждать спасительную роль Любви, утверждать этим грядущую Духовную революцию... Маяковский в 1920-е –1930-е гг. был очень популярен среди молодёжи, он даже получил в молодёжной среде кличку “Маяк” – как символ устремления к неким новым берегам жизни»[54].

Встречи В. В. Маяковского с Н. К. Рерихом состоялись в марте 1917 г. в связи с созданием органа по охране художественных ценностей. Четвёртого марта 1917 г., когда на квартире Максима Горького собралось 50 человек художественных деятелей, была выбрана комиссия из 12 человек. Вскоре расширившаяся до 20 членов, она приобрела государственный характер и стала называться «Особым совещанием по делам искусств при Временном правительстве». В состав двенадцати вошёл и Н. К. Рерих. По свидетельству художника А. А. Радакова, В. В. Маяковский был на совещании у Максима Горького 4 марта 1917 г. и резко критиковал доклад А. Н. Бенуа[55]. После того как Временное правительство согласилось с необходимостью принять меры к охране художественного наследия, был образован Комиссариат по охране художественных ценностей, в который вошёл и Н. К. Рерих, а 10 марта был избран Временный комитет по созыву собрания всех деятелей искусств, в президиум которого вошли В. В. Маяковский и А. А. Блок.

В своём исследовании Е. А. Динерштейн (1958) рисует напряжённую атмосферу тех дней: «10 марта на заседании организационного Бюро делегатов по созыву всех деятелей искусства от секции литературы в президиум Временного комитета Союза деятелей искусств оказались избранными: действительными членами – Пунин и Маяковский, кандидатами – М. А. Кузмин и А. А. Блок. Результат этот тем более удивителен, что в числе тех, кто баллотировался в президиум, были такие писатели, как Горький, Л. Н. Андреев, А. И. Куприн и др. Трудно сейчас с полной достоверностью объяснить причину того, что всемирно известный писатель Горький не был избран, а поэт-“футурист” Маяковский и, в сущности, мало кому известный сотрудник журнала “Аполлон” Пунин получили возможность представлять русскую литературу и искусство в создаваемом Союзе деятелей искусств. Впрочем, одну из причин того, что кандидатура Горького не прошла, можно указать без боязни ошибиться – это его участие в работе учреждений Временного правительства. Вскоре, после общего собрания петроградских деятелей искусства, председательствовавший на нём… Владимир Набоков писал, что “как это ни невероятно, на Горького и группировавшихся вокруг него крупнейших русских художников посыпались обвинения: как смели они собраться, как смели принимать шаги для охра-

ны памятников искусства, как смели поднимать вопрос о Министерстве изящных искусств! Не то, что они делали, а то, что они вообще делали нечто, – вот почва для страстных обвинений, порою для прямых инсинуаций. А между тем, эти люди – цвет русского искусства, их имена известны всем, их деятельность протекает на виду у всех. Но как смеют слушать Горького, когда есть Зданевич или Пунин, – Шаляпина, когда есть Мейерхольд, – Бенуа или Рериха, когда есть Сидоров или Петров?" («Речь» от 15 марта 1917 г.)»[56].

В 1919 г. Н. К. Рериха огорчило появление В. В. Маяковского в стане «большевистских приспешников»[57]. В дальнейшем имя этого поэта в книгах и статьях Н. К. Рериха не встречается, казалось бы, Николай Константинович теряет к нему интерес… И всё же мы согласны с мнением В. А. Жилкина, полагавшем, что В. В. Маяковский был неслучайным участником движения по защите культурных ценностей и памятников истории в те годы, когда оно зарождалось в качестве одного из аспектов Духовной революции.

* * *

Мы намеренно развернули своё исследование в обратной хронологической перспективе, чтобы острее дать почувствовать уважаемому читателю, как поразному сложились судьбы русских футуристов. Ещё в конце 1917 г. критик Вячеслав Полонский писал: «Смолкли барабаны футуризма. Школа литературных "низвергателей" оказалась сама низвергнутой безжалостной рукой времени. Остался один Маяковский, но не потому, что был футурист, а потому, что, в противовес своим соратникам, оказался обладателем выдающегося поэтического дарования»[58].

Да, на Родине футуристы оказались «низвергнуты». В 1922 г. умер в заброшенной новгородской деревушке пророк «будетлян» Велимир Хлебников, предсказавший свой скорый уход изречением: «Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат» (1914)[59].

Но, во-первых, как известно, в мифопоэтической традиции обручиться со Смертью – значит укротить, победить её[60], а, во-вторых, мечта о Будущем привела лидера футуристов Д. Д. Бурлюка к «Сторожевым башням Америки»[61], где состоялась первая по-настоящему плодотворная встреча мирового футуризма со ставшей уже необъятной «Державой Рериха».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В основе данной статьи – доклад автора на Первых Казанских Искусствоведческих Чтениях, прошедших 10–12 сентября 2009 г. на базе Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан.

[2] В каталоге персональной выставки Д. Д. Бурлюка в калифорнийском дворце легиона Славы в Сан-Франциско, проходившей с 3 декабря 1932 г. по 1 января 1933 г., это произведение отнесено к серии **«Старый Нью-Йорк»** и названо: **«Профессор Николай Рерих»** (кат. 4). См.: *Евдаев Н.* Давид Бурлюк в Америке: Материалы к биографии / Институт всеобщей истории РАН. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Наука, 2007. – С. 432.

[3] См., например: *Мельников В. Л.* Николай Рерих: «Медаль выбита во имя мира всего мира…» // *Мельников В. Л., Петров С. П.* Пятая выставка медальеров Санкт-Петербурга: Каталог / Отв. ред. А. А. Бондаренко. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2007. – С. 115, 127–128; Рериховский век: Каталог выставки. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2009. – С. 61–62, 65–67, 221.
[4] *Мельников В. Л.* Педагогические принципы Н. К. Рериха (Американский период) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 89.
[5] Огонёк. – СПб., 1909. – № 13. – С. 10–11, 17–18.
[6] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Листы Сада Мории. – Кн. II. Озарение. – 1925. – § 54.
[7] *Галеева Т. А.* Кристиан Бринтон – полпред русского искусства в Америке // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья: проблемы, открытия, перспективы исследований: Конференция. – СПб.: Фонд имени Д. С. Лихачёва, Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007.
[8] Сведения о лицах, связанных с Рерихами, и о рериховских учреждениях // Рериховская энциклопедия / Сост. В. Н. Бендюрин. – Новосибирск, 2009. – Сетевая версия: http://www.roerich-encyclopedia.nm.ru/1-0-personal.html.
[9] См. изложение её выступления в публ.: *Астахова Г. В.* Звезда Бринтона // Дельфис. – М., 2010. – № 1 (61). – С. 125–126.
[10] Например, ему принадлежало такое ключевое произведение Н. К. Рериха, как *«Человечьи праотцы»* (1920). См.: *Трепша Г., Борисов Ю.* Авторский список художественных произведений (картин) Н. К. Рериха за 1917–1924 гг. с параллельными данными из списка в монографии «Roerich. Himalaya» (1926) и перечня В. В. Соколовского (1978) // Рериховский век: Каталог выставки. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2009. – С. 47.
[11] The Nicolas Roerich exhibition / With introduction and catalogue of the paintings by Christian Brinton. 1920–1921–1922. – New York, 1920.
[12] Цит. по: *Астахова Г. В.* Указ. соч. – С. 125.
[13] Дельфис. – М., 2010. – № 1 (61). – С. 126.
[14] В свою очередь, об этом мы узнали из доклада заведующей Мемориальным музеем-мастерской С. Т. Конёнкова (Москва) С. Л. Бобровой «Нью-Йоркское окружение С. Т. Конёнкова (Н. Рерих, К. Бринтон, Д. Бурлюк и другие). Русские художники в Америке 1920–1930-х годов» [*ил. 4*].
[15] *Бурлюк Д. Д.* Рерих. Жизнь и творчество. 1917–1930. – Нью-Йорк: Изд. М. Н. Бурлюк, 1930. – С. 3.
[16] *Бурлюк Д. Д.* Указ. соч. – С. 16.
[17] *Бурлюк Д. Д.* Указ. соч. – С. 21.
[18] *Бурлюк Д. Д.* Указ. соч. – С. 23.
[19] Так писал о Д. Д. Бурлюке В. В. Кандинский в журнале «Синий всадник» в 1910 г.
[20] *Бурлюк Д. Д.* Указ. соч. – С. 26.
[21] *Бурлюк Д. Д.* Указ. соч. – С. 29.
[22] *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 136, 138, 139.
[23] *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 184.
[24] *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 193.
[25] *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 208.
[26] В более ранний период объединяющей вехой могла оказаться учёба в парижской художественной школе Фернана Кормона, куда братья Бурлюки поступили в 1904 г. Четырьмя годами ранее в парижской мастерской Фернана Кормона занимался и Н. К. Рерих. См.: *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 38.

[27] *Короткина Л. В.* Картина Н. К. Рериха «Сокровище Ангелов» (1904–1905) // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 280–292.
[28] *Лазаревский И.* Из записной книжки художественного критика. «Звено» // Киевская мысль. – 1908. – 18 ноября. – № 320. – С. 3.
[29] Недоразумение на лекции «Современная живопись» // Петербургский листок. – СПб., 1912. – 1/14 апреля. – № 88. – С. 4.
[30] *Псковитинов Е.* Вечер Художественно-артистической ассоциации // Против течения. – СПб., 1912. – 21 апреля / 4 мая. – № 27–28. – С. 4–5.
[31] *Ясинский И. И.* «Современное искусство» // Биржевые ведомости. – СПб., 1913. – 1/14 октября. – № 13780. – С. 6.
[32] *Меценат.* Выставка в пользу лазарета деятелей искусства // Петроградская газета. – Пг., 1914. – 27 октября. – № 295. – С. 4.
[33] *Г. М.* Аукцион художественных произведений // Новое время. – Пг., 1915. – 23 октября / 5 ноября. – № 14232. – С. 5; Художественные вести // Речь. – Пг., 1915. – 23 октября / 5 ноября. – № 292. – С. 5; Аукцион картин в пользу лазарета деятелей искусства // Петроградский листок. – Пг., 1915. – 25 октября / 7 ноября. – № 293. – С. 4.
[34] Цит. по: *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 286.
[35] *Мантель А.* А. Ф. Гауш // Жизнь. – Казань, 1913. – № 50. – С. 806–807. Ср.: Новое время. – Пг., 1916. – 28 апреля / 11 мая. – № 14418. – С. 1. Попутно отметим, что **Александр Фердинандович Мантель** (1882—1936) – коллекционер, издатель, музейный работник – внёс свою необычную лепту как в развитие футуризма, так и в рериховедение. В 1913 г. в Казани он издал объёмные мистификации, созданные из спародированных манифестов футуристов, – сборники «Неофутуризм» и «За что нас бьют». Он же явился автором первой монографии о Н. К. Рерихе (Казань, 1912) [*ил. 7*], открывающейся факсимильным воспроизведением личного (!) письма художника к автору от 12 января 1911 г. В 1912 г. Н. К. Рерих по его просьбе написал предисловие к книге А. Ф. Мантеля «А. Д. Митрохин» (Казань, 1912). В его личном собрании было несколько произведений Н. К. Рериха.
[36] *Сидоров В. М.* Против течения // *Сидоров В. М.* Знаки Христа. – М., 2000. – С. 221–222.
[37] *Малевич К.* Мир мяса и кости ушёл // Анархия. – М., 1918. – № 83. Цит. по: *Малевич К.* Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929 / Общая редакция, вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарий А. С. Шатских. – Раздел «Статьи в газете “Анархия” (1918)» / Публикация, составление, подготовка текстов и комментарий А. Д. Сарабьянова. – М., 1995. – С. 60–125, 330–349.
[38] *Рерих Н. К.* Заклятое зверьё. (Эмали кн. М. К. Тенишевой). – 1909 г. // Нива. – СПб., 1909. – 2 мая. – № 18. – С. 340–341.
[39] *Рерих Н. К.* Гуру – Учитель // *Рерих Н. К.* Шамбала. – М., 1994. – С. 191.
[40] *Рерих Н. К.* Зов Роланда. – Пекин. – 29 января 1935 г. // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. I. – С. 173.
[41] *Рерих Н. К.* Утрясётся. – Июнь 1947 г. // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. III. – С. 554–555.
[42] См.: *Долгин Ю. И.* Письмо А. П. Хейдоку и Л. И. Вертоградской. – 28 августа 1980 г. // Переписка А. П. Хейдока с Ю. И. Долгиным. – 1979–1980 гг. – Сетевая публ.: http://www.hejdok.ru/l_dolgin.html.
[43] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. – М.: Сфера, 1999. – С. 244.
[44] В каталоге персональной выставки Д. Д. Бурлюка в Международном центре искусств «Corona Mundi» при Музее Рериха отмечено, что картина маслом **«Весна на реке Гарлем»** (кат. 4) из коллекции Н. К. Рериха. Очевидно, она же (под названием **«Река Гарлем»**) была представлена и на

персональной выставке художника в калифорнийском дворце легиона Славы в Сан-Франциско, проходившей с 3 декабря 1932 г. по 1 января 1933 г. (кат. 3). См.: *Евдаев Н.* Указ. соч. – С. 431–432.
[45] *Синякова М.* Из воспоминаний // Русский футуризм: теория, практика, воспоминания. – М. 1999. – С. 383–385.
[46] *Бенуа А. Н.* Школа Общества поощрения художеств // Речь. – СПб., 1910. – 14/27 мая. – № 130. – С. 2.
[47] *Лопатин П. И.* Волга идёт в Москву. – М.: Московский Рабочий, 1938. – 218 с.; переплёт и титул работы художника Г. Бершадского; иллюстрированное издание; издательский составной коленкоровый переплёт; 22 × 15 см. В данном издании нет стихотворений поэтов Хлебникова, Прокофьева и Саянова, упоминаемых в записном листе «Стихия».
[48] *Рерих Н. К.* Стихия. – 1938 г. // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. II. – С. 166.
[49] Цит. по изд.: *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 642.
[50] См. об этом подробнее: *Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – Вып. 9: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2001. – С. 6–17; *Мельников В. Л.* Филологическое окружение Н. К. Рериха // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – Вып. 10: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2002. – С. 13–22; *Мельников В. Л.* Универсанты-филологи в архивах Российского зарубежья // Материалы XXXII Международной филологической конференции. – Вып. 5: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2003. – С. 44–52; *Мельников В. Л.* Филологи Петербургского университета в материалах Музея-института семьи Рерихов // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. – Вып. 3: Секция истории филологического факультета. – СПб., 2004.– С. 8–17.
[51] Машинопись на 2 листах. Оригинал в ГАКК. Ф. 1567. Оп. 1. Ед. хр. 149. На первом листе пометка, очевидно, В. Я. Анфимова: *Хлебников в 1919 г.* Опубликовано в изд.: *Хлебников В.* Стихи. Проза. Драматургия / Под ред. Р. В. Дуганова. – М., 1986. Выражаю искреннюю признательность заведующему астраханским Домом-музеем Велимира Хлебникова Александру Александровичу Мамаеву за предоставленные сведения о публикации этого стихотворения.
[52] См.: *Князева В. П., Кузнецова И. Н., Маточкин Е. П.* Рерих: Пророчества. – Самара, 2004. – С. 9–12.
[53] *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь / Предисловие О. Г. Газенко. – М., 1973. – 349 с.: ил.
[54] *Жилкин В. А.* Николай Рерих и поэты Серебряного века: Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VI. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. – С. 402–412.
[55] *Динерштейн Е. А.* Маяковский в феврале – октябре 1917 г. // Новое о Маяковском. – М., 1958. – Т. I. – («Литературное наследство», т. 65). – С. 543.
[56] *Динерштейн Е. А.* Указ. соч. – С. 544.
[57] *Рерих Н. К.* Разрушители культуры. – 1919 г. // *Рерих Н. К.* Россия. – М., 1994. – С. 28.
[58] *Полонский В.* Литература в 1917 г. // Новая жизнь. – Пг., 1917/1918. – 31 декабря / 13 января.
[59] *Хлебников В.* Неизданные произведения. Поэмы и стихи. – М., 1940. – С. 352.
[60] См.: *Гарбуз А. В.* О мотивной структуре стихотворения Хлебникова «Гонимый – кем, почём я знаю?» // Фольклор народов России. Фольклорные традиции и фольклорно-литературные связи: Межвузовский научный сборник. – Уфа, 1993. – С. 197–207.
[61] Название очерка Н. К. Рериха из его книги «Адамант» (*Roerich N.* Adamant. – New York: Corona Mundi, 1922. – P. 76–80).

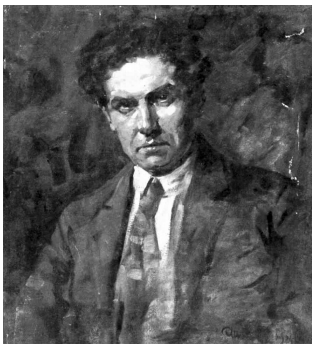
Т. Й. ЯЛАМОВ
(Болгарский национальный клуб «Друзья Рериха»; София)

БОЛГАРСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РУССКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Второй расцвет русской культуры после «Золотого века» хронологически связывают с концом XIX и началом XX века, когда в России сформировался широкий слой образованного общества, появились многочисленные просвещённые любители искусства. Многие из этих любителей сами впоследствии становились профессионалами, другие же составляли аудиторию – были зрителями, слушателями, читателями, критиками. То же самое было характерно и для болгарского общества, многие представители которого учились в России в этот насыщенный период перед началом первой мировой войны.

Сирак Скитник и Николай Рерих

Один из главных героев установления связей между Россией и Болгарией и популяризации творчества Николая Рериха – известный болгарский художник, поэт и литературный критик **Сирак Скитник** (22 ноября 1883 — 5 марта 1943). Настоящее его имя **Панайот Тодоров**. Он учился в духовной семинарии в Софии (1898–1903), работал учителем, начал рисовать и публиковать свои первые стихи под псевдонимом Сирак Скитник (букв. с болг. *Сирота Скиталец*). В 1908 г., в 25-летнем возрасте, отправился в Санкт-Петербург, где до 1912 г. занимался в Художественной школе-студии Елизаветы Званцевой, в которой преподавали известные мирискусники Леон Бакст и Мстислав Добужинский. Школа находилась на первом этаже здания на Таврической улице, д. 35, а наверху, в знаменитой «Башне», где жил с 1905 г. поэт Вячеслав Иванов, кипела культурная жизнь. Каждую среду собирались ведущие русские литераторы, философы, теософы, обсуждали новые произведения, читали доклады. Постоянными гостями на этих средах были и курсисты школы-студии Елизаветы Званцевой. Там, вероятно, Сирак Скитник и познакомился с Николаем Рерихом. Свою квартиру в этом доме Е. Н. Званцева сдавала таким известным поэтам, как Михаил Кузмин и Максимилиан Волошин, входившим в круг общения Николая Рериха. Здесь тоже кипела творческая жизнь[1].



Борис Митов. Портрет художника Сирака Скитника 1924. © Национальная художественная галерея Болгарии (София)

Молодой художник Сирак Скитник под влиянием ведущих петербургских авангардистов стал писать стихи на русском языке. Некоторые из них были опубликованы в сборнике «Велес»: «В этот вечер не ходи, Невяна…» и «Ширь безбрежная». Большая честь для него оказаться рядом с ведущими символистами группы Вячеслава Иванова – Фёдором Сологубом, Андреем Белым, Алексеем Ремизовым и другими.

В 1905–1912 гг. «башенный» дом на Таврической улице стал «духовной» лабораторией, центром поэтических, философских и религиозных собраний, в которых

Вячеслав Иванов с женой Лидией Зиновьевой-Аннибал хотели видеть прообраз будущих «соборных» общин. Участие Сирака Скитника в этой лаборатории отразилось благотворно на становлении его как творца с широким мировоззрением. Кроме опытов в поэзии, здесь он формировался как художник. В его стиле чувствуется влияние модерна и представителей Петербургской школы – Николая Рериха, Ивана Билибина, Кузьмы Петрова-Водкина. Поэтому прав Никола Мавродинов, когда пишет, что «из России Сирак Скитник принёс не только новое искусство, но и полный проблемами дух!»[2]. Молодой художник попробовал свои силы и как литературный критик, посылая литературно-художественные письма в болгарский популярный журнал «Демократически преглед» («Демократическое обозрение»). В 1912 г. появилась его статья о петербургской выставке, в которой он уделил внимание картинам Николая Рериха и Александра Бенуа[3]. Это первое упоминание о русском художнике в болгарской литературе. За прошедший век в Болгарии появилось более 1000 рериховедческих публикаций[4]. Первенство Сирака Скитника в ознакомлении болгарского общества с творчеством Николая Рериха софийский клуб «Друзья Рериха» отметил в 2012 г. юбилейным конвертом с его портретом.

Дальнейшая жизнь Сирака Скитника имеет много общего с жизнью Николая Рериха. Их знакомство продолжилось через переписку. Первую заметку о завершении строительства Музея Рериха в Нью-Йорке снова дал в болгарской печати в 1930 г. Сирак Скитник. С 1922 г. и до конца жизни он организатор и соредактор популярного литературного журнала «Златорог» («Золотой рог»). Как и Николай Рерих, он посвятил часть своего творчества Морису Метерлинку. В его декорациях и постановке в Народном театре в Софии в 1923–1924 гг. была представлена пьеса «Монна Ванна». С 1927 г. он председатель дружества художников «Родное искусство», а с 1931 г. – председатель Союза дружеств художников, сегодня это Союз художников Болгарии. С 1935 г. он главный руководитель радиостанции «София», вёл большую организационную работу. Благодарные почитатели Сирака Скитника поставили в 2003 г. его бронзовый бюст у входа в радиостанцию и создали в ней мемориальную выставку с его личными вещами. На ней представлены и черновики его стихотворений, написанных в Петербурге.

Борис Георгиев – ученик Николая Рериха

Если Сирак Скитник хорошо знаком, в основном, только болгарам, то **Борис Георгиев** (1888—1962) имеет большую международную известность, а постоянные залы с его картинами есть в Италии, Индии и, конечно, в Болгарии.

Четырнадцатилетним юношей он с родителями попал в Санкт-Петербург, где меценаты, заметив его талант, помогли ему поступить в Рисовальную школу Императорского Общества поощрения художеств, директором которой был Николай Рерих[5]. Будущий художник получил не только профессиональную подготовку на высоком уровне, но и духовную закалку, которая связала Учителя и ученика на долгие годы. В 1909 г. он пешком прошёл всю Европу от Норвегии через заветную Италию до Испании, подрабатывая по дороге, чтобы иметь возможность посещать музеи и галереи. После первой мировой войны Борис Георгиев устраивал на родине и за рубежом выставки, специализируясь на портретах. В Берлине он создал

Графика Бориса Георгиева. Слева – «Автопортрет» (1918), в центре – портрет Махатмы Ганди, справа – портрет Альберта Эйнштейна. © Художественная галерея имени Бориса Георгиева (Варна)

одухотворённый портрет Альберта Эйнштейна. Великий физик помог ему устроить большую выставку в берлинской галерее «Томас Шульте» («Thomas Schulte»).

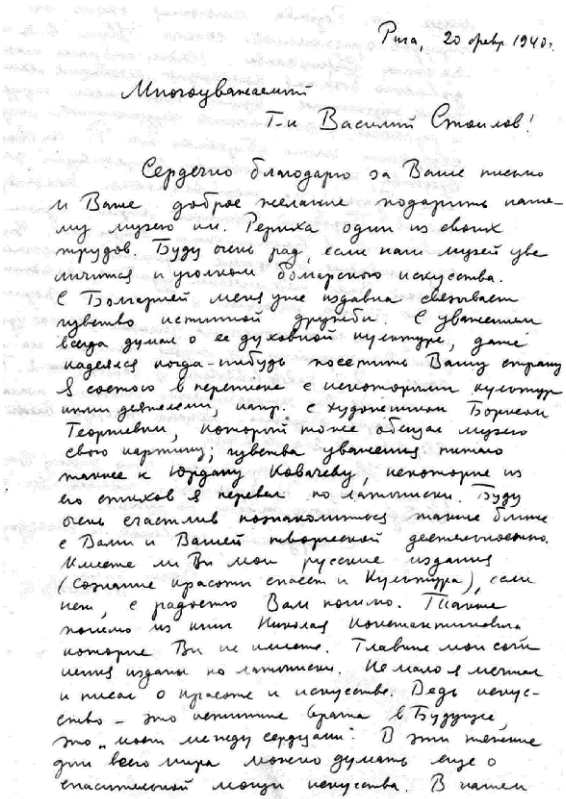
В 1931 г. он отправился в Индию, где познакомился с такими выдающимися деятелями, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Пандит Малавия, Рабиндранат Тагор. Последний лично пригласил его поработать у него. Во время путешествия в Гималаи Борис Георгиев встретился со своим духовным Учителем – Николаем Рерихом. В Индии он создал серию пейзажей, портретов и фигурных композиций, вдохновлённых легендами и культурно-религиозным богатством Индии. После возвращения в 1936 г. в Болгарию он опубликовал статьи о своих встречах с Николаем Рерихом, выступил с лекциями, чем очень помог деятельности Болгарской Ассоциации Рериха. Для популяризации идей Пакта Рериха он выполнил календари на 1937–1938 гг. с призывом защитить мир[6].

Чтобы подчеркнуть, что его идеал – художник Леонардо да Винчи, Борис Георгиев подписывал свои картины *Boris Georgiev di Varna*. И на его надгробной плите во Флоренции выбита эта надпись. За своё художественное творчество он получил «Орден Короны Италии» (итал. *Ordine della Corona d'Italia*) – высшую награду Итальянского Королевства.

Только в 1990 г. в родном городе Бориса Георгиева Варне художественная галерея получила его имя. В ней можно увидеть одухотворённые портреты Тагора, Ганди, Эйнштейна и многих простых людей. При входе каждого гостя встречает большая бронзовая скульптура Бориса Георгиева работы варненского мастера Кирила Янева.

Вдохновлённые Рерихом: Васил Стоилов

Таким образом, знакомство с творчеством Николая Рериха началось в начале XX в. через получаемые Национальной библиотекой в Софии российские журналы

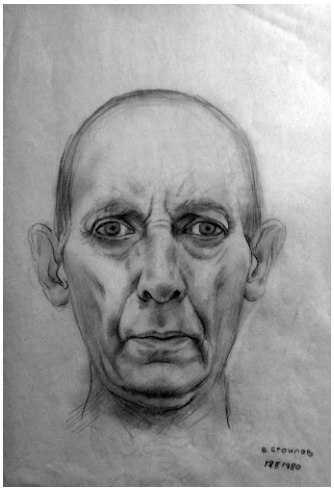


Первая страница письма Рихарда Рудзитиса Василу Стоилову. Рига. 20 февраля 1940 г.
© Болгарский национальный клуб «Друзья Рериха» (София)

(«Искусство и художественная промышленность», «Мир Искусства» и др.) и статьи Сирака Скитника. Число интересующихся рериховским наследием в Болгарии неизменно росло.

Приведу дневниковую запись от 5 октября 1923 г. молодого художника **Васила Стоилова** (1904—1990), вдохновлённого картинами Николая Рериха: «Со стремительной неукротимостью несётся мощный зов – зов о новом искусстве. И как в царственном лабиринте, полном новыми землями, мирами пророка Николая Рериха, я улавливаю этот зовущий меня с силою вихря призыв. Я клянусь, что буду свято следовать его призыву и что с жаром без отдыха буду работать, чтобы понять эти формы, особенности, тайны дикого первобытного искусства»[7]. Одна из первых картин этого художника была посвящена Николаю Рериху. Васил Стоилов вступил с ним в переписку[8], непрерывно учился, участвовал во многих международных выставках.

В 1940 г. Рихард Рудзитис обратился к нему с предложением прислать его картины для Рижской галереи Музея Рериха. Оригинальный красивый конверт, само письмо, а также черновики его статей сохранили наследники Васила Стоилова,



Васил Стоилов. Автопортрет 18 февраля 1980. © Частное собрание (Болгария)

чтобы в итоге передать в дар Болгарскому национальному клубу «Друзья Рериха»[9]. Будучи членом Болгарской Ассоциации Рериха, Васил Стоилов активно пропагандировал идеи Николая Рериха, выступал с беседами, писал статьи[10]. Война помешала посылке его картин в Ригу, как и выставке картин Николая Рериха в Болгарии, но Васил Стоилов остался верен юношеской клятве всю жизнь.

В 1978 г., когда проводился Год Рериха в Болгарии, он снова писал статьи, участвовал в конференциях и выставках. Святослав Рерих гостил у художника и познакомился с его картинами, большая часть которых посвящена духовной истории Болгарии. Васил Стоилов тогда написал: «Искусство Николая Рериха предвечно, оно космическое по замыслу. Искусство для всех людей и для всех времён»[11].

В 2002 г. его внучка, тоже художник, Василия Стоилова написала большую картину «Рерих и Стоилов – певцы гор». Её она преподнесла в дар нашему клубу «Друзья Рериха», и мы ею очень дорожим.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тётушка искусств. Оккультные коды в поэзии М. Кузмина // *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 145–184.
[2] *Коларски, Виктор.* Връзките на художниците от движението за родно изкуство с Н. Рьорих и други представители на руската художествена култура // Известия на НИИ по културата при Комитета за култура и Българската академия на науките. – София, 1983. – № 2. – С. 114–178.
[3] Демократически преглед. – София, 1912. – Кн. 2.
[4] Представление о болгарской биобиблиографии Николая Рериха можно составить по Интернет-энциклопедии «Рьорих и България» (*www.agnibg.net*).
[5] По данным сайта «Борис Георгиев», раздел «Биография» (*www.borisgeorgiev.com*).
[6] См.: *Георгиев Б.* През джунглите на Индия към великия Николай Рьорих в Хималаите // Литературен глас. – Бр. 239. – 17.06.1934. – С. 1–2; *Георгиев Б.* Факли в нощта на Хиндустан // Литературен глас. – Бр. 346. – 17.03.1937. – С. 1, 5, 6.
[7] *Коларски, Виктор.* Указ. соч. – С. 151.
[8] Писма на Н. Рьорих до проф. Васил Стоилов // София. – 1978. – Бр. 4. – С. 18–19; *Николов, Калин.* Рьорих и Стоилов – единение на духа: писмата на Рьорих до българския художник // Отечествен вестник. – С продължение в три броя: от 10 до 12 февруари 1994. – Бр. 14435–14437.
[9] *Рудзитис Р. Я.* Письмо Василу Стоилову. – 20 февраля 1940 г. – Архив Болгарского национального клуба «Друзья Рериха». Дар Явора Стоилова.
[10] *Стоилов, Васил.* Николай Рьорих: Изкуството ще обедени човечеството... // Родно изкуство. – № 1. – 10 юни 1940. – Бр. 1. – С. 3. (Продължава в бр. 2, 3 и 4); *Стоилов, Васил.* Николай Рьорих в светлината на културата // Родно изкуство. – № 1. – 30 септември 1940. – Бр. 5. – С. 2–3.
[11] *Стоилов, Васил.* Борец за Прекрасното // Проблеми на културата. – 1978. – № 4–5. – С. 245–246.

А. В. НЕСТЕРОВА
(Музей Галлен-Каллела; Эспоо)

ДРУЖБА АКСЕЛИ ГАЛЛЕН-КАЛЛЕЛА И Н. К. РЕРИХА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МУЗЕЯ ГАЛЛЕН-КАЛЛЕЛА)

О Николае Константиновиче Рерихе написано много. Литература охватывает все этапы творчества и деятельности великого человека. Описан также и финский период художника. Наиболее полно он изучен доктором филологических наук из Петрозаводска Еленой Григорьевной Сойни. И всё же многое неизвестно или ещё не изучено. В основе моего доклада письма, адресованные финскому художнику Аксели Галлен-Каллела Н. К. Рерихом и представителями художественных организаций «Cor Ardens» и «Corona Mundi» из архива Музея Галлен-Каллела.

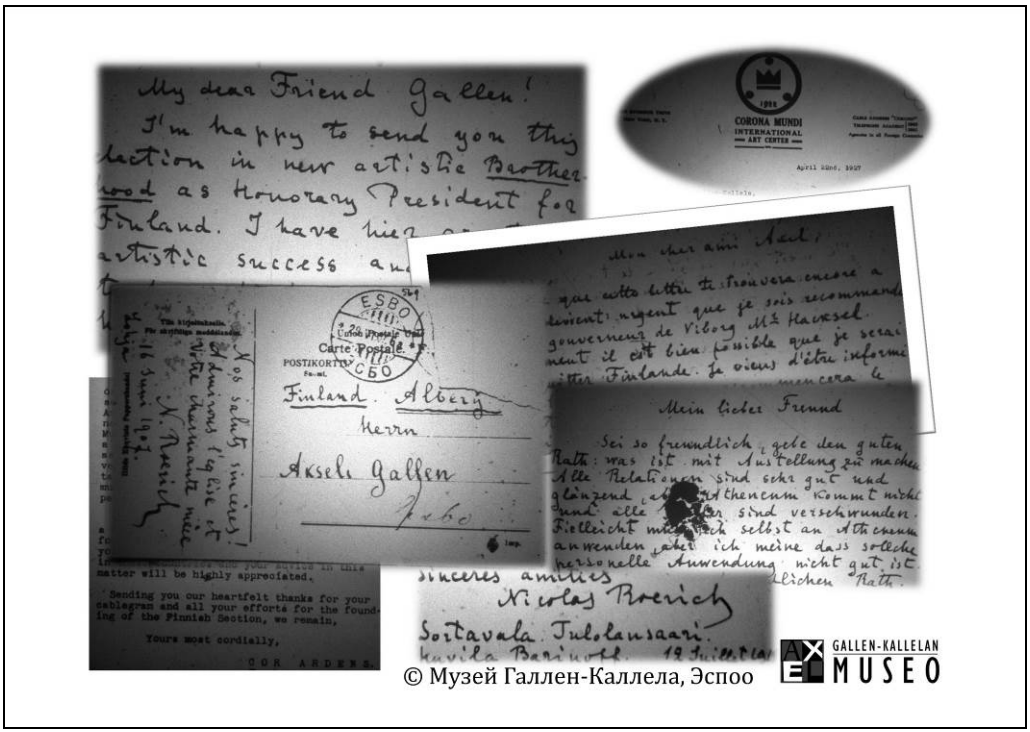
Музей Галлен-Каллела был открыт в 1961 г. в доме-мастерской художника Аксели Галлен-Каллела. Дом был построен по собственному проекту мастера в 1911–1913 гг. в восьми километрах от центра Хельсинки на берегу моря. В художественной галерее музея нет постоянной экспозиции, выставки меняются три раза в год. Около 20 000 человек посещает музей ежегодно.

Аксели Галлен-Каллела (26 апреля 1865 — 7 марта 1931) [*ил. 3* и *7*] был знаменательной личностью в культурной жизни Финляндии конца XIX – начала XX в. Подобно гениям Ренессанса он овладел почти всеми техниками изобразительного искусства: занимался живописью, фотографией, дизайном, архитектурой и этнографией. Искусство художника пронизано народными мотивами; самым главным мотивом в его творчестве, несомненно, была Калевала. Первые эскизы к калевальским сюжетам появились ещё во время обучения в Париже. Художник отображал руны эпоса в живописи, гравюрах, фресках, фотографиях и иллюстрациях на протяжении всей своей художественной карьеры.

В архиве Музея Галлен-Каллела хранится обширная переписка художника с современниками, среди адресатов – друг финского художника Н. К. Рерих. Хранящиеся в архиве пять писем и две открытки представляют совсем малую часть эпистолярного наследия Рериха. Ведь за всю свою жизнь Рерих написал несколько тысяч писем. Но даже нескольких писем хватает, чтобы понять, насколько тёплая дружба объединяла двух великих людей. Также в архиве хранятся три письма, адресованные Аксели Галлен-Каллела обществом художников «Cor Ardens» («Пылающее Сердце») и одно письмо из Международного центра искусств «Corona Mundi» («Венец Мира») в Нью-Йорке, организованного самим Рерихом. Языки писем: французский, немецкий и английский [*ил. 1–2*][1].

Финляндия Рериха

Финляндия была знакома Н. К. Рериху с детства, которое он провёл среди петербургских ингерманландцев. Прапрадед Н. К. Рериха по отцовской линии, выходец из древнего скандинавского рода, переселился в Россию в начале XVIII в.[2] Финским же периодом в творчестве Рериха называют 1917–1919 гг.[3] Это было переломное время для России и Финляндии. Революция в России дала Финляндии воз-



Ил. 1. Рериховские документы в архиве Аксели Галлен-Каллела
Кадр из презентации А. В. Нестеровой, подготовленной к докладу
на XI Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие» (2011)

можность обрести независимость; финская и русская гражданские войны сильно изменили политическую ситуацию и образ жизни обеих стран.

Увлечённый финской мифологией и скандинавскими сагами, Рерих впервые выезжает в Финляндию ранней весной 1907 г.: «Выехали ещё в холодный день, в шубах, но в Выборге потеплело, хотя ещё ездили на санях. Наняли угрюмого финна на рыженькой лошадке и весело поехали куда-то за город по данному адресу»[4]. Рерихи посещают финские города: Иматра, Турку, Лохья, Савонлинна. Дикая, нетронутая рукой человека природа севера производит на них неизгладимое впечатление. В серии финляндских этюдов – *«Олафсборг»*, *«Пункахарью»*, *«Иматра»*, *«Седая Финляндия»*, *«Вентила»*, *«Сосны»*, *«Камни»*, *«Лавола»*, *«Озеро»*, *«Лес»*, *«Охотники»*, *«Сайма»*, *«Иванов огонь»*, *«Мох»*, *«Священное место»* и других – Рерих запечатлел синие озёра, глухие леса, одинокие сосны и скалы[5].

Непосредственно после поездки были написаны статья «Древнейшие финские храмы» (1907) и эссе «Радость искусству» (1908), затронувшее так называемый «варяжский вопрос». Позже именно в Финляндии Рерих напишет стихотворения для сборника «Цветы Мории»[6] и автобиографическую повесть «Пламя»[7].

Первое письмо Рериха, хранящееся в архиве Музея Галлен-Каллела, – это открытка с видом церкви города Лохья и с коротким текстом на французском языке:

«Наше искреннее приветствие!
Мы восхищены церковью и Вашей прелестной племянницей.

Н. Рерих.
16 июня 1907. Лохья».

Галлен-Каллела позаботился о своём друге – племянница художника показала финские достопримечательности семье Рерихов. Но, по всей видимости, в этот приезд художники не встречались друг с другом.

Вторая открытка, с воспроизведением рисунка Н. К. Рериха 1901 г. к стихотворению А. С. Пушкина «Пир Петра Первого» с изображением кораблей и русской надписью: *Надъ Невою рѣзво вьются флаги пестрые судовъ*[8], отправлена через два месяца уже из Петербурга. В лаконичном тексте открытого письма Рерих посылает наилучшие пожелания дорогому собрату Аксели [*ил. 2*].

Следующий визит Рериха в Финляндию состоялся в декабре 1916 г. Страдающий пневмонией художник уезжает с семьёй на лечение в Сортавалу, хотя врачи советуют ехать в Крым. Рерих хочет остаться на Севере, поблизости от Петрограда, где он занимает пост директора Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств. Художник так описывает свою поездку в очерке «Финляндия»:

«Подошло Рождество, прошли школьные экзамены, Е[лена] И[вановна] решила на праздники ехать в Финляндию. Все гостиницы оказались заняты, хорошо, что Ауэр надоумил ехать в незнакомый нам в Сердоболь (Сортавала) на севере Ладоги. Решили, поехали. Конечно, бабушки и тётушки считали такую морозную поездку сумасшествием. Было 25° мороза по Реомюру. Вагон оказался нетопленным – испортились трубы. Всё же доехали отлично. "Сеурахуоне", гостиница в Сортавале, оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами – очаровательна»[9].

После праздников семья вернулась в Петроград, но в середине мая 1917 г. «ползучая пневмония» опять заставила ехать в Карелию, где ещё с декабря было снято имение Юхинлахти в ладожских шхерах[10]. В связи с политической ситуацией, семья

Ил. 2. Открытое письмо Николая Рериха Аксели Галлен-Каллела
Санкт-Петербург. 18 сентября 1907. © Музей Галлен-Каллела (Эспоо)

Рерихов оказалась отрезана от родного Петербурга, и проживала в Финляндии вплоть до 1919 г. Финляндия не всегда казалась очаровательным северным краем, бывали дни, когда она производила и тягостное впечатление: «Настроение плохое. Жизнь в обстановке Кн[ута] Гамсуна. Перед окнами – очень важное место, приход парохода! Природа хороша, хотя бы и из окна. Но финская полукультура, или, вернее, среднекультура, где нет ни низкого, ни большого – всё-таки тягостна», – пишет Н. К. Рерих А. Н. Бенуа в октябре 1917 г.[11] Рерих ссылается на автобиографический роман Кнута Гамсуна «Голод», главный герой которого ютится в жалкой каморке и его постоянно терзают муки голода. Начинающий литератор пытается зарабатывать, пристраивая в газеты свои статьи, но для жизни этого мало, и он впадает в полную нищету. Нищенское, голодное существование, перепады настроения – это, увы, печальная действительность и Карелии 1917-го года. У Рериха описание пристани имеет символический смысл. Пристань связывает с окружающим миром; туда приходит пароход с письмами-весточками от друзей, и о судьбе близкой сердцу Рериха Рисовальной школы Общества поощрения художеств. Упоминание парохода также указывает на финал романа Гамсуна, в котором герой решает кардинально изменить свою жизнь и поступает матросом на корабль.

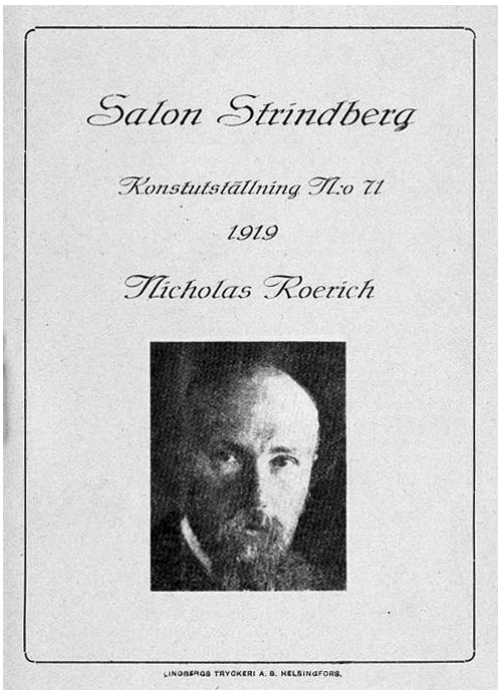
Галлен-Каллела и Рерих

Рериха многое сближало с Галлен-Каллела: от широкого взгляда на мир до особенного отношения к природе и древним мифам. Оба художника относятся к числу наиболее ярких представителей культуры своей страны. Оба непродолжительное время учились в мастерской Фернана Кормона в Париже: Галлен-Каллела в 1887–1888 гг. и Рерих с 1900 по 1901 г.[12] Известно, что Рерих восхищался старшим коллегой. В ранних работах Рериха даже просматривается влияние калевальских сюжетов Галлен-Каллела. Впервые Рерих ознакомился с творчеством Аксели Галлен-Каллела в 1896 г. на Нижегородской промышленной и художественной выставке. В 1896 г. самобытное финское искусство вызвало бурные негативные эмоции среди русских критиков. В «Очерке русского художества в 1896 году» Рерих (опубликовавший свою статью под псевдонимом «Р. Изгой») весьма резко отзывается о символистических работах художника, хотя и признаёт Галлен-Каллела талантливым художником:

«Ярким примером скверных последствий увлечения символизмом могут служить картины г. Акселя Галлена “Conceptio artis” и “Probleme”, ничего, кроме смеха, не возбуждающие, а между тем, г. Галлен человек талантливый, как это можно видеть по выставленным тут же сильным “Айно” и “Сампо” (из Калевалы)»[13].

Примечательно, что на выставке в престижном парижском Салоне Марсового поля в 1892 г. триптих «Айно» подвергся критике из-за чересчур реалистичной манеры изображения. В Париже 1890-х гг. символизм сменил реалистичную манеру в живописи. Живопись Галлен-Каллела также критиковали В. В. Стасов, И. Е. Репин и Максим Горький. Стасов сохранил негативное отношение к творчеству Галлен-Каллела навсегда. Репин и Горький позже изменили мнение о творчестве финского художника и между ними установились дружеские отношения. В 1906 г. Горький

Ил. 3. Аксели Галлен-Каллела. Конгинкангас 1906. © Музей Галлен-Каллела, Эспоо



Ил. 4. Обложка каталога выставки Рериха в Салоне Стринберга в 1919 г.

три недели жил у Галлен-Каллела в ателье Пиртти, скрываясь от русских жандармов. В то время в ателье художника находили убежище многие противники царской власти, но в какой-то момент художник не выдержал политически накалённой ситуации, повесил на дверь табличку «Bortrest» («В отъезде») и уехал на охоту в глухие финские леса[14].

Рерих познакомился с Галлен-Каллела на выставке финских и русских художников в январе 1898 г. в Петербурге. В очерке «Странники» Рерих так описывает эти встречи:

«Он приходил раза три. Были долгие вечерние беседы. В этих беседах было нечто сродни Врубелю. Совсем другое, совсем о другом, но, в сущности, о тех же прекрасных образах. Сближало искусство, говорили только о художнике, иногда умолкали, улыбались и опять обменивались о красоте, о технике, о сближении народа с красотами творчества»[15].

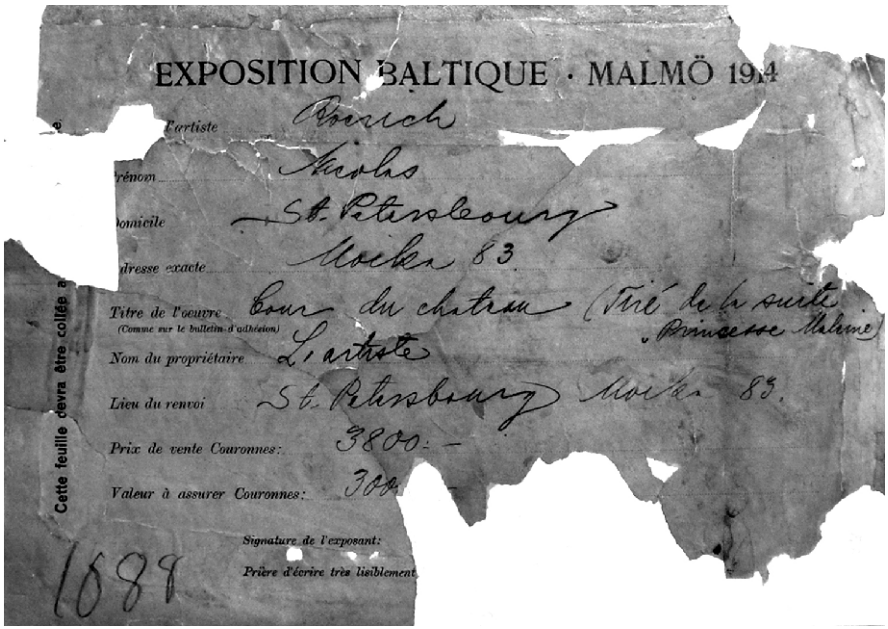
Известно, что художники встречались на открытии выставки финского искусства 3 апреля 1917 г., организованной Художественным бюро Н. Е. Добычиной[16].

Двенадцатого июля 1918 г. Рерих пишет Аксели: «Получите наши искренние комплименты. Моя жена и я слышали разговоры о твоём героизме и о том, что твой сын был серьёзно ранен. Надеемся, что сейчас он выздоравливает». В 1918 г.

Ил. 5. Н. К. Рерих. Двор замка. Эскиз декораций для постановки драмы М. Метерлинка «Принцесса Мален» в четырёх действиях в московском Свободном театре. 1913
© Музей Атенеум (Хельсинки)

сын Йорма выздоровел, но, увы, погиб в первый день Зимней войны (Советско-финская война 1939–1940 гг.). Шестого декабря 1917 г. Финский парламент провозгласил независимость Финляндии. Официально же независимость Финляндии была утверждена 4 января 1918 г., но нестабильная политическая ситуация молодого государства привела к кровавой гражданской войне (27.01–16.05.1918), в которой Галлен-Каллела с сыном приняли участие на стороне белой армии. В этом же письме Рерих беспокоится об устройстве своей выставки в Стокгольме, куда собирается перевозить картины: «Милый друг, у меня есть к тебе большая просьба. Мне необходимо получить в сенате разрешение на перевоз моих картин и красок багажом. Я уверен, что если ты замолвишь словечко о значении моих работ, я получу это разрешение», и приглашает «дорогого друга Акселя» с сыном погостить в Тулолансаари, где семья Рерихов в то время проживала[17]. Галлен-Каллела охотно откликнулся на просьбу. В следующем письме Рерих благодарит друга и вновь приглашает в гости[18]. Но встреча художников не состоялась. Под впечатлением от ужаса, испытанного на войне, Галлен-Каллела уединяется в доме, построенном самим художником в середине 1890-х гг. на берегу озера в глухом лесу.

Двадцать девятого августа Рерих обращается к Галлен-Каллела с просьбой: «Нужно, чтобы ты срочно рекомендовал губернатору Выборга господину Хекселю. В противном случае очень возможно, что мне придётся покинуть Финляндию. Меня информировали, что с 1 сентября снова начнётся выселение русских, проживающих в Финляндии. На этот раз никто не сможет остаться. Потому что оставят только тех, у кого есть работа или жильё. Не имея ни того, ни другого, я окажусь среди высланных. Вот, пожалуйста: известная личность, известное имя и общественное положение и высылка из Финляндии только по причине национальности. Такого не случалось никогда ни в одной стране – только что я получил письмо от человека, которому доверяю. Этот человек советует мне запастись рекомендательными письмами от исключительно известного и ценимого в Финляндии человека. Я сразу же подумал о тебе. Твоё имя мне поможет. Мне очень неловко тебя вновь беспокоить, но что делать. Я утешаюсь тем, что, может быть, позже смогу тебе помочь»[19]. Галлен-Каллела вновь выручает друга. Десятого сентября 1918 г. он пишет письмо губернатору Выборгской губернии: «Удостоверяю, что мой знакомый и друг, гражданин России ***Николай Рерих*** является во всём благонадёжным и полностью заслуживает быть зачисленным в ряды тех граждан своей страны, которым можно выдать разрешение остаться в Финляндии. Для нашей страны было бы большим позором, если иностранный художник такой ***величины*** и ***славы*** как господин Рерих, будет депортирован без причины»[20]. Избежав депортации, Рерих продолжил работу по подготовке к выставке в Стокгольме, которая прошла в том же году.



Ил. 6. Наклейка Балтийской выставки в Мальмё (1914) на тыльной стороне эскиза декорации Н. К. Рериха «Двор замка» (1913). © Музей Атенеум (Хельсинки)

После Стокгольма вернисаж выставки состоялся в Хельсинки в Художественном салоне Стриндберга в конце марта 1919 г. [*ил. 4*]. Галлен-Каллела, служивший адъютантом при Маннергейме, выступил на вернисаже с приветствием от Финского правительства[21]. Выставка имела большой успех. Художественный критик Сигне Тандефельт отметила, что Рерих не был известен в Финляндии до выставки, хотя его имя было хорошо знакомо в европейских центрах искусства. Самыми удачными работами Тандефельт считает эскизы к декорациям с их необычной архитектурой, красивым оформлением, цветами, орнаментальным русским воображением. Природу же, по мнению критика, художник пишет слишком грубо, заставляя её подчиняться своим целям: он ищет цветовых эффектов и драматизма, напоминая некоторые работы Галлен-Каллела[22]. Многие выставочные работы были приобретены в частные собрания. Шестого апреля 1919 г. Рерих уже из Англии обращается к Галлен-Каллела за советом:

«Мой дорогой друг,

будь так любезен, дай мне хороший совет: что мне делать с выставкой? Все связи очень хороши и блестящи, но Атенеум не идёт навстречу, и все покупатели удивляются. Может быть, мне надо обратиться в Атенеум самому, но я полагаю такое персональное обращение неудобно.

Дай твой дружеский совет.

Сердечно преданный тебе,

Н. Рерих»[23].

И на этот раз финский художник помогает коллеге. При содействии Галлен-Каллела главный художественный музей страны Атенеум покупает *«Двор замка»* – один из эскизов декораций к пьесе М. Метерлинка «Принцесса Мален», выполненный пастелью, темперой, гуашью и углём в 1913 г.[24] [*ил. 5* и *6*].

Из Англии Рерих едет в Чикаго с выставочным турне, где участвует в создании международного объединения художников «Cor Ardens». По совету Рериха эта организация избирает Галлен-Каллела на пост президента финского отделения «Cor Ardens», о чём Рерих и уведомляет друга в письме от 3 августа 1921 г.:

«Дорогой друг Галлен!

Я рад послать тебе свидетельство об избрании в новое братство художников почётным президентом, представляющим Финляндию. Я пользуюсь здесь большим художественным успехом, и рад, что твоё имя здесь действительно очень высоко ценят.

Искренне твой Н. Рерих.

Мы в братстве нуждались в тебе!»[25].

Одиннадцатого августа 1921 г. секретарь «Cor Ardens» Карл Хекнер посылает финскому художнику официальное приглашение вступить в общество и стать президентом финского отделения[26]. Галлен-Каллела был удивлён и искренне рад приглашению. Двадцать восьмого сентября 1921 г. художник отправил ответное письмо Рериху, в котором благодарил друга, называя работу в «Cor Ardens» большой

честью, а членство в братстве священным долгом[27]. Через год Рерих основывает в Нью-Йорке Международный художественный центр «Corona Mundi» и вновь привлекает Галлен-Каллела к работе, предлагая организовать выставку в Нью-Йорке, в Мастер-Институте объединённых искусств. Исполнительный директор центра Фрэнсис Грант обращается с просьбой получить работы Галлен-Каллела для выставки в письме 22 апреля 1927 г.: «Наш институт планирует показать работы великих современных художников из разных стран. Ни одна выставка такого рода на сегодняшний день не может быть совершенной без Ваших работ, и мы подумали, не могли бы Вы предоставить одну или более работ для этой выставки»[28]. Видимо, работы не были высланы на выставку, последняя прижизненная выставка Галлен-Каллела в Нью-Йорке прошла в 1926 г.[29]

В очерке «Странники» в 1946 г. Рерих ошибся, написав о смерти Галлен-Каллела в Таосе (он умер в 1931 г. в Стокгольме через шесть лет после поездки в Америку). Здесь же Рерих описал последнюю встречу с финским другом:

«В последний раз мы виделись в Гельсингфорсе[30], в дни моей выставки. Галлен помогал дружески. Его советы были правильны, истинно доброжелательны. После выставки мне хотелось оставить ему на память мой финский этюд. Галлен был тронут, а затем сказал мне: “Не раздавайте своих вещей. Правда, Ваше творчество бьёт ключом, но мы, художники, не знаем, когда этот родник иссякает”. Я улыбнулся: “К чему такие мрачные мысли? Голова работает, воображение творит”. Но Галлен покачал головой и начал говорить грустно, и мне показалось, что он имеет в виду именно самого себя»[31].

Ил. 7. А. Галлен-Каллела в Нью-Мексико. 1925 © Музей Атенеум (Хельсинки)

Действительно, самые известные работы Аксели Галлен-Каллела относятся к периоду 1896–1916 гг. С декабря 1923-го по май 1926 г. Галлен-Каллела путешествует по Америке [*ил. 7*]. Рерих же из Америки отправляется в Индию в первой половине 1923 г.[32] Хотя пути художников больше не пересекаются, Галлен-Каллела сталкивается с рериховскими идеями и философией в Нью-Йорке. Художники мало встречались, но эти немногочисленные встречи друзья очень ценили. Лист дневника «Вперёд» показывает, насколько Рерих уважал Галлен-Каллела и дорожил дружбой с ним:

«Благодарю судьбу за добрые знакомства с Роденом, Морисом Дени, Ходлером, Галлен-Каллелой, Бренгвинном, Саржентом, Тагором – все они разные, все они крупные, все они бились в жизненных битвах»[33].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Открытые письма Н. К. Рериха к Аксели Галлен-Каллела: 16.06.1907, 18.09.1907. Письма Н. К. Рериха к Аксели Галлен-Каллела: 12.07.1918, 20.08.1918, 29.08.1918, 06.04.1919 и 03.08.1921. Письма «Cor Ardens» к Аксели Галлен-Каллела: 11.08.1921, 04.02.1922 и 08.06.1922. Письмо «Corona Mundi» к Аксели Галлен-Каллела: 22.4.1927.

[2] *Дубаев М. Л.* Рерих. – М.: Молодая гвардия, 2003. – (Серия биографий «Жизнь замечательных людей»). – С. 6–7.

[3] Н. К. Рерих. 1917–1919. Материалы к биографии. ред.: А. П. Соболев. СПб.: Фирма Коста, 2008. – С. 5.

[4] *Рерих Н. К.* Ещё гибель (1939) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. II. – С. 278.

[5] См. их первый перечень, записанный от самого автора его биографом: *Иванов А. П.* Списки живописных и литературных работ Н. К. Рериха. – Автограф. – Сектор рукописей ГРМ. Ф. 143. Д. 10. 32 л. Ср.: *Н. К. Рерих.* Письмо Б. К. Рериху. – Июнь-июль 1907 г. // Переписка Н. К. Рериха с современниками / Публ. Е. Г. Сойни // Север. – Петрозаводск, 1981. – № 4. – С. 108.

[6] *Рерих Н. К.* Цветы Мории: Сб. стихотворений. – Берлин: Слово, 1921. – 128 с.

[7] Первая публикация в кн.: *Рерих Н. К.* Пути Благословения. – New York – Paris – Riga – Harbin: Алатас, 1924. Ср.: *Рерих Н. К.* Неотпитая чаша. Пламя / Предисл. В. Бондаренко, Е. Бондаренко // Север. – Петрозаводск, 1976. – № 5. – С. 99–110.

[8] Бумага, акварель, белила, карандаш. 9,3 × 14,9. Всероссийский музей А. С. Пушкина (Санкт-Петербург). КП-26370.

[9] *Рерих Н. К.* Финляндия // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1996. – Т. III. – С. 599–600.

[10] *Рерих Н. К.* Памятки (1939) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. II. – С. 352. Н. К. Рерих использует два варианта написания финского местечка *Yhinlahti* (фин.: Соединяющий залив) – Юхинлахти и Ихинлахти.

[11] *Н. К. Рерих.* Письмо А. Н. Бенуа. – 7 октября 1917 г. // Переписка Н. К. Рериха с современниками / Публ. Е. Г. Сойни // Север. – Петрозаводск, 1981. – № 4. – С. 109–110.

[12] *Pelin A.* Pariisi + Nuoruuden pyörteissä. Axél Gallen. – Espoo: Gallen-Kallelan Museo, 2004. – S. 28; *Рерих Н. К.* Кормон (1937) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. II. – С. 119.

[13] *Изгой Р.* Очерк русского художества. Мировые отголоски. 1897. – 14/26 января. № 13. – Вторник. – С. 2-3. Цит. по изд.: Николай Рерих в русской периодике (1891–1918). – Вып. 1: 1891–

1901 / Сост.: О. И. Ешалова, А. П. Соболев / Отв. ред.: А. П. Соболев. – СПб.: Фирма Коста, 2004. – С. 38–39.
[14] *Gallen-Kallela, Kirsti*. Isäni Akseli Gallen-Kallela: Toim. Kaari Raivio. – Porvoo: WSOY, 1992. – S. 424–426.
[15] *Рерих Н. К.* Странники (1946) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1996. – Т. III. – С. 428–429.
[16] *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. – М.: Русский путь, 2003. – С. 187.
[17] *Рерих Н. К.* Письмо А. Галлен-Каллела (12.07.1918) // Архив Музея Галлен-Каллела. Автограф на франц. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[18] *Рерих Н. К.* Письмо А. Галлен-Каллела (20.08.1918) // Архив Музея Галлен-Каллела. Автограф на франц. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[19] *Рерих Н. К.* Письмо А. Галлен-Каллела (29.08.1918) // Архив Музея Галлен-Каллела. Автограф на франц. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[20] Автограф на финском яз. Архив Русского культурного центра (Дели, Индия). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1. Копия в архиве МЦР (Москва, Россия). Перевод А. В. Нестеровой. Ср.: Н. К. Рерих. 1917–1919. Материалы к биографии. – СПб.: «Фирма Коста», 2008. – С. 163–164.
[21] *Soini H.* Kultainen kuherruskausi. Suomen kansallistaiteilijoiden vaikutus Venäjän taiteeseen. – Jyväskylä: Ajatus kirjat, 2005. – S. 82. См. также: *Рерих Н. К.* Письмо Л. Н. Андрееву (03.04.1919) // Леонид Андреев. S.O.S. – М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. – С. 281–282.
[22] *Halén H.* Venäläisiä itämaiden tutkijoita Suomessa // Opusculum. – 1991. – № 1. – (Kirja-ja oppihistoriallinen aikakauskirja, s. 3–33). – S. 17–18.
[23] *Рерих Н. К.* Письмо А. Галлен-Каллела. – Лондон. – 6 апреля 1919 г. // Архив Музея Галлен-Каллела. Автограф на нем. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[24] **Н. К. Рерих. Двор замка.** 1913. Музей Атенеум. Инв. № A-II-1267. См. также: Каталог выставки Н. К. Рериха в Хельсинки. – Салон Стриндберга. Художественная выставка № 71. 29 марта – 11 апреля 1919. – Хельсинки: АО Типография Линдберга, 1919. – Кат. 20. – Экз. в Центральном архиве изобразительного искусства (Хельсинки).
[25] *Рерих Н. К.* Письмо А. Галлен-Каллела (03.08.1921) // Архив Музея Галлен-Каллела. Автограф на англ. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[26] *Хекнер, Карл.* Письмо А. Галлен-Каллела (11.08.1921) // Архив Музея Галлен-Каллела. – Оригинал на англ. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[27] *Галлен-Каллела А.* Письмо Н. К. Рериху (28.09.1921) // Переписка Н. К. Рериха с современниками / Публ. Е. Г. Сойни // Север. – Петрозаводск, 1981. – № 4. – С. 114.
[28] *Грант, Фрэнсис.* Письмо А. Галлен-Каллела (22.04.1927) // Архив Музея Галлен-Каллела. – Оригинал на англ. яз. Перевод А. В. Нестеровой.
[29] В Нью-Йорке у А. Галлен-Каллела было две выставки: 25.04.–01.06.1924 в *The Memorial Art Gallery* и 20.11.1925–03.01.1926 *Exhibition of Paintings in Oil by American and European Artists* в *The Brooklyn Museum*.
[30] Гельсингфорс – это шведское название города Хельсинки.
[31] *Рерих Н. К.* Странники (1946) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1996. – Т. III. – С. 428–429.
[32] *Raivio K.* Akseli Amerikassa. Akseli ja Mary Gallen-Kallelan kirjeenvaihtoa vuosilta 1915–1931. – Porvoo: WS Bookwell Oy, 2005. – S. 12, 294; *Рерих Н. К.* Памятки (1939) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. II. – С. 352.
[33] *Рерих Н. К.* Вперёд (1942) // *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – М.: МЦР и др., 1995. – Т. II. – С. 276.

В. В. ВИХРОВ, Е. Н. ВИХРОВА

(Культурно-просветительская общественная организация «Мир»; Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОЖИВАНИЯ СЕМЬИ РЕРИХОВ НА ОСТРОВЕ ТУЛОЛА В КАРЕЛИИ

В 1916 г. Николай Константинович Рерих заболевает воспалением лёгких. Болезнь носила затяжной характер, и врачи посоветовали ему поехать из сырого Петербурга туда, где климат более сухой и здоровый, Рерихи выбрали Финляндию[1]. Свою первую поездку в Сортавалу Рерихи совершили в декабре 1916 г. на рождественские каникулы. Поехать в Сортавалу им посоветовал художник Григор Ауэр[2], который хорошо знал эти места. Второй раз Рерихи выехали в Сортавалу в мае 1917 г. и, как оказалось, выехали из России насовсем. Лето 1917 г. Рерихи провели на заливе Юхинлахти в имении Оскара Реландера – ректора Сортавальской семинарии, а осенью перебрались в Сортавалу, где жили в доме Арвида Торстена Генеца – лектора Сортавальской семинарии.

С начала 1918 г. Н. К. Рерих хлопочет об организации выставки своих картин в Швеции и 19 мая он получает телеграмму от О. Бьёрка о получении разрешения на прибытие с семьёй в Швецию[3]. Однако отъезд задерживается, и летом Рерихи переезжают из Сортавалы на остров Тулолансаари в дом Баринова.

Об этом мы знаем из писем Н. К. Рериха к финскому художнику Аксели Галлен-Каллела, хранящихся в Музее Галлен-Каллела в Эспоо, впервые опубликованных в переводе с французского языка в книге Елены Сойни[4].

Время проживания Николая Константиновича на острове было недолгим (в сентябре 1918 г. семья уже выехала в г. Выборг), но плодотворным. За этот период им были написаны повесть «Пламя», более 25 картин, среди них такие, как «*Всадник утра*» и «*Всадник ночи*» из сюиты *«Equus aeternus» («Вечные всадники»)*, «*Лапландский* замок» (*«Lappenlinna»*), *«Закат (Tulolansaari)»*, *«Pieni Tulola»*, *«Тулола»*[5] [*ил. 15–18*]. Картины затем были представлены на выставках художника в Стокгольме в 1918 г. и в Хельсинки в 1919 г.

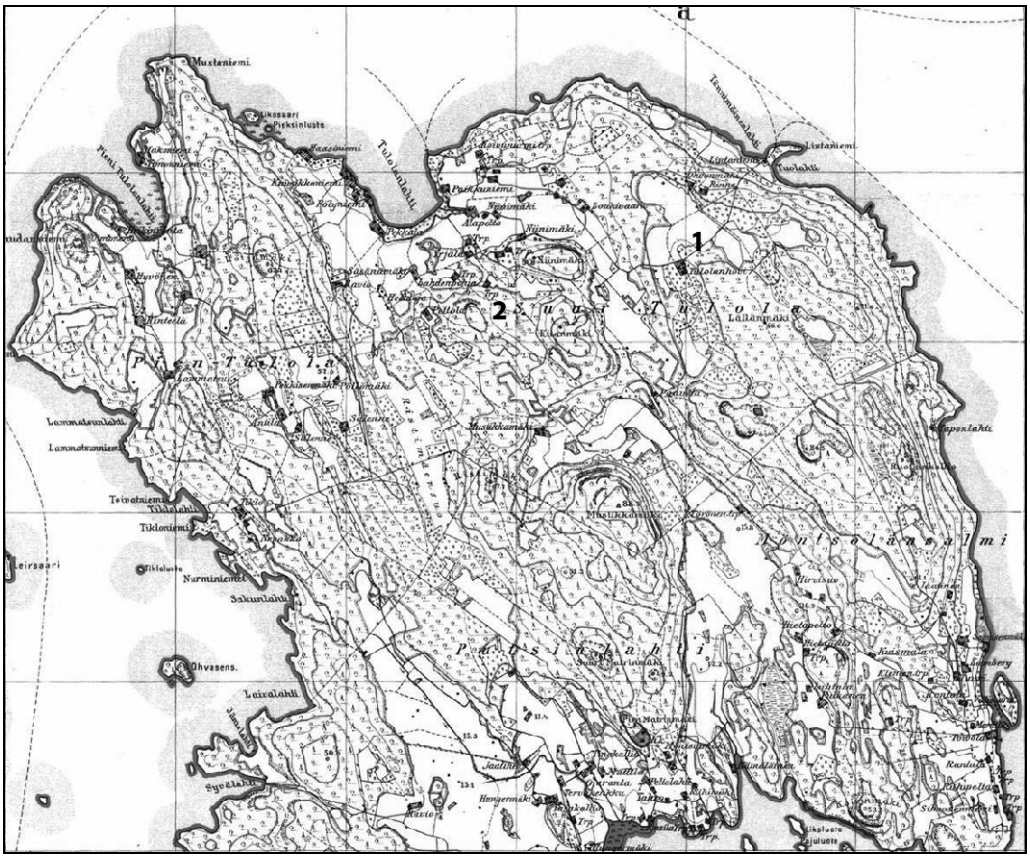
И если о местах проживания семьи Рерихов на заливе Юхинлахти и в Сортавале, а также о владельцах снятых ими жилищ известно достаточно хорошо, то местонахождение дома, где жили Рерихи на острове Тулолансаари, и личность его владельца Баринова долгое время оставались малоизвестными[6]. В 1974 г. П. Ф. Беликов предпринял попытку найти дом Баринова на Тулоне, когда он совершал путешествие по Карелии. После путешествия П. Ф. Беликов писал в письме к С. Н. Рериху:

«*На острове Тулола теперь никто не живёт. <...> Мы обнаружили один разобранный большой дом на фундаменте из серого гранита (большие тёсаные камни). Дом был с мезонином, стоял на возвышении, почти на обнажённом граните. Вид из него открывался на сравнительно узкую протоку, озеро немного далее. Может*

быть, Вы, Святослав Николаевич, помните тот дом, в котором жили тогда? Этот остров отстоит близко от Сердоболя на Ладоге, мы до него добирались моторной лодкой. На острове были и другие дома, но после войны остров не заселялся, старожилов там нет и спросить не у кого. Если удалось бы установить точно по Вашему описанию – как дом выглядел, то на фильм сняли бы окрестности. Вид везде прекрасный»[7].

Из ответа С. Н. Рериха П. Ф. Беликову:

«*Вы правы, на Tulola дом стоял на возвышении на северо-западной стороне острова, недалеко от пристани. Принадлежал он русскому купцу – имя не помню. На северн[ой] стороне острова были известные каменоломни и оттуда везли гранит для памятников Петербурга. На север от острова были причудливые заливы Kirjavalahti, куда мы ездили на катерах. Остров был полон дичи. Тетерева, вальдшнепы, трудно*

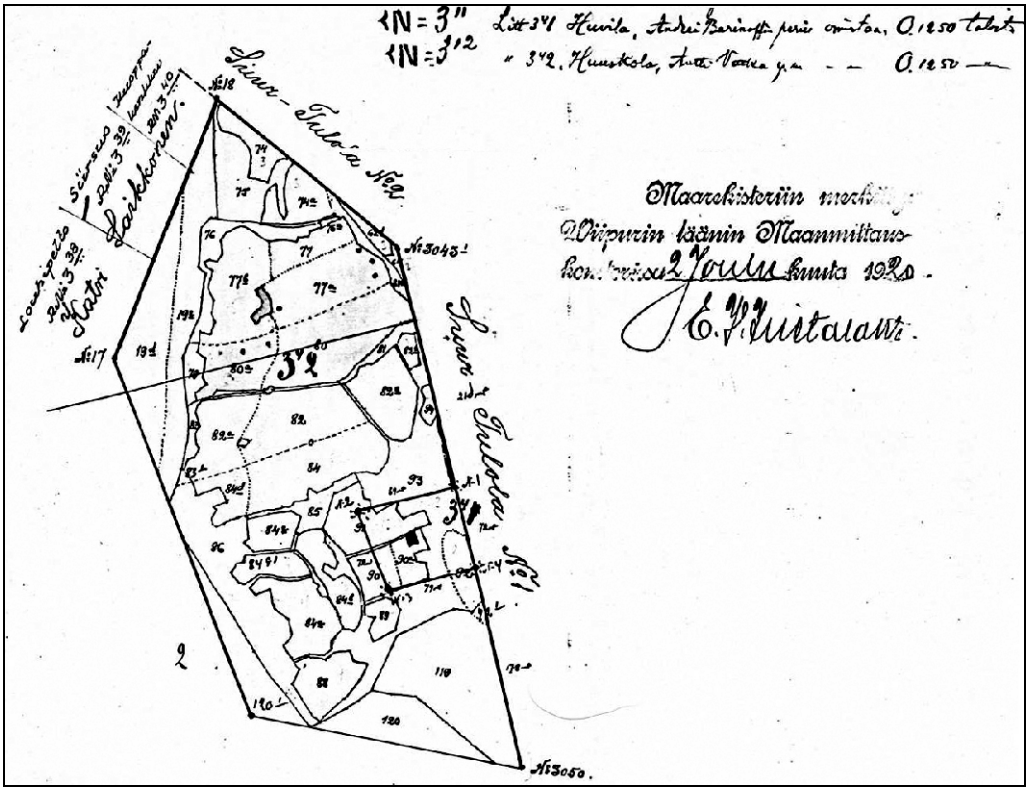


Ил. 1. Северная часть острова Тулолансаари. Фрагмент финской карты 1925 г.
На карте дополнительно цифрами отмечены: **1** – Тулоланхови; **2** – Суури-Тулола
© Архив Мартти Яатинена (Миккели, Финляндия)

представить себе изобилие всякой птицы. Сам дом был большой, с мезонином, деревянный, с большими комнатами, меня особенно поражали доски полов – совсем невиданной ширины»[8].

На острове существовало предание, записанное Мартти Яатиненым[9], о доме, расположенном на севере острова в километре от бывших каменоломен, который был построен Матвеем Овечкиным. Самого Матвея, сына крепостного из Ингерманландии, по преданию, будучи ещё мальчиком, выменял на щенка у хозяина владелец каменоломен. Местные крестьяне звали мальчика «баринов», в смысле «принадлежащий барину». Детей у владельца каменного карьера не было, и он завещал всё своё имущество Матвею Овечкину.

Дом был построен около 1870 г. из красной сосны, закупленной Матвеем Овечкиным в Лапландии. На карте Финляндии 1925 г. дом обозначен как **Тулоланхови** (фин. *Tulolanhovi*) [*ил. 1: пункт 1*]. Отсюда многие исследователи и сделали заключение, что именно этот дом принадлежал Баринову, и что Матвей Овечкин и Баринов – это одно и то же лицо.



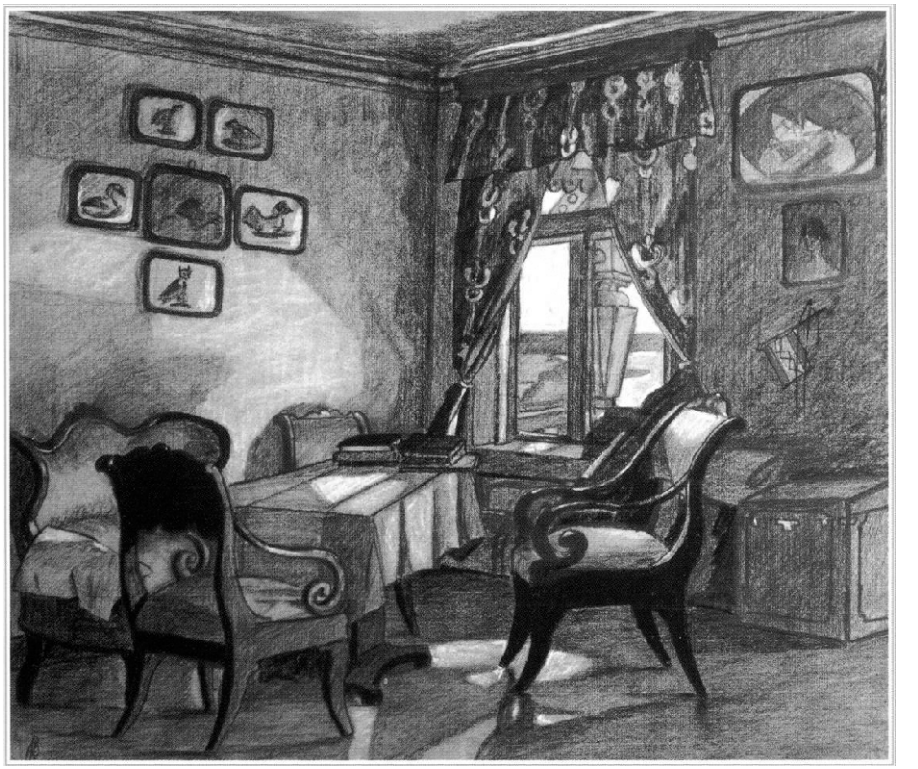
Ил. 2. План земельных наделов с участком № 3[4]1, принадлежавшим Андрею Баринову
© Провинциальный архив города Миккели (Финляндия)

Ил. 3. Тулоланхови. Дом Андрея Баринова. © Архив Мартти Яатинена (Миккели, Финляндия)

Для прояснения ситуации осенью 2007 г. нами был сделан запрос в Провинциальный архив города Миккели в Финляндии, куда в 1939 г. был эвакуирован архив города Сортавала, о наличии недвижимости на острове Тулолансаари, принадлежавшей купцу Баринову. В ответ из архива было получено подтверждение о том, что Баринову по состоянию на 1920 г. на острове принадлежал дом, именуемый Тулоланхови, и были получены копии документов по межеванию земель в районе дома, фотографии дома и пристани. На копии по межеванию участков [*ил. 2*] стояло имя и фамилия владельца участка – **Андрей Баринов**.

Таким образом, становилось ясно, что Матвей Овечкин и Андрей Баринов не могут быть одним и тем же лицом. Оставалось найти, каким образом дом, который построил Матвей Овечкин, стал принадлежать Андрею Баринову и доказать, что именно в этом доме летом 1918 г. жили Рерихи [*ил. 3*].

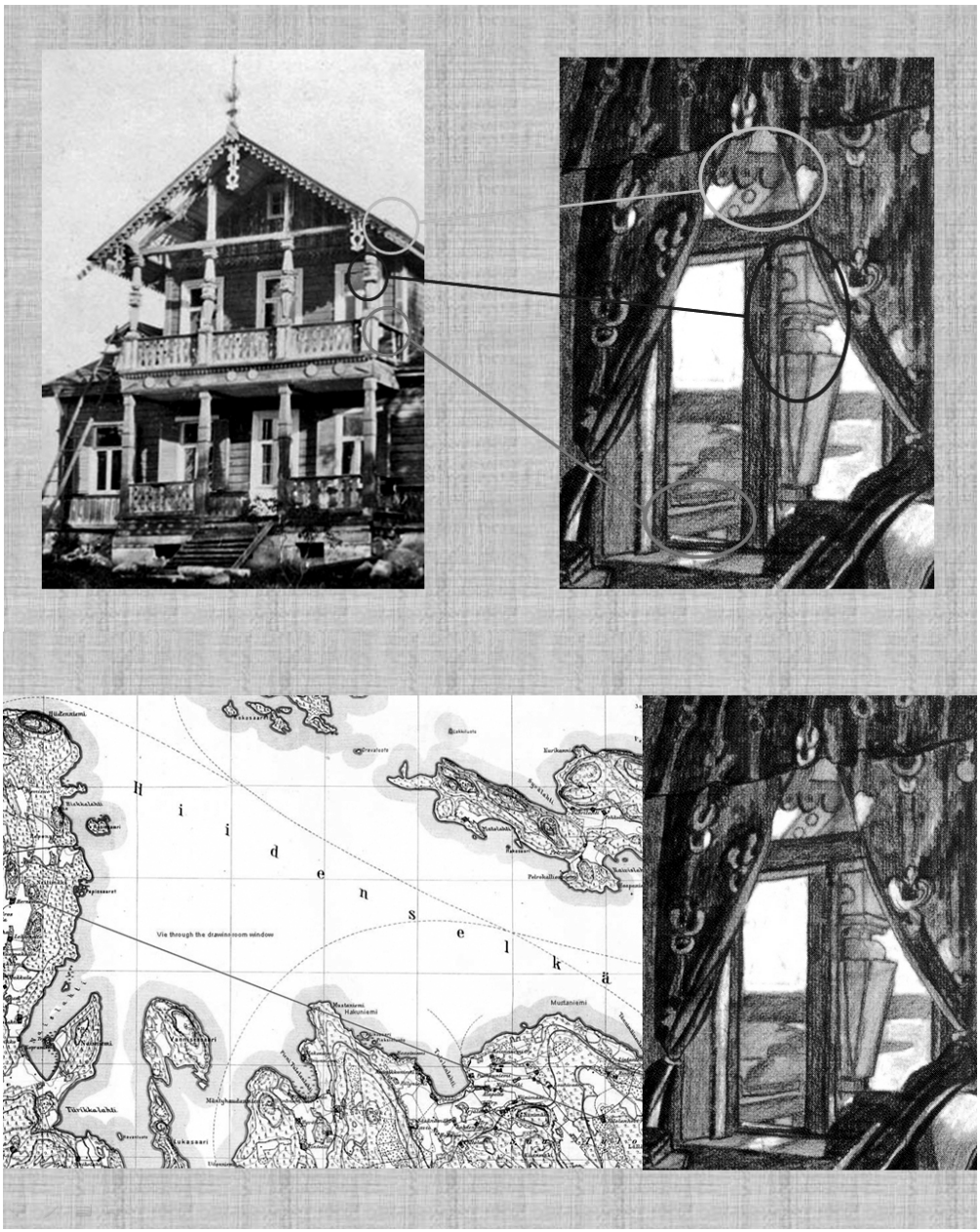
В Центре-Музее им. Н. К. Рериха Международного Центра Рерихов в Москве хранятся карандашные рисунки Ю. Н. Рериха, сына художника, сделанные им во время проживания семьи в доме Баринова на острове Тулолансаари в 1918 г. Среди них есть рисунок интерьера гостиной[10]. На рисунке, кроме интерьера комнаты, изображён также вид из окна, где видны части деревянных конструкций дома [*ил. 4*]. Сравнительный анализ деревянных конструкций, изображённых на фотографии дома и рисунке Ю. Н. Рериха, позволяет сделать вывод о том, что на рисунке изображён вид из окна именно этого дома, и гостиная находилась на втором этаже дома [*ил. 5*].



Ил. 4. Ю. Н. Рерих. Интерьер гостиной дома Баринова на острове Тулола. 1918. Бумага тонированная, графитный карандаш. 41,0 × 47,6. © Центр-Музей им. Н. К. Рериха МЦР (Москва). КП 1155

Дальнейшие исследования позволили больше высветить личность самого Андрея Баринова и связь его с Матвеем Овечкиным. В Ленинградском областном государственном архиве (г. Выборг) в папке, посвящённой земельным вопросам деревни Суури-Тулола (фин. *Suuri-Tulola*) [*ил. 1: пункт 2*] на острове Тулолансаари, были обнаружены документы, касающиеся как Матвея Овечкина, так и самого Андрея Баринова. На основании этих и других документов стало известно, что **Андрей Андреевич Баринов** родился 21 сентября 1839 г. по старому стилю в семье казённого мастерового каменщика Интендантской конторы Шлиссельбургского уезда села Путилова Андрея Андреевича Баринова и его законной жены Ольги Григорьевны, о чём была сделана запись в соответствующей метрической книге церкви Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге[11].

Отец его умер от горячки в 1843 г., когда Андрею не было ещё и четырёх лет[12]. Ольга Григорьевна воспитывала сына одна. В Петербурге в это же время проживает ещё один Баринов – Иван Иванович, который, несомненно, являлся их родственником (возможное ближайшее родство – Иван Иванович и Андрей Андреевич, отец Андрея Баринова, – двоюродные братья).



Ил. 5. Анализ рисунка Ю. Н. Рериха «Интерьер гостиной» (1918). В верхней части отмечены элементы, совпадение которых на рисунке и на фотографии очевидно. В нижней части указано совпадение направления вида из окна на рисунке с рельефом местности на финской карте 1925 г.

Иван Иванович Баринов владел мастерской по изготовлению гранитных и мраморных монументов и, видимо, помог Ольге Григорьевне открыть свою монументальную лавку. В списках монументщиков и владельцев монументальных лавок Санкт-Петербурга за 1849-й год, наравне с Иваном Ивановичем Бариновым, проживающим и имеющим мастерские в доме Протопопова на углу Малого проспекта и 17-й линии (д. 38) Васильевского острова, мы находим и фамилию Бариновой.

К началу шестидесятых годов XIX в. Иван Иванович Баринов – купец 2-й гильдии (с 1860 г.) – владел новым домом (№ 48 на 17-й линии Васильевского острова), с 1870 г. являлся старостой Церкви Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище. Ольга Григорьевна Баринова – купчиха 2-й гильдии (с 1861 г.) – проживала с сыном в доме № 7 по Камскому переулку, принадлежавшему этому же храму, и в том же доме осуществлялась торговля монументами[13].

Для выполнения работ по изготовлению монументов требовался мрамор и гранит, некоторые памятники были выполнены из сердобольского гранита, добычей которого и отправкой его в Санкт-Петербург в то время занимался как раз Матвей Овечкин. Кроме добычи гранита, камнетёсы, которые в основном были приписаны к Санкт-Петербургу, изготавливали из камня различные предметы. Например, на первой финской Промышленной выставке в Хельсинки в 1876 г. экспонировалась большая ваза для цветов, выполненная из чёрного камня, представленная Матвеем Овечкиным. За эту вазу мастер был пожалован бронзовой медалью выставки, а его рабочие награждены деньгами[14].

Не встретиться они не могли. Более того, знакомство, по всей видимости, состоялось ещё тогда, когда Ольга Григорьевна Баринова сама занималась делами монументальной мастерской. В 1871 г. она выходит замуж за сердобольского купца Матвея Ивановича Овечкина. Обоим им было тогда по 53 года, для обоих это был второй брак. Венчание состоялось 10 ноября по старому стилю в Санкт-Петербурге в Церкви апостолов Петра и Павла при Императорском училище глухонемых на углу Гороховой улицы (д. 18) и набережной Мойки (д. 54) (ныне РГПУ им. А. И. Герцена)[15]. Службы в этом храме велись с сурдопереводом, вероятно, у кого-то из них, либо у Матвея Ивановича, либо у Ольги Григорьевны, были проблемы со слухом или речью.

После венчания Ольга Григорьевна переехала в Сортавалу, передав все дела по ведению монументальной мастерской сыну.

Андрей Андреевич Баринов-младший[16] – купец 2-й гильдии с 1872 г., к этому времени он уже женат на Марии Павловне, дочери Павла Несторовича Чиркова, одного из своих мастеров. В это же время А. А. Баринов владел контрактом на ломку мрамора в мраморном карьере Рускеала для реставрации Исаакиевского собора[17], который в 1877 г. был передан скульптору Г. Ботто[18].

После смерти Ивана Ивановича Баринова, последовавшей в 1878 г., Андрей Андреевич Баринов стал старостой Церкви Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище и оставался им на протяжении 15 лет до 1893 г.[19]

В монументальных мастерских в силу их местоположения выполнялись работы по изготовлению надгробных памятников для установки на Смоленском кладбище. До сих пор на Смоленском кладбище сохранилось несколько надгробных па-

мятников, сделанных в бариновской мастерской и имеющих клеймо «А. Бариновъ». Среди них памятники А. Т. Маркову – профессору исторической живописи Академии художеств, Ф. М. Новосильскому – генерал-адъютанту, участнику Синопского сражения и обороны Севастополя, А. Ф. Петрушевскому – генерал-лейтенанту, историку, артиллеристу и ряд других[20].

Кроме рутинной работы по изготовлению надгробных памятников, мастерская А. А. Баринова принимала участие в изготовлении постаментов для памятников известным деятелям Российского государства. В их числе гранитные постаменты к памятникам адмиралу Ф. Ф. Беллинсгаузену (скульптор И. Н. Шредер, 1870 г.) и русскому мореплавателю, участнику гидрографических экспедиций в Баренцевом и Белом морях П. К. Пахтусову (скульптор Н. А. Лаверецкий, 1886 г.), установленные в Кронштадте[21]. В мастерской А. А. Баринова были изготовлены также гранитные пьедесталы к памятникам Петру I (установлен в Петрозаводске в 1873 г.)[22] и адмиралу И. Ф. Крузенштерну (установлен в Санкт-Петербурге в 1873 г.), сооружённые по проекту скульптора И. Н. Шредера и архитектора И. А. Монигетти. Эта же мастерская была подрядчиком гранитных и мраморных работ при возведении памятника А. С. Пушкину в Москве скульптора А. М. Опекушина в 1880 г.

В 1883 г. на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры на могиле писателя Ф. М. Достоевского был установлен памятник, изготовленный по проекту скульптора Н. А. Лаверецкого. Гранитные работы были выполнены в мастерской А. А. Баринова.

В 1906 г. в честь столетия Лейб-Гвардии Финляндского полка в память о подвиге его известного героя – гренадёра Леонтия Коренного перед входом в здание Офицерского собрания на Большом проспекте Васильевского острова (д. 65) был установлен памятник. Постамент под бронзовой скульптурой был выполнен в мастерской А. А. Баринова[23].

Мастерская А. А. Баринова принимала также участие и в работах по оформлению церквей. Ими изготовлен иконостас из цветного мрамора в Церкви Святителя Николая Чудотворца на Чёрной речке в Санкт-Петербурге, возведённом в 1871 г. в память о наследнике престола старшем сыне Александра II, цесаревиче Николае Александровиче (здание снесено в 1930 г.), а также киот из розового мрамора с иконой преподобного Сергия Радонежского в храме Александровского подворья в Иерусалиме (1905)[24]. В 1898 г. фирма А. А. Баринова украсила серебряными рельефами главный престол Церкви Воскресения Христова в Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни в Стрельне, а в нижнем храме сделала престол из мрамора. Храм был закрыт в 1920-е гг., а в 1968 г. снесён.

Двадцать второго декабря 1899 г. в Санкт-Петербурге скончался известный писатель **Дмитрий Васильевич Григорович** (1822—1899) – директор Художественно-промышленного музея Императорского Обществе поощрения художеств (далее – *ИОПХ*). В марте следующего года при Обществе была создана комиссия для разработки проекта памятника на могиле Д. В. Григоровича на Волковском кладбище. В мае 1900 г. из девяти предложенных проектов был выбран проект по рисунку ученицы Рисовальной школы ИОПХ г-жи Гешвенд, был объявлен сбор средств и при-

Ил. 6. Памятник Д. В. Григоровичу на Волковском кладбище

глашены к участию в изготовлении и установке памятника различные учреждения и лица. В феврале следующего года комиссия рассмотрела сметы-предложения от четырёх фирм, изготавливающих памятники, среди них были такие известные фирмы, как «Кос и Дюрр», «Братья Ботта» и мастерские А. А. Баринова. Было выбрано предложение, представленное А. А. Бариновым, который запросил за проект 1250 руб. – сумму почти вдвое меньшую, чем другие фирмы. Памятник был изготовлен в кратчайшие сроки из красного валаамского гранита, и установлен на Волковском кладбище 14 марта 1902 г.[25] [*ил. 6*]. Н. К. Рерих, с 1899 г. работавший помощником покойного, как секретарь ИОПХ занимался вопросом официального открытия и освящения памятника, на котором должны были присутствовать члены Императорской фамилии[26].

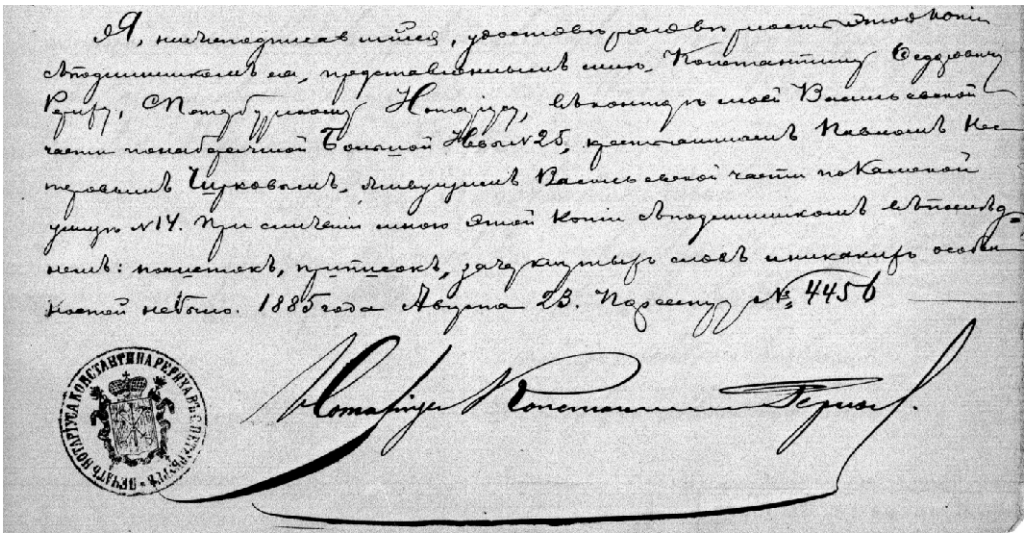
В 1908 г. на средства неизвестного лица в нижнем храме во имя Святого Иоанна Рыльского Собора Двенадцати Апостолов Свято-Иоанновского женского монастыря (Санкт-Петербург, набережная реки Карповки, д. 45) по проекту архитектора Н. Н. Никонова была подготовлена небольшая усыпальница, выложенная белым итальянским мрамором. Мраморный иконостас изготовила мастерская А. А. Баринова[27], образа написал Ф. К. Платонов. Двадцать первого декабря 1908 г. в ней митрополит Антоний освятил Придел во имя пророка Илии и святой царицы Феодоры, чьи имена носили родители святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, скончавшегося днём ранее. Здесь, в беломраморной гробнице, 23 декабря 1908 г. отец Иоанн Кронштадтский был погребён после отпевания, которое совершил митрополит Антоний со всеми архиереями, находившимися в столице, с сонмом духовенства, при огромном стечении народа.

Деятельность мастерской гранитных и мраморных изделий А. А. Баринова была весьма успешной. Мастерская была награждена тремя медалями: в 1874 г. – серебряной, в 1883 г. и 1885 г. – золотыми. Сам Андрей Андреевич значился владельцем двух домов на Васильевском острове (17-я линия, д. 60 и д. 92/3 на углу 15-й линии и Камского переулка).

Матвей Иванович Овечкин не имел наследников от первого брака, и в браке с Ольгой Григорьевной совместных детей у них не было. В августе 1875 г. М. И. и О. Г. Овечкины составляют совместное завещание, по которому всё, чем они обладают, в случае смерти одного из супругов переходит к другому, а в случае кончины обоих переходит к сыну Ольги Григорьевны – А. А. Баринову.

О. Г. Овечкина, мать А. А. Баринова, скончалась 19 января 1880 г. по старому стилю в возрасте 61 года, погребена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга[28]. М. И. Овечкин скончался 29 июня 1883 г. по старому стилю в возрасте 62 лет, по-

гребён там же[29]. К моменту смерти Матвей Иванович владел домом и несколькими участками земли в деревне Суури-Тулола на острове Тулолансаари [*ил. 1: пункт 2*]. В 1885 г., видимо, для документального оформления права на наследство, А. А. Баринов делает копии свидетельств о своём рождении, о смерти отца, о бракосочетании Ольги Григорьевны Бариновой с Матвеем Ивановичем Овечкиным, о смерти Ольги Григорьевны и Матвея Ивановича. Заверить эти копии он поручает Павлу Несторовичу Чиркову. Копии были заверены 23 августа 1885 г. известным нотариусом **Константином Фёдоровичем Рерихом** (1837—1900), отцом Н. К. Рериха, имевшим контору на Васильевском острове [*ил. 7*].



Ил. 7. Фрагмент копии свидетельства о смерти М. И. Овечкина с текстом и личной подписью К. Ф. Рериха. © ЛОГАВ

А. А. Баринов скончался в 1910 г. и был похоронен на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. В настоящее время сохранилась мраморная часовенка над местом фамильного захоронения. На гранитном основании выбито: «А. Бариновъ, П. Чирковъ».

После смерти Андрея Андреевича дела по ведению монументальных мастерских взяла на себя его вдова – Мария Павловна Баринова. В 1911 г. она подтвердила купеческое звание, проживала на 17-й линии Васильевского острова, д. 60[30]. Управляющий этим домом значился её отец – Павел Несторович Чирков. Он же, после смерти А. А. Баринова, стал и управляющим фирмы «А. Баринов», а затем и преемником. С 1911 г. фирма стала называться: «А. Баринов – преемник П. Чирков».

Уже после смерти А. А. Баринова его имя возникает несколько раз в связи с жизнью и творчеством Н. К. Рериха.

В 1908 г. ушёл из жизни композитор Н. А. Римский-Корсаков. Он был похоронен на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга. Тогда же вдова композитора начала

хлопотать об установке памятника[31]. Памятник был установлен на средства вдовы в 1911 г. по рисунку Н. К. Рериха [*ил. 8*], предложившим изначально установку подлинного древнерусского креста Новгородского типа. Мраморные работы под руководством скульптора И. И. Андреолетти выполнила мастерская А. А. Баринова [*ил. 9*][32]. В своём дневнике сын композитора, музыкант В. Н. Римский-Корсаков записал: «Рерих сделал чудесный эскиз; на лицевой стороне креста поместил целый ряд ликов святых, а вокруг креста, который должен был стоять на вершине кургана, спроектировал ограду из мраморных же плит с надписью вязью. Всё вышло очень хорошо, оригинально и просто. Рерих сам наблюдал за установкой креста и очень заботился, чтобы придать памятнику характер старины. Плиты были расположены намеренно несколько неравномерно, кое-где отбиты углы, оставлены щели между плитами, чтобы в них засыпалась земля и выросла травка. Весь мрамор он тогда промазал маслом, чтобы не был очень белым, а казался потемневшим от времени. Действительно, получился такой крест-памятник, какого больше не существует»[33].

В 1936 г. советскими властями останки Н. А. Римского-Корсакова и его супруги вместе с памятником были перенесены с Новодевичьего кладбища на территорию бывшего Тихвинского кладбища Александро-Невской Лавры, в так называемый «Некрополь мастеров искусств» [*ил. 10*].

В 1910 г. скончался учитель Николая Константиновича по Императорской Академии художеств **Архип Иванович Куинджи** (1841/1842—1910). Архипа Ивановича похоронили на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. Инициатором сооружения памятника на его могиле явилось Общество имени А. И. Куинджи, объявившее конкурс на составление проекта в 1912 г. В результате был выбран внеконкурсный проект архитектора А. В. Щусева [*ил. 11*]. Согласно проекту, в композиции памятника должен быть портретный бюст – впоследствии решено было использовать бюст

Ил. 8. **Н. К. Рерих**
Проект памятника
Н. А. Римскому-Корсакову. 1911
Местонахождение неизвестно[34]

Ил. 9. Вид памятника
в начале 1930-х гг., незадолго
до переноса с Новодевичьего
кладбища

Ил. 10. Вид памятника в
Некрополе мастеров искусств
Александро-Невской Лавры.
Конец XX в.[35]

А. И. Куинджи, выполненный с натуры в 1909 г. его другом, скульптором В. А. Беклемишевым. В 1913 г. эскиз мозаичного панно для памятника на тему «Дерево жизни» разработал Н. К. Рерих[36]. Мозаика была набрана в петербургской мастерской В. А. Фролова. Портал выполнен из серого кованого гранита, с глубокой нишей с полуциркульным завершением, на высоком цоколе с площадкой из плит розового гранита. На цоколе с западной стороны выбито: «По рисунку А. В. Щусева исполнилъ П. Н. Чирковъ, А. Бариновъ». Памятник был открыт 30 ноября 1914 г. В 1955 г. прах А. И. Куинджи был перезахоронен в Некрополь мастеров искусств Александро-Невской Лавры. Туда же был перенесён и памятник.

Ил. 11. Памятник А. И. Куинджи в Некрополе мастеров искусств Александро-Невской Лавры

Мастерская А. А. Баринова просуществовала вплоть до 1917 г.[37] Павел Несторович Чирков в 1917 г. проживал всё в том же доме № 60 по 17-й линии Васильевского острова, принадлежавшем Марии Павловне Бариновой[38].

* * *

Шестого декабря 1917 г. парламент Финляндии одобряет Декларацию о независимости и уже в середине 1918 г. ходят слухи о выселении русских, не имеющих своего жилья и работы, с территории Финляндии. Н. К. Рерих даже пишет письмо к Аксели Галлен-Каллела с просьбой рекомендовать художника Выборгскому губернатору, чтобы избежать выселения[39].

Финское правительство производит инвентаризацию всей собственности. Собственность иностранных подданных, проживающих вне Финляндии, арестовывается до предоставления документов, подтверждающих права на неё. На декабрь 1920 г., согласно документам о межевании, присланном из архива города Миккели, дом и участок земли принадлежал Андрею Баринову. В дальнейшем, по-видимому, Мария Павловна Баринова представила документы на право наследования. В Провинциальном архиве города Миккели хранится папка с документами, подтверждающими, что в 1924–1933 гг. Мария Баринова, по документам подданная России, осуществляла управление своим имуществом и землями посредством отдела Иностранных активов Административного совета города Выборга[40]. В папке находятся документы о получении денег Марией Бариновой за аренду сенокосов, об уплате ею различных налогов, полисы страхования имущества от огня и др.

Летом 1918 г., когда Рерихи поселились в доме Баринова на острове Тулолансаари, самого Андрея Андреевича Баринова уже не было в живых. Неизвестно, кто им рассказал о пустующем доме, и с кем Рерихи договаривались о возможности своего проживания в нём. Судя по рисункам Ю. Н. Рериха, хранящихся в МЦР, внутреннее убранство комнат было в хорошем состоянии, а, значит, после смерти

Ил. 12. Сёстры Майа Васко (в девичестве Охво) и Юнана Охво. 1920–1930-е

Ил. 13. Члены землячества «Тулолан Хови». 1920–1930-е Обе фотографии запечатлели местных жителей на фоне дома Баринова. © Архив Мартти Яатинена (Миккели, Финляндия)

А. А. Баринова, последовавшей в 1910 г., и до 1918 г. за домом ухаживали. Дом, вероятнее всего, был продан в 1926 г. – запрос и разрешение на продажу имущества, принадлежавшего Марии Павловне Бариновой, хранится в ЛОГАВ[41].

Здание приобрело местное землячество «Тулолан Хови» и устроило там плотницкие и ткацкие мастерские. Кроме того, дом служил местом, где устраивались местные праздники [*ил. 12* и *13*].

В начале 1960-х гг. в деревне Хииденселька строили лесопильный комбинат, и дом был разобран и использовался в качестве строительного материала для строительства домов для рабочих[42].

Ил. 14. Остатки фундамента дома Баринова. Фото 2012 г.

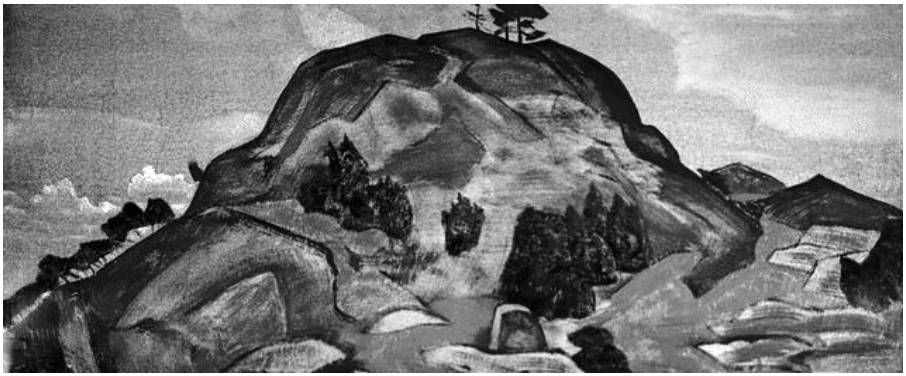
Остатки фундамента дома сохранились до настоящего времени [*ил. 14*]. Внутри фундамента и на стенах его выросли деревья. Фундамент требует расчистки и работ по восстановлению и консервации. Недалеко от фундамента дома сохранились каменные стены коровника, невдалеке – хорошо сохранившийся колодец.

В настоящее время совместная инициативная группа из Санкт-Петербурга и Сортавалы работает над документами для включения места проживания семьи Н. К. Рериха на острове Тулолансаари в список памятников истории и культуры Карелии.

Картины Н. К. Рериха, написанные на острове Тулолансаари летом 1918 г.

Ил. 15. Всадник утра. Картон, темпера. 45,7 × 73,6 © Частное собрание (Нью-Йорк, США)

Ил. 15. Всадник ночи. Картон, темпера. 38,7 × 41,7. © ГМВ



Ил. 16. Лапландский замок (Lappenlinna). Картон, пастель. 44,4 × 96,5. © ГМВ

Ил. 17. Тулола. Фанера, масло. 26,0 × 55,8. © Частное собрание, США

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих С. Н.* Слово об отце // *Рерих Н. К.* О Вечном. – М.: Республика, 1994. – С. 6.
[2] До сих пор в литературе, посвящённой Н. К. Рериху, ошибочно предполагается, что поехать в Сортавалу Рерихам посоветовал **Леопольд Семёнович Ауэр** (1845—1930), скрипач и дирижёр. О художнике **Григоре Ауэре** (1882—1967) см. статью: *Зайцева Н. И.* Григор Ауер // Сердоболь. – Сортавала, 2011. – Вып. 11–12. – С. 37–45.
[3] Н. К. Рерих. 1917–1919. Материалы к биографии. – СПб.: «Фирма Коста», 2008. – С. 159.
[4] *Сойни Е. Г.* Северный лик Николая Рериха. – Самара: Агни, 2001. – С. 63–65.
[5] См.: *Трепша Г., Борисов Ю.* Авторский список художественных произведений (картин) Н. К. Рериха за 1917–1924 гг. с параллельными данными из списка в монографии «Roerich. Himalaya» (1926) и перечня В. В. Соколовского (1978) // Рериховский век: Каталог выставки. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2009. – С. 42–43.
[6] Об этом упоминали в своей публикации сотрудники Регионального музея Северного Приладожья (Сортавала): *Борисов И. В.*, *Корниченко Е. М.* Места пребывания Н. К. Рериха в Северном Приладожье как объекты научно-образовательного туризма // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 347–348.
[7] *Беликов П. Ф.* Письмо С. Н. Рериху и Д. Р. Рерих. – 3 июня 1974 г. // Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. II. – Ч. 1 (1934–1975). – М.: МЦР, 2003. – С. 366.
[8] *Рерих С. Н.* Письмо П. Ф. Беликову. – 21 августа 1974 г. // Непрерывное восхождение: Сборник, посвящённый 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. – Т. I. – М.: МЦР, 2001. – С. 181.
[9] **Мартти И. Яатинен** (фин. *Martti I. Jaatinen*) родился в 1934 г. в деревне Монтсола на острове Тулолансаари. В 1936 г. его отец приобрёл земли (10 га) в нескольких сотнях метров от Tulolanhovi и построил там дом. Профессор, архитектор, в апреле 1997 г. защитил диссертацию на тему: «Строительство города Сортавала 1643–1944 гг.». Проживает в Финляндии, г. Миккели.
[10] *Нейч И. И., Липская И. В.* Графика и живопись Ю. Н. Рериха // Ю. Н. Рерих: [Открытки]. Из коллекции Центра-Музея имени Н. К. Рериха. – Вып. 8. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2002. – 16 откр. В сопроводительном тексте к набору открыток высказывается предположение, что рисунки были сделаны в доме Арвида Торстена Генеца в Сортавале, где Рерихи проживали до лета 1918 г. В последнем издании Г. В. Дарузе даёт более точную атрибуцию: Николай Рерих. Святослав Рерих. Юрий Рерих. Елена Рерих: Каталог. Живопись и рисунок: В 2 т. – Т. II / Центр-Музей имени Н. К. Рериха (М.); Общ. ред.: Л. В. Шапошникова. – М.: МЦР; Мастер-Банк, 2010. – С. 840–841.
[11] Копия свидетельства о рождении Андрея Баринова. Государственное казённое учреждение «Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге» (далее – *ЛОГАВ*). – Ф. 1. Оп. 22. Д. 9445. С. 87.
[12] Копия свидетельства о смерти отца Андрея Баринова, похороненного на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. – ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 9445. С. 89.
[13] Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. – СПб., 1862. – С. 192; Городской указатель или адресная книга на 1850 год. – СПб., 1849. – С. 224.
[14] По сообщению в газете «Helsingfors Dagblad», выпуск 13 сентября 1876 г. (с. 1).
[15] Копия свидетельства о браке. – ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 9445. С. 85.
[16] Далее везде в тексте статьи упомянут *А. А. Баринов-младший*, но при этом «младший» опущено.
[17] Запрос департамента общих дел Выборгского губернского правления о копии контракта от 18 ноября 1875 г. – ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 265.

[18] Постановление Управления делами Императорского Сената Финляндии от 24 августа 1877 г. о передаче права на разработку мрамора в карьере Рускеала от Баринова к скульптору А. Ботто. – ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 252. С. 27.
[19] Справочная книга о лицах Петербургского купечества. – СПб., 1897. – С. 165.
[20] *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – М.-СПб., 2009. – С. 338, 340, 341, 343, 492.
[21] *Сокол К. Г.* Монументальные памятники Российской империи: Каталог. – М.: Вагриус Плюс, 2006. – С. 332–333.
[22] Олонецкие ведомости. – Петрозаводск, 1873. – 4 июля. – Вып. 51. – С. 598–602.
[23] *Гулевич С.* История Лейб-гвардии Финляндского полка 1806–1906 гг.: В 4 ч. – СПб.: Экономическая Типолитография, 1906–1907. – Ч. 4. – Отд. 1. – С. 301–302.
[24] Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2- т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. Н. Н. Лисового. – Т. I. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 323.
[25] Документы ИОПХ о сооружении памятника Д. В. Григоровичу. – ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1154.
[26] «Надо у принцессы [Е. М. Ольденбургской] устроить, чтобы памятник осенью освящали», – делился своими хлопотами Н. К. Рерих в письме к супруге Е. И. Рерих от 29 мая 1902 г. См.: Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. 1900–1913 / Сост., вступит. Статься, примеч. О. И. Ешаловой. – М.: РАССАНТА, Государственный музей Востока, 2011. – С. 145. – В этом же издании в примеч. О. И. Ешаловой на с. 338–339 сообщаются дополнительные подробности об изготовлении, установке и открытии памятника при непосредственном участии Н. К. Рериха, включая письмо Н. К. Рериха к Е. Е. Рейтерну, в котором, в частности, говорится: «На доклад мой об окончании памятника Д. В. Григоровича Её Императорское Высочество изволила заметить, что теперь открытие рискует быть очень малолюдным, а потому лучше перенести его на осень…» (ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1154. Л. 53).
[27] *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Указ. соч. – С. 675.
[28] Копия свидетельства о смерти. – ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 9445. С. 91.
[29] Копия свидетельства о смерти. – ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 9445. С. 93.
[30] Справочная книга о лицах Петербургского купечества. – СПб., 1911. – С. 42.
[31] *Мельников В. Л.* Памятник / [К 150-летию Н. А. Римского-Корсакова и 120-летию Н. К. Рериха] // Музыкальная Академия. – М., 1994. – № 2. – С. 164–169.
[32] Договор-квитанция о получении денег П. Н. Чирковым. – ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 777. Л. 1.
[33] Цит. по: *Римская-Корсакова Т. В.* История одного памятника // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 209.
[34] Воспроизведено: Огонёк. – СПб., 1911. – 15/28 января. – № 3. – С. 11. – Под названием: *Памятник на могиле композитора Н. А. Римского-Корсакова, возводимый по рисунку академика Н. К. Рериха.*
[35] *Ил. 9* и *10* – снимки из семейного архива Римских-Корсаковых (Санкт-Петербург).
[36] См.: Рериховский век: Каталог выставки. I. Живопись и графика. – СПб., 2009. – № 459. – С. 211.
[37] Весь Петроград на 1917 год / Адресная книга г. Петрограда. – Пг.: Из-во А. С. Суворина, 1917. – Ч. 1–3. – С. 1521.
[38] *Там же*. – Ч. 4. – С. 748.
[39] *Сойни Е. Г.* Указ. соч. – С. 64–65.
[40] Провинциальный архив города Миккели. – Gc:2 Maria Barinovan tilan tuloista ja meno tositteet (1924–1933). – Документы скопированы и любезно предоставлены Мартти Яатиненым.
[41] С датой 17 сентября 1926 г. – ЛОГАВ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
[42] По данным, полученным от Мартти Яатинена.

В. Д. КУРГАНСКАЯ
(Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; Алматы)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СИМВОЛА В ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА П. А. ФЛОРЕНСКОГО

Самопревосхождение, радикальное переосмысление русской религиозно-философской традиции происходит в парадоксально-необычном по замыслу и способу его исполнения философском творчестве **Павла Александровича Флоренского** (1882—1937). Как отмечает Р. А. Гальцева, в лице П. А. Флоренского «мы сталкиваемся с новым феноменом, с новым складом сознания, не встречавшимся до той поры в обиходе русской теоретической (а тем более богословской) мысли»[1]. Богословско-философские тексты Флоренского при обычной установке сознания на понимание какого-то устойчивого, себетождественного смысла становятся непроницаемыми для любых интерпретирующих усилий из-за бесконечных скольжений, переливов, взаимоотражений смысловых оттенков в пространстве мысли, созданной философствованием нового, необычайного для классической философии типа. Гипотетический ключ к философским криптограммам Флоренского – создание им нового мировоззренческого стиля, философского авангардизма, близкого к литературному жанру метаутопии или метапародии: воплощению смысла в принципиально полифоническом целом, где какой-либо окончательный выбор той или иной точки зрения, ценности, убеждения предвосхищён и заранее спародирован (включая и сам пародийный подход). Философски-богословская мысль Флоренского – это философский эксперимент мысли, захваченной своими безграничными игровыми возможностями («вызвать игру – это и есть метод познания»[2]), собирающей под крышей одного мировоззрения конгломерат несовместимых и экстравагантных идей.

Свой мировоззренческий стиль и «писательское самоощущение» Флоренский выразительно характеризует в описании способа мышления и письма («приёмов изложения»), названного им круглым мышлением.

«Связи отдельных мыслей органичны и существенны; но они намечены слегка, порою вопросительно, многими, но тонкими линиями. Эти связи, полу-найденные, полу-искомые, представляются не стальными стержнями и балками отвлечённых строений, а пучками бесчисленных волокон, бесчисленными волосками и паутинками, идущими от мысли не к ближайшим только, а ко многим, к большинству, ко всем прочим. Строение такой мысленной ткани – не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом, в любой или почти в любой последовательности, мы возвращаемся к ней же. <…> Более: в этой сетчатой ткани и промыслившему её – вовсе не сразу видны все соотношения отдельных узлов и все, содержащиеся в возможности, взаимные вязи мысленных средоточий: и ему, нежданно, открываются

новые подходы от средоточия к средоточию, уже закреплённые сетью, но без ясного намерения автора»[3].

Подобный способ мышления и понимания формообразующих схем текста Флоренский называет восточным, но обнаруживает его и у представителей немецкой мистико-романтической традиции: Гёте, Гофмана, Новалиса, Баадера, Шеллинга, Бёме, Парацельса. Если же обратиться к современности, то в предложенном Флоренским анализе нелинейной, децентрированной структуры ткани метафизического текста мы видим не что иное, как стратегию деконструкции классической философской традиции.

Если метафизика всеединства Владимира Соловьёва предполагает как свою органическую часть скрупулёзную работу с категориальными определениями и их упорядочение на основе единой смысловой структуры, то «конкретная метафизика» стремится к воплощению в тексте, в котором «события и водовороты мысли» были бы воспроизведены так, как они есть на самом деле – в их непосредственных отзвуках, в их откровенной до-научности, до-системности. «Конкретная метафизика» должна «иметь мужество оставить общую картину недопроработанной, в её первоначальной многоцентренности, в её не перспективном, не приведённом к единой точке зрения пространственном несогласовании»[4].

Священник Павел Флоренский за работой
Рядом с ним – Анна Михайловна Флоренская
Сергиев Посад. 1932. © Музей-квартира
священника Павла Флоренского (Москва)

Для иллюстрации данного типа формообразования Флоренский обращается к теории музыки. Логическое единство схемы должно уступить место формообразующей ритмике мысли, руководимой принципом синархии, или гетерофонии. Гомофония Нового времени, или гармонический стиль, характеризуется господством главного мелодического голоса над всеми остальными. Полифония Средних веков, или контрапунктический стиль, определяется взаимоподчинением всех голосов друг другу. Гетерофония есть полная свобода всех голосов, «сочинение» их друг с другом, в противоположность как подчинению, так и соподчинению. В то же время эта форма свободной импровизации единства есть форма как творческое начало реальности в смысле платоновски-аристотелевского идеализма, он же – реализм Средневековья и Гёте, он же – конкретный идеализм Шеллинга или магический идеализм Новалиса, он же – современный витализм и т. д. Нетрудно видеть, что сама протянутая Флоренским цепь идентификаций столь различных философских миров есть пример гетерофонии как метода «сочинения» или свободной импровизации единства историко-философского процесса.

«Конкретная метафизика» руководствуется установкой на онтологизацию универсалий духовного, прежде всего религиозного, опыта, на инкорпорирование онтологических интуиций в феноменологический анализ антропологической ситуации. Поэтому свой проект конкретной метафизики Флоренский рассматривает как опыт антроподицеи. Вместе с тем для конкретной метафизики особое значение имеет особая, мистико-медитативная модальность опыта переживания бытийных интуиций.

Согласно Е. Н. Трубецкому, в отличие от солярной мистики Христа, мистика Софии – Премудрости Божией выражает собой «тот предвечный замысел Божий о творении, коим вся тварь небесная и земная вызывается к бытию из небытия, из мрака ночного»[5]. София – то, что предшествует всем дням творения и выражает ещё не раскрытую тайну замысла Божия о твари. Мистическим сверхсознанием иконописца был найден художественный приём наглядного воплощения мистического смысла Софии – изображение её как пурпура Божьей зари, зачинающейся среди ночного мрака небытия. В методологическом вступлении к тексту «У водоразделов мысли», представляющем собой переработанное письмо В. В. Розанову (что уже само по себе характерно, учитывая принципиальную внесистемность, художественно-метафизический импрессионизм розановского стиля мышления и письма), П. А. Флоренский описывает первичные установки своего феноменологического метода языком метафор, тематизирующих мистический смысл «и бысть вечер, и бысть утро, день един» Книги Бытия.

«Есть мистика ночи; есть мистика дня; а есть мистика вечера и утра.

Выйдешь безлунной ночью в сад. Потянутся в душу щупальца деревьев: трогают лицо, нет преград ничему, во все поры существа всасывается тайна мира. Мягкая, почти липкая тьма мажется по телу, по рукам, по лицу, по глазам и огустевает, словно осаждается на тебе, и ты – уж почти не ты, мир – почти не мир, но всё – ты, и ты – всё. Точнее сказать, нет очерченной границы между мной и не-мной. В корнях бытия – единство, на вершинах – разъединение. Это единство особенно чувствуется, когда идёшь по сельской дороге безлунною-беззвёздною летнею ночью. Движешься – прорезываешь густую смолу, а расширившиеся, вросшие друг в друга вещи так и мажут по щекам, по лбу. Первооснова сущего открыла недра свои, и не знаешь – к чему нужна личность.

В ночь лунную – размывается по-иному определённость природы. Деревья, кусты, дома, заборы – всё призраком готово стаять, на деле колышется фосфоресцирующим облаком. Но вот-вот растворится в ничто – и враждебная сила подстерегает миг, и вот-вот ядовитою ртутною струёю прольётся в недра твои. Полная луна высасывает душу. Перекрестишься, спрячешься в тень – за угол дома или за дерево. “Сгинь, жестокая бесстыдница!”.

В полдень же – ровно в полдень – ещё страшнее. Оглядишь кругозор. Стоят в застывшем воздухе сухие испарения пашен: то земля “горит”, говорят крестьяне. Знойные дыхания земли не колыхнутся. Беспощадное светило прибивает к растрескавшейся, обезвлаженной почве каждый лист, давит потоками тяжёлого света: то

небосвод льёт ливень расплавленного золота. Даже пыль не пылит, – гнетёт и её, покорную, стопудовый гнёт. Тяжко и жутко. В безвольном ужасе молчит всё, истомное, притихшее пред мощным Молохом – лишь бы минул томительный час. Побежишь – и гонится, гонится кто-то. Крикнуть хочешь – не смеешь. Да и не ты один: вся тварь ушла в себя, вся тварь, замерши, ждёт. Кажется, "бес полуденный" не ласковей "беса полуночного". Не моя эта мистика. Боюсь её. Ни ночью, ни днём не раскроется душа. И не хотелось бы умирать в эти жуткие часы».

Как и практически во всех текстах Флоренского, в этом утверждении, имеющим вид логического следствия предшествующих рассуждений, вместе с тем содержится и полемика с современными ему философскими концепциями. Достаточно напомнить, что, согласно Е. Н. Трубецкому, древнерусская иконопись создана *солнечной* мистикой, определяющей характер Православия в целом. В. В. Розанов же определял христиан как *«людей лунного света»*. Аллюзии здесь достаточно очевидны. Но на закате и на восходе, в таинственной полумгле, трепещет «иного бытия начало», всегда загорается звезда – «как надежда, как залог».

«Но не одному "победившему" сияет эта Звезда: в слабом и грешном сердце она также мерцает и лучится; как лампада теплится под сводами его, в таинственной полумгле и в сумраке его пространств. Сойди в себя – и узришь обширные своды. Ниже, оставь страх, спустись в пещеру. Ноги твои ступят на сухой песок, мягкий и жёлтый, дающий отдохновение. Здесь заглушён шаг твой. Здесь сухо и почти тепло. Капли времён срываются со сводов и падают в глубины мрака. Гулкие переходы наполнены реющим звуком: словно бьют свои удары бесчисленные маятники. Как в мастерской часовщика, нагоняют и перегоняют друг друга неисчислимые ритмы, сплетаются и расплетаются. Упруго жужжат веретёна судеб. Сердца всех существ пульсируют в этих недрах. Тут, от мглы и лучей, рождаются все вещи мира. Тут ткётся, из ритмических колебаний, быстрых и медленных, глухих и звонких, из гулов и пещерных отзвучий, – живой покров, что называется Вселенной. Сюда, в утробу земли, сбираются и звёздные токи, огустевающие в драгоценные камни. Тут-то, под пещерными сводами сердца, и воссиявает Звезда Утренняя»[6].

В этом описании трёх типов созерцательно-мистического опыта переживания тайны первоистоков магико-натуралистического единства бытия раскрывается не что иное, как принцип тождества бытия и мышления, макро- и микрокосма. Особенностью «живого единства» этих впечатлений является то, что оно является непосредственным переживанием, и в то же время возникло в качестве интерпретации текста, принадлежащего авторитетной традиции. Тем самым конкретная метафизика становится феноменологией символа как бытийно-сущностной и вместе с тем наглядно-образной, эмпирической реальности всеединства. В соответствии с вероисповедной формулой, именующей Бога «Творцом видимых и невидимых», символ, противопоставленный научно-философскому понятию, избирается в качестве инструмента импровизаций конкретной метафизики на тему морфологии онтологического единства. Пан-Символ и есть Всеединство, причём структурой

всеединства обладает и всякий отдельный символ. Реализациями этой парадигмы являются самодовлеющие цельности – например, произведения искусства.

Символ – место соприкосновения двух миров, видимый свидетель мира невидимого, и эта видимость реальнее, полновеснее, «объективнее земных объективностей»[7]. Символические лики вещей, или их идеи – эйконы-эйдосы – и есть первофеномен реальности, то есть явление онтологической истины в смысле «общенародном, платоновском, церковном» в отличие от «кантовского, позитивистского, иллюзионистского». Земной опыт человека, организованный не сообразно схеме «века сего», но преображённый сообразно символическому откровению вечности, «по четвёртой координате глубины»[8], делается в самой своей структуре символом духовного мира. В этом смысле конкретная метафизика символа становится опытом теодицеи и антроподицеи. Если человек есть образ и подобие, или символ Бога, то дьявол есть «обезьяна Бога», или явление, отслоившееся от существенного ядра, бессубстанциальное клише. Ведь лишённость символического лика есть в то же время пустая лжереальность нечистого и злого – как лишена реальности маска, этот астральный труп.

Духовный символ – это и есть бытие. Поэтому иконостас есть явление святых и ангелов в том смысле, что «иконостас есть сами святые». Окно, дающее нам свет, «есть самый свет, в его онтологическом самотождестве»[9]. Символ реально неотделим от высшей реальности, им являемой. Или окно есть свет, или оно – дерево и стекло; или икона – небесное видение, или она – расписная доска. Этим непреклонным «или – или» П. А. Флоренский отметает проведённый Е. Н. Трубецким анализ русской иконописи как умозрения в красках. Основная онтологическая характеристика символов – быть тем, что они символизируют: «Мысль простая; но почти всегда останавливаются где-то на середине»[10]. Простота этой мысли есть именно та простота, которая, по известной пословице, хуже воровства. За ней стоит «экстремистская картина сознания» (С. С. Хоружий). Она взрывает всю духовно-интеллектуальную структуру метафизики всеединства, обращая её гнозис, интенционально определённый идеалом гармонии различных типов мироотношения, в абсолютизацию одной – мистически-магической – составляющей. Если метафизика всеединства Соловьёва при всём её стремлении к онтологизации мистических символов всё же сохраняла за ними характер предельных идеализаций (по типу «абсолютно чёрного тела» в физике или «точки» в математике), то «конкретная метафизика» Флоренского утверждает безусловную реальность магически-мистического мира символов. Следует отметить, что такое понимание символа содержится уже в философии искусства Шеллинга. По Шеллингу, символ вообще указывает на себя самого и на нечто иное. Но есть символы особого рода: мистические или спекулятивные. Именно по отношению к ним и выполняется диалектика перехода обозначения в бытие. Мистический символ есть то, что он обозначает.

Традиционная герменевтика строилась на оппозиции двух планов: наглядного образа и его сверхчувственного, духовного смысла. «Мотив вуали, которая ткётся мифом и символом и прикрывает тайну, становится общим местом экзегезы религиозных текстов»[11], начиная, по крайней мере, с Климента Александрийского.

В даосской традиции предлагается пользоваться символами и знаками как силками для ловли зайца: когда заяц пойман, то есть когда смысл понят, о силках забывают. По самой своей сути знаки и символы языка обречены на то, чтобы скрывать истинную реальность Дао. При развиваемом Флоренским понимании символа имена и слова обретают онтологический статус, выступая носителями физических (фонема), психических (семема) и оккультных (морфема) энергий бытия. Недостаточно сказать, что слова «ведут себя как сущности», а грамматические формы воспроизводят субстанциальные формы. Они суть не что иное, как само бытие в его «нумерическом тождестве» и открытости человеку, а посему символы – подлинные орудия «живого знания». Символы отождествляются с безусловным бытием первоэлементов реальности, дискретные слои бытия соединяются во всеединство через взаимосоответствия, взаимоотражения символов, доступных магическому ведению. Символ есть синергетическое откровение реальности, резонанс слоёв бытия, порождающих его в своём взаимодействии. Тем самым владение космическим символизмом становится ключом к шифру Вселенной, открывает доступ к тайнознанию мирового механизма в виде «сложнейшей и пышно разработанной системы магического миропонимания»[12].

Слово вообще, согласно Флоренскому, есть онтологическая изотропа бытия, то есть слово есть линия пути, по которому расстояние между сколь угодно далеко разделёнными в пространстве точками равно нулю. Поэтому словом непосредственно раскрывается и творится сущность. Но если в именах нарицательных или абстракциях, на которых построено научное мышление, сущность мыслится «боковым мышлением», то в символах происходит бытийная концентрация пересекающихся многообразий, свёртывание уходящих в бесконечность дискурсивных линий признаков в самозамкнутую сферу сущности. Магический символ, заместивший логическое понятие как орган познания конкретного, вытесняет вместе с ним и работу философской рефлексии. Критический разум уступает своё место легитимирующего дискурса или великого метарассказа (Ж.-Ф. Лиотар) харизматической воле. «Право на символотворчество принадлежит лишь тому, кто трезвенной мыслью и жезлом железным пасёт творимые образы на пажитях своего духа»[13]. Слово в силу спиральности строения его внутренней формы есть метод концентрации воли, и вместе со словом, мной произнесённым, продвигается и вонзается в пространство моя сконцентрированная воля, сила моего сосредоточенного внимания. От слова тянутся нежные, но цепкие щупальца, схватывающиеся с щупальцами других слов, и реальность оказывается крепко захваченной этою сетью из незримых нитей. Сама личность как индивидуальное единство души, тела и астрала «есть не что иное, как агрегат слов, синтезированный в слово слов – имя»[14].

Как видим, Флоренский использует целый набор сюжетов, образов, терминов из арсенала русской религиозной метафизики, православного богословия и гностически-оккультных систем, но помещает их в тонко организованный гротескно-пародийный контекст, провоцирующий сознание, жаждущее «чуда, тайны и авторитета». Как предупреждает Флоренский, убеждение в магической силе слова на протяжении тысячелетий составляло всеобщее достояние человечества, и эту веру

вообще приходится считать неразрывной с самим пользованием речью, видеть в ней необходимый момент в жизни языка. Доказывать магичность слова, обосновывать тот тезис, что слово есть знаменуемая им реальность, есть contradictio in adjecto. Его же задачей является показать, как именно и почему словом мы можем воздействовать на мир, причём не столько посредством его рационального смысла, а именно посредством его магической силы. «Собранную в один фокус историческую волю целого народа – в слове я имею в своём распоряжении, и дело – не в силе, а лишь в умении её направить в нужную мне сторону»[15]. Сказанное слово вторгается в психику человека, вынуждая его пережить, перечувствовать и продумать вложенный в него смысл (семему) и производя соответствующее волеизъявление. Незаметно для самого себя дух человека, движущийся по путеводной нити речи, оказывается в самом средоточии понятий, чувств и волений, которым он вовсе не думал отдаваться. Как скажет Р. Барт, власть вписана в репрессивные коды языка. Таким образом, Флоренский создаёт модель мышления категориями тотально идеологизированного сознания, утратившего способность и принцип отличения вербальных схем и образов от реальности. Его панегирики подобному сознанию и подобной власти слова, в особенности магической власти личного имени, совершенно явственно (с учётом эпохи, в которую создавались тексты Флоренского) приобретают тональность литературного жанра антиутопии, воспринимаются как философский двойник романов Замятина, Оруэлла, Хаксли. На наш взгляд, данная Р. А. Гальцевой характеристика П. А. Флоренского как протоидеолога, направляющего метафизику из сферы, где ищут истину, к разработке азбуки управления миром, не вполне корректна.

Предвидя вероятность, а, быть может, и неизбежность догматически-идеологического перерождения философствования в рамках «русской идеи» через конфискацию монопольного права на понятие, символ, логику, истину, Флоренский показывает его как путь философского самоубийства. Трагически-серьёзный смысл «грандиозной философской мистификации» (Р. А. Гальцева) Флоренского заключался в том, что метапародия была формой борьбы с тем мертвящим началом безальтернативности догматизма, которое было заложено в религиозно-философское основание идеологемы «русской идеи» и в полной мере восторжествовало в марксистско-ленинской философии советского периода. Система догматического богословия, воспринимающая философские учения в категориях ортодоксии и ереси, обретала достойного преемника в лице «единственно верного учения». Символ как носитель энергий бытия – что это, как не идея, ставшая в своём словесном обрамлении материальной силой? Как не категории материалистической диалектики, являющиеся «универсальными законами развития природы, общества и человеческого мышления», знание которых открывает путь к метафизическому абсолюту и к переустройству сознания и действительности? В то же время в философии Канта и Гегеля «магии нет и быть не может».

Хорошо известно, что как для официальной советской философии, так и для философии Православия не было большего антипода, чем Кант, утверждавший недостижимость Абсолюта ни в понятиях науки, ни в символах религиозного опыта.

Название книги Флоренского «Столп и утверждение истины» подразумевает истину православного вероучения и культа. Этой истине в тексте Флоренского постоянно противопоставляется «Столп злобы Богопротивныя», то есть учение Канта. Полемика с Кантом ведётся в полном соответствии с установками христианско-православного мировоззрения, и в то же время, как подметила Р. А. Гальцева, по законам абсурдистского процесса, Канту вменяется в вину, например, то, что он курил и был домоседом. Если мы сравним характеристики философской системы Канта с описанием, которое Флоренский даёт собственному мировоззрению, то обнаружим, что всё сказанное о Канте есть какая-то нарочито несерьёзная, гротескно-пародийная самопроекция автора. Кант – «великий лукавец», поскольку его мысль «соткана из противоречий». О своём понимании истины Флоренский пишет, что в нём «предельно сильное утверждение соединено с предельно же сильным отрицанием». Для стиля письма Канта Флоренский использует нарочито вульгарное слово «завывания». Для своего находит вычурно-претенциозное: «запевы».

Абсолютная неуместность этих эпитетов, доходящая до явной насмешки над читателем, демонстрирует, что смысл обличений Канта состоит в том, чтобы приоткрыть доступ к расшифровке метапародийного жанра всего текста в целом. Основоположения философского критицизма Канта встают непреодолимой преградой перед догматизмом любого типа. Единственный способ, каким догматизм может бороться с Кантом, это извращение и вульгаризация. Как заметил Гельвеций: «Чтобы не счесть самих себя презренными, персы должны были находить греков смешными»[16]. Но каким образом возможно, оставаясь уважающим себя персом, принять ценности греческого миропонимания? Или, в другой системе исторических аналогий: как возможно сохранять верность и Афинам, и Иерусалиму? Стилистически эту возможность открывает жанр метапародии (мениппеи) и использование амбивалентных символов в качестве смысловых единиц дискурса. В христианской иконографии существует символ «Амфисбена» – двуглавого змея, одна голова которого изображает Христа, другая – Сатану.

«Предположим, что Амфисбен озадачился проблемой самоидентичности. Ценностно-смысловая парадоксальность символа при перемещении центра тотализации с позиции внешнего наблюдателя во внутренне психологический план оборачивается онтологической апорией: самоидентичность Амфисбена невозможна в принципе, ведь она должна достигаться не в маятниковом режиме взаимосмены сущностей (по модели перевоплощений доктора Джекила и мистера Хайда), но в единстве саморефлексии, одновременно развёртывающейся по двум взаимоисключающим программам»[17].

Эта апория разрешается тем, что манихейски сконструированная ценностная энантиодромия переводится в контекст сознательно контролируемого quid pro quo, и тем самым уничтожается само её основание.

Характеризуя свою жизненную задачу как пролагание путей к будущему цельному мировоззрению и в этом смысле называя себя философом, Флоренский строит своеобразную дискретно-контрапунктическую онтологию, не поддающуюся рациональному систематическому изложению, и объявляет своё мировоззрение соответствующим по складу стилю XIV–XV вв. русского Средневековья. Флоренский создаёт

текст, моделирующий всевозможные способы псевдофилософского обращения с философской мыслью, привлекая для своего замысла всю свою необъятную эрудицию, виртуозную технику владения логическими и стилистическими приёмами в построении рефлексивно-аналитических конструкций, принимающих вид догматических утверждений, и догматических формул, принимающих вид дедуктивных выводов. Но сам этот приём есть не что иное, как деконструкция и православной апологетики, и религиозно-философского мышления классического типа.

Мастерская работа Флоренского и сегодня, когда создан изощрённейший инструментарий постмодернистской философии, вызывает восхищение. Но всё же не следует забывать о том, что результатом парадоксальной стратегии утверждения цельного знания посредством обоснования антиномичности христианской онтологии и магически-символического языка «конкретной метафизики» оказались руины смыслов религиозно-философской традиции, разрушенной в самом своём основании.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гальцева Р. А.* Мысль как воля и представление: Обзор // Образ человека XX века. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1988. – С. 73.
[2] *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П. А.* Имена: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – С. 30.
[3] *Там же*. – С. 25.
[4] *Там же*. – С. 26–27.
[5] *Трубецкой Е. Н.* Два мира в древнерусской иконописи // *Трубецкой Е. Н.* Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – (Серия «Выдающиеся мыслители»). – С. 385.
[6] *Флоренский П. А.* Указ. соч. – С. 17–20.
[7] *Флоренский П. А.* Иконостас // *Флоренский П. А.* Имена: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – С. 356, 367.
[8] *Там же*. – С. 362.
[9] *Там же*. – С. 365.
[10] *Там же*. – С. 367.
[11] *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. – М.: Московский философский фонд, 2001. – С. 276.
[12] *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П. А.* Имена: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – С. 339.
[13] *Там же*. – С. 114.
[14] *Там же*. – С. 263.
[15] *Там же*. – С. 255.
[16] *Гельвеций К. А.* Об уме // *Гельвеций К. А.* Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1973. – С. 430.
[17] Общечеловеческие и национальные ценности в изменяющемся обществе / Р. К. Кадыржанов, К. Ж. Нугманова, А. Г. Косиченко и др.; Министерство науки; Академия наук Республики Казахстан, Институт философии. – Алматы: Акыл кітабы, 1997. – С. 55.

Л. П. РУДАКОВА
(Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи; Санкт-Петербург)

СОВРЕМЕННИКИ Н. К. РЕРИХА В ИССЛЕДОВАНИИ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ. ВОЕННЫЙ АРХЕОЛОГ ПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕЧЁНКИН

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи – крупнейшая сокровищница русской боевой славы, ценнейшие коллекции которой создавались усилиями многих поколений ревнителей отечественной истории. Среди них немало офицеров русской и советской армии, способствовавших становлению, развитию и превращению музея в один из крупнейших мировых военно-исторических центров.

Археолог и учёный полковник Н. М. Печёнкин возглавил Артиллерийской исторический музей в самое переломное и тяжёлое для страны время (1917–1918 гг.) и предпринял всё возможное для сохранения памятников артиллерийского искусства и воинской славы[1].

Николай Михайлович Печёнкин родился 17 июля 1871 г. в семье потомственных дворян Келецкой губернии, ныне центральная часть Польши. Начальное образование получил в Орловском Бахтина кадетском корпусе, затем продолжил учёбу в Петербурге, в 1-м Павловском военном училище[2]. Окончив училище в 1891 г. по 1-му разряду, начал службу в Варшавской крепостной артиллерии. В 1892 г. был переведён в 5-ю артиллерийскую бригаду 9-го армейского корпуса, расквартированного на Украине[3]. В период прохождения службы в 5-й артиллерийской бригаде был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени, а в 1897 г. за участие в трудах по проведению первой всеобщей переписи населения Российской империи – тёмно-бронзовой медалью[4].

Н. М. Печёнкин на раскопках Древнего Херсонеса
1910. Снимок из архива А. А. Спицына
© Фотоархив ИИМК РАН (Санкт-Петербург)
На этом и следующем снимках изображение учёного установлено в результате научного исследования биографических данных в фотоархиве ИИМК РАН и архиве ВИМАИВиВС. Окончательное заключение по идентификации личности дано экспертно-криминалистическим управлением ГУВД Санкт-Петербурга

В мае 1900 г. был направлен в Петербург и прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению (ГАУ). В столице Печёнкин реализовал свой давний интерес к изучению памятников старины, поступив в Императорский Археологический институт[5], готовивший специалистов в области археологии

Н. М. Печёнкин на раскопках в Севастополе Маячный полуостров. 1910. © Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

и архивоведения. На рубеже XIX–XX вв. в учебном заведении, руководимом знаменитым исследователем византийского и древнерусского искусства Н. В. Покровским, блистала плеяда талантливых педагогов, учёных с мировым именем, таких как Н. И. Веселовский, Н. П. Лихачёв, Н. К. Рерих и С. М. Середонин[6].

Среди слушателей института было немало представителей и военного ведомства: А. Н. Андронников[7], М. О. Бендер[8], С. А. Гулевич[9], В. В. Жерве[10], Ф. А. Нинивe[11], Е. К. Родзевич[12], В. К. Судравский[13] и многие другие, которые впоследствии немало потрудились на благо военно-исторической науки.

Первые самостоятельные археологические раскопки Печёнкина состоялись осенью 1901 г. в северной части Севастополя. Он обнаружил могильник, датированный I в. н. э. с прекрасно сохранившейся коллекцией ритуальных предметов, которая была принесена в дар музею Археологического института[14]. Исследование могильника получило признание маститых учёных, так как до этого случая раскопки проводились, главным образом, в южной части города, на развалинах Страбонова Херсонеса[15].

К раскопкам близ Севастополя Николай Михайлович возвращался постоянно на протяжении 12 лет. Летом 1903 г. он проводил археологические изыскания в районе реки Бельбек, о чём свидетельствует карта местности с показанием производившихся раскопок[16].

В 1904 г. начинающий археолог был избран сотрудником Императорского Археологического института[17]. Помимо военной службы, занятие археологией становится для молодого офицера важным жизненным устремлением. Вопросы, исследуемые Печёнкиным в области археологии, вызывали интерес в научном мире. В 1908 г., по представлению Н. И. Веселовского, А. А. Спицына и Б. В. Фармаковского, большинством голосов он был избран в члены Императорского Русского Археологического общества[18].

Осенью 1910–1911 гг. Н. М. Печёнкин проводил ряд археологических исследований на территории Страбонова Херсонеса полностью за свой счёт. На его раскопках часто присутствовал Р. Х. Лепер, заведовавший «складом местных древностей» Херсонеса Таврического и, будучи известным эпиграфистом, давал ему полезные советы и «драгоценные указания»[19]. Иногда там появлялся и крупнейший знаток античного мира, читавший лекции по восточной археологии в Петербургском университете, профессор М. И. Ростовцев. Поощряя деятельность Печёнкина, он помо-

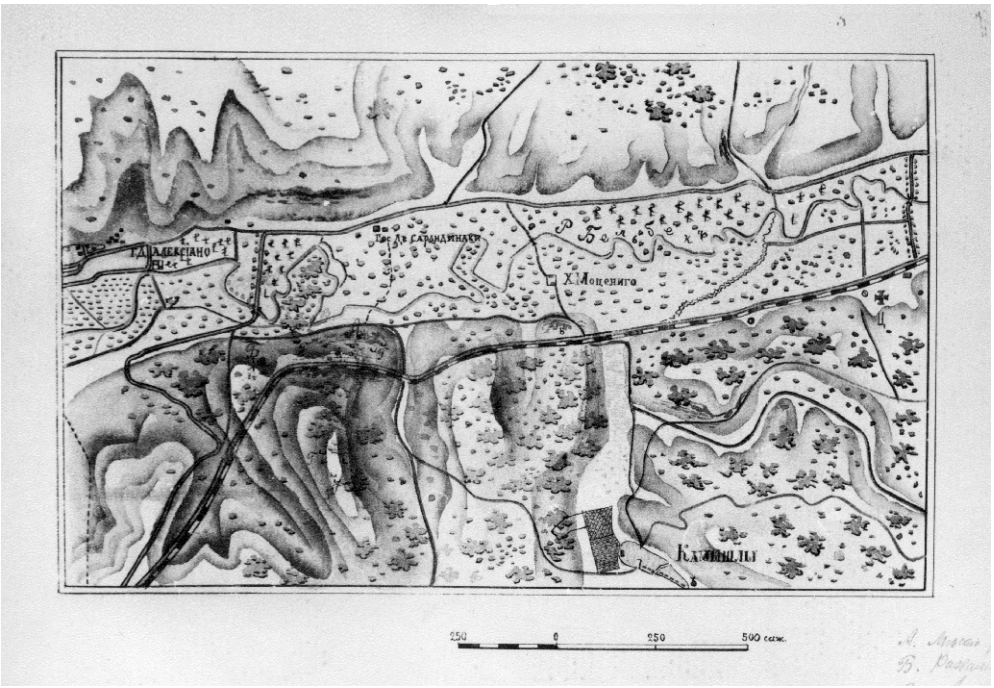
гал ему с описанием и датировкой найденных фрагментов амфор, пифосов и черепицы с островов Фасоса и Родоса, херсонесских монет и гончарных изделий[20].

Итоги раскопок 1910–1911 гг. были опубликованы в 1911 г. в Известиях Императорской Археологической комиссии (далее – *ИАК*)[21] и заслушаны в 1912 г. на заседании разряда военной археологии и археографии Императорского Русского Военно-исторического общества (далее – *ИРВИО*). В своём докладе Николай Михайлович свидетельствовал, что в результате длительных археологических раскопок, проведённых на большом пространстве Казачьей бухты, начиная от Херсонесского маяка, было обнаружено обширное древнегреческое военно-земледельческое поселение, в котором дома-усадьбы имели оборонительный характер и располагались на некотором расстоянии друг от друга. К докладу были представлены: общий план поселения, чертежи раскопанных зданий и оборонительных стен, исполненных специально приглашённым для этих работ архитектором[22], а также большое количество снимков предметов, найденных в местах проведения раскопок, выполненных фотографом С. С. Некрасовым[23].

По определению профессора М. И. Ростовцева, поселение это представляет собой ярко выраженную клерухию, быть может, единственный в своём роде памятник, сохранившийся до наших дней без позднейших наслоений, достигший наивысшего экономического расцвета в IV–II вв. до н. э. В начале I в. н. э. древнегреческое поселение лежало в развалинах, что дало основание Страбону увидеть в нём развалины Древнего Херсонеса, в то время как цветущий город располагался на берегу Карантинной бухты. К началу XX в. заявление Страбона стало подвергаться критике со стороны многих русских учёных. Для окончательного решения этого вопроса Н. М. Печёнкин предпринял сначала разведки, а затем и систематические раскопки в этих местах[24]. По поводу местоположения и времени возникновения «Древнего Херсонеса, который иногда называют Страбоновым Херсонесом», дискуссия продолжается и поныне. Наиболее обоснованной в настоящее время признана точка зрения, основанная на результатах археологических раскопов К. К. Костюшко-Валюженича и Н. М. Печёнкина на Маячном полуострове[25].

Наиболее интересным памятникам, располагавшимся недалеко от Древнего Херсонеса, Николай Михайлович посвятил ряд исследовательских работ, которые вышли в свет отдельными изданиями. Одна из них – «Роспись христианской катакомбы, находящейся близ Херсонеса на земле К. И. Тура» – была опубликована в 1912 г.[26] В этой работе Печёнкин опроверг комментарии к сюжету настенной росписи, сделанные ранее известным знатоком античного искусства генерал-майором А. Л. Бертье-Делагардом в своей обширной работе «О Херсонесе». Николай Михайлович так описывает роспись: «Перед нами иконографическая композиция, быть может, последний момент чуда Святого Фёдора Тирона (Стратилата). Здесь виден Святой Фёдор, правее стоит его мать. В левой руке святого, быть может, опущенный меч, далее град, а под ним поражённый змей-дракон»[27].

В 1914 г. появилось его новое исследование – «Шверинский курган»[28]. Этот удивительный памятник, сложенный из камня, располагался на берегу Стрелецкой бухты, недалеко от Херсонесского городища. Он неоднократно изучался археоло-



Карта местности раскопок Н. М. Печёнкина на реке Бельбек, близ Севастополя. 1903–1904
© Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 33

гами, но без особых результатов. Причины неудач Печёнкин видел как в технических промахах раскопок, так и в остроумии его создателей. В 1910 г. курган был полностью уничтожен, а на его месте была возведена береговая артиллерийская батарея. Загадка таинственного кургана так и осталась неразгаданной, так как навсегда исчезла возможность дальнейших работ по выяснению его назначения.

Наряду с успешными исследованиями древних цивилизаций, Николай Михайлович много времени уделял изучению богатого наследия выдающихся учёных, сделавших немало открытий в отечественной археологии. Привлекали его внимание раскопки древних укреплений, произведённые графом А. С. Уваровым близ Симферополя в 1853 г., и более поздние находки профессора Н. И. Веселовского в Крыму, где были обнаружены гробницы, относящиеся к III–II вв. до н. э.[29]

Особый интерес у него вызывали труды известного учёного и неутомимого собирателя памятников военной истории генерал-лейтенанта Н. Е. Бранденбурга, с которым он, вероятно, был знаком, поскольку часто бывал в Артиллерийском историческом музее (далее – *АИМ*). В 1905 г. в «Артиллерийском журнале» была напечатана статья Н. М. Печёнкина «Памяти Н. Е. Бранденбурга», посвящённая деятельности этой незаурядной личности. В этой публикации автор представил одну из важнейших сторон деятельности учёного, связанную с изданием каталогов музея, где «дано полное научное освещение исторических памятников и введено

много новых понятий о состоянии вооружения Древней Руси»[30]. В этом же году, опираясь на работы Бранденбурга[31], а также широко используя документы музея и рукописный фонд Императорской Публичной библиотеки, Печёнкин издаёт отдельной брошюрой «Описание орудий, находящихся у Главного артиллерийского управления» (далее – *ГАУ*)[32]. Эти уникальные памятники Артиллерийского исторического музея до 1917 г. украшали фасад здания ГАУ, располагавшегося на Литейном проспекте. В своей работе Николай Михайлович особо подчёркивает, что назначение этой исключительно редкой коллекции научно-историческое, и она должна бережно сохраняться для дальнейшего изучения, а не являться предметом украшения[33].

Работы Печёнкина в области истории отечественной артиллерии позволяют видеть в нём серьёзного и вдумчивого исследователя. Это просматривается и в его комментарии к статье П. И. Белавенца о 2½-фунтовой бронзовой пушке, отлитой выдающимся мастером московского Пушечного двора Мартьяном Осиповым[34]. Изучив монограмму, расположенную на дульной части оружия, под короной, между двух ветвей, Печёнкин определяет её как монограмму Петра Алексеевича и супруги его Екатерины Алексеевны. Монограмма повторяется дважды латинскими буквами *I, P, E*, причём на левой стороне изображение букв прямое, а на правой – обратное. В середине монограммы помещена латинская буква *A*. Таким образом, Николай Михайлович предлагает читать монограмму, как «император-цезарь Петр и Екатерина Алексеевичи», а дату изготовления орудия отнести не ранее 1712-го – года вступления в брак Петра I и Екатерины[35]. Но в «Каталоге материальной части отечественной артиллерии», несмотря на уточнение Печёнкина, пушка датируется началом XVIII в.[36]

Н. М. Печёнкин. Монограмма на 2½-фунтовой бронзовой пушке, отлитой Мартьяном Осиповым
© Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Л. 40

Внимательно изучив опубликованные труды Н. Е. Бранденбурга, Николай Михайлович в 1906 г. получает возможность ознакомиться и с его домашним архивом[37]. Богатейшее наследие «бескорыстного труженика науки»[38] в виде записок, дневников и рисунков, касавшееся его археологических находок, было тщательно изучено и систематизировано Николаем Михайловичем. В 1908 г. был издан на средства ГАУ «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг.», составленный Печёнкиным. Автор полагал, что эта публикация крайне необходима при

изучении раритетных коллекций предметов каменного, бронзового и железного веков исследователям истории военного искусства и быта России[39].

Журнал раскопок не потерял своей значимости и в наши дни. К нему постоянно обращаются за справками при изучении и экспонировании археологических коллекций Бранденбурга, хранящихся ныне в Эрмитаже[40]. Весной 2003 г. отдельные предметы коллекции были представлены на выставке «Старая Ладога – древняя столица Руси», посвящённой археологическим исследованиям ладожских древностей. На выставке экспонировались и находки Бранденбурга из раскопок Староладожской крепости и, в первую очередь, серия фрагментов стенописи церквей Воскресения и Святого Петра с рисунками и процарапанными надписями религиозного содержания[41].

С момента учреждения в 1907 г. Императорского Русского Военно-исторического общества (далее – *ИРВИО*), Николай Михайлович становится его активным членом. В 1909 г. он был избран секретарём разряда военной археологии и археографии (далее – *ВАиА*)[42].

Одним из основных направлений деятельности разряда было изучение древних русских крепостей и укреплений Новгородско-Псковской земли, игравших заметную политическую и экономическую роль в истории России. В основу исследования крепостей был положен детальный архитектурный обмер всех её сохранившихся частей с фиксацией их на фотоснимках и составлением подробных чертежей. Всё это могло позволить, как считали члены Общества, не только изучить, но и сохранить древние укрепления, проводя реставрационные работы без искажения памятников. Немалая заслуга в организации и проведении этих работ принадлежит Н. М. Печёнкину. Ему удалось не только пригласить замечательных учёных поучаствовать в этом проекте (Н. К. Рерих, Б. К. Рерих, К. К. Романов, А. Я. Белобородов, В. Н. Талепоровсккий, А. А. Шиловский), но и постоянно, на протяжении длительного периода времени, решать финансовые вопросы, позволявшие продолжить начатые работы, иногда используя для этих целей и собственные средства.

В течение 1910–1911 гг. завершилось исследование Изборской крепости, новгородского Детинца и Гремячей башни Псковской крепости. В 1913 г. предпринята первая публикация этих уникальных исследований – монографии К. К. Романова со вступительной статьёй С. Ф. Платонова «Гремячая башня Псковской крепости»[43]. В настоящее время эта работа служит важным дополнительным источником для современных исследователей древнерусских крепостей и укреплений.

К началу работ по архитектурным обмерам и археологическим раскопкам в Изборске и Новгороде Печёнкиным была написана памятка в помощь начинающему археологу «Исследование древних укреплённых мест». В ней автор попытался донести до молодого поколения, что «методы разведок и раскопок могут быть изучены под руководством опытного археолога без труда, но изучение собранного материала доступно лишь лицам, положившим много труда специальному изучению древностей по их отношению к культуре»[44].

В 1912–1913 гг. разряд ВАиА занимался поиском места знаменитой Шелонской битвы 1471 г.[45] Этот вопрос занимал умы многих учёных. Н. Е. Бранденбург, изучая

его в 1889 г., оставил о своей поездке отчёт, который свидетельствует, что отыскать «Дрянь реку», по выражению Псковской летописи, не представляется возможным. Но высказал предположение, что согласно преданиям, сражение произошло у деревни Велебицы[46]. В 1848 г. крестьяне села Велебицы при раскопке одного из местных курганов обнаружили русское воинское снаряжение и передали его на хранение в Новгородский земский музей[47].

Изучение места знаменитого сражения и все мероприятия, связанные с его поиском, проводились Н. М. Печёнкиным. Им были предварительно собраны все легенды о битве, бытовавшие у населения, изучены местные архивы, в том числе и церковные. Работы, начатые летом 1913 г., включали в себя археологические разведки и раскопки в окрестностях села Велебицы и снятие точного плана местности этого района. Печёнкин предпринял тщательные раскопы вероятного поля битвы в тех местах, где ранее были обнаружены кости. Его разведки не дали сколько-нибудь определённых результатов, и найти место битвы ему не удалось. Но он, с должной осторожностью, высказал предположение, соглашаясь с заключением Бранденбурга, что, вероятнее всего, битва на Шелони состоялась близ села Велебицы[48].

В настоящее время место битвы определено юго-западной окраиной села Велебицы и территорией ныне существующей деревни Скирино. 8 декабря 2009 г. на берегу реки Шелони в деревне Скирино на предполагаемом месте сражения поставлен Памятный знак в память о погибших в Шелонской битве[49].

В результате многих исследований генерал-лейтенантом А. К. Баиовым был издан обстоятельный военно-стратегический анализ сражения «Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля»[50].

В 1914 г. за активную научно-исследовательскую деятельность в ИРВИО полковник Н. М. Печёнкин был награждён Серебряным знаком[51].

Усердная и ревностная служба Печёнкина в ГАУ также была отмечена рядом наград. В 1903 г. он был награждён орденом Св. Анны 3-й степени, в 1906 г. – орденом Св. Анны 2-й степени и в 1913 г. – орденом Св. Владимира 4-й степени[52].

Деятельность офицера, связанная с изучением памятников военной истории, сказалась и на его карьере. В ноябре 1912 г. подполковник Печёнкин был назначен помощником начальника АИМ и активно включился в работу. В путеводителе по АИМ, составленном Д. П. Струковым, описанием коллекции предметов доисторического отдела, собранной Н. Е. Бранденбургом, занимался Н. М. Печёнкин[53]. Немало потрудился полковник Печёнкин и в пополнении коллекций Артиллерийского музея различными предметами русского и иностранного вооружения[54]. В 1913 г. он проводил раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре. За длительный период противостояния монастыря различным нашествиям в нём скопилось огромное количество вооружения, среди которого были редчайшие образцы артиллерийских орудий отечественного производства, различные виды огнестрельного и холодного оружия. В одном из писем начальнику АИМ Дмитрию Петровичу Струкову, Николай Михайлович сообщает: «Удалось обнаружить обвалившееся здание Оружейной палаты и кое-что из оружия, но при таких неудобных и опасных условиях, что я работу прекращаю»[55].

В настоящее время находки Печёнкина из раскопок Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря – самопалы и затинные пищали XVII–XVIII вв. – хранятся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – *ВИМАИВиВС*) и Государственного Исторического музея в Москве[56].

С вступлением России в первую мировую войну в 1914 г. полковник Печёнкин был призван в 4-ю Действующую армию[57] в распоряжение начальника артиллерии Петроградского военного округа[58]. «Я уже назначен в состав береговой обороны, как и хотел», – пишет он Струкову 20 июля 1914 г.[59]

За годы войны Печёнкин принимал участие в военных действиях на различных фронтах, о чём свидетельствуют его письма, написанные Струкову в 1914–1916 гг. При всяком удобном случае просматривая трофеи, он отбирал наиболее значимые реликвии противника для коллекций АИМ. Весной 1915 г., когда русские войска после упорных боёв взяли крепость Перемышль, Печёнкин писал Струкову об австрийских предметах: «Это оружие очень интересное, а, главное, оно “перемышльское” и его необходимо передать в музей»[60].

В 1916 г. полковник Печёнкин был назначен начальником весьма ответственного 6-го отделения ГАУ, занимавшегося заготовкой и снабжением артиллерии боеприпасами, порохом и взрывчатыми веществами, и полностью погрузился в эту работу[61]. В начале 1917 г. начальник ГАУ, отмечая инициативность Печёнкина, предписывает ему дополнительно исполнять обязанности помощника инспектора северного района по заготовкам тяжёлых снарядов[62]. Еще осенью 1914 г., когда ни в России, ни в Европе авиационные бомбы не производились, Печёнкин занимался приспособлением и использованием артиллерийских снарядов в этом качестве. Он изобрёл специальную ударную трубку для 42-линейных (122-милиметровых) гаубичных снарядов, которые кратковременно использовались для сбрасывания с летательных аппаратов. В архиве ВИМАИВиВС хранится чертёж взрывателя типа 14 ГТ, приспособленный к снарядам для метания с самолетов, разработанный полковником Печёнкиным[63].

Летом 1917 г. в Петрограде создалась напряжённая ситуация, вызванная наступлением германских войск в Прибалтике. Временное правительство специальным указом объявило о срочной эвакуации культурных ценностей из столицы. Назначенный в начале сентября исполнять обязанности начальника АИМ[64], Николай Михайлович занимался организацией вывоза исторических памятников, что весьма благотворно сказалось на их эвакуации. Николаю Михайловичу удалось убедить ГАУ о невозможности отправления водным путём коллекций знамён, формы одежды, архива и библиотеки, а также наиболее уникальных предметов украшенного оружия из-за пагубного воздействия на них влаги и холода. В сжатые сроки он завершил эвакуацию практически всех памятников Артиллерийского музея, отправив 25 сентября три баржи в Ярославль, куда они благополучно прибыли 24 октября 1917 г.[65]

Впоследствии он с пристальным вниманием следил за состоянием музейных коллекций, находящихся в эвакуации. Прапорщику Курышеву, возглавлявшему охрану музейных предметов в Ярославле, он писал в ноябре 1917 г.: «Выражаю Вам

глубокую благодарность от лица Артиллерийского музея за Вашу заботливость для достижения лучших условий предстоящей зимовки барж. Не упускайте никогда из вида, что на Вас возложена высокая задача охраны памятников прошлого России, гибель которых невосполнима: ни купить, ни найти где-либо подобное невозможно»[66].

В январе 1918 г. Н. М. Печёнкин был назначен начальником АИМ[67] и включился в работу по сохранению богатого наследия войсковых музеев столицы от грабежа различных деклассированных элементов. Помогая «Организации по охране и перенесению полковых музеев в государственные хранилища» под председательством комиссара В. Е. Гущика, Н. М. Печёнкин предоставил для этих целей пустующие залы музея. В архиве музея сохранилась переписка полковника Н. М. Печёнкина с «Коллегией по делам музеев» о приёме коллекций полковых музеев Петрограда и его пригородов[68]. Важно отметить, что помощь скромного штата сотрудников Артиллерийского музея в сохранении значительной части коллекций войсковых музеев привела к успеху. И сегодня эти раритеты воинской славы украшают экспозиции музея.

Н. М. Печёнкин (*в центре*) с группой офицеров и служащих у входа в АИМ. 1913
© Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 354

В мае 1918 г. Николай Михайлович предпринимает попытку продолжить тщательное и детальное исследование Древнего Херсонеса. В Археологической комиссии он поднимает вопрос о необходимости проведения раскопок именно в 1918 г., аргументируя это тем, что тридцать пять десятин земли, где находились оборонительные стены Древнего Херсонеса, были проданы в казну контр-адмиралом В. Я. Балем, владевшим этим участком. В 1919 г. на этой территории военными инженерами планировались строительные работы, которые полностью исключили бы возможность исследова-

ния этих мест, представляющих большой научный интерес[69]. С этой точкой зрения Печёнкина были согласны и члены Русского Археологического общества, считавшие, что результаты раскопок смогли бы подтвердить уже известные факты, а новый археологический материал позволил бы расширить круг источников, доступный для изучения. В конце июля Николай Михайлович получил Открытый лист, выданный Археологической комиссией, разрешающей в течение года проводить раскопки в районе Севастополя[70]. В начале августа 1918 г. были оформлены командировочные документы на право выезда из Петрограда, подписанные наркомом просвещения А. В. Луначарским, и в конце августа 1918 г. Печёнкин выехал в Крым[71].

С этого момента дальнейшая деятельность полковника Н. М. Печёнкина в Севастополе не известна. На заседании «Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины» от 11 июля 1919 г. было принято решение не отчислять Н. М. Печёнкина, не вернувшегося в срок к месту службы в Петроград, от должности начальника АИМ впредь до выяснения обстоятельств, препятствующих его возвращению[72]. Сведения о дальнейшей судьбе полковника Н. М. Печёнкина в Крыму скудны, противоречивы и требуют дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дополнительные материалы о нём: *Рудакова Л. П.* Николай Михайлович Печёнкин: штрихи к портрету // Бранденбурговские чтения / ВИМАИВиВС. – Вып. 1. – СПб., 2003. – С. 28.
[2] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – *ВИМАИВиВС*). Ф. 25. Оп. 102. Д. 112. Л. 225.
[3] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.
[4] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 112. Л. 223 об.
[5] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – *ЦГА СПб.*). Ф. 119. Оп. 1. Д. 135. Л. 5 об.
[6] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 87. Л. 9.
[7] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.
[8] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 79. Л. 1 об.
[9] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 92. Ч. I. Л. 138.
[10] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 87. Л. 10.
[11] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 78. Л. 66.
[12] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 99. Ч. II. Л. 116.
[13] ЦГА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 99. Ч. II. Л. 225.
[14] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
[15] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 14. **Страбонов Херсонес** находится на Гераклейском полуострове, между Казачьей и Голубой бухтами. Получил название по имени древнегреческого географа, историка и путешественника **Страбона**, который в своём труде «География» (около 7 г. н. э.) первым указал, что между Херсонесом и Парфением имеются три гавани и лежащий в развалинах древний Херсонес.
[16] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 33.
[17] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 112. Л. 223.
[18] Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее – *РА ИИМК РАН*). Ф. 3 («ИРАО», 1918 г.). Д. 314. Л. 216.

[19] РА ИИМК РАН. Ф. 27 («Н. М. Печенкин»). Д. 6.
[20] РА ИИМК РАН. Ф. 27 («Н. М. Печенкин»). Д. 10. Л. 28.
[21] *Печёнкин Н. М.* Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // Известия ИАК. – СПб.: типография Главного управления уделов, 1911. – Вып. 42. – С. 101.
[22] РА ИИМК РАН. Ф. 27 («Н. М. Печенкин»). Д. 27.
[23] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 141. Л. 81.
[24] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 141. Л. 4.
[25] См.: *Храпунов И. Н.* Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь: Таврия, 1995. – 83 с.: ил.
[26] *Печёнкин Н. М.* Роспись христианской катакомбы, находящейся близ Херсонеса на земле К. И. Тура. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1912. – 5 с. с ил.; 2 л. ил. – (Отдельный оттиск из № 48 «Известий» Таврической учёной архивной комиссии» 1912 г.).
[27] РА ИИМК РАН. Ф. 27 («Н. М. Печенкин»). Д. 2. Л. 23.
[28] *Печёнкин Н. М.* Шверинский курган. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1914. – [2], 9 с.; 4 л. ил. – (Отдельный оттиск из № 51 «Известий» Таврической учёной архивной комиссии» 1914 г.).
[29] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 22. Л. 18, 26.
[30] *Печёнкин Н. М.* Памяти Н. Е. Бранденбурга // Артиллерийский журнал. – СПб., 1905. – № 7. – С. 745.
[31] *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. – В 3-х ч. – СПб., 1877–1889. – Ч. I. – СПб., 1877.
[32] *Печёнкин Н. М.* Описание орудий, находящихся у Главного артиллерийского управления. – СПб.: Синодальная типография, 1905. – 16 с., 6 л. ил.
[33] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об., 10.
[34] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[35] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4.
[36] *Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г.* Каталог материальной части отечественной артиллерии. – Л.: АИМ, 1961. – С. 152.
[37] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 1 об.
[38] Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи / Ред. и сост. В. М. Крылов. – СПб., 2001. – С. 15.
[39] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилёвской, Новгородской, Смоленской и в Области Войска Донского. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – С. 4.
[40] *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // Археология СССР. Свод археологических источников. – Вып. Д1-33. – М.: Наука, 1977. – 68 с.; *Качалова Н. К.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы // Археология СССР. Свод археологических источников. – Вып. В4-12. – М.: Наука, 1974. – 58 с.; *Галанина А. К., Качалова Н. К.* Археологическая коллекция Н. Е. Бранденбурга в Эрмитаже // Бомбардир: Военно-историческое приложение к информационно-публицистическому журналу «Вооружение. Политика. Конверсия» Российской академии естественных наук, Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Российской и Международной инженерных академий. – М.: НИИ системного анализа проблем. – 2000. – № 9.
[41] Старая Ладога – древняя столица Руси: Буклет выставки / ИИМК РАН; ГЭ; СЛМ; ГИМ. – СПб., 2003. – С. 24.

[42] Первые пять лет деятельности Императорского Русского Военно-исторического общества 1907–1912 гг. – СПб., 1913. – С. 3.
[43] См.: *Печёнкин Н. М.* Памяти Н. И. Веселовского // Записки Восточного отдела Русского Археологического общества. – Пг., 1922. – Т. XXV: 1917–1920. – С. 356.
[44] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 70. Л. 47.
[45] Сражение между москвичами и новгородцами на реке Шелони близ озера Ильмень, исход которого предопределил падение независимости Новгородской республики и вхождение её в состав Москвы.
[46] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилёвской, Новгородской, Смоленской и в Области Войска Донского. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – С. 181.
[47] В 1875 г. часть предметов из этой коллекции (железный полированный шлем, украшенный выбитыми полукольцами и острыми углами, кольчуга и панцирь) поступили в АИМ. См.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 3. Л. 169–170.
[48] См.: *Платонов С. Ф.* Рецензия на военно-историческое исследование А. К. Баиова «Шелонская операция Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[49] См.: *Кривошеев Ю. В.* Место битвы изменить нельзя // Солецкая газета. – Сольцы: Солецкое благочиние Русской Православной Церкви, 2010.
[50] *Баиов А. К.* Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля. – Пг.: типография Императорской Николаевской военной академии, 1915. – [4], 85, [2] с. с ил.: 7 л. ил., карт.
[51] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 1. Д. 182. Л. 68.
[52] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 112. Л. 223 об.
[53] *Струков Д. П.* Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. – СПб., 1912. – С. 126.
[54] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 750. Л. 43.
[55] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 69. Л. 11 об.
[56] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 2. Д. 86. Л. 99.
[57] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 839. Л. 325.
[58] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 795. Л. 379.
[59] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 69. Л. 20.
[60] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 31. Оп. 1. Д. 89. Л. 21.
[61] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 1/3. Д. 26. Л. 23.
[62] См.: Приказы ГАУ. Приказ № 279 от 15 февраля 1917 г.
[63] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 32. Оп. 1. Д. 30. Л. 1 об.
[64] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 4.
[65] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.
[66] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 115. Л. 329.
[67] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 2/13. Д. 91. Л. 52.
[68] См.: *Баженов С. В.* Перемещение коллекций войсковых музеев в государственные хранилища. Январь-май 1918 г. // Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: Сб. исследований и материалов. – Вып. V. – Л.: ВИМАИВиВС, 1990. – С. 202.
[69] РА ИИМК РАН. Ф. 27 («Н. М. Печенкин»). Д. 14. Л. 15.
[70] РА ИИМК РАН. Ф. 1 («ИАК»). Д. 15/1918. Л. 2.
[71] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 1. Л. 5.
[72] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 1. Л. 7.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

РЫЖОВЫ, МИТУСОВЫ, МАЛЕВСКИЕ-МАЛЕВИЧИ, РЕРИХИ: К ВОПРОСУ О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ

Получив в 1994 г. часть фамильных документов от **Эрика Юрьевича Рыжова**, Людмила Степановна Митусова и автор этих строк стали разыскивать упомянутых в письмах Э. Ю. Рыжова и в присланных им документах родственников Митусовых и Рерихов, предположительно проживающих в Санкт-Петербурге. В результате одна за другой состоялись памятные встречи с Сергеем Петровичем, Наталией Павловной и Ириной Петровной Малевскими-Малевичами. Об этом записала сама Л. С. Митусова в своей книге «О прожитом и судьбах близких» (2004):

«Весной 1992 года у Бориса Алексеевича [Смирнова-Русецкого] состоялась выставка в Стокгольме. На неё заглянул мой кузен Эрик Юрьевич Рыжов, о котором я раньше ничего не слышала, ведь десятилетиями никаких связей с эмигрировавшими родственниками не могло и быть. И вот через Бориса Алексеевича я установила связь с новым человеком из нашей большой родни. Его отец, Юрий Фёдорович Рыжов, являлся троюродным братом моему отцу, а мать, Елизавета Юльевна Рыжова, урождённая Малевская-Малевич, была двоюродной сестрой бабы Дуни.

Эрик оказался очень близким мне по думам и воспоминаниям об одних и тех же дорогих людях. Между нами установилась переписка, время от времени мы разговаривали по телефону. Прежде всего, он послал нам с сестрой денежную помощь, а в последствии передал через знакомых множество интересных документов о нашей родне, из которых я впервые узнала о прекрасных и трагических судьбах дяди Серёжи Маркова, дяди Вани Голенищева-Кутузова, тёти Саны Муромцевой, Ю. Ф. Рыжова, С. С. Малевского-Малевича, С. Н. Потоцкого и других родственников.

В годы "перестройки" нам обоим так хотелось возобновить связи со старыми нашими корнями. По-родственному мы вспоминали о прежней высокой культуре, причём не только у людей, получивших образование, но, главным образом, среди народа русского. Эрик сообщал, что в Швеции тоже утрачивается высокое в народе, в том числе среди потомков русских эмигрантов. Нас тревожило, как всё сложится теперь в России, да и во многих странах. Хотелось верить, что "шоу" и новые преступления не заполонят весь мир.

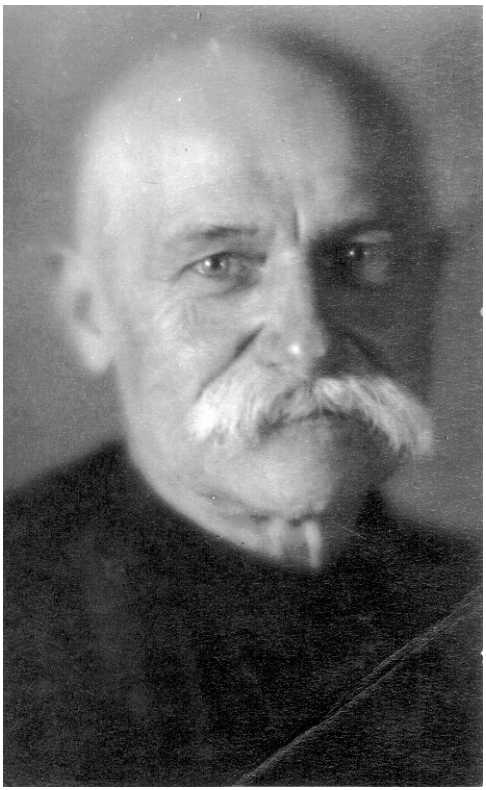
Поначалу он хотел приехать в Санкт-Петербург, но потом ждал меня в Стокгольм. Как обидно, что так и не удаётся встретиться. Начало девяностых годов давало надежду на эту возможность. Так хочется поговорить с ним подробно о своей жизни (странно говорить о "своей", а не о "нашей"), о своих мыслях и планах, но обстоятельства не дают это сделать. То наследственные дела, то работа, то болезни друзей и свои собственные.

1 февраля 1993 года он писал нам с Таней: "Мне очень важно познать нашу ***культурную и интеллигентную*** *молодёжь с искренним чувством к нашему прошедшему,*

потому что мне хочется передать ей некоторые родовые вещи (от Малевских-Малевичей) и картины, подаренные мне кузинами Нокой и Мариной и племянницей тёти Сони – Еленой Сергеевной, в замужестве Вилкен, урождённой Потоцкой". И я познакомила его со статьями Володи Мельникова, которые тот подготовил, работая с папиным архивом. Я написала Эрику, что мне очень помогает группа студентов и морально, и физически, что Володя уже второй год работает в разных архивах и у меня.

Он очень обрадовался тому, что я нашла моральную поддержку у молодёжи, у той молодёжи, которая ещё не успела попасть под влияние разрушения нашей высокой русской культуры, которая возвращается к собственным корням.

С помощью Володи Эрик разыскал своих ближайших родственников Малевских-Малевичей, переслал им семейные реликвии (прежде всего, фамильное кольцо), которые в роде Малевских-Малевичей передаются по старшинству. Так у меня через "заграницу" возникло общение здесь, в Санкт-Петербурге, с дальними по крови, но близкими по духу, замечательными семьями Малевских-Малевичей, происходящими от Сергея Юльевича Малевского-Малевича. С 1912 года он был врачом и хирургом в Сестрорецке, где основал больницу, ныне носящую его имя. И я вспомнила, что прежде папа рассказывал что-то о Сестрорецке, о поездках на дюны и лечении там».



Сергей Юльевич Малевский-Малевич. 1920-е
© Собрание семьи Малевских-Малевичей (Санкт-Петербург)

Действительно, благодаря Э. Ю. Рыжову нам с Людмилой Степановной посчастливилось познакомиться с замечательными представителями славного рода Малевских-Малевичей. Двадцать седьмого мая 1996 г. мы посетили семью Малевских-Малевичей, проживающую на углу улицы Ломоносова и Фонтанки, а зимой того же года нанесли визит к Малевским-Малевичам, проживающим у железнодорожной платформы Ланской.

От Марианны Владимировны и Натали Павловны Малевских-Малевичей мы узнали много интересного. Оказалось, у нас немало общих знакомых и тем для общения. В разговорах постоянно возникала Вырица, где у Малевских-Малевичей была своя дача неподалёку от берега реки Оредеж. Как известно, на Оредеже прошло детство девочек Митусовых, у этой реки

Дети С. Ю. Малевского-Малевича от второго брака: Павел, Елизавета и Пётр. Санкт-Петербург 1910-е. Фотосалон М. П. Кадысона © Собрание семьи Малевских-Малевичей (Санкт-Петербург)

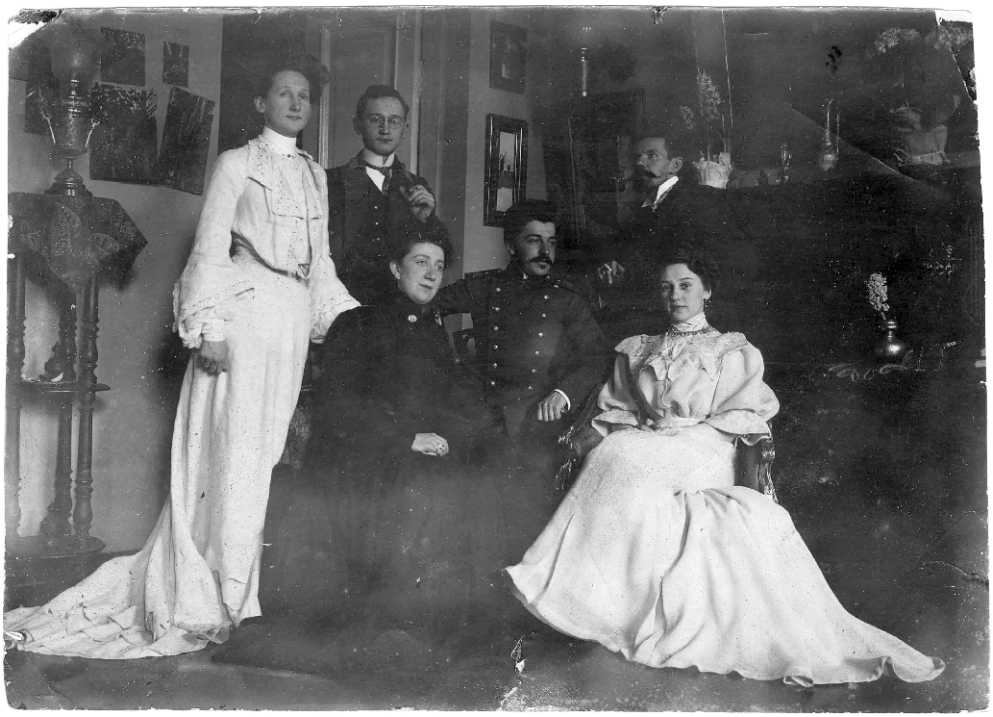
отдыхали и Рерихи. Марианна Владимировна поддержала наши историографические поиски по теме «Н. К. Рерих – археолог». Она крупный учёный-археолог, историк древнерусской архитектуры и специалист по западнорусской керамике X–XIII вв. Её поддержка и советы оказались весьма своевременными, ибо как раз тогда шла в самом разгаре работа по подготовке первого выпуска «Петербургского Рериховского сборника», посвящённого археологии.

Во время этих встреч мы почерпнули интересные сведения о **Сергее Юльевиче Малевском-Малевиче** (1869—1934), главном враче больницы в Сестрорецке, ведущей свою историю ещё с 1748 г., когда она была открыта при Сестрорецком оружейном заводе (ныне Городская больница № 40 Курортного административного района Санкт-Петербурга). Сергей Юльевич Малевский-Малевич – талантливый русский хирург, много оперировавший, остававшийся с тяжелобольными за полночь, тративший свои и без того ограниченные средства на приобретение инструментов, медикаментов, продуктов. В 1934 г. проводить Сергея Юльевича в последний путь пришли едва ли не все жители Сестрорецка...

К концу 1999 г. с помощью Э. Ю. Рыжова и Малевских-Малевичей мы с Людмилой Степановной собрали целую подборку редких фотографий, на которых были запечатлены ранее неизвестные в России родственники Рерихов и Митусовых. Разглядывание этих фотографий и изучение полученных копий документов стимулировали дальнейшие поиски семейных связей.

Сергей Юльевич Малевский-Малевич – родной брат Елизаветы Юльевны Рыжовой, жены Фёдора Александровича Рыжова. В свою очередь, Фёдор Александрович Рыжов – родной брат Николая Александровича Рыжова, мужа Людмилы Васильевны Рыжовой, рождённой Голенищевой-Кутузовой, родной тёти Е. И. Рерих и С. С. Митусова.

Анализ родословных Голенищевых-Кутузовых, Малевских-Малевичей, Азарьевых и Рыжовых выявил два варианта возможных общих предков Л. С. Митусовой и упомянутых выше С. П., Н. П. и И. П. Малевских-Малевичей, причём лишь один из двух вариантов даёт общих прапрадеда и прапрабабушку. В начале исследования было недостаточно данных для того, чтобы окончательно склониться к одной из двух возможных пар, но в любом случае Л. С. Митусова и Малевские-Малевичи находятся в той или иной степени родства с каждой из них.



Семейное окружение Юрия Фёдоровича Рыжова (*стоит в центре*). Начало XX в.

Об этой фотографии сын Ю. Ф. Рыжова Эрик Юрьевич писал Л. С. Митусовой из Стокгольма 1 декабря 1994 г.: «Слева стоят тётя Людмила Шмит (в белом платье), урождённая Рыжова, мой отец. Сидят француженка-гувернантка (по словам моей матери), капитан 1-го гвардейского стрелкового полка Григорий Шестериков и его жена Варвара Фёдоровна, урождённая Рыжова. Она играла на рояле. За ней стоит капитан 3-го гвардейского стрелкового полка и свободный художник Шмит. Его жена, наша тётя Людмила, тоже свободная художница. Она и её сестра Варвара – троюродные сёстры тёти Ляли. Вот Вам родня и культурная среда четы Рерихов».

© СПбГМИСР

Первый вариант общих прапрадеда и прапрабабушки: И. В. и Е. А. Голенищевы-Кутузовы. О них писала Е. И. Рерих (это и её предки: прадед и прабабушка). Второй вариант общих прапрадеда и прапрабабушки: Василий Азарьев и его вторая жена урождённая Ельчанинова. О них Е. И. Рерих тоже оставила биографические сведения (это и её прадед и прабабушка). Последний вариант может оказаться действительным, если какая-нибудь из сестёр Азарьевых (Людмила, Елизавета, Анна, София или Лидия) были в браке (до или после другого замужества) с Юлием Малевским-Малевичем. Больше других «подходит» Лидия, младшая дочь, о которой Елена Ивановна пишет, что она «осталась одинокой, не замужем». Здесь опять-таки следует предположение, что Е. И. Рерих просто не знала о её браке с Малевским-Малевичем.

Если всё это так, то действительно, как пишет Э. Ю. Рыжов, Людмила Васильевна (рождённая Голенищева-Кутузова) и Елизавета Юльевна (рождённая Малевская-Малевич) двоюродные брат и сестра. Так же, как и мать Елены Ивановны Рерих Екатерина Васильевна Шапошникова и её сестра, мать Степана Степановича Митусова княгиня Евдокия Васильевна Путятина двоюродные сёстры Елизаветы Юльевны.

Все эти рассуждения имеют под собой почву только в том случае, если утверждение Э. Ю. Рыжова о двоюродных сёстрах в его переписке с Л. С. Митусовой верно. Оно заставляет решать одно уравнение с двумя неизвестными, и до тех пор, пока не будет найдено ещё какое-нибудь условие, решить его невозможно. Ценным условием было бы имя или девичья фамилия жены Юлия Малевского-Малевича.

Таковы были начальные условия данного исследования, когда оно было начато 9 июня 1996 г. За прошедшие годы нам удалось немного пополнить «генеалогический багаж» новыми данными, но необходимость дальше продолжать начатые изыскания остаётся.

Ещё одним важным «героем» данной темы является **Борис Николаевич Рыжов** (около 1878 г. – после 1941 г.), двоюродный брат Е. И. Рерих и С. С. Митусова, крёстный отец Л. С. Митусовой. Об этом одарённом художнике-любителе давно хотелось собрать хотя бы краткую биографическую справку.

Его семейное прозвище – Боба. Так его называли Митусовы и Рерихи в тесном семейном кругу. Его отец, Николай Александрович Рыжов, принадлежит к одной из двух близких и дружественных друг другу ветвей древнего рода Рыжовых, родственного Голенищевым-Кутузовым, Митусовым, Малевским-Малевичам, Потоцким и Рерихам. По словам Е. И. Рерих, отец Б. Н. Рыжова – «крупный городской деятель в Петрограде», «получил образование в Военно-медицинской академии, практиковать не стал и пошёл по городской службе, был членом городской управы». Как вспоминал его близкий родственник Э. Ю. Рыжов, глава «невских» Рыжовых «Николай Александрович трагично умер довольно молодым, оставив свою семью без всяких средств». Дети «невских» Рыжовых, кузены и кузины Е. И. Рерих и С. С. Митусова: Людмила (в замужестве Герст или Херст), Борис (Боба), Николай, Ксения (Сана, в замужестве Муромцева, любимая кузина Е. И. Рерих). Фёдор Александрович Рыжов – глава «васильевских» Рыжовых, брат Н. А. Рыжова, дядя Б. Н. Рыжова, был женат на Елизавете Юльевне, урождённой Малевской-Малевич; их дети: Юрий (Георгий), отец

Э. Ю. Рыжова, Варвара (в замужестве Шестерикова), Людмила (в замужестве Шмит). По свидетельству Э. Ю. Рыжова (двоюродного племянника Б. Н. Рыжова), после внезапной смерти Николая Александровича «васильевские» Рыжовы «обеспечили экономически» «невских», в том числе и воспитание Б. Н. Рыжова.

Мать Б. Н. Рыжова – **Людмила Васильевна Рыжова** (1859—1917), из древнего рода Голенищевых-Кутузовых, крёстная мать Е. И. Рерих и родная тётя её и С. С. Митусова.

В архиве Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге сохранилось несколько портретных рисунков и фотографий Б. Н. Рыжова 1880-х – 1920-х годов, в том числе снимок «Е. И. Шапошникова с кузенами С. С. Митусовым и Б. Н. Рыжовым» (фотография 1881–1882 гг., выполненная в мастерской О. Рейзенера в Санкт-Петербурге; *см. его воспроизведение на с. 39 настоящего издания*). В 1902 г. Б. Н. Рыжов участвовал в раскопках и разведках Н. К. Рериха по Боровичскому уезду Новгородской губернии. Неоднократно упоминается Н. К., С. Н. и Ю. Н. Рерихами в их семейной переписке в 1900–1910-е гг. как один из ближайших друзей семьи Рерихов. Ему принадлежал акварельный эскиз Н. К. Рериха «*Звери*» (1904). Встречи Рерихов и Митусовых были особенно частыми на даче Рыжовых в Павловске в 1910-е гг. Всю жизнь был дружен с семьёй своего кузена С. С. Митусова. В воспоминаниях Л. С. Митусовой Б. Н. Рыжов предстаёт интересным, образованным, живым, отзывчивым на чужое горе, любящим детей, искусство, театр, поэзию и литературу человеком.

Борис Николаевич Рыжов. 1920-е. © СПбГМИСР

До 1917 г. деятельность Б. Н. Рыжова была связана с Императорским фарфоровым заводом. В 1920-е гг. – председатель колхоза в посёлке Выра Ленинградской области. Пропал без вести в 1941–1943 гг. при переправе по Дороге Жизни из осаждённого Ленинграда.

Упомянутые нами в данном сообщении лица позволили коснуться таких малоизвестных страниц в биографии Рерихов, как их поездки в Сестрорецк, Павловск и на Оредеж в начале XX в., встречи и общение с родственниками, которые были близки Рерихам и по духовно-нравственным основаниям.

М. С. КОСТЮХИНА
(РГПУ им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург)

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ В КАРТОЧНОЙ ИГРЕ

Среди предметов, принадлежавших семье Митусовых, сохранилась колода самодельных карт, предназначенная для игры «Колокол и молоток»[1]. История этой карточной игры даёт представление о роли настольных игр в досуге семьи Митусовых. Этот досуг имел глубоко индивидуальные черты, в то же время он был типичен для бытовых практик русских образованных сословий.

В этих досуговых практиках значительное место занимали карточные игры. Отношение к ним было неоднозначное: азартные игры публично осуждались, игры коммерческие принимались как должное, а игры общеупотребительные приветствовались. Представление об общеупотребительных играх пришло в русское общество в начале XIX в. из европейских досуговых практик (французских и немецких). Под общеупотребительными играми имелись в виду развлечения, которые не ограничены возрастными запретами и годятся для досуга всех членов семейного дома (к большинству карточных игр дети не допускалась). Условием для семейных игр были не обременительные ставки (мелкие деньги, сласти) и простые правила, не требующие запоминаний и расчёта. Этим общеупотребительные игры отличались от разорительных карт и усложнённых шахматно-шашечных игр. Среди внушительного списка общеупотребительных игр особую группу составляли игры в карты с костями.

«Колокол и молоток» одна из таких игр. Известная со времён Средневековья, эта игра не потеряла популярности и в эпоху общеупотребительных игр XIX в.

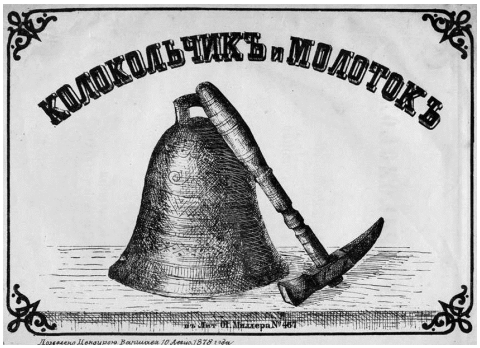
В игре «Колокол и молоток» было всего 8 костей с точечными и изобразительными знаками. Знаки наносились только на одну из сторон кости (это точки числом от 1 до 6 и изображение молота и колокола). Карты (их всего 5) делались крупного формата. На картах размещалось изображение молота, колокола, белой лошади, замка (гостиницы), молота и колокола одновременно (эта карта дала название всей игре). Семантика изображений на картах связана с древнегерманской и раннехристианской символикой: молот – это орудие языческих богов (молот Донара-Тора), гостиница – их небесное жилище (Валлгала), белая лошадь – это вещий конь (конь Водана-Одина), а колокол символизировал наступление христианской эпохи[2].

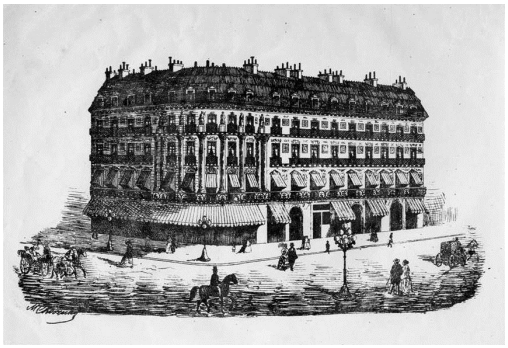
Игра «Колокол и молоток», как и другие игры с костями и картами, была иноземным игровым форматом, не имевшим традиций в русской досуговой культуре. Кости и карты для этих игр изготовлялись особые и для каждой игры – разные. Так что все известные колоды, бывшие в ходу у русских игроков, к ним не подходили. Издания этой игры привозились путешественниками из европейских вояжей для досуга в аристократических домах Москвы и Петербурга (провинция таких игр не знала). После того, как игра стала печататься в русских литографических мастерских, круг её распространения стал шире, но и тогда игра сохраняла элитарный характер (в отличие от демократичных лото, шашек и карт). В 1842 г. известный

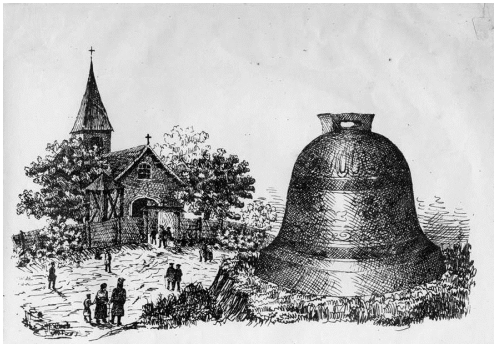
петербургский литограф и издатель П. Вдовичев сделал подборку карточных игр, среди которых была игра «Колокол и молоток». В мастерской П. Вдовичева было изготовлено 5 искусно гравированных карт и 8 специальных костей для игры. Это издание не было первым в России, но оно было первым, которое предназначалось для досуга в кругу семьи и друзей дома[3]. Издание рекомендовалась в качестве «новой забавной игры, как для маленькой компании, так и для многочисленного общества». В игре могли принимать участие от 6 до 10 человек. В брошюре, прилагаемой к игре, подробно расписывались правила. Игра начиналась с того, что игроки выбирали кассира и определяли стоимость точки, нанесённой на кости (например, 1 марка). Собрав марки и устроив кассу, кассир продавал с публичного торга 5 карт. Все они имели разную цену. Дороже всего стоил замок, поскольку карта с его изображением имела преимущества. Тот, у кого на руках была лошадь, первым выбрасывал кости (далее игроки действовали по кругу). Каждый выигрывал столько марок, сколько выпадало ему на костях точек. Тот, кому не выпало ничего, платил 1 марку владельцу лошади. Если выпадали точки, молоток, колокол или и то, и другое, то кассир платил за выпавшие очки не тому, кто бросал, а владельцу фигур. Если выпадала фигура без точек, тогда владелец фигуры платил игроку 1 марку. Когда число выпавших точек превышало число марок в кассе, то владелец дома получал излишек. Игра кончалась, когда число точек на костях равнялось числу марок в кассе или когда игрок выбрасывал ровно 21 очко (сумма всех точек на костях). Эта система правил была базовой для игры в «Колокол и молоток», и все последующие издания придерживались такой системы с незначительными изменениями[4]. Изменения касались, в первую очередь, изображений на картах. Так в издании «Колокольчик и молоток. Общественная игра» (1878) на картах были литографированы: базар, кольцо, молоток, колокольчик, молоток и колокольчик. Это издание игры, как и многие другие, было напечатано на русском языке в Варшаве в литографии Ю. Миллера [*ил. 1–4*]. Варшава и Рига имели много мастерских по изготовлению настольных игр и служили перевалочным пунктом для европейской игровой продукции. Популярную игру можно было приобрести в игрушечных магазинах Москвы и Петербурга вплоть до начала XX в.[5]

Игра «Колокол и молоток» была «игрой счастья», азартной и увлекательной. Но таких игр с картами и костями было много. Причина популярности этой игры – в её изобразительном ряде, составленном из мистически-загадочных образов. Молот, белый конь, замок и колокол богаты сказочно-мифологическими коннотациями. Ребёнок видел в них продолжение сказок Ш. Перро и братьев Гримм, взрослый – отзвуки древних сказаний. В таком контексте игра с судьбой получала особый, далёкий от утилитарного смысл. Этот смысл открывался как взрослому, так и ребёнку, с его тягой ко всему таинственному. Сохранилось описание того, как дети увлечённо занимались игрой «Колокол и молоток» в голодном Петрограде 1918 г.

Вскоре после революции все карточные игры, без разбору, были прописаны по ведомству азартных игр, и запрещены для пользования с детьми. Контакты с заграницей, где игра продолжала производиться, прервались. На руках оставались только старые издания игры «Колокол и молоток».





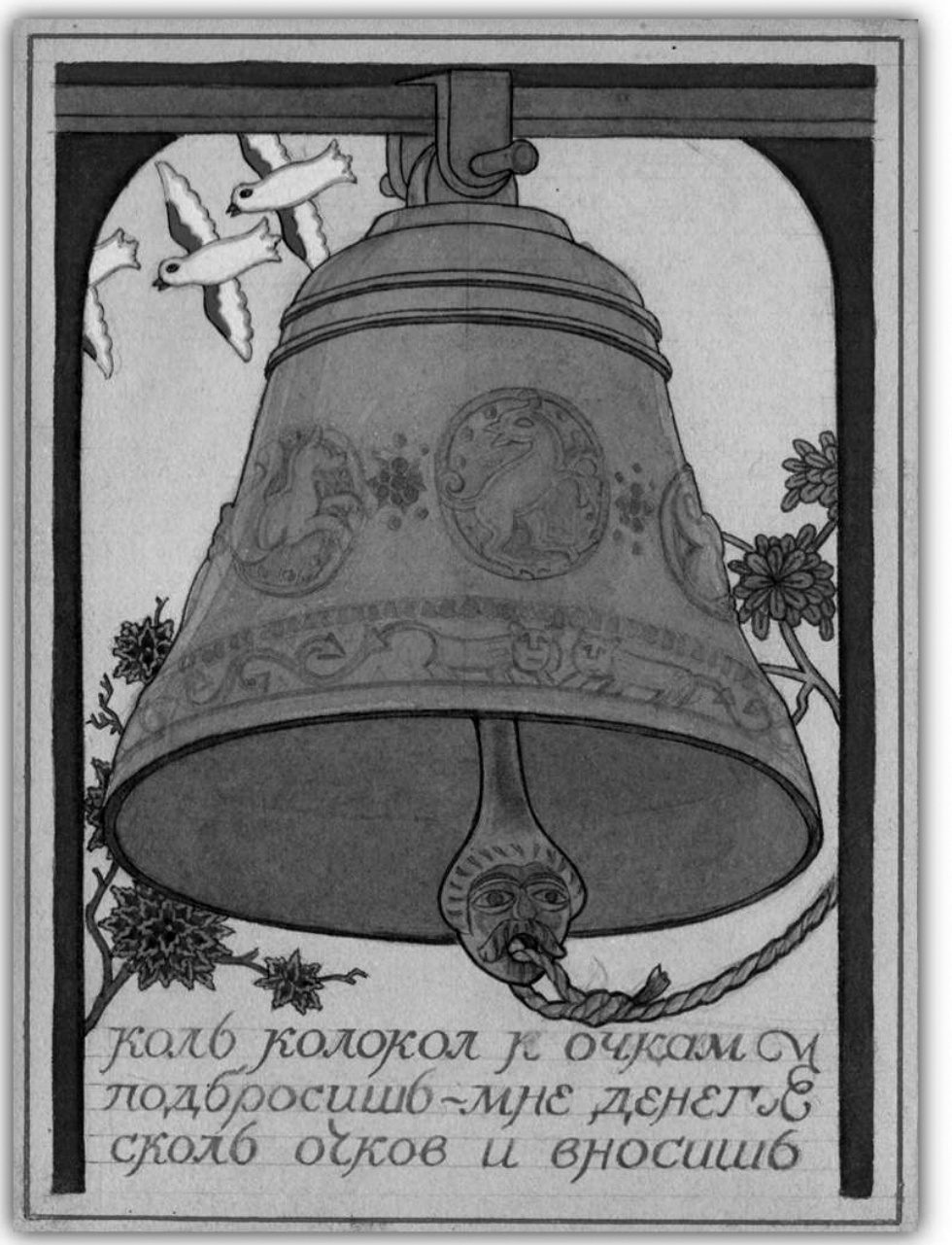


Ил. 1–4

Поскольку картонажные игры изнашиваются быстро, то игра «Колокол и молоток» была обречена на полное исчезновение из советского досуга. В семьях оставались лишь воспоминания о прежних играх. Созданный в 1930-е гг. художником **Ростиславом Владимировичем Трониным** (1912—1942)[6] набор карт воспроизводил игру, бывшую в семьях Рерихов и Митусовых [*ил. 5–9*]. Игра «Колокол и молоток», для участия в которой нужно не менее 6 человек, была рассчитана на семейный дом, богатый культурными традициями. Именно к ним отсылали изображения на игровых картах.

О том, что такая игра в домах Рерихов и Митусовых была, свидетельствуют сохранившиеся кости с точками и изображениями молота и колокола [*ил. 10*]. Такие кости изготовлялись кустарным и промышленным способом. Карты для игры не сохранились, но их изображение можно представить по существовавшим образцам: рыцарские замки или европейские гостиницы, молот и старинная кузница, кирха и колокол.

Тронин не стал повторять чужеземные образцы. Он сделал карты в манере русского лубка, опосредованного художественными практиками «Мира искусства» (художник был учеником И. Я. Билибина). Сочетание заморской игры и русского лубка было вполне органичным, поскольку в лубке часто использовались европейские типажи и сюжеты.



Ил. 5. Р. В. Тронин. Колокол. Карта из набора игры «Колокол и молоток». 1930-е. © СПбГМИСР

Ил. 6. Р. В. Тронин. Гостиница. Карта из набора игры «Колокол и молоток». 1930-е. © СПбГМИСР

Ил. 7. Р. В. Тронин. Белая лошадь. Карта из набора игры «Колокол и молоток». 1930-е. © СПбГМИСР

Ил. 8. Р. В. Тронин. Молот. Карта из набора игры «Колокол и молоток». 1930-е. © СПбГМИСР

Ил. 9. Р. В. Тронин. Колокол и молот. Карта из набора игры «Колокол и молоток». 1930-е. © СПбГМИСР

Ил. 10. Кости из набора игры «Колокол и молоток». © СПбГМИСР

Роскошный конь на рисунке Тронина [*ил. 7*] напоминает сказочного коня Еруслана Лазаревича, а сценка на постоялом дворе – лубочный вариант приключений Бовы-королевича [*ил. 6*]. В стилистике русского лубка на картах выполнены надписи, содержание которых связано с правилами игры. Надписей на европейских картах для игры «Колокол и молоток» не делалось. Зато для лубка игра со словесным текстом традиционна: надпись там становится частью изобразительного ряда. В рифмованных строчках от лица обладателя той или иной карты напоминалось о необходимости платить марки за выпавшую фигуру. «Коль колокол к очкам подбросишь – мне денег сколь очков и вносишь» [*ил. 5*]. Напоминание было не лишним, поскольку правила игры к тому времени стали забываться.

Надписи сделаны в простодушно-народной манере, однако потайной смысл в них есть. На карточке с изображением молота и колокола написано: «Колокол и молот падают редко, кидай деньги сюда метко. Сколь очков у тебя пало, столь полушек ко мне перепало» [*ил. 9*]. Совместное изображение колокола и молота выпадает не реже, чем все остальные картинки. Редким такое сочетание является, если спроецировать карточную символику на советскую жизнь. Колокол воплощает религиозное и духовное существование человека, а молот – символическое изображение пролетарского труда, деталь советского государственного символа «серп и молот», и такое сочетание действительно можно назвать исключительным. Изоб-

ражение молота и колокола на картах встречается дважды, и согласно карточному канону, оба изображения похожи. Тронин же придал предметам разное значение: там, где молот один (на фоне кузницы), он отмечен клеймом со знаком божества. Божественным знаком отмечается всякое мастерство, будь то творение художника или кузнечного мастера. Там же, где молот помещён в соседстве с колоколом, его функции не творческие, а карательные, поэтому вместо божества на молоте стоит просто цеховой знак. Никаких иллюзий об итогах соседства такого молота с колоколом у художника не было, поэтому колокол разбит, и трещина, проходящая через его поверхность, заставляет умолкнуть божественный голос.

Однако подобная символика не являлась для художника самоцелью, ведь игра остаётся игрой и под ударом тяжёлого молота. Поэтому так жизнерадостны краски, так живописны картинки и так традиционны смыслы, в них заложенные. Надпись, сделанная Трониным на карте с гостиницей, гласит: «Игра идёт споро – конец игре скоро. На сколь более казны бросишь – столько гостинице заплотишь» [*ил. 6*]. Гостиница – это земной дом, дорога, к нему ведущая, – жизненный путь, а казна – плата судьбе за удачу и везение.

Значения карточных символов человеку свойственно применять к себе. В этом притягательная сила пасьянсов, которые любила раскладывать Л. С. Митусова. Но пасьянс – это игра для одинокого человека. Игра же «Колокол и молоток» создавалась для семейного досуга. Поиграть в эту игру так и не удалось (её создатель-художник погиб на фронте в 1942 г.). Как видно по сохранности карт, играть без дорогого ей человека Людмила Степановна не хотела. Разбитый колокол, изображённый на картах, имел для неё глубоко личное значение – символ разрушенной семьи и рано умолкнувшего творческого голоса. Вполне возможно, что и сам художник, создатель игровых карт, пророчески это предвидел.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По сообщению знавшего Л. С. Митусову культуролога В. Л. Мельникова, в семье Митусовых игра бытовала под названием «Колокол и молоток».

[2] *Rüger, Bruno.* Das Buch der Spiele. – Berlin: Verlag L. Ehlermann, 1950. – S. 12.

[3] Одно из первых печатных русских изданий игры было выпущено в 1816 г. под названием «Пушечная и рыцарская игра» (СПб.: печатня Иверсена).

[4] Тот же набор изображений на картах в одном из последних изданий игры «Колокол и молоток» (1899) – гостиница, белая лошадь, колодец, колокол, молот, колокол и молот. Кидается 8 костей. Если выпал знак, то марки получает обладатель знака, а не тот, кто кидал (и наоборот).

[5] Известны выпуски игры «Колокол и молоток» в Санкт-Петербурге (изд. О. Л. Шлиак, 1890) и в Ревеле (1892).

[6] См. о нём: *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – СПб. – Вышний Волочёк, 2004. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I). – С. 52, 61, 62, 86, 87, 101, 102, 104–109, 111, 169, 215, 219, 221, 227, 309, 346, 347, 353; *Неволайнен Л. Ю.* Художник Ростислав Владимирович Тронин (1912—1942) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 268–279.

Ю. Н. КУЛИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ И КОМПОЗИТОРОВ
(по материалам цикла «Митусовские вечера»)

Двадцать четвёртого сентября 2011 г. в зале Музея-института семьи Рерихов был проведен очередной «Митусовский вечер», посвящённый выдающимся представителям мировой культуры, чьи достижения взращивались в эпоху неповторимого петербургского Серебряного века: Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, Игорю Фёдоровичу Стравинскому, Николаю Константиновичу Рериху. Все они были связаны сотрудничеством в различных областях искусства. Их творческое общение возникло благодаря двоюродному брату Елены Ивановны Рерих Степану Степановичу Митусову.

Сотрудниками Музея-института семьи Рерихов был разработан сценарий вечера, состоящий из трёх разделов.

Первый раздел рассказывает о работе Н. К. Рериха, связанной с творчеством Н. А. Римского-Корсакова. Этих двух творцов сближала любовь и интерес к русскому народному искусству, историческому прошлому, к красоте природы. Н. К. Рерих создал эскизы для оформления «Снегурочки», «Псковитянки», «Сказания о невидимом граде Китеже и деве Февронии», «Садко», «Кащея бессмертного», «Сказки о царе Салтане».

Второй раздел повествует о творческом союзе И. Ф. Стравинского и С. С. Митусова. С уверенностью можно утверждать, что так называемое «культурное воспитание» И. Ф. Стравинский получил во многом благодаря своему другу С. С. Митусову, привившему ему «вкус к искусству как таковому», что сам композитор признавал на склоне дней, говоря о юности: «первым на память приходит Стёпа Митусов, в то время он был самый близкий друг, я многим обязан ему». В результате их совместной деятельности были написаны романсы на стихи Поля Верлена «Душу сковали» (на слова из цикла «Мудрость») и «Где в лунном свете» (на слова из цикла «Добрая песенка»). С. С. Митусов подсказал И. Ф. Стравинскому сюжет «Свадебки», представляющий собой русские хореографические сцены с пением и музыкой. С. П. Дягилев, которому было посвящено произведение, впервые услышав «Свадебку», «плакал и сказал, что это самое прекрасное и самое чисто русское создание нашего Балета». Пиком их дружеских и творческих отношений является опера «Соловей» по сказке Х. К. Андерсена.

Третий раздел сценария вечера говорит о совместной работе И. Ф. Стравинского и Н. К. Рериха. Их сотрудничество привело к созданию балета «Весна священная». Н. К. Рерих не только написал эскизы декораций и костюмов балета, но и, будучи признанным знатоком древнерусской истории, принял самое деятельное участие в создании либретто.

Для написания сценария вечера были изучены материалы из архива Музея-института семьи Рерихов, имеющиеся публикации Виктора Павловича Варунца Владимира Леонидовича Мельникова, Юлии Юрьевны Будниковой и другие ис-

Заставка литературно-музыкальной программы, подготовленной сотрудниками Музея-института семьи Рерихов в 2011 г.

точники, касающиеся биографии главных героев вечера. На состоявшемся мероприятии зрители имели возможность увидеть медиа-программу, в подготовке которой использовался уникальный фотоматериал, а также услышать аудиозаписи произведений Н. А. Римского-Корсакова и И. Ф. Стравинского.

Особый интерес у присутствующих вызвал показ видеоотрывков из спектаклей «Весны священной» и хореографической постановки «Свадебки».

На вечере также прозвучали произведения Франца Шуберта, входившие в программу первого отделения концерта, состоявшегося в Третьем государственном музыкальном техникуме в 1920-е гг. как *Liederabend* Е. И. Антиповой и С. С. Митусова, в исполнении специально приглашённых профессиональных музыкантов – лауреатов международных конкурсов Владимира Игоревича Степанова (баритон) и Юлии Валентиновны Стаховой (концертмейстер).

В дальнейшем мы планируем продолжить представление публике творческих биографий выдающихся музыкантов, художников, литераторов в цикле «Митусовские вечера».

А. К. МАЗАЕВА-КАНЕНГА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

М. А. БИХТЕР И С. С. МИТУСОВ*

Михаил Алексеевич Бихтер (11 (23) апреля 1881 — 7 мая 1947) – пианист, оперный дирижёр, профессор Ленинградской консерватории и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1938) и страстный библиофил родился в семье музыканта в Москве, затем жил и работал в Петербурге-Петрограде-Ленинграде, также гастролировал, преподавал в отдалённых уголках России и на Украине.

В источниках, которых не так много, разняться указания на школы и преподавателей, у которых он обучался. В воспоминаниях С. Ю. Левика о нём говорится, что М. А. Бихтер очень поздно начал систематическое обучение музыке, в силу различных жизненных обстоятельств, вынуждавших его прерывать попытки к обучению необходимостью заработка. В этом источнике указаны и музыкальные курсы Е. П. Рапгофа, куда в класс А. И. Полетика М. А. Бихтер поступил в 1890-е – 1900-е гг. В Петербургской консерватории он изучал теорию музыки у А. К. Лядова, композицию – у А. К. Глазунова и М. О. Штейнберга. По классу фортепиано Михаил Алексеевич учился у К. К. фон Арка и у А. Н. Есиповой, крупнейшей представительницы пианистического искусства конца XIX – начала XX в., в свою очередь перенявшей опыт у выдающегося педагога – основателя петербургской пианистической школы **Теодора (Фёдора Осиповича) Лешетицкого** (1830—1915), за годы преподавания (до отъезда в Вену в 1878 г.) выпустившего множество выдающихся учеников, среди которых и профессор И. А. Боровка, преподаватель по классу фортепиано в музыкальной школе, где учились С. С. Митусов и Е. И. Шапошникова (в замужестве – Рерих). Дирижирование М. А. Бихтер изучал у Н. Н. Черепнина, композитора, дирижёра и педагога, ученика Н. А. Римского-Корсакова, члена Беляевского кружка, близкого объединению «Мир искусства», с 1909 г. участвовавшего в «Русских сезонах» С. П. Дягилева. Также С. Ю. Левик приводит более подробный список консерваторских преподавателей М. А. Бихтера, среди которых, кроме того, были Л. С. Ауэр, А. Р. Бернгард, Н. В. Галкин, А. И. Зилоти, М. Котоньи, В. М. Самусь, Ф. И. Шаляпин[1]. Искусству аккомпанемента М. А. Бихтер обучался у И. И. Витоля[2].

В музыкальном мире М. А. Бихтер ещё при жизни был признан одним из выдающихся специалистов в области камерного ансамбля и аккомпанемента, талантливым артистом и педагогом. Его коллеги и ученики пишут о нём, прежде всего, как о выдающемся виртуозном пианисте-ансамблисте. Как сообщает в «Музыкальной энциклопедии» Я. И. Мильштейн, М. А. Бихтер выступал с такими певицами и певцами, как М. И. Бриан, Н. И. Забела-Врубель, И. А. Алчевский, Ф. И. Шаляпин. Наиболее продолжительно и плодотворно он работал с певицей **Верой Иосифовной Духовской** (1903—1982), обладавшей уникальным лирико-колоратурным сопрано. Начиная с 1920-х гг., с ней Михаил Алексеевич много гастролировал по стране[3].

* Благодарю за помощь в написании статьи и предоставленные материалы Владимира Леонидовича Мельникова.

В 1912–1917 гг. Бихтер работал дирижёром и художественным руководителем Театра музыкальной драмы в нашем городе, где осуществил постановки опер «Евгений Онегин», «Садко», «Снегурочка», «Борис Годунов», «Каменный гость», «Нюрнбергские мейстерзингеры» и других. Основателем этого театра был **Иосиф Михайлович Лапицкий** (1876—1944), в прошлом артист и режиссёр Большого театра.

В воспоминаниях Л. С. Митусовой М. А. Бихтер, К. А. Марджанов и Н. К. Рерих упомянуты вместе – в связи с постановкой в 1914 г. трёхактной оперы А. А. Давидова по пьесе Мориса Метерлинка «Сестра Беатриса»[4]. Эта опера шла вместе с симфонической картиной М. О. Штейнберга «Принцесса Мален», которая была объявлена как музыкальное вступление к «Сестре Беатрисе» и опубликована с посвящением Н. К. Рериху. Первоначально декорации Н. К. Рериха, одобренные самим драматургом, предназначались для постановки в просуществовавшем всего один сезон московском «Свободном театре», основанном К. А. Марджановым. В итоге премьера спектакля состоялась 18 декабря 1914 г. в «Музыкальной драме», дирижёром был М. А. Бихтер. Из созданных Н. К. Рерихом эскизов декораций, согласно исследованиям Е. П. Яковлевой[5], был использован только один – *«В монастыре»*. Однако, по данным Л. В. Короткиной, художник также создал «эскизы кулис, изображавшие различные времена года (находятся в частных собраниях)»[6]. Таким образом, М. А. Бихтер был знаком уже достаточно рано, не позднее 1912 г., не только с творчеством Н. К. Рериха, но и с ним самим, что в будущем, конечно, не могло не сказаться на развитии дружеских отношений с близким родственником и сотрудником Рерихов, музыкантом и талантливым педагогом **Степаном Степановичем Митусовым** (12 (24) сентября 1878 — 27 января 1942), о котором речь пойдёт ниже.

М. А. Бихтер. Ленинград. 1920-е. © Российский институт истории искусств (Санкт-Петербург)

С 1934 г. Михаил Алексеевич являлся профессором Ленинградской консерватории по классу камерного пения. Раскрывая своим ученикам суть камерной музыки,

Бихтер выявлял собственный неповторимый стиль преподавания. Митусов и Бихтер вместе сформировали школу камерного пения в России. Как и Митусов, Бихтер был причастен к возникновению особого подхода в музыкальной педагогике, воспитывающей черты, ярко отличающие именно петербургских музыкантов. Особенности этого подхода заключались в развитии художественного вкуса, индивидуальных качеств и вокальных особенностей певца в рамках репертуара, совершенствования способности работать в ансамбле с пианистом, в детальном разборе авторского замысла и музыкального содержания произведения.

В 1924–1933 гг. Михаил Алексеевич преподавал в Государственном институте музыкального просвещения (ГИМП), в дальнейшем переименованном в Техникум музыкального просвещения (ТеМП), где с 1 сентября 1922 г. работал и С. С. Митусов, имея предмет преподавания «вокальный репертуар»[7]. В неопубликованной «Летописи культурной работы по музыке С. С. Митусова» В. Л. Мельникова (1994)[8], в разделах, посвящённых ГИМПу и ТеМПу, собраны документы о совместной работе в одном учреждении двух деятелей музыкальной культуры.

В отчёте директора ГИМПа **Николая Давидовича Бернштейна** (1876—1938), подготовленном по итогам первого учебного года, о работе митусовского класса говорится следующее: «Некоторые учащиеся в незначительное время достигают таких результатов, что, порою, превосходят своих педагогов. Это особенно ярко сказывается в достижениях камерного класса, куда учащиеся направляются не только для изучения камерного стиля, но и для развития своего художественного вкуса»[9].

К сожалению, ГИМП, являвшийся структурным подразделением Психоневрологической академии, которую возглавлял академик В. М. Бехтерев, просуществовал недолго. Уникальное высшее музыкальное учебное заведение претерпело ряд кардинальных изменений, не способствовавших сохранению высокого уровня музыкальной подготовки. Этапы его деградации зафиксированы в целом ряде документов, опубликованных лишь частично. При всеобщей советской реформе высших и средних музыкальный учреждений Институт (ГИМП) был преобразован из высшего в среднее музыкальное образовательное учреждение, был переименован в Техникум (ТеМП), затем происходили и последующие преобразования.

«*29 июня 1926. Из протокола заседания Комиссии по слиянию III музыкального техникума с ТеМПом: "Постановили: I. На основании проработанного Комиссией Положения о штатах объединённого техникума оставить в числе преподавателей… по вокально-камерному классу 1) Бихтера, 2) Митусова (условно)"*»[10].

21 сентября 1926 г. новым руководством ТеМПа было решено установить «преподавателям теоретического стержня» М. А. Бихтеру и С. С. Митусову 13-й разряд. В списках сотрудников их имена следуют друг за другом[11].

Л. С. Митусова в своих воспоминаниях несколько раз упоминает М. А. Бихтера. Например, она пишет:

«Михаил Алексеевич Бихтер – известный пианист, дирижёр и преподаватель. Последнее время он больше занимался с певцами. Отец был, как его называли, "пионером камерного пения". Вот и Михаил Алексеевич занимался с певцами тоже как концертмейстер и воспитывал в певцах понимание исполнения классики, русских дилетантов

и народного пения, не убивая в каждом ученике его индивидуальности. Он не был аккомпаниатором для своих учеников. При его исключительно прекрасной игре это был ансамбль, ведь только так и можно было рассматривать исполнение вокальных произведений»[12].

В своей «Летописи» В. Л. Мельников приводит воспоминания одной из учениц С. С. Митусова в ТеМПе Александры Дмитриевны Гудковой, отправленные в одном из писем Л. С. Митусовой. Эти воспоминания Александра Дмитриевна озаглавила «Мой Учитель». Вот их фрагмент, где имена Бихтера и Митусова стоят рядом:

«Как-то я впервые попала на концерт певицы Веры Духовской и М. А. Бихтера, в Малом зале Филармонии. В программе были произведения Н. А. Римского-Корсакова, в частности, "Вера Шелога". Я была буквально потрясена её исполнением.

На следующем уроке я удручённо сказала: "Вот это исполнение! Мне никогда так не спеть, и мечтать нечего!". Степан Степанович справедливо меня "отчитал", говоря: "Нужно не подражать, а работать, быть самой собой, есть «Верочка» будет и «Шурочка», работать нужно!".

Я думала, что наши занятия будут долго продолжаться, и я ещё долго буду впитывать в себя красоту музыки, но…

Вскоре Степан Степанович уехал в г. Хибины[13], где возглавил класс камерного пения, в открывшейся там музыкальной школе»[14].

Нужно отметить крайнюю бедность опубликованных материалов о таком выдающемся музыкальном деятеле, каким был Михаил Алексеевич Бихтер. Известно, что М. Ф. Гнесин посвятил ему свой «Симфонический Монумент "1905–1917"» (ор. 40, 1925–1926)[15]. Кроме небольших статей в третьем томе третьего издания «Большой советской энциклопедии» (1970) и в первом томе «Музыкальной энциклопедии» (1973), подчеркнувших общенациональное значение наследия Бихтера-музыканта, нужно отметить первую отечественную публикацию о нём, а именно статью его друга, российского оперного певца-баритона, музыковеда и переводчика с французского и немецкого языков **Сергея Юрьевича (Израиля Юлиановича) Левика** (1883—1967) «Памяти М. А. Бихтера» (1948)[16]. Именно он выступал в оперных партиях под управлением Михаила Алексеевича, о чём можно прочесть и в его книге «Записки оперного певца» (1-е изд. – М., 1955; 2-е изд. – М., 1962). Он же подготовил и первую публикацию текстов самого М. А. Бихтера, снабдив её обстоятельным предисловием, примечаниями и уникальными иллюстрациями (1959)[17].

Остаются неизданными труды М. А. Бихтера «Основы музыкального выражения» и «Вокальный словарь», а его замечательный дневник под названием «Телега жизни» издан лишь частично. Из других публикаций, посвящённых жизни и творчеству М. А. Бихтера, отметим главы о нём в книгах А. И. Рубашкина (1975)[18] и В. П. Россихиной (1976)[19], упоминания в воспоминаниях М. В. Юдиной (1966)[20] и Л. С. Митусовой (2004)[21], материалов Юлии Будниковой (2002)[22], Михаила Алейникова (2011)[23] и Андрея Лаврешникова (2013)[24].

О том, каким дирижёром был М. А. Бихтер, пишет С. Ю. Левик. По его словам, в этом качестве ему требовалось слишком много усилий, репетиций и сочувствия со стороны оркестров. Всё это он нашёл лишь в одном месте – в Театре музыкальной

драмы. Его заслуги в этой области были высоко оценены современниками, о чём свидетельствуют рецензии, приведённые на страницах книги С. Ю. Левика. Он же во вступительной статье к публикации «Листков из книги воспоминаний» М. А. Бихтера пишет: «…Его исполнительские идеи оказались безусловно плодотворными, несмотря на свою подчас спорность. Во всяком случае, реформа и новый дух оперного исполнения, которые принёс Театр музыкальной драмы, – в значительной мере результат тесного контакта основателя театра И. Лапицкого с таким неповторимым по смелости интуиции дирижёром, каким явился в своё время М. Бихтер»[25].

Ещё одна современница Бихтера **Вера Владимировна Алперс** (1892—1982) на протяжении многих лет вела дневник. Её записи до сих пор связывались в основном с именем композитора Сергея Прокофьева, близкого друга Веры Алперс на протяжении всей жизни. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге хранится тетрадка этого дневника, где есть запись, сделанная после панихиды М. А. Бихтера, с датой: *11/V–47 г. Воскресенье*.

«На панихиде <…> много говорили и все плакали, даже мужчины. Умер человек, который горел, для которого искусство было огромным, самым важным жизненным делом, святым долгом, человек не способный ни на какие компромиссы. Об этом говорили все, одни лучше, другие хуже, и чувствовалось, что все сердца стремились к этому гробу как к живому символу, он ещё продолжает жить среди всех нас. И ещё было тяжело, потому что много несбыточных надежд унёс он с собой в могилу. Он был дирижёр и прирождённый артист, и никто с этим не хотел считаться. Дирижируют всякие бездарности вроде Клапа, Альтермана, даже Гаука, а Бихтер не мог выступать как дирижёр и даже на Радио его перестали приглашать как аккомпаниатора. Судьба людей "чистой воды" художников. Я последняя поцеловала ему руку»[26].

Мария Вениаминовна Юдина (1899—1970) – выдающаяся отечественная пианистка, одна из немногих, кто открыто признавала и отмечала необыкновенный талант М. А. Бихтера как музыканта и неповторимые особенности его метода работы с вокалистами. Об этом можно найти упоминания и в её воспоминаниях, в которых с мягким укором в его адрес она отмечает недостаточное, по её мнению, внимание Бихтера к западной музыке. Описывая творческую жизнь в дореволюционном, послереволюционном и предвоенном Петрограде-Ленинграде, Юдина тонко и метко анализирует актуальные тенденции в музыке, отмечая предпочтения в репертуарном материале музыкантов, включая Бихтера. И как бы мимоходом делает замечание о том, что *«Бихтер замечательный музыкант – на границе гениальности»*[27].

С Юдиной Бихтера связывали самые тёплые отношения до последних его дней. Они вместе в военное время и в жутких жизненных условиях участвовали с самоотверженными концертами в блокадном Ленинграде. В начале войны, пока ещё были силы, в бомбоубежищах во время бомбёжек выступал и Степан Степанович Митусов, о чём упоминает в своих воспоминаниях Л. С. Митусова[28]. К этому же трагичному времени относится и следующий рассказ Людмилы Степановны, связавший воедино судьбы Бихтера и Митусова. Приведём его здесь целиком.

«В 1942 году мы с сестрой были мобилизованы в Местную противовоздушную оборону (МПВО). Жили в казармах. А в 1943 году нас, небольшую группу, перевезли (в

Л. С. Митусова продолжала музицировать на рояле отца до конца своих дней
Санкт-Петербург. 25 сентября 1999. На стене – фотопортрет С. С. Митусова 1916–1917 гг.
и копия произведения Н. К. Рериха «Комната короля Гильмара» – эскиза декорации к драме
Мориса Метерлинка «Принцесса Мален» (1913) для постановки в Театре музыкальной драмы
под управлением М. А. Бихтера. © СПбГМИСР

буквальном смысле этого слова) на завод "Большевик". Сдали наши паспорта в отдел кадров. Завод военный. Выпускал "Катюши". Сестра попала в конструкторское бюро, я в 40-й цех – работать токарем. Вошла и подумала: "Вот он, Ад". Станки, станки, станки. Подъёмные краны и многое для меня неизвестное. Полумрак. Лампочки только у станков.

Прикрепили меня к токарю 7-го разряда. Рядом мой станок. То ночная, то дневная смена. Езда до дому далёкая, часто пешком после обстрелов приходилось ходить. Трудно, голодно, холодно.

И я заболела. Температура высокая. Освободили от работы – дали бюллетень. Как я была рада! Можно лежать и думать. Думать, молиться о близких-дорогих, ушедших так недавно. А как хочется плакать! Увы, иссякли слёзы. Мы с сестрой разучились плакать, исчезли улыбки, смех. Слёз не было!..

И как же хорошо поболеть. Выходить на улицу я не могла. Хлеб приносила Таня, возвращаясь с работы. И вот однажды под утро (Таня уже ушла) вижу сон. А может быть, не сон, может быть, просто… сказка.

Вошёл папа[29]. Приблизился тихо, плавно к моей кровати, взял меня за руку и сказал (или подумал): "Иди на концерт!" – и пожал мою руку. Я почувствовала это пожатие. Повторил: "Иди на концерт!" – и опять пожал руку. И тихо, непонятно как, отдалился, ушёл.

Смотрю я на комнату, на дверь, на окна. Всё обыкновенно, всё просто. Сон ли это был? Как наяву…

Наступил вечер. Вернулась сестра. Подробно, пока ясно помню, пока всё ещё полна радости какой-то, сон свой рассказала ей. С интересом и участием прослушала она и сказала с иронией: "Да, самое время сейчас на концерт ходить". А на другой день я уже сама вышла за хлебом. Наша ближайшая булочная оказалась закрытой. Пошла в другую. Выбрала путь несообразный. Иду мимо забора, а на нём афиша от руки написанная, что в воскресенье, такого-то числа, концерт Михаила Алексеевича Бихтера и певицы Сегаль. Опять по возвращении сестры рассказала ей. "Идти, идти обязательно надо", – заволновалась она.

В воскресенье волновались целый день. Голод, холод и вдруг концерт в Большом зале Филармонии. Пришли за час до начала. В тряпье, в валенках. И к удивлению нашему пальто снимать надо. Свободно купили билеты. Ещё не пускают. Стоим внизу такой знакомой лестницы, ведущей в зал. И с этой лестницы спускается Михаил Алексеевич, седой с длинными волосами. Спустился к нам и обнял обеих вместе.

Спрашивает: "Степан Степанович?". – "Нету". – "Мама?". – "Нету. Нету и Златы, и Славы, и Наташи…".

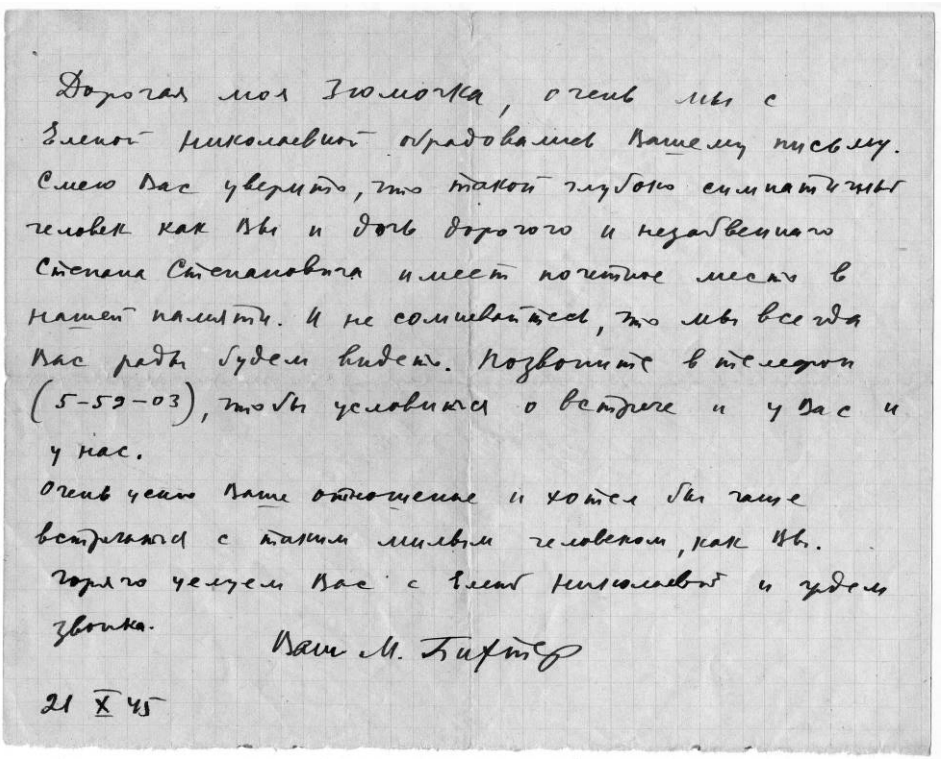
"Сейчас я вам контрамарки дам, а после концерта обязательно ко мне за кулисы". От контрамарок отказались. И вот мы в зале. Народу мало. Места сами выбрали. Всё такое знакомое. Вышла певица. Вышел Михаил Алексеевич, концерт начался. Первые звуки рояля… И вдруг слёзы! Откуда они взялись. Ведь мы с сестрой не плакали даже при самых тяжёлых обстоятельствах. Давно разучились. Смотрю на Таню. Она тоже вся в слезах…

А после концерта пошли к Михаилу Алексеевичу. Не сразу нас и пропустили, одетых во что попало и в валенках. Когда поблагодарили и прощались, Михаил Алексеевич сказал мне: "Я всегда встречался со Степаном Степановичем, теперь буду встречаться с Вами. Позвоните – и назначим встречу". И он стал раз в неделю принимать меня»[30].

На этот же рассказ о встрече в блокадном Ленинграде и дальнейшем общении Михаила Алексеевича и Людмилы Степановны ссылается и внук музыканта, художник **Александр Алексеевич Бихтер** (род. 1951) – в своём послесловии к переизданию «Французских народных песенок» на французском и русском языках (2010) и в недавнем выступлении на культурологическом семинаре в Музее-институте семьи Рерихов (2013). В благодарность за уроки Людмила Степановна подарила Михаилу Алексеевичу тот самый сборник «Chansons de France pour les petits Francais» (1883) из библиотеки покойного отца. На память об этом на форзаце книги М. А. Бихтер записал: *«От Зюмы Митусовой VI-45»*[31].

Ещё одно свидетельство этого общения хранится в рукописно-документальном фонде Музея-института семьи Рерихов. Это автограф самого М. А. Бихтера. Его письмо адресовано Л. С. Митусовой, оно датируется 21 октября 1945 г.:

«Дорогая моя Зюмочка, очень мы с Еленой Николаевной[32] обрадовались Вашему письму. Смею Вас уверить, что такой глубоко симпатичный человек, как Вы, и дочь дорогого и незабвенного Степана Степановича имеет почётное место в нашей памяти. И не сомневайтесь, что мы всегда Вас рады будем видеть. Позвоните в телефон (5-59-03), чтобы условиться о встрече и у Вас, и у нас.



Дорогая моя Зюмочка, очень мы с Еленой Николаевной обрадовались Вашему письму. Смею Вас уверить, что такой глубоко симпатичный человек как Вы и дочь дорогого и незабвенного Степана Степановича имеет почётное место в нашей памяти. И не сомневайтесь, что мы всегда Вас рады будем видеть. Позвоните в телефон (5-59-03), чтобы условиться о встрече и у Вас и у нас.
Очень ценю Ваше отношение и хотел бы чаще встречаться с таким милым человеком, как Вы.
Горячо целуем Вас с Еленой Николаевной и ждем звонка.
Ваш М. Бихтер
21 X 45

М. А. Бихтер. Письмо Л. С. Митусовой. Ленинград. 21 октября 1945 г. © РДФ СПбГМИСР. КП-2046

Очень ценю Ваше отношение и хотел бы чаще встречаться с таким милым человеком, как Вы. Горячо целуем Вас с Еленой Николаевной и ждём звонка.

Ваш М. Бихтер.

21 X 45»[33].

Как свидетельствует конверт, письмо написано в Ленинграде и в Ленинград же отправлено. На нём рукой Михаила Алексеевича указаны следующие адреса:

«Ленинград 24
Ул. Моисеенко 6, кв. 7.
Зюме Степановне
Митусовой
от М. Бихтер. Усачёв пер. д. 5, кв. 11»[34].

Как установил В. Л. Мельников, архивные документы Кабинета рукописей Российского института истории искусств подтверждают не только тот факт, что Людмила Митусова занималась в камерном классе М. А. Бихтера. Оказывается, она была его последней ученицей.

В объёмной папке с собственноручной надписью М. А. Бихтера «Записи по консерватории» самый последний документ – автограф Л. С. Митусовой с репертуарным списком романсов таких русских композиторов, как А. С. Даргомыжский, М. И. Глинка, П. И. Чайковский, М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков. У верхнего края первого листа документа Михаил Алексеевич записал имя певицы, с которой он над этим репертуаром работал: *«Зюмочка»*. Именно так Л. С. Митусову звали дома и самые близкие друзья. «Звёздочкой» помечены романсы, которые, видимо, уже начали разучивать. На другом листе записан перевод стихотворения, начинающегося так:

В лунном сияньи
Как лес нам бел
Свои мечтанья
Он нам запел
Волшебной силой,
О, друг мой милый!

Между строк проставлены знаки, обозначающие фразировку в музыкальном произведении. Внизу ремарка: *«Стих[отворение] Верлена. Музыка Шоссона (Ш-2, 26). Переведено 11 II 38. Посвящается Люсе»*.

Но не только этими удивительными – творческими и героическими – гранями соприкоснулись семьи М. А. Бихтера и С. С. Митусова. Воззрениям М. А. Бихтера оказались близки некоторые положения рериховского Учения Живой Этики. Обратимся вновь к книге воспоминаний Л. С. Митусовой:

«Михаил Алексеевич был замечательный и очень скромный человек. Большой друг моего отца. Они в 1930-х годах встречались раз, два в месяц. Беседовали на "духовные" темы, связывая их со своей работой, о книгах Елены Ивановны и Николая Константиновича[35]. Если они встречались не дома, а в каком-либо из садов Ленинграда, мне разрешалось присоединиться к ним через час-полтора после их встречи.

С. С. Митусов за роялем. Декабрь 1929. © СПбГМИСР

Разговоры уже были о музыке, литературе, выступлениях учеников. Я обо всём этом рассказывала Юрию Николаевичу [Рериху]»[36].

По свидетельству Людмилы Степановны, об Учении Живой Этики её отец узнал из книг, получаемых с начала 1920-х гг. от самих Рерихов. Его собеседования с Бихтером проходили в 1920–1930-е гг. – в тот период, когда, как принято считать, в Советской России Учение Живой Этики было мало кому известно. Время глубокого изучения и широкого интереса к Учению действительно настало гораздо позже. Поэтому не будет преувеличением считать кружок Митусова и Бихтера прообразом первого Рериховского общества в России. К этому же кружку в 1927 г. примкнули и направленные к Митусову самими Рерихами московские художники, члены объединения «Амаравелла» Б. А. Смирнов-Русецкий, А. П. Сардан и В. Т. Черноволенко[37].

В 1990-е гг. В. Л. Мельников, руководствуясь воспоминаниями Л. С. Митусовой, предпринял попытку выявить в творческом наследии М. А. Бихтера всё созвучное Учению Живой Этики, обратив внимание, прежде всего, на его мысли о едином ритме творчества[38]. Он же подтвердил регулярность встреч С. С. Митусова и М. А. Бихтера на основе изучения записных книжек Михаила Алексеевича[39].

В 2010 г. Е. Я. Дылевой через сеть Интернет были распространены ранее неизвестные широкому читателю фрагменты рукописи музыканта, известной под названием «Телега жизни»[40]. Как-то, указывая на очередную тетрадь своего дневника, Михаил Алексеевич сказал Л. С. Митусовой: «Зюмочка, и Вы здесь будете»[41]. Не удивительно, что интерес к творческому наследию М. А. Бихтера только растёт, ведь он ярко отразил творческие облики современников и их самые высокие идеи.

В «Телеге жизни» Мастер делится с будущими читателями интереснейшими соображениями о культуре, конечно, о музыке, о теме ученичества и Учителя, о понятии доброты – всем тем, что удивительным образом созвучно духу Учения и взглядам Рерихов. Имея такие свидетельства, как воспоминания Л. С. Митусовой, невозможно не прийти к выводу, что взгляды М. А. Бихтера на науку, культуру, искусство, политику, труд и человеческие отношения, его жизненная закалка, идеи и устремления в служении людям и искусству формировались в соприкосновении с идеями Учения Живой Этики, о котором музыкант мог узнать только от своего друга и собеседника С. С. Митусова. Вот фрагменты некоторых записей Михаила Алексеевича в расшифровке Е. Я. Дылевой.

«29/VI 1941. Искусство – метод познания бытия. Но отнюдь не развлечение, не отдых, не наслаждение. И может быть таковым, как каждый метод, если от него ждут объединения душевной деятельности, определённого порядка в идеях и миропонимании…

Наука говорит о том, что есть, а искусство о том, что может быть. Истины науки добываются поисками в природе; истины искусства – поисками в себе. Ни наука, ни искусство по природе не допускают лжи.

Истина вносит порядок, организацию во всё существо человека, и потому человек ценит истину. Ценит настолько, что в отдельных случаях жертвует во имя неё жизнью. Так что вопрос о том, нравится ли истина или доставляет ли она наслаждение, не может даже возникать, ибо истина – это суть существования человека».

«2/VII 1941. Я различаю два вида доброты. 1. Доброта, в основе которой моральное чувство. 2. Доброта, в основе которой сентиментальное чувство. Первое – жертвенно, т. е. человек отдаёт то, что самому нужно. Второе – любезно, т. е. от-

М. А. Бихтер даёт урок вокала. 1930-е. © Собрание А. А. Бихтера (Санкт-Петербург)

даёт то, что у него имеется в достаточном количестве. Первое может вести себя как второе, но второе вести себя как первое не может никогда».

«5/VII 1941. Культура – великое благо, ибо даёт возможность человеку проявить всё, что заложено в него природой».

«10/VIII 1941. Несмотря ни на что, по-прежнему много работаю, и работа приносит мне радости и огорчения. Самый лучший вид пропаганды какого-либо дела есть улучшение самого дела. Право на жизнь черпаю теперь только в той пользе, какую хочу принести людям».

«22/VIII 1941. Я спрашиваю себя: нужна ли музыка? И отвечаю: да, необходима. Как воспитательная стихия. Ибо люди, как вполне доказывают политические концепции и война, ещё очень грубы. Как история эмоциональной жизни, выращенной чувством слуха. Как язык общения состояниями, продолжающими речь, т. е. общение понятиями. Музыка – область непосредственной необходимости для жизни».

«25/VIII 1941. Кто хочет понять законы музыкальной выразительности звуковых концепций как отражение душевной жизни человека, должен изучить нотный язык композиторов со стороны взаимосвязи нотных знаков и содержания, выражаемого этими знаками. В них отражается духовный путь народов, и этот голос не должен замолкать, особенно во время народных бедствий. Музыка своим чувством, доступным всем людям, должна объединять народы…

В моменты бедствий музыка с её глубиной и человечностью становится особенно необходимой. Там, где есть люди, где есть борьба, где есть страдания, она должна оставаться».

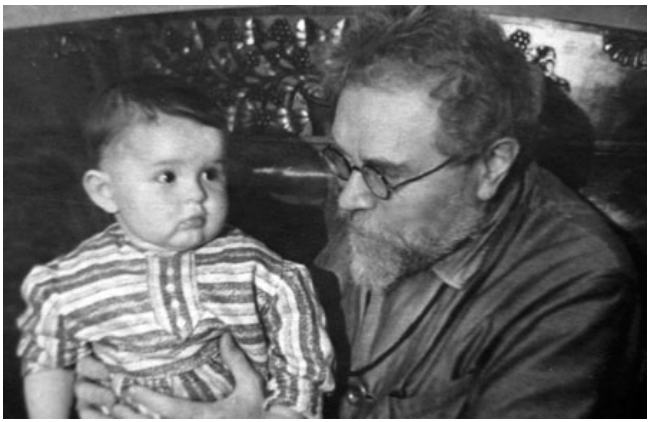
«30/IX 1941. Самое драгоценное для человека – проявление своих возможностей. Тогда он сознаёт своё место в обществе. Тогда ему не нужен никакой суррогат сознания ни в виде власти, ни в виде ложного почёта. Он знает, что на своём месте, он неповторим. Одержимые природой только внешней (административной, политической, экономической и т. д.) власти стремятся к созданию замены самих себя устойчивым, выражающим их позиции суррогатом. Это – следствие не найденного пути…

Только учитель, который сам может выразить себя до конца, может учить других. Только такая власть законна и ведёт к добру».

«2/X 1941. Всякий, кто кулаком и насилием убеждает в своей истине, не может рассчитывать на торжество этой истины, ни даже на то, что она есть в полной мере истина. Так как истина и его носитель составляют единство, грубый носитель не может в то же время быть творцом добра и любви, в чём нуждаются люди и для чего ищут истины».

«19/X 1941. Настоящее время есть время как бы Страшного суда. Сейчас нельзя не говорить правду, ибо правдой соединяются люди... Или будем разведены по сторонам для одинокой гибели и иных случайностей жизни...

В дни, подобные этим, когда бедствия грозят национальной культуре, нам, музыкантам, надо особенно помнить, что мы ответственны за созданное народом творчество и охрану культурных завоеваний».



М. А. Бихтер и его первый сын Вовочка, умерший во время блокады
© Собрание А. А. Бихтера (Санкт-Петербург)

«23/X 1941. По существу, человек терпит жизнь, как иго. Религиозное иго. Государственное иго. Бытовое иго. В моменты, когда эти миллионоглазые и миллионорукие чудовища оставляют его – он начинает жить согласно поднимающимся со дна его существа подлинным устремлениям. И эти немногие ограниченные количественные и качественные часы (ибо чудовища скоро возвращаются) он называет своим счастьем. И это действительно есть его счастье. Отсюда цель организации общества: уничтожение этих чудовищ. А уничтожить их можно только знанием и воспитанием. Просвещать и воспитывать в доброте – значит вести человека к счастью».

«23/X 1941. Нельзя сомневаться в том, что есть Создатель вселенной, т. е. Причина создания вселенной, т. е. носитель и воплотитель этой строительной идеи. Каков пафос действий Создателя? Несомненно – добро, т. е. сохранение и улучшение созданного. Отсюда ключ к пониманию связи человека с Создателем вселенной. Эта связь не имеет другого содержания, чем Добро, определённое выше. В виде заповеди это можно бы выразить так: человек, делай добро и способствуй сохранению всякой жизни, ибо это и значит жить, как Бог велел».

«31/X 1941. Знание и умение во всех областях освобождают людей от зависимости. А зависимость есть внутренний тормоз братскому объединению людей.

Те государства, которые разъединяют граждан, действуют во вред целям и задачам общечеловеческой культуры. Те же государства, которые всем насаждают знание и умение во всех областях с целью способствовать объединению людей и не парализуют благотворительность организованным введением зависимости граждан, способствуют осуществлению цели бытия человечества, условиям, при которых человечество в целом и каждый человек в отдельности получит возможность выразить себя до конца».

«30/XI 1941. Бог делает, но не говорит. Человек и говорит, и делает. Вещь не говорит, не делает. Бог – начало всего; человек – развитие всего; вещь – смерть всего».

«15/XII 1941. Цель существования человечества – создание на земле сада. Другой цели я не вижу».

«19/XII 1941. Есть много свидетельств о том, что музыка определённого ритма помогает работе. Попытка понять это явление приводит к определённым выводам. Равномерное распределение напряжения и отдыха, имеющее место при таком ритме, даёт возможность дальше работать, не перенапрягая энергии. Это физическая причина. Во-вторых, то ещё важно, что работающий ожидает наступления мгновенного отдыха, т. е. перерыва в возбуждении напряжения – это психологическая причина. Вот, мне кажется, основание для применения мерной музыки при работе».

«23/I 1942. Я знаю, что моя дорога – работа, любимая работа, в основе которой неотразимое желание отдать накопленный за всю жизнь опыт, окрашенный и воспитанный любовью и устремлением, и благодарностью (работа, которую я, если мне осталось ещё несколько жизни, осуществил бы всеми доступными мне средствами и путями). И всё, что помогает осуществлению этой работы, которая, верю в это глубоко, убеждён в этом всем существом, несёт, как все искусства, в своём микрокосмосе людям зёрна добра и материал для увлечения их нравственных и умственных возможностей».

«22/II 1942. Ценности затормозившей сейчас в своём развитии культуры так велики, что надо прилагать все усилия к сохранению её прошлого и развитию без искажения её характера, без насильственного привлечения чуждых черт. Хочу основать "Общество ревнителей русской культуры" (ОРРК). Прошу не смешивать эту идею с мракобесием национализма… Будет забота о сохранении, развитии, изучении законов и путей, по которым шла эта культура, и отмечаются черты, рождающие её величие».

«2/III 1942. Молитва – формула. Она большинству людей заменяет религиозное чувство. Но истинное чувство чуждо формул и всего формального. Даже пользуясь молитвой, религиозные люди умеют просительный, благодарственный и жалобный смысл слов превратить в музыку общения с творческим духом Вселенной».

И последнее. Людмила Степановна Митусова передавала рассказ своего отца о том, что в 1910 г. в больнице к гениальному М. А. Врубелю «приходил известный в то время пианист Михаил Алексеевич Бихтер и играл ему на рояле "Садко" Римского-Корсакова»[42]. Эти его визиты, во время которых он порой аккомпанировал супруге художника певице Н. И. Забеле-Врубель, были незадолго до его ухода из жизни.

Благодаря воспоминаниям сестры Н. И. Забелы-Врубель Екатерины Ивановны Гемы знаем, что про игру М. А. Бихтера Михаил Александрович сказал, что это **«совершеннейшая акварель»**. Горячо поблагодарив пианиста, добавил: «Когда вернётся моё зрение, я напишу Ваш портрет»[43]. Так уж случилось, что художнику не довелось этого сделать. Но настало время «написать портрет» М. А. Бихтера нам – современным исследователям, ищущим Знания и Красоты в не таком уж далёком от нашего поколения прошлом. Необходимо издать все труды музыканта, собрав рукописи и письма, а также воспоминания об этом удивительном человеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Бихтер М. А.* Листки из воспоминаний // Вступительная статья С. Ю. Левика. – Советская музыка. – М., 1959. – № 9. – С. 121–134. – № 12. – С. 111–117.
[2] *Левик С. Ю.* Записки оперного певца. – М.: Искусство, 1962. – С. 4.
[3] См.: *Х-н В.* Концерт В. Духовской и М. Бихтера // Молот. – Ростов-на-Дону, 1929. – 5 апреля; *Мелких Д. М.* Рецензия на концерт В. И. Духовской и М. А. Бихтера (1929). – Автограф в собрании Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки // Путеводитель по фондам архивно-рукописных материалов Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки. – Вып. 3. – М., 2013. – С. 19; *Мильштейн Я. И.* Бихтер Михаил Алексеевич // Музыкальная энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. Ю. В. Келдыш. – Т I. – М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1973. – С. 486; Духовская Вера Иосифовна // *Там же.* – Т. II. – М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1974. –С. 343–344.
[4] *Митусова Л. С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания / Отв. ред. акад. Б. С. Соколов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2013. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. I). – С. 87.
[5] *Яковлева Е. П.* Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха. – Самара: Агни, 1996. – С. 264.
[6] *Короткина Л. В.* Рерих в Петербурге-Петрограде. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 73.
[7] ЦГАЛИ СПб. Ф. 42. Оп. 2. Д. 43. Л. 81а.
[8] *Мельников В. Л.* Летопись культурной работы по музыке С. С. Митусова (1994) // Автограф. Машинопись. Архив Л. С. Митусовой в СПбГМИСР. Все выписки из архивных источников в данной статье приводятся по этой рукописи.
[9] ЦГАЛИ СПб. Ф. 42. Оп. 1. Д. 50. Л. 152.
[10] ЦГАЛИ СПб. Ф. 44. Оп. 2. Д. 16. Л. 1, 1 об.
[11] ЦГАЛИ СПб. Ф. 44. Оп. 2. Д. 18. Л. 11, 11 об.
[12] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 101.
[13] Имеется в виду город Хибиногорск (ныне Кировск) на Кольском полуострове, где С. С. Митусов в 1932 г. основал Рабочую консерваторию.
[14] Архив Л. С. Митусовой в СПбГМИСР. Цит. по: *Мельников В. Л.* Указ. соч.
[15] См.: *Карачевская М. А.* М. Ф. Гнесин. Особенности стиля на примере вокального творчества: Дисс. ... канд. искусств. – М., 2011.
[16] *Левик С. Ю.* Памяти М. А. Бихтера // Советская музыка. – М., 1948. – № 3. – С. 63–65.
[17] *Бихтер М. А.* Листки из воспоминаний // Вступительная статья С. Ю. Левика. – Советская музыка. – М., 1959. – № 9. – С. 121–134. – № 12. – С. 111–117.
[18] *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда. Ленинградское радио в годы блокады. – 1-е изд. – Л.: Искусство, 1975. – 183 с.; 8 л. ил. – 2-е изд.; доп. – Л.: Искусство, 1980. – 215 с.; 10 л. ил.
[19] *Россихина В. П.* Советское камерно-вокальное исполнительство: Творческие портреты. – [О З. Лодий, М. Бихтере, В. Духовской, А. Доливо]. – М.: Советский композитор, 1976. – С. 40–70.
[20] *Юдина, Мария.* Об истории возникновения русского текста (перевода) «Жизни Марии» Райнера Марии Рильке (1966) / Публикация и примечания А. М. Кузнецова // Музыкальная жизнь. – М., 1996. – № 7–8. – С. 22–26 (с сокращениями). Другие издания: Мария Юдина. Лучи божественной любви: Литературное наследие / Составление, подготовка текста и примечания А. М. Кузнецова. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 166–176; *Юдина М. В.* Вы спасётесь через музыку: Литературное наследие / Составление, текстологическая редакция, примечания А. М. Кузнецова. – М.: Классика-XXI, 2005. – С. 170–179.
[21] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 18, 52, 87, 100, 101, 112, 342.
[22] *Будникова Ю. Ю.* С. С. Митусов – «человек эпохи» // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-

историческом пространстве Санкт-Петербурга. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – С. 268–276.
[23] Из личного дела М. А. Бихтера (И. О. Дунаевский и Ленинградская консерватория) / Материалы подготовлены М. И. Алейниковым // Opera musicologica: Научный журнал Санкт-Петербургской государственной консерватории. – СПб., 2011. – № 1 (7).
[24] *Лаврешников А.* Камерная певица Вера Иосифовна Духовская // Муза. – М., 2013. – № 23.
[25] Советская музыка. – М., 1959. – № 9. – С. 122.
[26] *Алперс В. В.* Дневники (Ленинград, Цесис. 1947–1961). Тетрадь 7 // ОР РНБ. Ф. 1201. Д. 83. Л. 21, 21 об.
[27] *Юдина, Мария.* Указ. соч.
[28] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 100.
[29] К тому моменту С. С. Митусова уже не было в живых. Он скончался от голода 27 января 1942 г. – *Примеч. А. К. Мазаевой-Каненги.*
[30] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 111–113.
[31] *Бихтер А.* …И уроки французского // Французские народные песенки = Chansons de France pour les petits Francais / Музыкальная обработка для детей Ж. Б. Векерлен; художник Л.-М. Монвель. – Перепечатано с издания: Chansons de France pour les petits Francais. – Paris, 1883. – СПб.: Гриф; Детгиз, 2010. – С. 63.
[32] Супруга М. А. Бихтера.
[33] Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2046. 1 л.
[34] Автограф. РДФ СПбГМИСР. КП-2045. 1 л.
[35] Имеются в виду Е. И. и Н. К. Рерихи.
[36] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 101.
[37] Об этом 11 февраля 2011 г. говорил В. Л. Мельников на Международной научной конференции «Живая Этика и Культура. Идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни» в СПбГУКИ (доклад «Традиция Агни-Йоги в России»).
[38] *Мельников В. Л.* Из опыта преподавания спецкурсов «Синтез искусств в культуре Серебряного века» и «Н. К. Рерих и мировая культура» // Синтез Познавательного и Прекрасного в образовании: Материалы научно-практической педагогической конференции. – СПб.: Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2001. – С. 46.
[39] *Мельников В. Л.* Летопись культурной работы по музыке С. С. Митусова (1994). – Раздел, посвящённый сотрудничеству С. С. Митусова и М. А. Бихтера // Автограф. Машинопись. Архив Л. С. Митусовой в СПбГМИСР.
[40] См.: «Телега жизни» Михаила Бихтера: ещё один блокадный дневник / Публикация Евгении Дылевой. – Сообщение 24 мая 2010 г. – Режим доступа: http://zaks.ru/new/archive/view/69337; «Телега жизни» Михаила Бихтера (продолжение): время Страшного суда / Публикация Евгении Дылевой. – Сообщение 7 июня 2010 г. – Режим доступа: http://www.zaks.ru/new/archive/view/69847*; Дылева Е.* Я виноват перед своим роялем // *Дылева Е.* 22 июня. Войны грубы, музыка вечна. – Интернет-портал «ok-inform.ru: Общественный контроль». – Позиция: человек. – Дата публикации 22 июня 2014 г. – Режим доступа: http://ok-inform.ru/obshchestvo/pozitsiya-chelovek/15284-22-iyunya-vojny-gruby-muzyka-vechna.html.
[41] По сообщению В. Л. Мельникова.
[42] *Митусова Л. С.* Указ. соч. – С. 18.
[43] См.: *Ге Е. И.* Последние годы жизни Врубеля // Искусство и печатное дело. – 1910. – № 10. – С. 415–430.

Е. В. АСАЛХАНОВА
(Иркутский государственный технический университет, Иркутск)

РОЛЬ Н. К. РЕРИХА И БУРЯТСКИХ ХУДОЖНИКОВ Г.-Ч. ЦЭБЭГИЙНА И О. Б. БУДАЕВА В СОЗДАНИИ ХРАМОВОЙ ДЕКОРАЦИИ ДАЦАНА ГУНЗЭЧОЙНЭЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Буддийский храм в Петербурге был возведён в 1909–1915 гг. по инициативе известного дипломата, выдающегося религиозного деятеля, учёного и просветителя **Агвана Лобсана Доржиева** (1854—1938) и при моральной и материальной поддержке **Далай-ламы XIII Тубдана-Чжамцо** (1876—1933), чьим советником он являлся[1].

Николай Константинович Рерих (1874—1947) входил в состав строительного Комитета по постройке Буддийского храма в Петербурге с 1909 г., то есть с первых дней его создания. Как известно, в начале 1909 г. А. Л. Доржиев пригласил в созданный им Комитет директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, академика В. В. Радлова, академика С. Ф. Ольденбурга, известных учёных, приват-доцентов Санкт-Петербургского университета санскритолога и буддолога Ф. И. Щербатского, монголоведов В. Л. Котвича и А. Д. Руднева, камер-юнкера Высочайшего двора князя Э. Э. Ухтомского, гражданского инженера Г. В. Барановского, художников Н. К. Рериха и В. П. Шнейдер. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (далее – *СПбФ АРАН*) хранится смета на постройку «здания буддийской молельни» в сумме 151.694 р. 77 коп., составленная Г. В. Барановским и рассмотренная на заседании Комитета по постройке буддийской молельни 16 ноября 1909 г. Под этим документом стоят подписи: «Председатель д. т. с. В. В. Радлов. Члены: Хамбо Агван Доржиев, Ф. Щербатский, В. Шнейдер, Н. Рерих, кн. Э. Ухтомский, А. Руднев, В. Котвич»[2].

В искусствоведческих материалах деятельность Н. К. Рериха в храме не упоминается. Предполагаемые эскизы Н. К. Рериха в СПбФ АРАН не атрибутированы, работа по их графологической экспертизе только начинается[3]. Сам он очень мало вспоминает об этом периоде своей жизни. Можно предположить, что эту деятельность позднее он не считал столь значительной, ведь элементы храмовой декорации, над которыми он предположительно работал, не содержали сложных фигуративных сюжетов.

Н. К. Рерих был включен в Комитет не случайно. Интерес к Востоку у него закладывался ещё в семье: «К сердцу Азии потянуло уже давно, можно сказать, от самых ранних лет. Имена Пржевальского и Потанина уже давно стали магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал. В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии или вообще изучали её. Профессора восточного факультета бывали у нас… Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным, от ранних лет и на всю жизнь»[4]. В другом листе дневника он писал о Монголии: «Вспоминаю, когда впервые слышал о ней. В детстве, в книгах о Чингисхане, в географии четвёртого класса гимназии и дома, когда собирались у нас Гол-

стунский, Позднеев и другие монголисты и восточники. Говорили и о Бадмаеве…»[5]. Во время учёбы в университете Н. К. Рерих стал членом Императорского Русского Археологического общества, где, кроме Славянского отделения, посещал и заседания Восточного отдела[6]. «Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии»[7]. В 1906 г. Н. К. Рерих стал директором Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств, в 1909 г. он был избран академиком петербургской Академии художеств. Решающее влияние на философское мировоззрение Н. К. Рериха имел Восток[8]. Николай Константинович с ранних лет следил за исследованиями отечественных востоковедов и со многими из них был хорошо знаком. Научная работа сблизила его с известным буддологом Ф. И. Щербатским. Н. К. Рерих ратовал за создание в Петербурге Индийского музея. В 1913 г. вёл переговоры с русским востоковедом В. В. Голубевым об организации совместной экспедиции в Индию. В продолжение многих лет Н. К. Рерих готовился к тому, чтобы посетить страны Востока с научно-исследовательскими целями[9].

В 1914–1915 гг. Н. К. Рерих руководил работами по созданию храмовой декорации интерьеров дацана. Его консультантами и помощниками были приглашённые из Бурятии А. Л. Доржиевым знатоки и практики буддийского искусства ламы-художники (зурачины) **Гэлэг-Чжамцо Цэбэгийн** и **Осор Будаев**, а также выполнявший столярные работы **Ринчин Занхатов**[10]. Существует также важное свидетельство внучатого племянника Агвана Доржиева профессора С. Д. Дылыкова, на которое ссылалась в своих статьях бурятская исследовательница С. Д. Цыбыктарова[11]. Именно он сообщал, что отделкой помещений и главного зала дацана руководил Н. К. Рерих, который при создании эскизов обращался за помощью к бурятским ламам. Позднее Н. К. Рерих вспоминал, что в монументальных стенописях для него «было всегда нечто особо увлекательное»[12]. В результате творческой интерпретации форм тибетского и бурятского искусства авторами был создан сложный, обобщённый архитектурно-художественный образ. Памятник содержал в себе широко развёрнутую программу монументально-декоративного решения интерьеров, которая включала иконы-тангки, витражи, мозаики, скульптуру, орнаментальную резьбу и роспись по дереву.

Храмовая декорация дацана в Петербурге связана с Калачакрой, одной из религиозно-философских систем буддийского тантризма, появившейся в Индии во второй половине X в. Символические монограммы Калачакры играют важную роль в декоре Буддийского храма в Петербурге, мы видим их на фасадах здания, а также на капителях колонн портика и главного зала. В них закодирована глубинная связь макро- и микрокосма, Вселенной и человека. Знатоком религиозно-философской системы Калачакра, символы которой играют столь значительную роль в декоре храма, был философ, писатель, научный переводчик, автор трудов по буддийской астрономии и математике, выдающийся буддийский художник Г.-Ч. Цэбэгийн, приглашённый в 1914 г. А. Л. Доржиевым для участия в завершающем этапе строительства храма.

Гэлэк-Чжамцо Цэбэгийн (1869—1940) в семилетнем возрасте поступил в школу чойра[13] Барун-Сартульского дацана, по истечении 14 лет учёбы получил звание

гэбши[14]. В течение двух лет пребывал в Гусиноозёрском дацане, а затем для продолжения образования отправился в Лхасу, где учился и служил в дацане Гоман монастыря Брайбун. В монастыре Брайбун учился и Агван Доржиев. Цэбэгийн приехал учиться в Тибет в 1892 г., а Доржиев завершил обучение в 1888 г. Однако их первое знакомство состоялось именно там, поскольку Доржиев после окончания учёбы был назначен наставником юного Далай-ламы XIII Тубдана-Чжамцо, и десять лет безвыездно находился при нём. В течение десяти лет жизни в Лхасе и Цэбэгийн изучал философию, математику, геометрию, астрологию, теорию архитектуры и зодчество и в результате в 34 года получил учёную степень доромбы[15]. Возвращаясь на родину, он на некоторое время остановился в Урге, посетил основные буддийские дацаны и принял участие в проходивших в то время религиозных диспутах, показав глубокую эрудицию[16]. В 1903 г. вернулся на родину и до 1923 г. служил гелонг-ламой[17] Сартульского дацана в Бурятии. Обобщив источники на санскрите, тибетском и монгольском языках, Г.-Ч. Цэбэгийн написал художественные сочинения, в числе которых рукописная иллюстрированная книга «Повесть о Молон-тойне» (1915), которую С. Д. Цыбыктарова относила «к шедеврам мировой графики»[18].

В 1914 г. по приглашению Агвана Доржиева он выехал в Петербург для работы по художественному оформлению Буддийского храма: требовались квалифицированные консультанты по тибетской архитектуре и буддийской художественной росписи. Известно, что в 1914–1915 гг. Г.-Ч. Цэбэгийн занимался росписью и устройством алтаря. Как свидетельствуют архивные документы, он «выбыл 26 июля 1915 г. вследствие расстройства здоровья»[19]. После возвращения на родину продолжал переводческую и исследовательскую работу по математике и астрономии.

Другим приглашённым Агваном Доржиевым мастером был выдающийся бурятский художник **Осор Будаевич (Дугарович) Будаев** (1886—1937). В его биографии, составленной в 1934 г. заведующим Отделом религий Востока ленинградского Музея истории религии и атеизма Г. О. Монзелером, отмечено, что в 1912 г. А. Л. Доржиев вызвал его в Петербург для выполнения работ по внутренней отделке, участия в росписи и устройстве алтаря храма[20].

Осор Будаев
© Частное собрание (Бурятия)

С одиннадцати лет Осор Будаев являлся послушником Агинского дацана. С. Д. Цыбыктарова пишет, что, по свидетельству профессора С. Д. Дылыкова, он имел учёное звание габжу-ламы[21]. В 1904 г. восемнадцатилетний Осор, услышав о пребывании в Урге Далай-ламы XIII Тубдана-Чжамцо, «ушёл пешком, без гроша денег в кармане, в Ургу, учиться искусству, в надежде встретить в свите Далай-ламы знаменитых тибетских иконописцев»[22]. При Далай-ламе постоянно находился Агван Доржиев, устроивший Осора Будаева «за стол и угол» в одну из лучших в Монголии мастерских к китайскому мастеру учиться, кроме живописи, ещё искусству гравюры и культовой пластики. Через несколько лет Осор Будаев вернулся в Бу-

рятию и вскоре стал признанным зурачином-иконописцем. Г. О. Монзелер пишет: «Кроме живописи, он в совершенстве овладевает искусством резьбы по дереву и религиозной скульптуры. Слава о нём разнеслась по всем ламским монастырям царской России, и когда в 1912 г. академику Ольденбургу в связи с задуманным им изданием сборника буддийской иконографии понадобился художник-иконописец, то патриарх буддийской церкви России Хамбо-лама Агван Доржиев рекомендовал ему Будаева. Тот приехал в Петербург, но издание из-за вспыхнувшей войны задержалось, и Будаев, обшив и разукрасив только что построенный в Ленинграде буддийский храм, вернулся на родину»[23]. 10 августа 1915 г. храм был освящён Цаннид-хамбо Агваном Доржиевым посредством совершения особого ритуала: «После завершения остававшейся работы по строительству храма я совершил краткую церемонию его освящения и учредил ритуалы покаяния, проводившиеся раз в две недели, регулярные религиозные службы, посвящённые архатам, особые летние обеты монахов и ритуалы, освобождавшие от этих обетов»[24]. С. Д. Цыбыктарова пишет, что после окончания работ в храме в 1915 г. Будаев приехал домой в Агу[25].

Н. К. Рерих в начале 1915 г. перенёс очередное тяжёлое воспаление лёгких и по совету врачей 16 декабря 1916 г. отправился с семьёй из Петербурга в Карелию. В начале января 1917 г., когда позволило здоровье главы семьи, Рерихи вернулись, чтобы уже окончательно выехать из российской столицы в Финляндию между 10 и 16 мая 1917 г.[26] Однако в январе 1918 г. Н. К. Рерих побывал в родном городе ещё раз, чтобы покинуть его навсегда[27].

В 1917 г. ламы покинули Петроград, и Буддийский храм подвергся страшному разгрому и осквернению. Он вновь стал действующим только в конце 1920-х гг. (в 1927 или 1928 г.). В 1930 г. по вызову Агвана Доржиева Осор Будаев вновь выехал в Ленинград[28]. В 1930-е гг. он написал по просьбе А. Л. Доржиева восемь больших икон-тангок с изображением шестнадцати архатов и выполнил повторение своей иконы «Колесо сансары» (бур. *«Сансарын хурдэ»*), написанной в 1925 г. для главного алтаря Буддийского храма[29]. По свидетельству писателя В. А. Каверина, в ленинградском Буддийском храме в 1930-е гг. «большие, до самого потолка картины были прислонены к стенам в четырёх углах храма. Фантастические духи добра и зла были изображены на них, одинаково сердитые, в странных халатах, напоминавших кафтаны древнерусских бояр»[30]. По всей видимости, это были изображения защитников сторон света. Возможно, что автором этих произведений также был Осор Будаев. Настоятель Буддийского храма в Лумбини тибетец Тубтен Еше Гьятцо указывает, что «вне зависимости от размеров храма абсолютным минимумом является, в первую очередь, изображение Будды и в средней части храма рекомендуется, как наиболее подходящее, изображение каких-либо возвысившихся существований, таких как шестнадцать архатов. Наконец, у входа должны быть изображены четверо защитников сторон света»[31]. Очевидно, что несмотря на трудности были предприняты усилия по созданию монументальной живописи, которая является неотъемлемой частью интерьеров храмов северного буддизма.

Главный зал дацана Гунзэчойнэй разделён на три нефа: большой центральный и боковые – значительно меньшие по ширине. Колонны тёмно-красного цвета рас-

положены в два ряда по четыре в каждом ряду. Центральной фигурой зала собраний являлась 2,5-метровая статуя Будды Шакьямуни, располагавшаяся в алтарной нише храма, изваянная из алебастра бурятскими мастерами[32].

Основным средством художественной выразительности главного зала стала подчёркнутая контрастность сопоставления декоративных элементов: насыщенного красно-коричневого цвета колонн, жёлто-оранжевых стен, синего мозаичного пола. Нижняя часть стен на расстоянии метра от пола окрашена в красно-коричневый цвет, по всему периметру зала над ним проходят полосы синего, тёмно-красного и зелёного цветов. Так обычно окрашивают нижнюю часть стен в тибетских храмах.

Традиционный резной и полихромно расписанный антаблемент, который в тибетских и бурятских храмах служит украшением экстерьера, в петербургском буддийском храме привнесён в интерьер и несёт в себе значительную декоративную и смысловую нагрузку, играет большую роль в храмовой декорации интерьера главного зала. Элементы традиционного антаблемента отражают сильное влияние эстетики стиля модерн.

Антаблемент состоит из семи рядов нависающих друг над другом декоративных деталей архитрава-фриза, разделённых узкими плоскими полочками. В верхней части стен главного зала выполнена роспись, имитирующая присборенные полосы ткани зелёного и выше – красного цветов. В Тибете принято декорировать верхнюю часть стен лентами разноцветной ткани, напоминающей оборки. Среди орнаментальных мотивов антаблемента Буддийского храма в Петербурге встречаем традиционные бурятские мотивы: птичье гнездо (бур. *шубун хоног*, аналогичные тибетским «сотам дхармы»), ряд квадратных в сечении брусков (бур. *уняа*), различные стилизованные изображения лотоса (бур. *бадма сэсэг*, *бантаб*), волны, растительные завитки, ваджры (бур. *очир*). Все мотивы несут определённое символическое значение. Рисунок растительных орнаментов в значительной степени европеизирован, несёт в себе черты стиля модерн. Нужно отметить фантазию мастеров, придумавших разнообразные вариации орнаментальных мотивов (например, цветка лотоса).

В СПбФ АРАН сохранились великолепный цветной эскиз капители Буддийского храма в Петербурге[33], а также рабочие эскизы к витражам, предположительно, руки Н. К. Рериха. А. И. Андреев считает, что предварительные рисунки принадлежат Осору Будаеву, а авторство законченных вариантов приписывает Н. К. Рериху. С. Д. Цыбыктарова предполагает, что и те, и другие рисунки принадлежат европейскому мастеру. В нашей статье мы высказывали предположение, что оба вида эскизов принадлежат Н. К. Рериху[34]. Им присущи деликатная стилизация восточных мотивов в стиле модерн, высокий профессионализм, тонкое чутьё колориста. Капитель колонны Буддийского храма в Петербурге состоит из абаки, на которой расположено рельефное полихромно расписанное изображение лотоса; фасадная поверхность подбалки украшена традиционным декоративным мотивом упругих растительных завитков, выполненных в данном случае в виде цветного рельефа. В центре подбалки – монограмма Калачакры и справа и слева от неё в кругах – золотистые буквы алфавита ланджа[35]. Ниже капители ствол колонны украшает по-

Проём алтарной ниши дацана Гунзэчойнэй. Ленинград. Конец 1920-х. © СПбФ АРАН

лоса из пяти белых рельефных кружков на красном фоне (бур. *тобируу*, *эрхи* – чётки). За ним следует рельефное изображение полихромно расписанных стилизованных растительных мотивов, идентичных по стилистике рельефным растительным узорам на фасадной поверхности подбалки.

В интерьере главного зала большую роль играли витражи плафона и квадратного ограждения светового фонаря, венчающего центральный неф (световой проём с витражами – имитация тибетского «рабсала», особой надстройки на крыше дукана). Надо заметить, что витражи абсолютно не характерны для буддийского искусства, так же, как мозаика – это, несомненно, влияние модерна. По эскизам Н. К. Рериха были созданы витражи на квадратном ограждении светового фонаря – «Восемь драгоценных предметов Будды», «Пять видов подношений Триратне»[36], на плафоне – «Мандала», а также напольные мозаики с изображением свастики (не сохранилась) и стилизованного лотоса. Н. К. Рерих удачно стилизовал традиционные буддийские символы в духе модерна.

«Восемь драгоценных предметов Будды» (санскр. *Аштамангала*) это: зонт; золотые рыбы; сосуд, хранящий великое сокровище; лотос; раковина, закрученная вправо; счастливый бесконечный узел; знамя победы (штандарт); колесо Учения. Они символизируют чудесное проявление тела, речи и мысли Будд.

«Пять видов подношений Триратне» (санскр. *Панчакамагуна* – «пять наслаждений») это «символы пяти групп качеств, которые, будучи восприняты нашими

органами чувств, могут породить влечение к удовольствию: к зримым образам, звукам, запахам, к тому, что вкушается и осязается»[37]. К ним относятся: зеркало – зрение; лютня – слух; сосуд для благовоний – обоняние; плод – чувство вкуса; шёлк – осязание. Зеркало, раковина, сосуд для благовоний или курительные палочки, плоды, шарф из шёлка символизируют «видимое» (санскр. *рупа*), «слышимое» (санскр. *шабда*), «обоняемое» (санскр. *гандха*), «вкушаемое» (санскр. *раса*), «осязаемое» (санскр. *спраштавья*) соответственно. В группу Панчакамагуны на витражах входят лютня, раковина, три плода, шёлковая ткань, зеркало; предметы помещены в широкую чашу. На хранящемся в СПбФ АРАН эскизе все предметы хорошо прорисованы, рисунок подцвечен акварелью[38].

Композиции сторон квадратного ограждения выстроены следующим образом: в центре каждой стороны в большом прямоугольнике, вытянутом по горизонтали, расположена группа пяти подношений, слева и справа от неё в вытянутых по вертикали прямоугольниках – символические «драгоценные предметы», между последними – вытянутые по вертикали прямоугольники стекла. Эскиз одной из таких сторон обнаружен в СПбФ АРАН, он выполнен карандашом и подцвечен акварелью. Указан размер витража: два на полтора аршина (1,42 × 1,065 м)[39].

В архиве СПбФ АРАН хранятся эскизы к витражам плафона, которые представляют собой многократно повторённую мандалу, воспроизведённую в ландже, буквы которого вписаны в четырёхлепестковые лотосы. Также сохранились рисунки мозаичного пола, причём есть как первоначальные, черновые наброски[40], так и законченные эскизы мозаик, соответствующие выполненным в дацане[41]. Пол в главном зале выложен керамической плиткой голубого, серого цветов с изображением большого восьмилепесткового лотоса в круге в центре зала и значительно меньших стилизованных изображений лотоса: по пять в боковых нефах и шесть в центральном нефе. Изображение лотосов выполнено белыми, жёлтыми и коричневыми плитками. Ранее у входа в главном зале была выполнена мозаика в виде свастики (санскр. *svastika*, тиб. *bkra shis ldan*, монг. *хас,* бур. *дурболжон* – благосостояние, благополучие, а также – солнечная птица и божество времён года Астика) – древнего индо-буддийского символа благополучия. Как отмечает В. Д. Бабуева, это «один из самых архаичных знаков – указатель видимого движения Солнца вокруг земли, деления года на четыре сезона, включающий идею четырёх сторон света, четырёх стихий. Фиксирует два солнцестояния: летнее и зимнее годовое движение Солнца. Это знак, центрированный вокруг оси, содержит в себе идею движения: движение по часовой стрелке представляет мужскую энергию, против часовой стрелки – женскую энергию. Имеет при этом нравственную характеристику: движение по солнцу – добро, против солнца – зло»[42]. Мозаичная свастика была уничтожена, по-видимому, когда храм передали военным в 1942 г., после начала блокады Ленинграда. Тогда командование Ленинградского фронта решило оборудовать на территории бывшей храмовой усадьбы радиостанцию для связи города с «Большой землёй»[43].

В интерьере главного зала значительную роль играют надписи, представляющие собой своеобразный элемент храмовой декорации – каллиграфический орна-

мент, представляющий собой священные буддийские изречения. Проём алтарной ниши обрамляет узкая лента надписи (вырезанные золотистые буквы на синем фоне), выполненной монгольским «квадратным письмом» Пагба-ламы[44]: «Да победит добродетель! Да пребудет счастье! [*слева по вертикали*] – Иду под защиту Трёх Истинных Драгоценностей! Пусть пребудут в спокойствии все живые существа! [*горизонтальная строка по центру*] – Пусть вечно множатся заслуги! Поклоняюсь Трём Драгоценностям! [*справа по вертикали*]»[45]. Двери опоясывает широкая тёмно-синяя «лента» с золотистой рельефной надписью, выполненной письмом Пагба-ламы и сверху – надпись алфавитом ланджа.

При входе в дацан человек попадал в поле воздействия символов – знаковых систем, к которым относятся элементы антаблемента, витражи, мозаики, каллиграфические надписи вокруг алтарной ниши и дверей, а также на капителях колонн. Все эти символы содержат не только эстетическую функцию, но и информационную. Символизм пронизывает все элементы храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй, с помощью символов передана сущность буддийской религиозной культуры.

Храмовая декорация дацана Гунзэчойнэй в Петербурге представляет собой исключительную художественную ценность, в совокупности являя собой полноценную систему, отражающую традиции и новаторские решения, характерные для стилистических поисков конца XIX – начала XX в. Сохранившиеся элементы декора показывают, с какой убедительностью и изяществом стилизованные формы буддийских символов были ассимилированы в эстетику модерна.

Состояние храмовой декорации дацана на сегодняшний день можно оценить в целом как удовлетворительное. Хотя храм, конечно же, нуждается в дополнительной реставрации. Особенную тревогу вызывает состояние орнаментальных росписей в главном зале. Уникальные полихромные росписи, выполненные маслом, отстают от стен, поражённых грибком, и постепенно разрушаются. Необходима реставрация витражей плафона, сейчас он не виден из главного зала дацана: из-за угрозы обрушения стёкол витража под ним натянута металлическая сетка, закрытая тканью. Витражи одной стороны квадратного ограждения в ходе ремонта 1990-х гг. были заменены росписью с имитацией витража. В настоящее время в петербургском дацане Гунзэчойнэй мы можем ещё полюбоваться некоторыми сохранившимися элементами храмовой декорации главного зала.

Для реконструкции храмовой декорации дацана, по нашему мнению, важно выполнить иконы-тангки, воссоздающие репрезентативную композицию Осора Будаева с изображением шестнадцати архатов и «Колеса сансары» («Сансарын хурдэ»). Бурятский мастер написал несколько вариантов «Сансарын хурдэ», которые находятся в ГМИР, Агинском краеведческом музее, Национальном музее Республики Бурятия и в некоторых бурятских дацанах. По сообщению С. Д. Дылыкова, в 1938 г. имущество дацана Гунзэчойнэй было передано в фонды ленинградского Музея истории религии и атеизма, в том числе и тангки Осора Будаева с изображением шестнадцати архатов[46]. Шестнадцатого августа 1938 г. заведующий Отделом фондов Музея истории религии и атеизма К. Ф. Воронцов принял, согласно составленному акту, «23 иконы; колесо жизни в раме под стеклом» и другие предметы[47].

Тангка «Сансарын хурдэ» Осора Будаева, хранящаяся в ГМИР, довольно большого размера: 105,5 × 157,5 см. Она отличается светлым колоритом, блестящим мастерством рисунка; письмо лёгкое, воздушное; от произведения веет спокойствием и умиротворенностью. По словам хранителя фонда «Религии Востока» ГМИР В. Н. Мазуриной, ранее эта икона-тангка находилась в раме под стеклом. В ГМИР находится также резная доска, вырезанная Осором Будаевым, с которой он печатал композиции «Сансарын хурдэ». В 1930-е гг., работая в качестве художника экспедиции Музея религии и атеизма, Осор Будаев вывез её из Агинского дацана. Аналоги различных видов композиций с изображением шестнадцати архатов неизвестных авторов также сохранились в музеях и бурятских дацанах и дают возможность выполнить воссоздание сюжетов икон-тангка Осора Будаева[48].

Осор Будаев. Сансарын хурдэ. 1930-е
© ГМИР. Инв. № Л-6334-VII

Ранее мы также предлагали, сохраняя стилистику и ориентируясь на сохранившиеся витражи, созданные по эскизам Н. К. Рериха, выполнить витражи в окнах, выходящих из главного зала в помещение второго этажа. Долгое время эти окна были закрашены масляной краской, но, по всей видимости, они предназначались для дополнительного освещения. Была идея поместить в них изображения традиционных буддийских символов – «Семи драгоценных знаков царского достоинства»: драгоценное колесо; драгоценность Чинтамани; драгоценная царица; драгоценный советник; драгоценный полководец; драгоценный слон; драгоценный конь. В итоге в 2011 г. в трёх окнах компанией «Невский витраж» были выполнены витражи по эскизам петербургской художницы Елены Зонхоевой «Пять подношений органам чувств», «Дракон солнечный» и «Дракон лунный». Также мы предлагали восстановить по сохранившимся чертежам мозаику в виде свастики у входа в главном зале, сняв ореол негативности, привнесённый фашистами в этот древний солярный знак, символ благополучия.

В целом, отсутствие окон в главном зале, большие площади стен, потолка позволяют украсить их росписью или выполнить монументальные иконы-тангка с изображением защитников сторон света, буддийских символов, мандал и др.

Таким образом, состоится восстановление общего художественного решения зала как цельной гармоничной структуры. Важно выдержать все работы в одной стилистике, бережно сохраняя уцелевшие элементы храмовой декорации дацана, над созданием которых трудились в творческом содружестве выдающиеся художники Н. К. Рерих, Г.-Ч. Цэбэгийн и О. Б. Будаев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор-строитель храма – **Гавриил Васильевич Барановский** (1860—1920), первоначальный проект был выполнен студентом Института гражданских инженеров **Николаем Матвеевичем Березовским** (1879—?), заключительным этапом строительства руководил гражданский инженер **Ричард Андреевич Берзен** (1868—1959).
[2] СПбФ АРАН. Ф. 761. Оп. 2. Д. 3 (Материалы Комитета по сооружению буддийской молельни. 1909–1914 гг.). Л. 6.
[3] *Мельников В. Л., Шумкова П. Н.* Документы о роли Н. К. Рериха в строительстве буддийского храма в Санкт-Петербурге // Рериховский век: Каталог выставки. II. Рукописи и документы / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2015. – (*В печати*).
[4] *Рерих Н. К.* Из литературного наследия. – М.: Изобразительное искусство, 1974. – С. 120.
[5] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 83.
[6] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 95.
[7] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 121.
[8] См.: *Будникова Ю. Ю.* Семья Рерихов: истоки освоения духовного наследия Востока // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VIII. – СПб., 2011. – С. 325–331; *Мельников В. Л.* Тема Востока в творчестве Н. К. Рериха // *Там же.* – С. 331–375.
[9] *Беликов П. Ф.* Н. К. Рерих. Биографический очерк // *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 25–26.
[10] *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. – СПб.: Нартанг, 2004. – С. 70. А. И. Андреев сообщает, что эти сведения обнаружены им в Российском государственном историческом архиве.
[11] *Цыбыктарова С. Д.* Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма // Orient: Альманах. – СПб.: Утпала, 1992. – Вып. 1: Буддизм и Россия. – С. 38–50; *Цыбыктарова С. Д.* Осор Будаев (1886—1937) // Выдающиеся бурятские деятели (XVII – нач. XX в.) / Сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. М. Михайлов, Д. Б. Улымжиев. – (Серия: Известные люди Бурятии). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – Вып. II. – Ч. I. – С. 137–140.
[12] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 105.
[13] **Чойра** (тиб. *chos-rva*) или цанит (букв. «истинное свойство») – философско-богословский факультет при монастырях, где ламы изучают систему буддийской философии в её реалистическом направлении (в противоположность символическому). Изучаются пять следующих разделов: парамита, мадхьямика, абхидхарма, виная и логика.
[14] **Гэбши** (тиб. *dge bshes*, монг. *buyan-u sadun*, букв. «друзья добродетели») – учёное звание ламы, присваемое после завершения изучения первых четырёх курсов дацанской школы чойра (цанит), после чего он может приступить к изучению цанита посредством диспутов.
[15] **Доромбо** – вторая учёная степень у буддийских философов школы гелугпа после лхарамбы. Обладателями степени становятся занявшие второе место после победителя в философских диспутах между соискателями от трёх крупнейших монастырей Тибета: Гандан, Сэра и Дрепунг, которые проводятся ежегодно на новогоднем празднике Монлам в присутствии представителей всех монастырей страны.
[16] *Гатапов А. С.* Монгольский исторический словарь: Энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 2008. – С. 336.
[17] **Гелонг** (тиб. *dge-slong*) – духовное звание, третья, высшая ступень монашеского посвящения. Гелонг принимает 253 обета.
[18] *Цыбыктарова С. Д.* Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма // Orient: Альманах. – СПб.: Утпала, 1992. – Вып. 1: Буддизм и Россия. – С. 46.
[19] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448. Л. 247.
[20] *Монзелер Г. О.* О картинах О. Будаева (1934) // Рукопись. СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6.

[21] **Габжу** (тиб. *dk'a-bcu*, монг. *arban berke-tü,* букв. «осиливший 10 трудностей») – учёное звание, присваемое ламам, прошедшим полный курс цанита и успешно выдержавшим экзамены-диспуты.
[22] *Богораз-Тан В. Г.* Новые безбожные пути церковного бурятского искусства (29 ноября 1934) // Машинопись. СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 10.
[23] *Монзелер Г. О.* Указ. соч. – Л. 7.
[24] Русский перевод А. И. Андреева по тексту: Norbu Thubten J. Dorjiev: Memoirs of Tibetan Diplomat // Hokke Bunka Kenkyu. – 1991, March. – № 17. – P. 39.
[25] *Цыбыктарова С. Д.* Указ. соч. – С. 40.
[26] *Ешалова О. И.* К вопросу о начале эмиграции Н. К. Рериха из России // Н. К. Рерих. 1917–1919. Материалы к биографии. – СПб.: «Фирма Коста», 2008. – С. 11–36.
[27] *Беликов П. Ф.* Указ. соч. – С. 26–28.
[28] *Цыбыктарова С. Д.* Указ. соч. – С. 46.
[29] Ныне в собрании Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург; далее – *ГМИР*). Инв. № Л-6334-VII. Местонахождение 8 икон с изображением 16 архатов неизвестно.
[30] Цит. по: *Андреев А. И.* Буддийская святыня Петрограда. – Улан-Удэ: ЭкоАрт, 1992. – С. 33.
[31] *Thubten Legshay Gyatso.* Gateway to the temple. Manual of Tibetan customs, art, building and celebrations. – Bhandar; Kathmandu, 1970. – P. 52.
[32] *Андреев А. И.* Указ. соч. – С. 33.
[33] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 2а. Д. 13. Л. 63. Эскиз выполнен карандашом и акварелью. Отсутствуют буквы алфавита ланджа в двух кругах. Надпись на стволе колонны: *красный, яркий*.
[34] *Асалханова Е. В.* Витражи Буддийского храма в Санкт-Петербурге // Художественное наследие и современность: Сборник научных трудов. – Вып. 4. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 44–53.
[35] **Ланджа** – алфавит индийского типа, используемый в Тибете и Непале для записи мантр.
[36] **Триратна** (санскр.) – «Три Драгоценности» или «Три Прибежища»: драгоценный Учитель – Будда (Буддхаратна), драгоценное Учение (Дхармаратна) и драгоценная Община (Сангхаратна).
[37] *Дагьяб Лодэн Шераб Ринпоче*. Буддийские символы в тибетской культуре. – М., 2005. – С. 125.
[38] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 2а. Д. 13. Л. 64.
[39] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 2а. Д. 13. Л. 108.
[40] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 2а. Д. 13. Л. 70.
[41] СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 2а. Д. 13. Л. 71. Бумага, карандаш, акварель. В центре главного зала изображён лотос, у входа – свастика.
[42] *Бабуева В. Д.* Материальная и духовная культура бурят. – Улан-Удэ, 2004. – С. 32.
[43] *Андреев А. И.* Указ. соч. – С. 165.
[44] **Дрогон Чогьял Пагпа** (монг. *Пагва лам Лодойжанцан*) (1235—1280), известный как **Пагба-лама** – пятый глава тибетской буддийской школы Сакья. Слово «пагба» переводится с тибетского как святой, высокий. Около 1253 г. был приглашён императором Хубилаем в Ханбалык, столицу Монгольской империи, для распространения буддизма и развития образования. Играл большую роль в политической жизни Монгольского Императорского двора. Изобрёл по указу Хубилая новый монгольский алфавит «Дурбэлжин» – «четырёхугольный», известный в русской исторической литературе как «монгольское квадратное письмо» или «письмо Пагба-ламы». При Пагба-ламе был начат перевод буддийской литературы на монгольский язык. См.:. *Гатапов А. С.* Указ. соч. – С. 226.
[45] Перевод надписи сделан Н. Цыремпиловым, его приводит историк дацана А. И. Андреев.
[46] *Цыбыктарова С. Д.* Указ. соч. – С. 48.
[47] *Андреев А. И.* Указ. соч. – С. 163.
[48] См. также о творчестве этого мастера: *Николаева Л. Ю.* Образ мира в изобразительном искусстве Бурятии XX века: Дисс. ... канд. искусствоведения. – Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2000.

Ю. И. ЕЛИХИНА
(Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург)

КОЛЛЕКЦИЯ БУДДИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ А. К. ФАБЕРЖЕ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Фамилия Фаберже в сознании каждого обычно ассоциируется с ювелирными изделиями, однако представители этой семьи были ещё и коллекционерами.

Агафон Карлович Фаберже (1876—1951) [*ил. 1*], второй сын Карла Густавовича Фаберже, знаменитого российского ювелира, был известным собирателем восточного искусства. Его коллекция буддийской скульптуры, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, насчитывает восемьдесят девять произведений бронзовой пластики.

Во время кругосветного путешествия в 1898 г. Агафон Карлович заинтересовался культурой Востока. Через десять лет в России он считался одним из лучших знатоков искусства Индии, Китая, Японии, а его богатейшая коллекция вызывала всеобщее восхищение.

В коллекции А. К. Фаберже представлены самые разнообразные вещи: от уникальных произведений буддийской пластики до вещей, изготавливавшихся массовым тиражом. О принадлежности этих вещей к коллекции А. К. Фаберже свидетельствует архивные документы и одна сохранившаяся бирка на внутренней части скульптуры (инв. № КО-359) [*ил. 2*]. Точно такие же бирки с указанием номера предмета и его цены были и на ювелирных изделиях его отца.

Коллекция А. К. Фаберже распадается на две части: тибетские памятники (собственно тибетские, монгольские, непальские) и произведения китайских мастеров (тибето-китайский стиль). Больше всего произведений бронзовой пластики из коллекции А. К. Фаберже относится к китайско-тибетскому стилю. Во время правления династий Юань (1279—1368), Мин (1368—1644) и Цин (1644—1911) тибетское искусство оказывало значительное влияние на китайское, чему способствовала политика Императорского двора, направленная на поддержку буддизма по монголо-тибетскому пограничью. Многие китайские императоры были последователями именно тибетского буддизма. На территории Китая строились монастыри, которые оформляли тибетские художники и скульпторы. Возник и сформировался «тибето-китайский стиль». Самые выдающиеся произведения буддийской пластики тибето-китайского стиля по уровню художественного исполнения и пропорциям были созданы в период правления третьего императора минской династии Чжу Ди (1403—1424) правившего под девизом Юнлэ. Скульптура выполнена в технике «замещённого воска» и выколотки.

Коллекция А. К. Фаберже представляет собой собрание достаточно интересных буддийских скульптур, включающее в себя и редкие экспонаты. К ним относятся бонское божество [*ил. 3*], Будда Шакьямуни времени правления Юнлэ [*ил. 4*]и другие уникальные произведения бронзовой пластики, а также серебряная Белая Тара [*ил. 5*]. Конечно, коллекция сохранилась не полностью, но она достаточно характерна для Петербурга начала XX в., отражает интересы российского общества того времени к буддизму и тибетской культуре.

Ил. 1

Ил. 2

Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

Ю. И. ДРОБЫШЕВ
(Институт востоковедения РАН,
Институт проблем экологии и эволюции РАН; Москва)

ПРИРОДА И ЛЮДИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ Н. К. РЕРИХА)

В последние два десятка лет образ Тибета вызывает в умах многих граждан России мистические ассоциации, подогреваемые обильной литературой эзотери-

ческого содержания. Обыденным сознанием Тибет воспринимается как огромное хранилище «восточной мудрости», загадочная страна, где в тайных пещерах сидят в медитации святые отшельники, учёные ламы в монастырях надёжно охраняют от непосвящённых старинные манускрипты, повествующие о Шамбале, и т. п. Наконец, сама Шамбала географически обычно привязывается к Тибету. По-видимому, подобные мысли владели Н. К. Рерихом и его спутниками, когда они пустились в свой далёкий трудный маршрут. Однако не всем их ожиданиям было суждено сбыться, и не случайно дневник врача экспедиции К. Н. Рябинина был им самим озаглавлен «Развенчанный Тибет».

Трансгималайская экспедиция, возглавляемая знаменитым художником, мыслителем, общественным деятелем Н. К. Рерихом, выступила 6 марта 1925 г. из индийского города Дарджилинга и завершилась 28 мая 1928 г. там же, проделав путь в несколько тысяч километров. Она складывалась из двух этапов: Индийско-Синьцзянского и Монголо-Тибетского. Ниже речь пойдёт о втором этапе, начавшемся 13 апреля 1927 г. выступлением из столицы Монголии г. Урги (ныне Улан-Батор). Кроме самого Н. К. Рериха, в этом этапе экспедиции принимали участие его супруга Е. И. Рерих и сын Ю. Н. Рерих, К. Н. Рябинин, полковник Н. В. Кордашевский, ответственный за транспортное обеспечение П. К. Портнягин, заведующий хозяйством А. А. Голубин, сёстры Л. М. и И. М. Богдановы, а также монголы, буряты и тибетцы, некоторые в сане лам, шедшие в Тибет паломниками или игравшие роль караванщиков, проводников и т. д. Число азиатских членов экспедиции не было постоянным.

Настоящий доклад не претендует считаться вкладом в рериховедение. Здесь не рассматривается оккультная и политическая сторона экспедиции, или Миссии, как её называли сами участники. Моя цель – извлечь из путевых заметок, дневников участников Трансгималайской экспедиции информацию об отношении обитателей Монголии и Тибета к окружающей среде, проанализировать и обобщить её с позиции этнической экологии. Это довольно молодая наука, исследующая взаимодействие этносов с природой, особенности их адаптации к условиям среды, включая также механизмы культурной адаптации.

Дневники путешественников – своеобразный и весьма ценный источник информации[1], подчас содержащий уникальные сведения, которые в силу различных обстоятельств не находят отражения в официальных отчётах и научных публикациях их авторов. Сказанное верно и в отношении дневников экспедиции Н. К. Рериха. Всего их было шесть. Для написания этой статьи использовано пять опубликованных дневников: самого Н. К. Рериха, Ю. Н. Рериха, К. Н. Рябинина, Н. В. Кордашевского и П. К. Портнягина. Сравнительный материал черпался из отчётов некоторых других исследователей Центральной Азии и работ историков и этнологов. Подобную работу проделал Б. Н. Мельниченко, проанализировавший запечатлённые в дневниках членов рериховской экспедиции образы тибетской действительности[2]. Автор поставил перед собой задачу рассмотреть условия жизни простых тибетцев и оценить эффективность административной системы Тибета, и в ряде вопросов мы шли параллельными путями. Мои выводы вполне согласуются с выводами Б. Н. Мельниченко.

К настоящему времени в общественном сознании и даже отчасти в научных кругах сложился устойчивый комплекс ошибочных представлений, идеализирующий взаимоотношения человека и природы на Востоке, в частности, в Центральной Азии. Подобное положение дел трудно приветствовать. Идеализация в этих вопросах не просто искажает истину, но и препятствует попыткам возрождения древних природоохранных традиций, гуманного обращения с окружающей средой, что в той или иной степени было свойственно многим культурам Востока. Члены экспедиции наблюдали и тщательно фиксировали как положительные, так и отрицательные примеры этих отношений. К этому их подталкивало, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, этнографические исследования входили в задачи экспедиции. Во-вторых, обращение центральноазиатских народов с животными, растениями, землёй, водными источниками характеризует их духовную культуру и уровень духовности, на что нельзя было не обращать внимания, особенно учитывая буддийскую атмосферу этих стран.

Приходится признать, что негативных примеров дневники донесли до нас больше, чем позитивных. По-видимому, это вполне объяснимая реакция их авторов на те разочарования, которые ждали в пути. Вместо средоточия духовности Тибет предстал перед ними в обличье морально разложившейся страны с лживым, грязным населением и абсолютно невежественным ламством. Записи К. Н. Рябинина изобилуют резкими оценками тибетской действительности; в не менее резких выражениях составлено письмо Н. К. Рериха Буддийскому центру в Нью-Йорке. Дневники остальных путешественников тоже содержат достаточное количество нелестных отзывов. Насколько эти отзывы объективны, судить нелегко, ибо шедшие в караване Н. К. Рериха люди не были просто поверхностными наблюдателями жизни Тибета, но волей судьбы оказались погружены в неё.

Пока экспедиция двигалась по территории Монголии, зарисовок, показывающих взаимодействие людей и природы, было сделано немного. Ю. Н. Рерих отметил строгую охрану и почитание Богдо-улы – горного массива, вдоль северного подножия которого протянулся Улан-Батор. Известно, что ещё в XII в. Богдо-ула считалась священной горой Ван-хана кереитского, а позже ей поклонялся I Джебцзундамба-хутухта Ундур-гэгэн – первый официально признанный глава буддистов Монголии. В 1778 г. маньчжурский император Цяньлун в ответ на запрос ургинского сановника Юндэндоржа узаконил культ Богдо-улы и запретил на ней всякое природопользование (как известно, в те годы Монголия входила в состав империи Цин). «Лесной заповедник Богдо-улы представляет огромный интерес для естествоиспытателя. Здесь, на лесных склонах священной горы, он может изучать флору Монголии и наблюдать жизнь многих крупных животных, почти исчезнувших в других регионах страны. Закон, запрещающий охоту на зверей и рубку деревьев, действителен и при новом, республиканском правительстве Монголии, сохранившем полицейские посты в многочисленных ущельях»[3]. Однако научное изучение горы началось достаточно поздно – в 1947 г., когда советский и монгольский специалисты В. Сколон и Б. Ширэндэв, обследовав Богдо-улу, констатировали, что за годы народной власти там произошли значительные изменения, обусловленные

ослаблением заповедного режима[4]. Любопытно, что Ю. Н. Рерих употребил по отношению к Богдо-уле выражение «национальный парк». Именно этот официальный статус она имеет сегодня, что, однако, вовсе не гарантирует её сохранности в нынешних рыночных отношениях, к которым идёт Монголия.

В Улан-Баторе Ю. Н. Рерих обратил внимание на грязь и зловоние, отмечая, впрочем, что муниципальные власти пытались сделать всё возможное для очистки улиц. Вода в реке Толе, которую население монгольской столицы брало для своих нужд, отличалась по весне неприятным запахом и грязью[5]. Грязь – бич едва ли не всех городов и прочих постоянных населённых пунктов Центральной Азии, и в дальнейшем путешественники ещё не раз были вынуждены столкнуться с заваленными всевозможным мусором, отбросами и падалью улицами и пустырями. Этой далеко не самой светлой стороне тибетской реальности должное внимание уделил Б. Н. Мельниченко в своей упомянутой выше статье.

Особенно неблагоприятное впечатление оставил находящийся на пересечении караванных путей маленький тибетский городок Нагчу в Чантанге (Северной равнине), где экспедиции пришлось провести полтора месяца в ожидании обещанных тибетскими чиновниками вьючных животных взамен погибших во время беспрецедентной вынужденной зимовки в высокогорной долине Чу-на-кхе, примерно в 250 км от Лхасы[6]. «Санитарные условия в городе ужасны. Повсюду виднеются трупы мёртвых лошадей и яков. Кучи мусора и сотни бродячих собак украшают город. К счастью, река была всё ещё замёрзшей, и мы благодарили судьбу, которая заставила нас посетить Нагчу зимой. Летом местные запахи, должно быть, совершенно невыносимы. Беседуя с одним из таможенных служащих дзонга, я упомянул грязь, которой покрыта местность. “Что бы вы сказали о Лхасе, – воскликнул он. – Здесь, в Нагчу, у нас есть чистый ручей, текущий из Амдо тшо-нак, а в Лхасе приходится пить воду из реки, которая каждый день принимает огромное количество отходов. Только благодаря Высшему покровительству город редко подвергается болезням”»[7]. Аналогичную картину, задокументированную фотографией улицы в Нагчу[8], рисуют К. Н. Рябинин и полковник Н. В. Кордашевский[9], а П. К. Портнягин выразительно назвал этот город «грязным логовом»[10]. В деревне Намру, представлявшей собой «сборище грязных, полуразвалившихся лачуг», дома были окружены большими кучами мусора[11].

Даже Н. К. Рерих, явно избегавший в своих записях фиксировать негативную информацию, не мог смолчать о тибетской грязи. Правда, её он связал с бон-по – древней религией Тибета, антагонистичной буддизму: «Чёрная вера бон-по так гармонична с чёрными палатками. На длинных верёвках, как хищные пауки, бесформенно чернеют палатки. Около них чёрные пятна или отбросов или падали. Сухость воздуха уменьшает зловоние тления»[12].

Несомненно, чистота населённых пунктов говорит не только о культуре народа в широком смысле, но и о его экологической культуре. Хотя сейчас многие публицисты, экологи, педагоги и пр. склонны выделять экологическую культуру как самостоятельную сферу ментальности, с этим трудно согласиться. Общество с развитой культурой имеет определённую систему представлений, что допустимо и что

недопустимо делать в отношении природы. Таким образом, экологическая культура является частью общей культуры. Обсуждать её отдельно имеет смысл лишь для решения конкретных задач. Думается, в данном случае так поступать правомерно. Суммируя сведения членов экспедиции Н. К. Рериха, нельзя не прийти к выводу о безразличном отношении жителей тибетских городов, селений и стойбищ к окружающему пространству, которое в некоторых случаях представляло собой естественный ландшафт. Однако низкий уровень коммунальной гигиены вовсе не был уникальной чертой урбанистических комплексов Центральной Азии. Известно, что улицы средневековых европейских городов были ничуть не чище. Вообще, урбанизация весьма нередко сопровождается ростом загрязнённости окружающей среды, особенно в тех случаях, когда в растущие города стекается в поисках лучшей жизни обездоленное население и формирует обширные трущобные кварталы. Дальнейший вклад в загрязнение вносят промышленность и транспорт, но это выходит за рамки нашей темы.

Тибетские реки принимали в свои воды не только нечистоты. Помимо выполнения своих обычных экологических и экономических функций, они служили местом погребения. Хотя участники экспедиции не видели лично предания мёртвого тела воде, они упоминают об этом обычае, причём их сведения иногда не согласуются с результатами последующих этнографических изысканий. Так, Н. В. Кордашевский пишет, что умерших от заразы тоже опускали в глубокие места рек или в озёра[13], но, как установил советский этнограф Ю. И. Журавлёв (1961), их хоронили в земле[14]. В чём сходятся мнения не только сотрудников Н. К. Рериха, но и других учёных, так это в том, что в реки бросали осуждённых на смерть преступников. Аналогично поступали средневековые монголы, чтобы избежать пролития крови лиц знатного происхождения. Их закатывали в войлок и бросали в поток.

Основу экономики северного Тибета, как и Монголии, составляло кочевое скотоводство. Скот даёт кочевнику почти всё необходимое для жизни: пищу, питьё, одежду и обувь, материалы для постройки жилищ, будь то монгольская юрта или чёрная тибетская палатка, посуду, транспорт, «валюту» номадной экономики и т. д. Он был показателем благосостояния и предметом гордости. Поскольку кочевое хозяйство народов Центральной Азии изучено достаточно основательно, я не буду останавливаться на этом вопросе. «Экологичность» номадизма также хорошо известна. По мнению некоторых современных авторов, кочевой образ жизни – вершина экологической мудрости человечества, что, конечно, является изрядным преувеличением, хотя и не лишено рационального зерна. Несмотря на свою многопрофильность, кочевое скотоводство не может быть абсолютно самодостаточным. Как минимум, номаду нужен хлеб. Достаточно сказать, что ежедневной пищей тибетцев была и остаётся *дзамба*, один из важнейших компонентов которой – обжаренная ячменная мука. Необходимо ему также железное оружие, производство которого подразумевает хотя бы частичную оседлость, а чаще – торговые связи с оседлыми ремесленниками. Нужны ткани, ювелирные украшения, предметы культа. А когда от зимней бескормицы гибнет скот, кочевники оказываются под угрозой голода, для профилактики которого была выработана традиция регулярных

разбойных нападений на соседей и на проходящие караваны. Любопытно, что не брезговали даже грабежом богомольцев, шедших в Лхасу или обратно. Как правило, набеги производились осенью, когда кони были «в теле». В Тибете в голодные годы за разбой принимались целые районы[15]. Правда, оставался ещё один немаловажный источник существования – охота.

Отправляясь в страны, где в течение веков господствовал буддизм, члены экспедиции ожидали стать свидетелями гуманного отношения к животным. Увидев однажды множество антилоп и других диких зверей, подходивших совсем близко к каравану, Н. К. Рерих интерпретировал доверчивость животных как результат глубокого укоренения в сознании местных кочевников заветов Будды[16]. Запрет, наложенный буддизмом на убиение живых существ и вообще на причинение им какого бы то ни было вреда – факт общеизвестный, хотя специалисты полагают, что ранний буддизм взял принцип *ахимсы* на вооружение в первую очередь не из-за сострадания ко всем живым существам, а как дополнительный аргумент в идеологической борьбе с брахманами, главным культовым действием которых являлось кровавое жертвоприношение[17]. Теоретически, на пути следования экспедиции, охота должна была быть под запретом и, действительно, Ю. Н. Рерих отметил, что после указа Далай-ламы XIII в районе Нагчу была запрещена всякая охота. Впрочем, хотя количество предлагаемых мехов было невелико, численность крупной дичи к югу от хребта Тангла быстро уменьшалась[18]. Генерал Капшёпа запретил местному населению охотиться на мускусных баранов в этом же районе. По этому поводу Н. К. Рерих недоумённо заметил: «Совершенно непонятно, почему можно убивать домашних баранов, яков, но всё находящееся в диком состоянии защищается»[19]. В аналогичной растерянности был И. М. Майский, столкнувшись в Монголии почти в те же годы с запретом на рыбную ловлю: «Но ни тогда, ни впоследствии я всё-таки никак не мог понять, почему правоверные буддисты, считая дозволительным резать барана, усматривают великое прегрешение в ловле рыбы»[20]. Эти высказывания скорее носят риторический характер. Ясно, что баранов для того и разводят, чтобы питаться ими. В суровом климате Монголии и Тибета земледелие возможно далеко не повсеместно, а, кроме того, большой расход калорий на обогрев организма требует постоянной компенсации. Растительная пища эти расходы покрыть не может. Поэтому люди были вынуждены обходить заветы Будды, а духовенство – мириться с этим. Не умея приспосабливаться к запросам и возможностям разных народов, буддизм не стал бы мировой религией.

Хуже другое. И миряне, и даже ламы не довольствовались мясом и шкурами только домашнего скота. Они активно промышляли дичь. Особенно пагубное, растлевающее воздействие на тибетцев оказало проникновение в Китай западного капитала. Европейские и американские компании скупали меха диких зверей, поставлявшиеся из Тибета, и местное население травило животных стрихнином[21]. Надо полагать, так оно избегало порчи меха огнестрельным оружием.

Даже в экспедиции находились любители поохотиться, несмотря на запрет Н. К. Рериха. Н. К. Рерих и Н. В. Кордашевский наблюдали, как сопровождавший их лама подкрадывался с кремнёвым аркебузом к диким козам. «Лама! Где заветы

Будды?»[22]. В долине Кангар-Дакчин, между хребтами Гурбун-Найчжи и Марко Поло, двое табунщиков экспедиции убили большого яка и устроили обильный ужин, который, однако, на тех высотах не прошёл бесследно: один из лам вскоре умер от паралича сердца[23]. Несколько ранее охота на яков окончилась для табунщиков неудачей[24]. Подобное наблюдал и Г. Ц. Цыбиков, совершивший в 1899–1902 гг. путешествие в Лхасу: ламы из Амдо охотились на антилоп. На его вопрос, как это согласуется с их саном, они отвечали, что на время путешествия сняли с себя духовные обеты, так как в пути могут встретиться разбойники, и надо будет давать им отпор с оружием в руках. Поэтому они теперь простолюдины и могут убивать животных[25].

Монголы своей нравственностью заметно превосходили тибетцев[26], что находило отражение и в их отношении к природе. В своей достаточно дискуссионной монографии «Человек у Байкала и мир Центральной Азии» бурятский философ И. С. Урбанаева верно подмечает, что «по экологической культуре народа можно судить о его нравственности и наоборот»[27], хотя я уже говорил об условности термина «экологическая культура». «Примечательная черта монголов – за всё время мы ни разу не видели, чтобы они били животных. Поэтому здесь животные и не боятся, что человек их ударит палкой или камнем, – писал К. Н. Рябинин и продолжал, пока ещё пребывая в плену иллюзий относительно Тибета, – После Цайдама вообще всякая охота на животных может вызвать крупное осложнение; впрочем, ещё в Монголии мы были предупреждены ламами, что охота не рекомендуется, да мы и без того не обнаруживали такого намерения»[28]. Однако К. Н. Рябинин всё-таки прав: местные власти наверняка не преминули бы поставить путешественникам в вину нарушение буддийских заповедей. Этот же автор обратил внимание на такую, казалось бы, мелочь, как трогательная забота монголов о гнезде дикой утки в кустах недалеко от их кочевья. Они предупреждали Ю. Н. Рериха, чтобы он нечаянно не раздавил гнездо[29]. Другой любопытный случай. Однажды, когда экспедиция пересекала Цайдам, в лагере обнаружили много тарантулов. Монгольские ламы, недавно примкнувшие к каравану Н. К. Рериха, нашли в своей палатке двух тарантулов и выбросили их, не причинив им вреда[30].

Тем не менее, путешественникам случалось видеть и другое. Монголы застрелили из ружья гадюку[31]. В оправдание их можно сказать, что монголы панически боялись змей, не только живых, но и мёртвых, и даже хранящихся в коллекции[32]. Монгол Мачен – старшина из Шибочена, нанятый в экспедицию караванщиком, как-то раз предложил застрелить чёрную чомгу, сидевшую на берегу и сушившую крылья, так как увидел в ней недобрый знак. Его опасения разделяли суеверные китайцы Шибочена. На это участники экспедиции заявили, что, напротив, считают доверчивость этой птицы добрым пожеланием с её стороны[33]. Около Цаган-обо два торгоута из каравана устремились за дикими козами, несмотря на запрет охотиться. Коз они упустили, но, надо полагать, утолили в какой-то мере свой охотничий азарт тем, что поймали пару горных курочек, совершенно не боявшихся людей. Правда, продержав курочек до вечера, торгоуты отпустили их в горы[34].

Однако ламы Тибетского нагорья тоже нуждались в животной пище, отсутствие которой могут преодолеть только сильные духом люди. Бывшие в караване

Н. К. Рериха ламы тоже требовали мяса, однако, не хотели ради этого убивать животных. Они утверждали, что Будда якобы разрешил куланье мясо. Ю. Н. Рерих ответил, что не разрешено мясо ни зверей, ни рыб и ни птиц, но тибетцы отыскали себе лазейку в виде очистительной молитвы. Ламы не смогли ничего возразить[35]. Исторический Будда Шакьямуни вряд ли вообще знал о существовании такого животного как кулан.

Не имея права убивать зверей, тибетские ламы нашли своеобразный компромисс, который может показаться до крайности циничным. Н. К. Рерих в письме Буддийскому центру (Нью-Йорк) охарактеризовал его так: «Ламы лицемерно запрещают убивать животных, тогда как кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков, убитых для потребы монахов. Но чтобы внести ещё больший элемент лицемерия, это убийство обставляется иногда особо изобретательно – животных загоняют на скалу, чтобы они, бросаясь вниз, убились сами»[36]. Этот факт отмечен также К. Н. Рябининым[37]. Впоследствии информация о данном методе пополнения мясных запасов активно использовалась в нашей стране для критики буддийской религии и стала широко известна.

В то же время, тибетские власти проявляли невероятную щепетильность, когда дело касалось соблюдения буддийских предписаний членами экспедиции. Один анекдотический случай произошёл в начале ноября 1927 г., когда экспедиция была задержана в Чу-на-кхе. Майор на заставе, через которого происходили сношения с губернаторами в Нагчу, сообщил как-то раз, что он «писал губернаторам о нашем достойном образе жизни и о том, что мы не ловим рыбы, не стреляем животных, как это делал Фильхнер[38]. На это ему губернаторы ответили, что мы, тем не менее, съели трёх кур; майор же им вновь возразил, послав специального гонца, что куры не съедены, а подарены ему и находятся на его дворе»[39]. Парадоксально выглядит на этом фоне то равнодушие, с которым тибетские чины глядели на гибель от холода и истощения вьючных животных экспедиции. Погиб фактически весь караван – 92 животных из 102, и Н. К. Рериху пришлось нанимать новых.

Согласно наблюдениям путешественников, ни тибетцы, ни монголы не ели рыбу. Попытки некоторых исследователей, например, К. В. Вяткиной[40], объяснить этот пищевой запрет отголосками тотемизма не представляются убедительными. В караване Н. К. Рериха полагали, что рыбы Тибета ядовиты. Не будучи специалистом по ихтиофауне этой страны, я не могу подтвердить или опровергнуть данный тезис. Однако в отношении ихтиофауны Монголии это определённо не так. Сами обитатели Центральной Азии объясняли неприкосновенность рыб тем, что они «никогда не спят» и постоянно наблюдают за злыми силами; можно ли причинять вред своим защитникам?[41] Следует заметить, что рыболовство всё-таки существовало и в Монголии, и в Тибете, но обычно оно было уделом бедняков.

Ламство Тибета из религиозных соображений выступало против разработки земных недр[42]. То же самое происходило и в Монголии. Служители буддийской религии запрещали добывать руду и драгоценные металлы, а также пахать и копать землю[43]. Заимствовали ли монголы у тибетцев запрет нарушать земную поверхность или этот обычай для них автохтонный? Известно, что рытьё ям в степи,

например, в поисках кореньев, жестоко преследовалось в средневековой Монголии, так как ямы были опасны для пасущегося скота – основного, а нередко единственного богатства кочевников[44]. Но к религии это едва ли имело какое-нибудь отношение, пока в конце XVI в. в Монголию не пришёл буддизм. На степные просторы он был принесён тибетскими миссионерами и побывавшими в Тибете монгольскими проповедниками. Именно в Тибете бытовало поверье, что пахота вызывает гнев хозяев земли – так называемых *нагов*, которые насылают на людей тяжёлые болезни[45]. По-видимому, это поверье было внедрено в монгольскую культуру вместе с буддизмом, который к тому времени представлял собой сложную синкретическую систему взглядов, весьма далёкую от первоначального учения Будды.

Когда после провозглашения в 1911 г. автономии Внешней Монголии большинство китайцев покинуло страну, пашни были заброшены, ирригационная сеть стала разрушаться. Поэтому Монгольское правительство во главе с Богдо-гэгэном издало указ, согласно которому монголы должны были сеять хлеб. Специальная комиссия занялась на местах выявлением пахотнопригодных земель. Судя по архивным материалам, хошунная и аймачная администрация поначалу откликнулась на призыв правительства довольно живо, однако, до конкретных мероприятий дело не дошло. Спустя год после опубликования указа, в Министерство казны посыпались с мест просьбы не принуждать аратов к земледелию. Мотивировались эти прошения, во-первых, тем, что народ не умеет обрабатывать землю, а та не может родить хлеб; во-вторых, указывалось на недовольство распашкой духов-«хозяев» земель, вера в которых составляла важный компонент духовной культуры Монголии. В одном из прошений говорилось: «В нашей Монголии много священных мест, посвящённых духам-покровителям, которые народ почитает с древних времён. Если теперь начнём распахивать землю, то это не понравится духам, покровителям гор и вод, и они могут наслать разные болезни и несчастья на людей и животных. Это замечено уже теперь»[46]. Кроме того, ламы препятствовали земледелию на том основании, что оно «портит лик земли», и при этом под плугом гибнут бесчисленные живые существа, что совершенно неприемлемо с буддийской точки зрения.

Тем не менее, монголы в некоторой мере занимались земледелием, а тибетцы практиковали его весьма интенсивно. По существу, тибетская цивилизация была и остаётся скорее земледельческой, чем скотоводческой. Лишь бесплодная высокая равнина Чантанга, через которую пролёг маршрут экспедиции Н. К. Рериха, и аналогичные районы с чрезвычайно суровым климатом исключают возможность хлебопашества. В долинах южного и юго-восточного Тибета оно бытовало с давних времён, а с духами приходилось находить общий язык – язык молитв и заклинаний, и символических даров. Если местный дух не желал уступать людям, на уступки шли они сами: в безраздельное ведение потустороннего мира оставляли участки полей. В одной из деревень в области Цзан экспедиция с удивлением наблюдала превосходное поле на берегу реки, которое было тщательно огорожено, но не обрабатывалось. Местные жители объяснили, что обитающий на скале дух *лха* действовал так, чтобы обязательно погубить урожаи на этом поле, и его пришлось оставить в пользу несговорчивого духа[47]. Однако и у людей существовали ради-

кальные способы отвоёвывания себе земли. Поля пахали наискосок, тем самым, сгоняя духов в угол, где их затем придавливали тяжёлым камнем[48].

Не причинением земле вреда пахотой ни тибетцы, ни монголы не ограничивались. Тибетские племена хорпа не заготавливали на зиму сено, потому что считали это вредным для божеств земли[49]. Представляется, здесь речь идёт на самом деле о заботе не о божествах, страдающих от сенокошения, а о самих хорпа, не желавших иметь дело с разгневанными духами. Монголы также избегали косить сено, предпочитая допускать голодную гибель своих стад, – это тоже не укрылось от внимания участников экспедиции[50].

Насколько типичным было то, что увидели участники экспедиции в «Стране снегов»? Н. К. Рерих и его спутники достаточно близко познакомились с кочевым населением северного Тибета. Между тем, кочевники столь значительно отличались от оседлых обитателей – земледельцев долин южного и юго-восточного Тибета, что не только назывались иначе (*дрогпа*, тогда как оседлые именовались *бодпа*), но и не считались в средние века собственно тибетцами. Действительно, население северо-востока (панака, голоки, хорпа) вошло в состав Тибетского государства лишь со второй половины VII в. Для кочевых племён смешанного тюркско-монгольского происхождения тибетцы использовали этническое название «хор»[51]. Члены экспедиции наблюдали, главным образом, жизнь пяти хорских племён, обитавших к северу и югу от хребта Тангла, и основная масса критических замечаний путешественников об образе жизни тибетцев относится именно к ним, хотя негативные черты поведения были замечены и у выходцев из Шигацзе и Лхасы – военных и гражданских чиновников и духовенства. На разницу в нравственном облике кочевников и земледельцев указывал, в частности, выдающийся исследователь Центральной Азии П. К. Козлов: «Нравственные качества тибетцев – лень, грубость, лицемерие, корысть в связи с ханжеством и суеверием. Тибетцы лукавы, вороваты; они никогда не могут удержаться от соблазна воспользоваться чужою собственностью. Барантачество[52] развито очень сильно. Все эти отрицательные стороны наиболее присущи тибетскому кочевому населению, среди же оседлых тибетцев нередки и порядочные люди с более мягким характером и некоторым понятием о гостеприимстве»[53]. Ю. Н. Рерих видел причину этого в жёстких природно-климатических условиях, тормозивших физическое и духовное развитие скотоводческих племён высокогорий[54]. Отсюда, по-видимому, этика взаимоотношений с природой также была ущербной. Окружающая среда для кочевника-тибетца была враждебна или, по крайней мере, недоброжелательна. Сонмы духов заполняли пространство и не упускали случая навредить или отомстить за малейший проступок по отношению к себе. Частые смены погоды, мощные снегопады, губившие скот, внезапно налетающие бури, грозы и прочие природные катаклизмы, очевидно, порождали и поддерживали среди номадов Тибета настроение мистического страха, от которого они в некоторой степени обрели спасение в буддизме, предоставлявшем эффективную, всегда готовую к действию систему защиты. Перед несравненным превосходством священного слова Будды враждебные силы, потеряв своё могущество и вредоносность, были вынуждены отступить[55].

Однако есть и обратная сторона. В картине мира кочевников Тибета человек едва ли занимал такое же господствующее положение, как на Западе, в ареале монотеистических религий, объявляющих людей владыками земли[56]. Очень метко высказался Н. М. Пржевальский по поводу одного из кочевых тибетских племён, жившего в крайне неблагоприятных климатических условиях: «За то вероятно к ним и не приходила в голову мысль, что мир "приуготован для человека"»[57]. Если великий русский первопроходец не ошибся в догадке, то тибетские номады не должны были относиться к окружающей среде потребительски. «Иногда кажется, что они рождены страдать за какие-то прошлые грехи, и терпеливо переносят муки своего настоящего существования на холодных нагорьях Тибета», – писал Ю. Н. Рерих о хорпа[58]. Можно полагать, что подобное мировоззрение не является отправной точкой экологических кризисов, сотрясающих Запад.

Аксиология природы у монгольских и тибетских племён ещё слишком слабо исследована, а сообщаемые разными авторами сведения очень противоречивы, чтобы делать окончательные выводы. Систематизация собранных экспедицией Н. К. Рериха материалов по этнической экологии народов Центральной Азии – лишь один из шагов в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Жуковская Н. Л.* Полевые дневники российских исследователей Монголии как исторический источник // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.): Доклады российской делегации. – М., 2002. – С. 55–59.

[2] *Мельниченко Б. Н.* Тибет в воспоминаниях участников экспедиции Н. К. Рериха 1927–1928 гг. // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 329–343. Благодарю В. Л. Мельникова за помощь в ознакомлении с этой работой.

[3] *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии. – Самара, 1994. – С. 120.

[4] *Хаянхярваа Ч.* Дархан цаазат Богд хан уул // Дархан цаазат Богд хан уулыг хамгаалах зарим асуудалд. – Улаанбаатар, 1992. – Х. 3.

[5] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 125.

[6] В общей сложности, экспедиция провела фактически в плену пять месяцев, с 6 октября 1927 г. по 4 марта 1928 г., на высотах около 4500 м, не будучи подготовлена к зимовке. Причину этой задержки каравана, едва не стоившую Н. К. Рериху и его спутникам жизни, современные исследователи иногда видят в происках англичан, подозревавших в нём запоздалую фигуру «Большой игры».

[7] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 359. На четверть века раньше описываемых событий Лхасу посетил под видом паломника молодой бурятский исследователь Г. Ц. Цыбиков. Его оценки менее эмоциональны, хотя он подтверждает слова служащего дзонга: «Восхищение видом издали сразу исчезает при вступлении в город с его кривыми и до крайности грязными улицами, на которых в дождливое время стоят лужи воды, и грязь вместе с разными нечистотами наполняет воздух зловонием, а местами заставляет вязнуть даже вьючных животных» (*Цыбиков Г. Ц.* О Центральном Тибете // Избранные труды. – Т. II. – Новосибирск, 1981. – С. 15).

[8] *Рябинин К. Н.* Развенчанный Тибет. – Самара, 1996. – С. 534–535.

[9] *Декроа Н. [Кордашевский Н. В.]* С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. – СПб., 1999. – С. 203.
[10] *Портнягин П. К.* Современный Тибет // Ариаварта. – № 2. – СПб., 1998. – С. 86.
[11] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 380.
[12] *Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи. – Рига, 1992. – С. 310.
[13] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 199.
[14] *Журавлёв Ю. И.* Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны // Труды Института этнографии АН СССР. – Новая серия. – Т. LXXIII. – («Восточно-азиатский этнографический сборник», т. II). – М., 1961. – С. 100.
[15] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 325.
[16] *Портнягин П. К.* Указ. соч. – С. 38.
[17] *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. – М., 1985. – С. 355.
[18] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 358.
[19] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 305.
[20] *Майский И. М.* Современная Монголия: Отчёт Монгольской экспедиции, снаряжённой Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза потребительских обществ «Центросоюз»). – Иркутск, 1921. – С. 141.
[21] *Декроа Н.* Указ. соч. – С. 214.
[22] *Там же.* – С. 104.
[23] *Портнягин П. К.* Указ. соч. – С. 36.
[24] *Там же*. – С. 35.
[25] *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // Избранные труды. – Т. II. – Новосибирск, 1981. – С. 66.
[26] Здесь можно напомнить слова Н. М. Пржевальского, не понаслышке знакомого с племенами северо-восточного Тибета: «Из всех кочевников, виденных мною в Азии, тибетцы в нравственном отношении были наихудшие» (*Пржевальский Н. М.* Третье путешествие по Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. – СПб., 1883. – С. 258).
[27] *Урбанаева И. С.* Человек у Байкала и мир Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1994. – С. 160.
[28] *Рябинин К. Н.* – Указ. соч. – С. 101.
[29] *Там же*. – С. 93.
[30] *Там же.* – С. 244.
[31] *Там же.* – С. 236.
[32] *Козлов П. К.* Краткий отчёт о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического общества 1923–1926 гг. – Л., 1928. – С. 4.
[33] *Рябинин К. Н.* Указ. соч. – С. 123.
[34] *Там же.* – С. 291.
[35] *Там же.* – С. 389.
[36] Цит. по изд.: *Рябинин К. Н.* Указ. соч. – 691.
[37] *Там же.* – С. 490.
[38] **Вильгельм Фильхнер** (1877–1957) – немецкий исследователь Центральной Азии и Антарктики, изучавший земной магнетизм.
[39] *Рябинин К. Н.* Указ. соч. – С. 387.
[40] *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики // Труды Института этнографии АН СССР. – Новая серия. – Т. LX. – («Восточно-азиатский этнографический сборник», т. I). – М.-Л., 1960. – С. 206.
[41] А вот как трактовалась в недавнее время символика государственного герба Монголии, включающего китайский циклический знак *«инь-ян»*, который часто ошибочно принимается за стили-

зованное изображение пары рыб: «Что представляют две фигуры, напоминающие рыб? Совершенно верно. Это рыбы. Рыба, не смыкающая глаза, символизирует бдительность, долголетие, разум, мудрость» (Русско-монгольский разговорник. – Дархан, 1989. – С. 95).
[42] *Рябинин К. Н.* Указ. соч. – С. 452.
[43] *Ширендыб Б.* Некоторые вопросы истории земельных отношений в Монголии // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск, 1975. – С. 231, 234.
[44] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. – Т. I. – Кн. 2 / Пер. О. И. Смирновой. – М.-Л., 1952. – С. 19.
[45] *Stein R. A.* Tibetan civilization. – Stanford, 1993. – P. 243–244.
[46] Цит. по: *Шубин В. Ф.* Земледелие Монгольской Народной Республики // Труды Монгольской комиссии АН СССР. – Вып. 52. – М., 1953. – С. 77–78.
[47] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 328.
[48] *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Люди и боги Страны снегов. – М., 1975. – С. 119.
[49] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 312.
[50] *Рябинин К. Н.* Указ. соч. – С. 452.
[51] См.: *Дугаров Р. Н.* Этноним хор в тибетской историографии // Исследования по ономастике Бурятии. – Улан-Удэ, 1987. – С. 98–102.
[52] **Барантачество, баранта** – угон чужого скота.
[53] *Козлов П. К.* Тибет и Далай-лама. – Петербург, 1920. – С. 35.
[54] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 319–320. Вообще, идея об изначальной разделённости людей на хороших и дурных содержится уже в этногенетических мифах тибетцев, которые, как известно, считают себя потомками горной демониссы и обезьяны-самца. Унаследовав от этих прародителей разные качества, люди навсегда остались разделёнными на плохих и хороших (см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* – Указ. соч. – С. 20).
[55] *Tucci G.* The religions of Tibet. – Berkeley & Los Angeles, 1988. – P. 212.
[56] Вместе с тем, нельзя пройти мимо одного из мифов *бон*. Сначала не было ни бытия, ни небытия, существовала лишь всепроникающая пустота. Из ничего появился человек, который стал называться «Тот, кто создан как владыка бытия» (см.: *Кычанов Е. И., Савицкий Л. С.* Указ. соч. – С. 170–171).
[57] *Пржевальский Н. М.* Указ. соч. – С. 282.
[58] *Рерих Ю. Н.* Указ. соч. – С. 319.

В. А. ШУРШИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

МАСТЕР-БИЛДИНГ В НЬЮ-ЙОРКЕ (К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ)

Цель данного сообщения – представить некоторые новые материалы о деятельности Рерихов в США, привезённые сотрудниками Музея-института семьи Рерихов из научной командировки в Нью-Йорк, во время которой они посетили Музей Николая Рериха, Колумбийский университет и некоторые архивы. Эти материалы были частично использованы при подготовке соответствующих разделов выставки «Рериховский век» (2010).

О Рерихах в США писали в разное время многие биографы и исследователи. И многие из них отмечали парадоксальное сочетание краткости пребывания Рерихов

Ил. 1. Вид на Мастер-Билдинг со стороны Риверсайд-парка. Современная фотография

в США и значительного масштаба деятельности, а также общественного резонанса, который имела эта деятельность.

Период жизни и деятельности Н. К. Рериха непосредственно в США ограничивается временными рамками с 20 сентября 1920 г. по 8 мая 1923 г. После этого трижды он посещал США по делам – в 1924, 1929 и 1934 гг. Но на протяжении периода с 1920 г. и до его ухода из жизни связь Н. К. Рериха с американскими сотрудниками поддерживалась самая тесная, так же, как руководство и участие в их деятельности. Создание культурного центра, объединившего различные просвети-

тельские организации в одном здании, представляло собой самый крупный и самый известный проект Рерихов и их последователей в США.

Первым шагом в этом направлении было открытие 17 ноября 1921 г. Мастер-Института объединённых искусств (*The Master Institute of United Arts*). Около года Мастер-Институт располагался в одной большой комнате в доме Греческой Православной Церкви на Манхеттене по адресу *312 West 54th Street*. «Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно», – так определил задачи Мастер-Института Николай Константинович.

Процветание этого учреждения было связано с деятельностью талантливых педагогов, музыкантов русского происхождения Зинаиды и Мориса Лихтманов. Кроме них ещё около ста пятидесяти специалистов преподавали в нём все виды искусства. Среди них: музыканты Димс Тейлор, Феликс Салмонд и Эрнест Блох; балетмейстеры Михаил Мордкин и Михаил Фокин; художники и искусствоведы Рокуэл Кент, Клод Брэгдон, Джордж Беллоуз, Норман Бель Геддес, Говард Джайлс и другие.

Мастер-Институт постепенно вырос в общепризнанное просветительское учреждение, в котором действительно объединились все искусства. За несколько лет в занятиях при-

Ил. 2. Хью Феррис (англ. *Hugh Ferriss*; 1899—1962) Мастер-Билдинг. Перспектива. Около 1927. Проект архитектора Харви Корбетта. Переснимок рисунка в фотоателье *Brown Brothers*. © Avery Drawings & Archives

няли участие тысячи учеников, образовались кадры новых, молодых преподавателей, музыкантов, артистов, художников. Шла большая интенсивная работа под непосредственным руководством Н. К. Рериха. Он вёл беседы с учениками, учителями, читал лекции, образовывал новые классы, например, классы музыки и скульптуры для слепых.

В 1922 г. к уже утверждённому Правительством США делу Мастер-Института подошёл финансист и меценат Луис Хорш, в особняке которого с осени 1923 по 1928 г. работал Мастер-Институт и входившие в него другие организации.

К 1928 г. сложилась основная структура культурно-просветительского центра и его правление. Головной организацией стал созданный в 1923 г. Музей Николая Рериха (*«Nicholas Roerich Museum»*). В основу этого первого музея легло 315 подаренных художником картин, затем к ним присоединилось ещё 150 картин, демонстрировавшихся на выставках в 29 городах США. При нём работали, помимо Мастер-Института, ещё Международный художественный центр «Corona Mundi» («Венец Мира»), издательство (*«Roerich Museum Press»*), отделение Гималайского исследовательского института «Урусвати», Общество друзей Музея Николая Рериха.

Правление образовалось в составе: профессор Н. К. Рерих – почётный президент, Луис Хорш – президент и казначей, М. М. Лихтман – вице-президент, журналистка Фрэнсис Грант – секретарь. Совет учредителей состоял из семи лиц: Н. К. Рерих, Е. И. Рерих, М. М. Лихтман, З. Г. Лихтман, Ф. Грант, Л. Хорш и супруга последнего Нетти Хорш. На базе Музея Николая Рериха также был основан Женский союз, возглавляемый Е. И. Рерих, и ещё некоторые организации. Поскольку культурно-просветительская деятельность набирала обороты, вопрос о новом здании начал подниматься ещё во время пребывания Рерихов в США.

Луис Хорш пожертвовал музею принадлежавший ему участок земли в северной части Манхеттена. По соседству располагается одна из зелёных зон – Риверсайд парк, довольно редкое явление для этой части Нью-Йорка. Оттуда открывается прекрасный вид на Гудзон. Здесь в то время не было высотной доминанты. Ею и должен был стать Мастер-Билдинг (англ. *The Master Building* – «Дом Мастера», «Дом Учителя»).

Луис Хорш также дал в долг ещё 600 000 долларов. Остальные средства, необходимые для строительства, были профинансированы за счёт выпуска ипотечных облигаций (преимущественно под 6 %); объём стороннего финансирования значительно превышал собственные инвестиции Луиса Хорша. Общая стоимость здания составляла около 2 900 000 долларов.

Разработка проекта была поручена двум архитектурным фирмам *Corbett & Harrison* и *Sugarman & Berger*. Ведущим автором проекта стал Харви Корбетт (англ. *Harvey Wiley Corbett*; 1873—1954), который к тому времени был уже признанным проектировщиком деловых зданий и небоскрёбов. На своих лекциях в Архитектурной школе при Колумбийском университете и на страницах архитектурных журналов Америки он выступал за модернистский подход к архитектуре, который поможет сделать здания более светлыми, утилитарными, удобными и полными воздуха. К этому времени у Корбетта был успешный опыт проектирования и историко-ху-

Ил. 3. Лагерь Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха Шарагольчи. Нань-Шань. Июль – август 1927. © Avery Drawings & Archives

дожественных монументов. Среди них – «Арка мира» в Канаде и Национальный мемориал Джорджа Вашингтона в Вирджинии. Как прогрессивный художественный деятель своего времени, он неоднократно поддерживал идею объединения искусства как в своих публикациях, так и в своих архитектурных проектах.

В проекте внешнего дизайна здания ощущаются линии живописи Н. К. Рериха. Философской основой архитектурного дизайна здания, спроектированного Корбеттом, выступает ступенчатость восхождения. На некоторых поздних картинах художника присутствуют некие ступенчатые сооружения, слегка напоминающие здание Мастер-Билдинга. Например, уступчатые скалы на картине 1932 г. *«Две чаши»* (*«Будда дающий»*).

Архитектурный облик здания, яркого памятника арт-деко, имел необычные особенности [*ил. 1*]. Цвет фасада, выполненного из облицовочного кирпича, изменялся от темно-пурпурного снизу до светло-серого сверху, что, по замыслу автора, должно было создавать впечатление «чего-то растущего».

Первоначально предполагалось завершить здание буддийской ступой [*ил. 2*]. В архивных материалах Корбетта, хранящихся в Колумбийском университете, в самом крупном архитектурном архиве США «Эйвери» (*Avery Drawings & Archives*), находится фото одного из таких сооружений, вероятно, присланное Рерихами из Центральноазиатской экспедиции. Оно должно было послужить образцом для архитектора [*ил. 3*].

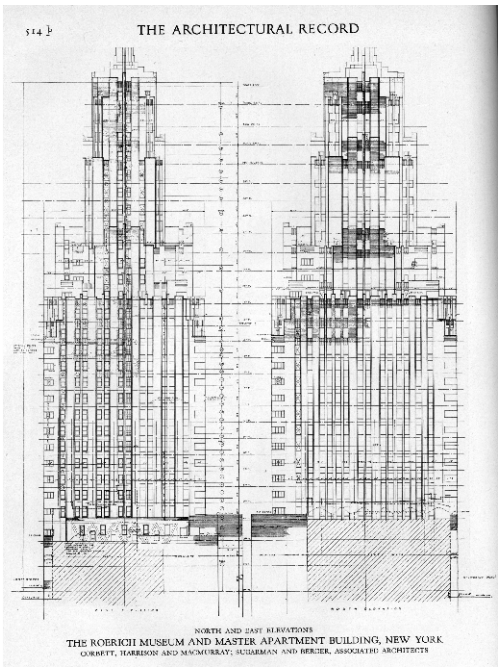
Ил. 4. Харви Корбетт. Эскиз интерьера центральной лестницы Мастер-Билдинга
Около 1927. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

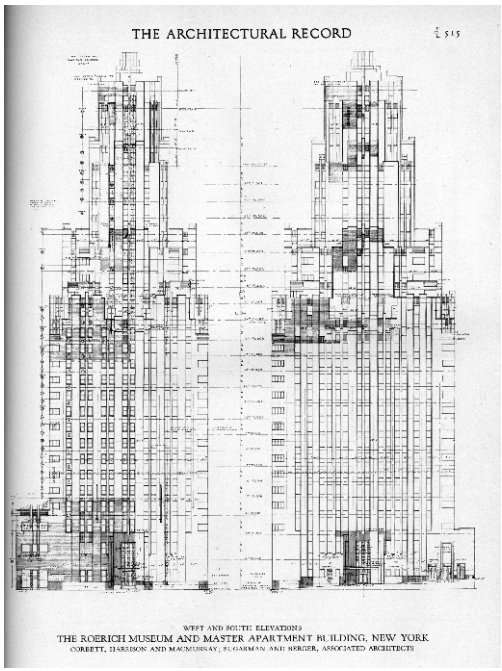
Панорама со ступой должна была встречать посетителя и у входа в музей на центральной лестнице, что как бы объединяло первый и последний этаж здания [*ил. 4*]. Но победил более рациональный подход, и здание было увенчано пятью дополнительными этажами – ступеньками.

Конструкция здания была типичной для небоскрёбов того периода: металлический несущий каркас, плиты перекрытий по маленьким сводикам из облегчённого бетона, навесные наружные стены из цветного облицовочного кирпича. В Мастер-Билдинге первый раз в Нью-Йорке были применены панорамные угловые окна. Открытые террасы давали возможность, по образному выражению архитектора Шугармана, «сохранить доступным для жителей небоскрёба воздух, свет и вид», а также служили местом общения жильцов.

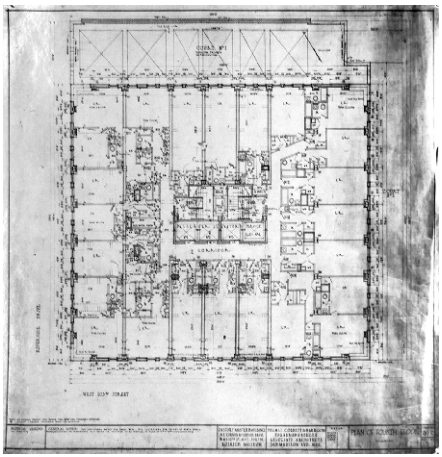
На разрезах Корбетта, опубликованных в журнале «The Architectural Record» в декабре 1929 г., видно, что Мастер-Билдинг представлял собой 29-этажный небоскрёб [*ил. 5* и *6*]. На первых трёх этажах его размещались общественные помещения – Музей Рериха (*The Roerich Museum*) и Мастер-Институт объединённых искусств (*The Master Institute of United Arts*). На других должны были разместиться научные и культурные организации и общества. А на верхних этажах – жилые помещения по типу апартмент-отеля, сдаваемые внаём. Апартмент-отели были популярны в нью-йоркской застройке конца 1920-х гг. Одна из причин состояла в том, что градостроительные ограничения высоты жилых зданий (хорошо читающиеся по окружающей застройке) не распространялись на апартмент-отели.

Верхние пять этажей, которых не достигали лифты, представляли собой гостиные, выходящие на открытые террасы и предназначенные для всех жителей дома.





Ил. 5 и *6.* Мастер-Билдинг. Разрезы по сторонам света
Воспроизведено: The Architectural Record. – N. Y., 1929. – December. – Vol. 66. – № 6. – P. 514 и 515



Ил. 7. Мастер-Билдинг. План 4-го этажа Около 1927. © Avery Drawings & Archives

Весь верхний этаж, имеющий пирамидальную форму, состоял из одной комнаты, которая использовалась Н. К. Рерихом и так называемым «Внутренним кругом» его последователей для собраний и совещаний. Эту комнату Е. И. Рерих в письмах иногда называет святилищем (англ. *shrine*); здесь же хранились её манускрипты.

Основная масса квартир здания представляла собой студии и квартиры с одной спальней с маленькой кухней-нишей (англ. *pastry*) на проходе, по образцу гостиничного номера. На планах из архивного фонда Корбетта можно видеть, что служебные помещения (лифты, лестницы) находятся в центре здания, а жилые вокруг [*ил. 7*].

Жильцам, снимающим квартиры в здании, предоставлялись услуги горничных. Предполагалось, что доходы от жилых помещений будут покрывать выплаты по облигациям, проценты по долгу Луису Хоршу, а также давать средства на содержание Музея Рериха и Мастер-Института.

Ил. 8. Мастер-Билдинг. Ресторан. Около 1930. В глубине зала – витражи, выполненные по произведениям Н. К. Рериха. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Ил. 9. Мастер-Билдинг. Зал национальностей. Около 1930
Занавес по эскизу С. Ю. Судейкина. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Частично жилые помещения предназначались, прежде всего, для сотрудников рериховских учреждений. Сами Рерихи и люди их ближайшего окружения жили на четырнадцатом этаже. Вообще, название *Мастер-апартаменты*, которое и сейчас написано над входом со стороны *West 103th Street* было своеобразным брендом, привлекающим внимание людей, симпатизирующих искусству. Кроме прочего, в здании имелся собственный ресторан [*ил. 8*].

Для проведения публичных мероприятий была предназначена аудитория на триста мест, так называемый «Зал национальностей» [*ил. 9*]. Он использовался как концертный, театральный зал, а также как кинотеатр. В репертуаре концертов, проходивших в музее, была представлена музыка разных стран и времён: «Композиторы Финляндии», «Оперы Перголези» и серия музыкальных вечеров, посвящённых русской музыке. В этом же помещении читались публичные лекции. Среди них надо отметить выступления Элеоноры Рузвельт на темы «Проблемы современной женщины» и «Урожаи и цивилизация».

Исходя из практических соображений, входа в здание было три. Знакомство с творчеством Н. К. Рериха начиналось ещё за пределами здания. Каждый вход оформлялся витражами, сделанными на основе живописных работ художника.

Интересной особенностью планировки было то, что вестибюль жилой части был уже первым экспозиционным залом, где висели некоторые картины Н. К. Рериха. Через него проходили все жители здания, посетители театрального зала и ресторана. Таким образом, ознакомление с творчеством Н. К. Рериха оказывалось обязательным для всякого, кто зачем-либо посещал здание.

Ил. 10. Мастер-Билдинг. Зал Востока. Тибетская библиотека. Слева на стене – тангка «Колесо сансары». Около 1930. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Харви Корбетт, выступая на страницах американского журнала «Арчер» в 1929 г., назвал здание «символом нового подхода к искусству в целом». Он выражал радость по тому поводу, «что такими архитектурными средствами рушится элитарный подход, оторванность искусства от обычной жизни». В этой связи среди устроителей существовала идея сдавать в аренду произведения Н. К. Рериха его поклонникам, обитающим в доме.

Кроме этого, все жильцы имели право бесплатного посещения всех мероприятий и учебных курсов, проводимых в здании.

Безусловно, самой сокровенной и уникальной частью Мастер-Билдинга был Музей Николая Рериха. К 1936 г. в его коллекции было собрано более тысячи картин художника. В истории США, да и всей Америки – это первый музей, посвящённый творчеству одного художника. По дальнейшему предложению Н. К. Рериха в его музее было начато формирование отделов американского, европейского и восточного искусств.

В музее имелся Зал Востока со стенными росписями, выполненными тибетским ламой, и хранилищем тибетских манускриптов со свитками Ганджура и Данджура, так называемая Тибетская библиотека [*ил. 10*]. Эта библиотека предназначалась для тибетологов и санскритологов и позже полностью оправдала своё назначение. В здании также имелась небольшая Часовня Святого Сергия Радонеж-

ского с небольшой коллекцией русских икон. Она явилась первым православным домовым храмом в американских небоскрёбах [*ил. 11*].

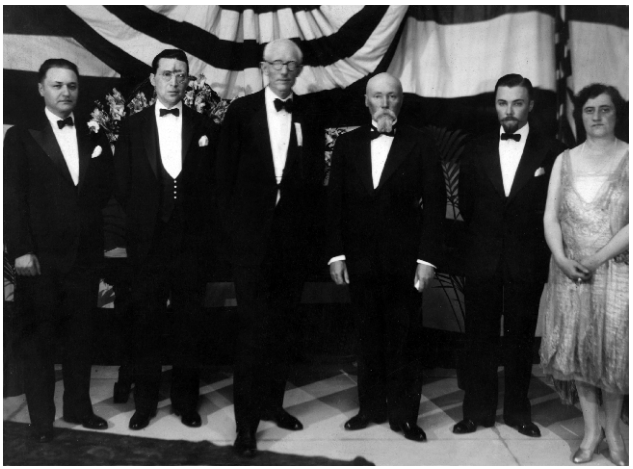
Здание активно использовалось как культурный центр. Учебными программами Мастер-Института объединённых искусств занимались преимущественно супруги Лихтман и Нетти Хорш, а исключительно активная Фрэнсис Грант организовывала мероприятия в большом «Зале национальностей». В начале 1930-х гг. в Мастер-Институте еженедельно проходили разнообразные музыкальные мероприятия, лекции, собрания; «Зал национальностей» также часто арендовался театральными труппами для спектаклей.

Двадцать четвёртого марта 1929 г. ещё в отсутствие Н. К. Рериха состоялась закладка краеугольного памятного камня (англ. *cornerstone* or *foundation stone*) в основание здания. В закладной камень был помещён ларец с вложенными духовно значимыми предметами, подобранными Е. И. Рерих.

Сохранилось фото, запечатлевшее Джона Тилсона, главу Палаты представителей из Вашингтона, Харви Корбетта и Луиса Хорша [*ил. 12*]. В сказанных в тот день речах прозвучало: «Это здание памятник не Рериху, а благородному и возвышенному чувству правды и красоты. Рерих не нуждается в памятниках. Сама его деятельность служит этим». Мастер-Билдинг был торжественно им открыт 17 октября 1929 г. [*ил. 13*].

Ил. 11. Мастер-Билдинг. Часовня Св. Сергия Радонежского. Около 1930
© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Ил. 12. Мастер-Билдинг Закладка краеугольного памятного камня. 24 марта 1929



Ил. 13. На торжественном открытии Мастер-Билдинга. 17 октября 1929. *Слева направо:* Морис Лихтман, Луис Хорш, Харви Корбетт, Николай Рерих, Юрий Рерих, Фрэнсис Грант

© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

С его открытием популярность искусства Н. К. Рериха в США возросла. Летом 1929 г. мэр Нью-Йорка организовал торжественную встречу для вновь прибывшего в США Н. К. Рериха, приняв его в своём офисе.

Однако открытие культурного центра практически совпало с началом Великой депрессии в США. В связи с этим финансовые результаты эксплуатации доходной части проекта – апартаментов – оказались неудовлетворительными. Последовал ряд преобразований в управлении зданием, что нисколько не исправило финансовую ситуацию, а только усугубило антагонизм между сотрудниками, ориентированными на достижение культурных целей, и теми, кто был заинтересован в деятельности культурного центра сугубо материально. В результате череды скандалов, арестов имущества и судебных процессов Музей Рериха в 1938 г. был закрыт, а коллекции вывезены Хоршами из здания. Здание попало под единоличный контроль Луиса Хорша, который продолжал использовать его в схожих гуманитарных целях, разместив в нём Музей современного американского искусства (*«The Riverside Museum»*) и театр (*«The Equity Library Theater»*). Музей под руководством Нетти Хорш специализировался на выставках современного и этнического искусства. Продолжалась также и образовательная деятельность Мастер-Института, потерявшая, впрочем, какую-либо связь со своими основателями – семьёй Рерихов.

С 1960-х гг. здание является кооперативным домом, в котором, однако, существует инициативная группа жителей, изучающих, хранящих и пропагандирующих историю этого уникального места.

Продолжателем традиций Музея Рериха служит совсем другой музей, открытый неподалёку в послевоенное время группой сотрудников во главе с Зинаидой Фосдик (в первом браке – Лихтман). Но это уже другая история.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ, П. Н. ШУМКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ВСПОМИНАЯ ИННОКЕНТИЯ ИВАНОВИЧА ЕЛЬЦОВА

Многих мыслителей, учёных, писателей Учение Живой Этики и сотрудничество с семьёй Рерихов натолкнули на размышления, обобщения, создание новых научных гипотез. Их сохранившиеся труды продолжают высвечивать новые грани в осмыслении прошлого и современных условий жизни. Среди таких личностей можно назвать А. П. Хейдока, Б. Н. Абрамова, А. Н. Зелинского, Б. П. Коваленко, И. И. Ельцова. Письмо последнего к Е. И. Рерих, «наполненное таким сердечным огнём энтузиазма», вызвало её ответный пламенный отклик[1].

Иннокентий Иванович Ельцов (1892—1967) поставил целью всей своей жизни изучение, распространение и сохранение Учения Живой Этики.

Вот что рассказала о нём одному из авторов настоящего сообщения Клавдия Васильевна Мельникова, знавшая Иннокентия Ивановича в течение около 40 лет, сначала ещё в Китае, а потом в Краснодаре, где он прожил последние 10 лет.

Долгое время, переселившись в Краснодар, Иннокентий Иванович не имел своего угла. Наконец, за несколько лет до ухода из жизни он всё-таки получил комнату в коммуналке как пенсионер-общественник. Был очень пунктуальным человеком. Дни его визитов к Мельниковым редко нарушались. Рассказывали очевидцы, что скончался он в троллейбусе на углу улиц Мира и Шаумяна. При нём были книги Живой Этики, которые он вёз друзьям. Случилось это 26 февраля 1967 г. Иннокентию Ивановичу было 75 лет. Столько же прожил и его отец, сибирский золотопромышленник.

В беседах, происходивших у Мельниковых за овальным старинным столом, где у каждого было своё особое место, он часто с большим уважением упоминал *Елену Ивановну*[2]. Её подарком – сколом горного хрусталя – он дорожил больше всего на свете. И особенно его хранил. Этот кусочек Гималаев более 30 лет сохраняла К. В. Мельникова, в 1997 г. она передала его в Мемориальное Собрание С. С. Митусова – в основание Музея-института семьи Рерихов на их родине, в Санкт-Петербурге.

Знакомых, интересующихся Живой Этикой, у Иннокентия Ивановича было немного. Он не имел врагов, обладал тонким чувством юмора, жил незаметной для всех сосредоточенной мыслительной жизнью, но никогда не козырял своими познаниями. Это ясно хотя бы из того, что близкий Иннокентию Ивановичу человек, Клавдия Васильевна, почти ничего не знала о его работе. Когда она вошла после его ухода из жизни в комнату, то увидела её такой, будто хозяин только что вышел: на столе аккуратно лежали недописанные листы рукописи, стоял недопитый стакан чая... Казалось, сейчас войдёт Иннокентий Иванович и сядет за стол, чтобы продолжить работу. Клавдия Васильевна была приятно удивлена и обрадована, когда узнала, что И. И. Ельцов – автор значительных философских сочинений.

До нас дошло лишь два труда Иннокентия Ивановича: написанная в 1948–1956 гг. книга **«Учения Востока»** (издана в 1991 г.)[3] и подготовленная в 1960–

Иннокентий Иванович Ельцов на групповых фотографиях Мельниковых. Краснодар. 1950–1960-е
© СПбГМИСР. *Слева направо:* НВ-3204, НВ-3208, НВ-3210, НВ-3211, НВ-3212, НВ-3213

1963 гг. в Краснодаре до сих пор неизданная рукопись **«О научных суевериях»**, имеющая, по выражению автора, «полемическо-боевой характер»[4]. Действительно, уже сами названия глав труда вступают в спор с расхожими псевдонаучными представлениями: «первая глава носит название: Суеверие № 1 – "мысль и сознание – функции мозга", глава вторая: Суеверие № 2 – "мы живём только раз", глава третья: Суеверие № 3 – "никакого Высшего Мира нет"…»[5], глава четыре «Нравственность – не отвлечённое понятие, а Космический Закон», глава пятая – «В силу закона отрицания отрицания, законы кармы и перевоплощения будут признаны, но на более высоком научном уровне». Само название – «О научных суевериях» – обращает к общепринятым положениям науки и современного философско-религиозного осмысления жизни человеком.

В предисловии к «Учениям Востока» И. И. Ельцов писал, что его «труд имеет целью пламенный зов к строительству нового мира, к расширению сознания, к борьбе

с пережитками старого мира в сознании людей». Действительно, и вся жизнь И. И. Ельцова осталась примером такой реализации и таких действий, направленных на совершенствование и помощь ближним. В этом он последовательно следовал словам Е. И. Рерих из письма к нему: «Любите людей, они так нуждаются в бескорыстной любви! Любите нашу страну, любите её героический народ!»[6].

Став юристом и писателем, Иннокентий Иванович всеми доступными средствами утверждал высокое – даже тогда, когда сам уклад жизни препятствовал ему. Он был беден, но не потому, что не умел себя обеспечить, а потому, что постоянно заботился о других. Собственной семьи он не имел, но десятилетиями жил заботами своей сестры, а потом и своего племянника. При значительном каждодневном труде он был скромен и неизменно доброжелателен к людям. Об этом свидетельствовали и его друзья – Николай Иванович Попович и Альфред Петрович Хейдок.

Высока патетика трудов Иннокентия Ивановича. Его книга «О научных суевериях» заключается мыслями о Великом Синтезе, перекликающимися со словами Е. И. Рерих из письма к нему: «Синтез всех Великих Учений заключается в Зове к любви, понимаемой как сострадание и благожелательство, к самоотверженному труду и жертвенному подвигу. На этом Великом Синтезе, говорят нам Братья Человечества, основано не только развитие земного человечества, но и развитие всех неисчислимых видимых и невидимых Миров, нарождающихся, развивающихся и распыляющихся в беспредельных пространствах Космоса».

И. И. Ельцов в гостях у Мельниковых. Краснодар. 1960-е. *В центре* – М. А. Мельникова, мать К. В. Мельниковой (*слева*). © СПбГМИСР. НВ-3218

Приложение[7]

И. И. Ельцов
Письмо Н. И. Поповичу[8]

Краснодар. 29 ноября 1961 г.

Милый и дорогой друг Николай Иванович, получил Вашу открытку, в которой Вы предлагаете мне выслать два тома Клизовского[9]. Книги эти я хорошо знаю, и посвящение на титульном листе: «Посвящаю моему светлому Гуру Е. И. Р.»[10] – было для меня как озарение свыше. В тот период моей жизни, когда я познакомился с учением Иогов, но ещё не знал Учения Жизни, у меня было стремление изучить язык хинди и, если не смогу уехать, то хоть пешком отправиться в Индию, чтобы найти себе Гуру для быстрого продвижения по духовному пути. И вот в это время я получаю две книги Клизовского и узнаю про Е. И. и Н. К. Рёрих. Когда я прочёл посвящение, как молния блеснула в моей голове – вот то, что мне надо, что я ищу. И какое счастье, что Е. И. наша, русская, и не надо никакого хинди и путешествия. Клизовский писал свою книгу как подготовительную для понимания книг Учения Жизни, но он писал для эмигрантов, а для Советской России она мало подходит. Моя книга тоже имела цель подготовить сознание к пониманию Учения, но я писал для советских людей, в том числе и для партийных, и в ней я пытаюсь дать синтез, перекинуть мост между философией марксизма и философией Махатм Востока и доказываю, что между ними нет никакого противоречия, и что Агни Иога расширяет и углубляет диалектический материализм. Ведь основы диамата были даны ещё Готамой Буддой за семь веков до христианской эры. Разница между ними только та, что Великие Учителя человечества знают много больше наших учёных. Так, диамат тоже рассматривает жизнь человека как цепь причин и следствий. Похоже на Закон Кармы, но разница в том, что диамат рассматривает смерть человека как скачок в небытие. Ну, разве это научный взгляд? Можно ли найти пример в Космосе, чтобы что-то существующее превращалось в ничто? А ведь именно такой участи подвергают наши псевдоучёные сознание человека. Причина такого заблуждения лежит в том, что наша наука не знает, в чём сущность мысли и сознания. Своему труду, над

Николай Иванович Попович. 1960-е
© Архив Ю. Д. Малышева (Санкт-Петербург)

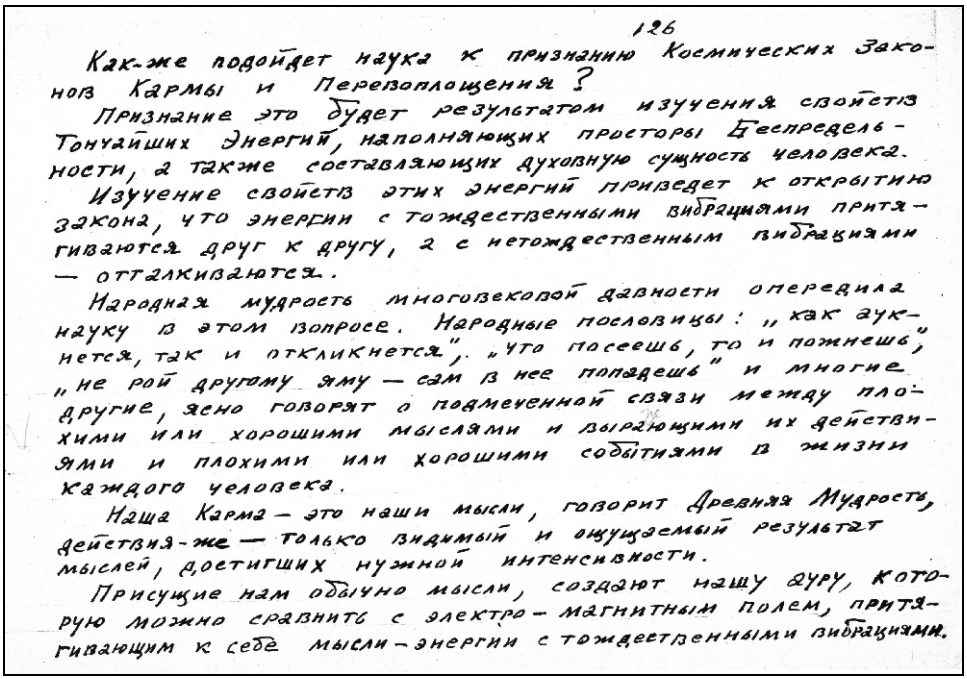
которым я сейчас работаю, я дал название – «О научных суевериях», а первая глава носит название: «Суеверие № 1 – “Мысль и сознание – функции мозга”», глава вторая: «Суеверие № 2 – “Мы живём только раз”» и глава третья: «Суеверие № 3 – “Никакого Высшего Мира нет”». Как видите, самые названия глав носят полемическо-боевой характер. Всего у меня будет четыре главы, введение и заключение[11]. В основу заключения будет положен один из законов диамата – «отрицание отрицания». Я так благодарен Вам, что Вы обратили моё внимание на этот закон. В эпоху культа личности о нём забыли, и никто о нём не упоминал. Он даёт закономерное основание для принятия и нового освоения Космических Законов, данных человечеству ещё на заре его истории Великими Учителями.

Между прочим, я давно бы отправил Вам заказной бандеролью «Жизнь» Ганди[12], но боюсь, что если она придёт во время Ваших гастрольных поездок[13], то книга может затеряться на почте или в лучшем случае вернётся ко мне обратно. В книгах Клизовского у меня пока нет надобности. Читаю я сейчас, главным образом, то, что мне нужно для моего труда, а нужно очень и очень многое. Ведь если я вступил в борьбу с учёным миром, то должен твёрдо знать позиции противников по спорным вопросам. Не могу только отстать от жизненной привычки почитать на сон грядущий час-полтора художественную литературу.

И. И. Ельцов. Краснодар. 1960-е
© СПбГМИСР. НВ-3216

Вернусь ещё к Ганди. Вы в письме спросили моё мнение о книге. Ганди не обладал способностью отличать великое от малого, и именовать его Махатмой нет никаких оснований. Ганди и сам сознавал это и не любил, когда его называли Махатмой. Такое же щедрое раздавание духовных званий наблюдалось и у нас. Один Николай II понаделал четырёх святых, а в эмиграции было много сторонников его самого причислить к лику святых, хотя по своей жизни он так же походил на святого, как я на японского императора.

В своём труде я продвинулся – готовы уже введение и три главы, но они в таком виде, так испещрены всякими изменениями, помарками, вставками, как на полях рукописи, так и в других тетрадях, что я сам путаюсь при чтении, и решил переписать всё набело в другую тетрадь. При переписывании опять многое изменяю, но и это не окончательный текст. Когда буду переписывать на отдельные листы библиотечным почерком – опять будет много изменений. Никогда не удаётся пи-



126

Как-же подойдет наука к признанию Космических Законов Кармы и Перевоплощения?

Признание это будет результатом изучения свойств Тончайших Энергий, наполняющих просторы Беспредельности, а также составляющих духовную сущность человека.

Изучение свойств этих энергий приведет к открытию закона, что энергии с тождественными вибрациями притягиваются друг к другу, а с нетождественным вибрациями — отталкиваются.

Народная мудрость многовековой давности опередила науку в этом вопросе. Народные пословицы: „как аукнется, так и откликнется", „что посеешь, то и пожнешь", „не рой другому яму — сам в нее попадешь" и многие другие, ясно говорят о подмеченной связи между плохими или хорошими мыслями и вырвющими их действиями и плохими или хорошими событиями в жизни каждого человека.

Наша Карма — это наши мысли, говорит Древняя Мудрость, действия-же — только видимый и ощущаемый результат мыслей, достигших нужной интенсивности.

Присущие нам обычно мысли, создают нашу ауру, которую можно сравнить с электро-магнитным полем, притягивающим к себе мысли-энергии с тождественными вибрациями.

Лист рукописи И. И. Ельцова «О научных суевериях»
Краснодар. 1960–1963 гг. © СПбГМИСР. НВ-5382

сать ясно, чётко и немногословно с одного присеста, а приходится для этого много трудиться. Много отнимает времени и общественная работа. Я стал активистом не только в Совете пенсионеров, но и при райкоме и райисполкоме, и когда начинаются разные кампании, меня вызывают для участия в них. К празднику Октября получил нынче от райкома и райисполкома почётную грамоту – «пенсионеру Ельцову И. И. за активное участие в общественной жизни». На здоровье пожаловаться не могу. Надежде Николаевне[14] сердечный привет. Вам обоим желаю здоровья, удач и всякого благополучия.

И. Ельцов.

Автограф. Ксерокопия. РДФ СПбГМИСР. НВ-5381. 4 л.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Е. И.* Письмо И. И. Ельцову. – 4 мая 1946 г. // *Ельцов И. И.* Учения Востока: Сб. / Сост. А. Тишин. – Город Гусев (Калининградская обл.); Минск, 1991. – С. 4.

[2] Память К. В. Мельниковой её фамилию не хранила. Несомненно, речь могла идти только о *Елене Ивановне Рерих*, духовным учеником которой был Иннокентий Иванович. Этот факт умалчивания фамилии наставницы свидетельствует о его осторожности и скромности.

[3] *Ельцов И. И.* Учения Востока: Сб. / Сост. А. Тишин. – Гусев. – Минск, 1991. – Включает 2 приложения: письма Е. И. Рерих И. И. Ельцову и подборку цитат «Заветы Махатм».
[4] Многие годы эту рукопись хранил Николай Иванович Попович (Санкт-Петербург), но после его смерти в 2000 г. она, вероятно, утрачена. Цитируется по сохранившейся ксерокопии в РДФ СПбГМИСР (НВ-5382), сделанной В. Л. Мельниковым в 1994 г. Другой экземпляр рукописи сохранился в архиве П. Ф. Беликова в Козе-Ууэмыйза (Эстония).
[5] *Ельцов И. И.* Письмо Николаю Ивановичу Поповичу. – Краснодар. – 29 ноября 1961 г. – См. полный текст в *Приложении*. По-видимому, подлинник постигла та же участь, что и рукопись «О научных суевериях».
[6] *Рерих Е. И.* Указ. соч. – С. 5.
[7] Текст приводится в современной пунктуации с сохранением авторского стиля написания отдельных терминов.
[8] **Николай Иванович Попович** (китайское имя – **Чжан Голин**; 1918—2000) – инженер-химик, журналист, регент церковного хора, оперный певец (тенор), искусствовед, педагог, философ. «Работал в обществе “Знание”, читая лекции о Китае и Японии, успешно выступал не только в Ленинграде, но и во многих городах необъятного Советского Союза, тем самым внося свой посильный вклад в развитие и укрепление дружбы между народами СССР и КНР. Плодотворной была его деятельность и в качестве члена Правления Ленинградского – Санкт-Петербургского отделения Общества Советско-Китайской, а в последние годы Российско-Китайской дружбы» (*Решетов А. М.* Русская Православная Духовная Миссия и её роль в развитии культурных связей между Россией и Китаем // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 302). В 1992 г. с подачи одного из авторов данной статьи Н. И. Попович познакомился с группой студентов СПбГУ, занимающихся изучением наследия семьи Рерихов, организовавшей в дальнейшем в университете Рериховский центр. По просьбе студентов Николай Иванович прочитал несколько лекций, в т. ч. в общежитиях Петродворцового учебно-научного комплекса, о своём поколении и об экономике, культуре и языке Китая. На одной из встреч со студентами Н. И. Попович познакомился с Л. С. Митусовой, вдохновительницей университетской группы по организации СПбГМИСР. Наконец, 26 апреля 1999 г. на 2-м заседании культурологического семинара Рериховского центра СПбГУ он рассказал о своих дружеских связях с членами Харбинской группы последователей Рерихов в 1930-е – 1960-е гг., главным образом, с И. И. Ельцовым. Именно с его подачи один из авторов данной статьи и «вышел на след» краснодарских друзей Иннокентия Ивановича.
[9] **Александр Иванович Клизовский** (1874—1942) – писатель, популяризатор идей Учения Живой Этики, член научной секции Латвийского общества Рериха, автор трёхтомника «Основы миропонимания Новой Эпохи», книг «Психическая энергия» и «Правда о масонстве» (1934–1938).
[10] Имеется в виду Е. И. Рерих.
[11] В сохранившейся рукописи книга разбита на введение и пять глав, причём главы соответственно носят следующие названия: «Суеверие № 1 – Мысль есть функции мозга» (I), «Суеверие № 2 – “мы живём только раз”» (II), «Суеверие № 3 – «Ни посмертного существования, ни Высшего Мира не существует”» (III), «Нравственность не отвлечённое понятие, а Космический Закон» (IV), «В силу закона отрицания отрицания, законы кармы и перевоплощения будут признаны, но на более высоком уровне» (V).
[12] Имеется в виду книга «Эксперимент с истиной или биография» (впервые изданная на русском в 1934 г. как «Моя жизнь») – автобиография Махатмы Ганди, написанная в 1925–1929 гг.
[13] В то время Николай Иванович выступал как певец-солист и артист Ленконцерта под своим китайским именем Чжан Голин.
[14] Супруга Н. И. Поповича.

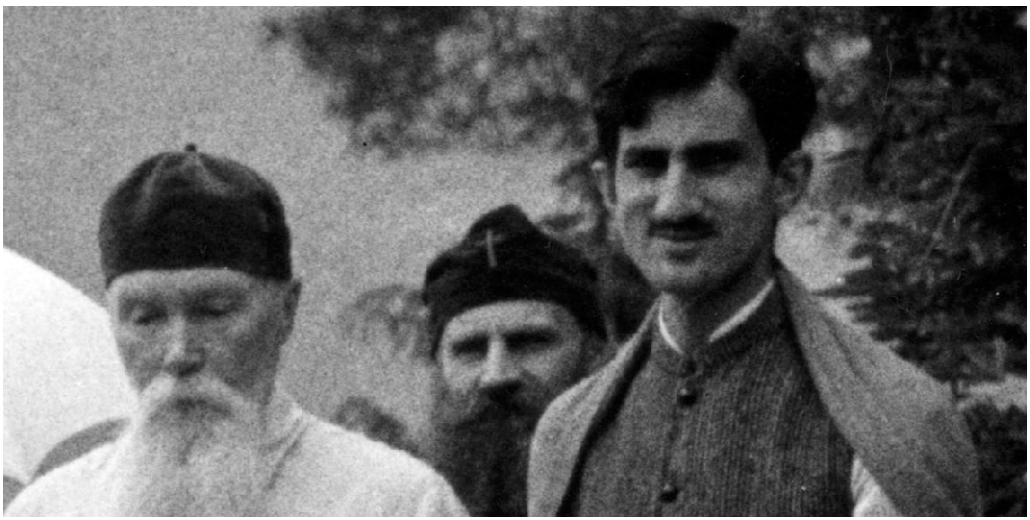
П. И. КРЫЛОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК В ГОСТЯХ У РЕРИХОВ В КУЛУ В 1942 ГОДУ

Как же мало мы знаем о жизни Рерихов в Индии! О визите Джавахарлала Неру в Кулу в мае 1942 г. прекрасно известно, в том числе по многократно публиковавшимся фотографиям[1]. Вот Рерих с Неру у статуи Гуго Чохана, вот все вместе, гости и хозяева: Джавахарлал Неру, Святослав Рерих, Индира (за месяц до этого ставшая Ганди), Елена Рерих (под зонтиком), Николай Рерих, Мохаммед Юнус…

Стоп! А вот кто стоит сзади между Николаем Константиновичем и Юнусом? Это, по одежде, явно православный священник [*ил. 1*]. Откуда в мае 1942 г., почти через год после начала Великой отечественной войны, в Индии, в Гималаях появился православный священник? Причём не просто священник. Сам факт его присутствия на фотографии указывает на то, что он не был случайным человеком в Наггаре. Нет же на этом фото наггарских «домашних» – ни доктора А. Ф. Яловенко, ни сестёр Богдановых. На нём явно запечатлены только «важные», значительные на тот момент люди. Тогда можно предположить, что этот священник, как и Неру, был приглашён в гости Рерихами – а это значит, что им было, что с ним обсудить, о чём поговорить.

В архиве Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге имеется оригинал этой фотографии, он был подарен музею Аллой Павловной Беликовой и её дочерью Галиной Кирилловной Беликовой, внучкой Павла Фёдоровича Беликова. Снимок находится в альбоме, под каждой фотографией которого – машинописные подписи, сделанные по-английски Девикой Рани Рерих.



Ил. 1. Фото 1942 г. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

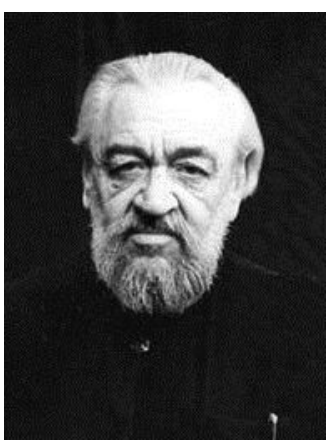
Подпись под этой фотографией гласит: «– 1942 – в Наггаре, в долине Кулу в Гималаях. Слева направо: 1. Пандит Джавахарлал Неру; 2. М-р Святослав Рерих, сын художника, ответственный сейчас за проведение в жизнь Пакта Рериха; 3. Миссис Индира Ганди, дочь пандита Неру; 4. Мадам Елена Рерих (под зонтиком); 5. Профессор Николай Рерих; 6. Русский гость и 7. М-р Мохаммед Юнус, вице-консул Индии на Яве».

Вот просто так – «русский гость»? Видимо, Святослав Рерих, привёзший Неру в Кулу, тогда его не знал – едва ли Девика Рани не поинтересовалась у мужа, кто изображён на фотографии. Интересно же, кто это? На мой взгляд, очень интересно!

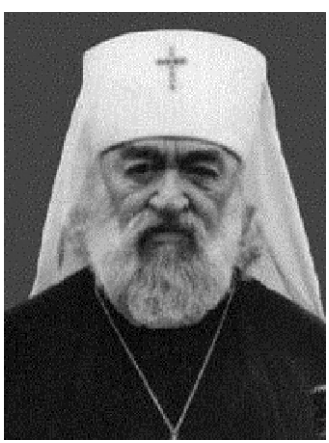
Увы, я пока не знаю ответа на этот вопрос. Но версия, конечно, есть. Поскольку мне известен только один православный священник, который, с одной стороны, мог жить в это время в Индии, а с другой – был давно и хорошо знаком с Николаем Константиновичем и Юрием Николаевичем Рерихами (но не со Святославом Николаевичем). И с которым было, что обсудить, ибо он был крупным религиозным деятелем того времени.

Это – человек интереснейшей, но трагической судьбы, впрочем, для православных священников того периода русско-советской истории не удивительной, – **митрополит Нестор** (в миру *Николай Александрович Анисимов*; 1885—1962), «Апостол Камчатки» [*ил. 2–4*]. О нём за последние годы много написано[2], и я не буду останавливаться на его биографии. Проблема в том, что в этих материалах подробно рассматривается российский (в том числе наиболее яркий и героический камчатский) период его жизни. Довольно много известно и о харбинском периоде, и практически ничего – о годах странствий между отъездом из Харбина и возвращением туда в 1946 г. У А. К. Караулова читаем: «В этот период Владыка посещает ряд стран Европы и Азии, встречаясь с иерархами Русской Православной Церкви за

Ил. 2. Фото 1940 г.



Ил. 3. Фото 1955 г.



Ил. 4. Фото 1956 г.

Митрополит Нестор (в миру *Николай Александрович Анисимов*; 1885—1962) в разные годы
Фрагменты фотографий взяты из публикации А. К. Караулова и В. В. Коростелёва (2012)

границей, предстоятелями ряда поместных Православных и инославных Церквей. Несколько раз совершает паломничество на Святую Землю. *В 1938–1939 гг. занимается миссионерской работой в Индии и на Цейлоне (Шри-Ланка).* В 1946 г. Святейшим Патриархом Алексием I Владыка Нестор возводится в сан митрополита и назначается правящим архиереем Харбинским и Маньчжурским, Патриаршим Экзархом по Юго-Восточной Азии» [курсив мой – *П. К.*]. А между 1939-м и 1946-м? Есть ли доказательства того, что его пребывание в Индии закончилось в 1939 г.?

Н. К. и Ю. Н. Рерихи познакомились с митрополитом Нестором в Харбине в 1934 г. И не просто познакомились, а стали активно принимать участие в делах друг друга. Об этом сейчас тоже хорошо известно. Достаточно напомнить, что митрополит Нестор был выбран Почётным председателем Русского комитета Пакта Рериха в Харбине, а Н. К. Рерих – Почётным членом общества «Икона». Рерихи принимали активное участие в деятельности созданного митрополитом Нестором Дома милосердия и трудолюбия и в других его начинаниях. Поэтому не удивительно, что желание встретиться вновь на индийской земле могло быть обоюдным. Так ли это, могут установить только будущие исследования.

Автор будет чрезвычайно признателен за любую информацию по поднятым вопросам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Бондаренко А. А., Мельников В. Л.* Рерихи и Джавахарлал Неру: дары Востока // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 104–112.
[2] См., например: *Караулов А. К.* Митрополит Нестор. Камчатский миссионер. 1885–1962. – Петропавловск-Камчатский, 2000; *Караулов А. К., Коростелёв В. В.* Экзарх Восточной Азии // Русская Атлантида. – Челябинск, 2003. – № 9. – С. 17–24; *Караулов А. К., Коростелёв В. В.* Митрополит Нестор – просветитель народов Камчатки (К 50-летию со дня блаженной кончины) // Суждения: Исторический Интернет-журнал. – 2012. – Режим доступа: http://suzhdenia.ruspole.info/node/3343; *Фомин С. В.* Божьей милостию архиерей Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. – М., 2002; *Фомин С. В.* Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов). – М.: Форум, 2004.

Ю. Ю. БУДНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ИТАЛЬЯНСКИЕ СОТРУДНИКИ РЕРИХОВ: ЭНРИКО ДЖЕРАРДО КАРПАНИ

Не обо всех сотрудниках Рерихов написано одинаково много. Один из таких людей, практически не известный рериховедам – итальянский востоковед, индолог **Энрико Джерардо Ка́рпани** (итал. *Enrico Gerardo Carpani*) [*ил. 1*]. К сожалению, нам не известны даты его жизни. Родился он где-то на рубеже веков, а сведения о нём в доступных нам источниках обрываются в 1959 г. Его деятельность можно проследить с

1930-х гг., когда он живёт и работает в Болонье. По всей видимости, востоковедное образование он получил именно в Болонском университете. В 1930-е гг. он занимался вопросами восточной философии, затем через исследования психологических учений древнего Востока перешёл к историко-религиозным проблемам Азии, делая особый акцент на Индии. Помимо серии ориенталистических исследований самадхи (санскр. *samādhi*) он курировал и другие востоковедные публикации. Среди прочего, в 1939 г. он получил премию Итальянской Академии за свою герменевтическую реконструкцию Чхандогья-упанишады (*Chāndogya Upaniṣad*). В сотрудничестве с А. М. Пиццигалли опубликовал, впервые в Италии, санскритский текст Таиттирья-упанишады (*Taittiriya Upaniṣad*) (Милан-Болонья, 1943). Являлся главным редактором «Книжного курьера» («Corriere del libro») – журнала литературной, научной, художественной и технической библиографии (выходил в Болонье каждый месяц с 1946 г.). В 1947 г. основал альманах «Международные научные исследования» (Studi Internazionali di Scienze e Lettere / International Studies of Sciences and Letters; далее – *ISSL*), с подзаголовком «Академические толкования», планируя начать научную деятельность, основанную на публикации монографий строго академического характера. Основными направлениями ISSL были история науки, филология, востоковедение. Сборник увидел свет в 1956 г. в рамках деятельности Рериховского института, основанного Карпани в Болонье.

Тут мы вплотную подходим к теме сотрудничества Карпани с рериховскими организациями. Даже скудные сведения об этом учёном, которые удалось найти на сегодняшний день, рисуют перед нами образ человека, искренне и беззаветно преданного культуроохранным идеям Н. К. Рериха и мировоззренческим установкам Учения Живой Этики. В определённый момент Карпани фактически променял университетскую карьеру на работу по организации Итальянского комитета Пакта Рериха (1947), Итальянского Рериховского общества (1948), Международного Рериховского университета (1949) (см. *Приложение I*), а позднее Рериховского института (1956).

В 1947 г. через швейцарского учёного, профессора Эмиля Шауб-Коха (фр. *Emile Schaub-Koch*), давнего участника движения за сохранение культурных ценностей[1], Энрико Карпани получает предложение стать одним из вице-президентов Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира, организовав и возглавив Итальянское отделение Пакта. Руководитель центрального Комитета Пакта Рериха Дидлей Фосдик сразу советует ему наладить прямые контакты с ЮНЕСКО.

До второй мировой войны в фашистской Италии не существовало самостоятельного Комитета, хотя был представитель Комитета Пакта писатель Кармело Рапикаволи (итал. *Carmello Rapicavoli*), бывший почётным членом-корреспондентом Гималайского исследовательского института «Урусвати». Мы знаем, что после войны американские сотрудники с новой силой стали вести работу по распространению идей Пакта, кооперируя силы единомышленников, в том числе в Латинской Америке, в Европе, в Азии. Работа комитетов Пакта Рериха и Знамени Мира координировалась центральным Комитетом, находившимся в Нью-Йорке. До самой своей смерти Н. К. Рерих внимательно следил за этой деятельностью, руководя ею и давая советы[2]. Среди участников этого процесса были сотрудники университета в Коимбре.

Ил. 1. Энрико Джерардо Карпани. Фото с дарственной надписью Дидлею Фосдику на паспарту Болонья. 10 ноября 1947. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Тут надо сделать небольшое отступление и сказать, что в 1930-е гг. одним из самых активных комитетов Пакта Рериха являлся португальский, существовавший при одном из старейших европейских университетов – университете города Коимбры. Точнее сказать, этот комитет был организован при содействии и на базе университетского профессорского клуба «У Институту» («O Instituto»). Именно ему в 1939 г. Рерих передал своё полотно «Святая Покровительница» («Sancta Protectrix»), ныне, увы, исчезнувшее из поля зрения искусствоведов[3]. Председателем Португальского комитета был профессор А. Г. да Роха-Мадахил (порт. *A. G. da Rocha-Madahil*), одним из активных членов являлся искусствовед и палеонтолог Эмиль Шауб-Кох, который в то время входил в состав университетского профессорского клуба. «O Instituto de Coimbra» возник в 1852 г. как клуб университетских профессоров. Он рос, туда стали принимать людей со стороны, в том числе иностранцев. Почётным членом клуба в 1939 г. был избран художник Николай Рерих. Постепенно «У Институту» превратился в крупную академию, занимавшуюся пропагандой науки и искусств. Клубом издавался альманах с таким же названием, в котором, в частности, была опубликована статья Э. Шауб-Коха о Николае Рерихе. Среди авторов публикаций мы встречаем имя Э. Карпани. Итальянский востоковед давал в этот альманах свои индологические исследования (в частности, «Ṛgveda-Saṃhitā», 1946). В переписке с Дидлеем Фосдиком (конец 1940-х – 1950-е) итальянский востоковед называет профессора Эмиля Шауб-Коха своим другом (см. *Приложение II*). Таким образом, ниточкой, связующей два интересующих нас имени – Рериха и Карпани – по нашему предположению, является Шауб-Кох, который, вероятнее всего, и познакомил Карпани с творчеством и идеями Рериха.

Красивую символику и глубокую закономерность мы видим в том, что культуроохранная деятельность, проходившая под флагом имени Рериха, развивалась представителями двух старейших университетов Европы – средневековых очагов знания (Болонский университет – самый старый в Европе, университет в Коимбре – один из первых).

В сороковые годы XX столетия в Болонье, по инициативе Энрико Джерардо Карпани был организован не только Итальянский комитет Пакта Рериха, но и Рериховское общество, которое распространяло в Италии книги и статьи Н. К. Рериха, знакомило интересующихся с Учением Живой Этики. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что у Карпани сложились близкие доверительные отношения с четой Фосдиков, которые сообщали ему о своих высоких Руководителях, высылали ему книги Учения Живой Этики, издававшиеся Музеем Рериха в Нью-Йорке (о чём мы узнаём из переписки между Энрико Карпани и Зинаидой Фосдик, хранящейся в архиве этого музея). Представительства Пакта и Рериховского общества располагались в центре Болоньи (*via Rizzoli, 4* и *via Barberia, 30*). В городском архиве Болоньи хранится заявление Карпани, в котором он просит у властей разрешения повесить на здании, где располагался штаб Комитета Пакта Рериха, практически на главной площади города [*ил. 2*], мраморную доску с надписью: *«Комитет Международного Пакта Рериха. Красный крест культуры. Итальянское представительство»*[4].

Ил. 2. Дом в Болонье, где находился Итальянский комитет Пакта Рериха. Современное фото

В мае 1949 г. Карпани пришла в голову мысль организовать Рериховский университет, который должен был объединить учёных по всему миру. Учёный называл эту новую инициативу «научной секцией Пакта Рериха». Административный офис Международного Рериховского университета находился в университетском квартале (*via Guerrazzi, 16*). В этом явно просматривается цель создать соответствующую высокую репутацию этим учреждениям и привлечь к ним внимание определённой категории лиц. Вообще, сама по себе идея создания такого Международного университета очень интересна. Карпани понял одну очень перспективную вещь: движение в защиту культурного наследия, инициированное Рерихом, собрало под свои знамёна лучших представителей европейской и, шире, мировой интеллигенции, причём это было соединение и сотрудничество не только по профессиональному, а, в первую очередь, по мировоззренческому принципу. Своей восприимчивостью к рериховским идеям учёные по всему миру показали «кто есть кто». И вот этих-то интеллектуалов из академической среды с передовым мышлением и решил собрать в общем деле принципиально нового образования итальянский учёный. Мы не знаем всех, к кому думал обратиться итальянский индолог, но некоторые имена мы можем «реконструировать», прочтя, например, список почётных советников Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в письме Н. К. Рериха американским сотрудникам от 15 февраля 1946 г.:

«Как только выйдет брошюра о Пакте, можно будет озаботиться почётными советниками.

Америка – Рокуэл Кент, Эптон Синклер, Кусевицкий.
СССР – Потёмкин, Грабарь, Щусев, Шолохов, Симонов, Прокофьев, Шостакович.
Швейцария – Шауб-Кох.
Югославия – Местрович.
Англия – Гордон Боттомлей, Конлан.
Бельгия – Тюльпинк.
Чехословакия – Ян Масарик.
Болгария – Георгиев.
Норвегия – Мунк.
Китай – Лю-тце, Жун.
Индия – Абаниндра Тагор, Ганголи, Сен, Халдар.
Испания – Зулоага.
Португалия – Мадахил.
Швеция – Мансон, Арне.
Франция – Лапрадель, Лефюр.
Польша, Египет, Румыния – ещё не обнаружились.
Южная Америка – Вам ближе.

Не понимаю, почему мои посылки к Альбуэрно возвращались обратно. В Аргентине был Цезарь Диаз Циснерос, профессор международного права, друг Пакта. Конечно, многие ещё добавятся – пашня Культуры беспредельна»[5].

Наверняка, с кем-то из вышеперечисленных деятелей итальянский учёный рассчитывал организовывать национальные ректораты Международного Рерихов-

ского университета. Конечно, Карпани не думал ограничиться «старыми связями», он мечтал привлечь к сотрудничеству новых высококлассных учёных, которые, объединившись в служении высоким идеалам, способствовали бы подлинному прогрессу общества. В первую очередь, разумеется, Карпани стал вовлекать в новую инициативу своих итальянских коллег. В письмах в Америку Карпани пишет также о своём намерении привлечь к этой работе индийских профессоров. Из переписки с Зинаидой Фосдик явствует, что у Энрико Карпани были интенсивные сношения с латиноамериканской интеллигенцией, поддерживавшей движение Знамени Мира. Международный Рериховский университет подготовил очень полезное с академической точки зрения издание – «Библиографические источники Международного Пакта Рериха».

Среди других культурных инициатив Карпани стоит упомянуть следующие. С его помощью был установлен контакт между Комитетом Пакта Рериха и крупным итальянским журналом «Современное искусство» («Arte Contemporanea»), в котором была опубликована большая статья М. Грандинетти о Рерихе и Пакте Мира.

При активном участии Карпани в 1948 г. в Милане, в знаменитом театре Ла Скала, была реализована «Весна священная» в постановке Л. Ф. Мясина при личном участии последнего. Для оформления были использованы эскизы рериховских декораций 1944 г.

Ещё одна инициатива, с которой выступил в 1948 г. Карпани, – печатание в Республике Сан-Марино марок с репродукциями картины Н. К. Рериха «Святая Покровительница» («Sancta Protectrix») и портрета Н. К. Рериха кисти С. Н. Рериха. Власти Сан-Марино с интересом откликнулись на предложение итальянского учёного, но какие-то причины организационного или финансового характера, увы, не позволили довести этот замысел до его реализации.

По предложению Карпани в 1958 г. один болонский художник (ювелир) занялся созданием бронзовой медали с портретом Н. К. Рериха. К сожалению, не понятно, была ли изготовлена такая медаль или нет.

В 1958-м или в начале 1959 г. Зинаида Фосдик посещает Энрико Карпани в Болонье, общаясь с ним и его коллегами Боски и Буттадзони. Среди их общих контактов – чета Рапикаволи. Фосдик предлагает Карпани напечатать статью Б. Конлана о Рерихе в переводе на итальянский язык в каком-либо периодическом издании.

С 1959 г. имя Э. Д. Карпани исчезает со страниц архивных документов нью-йоркского Музея Николая Рериха. Последнее письмо от него к Зинаиде Фосдик датировано 4 марта 1959 г., в нём он рассказывает о своей поездке в Швейцарию и Францию, где Карпани навещал сына, работавшего в Педагогическом центре Валь де Рош. Стоит отметить, что в переписке последних лет Карпани использует фирменный бланк «Istituzione Roerich» – что можно было бы перевести как «Рериховская организация» или «Рериховский институт». Это прямой наследник Итальянского комитета Пакта и Рериховского общества. Так, в частности, Э. Карпани делится с З. Фосдик своими планами организовать ряд лекций, посвящённых Пакту Рериха и Знамени Мира. Последнее упоминание (в научной литературе) о его контактах с академическими кругами Италии также относится к концу 1950-х гг. По-

скольку источников, по которым можно установить полную биографию учёного, у нас нет, остаётся предположить, что причиной стала кончина этого искреннего борца за торжество культуры, одного из тех *cor ardens* – пылающих сердец – благодаря которым сохранялся и увеличивался гуманистический заряд западного общества в середине XX в. В список европейских интеллигентов, сердцем откликнувшихся на благородные рериховские начинания, мы можем вписать теперь и имя Э. Д. Карпани – рыцаря Пакта Рериха.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В письме Н. К. Рериха от 15 февраля 1946 г. читаем: «Прилагаю швейцарский адрес проф[ессора] Эмилия Шауб-Коха и советую теперь же избрать его в почётные советники Комитета Знамени Мира – брошюру ему можно дослать впоследствии. Он много где пишет и имеет хорошие связи» (*Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – 2-е изд. – М.: МЦР и др., 2002. – Т. III. – С. 350). См. также факсимильное воспроизведение письма Н. К. Рериха самому Эмилю Шауб-Коху (Наггар, Кулу, Британская Индия, 30 апреля 1946 г.): Пакт Рериха. 70 лет: Материалы конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр, 2005. – С. 350.

[2] См., например, заметку Н. К. Рериха «Движение»: «Посылаю Вам выписки из письма от нашего Шанхайского кружка. Доброе письмо, и должно оно сохраниться в папке “Знамени Мира”. Пишу им, что мы все порадуемся, если им удастся заложить семена Знамени Мира среди молодых китайцев. Пусть и там слово о Культуре глубоко западёт и даст ростки. Рауль де Сепулведа Фонтес (полное имя нашего делегата) прислал из Нова Гоа журнал, где он состоит редактором, с отзывом о его книге. По-видимому, книга называется: “Николас Роерих – Анализ дум Генио”. Самой книги я ещё не видал. Кажется, у него установлена кооперация с Антонио Гомес де Роша Мадахилом в Коимбре. Пусть работают для Знамени Мира. <…> Шауб-Кох известил меня, что Комитет Культуры в Буэнос-Айресе и Аполлонианское Общество в Гетеборге (Швеция) избрали меня почётным членом. Прилагаю адреса – Вы пошлёте им книгу “Знамени Мира”. Шауб-Кох будет рад Вашему избранию. Пусть Фогель помянет его в книге, там же, где и Тюльпинк помянут. Вот к Бельгии, Португалии, Голландии, Польше, Австрии прибавится ещё Швейцария» (*Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 385–386).

[3] См.: *Крылов П. И.* К истории бытования картины «Святая Покровительница» («Sancta Protectrix») // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». – СПб., 2013. – С. 379–383; *Будникова Ю. Ю.* К вопросу о поиске картины Николая Рериха «Святая Покровительница» («Sancta Protectrix») // *Там же.* – С. 383–386.

[4] Музей-институт семьи Рерихов приносит благодарность сотруднице Итальянского Общества Живой Этики (итал. *Città della Pieve*) Валерии Галлетти, сделавшей фотокопии этих документов и передавшей их в СПбГМИСР.

[5] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 348–349.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕРИХОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Цели и задачи

Международный Рериховский университет претворяет в жизнь рериховские идеалы мира и всеобщего братства независимо от национальной принадлежности.

Международные культурные программы Университета нацелены на достижение наивысших духовных ценностей и максимального социального благополучия, основанных на знаниях и научном методе, которые постоянно совершенствуются и развиваются в результате коллективной деятельности отдельных людей и целых народов – человеческого сообщества как единого гражданского консорциума, уважающего права каждого его члена, каждого государства и всех народов. Международный Рериховский университет призывает всех членов мирового сообщества честно трудиться на благо всего человечества.

Международный Рериховский университет видит свою высшую цель в воспитании нового поколения, которое сочетало бы стремление к добру со стремлением к научным открытиям.

Создание

1. Международный Рериховский университет представляет собой академическую, научную и культурную составляющие международного Пакта Рериха – договора о защите культурных ценностей, произведений искусства, архитектурных и исторических памятников, как в мирное время, так и во время военных действий, подписанного 15 апреля 1935 г. в Белом Доме в Вашингтоне представителями [21] государства[1] в присутствии президента США Франклина Делано Рузвельта с последующей его ратификацией 25 октября 1935 г.[2] самим президентом США и госсекретарём Корделлом Халлом.

2. Официальный язык Международного Рериховского университета – английский.

3. Руководство Международным Рериховским университетом осуществляют канцлер и два вице-канцлера. Они лично курируют работу ректоров Главного ректората, аккредитованных отделениями Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в различных странах мира. Канцлер и вице-канцлеры составляют Collegium Nobilium Doctorumque Supremum (Верховный Совет) с собственным уставом и регламентом.

4. Деканы Главных ректоратов объединяются в Главный академический сенат.

5. Академический корпус каждого ректората объединяется в Главный академический корпус. <…>

Факультеты

Международный Рериховский университет имеет международный статус и включает в себя следующие факультеты со следующим периодом обучения:

Теология – 5 лет
Философия – 4 года
Филология – 4 года
Восточные языки – 4 года
Изобразительное искусство – 4 года
Музыка – 4 года
Юриспруденция – 4 года
Каноническое право – 3 года
Дипломатия – 4 года

Международные отношения – 4 года
Естественные науки – 5 лет
Медицина – 6 лет
Технология – 5 лет

Университетский и академический курсы обучения проводятся в виде устных лекций по месту расположения того или иного факультета согласно предложенным программам.

Академические степени

Международный Рериховский университет присуждает академические звания и степени международного образца: бакалавра, лицензиата, магистра и доктора на всех факультетах. Эти звания могут иметь также приставку «honoris causa» за какие-то заслуги или вклад в науку.

Вышеперечисленные звания котируются и дают право на соответствующую профессиональную деятельность во всех странах, примкнувших к Международному Пакту Рериха, согласно процедуре вступления в должность по запросу каждой из стран. <...>.

Отдел рукописей Международного Центра Рерихов (Москва). Ф. 1. Оп. 3. Д. 864.
Перевод с итальянского Д. В. Делюкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В оригинале: *27 государств,* что является ошибкой. См.: Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников. // Пакт Рериха. 70 лет: Материалы конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр, 2005. – С. 55–58. Видимо, число *27* соответствует Третьей конференции Пакта Рериха, которая проходила в Вашингтоне в 1933 г. Тогда делегаты именно от 27 государств рекомендовали правительствам всех стран подписать Пакт Рериха. См.: *Галенская Л. Н.* Пакт Рериха: от проекта к реализации // *Там же*. – С. 97–98.

[2] На самом деле Пакт Рериха был ратифицирован 13 июля 1935 г. в Вашингтоне Соединёнными Штатами Америки в составе Панамериканского Союза, а 25 октября 1935 г. он провозглашён Президентом США (см.: Пакт Рериха. 70 лет: Материалы конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр, 2005. – С. 55).

Приложение II

Из переписки Энрико Карпани с Дидлеем и Зинаидой Фосдиками 1947–1949 гг.[1]

1. Э. Д. Карпани – Д. Фосдику. Болонья. 8 апреля 1947 г.[2]

Дорогой сэр!

Мой друг, профессор Эмиль Шауб-Кох из Женевы, любезно выдвинул мою кандидатуру на пост вице-председателя Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в Италии. Я прилагаю его официальное письмо к своему письму. Предложением занять

этот пост профессор Шауб-Кох оказал мне большую честь, и я не нахожу достойного способа выразить ему свою глубочайшую благодарность. Я с радостью принимаю это предложение в знак моего глубокого уважения к Вашему учреждению.

Моя литературная деятельность в течение последних семнадцати лет была связана с ведийской филологией и философией. Прилагаю к письму список своих публикаций. Прежде чем у нас появится надежда на восстановление культурных ценностей, разрушенных за последние десять лет, сменится несколько поколений, и первый шаг будет заключаться в том, чтобы заново наладить и укрепить связи с крупнейшими научными и исследовательскими центрами мира, возобновив таким образом приток вдохновляющих идей.

Кроме того, профессор Шауб-Кох любезно предложил на пост вице-председателя Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в Южной Индии кандидатуру моего друга и учителя – профессора Раджвайдьи[3] Дживарама Калидаса Шастри. Излишне говорить, что профессор Раджвайдья Дживарам Калидас Шастри, глава Расашала Аушадхашрам в Гондале, президент 31-го Всеиндийского Аюрведического конгресса (Лахор), член Издательского совета «Международных научных исследований» (ISSL), Почётный президент Комитета культуры Аргентинской республики и т. д., является путеводной звездой в области изучения Аюрведы. Он посвятил свою жизнь служению Аюрведе – науке, в которой он с неизменным усердием и рвением работал 40 лет. Помимо Аюрведы, он всегда занимался исследованиями по философии, истории, мантре, тантре и другим разделам санскритской литературы. Он вдохновил на научную работу многих молодых исследователей. Учёные, относящиеся к разным областям знаний, не только в Индии, но также в Европе и Америке, чтят его и помнят его мощную личность и великолепную образованность – безмерно ценную для изучения Аюрведы и других индийских наук. Сообщаю Вам его адрес: Профессор Раджвайдья Дживарам Калидас Шастри, Расашала Аушадхашрам, Гондал, Британская Индия.

По предложению Исполнительного совета ISSL Почётным академиком (Honoris Causa Academicum) нашего учреждения избран Его превосходительство Николай Рериха. Это для меня великая честь. Я буду очень рад отправить профессору Рериху его диплом, напечатанный на латинском языке.

С наилучшими пожеланиями и тёплой благодарностью за Ваш труд, искренне Ваш,

доктор *Энрико Джерардо Карпани*,
директор ISSL.

Автограф. Машинопись на бланке. Адресовано: *Мистеру Дидлею Фосдику, председателю Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира. 200 West 57th Street, New York 19, N. Y. (U.S.A.).* Указан адрес отправителя: *Casella Postale No. 72, Bologna, Italy.*

2. Э. Д. Карпани – З. Г. Фосдик. Болонья. 10 марта 1948 г.

Дорогая мадам,

Благодарю за Ваше любезное письмо от 4 марта 1948 г.

Libro e relazioni internazionali

Dal giorno in cui l'uomo riconobbe di potersi differenziare dall'animale per quel meraviglioso dono di Dio che è la intelligenza, sentì prepotente il bisogno di tradurre il suo pensiero e di lasciarlo in eredità ai posteri. Da principio si trattò di un linguaggio figurato parte del quale rimane tuttora incomprensibile, come ad esempio il linguaggio astecodelle corde, ma a poco a poco subentrarono segni più chiari e più evidenti, talchè si potè attraverso ad essi ricostruire almeno in parte la storia di popoli primitivi.

Ma la sua vera espressione, la vera divulgazione del pensiero umano si ebbe dal giorno in cui la civiltà riuscì ad inventare i caratteri della stampa. E nacque il libro. Il libro: fedele compagno della solitudine; chiave magica del sapere; spinta ad ogni ascensione; vincitore della morte; superatore del tempo; dominatore dello spazio; interprete fedele del sentimento e della scienza; amico che non abbandona e non tradisce.

Per l'autore che scrive, il libro è una creatura vivente, palpitante, esposta ai pericoli da cui bisogna proteggerla; e un perpetuarsi di sè nel bene o nel male, nell'arte o nella scienza; è un saper vivere oltre il breve spazio della vita, è un poter spezzare il ristretto cerchio del proprio ambiente per trasvolare i mari, i monti e le pianure, abbattendo ogni ostacolo. Il libro è «un tremulo nido di ali poderose» come lo definì un poeta sudamericano.

Ma l'autore di un libro non basta a se stesso. Egli ha bisogno di qualcuno che molte volte viene ingiustamente dimenticato e considerato quasi sempre al di sotto dei suoi meriti: questo «qualcuno» è l'editore.

Come dalla mente di chi scrive esce il pensiero per la gloria di sè e per la gioia degli altri così dalla paziente sapienza dell'editore, dalle sue cure assidue, dalla sua perizia tecnica, dalla sua abilità artistica esce il piccolo gioiello che adorna la casa del ricco e del povero, del fortunato e dell'infelice, del giovane e del vecchio. E quante volte l'opera silenziosa dell'editore racchiude un sacrificio sconosciuto ai lettori; quante volte egli affronta difficoltà innumerevoli; quante volte egli lotta con il tempo, con il denaro, con l'opinione pubblica, con avversità insomma di ogni genere.

Molto spesso tutti noi siamo quasi istintivamente portati a vedere in una casa editrice soltanto un artigianato materiale spoglio di personalità; invece il più delle volte è tutto il contrario.

Dalle grandi case affermate, il cui nome non teme concorrenza, alle piccole attività editoriali semiprivate o ancora oscure perchè si dibattono nelle strette del dubbio e dell'incertezza, giocando una carta commerciale decisiva, è una catena di soddisfazioni e di dolori che sfugge al controllo della massa che non conosce l'affascinante odore degli inchiostri nè il nostalgico rimpianto per le macchine tipografiche ridotte improvvisamente al silenzio da una disavventura sull'instabile altalena del commercio.

Ecco perchè l'editore qualche volta rischia nel lancio di un'opera anche la sua propria fortuna personale, sostenendola a proprio rischio fino all'ultimo respiro. Vada dunque a questi artefici silenziosi non mai bastantemente apprezzati, agli illustri come agli oscuri, il plauso e la riconoscenza di chi scrive e di chi legge.

Nell'assumere con il collega dr. Bellomo la direzione di questo Giornale, sento il bisogno e il dovere di dichiarare che verrà fatto quanto in noi è possibile per sviluppare ed ampliare le relazioni editoriali internazionali nella forma più aggiornata e più valida, a vantaggio del Giornale e soprattutto di quanti vorranno trarne profitto.

Sono infatti in corso di perfezionamento i nostri rapporti con il mondo europeo ed extraeuropeo, e precisamente laddove si dà vita alla cultura ed alla scienza. Da qualche mese stiamo lavorando per far circolare il «CORRIERE DEL LIBRO» nei due emisferi americani ed in alcune regioni dell'Asia e dell'Australia.

Le nostre relazioni tendono a vincolarci soprattutto con le più importanti stamperie universitarie estere, le cui produzioni hanno raggiunto in questi ultimi tempi uno sviluppo impressionante, allo scopo di tutelare con ogni nostro sforzo i frutti del pensiero italiano. Stringendo sempre più saldi i vincoli spirituali e materiali tra scrittori ed editori, rendendoli fattivamente compartecipi all'opera sociale e alla modesta opera nostra, raggiungeremo quel fine profondamente umano ed altamente nazionale che trascende il senso comune ed utilitario di interessi più o meno mediati.

E. G. Càrpani

Al lettore

Mario Bonetti, chiamato ad altri incarichi che ne assorbono tutta la dinamica attività, lascia la condirezione.

Ci separiamo dal collega ma non dall'amico che, appena gli accennammo l'idea di questo «Corriere», subito comprese, incoraggiò e, come amministratore della C.R.E.A., fece propria l'idea di questo periodico che sin dall'immediato nascere ha avuto attorno a sè tanta attenzione benevolenza di pubblico, editori, librai.

Nella circostanza, allo scopo di imprimere alla nostra iniziativa un maggior sviluppo (passiamo ora dalla fase nazionale a quella internazionale, dal libro in Italia al libro nel mondo), si è costituito un apposito organismo: la «Società Editrice Corriere del Libro».

Per attuare questo nuovo programma è stata necessaria una serie di predisposizioni nuove che, per quanto a malincuore specialmente pensando ai tanti abbonati e lettori i quali con così vivo interesse hanno sempre atteso l'uscita del nostro foglio, ci hanno costretto a ritardare di un mese circa la nostra uscita. Di ciò chiediamo scusa ai nostri cari amici ed assicuri e nutriamo fiducia di essere da loro compresi e giustificati.

Se, come speriamo, la benevolenza del pubblico, degli abbonati, degli editori e dei librai, che sin dal primo nostro nascere ci sono venuti incontro in misura superiore ad ogni ottimistica iniziativa non verrà meno, noi nutriamo fiducia che il «Corriere del Libro» possa tra breve riprendere il primitivo numero di pagine ed e-

debbono sempre far capo alla Società C.R.E.A. che conserva i suoi uffici in Corte Galluzzi, 1; per tutto quanto si riferisce al «Corriere del libro», da questo numero in avanti occorre invece indirizzare Cas. Post. 257 Bologna.

In occasione del passaggio di gestione editoriale, Mario Bonetti ha indirizzato a Bino Bellomo, col quale fino ad oggi ha diviso la direzione del giornale, la seguente lettera:

Caro Bellomo,

Tu sai, meglio di ogni altro, quanto io voglia bene al «Corriere del libro». In un momento di pausa nella mia attività nel giornalismo quotidiano, abbiamo dato vita a questo foglio, convinti di compiere opera utile alla cultura, all'editoria, ai lettori. E' dunque un amore paterno per questa creatura di carta che ha compiuto un buon cammino. Tu certo mi credi, caro Bellomo, se ti dico che lasciare oggi il «Corriere del libro» mi rincresce, mi rincresce molto. Tu sai che il giornale ha bisogno, sia nel campo redazionale che in quello organizzativo, di un lavoro continuo: quel lavoro che io oggi non posso più dare, preso come sono da un'altra attività.

Sono certo che tu mi comprenderai e che, affiancato al caro amico prof. Càrpani e al

Ил. 3. Публикация Э. Д. Карпани в одной из итальянских газет, посланная американским сотрудникам Рерихов. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Я рад, что Вы получили все экземпляры «Corriere del Libro» и «Pomeriggio», которые я Вам отправил. Ваши сердечные поздравления и оценка первых шагов моей деятельности как энергичных и изобретательных подчёркивают Ваше великодушие. Спасибо Вам, мой друг, большое спасибо! Благодаря рериховской идее Знамени Мира я всем сердцем следую своей восточной философии «ненасилия». «Ahimsā paramo dharmah», – как написал Ганди в «Молодой Индии» 9 марта 1920 г., или: «Ненасилие – высшее состояние». К этой цели естественным образом, хоть и неосознанно, движется всё человечество. «Sarvaprānimanah kāyahimsānivrttirahimsā» – «Ненасилие – это отказ от причинения боли любому живому существу, телу ли его, или уму». Это одна из прекрасных сутр Ганди. И словом, и личным примером наш великий учитель Николай Рерих укажет путь к гуманизму – будущему, которое будет стоить всего прошлого.

Я, право, не знаю, как благодарить Вас за Вашу любезную и искреннюю попытку собрать публикации культурного, научного и художественного характера, чрезвычайно ценные для нашей библиотеки. Я знаю, сначала этот процесс может быть медленным. Я с огромным удовольствием жду книги, которые Вы перечисляли в постскриптуме. Как только получу их, сразу отправлю Вам чек.

Я счастлив познакомиться с деятельностью сеньора Хуан Мария Томаса. Пока от него ничего не слышно. Благодарю Вас за новый контакт.

С наилучшими пожеланиями и горячей благодарностью за ваш труд, остаюсь искренне Ваш,

[Э. Д. Карпани].

Автограф (подпись). Машинопись на бланке. Адресовано: *Миссис Зине Фосдик, ответственному секретарю Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира. 200 West 57th Street, New York 19, N. Y. (U.S.A.).* Указан адрес отправителя: *Casella Postale No. 72, Bologna, Italy.*

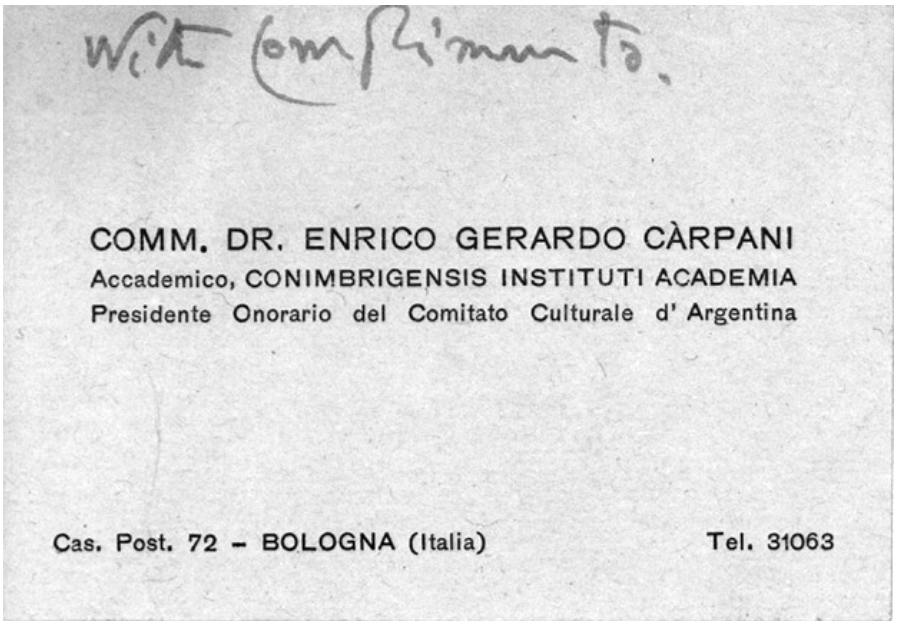
З. Э. Д. Карпани – Д. Фосдику. Болонья. 22 мая 1949 г.

Мой дорогой друг и коллега,

С радостью сообщаю Вам о своём намерении сформировать Международный Рериховский университет. Я надеюсь, Вы с радостью одобрите эту идею.

Международный Рериховский университет, я уверен, будет считаться одной из наиболее выдающихся инициатив Комитета Пакта Рериха. Он будет заниматься наукой, литературой и искусством с применением академического и практического подходов. Я уверен, Вы будете рады узнать о новом учреждении, организуемом от имени Комитета Пакта Рериха.

Благодаря бесценной помощи моего друга профессора Джованни Джоаннетти Мола, болонского аристократа, авторитетного специалиста в области гражданского права, я могу открыть курсы по теологии, философии, литературе, ориенталистике, изобразительному искусству, музыке, праву, каноническому праву, дипломатии, международным отношениям, медицине, техническим дисциплинам. В моём распоряжении целый академический корпус, состоящий из учёных профессоров. Многие образованные люди готовы помогать нам.



Ил. 4. Визитная карточка Э. Д. Карпани с его автографом, посланная американским сотрудникам Рерихов. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

Бессмертное имя Николая Рериха будет путеводной звездой для такого начинания, и я должен сказать, что Международный Рериховский университет будет способствовать увековечиванию славы этого великого человека.

Прошу Вас высказать своё мнение как можно скорее, направив ответ авиапочтой, так как это поможет сохранить ценные контакты с учёными, заинтересованными этой важной работой.

С сердечным приветом, остаюсь по-братски Ваш

[Э. Д. Карпани].

P. S.: Прошу простить меня за неловкое письмо, но я в настоящий момент очень занят, и моего секретаря нет на месте. Простите ещё раз.

Автограф. Машинопись на бланке с адресом отправителя. Адресовано: *Мистеру Дидлею Фосдику, председателю Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира. 200 West 57th Street, New York 19, N. Y. (U.S.A.).*

4. Э. Д. Карпани – Д. Фосдику. Болонья. 6 марта 1949 г.

Дорогой друг и коллега,

Благодарю Вас за любезное и интересное письмо от 18 февраля.

Я очень рад, что Вы всегда отправляете копии вырезок, которые я шлю Вам, мадам Елене Рерих в Индию. Кроме того, я счастлив узнать, что она, благодаря Вам,

полностью в курсе моей работы в Италии. Приношу Вам свою искреннюю благодарность за это. Прилагаю к письму вырезку из выпуска № 2 «Corriere del Libro» за 1949-й год. Десять экземпляров этого выпуска я выслал Вам отдельно. В следующем номере выйдет публикация, посвящённая четырём новым Южно-Американским комитетам Пакта Рериха и Знамени Мира. Профессор Эмирто де Лима, Дон Сантьяго Гастальди и мистер Альберто Монтано Ланца – мои друзья.

Я не знаю, как выразить Вам свою благодарность за любезное письмо в мой адрес с назначением меня на пост президента Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира в Италии со всеми полномочиями, что даёт мне право организовать Итальянский комитет Пакта. Это письмо послужит своей цели.

Я понимаю, о чём Вы пишете в третьей части своего письма. Я тоже твёрдо верю в то, что обращение в ближайшем будущем к Вашингтону, равно как и в других связанных направлениях, будет воспринято с энтузиазмом и принесёт пользу. Позвольте поблагодарить Вас за готовность выработать план финансовой поддержки в отношении нас, поскольку Ваши обязательства станут в той или иной степени определены. Могу заверить Вас в том, что такая поддержка окажется чрезвычайно полезной для нашей работы и проектов, связанных с рериховскими идеями.

С сожалением сообщаю Вам о том, что администрация Вашей страны не включила Италию в программы культурного обмена между народами Америки и Европы. Официальные сообщения Информационной службы Соединённых Штатов в мировой прессе не содержат упоминаний о моей стране. Италия, эта Alma Mater многих европейских стран, забыта!.. Не правда ли, жаль?

Я был бы рад узнать, есть ли контакты между Комитетом Пакта Рериха и Знамени Мира и ЮНЕСКО? Возможно, Вы могли бы представить Итальянский комитет кому-то из администрации ЮНЕСКО? Дайте знать, пожалуйста.

Один из членов Итальянского комитета интересуется развитием международного языка в социальной и конституциональной сферах. В мире много языков, однако, нет универсального языка, который способствовал бы общественным связям. Таким языком мог бы стать английский или испанский язык. Возможно ли обратиться к культурному миру с призывом к проведению языковой унификации? Сообщите мне, пожалуйста, Ваше мнение. ЮНЕСКО, например, должна заинтересовать такая масштабная инициатива.

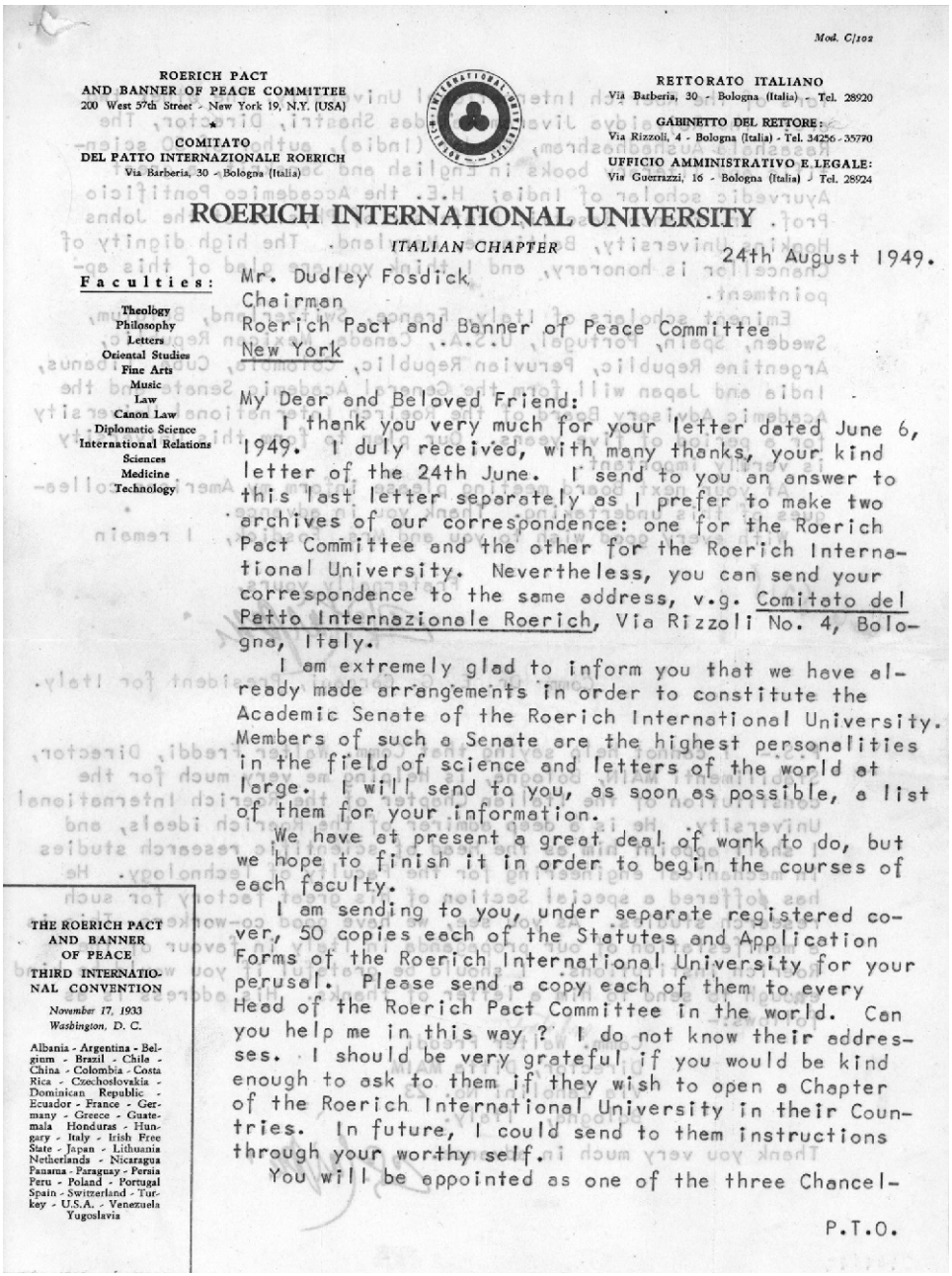
Прилагаю к письму страницу 4 «Corriere del Libro», которая познакомит Вас с Академией Тамплиеров (Knights Templars Academy). Буду крайне признателен, если Вы позволите узнать Ваше мнение. Я занимаюсь вопросом, связанным с присвоением Вам титула Тамплиера.

Прошу передать моё почтение Вашей прекрасной жене миссис Зине Фосдик.

С сердечными пожеланиями Вам и Вашим сотрудникам, братски Ваш,

[*Э. Д. Карпани*].

Автограф (подпись). Машинопись на бланке с адресом отправителя. Адресовано: *Мистеру Дидлею Фосдику, председателю Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира. 200 West 57th Street, New York 19, N. Y. (U.S.A.).*



Mod. C/102

ROERICH PACT
AND BANNER OF PEACE COMMITTEE
200 West 57th Street - New York 19, N.Y. (USA)

COMITATO
DEL PATTO INTERNAZIONALE ROERICH
Via Barberia, 30 - Bologna (Italia)

RETTORATO ITALIANO
Via Barberia, 30 - Bologna (Italia) - Tel. 28920

GABINETTO DEL RETTORE:
Via Rizzoli, 4 - Bologna (Italia) - Tel. 34256 - 35770

UFFICIO AMMINISTRATIVO E LEGALE:
Via Guerrazzi, 16 - Bologna (Italia) - Tel. 28924

ROERICH INTERNATIONAL UNIVERSITY

ITALIAN CHAPTER

24th August 1949.

Faculties:

Theology
Philosophy
Letters
Oriental Studies
Fine Arts
Music
Law
Canon Law
Diplomatic Science
International Relations
Sciences
Medicine
Technology

Mr. Dudley Fosdick
Chairman
Roerich Pact and Banner of Peace Committee
New York

My Dear and Beloved Friend:

I thank you very much for your letter dated June 6, 1949. I duly received, with many thanks, your kind letter of the 24th June. I send to you an answer to this last letter separately as I prefer to make two archives of our correspondence: one for the Roerich Pact Committee and the other for the Roerich International University. Nevertheless, you can send your correspondence to the same address, v.g. Comitato del Patto Internazionale Roerich, Via Rizzoli No. 4, Bologna, Italy.

I am extremely glad to inform you that we have already made arrangements in order to constitute the Academic Senate of the Roerich International University. Members of such a Senate are the highest personalities in the field of science and letters of the world at large. I will send to you, as soon as possible, a list of them for your information.

We have at present a great deal of work to do, but we hope to finish it in order to begin the courses of each faculty.

I am sending to you, under separate registered cover, 50 copies each of the Statutes and Application Forms of the Roerich International University for your perusal. Please send a copy each of them to every Head of the Roerich Pact Committee in the world. Can you help me in this way? I do not know their addresses. I should be very grateful if you would be kind enough to ask to them if they wish to open a Chapter of the Roerich International University in their Countries. In future, I could send to them instructions through your worthy self.

You will be appointed as one of the three Chancel-

P.T.O.

THE ROERICH PACT AND BANNER OF PEACE
THIRD INTERNATIONAL CONVENTION
November 17, 1933
Washington, D. C.

Albania - Argentina - Belgium - Brazil - Chile - China - Colombia - Costa Rica - Czechoslovakia - Dominican Republic - Ecuador - France - Germany - Greece - Guatemala Honduras - Hungary - Italy - Irish Free State - Japan - Lithuania Netherlands - Nicaragua Panama - Paraguay - Persia Peru - Poland - Portugal Spain - Switzerland - Turkey - U.S.A. - Venezuela Yugoslavia

Ил. 5. Первая страница письма Э. Д. Карпани Д. Фосдику от 24 августа 1949 г.
© Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

5. Э. Д. Карпани – Д. Фосдику. Болонья. 24 августа 1949 г.

Мой дорогой, любимый друг!

Искренне благодарю Вас за Ваше письмо от 6 июня 1949 г. Я получил также Ваше письмо от 24 июня. Отправляю Вам ответ на это последнее письмо отдельно, так как предпочитаю оформлять нашу переписку двумя архивами: один для Комитета Пакта Рериха, другой для Международного Рериховского университета. Но Вы можете писать на тот же адрес: Comitato del Patto Internazionale Roerich, Via Rizzoli No. 4, Bologna, Italy.

Я чрезвычайно рад сообщить Вам о том, что мы уже приняли необходимые меры для формирования Учёного совета Международного университета Рериха. Его члены – лучшие специалисты в области мировой науки и литературы. Я отправлю Вам этот список для ознакомления.

В данный момент у нас очень много работы, но мы надеемся её закончить, чтобы на каждом факультете начались занятия.

Отдельно отправляю Вам для рассмотрения Устав и бланк Заявления Международного Рериховского университета в 50 экземплярах. Пожалуйста, разошлите эти экземпляры председателям комитетов Пакта Рериха, находящихся в разных странах. Не могли бы Вы помочь мне в этом деле? Я не знаю нужных адресов. Я буду крайне признателен, если Вы окажете мне услугу и спросите их, не хочет ли кто-то из них открыть в своей стране филиал Международного Рериховского университета. В дальнейшем я мог бы выслать им с Вашей помощью инструкции.

Вы будете назначены одним из трёх ректоров Международного Университета Рериха. Другие два – Раджвайдья Дживарам Калидас Шастри, директор Rasashala Aushadhashram, Gondal (India), автор 50 научных и художественных книг на английском и санскрите; академик Папской академии доктор Франко Разетти, профессор физики в Johns Hopkinson University, Baltimore, Maryland. Я думаю, Вы рады этому назначению на столь почётный пост.

Высший Учёный совет и академическая Экспертная комиссия Международного Рериховского университета будет формироваться на срок в пять лет и будет состоять из выдающихся учёных Италии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Швеции, Испании, Португалии, США, Канады, Мексиканской и Аргентинской республик, Перу, Колумбии, Кубы, Ливана, Индии и Японии. Этот план по созданию университета действительно обладает большой значительностью.

Прошу Вас, сообщите об этой инициативе моим американским коллегам на Вашем следующем собрании. Заранее благодарю Вас.

С наилучшими пожеланиями Вам и Миссис Фосдик, остаюсь по-братски Ваш,

Д-р Э. Д. Карпани

P. S.: Не могу не упомянуть о том, что д-р Вальтер Фредди, директор Stabilimenti MAIN, Bologna, много помогает мне с созданием филиала Международного Рериховского университета в Италии. Он высокий ценитель идей Рериха, и я хочу, чтобы он возглавил научные исследования в области машиностроения на Технологи-

La Croce rossa della Cultura

In caso di guerra il patrimonio artistico di ogni paese sarà contraddistinto da un particolare simbolo che il nemico dovrà rispettare

New York, novembre

In uno dei tanti grattacieli di cui abbonda la metropoli statunitense una dicitura richiama l'attenzione del passante: *The roerich pact and banner of peace committee* (Comitato per il Patto e per l'Insegna di Pace Roerich). La grande istituzione culturale, riconosciuta e protetta dal Governo di Washington, fu al suo tempo fondata dall'insigne studioso Nicholas Roerich, premio Nobel di quale ora vive in una sua residenza privata in India, ai piedi delle montagne tibetane (precisamente a Naggar, nel Punjab), approfondito nei suoi diletti studi umanistici.

Ma che cos'è dunque la pace Roerich? Ognuno di noi ha un suo sogno di pace (che purtroppo non gli impedisce, ogni tanto, di essere invischiato in guerre) ma per lo più si tratta di sogni, per dirla con Verlaine, familiari con orizzonti limitati. Roerich invece allarga il concetto di pace a tutti gli uomini e Stati di buona volontà, senza distinzioni, e da filosofo avveduto non si illude di eliminare le guerre con il suo patto e la sua pace, ma di difendere, nella durata di queste, il patrimonio artistico e culturale dei paesi belligeranti. Qualcosa come la Croce Rossa della cultura, insomma. E simile alla Croce Rossa è lo schema organizzativo e simili gli scopi che il Comitato intende proseguire e raggiungere: la difesa e la protezione del patrimonio artistico e culturale in caso di guerra. Sogno filantropico?

Già verdarette Stati hanno aderito, e i consensi e i plausi a Roerich vanno continuamente aumentando. La cosa, dopo tutto, è facilmente spiegabile, sia moralmente che psicologicamente. L'ultima guerra ci ha dimostrato come le incursioni aeree siano un pericolo permanente a cui è difficile sfuggire e come i bombardamenti possano devastare in pochi minuti opere e monumenti che racchiudono in sè secoli di civiltà e di cultura, tesori di ingegno e di geniale attività: difendere il proprio patrimonio artistico è quanto di più alto e doveroso debba preoccupare chi è al governo della cosa pubblica, e Roerich coi suo «Patto» sembra richiamare a tale senso di dovere le più alte autorità delle nazioni civili.

L'iniziativa del filantropo americano compenetra e perfeziona gli atti della conferenza di Berlino del 1885 nei quali si è provista la protezione delle spedizioni scientifiche, degli edifici consacrati alla religione, alle scienze, alle opere pie, ai monumenti storici ecc. protezione previdenziale che fu in seguito confermata ed elaborata nelle Conferenze dell'Aia del 1899 e del 1907. Tuttavia occorreva dare a ciò un più preciso e moderno impulso, ed ecco nascere il «Patto Roerich» che si può riassumere nei tre seguenti articoli:

1.o- I monumenti storici, le istituzioni scientifiche, educative ed artistiche, le missioni scientifiche e artistiche, il personale, la proprietà e le collezioni di queste istituzioni e missioni debbono essere rite-nute neutrali e, come tali, protetti e rispettati dei belligeranti.

2.o) ciascuna delle Alte Parti contraenti deve fornire al segretario della Corte permanente di Giustizia a L'Aia, all'Istituto Internazionale di Cooperazione intellettuale a Parigi o al Ministero della Istituzione dell'Unione Pan-Americana della città di Washington un elenco di monumenti, istituzioni, collezioni e missioni, sia pubblici che privati, da porre sotto la speciale protezione prevista dal Patto. Monumenti, istituzioni, missioni così registrati debbono far uso di una speciale bandiera (circolo rosso racchiudente un triplice sfera di uguale colore su sfondo bianco) che garantirà loro protezione e rispetto da parte dei belligeranti, governi e potenti di tutte le Alti Parti contraenti. Detti monumenti, istituzioni, missioni, ecc. perderanno il privilegio di neutralità allorchè essi saranno fatti oggetto di operazioni militari;

3.o) nel caso che qualsiasi atto contrasti con la protezione di cui sopra, stipulata nel patto, tutte le istituzioni sopra descritte, in tal senso interessate, hanno il diritto di appellarsi, tramite l'intercessione dei rispettivi governi, all'istituzione internazionale che provvede al-la registrazione delle istituzioni medesime. L'istituzione internazionale a questo riguardo interessata, porrà il fatto a cognizione di tutte le Alte Parti contraenti le quali potranno far luogo all'immediata costituzione di un Comitato internazionale d'inchiesta del caso. Pubblici potranno essere resi i procedimenti di detto comitato. I particolari concernenti la costituzione ed il funzionamento del sopra menzionato comitato d'inchiesta debbono essere regolati da una speciale risoluzione di mutuo gradimento.

L'articolo 2.o cita anche la bandiera speciale per segnalare la intangibilità del monumento o dell'istituzione posta sotto la protezione del Patto. Simile alla bandiera è l'insegna di pace roerichiana: un segno distintivo rappresentato da un circolo rosso racchiudente nel proprio centro tre sfere di ugual colore avviciniate a foma triangolare. Anche dell'insegna si potrebbe dire come per l'inizistivo della Convenzione che Roerich non ha pensato di veder essere originale, ma di rifarsi al passato: principio questo, quanto mai giustificato in chi si preoccupa di difendere il passato in ciò che esso ha di più prezioso l'arte e la cultura sì di là degli istinti beluini degli uomini.

L'insegna che ora va diffondendosi sotto il nome di insegna di pace Roerichs è simile a moltissime altre antiche, indiane, copto-etiopiche, libetane, e perfino i pittori delle scuole spagnole e italiane se ne valsero nei cinquecento e seicento in quadri sacri. I significati dell'insegna sono molteplici: il segno della triade simbolleggia il passato, il presente e il futuro nel circolo dell'eternità ed anche la religione, la scienza e le arti nel cerchio della cultura. E' un segno scelto oggi, da un filantropo moderno e intelligente, per dare all'opera dell'umano ingegno un carattere che trascenda gli orrori e le distruzioni della guerra guerreggiata, ed è questo senso veramente degno di quell'attributo di «pace» col quale Roerich lo va diffondendo in tutti i paesi sensibili all'amore della propria arte e della propria cultura.

Dudley Fosdick

Ил. 6. Статья Дидлея Фосдика «Красный крест Культуры», опубликованная в Италии Энрико Карпани. © Музей Николая Рериха (Нью-Йорк)

ческом факультете. Он предложил целую секцию для подобных исследований у себя на производстве. Как видите, у нас хорошие сотрудники. Это демонстрирует успех нашей пропаганды рериховских учреждений в Италии. Я буду Вам признателен, если Вы будете так любезны и отправите ему письмо с благодарностью. Вот его адрес:

Comm. Walter Freddi. Director, Ditta MAIM. Via Zanolini No. 23. Bologna, Italy.

Заранее благодарю Вас,

[*Э. Д. Карпани*].

Автограф (подписи). Машинопись на бланке с адресом отправителя. Адресовано: *Мистеру Дидлею Фосдику, председателю Комитета Пакта Рериха и Знамени Мира. 200 West 57th Street, New York 19, N. Y. (U.S.A.).*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Документы из архива Музея Николая Рериха (Нью-Йорк). Перевод с английского Е. А. Кантор. Благодарим Даниила Энтина и Гвидо Трепшу за возможность ознакомиться с этим материалом.

[2] Здесь и далее при подготовке к публикации все основные сокращения в тексте раскрыты.

[3] Раджвайдья – титул, присваиваемый врачам Аюрведы.

Ю. Ю. БУДНИКОВА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

РОБЕРТО АССАДЖИОЛИ И УЧЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ

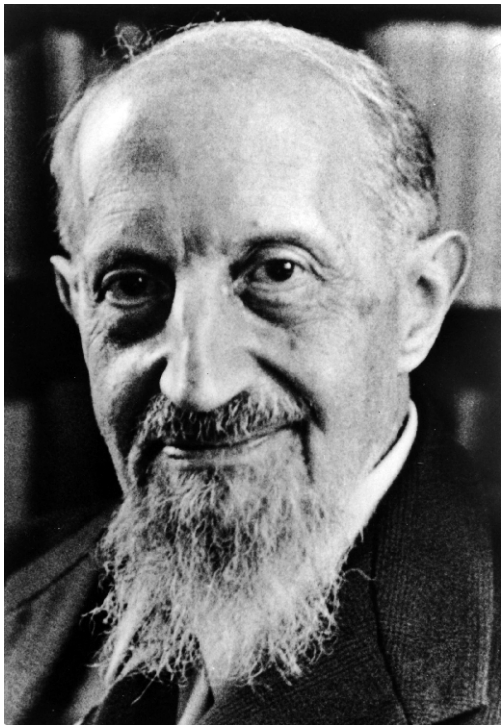
Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Райна в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения ещё далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Всё же каждый непредубеждённый наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время, как истинные знаки эпохи, расширяются пути освобождённой науки… Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса – найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции.

Н. К. Рерих. *Знаки Новой Эры*[1]

Замечательный итальянский учёный Роберто Ассаджиоли является пионером такого направления в психологии, как психосинтез – *психотехника реконструкции и развития психологического образа человека*. Как отрасль психологии эта теоретико-методологическая концепция психотерапии и саморазвития разрабатывалась в качестве альтернативного направления теории психоанализа. И это не случайно, поскольку Ассаджиоли начинал свой путь в науке как ученик и последователь учения Зигмунда Фрейда о психоанализе. Сам Фрейд считал его одним из основных продолжателей своего учения на Аппенинском полуострове. Но позднее Ассаджиоли пришёл к выводу, что предлагаемое психоанализом исследование глубин психики индивида является недостаточным для гармонизации личности, хотя и позволяет познакомиться с «закоулками» подсознания, обуславливающими наши проблемы, страхи, внутренние конфликты. В связи с этим Ассаджиоли стал разрабатывать собственное направление практической психологии, которое развивается и наполняется открытиями по сей день.

Роберто Ассаджиоли (итал. *Roberto Assagioli*) [*ил. 1*] родился 27 февраля 1888 г. в Венеции. К восемнадцати годам он владел восемью языками: итальянским, английским, французским, русским, греческим, латинским, немецким и санскритом. Тогда же он начал путешествовать, бывая, в основном, в России. В процессе исследо-

вания методов и возможностей психотерапии (в том числе психоанализа) пришёл к идее о возможности и желательности объединения в клинической практике и теории продуктивных методов и идей. В 1910 г. окончил Флорентийский университет, получив степень доктора неврологии и психиатрии. В том же году на Международном конгрессе по философии в Болонье Ассаджиоли представил свой взгляд на бессознательное, указывая на ограниченность психоанализа, и приступил к разработке собственного метода психотерапии и саморазвития под названием *психосинтез*. Карьера Роберто Ассаджиоли складывалась вместе со становлением науки XX в. Благодаря его работе в Римском университете был создан психологический факультет, на базе которого стала развиваться итальянская научно-психологическая школа. Но главная научная деятельность учёного протекала во Флоренции, где им был создан Институт психосинтеза (1926). Психолог активно сотрудничал с Карлом Юнгом, Абрахамом Маслоу, Рабиндранатом Тагором и другими.



Ил. 1. Роберто Ассаджиоли

В 1927 г. на английском языке вышла его работа «Новый метод лечения: психосинтез». Ассаджиоли был одним из тех, кто совершил «восточную революцию» в психологии, двигаясь в русле древней и современной теософии. Исходным началом для Ассаджиоли является стремление проникнуть в духовный центр человека, в ту область, которая религиозными и философскими доктринами, в первую очередь восточными, обозначена как высшее «Я» человеческой индивидуальности, как надсознание. Не учёт надсознательных и духовных аспектов создал болезненный разрыв, а нередко и конфликт между различными подходами к природе человека. Разрыв этот пытался преодолеть Зигмунд Фрейд, но его лечебные, а затем философские концепции сводили человеческую природу к подсознанию, к сексуальным комплексам. Карл Юнг, Эрих Фромм и Роберто Ассаджиоли, опираясь, в первую очередь, на традиции индуистского трансцендентализма, смогли обогатить европейскую науку о человеке более плодотворными подходами.

В 1938 г. Ассаджиоли был арестован фашистскими властями Италии за свою национальную принадлежность (еврей) и гуманистические произведения. Около месяца он провёл в камере-одиночке и впоследствии рассказывал друзьям, что это

был интересный и ценный опыт, который дал ему возможность провести ряд специальных психодуховных упражнений. Столь же эффективно использовал Ассаджиоли вынужденное затворничество в 1943 г., когда скрывался от режима Муссолини в горах.

После окончания второй мировой войны возобновил работу Институт психосинтеза, были основаны центры психосинтеза в США и Франции, Ассаджиоли продолжил читать лекции в Италии, Швейцарии, Англии и Америке. Скончался выдающийся врач-философ и гуманист в 1974 г. В настоящее время в мире насчитывается более пятидесяти институтов и центров психосинтеза.

Поводом к написанию данной статьи для раздела «Рерихи, их современники, сотрудники и последователи» послужили записи Н. К. Рериха, в которых имена Роберто Ассаджиоли и его секретаря Ирмы Паломби упоминались в ряду единомышленников и сподвижников Рерихов.

Вот строки из «Листов дневника», которые в своё время заставили нас попытаться найти связь между деятельностью Рерихов и итальянским психологом:

«Ведут культурную работу в разных странах Рихард Рудзитис, Гаральд Лукин с сотней прекраснейших латвийских сочленов. <…> В Америке – Лихтманы, Фосдики, Сутро, Стоукс, Кэмпбелл, Рейнир, Брагдон, Гартнер, Кербер, Форман, Радосавлевич, Пэлиан. <…> В Италии – Ассаджиоли, Паломби, Писарева»[2].

В течение нескольких лет собирался материал по заинтересовавшей теме. Предлагаемый текст – сумма того, что можно на сегодняшний день сказать по теме Ассаджиоли и Рерихи.

В Отделе рукописей Международного Центра Рерихов (далее – *ОР МЦР*) хранятся два письма – от Р. Ассаджиоли и от его жены Неллы, – обращённые лично Н. К. Рериху[3]. Из письма Роберто Ассаджиоли явствует, что он отвечает на послание самого художника, в котором давалась положительная оценка его деятельности и которое сопровождали печатные материалы. В письме Неллы Ассаджиоли рассказывается о посещении итальянской четой Музея Рериха в Нью-Йорке, общении с сотрудниками и глубочайшем впечатлении, которое произвели на них картины Рериха. Жена психолога также благодарит Николая Константиновича за присылаемые им публикации его статей.

Летом 2011 г. автор настоящей статьи посетила Институт психосинтеза во Флоренции (Фьезоле) и Мемориальную квартиру Р. Ассаджиоли, расположенную в том же здании. Сохранённая рабочая обстановка учёного делает неоспоримым его интерес к таким явлениям, как теософия и Агни-Йога. В его личной библиотеке представлена вся теософская литература того времени, включая «Письма Махатм», а также книги Учения Живой Этики (первое нью-йоркское издание). О том, какое место занимало в его жизни Учение, говорит такой показательный факт: стены его кабинета, где он проводил большую часть своего времени в последние годы жизни, украшены всего несколькими рамками – с фотопортретами жены, безвременно ушедшего сына, Джузеппе Мадзини (духовного лидера движения за объединение Италии в XIX в.) и двумя репродукциями с картин Н. К. Рериха из серии «Знамёна Востока» – *«Дозор Гималаев»* и *«Ойрот – вестник Белого Бурхана»* (1925) [*ил. 2*].

Ил. 2. Уголок кабинета Роберто Ассаджиоли во Флоренции. Снимок А. Дёминой. 2013

Мы знаем также, что по поручению выдающегося психолога его ученик Серджо Бартоли (итал. *Sergio Bartoli*) создал в Читта-делла-Пьеве (итал. *Città della Pieve*), в 1987 г. Общество Живой Этики, многочисленные отделения которого плодотворно работают и поныне. Нынешний руководитель общества Джузеппе Кампанелла сообщил сотрудникам Музея-института семьи Рерихов во время рабочей встречи в Италии в декабре 2010 г., что между Роберто Ассаджиоли и руководителем Латвийского Рериховского общества Рихардом Рудзитисом велась переписка.

Возникает закономерный вопрос: где и как познакомился Роберто Ассаджиоли с творчеством Н. К. Рериха и Учением Живой Этики? К сожалению, почти все личные архивы учёного погибли, поэтому мы должны реконструировать развитие событий по косвенным данным. В этом деле для автора данной статьи пока единственным и неоценимым источником является письмо Неллы Ассаджиоли, хранящееся в ОР МЦР. В нём она рассказывает русскому художнику, духовный заряд творчества которого покорил её, о своей давней связи (через родителей) с теософским движением, о знакомстве с Еленой Писаревой (председателем Теософского общества, жившей после революции в Италии, доброй знакомой Рерихов). Она упоминает, в частности, о том, что Писарева посылала Рерихам отрывки из некоего письма-обращения, которое чета Ассаджиоли готовила и рассылала по Италии. Возможно, что именно от Елены Писаревой Нелла и Роберто Ассаджиоли услышали имя Николая Рериха и впервые узнали о его деятельности.

Не исключено также, что об Учении Живой Этики и Рерихах Ассаджиоли услышали от Алисы Бейли. По крайне мере, Нелла Ассаджиоли пишет, что в Нью-Йорк они поехали по приглашению Алисы Бейли и вместе с ней и её мужем посещали Музей Николая Рериха. С Бейли итальянский психолог познакомился в 1933 г. в Асконе (Швейцария) во время работы конференции «Эранос»[4]. Об этом она вспоминает следующее:

«Там мы впервые встретились с д-ром Робертом Ассаджиоли, который был нашим представителем в Италии в течение ряда лет… Он был одно время ведущим специалистом по мозгу в Риме, и когда мы познакомились с ним, он считался выдающимся европейским психологом. Он является человеком редкой красоты характера. Как только он входит в комнату, его сущностные духовные качества сразу дают себя знать. Франк Д. Вандерлип в своей книге "Будущее Европы" делает удивительное замечание о нём. Он называет его современным Св. Франциском Ассизским, и говорит, что утро, проведённое им с Робертом, было кульминацией его путешествия по Европе. <…> Выступления д-ра Ассаджиоли были выдающимся событием на конференциях в Асконе. Он читал лекции по-французски, итальянски и английски и изливавшаяся через него духовная мощь служила средством стимулирования многих людей к духовному обновлению жизни»[5].

Надо заметить, что в конце 1920-х и в 1930-е гг., с одобрения Рерихов, Алиса Бейли активно занималась распространением идей и книг Агни-Йоги, которые присылались ей сотрудниками рериховских учреждений в Америке[6]. Позднее отношение к деятельности Алисы Бейли и её групп («Аркан скул») стало у Е. И. и Н. К. Рерихов негативным в силу ряда причин[7]. Одновременно с этим нет свидетельств обще-

ния Ассаджиоли с Бейли в 1940–1950-е гг., хотя её книги также можно найти в библиотеке итальянского учёного (как, впрочем, и тысяч других авторов, в том числе российского социолога Питирима Сорокина). Для того чтобы не делать категоричных и поспешных выводов из факта их сотрудничества (как это происходит с некоторыми представителями рериховского движения, скоропалительно называющими Ассаджиоли учеником (!?) А. Бейли[8]), хочется обратить внимание на то, что людей, занимавшихся в Европе распространением теософских идей (а именно с этого и начинала А. Бейли), было тогда очень немного, и любой европеец, осваивавший это знание, должен был общаться с узким кругом лиц, который нам теперь хорошо известен. Мы знаем, что теоретические установки Р. Штейнера, А. Бейли и некоторых других, начинавших в лоне теософии, значительно мутировали со временем, но знания, переданные этими людьми, часто падали на благодатную почву, приносившую интересные результаты. Достаточно вспомнить русских символистов круга Рерихов (Андрея Белого, Максимилиана Волошина и других). Такая мощная личность и аналитический ум, как Ассаджиоли, брал из поступающей к нему информации то, что могло помочь ему в развитии его синтетической гуманистической психологии. Наивно полагать, что он мог стать сателлитом личности, менее масштабной, чем он.

Здесь хочется сделать небольшое отступление и поразмышлять о том, почему именно наука психология оказалась столь восприимчивой к эзотерическим знаниям вообще и к знаниям, передаваемым Великими Учителями Востока, в частности. Лучше всего ситуацию в XX в., по нашему мнению, определил лама Анагарика Говинда. В книге «Творческая медитация и многомерное сознание» он замечает: «Чем больше удаляется философия от человеческого опыта, тем более она отчуждается от жизни и вращается в стерильном мире абстрактных понятий. Именно эта её тенденция к прогрессирующей интеллектуализации уменьшила интерес к философии в наше время, в то время как психология с её подчёркиванием роли человеческого опыта заняла место философии и отчасти даже религии»[9].

В этом наблюдении точно выражены особенности эпохи и объяснено, почему психология стала играть такую исключительную роль в западном обществе, в ситуации, когда в первую очередь религия под грузом ритуалов и догм, да и философия, тяготеющая к профессионализации, оказались не способными удовлетворять нетривиальные запросы и проблемы людей в их повседневной жизни. Можно сказать, что психосинтез вполне претендует на то, чтобы решать для конкретной человеческой личности некоторые вопросы, традиционно относящиеся к «епархии» философии или религии, а лучше сказать, религиозной философии, чем, по сути, является, например, буддизм. Интерес Роберто Ассаджиоли к Учению Живой Этики вполне закономерен. Он, как и её создатели, двигался в русле духовных знаний Востока, которые восходят к учению о высшем «Я» человека. Для облегчения задачи движения к высшему «Я» Ассаджиоли вводит на промежуточном этапе понятие субличности. Согласно психологу, человеческая личность не есть единое и полностью интегрированное целое; она состоит из многих динамических структур, имеющих относительно самостоятельное существование и поочерёдно, в зависимости от обстоятельств, оказывающих преобладающее влияние на психику и поведение.

Ил. 3. Обложки современных книг, в которых представлено наследие Роберто Ассаджиоли

Однако Ассаджиоли не ограничивается аналитической констатацией расщеплённости, он указывает также на присутствие в человеке центростремительных сил, под воздействием которых происходит непрерывный процесс психосинтеза: объединения, интеграции частей в единое целое. Следовательно, задача психотерапии как деятельности, направленной на восстановление душевного равновесия или психической целостности, состоит в содействии естественным интегративным (в первую очередь творческим!) силам, неотъемлемо присущим человеческой психике как таковой. В связи с этим итальянский врач собрал воедино и синтезировал все известные ему методики психологического воздействия, указав на их место и роль в процессе такого содействия.

Ассаджиоли призывал не забывать, что знания, чтение духовной литературы и медитация ни к чему не приведут, если физическое и психическое тела человека не будут определённым образом подготовлены для его дальнейшего продвижения к своему высшему «Я». Заслуга Роберто Ассаджиоли заключается в том, что он первый в западной психологии стал разрабатывать психотехнику и методику выявления бессмертного «Я». И одна из методик – это работа по выявлению категории бессмертного «Я», то есть высшего «Я» в группе как в некой закрытой структуре *коллективного бессознательного*.

Такой упор на групповую работу не случаен. Специализацией Ассаджиоли было лечение нервных заболеваний, возникших в результате духовного продвижения людей[10]. Точнее будет сказать, что большинство нервных болезней возникает не в результате духовного восхождения, но как следствие искривления его. Работа в коллективе является хорошей профилактикой против опасностей бесконтрольного приобщения к Миру Тонкому. Но главная цель, почему в конце жизни Ассаджиоли обратился к своему ученику, Серджо Бартоли, с предложением заняться практической разработкой этой методики и организовать группу добровольцев, – это обращение индивидуальных сознаний к общинным ценностям. Бартоли на деле попытался реализовать модель подлинной Общины, объединённой на принципе Служения, на основе Сотрудничества всех его членов.

Серджо Бартоли вначале не чувствовал себя готовым к тому, чтобы работать с группой. Однако, следуя указанию учителя, в 1981 г., через 7 лет после его смерти, он объединил для совместной работы 12 человек. Огромную роль в практике сов-

местного выполнения задач сыграло Учение Живой Этики. Поэтому нет ничего удивительного в том, что эта группа получила, хотя и не сразу, название Общество Живой Этики.

Возвращаясь к началу статьи, к эпиграфу, в котором имя Ассаджиоли перечислялось наряду с именами других известных учёных той эпохи, таких, как, например, Юнг, мы хотим констатировать тот факт, что из всех перечисленных психологов, определивших характер новаторских тенденций в этой отрасли науки в XX в., итальянский врач был единственным, кто внедрил Учение Живой Этики в свою практику. Это заслуживает того, чтобы с особым вниманием рассмотреть его фигуру в рамках конференции, посвящённой Рериховскому наследию.

Приложение

Роберто Ассаджиоли – Николаю Рериху. 9 мая 1937 г.

Его превосходительству Николаю Рериху.
Наггар, Кулу, Пенджаб, Индия.

Дорогой профессор Рерих:

Глубоко признателен Вам за Ваше одобрительное письмо и ценные брошюры, которые Вы мне прислали.

Во время нашей поездки в Нью-Йорк в 1934 г. нам с мадам Ассаджиоли выпала честь восхититься Вашими чудесными картинами в Музее Рериха, где мы провели два незабываемых дня. Эти дни и неделя, проведённая мною много лет тому назад в Байрейте, где я посещал оперы Вагнера, стали двумя наиболее важными и значимыми в моей жизни опытами общения с красотой духа. Честь и хвала Великим Открывателям Красоты, одним из которых являетесь Вы.

Я полностью согласен и разделяю Ваш призыв о том, что «учёные, художники и духовные лидеры должны создать крепкий союз для того, чтобы могло быть достигнуто истинное сотрудничество ради благих целей».

Поэтому я решился послать Вам отчёт и программу духовного центра в Риме, которые я отправил в последнее время некоторым друзьям в Америке. Мы искренне надеемся на то, что у нас получится организовать центр, который, пусть в гораздо меньшем масштабе, приносил бы ту же пользу для духа, что и Музей Рериха. Я очень ценю каждое предложение и содействие этой цели. Как Вы думаете, может ли кто-то из Ваших друзей в Европе или Америке заинтересоваться этим проектом?

Послезавтра я ненадолго уеду в Нью-Йорк и вернусь в середине июня.

Ваше письмо и статьи (эссе, тексты, что-то в этом духе) из Гималаев передали нам такие сильные и высокие вибрации этого святого места. Любые сообщения оттуда всегда будут приносить нам радость и вдохновение. Сердечно Ваш

Роберто Ассаджиоли.

Автограф. Отдел рукописей Международного Центра Рерихов (Москва). Ф. 1. Оп. 5–1. Д. 222. Перевод с английского Е. А. Кантор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рерих Н. К.* Знаки Новой Эры // *Рерих Н. К.* Химават. – Самара: Агни, 1995. – С. 245.
[2] *Рерих Н. К.* Лист (1939) // Листы дневника: В 3 т. – Т. II – М.: МЦР, 2000. – С. 250.
[3] ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. 222 и 223.
[4] В 1932 г. голландка Ольга Фрёбе-Каптейн, жившая на живописном берегу озера Маджоре в Асконе (Швейцария), обратилась к К. Г. Юнгу с идеей организовать ежегодную конференцию, чтобы исследовать связи между восточным и западным мышлением. Юнг в то время начал глубокое изучение алхимического материала и находился в поиске форума, чтобы опробовать свои новые идеи. На первом «Эраносе» на тему «Йога и медитация на Востоке и Западе» (1933) Юнг представил материал, который позже стал его книгой «Психология и алхимия». Об «Эраносе» упоминает и Н. К. Рерих в статье «Знаки Новой Эры» (из книги «Химават»), цитату из которой мы вынесли в эпиграф статьи. Невозможно удержаться, чтобы не прокомментировать характер работы этой конференции словами ещё одного итальянского учёного, востоковеда Джузеппе Туччи, сотрудничавшего с Ю. Н. Рерихом и Гималайским исследовательским институтом «Урусвати»: «…В Швейцарии, теперь уже в силу давней традиции, проходят ежегодные встречи “Эраноса” (“Eranos”), по случаю которых учёные всего мира собираются для обсуждения мифов, вымыслов и сказок… Собрания “Эраноса” имеют своей целью выявить различные формы, в которые облекались одинаковые чаяния и надежды, и обнаружить совпадения в духовной жизни, как на Западе, так и на Востоке, идя повсюду по следам одного и того же беспокойного, ищущего существа. Вы это знаете, и потому вам не покажется странным, если я скажу, что “Эранос” выполнил наиполезнейшую задачу, медленно, но неизбежно восстанавливая единое сознание Европы и Азии, которые до сих пор многие ошибочно воображают двумя мирами, двумя континентами, в то время как они являются двумя неразрывными частями одного исторического целого; такого прочного, что никакие естественные препятствия никогда не являли собой барьера, который человеческая отвага, или воля, или потребность не в силах были бы преодолеть – будь то Урал, Суэцкий перешеек, степь или расстояния» (*Туччи Д.* Сотрудничество с Востоком // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. III: Восток – Запад на берегах Невы. – Ч. 1. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 371).
[5] *Бейли А. А.* Неоконченная автобиография (1945–1948). Рукопись // Режим доступа: http://www.theosophy.ru/lib/bailbiog.htm.
[6] См., например, в письме Е. И. Рерих от 24 декабря 1940 г.: «Очень прошу переслать по одной книге “Аум” миссис Алис Бэйли, она больше других способствовала распространению книг» (*Рерих Е. И.* Письма в Америку: В 4 т. – М.: Сфера, 1996. – Т. II (1936–1946). – С. 318).
[7] В различных письмах Е. И. Рерих пишет об этом. Письмо 27 марта 1952 г.: «Конечно, не давайте никаких прав и копирайтс людям, связанным с “Арк[ан] Скул”. Скажите определённо, что мы никогда не были связаны с “Арк[ан] Ск[ул]” и не можем сотрудничать с ними» (*Рерих Е. И.* Письма в Америку: В 4 т. – М.: Сфера, 1996. – Т. III (1948–1955). – С. 297). Письмо 11 июля 1952 г.: «Для Вашего сведения, В[еликий] Вл[адыка] считает труды, компиляции А[лисы] Б[ейли] очень вредными… Нетрудно, при некотором знании, компилирование подобных книг, когда живёшь в городах, где сотни тысяч оккультных трудов лежат на полках обширных библиотек. Учитель А[лисы] Б[ейли] не принадлежит к Твердыне Света. В[еликий] Вл[адыка] отказывается от него. Страницы Белой Магии переплетаются у неё с самой определённой Чёрной Магией, и такое смешение, конечно, страстно вредно и порождает великое смущение и извращение в нетвёрдых сознаниях» (*Рерих Е. И.* Письма в Америку: В 4 т. – М.: Сфера, 1999. – Т. IV (дополнительный; 1923–1952). – С. 446). Письмо 12 сентября 1952 г.: «…Мы никогда не порочим организации, которые имеют в виду распространять духовные начала, и только если они начинают становиться вредными, наш долг оградить и оградиться от них. Жизнь так сложна и настолько свет переплетается с тьмою, что приходится быть терпимыми

там, где хотя бы слабо светит огонёк. Такой огонёк, несомненно, имелся и в "Аркан Скул" в самом начале...» (*Рерих Е. И.* Письма: В 10 т. – Т. IX (1951–1955). – М.: МЦР, 2009. – С. 200).

[8] Все обвинения и заключения тех, кто считает вредным деятельность Р. Ассаджиоли и Общества Живой Этики в Италии, основываются на цитировавшемся нами воспоминании А. Бейли, где она (к слову сказать, перевирая даты и события и сильно преувеличивая значимость своего участия в них – что само по себе показатель), утверждает, что Ассаджиоли был итальянским представителем созданной ею Теософической школы и её близким сотрудником. Других свидетельств нет, мы должны здесь полностью доверять самой Бейли, которой было очень выгодно «записать» известного учёного в свои последователи. Но было ли так на самом деле? Не была ли сама Бейли лишь эпизодом в поисках учёного? Нам кажется, что некоторые представители Рериховского движения сильно «драматизируют» роль Бейли в деятельности итальянского психолога. Они ссылаются при этом на интервью (неизвестного происхождения, опубликованное в сети Интернет на сайте популярного журнала «Имперія духа») С. Грофа, в котором американский психолог рассказывает некому журналисту (имя и место встречи не указывается), что незадолго до смерти Ассаджиоли якобы поведал ему, что он получил идеи для своей теории от так называемого *Тибетца*, учителя Алисы Бейли. Но это же явная подделка, если мы обратим внимание, что основы психосинтеза итальянский психолог стал создавать ещё в 1910-е гг., а с Бейли (следовательно, и с рассказами о её *Тибетце*, и с её книгами) он познакомился в 1933-м (!). Мы должны в таком случае предположить, что либо итальянский учёный страдал сильным склерозом к моменту встречи с Грофом, либо американский психолог вводит в заблуждение своих читателей (если это вообще его слова приводятся в интервью), либо журналист напутал, как это за ними часто водится, о каких таких архетипах и духовных гидах толковал ему Гроф, а Грофу якобы Ассаджиоли.

[9] *Лама Анагарика Говинда*. Творческая медитация и многомерное сознание / Пер. с англ. – М.: Центр духовной культуры «Единство», 1993. – С. 144.

[10] Проблемы духовного роста Р. Ассаджиоли описывает в своей книге «Психосинтез», в главе «Нервные и психические расстройства, сопровождающие духовное развитие человека» [*ил. 3*]. Его точные научные наблюдения не теряют актуальности, в чём предлагается убедиться и читателю этой статьи:

«Духовное развитие человека – долгое и нелёгкое путешествие через удивительные страны, полное приключений, сюрпризов, трудностей и даже опасностей. Оно предполагает резкие изменения "нормальных" элементов личности, пробуждение доселе скрытых способностей, вознесение сознания в новые сферы и функционирование личности в её новом внутреннем измерении. Поэтому нас не должно удивлять, что такая фундаментальная перемена происходит в несколько стадий, сопровождающихся кризисами и нередко – различными нервными и психическими расстройствами. При объективном клиническом обследовании психотерапевт может обнаружить в этой ситуации те же симптомы, что и при обычных психических заболеваниях; в действительности же эти симптомы означают совершенно другое и требуют иного подхода.

В наши дни число расстройств, имеющих духовное происхождение, быстро увеличивается в связи с тем, что всё больше людей сознательно или неосознанно ищут пути к более полной жизни. Кроме того, повышение уровня развития и личностной сложности современного человека, возросшая степень критичности его ума сделали его духовное развитие более трудным и сложным процессом. В прошлом для того, чтобы открыть врата, ведущие к высшему уровню сознания, к чувству собственной целостности и полноты, достаточно было простой чистосердечной преданности учителю или Спасителю, смиренной любви к Богу. Теперь же приходится иметь дело с очень разными и противоречивыми аспектами личности современного человека, которые требуется преобразовать и согласовать друг с другом; к ним относятся базовые влечения, чув-

ства и эмоции, творческое воображение, пытливый ум, свободная воля; а также межличностные и социальные отношения.

Мы считаем поэтому, что будет полезно рассмотреть в общих чертах расстройства, которые могут возникнуть на разных стадиях духовного развития, и дать рекомендации по их правильному лечению. Для ясности мы можем выделить 4 критические стадии:

1. Кризис, предшествующий духовному пробуждению.

2. Кризис, обусловленный духовным пробуждением.

3. Реакции на духовное пробуждение.

4. Фазы процесса преобразования личности.

Мы употребляем здесь символическое выражение "духовное пробуждение", поскольку оно ясно предполагает процесс осознания, раскрытия сознания новому опыту, обнаружение доселе сокрытой (для самого человека) внутренней реальности».

См.: *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Теория и практика. От душевного кризиса к высшему «Я» / Перевод с итал. – М., 1994. – 314 с.; *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Изложение принципов и руководство по технике / Перевод с итал. – М., 1994. – 286 с. – Режим доступа: http://valeo-puls.narod.ru/Assagioli.htm.

МАНАЛЖАВ ЛУВСАНВАНДАНЫ
(Монгольский национальный университет; Улан-Батор)

Ю. Н. РЕРИХ ВЫСТУПИЛ НА ПЕРВОМ МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ МОНГОЛОВЕДОВ НА МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В Монголии с большим уважением относятся к семье Рерихов. Творческое наследие семьи Рерихов является тем духовным мостом, который связывает культуры русского и монгольского народов.

Шагдарын Бира и Ю. Н. Рерих в монастыре Гандан. Улан-Батор. 1959

Яркое проявление такого глубокого уважения и признательности монголов ознаменовалось основанием Общества имени Н. К. Рериха в Монголии в 2008 г. и созывом Международного симпозиума, посвящённого 80-летию Центральноазиатской экспедиции под его руководством, а в 2009 г. – учреждением Дома-музея Рерихов в столице Монголии. И 9 августа 2011 г. впервые в Улан-Баторе, в Музее изобразительных искусств Монголии им. Дзанабадзара, открылась выставка подлинных картин Н. К. Рериха из собрания Международного Центра Рерихов в Москве по инициативе Международной Ассоциации монголоведения. Активным инициатором всех этих мероприятий был и является ученик Ю. Н. Рериха, отныне монгольский академик, герой труда Монголии, профессор Шагдарын Бира.

Академик Шагдарын Бира у входа в Дом-музей Рерихов, им основанный. Улан-Батор. 2011

Что касается моих первых личных впечатлений, то ещё студенткой второго курса филологического факультета Пекинского университета мне посчастливилось слушать доклад Ю. Н. Рериха на Первом Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе в 1959 г., в котором я приняла участие. Он один из немногих иностранных учёных выступил на очень хорошем, предельно чистом монгольском языке, и у меня как у студентки-филолога осталось неизгладимое на всю жизнь впечатление и восхищение его глубоким знанием моей родной речи.

И ещё мне посчастливилось присутствовать при встрече моего отца, видного специалиста по монгольскому языку Ш. Лувсанвандана с Ю. Н. Рерихом. Помню, что отец интересовался его, Юрия Николаевича, личными наблюдениями о диалектических особенностях различных говоров монгольского языка.

Ю. Н. Рерих свободно общался на многих иностранных языках, как настоящий полиглот со многими делегатами, с кем он мог бы дружественно беседовать во время конгресса. Позже я имела возможность ознакомиться с трудами этого замечательного русского учёного, в частности, с его переводами на английский язык. Как мне кажется, одна из научных заслуг Юрия Николаевича состоит в том, что им осуществлён перевод книг буддийского учения на европейские языки.

Перевод и лингвистические знания всегда помогают передать духовную культуру других народов и других стран, тем самым обогащают мировую культуру. По всей вероятности, Ю. Н. Рерих изучал монгольский язык с научной целью. В его время монгольский язык уже сложился как хорошо развитый язык с разными литературными жанрами и книжными стилями. Видимо, поэтому видные монголоведы и филологи в конце XIX – начале XX в. хорошо знали монгольский язык и монгольскую письменность. В знании монгольского языка и монголоведении, на мой взгляд, лидируют русские учёные. Я считаю, что Юрий Николаевич был одним из видных представителей плеяды российских монголоведов.

Т. Н. БОЙКОВА
(Интернет-портал «Адамант»; Барнаул)

«…НЕТ, *КРЫЛЬЯ* ЕЁ ОСТАЛИСЬ» (ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮДМИЛЕ СТЕПАНОВНЕ МИТУСОВОЙ)

Написанное мною в этой работе только малая часть всего, что было, что вспоминается, как свет, как радость, тепло и любовь, что дарила нам всем Людмила Степановна Митусова. Мне очень повезло в жизни на встречи с хорошими людьми вообще, а эта встреча была её щедрым подарком.

Людмила Степановна – это радостный, ласковый свет, сопровождавший десять лет моего с ней знакомства. Наша встреча произошла не в самый радостный день и не в самом подходящем для этого месте. Это был день похорон её сестры, Татьяны Степановны Митусовой. Я должна была встретиться с руководителем нашего Рериховского общества, чтобы вместе прийти в церковь на Большеохтинском кладбище, где проходило отпевание. Встретиться не получилось из-за моего опоздания к назначенному времени, и потому пришлось всё искать самой. Отстояв на отпевании с одной знакомой женщиной, мы двинулись вслед за процессией. Во время одного отдыха и перемены людей, несущих гроб, почувствовала на себе чей-то взгляд. Отведя глаза от собеседницы, увидела, что на сравнительно небольшом расстоянии от меня, стоит пожилая женщина в тёмных одеждах и пристально на меня смотрит. Сложилось странное впечатление, словно она видит меня насквозь, но мне скрывать было нечего, и я ответила ей таким же прямым взглядом. Тогда я ещё не знала, кто это, а спросить было не у кого, и потому могла только предполагать, что это и есть Людмила Степановна Митусова. Возложив свои розы к могиле, и отойдя на дорогу, мы стояли в стороне, ожидая, пока все начнут возвращаться, простившись с могилой Т. С. Митусовой.

Когда вся компания, остававшаяся там, повернула к асфальтированной дорожке, на которой мы стояли, Людмила Степановна вдруг отделилась от многочисленных спутников, с которыми шла, и направилась в нашу сторону. Подойдя к нам, и повернувшись именно ко мне, она сказала: «Я приглашаю Вас к нам в дом. Правда, у нас всё очень скромно…». Стоит ли говорить, насколько я была растеряна и, главное, удивлена этим предложением, что едва успела поблагодарить её. Надо сказать, что у меня и в мыслях не было идти к ним в этот день, так как считала, что человек я посторонний, и с какой стати мне присутствовать там, среди близких и друзей этого дома. Но получилось так, что меня усадили в легковую машину и отвезли до самого их дома на 4-й Советской улице.

Уже потом узнала, что Людмила Степановна интересовалась у одной нашей общей знакомой о том, как меня зовут. Так вошла я в этот добрый, тёплый, щедрый дом. Но для меня так и осталось загадкой, почему всё получилось именно так. Ведь до этого я ни разу не видела Людмилу Степановну и знала о ней только из рассказов других. Она же и вовсе не имела обо мне никакого представления.

Поначалу я изредка приходила в этот дом, так как хорошо понимала, что желающих прийти туда очень много и помимо меня. А гостей в её доме и действительно

бывало немало. Очень часто те, кто ехал в Санкт-Петербург, считали невозможным не посетить дом Людмилы Степановны, вероятно, не задумываясь о том, что таких, как они, много, а она – одна и уже довольно преклонного возраста. (Имею в виду людей, принадлежавших к Рериховскому движению). Однако и винить их особенно нельзя, ведь наша Людмила Степановна была последней земной ниточкой, соединявшей нас всех с семьёй Рерихов. Я ввела в этот дом двух своих самых близких на тот момент друзей-сотрудников. Но, несмотря на то, что мы жили в этом же городе, прежде чем приехать в гости, всегда звонили и спрашивали, насколько такое посещение возможно в тот или иной день.

Конечно, в первый день своего знакомства с домом, его хозяйкой и новыми друзьями я только смотрела на них всех и всё слушала, слушала, широко раскрыв глаза от удивления, и лишний раз убеждалась, как в жизни все может сложиться самым удивительнейшим образом. И только впоследствии, приходя в этот дом, постепенно осознавала, в какой возвышенный мир я попала. Картины, репродукции, фотографии висели по всем стенам в обеих комнатах, а некоторые даже в кухне-столовой. Фото самых близких людей были размещены под стеклом на рабочем столе Людмилы Степановны. В изголовье её постели, на тумбочке, всегда стояла фотография её мужа, погибшего на Ленинградском фронте. Напротив стоял невысокий шкафчик со стеклянной дверцей, в котором на полках стояли основные книги Учения, изображение Владыки, фотография Н. К. Рериха и маленькая собачка по кличке Дружок, вылепленная из глины ещё юным Юрием Рерихом. Много было удивительного для находившегося впервые в этом доме: вот висит красивый, написанный маслом портрет мальчика в бархатном костюмчике – Степана Митусова, а вот картины Б. А. Смирнова-Русецкого и В. Т. Черноволенко. А вот стоит изящный небольшой столик для рукоделия, который принадлежал Е. И. Рерих, а внутри в делениях для рукодельных принадлежностей разложены археологические находки молодого Н. К. Рериха. А вот почти рядом с роялем стоит большой Петровский шкаф до краев заполненный разнообразными записями и другими архивными документами Н. К. Рериха, известный многим по фотографиям, запечатлевшим стоящего около него Николая Константиновича в своём кабинете в квартире на Мойке, 83. Продолжать этот экскурс памяти можно бесконечно. Но хочется здесь отметить, что основным, главным и бессменным экскурсоводом и подробным рассказчиком обо всем, что находилось в этой квартире, о каждой малой детали и надписи, являлся Владимир Мельников. Создава-

В квартире на 4-й Советской:
Ю. В. Кучерявых, В. Л. Мельников,
Т. Н. Бойкова и Л. С. Митусова
Февраль 1997

лось впечатление, что он буквально жил и дышал этим, да оно так и было. Особенно хочется сказать о его заботе, нежности и удивительной преданности Людмиле Степановне (около которой он находился неотлучно), проявлявшиеся на деле даже в мелочах. Все мы знаем, что преданность – это одно из самых прекрасных и высоких качеств, так ценимое нашими Учителями. Из преданности может рождаться всё только самое лучшее.

Людмила Степановна была очень гостеприимной и хлебосольной хозяйкой. Так было и в начале тяжёлых девяностых годов XX в., когда рушились и распродавались лучшие предприятия города, а на ещё работающих выплачивали зарплату, в лучшем случае, через два месяца на третий; когда в цехах предприятия, на котором я работала всю свою жизнь, работницы иногда падали в голодный обморок, так как оставляли лишний кусок детям; когда сложно было найти какую-то работу; когда пенсия даже у блокадников была мизерной, а Людмила Степановна принадлежала к последним. Этот перечень обстоятельств можно было бы продолжать и далее, но вспоминаю здесь об этом только для того, чтобы было понятнее, насколько тогда было сложно просто жить, а не то что принимать множество гостей в своём доме. Конечно, мы приезжали туда не для застолий, а чтобы пообщаться с хозяйкой этого дома, её и нашими друзьями, что постоянно находились рядом с ней, работая с теми документами и наследием Рерихов, хранящимися там, создавая фундамент будущего Музея-института семьи Рерихов, несмотря на постоянно возникающие препятствия. А это в том числе и поползновения отхватить «долю» от хранимого там наследия, что имело место до самого ухода из жизни Людмилы Степановны, и как ни странно, продолжалось и некоторое время после её ухода. Нашлись и в нашем городе такие люди… Да и что теперь удивляться, мы же видим, как сложно всё обстоит с сохранением наследия этой Великой семьи в нашей стране…

Но не будем «о грустном» и снова вернёмся в гостеприимный дом. И по сей день вижу, как взлетает над большим обеденным столом белая скатерть (последнее было непререкаемым законом), и её не по возрасту всё ещё изящные руки разглаживают небольшие складочки на ней. А затем начинается сервировка стола. Тонко, по-питерски нарезается хлеб, а затем Людмила Степановна начинает также удивительно намазывать эти ломтики хлеба маслом. Перед теми, кто пришёл в первый раз в гости, ставилась, так называемая рериховская тарелка. Таких было две ходовых, с оранжевыми цветами на стебельках по краям. Это было как бы своеобразным ритуалом посвящения в друзья этого дома и знаком уважения к пришедшему в первый раз гостю. Было так тепло, так просто и радостно среди друзей за этим большим столом, где говорили о многом: общих делах, новых находках, слушали рассказы хозяйки дома.

А потом была совместная работа с первыми двумя выставками компьютерных копий из Самары в 1998 г. Из наших встреч и совместной работы над этими выставками, наше общество «Адамант» и утвердилось в основном направлении своей выставочной деятельности как первоочередной работы. Мы считали, что прекрасные репродукции картин Рерихов и других художников могут открыть людям много больше и посеять в их сердцах зёрна такой ярой всхожести, которых нам,

Прогулка на санях в парке Музея-заповедника «Ораниенбаум». 2 февраля 1998 г. *Слева направо*: Нина Михайловна Тютеева (представитель Международного Центра Духовной Культуры, Самара), Людмила Степановна Митусова (Санкт-Петербург) и Татьяна Николаевна Бойкова (руководитель Культурно-просветительского центра «Адамант», Ломоносов)

возможно, никогда не удалось бы заронить проводимыми лекциями и беседами. Ведь известно, что наиболее действенным фокусом для привлечения внимания является выставочная деятельность, так как через зрение идёт до 80 % всей информации и впечатлений. И на открытии нами больших выставок почти всегда в залах с множеством других гостей присутствовала наш добрый друг – Людмила Степановна Митусова.

Она каждому старалась дать понять, насколько тот или иной человек дорог в её доме. Бывало и так, что в её день рождения мы звонили и поздравляли её. Она принимала поздравление и спрашивала: «А Вы сейчас где?». Когда следовал ответ, что мы у себя дома – в трубке слышался почти «трагический» вздох, за которым следовала фраза: «Ну вот, опять никого из своих не будет...». Конечно, это была чудная, маленькая, ласковая хитрость. Мы прекрасно понимали, что «своих» там и без нас будет достаточно, но невозможно было противостоять этому негласному призыву. Мы быстро собирались и ехали к ней в гости. Подарки и цветы она принимала с такой бережностью и любовью (даже если это был простой детский рисунок), словно лучше этого она никогда ничего в жизни ещё и не видела.

Людмила Степановна очень любила цветы. Нужно было видеть, как быстро она ходит по всем комнатам и примеряет принесённый букет, либо один цветок, к раз-

ным вазам, а затем также выбирает место, где всё это будет стоять. По тому, как человек принимает цветы, уже можно определить уровень его культуры, особенно если для сравнения обратить внимание на сегодняшних наших эстрадных певцов.

Мы старались дарить Людмиле Степановне всё наше сердечное тепло, на которое только были способны, а по возможности, в трудные периоды, старались помочь и чем-то более земным. Было так приятно, например, сделать что-то своими руками и затем подарить это ей. Видеть её бесконечно голубые, удивительно-благодарные глаза и некое смущение, с каким она почти всегда произносила: «Вы меня просто балуете». И это было совершенно искренним выражением её чувств.

Было многое, но запомнился один интересный случай. У меня появилась оренбургская пуховая пряжа, и почему-то захотелось связать для неё тёплые варежки, что и сделала, не откладывая в «долгий ящик». В один из условленных дней мы должны были заехать к Людмиле Степановне, и варежки как раз были готовы. Приехав немного раньше, я никого не застала дома. Людмила Степановна в то время очень радовалась работам по разбору архива в доме Римских-Корсаковых. И в тот день она как раз была в гостях у Т. В. Римской-Корсаковой и задержалась. Вернувшись на улицу, и прохаживаясь по 4-й Советской вдоль домов, я поджидала её там. Было довольно морозно. И вот я увидела Людмилу Степановну… Перед глазами и сейчас возникает тот морозный вечер, свет фонарей и она: маленькая, хрупкая, как-то слегка полусогнувшись, торопливо идущая по Суворовскому проспекту. Встретившись со мной, она извинилась, что задержалась. Вот она, старая Петербургская культура! Да я могла ждать ещё сколько угодно, и было даже как-то неловко, что пришла чуть раньше уговоренного времени. Перебросились словами о холодной погоде, и Людмила Степановна посетовала, что ко всему прочему она ещё и варежки где-то потеряла, и потому руки пришлось прятать в карманы. И я сразу поняла, почему она шла, слегка согнувшись – руки были в карманах пальто. Тогда уже моей радости не было предела – связанные мною так кстати варежки, тёплые и пушистые, тут же оказались у неё на руках.

Иногда, подходя к квартире, мы останавливались и замирали, чтобы звонком не разрушить колдовства романса, лившегося из-за закрытых дверей, что пели два голоса (Алексея Бондаренко и Людмилы Степановны), она же и аккомпанировала. Со своими молодыми друзьями Людмила Степановна делилась всем, чем владела сама, с большой любовью и щедростью, хотя иногда это принимало и комичные формы. Например, чтобы приучить некоторых из нас ставить всё на свои места в кухне, иногда вывешивались записочки с краткими замечаниями, которые гласили, что здесь стоит одно, а там весит другое…

В наших беседах всегда присутствовал дух полного доверия, и никогда мы не ощущали на себе этакого «взгляда свысока» или поучительного тона, так свойственного многим теперешним лидерам Рериховского движения, да и не только лидерам, что говорит о невежественности и непонимании основных, азбучных истин Живой Этики. Она рассказывала обо всём так просто: будь то рассказ о блокаде Ленинграда, её работе на токарном станке, смерти родных в это страшное время или о вызовах в Большой дом, куда она шла, не зная вернётся ли обратно. Всё, о чём

А. А. Бондаренко, Л. С. Митусова и В. Л. Мельников на выставке «Неизвестный Рерих» («Живопись Н. К. Рериха из собраний США» с автономными экспозициями «Наследие семьи Рерихов из Мемориального собрания С. С. Митусова» и «Органы-портативы Павла Чилина») Санкт-Петербург. Выставочный зал «На Литейном». Март 1998

она пишет в своей книге «О прожитом и судьбах близких» (2004), мы слышали от неё самой в более подробном и расширенном варианте. Так же просто она рассказывала о Рерихах. В её рассказах об этой удивительной семье были только любовь и уважение, но никогда не присутствовало возвеличивания, граничащего с позолотой статуй. И это, ещё до выхода дневниковых записей З. Г. Фосдик, давало возможность каждому из нас осознать, что никому из нас не заказан путь становления собственной высоты духа.

В жизни каждый выполняет свою задачу. Людмила Степановна была скромным, но преданным хранителем доверенного ей. Даже в невероятно тяжёлые, страшные годы ленинградской блокады, когда многое хранимое можно было продать, обменять на спасительный кусок хлеба, сжечь в печке-буржуйке, главное было сохранено сёстрами Митусовыми. По принципу действующего магнита к ней подходили разные люди, становились друзьями, затем так же отходили. Кто-то, получив всё от своей страны, уезжал за «лучшей жизнью» за границу, кто-то делал карьеру, кто-то с головой уходил в дом и семью. Люди есть люди, каждый выбирает, что ему ближе. А тех немногих преданных ей друзей, почти постоянно находившихся рядом (и оставшихся с ней до конца), она старалась оградить от вступ-

лений в рериховские общества. Да это и понятно, во-первых, слишком много было работы с наследием и архивами, а во-вторых, не всё в обществах было благополучно (особенно при образовании Петербургского отделения Международного Центра Рерихов), и, скорее всего, это не вызывало у неё доверия. Главное – она давно верила, что в нашем городе обязательно будет Музей Рерихов, и негласно вселяла эту веру во всех нас. И музей состоялся ещё при её жизни. И самые близкие и преданные её сотрудники, составившие вместе с ней ядро будущего музея, так же, как и прежде, вместе. Они продолжают работу, начатую когда-то с ней, и у меня даже не возникает тени сомнения, что она живёт и будет жить в сердце каждого из них.

В этом повествовании я опускаю рассказ о последних днях её жизни, хотя в ту грустную пору мы бывали у неё по возможности часто, и помогали, как могли. Но, как мы знаем, бывают удачные моменты перехода в мир иной… Людмила Степановна ушла с земного плана в 2004 г. на второй неделе после Пасхи. Сам момент её ухода был озарён солнечным лучом, и, видимо, неслучайно день её 100-летия 23 мая 2010 г. пришёлся на светлый праздник Святой Троицы.

В год 100-летия со дня её рождения сотрудниками нашего Музея-института семьи Рерихов была открыта и проведена выставка «Рериховский век», приуроченная к 75-летию подписания Пакта Рериха. На выставке были представлены картины, документы и предметы Рерихов из 75 организаций нашей страны, стран СНГ и дальнего зарубежья – музеев, библиотек, театров, архивов, университетов и т. д. Тот, кто сам хоть раз устраивал и проводил на серьёзном уровне выставку репродукций, сможет хотя бы отчасти понять какой титанический труд был проделан сотрудниками музея-института для открытия и работы выставки. Открывшаяся в апреле, она проливалась каскадом красок, становилась праздником радости и неповторимого счастья от прикосновения к возвышенному миру Красоты. По-моему мнению, для сотрудников музея-института это было преодолением одной из высот, взлётом к вершинам *на крыльях*, оставшихся им в наследство. Из залов не хотелось уходить, ведь с чудом так трудно расставаться. Сотрудники музея-института и их помощники работали с утра и до вечера с полной отдачей. Срок выставки продлили, но номерков в гардеробе всё равно не хватало, и стояла очередь. Многие приезжали на выставку из разных городов нашей необъятной страны и даже из заграницы. Уверена – все, кто близко знал и любил Людмилу Степановну, чувствовали её незримое присутствие там и радость за тех, кто воплощает всё, что задумывалось ещё вместе с ней. Ведь только лучшие дела доставляют радость нашим Учителям.

Перед её портретом никогда не стоит чётное количество цветов, ведь Людмила Степановна оставила нам любовь, красоту и тепло своего сердца, а значит, она живёт в сердце каждого из нас.

*Написав это немногое о Людмиле Степановне Митусовой, никак не могла найти названия для своих воспоминаний. Но вспомнились слова: «Невозможно привыкнуть говорить о ней: была. Нет, **крылья** её остались!», написанные в предисловии к её книге самыми близкими её сотрудниками. Подумалось, что именно эти слова больше всего подходят к воспоминаниям о таком Человеке.*

Н. В. ИВАХНЕНКО
(Санкт-Петербург)

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Мне очень повезло в этой жизни на встречи с замечательными людьми. Но самым прекрасным и светлым человеком, оставившим неизгладимый след в моей душе, была Людмила Степановна Митусова.

Я впервые увидела Людмилу Степановну в конце восьмидесятых. В ту пору в Ленинграде на улице Воинова (ныне Шпалерная) в доме № 35А (ныне – Храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость») располагалось Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). На его базе работало Ленинградское отделение Советского Фонда Рерихов (далее – *СФР*). Собрания отделения СФР привлекали большое количество посетителей, интересующихся жизнью и творчеством семьи Рерихов. На одном из таких собраний на сцену вышла изящная, хрупкая женщина. Она, казалось, была смущена всеобщим вниманием. Это была Людмила Степановна Митусова. Людмила Степановна поделилась воспоминаниями о семье Рерихов и зачитала письмо Елены Ивановны. По окончании программы её обступили люди, и она доброжелательно и терпеливо отвечала на все их вопросы. Впоследствии я не раз видела Л. С. Митусову при подобных обстоятельствах, но лично познакомиться и поговорить с ней не удавалось, так как она всегда была в окружении людей.

Между тем, в 1991 г. СФР в связи с распадом Советского Союза уступает место Международному Центру Рерихов. В Ленинградском отделении также наступает период перемен. Сменяются директора, проходят бурные собрания. Ленинграду возвращено историческое имя Санкт-Петербург. Организуются первые рериховские общества.

В 1992 г. наша небольшая группа энтузиастов сотрудничала с библиотекой завода «Знамя Октября» на улице Трефолева. Печатные издания по Живой Этике, труды Блаватской и Рерихов в то время были труднодоступны, поэтому мы организовали продажу литературы и небольшую рериховскую библиотеку. Там же мы проводили встречи и круглые столы для желающих ближе познакомиться с наследием Рерихов. На одну из таких встреч была приглашена Людмила Степановна. Но она пришла не одна, а с группой студентов университета. Молодые люди были членами студенческого литературно-музыкального объединения «Застава». Надо сказать, что в то трудное время студенты «Заставы» оказали большую помощь и поддержку Людмиле Степановне. Как она сама вспоминала впоследствии, их знакомство состоялось после её выступления на одном из мероприятий СФР. С тех пор Владимир Мельников, Алексей Бондаренко и другие стали её близкими друзьями, помощниками и сотрудниками.

В ходе беседы в библиотеке Людмила Степановна рассказывала о семье Рерихов, говорила, какие качества необходимы последователям Рерихов, о своих необыкновенных снах и о том, что сны обязательно нужно записывать. Ребята читали свои замечательные стихи. При этой встрече все присутствующие ощущали

удивительную атмосферу гармонии и душевного тепла. Позже я неоднократно замечала, что появление Людмилы Степановны всегда сопровождалось подобными ощущениями.

* * *

Следующая моя встреча с Л. С. Митусовой состоялась при весьма печальных обстоятельствах – на отпевании Святослава Николаевича Рериха. Отпевание совершалось в Князь-Владимирском соборе Санкт-Петербурга. После отпевания мы поехали в Общество «Мир», располагавшееся в то время на Миллионной улице, д. 19.

Сотрудники общества накрыли столы для поминок. У свободной стены был помещён большой портрет Святослава Николаевича. Когда все стали рассаживаться за столы, я оказалась рядом с Людмилой Степановной. Конечно, все разговоры велись о Святославе Николаевиче. Рядом с Людмилой Степановной чувства горечи и тяжести от утраты отступили. Было грустно и в то же время светло и спокойно. Запомнилось вспыхнувшее очень тёплое чувство к Людмиле Степановне и желание быть ей в чём-нибудь полезной.

* * *

Вскоре я получила от Людмилы Степановны приглашение прийти к ней в гости на 4-ю Советскую улицу в дом № 18/9, где она жила с 1975 г. в двухкомнатной квартире со своей сестрой Татьяной Степановной.

Конечно, я была очень взволнована этим приглашением. Осень. Пасмурно. Но на душе солнечно и радостно. И вот стою перед дверью её квартиры. Сердце слегка трепещет. Дверь открыла сама Людмила Степановна. Здороваемся, дарю ей принесённые цветы. Она с детским восхищением принимает цветы и приглашает пройти в квартиру и раздеться. Раздеваюсь, а Людмила Степановна ходит по квартире в поисках подходящей вазы. Это можно назвать ритуалом, который совершался каждый раз, когда в доме появлялись цветы. Людмила Степановна с цветами в руках тщательно подбирает вазу и подходящее место для принесённых цветов. Иногда она советуется: «Как Вы думаете, может быть, поставить цветы в эту вазу? Нет, лучше вот в эту…».

Захожу в комнату. Первое, что бросается в глаза, – большой Петровский шкаф и множество картин и фотографий. Возле шкафа сидит Володя Мельников. Запомнилось внезапно вспыхнувшее чувство, что-то вроде дежавю.

Каждая вещь в этой квартире хранила свою историю, будь то картина, фотография, статуэтка, посуда или предмет мебели. Но всё это раскрывалось постепенно и порой неожиданно. Так, в первое посещение произошёл своеобразный розыгрыш. В доме Людмилы Степановны как истинной петербурженки (ленинградки) было принято встречать гостей угощением. В те тяжёлые голодные годы на стол выставлялось всё, что было в доме, и отказаться от угощения было просто невозможно. Так случилось и в тот раз. Присутствующие за столом тихо переговаривались, и вдруг Людмила Степановна, глядя на меня с лукавой улыбкой, спросила: «А Вы знаете, из какой тарелки Вы едите?.. Это тарелка Рерихов!». Я замерла, не донеся вилки до рта,

Л. С. Митусова в своей квартире на улице Моисеенко, д. 6. 1974. © Архив Р. А. Григорьевой (Москва)

и с удивлением и волнением уставилась на тарелку, стоящую передо мной. А Людмила Степановна и Володя смотрели на меня и добродушно улыбались.

В другой раз мне предложили сесть на стул возле небольшого столика. Мы разговаривали, Людмила Степановна рассказывала о Рерихах. Я с увлечением слушала и незаметно для себя положила руку на столик и облокотилась на него. Заметив это, Людмила Степановна говорит: «А вот это – столик для рукоделия Елены Ивановны…». Подходит Володя, открывает столик, и моему взору предстаёт археологическая коллекция Николая Константиновича…

К тому времени я уже прочитала о Рерихах всё, что только было издано в печати, видела выступления Святослава Николаевича по телевидению. Конечно, всё это находило отклик в сердце, но всё же в уме складывались образы великих и недосягаемых Посланников Учителей Человечества. Именно, больше в уме, чем в сердце. Общение с Людмилой Степановной и вещи Рерихов будили сердце, и в нём оживали их образы, становились ближе, понятнее, можно даже сказать, роднее. Так вырастала глубокая сердечная любовь.

Каждое посещение квартиры Митусовых дарило новые открытия. То Володя рассказывает историю о приобретении Николаем Константиновичем Петровского

шкафа и при этом открывает его дверцы, выдвигает ящички, показывает тайнички. То обращается внимание на фигурку собаки по кличке Дружок, которую вылепил из глины маленький Юрий Николаевич Рерих, и начинается рассказ о детских годах *Юрика* и *Светика* (так по-родственному называла своих кузенов Людмила Степановна). В один из вечеров Людмила Степановна достала две пары туфелек Елены Ивановны. Бережно беру их в руки и рассматриваю. «Не хотите примерить?», – спрашивает Людмила Степановна. Размер подходит, но я отказываюсь, а вот ещё раз к ним прикоснуться – большое счастье.

* * *

Особенно запомнился один случай. После похорон Татьяны Степановны Митусовой, её младшей сестры, кажется, это было на девятый день, я взялась приготовить угощение для гостей. Посмотрев на свои скудные запасы и выбрав кое-что из них, я решила ко всему прочему поджарить папоротник (он хранился в сушёном виде). Жареные побеги папоротника по вкусу очень напоминают грибы. Поджаренный папоротник я уложила в керамический горшочек с красивым орнаментом и в таком виде принесла Людмиле Степановне.

Когда я пришла, Людмила Степановна и Володя Мельников уже хлопотали на кухне. Я стала выкладывать продукты из сумки на стол. И вот достаю горшочек.

– Что это? – удивленно спрашивает Людмила Степановна.

– Это папоротник, он по вкусу похож на жареные грибы.

– Грибы?.. Володя, Вы помните? Это такой же горшочек…

Людмила Степановна и Володя многозначительно переглядываются, а я смотрю на них с недоумением.

– Нина Валентиновна, а Вы разве не знаете? Это же мой сон!

– Нет, я ничего не знаю об этом, – растерянно отвечаю я.

И Людмила Степановна рассказывает.

Этот сон ей приснился в конце 1950-х гг., когда Юрий Николаевич жил и работал в Москве. Ей снилось, что она идет по рынку. Но рынок очень странный, почти все прилавки пустые, а деньги почему-то деревянные. Хочу заметить, что в то время, когда состоялся наш разговор, в магазинах и на рынках действительно было довольно пусто и деньги вполне можно было назвать «деревянными». Так вот, во сне Людмила Степановна подходит к одному из прилавков и замечает красивый керамический горшочек. Она берёт его в руки и видит в нём грибы. Вдруг из горшочка раздается голос её сестры, Татьяны Степановны: «Зюма, это я, Таня». Людмила Степановна, прижимает горшочек к груди и отходит от прилавка. Она идёт через пустой рынок и видит, что ей навстречу идут высокие статные старцы. Подойдя к ней, один из них гладит её рукой по голове и говорит: «Какой хороший малыш».

Разумеется, что в то время Людмила Степановна не могла понять значение этого сна и она обратилась за разъяснениями к Юрию Николаевичу. Он, молча, выслушал её, немного задумался, а потом сказал: «Всё так и есть». Людмила Степановна ничего не поняла, но больше расспрашивать не стала.

Так сон Людмилы Степановны оказался пророческим. И, по-видимому, Юрий Николаевич знал, что так будет.

* * *

Людмиле Степановне была присуща особая щедрость. Она не только с радостью дарила окружающим свои знания, любовь и внимание, но и готова была поделиться своими не столь богатыми средствами. Помню, однажды при мне Людмила Степановна получила посылку из Нью-Йорка. В ней была одежда (блузки, тёплые кофточки и т. п.). Напомню, это были трудные 1990-е. Радостно и с благодарностью разбирая полученное, Людмила Степановна стала предлагать мне выбрать что-нибудь из этих вещей себе, и мне с трудом удалось отказаться от этого предложения.

В. Л. Мельников и Л. С. Митусова на выставке в Музее-заповеднике «Ораниенбаум». 2 февраля 1998
© Архив Т. Н. Бойковой (Барнаул)

Все знавшие Людмилу Степановну вспоминают её удивительное гостеприимство. Дом Людмилы Степановны был по пути в Ленинградскую областную библиотеку на Кирилловской улице, где мы организовали Рериховское общество, и поэтому я иногда пыталась совместить посещение Людмилы Степановны и мероприятия общества. Частенько рассчитывала зайти к Людмиле Степановне на часок, но, когда приходило время уходить, она так уговаривала остаться ещё немного, что уйти было просто невозможно (тем более что и самой этого не хотелось). В результате я всю дорогу в библиотеку бежала и, конечно, опаздывала. Запыхавшись, входила в зал, а Т. Н. Бойкова посмеивалась: «Ну, всё понятно, опять была у Людмилы Степановны».

* * *

Если до встречи с Людмилой Степановной я уже довольно много знала о Рерихах, то об её отце, Степане Степановиче Митусове, мои знания ограничивались тем, что он был двоюродным братом Елены Ивановны Рерих, работал с Николаем Константиновичем Рерихом в Императорском Обществе поощрения художеств и способствовал встрече Николая Константиновича с Еленой Ивановной. Между тем, это был замечательный и очень талантливый человек, видный деятель культуры и искусства, музыковед и музыкант. С. С. Митусов был не просто другом и родственником семьи Рерихов, но и верным сотрудником. Очень жаль, что до сих пор о нём не знают или очень мало знают даже «рериховцы». Людмила Степановна часто рассказывала о своём отце, при этом звучали имена Путятиных, Билибиных, Потоцких, Римских-Корсаковых, Стравинского, Мусоргского, Скрябина, Врубеля, Батурина, Хармса и многих-многих других деятелей искусства. Степан Степанович славился своей отзывчивостью и гостеприимством, и нередко в его доме останавливались на несколь-

ко дней приезжавшие в Ленинград люди (как правило, деятели искусства) мало знакомые ему, но «знакомые знакомых». Несмотря на свою занятость и нелёгкую жизнь, он умел и любил пошутить и придумывать различные затеи.

Людмила Степановна часто вспоминала разные забавные случаи и шутки отца. Вместе с тем Степан Степанович придавал огромное значение духовному воспитанию своих дочерей. Людмила Степановна говорила, что своим выбором Пути, а также духовным и нравственным становлением она обязана отцу. Нередко в разговоре упоминалась его поэма «Петрушина Гора». Во время военной службы он в письме дочерям Злате и Людмиле отправил рисунок с текстом: «Вот вам Петрушина гора, где мы все скоро будем жить». Один из рисунков «Петрушиной Горы» висел в столовой Людмилы Степановны в квартире на 4-й Советской улице. Петрушина Гора – это холм в районе посёлка Торковичи у реки Оредеж, куда летом выезжала семья Митусовых. В поэме С. С. Митусова эта Гора – символ Царства Гармонии, Справедливости и Счастья. На рисунке немного ниже вершины изображён овальный объект с надписью «КАМЕНЬ».

* * *

Так от встречи к встрече словно кусочки мозаики складывались картины жизни не только Рерихов, но и необыкновенной семьи Митусовых. Радостные воспоминания сменялись историями о тяжких испытаниях, пережитых Людмилой Степановной и её семьёй. И до глубины сердца поражала необычайная стойкость и крепкость духа этой внешне такой хрупкой пожилой женщины. Как смогла она сохранить не просто жизнерадостность, но и удивительную детскую непосредственность?!

При этом она была чрезвычайно скромным человеком, и когда кто-либо выражал ей свою признательность, протестовала: «Ну что Вы, я этого ничем не заслужила». Между тем, только то, что она смогла сохранить Рериховское наследие во время блокады Ленинграда, потеряв почти всех своих близких (из всей семьи остались только две сестры – она и Татьяна Степановна), уже было Подвигом.

* * *

В общении с людьми Людмила Степановна всегда была предельно искренна и тактична. Иногда я оказывалась свидетельницей того, как она ласково журила кого-нибудь из молодых друзей. Её деликатность вызывала восхищение.

Общение с Людмилой Степановной пробуждало в сердце самые лучшие устремления, дарило необыкновенную радость. Помню, иду после встречи с ней по Суворовскому проспекту, ветер, мокрый снег, слякоть, а в душе звучит музыка, тепло и легко, словно крылья за спиной. И такое состояние сохранялось несколько дней и вспыхивало каждый раз при воспоминании о ней.

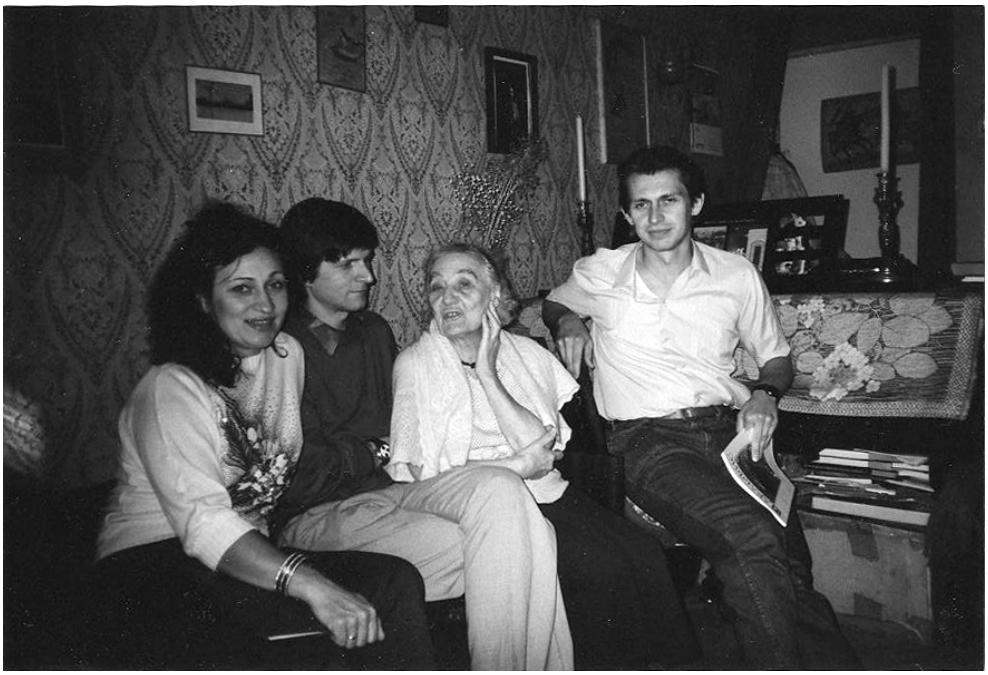
И сейчас, по прошествии десятка лет после её ухода с земного плана, её живой образ и память о ней зовут к Прекрасному и пробуждают лучшие устремления. И до сих пор, когда прихожу в Санкт-Петербургский музей-институт семьи Рерихов, меня охватывает знакомый трепет, как перед новой встречей с дорогим сердцу человеком.

Е. А. ЛЕВИНТОВА
(Санкт-Петербург)

ОКАЗИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Моё знакомство с Людмилой Степановной Митусовой состоялось в январе 1994 г., когда я, чувствуя себя «муравьём, несущим весть»[1], привезла ей письмо от Даниила Энтина и Аиды Тульской, директора и секретаря Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Тогда, в перестроечных девяностых годах, письма за рубеж и оттуда пересылали *с оказией*, то есть через вестника. Когда я увидела Людмилу Степановну, мне сразу бросилось в глаза близкое сходство её облика с Еленой Ивановной Рерих, тот же рисунок бровей и характерный нос представителей рода Голенищевых-Кутузовых[2].

Людмила Степановна была дома одна, и мне посчастливилось прикоснуться к чудному миру истинной петербурженки. В маленькой комнате квартиры на 4-й Советской улице было много вещей, подобных тем, которые я видела только на фотографиях и в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке. На столе и стенах были фотографии, картины дорогих лиц, стояли предметы, которых касались руки членов семьи Митусовых и Рерихов. Позже я познакомилась и с молодёжью Людмилы Степановны, и мне довелось поучаствовать в работе с архивами Публичной библиоте-



Л. С. Митусова и её молодёжь в квартире на 4-й Советской улице. 1994
Слева направо: Е. А. Левинтова, В. Л. Мельников, Л. С. Митусова и А. А. Бондаренко

ки. Например, нужно было проверить правильность библиографии книг, рекомендованных на лекциях Н. К. Рерихом своим студентам.

Незабываемым останется в моей жизни прикасание к старинным книгам, где западный очевидец описывал Московию в XVI в., описание языческих славянских богов, в которых я впервые увидела сходство с преданиями об индийских богах. Потрясло сказание о Золотой бабе – громадной статуе, стоящей где-то за Уралом на перепутье дорог и звучащей от ветра. В её животе была дочь, в животе которой было тоже дитя. Не прослеживается ли здесь общая память связанных между собой в древности народов, на что указывают предания о египетских поющих колоссах Мемнона?

В мои руки попал также старый журнал, посвятивший восторженную статью молодому, подающему надежды художнику Николаю Рериху, представившему свою первую значительную картину *«Гонец»*. Как был прозорлив автор этой статьи[3], точно угадавший по этой картине великую будущность художника при его неустанном самосовершенствовании!

Так только начинались систематические архивные поиски материалов для будущего Музея-института семьи Рерихов, а «мотором» и вдохновителем, конечно, была Людмила Степановна Митусова, принадлежавшая к семье, которая многие годы хранила бесценное наследие, в том числе ценой жизни своих членов. Душой она была молода и неуёмна, общение с молодыми помощниками соответствовало, видимо, её жизненному ритму.

Я бывала в её доме не часто из деликатности помешать и утомить. Позже, живя в Нью-Йорке, я ещё не раз привозила письма Людмиле Степановне, поддерживая её связь с Музеем Николая Рериха.

Сейчас, спустя годы после ухода Людмилы Степановны, можно воочию видеть результат её миссии по сохранению Рериховского наследия и мечты по созданию Музея-института семьи Рерихов. Ныне это учреждение культуры располагает редкими фондами, проводит выставки, конференции, семинары и другую просветительскую деятельность, привлекая и объединяя всех светло мыслящих небезразличных людей не только России, но и всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср.: «Когда срок наступит, даже муравей гонцом придёт» (*Учение Живой Этики (Агни-Йога)*. Листы Сада Мории. – Кн. II. Озарение. – 1925. – § 107).

[2] Что так нарушено в скульптурном портрете Елены Ивановны, установленном при Международном Центре Рерихов в Москве.

[3] См.: *Анненков Г. П.* Выставка конкурсных работ учеников Высшего художественного училища // Мировые отголоски. – СПб., 1897. – 6/18 ноября. – № 307. – С. 7. Она заканчивается следующим утверждением о картине «Гонец. “Восста род на род”» (1897): «Картина г. Рериха, безусловно, прекрасное произведение, доказывающее, что он вполне законченный художник и вдобавок принадлежит к числу тех немногих, которые не перестанут развивать свой талант и в будущем. Он быстро, заметно совершенствуется, что видно при сравнении этой картины с его прошлогодними, тут же выставленными эскизами, написанными им на темы русского былинного эпоса…».

А. Б. СЕЛИЩЕВ
(Общественная организация «Содружество малых городов»; Пермь)

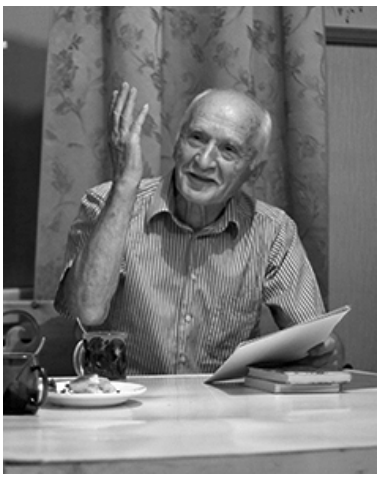
ПОРОДНИВШИЕСЯ С МУДРОСТЬЮ

Из всех учителей лучшими будут те, кто научит думать.

Всем нам известно, что для человека самыми важными и ценными познаниями являются те, до которых он дошёл сам, хотя и претворил в жизни при этом опыт, накопленный другими. Когда не навязанные кем-то положения и установки будут определять его действия, а сам человек примет для себя тщательно обдуманный и апробированный на своём опыте алгоритм мыслей, то и все его поступки будут логичными, цельными, а значит и уверенно-поступательными, наполненными мощной, преобразующей энергией, которую чувствуют окружающие, и за которую ценят нас.

К сожалению, уровень мышления большинства очень примитивен, и основные вопросы философии, решая которые человек определяет своё отношение к окружающему миру и пути своего развития, многих не интересуют. Становится понятным, почему многие не могут выйти из круга страданий и рабства своих же мыслей. Но истинные философы, пройдя определённые этапы своего развития, могут оказать нам всем неоценимую услугу, показывая своим примером, как можно и что нужно делать для того, чтобы не только пройти этот путь *как по струне над бездною*, но и постоянно открывать для себя новые горизонты, постоянно осмысливая при этом всё, что встречается нам в жизни.

Я хочу упомянуть здесь о двух из них – тех, кто оказал на меня существенное влияние в развитии способности мыслить комплексно и в то же время свободно, не боясь выражать в мыслях свою точку зрения, опираясь при этом на стройные логические выводы. К сожалению, в духовной сфере мало образцов подобного творчества, и пример этих людей оказался для меня очень полезен.



Ю. М. Ключников
© «Российский писатель»

С писателем и философом **Юрием Михайловичем Ключниковым** (род. 24 декабря 1930 г.) из города Новосибирска я познакомился в 1992 г. – это было как раз то время, когда самые разнообразные духовные направления получили свободу и стали доступны каждому. В то время я познакомился с большим числом людей, изучавших самые разнообразные течения, но вот глубина подхода к оценке наследия прошлого и приложение его к настоящему, которые исповедует Юрий Михайлович, поразили меня больше всего.

Он был в Перми с выступлениями как минимум четыре раза, и те, кто видел его, не могли не отметить его внутреннее спокойствие, которое как бы передавалось всему залу. Мне довелось

быть причастным к организации одного из его приездов, и поэтому многие его черты были видны отчётливее, чем другим. Меня поразило его доверие к не совсем знакомому человеку, каким я был для него. Он как-то внутренне это передаёт, и от осознания того, что он тебе доверяет, хочется выполнить просьбу с максимальной отдачей. Он словно даёт тебе для этого часть своей энергии.

Поразила также меня его терпимость. Он, конечно, выказывал своё отношение к различным людям, но я не слышал от него ни одного осуждающего слова по отношению к кому бы то ни было. В то время его за это даже некоторые стали обвинять в бесхребетности, но говорить это про человека, который в советское время пережил двадцатилетнюю опалу за свои взгляды со стороны властей и был вынужден из писателя переквалифицироваться в грузчика, потому что его отказывались брать в другие места на работу из-за партийной неблагонадёжности, было бы несправедливым. Об этих страницах своей биографии он всегда говорил с улыбкой, как о необходимом для него этапе жизненного роста. Те, кто читал его работы, могут отметить его нестандартные подходы в отношении к явлениям жизни. И с первого же его выступления для меня стала важной идея, которую он как бы исподволь, но всё же красной нитью проводит через всё своё творчество – помоги Земле Русской! Как мы это можем и должны делать, он не даёт прямых и чётких указаний, но даже после небольшого размышления над его работами этот Путь становится ясен.

Самое главное, чему он учит, – это непредвзятому мышлению. Он побуждает не слепо копировать его, но использовать свои индивидуальные особенности для персонального же приложения в общей для всех цели. Не секрет, что у многих из нас есть своя личная, персональная молитва или обращение к Высшим Силам. После проводимых им творческих медитаций, в которые всегда включался сразу весь зал, многие моменты для своего личного обращения я взял именно из них.

Николай Уранов
© www.uranov.ru

Подобную философскую мудрость и творческое осмысление духовного наследия, претворённого в собственных работах, позже я узнал у ещё одного замечательного человека, ученика Б. Н. Абрамова – **Николая Уранова** (литературный псевдоним **Николая Александровича Зубчинского**; 1914—1981). В своих статьях и исследованиях он исповедует положение, что любое духовное откровение – это не догма, а руководство к постоянному самостоятельному действию.

Почему для многих людей, следующих путём духовного развития, соблюдение и выполнение каких-либо обрядов оказывается малополезным? Потому что от них ускользает смысл, а значит и заложенная в них энергия. Чтобы понять высо-

кую символику духовных посланий, требуется гораздо больше времени уделять размышлению, чем чтению. Ведь читая одно и то же, каждый из нас делает свои, ему необходимые выводы, а другого затронет, может быть, другой момент, которому он созвучен в эту минуту.

И процесс собственного философствования оказывается очень важным, если он опирается на анализ, ежедневную духовную работу и понимание незыблемости основ. Именно это и наполняет все работы Николая Уранова. Опираясь на положения Учения, он постоянно размышляет с высоты воспринятой сознанием Истины над самыми разнообразными аспектами нашей жизни и деятельности.

Его основной семитомный труд «Размышляя над Беспредельностью» – это не только пример осмысления величия и жизни космоса и дальних миров, он адаптирует наше сознание к глубокому пониманию космической, огненной правды, данной на новом этапе нашего развития. Он своими трудами выстроил для многих прекрасные мосты связи с будущим, и его опыт – прекрасный пример для подражания. Ведь каждая наша собственная творческая мысль, оформленная и приемлемая для детальной проработки другим человеком, не просто окажет ему неоценимую услугу, но и умножит наш вклад в дело наполнения пространства благими энергиями.

В. Л. МЕЛЬНИКОВ
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ЕВГЕНИЙ ПАЛЛАДИЕВИЧ МАТОЧКИН ЧЕЛОВЕК. УЧЁНЫЙ. ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА РЕРИХОВ

Евгений Палладиевич Маточкин родился 4 февраля 1942 г. в городе Краснокамске Пермской области в семье врачей. Его отец – **Палладий Георгиевич Маточкин** (1913—2003), хирург, выходец из крестьянской семьи Вятской губернии. Его мать – **Лидия Георгиевна Маточкина** (1917—2008) – педиатр, происходит из крестьянской семьи Костромской губернии. В 1956 г. Маточкины переехали в Новосибирск. В 1959 г., после окончания средней школы с золотой медалью, Евгений Палладиевич поступил в только что открывшийся Новосибирский государственный университет. Окончил его Естественный факультет в 1964 г. и 27 лет проработал в Институте ядерной физики в Академгородке. Является автором 89 научных работ по физике. Однако всю жизнь Е. П. Маточкина тянуло к искусству. Он увлекался живописью, рисовал, участвовал в экспедициях по сбору икон, в том числе и с Государственной Третьяковской галереей. Большая дружба с её Древнерусским отделом связывает его уже 40 лет. Окончил музыкальную школу и исполнил свою мечту – сыграл концерт для фортепиано с оркестром.

Дар Новосибирску шестидесяти полотен Н. К. Рериха сыграл заметную роль в его жизни. По инициативе Е. П. Маточкина при полной поддержке академика А. П. Окладникова и при живейшем участии Н. Д. Спириной, П. Ф. Беликова и Л. А. Андросовой в Новосибирске стали проходить первые в СССР научные конференции по Рериховскому наследию – «Рериховские Чтения». Поэтому Евгения Пал-

Евгений Палладиевич Маточкин на Пике Беликова у высочайшей вершины Алтая Белухи. Август 1983
© Архив семьи Маточкиных (Новосибирск)

ладиевича можно с полным основанием считать зачинателем сибирского рериховедения.

Так случилось, что в Академгородке, в соседнем дворе с ним жил замечательный художник с Алтая – Николай Васильевич Шагаев (1913—1998), ученик великого Григория Ивановича Чорос-Гуркина (1870—1937). Его беззаветная любовь к Горному Алтаю передалась и Е. П. Маточкину. Каждый год, вот уже более тридцати лет, он постоянно ездит в горы. За несколько лет пешком прошёл вокруг Белухи по маршруту экспедиций Г. И. Чорос-Гуркина и Н. К. Рериха. Алтай подарил ему много открытий – неизвестных ранее наскальных рисунков, образцов народного творчества, различных архивных материалов по искусству. Всё это вместе вылилось в диссертацию по искусствоведению – «Наследие и новации в изобразительном искусстве Горного Алтая», которую Е. П. Маточкин перед своим 50-летием успешно защитил в Москве в Институте теории и истории изобразительных искусств при Академии художеств СССР. Открыты и исследованы такие замечательные памятники, как красочные изображения Бии и Калтака, петроглифы грота Куйлю, Чёрной речки, Теке-Туру, Карбана, Карагема и другие.

Затем была работа директором Новосибирской картинной галереи (1992–1994). Потом он работал референтом академика В. П. Казначеева (1994–1998). Все последние годы Е. П. Маточкин работал старшим научным сотрудником Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина. По искусствоведению им опубликовано более 200 работ, в том числе более 20 книг и альбомов, более 30 докладов на международных конференциях.

Его жена – Наталья Александровна Маточкина, врач-бактериолог, ныне пенсионер. Оба сына – Алексей и Павел – пошли по его стопам в естественных науках, работают в научно-исследовательской сфере.

Е. П. Маточкин неоднократно дарил в российские музеи собранные им предметы искусства и культуры. Особенно много даров он оставил в различных рериховских экспозициях по всему миру. Например, совместно с П. П. Лабецким и Г. Г. Ермолиной он подарил Национальному музею Республики Алтай им. А. В. Анохина две тангки «Зелёная Тара» и «Белая Тара», а также ритуальный тибетский колокольчик, приобретённый ими в Монголии в 2000 г. Дарители высказали пожелание, чтобы эти предметы буддийского искусства сопровождали музейную экспозицию, посвящённую Н. К. Рериху.

Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов и его сотрудники имели счастье часто работать с Евгением Палладиевичем: в экспедициях на Алтае, в написании совместных статей, подготовке новых изданий и выставок, а также имели вдохновляющее общение с ним ещё со времён основательницы музея-института Людмилы Степановны Митусовой. Всякий раз Евгений Палладиевич живо и скоро откликался на новые идеи, поддерживал все проекты, а цели петербургской конференции «Рериховское наследие» однажды очень деликатно подкорректировал. Именно в его формулировке по-новому убедительно зазвучали эти цели – «в духе рериховских научных идей».

Список работ Е. П. Маточкина по рериховской тематике состоит из более чем ста позиций. Многие его работы по искусству Н. К. Рериха стали настольными для многих начинающих искусствоведов.

В последние годы Е. П. Маточкин стал автором двух томов фундаментального издания по искусству Н. К. Рериха – богато иллюстрированного художественного издания большого формата, изданного в Самаре.

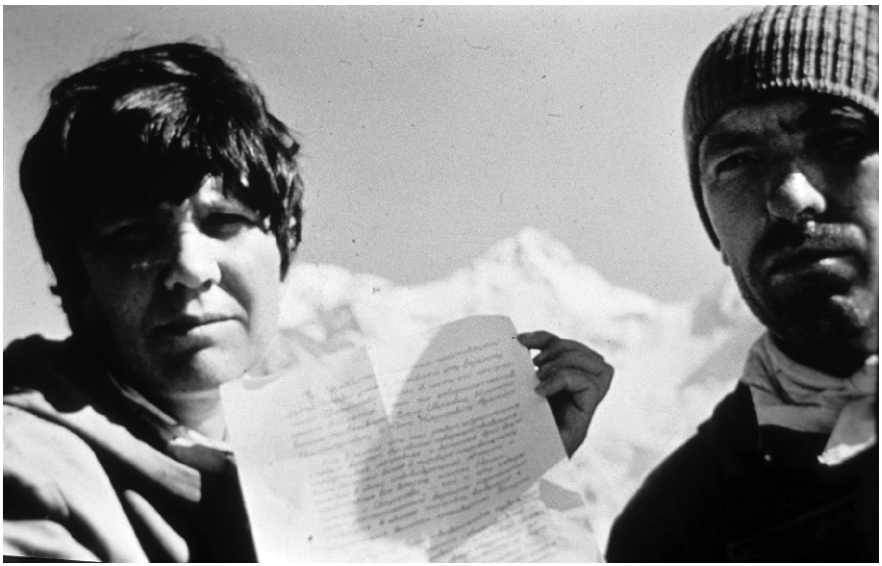
В 2011 г. Е. П. Маточкин удостоился высокой награды за сохранение Рериховского наследия – стал лауреатом Международной премии имени Николая Рериха. Весьма символичная веха на пороге его 70-летия!

* * *

Первая часть данной статьи была написана в сентябре 2011 г. как представление к награждению Международной премии имени Николая Рериха. Казалось, впереди нас ждут ещё годы совместной работы, но судьба распорядилась иначе.

Евгений Палладиевич ушёл из жизни в Железнодорожной больнице города Новосибирска 14 января 2013 г. в 21.00.

Это известие было ошеломляющим для всех нас, оно очень сильно всколыхнуло чувства любви, благодарности, преданности, которые мы испытывали к нашему



Л. А. Андросова и Е. П. Маточкин на Алтае на вершине Святослава Рериха. 1983
В руках – записка-посвящение вершины. © Архив Л. А. Андросовой (Санкт-Петербург)

дорогому Евгению Палладиевичу. Вскоре вместе с Алексеем Бондаренко мы вылетели на его похороны в Новосибирск…

Уже в Новосибирске нас догнала весточка Людмилы Александровны Андросовой «На смерть Евгения Маточкина», которую мы передали семье:

«Женя, нет, нет! Как же так, ну почему, почему… Тяжко-то как, больно-то как.

Вся моя жизнь помещалась в твоей. Ты создал много творений, но вот ещё одно – ты создал, ты сотворил меня. Что бы я, что бы жизнь моя – без тебя?.. Руку твою я разжала, когда уехала в никуда…

Вершины Рерихов под небом Алтая (творенье твоё, ты их выбрал и ты их назвал) – память тебе. Вечная».

Также мы передали семье Е. П. Маточкина письма-соболезнования от директора Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Даниила Энтина, научного сотрудника Государственного музея Востока, главного редактора московского издательства «Сфера» Д. Н. Попова и президента вышневолоцкого Фонда поддержки и развития образовательной системы «Ирида-прос» С. В. Медведева.

Эта невосполнимая утрата заставляет нас ещё и ещё раз вспоминать о том, что он значимого для всех нас сделал.

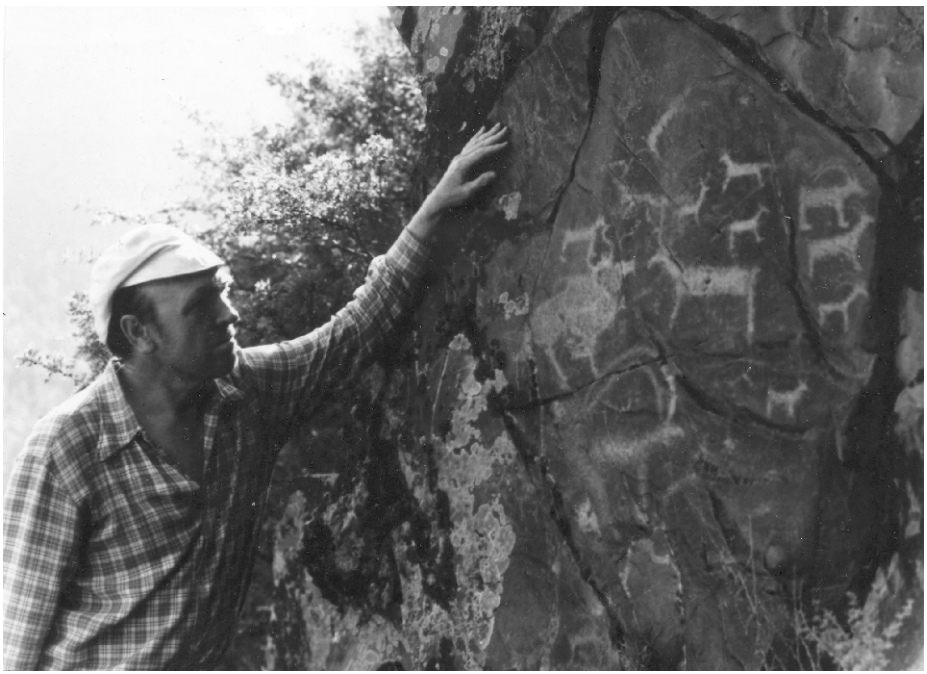
* * *

Двадцать второго сентября 2011 г. он получил официальное подтверждение от ВАК об утверждении его докторской диссертации «Художественное наследие и

проблемы преемственности в изобразительном искусстве Горного Алтая» – первой докторской диссертации по искусству Горного Алтая.

На эту тему он опубликовал больше всего работ – около двухсот. В последнее время его очень занимал «Алтайский Стоунхендж» – Тархатинский комплекс. За Кош-Агачем в Чуйской степи есть такое мегалитическое сооружение, возраст которого не менее четырёх тысяч лет. При помощи астронома Е. Г. Гиенко он выявил там интересные астрономические закономерности. На огромных каменных глыбах выбиты рисунки, которые позволили ему связать мифологические представления древних с лунно-солнечными явлениями, которые наблюдаются на этом объекте. Народная молва приписывает этому месту чудесные свойства. Он мечтал объединить усилия учёных разных специальностей, чтобы раскрыть тайны этого уникального сооружения далёких эпох. Был уверен, что в будущем Тархатинский мегалитический комплекс станет широко известен в мире.

В 2008 г. он прислал для публикации рукопись своей книги «Алтай: петроглифы Инегеня». Текстовая часть книги относительно небольшая, около 40 страниц, зато в книге планировалось более 70 рисунков тушью, а также несколько цветных иллюстраций для мелованных вкладок. Вместе мы мечтали о большой «Алтайской выставке» в Санкт-Петербурге. Уверен, скоро его мечты сбудутся, и рукопись его труда наконец-то выйдет в свет.



Е. П. Маточкин у открытых им алтайских петроглифов. 1990-е
© Архив семьи Маточкиных (Новосибирск)

В год своего 70-летия по представлению ряда музейных и творческих организаций, включая петербургские Музей-институт семьи Рерихов и Международный благотворительный фонд «Рериховское наследие», Евгений Палладиевич был избран членом-корреспондентом Российской Академии художеств. Воистину, как тут не вспомнить рериховское речение «победа тебе суждена, если победу захочешь»! А ведь и картина Н. К. Рериха *«Победа»* (1942) оказалась в новосибирском Академгородке по инициативе именно Е. П. Маточкина.

* * *

Нужно отметить, что он чувствовал свой скорый уход. Поэтому на мою обычную просьбу прислать, наконец, какие-нибудь воспоминания или хотя бы стандартную автобиографию он откликнулся весьма эмоционально. Я получил гораздо больше, чем запросил, и тут что-то ёкнуло в груди. Подумалось: нужно обязательно выступить о нём на нашей конференции, тем более, что накануне он стал лауреатом Рериховской премии. Нужно приветствовать и благодарить его живого!

В конце присланной автобиографии он записал конспект сущностного и значимого, что обычно для текстов этого жанра не требуется:

«1. Хотя сделано и написано немало, но исполнение главных творческих планов впереди.

2. Очень люблю музыку. Последнее время специально разучиваю на фортепиано программы из произведений Баха, Шопена, Скрябина, Рахманинова, чтобы играть их в небольших аудиториях и доставить людям радость.

3. Более всего ценю человечность и страдаю, когда её нет. Человечность особенно дорога в горах, когда трудно. Простые люди Алтая подарили мне столько тепла, доброты и сердечия, а сам Алтай – столько красоты, что я не знаю, как мне успеть ответить тем же.

4. Планов на будущее много. Хочется, чтобы появились издания по искусству Алтая. Сейчас их до обидного мало. Материалов накопилось у меня достаточно, однако что-то напечатать с хорошими иллюстрациями в настоящее время очень трудно. Надеюсь, что в будущем культуре будет уделено бóльшее внимание».

Чтобы «успеть» у него оставалось чуть более года… В одном из последних интервью он сказал:

«Искусство Николая Константиновича Рериха изучаю более 40 лет. Писать о нём необычайно сложно и ответственно, не случайно серьёзных исследований об искусстве Рериха сравнительно немного».

В этих словах – трезвая оценка и того, что за прошедшие годы сделал он сам. Евгений Палладиевич был весьма требователен, прежде всего, к самому себе. Никогда не забуду опыт сотрудничества с ним – две совместные статьи «Идолы в произведениях Н. К. Рериха» и «Пермский звериный стиль в творчестве Н. К. Рериха» (1997). Это была настоящая Школа. Он учил отсекать «желаемое» лишнее, тщательно проверять факты, уточнять источники, доверять только тому, что ви-

дел своими глазами. При этом он был очень мягким, предупредительным, неконфликтным. Он мог в поисках подтверждения одного внешне малозначимого факта неделями сидеть в библиотеках и архивах, поэтому никогда не удивляли его просьбы непременно сходить в самое ближайшее время в Публичную библиотеку или Библиотеку Академии наук, чтобы на такой-то странице такой-то книги уточнить то-то и то-то для очередной масштабной монографии. Было приятно иногда выполнять для него работу, подобную той, которую Г. С. Олькотт выполнял для Е. П. Блаватской, уточняя по её просьбе различные цитаты. Но при этом он редко просил о чём-то лично для себя, а вот облепиху алтайскую привозил всегда! Хотя бы маленькую баночку, но обязательно захватывал…

* * *

В 2009 г. с его помощью активизировались наши контакты с В. Е. Ларичевым, с которым у нас было два общих любимых героя – князь П. А. Путятин и Н. К. Рерих.

Увы, не всё, что мы хотели вместе сделать, удалось реализовать. Например, в 2004 г. по организационным, от нас не зависящим причинам сорвалась совместная работа по «Архитектурной серии» Н. К. Рериха 1903–1904 гг. Планировалась большая подробная монография-альбом, но по условиям самарского издательства «Аг-

Е. П. Маточкин – научный руководитель экспедиции Музея-института семьи Рерихов на Алтай
Ущелье реки Аргут. Февраль 2002. © СПбГМИСР

ни», куда его удалось устроить с нашей подачи, это оказалось невозможным. В результате все наши совместные материалы, обработку которых мы с Евгением Палладиевичем начали ещё в присутствии Л. С. Митусовой, так и остались невостребованными. Шестого августа 2009 г. Е. П. Маточкин с сожалением мне написал:

«Я всегда помню, что наш труд с тобой, над которым мы работали с таким увлечением и надеждой на издание, остался незавершённым».

* * *

Память возвращается в ноябрь 1997 г. Новосибирск. Дни «Рериховских Чтений». Встретившись со мной в зале заседаний, Евгений Палладиевич сразу же предложил ехать к нему и у него заночевать. Это было более чем уместно, особенно после организационных треволнений и тяжёлого перелёта. Дома ждал сюрприз – гостеприимная супруга Евгения Палладиевича Наталья Александровна и её хлебосольный сибирский стол с огромными белыми грибами и облепиховым вареньем!

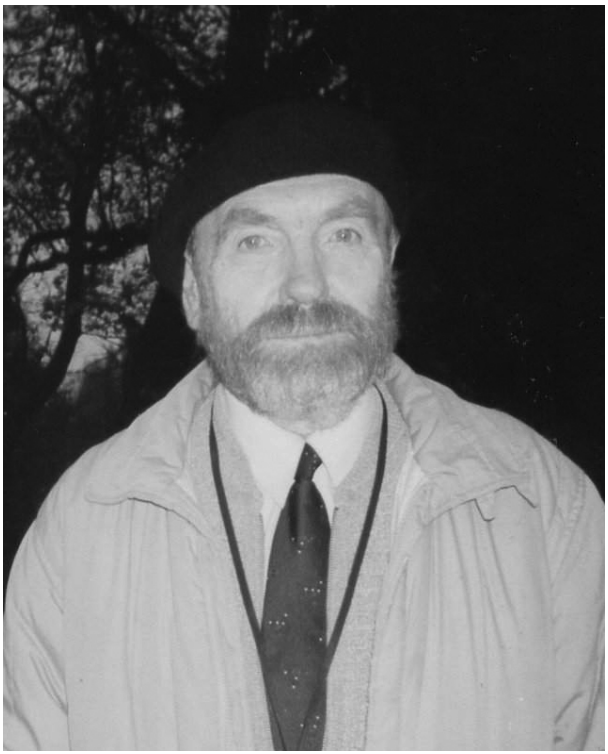
Окунувшись в мир его маленького кабинета, наполненного в концентрированном художественном виде «Рерихом», «Чорос-Гуркиным» и самим «Маточкиным», я сразу же выпросил некоторые сборники, чтобы успеть их «проглотить» в несколько новосибирских дней. Больше всего в Новосибирске меня потрясли не «Рериховские Чтения», не их именитые участники, а Откровение его статьи «Космический *агни* в произведениях Н. К. Рериха», мне ранее не знакомой, хотя она вышла ещё в 1995 г. московском сборнике «Пути восхождения». Помню, как в новосибирском метро во время чтения этого чудесного текста у меня потекли слёзы… От переполнившей меня радости и неизъяснимого космического восторга их невозможно было удержать!..

Когда в августе 2009 г. в письме я попросил Евгения Палладиевича написать новую версию этого сочинения, он прислал такой ответ:

«Спасибо! Володя, новая версия – это очень сложно. У меня всё рождается по наитию. И я думаю, что это состояние было единственным».

* * *

Однажды, в дороге, когда мы с ним вместе отправились в Башкирию в гости к нашему общему другу Равилю Сагитовичу Салимову, он признался во время долгого разговора, что одна алтайская прорицательница предсказала ему, что он напишет *тридцать три книги*. Думаю, она интуитивно почувствовала не столько точное число выпущенных под его именем книг, сколько выдающийся масштаб и широкий диапазон всей его творческой работы. Напомню, что число *тридцать три* в архаическом символизме имеет особый сакральный смысл, оно воплощает божественный ритм, управляющий Вселенной. К тому же мифологическая идея *тридцати трёх богов* присуща именно алтайцам. Именно ритмичной и наполненной Высшими энергиями была вся жизнь Евгения Палладиевича. И «напитывался» он божественными энергиями именно на Алтае, который всем сердцем любил. Уверен, эта любовь была исключительно взаимной. Он каждый раз при встрече щедро делился и этой любовью, и глубокими знаниями о природе и культуре Алтая.



Е. П. Маточкин во время экскурсии для участников конференции «Рериховское наследие» Санкт-Петербург. Павловск. 11 октября 2003. Снимок Е. А. Трофимовой. © СПбГМИСР

Евгений Палладиевич отнёсся к тому предсказанию очень серьёзно и себя не жалел. Он до конца своих дней работал без устали над его исполнением. Думаю, это предсказание тогда сбудется, когда удастся собрать все его многочисленные статьи в разрозненных, часто труднодоступных изданиях и издать полное собрание его сочинений. Шестого августа 2009 г. в своём письме ко мне он добавил:

«Я понял это как задание мне на будущее. Я действительно только и делаю, что пишу. По алтайским художникам уже вышло 7 книг, и планируются следующие. Кроме меня, это никто не сделает. Да, видимо, так надо».

Он очень торопился, очень старался. Я никогда не видел его в праздности или в унынии.

* * *

У нас бывали разногласия и споры, но мы всегда стремились друг к другу, потому что нас объединяло общее дело освоения Рериховского наследия. Об этом он сам написал 6 августа 2009 г.:

Е. П. Маточкин и директор Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов А. А. Бондаренко. Санкт-Петербург. 28 февраля 2007. Снимок В. Л. Мельникова. © СПбГМИСР

«Хотелось бы почаще общаться... Ты думаешь, у меня есть ещё какие-то друзья и близкие сотрудники? Фактически нет. В ранние годы – с Наталией Дмитриевной, с Павлом Фёдоровичем, а потом с вами и Людмилой Степановной (Царство небесное!) мне было лучше всего».

Он успел поработать научным руководителем самой первой экспедиции Музея-института семьи Рерихов в Азии. Она состоялась в 2002 г. на Алтае, где сначала в феврале были исследованы петроглифы в ущелье Аргута, а затем в июне-июле – петроглифы и каменные изваяния в долине Катуни у Инегеня. Евгений Палладиевич мечтал продолжить экспедиционную работу на Алтае и Монголии в последующие годы, постоянно предлагал новые маршруты…

* * *

Когда он узнал, что в тезисах предстоящей конференции будет о нём заметка, прислал в дополнение своеобразный «конспект» своей жизни.

«Мне в жизни повезло:

1. Быть учеником Н. Д. Спириной, П. Ф. Беликова, А. П. Окладникова (по его трудам и личному общению).

2. Трижды взойти на пик Николая Константиновича. Посвятить вершины членам семьи Рерихов, Беликову, Учителю, Ученику.

3. Организовывать Рериховские Чтения.

4. Встречаться со Святославом Николаевичем, З. Г. Фосдик.

5. Писать о Рерихах, об искусстве Николая Константиновича.

6. Общаться много лет с Л. С. Митусовой.

А также быть первым студентом Новосибирского государственного университета, съездить в экспедицию за иконами с Государственной Третьяковской галереей и привезти в Новосибирскую картинную галерею сузунские иконы, ходить по Алтаю и исследовать его искусство, сыграть концерты с оркестром и многое другое».

О «многом другом» он повествует сам в своих воспоминаниях, которые он прислал нам накануне награждения Международной премией имени Николая Рериха в 2011 г. По частям они были опубликованы в малотиражном академгородковском альманахе. Их он написал в 2003 г. (*см. ниже*). В дальнейшем он планировал их продолжить рассказом о своей «Державе Рериха». К сожалению, не успел…

Вот таким интересным, разносторонним и преданным другом был Евгений Палладиевич Маточкин. Вечная ему Память!

Е. П. МАТОЧКИН

(Национальный музей Республики Алтай имени А. В. Анохина; Новосибирск)

ВРЕМЯ ОТТЕПЕЛИ И ВЕСНЫ

Время, оказывается, летит очень быстро. Уже городку скоро полвека. Уже нет в живых его многих героев-зачинателей. И мы, первые студенты университета, уже все пенсионеры. Сегодня городок уже другой, повзрослевший. А когда-то здесь бурлила молодая жизнь, процветала наука и культура. Оглядываясь назад, кажется, что всё это было совсем недавно, а задумаешься – давно. Многие и не знают, как и что здесь было и вообще могут и не узнать, если не останутся свидетельства той поры. Вот почему мне и захотелось поделиться своими воспоминаниями, хотя бы и в краткой форме. Они, эти обрывки памяти, конечно, очень личные и, наверное, у каждого свои, пропущенные через свою жизнь.

Университет

Я был в числе первого набора студентов НГУ 1959-го года. Собственно, приобщение к университету началось раньше, в организованной для новосибирских старшеклассников физико-математической школе. То были еженедельные воскресные занятия, которые проводили учёные СО АН СССР, уже приехавшие работать в сибирский научный центр. Помню, как меня буквально потрясла формула, написанная на доске академиком Сергеем Львовичем Соболевым, $e^{i\pi} = 1$. Как могла такая экзотическая комбинация трансцендентных и мнимых чисел дать простую

единицу, трудно было представить. Лектор пообещал, что в будущем мы про это узнаем.

Весной, после завершения занятий, была проведена олимпиада и нас пригласили стать абитуриентами открывающегося вуза. Вступительные экзамены сдавали в начале июля в городе, в здании Сибстрина. Для физиков было устроено дополнительное собеседование, которое проводил академик Андрей Михайлович Будкер. Он сам лично задавал вопросы и отбирал будущих студентов. Он считал, что человек, мечтающий стать физиком, должен интересоваться физикой и потому иметь знания в большем объёме, чем положено по школьному курсу. Прошедшие такой строгий отбор, наконец-то были зачислены в число студентов уникального учебного заведения.

Сергей Львович Соболев читал и первую вводную лекцию в открывшемся университете. Однако вначале была работа в колхозе, как было заведено в те годы. Поблажек не было ни для кого, и все добросовестно помогали убирать урожай. Первое же занятие состоялось 29 сентября после окончания сельскохозяйственных работ.

Вообще, мы знали, что университет создавался для подготовки научных работников, и это налагало на нас дополнительную ответственность за наше отношение к учёбе. Нас предупредили, что учиться в НГУ будет сложнее, чем в самых сильных вузах – МГУ и ФизТехе. Шоковая терапия началась буквально с первых дней. Интеграл Кеплера, написанный Будкером мелом на доске, поверг нас в душевный трепет: ведь мы ещё и дифференцирование не проходили, а тут сразу какой-то непонятный крючок, таинственный смысл которого мы разгадать тогда были не в силах. Уже потом, на третьем курсе мы восприняли законы Кеплера достаточно легко.

Тогда же наши страхи подогревал декан – Борис Осипович Солоноуц. Он приходил по вечерам в общежитие и с хитрой ухмылкой изрекал: «Нам учёные с тройками не нужны». Мы же, запуганные головоломными лекциями и нерешаемыми задачками, только и мечтали о том, как бы получить эту нежелательную тройку и не вылететь из университета. Вернее, даже мы вообще не надеялись сдать первую сессию и в новогодний вечер на полном серьёзе прощались друг с другом.

Тем не менее, как оказалось, экзамены мы всё же сдали, хотя и не столь успешно, как в последующем. Оправившись от испугов первого семестра и убедившись, что «не боги горшки обжигают», мы отвечали на следующих экзаменах куда более успешно. Главное, мы поверили в себя, в возможность «грызть гранит науки» и даже получать удовольствие от взятия не берущихся, на первый взгляд, интегралов. Хорошо, что «Рыжика» тогда у нас ещё не было, и мы сами оттачивали мозги в поисках наипростейших подстановок. «Дифференцирование – это техника, а вот интегрирование – это искусство», – приговаривал ведущий у нас семинары по математическому анализу Евгений Иванович Биченков. Я помню, испытывал удовольствие, упражняясь в этом искусстве, и перерешивал дополнительно много задач.

Надо сказать, что математический анализ мы проходили основательно. И если даже на лекциях было что-то непонятно, то всегда нам помогал «толстый» Фихтенгольц. Можно сказать, трёхтомник был нашей настольной книгой. И даже по про-

шествии многих лет знания эти не выветрились, и я ещё помогал своим сыновьям-студентам решать задачки при их теперешнем обучении «галопом по Европам».

Совсем нестандартным был у нас курс общей физики. Поначалу его читал Будкер, прилетая по утрам из Москвы. Он стремился к тому, чтобы мы поскорее преодолели «кризис очевидности» и прониклись новым физическим мировоззрением, основанным на парадоксальных феноменах квантовой механики и теории относительности. К сожалению, Будкер постоянно опаздывал на лекции из-за задержек рейсов самолёта Москва – Новосибирск. Вскоре, однако, после неоднократных сбоев он передал обязанности лектора своему ученику – Борису Валериановичу Чирикову. Тогда всё сразу вошло в нормальное русло. Этот двухгодичный курс общей физики сыграл большую роль в становлении нашего физического мышления. Борис Валерианович научил разбираться в происходящих физических процессах, выделять главенствующие и из самых общих соображений оценивать их по порядку величины. Такой подход очень пригодился нам в дальнейшем во время самостоятельной научной работы.

Помимо Чирикова у нас были замечательные лекторы – А. В. Бицадзе, Д. В. Ширков, академики А. И. Мальцев, С. Л. Соболев, Р. З. Сагдеев. Теоретическую физику поначалу читал Юрий Иванович Кулаков. Термодинамику и статистическую физику вёл Юрий Борисович Румер. Он был совершенно неординарный лектор. Кажется, всё самое значительное в текущем столетии было сосредоточено в нём. Румер был студентом Петроградского и Московского университетов, потом стал профессором МГУ. Свидетель и участник становления физики XX в., он работал в Гёттингене – центре, как он говорил, «новой квантовой веры», и сам был творцом «пиршества фантазии и интеллекта». Юрий Борисович общался со многими знаменитостями – Эйнштейном, Гильбертом, Борном, Дираком, Паули, Гейзенбергом. Его ближайшим другом был Ландау. В 1938 г. вместе с Ландау Юрий Борисович был арестован. Сидел в тюрьме вместе с Туполевым и Королёвым. Был реабилитирован в 1954 г. Все годы лишения свободы работал специалистом на ряде авиационных заводов и не оставлял науки. Румер был для нас «последним из могикан». Мы с упоением внимали ему все академические часы. Он не только читал лекционный материал, но и передавал атмосферу создания новых теорий. На его лекции было настоящее паломничество, так как многие научные работники приходили послушать уважаемого мэтра.

Я был настолько очарован Румером, что мечтал каким-то образом поближе с ним пообщаться. И такой случай вскоре представился. Дело в том, что в университете начала выходить студенческая газета на английском языке «Monthly review». Я вошёл в состав её редколлегии и, «воспользовавшись своим служебным положением», договорился об интервью с ректором университета академиком Ильёй Несторовичем Векуа и с Юрием Борисовичем Румером. Румер помимо ответов на вопросы ещё много рассказывал о своей жизни. Так я впервые близко столкнулся с этим замечательным учёным и человеком. Потом сдавал ему экзамен, а впоследствии встречал его в Институте ядерной физики. В конце 1960-х гг. я был несколько раз у Юрия Борисовича дома, правда, уже совсем по другому поводу, но об этом в следующей главе.

Самым блестящим лектором в моей памяти остался Лев Васильевич Овсянников. Меня до сих пор поражает, как можно так гладко и безукоризненно точно подавать лекционный материал. Ни одной запинки, ни одного промедления. Всё ритмично, неторопливо, строго размеренно и аккуратно сформулировано. На экзаменах мы испытали на себе, как трудно формулировать теоремы – как бы не ошибиться, не пропустить нужное слово – и нередко пользовались шпаргалками. У Овсянникова же абсолютная лёгкость и грамотность в построении речи. Я всегда с восторгом слушал его лекции, проникаясь красотой математической логики.

Первый месяц учёбы 1959 г. наш курс был единственным. У нас был один факультет – естественный; всего обучалось около 190 человек. Университет ещё не был построен, и занятия проходили в здании единственной тогда школы на втором и третьем этаже. Однако вскоре в университете появился второй курс. Его набрали из различных вузов страны. Правда, поначалу второй курс ничем от нас не отличался; все основные лекции второкурсники слушали вместе с нами. Только через несколько лет произошло разделение, и этот «второй» курс выпустили на год раньше. Среди первых выпускников вышли такие замечательные учёные, как Владимир Захаров, Алик Галеев, Юрий Ершов.

Всем студентам, даже новосибирцам, предоставлялось общежитие. Жили мы в доме на углу Морского проспекта и теперешней улицы Терешковой на двух последних этажах. Благодаря этому экономилось время, которое полностью посвящалось учёбе. Мы фактически ни на что более не отвлекались – ни на спорт, ни на танцы, ни на художественную самодеятельность. Пожалуй, единственным развлечением был телевизор. Редкий и дорогой в ту пору он стоял в холле. Мы собирались там иногда, чтобы посмотреть какой-нибудь интересный фильм. Не помню, чтобы кто-то увлекался пивом или вином. Даже курящих было не много.

Во втором семестре у нас появились совершенно неакадемические занятия. Предполагалось, что всех парней летом пошлют подымать целину и потому нас обязали ходить на курсы трактористов. К весне мы и в самом деле стали трактористами, но на целину нас почему-то не послали.

Радостным событием для всех было окончание строительства учебного корпуса университета. Осенью 1962 г. мы приняли участие в завершающей доделке его корпусов. Мне досталась важная работа: вместе с сантехником и сварщиком мы во всём правом корпусе ставили раковины. Самым сложным было подтащить кислородные и ацетиленовые баллоны. Таскали мы их со сварщиком с этажа на этаж на своих плечах. До сих пор помню эту неимоверную тяжесть металла. Тащил, что было сил, стиснув зубы, а сварщик приговаривал: «Только не сброс, только не оступись». Зато теперь я горжусь тем, что все эти университетские раковины поставлены нашей бригадой, в том числе и моими руками.

И ещё у меня есть одна гордость – это работа на «Обь ГЭС». Когда я гляжу теперь на снимки тех лет, невольно на ум приходит сравнение с кадрами первых пятилеток. Мы были одеты в те же ватники, в руках – те же кайлы и работали с тем же энтузиазмом. Нам поручили тяжёлую физическую работу – выглаживать откосы. Они должны иметь вполне определённый угол, а добиться этого не так-то про-

сто. Но гордость моя не только за эти откосы, а ещё и за бетонную дорогу, которая начинается сразу за плотиной на левом берегу. Её доверили лить нам – студентам-физикам. Руководил у нас, как всегда, Юрий Ромащенко. И теперь, проезжая по бетонному полотну, я испытываю какое-то особое чувство радости, что сделано что-то значительное и сугубо материальное, что останется на века.

С третьего курса мы начали проходить практику в научных институтах СО АН. Я выбрал ИЯФ. Поначалу мы осваивали там всё, начиная от промывки вакуумных насосов, распайки кабелей и кончая выводами сложнейших формул. Диплом делали втроём с Геннадием Кичигиным и Сашей Мирзаяном на одной экспериментальной установке в лаборатории Степана Григорьевича Алиханова. Огромная по тем временам плазменная установка уже перестала интересовать руководство института как перспективная модель для решения проблемы управляемого термоядерного синтеза. Тем не менее, возможности устройства не были в полной мере использованы. Вот мы втроём под руководством завлабораторией и опытного инженера Александра Ануфриевича Подминогина должны были завершить начатый было эксперимент. Надо сказать, что задача эта была достаточно сложная. Мы пропадали там днями и ночами, особенно в последний декабрь перед защитой диплома. Из дейтериевой плазмы ускоряли положительные ионы и направляли их на тритиевую мишень. Возникавший при этой реакции импульсный нейтронный поток был по тем временам достаточно интенсивный. С этим материалом мы выступали и на научной студенческой конференции.

Защита диплома прошла успешно. Никогда не забуду того чувства опустошения, с которым я вышел из университета. Было затрачено столько душевных сил, что казалось, будто в жизни уже всё свершилось и больше ничего и быть не может. Однако на самом деле это было лишь первое серьёзное начало, первая научная работа, которая впоследствии была опубликована в солидном физическом журнале. Было приятно осознавать, что огромный труд всего института по созданию плазменной установки завершился результативно. В дальнейшем я проводил эксперименты на взрывной камере для получения плотной плазмы и мощных магнитных полей, занимался численным моделированием неустойчивостей в одномерной плазме. После первой статьи у меня вместе с соавторами появилось ещё 88 публикаций, в том числе 19 докладов на международных конференциях.

Музыка

Параллельно с общеобразовательной школой я в 1957 г. закончил ещё и музыкальную школу. На выпускном экзамене мне сказали, что у меня есть данные и надо продолжать обучение в музыкальном училище. В конце первого года занятий в нём произошёл случай, после которого я понял, что музыкант должен иметь два уха (я же с детства слышу только одним). В слезах я ушёл из училища, однако любовь к музыке не пропала.

В студенческие годы я покупал дешёвые тогда пластинки и иногда ходил слушать заезжих солистов в филармонию. Ну, а когда по радио звучал Концерт для фортепиано с оркестром Чайковского, душа у меня улетала куда-то к небесам. Тогда-то и зародилась мечта самому испытать это неземное счастье. Однако в уни-

верситетские годы думать об этом было нечего: мы всё время отдавали учёбе. И только после получения диплома я дал волю своему влечению. Конечно, Чайковский был мне не по силам, и я выбрал концерт Грига, первую часть. Однако в нём тоже были трудные места, с которыми я вечно мучился и которые у меня никак не получались на должном уровне. И всё же я методично продвигался в его освоении. Занимался обычно после 10 вечера во время последнего сеанса кино в Доме культуры «Академия». Там наверху есть комната, где стояло пианино. Иногда мне удавалось репетировать в Доме учёных на рояле.

Однажды в летнее воскресенье мою игру случайно записали кинематографисты. Так мой Григ попал в качестве звукового фона в фильм Сергея Герасимова «У озера» в эпизод, связанный с Академгородком.

Разучивая концерт, я лелеял тайную надежду, что когда-нибудь сыграю его с оркестром. И вот однажды, иду я мимо Дома культуры и слышу музыку Грига. Сердце моё затрепетало. Открываю дверь и замираю от неожиданности. Симфонический оркестр разучивает мой концерт. Дирижёр остановил репетицию и спрашивает: «Вы по какому поводу?». От волнения я не нашёлся, что сказать и только ответил: «По этому».

Так состоялась моя встреча с нашим самодеятельным симфоническим оркестром и дирижёром Евгением Ионисяном. В составе оркестра были люди науки, которые не могли жить без музыки. Каждый из них работал в каком-нибудь институте СО АН, а по вечерам приходил играть на своём инструменте. Репетиции проходили регулярно; все музицировали с большим увлечением. Вместе с ними я продолжил разучивать концерт Грига.

Благословила меня на открытую сцену известная пианистка, преподаватель Новосибирской консерватории Мэри Симховна Лебензон. Я специально приезжал к ней на прослушивание.

Никогда не забыть своего первого публичного выступления. Руки и ноги дрожали, сердце билось нещадно, в голове помутилось…

Через какое-то время оркестр пригласили выступить на телевидении. После небольшой разминки нам объявили: «Приготовьтесь». Мы сыграли концерт и, как выяснилось, он уже прозвучал в открытом эфире. Мы этого, конечно, не ожидали, а надеялись на запись, которую можно и повторить. Но, слава Богу, всё прошло удачно. Потом прослушали свою запись и остались довольны исполнением: и оркестр, и солист гармонично сливались в своём вдохновении.

Впоследствии мы ещё не раз выступали с концертом Грига, завоёвывали лауреатские звания на смотрах художественной самодеятельности.

А потом я встретился с коллективом оркестра русских народных инструментов. Руководил им Борис Андреевич Швецов – бывший сотрудник Института автоматики. Мне нравилось репетировать и выступать с этим дружным коллективом. Здесь всегда были улыбки, шутки, смех – какая-то домашняя тёплая атмосфера. Этому немало способствовал и сам Борис Андреевич – человек простой, непосредственный, совсем не с аристократичными манерами, положенными, как считается, по статусу дирижёру.

Е. П. Маточкин перед импровизированным концертом в Издательском доме «Агни» Самара. 18 апреля 2011. © Архив семьи Маточкиных (Новосибирск)

С «народниками» я играл «Фантазию на тему былин Рябинина» Аренского, вариации Варламова на тему песни Гурилёва «На заре ты её не буди», а также первую часть Второго концерта Мендельсона. Это произведение у нас в стране почему-то не исполняется, и нет его записей. Редкую партитуру привезла для нас пианистка Людмила Аркадьевна Москаленко. Борис Андреевич оркестровал партитуру для народных инструментов, и мы с удовольствием разучили концерт. Было особенно приятно, что музыку рождали мы сами без оглядки на какие-либо ориентиры.

Играли мы чаще всего Варламова – в различных клубах, домах отдыха, на праздниках; завоёвывали всяческие грамоты и призы. А Аренского мне однажды посчастливилось исполнить с профессиональным оркестром Ивана Матвеевича Гуляева. Репетиции проходили удачно и мне аплодировали музыканты, а вот выступление прошло совсем неблестяще и принесло одно разочарование: не хватило опыта преодолеть свой извечный страх сцены.

Вообще, мы в Академгородке всегда имели большие возможности приобщения к музыке. Для любого артиста всегда считалось престижным дать концерт в Сибири, ну а город науки на Оби всегда был своеобразным магнитом. У нас не раз играл Святослав Рихтер, Рудольф Керер, Виктория Постникова, Андрей Гаврилов, Виктор Третьяков, пели звёзды вокала Павел Лисициан, Зара Долуханова, Бэла Руденко, Елена Образцова и выступали многие другие знаменитые российские и зарубежные солисты. С премьерой своей 11-й симфонии приезжал Дмитрий Шостакович, пропевал свой Реквием на стихи Анны Ахматовой молодой Борис Тищенко, рассказывал о своём творчестве Альфред Шнитке. Жаль, что в те годы мало народу слушало музыку, а филармонические концерты были не столь популярны, как сейчас, когда в зале нет свободных мест.

Увлечённые же посещали и музыкальный салон. Поначалу он возник стихийно. Вела его Татьяна Ивановна Огладзе – замечательный знаток мировой музыкальной литературы. Ещё до завершения строительства Дома учёных мы регулярно собирались то в каком-то служебном помещении, то прямо на квартире у Татьяны Ивановны. Мы слушали произведения, которые ещё не были известны в нашей стране и поступали к нам в виде первоклассных зарубежных записей.

Наши слушания начинались с баховских Страстей или с добаховских месс, а заканчивались Кшиштофом Пендерецким, Карлом Орфом или свежими записями опер, например, «Кармен» с Леонтин Прайс в главной партии. Потом наши вечера переместились в Дом учёных. Там были и живые исполнения. Мы вместе с Татьяной Ивановной на двух роялях играли первую часть Второго концерта Рахманинова. Сделали даже запись на радио, но режиссёр вскоре трагически погиб и запись потерялась. После Татьяны Ивановны музыкальный салон вела Лариса Благовещенская.

Тогда в годы оттепели, после долгих лет идеологического диктата все музыкальные новинки воспринимались как откровение, как долгожданная возможность познакомиться с миром современного искусства. Интерес же к музыкальным шедеврам был столь велик, что мы гонялись за поступлениями в магазины или выписывали пластинки по почте. Так у меня появились первые записи Дебюсси,

Равеля, Бартока, Стравинского, Прокофьева. Однако моя коллекция была ничто в сравнении с собранием моего однокурсника Володи Лебедева. У него, кажется, было всё, а многие сочинения ещё и в различных исполнениях. Он стал настоящим эрудитом в мире музыки, хотя и не знал нот. Ну, а самая значительная карьера состоялась у доктора экономических наук Бориса Робинсона. Поначалу он играл на скрипке в нашем симфоническом оркестре, а потом стал профессором Новосибирской консерватории.

Ярким событием был приезд в Академгородок французской пианистки Веры Августовны Лотар-Шевченко. У неё была совершенно необычная судьба. В детстве она была вундеркиндом, окончила с золотой медалью Парижскую консерваторию, училась в Вене, объездила с концертами почти весь мир. Вторым мужем её стал русский человек. С ним она приехала в Россию, но здесь потеряла и его, и своего сына. Сама оказалась репрессированной, восемь лет отбыла в заключении, однако не захотела возвращаться на запад. Любовь к музыке и России всё пересилила. Она снова стала концертировать. Её экспрессивная манера игры резко отличалась от устоявшихся приглаженных исполнений. Она была высокой женщиной, совсем непохожей на хрупких француженок. Напротив, во всем её внешнем облике чувствовалась недюжинная сила, и дух её очень естественно проявлялся в музыке. В общении же она была по-детски добродушна.

Я ходил на все её концерты; сразу же познакомился с ней. Из дома, где она жила, всегда раздавались звуки пианино. Как-то она готовила к выступлению Третий концерт Бетховена и попросила меня поиграть на втором фортепиано партию оркестра. Она жаловалась на отсутствие взаимопонимания с Арнольдом Кацем и гордилась тем, что её любят и ценят в Ленинграде и часто приглашают туда.

Через всю мою жизнь прошла музыка Скрябина. Его гениальный талант мне кажется совершенно уникальным. Его этюды меня просто завораживают. Я готов играть их бесконечно, было бы время. Ещё к выпускному вечеру в 10-м классе школы я выучил его знаменитый 12-й этюд, опус 8. Удивительно, но это сложнейшее сочинение пришлось мне по рукам. Я играл его по всей стране от Владивостока до Ленинграда неоднократно. Этот этюд Скрябина стал частью моей жизни, частью моей души, которой я делюсь со своими слушателями.

Горы

Наверное, поиск в науке рождает страсть к исканиям нового и необычного в природе Земли. Благо, что в Сибири, за Уралом таких экзотических мест предостаточно. Не случайно летом сотни научных работников отправлялись куда-нибудь подальше, к дикой первозданной природе, к снежным горам. Ежегодно организовывались массовые сборы на Алтай, Тянь-Шань, Саяны, Памир, Камчатку. С туристами конкурировали альпинисты, гордившиеся своим списком покорённых вершин. Однако в основе альпинизма лежит всё то же желание оказаться совсем в другом измерении, преодолеть себя и достичь недосягаемого. А виды, открывающиеся с горных высот, бесконечно восхищают и являются наградой за все трудности и испытания.

Я попал в первый же поход, который был организован для студентов университета в зимние каникулы 1964 г. большим поклонником туризма Геннадием Со-

ботовичем. Это был лыжный маршрут по Салаиру. Я, ранее не любивший больших компаний, за один поход полностью преобразился. Мне так понравилось быть среди друзей, ходить и наслаждаться природой, жить одной семьёй, ценить дружбу и петь песни.

Песни… Они столько значили для нас тогда! После идеологического официоза мы окунались совсем в другой мир, где жили простые и понятные человеческие чувства, где воспевалась любовь и разлука, встречи и расставания, где поэт восторгался тишиной и звёздным крошевом, где герой шёл «за туманом и за запахом тайги». Где мы только ни пели: у костра, в палатках под дождём, в автобусах и затерянных в глухой сибирской тайге деревнях. Мы пели и для себя, и для окружающих, заражая их своей увлечённостью, а подчас и дерзкой смелостью. Сколько весёлых эмоций вызывала, например, юмористическая песня про кукурузу! Когда мы где-нибудь в автобусе начинали второй куплет, все пассажиры, скрывая смех, прятали свои лица: за такое можно было и «сыграть» кое-куда.

Не ходи ко мне Никита,
Не волнуй девичью кровь.
Кукурузой буду сыта
И забуду про любовь.

А сколько неизбывной грусти, щемящей тоски звучало в песнях: «Если я заболею», «И опять я ухожу наверх», «Ночи платье белое»… Протяжные мелодии сменялись бодрыми, почти маршеобразными: «Надоело говорить и спорить», «Люди идут по свету», «Я не знаю, где встретиться»… Пели песни Булата Окуджавы, Юрия Визбора, Новеллы Матвеевой и многих других авторов. То был целый духовный материк, всегда долгожданный, питающий своей чистотой и искренностью. Такого по радио и на концертах не услышишь – только здесь, в глуши. Пели все с необыкновенным воодушевлением, отдавая свои сердца полюбившимся словам и мелодиям.

А сколько радости давала красота природы! Такое не передать ни словами, ни фотографиями! С гор мы возвращались другими людьми, поверив в истинность дружбы и радость общения. Каждый поход приносил столько целительной силы! Кто хоть раз испытал это сполна, всегда будет мечтать о новых путях.

После Салаира на майские праздники мы отправились на Красноярские столбы; затем были зимняя Шория, Тянь-Шань, Памир, Саяны, альплагерь «Талгар». О каждом походе можно написать отдельную книгу, столько там было непредвиденных событий, необыкновенных жизненных обстоятельств и столько красоты. Тяньшанским переходом от Алма-Аты до Иссык-Куля руководил академик Юрий Николаевич Молин. Саянский поход под руководством Владимира Полякова был столь насыщен яркими событиями, что мой дневник попросту зачитали. Альплагерь помог освоить альпинистскую технику, что позволило совершать восхождения на вершины и преодолевать сложные перевалы. Я забирался на Белуху в год 100-летнего юбилея Ленина и ещё на семь алтайских вершин ранее неизвестными путями.

В горах быстро проясняется, кто есть кто. Жаль, когда из жизни уходят самые хорошие парни, классные альпинисты, такие как Олег Соболев и Володя Карлинер.

Они были моими друзьями и от меня «заразились» горами. Я подчас корю себя за свои восторженные рассказы о походах и вершинах. Но именно в горах они раскрылись как замечательные спортсмены и верные друзья. Они оставили по себе светлую память. Про таких говорят: «Носились по горам легко, как ветер». Жаль, что именно так распорядилась судьба.

Более всего я «заболел» Алтаем. Впервые я отправился туда с группой под руководством академика Дмитрия Георгиевича Кнорре. Это был большой и сложный маршрут, пройдя который мы вышли к людям, шатаясь от голода. Но мы увидели столько прекрасного! Нельзя забыть человеческую взаимопомощь и жертвенность наших девушек, отдававших нам часть и так урезанного пайка. Не забыть и по-детски чистого блеска голубых глаз Дмитрия Георгиевича, всегда так искренне чем-то восхищавшимся или что-то рассказывающего с неподдельным чувством.

Дмитрий Георгиевич всю жизнь ходил в походы, в воскресные дни – по окрестностям Академгородка, а летом куда-нибудь подальше и подольше. Даже своё семидесятилетие он отметил в горах, преодолев Южно-Чуйский хребет с только что пришитым ахиллесовым сухожилием.

Многие годы мне тоже приходилось быть руководителем, водить по опасным маршрутам, иногда ошибаясь, иногда по наитию выбирая верный путь. Испытания в горах научили добиваться поставленной цели, терпеть и вместе с другими стоически выносить все препятствия.

Вот уже более 30 лет я каждый год езжу на Алтай. Уже знаю, что если я летом или зимой не побываю на Алтае, я буду не человек. Там я подзаряжаюсь здоровьем, обретаю свободу и настоящих друзей, которым можно доверить свою жизнь. Я прошёл по горам Алтая уже не одну тысячу километров. И те дни, когда я потел с рюкзаком, шагая по его девственной земле, считаю самыми счастливыми в моей жизни.

Живопись

В школьные годы я хорошо рисовал, но никогда не помышлял об искусстве. Считалось, что мы – дети военного времени – должны стать либо солдатами, либо инженерами, может быть, работниками секретных военных лабораторий. Успехи физических наук в создании атомных и водородных бомб определили мой выбор профессии. Однако самым главным для меня было работать творчески, независимо от того, в науке или искусстве. Такую возможность искал всю жизнь; она и определила, в конце концов, мой жизненный путь.

Надо сказать, что наша юность пришлась на годы хрущёвской оттепели. То было замечательное время, когда перед нами раскрывался мир во всём своём многообразии. Мы впервые вдохнули воздух свободы, узнавали о корифеях науки и искусства, творивших на Родине и за границей.

У нас в университете английский язык вела Лариса Иосифовна Швайковская – большая любительница импрессионизма. Она приносила роскошные зарубежные альбомы, рассказывала о своих посещениях Эрмитажа. Огромное впечатление произвела только что вышедшая в 1962 г. книга Джона Ревалда «Постимпрессионизм». Открывался и мир древнерусской иконописи. Впервые услышали о русском авангар-

де – Кандинском, Малевиче, Филонове. Каждую субботу после занятий в университете, направляясь к родителям в Новосибирск, я заходил в букинистический магазин, что был на Красном проспекте. Там был отдел зарубежных изданий. Тогда на нашу скудную стипендию можно было купить альбом о Ренуаре или Ван Гоге. Книги, приобретённые в те годы по дешёвке, теперь составляют золотой фонд моей библиотеки.

Мы в то время очень сопереживали тяжёлым судьбам деятелей науки и искусства. И вот такой неприкаянный талант появился в середине 1960-х гг. и у нас в Академгородке. Это был художник Юрий Кононенко. Я познакомился с ним случайно как раз в то время, когда, попробовав писать картины маслом, понял, что этим надо заниматься серьёзно, а времени у меня на это нет. Я тут же с облегчением отдал ему свои холсты, кисти и краски. Было очень интересно наблюдать, как у настоящего художника рождается картина. Надо отдать должное, живопись его была удивительно красивая, богатая по тону и лирическому настроению. У Юры был добродушный, приветливый характер. Нашлось немало молодёжи, которая хотела хоть чем-то помочь ему, поговорить, поделиться своими художественными начинаниями. Постепенно вокруг него сплотилась группа увлечённых людей, любящих изобразительное искусство. Сама собой родилась идея проведения выставки художников-любителей Академгородка. Дело было за организационными формами. И они тоже сложились.

В то время был создан СТМ – Совет Творческой Молодёжи при Советском райкоме ВЛКСМ. Возглавлял СТМ Игорь Яковкин. Это был интеллигентный, деловитый человек, всегда тонко чувствующий рациональное зерно в любой инициативе. Он очень хорошо и солидно выглядел. Я как активный комсомолец стал председателем Клуба любителей живописи Академгородка. На СТМ собирались и книголюбы, и театралы, и кинолюбители, и самодеятельные художники. СТМ при содействии фирмы «Факел» помог нам со стеклом, багетом. Мы оформили работы и развесили их в Доме учёных.

Первая выставка самодеятельных художников Академгородка открылась 17 июня 1969 г. и имела большой успех. В экспозиции было представлено более 200 произведений живописи, графики, керамики, чеканки, резьбы по дереву и кости. В каталоге числилось только 39 авторов, но на самом деле их было больше, поскольку и перед самым вернисажем работы всё подносили и подносили. Мы все только удивлялись, какая у нас талантливая научная молодёжь. Как всегда, среди любителей рисовать лидировали представители точных наук – физики, математики. Считается, что это им нужно для душевного равновесия, для гармонии «физического» и «лирического». Это следующие авторы: А. А. Берс, В. Н. Бойков, Т. И. Воронова, А. Н. Карпунин, В. А. Лебедев, О. П. Соболев, В. А. Соколенко, И. А. Полетаев, В. И. Фомичёв, А. А. Хлыстов, М. М. Шапиро, А. Г. Шаршунов. Вслед за ними преобладали геологи, ценители красоты природы, в основном, пейзажисты. Это Ю. Г. Щербаков, Г. Б. Варварин, Д. Л. Решетников, В. А. Бобров, А. А. Тычинский, А. П. Перцева, А. Ю. Юнов. Далее по численности шли биологи: Н. Н. Дроздовская, С. В. Лузин, Ф. С. Валеева, Н. Н. Воронин, И. М. Базавлук. Из Новосибирского государственного университета принесли свои работы студент В. Б. Забалуев, аспирант В. П. Ша-

повалов, ассистент В. И. Латыпова. Различные организации Академгородка представляли: В. Л. Тихонов, Н. А. Савельева, В. А. Филатов, С. И. Цвигун, Ф. Б. Бородкин, В. В. Калинин, Н. В. Королёва, А. М. Мельников, Г. Л. Соколова, Е. Г. Бабат. Конечно, кумиром всех самодеятельных художников был Юра Кононенко.

На выставке экспонировалась и серия моих работ. После неудачи с живописью меня потянуло рисовать портреты карандашом. Это было необыкновенно интересно. Обычно в выходные дни, в течение часа я портретировал своих знакомых. Я рисовал еле заметной линией, слегка намечая контур, а основное внимание уделял глазам. Мои герои выглядели словно полутени, слегка проступающие из бумаги. «Вода в решете», – так выразилась Раиса Львовна Берг после позирования. Кстати, мой портрет Раисы Львовны, быть может, наиболее удачный, отклонили от экспозиции участвовавшие в жюри представители райкома КПСС. Раиса Львовна подписала тогда известное «Письмо 46-ти» от 19 февраля 1968 г. В нём учёные Сибири выражали тревогу по поводу проведения в Советском Союзе закрытых политических процессов и вынесения необоснованных приговоров по незаконным обвинениям. Участников письма обвинили в дискредитации советских юридических органов, политической незрелости и прочем. Впоследствии, в 1990 г. все подписавшиеся были реабилитированы. Тогда же эта идеологическая акция привела к ужесточению партийного контроля во всех сферах общественной жизни района, свёртыванию деятельности популярного клуба-кафе «Под интегралом», клуба «Гренада», одним словом, к закату «хрущёвской оттепели»...

Дольше всех я рисовал Юрия Борисовича Румера – в течение нескольких сеансов. У него было необыкновенно выразительное лицо с крупными чертами и большими чёрными глазами. Каждая морщина на его лице имела какой-то свой особый смысл. К счастью для меня Юрий Борисович согласился позировать, однако совершенно не мог сидеть спокойно и молчать. Правда, в том было особое удовольствие. Я заслушивался его удивительными рассказами о встречах с Эйнштейном, Маяковским, Эйзенштейном. Воспитанный на поэзии Омара Хайяма и Хафиза, он на седьмом десятке увлёкся Петёфи. Румер знал немало иностранных языков, но, чтобы читать Петёфи в подлиннике, решил овладеть венгерским. Помню, у него на письменном столе под небольшим стеклянным колпаком находился кусочек обшивки космического корабля «Восток». Этот сувенир подарил ему Королёв, с которым в годы репрессий они сидели в одной тюремной камере.

Всё это было чрезвычайно интересно. Жаль, что я ничего не записал в то время. Мой портрет ему понравился, и он сказал, что я не умею делать карьеру, мол, надо было сделать два портрета, один себе, другой ему. Портрет Румера экспонировался сначала в Академгородке, а потом на Областной выставке произведений самодеятельных художников в Новосибирской картинной галерее в 1970 г.

Рисовал я и Дмитрия Георгиевича Кнорре. А самый последний портрет Веры Августовны Лотар-Шевченко так и не успел докончить. Следующий сеанс всё откладывался. Потом я уехал на Алтай, а, вернувшись, уже не застал Веру Августовну в живых. Незавершённый рисунок остался у неё на квартире и, видимо, пропал. К тому же с того времени я перестал рисовать портреты.

Е. П. Маточкин выступает на II Рериховских Чтениях. Новосибирск. 1979
В президиуме сидят слева направо: П. Ф. Беликов, Л. В. Шапошникова, М. И. Качальская
© Архив семьи Маточкиных (Новосибирск)

Успех первой выставки окрылил нас, и мы решили, что следующим шагом будет персональная выставка Юры Кононенко. С выставкой случились непредвиденные сложности. Член Художественного совета картинной галереи Дома учёных Олег Фёдорович Васильев резко критиковал нас за некоторые ошибки каталога и за представленные работы. Открытие выставки оказалось под большим вопросом. Положение спас Николай Алексеевич Желтухин, предложив выставкому просмотреть каждую картину. Его поддержали председатель совета Константин Владимирович Боголепов и Мария Ивановна Качальская – директор НКГ. Таким составом жюри были отобраны картины для экспонирования. Итак, выставка состоялась. Она открылась 10 декабря 1969 г.

Не получило одобрения только огромное произведение, названное автором «20-е годы». Оно было написано на обоях в одной из квартир Академгородка. Затем обои с большим трудом были отделены от штукатурки. Помню, как мы старались это сделать с минимальными потерями. Однако дыр и прорывов было предостаточно. Потом Юра наклеил эти обои на фанерный каркас и прописал заново все утраты. Не принятое на выставку это значительное произведение Кононенко всё же оставалось в Доме учёных на втором этаже, где все могли с ним познакомиться.

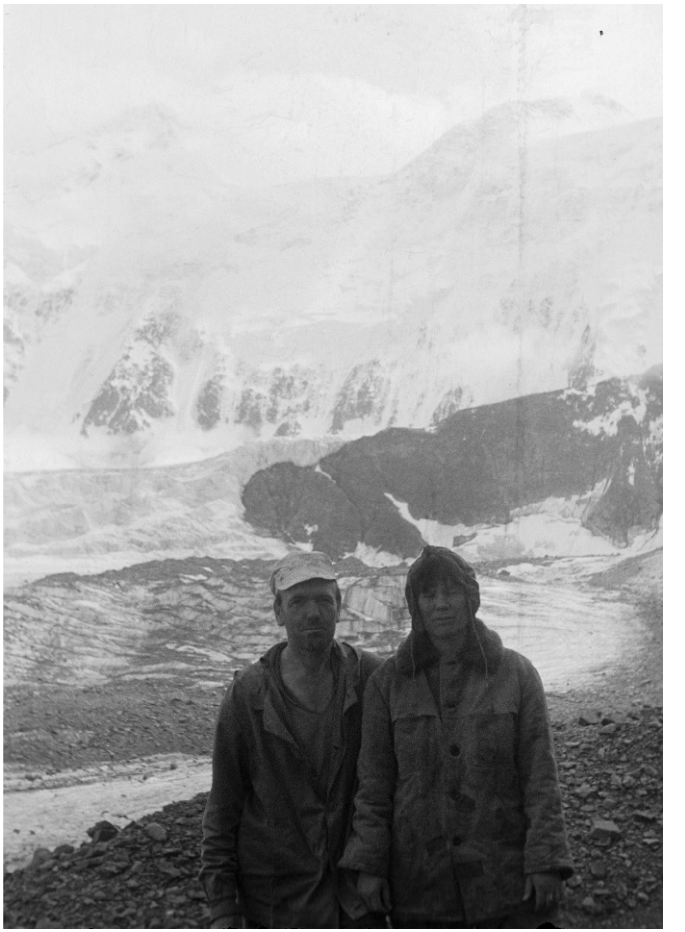
Впоследствии Юра Кононенко уехал из Академгородка и был принят в члены московского Союза художников. Мы же все продолжали интересоваться его творчеством.

К сожалению, помощь СТМ вскоре прекратилась в связи с закрытием фирмы «Факел».

В конце 1960-х гг. у нас в Академгородке была интенсивная выставочная деятельность. Нам показывали интересных художников, в том числе и раннего Михаила Шемякина, графику русского авангарда. Сенсацией стала первая в России выставка Павла Филонова. Планировалась выставка Марка Шагала. В начале 1970-х гг. прошло несколько выставок Николая и Святослава Рерихов, привлекших всеобщее внимание новосибирцев. Залы с их полотнами были всегда полны народу. Однако рецензий на выставки в газетах не было. Вот тогда я и решился написать в нашу газету «За науку в Сибири». Первая моя статья «Прометей» вышла тридцать лет назад, в 1973 г. Потом я осмелел и стал писать регулярно о творчестве самых разных художников: Константина Черных, Владимира и Игоря Сокола, Илзы Рудзите, Александра Чижевского, Бориса Смирнова-Русецкого, Ивана Титкова и многих других. Подписывался под разными псевдонимами, стесняясь быть узнанным.

В начале 1960-х гг. к нам в Академгородок с Алтая переселился художник Николай Васильевич Шагаев. Он работал оформителем в Сибакадемстрое, а в свободное время рисовал пейзажи города науки. Каждое лето он ездил на Алтай и привозил оттуда замечательные этюды. Мне, влюблённому в горы, они были особенно по душе. Так завязалась наша дружба, продолжавшаяся до последних дней его жизни. Мы жили рядом, и я частенько забегал к нему. Мне бесконечно нравился он как человек и как хранитель памяти о художественной жизни Алтая. Ученик первых алтайских живописцев – Чорос-Гуркина и Чевалкова – он часами мог рассказывать о своих учителях и о современных молодых живописцах Горного Алтая. Всё это меня очень увлекало, тем более что это были неизвестные страницы истории искусства Алтая, которые надо было ещё подробно изучать. К тому же мои отпускные поездки на Алтай каждый раз приносили что-то новое, особенно в области наскальных рисунков. Теперь я не просто ходил в горы как турист, а уже как исследователь искусства. Это было необычайно интересно – находить новые изображения тысячелетней давности, изучать современное творчество алтайских чабанов, детские рисунки и искусство художников, у которых живёт преклонение перед языческой мощью Алтая.

Интерес к Алтаю сблизил меня с замечательными людьми, которые через всю жизнь пронесли любовь к этому краю. Я благодарен судьбе, что много лет общался с народным художником Иваном Васильевичем Титковым, который ещё в довоенные годы со страстью исследователя путешествовал по Алтаю и изучал его искусство. С 1930-х гг. к богатому устному фольклору Алтая обратился Афанасий Лазаревич Коптелов. Он написал роман «Великое кочевье», был знаком со многими алтайскими художниками, поэтами, писателями, сказителями. То было время всеобщего увлечения народами Сибири. Было удивительно, что оба они прошли через все испытания времени и сохранили свои богатые архивы. Общаться с ними было



Е. П. Маточкин и Л. А. Андросова у Белухи на Алтае. 1977
© Архив Л. А. Андросовой (Санкт-Петербург)

необыкновенно интересно. Я довольно часто приезжал к Афанасию Лазаревичу в Издревую, где он постоянно жил и где с любовью ухаживал в саду за растениями, привезёнными с Алтая.

Алтай подарил мне столько открытий, что не писать о них было нельзя. Так, к своему 50-летию у меня сложилась большая исследовательская работа, которую я защитил в Москве в качестве кандидатской диссертации по искусствоведению. У меня началась вторая жизнь. Я стал единственным специалистом-искусствоведом на всю Республику Алтай. Работа в области культуры, на мой взгляд, не менее важна, чем в науке; именно она в большей мере противостоит напору негативных процессов в нашей стране.

2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. ... 5
Приветствия. ... 6
А. А. Бондаренко. ... 6
Н. В. Благово. ... 6
Маналжав Лувсанванданы. ... 7
В. В. Монастырский, Е. А. Тарасенко. ... 8
М. Д. Скачкова. ... 10
Т. К. Мкртычев. ... 10
Л. Н. Засорина. ... 11
Н. В. Сучкова. ... 13
Шагдарын Бира. ... 14
Организационный комитет конференции. ... 20
Программный комитет конференции. ... 21

I. РЕРИХИ И ИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Е. М. Щепановская. Образ огня в Живой Этике и мировой мифологии. ... 23
И. В. Кульганек. Афоризмы о буддизме в собраниях Института восточных рукописей РАН. ... 29
И. Ю. Александров. Ориген и Августин в Учении Живой Этики. ... 35
М. Н. Чеснокова. Предки Е. И. Рерих Голенищевы-Кутузовы: исследования и выставочные проекты. К двухсотлетию победы в Отечественной войне 1812-го года. ... 37
Л. В. Бузина. Предшественник Рерихов: Модест Петрович Мусоргский (1839—1881). ... 43
Д. А. Миронов. Парадоксы духовных исканий великих русских врачей второй половины XIX века. 54
В. И. Алексеева. Русский космизм. Принципы социального строительства Н. Ф. Фёдорова как методология практического действия. ... 56
Е. А. Боровская. Н. К. Рерих как руководитель Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств и его предшественники на этом посту. ... 68
А. А. Савкина. Куинджи и Рерих. Поэзия пейзажа. По материалам выставки Музея-института семьи Рерихов «Рерихи и Украина». ... 80
Е. А. Турбина. Тибет: мечты и реальность. Фотодневники экспедиций Александры Давид-Неэль и Николая Рериха. ... 86

II. К 180–ЛЕТИЮ ЕЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ БЛАВАТСКОЙ (12.08.1831—08.05.1891)

Д. Н. Попов. Теософские традиции в русской культуре. ... 93
И. И. Савосина. В поисках философского камня. ... 101
А. В. Владимиров. Русская Блаватская. ... 115
Сфинкс XIX века. ... 115
Патриот России. ... 123
Блаватская и Православие. ... 132

Махатмы Блаватской. 138

Е. В. Аливанцева. Усадьба Фадеевых в Екатеринославе в историческом и музеелогическом осмыслении. 141

В. К. Бернюкевич. Учение Е. П. Блаватской и буддизм: в поисках гностических оснований. 155

С. Т. Целух. Елена Блаватская и Уильям Джадж. 162

Ю. Ю. Будникова. Рерихи и теософское движение. К постановке вопроса. 174

Н. З. Скачкова. Доблестный и надёжный помощник Учителей. 183

А. П. Чернеевский. Теософия в современном информационном мире. 187

Д. Н. Попов. Манифест Российского Теософского общества. 188

III. О МИРЕ НЕВИДИМОМ
ПРОЗРЕНИЯ БЛАВАТСКОЙ И РЕРИХОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Ю. Ю. Будникова. Новые основы научного мировоззрения. Несколько предварительных замечаний по поводу семинара «О мире невидимом». 192

Ю. И. Долгин. Научные предвидения Е. П. Блаватской. 199

Ю. И. Долгин Символ Тайны. 204

Р. Г. Баранцев. Системная триада материи. 205

А. В. Левичев. Алгебро-геометрический переход от Специальной Теории Относительности к *DLF*-парадигме. 207

А. В. Левичев, Луи Тиери. Параллелизация в векторных расслоениях как математический коррелят «фокусировки» Тартанга Тулку. 216

1. Математические свойства *D*, *L* и *F*, обеспечивающие возможность их применения в физике микромира. 216
2. Из Введения книги Тартанга Тулку. 217
3. Книга Тартанга Тулку: Часть I (Пространство), глава 1 (Присутствие пространства – открытость и твёрдые поверхности). 218
4. Несколько заключительных замечаний. 220

А. В. Ненашев. Квантовая механика как путь за пределы физического мира. 222

М. Р. Комисаров. Прямое информационное восприятие как новый уровень человеческого сознания. 224

К. Г. Коротков. Загадки живого свечения. 225

А. П. Чернеевский. Критерии истинности при трактовке религиозных текстов в различных уровнях коммуникации. 230

IV. К 100-ЛЕТИЮ ПАВЛА ФЁДОРОВИЧА БЕЛИКОВА
(29.07.1911—15.05.1982)

А. П. Беликова. Мой свёкор Павел Фёдорович Беликов. 233

Е. П. Маточкин. «Зажигающий миры-звёзды…». 243

А. Н. Анненко. П. Ф. Беликов. Утро рериховедения. 247

В. Л. Мельников. О книгах памяти П. Ф. Беликова. 250

Г. К. Беликова. Спасибо за память о дедушке. 256

И. В. Сахаров. Вокруг Ю. Н. Рериха. Несколько слов о П. Ф. Беликове и других. 259

А. Н. Андреев. Вспоминая учителя. 263

Ю. А. Горбачёв. Духовный облик Павла Фёдоровича Беликова, набросанный штрихами. 265

В. Л. Мельников. «Ленинградское решение». Сёстры Митусовы и семья Беликовых. 274
1. Л. С. Митусова – П. Ф. Беликову. 12 марта 1976 г. 279
2. П. Ф. Беликов – Л. С. и Т. С. Митусовым. 22 сентября 1975 г. 282
3. П. Ф. Беликов – Л. С. Митусовой. 20 января 1974 г. 283
4. П. Ф. Беликов – Э. Я. Бложису. 1 сентября 1968 г. 294

V. К 100-ЛЕТИЮ НАТАЛИИ ДМИТРИЕВНЫ СПИРИНОЙ (04.05.1911—10.12.2004)

Ю. В. Цыганкова. Любовь – самый мощный магнит. 305

О. Н. Бачурин, И. А. Бачурина. Живой огонь сотрудничества. 315

Н. В. Жукова. «Что может мысли пути преградить?..». 322

Л. И. Осинцева. Вспоминая о Наталии Дмитриевне… 326

Е. П. Маточкин. Окладников, Беликов, Спирина – основатели сибирского рериховедения (К 100-летнему юбилею). 337

А. Н. Анненко. Харбинское Содружество (штрихи к портрету явления). 340
3. Н. Чунихина – А. Н. Анненко. 22 декабря 1977 г. 343

В. Л. Мельников. Б. Н. Абрамов и Н. Д. Спирина по материалам архива Л. С. Митусовой. 346
1. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. [Москва]. 5 июня 1960 г. 346
2. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. [Новосибирск]. 12 июля 1960 г. 348
3. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 17 октября 1960 г. 348
4. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 19 декабря 1960 г. 351
5. Б. Н. Абрамов – Л. С. Митусовой. Венёв. 26 декабря 1961 г. 353
6. В. Т. Черноволенко – Л. С. и Т. С. Митусовым и Н. А. Квятковской. Москва. 11 декабря 1960 г. 355
7. Б. Н. Абрамов. [30 августа 1972 г.] 357
8. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. [Новосибирск.] 27 октября [1974 г.] 358
9. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. [Декабрь] 1974 г. 358
10. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. 8 января [1975 г.] 359
11. З. Г. Фосдик – Л. С. и Т. С. Митусовым. Нью-Йорк. 17 декабря 1974 г. 360
12. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. [Осень 1975 г.] 361
13. Н. Д. Спирина – Л. С. и Т. С. Митусовым. Новосибирск. 3 ноября 1975 г. 362
14. Н. Д. Спирина. Запись в книге отзывов на выставке «Н. К. Рерих. К 100-летию со дня рождения. С. Н. Рерих». Новосибирск. Академгородок. Выставочный зал Дома учёных. 15 августа 1973 г. 364
15. З. Н. Чунихина. Запись в книге отзывов на выставке «Н. К. Рерих. К 100-летию со дня рождения. С. Н. Рерих». Новосибирск. Академгородок. Выставочный зал Дома учёных. 25 июля 1973 г. 364
16. З. Г. Фосдик – Л. С. и Т. С. Митусовым. Нью-Йорк. 16 ноября 1977 г. 364

17. Н. Д. Спирина и Правление Сибирского Рериховского общества – Л. С. Митусовой. Новосибирск. Первая половина августа 1995 г. 367
18. В. Л. Мельников – Н. Д. Спириной. Санкт-Петербург. 18 августа 1995 г. 368
19. Н. Д. Спирина – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 3 сентября 1995 г. 369
20. Л. С. Митусова. Сон. Санкт-Петербург. Осень 1995 г. 371
21. Н. Д. Спирина – В. Л. Мельникову. Новосибирск. 18 апреля 1996 г. 372
22. Л. С. Митусова – С. М. Дубровину. Санкт-Петербург. 14 октября 1996 г. 373
23. Н. Д. Спирина – В. Л. Мельникову. Новосибирск. 23 октября 1996 г. 374
24. Н. Д. Спирина – Л. С. Митусовой. Новосибирск. 10 октября 1998 г. 375
25. В. Л. Мельников – Н. Д. Спириной. Санкт-Петербург. 21 октября 1998 г. 375
26. Н. Д. Спирина – Л. С. Митусовой. Новосибирск. Апрель 2000 г. 377
27. Н. Д. Спирина и другие – Л. С. Митусовой. Новосибирск. Май 2000 г. 379

А. А. Бондаренко. Воспоминания о весне 2002 года и встрече с Н. Д. Спириной. 388

VI. РЕРИХИ, ИХ СОВРЕМЕННИКИ, СОТРУДНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

В. Л. Оссовская. Николай Рерих и город Святого Николы. 393

В. Л. Мельников. Рерих и деятели русского футуризма: Бурлюк, Хлебников, Маяковский. 401

Т. Й. Яламов. Болгарская интеллигенция и русский Серебряный век. 424

А. В. Нестерова. Дружба Аксели Галлен-Каллела и Н. К. Рериха (по материалам архива Музея Галлен-Каллела). 429

В. В. Вихров, Е. Н. Вихрова. К вопросу о месте проживания семьи Рерихов на острове Тулола в Карелии. 440

В. Д. Курганская. Феноменология символа в философии всеединства П. А. Флоренского. 456

Л. П. Рудакова. Современники Н. К. Рериха в исследовании военной старины. Военный археолог полковник Николай Михайлович Печёнкин. 465

В. Л. Мельников. Рыжовы, Митусовы, Малевские-Малевичи, Рерихи: к вопросу о родственных связях. 477

М. С. Костюхина. По ком звонит колокол в карточной игре. 483

Ю. Н. Куликова. Творческий союз художников и композиторов (по материалам цикла «Митусовские вечера»). 493

А. К. Мазаева-Каненга. М. А. Бихтер и С. С. Митусов. 495

Е. В. Асалханова. Роль Н. К. Рериха и бурятских художников Г.-Ч. Цэбэгийна и О. Б. Будаева в создании храмовой декорации дацана Гунзэчойнэй в Петербурге. 511

Ю. И. Елихина. Коллекция буддийской скульптуры А. К. Фаберже в собрании Эрмитажа. 522

Ю. И. Дробышев. Природа и люди Центральной Азии (по материалам экспедиций Н. К. Рериха). ... 523

В. А. Шуршина. Мастер-Билдинг в Нью-Йорке (к вопросу создания и существования). 535

В. Л. Мельников, П. Н. Шумкова. Вспоминая Иннокентия Ивановича Ельцова. 547
Приложение. **И. И. Ельцов.** Письмо Н. И. Поповичу. Краснодар. 29 ноября 1961 г. 559

П. И. Крылов. Неизвестный православный священник в гостях у Рерихов в Кулу в 1942 году. 554

Ю. Ю. Будникова. Итальянские сотрудники Рерихов: Энрико Джерардо Карпани. 556
Приложение I. Выдержки из Положения Международного Рериховского университета. . 563

Приложение II. Из переписки Энрико Карпани с Дидлеем и Зинаидой Фосдиками 1947–1949 гг. 565

Ю. Ю. Будникова. Роберто Ассаджиоли и Учение Живой Этики. 574

Приложение. **Роберто Ассаджиоли.** Письмо Николаю Рериху. 9 мая 1937 г. 581

Маналжав Лувсанванданы. Ю. Н. Рерих выступил на первом Международном конгрессе монголоведов на монгольском языке. 584

Т. Н. Бойкова. «…Нет, ***крылья*** её остались» (Воспоминания о Людмиле Степановне Митусовой). . 586

Н. В. Ивахненко. Незабываемые встречи. 593

Е. А. Левинтова. Оказия моей жизни. 599

А. Б. Селищев. Породнившиеся с Мудростью. 601

В. Л. Мельников. Евгений Палладиевич Маточкин. Человек. Учёный. Продолжатель дела Рерихов. 603

Е. П. Маточкин. Время оттепели и весны. 613

Иллюстрированное научно-художественное издание
«Рериховское наследие»
Труды конференции
Том XI

Цитаты из «Учения Живой Этики» (Агни-Йоги) даны по тексту, размещённому на сайте Общества Агни-Йоги (Нью-Йорк) в сети Интернет: http://agniyoga.org/ay_ru/ay_ru_downloads.html.

В оформлении издания использованы концовки из журнала «Искусство и художественная промышленность» (1898–1899 гг.).

Художник Т. А. Обатнина

Подписано в печать 26.10.2013 г. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 64. Тираж 500 экз. Заказ 1030.

Отпечатано в типографии
«К-8», Санкт-Петербург
Измайловский пр., д. 18-д

ISBN 978-5-905585-06-7

